9
К893

Сфера Евразии

С.Л. Кузьмин

История барона Унгерна: опыт реконструкции

SCIENTIFIC PRESS Ltd.

Герб рода Унгерн-Штернбергов.

Цветная реконструкция (по сведениям из документов, мемуаров и музеев) с фотографии Р.Ф. Унгерна.

Сфера Евразии

С.Л. Кузьмин

ИСТОРИЯ БАРОНА УНГЕРНА:

опыт реконструкции

Редакторы: *О. Батсайхан, А.Р. Ефименко*

Товарищество научных изданий КМК
Москва ❖ 2011

Серия **«СФЕРА ЕВРАЗИИ»**

Редакторы серии: С.Л. Кузьмин, К.Г. Михайлов

С.Л. Кузьмин. История барона Унгерна: опыт реконструкции. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. — 659 с., илл. + 36 с. вкл. + 34 с. цв. вкл.

На основе анализа материалов архивов, музеев, литературы и специальных исследований проведена реконструкция истории жизни и деятельности барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга (1885–1921) — белого генерала, одного из самых ярких участников гражданской войне в Забайкалье, Маньчжурии и Монголии, ставшего ключевой фигурой в восстановлении независимости Монгольского государства. В этом контексте обсуждаются установление автономии Внешней Монголии, детство и юность Унгерна, его участие в Русско-японской и Первой мировой войнах, формирование Азиатской конной дивизии, панмонгольское движение, освобождение Внешней Монголии от китайской оккупации, положение Внешней Монголии после восстановления автономии, поход Азиатский конной дивизии в Сибирь, революция и гражданская война в Монголии, следствие, суд и расстрел Унгерна, деятельность различных белых отрядов в Монголии, жизнь и деятельность последнего великого хана Монголии — Богдо-гэгэна VIII, а также легенды, связанные с Унгерном, его личные качества, религиозные и общественно-политические взгляды, отношения с Японией и геополитические итоги его деятельности. Прилагаются до сих пор не публиковавшиеся документы и мемуары.

Книга предназначена для историков, политологов, этнографов, востоковедов, студентов вузов и всех, кто интересуется историей России и Монголии.

S.L. Kuzmin. The History of Baron Ungern. An Experience of Reconstruction. — Moscow: KMK Scientific Press. 2011. — 659 p. + 36 p. ill. + 34 p. in color.

Baron R.F. von Ungern-Sternberg (1885–1921) is almost a legendary figure. He was General of the Russian White Army fought against the Reds in Civil War after the October Revolution of 1917 in Russia. He participated in the Civil War in Russian Siberia, Manchuria and Mongolia. Baron Ungern, traditionalist and one of first eurasianists, became the key figure in finding the independence of modern Mongolia.

This book is a full reconstruction of life and activities of Baron Ungern, based on all available materials, including those from Russian, Mongolian, Estonian, American, Japanese and other archives. These data, based in a large part of formerly unknown materials, are discussed in general context of events in Mongolia and Siberia of that time. Some legends related to Baron Ungern are also discussed. The book includes biography of the last Great Khan of Mongolia, whose power was restored by Ungern. Unpublished documents and memoirs added. The book may be interesting for historians, political scientists, ethnographers, orientalists and all interested in the history of Russia and Mongolia. English contents included.

Редакторы: *О. Батсайхан, А.Р. Ефименко*

ISBN 978-5-87317-692-2

© С.Л. Кузьмин, текст, подготовка иллюстраций, 2011
© Т-во научных изданий КМК, издание, 2011

Предисловие

Барон Роман Федорович (Николай-Роберт-Максимилиан) фон Унгерн-Штернберг[1] — одна из самых загадочных фигур истории. Уже при жизни о нем сложилось много легенд и идеологических штампов. Его жизнь и деятельность затрагиваются во множестве публикаций (на 2010 г. свыше 700), несмотря на недостаток фактов. Открытие архивов в бывшем СССР и Монголии в 1990-х гг. позволяет во многом переосмыслить то, что писали раньше.

По-видимому, к настоящему времени известны все или почти все сохранившиеся источники первого и второго порядков — то есть документальные свидетельства, мемуары очевидцев и то, что записано со слов последних. Наверное, уже не осталось очевидцев унгерновской эпопеи, но их потомки еще помнят рассказы родителей. Ход времени искажает и стирает эти воспоминания. Старики в Монголии, передавая рассказы о боях 1921 г., сетуют на то, что с их уходом события прошлого сотрутся в памяти потомков.

Сохранившиеся письменные документы весьма неполны. Наиболее ценные документы первого порядка — прежде всего, протоколы допросов, письма, послужные списки, приказы Унгерна.[2] Эти материалы дают ясное представление о планах и идеологии барона. Именно поэтому его письма были частично опубликованы и прокомментированы уже в 1921 г., переведены на английский язык,[3] а выдержки из допросов широко освещались в новостях и литературе о гражданской войне.[4] Некоторые документы Унгерна попали в архивы позже. Например, это два рукописных письма барона атаману Г.М. Семенову.[5] Они поступили от какого-то частного лица в Русский заграничный исторический архив в Праге, вместе с этим архивом — в ГАРФ, оттуда — в РГВА.[6]

Сохранившиеся в архивах протоколы допросов барона красными — это копии. Само судебное дело, по-видимому, утеряно. Однако еще Г.Е. Рейхберг, возможно, читал необработанные записи допросов — по крайней мере, допроса 1 сентября 1921 г.[7] Материалы процесса известны только из газетных публикаций, наиболее полная из которых — в газете «Советская Сибирь».[8] По-видимому, утеряно и большинство фотографий, сделанных после пленения Унгерна красными.

Важным первичным источником являются и другие материалы тех лет — архив Азиатской конной дивизии, приказы, разведсводки, донесения, аналитические обзоры, результаты опросов тех, кто общался с Унгерном, служебная переписка и т.д. Они частично опубликованы.[9]

Архив штаба Азиатской дивизии попал в руки красных после занятия ими столицы Монголии в 1921 г.[10] Впоследствии он был передан в ГАРФ, оттуда — в РГВА. Надо отметить, что в 1976 г. в РГВА и АВПРФ из фонда штаба Азиатской дивизии была выделена к уничтожению переписка по личному составу, административно-хозяйственным и финансовым вопросам (по-видимому, дубликаты документов).

После расстрела Унгерна красными, собранные ими материалы, возможно, хранились в наркомате иностранных дел РСФСР (сейчас в АВПРФ) и Комиссии по изучению истории партии г. Иркутска. По крайней мере, оттуда в 1925 г. поступили фотографии в Центральный музей революции СССР (сейчас ГМСИР). Далее материалы из этой комиссии, вероятно, были частично утрачены, а частично распределены по разным хранилищам. С некоторых документов были сняты копии для других архивов. Ранее опубликованы списки архивов России, где имеются документы по Унгерну и где их нет, хотя могли бы быть.[11] Эти перечни включены в список архивов (см. раздел «Источники»). В неописанных архивных фондах возможны новые находки.

Очевидно, много уникальных материалов было уничтожено сознательно. По приказу ПУРа после убийства С.М. Кирова и до 1939 г. в музеях СССР уничтожались экспонаты и материалы по «врагам».[12] Аналогичная работа проводилась в Монголии.[13]

В настоящее время наиболее полные материалы по Унгерну и его дивизии сохранились в архивах России и США (Hoover). В РГВА — наиболее полные материалы; есть также захваченные красными документы белых[14] отрядов Н.Н. Казагранди, А.П. Кайгородова и А.И. Шубина, а также сведения от пленных и убитых. В АВПРФ есть оригиналы переписки и ряд других документов. В ГАРФ есть копии материалов РГВА и АВПРФ, а также ряд уникальных материалов по гражданской войне. В Eesti Ajaloarchiv, РГВИА и РГАВМФ есть дореволюционные материалы. В YTA и MCA в Монголии (Улан-Батор) есть ряд документов автономного монгольского правительства, много фотографий (в основном, неустановленных монахов и феодалов), материалы Монгольской народной партии (МНП, с 1925 г. Монгольская народно-революционная партия — МНРП) и временного народного правительства. В БХТА есть оригиналы и копии рапортов и приказов монголов, состоявших в войске Унгерна, монгольские переводы нескольких приказов барона (рукописные и печатные, подписей Унгерна нет). В НТА есть воспоминания участников революции 1921 г. Они были опубликованы в 1950—60-х гг. Однако те публикации были сильно отредактированы (многое выброшено), сличение

с оригиналами пока не проводилось.[15] Среди этих купюр — сведения про «монетных солдат», т.е. наемников. В центральной Публичной библиотеке Улан-Батора есть около 40 тыс. старописьменных монгольских публикаций. По Унгерну там найти ничего не удалось. По другим деятелям дореволюционной Монголии материалы весьма фрагментарны.

Хотя сохранившиеся архивные источники содержат меньше всего искажений, и в них есть неточности. Самый яркий пример — мнимое письмо Унгерна к В.И. Анучину и его «ответ» барону.[16] Анучин специально написал эти две бумаги для подъема своего политического престижа и передал их в Томскую ЧК.[17] Копии этих бумаг были переданы Ф.Э. Дзержинскому и членам ЦК для ознакомления, а на суде над бароном они служили одной из улик, хотя сам Унгерн отрицал свое авторство. Их подлинность не вызывала сомнений до начала XXI в.

Но даже допросам Унгерна нельзя доверять слепо. В протоколах двух допросов есть искажения[18]. Это не стенограммы, а отредактированное изложение ответов. Большевики могли кое-что неверно понять, отдельные ответы интерпретировали выгодным для себя образом, а некоторые сведения, важные для пропаганды, вставили позже.[19] Кроме того, в этих записях большевики использовали свой понятийный аппарат, чуждый Унгерну (например, «внимание широких масс желтой расы и кочевников»).

Автор одних мемуаров писал, будто на допросах барон заискивал перед красными, просил сохранить ему жизнь, предлагая свои услуги как проводника через пустыню Гоби.[20] Материалы самого допроса[21] говорят не только об обратном, но и о том, что данного автора не было в числе допрашивавших.

Читая донесения тех лет,[22] трудно избавиться от впечатления, что сами агенты Коминтерна заранее получали установки, как надо представлять информацию в центр. Иначе нельзя объяснить, почему в сводках постоянно писали о том, что белых в Монголии поддерживает Япония, но фактов не приводили. Аргументы примерно́ такие: белые хорошо вооружены и побеждают китайцев — значит, им помогает Япония; благодаря Унгерну восстановлена автономия — значит, по заданию японского империализма и т.п. Эти компоненты пропаганды присутствуют постоянно, но выглядят странно в шифровках, на основе которых руководство РСФСР должно было делать объективные выводы. По-видимому, задачей было обоснование установок «сверху». Хорошая иллюстрация — ряд донесений и публикаций уполномоченного наркомата иностранных дел (НКИД) РСФСР по Сибири и Монголии, члена реввоенсовета 5-й армии Б.З. Шумяцкого.[23] Активное участие Шумяцкого в информационном обеспечении разгрома Унгерна было широко известно.[24]

В ряде архивных документов содержатся и другие ошибки: в именах отдельных лиц, численности отрядов, перевод ряда текстов с монгольского искажен и т.д.[25] Многие ошибки и искажения можно выявить путем сравнений

с другими материалами и с оригиналами, но многое так и остается неустановленным.

В архивах есть большие пропуски — прежде всего, по службе Унгерна до гражданской войны. Некоторые материалы тех лет, очевидно, утрачены безвозвратно. Согласно дореволюционным положениям о письмоводстве, полковые дела периодически уничтожались в установленном порядке. Так были уничтожены дела по 1-му Амурскому полку за 1910–1911 гг., когда там служил Унгерн.[26]

Интересные данные имеются в японском (АРСС), американском (Hoover) и тайваньском (IMHAS) архивах. Материалы из АРСС в переводе на русский опубликованы.[27] Материалы из Hoover и российских архивов значительной частью вошли в недавние сборники.[28]

Важный источник — газетные публикации тех лет в красной, белой, китайской и маньчжурской прессе. Наиболее свежие и полные новости о действиях Азиатской дивизии, естественно, появлялись в газетах, издаваемых недалеко от Монголии — в Маньчжурии (в первую очередь, в Харбине), Забайкалье и Приморье. Среди них наиболее полные — в читинской газете «Боец и Пахарь» за 1920–1921 гг. Подробно освещали события и другие местные газеты — верхнеудинские «Красное Прибайкалье» и «Прибайкалье», читинские «Дальневосточный телеграф» и «Дальневосточная правда». Менее подробные, но регулярные публикации в центральных газетах — «Правде» и «Известиях» — показывают то значение, которое советское руководство придавало войне с Унгерном. Все эти материалы, однако, почти всегда имеют пропагандистский оттенок, содержат зачастую непроверенные цифры. В белой прессе наиболее подробные репортажи о действиях Унгерна публиковали харбинские газеты: правые «Русский голос», «Свет» и либеральная «Новости жизни». Но к их сведениям надо подходить критически: значительная часть взята из китайских, маньчжурских и японских источников. Неточности особенно характерны для японского агентства «Япта».

«Новости жизни» публиковали антиунгерновские статьи Б.Н. Волкова и О. Ол-ича, «Вперед» — свидетельство некоего И. Пфефера, побывавшего на гауптвахте в Даурии.[29] Просоветские газеты: харбинская «Россия» и «Шанхайская жизнь» летом 1921 г. печатали серии обличительных свидетельств о действиях унгерновцев в монгольской столице (большинство подписано «Гр. Семешко»). Хотя не исключено, что сведения в эти газеты попадали от Волкова, в них еще больше неточностей. «Русский голос» иногда выдавал желаемое за действительное (объединение Внутренней и Внешней Монголии, сдача Унгерну целой дивизии красных, его победы в Сибири и т.п.). Владивостокская газета «Набат» опубликовала интересные свидетельства унгерновца. Полезные сведения есть в монгольских газетах 1920-х гг.: «Уриа», «Монголын Унэн» и др.[30]

Мемуары участников событий содержат детальную информацию. По-видимому, самые ранние из них — дневниковые записки Л.Н. Пунина об участии Унгерна в партизанском отряде Особой важности в Первую мировую войну.[31] Важные сведения привел также П.Н. Врангель, под началом которого некоторое время служил Унгерн[32]. Но писал он по памяти, отсюда ряд неточностей.

Гораздо больше воспоминаний оставили участники и очевидцы гражданской войны. А.С. Макеев[33] — адъютант Унгерна, и Н.Н. Князев[34] — член комендантской команды (контрразведки) барона, несомненно, были хорошо осведомлены о положении дел в Азиатской дивизии. Служебное положение заставляло их (в особенности Макеева) уделять много внимания самооправданию. В то же время, описание боевых действий у Князева, который был их очевидцем, дано весьма точно. Неточности в рассказах многих участников заговора, попавшие в ряд мемуаров, тоже служат самооправданию: ведь заговор стал причиной гибели барона. Но здесь самооправдание, как правило, построено на дискредитации Унгерна и списании на него всех эксцессов.

Мемуары Д.П. Першина написаны, по возможности, объективно. Недавно мне удалось обнаружить его рукопись, написанную в Монголии незадолго до взятия столицы Унгерном. В ней есть весьма точные оценки и прогнозы развития событий.

Мемуары Ф.А. Оссендовского,[35] напротив, отличаются склонностью к мистике и сенсационности. На критику он как-то ответил: «Это не научные работы, а только романтические рассказы о путешествиях по Центральной Азии для широкой публики».[36] Но, как показал наш анализ, включавший изучение ранее не опубликованного дневника Оссендовского[37], унгерновская эпопея и события в Западной Монголии описаны им реалистично.

В записках атамана Г.М. Семенова и его сторонников деятельность Унгерна характеризуется с положительной стороны.[38] Но, к сожалению, мемуары самого атамана не являются абсолютно достоверным источником. Очевидно, большинство фактов изложено им правильно, но обобщения служат главной цели — представить атамана как лидера белой эмиграции на Дальнем Востоке. Ряд интересных фактов содержится в записках Л.В. Вериго, одного из приближенных Семенова.[39]

Отдельные «лирические отступления» в некоторых мемуарах находят параллели в других книгах. Вот пример. «Барханы следовали за барханами... В промежутках между их волнами сияли короткие охряные горизонты. Слышалось поскрипывание вьюков и учащенное дыхание верблюдов. Мерно раскачиваясь на ходу, то поднимаясь на бархан, то вновь погружаясь в овраги, проплывал отряд версту за верстой, и к вечеру тени, падающие от верблюдов, принимали гигантские размеры».[40] Примерно так же сказано в романе В.В. Набокова «Дар» (1938 г.): «Далее шли тихие гобийские пески, проходил

бархан за барханом, как волны, открывая короткие охряные горизонты, и только слышалось среди бархатного воздуха тяжелое, учащенное дыхание верблюдов да шорох их широких лап. То поднимаясь на гребень барханов, то погружаясь, шел караван, и к вечеру тень его принимала огромные размеры».[41] По мнению Л.А. Юзефовича, Князев мог списать это у Набокова, или оба — у кого-то третьего. Этот третий — очевидно, П.К. Козлов: «Целыми днями идешь среди бесконечного песчаного моря: бархан за барханом, словно гигантские волны, встают перед глазами усталого путника, открывая короткие, желтые горизонты <...> слышится только тяжелое, учащенное дыхание верблюдов да шорох их широких лап. Красивой гигантской змеей извивается по пескам верблюжий караван, то поднимаясь на гребни барханов, то погружаясь между их капризных скатов.»[42] Любопытно, что Князев, сам обладавший литературным талантом, чужими словами выразил собственные впечатления о переходе через Гоби...

Интересные данные есть в архиве Унгерн-Штернбергов в Эстонии (Eesti Ajalooarchiv). Это документы об учебе Унгерна в гимназии и о его родителях. Кроме того, там находится материалы для биографии Р.Ф. Унгерна, которую готовил его кузен Арвид, а также переписка последнего с Эрнстом фон Унгерн-Штернбергом (р. 1877) — мужем Ю. фон Гойнинген-Гюне (1887–1918), сводной сестры Р.Ф. Унгерна, хозяином фабрики в Лохья, Финляндия.[43] Они знали монгольскую эпопею лишь понаслышке, отсюда неточности в описании. С Унгерном неоднократно встречался также граф Герман фон Кайзерлинг. В своих воспоминаниях он приводит отдельные факты из жизни Унгерна и обсуждает его психологию в философском и историческом аспектах.[44]

Важные сведения есть в мемуарах выдающегося царского дипломата И.Я. Коростовца[45]. Он не встречался с Унгерном, но имел связи в русской миссии в Пекине и хорошо знал тонкости политической ситуации вокруг Монголии в начале XX в. В целом Коростовец дает положительную оценку деятельности барона.

Воспоминания белых, так или иначе пострадавших от барона или просто ненавидевших его (Д. Алешин, Н.М. Рябухин, Б.Н. Волков, Й. Гелета), содержат много неточностей.[46] Но именно они лежат в основе большинства зарубежных публикаций об Унгерне. Хронологически первые и наиболее широко используемые — мемуары Б.Н. Волкова.[47] На них следует остановиться подробно.

Волков был послан омским правительством в Монголию для противодействия панмонгольским планам атамана Г.М. Семенова. 29 апреля 1919 г. Волков с явным политическим расчетом[48] женился на Е.П. Витте — дочери барона П.А. Витте, советника правительства автономной Монголии. Позже уехал в Маньчжурию, где провел несколько лет как коммерсант и торговый

агент, в 1923 г. переехал с женой в США. Волков — автор сборника стихотворений «В пыли чужих дорог».[49] В 1930-х написал автобиографический роман о гражданской войне в Сибири и Монголии «Conscript to Paradise», который не был опубликован. Получив американское гражданство (июль 1930 г.), Волков развелся с Е.П. Витте и женился на американке Б.Б. Таунли.

Его личный архив хранится в Музее русской культуры в Сан-Франциско, копии — в Hoover. В его архиве есть также литературные и исторические фрагменты, детальные сведения о панмонгольском движении, заполненные анкеты с вопросами Волкова к своим респондентам (в основном об эксцессах, боях и заговоре против барона), переписка, письмо к нему Н.М. Рябухина,[50] рукопись записок последнего[51] и т.д. Очевидно, детальные сведения о монгольских делах и, в частности, об отношениях Унгерна с монгольскими чиновниками Волков получал от отца своей жены. Собственные дневники Е.П. Витте погибли во время наводнения.[52]

Наибольшую известность Б.Н. Волкову принесли его записки об Унгерне. Десять из них он напечатал в либеральной харбинской газете «Новости жизни» под псевдонимом Н.Н. Их рукопись в нескольких копиях с некоторыми более поздними авторскими изменениями и дополнениями (1926–1931 гг.) хранится в Hoover.[53] Эти записки основаны на дневниках Е.П. Витте, расспросах других белых и собственных наблюдениях. В бывшем СССР они получили известность по книге Л.А. Юзефовича,[54] но полностью не публиковались и стали источником домыслов, кульминацией которых стало сочинение М.И. Демиденко,[55] изданное как «мемуары поручика Волкова».

Подлинные же записки (по рукописи, хранящейся в Hoover) были опубликованы позже Б.В. Соколовым,[56] построившим на них концепцию своего исторического расследования. В тексте на них ссылок нет, есть лишь общие указания на несколько книг, архивов и статей в списке литературы. «Волков создавал свое произведение исключительно как документальное, не содержащее ни грана вымысла... Конечно, ошибки и некоторые неточности содержатся в этих воспоминаниях... Но эти неточности вызваны не злым умыслом мемуариста, а его интерпретацией событий, аберрацией памяти автора или его информаторов...»[57] Раз так, необходимы анализ источника и комментарии, но в цитированной книге их нет.

Чтобы частично восполнить этот пробел, отмечу лишь основные неточности в записках Волкова об Унгерне (последовательно по тексту). «Атаманизм» не был одной из главных причин поражения белых в Сибири (Волков преувеличивал его значение). Японцы не организовали панмонгольское движение, а Унгерн не был его руководителем. Описания многих боев даны неточно. Баяр-гун был не главарем шайки, а участником национального движения против китайских оккупантов, поддерживавшимся российским правительством. Действия Унгерна были такими же «разбойничьими набега-

ми», как и остальных белых и красных лидеров. Барон лично никого не вешал; в Урге не было каждый день новых повешенных монголов за дезертирство. Обилие трупов на улицах Урги после ее взятия белыми было следствием боевых действий, а не казней. Унгерн не разорял Монголию и не царил бесконтрольно в Урге. Уход белых из Монголии был вызван их поражением от красных, а не моральным разложением. Абсурдно предположение Волкова о том, что белое движение в Монголии приняло бы широкие размеры, если бы Унгерн был убит по взятии Урги. Тапхаев не уничтожил свыше 10 тыс. бурят и монголов: все потери монголов за время гражданской войны (с обеих сторон) составили около 2 тыс.[58] Генерал Ефтин не был убит во время медицинской операции. Унгерн не имел личной охраны. Отрицание его личной храбрости в бою противоречит свидетельствам очевидцев. Знаменитый приказ № 15 был не «полусекретным», а широко рекламировался. У монголов белый цвет не был траурным (это цвет чистоты и благополучия). Волков старался очернить тех, кто был лоялен Унгерну — даже если о них другие очевидцы оставили теплые воспоминания (Ивановский и др.).

Хотя Волков — кадет и белоэмигрант, его публикации в период боев красных с белыми объективно служили интересам красных. Волков не мог не понимать это. Более того — в сентябрьских номерах «Новостей жизни» они чередовались с перепечатками допросов Унгерна. Как упоминалось выше, от Волкова же могла попадать информация и в просоветские газеты в Маньчжурии и Китае. Вполне возможно, что обвинитель Унгерна на суде — Е.М. Ярославский[59] — ознакомился с публикациями Волкова в «Новостях жизни» от 28 и 30 августа, 4 и 6 сентября перед тем, как напечатал свою статью 11 сентября к суду над Унгерном. Наверное, был и обратный процесс: волковская глава о заговоре против барона кончается словом «унгерниада» — одинаково с названием статьи, ранее опубликованной в советском журнале «Народы Дальнего Востока».[60] Вероятно, Б.Н. Волков знал этот источник. В нем есть такие же рассуждения о роли японцев в панмонгольском движении и о лидерстве в нем Унгерна.

В целом, записки Волкова об Унгерне — это собрание негативных примеров (часто недостоверных), которые положены в основу превратных выводов. Сравнение с другими материалами показывает, что Волков выбирал только «компромат» и выдавал частности за главное.

В архиве Б.Н. Волкова (Hoover) находятся и другие важные рукописи — подписанные Голубевым[61], Пономаревым, Случайным («В осажденной Урге»). По мнению Б.В. Соколова,[62] это рукописи самого Волкова под разными псевдонимами. Главные аргументы — нахождение в одной коллекции и сходство многих сюжетов; под именами Голубева и Пономарева Волков помещал информацию, в достоверности которой не был уверен, а целью было продать свои произведения в разные места.

Мой анализ этих материалов дал более простое объяснение: эти рукописи написаны не Волковым. Подписей под ними нет, стиль изложения разный, «волковский» пафос отсутствует (хотя к Унгерну и эти авторы относились отрицательно). Сходство и различия сюжетов и их достоверности проще всего объяснить тем, что разные люди описывали одни и те же события и обменивались материалами. Рукописи машинописные. Но у Голубева есть небольшая рукописная правка; почерк отличается от волковского. В двух местах есть краткие комментарии, написанные другим почерком, один из них подписан «Е.В.» — вероятно, жена Волкова — Е. Витте. Сохранилось письмо Пономарева. Там почерк совершенно другой, чем у Волкова. Письмо довольно длинное, почерк ровный и гладкий — не похоже, что его подделал Волков (как полагает Соколов). Но не исключено, что фрагменты рукописи Пономарева были перепечатаны Волковым — по крайней мере, машинопись сходная. Рукопись Пономарева относится к 1930-м гг., а письмо — к 1925 г., так что вопрос о рукописном варианте остается открытым. Наконец, в архиве Волкова есть много разрозненных листов, авторство которых неясно.

Итак, маловероятно, чтобы все эти материалы были написаны Волковым под разными псевдонимами. Ниже я их цитирую так, как они подписаны.

Хотя записки Волкова об Унгерне — первая публикация мемуаров на эту тему, они в значительной мере основаны на свидетельствах других лиц: прежде всего, его первой жены Е.П. Витте; судя по тексту, также А.С. Макеева, М.Г. Торновского, Н.М. Рябухина, Д.П. Першина, И.А. Лаврова. Некоторые из этих свидетельств были опубликованы гораздо позже, но именно их следует считать первоисточниками. Сам Волков в примечании к своим запискам указал полковника Т. и нескольких офицеров как своих соавторов. Этот полковник — Торновский. Сопоставление этих записок с мемуарами Торновского[63] показало тщательную «фильтрацию» фактов Волковым.

Немногим позже в той же газете «Новости жизни», где печатался Волков, издал свои воспоминания О. Ол-ич, по его словам, служивший с Унгерном в Даурии.[64] Характер отбора и компоновка фактов почти как у Волкова. Но по языку и приводимым примерам видно, что это другой автор — по-видимому, какой-то колчаковский офицер, несогласный с «атаманщиной». Выдержанные в обличительном стиле описания дел в Азиатской дивизии в Монголии содержатся и в мемуарах нескольких других служивших в ней офицеров.[65]

Мемуары Блохина[66] — пожалуй, наименее достоверный источник. Сопоставление с другими материалами говорит о том, что Блохин что-то видел сам, что-то слышал от других, а многое домыслил. Не всегда ясно, где его вымыслы, а где неизвестные факты. Это заставляет использовать его мемуары с особой осторожностью, лишь в сопоставлении с другими материалами.

Многие, кто служил под началом Унгерна или общался с ним, старались описывать свои воспоминания сбалансированно.[67] Несомненно, самым детальным трудом такого рода является книга М.Г. Торновского, написанная не только по собственным воспоминаниям, но и мемуарам других лиц, многие из которых утеряны.[68] Обширные сведения есть в записках Голубева,[69] но в них очень много неточностей и слухов, не поддающихся проверке. Судя по соответствиям, именно он под псевдонимом печатал выдержки из своих записок во владивостокской газете «Набат» в сентябре 1921 г.[70]

Красные и их сторонники тоже оставили обширные записки. Прежде всего, это участники боев с унгерновцами — как с советской стороны,[71] так и с монгольской.[72] Ценные материалы приводятся в докторской диссертации Б. Ширендыба, частично опубликованной в виде книги и в сборнике рассказов, собранных Ц. Дамдинсурэном.[73] В читинской газете «Забайкальский рабочий» в 1940 г. печаталась подборка статей к 20-летию победы над белыми и интервентами в Забайкалье, в основном — воспоминания бывших красных партизан и партийно-государственных деятелей.

Один из участников боев, А.Н. Кислов первым описал всю военную операцию против Унгерна.[74] Он использовал также воспоминания других участников боев. На основе этого он составил карты действий белых и красных в Монголии. Однако их сравнение с документами и мемуарами белых показало ряд ошибок на этих картах. Весьма детальна книга Б. Цибикова, содержащая также ряд ценных сведений.[75]

Некоторые советские работники и журналисты встречались с Унгерном после его пленения.[76] Х. Чойбалсан по собственным воспоминаниям и документам описал боевые действия в Монголии и роль в них отрядов МНП.[77] Важные сведения есть в недавно переизданной книге Н. Магсаржава.[78] — феодала и чиновника, написавшего историю Монголии вскоре после революции (не путать с Хатан-батором Максаржавом). Ценные сведения есть в мемуарах русского купца А.В. Бурдукова,[79] долго жившего в Западной Монголии и помогавшего красным. Но в них есть ряд неточностей: что-то он плохо помнил, что-то описал по слухам. Его взгляды на буддизм выдают профана в этом вопросе.

Представляют интерес опубликованные фрагменты мемуаров В.И. Юдина.[80] С октября 1920 г. он был представителем Дальневосточной республики (ДВР) в приграничной с Монголией полосе, в июне — декабре 1921 г. — представителем НКИД РСФСР при советских воинских частях в Монголии, в 1922–1925 гг. — первым секретарем полпредства СССР в Монголии. Копии ряда документов и других служебных материалов оказались в его личном архиве. Получить доступ к последнему от его дочери, Л.В. Юдиной, оказалось невозможным.

Я ознакомился лишь с двумя документами, скопированными из архива Юдина: допросом Унгерна 29 августа 1921 г. (половина его отсутствует в из-

вестных текстах допросов) и анонимной рукописью без названия и конца. Очевидно, эта рукопись написана кем-то из красных по воспоминаниям унгерновцев примерно в 1920-х — 1930-х гг. Некоторые части имеют очень большое сходство с мемуарами Макеева и Рябухина (с последним в отдельных местах текст точно совпадает); есть большое сходство с воспоминаниями Ол-ича. Более половины рукописи — не относящаяся к делу примитивная пропаганда и общеизвестные данные, зачастую сильно искаженные. Но есть отдельные правдоподобные сведения, отсутствующие в других источниках и представляющие интерес. Их я привожу ниже в тексте глав.[81]

Другие воспоминания красных тоже идеологизированы. Наиболее это видно по документам Б.З. Шумяцкого (см. выше), которые он использовал в своих публикациях (например, в газете «Восточно-Сибирская правда» и журнале «Народы Дальнего Востока»). В том же духе выдержана агитационная брошюра Е.М. Ярославского — общественного обвинителя на процессе Унгерна в Новониколаевске.[82] Это первая книга по Унгерну, вышедшая в РСФСР. На основе этой книги, а также статей Кислова и Шумяцкого были написаны первые в СССР повести об унгерновской эпопее.[83] В них местами трудно установить, где правда, а где вымысел.

Красные и белые весьма слабо использовали мемуары друг друга — хотя для объективного описания событий это необходимо. Даже в первой постсоветской книге об Унгерне[84] и в наиболее глубоком научном исследовании идеологии и военных походов барона[85] сопоставление материалов представителей противоположных лагерей дано недостаточно полно, а ряд источников был тогда неизвестен.

С недавнего времени в Монголии проводятся ценные исследования с использованием новых архивных данных, позволяющие деидеологизировать недавнюю историю.[86] Переводятся на монгольский язык документы и мемуары об Унгерне с комментариями российских и монгольских авторов. Однако к недавнему российско-монгольскому сборнику, изданному в РФ, предисловие написано в устаревшем стиле «совместной борьбы советского и монгольского народов против белогвардейских отрядов во главе с Р.Ф. Унгерном в 1921 г.»[87]

Фотографий Унгерна сохранилось очень мало. Прежде всего, это фотографии из семейного архива Унгернов, опубликованные В. Михаловским: Р.Ф. Унгерн в возрасте семи лет; в форме вольноопределяющегося 91-го пехотного Двинского полка, 1905 г.; в мундире Нерчинского казачьего полка.[88] Есть одна фотография, сделанная в 1908 г. и в 2006 или 2007 гг. появившаяся в Интернете.[89] 28 ноября 2009 г. эта фотография (или другой отпечаток того же фото) была продана на аукционе московской фирмы «Монеты и медали» (№ 60, лот 150) за 90 тыс. руб. Согласно описанию лота,[90] она была сделана в С.-Петербурге, в фотоателье Л.С. Левицкого в 1908 г. В правом

нижнем углу паспарту тиснение «Левицкій»; размеры оригинала 203 × 153 мм с паспарту; сохранность почти отличная; на оборотной стороне фотографии вверху надпись: «Roman Ungern Sternberg Juni 1908». По-видимому, эта фотография сделана вскоре после производства Унгерна в хорунжие 15 июня 1908 г.

Наконец, фотография Унгерна «лицеиста»,[91] по-видимому, относится к его учебе в Морском кадетском корпусе в Петербурге.

За период Первой мировой войны известна лишь одна фотография, довольно плохого качества. Это фотография из архива Льва Николаевича Пунина, в отряде брата которого, Леонида Николаевича Пунина, служил барон.[92] Внучка Льва Николаевича Пунина — О.А. Хорошилова сообщила мне, что архив ее деда с описаниями боевых действий в советское время был спрятан, она нашла его случайно во время ремонта. Материал по истории отряда, который готовил Пунин, был конфискован МГБ СССР. По словам О.А. Хорошиловой, ряд фотографий (в том числе, очевидно, и с бароном) был уничтожен, а другие ее дед раздавал знакомым.

К периоду пребывания барона в Даурии относится лишь одна фотография.[93] На ней Унгерн изображен в «защитной гимнастической рубахе» — гимнастерке образца 1912 или 1913 г. То, что офицер носит элемент униформы нижних чинов — неудивительно: с 1907 г. издавались приказы и распоряжения о разрешении ношения гимнастерок офицерами в полевых условиях. Вероятнее всего, это какой-то неуставной образец. На это может указывать (насколько можно понять по фотографии) хорошее качество ткани (возможно сукно, но это как у образца 1912 г.), частое расположение пуговиц и то, что они не металлические, а костяные, кожаные или деревянные.[94]

Никаких других фотографий Унгерна за период гражданской войны в России и Монголии не известно, хотя они, очевидно, были. В Полевом управлении Дальневосточной армии атамана Г.М. Семенова действовала фотолаборатория, которая вела фотохронику важнейших событий. Фотографии распространялись среди командования. Вероятно, там были и фотографии Унгерна и его дивизии.

В отделе кино- и фотодокументов YTA в Улан-Баторе фотографий Унгерна не было (пока я их туда не передал). Даже фотографий монголов, противостоявших красным, там почти не сохранилось. При социализме там уничтожали фотографии неизвестных лиц.[95] По-видимому, коллекция фотографий из Монголии 1921 г. имелась также у унгерновца К. Гижицкого. По его словам, при переправе через р. Селенга во время ухода Азиатской дивизии из Монголии были потеряны ценные клише, фотографии, дневники и документы.[96] Какие-то фотографии, возможно, делал и А.В. Бурдуков. Но, судя по моим сведениям о его неописанном архиве в Петербургском филиале Института востоковедения РАН, фотографий Унгерна там нет.

Сохранилось несколько фотографий Унгерна, снятых после его пленения красными. Наиболее ранняя из них сделана, вероятно, в Троицкосавске или по дороге из Троицкосавска в Иркутск.[97] На ней видна отросшая борода.[98] Следующие известные фотографии сделаны во время допроса в штабе 5-й армии в г. Иркутске.[99] Здесь борода барона уже аккуратно подстрижена; он позирует перед камерой, как это было описано.[100] Две последние известные фотографии сделаны в Новониколаевске перед судом.[101] На них видны конвойные; барон стоит в халате, с орденом Св. Георгия. Судя по тому, что на суде «сновали фотографы с аппаратами»,[102] фотографий было больше.

Из личных вещей Унгерна в коллекциях сохранились монгольский, шелковый, желтый халат-мундир, в котором он попал в плен,[103] и красная монгольская куртка-мундир (курма) с погонами, которая надевалась поверх халата, из грубого красного сукна на талембовой подкладке.[104] Халат был снят с барона перед расстрелом. Через много лет, в 1939 г. от Реввоенсовета Туркестанского фронта этот халат поступил в ЦМВС.[105] Он был в очень плохом состоянии: пыльный, грязный, с разрывами, поэтому его долго реставрировали. Курму же в Минусинский музей передал партизан Щетинкин с запиской: «Прошу посылку эту поместить в Минусинском музее, как историческую память работы вверенного мне отряда, действия и состав которого будут высланы дополнительно в виде доклада; желательно было бы доклад опубликовать. Бумажку, которую посылаю с тужуркой, наклейте на нее. Начотряда военком Щетинкин. 30/IX 21 г. г. Ачинск».

Последний известный экспонат — в Историческом музее г. Улан-Батора, «унгерновский солдатский сапог». Это яловый сапог белогвардейца, ранее находившийся в Ученом комитете (= АН МНР), оттуда попавший в Центральный музей, затем — в Исторический. В инвентарной книге сохранилась запись (дается в русском в переводе): «[номер] 71-74-29, сапог барона. 1 шт., подошва коричневая, кожаная, подбит железом, темный, яловый. Барон Унгерн. В Центральном музее. Старый, задний шов рваный. Русского изготовления. Пришел по передаче. 2 сапога с правой ноги».

Неясно, почему указаны сразу один и два сапога. Сейчас есть один. На более поздней этикетке написано, что это «унгерновский солдатский сапог»,[106] так как нет доказательств, что это сапог самого барона. Судя по небольшому размеру, вряд ли он мог принадлежать такому рослому человеку, как Унгерн. Обстоятельства, при которых этот сапог попал в Ученый комитет МНР, неизвестны.

Другие вещи из Азиатской конной дивизии достоверно не установлены. Известны два знамени дивизии (желтых, с вензелем М II), пошитых в разное время.[107] Одно из них, из Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, было описано.[108] Фото одного из этих знамен опубликовано.[109] Более точных сведений по ним нет. Часть трофеев, взятых красными

после боев под Троицкосавском, экспонировалась в Иркутске: знамя унгерновцев с инициалами Михаила; трехцветный флаг; приказ, № 15; тексты Писания, «которыми Унгерн пытался привлечь толпу вместо лозунгов, запугивая кончиной мира, пришествием антихриста»; снятые с унгерновцев погоны.[110] Куда все это делось потом, установить не удалось.

По-видимому, несколько трофейных знамен было сфотографировано. В ЦМВС прислали фотографию унгерновского знамени с изображением двуглавого орла и вензелем М II[111] и две фотографии трофейных знамен, захваченных 35-й дивизией у противника, находившегося под личным командованием барона Унгерна.[112] К сожалению, эти ценные материалы были списаны и сожжены в начале 1980-х гг.

Таким образом, к настоящему времени точно установлена принадлежность Унгерну лишь халата и курмы, кому-то из Азиатской дивизии — сапога в музее Улан-Батора. В результате даже форма, погоны и знаки различия Азиатской дивизии известны только в более или менее точных реконструкциях.[113]

К деятельности Унгерна все чаще обращаются не только историки, но и политологи, геополитики, философы и публицисты.[114] За рубежом преобладают работы, основанные преимущественно на довольно ограниченном объеме сведений.[115] В результате, как правило, события там освещаются довольно односторонне. Но некоторые авторы приводили отдельные новые данные от очевидцев.[116] Многие публикации русских эмигрантов об Унгерне относятся к этой же категории.[117] Недавно во Франции была написана книга по материалам сборника «Барон Унгерн в документах и мемуарах».[118]

К нашему времени образ барона Унгерна сильно мифологизирован. Он популярен среди ультраправых и ультралевых; некоторые включают его в свой пантеон; в Интернете о нем есть ариософские и оккультные сочинения.[119] Унгерн давно стал героем художественной литературы разных жанров — от романов, стихов и песен до комиксов.[120]

Эта мифологизация нашла отражение также в изобразительном искусстве, театре и кино. В 1924 г. на сцене варшавского театра шла драма Ф.А. Оссендовского «Живой Будда».[121] Позже в СССР, в РФ и за рубежом появились радиопередачи, несколько фильмов — художественных[122] и популярных.[123] За исключением фильмов «Отечество и судьбы: Унгерны» и «Кто мы: Кровь на Русской равнине» (вып. 16), эти произведения пропитаны художественным вымыслом, до 1990-х гг. имевшим идеологическую направленность, а затем — еще и мистическую.

Неудивительно, что из трех художественных фильмов советского времени аудитория усваивала в основном пропаганду: будто Унгерн был диктатором, сменил свои религиозные взгляды ради политики, обслуживал интересы англичан, японцев, бухарского эмира; будто обезоружил и арестовал его лично П.Е. Щетинкин и т.п.

В 1997 г. появился роман-сценарий Ф. Горенштейна «Под знаком тибетской свастики». Этот сценарий — неудачное переосмысление книги Л.А Юзефовича,[124] содержащее ряд грубых исторических ошибок и создающее сильно искаженный образ. Возникли планы экранизации этого сочинения Горенштейна, сценарий появился в Интернете.[125] К счастью, фильм по нему так и не был снят.

В России и за рубежом пишут все новые сценарии. К сожалению, это почти всегда делается без достаточного изучения исторической основы. От них выгодно отличается сценарий «Звезда не знает заката», который недавно опубликовал монгольский писатель и переводчик Ж. Нэргуй[126].

***

Задача данной книги — отделить факты от вымыслов, идеологических штампов и спекуляций с тем, чтобы попытаться реконструировать подлинную историю барона Унгерна. Для этого проведен сравнительный анализ всех доступных источников (многие из которых до сих пор не изучались). Свидетельства красных и белых сопоставлены без априорных предпочтений тем или другим. Все это наложено на исторический контекст. Не все выводы настоящей книги покажутся бесспорными. Но они основаны на источниках, результаты изучения которых я старался излагать беспристрастно и без моральных оценок.

Эта книга делится на три части. Первая — это опыт реконструкции деятельности барона Унгерна и той исторической обстановки, в которой он находился. Вторая — это характеристика личности Унгерна и его мировоззрения, а также результатов деятельности. Третья — это доселе не публиковавшиеся документы и мемуары.

Даты даны по григорианскому календарю; если разделены косой чертой — то первая дата по юлианскому календарю (старый стиль), а вторая — по григорианскому (новый стиль). Список источников дан в конце книги. По возможности, я старался восстановить полные имена, отчества, фамилии, чины, звания, титулы и т.д. Для европейцев имена и отчества в тексте даются в виде инициалов, в именном указателе — полностью. Краткие биографии даны лишь в тех случаях, когда это важно для анализа материала или когда они малоизвестны. В цитатах квадратные скобки обозначают расшифровки сокращений или необходимые по смыслу дополнения, круглые скобки с аббревиатурой «С.К.» — комментарии автора, многоточия — опущенные отдельные слова, угловые скобки с многоточием — опущенные фразы (число их не указывается), угловые скобки с текстом внутри — краткий пересказ длинной цитаты. Все сноски (в том числе к документам и мемуарам) — мои комментарии. Если в сноске другие материалы, это указывается.

Монгольские имена и названия даются в общепринятой русской транскрипции (зачастую неверной с точки зрения монгольской грамматики и топонимики). Но для столицы Монголии в книге используются официальные названия, которые она носила в разное время. Она была основана в 1639 г. как монастырь и называлась Өргөө (по-монгольски «Дворец», отсюда «Урга», как обозначали ее европейцы до 1924 г.). Официальное название с 1706 г. — Их хүрээ («Великий монастырь»), с 1911 г. — Нийслэл хүрээ («Столичный монастырь», «Столичный курень» или «Столичный город»), с 1924 г. — Улаанбаатар (в русифицированном варианте — Улан-Батор, то есть «Красный Богатырь»). Слово «Урга» и производные от него для периода с 1706 г. я использую лишь при цитировании.

Благодарности

Я благодарен Е.А. Белову за начало дела; О. Батсайхану, Ж. Алтанцэцэг, А.Р. Ефименко, Д. Бумаа, Т.С. Леоновой, З. Лонжиду, А.С. Железнякову, Амгалан-ламе, Р.М. Булатову, А.В. Ганину, Дашцэвэгу, О. Пурэву, М. Тачибана, Л.В. Салеевой, М.Г. Нечаеву, Л.Ю. Рейту, В.Ф. Петровскому, В. Хатчер, С.В. Кожину, О.А. Хорошиловой, И.М. Глуховой, Т.Н. Еремеевой, Л.Н. Ермолаевой, Е.М. Лясковской, Б. Нямаа, К. Нунами, Т. Оуюнбазару, М.Ю. Блинову, Ц.П. Ванчиковой, А.М. Стрелкову, Н. Яхонтовой, Е.С. Зашихину, Тувдэну Довдану за помощь в работе с архивными материалами и предоставление материалов; Богдо-гэгэну IX и А.А. Терентьеву за ценные соображения по религиозным вопросам; Л.А. Юзефовичу за ряд важных сведений и соображений по тексту; К. Нунами, Ж. Оюунчимэг, С.В. Дмитриеву, Ю. Рейту, Ц. Оюу, Нгавангу Тукдже и Р.В. Новицкому за переводы с японского, монгольского, китайского, тибетского и польского языков; С.Е. Плотникову за определение стрелкового оружия по гильзам; Ж. Нэргую, С.Е. Чернышеву, Д. Кронеру и Р. Баяру за фотографии; работникам ЦМВС, РГВА, РГВИА, ГАРФ, АВПРИ, ГАХК, ГОПАПО, АРСС, БХТА, YTA, Eesti Ajalooarhiiv, Hoover, IMHAS, других архивов и музеев за помощь в архивной и музейной работе; С.Б. Шуперту за информацию о публикации в газете «Власть труда».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Начало

Унгерн-Штернберги — один из древних немецких родов. По преданию, он ведет начало со времен Аттилы — хана гуннов, центральноазиатского племени, оставившего след в истории Европы и Азии. Р.Ф. Унгерн-Штернберг рассказывал Ф.А. Оссендовскому, что в жилах его рода течет кровь гуннов, германцев и венгров — отсюда, так сказать, «кровный» интерес к Востоку.[127] Члены этого рода участвовали во многих войнах, были крестоносцами. Унгерн рассказывал Оссендовскому, что один из его предков сражался вместе с Ричардом Львиное Сердце и погиб под стенами Иерусалима, а в крестовом походе детей погиб другой родственник — одиннадцатилетний мальчик Ральф.

В XIII в. род разделился на германскую и ливонскую ветви. По кн. Долгорукому, род Штернбергов во Франконии известен с XI в.[128] У основания прибалтийской ветви находится Иоганн фон Штернберг, служивший в Венгрии, откуда прибыл в Ливонию в 1211 г. во главе отряда из 500 всадников и многих пехотинцев.[129] Он стал вассалом рижского архиепископа, пожаловавшим ему земельные наделы.[130] Поскольку он происходил из Венгрии, то был известен как Ганс фон Унгерн (Iohannes de Ungaria). Не исключено, что именно его имел в виду Ф.А. Оссендовский, приводя рассказ Р.Ф. Унгерна о бароне Хальзе фон Унгерн-Штернберге, который был членом Тевтонского ордена, насаждавшего огнем и мечом христианство среди прибалтийских народов.[131] 29 марта 1277 г. другой член рода — Рудольф Унгерн заключил договор с магистром Ливонского ордена.[132] По Оссендовскому, двое Унгерн-Штернбергов пали в битве при Грюнвальде 15 июля 1410 г. В XVI–XVII вв. Унгерны участвовали в войнах с русскими и поляками на территории Ливонии.

Грамотой императора Фердинанда I от 7 февраля 1534 г. вотчинник имения Пиркель, Георг фон Унгерн-Штернберг возведен, с нисходящим его потомством, в баронское достоинство Римской империи, с наименованием «барон Унгерн-Штернберг фон Пиркель».[133] Грамотой шведской королевы Христины от 17 октября 1653 г. Вольдемар, Отто и Рейнгольд фон Унгерн-Штернберги подтверждены в баронском достоинстве. Девиз Унгерн-Штернбергов — «Их звезда не знает заката».

В XVI и XVII вв. бароны владели имениями в Латвии и Эстонии (в основном в Ревельском и Гапсальском уездах). Родовое имение ветви Унгернов, к которой принадлежал Роман — мыза Унгру (= Линден), которую заложили в 1523 г.[134] Последний ее владелец (в 1919 г.) — Клаус фон Унгерн-Штернберг.

Рейнгольд (Рено) Унгерн получил от Петра I подтверждение родовых привилегий в Эстонии.[135] Определениями Правительствующего сената от 25 июля и 5 сентября 1855 г. и Высочайше утвержденным 20 декабря 1865 г. мнением Государственного совета, за дворянским родом фон Унгерн-Штернберг, внесенным в матрикул лифляндского и эстляндского дворянства, признан баронский титул.[136]

Унгерны преданно служили царю и отечеству. Так, генерал-поручик К.К. Унгерн-Штернберг (1730–1799) отличился на Русско-турецкой войне. Многие служили на Кавказе, Дальнем Востоке, сражались в Русско-японскую и Первую мировую войны. На вопрос: «Чем отличился Ваш род на русской службе?» Р.Ф. Унгерн-Штернберг ответил: «72 убитых на войне!».[137]

Среди предков Р.Ф. Унгерна были не только военные. Его отец занимался виноделием в Крыму, сельским хозяйством, геологией. Он оставил хорошие книги на эти темы, а по геологии защитил диссертацию. Были в его роде философ, также оставивший научный труд, писатель, дипломаты, строитель железных дорог и т.д. Некоторые члены рода были масонами. В начале XX в. П.Л. фон Унгерн-Штернберг был секретарем российской миссии в Португалии. Он был одним из двух российских зарубежных представителей, за которыми Л.Д. Троцкий сохранил дипломатический пост — за фактическое признание советской власти. За это он подвергся бойкоту западных и белых дипломатов.[138]

Но такие примеры не вдохновляли Романа: он мечтал о рыцарских подвигах во имя монархии и общественного уклада, близкого к позднему средневековью Европы. Судя по мемуарам очевидцев, Р.Ф. Унгерн любил рассказывать, что среди его предков были рыцари, алхимик, пират, что его дед принял буддизм. Рассказы о пирате — бароне Унгерне с о. Даго в Балтийском море (сейчас о. Хийумаа) были распространены в русской печати первой половины XIX в. Яркое изложение этой истории оставил, например, А. де Кюстин в книге «Россия в 1839 году».

О.-Р.-Л. Унгерн-Штернберг.

Л.А. Юзефович, изучавший этот вопрос, выяснил следующее. Отто-Рейнгольд-Людвиг фон Унгерн-Штернберг — прадед, а не дед Р.Ф. Унгерна, родился в 1744 г. в Лифляндии, учился в Лейпцигском университете, затем служил при дворе польского короля, а затем перебрался в Петербург.[139] Плавал в Индию, где был в плену у англичан. Там он мог принять буддизм. В 1781 г. он купил у своего университетского товарища, графа К.М. Штенбока, имение Гогенхельм на о. Даго. По легенде, он там построил маяк, светом которого заманивал на скалы заблудившиеся в шторме суда. После этого груз с погибших кораблей захватывали, а моряков убивали. В действительности же, как выяснил И. Чекеи, в материалах судебного дела маяк не упоминается — барон лишь вылавливал грузы с затонувших судов, но с нарушением норм берегового права, регламентировавших этот промысел. По-видимому, главной причиной сурового приговора стала ссора барона с бывшим владельцем Гогенхельма, который стал эстляндским генерал-губернатором. В результате в 1802 г. барон был увезен в Ревель (сейчас Таллин) и осужден на ссылку в Тобольск, где и умер в 1811 г. По-видимому, стараниями Штенбока вскоре после процесса была издана книжка, в которой впервые озвучена версия о пиратстве. Ее скупила и уничтожила семья осужденного; уцелел единственный экземпляр.

Р.Ф. Унгерн родился в австрийском городе Грац 16/29[140] декабря 1885 г. Именно 29 декабря стоит в биографии, написанной в 1933 г. Арвидом — кузеном Романа Унгерна.[141] Несомненно, Арвид пользовался григорианским календарем. Та же дата стоит в генеалогической книге Унгернов[142]. В свое время писарь из Ревеля допустил ошибку, поставив 10 января 1886 г. Эта ошибка перекочевала в аттестационную тетрадь в Морском кадетском корпусе (1903–1905 гг.) и в послужной список (1913 г.), хотя в России тогда действовал юлианский календарь.[143] Сам Р.Ф. Унгерн, по-видимому, не обращал на это внимания. Позже указывались и другие неверные даты — даже 1887 г.[144]

Отец Романа, Теодор-Леонгард-Рудольф (Федор Робертович) фон Унгерн-Штернберг (11.04.1857 –1918), доктор философии Лейпцигского уни-

верситета — пятый, самый младший сын Роберта Унгерн-Штернберга, директора суконной фабрики в Кертеле на Даго;[145] мать — Софи-Шарлотта (София) фон Вимпфен (13.07.1861–17.11.1907), родившаяся в Штутгарте. Она происходила из известной семьи вюртембергских офицеров.[146] Брак был заключен 25 сентября 1880 г.[147] Свадьба состоялась в имении Вимпфенов на Рейне.[148] Они выезжали в другие страны Европы, несколько раз были в Австрии. Здесь, в г. Грац, родились сыновья — Николай-Роберт-Максимилиан в 1885 и Роберт-Эгинхард-Максимилиан в 1888 г.[149] Тройное имя давали по традиции дворянских немецких семей. Позже, согласно традиции Российской империи, Николай-Роберт-Максимилиан изменил имя и отчество на Романа Федоровича, по отцу. Роберт-Эгинхард-Максимилиан изменил имя на Константин. Возможно, Роман Унгерн сознательно уподоблял себя предку, которого считал пиратом. Ведь, по приезде из Польши в Петербург, Отто-Рейнгольд-Людвиг, вынужденный выбрать единственное из трех своих имен, русифицировал второе и стал Романом.[150]

Очевидно, в 1888 г. Унгерны переехали в Эстляндию. В 1891 г. Теодор и София развелись. Они тогда проживали в г. Гапсал (ныне Хаапсалу) в разных домах. Согласно бракоразводному делу,[151] София Унгерн-Штернберг, урожденная баронесса Вимпфен, 10 июня 1891 г. подала прошение в гапсальское уездное полицейское управление о том, чтобы ее муж, Федор Унгерн-Штернберг или принял ее к себе, или же был бы составлен протокол «о злонамеренном оставлении жены своей» для подачи в Эстляндскую евангелическую лютеранскую консисторию. В отзыве 20 июня на это прошение барон Федор Робертович Унгерн-Штернберг сообщал, что согласиться с требованием жены не может и принять ее к себе не желает. Был оформлен развод. Сыновья остались с матерью. Вероятно, развод оказал влияние на формирование их характеров.

В 1899 г. Федор Робертович Унгерн-Штернберг был признан умалишенным. Более точные сведения об этом отсутствуют. Барон был помещен в клинику доктора Ф. Крузенштерна в Гапсал. На основании указов ревельского окружного суда эстляндскому дворянскому сиротскому суду, его попечителями были попеременно Константин Робертович и Эвальд Эвальдович Унгерн-Штернберги. В 1901 или 1902 г. подопечный был переведен в квартиру в Гапсале под надзор уездного врача. 3 октября 1905 г. решением ревельского суда попечительство было прекращено в связи с признанием Ф.Р. Унгерн-Штернберга здоровым.[152]

В апреле 1894 г. мать Романа Унгерна вторично вышла замуж — за барона Оскара-Ансельма-Германа фон Гойнинген-Гюне, от которого в 1897 г. родила дочь Рене (Мария-Теодора-Элизабет).[153] Семья проживала в г. Ревель (теперь Таллин), но подолгу жила неподалеку, в поместье отчима Ервакант. Эта усадьба впервые упоминается в хронике 1485 г. В 1820 г. ее владелец — О. фон Таубе отстроил главный дом в классическом стиле, а в 1891 г. усадь-

ба перешла в собственность семьи Гойнинген-Гюне.[154] Соседнее поместье Райкюль (сейчас Рохукюле) принадлежало графам Кайзерлингам.

Герман фон Кайзерлинг вспоминал любопытный случай из своего детства.[155] Вскоре после того, как О. Гойнинген-Гюне и С. Унгерн-Штернберг заключили брак, дети Софии — Роман и Константин Унгерны впервые посетили Райкюль. Герман показал им филина, которого недавно принес домой. Увидев незнакомых людей, филин принял угрожающую позу, зашипел и растопырил крылья. Девятилетний Роман сразу бросился душить огромную птицу. Герман спас ее почти в последний момент. На всю жизнь он запомнил яростный взгляд Романа, светлые глаза которого напомнили ему глаза хищной птицы... Впоследствии Г. Кайзерлинг также увлекся Востоком, еще не раз встречался с Романом Унгерном, писал о нем в своих мемуарах.

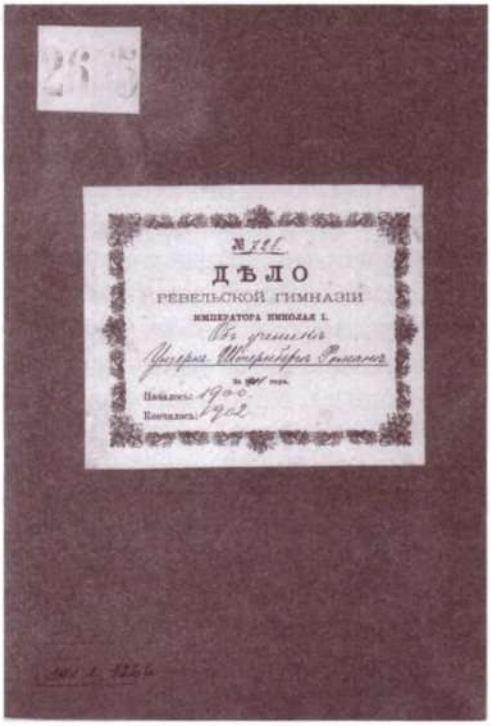
Есть основания предполагать, что Роман познакомился и с братом своего отчима — бароном К. фон Маннергеймом, который внес вклад в формирование его интереса к Востоку.[156] Константин Унгерн позже женился на Леонии — сестре Г. Кайзерлинга. По сведениям Л.А. Юзефовича, Константин был инженером, после революции жил в Маньчжурии, в 1930-х годах уехал в Австрию, в войну дослужился до полковника вермахта; весной 1945 г. в Вене, в номере отеля он был убит со своей женой Леонией.[157]

Дом отчима Роман считал родным, позже он там останавливался, приезжая на родину, даже после того, как умерла его мать.[158] Однако с отчимом Роман сразу не поладил, а с родным отцом никаких связей не поддерживал до конца жизни.[159] В то же время, его отношения с единоутробным братом и сестрами оставались вполне родственными даже после смерти матери.

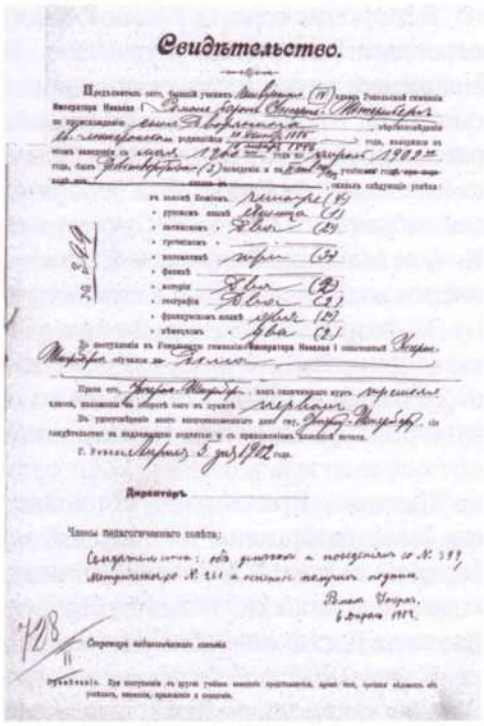
Сообщалось, что отец Романа был убит в 1906 г., во время беспорядков в разгар революционного движения в Прибалтике.[160] В действительности его не убили в революцию 1905 г., но было сожжено и разграблено поместье Ервакант.[161] В 1911 г. усадьбу продали, но восстановлены были только хозяйственные постройки. Развалины ее главного дома сохранились до наших дней. Отец Романа Унгерна умер в Петрограде между 1918 и 1923 гг.,[162] а отчим погиб в Красноярске 15 марта 1918 г.[163]

В Ревеле Роман поступил учиться в Ревельскую гимназию императора Николая I [164]. В мае 1900 г., по заявлению матери — баронессы Софии Гюне, он был зачислен в IV класс гимназии, как обучавшийся до этого дома. Однако в ноябре Роман заболел правосторонним воспалением легких, прекратил посещать занятия, а в январе — мае 1901 г. для лечения был на юге за границей. Был он и в Крыму,[165] где когда-то его отец изучал виноградарство.

В августе 1901 г. его мать подала прошение о продолжении учебы сына. Но уже в апреле 1902 г., в связи с переводом в другое учебное заведение, заб-

ДѢЛО
РЕВЕЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Свидѣтельство.

Директоръ

Страницы личного дела Романа Унгерна в Ревельской гимназии Николая I (Eesti Ajalooarchiv, fond 101, nimitsu 1, sailik 1266, [1, 6]).

рала документы из Ревельской гимназии. Наверное, это было связано с плохой учебой по большинству предметов — по-видимому, от нежелания учиться. Например, плохие оценки по немецкому, русскому и французскому языкам не помешали Роману Унгерну впоследствии проявлять хорошее знание этих языков. Его сохранившиеся письма написаны безукоризненным русским языком, в хорошо выдержанном своеобразном стиле. Самая высокая оценка (четверка) была по закону Божию.

Поведение при переводе было оценено как удовлетворительное. Как окончивший III класс гимназии, Роман получил права окончившего учебное заведение второго разряда.

1 августа 1902 г. отчим написал заявление о зачислении Романа в Морской кадетский корпус в С.-Петербурге. В российском флоте служило немало представителей рода Унгернов, а старший лейтенант П.Л. фон Унгерн-Штернберг был участником знаменитого Цусимского сражения.[166] С 5 мая 1903 г. Романа Унгерна зачислили в Морской корпус. Перед этим — то есть около 9 мес. — он отучился в частном пансионе Савича в Ревеле.[167]

В Морском корпусе Роман Унгерн вел он себя своевольно, поведение было неровным, постепенно ухудшалось. Преподавателей он не слушался, дерзил. Например, на замечание вахтенного начальника: «Куда Вы все уходите, несмотря на то, что Вам мною приказано быть на шканцах?» — ответил: «Я не рассыльный, чтобы стоять на одном месте». Под конец учебы правила корпуса злостно не исполнял, был неопрятен и груб. В результате отчим был вынужден забрать его оттуда.[168] Следует отметить, что и брат отчима Р. Унгерна — К. фон Маннергейм (впоследствии — первый президент Финляндии) был отчислен из Финляндского кадетского корпуса за плохое поведение (в 1886 г.).

12 февраля 1905 г. Роман был взят на попечение родителей по их просьбе вследствие заключения учебно-воспитательного совета 8 февраля. Приказом от 18 февраля он был исключен из списков корпуса. В Морском корпусе он окончил курс младшим гардемарином.[169]

Началась Русско-японская война. Россия была сильнее Японии, но войска были разбросаны на большой территории, пропускная способность Сибирской железной дороги была низкой. Это не позволяло перебросить необходимое количество войск на Дальний Восток. Некоторые военачальники на Дальнем Востоке не обладали военным талантом.

В мае 1905 г. Р.Ф. Унгерн вступил в армию вольноопределяющимся. Вольноопределяющийся — это лицо, имеющее образование и добровольно поступившее на службу нижним чином. Так начинали свою карьеру и другие выдающиеся полководцы, например, П.Н.Врангель и А.И. Деникин.

Унгерн вступил в 91-й пехотный Двинский полк. Но этот полк, судя по материалам РГВИА, не был на Русско-японской войне. Генерал В.М. Молчанов вспоминал, что Унгерн просил перевести его в казачью кавалерийскую дивизию, чтобы участвовать в боях с японцами.[170] Но это не получилось. В июне Унгерн перешел на пополнение в 12-й Великолуцкий полк, назначенный к южно-маньчжурскому театру военных действий: Ляодунский полуостров и часть Мукденской провинции между реками Ялу и Ляохэ до линии рек Хунхэ и Хунцзин на севере.[171] Однако незадолго до этого особое совещание в Царском Селе высказалось за немедленное прекращение войны, а на следующий день Россия объявила о подготовке переговоров с Японией. Возможно, боевые действия закончились к тому времени, как Унгерн прибыл в Маньчжурию.[172] Поэтому он значился участником походов против Японии, но в сражениях не был, особых поручений, сверх прямых обязанностей, не имел.[173] 4 ноября 1905 г. он получил чин ефрейтора.

В.Е. Чуров резонно предполагает, что Унгерн участвовал в разведывательных вылазках отряда П.И. Мищенко по японским тылам: тем, кто не участвовал в боевых действиях, впоследствии давали темно-бронзовую медаль, а не светло-бронзовую, которой впоследствии наградили Унгерна.[174] Светло-брон-

зовую медаль за Русско-японскую войну барон получил спустя много лет. Он был включен в список на право ношения этой медали на ленте белого, желтого и черного цветов в память трехсотлетия царствования дома Романовых приказом по 1-му Амурскому полку № 146 от 26 мая 1913 г.[175]

Неудачи на фронте, а затем поражение России в Русско-японской войне вызвали разочарование и рост революционных настроений в стране. Забастовки и стачки охватили и Сибирскую железную дорогу, по которой войска эшелонами возвращались с фронта. Забастовки дезорганизовали работу транспорта, нарастал хаос. Императорское правительство вынуждено было послать в Сибирь карательные отряды. Автором проекта был великий князь Николай Николаевич. По приказу Николая II наведение порядка на Сибирской и Забайкальской магистралях было возложено на генерал-лейтенанта П.К. фон Ренненкампфа. С января 1906 г. началось подавление восстаний. По приговору военно-полевого суда отряда Ренненкампфа производились аресты и расстрелы.[176] Большевики этого не простили. Много лет спустя, после революции, Ренненкапмф жил в Таганроге под чужой фамилией. В 1918 г. его нашли и предложили вступить в Красную армию. Генерал отказался. В.А. Антонов-Овсеенко приказал его расстрелять, что и было сделано 1 апреля 1918 г. после пыток.

Возвращаясь из Маньчжурии, Унгерн должен был видеть беспорядки своими глазами. В Прибалтике он мог увидеть поместье его отчима, сожженное восставшими. Погромные выступления крестьян в первую русскую революцию были стихийными, вне зависимости от удовлетворения предъявляемых требований — главным было найти образ «зла» для мщения.[177] Все это видели солдаты русской армии, выполнившие свой долг на войне... Для многих это были уроки ненависти к революциям.

В отредактированных протоколах допросов барона красными в 1921 г. говорится, что перед войной он учился в кадетском корпусе, после войны поступил в Военно-инженерное училище в Петрограде, а оттуда через несколько недель вышел и перевелся в Павловское военное училище.[178] Кадетский корпус здесь спутан с Морским. Военно-инженерное училище, возможно, тоже указано ошибочно, учитывая неточности в этих протоколах, а также послужные списки Унгерна.[179]

В 1906 г. Р.Ф. Унгерн был переведен на службу в Павловское военное училище юнкером рядового звания, на правах вольноопределяющегося, в младший класс.[180] Сведений о начале его учебы не найдено. Согласно аттестационному списку юнкерам старшего класса 3-го разряда Павловского военного училища за I полугодие 1907–1908 учебного года за № 185 (1-я рота), оценки были следующими.[181] Тактика: теоретический основной курс — 8, практические знания — 5; военная история — 6; артиллерия — 6; фортификация — 5; военная география — 6; военная администрация — 8; военное законоведение —

8; языки: русский — 7, немецкий — 12. Средний балл по главным предметам — 6,50; общий средний балл — 7,10. Естественно, лучше всего Унгерн знал родной немецкий язык. Но средний балл низкий: у юнкеров 1-го разряда он составлял от 8 до 10,6, 2-го — от 7,1 до 7,9, 3-го — от 6,7 до 8,3.

Приказом от 20 мая 1908 г. № 151 Унгерн был переведен из 2-го в 1-й разряд по поведению по Павловскому училищу (лагерь под Красным Селом).[182]

Согласно аттестационному выпускному списку юнкерам Павловского военного училища от 29 мая 1908 г. № 153, барон Унгерн-Штернберг имел средний балл по учебным предметам 7,70; средний балл по учебным предметам и отделам учебной подготовки, балл старшинства — 7,84.[183] В целом балл невысокий. Вот его выпускной аттестационный список:[184] № 159: рота № 1. Баллы и предметы: закон Божий — 10; русский язык — устный 8, письменный — 7; иностранный язык — 12; химия — 7; механика — 6; тактика — теоретический курс — 7, классные практические занятия — 6, полевые практические занятия — 6; военная история — 8; военная топография: теоретический курс с практическими занятиями — 8, топографическая съемка — 7; фортификация с практическими занятиями — 8; артиллерия с практическими занятиями — 6; военная администрация с практическими занятиями — 8; военная география — 9; законоведение с практическими занятиями — 8; средний балл по учебным предметам — 7,7; военно-служебная подготовка: теоретический отдел — 9, практический отдел — 9, средний балл по служебной подготовке — 9; средний балл по учебным предметам и отделам служебной подготовки (балл старшинства) (с-в) — 7,84; разряд по поведению — I.

Успеваемость в целом слабая, но поведение почти как у всех остальных. В сборнике приказов по Павловскому училищу за 1908 г.[185] нет сведений о взысканиях или дежурствах Унгерна, хотя они есть по многим другим курсантам. Некоторых за неуспеваемость даже не допускали к аттестации. Очевидно, в Павловском училище барон «взялся за ум», всерьез готовя себя к военной карьере, но старательно изучал лишь то, что ему было интересно. Отсюда довольно высокий балл по закону Божьему.

В год окончания училища, по списку юнкеров старшего класса роты Его Величества, желающих приобрести автоматические пистолеты, Унгерн пожелал браунинг калибра 7,65 и 400 патронов к нему;[186] номер свидетельства на покупку револьвера 1975.[187]

Перед окончанием училища Унгерн был переименован в юнкера унтерофицерского звания. Училище он окончил по 2-му разряду в 1908 г. Это было уже после смерти его матери в Ревеле 4 ноября 1907 г.[188]

В списке офицеров Павловского военного училища, произведенных 15 июня 1908 г., барон Унгерн-Штернберг стоит под № 167.[189] Зачеркнуто: 2-й Сибирский казачий полк, сверху написано: 1-й Аргунский полк Забай-

кальского казачьего войска, место службы — п. Цурухайтуй — вр. пос. Казаново; поверстный срок — 15, билет в 28-дневный отпуск № 2202, уволен в отпуск в Эстляндскую и Лифляндскую губернии.

Очевидно, первоначально Унгерна предполагалось определить во 2-й Сибирский казачий полк,[190] но барон предпочел Забайкалье. Вероятно, это объяснялось слухами о грядущей войне с Японией, в которой он хотел участвовать. В 1904–1905 гг. забайкальцами командовал генерал К.П. фон Ренненкампф. Он был родственником Унгерна: его бабушкой со стороны отца была Н.-В.-Х. фон Ренненкампф (1823–1909).[191] Кроме того, рядом с Забайкальем находится Монголия — страна, которой Унгерн интересовался.

7 июня 1908 г. вышел приказ Забайкальскому казачьему войску № 352 о зачислении в войсковое сословие юнкера барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга в выселок Усть-Карынский Цаган-Олуевской станицы 2-го военного отдела.[192] 10 июня 1908 г. приказом № 162 начальника училища, Генерального штаба генерал-майора С.С. Хабалова, по Павловскому военному училищу (лагерь под Красным Селом) в послужной список Унгерна внесено уведомление наказного атамана Забайкальского казачьего войска телеграммой от 8 июня № 5636 о том, что Е.В. роты старшего класса юнкер барон Роман Унгерн-Штернберг приказом по войску от 7 июня зачислен в войсковое сословие этого войска, с припиской к выселку Усть-Карынскому.[193] В Забайкальское казачье войско он был выпущен сверх вакансий.[194]

11 июня Унгерн вместе с другими юнкерами старшего класса отправился на экскурсию в крепость Кронштадт для осмотра фортов.[195] В Петербург их отвезли экстренным поездом, далее — пароходом. Обратно ехали на том же пароходе, а по железной дороге одиночным порядком. При юнкерах были офицеры, заведовавшие старшим классом. Форма одежды — рубахи при холодном оружии, шинели внакидку.

К окончанию училища юнкера получали денежные переводы из дома. 15 июня 1908 г. в Красносельскую почтово-телеграфную контору для Унгерна пришел перевод на 21 р.[196] Это довольно много: остальные 12 человек получили по 5–20 р., лишь один — 65 р. Роман Унгерн поддерживал хорошие отношения со своими родственниками даже после смерти матери.

По окончании полного курса наук в 1908 г., приказом Е.И.В. в Петергофе от 15 июня 1908 г. барон Унгерн-Штернберг по экзамену произведен в хорунжие со дня выпуска в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска.[197] Балл старшинства — 7,84, средний балл по наукам — 7,70, балл за строевое образование — 9.[198]

Некоторые пехотные полки были не особо популярны. 16 января 1908 г. начальник 10-й пехотной дивизии, расквартированной у г. Лодзь, писал начальнику Павловского училища Хабалову, что юнкера военных училищ последние несколько лет по окончании курса избегают брать вакансии в полки

его дивизии. Объяснял он это слухами о плохих стоянках, хотя в действительности они были хорошие, просил воздействовать на юнкеров.[199]

Конечно, Унгерна занимали не стоянки полков. Кузен Романа, Арвид Унгерн-Штернберг объяснял уход Р.Ф. Унгерна в казачество тем, что тот хотел служить не в пехоте, а в кавалерии, тогда как выпускнику пехотного училища это можно было реализовать только в казачьем полку. В казачьи офицеры было произведено всего несколько юнкеров того же выпуска. Двое из них просились туда как потомственные казаки, а две вакансии было выделено для юнкеров, не принадлежащих к казачьему сословию Сибирского казачьего войска.[200]

1-й Аргунский полк, в который прибыл Унгерн, стоял в Восточном Забайкалье. Так исполнилась мечта Унгерна служить у границы России с Монголией и Баргой.[201] К этому же периоду, по-видимому, относится и безуспешная попытка Унгерна создать орден военных буддистов, в котором он ввел безбрачие, отказ от женщин, удобств и излишеств — что, однако, не было принято его единомышленниками.[202] Находясь в Забайкалье, Унгерн много читал, но какие книги конкретно — неизвестно. Есть сведения, что он всегда держал при себе какую-нибудь книгу по философии и для удобства нередко разрывал ее на отдельные листы.[203]

В Забайкалье барон отлично освоил верховую езду и приемы конного боя — благодаря своей целеустремленности и учителю, сотнику Оглоблину.[204] Впоследствии барон следил за тем, чтобы его подчиненные тоже имели такие навыки.[205]

В составе 2-й сотни в 1908 г. Унгерн выступил на ст. Соболино для содействия гражданским властям.[206] Детали задания неизвестны. Летом 1910 г. он был в трех карательных экспедициях в Якутской области. Что это за экспедиции, выяснить не удалось. Во всяком случае, это не знаменитый расстрел рабочих на Ленских золотых приисках (апрель 1912 г.). Однако известно, что в начале XX в. главным направлением деятельности восточносибирского казачества стала борьба с революционным и национальным движением.[207] В 1910 г. в Сибири начался подъем стачечного движения,[208] в том же году Якутию поразил неурожай, особенно сказавшийся на Якутском округе.[209] Возможно, Унгерн был отправлен с отрядами, подавлявшими волнения.

В том же 1910 г. Унгерн перевелся в 1-й Амурский полк. Считается, что этот перевод был связан с дуэлью, после которой совместная служба противников стала невозможной.[210] Однако в воспоминаниях Голубева этот эпизод изложен по-другому: во время попойки сотник Михайлов — приятель Унгерна — назвал его «проституткой». Барон не только отказался вызвать последнего на дуэль, но даже потребовать извинения, вследствие чего офицерский суд чести (куда входили Оглоблин, Шестаков, Серебряков, Зимин) предложил им перевестись в другие полки.[211] Б.Н. Волков утверждал, что председателем

суда над Унгерном был В.В. Зимин, впоследствии генерал.[212] Со слов последнего, пересказанных Волковым, пьяный Унгерн оскорбил своего друга, на тот момент — дежурного офицера, за что и получил удар шашкой. Инцидент не отразился на аттестации: «взысканиям, соединенным с ограничением прав по службе, не подвергался».[213]

Есть сведения, что это ранение Унгерн получил не в Аргунском, а уже в Амурском полку и поэтому ушел оттуда.[214] Но в приказах по 1-му Амурскому полку за последний год его службы (1913) таких сведений нет, хотя попадаются судные дела казаков и по более мелким проступкам[215]. Поэтому остается заключить, что Унгерн получил это ранение именно в Аргунском полку, и это стало причиной его перевода в Амурский полк, что согласуется с мемуарами Князева и Торновского.[216] Унгерн выехал из станицы Бырка[217] к месту новой службы в 1-й Амурский полк, в Благовещенск. Заключив пари, весь путь (900 верст) он проделал верхом в сопровождении лишь своей охотничьей собаки, следуя по кратчайшему направлению через хр. Большой Хинган охотничьими тропами.[218] Этот кратчайший путь лежал через земли монголов. Здесь барон мог познакомиться с их жизнью и традициями.

С 1910 по 1912 г. Унгерн временно заведовал пулеметной командой, командой разведчиков, был назначен в войско для обучения переселенцев, участвовал в военно-конской и повозочной переписи.[219] В 1912 г. он был произведен в сотники за выслугу лет.[220] К этому времени он зарекомендовал себя как отличный наездник, человек, интересующийся военным делом, пользующийся симпатиями товарищей.[221]

Судя по приказам по полку,[222] Унгерн, как и некоторые другие офицеры, особенно не планировал свои расходы — из его жалованья удерживали долги, например, буфетчику Бондаренко («отослать в магазин Чурина»), вдове Кузнецовой (стряпке или за постой?), «на уплату верхнеудинцам», «в 1-й Аргунский полк» (какие-то долги по прошлому месту службы?).

В аттестации отмечалось, что Унгерн интересовался литературой — причем не только военной, но и «общей», чему способствовало знание нескольких иностранных языков — немецкого, английского, французского. Позже он изучил также монгольский, бурятский и китайский языки.

Некоторые сослуживцы по 1-му Амурском полку — хорунжий Эпов, хорунжий Б.П. Резухин, урядник Л.И. Пинигин, возможно, есаул Казачихин — впоследствии служили в Азиатской конной дивизии Унгерна. С Резухиным барона связала тесная дружба. Резухин тоже был не коренной забайкалец, происходил из Тверской губернии.[223] По М.Г. Торновскому, службу он нес исправно, был типичным кавалерийским офицером, но не подходил к казачьей среде.[224] В 1912 г. Резухин (уже в чине сотника) служил в русском консульском конвое в столице Монголии, затем был переведен в Кобдо. Первую мировую войну он закончил в чине подъесаула, был отмечен орденом

Св. Владимира 4-й степени, с мечами и бантами. В гражданскую войну Резухин дослужился до генерал-майора. Его жена застряла в Москве...

В 1911 г. Унгерн был в шестимесячном отпуске и, очевидно, ездил к родственникам в Ревель. Есть сведения, что в Эстляндии он пробыл три месяца.[225] Как раз в 1911 г. началась Синьхайская революция, развалившая империю Цин, в Монголии ширилось национально-освободительное движение. Вероятно, Унгерн знал об этих событиях.

У границы с Маньчжурией циркулировали слухи о возобновлении войны с Японией. Но для человека, мечтавшего о подвигах, гарнизонная жизнь там была скучной. Вряд ли могли удовлетворить барона дежурства по полку, занятия с молодыми казаками — езда на коне с соскакиванием и вскакиванием, рубка шашкой пешком и на лошади, шашечные приемы, проездка лошадей и т.д.[226] Он решил искать более интересной службы.

Унгерну, как монархисту, вряд ли могла понравиться Синьхайская революция. От своего друга Резухина (а не только из газет[227]) он мог узнавать о событиях в районе Кобдо и о русских инструкторах в монгольских отрядах. Барон решил уйти в отставку, чтобы поехать туда.

Есть сведения, что в начале 1913 г. Унгерн был в Петербурге на торжествах по случаю 300-летия дома Романовых, а затем ездил к родственникам в Прибалтику. Там он мог встречаться с эстонским буддистом К. Тыниссоном, которого знал с детства.[228]

Судя по сохранившимся документам, 28 июня 1913 г. приказом № 179 по 1-му Амурскому полку сотнику барону Унгерн-Штернбергу был разрешен отпуск впредь до зачисления в запас, без сохранения содержания.[229] 29 июня 1913 г. приказом № 180 «Сотника барон Унгерн-Штернберга исключить при полку с 1 июля с.г. с жалованья в размере 876 руб. в год, добавочного жалованья согласно приказа по В.В. 1909 г. № 1, 240 руб., квартирных 242 р., приамурских суточных 108 р. в год, фуражных на одну строевую лошадь и провианта в размере двух солдатских пайков».[230] Но жалованье продолжало автоматически начисляться — поэтому 23 июля, когда барона уже давно не было в Приамурье, излишне вытребованные деньги были из полка сданы в Благовещенск. С 1 июля 1913 г. приказом № 182 выехавший в отпуск сотник барон Унгерн-Штернберг стал числиться в отпуске.[231] 4 июля 1913 г., находясь в Благовещенске, он подал на имя императора прошение об увольнении в запас,[232] которое мотивировал «расстроенными домашними обстоятельствами».

Не дожидаясь официальной отставки, барон уехал в поисках подвигов, что было удостоверено бумагой от командования.[233]

***

Таким образом, уже в детстве и юношестве Р.Ф. Унгерна проявились те качества, которые ярко проявятся в будущем: религиозность, традиционализм, глубокий интерес к Востоку, храбрость, нежелание подчиняться рутинному порядку. По-видимому, эти факторы оказались определяющими в решении Унгерна уволиться в запас ради подвигов в национально-освободительном движении монголов.

ГЛАВА 2

Независимость и автономия Внешней Монголии

В 1913 г. одиночная поездка с Амура в Монголию была рискованным предприятием. Монголия и Маньчжурия были охвачены восстаниями; там орудовали шайки хунхузов. Но поездка Унгерна не была случайностью или простым стремлением воевать. Он хотел включиться в ту освободительную борьбу, которую вели монголы в Западной Монголии против порабощения маньчжурами и китайцами. Кроме того, в Монголии барон искал те традиции, которые сохранились со времен Чингис-хана, тот образ мышления и уклад, который утрачен в европейском буржуазном обществе (подробнее см. в главе 15).

Действительно, традиции и установления Чингис-хана еще сохранялись в монгольском обществе благодаря консервативности последнего. После Чингиса Великая Монгольская империя продолжала расширяться, и при Хубилай-хане (1216–1294) стала самым большим из когда-либо существовавших государств. Однако после смерти Хубилая там начался процесс дезинтеграции: правители отдельных уделов становились независимыми правителями, признание власти великого хана становилось номинальным. Перенос Хубилаем столицы в Ханбалык (Пекин) и китаизация системы управления заложила «мину замедленного действия» не только под Монгольскую империю, но и под удел великого хана (государство Юань). При подавляющем численном превосходстве китайского (ханьского) населения смена династии в Ханбалыке вела к развалу всей империи.

Это и произошло, когда монгольский великий хан Тогон-Тэмур (1333–1368) был изгнан из Пекина, где установилась власть китайской династии, основавшей новое (теперь уже китайское) государство — империю Мин. Китай был потерян для монголов, ханская власть на собственно монгольских землях слабела, нарастали междоусобицы. Независимые владетели стремились подчинить соседей, некоторые надеялись даже восстановить Великую Монгольскую империю.

В 1616 г. маньчжуры, набиравшие силу, образовали свое государство. В 1624 г. они заключили первый политический союз с монголами — с южным княжеством Харчин.[234] Это положило начало расколу южно-монгольских феодалов и подчинению монголов маньчжурской династии Айсинь Гиоро. В 1636 г. маньчжурский хан присвоил своему государству девиз правления Цин, по которому оно и называлось до конца своего существования. В 1644 г. маньчжуры взяли Пекин, а к 1683 г. включили в состав своей империи весь Китай. Они позаимствовали у Китая структуру власти и внешнеполитическую доктрину.

Утрата государственности монголами была связана с включением на разных условиях независимых и полунезависимых монгольских народов в маньчжурскую империю Цин. В одних случаях это было завоевание, иногда сопровождавшееся геноцидом (например, в случае Джунгарского ханства, где погибло до 1 млн человек, или $^{7}/_{10}$ населения). В других случаях это было вынужденное вхождение (например, Халхи) под защиту более сильного соседа. Последнее было тем проще, что маньчжуры, народ тунгусо-маньчжурской группы, этнически ближе к монголам, чем китайцы (ханьцы). Даже с точки зрения европейца XIX в. маньчжуры все же рассматривались не как китайцы, а как «восточные татары», то есть одно из монгольских племен.[235] Сами китайцы смотрели на них примерно так же.

Маньчжурские ханы, или императоры, в период присоединения монгольских земель старались показать свою преемственность от императоров юаньских[236]. Последним общемонгольским ханом был Лигдэн-хан (1592–1634), старший среди Чингисидов. Маньчжурский хан Нурхаци предложил ему заключить союз против китайской империи Мин между монголами и маньчжурами — как народам, близким по обычаям и установлениям, но получил отказ.[237] В борьбе со следующим маньчжурским ханом — Абахаем Лигдэн потерпел поражение. Вскоре он умер от оспы. Его старшая жена и наследник сдались Абахаю. Последний заявил, что завладел печатью юаньских императоров, подчеркивая этим свою легитимность как повелителя монголов. В 1636 г. съезд князей южных и восточных монголов отправил посольство к Абахаю с передачей ему титула всемонгольского хана — (богдыхана, то есть императора). Так союзнические отношения с частью монгольских князей перешли в их вассальную зависимость, которую маньчжурский хан стремился распространить на всех монголов.

Абахай принял титул и пообещал сохранить за монгольскими князьями наследственное право на уделы, неприкосновенность территории и жизненного уклада. Маньчжурские императоры считали себя правопреемниками Чингисидов и, соответственно, Чингис-хана. Это укреплялось особым положением монголов в империи, родственными связями с ними правящей династии и покровительством тибетскому буддизму, все шире распространявшемуся среди монголов. Такой взгляд активно поощрялся маньчжурами.

После того, как южные и восточные монголы стали вассалами маньчжурского хана, Халха все еще оставалась независимой. Но правители ее уделов попадали во все большую зависимость от империи Цин. Пытаясь включить их уделы в состав Джунгарского ханства, с запада на них нападали монголы-ойраты, находившие себе союзников среди князей Халхи. Так внутримонгольские распри перешли в войну между Халхой и Джунгарским ханством. После ряда поражений халхасцы уже не могли сдерживать натиск джунгаров. Оказавшись в безвыходном положении, они стали обсуждать, под власть какого царства перейти — Российского или Цинского.

Убедил князей перейти под власть маньчжуров, как более близких монголам по религии и обычаям, глава буддистов Халхи — Ундур-гэгэн Дзанабадзар (1635–1723), первый Богдо-гэгэн. На сейме в Долон-норе в 1691 г. князья Халхи признали сюзеренитет маньчжурской династии. Решения сейма не были закреплены письменным актом — следовательно, здесь можно говорить о международно-правовом обычае, а не о международном договоре. Тем не менее, собравшимся феодалам был оглашен указ императора Сюанье (девиз правления — Кан-си) о его решении организовать Халху «по одному образцу с 49 знаменами [южных монголов] и ... титулы также сделать одинаковыми с 49 знаменами».[238] Высказанное на съезде «добровольное» и «единодушное» желание халхасских феодалов войти в Цинскую империю на тех же положениях, что и Южная Монголия, было инспирировано маньчжурским руководством. Кроме того, документы, материалы и книги в Маньчжурской империи, касавшиеся отношений с соседними народами, часто фальсифицировались.[239] Следует также учесть, что подчинение маньчжурскому императору монголы и китайцы понимали по-разному. Для монголов это означало не вхождение в чужое государство, а лишь вассальную присягу более сильному хану. Китайцы же и перенявшие их политическую доктрину маньчжуры, наоборот, считали навечно подчинившимися всех, кто хоть раз признал сюзеренитет их императора или просто прислал посольство, а подарки императору трактовали как дань.[240] Многие монгольские князья, не согласные с этим, перекочевали в Россию.

Под сюзеренитетом Цин монголы смогли более-менее мирно жить по своим обычаям около 200 лет. Для ханьцев, численно преобладавших в империи, существовал ряд ограничений: на миграцию в Маньчжурию и Монголию, на смешанные браки, на занятие высоких должностей и т.д. Запрещалась не только колонизация, но даже аренда их земель, ограничивался въезд извне, регулировалась торговля. Все это принято трактовать как «национальный гнет Цинов». В действительности это была попытка сохранения народов, ставших в империи нацменьшинствами — маньчжуров, монголов и др.

Маньчжурские ханы щедро раздавали титулы, должности и земли по принципу «разделяй и властвуй», что вело ко все большему раздроблению

Монголии. Маньчжурские власти старались использовать в своих интересах также буддийскую религию, запрещающую убийство живых существ и сделавшую когда-то воинственных людей мирными. Однако это не значит, что они распространяли буддизм ради ослабления монголов: ведь он распространялся и среди маньчжуров. Высшим религиозным авторитетом во Внешней Монголии (а затем и за ее пределами) пользовались перерожденцы первого Богдо-гэгэна, которых находили уже не в Монголии, а в Тибете. Эти перерожденцы носили титул Джебцзундамба-хутухта. Монгольский историк Ш. Бира отмечал интересную особенность: чем глубже укоренялся буддизм в Монголии, тем больше она отчуждалась от маньчжурских повелителей.[241]

В целом, жизнь в империи Цин устраивала монголов. Но во второй половине XIX в. положение изменилось. Империя начала входить в полосу кризисов. Социально-экономические предпосылки революции были минимальными, но ее мощным ускорителем была агрессия европейцев и американцев, ставившая империю во все большую зависимость от Запада и вызывавшая у ханьцев антиманьчжурские настроения.[242] Хотя маньчжуры к этому времени сильно китаизировались, ханьцы продолжали воспринимать их как «северных варваров», а неэффективная политика режима вдовствующей императрицы Цыси (правившей 47 лет) привела к дискредитации династии в широких слоях населения. Ради того, чтобы удержать власть и пытаться вывести империю из кризиса, Цыси грубо нарушала традиции династии Айсинь Гиоро. При ней были отменены привилегии маньчжуров, началась политика их ассимиляции китайцами.[243]

Маньчжуры стали проводить реформы, призванные укрепить государство.[244] В 1887 г. цинское правительство разрешило ханьцам переходить через Великую китайскую стену. Китайская колонизация исторической родины маньчжуров, происходившая уже более 200 лет, резко ускорилась: правительство опасалось, что не сможет сохранить за собой малонаселенную Маньчжурию. К началу XX в. в ряде маньчжурских провинций ханьцы численно превосходили маньчжуров. Кроме того, был взят курс на превращение Монголии и Тибета в обычные китайские провинции — фактически, в ханьские колонии. После восстания ихэтуаней 1899–1901 гг. маньчжурское правительство разрешило китайцам колонизировать земли Внутренней Монголии.[245] Туда хлынули сотни тысяч ханьцев из внутренних районов Китая, появились чисто китайские города и сеймы. Были созданы специальные структуры по распродаже монгольских земель.

Недовольство местного населения пресекалось карательными мерами. В отношении монголов теперь проводилась политика ассимиляции. Например, во введенных во Внутренней Монголии элементарных школах обязательным языком стал китайский, а вспомогательным — монгольский. Монголия вставала на тот же путь, которым следовала Маньчжурия, где уже в XIX в. маньчжурский

язык начал замещаться языком ханьских поселенцев. Как представляли китайцы будущее Монголии, понятно из слов цзяньцзюня (военного губернатора) Энь Цзе: «Когда Монголия будет, наконец, сплошь вся заселена китайцами, то она представит собою вторую Великую стену для нашего государства».[246]

Согласно отчету командующего войсками Приамурского военного округа за 1902 г., влияние России в Монголии, возросшее с проведением Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), вызвало со стороны маньчжурского правительства энергичную деятельность по заселению монгольских земель близ нее китайцами из густо заселенных районов Южной Маньчжурии и внутренних провинций Китая.[247] Целью был противовес влиянию русских и оттеснение монгольского населения вглубь страны от КВЖД. В результате уже к 1902 г. в некоторых хошунах[248] китайский элемент стал преобладать над монгольским. Монголы-харчины[249] начали быстро окитаиваться и утрачивать свой язык. В начале XX в. многих харчинов уже было столь же трудно отличить от китайцев, как и маньчжуров. Командующий войсками Приамурского военного округа рекомендовал властям России содействовать монгольским князьям в борьбе с маньчжурским правительством.

В целом, новая политика маньчжуров преследовала следующие цели: ослабить влияние России и Японии в Монголии; ассимилировать монголов китайцами; заменить монгольский кочевой уклад на китайский крестьянский; сделать Монголию военным плацдармом; подавить сопротивление монголов.[250] Проводя эти мероприятия, маньчжурское руководство, фактически, организовало аннексию чужих и своих родных земель ханьцами, ханьскую ассимиляцию собственного и монгольского народов, подготовило крах своей империи. Этим были нарушены обязательства, которые взяла на себя маньчжурская династия в XVII в., распространяя сюзеренные права на Монголию. Китайская колонизация стала главной причиной национально-освободительного движения монголов.

Одним из первых это понял Далай-лама XIII, видевший, что пекинское правительство попирает права Монголии и Тибета. Находясь в Халхе в 1904–1906 гг., он встречался с влиятельными иерархами (хутухтами, гэгэнами) и князьями из Внешней и Внутренней Монголии. По свидетельству кяхтинского пограничного комиссара А.Д. Хитрово,[251] они «бесповоротно решили отделиться от Китая в самостоятельное союзное государство, совершив эту операцию под покровительством и поддержкою России, избежав при этом кровопролития».[252] Как показали дальнейшие события, ошибочный выбор внешнеполитических приоритетов МИД России не позволил полностью осуществиться этим надеждам.[253]

В 1910 г. амбанем (гражданским губернатором) в столицу Внешней Монголии — Их-хурэ был назначен маньчжур Саньдо, или Саньдова. Он проис-

ходил из хошуна Шулун-Цаган около г. Хух-Хото во Внутренней Монголии. Среди его предков были монголы, но он с детства получал китайское образование, а позже занимал высокие посты в империи Цин.[254] Саньдо интересовался историей и археологией Монголии, писал китайские стихи, которые публиковались.

Саньдо был проводником антимонгольской политики. В 1909 г. Особое бюро по пересенленческим делам Монголии, учрежденное в Пекине в 1906 г., наметило план колонизации Внешней Монголии. По согласованию с несколькими монгольскими дзасаками все пригодные для земледелия земли Внешней Монголии отчуждались в фонд цинского правительства с уплатой дзасакам 50% стоимости земли.[255] За скупкой земель китайцами должно было последовать строительство китайских городов и земледельческих поселков по всей стране и их разрастание за счет китайской миграции — то есть то, что уже происходило во Внутренней Монголии и Маньчжурии. Выполняя эти решения, Саньдо учредил в Их-хурэ Бюро по колонизации халхасских земель китайцами.[256] Для увеличения цинского контингента около Их-хурэ были построены казармы, рассчитанные на дивизию.[257] Колонизация китайцами Халхи началась на следующий год после прибытия Саньдо.

Новая политика настораживала правящие круги Халхи. В июле 1911 г. по инициативе Богдо-гэгэна VIII в Их-хурэ был созван съезд князей Халхи и высших лам для обсуждения предложений пекинского правительства о колонизации, строительстве железной дороги и т.д.[258] Это была, так сказать, официальная часть. 27 и 28 июля 1911 г. прошло тайное собрание 18 лам и феодалов под председательством Богдо-гэгэна. На нем решили отделиться от Китая при поддержке России. В Петербург отправили посольство во главе с Хандаваном. В письме, направленном царю, сообщалось о новой политике китайцев. *Одновременно в МИД было направлено послание, где описывались притеснения со стороны китайцев, экономические выгоды России в Монголии* и т.д. Царское правительство поддержало не полный разрыв Монголии с сюзереном — маньчжурской династией, а ее стремление сохранить самобытность.

Саньдо, узнав об усилиях монголов, приказал арестовать членов делегации, выставил китайскую стражу вокруг дворца Богдо-гэгэна, запретил монгольским князьям контактировать с российским консульством. Антикитайское движение углублялось, но тихо и незаметно для глаз маньчжурской администрации. Возобновилось оно уже в связи с началом революции в империи Цин.

Основой Синьхайской революции, погубившей эту империю, были вооруженные восстания ханьцев, направленные на лишение власти маньчжурских чиновников. Недовольство проникло даже в высшие правительственные круги. Еще в 1904 г. Далай-лама XIII говорил, что сильная китайская партия

Юань Шикай.

в ближайшем будущем собирается свергнуть маньчжурскую династию.[259] Недовольство властью «варваров» — маньчжуров, издавна тлело в ханьских кругах.[260] И вот теперь возникли благоприятные условия для восстаний под националистическими лозунгами. Успехи Запада и модернизированной Японии указывали восставшим направление, куда следовать. В Центральном и Южном Китае провинции одна за другой стали отлагаться от Пекина. Они отказывались подчиняться маньчжурской династии, но не отделялись от Китая.[261] Напротив, сразу ставился вопрос об объединении провинций, контролируемых республиканцами — фактически, речь шла об образовании национального государства ханьцев. Движущую силу Синьхайской революции составляли представители буржуазии, либерально настроенных помещиков и интеллигенции, часть чиновников.

Перед смертью Цыси приказала убить императора Цзайтяня (девиз правления — Гуан-сюй), а власть передала другому родственнику — малолетнему Пу И. Он стал последним маньчжурским императором, но не имел реальной власти. После смерти Цыси был снят со своих постов и отправлен в родовое поместье Юань Шикай — наместник столичной провинции, председатель совета министров, член императорского военного совета, командующий бэйянской армией, управляющий почтой, телеграфом, железными дорогами и т.д.[262]

С началом Синьхайской революции освободительное движение в Халхе возобновилось. Пытаясь сохранить власть, цинский двор объявил о прощении участников тайного собрания в Их-хурэ.[263] Но это уже не имело значения. 30 ноября 1911 г. князья Халхи потребовали от Саньдо, чтобы он с остальными маньчжурскими чиновниками покинул Монголию. Саньдо вручили ультиматум, в котором говорилось: «После подчинения маньчжурской династии мы, люди Внешней Монголии, получали расположение и благодеяния от великих и милостивых императоров и жили мирно несколько сот лет... [Теперь] маньчжуро-китайские чиновники не только стали несправедливыми ко всем... но и возбудили бесконечные беспокойства и эксплуатацию. Даже сейчас, вследствие несправедливости и страданий, которые создали чиновники в провинциях маньчжурского императора, китайцы вооружились, устроили беспорядки и создали отдельные государства.... Мы, монголы, не

можем более переносить невзгоды и страдания от такого правительства... Поэтому мы, халхасцы, решили возвести ламу Джебцзундамбу, которому мы все поклоняемся... на трон хана и основать независимое государство».[264]

Зимой 1911 г. пекинские власти послали в Северо-Западную Монголию Дамби-Джанцана (Джа-ламу), а в Восточную — Егоцзур-хутухту (Югоцзур-хутухту) Дж. Галсандаши (монашеское имя — Агван-Лувсан-Данзан). Им поручалось уговорить монголов не отделяться от Китая.[265] Но оба поддержали борьбу монголов за независимость. Егоцзур-хутухта боролся с китайцами в Восточной Монголии даже после заключения тройственного Кяхтинского соглашения (см. ниже), скрывал повстанцев в своем монастыре, был арестован китайцами и отпущен только после переговоров с Сайн-нойон-ханом Т. Намнансурэном, посланным Богдо-гэгэном в Пекин.[266] Монастырь Егоцзур-хутухты находился близ южной границы Халхи с Внутренней Монголией (западнее современного п. Эрдэнэ-Цаган Сухэ-Баторского аймака). Святитель имел солидные связи духовного и личного характера во Внутренней Монголии.[267] Позже Унгерн познакомится с Егоцзур-хутухтой в Хайларе, затем будет переписываться, считая его «соединительным мостом» между монголами Халхи, Внутренней Монголии и Барги,[268] обсуждая перспективы антикитайского восстания во Внутренней Монголии.

Китайские солдаты на фоне храма в Улясутае (Consten, 1920).

1 декабря 1911 г. в Их-хурэ было обнародовано воззвание с объявлением независимости. В нем говорилось, что на землях маньчжуров и китайцев происходит переворот, а Монголия изначально была независимым государством и поэтому решено образовать независимое монгольское государство.[269] Китайский гарнизон в Их-хурэ состоял из 300 пехотинцев и кавалеристов, 40 человек личной охраны губернатора, имел несколько орудий, а монголы были практически безоружны.[270] Однако Саньдо не был решителен, а солдаты не поддержали его. Г.М. Семенов (1890–1946), будущий атаман, в то время нес службу в 6-й сотне 1-го Верхнеудинского полка, охранявшей русское консульство в Их-хурэ.[271] Он писал в своих мемуарах, что в то время ему было поручено охранять Саньдо. По собственной инициативе он разоружил китайских солдат и предотвратил грабеж монголами Дайцинского банка. Маньчжурский амбань выехал в русскую пограничную слободу Кяхту 4 декабря. Сразу после этого в Улясутай, кяхтинский Маймачен,[272] Кобдо, Баргу и Внутреннюю Монголию были разосланы гонцы с воззванием свергать маньчжуро-китайскую власть и провозглашать независимость с тем, чтобы создать единое Монгольское государство.[273] Смена власти в Маймачене и Улясутае прошла мирно.

29 декабря 1911 г. в Их-хурэ прошла торжественная церемония возведения Богдо-гэгэна VIII на престол великого хана (Богдо-хана) Монголии. Были созданы две палаты: верхняя и нижняя. Верхняя состояла из пяти министров (внутренних дел, иностранных дел, юстиции, военного и финансов) и 11 их заместителей. В нижнюю палату входили чиновники этих пяти министерств. Успех провозглашения независимости был обусловлен активной националистической деятельностью правящих слоев Монголии, поддержкой императорского российского правительства и нежеланием китайских солдат защищать маньчжурское господство.[274]

Считается, что это были предпосылки воссоздания монгольской государственности.[275] В действительности же следует говорить о ее реальном воссоздании: страна стала самостоятельной и перестала подчиняться иностранцам. Были созданы государственные институты, армия, инфраструктура, страна самообеспечивалась товарами, поддерживала контакты с зарубежными государствами. Выход монголов из-под власти маньчжурской династии был легитимным, так как она грубо нарушила условия своего сюзеренитета над монголами. День независимости Монголии — 29 декабря. В этот день в 1911 г. страна провозгласила свой суверенитет под властью Великого хана (примечательно, что 29 декабря — также день рождения Унгерна). Однако лишь в 2007 г. в государстве Монголия этот праздник был установлен официально.

События того времени часто называют «национально-освободительной революцией». Это название неточное. Имела место не революция, а национально-освободительное восстание. Революции не было: общественный строй остался прежним, то есть феодальным. Народ желал сохранения ста-

рых порядков и противостоял реформам, введенным гибнувшей маньчжурской династией. Национально-освободительная борьба монголов была не революционной, а контрреволюционной. Монгольский народ не поддерживал ни китайскую революцию, ни экспорт революции из России, которым позже занялся Коминтерн.

Российская империя отнеслась сочувственно к национально-освободительному движению монголов. Но она была связана международными обязательствами, которые заставляли ее действовать очень осторожно — в особенности, в том, что касалось стремления монголов воссоединить свои земли. По соглашениям с Японией 1907, 1910 и 1912 гг. сферой влияния России были Северная и Западная Монголия и Северная Маньчжурия, а Японии — Южная Маньчжурия и восток Внутренней Монголии. Поэтому Россия вынуждена была советовать властям Внешней Монголии отказаться от намерения присоединить Внутреннюю Монголию.

Как отмечал Е.А. Белов, в этот период Петербург и Токио действовали в Китае солидарно (имея интересы в Маньчжурии и Монголии). 3 декабря 1911 г. японское правительство передало министру иностранных дел России С.Д. Сазонову памятную записку, основная идея которой была в том, чтобы сохранить маньчжурскую династию, но с «реальной властью китайцев», то есть Юань Шикая.[276] 23 декабря 1911 г. японский посланник в Пекине заявил Юань Шикаю, что его правительство ни при каких условиях не признает южное республиканское правительство. Япония неоднократно ставила вопрос о сохранении маньчжурской династии и перед Англией, но всегда получала отрицательный ответ.

Между тем, в Китае ширилось антиманьчжурское движение ханьцев. 29 декабря 1911 г. делегаты от 17 провинций, собравшиеся в Нанкине, избрали временным президентом Китайской республики Сунь Ятсена (1866–1925) — «великого борца за независимый и демократический Китай», лидера Синьхайской революции, внесшего большой вклад в свержение монархии и развитие великоханьского шовинизма. Еще в 1895 г. он попытался поднять антиманьчжурское восстание в Кантоне, но потерпел поражение и бежал за границу. Если в начале революционной деятельности основной идеей Сунь Ятсена был только национализм, то республиканские взгляды у него появились после посещения США и Европы.[277] А ведь европейские наблюдатели[278] еще в XVIII в. замечали, что маньчжурские императоры опасались идей Французской революции, поскольку основа безопасности и спокойствия империи — патриархальная система. И вот, находясь за границей (в той самой Франции), Сунь Ятсен провозгласит Китайскую республику. Но это позднее. Пока же, в 1905 г. была создана Китайская революционная лига — Чжунго гэмин тунмэнхой под руководством Сунь Ятсена.[279] Последний опубликовал

«Три народных принципа» — национализм (власть ханьцев), народовластие (республиканский строй) и народное благоденствие.

Вот мнение Сунь Ятсена по национальному вопросу: «Китай должен быть государством китайцев, и управлять им должны китайцы. <...> У маньчжуров звериный нрав, они не имеют никакого представления о том, как должны складываться отношения между людьми. <...> Варвары не могут править цивилизованным народом, дикие племена не могут господствовать над Китаем. <...> Мы, ханьцы, потомки Хуанди, не можем жить под одним небом с разбойниками маньчжурами, либо мы уничтожим их, либо они нас».[280] Вместе с тем, по мнению Сунь Ятсена, территорией Китая надо считать не только приращения, сделанные «дикими племенами» — «разбойниками маньчжурами» (то есть примерно половину современной КНР), но и Корею, Северное Приамурье, Уссури, Или, Коканд, Рюкю, Борнео, Суматру, Яву, Цейлон, Сиам, Непал, Бутан[281] — в общем, земли всех народов, кто хоть когда-то зависел от кого-то, владевшего Китаем или его частью, или откуда приезжали в Китай купцы или послы. Позже, 1 января 1912 г. Сунь Ятсен издал декларацию, в которой ставил целью «сплотить в одну семью» все народы Китая (ханьцев, маньчжуров, монголов, тибетцев и т.д.) и таким образом добиться «национального единства» в Китае.[282]

Юань Шикай, имевший достаточные силы, чтобы разгромить республиканские войска, не стал этого делать. Напротив, он оказал давление на придворные группировки, требуя отречения императора. 12 февраля 1912 г. малолетний Пу И отрекся от престола, а регентша Лунъюй от его имени выпустила указ, по которому Юань Шикаю поручалось сформировать временное республиканское правительство. Сунь Ятсену пришлось подать в отставку. Она была принята 14 февраля, а 15 февраля Юань Шикай был избран временным президентом Китайской республики. 10 марта он вступил в должность, а постоянным президентом был избран 6 октября 1913 г.[283] Российское императорское правительство официально признало Китайскую республику 23 сентября 1913 г.[284]

25 августа 1912 г. в Пекине была образована партия Гоминьдан. Она образовалась в результате слияния нескольких партий и групп, имевших представительства во временном парламенте в Пекине (образованном, в свою очередь, из слияния нанкинского и пекинского парламентов). Одной из целей Гоминьдана была провозглашена ассимиляция национальностей. При подавляющем большинстве ханьцев это должно было привести к приобретению ими земель, никогда им не принадлежавших: Монголии, Тибета и Восточного Туркестана.

Россия вынуждена была вести долгие переговоры с Китаем. Они начались еще в конце 1911 г., но к лету 1912 г. зашли в тупик: китайцы готовили военную интервенцию, сеяли рознь среди монгольских феодалов. Националь-

но-освободительное движение во Внутренней Монголии во главе с князем Удаем, начавшееся в августе, было жестоко подавлено уже в сентябре. При разгроме его хошуна китайцы не пощадили даже женщин и детей.[285]

И.Я. Коростовец.

В августе 1912 г. специальным дипломатическим представителем России в Нийслэлхурэ был назначен И.Я. Коростовец (1862–1933). Россия стала вести секретные переговоры с правительством Богдо-хана, завершившиеся подписанием 21 октября/3 ноября 1912 г. Русско-монгольского соглашения (договора). Им декларировалась самостоятельность Монголии. По содержанию, способу выработки и заключения (минуя Пекин) это был документ о создании независимого государства, каковым его и считали многие эксперты того времени и пекинские власти. Примечательно, что подписавший документ Коростовец сам считал его признанием именно независимости Монголии.[286] Фактический суверенитет страны в 1911–1915 гг. признавался даже в советские времена,[287] причем некоторые ученые справедливо отмечали, что Соглашением 1912 г. Россия признала независимость Монгольского государства от Китая.[288]

В тексте документа вместо «Внешняя Монголия» использовался более широкий термин «Монголия» в русском варианте и «Монгол улс» («государство Монголия») в монгольском варианте.[289] В русском варианте использован термин «соглашение», в монгольском — «договор» (то есть более высокий международно-правовой статус). Общественный строй Внешней Монголии обозначался в русском варианте как «автономный», или «самобытный», а в монгольском ему соответствовал термин, который переводится также как «самоопределение» и «самостоятельность». Оба варианта договора имеют равную юридическую силу.[290]

Недавно провозглашенную Китайскую республику Россия тогда еще не признала. Получилось, что Монголию как государство Россия на договорной основе признала раньше, чем Китайскую республику. Более того, в ст. 3 говорилось, что, если монгольское правительство сочтет нужным вступить в отдельный договор «с Китаем или другим иностранным государством», то новый договор не должен нарушать настоящий без согласия правительства России. Так что Китай обозначался как иностранная держава относительно Монголии. Русские подданные получили ряд преференций: свободу передвижения, торговли, банковской деятельности и т.д. Николай II выразил благодарность Коростовцу.

Соглашение и поддержка монголов Российской империей вызвали возмущение ханьских националистов: они не хотели «терять» чужую территорию. Нанкинское (южное) революционное правительство, как и пекинское, выступило против отделения Монголии. МИД Китая известил о непризнании российско-монгольского соглашения и потребовал его денонсации, на что получил отказ. Со своей стороны, Сунь Ятсен направил монгольским князьям телеграмму, в которой призывал остаться в составе Китая, объединиться с китайским народом, прислать своих делегатов в Нанкин. Гоминьдан инспирировал в Китае движение против «агрессии» России. Сунь Ятсен выступил с фантастическим проектом посылки полумиллионной армии против России.[291] Если первая армия будет разбита, надо послать вторую. Если и она будет разбита — увеличить численность солдат до 3 млн. и занять Приамурье и Приморье, затем увеличить до 6 млн. и занять Сибирь, затем — до 10 млн, выступить против Петербурга и Москвы и добить врага. Юань Шикай не одобрил этот план, признав его преждевременным. А в Тяньцзине китайское националистическое общество решило убить Коростовца за «отторжение» Монголии.[292]

Зато российские революционеры во главе с В.И. Лениным поддержали китайских. В 1912 г. фракция социал-демократов в государственной думе заклеймила «захват Монголии, нарушающий добрые отношения к великой, братской республике китайской».[293] Заявляя, что «царизм» хочет захватить Монголию, Ленин называл его политику авантюристической.[294] В этих заявлениях — корень ложных взглядов, будто после изгнания китайцев «Монголия фактически оставалась колонией иностранных держав»,[295] что происходили беспощадная эксплуатация и грабеж Монголии московским капиталом «под прикрытием кабального договора 1912 г.»,[296] «японские империалисты стали открыто готовиться к захвату Монголии <...> превращение Монголии в колонию было конечной целью царизма»,[297] а феодальная верхушка, желая объединить Халху и Внутреннюю Монголию, «руководствовалась не столько общенациональными интересами, сколько желанием закрепить за собою право на монопольную эксплуатацию аратства»[298] и т.п.

О. Батсайхан показал, что Россия включала Монголию в сферу своего влияния, но никогда не собиралась делать ее частью своей империи.[299] Целью России было создание буфера от Китая и японского влияния. Монголия стала независимым государством и оставалась таковым весь период автономии.

8 апреля 1912 г. президент Юань Шикай издал декрет об отмене статуса Монголии, Тибета и Восточного Туркестана как вассальных территорий. Они были приравнены к китайским провинциям, а жители объявлялись гражданами Китая. Россия выразила протест. Как сообщает Е.А. Белов, после протеста России Юань Шикай заверил, что хочет решать проблемы мирным пу-

тем, но сам начал секретные переговоры с Богдо-ханом об отказе Монголии от независимости. Одним из китайских эмиссаров был миссионер Ф.А. Ларсон, которому было поручено склонить отдельных членов правительства Монголии на сторону Пекина.[300]

Однако Богдо-хан отверг эти попытки. Еще в марте 1912 г. он объяснял в послании Юань Шикаю, что Монголия «никогда не была подчинена Китаю, а признавала лишь власть Цинской династии, которая ныне пала, и, значит, связь монголов с Китаем прервалась».[301] В 1913 г. он писал китайскому президенту: в результате отречения маньчжурской династии образовалось два отдельных государства — Монголия и Китай, и «у нас не может быть притязаний друг к другу. То, что Вы стали во главе китайского народа, а я — монгольского, и есть самое правильное разрешение вопроса, и это, кажется, не дает оснований для разжигания взаимной вражды».[302] Из ответов Богдо-гэгэна следует, что он хорошо понимал незаконность претензий Китайской республики на «наследие» империи Цин. В других телеграммах Юань Шикаю он приводил пример Америки, отделившейся от Британской империи; указывал на то, что монголы и китайцы ничего общего не имеют в вере, языке, обычаях и образе жизни; опровергал заявления президента, будто Цинская династия «уступила свои верховные права китайскому народу» — ведь регентша Лунъюй и ее сын — малолетний император Пу И сделались жертвой обмана Юань Шикая.[303]

11 января 1913 г. в Нийслэл-хурэ был подписан Монголо-Тибетский договор — первый международный договор после того, как Монголия восстановила свою независимость. В нем говорилось, что «Монголия и Тибет, освободившись от маньчжурской династии и отделившись от Китая, образовали свои самостоятельные государства». Это было законным актом установления межгосударственных отношений. Этот акт не требовал признания другими странами: будучи признана Россией как государство, Монголия к тому времени уже стала юридически правомочным субъектом для подписания международных договоров.[304] Отсюда следует, что признание Тибета Монголией также сделало Тибет субъектом международного права. Одним из тех, кто подписал договор с монгольской стороны, был Манлай-батор Дамдинсурэн — один из героев освобождения Кобдосского округа от китайцев (см. ниже).

Внутриполитическое положение в Китае складывалось не в пользу Гоминьдана. 6 октября 1913 г. китайский парламент вынужден был избрать Юань Шикая постоянным президентом. 4 ноября он опубликовал указ о ликвидации этой партии. В числе официальных причин — ее участие в революционном движении на юге и отказ утвердить третий проект русско-китайского соглашения по монгольским делам. Члены парламента от Гоминьдана были лишены полномочий и высланы из столицы на родину.[305] Установилась диктатура Юань Шикая и власть бэйянской военной группировки.

В ходе длительных переговоров китайской дипломатии почти удалось протащить выгодный Китаю вариант русско-китайского соглашения, пользуясь безразличием к азиатской политике министра иностранных дел англофила С.Д. Сазонова.[306] Лишь энергичное вмешательство И.Я. Коростовца и личная поддержка Николая II спасли положение. 4 ноября 1913 г. состоялось подписание Русско-китайской декларации по Внешней Монголии.[307] В ней Китай обязывался не вмешиваться в ее внутреннее управление и экономику, не содержать там чиновников и не посылать войска, за исключением конвоев. Хотя Русско-монгольское соглашение там не упоминалось, его содержание вошло в текст. В то же время, Внешняя Монголия признавалась частью Китая, а его правительство — сюзереном автономной Внешней Монголии. Монгольское правительство не признало эту декларацию, о чем сообщило в специальной ноте 2 ноября 1913 г. дипломатическому представителю России в Нийслэл-хурэ.[308] Выходит, что Монголию лишили юридической независимости две иностранные державы, но она сама это не признала, а значит, осталась независимой не только фактически, но и формально.

Деятельность правительства Богдо-хана по объединению монголов приносила плоды. Монголы разбивали отряды китайцев, направленные в Дзамын-Удэ и другие южные районы Халхи.[309] Первой на призыв Внешней Монголии откликнулась Барга: в январе 1912 г. она объявила о своей независимости, а в мае присоединилась к Халхе.[310] В феврале 1912 г. большая часть хошунов Урянхайского края (Тувы) также изъявила желание присоединиться к Монголии, но этому помешало царское правительство. Российская политика здесь основывалась на решениях особого совещания правительства в 1911 г., когда было решено считать русские поселения здесь основой для склонения края к статусу протектората с дальнейшим возможным присоединением к России.[311]

Барга и Внутренняя Монголия были охвачены антикитайскими восстаниями, но Россия, связанная соглашением с Японией, не могла вмешаться, хотя сочувствовала монголам. Например, она поддержала антикитайское восстание баргута Тогтохо-тайджи в 1907–1910 гг., которое началось в хошуне Южный Горлос в Восточной Монголии. После поражения восстания Тогтохо ушел в Халху и попытался поднять на восстание местных монголов, но это не удалось. Он ушел обратно во Внутреннюю Монголию, потом в западную Маньчжурию. Здесь он разбил китайцев, в 1911 г. ушел в Их-хурэ, потом с разрешения российских властей — в Забайкалье.[312] После провозглашения независимости Монголии, Тогтохо вновь перешел в ее столицу. От Богдо-хана он получил титул гуна. Его отряд стал выполнять функции столичного гарнизона и личной охраны Богдо. Отряд этот включал харчинов, штурмовавших Кобдо. Позже его сын, Насан-Тогтохо, по рекомендации Унгерна вступил в отряд Найдан-вана.[313]

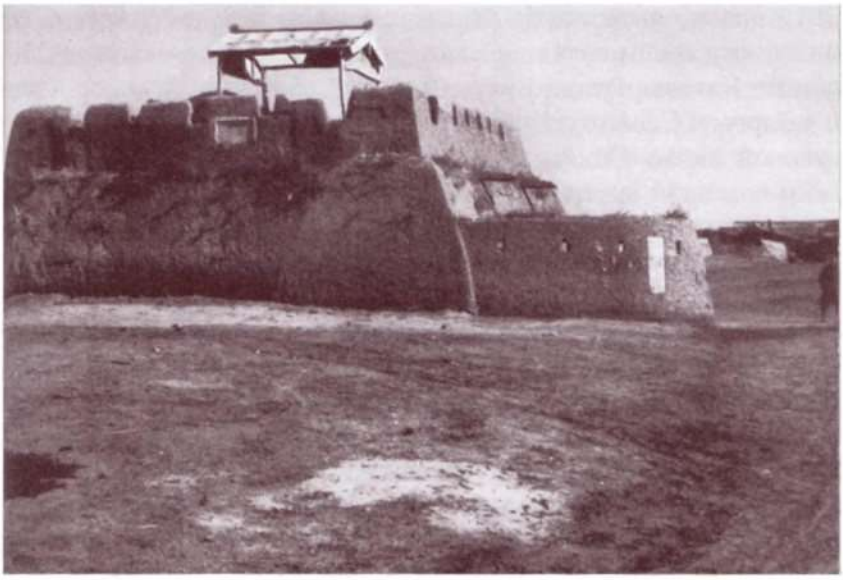
В 1912 г. монгольское правительство решило направить восемь отрядов по 150–500 человек на границы Халхи и далее на монгольское земли, оккупированные Китаем: Гучен, Булун-Тохой, Шара-сумэ, Кукунор, Хух-хото, Чахар, в Баргу, и Силингол.[314] Халхасцы, обученные русскими инструкторами в военной школе в Нийслэл-хурэ (открыта в 1912 г.) и русские военные советники помогали внутренним монголам.[315] Делалось это по просьбе секретного посольства монголов-тумэтов.[316]

В 1912–1913 гг., несмотря на предостережения России, несколько отрядов из Халхи все-таки вступили во Внутреннюю Монголию. В них входили внешние и внутренние монголы (в частности, чахары). Эти отряды проникли в различные сеймы в надежде поднять на борьбу местное население. В монгольских отрядах, оперировавших в районе Хух-хото, находились русские военные советники: офицеры запаса М.В. Цыклауров, Л.А.Владимирский, Е.Н. Юдин, В. Куренной, переводчики Гомбоев, Гармаев и Чайванов. В монгольских отрядах в Силингольском сейме находились А.А. Кобылин, А. Латышенко и переводчик Цыбиков. В походе во Внутреннюю Монголию участвовал отряд С. Максаржава.[317] За это он получил поощрение от Богдогэгэна. В том же приказе Богдо-гэгэн даровал тайджи (дворянину) Сундую почетный титул Бишерельту-гун.[318] Позже Максаржав и Сундуй примут активное участие в унгерновской эпопее.

В июне 1913 г. в Чжирэмском сейме борьбу с китайскими войсками вели отряды монголов под командой Бабучжав-гуна, Мурчжав-гуна, Чимэд-Цэрэна, Арахуа-бэйсэ и Найдан-гуна. Наступление в районе Долон-нора продолжалось и в августе, причем 31 августа 1913 г. 1300 монголов разбили китайские войска под Долон-нором.[319] Позже чахарский отряд Бабучжава, грабивший халхасцев, был разбит Максаржавом.[320] Сам Бабучжав в июне 1916 г., видя невозможность воссоединения с Внешней Монголией из-за Кяхтинского соглашения, объявит о восстании в пользу реставрации маньчжурской династии и погибнет в октябре того же года.[321] А князь харчинов Найдан-гун примкнет к войскам барона Унгерна, освобождавшим Халху от китайцев в 1921 г.

Русский генеральный консул в Нийслэл-хурэ А.Я. Миллер писал в секретной телеграмме от от 2/15 июня 1913 г., что, несмотря на недопущение им командировки в Хух-хото Малиновского[322] и отъезда туда нижних чинов инструкторов, его настояния перед монгольским правительством прекратить военные действия были безрезультатны, хотя он предупреждал о возможности уничтожения китайцами окруженного монгольского отряда.[323]

Как и предполагал Миллер, монголы не смогли победить китайцев и взять крупные города Долон-нор и Хух-хото. Сказались военная отсталость и недостаточная поддержка местного населения. Внутренняя Монголия к тому времени подверглась сильной китаизации, а численность китайцев там

Китайская крепость у Долон-нора (Bosshard, 1949).

намного превосходила численность монголов. Кроме того, давала себя знать нехватка боеприпасов.[324] В монгольских отрядах происходил разброд.

Миллер приводит об этом следующие сведения. Чахаров трудно отличить от китайцев, они кажутся более развитыми и культурными, чем их соратники-халхасцы. С последними чахары не ладят, даже ненавидят их, сражаться предпочитают отдельно. Служат чахары добровольно, могут бросить службу, когда вздумается. Халхасские солдаты крайне беспечны, но в бою бесстрашны.[325] Халхасцы (не чахары) грабили хошуны Силингольского сейма.[326] Чахары не грабили внутренних монголов — они уезжали вперед и грабили мирных китайцев.

В ноябре 1913 г. Богдо-хан вынужден был отдать приказ отозвать войска и прекратить военные действия, но просил китайцев не причинять «внутренним монголам никаких беспокойств и мучений».[327] В декабре 1913 г. из русских на монгольской военной службе осталось лишь три человека: Цыклауров, Кобылин и Латышенко, причем и они должны были вскоре покинуть Монголию.[328]

В конце 1913 — начале 1914 г. монгольские войска были выведены из Внутренней Монголии. Результатом конфликта стала гибель там множества монголов и китайцев. Лишь в августе — сентябре 1912 г. погибло несколько тысяч мирных жителей. После отступления халхасских войск множество монголов было истреблено китайцами. Это стало прямым следствием ноябрьской (1913 г.) Русско-китайской декларации.

Как бы не зная о секретных соглашениях России и Японии о сферах влияния, Богдо-хан послал с письмом к японскому императору Да-ламу. Однако об этом стало известно российской дипломатии, и Да-лама не был пропущен далее Внутренней Монголии. Тогда Богдо-хан послал второе письмо к японскому императору с просьбой помочь присоединить Внутреннюю Монголию и предложил послать в Нийслэл-хурэ дипломатического представителя. Взамен японцам предлагалась концессия на строительство железной дороги во Внутренней Монголии.[329] Министр иностранных дел Ханда-ван передал монгольское письмо Ц.Г. Бадмажапову, тот отдал первому министру Сайн-нойон-хану, а последний, будучи в Петербурге, отдал в министерство иностранных дел России с просьбой передать в Японию. Российский министр иностранных дел выполнил просьбу, но японцы, выполняя секретное соглашение с Россией, вернули письмо.[330]

Так обстояли дела на юге и юго-востоке от Халхи. В то же время, Россия поддержала претензии Нийслэл-хурэ на Кобдосский округ в Западной Монголии: это не нарушало соглашения с Японией. В 1912 г. к Кобдо подошли монгольские войска, посланные из Нийслэл-хурэ, а также отряд из тысячи урянхов (тувинцев).[331] Монголы осадили Кобдо и предложили китайцам мирно удалиться. Однако посланец монгольского правительства Тумуржан-гун был казнен китайцами.[332] Китайский амбань Пу Жунь отверг предложение о передаче власти монголам. Китайцы смогли ввести в Кобдо подкрепления. Затем подошел второй отряд, но его по дороге перебили монголы под командой Дамби-Джанцана, в то время как Максаржав отбивал вылазки гарнизона из китайской крепости.[333] Теперь монголы уже не испытывали недостатка в оружии.

В ночь на 20 августа 1912 г. Кобдо был взят монгольским войском численностью около 2500 человек. Взятием руководили Дамби-Джанцан, Максаржав-гун, командир баргутов Дамдинсурэн-гун и известный деятель национально-освободительного движения монголов Хайсан-гун.[334] Город был разрушен, значительная часть китайцев убита (как солдат, так и мирных жителей). Остальные, во главе с губернатором, укрылись

Хайсан-гун (YTA: КГДТ).

в российском консульстве. Дамби-Джанцан хотел уничтожить тысячу пленных китайцев, и только вмешательство русского консула М.Н. Кузминского и одного из высших иерархов Джалханцза-хутухты С. Дамдинбазара предотвратило казнь. Пленные были переправлены в Китай. Богдо-хан щедро наградил руководителей и участников освобождения Кобдосского края. Дамби-Джанцан (по представлению Джалханцза-хутухты) получил титул Докшийн-нойон-хутухта (грозный святой господин). Дамдинсурэн получил звание Манлай-батор, титулы тушэ-гун и дзасак-турийн-бэйлэ, Максаржав — звание Хатан-батор, титулы тушэ-гун и хошун-бэйсэ.[335] Было приказано выяснить заслуги остальных чиновников и солдат и по порядку распределить награды.

Дамби-Джанцан получил должность сайда (наместника) Кобдосского округа. Он сосредоточил в своих руках власть.[336] В его планы входило присоединение Алтайского округа и создание независимого государства ойратов в Западной Монголии.[337] По слухам, Дамби-Джанцан родился в хошуне Батар-хо-гуна, расположенном на тракте Улясутай — Калган, мальчиком был отдан учиться в монастырь Шара-сумэ на Долон-норе, затем послан в канцелярию Чжанчжа-хутухты в Китае, а потом командирован в Тибет[338]. По сомнительным сведениям, приводимым Ю.Н. Рерихом, Дамби-Джанцан родился в Астрахани, в семье калмыка Т. Санаева в 1860 г., а в Тибете получил прекрасное буддийское образование, но за убийство был изгнан из монахов, якобы оставшись ламой.

За 8–9 лет до этого он был очень беден; проезжая через Улясутайский край, был задержан китайцами как вредный элемент: выдавал себя за потомка Амурсаны — князя, который боролся за независимость от маньчжуров в XVII в.[339] По сведениям из других источников, Дамби-Джанцан скрывал свое настоящее имя, опасаясь наказания за воровство.[340]

Теперь Дамби-Джанцан стал обирать хошуны Кобдосского и Улясутайского округов, держал себя как независимый государь,[341] начал строить собственный город-монастырь, для чего согнал местное население, в том числе почти всех монахов. Это пагубно отразилось на экономике округа, было прямым нарушением указа Богдо-гэгэна, посягательством на веру. По словам князя Тугэмэла, в своих приказах Дамби-Джанцан никогда не ссылался на волю Богдо-гэгэна или монгольского правительства.[342] В январе 1914 г. Дамби-Джанцан уведомил консула В.Ф. Любу, что болезнь не позволяет ему выехать в Нийслэл-хурэ, несмотря на вторичный вызов Богдо-гэгэна.[343]

Дамби-Джанцан проявлял редкую энергию и настойчивость в проведении своих планов.[344] Монгольские феодалы жаловались российским представителям на его самоуправство и жестокость. Притеснения со стороны Дамби-Джанцана вызвали бунт монахов, собранных в его ставку, но бунт быстро подавили солдаты-халхасцы, которым Дамби-Джанцан внушил, что им придется расправиться с олетами — ойратами, будто бы не признающими власть

ургинского хутухты,[345] то есть Богдо-гэгэна. После подавления бунта монахов жестоко пытали. В частности, солдаты Максаржава пороли их палками до тех пор, пока не переставал двигаться зрачок глаза. Так было забито насмерть 20 человек. Впоследствии, после ареста русскими Дамби-Джанцана, два фельдшера целую ночь перевязывали монахов, многие из которых были избиты палками так, что обнажились кости.[346] За письмо, обличавшее его в проступках против буддийской религии, Дамби-Джанцан подверг пыткам святого отшельника Даянчи-ламу.

Дамби-Джанцан запарывал палками и казнил монголов по малейшему доносу, не слушая объяснений. Кроме монахов, за год он убил 100 знатных монголов. Он сильно разорял казахов, заставляя уходить в Россию, с одного казаха заживо снял кожу, у сарта отнял жену.[347] Весь край изнемогал от тяжелых поборов Дамби-Джанцана. К апрелю 1914 г. отношения между халхасскими правителями и местными дэрбэтскими князьями обострились и перешли во взаимную ненависть. Необузданное своеволие халхасских солдат, занимавшихся грабежами, восстановило против них население.[348] Дэрбэты готовили даже восстание против Дамби-Джанцана и его сподвижников из халхасцев. По донесению В.Ф. Любы, князья дэрбэтов стали склоняться к переходу под власть Китая. Они считали, что главенство Урги без умеряющего русского контроля разорит край, и просили Россию о помощи.

Итак, начавшаяся в Кобдосском округе анархия, народные волнения и всеобщее разорение были, главным образом, результатом деятельности Дамби-Джанцана.[349] Семь родов монголов и дэрбэтские князья просили МИД России о защите от него.[350] Монгольское правительство, бессильное принять меры, просило о его аресте и высылке в Россию,[351] потому что он когда-то заявлял, что он — русско-подданный, астраханский калмык.

Власти России пошли навстречу монголам. 22 января 1914 г. в телеграмме А.Я. Миллеру из политического отдела МИД предписывалось: «...благоволите принять меры для арестования Джа-ламы».[352] Для выполнения этого задания в урочище Шаджин-бадарху (Мунчжик), где была ставка Дамби-Джанцана, 6 февраля 1914 г. направился капитан 41-го сибирского стрелкового полка Булатов с 3-й сотней 1-го Верхнеудинского полка и полусотней 3-го Сибирского казачьего полка.[353] Дамби-Джанцан сказался больным. В действительности он не был болен: симулировал, чтобы не ехать в Нийслэл-хурэ или Кобдо. 8 февраля 1914 г. был произведен арест. 12 февраля Булатов привез Дамби-Джанцана в Кобдо и поместил на гауптвахту. Известие об аресте Дамби-Джанцана было встречено в Нийслэл-хурэ равнодушно. Ламы выражали свое удовлетворение арестом человека, пролившего много крови и притеснявшего население Западной Монголии.[354] Лишь некоторые князья Сайннойонханского аймака (восточные хошуны) негодовали: в отличие от западных, они не испытали притеснений.[355]

Вскоре после этих событий Хатан-батор Максаржав отправил донесение кобдосским правителям, содержавшее клевету на русских солдат относительно имущества Дамби-Джанцана. Это имущество было описано, тогда как, по монгольским источникам, Максаржав сам забрал общественное серебро из сундуков Дамби-Джанцана.[356] В апреле 1914 г., сознавая шаткость своего нового положения, Максаржав уехал из Кобдосского округа в Нийслэл-хурэ.[357]

Дамби-Джанцан под стражей был отправлен в Кош-Агач на Алтае, оттуда 27 февраля 1914 г. — в Томск и передан в распоряжение губернатора.[358] После Томска Дамби-Джанцана отправили в ведение якутского губернатора. 18 июля 1914 г. он был отправлен в Астраханскую губернию.[359] Там он встретился с известным монголоведом Б.Я. Владимирцовым.[360] В 1917 г., в связи с хаосом, наступившим после Февральской революции, Дамби-Джанцан скрылся из Астрахани и пробирался в Монголию.[361] Богдо-гэгэн приказал арестовать его. Тогда Дамби-Джанцан ушел на восток Гоби и создал там собственное селение, из которого делал набеги на караваны. Позже монгольское правительство пригласило его для совместной борьбы. Дамби-Джанцан прибыл, но, как оказалось, лишь для того, чтобы захватить в Западной Монголии побольше людей и угнать их в свое селение. Впоследствии Дамби-Джанцана обвинили в грабеже и мучении населения, сговоре с Китаем против народного правительства Монголии. Он был убит агентами Государственной внутренней охраны МНР. Примечательно, что они застрелили Дамби-Джанцана в тот момент, когда он благословлял солдата по их просьбе.[362] По мнению И.И. Ломакиной, заспиртованная голова Дамби-Джанцана в настоящее время хранится в Кунсткамере в Петербурге.

Такова, вкратце, история талантливого авантюриста, который сначала освобождал Западную Монголию, а затем стал действовать во вред стране и религии.

Китайская республика не хотела мириться с «потерей» Кобдосского округа. По приказу пекинского правительства туда был направлен из Синьцзяна крупный отряд, подходили подкрепления. В разные пункты Алтайского округа из Синьцзяна в 1912 г. вошли значительные китайские силы. В местности Цаган-Тункэ в Алтайском округе китайцы встали укрепленным лагерем.

Приехав в Нийслэл-хурэ вскоре после взятия монголами Кобдо, И.Я. Коростовец узнал о китайских планах. Уже 22 сентября 1912 г. он предложил МИД России передвинуть туда из Нийслэл-хурэ 200 казаков консульского конвоя с пулеметным взводом, а взамен вызвать из Троицкосавска Верхнеудинский полк.[363] Это нелегко было осуществить без подготовки в условиях холодов, рано наступающих в Халхе. Как отмечал Коростовец, в Нийслэл-хурэ условия жизни казаков были суровыми. По его словам, офицеры конвоя занимали две небольшие, плохие избы, напоминавшие свинарники. Этими офицерами была Кейзер, Резухин и Краснов.

Э.Э. Ухтомский и А.А. Вальтер.

Правительство России согласилось с Коростовцом. 1-й Верхнеудинский полк двигался через Нийслэл-хурэ в Улясутай медленно, несколькими эшелонами. Первые два эшелона пришли в ноябре 1912 г. В Нийслэл-хурэ они расположились в Худжир-Булане вместе с монгольскими солдатами, затем отбыли в Улясутай. Вместе с ними в Западную Монголию, по требованию командира верхнеудинцев полковника фон Веттерштранда, отправились и казаки российского консульского конвоя из Нийслэл-хурэ. В Улясутае прибывшие расположились в юртах. Было холодно, не хватало дров, кухонь, кузниц, корма для лошадей. Монгольское правительство также направило войска в Кобдо в октябре — ноябре 1912 г. и просило российского консула в Улясутае А.А. Вальтера обратиться в МИД с запросом о поставке монголам винтовок. Вальтер поддержал эту просьбу.[364]

21 декабря 1912 г. А.А. Вальтер сообщал в МИД о прибытии казачьего отряда: «В Улясутае сосредоточен весь отряд, предназначенный для Западной Монголии. Отряд прибывал четырьмя эшелонами. В первом из них 14 декабря прибыл сотник Резухин с 60 казаками. Из консульского конвоя в Кобдо оставлено 20 казаков для охраны консульства. В Улясутае четыре офицера разместились в крепости, остальные в консульском здании. Всего в Улясутай прибыло 324 нижних чина и восемь офицеров. Временно начальником отряда назначен подполковник Аргунского полка Цырельников, который прибыл в Улясутай 21 декабря».[365]

Командир верхнеудинцев полковник фон Веттерштранд делал все, чтобы затормозить экспедицию.[366] Прибыв в Монголию, он сразу стал конфликтовать с российскими дипломатическими представителями, затем — с монголами. По словам Коростовца, в ноябре 1912 г. «со дня прибытия в Ургу командир Верхнеудинского полка полковник Веттерштранд встал в явно неприязненные отношения ко мне и генеральному консулу без всякого повода с нашей стороны. У меня он не был вовсе, а зайдя через несколько дней по прибытии к генеральному консулу, подчеркнул, что пришел по делу. В беседе с консулом В.Ф. Люба он высказал, что никому здесь не подчинен и что намерен отобрать даже тех льготных казаков, которых предполагалось оставить временно при консульстве в качестве конвоя. Такое вызывающее отношение командира полка послужило естественным примером и для других офицеров, которые, живя в консульстве, не сочли нужным явиться к консулу, как это делалось всегда ранее.

Оставляя в стороне вопрос личного самолюбия, должен указать, что образ действия полкового командира на глазах его подчиненных, а также русского и туземного населения по отношению ко мне, как лицу, которое, для выполнения возложенной на него государством задачи, должно пользоваться здесь уважением, и к представителю консульской власти является совершенно недопустимым. Ввиду этих соображений считаю, что оставление здесь полковника Веттерштранда может вызвать серьезное обострение в будущем».[367]

Несмотря на все трудности, казаки из Улясутая прибыли в Кобдосский округ уже зимой 1912–1913 г. 3 января 1913 г. в Цаган-Тункэ на разведку были направлены два казачьих разъезда под командой подъесаула Харанова и сотника Резухина.[368] Харанову было поручено убедить монгольских начальников в районе Кобдо начать поход на китайские войска в Цаган-Тункэ и вытеснить их за пределы Кобдосского округа в Гучен, куда по приказу Юань Шикая должно было отступить шедшее на Кобдо китайское войско.[369] Если поход китайцев состоится, Харанов должен был взять на себя роль инструктора-руководителя военных операций, а при надобности — оказать военное содействие. При необходимости на помощь должны были выступить из Кобдо и Улясутая конвойные казаки и члены русского отряда. Харанов должен был встретить разъезд Резухина.

Последний двинулся по кратчайшей дороге в Цаган-тункэ со следующими задачами: 1) исследовать путь из Улясутая в Цаган-тункэ через Алдыр, Борхо, Тэскын-холо, Тункэ-нор. По нему при необходимости предполагалось послать русский отряд против китайцев; 2) установить степень подготовленности проживающих там монголов для борьбы с китайцами, количество оружия; 3) выяснить численность китайского отряда в Цаган-тункэ, собрать сведения о дальнейших планах его начальника; 4) если успеет — вручить последнему письмо от российского консульства, где ему, во избежание кровопролития, вновь рекомендовалось покинуть Кобдосский округ и вернуться в Синьцзян. В организации этого участвовал представитель правительства Богдо хана князь Джалчин-Гомбоцэдэн, предоставивший право пользования уртонскими лошадями и двух чиновников-переводчиков.

16 января 1913 г. консул А.А. Вальтер получил первое донесение от Б.П. Резухина, который был отправлен прямо на юго-запад в Цаган-тункэ.[370] Тот сообщал, что наличие многочисленного китайского отряда в Цаган-тункэ подтверждает сведения, собранные по пути из монгольских источников: там несколько тысяч хорошо обученных вооруженных китайцев. 1 и 2 февраля Резухин представил начальнику отряда детальное описание двух китайских лагерей, двух отрядов, их численности, укреплений, а также описание своей командировки в целом.[371]

Поездка Резухина длилась 16 дней. Проникнуть в китайский лагерь не смог, так как при его приближении китайцы открыли стрельбу. Наблюдал

издали, использовал разведчиков. В Цаган-тункэ китайцы располагались в 200 больших палатках, по 10 в каждой. Из 2000 человек было 500 конных. В северо-западном, северо-восточном и южном направлениях китайцы установили заставы и следили за монголами. Из-за этих застав Резухин не смог подъехать к лагерю и передать письмо китайскому начальнику. Китайские офицеры, по его сообщению, были европейски обучены, всем хорошо обеспечены. В лагере — образцовый порядок и дисциплина, учения, рекогносцировочные поездки в сторону Кобдо. Поддерживалось постоянное сообщение с г. Гучен. По словам монголов, чуть ли не каждые 3–4 дня из Гучена приходили караваны верблюдов с припасами. Несколько раз в неделю начальник отряда отправлял донесения генерал-губернатору в Урумчи о положении в Кобдосском округе. Ходили слухи о подкреплениях из Гучена. Китайцы скупали и реквизировали у местных монголов лошадей. Резухин сделал вывод, что этот отряд (вопреки заверениям президента Китая) не только не собирается уходить, но, видимо, усиленно готовится к походу на Кобдо и Халху.

Резухин закончил донесение словами: «Нет сомнения, что, располагая такими ничтожными силами, ургинскому правительству трудно, или даже невозможно, подняться на успешную борьбу с китайцами. Готовящееся к наступлению монгольское войско будет разбито при первом столкновении с китайским регулярным отрядом или же просто-напросто разбежится».[372]

Резухин ездил с подъесаулом Харановым, 10 монгольскими солдатами и шестью казаками для разведки в Цаган-тункэ еще раз в феврале 1913 г. Он сообщил консулу, что донесений писать больше не будет. Харанов прислал донесение об этой разведке с детальным описанием китайского лагеря.[373] По отзыву Вальтера, Резухин был весьма опытен в военном деле, командирование его и Харанова в Монголию вполне своевременно для поддержания в рядах монголов бодрости и непосредственного руководства военными действиями против китайцев.

К 20 февраля 1913 г. китайские отряды в Цаган-тункэ и Салакинпе были доведены до 4 тыс. человек, из них треть — кавалерия.[374] Хатан-батор позже жаловался консулу в Кобдо В.Ф. Любе[375], что монголы поставлены в тяжелое положение пребыванием китайских войск на территории Кобдосского округа: китайцы терроризируют торгутов и захчинов,[376] их содержание обременяет хошуны.[377]

В связи с наращиванием военной группировки китайцами, Россия направила в Кобдо подкрепления: пехоту и артиллерию со стороны Бийска. Главной задачей российских войск в Кобдо-Алтайском районе, в том числе совместно с монголами, было недопущение перехода китайских войск на север Алтайского хребта, разгром и вытеснение за Алтай казахских шаек и совместные действия с монголами.[378]

Монголы также направили войска на границы Кобдосского округа и расположились на р. Цинкир. В этом походе на Цаган-тункэ Дамби-Джанцан играл основную роль, а Хатан-батор Максаржав (формальный командующий) был его «покорным орудием».[379] Атака была отбита китайцами. Монголы окружили их лагерь и 11 июля 1913 г. предприняли безуспешный штурм. Видя невозможность разбить китайский отряд, они заявили, что не имели в виду занятия центра Алтайского округа — Шара-сумэ, а преследовали исключительно цель защиты перевалов от ожидаемого движения китайских войск на Кобдо.[380] Настаивая на удалении китайцев, монголы стали склоняться к мирному решению вопроса.[381]

Тем временем в июне–июле 1913 г. из Улясутая в Кобдо несколькими эшелонами прибыли казаки 1-го Верхнеудинского полка.[382] Туда были направлены также отряды из Новониколаевска.[383]

Веттерштранд, прибыв в Кобдо как командир 1-го Верхнеудинского полка и начальник тамошнего отряда, прославился своими своеобразными выступлениями. В ряде вопросов он не считался с положением дел в стране и не хотел идти с консульством рука об руку, допускал выпады в адрес консульства по причинам мелочного самолюбия, без предупреждения консула создал должность «полицмейстера г. Кобдо». В этом консул ему отказал, так как это приравнивало Монголию к Маньчжурии времен российской оккупации. После личного объяснения, Веттерштранд согласился назначить подъесаула князя Ухтомского полицмейстером военного лагеря. Получив донесение об отправке из Харбина японского шпиона, он отправил отряд для его поимки. По прибытии в Кобдо Веттерштранд объявил все постройки подлежащими занятию отрядом.[384]

6 августа консул Люба ходатайствовал о его замене из-за его заносчивости с монголами, что вредно сказывалось на русско-монгольских отношениях.[385] Веттерштранд жаловался Коростовцу на превратности судьбы, болезнь жены, выражал желание вернуться в Россию, еще в декабре 1912 г. подавал об этом рапорт.[386] Его начальник — генерал Томашевский отказал и посоветовал избегать столкновений с российскими дипломатами в Монголии. Веттерштранд последовал совету, но отчужденность даже с его собственными офицерами осталась.[387]

Убедившись в неспособности монголов выбить китайские войска из Алтайского округа и опасаясь повторной оккупации Кобдосского округа, Россия вступила в переговоры с Китаем. 8 декабря 1913 г. российский консул в Шара-сумэ М.Н. Кузминский и главный управитель Северо-Западного края, правитель Алтайского округа Палта-ван подписали соглашение, по которому китайские войска должны были уйти из Цаган-Тункэ в течение трех месяцев. В соглашении предлагалась демаркационная линия китайскими и монгольскими войсками Алтайского и Кобдосского округов.[388] Судя по доне-

сениям,[389] Палта-ван выражал недовольство уменьшением своей власти над Алтайским округом в пользу синьцзянского генерал-губернатора Ян Цзэнсиня, сообщал русским о перемещении китайских войск и, в то же время, вооружал казахов против монголов. По-видимому, так он стремился сохранить свою власть.

К концу 1913 г. резко обострились отношения Палта-вана с синьцзянским губернатором, который обвинил его в русофильстве.[390] В результате Палта-ван в январе 1914 г. выехал через Россию в Пекин, а Алтайский округ вошел в состав Синьцзяна. В 1919 г. Палта-ван пытался пробраться в Даурию, чтобы привлечь синьцзянских монголов к панмонгольскому движению, но был отравлен китайцами.[391] Впоследствии Унгерн пытался наладить сотрудничество с сыном Палта-вана, который был русофилом и поддерживал панмонгольское движение.

24 февраля 1914 г. президент Китая утвердил прелиминарный договор об отозвании из района Цаган-тункэ расположенных там войск,[392] но уже 14 марта разведка (хорунжий Лавров) донесла консулу Любе о массовом подвозе припасов в китайский лагерь со стороны Гучена. Разведка сообщала, что никаких приготовлений к уходу китайских войск монголами по-прежнему не замечается, монгольские войска в плохом состоянии, но лучше всех — 100 человек, которые обучались в Нийслэл-хурэ русскими инструкторами под началом есаула А.Ф. Васильева.[393] Лишь к 1 апреля китайские войска ушли из Цаган-тункэ согласно договору.[394]

Попытки Китая вести секретные переговоры с монголами означали, что республиканцы не отказались от попыток аннексии Монголии. В связи с этим, Россия была вынуждена приступить к тройственным российско-монголо-китайским переговорам, хотя не стремилась к ним[395]. Тройственная конференция открылась в сентябре 1914 г. в Кяхте. В ней участвовал, в частности, советник китайского комитета по делам Монголии и Тибета Чэнь И. Он был весьма просвещенным человеком, в Нийслэл-хурэ имел многотомную библиотеку на нескольких языках (которую потом подарил городу), вел археологические раскопки.[396]

Переговоры были длительными и сложными.[397] Наконец, 25 мая/7 июня 1915 г. было подписано трехстороннее Кяхтинское соглашение. Оно предусматривало, в частности, автономию Внешней Монголии (ст. 2), невмешательство Китая и России во внутренние дела Монголии и вопросы ее внешней торговли (ст. 5), ограничение численности конвоев в Урге при китайском сановнике в 200 человек, при русском представителе — 150 человек, китайских и русских конвоев при чиновниках, направляемых в другие местности — по 50 человек (ст. 7 и 8).[398] Монголия, как и хотел Николай II, стала буфером, отделяющим Россию от Китая. Соглашение полностью признавало Русско-китайскую декларацию 1913 г. (ст. 21), в свою очередь, базировавшуюся на

Русско-монгольском соглашении (договоре) 1912 г. Весь ход переговоров и текст соглашения свидетельствовали о том, что Внешняя Монголия и правительство Богдо-гэгэна рассматривалась, фактически, как самостоятельная договаривающаяся сторона, что можно считать шагом к юридическому признанию самостоятельности Монгольского государства.[399]

Тем не менее, в Нийслэл-хурэ это соглашение встретили отрицательно, так как оно закрепляло раскол Монголии, оставляло Баргу и Внутреннюю Монголию Китаю, а за Внешней Монголией закрепляло статус автономии. Монгольское правительство было вынуждено предложить отрядам баргутов и внутренних монголов оставить Халху. Отряды Тогтохо-гуна, Бабучжав-гуна, Найдан-гуна и Фушенги, уходя из Халхи, остановились в районе Егоцзур-хурэ и стали грабить местное население, а оттуда ушли в Баргу.[400] После заключения Кяхтинского соглашения некоторые халхасские феодалы пытались вести переговоры с Японией о поддержке монгольской независимости, а в 1915–1916 гг. в Нийслэл-хурэ приезжали японцы, которые, по слухам, вели переговоры об объединении Внутренней и Внешней Монголии.[401]

12 июня 1915 г., в связи с завершением Кяхтинской конференции, Юань Шикай издал несколько указов по Внешней Монголии, в том числе — о пожаловании титула Богдо-хана Джебцзундамба-хутухте, для чего собирался направить в Нийслэл-хурэ генерала Сюй Шучжэна.[402] Однако Богдо-хан резко возражал против этого, так как это означало политическую зависимость от Китая. Богдо-хана поддержала Россия. В Нийслэл-хурэ был назначен китайский сановник Чэнь Лу, участник Кяхтинской конференции, а его заместителем в Улясутае — Чэнь И.

После заключения Кяхтинского соглашения, осенью 1915 г., российское правительство вывело военные отряды из Нийслэл-хурэ и Улясутая (оставлены были только конвои). Однако в Кобдосском и Алтайском округах отряды были оставлены в связи с опасной обстановкой в этом районе.[403]

Очевидно, Унгерн знал о ситуации в Монголии от своего друга Резухина — офицера консульского конвоя. Вероятно, он получал от него известия из Нийслэл-хурэ и, позже, из Кобдо. Война с республиканцами за монархию, да еще в Монголии, не могла не привлечь его. Ехать туда на свой страх и риск летом было лучше, чем зимой. Подав прошение об отставке в Благовещенске 4 июля 1913 г., барон выехал в Монголию. Он ехал в одиночестве, не взяв с собой ни продовольствия, ни постели, ни запасной одежды. На Хингане у барона пала лошадь, в Монголию (или Баргу) он вышел пешком. Монголы нашли его в степи умирающим от истощения и доставили в буддийский монастырь, откуда он дал знать в Нийслэл-хурэ о своем путешествии.[404]

В некоторых мемуарах говорится, что Унгерн долго странствовал по Монголии, завязывая знакомство с князьями и ламами, изучая монгольский язык,

принял буддизм. В действительности, Баргу и большую часть Халхи с востока на запад он проехал примерно за месяц: уже в начале августа Вальтер попросил Бурдукова составить Унгерну компанию от Улясутая до Кобдо.

По словам Голубева, Унгерн вступил в отряд хунхузов, и в 1912 г. со своим отрядом помогал халхасцам осуществить их независимость, успешно оперируя против китайцев.[405] Возможно, Голубев основывается на записках П.Н. Врангеля, который добавляет к этому, что после объявления независимости Монголии Унгерн со своим отрядом продолжал грабить и китайские караваны, и кочевников.[406] Как видим, эти сведения неверны. Находясь на службе в Приамурье, Унгерн не мог участвовать в событиях 1912 г. Правда, он находился в шестимесячном отпуске с октября 1911 по март 1912 г.[407] Где он был в это время, неизвестно.

На 1911 г. приходится провозглашение независимости Халхи, которое произошло мирно. Известно лишь об участии в тех событиях Г.М. Семенова и других русских казаков в Нийслэл-хурэ.[408] Очевидно, если бы Унгерн со своим отрядом оперировал в Халхе, это было бы известно. В 1912 г. шли военные действия во Внутренней Монголии (см. выше), в монгольских отрядах были русские инструкторы. О тех событиях хорошо знали российские дипломаты, но об участии Унгерна в их донесениях ничего нет. Но в них говорится, что в 1913 г. при участии Егоцзур-хутухты в Восточной Монголии была уничтожена банда хунхузов под командой немца Паппенгейма.[409] А в июле 1917 г. в хошуне Харчин Внутренней Монголии образовалась шайка монгольских разбойников свыше 4 тыс. человек, среди которых было до 20 китайцев — членов партии Цзун-шэ-дань (приверженцы маньчжурской династии) и шесть немцев в качестве главных руководителей[410]. Возможно, эти сведения о немцах в воспоминаниях мемуаристов наложились на поездку Унгерна в Монголию в 1913 г.

По словам А.В. Бурдукова, Унгерн по дороге учил монгольские слова, в Кобдо хотел присоединиться к Дамби-Джанцану, чтобы помогать ему в борьбе против китайцев. Барон имел для этого основания: он, по-видимому, знал о русских инструкторах в Монголии.[411] Бурдуков верно уловил некоторые черты характера барона — тягу к подвигам, целеустремленность и нетерпимость к возражениям. Почти на каждой станции барон дрался с улачами (монгольскими ямщиками).

Бурдуков приводит еще один характерный случай. По дороге от Джаргаланта до Хара-Ус-нур путники по настоянию Унгерна выехали ночью и потеряли дорогу. Сколько ни бил барон проводника, тот отказывался искать дорогу. Тогда Унгерн сориентировался сам, нашел тропу через болото, и на следующий день они прибыли в Кобдо. Барон ушел к своему другу Резухину. Последний в то время служил младшим офицером в сотне есаула Комаровского. В ту же сотню поступил и Унгерн.[412]

В.Ф. Люба (фрагмент фотографии из Consten, 1920).

«Консул Люба и начальник русского отряда в Кобдо полковник Казаков отнеслись к добровольческой затее Унгерна отрицательно и не пустили его на службу к монголам, так что ему пришлось вернуться в Россию».[413] Это не совсем так. В телеграмме от 27 августа 1913 г. Люба сообщал о просьбе сотника Унгерн-Штернберга о зачислении на службу в отряд чахарского дворянина Баяр-тайджи или другого монгольского военачальника, хотя бы без жалованья.[414] Консул указывал, что не может санкционировать это без разрешения российского правительства, а начальник отряда (казачьего. — *С.К.*) поступлению на монгольскую службу не сочувствует.

В тот же день Люба телеграфировал, что начальник отряда предполагал привлечь на русскую службу Баяр-тайджи и его солдат, имея на это принципиальное согласие Омского округа, но это может вызвать сильное неудовольствие местных начальников и ургинского правительства.[415] Это неудовольствие было связано с конфликтом между Баяр-тайджи и Дамби-Джанцаном, самовластию которого в Кобдосском округе тот мешал.[416] Баяр говорил Любе, что предлагал Дамби-Джанцану решить все открытой борьбой, но тот отказался.[417] Хатан-батор Максаржав и другие местные феодалы, фактически, подчинялись Дамби-Джанцану, а монгольское правительство боялось его сердить, чтобы не потерять Кобдосский округ. Поэтому использование Баяр-тайджи с его отрядом русскими могло встретить неудовольствие — хотя, в случае движения русского отряда на Цаган-тункэ, Баяр-тайджи со своими испытанными воинами мог оказать важные услуги.[418] В столичной тюрьме по желанию Дамби-Джанцана находились 22 солдата Баяр-тайджи, которых освободили только после ареста Дамби-Джанцана в 1914 г.[419] Впоследствии, в 1921 г., Баяр-тайджи, получивший уже титул гуна, служил под командой Унгерна, который писал, что Джа-лама — «кажется, коварный и вредный человек».[420] Ведь тогда последний, по приказу Богдо-гэгэна, пришел в Западную Монголию под предлогом борьбы с красными, а сам захватил несколько семейств и увез их в свою ставку за пределы Монголии.[421]

Вопрос о зачислении Унгерна на монгольскую службу решался в России на высоком уровне. Из МИД направили запрос военному министру В.А. Сухомлинову.[422] В послании отмечалось, что присутствие русского офицера в

монгольских войсках в Кобдосском округе благоприятно отозвалось бы на обороне этого округа и на борьбе с казахскими шайками. Следует отметить и секретную телеграмму И.Я. Коростовца в МИД от 9/22 февраля 1913 г., что при назначении русских инструкторов для обучения монгольских солдат весьма важно выбирать офицеров, «уже бывших на Дальнем Востоке и хотя отчасти знакомых с монгольским языком, бытом и характером монголов».[423]

Очевидно, вопрос о службе Унгерна в Кобдо был решен положительно, хотя его и не зачислили к монголам. Это произошло, несмотря на противодействие начальника российского отряда в Кобдо, дипломатического агента в Нийслэл-хурэ Миллера (отказавшего Унгерну еще в Нийслэл-хурэ[424]) и, возможно, консула Любы. Примечательно, что другому казаку, будущему атаману Семенову тоже отказали в зачислении на монгольскую службу[425] — хотя он раньше служил в том самом 1-м Верхнеудинском полку, знал язык и обычаи монголов. Причиной было его вмешательство в восстание в Нийслэл-хурэ. Так чуть было не пересеклись в Монголии пути Семенова и Унгерна.

Унгерн был прикомандирован сверхштатным офицером к консульскому конвою. Серебренников передает слова одного из русских жителей Кобдо, что Унгерн держался там «на особицу», ни с кем не заводил близкого знакомства и пребывал почти всегда в одиночестве.[426] Иногда, даже ночью, он вдруг собирал казаков и с гиканьем мчался с ними через весь город куда-то в степь, возможно, охотиться на волков. Барон всегда был трезвый, день проводил за разными делами: ездил по мастерским, следил за учением казаков, а ночью объезжал караулы. Среди ночи мог внезапно потребовать доклада «по делам, какие и в ум не придут». Люди удивлялись, когда же он спит...

Приказ о зачислении Унгерна в запас Забайкальского казачьего войска последовал лишь 13 декабря 1913 г.[427] и, очевидно, застал его уже в Кобдо. Есть сведения, что отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, ведавший военной разведкой и контрразведкой, в 1913 г. затребовал документы об отставке Унгерна в рамках дела «О зачислении офицеров Забайкальского казачьего войска в запас и комплект к сему войску».[428] Возможно, причиной было участие русских добровольцев в национально-освободительном движении монголов, а может быть — действия немецких агентов во Внутренней Монголии (см. выше).

В Кобдо Унгерн встретил известие об объявлении войны России Германией в 1914 г. и немедленно выехал в Россию. Очевидно, он приехал из Кобдо на р. Селенга, дальше плыл на пароходе, а из Верхнеудинска доехал до Читы. По крайней мере, он говорил, что один раз плавал на пароходе в Северной Монголии.[429] Пароход там ходил по Селенге.

***

Таким образом, политика китаизации Монголии в период правления вдовствующей императрицы Цыси, а затем Синьхайская революция и гибель маньчжурской империи Цин дали Монголии легитимные основания для провозглашения своей независимости. День независимости Монголии — 29 декабря 1911 г. Из всех общественных слоев духовенство во главе с Богдо-гэгэном было наиболее сплоченным и последовательным сторонником независимости. Помощь Российской империи была важным фактором освобождения Монголии, хотя участие российских добровольцев в национально-освободительном движении монголов искусственно ограничивалось. Унгерн хотел воевать с монголами против китайских республиканцев, но не смог. Его отставка и приезд в Монголию были связаны с новостями, которые он получал, очевидно, от своего друга Резухина, в то время служившего в Нийслэлхурэ, а затем в Кобдо. В Западной Монголии Унгерн был сверхштатным казачьим офицером. С Дамби-Джанцаном он не встречался.

ГЛАВА 3

Первая мировая война

Унгерн выехал в г.Читу с тем, чтобы с первым отходящим казачьим полком отбыть на театр военных действий.[430] Но в Чите выяснилось, что забайкальские казаки не предназначаются к отправке в первую очередь. Ввиду не определившейся позиции Японии, пойдут ли они на войну, было неизвестно. Тогда Унгерн самостоятельно уехал на запад, по дороге посетив Ревель. 19 июля 1914 г. он вступил в действующую армию — во второочередной 34-й полк Донского казачьего войска, действовавший на Австрийском фронте. Там Унгерн многократно проявлял необычайную храбрость и героизм, много раз бывал в боях. Однажды он держал пари с русскими офицерами, что проникнет в окоп противника. Его товарищи видели, как он подъехал верхом к окопу в форме австрийского офицера и стал по-дружески разговаривать с солдатами на венском наречии немецкого языка. Пари было выиграно.[431]

Вскоре после прибытия на фронт — 22 сентября 1914 г.[432] Унгерн проявил героизм в бою, за что получил орден Св. Георгия 4-й степени. «Находясь у ф. Подборек, в 400–500 шагах от окопов противника, под действительным ружейным и артиллерийским огнем, давал точные и верные сведения о местонахождении неприятеля и его передвижениях, вследствие чего были приняты меры, повлекшие успех последующих действий»[433]. Во время наступления 25-й пехотной дивизии от Мацькобудзе на Мажуце Унгерн, находясь в разведке, присылал точные донесения о расположении немецких войск. Заняв фольварк Подробрек, находившийся под огнем немцев, Унгерн с присоединившимися к нему разведчиками артбатареи корректировал огонь русских, что позволило подавить немецкую тяжелую артиллерию. Кроме того, благодаря его донесениям, Уфимскому полку было дано точное направление, а Троицкий полк занял важный тактический пункт — Подборский лес. Высочайший приказ о награждении барона орденом Св. Георгия 4-й степени последовал 25 апреля 1915 г.

Этот орден Унгерн очень ценил. Он носил свой орден Св. Георгия до конца жизни. По крайней мере, судя по фотографиям, сделанным в Даурии и после пленения красными — это один и тот же крест. Правда, в Даурии ба-

рон его носил на колодке, а в Монголии — на ленте. Перед расстрелом он изгрыз этот орден зубами, чтобы награда не досталась красным. Барон не рассказывал об обстоятельствах боя, за который получил столь высокую награду: «Ведь ты там не был и поэтому не поймешь», — говорил он.[434] Не рассказывал он и о других боях, в которых участвовал. Поэтому в мемуарах современников почти нет сведений об этом.

5 декабря 1914 г. Унгерн был прикомандирован на театр военных действий к 1-му Нерчинскому полку Забайкальского казачьего войска. Этот полк действовал в составе 10-й Уссурийской дивизии, которая позже воевала на Юго-Западном фронте. В этом полку он познакомился с Г.М. Семеновым, будущим атаманом, вместе с которым позже воевал на Кавказе и в Забайкалье[435].

Унгерн участвовал в наступлении русских войск на Восточную Пруссию. Это наступление, предпринятое по просьбе Франции, сделало возможной победу французов на Марне, но, в итоге, окончилось поражением для России. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов отмечал, что это была блестящая импровизация, не входившая в планы Генерального штаба.[436]

В Восточной Пруссии сотник Р.Ф. Унгерн был командирован в Особой важности конный отряд Л.Н. Пунина. К этому времени он имел еще один орден — Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Отряд имел план захвата Шавельского штаба Белова, располагавшегося на юго-запад от Митавы. Построив отряд перед выдвижением 18 декабря 1915 г., Пунин произнес речь, в которой особо отметил ряд офицеров. В их числе был и Унгерн. Барон командовал 3-м эскадроном с октября 1915 по февраль 1916 г. В эскадроне были уссурийцы, нерчинцы и приморцы. С декабря 1915 по февраль 1916 г. Унгерн участвовал в партизанских рейдах казаков в районах Шмардена, Пандера и на других участках. Партизаны подолгу находились на линии фронта и в тылу противника, выполняя самые опасные задания. Это была разведка вражеских укреплений, проводимых на них работ, перемещений частей, захват языков, крокирование позиций. Бывало, партизан обнаруживали, приходилось давать бой превосходящему противнику. Унгерн с шашкой наголо бросался в атаку во главе казаков. Смелость, внезапность и быстрота атаки были залогом успеха.[437] За эти подвиги барон был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени.[438] Когда захватывали языка, во время допросов Унгерн, знавший немецкий, выполнял функции переводчика.

В июле или августе 1916 г. барон вернулся в свой полк. Он был назначен младшим офицером 1-й сотни, вскоре после этого — ее временным командиром, затем его произвели в подъесаулы и есаулы. Л.А. Юзефович полагает, что Унгерн долго отказывался от должности сотенного командира, потому что при таком назначении лишился бы возможности лично бывать в

разведке.[439] Полк действовал на Юго-западном фронте — в Лесистых Карпатах. Унгерн, как и раньше, участвовал во многих боях.[440] 6 сентября он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

Не раз Унгерн ходил резать проволочные заграждения противника, однажды при этом был сильно ранен, остался висеть на заграждении, и был спасен своими казаками.[441] С февраля 1914 г. по сентябрь 1916 г. он был ранен пять раз, но при этом или оставался в строю, или возвращался в строй с незалеченными ранами.[442] Как и раньше, он служил образцом для офицеров и казаков, в боевом отношении был выше всякой похвалы.

Однажды Унгерн со своими казаками прибыл для командования разведкой к штабу генерала Леонтовича. Уже в первый день после его приезда, Леонтович сказал за столом, что в их кругу появился предатель и бросил еще несколько резких слов в адрес барона. Возможно, это было связано со сфабрикованным делом Мясоедова, по которому был осужден один из родственников Р.Ф. Унгерна.

Едва накрыли стол, как Унгерн обратился к Леонтовичу со словами: «Генерал, повторите, что Вы сказали», дал ему несколько пощечин и вышел из комнаты. Все присутствующие офицеры, не говоря уже о самом генерале, схватились за оружие. Придя в себя, Леонтович тотчас отдал приказ об увольнении барона. Но поскольку тот был георгиевским кавалером, его не отдали под военный трибунал, однако золотое Георгиевское оружие, к которому был представлен, Унгерн так и не получил. Леонтович же был отстранен от должности.[443]

Вскоре после этого произошло событие, оставившее заметный след в жизни Унгерна. Оно отражено в материалах военного суда.[444] Анализ дела позволяет восстановить ход событий.

Унгерн и его однополчанин подъесаул Т.И. Артамонов[445] 21 октября 1916 г. получили от командира полка отпуск в г. Черновицы (сейчас — Черновцы) на три дня. Днем пили спирт, а поздно в ночь на 22 октября приехали на грузовике с каким-то генералом и направились в гостиницу «Черный Орел». Там Унгерн в свое время лежал раненым. Он потребовал номер у швейцара И.Г. Доморацкого (в документах местами «Домогацкий»). Швейцар был подданным Австрии, которой в то время принадлежала эта часть Западной Украины. Он отказал, заявив, что комнат нет — нужен особый приказ коменданта города. Барон выругался и сказал: «Что мне комендант, давай комнату». Доморацкий опять отказал. Тогда барон ударил его рукой по лицу, схватил шашку в ножнах, но швейцар убежал, крича, что это безобразие. Шашкой в ножнах Унгерн ударил по окну и разбил одно стекло. Затем он поднялся на второй этаж, чтобы отыскать известного ему лакея но, не найдя, спустился обратно. Там уже были городовой и три патрульных нижних

чина. Артамонова не было — он ушел к коменданту просить номер. Ушел туда и Доморацкий.

В действительности, в гостинице свободные номера были, но приятелям не позволили даже оставить там вещи. Позже Унгерн говорил об этом судьям. Старший адъютант коменданта города З.К. Лиховоз тоже показывал на следствии, что незанятые номера были. Но они были уже распределены для иностранной депутации, прибывшей в штаб 8-й армии. Комендантское управление не имело права их отдавать.

Видя, что приятеля нет, Унгерн отправился из гостиницы в комендантское управление. Там уже находились Артамонов и Доморацкий. Швейцар пожаловался дежурному адъютанту М.С. Загорскому, что офицеры напились, буйствуют, один его «набил» и разбил окно. Артамонов же просил у дежурного адъютанта номер. Загорский ответил: «Номера все заняты» и отказал в удостоверении. Он позвонил коменданту города подполковнику Трещеву, который тоже ответил отрицательно. Артамонов возбужденным тоном стал повторять свою просьбу, Загорский опять созвонился с комендантом и получил тот же ответ. Когда он вернулся из телефонной комнаты, разговор с Артамоновым возобновился.

В это время Унгерн уже пришел в комендатуру и, поднимаясь по лестнице, услышал громкий возбужденный голос Артамонова. С криком: «Кому тут морду бить?» Унгерн вбежал в зал. Он понял, что удостоверения на номер не дают. Он вспомнил, что в комендантском управлении есть адъютант, к которому он питал враждебное чувство: тот хотел его раненого удалить из гостиницы «Черный Орел». Тот адъютант обычно устраивал препятствия при выдаче удостоверений на номера. Его фамилии Унгерн не помнил. Именно за него барон и принял Загорского.

Унгерн бросился на него и, с криком: «А, сволочь, прапорщик», замахнулся рукой и хотел ударить по лицу, но адъютант попятился и рукой отстранил удар, сказав: «Господин капитан, Вы оскорбляете офицера». После этого адъютант побежал вниз в комнату телефониста, с ним Доморацкий. Барон погнался за адъютантом, ударил его шашкой в ножнах по голове у правого уха. Загорский успел захлопнуть дверь, и Унгерн остановился, громко выругавшись: «Бл...дь паршивая, прапорщик». От телефонной комнаты, где тогда дежурил рядовой Д.Н. Городний, Унгерн вернулся в зал, сел в кресло, успокоился и задремал.

Загорский вызвал Лиховоза. Последний, войдя в комнату, увидел, что Артамонов ходит крупными шагами, а Унгерн сидит в кресле и как будто дремлет. Артамонов ему указал на барона. Лиховоз отстегнул у него шашку. Тот, видимо, проснулся и спросил: «В чем дело?» Ему сказали, что он арестован. Унгерн ответил: «Хорошо». После этого Лиховоз приказал Унгерну следовать за ним на гауптвахту. Тот беспрекословно подчинился. Очевидно,

припадок ярости у него уже прошел. Лиховоз позже показывал: «На меня он не произвел впечатления человека нетрезвого, мне казалось, он совершенно трезв».[446] Он отметил также, что встречался и раньше с Унгерном в комендантском управлении, и тот производил на него впечатление офицера вполне корректного.

Загорский, человек интеллигентный и хорошо воспитанный (по словам его начальника Лиховоза), не мог вытерпеть такого обхождения. На следующее утро он каллиграфическим почерком написал рапорт начальству. Делу был дан ход. Его рассмотрел общий корпусный суд при штабе 8-й армии. До суда барон был освобожден из гауптвахты под «ближайший надзор начальства».[447] На допросах Унгерн не стал запираться. Он выразил сожаление происшедшим, в особенности же тем, что оскорбил «человека, который ничего худого мне не сделал и которого я раньше даже не видел».[448]

Первоначально заседание суда планировали на 17 ноября, затем перенесли на 22-е. 19 ноября Унгерн в сопровождении нарочного прибыл из своего полка в распоряжение коменданта Черновиц. Суд проходил 22 ноября с 10 ч. 15 мин. до 12 ч. под председательством генерал-майора Гречко при участии военного прокурора подполковника Дуденевского, защитника подпоручика Рара и временных членов: полковников Вотякова и Волкова при секретаре суда коллежском асессоре Игнатовиче.

Суд признал Унгерна виновным в том, что тот напился пьяным, ударил Доморацкого рукой по лицу и ударом свой шашки в ножнах разбил стекло в окне, оскорбил прапорщика при исполнении обязанностей и ударил его ножнами. Однако блестящая аттестация, героизм на войне и ходатайства командования (в частности, блестящая характеристика от временного командира 1-го Нерчинского полка А.Е. Маковкина) повлияли на приговор. 22 ноября 1916 г. Унгерн получил два месяца заключения в крепости с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе.[449] В тот же день было выдано предписание о его немедленной отправке в свою часть — то есть туда же, где он был до суда под надзором начальства. Фактически, это было условное наказание. В окончательном варианте приговор был оглашен 23 ноября в 14 ч. Приговор суда был объявлен приказом по армии.

Эрнст Унгерн, муж сводной сестры Р.Ф. Унгерна, впоследствии писал, что эту историю хорошо знал живший в Эстонии Леонид Смирнов, который был военным судьей и хлопотал об освобождении Р.Ф. Унгерна, но это получилось лишь после заступничества генерала Врангеля.[450]

Очевидно, в начале 1917 г. Р.Ф. Унгерн был отправлен в резерв чинов. В характеристике, данной П.Н. Врангелем, говорилось, что Унгерн — «офицер в боевом отношении выдающийся, беззаветно храбр, отлично ориентируется в обстановке, энергичный, знающий психологию подчиненных и умеющий на них влиять. Здоровья выдающегося. В нравственном отношении его

П.Н. Врангель.

порок — постоянное пьянство, причем в состоянии опьянения способен на поступки, роняющие честь офицерского мундира. За пьянство отчислен в резерв чинов по несоответствию, согласно постановлению старших офицеров полка, мною утвержденному».[451]

Итак, Унгерн отделался сравнительно легко, да и правосудие восторжествовало. Но была ли от увольнения храброго офицера польза для армии, которая терпела поражения на войне и разваливалась под влиянием революции?

Впоследствии, после пленения барона красными, этот эпизод описывался по-другому: что за избиение комендантского адъютанта он получил три года тюрьмы, но наказания не отбывал ввиду революции 1917 г. Эти неверные сведения впоследствии фигурировали на судебном процессе над ним в Новониколаевске и стали общепринятыми в советской литературе. Е.А. Белов верно объяснил эту фальсификацию целями пропаганды: мол, Унгерн — пьяница и драчун, которого советская власть освободила из крепости, а он, неблагодарный, борется с ней.[452] Как видим, по приговору суда Унгерн должен был выйти на свободу в январе 1917 г. — то есть не только до социалистической Октябрьской, но и до буржуазной Февральской революции и объявленной ею амнистии.

Во время Февральской революции 1917 г. Унгерн уехал в отпуск из Петербурга в Ревель, где был ранен саблей в колено.[453] Обстоятельства этого неизвестны. В том же году он был «послан во Владивосток, а потом снова ездил с Кавказским полком на фронт».[454] Генерал Л.В. Вериго утверждал, что командир полка — П.Н. Врангель удалил и перевел Унгерна на Кавказ за неповиновение и антидисциплинарный поступок.[455]

На Кавказском фронте Россия воевала против Турции. В 1915 г. российский экспедиционный корпус был введен в Персию. Штаб корпуса располагался в г. Урмия. Унгерн был в составе 3-й Забайкальской отдельной казачьей бригады — опять в 1-м Нерчинском полку, который теперь действовал в районе Урмии.[456] Там же, но в 3-м Верхнеудинском полку командовал сотней (с января по 20 марта 1917 г.) его друг Г.М. Семенов, будущий атаман. Этим

полком командовал есаул П.П. Оглоблин (1872–1940) — возможно, в прошлом тот самый сотник, который в Забайкалье обучил Унгерна верховой езде. Бригадой же командовал троюродный брат Г.М. Семенова — генерал-майор Д.Ф. Семенов. Все эти части были дислоцированы западнее оз. Урмия и одноименного города. Г.М. Семенов решил перевестись в 3-ю отдельную казачью бригаду еще в то время, когда Унгерн был под судом. Причина была в том, что его будто бы обошли наградой за подвиг, совершенный им при обороне какого-то ущелья в Карпатах.[457] Обидевшись на начальство в лице Врангеля и Крымова, он подал рапорт о переводе в Персию и прибыл туда в январе 1917 г.

Видя развал, охвативший армию под влиянием революции, Унгерн и Семенов решили испробовать добровольческие формирования с тем, чтобы оказать моральное воздействие на русских солдат.[458] Унгерн взял на себя организацию добровольческой дружины из местных жителей — ассирийцев (айсоров) и приступил к этому в апреле 1917 г.

Ассирийцы — христиане (в основном, несториане), поддерживали русских. В войну много ассирийцев бежало в Урмийскую область, спасаясь от турок и курдов. Идею создания ассирийской милиции высказал еще в 1914 г. С.Д. Сазонов. Первоначально организация ассирийских отрядов была возложена на русского вице-консула в Урмии П.П. Введенского и начальника консульских конвоев в Иранском Азербайджане полковника Андриевского.[459] Николай II поддержал эту идею. В первый бой ассирийские дружины пошли вместе с российскими войсками 28 сентября 1914 г. Они разбили курдские отряды, по заданию турок наступавшие на Урмию. Но вскоре после этого турки сумели оккупировать Урмийскую область. Везде, где проходили турецкие и курдские отряды, они истребляли ассирийское население, насиловали и убивали девочек и женщин, сжигали деревни и уничтожали продовольствие, чтобы вызвать голод. Были убиты тысячи ассирийцев. В мае 1915 г. российская армия освободила эту область. Ассирийские дружины активно участвовали в действиях российской армии в несении милицейской службы, рейдах по тылам врага, поимке турецко-германских шпионов, разведке и т.д. В 1916 — сентябре 1917 гг. ассирийские батальоны провели самостоятельные операции против турецких войск и выступавших на их стороне курдских отрядов.[460]

По докладу начальника штаба 3-й отдельной Забайкальской казачьей бригады на Кавказе от 19 апреля 1917 г., ассирийцы там действовали вместе с забайкальцами, кубанцами и сирийским стрелковым батальоном. К концу мая *1916 г. находившийся там 2-й Аргунский полк лишился примерно 30% своего* конского состава, в активных действиях конницы могло участвовать лишь три сотни верхнеудинцев и не более 3–4 рот пехоты. Разведки выяснили враждебность к русским вооруженных отрядов курдов. В составе Дизинского отряда

Мар Шимун Беньямин (Шуманов, 2007).

Ага Петрос Элиа (http://upload.wikimedia.org/wikipedia/en/1/1c/Agha-petros.jpg).

полковника Кузьмина был ассирийский стрелковый батальон (четыре роты) и две сотни 2-го Аргунского полка. Им поставили задачей облегчение связи и управления войсками. Предполагалось использовать ассирийцев в операциях по очистке района от местных отрядов курдов. Южнее г. Урмия (у юго-западного берега одноименного озера) находились главные силы Оглоблина: 2 батальона 5-го Кавказского пограничного полка, 1 горная батарея, 3-й Верхнеудинский полк, полурота саперов, радиостанция.[461]

Особое значение предавалось экспедиции на Орамар — оплот курдов. Видимо, там было 1500–2000 курдских ополченцев и 200–350 аскеров (солдат). В этой операции задействовали ассирийские добровольческие дружины Аги Петроса Элиа[462] (400 винтовок) и патриарха Ассирийской церкви Востока Мар Шимуна Беньямина (тысяча винтовок). Однако в своем рапорте, написанном на отличном русском языке и подписанном по-русски, начальник ассирийской дружины Ага Петрос предлагал использовать 2700 ассирийцев для наступления на Орамар. Они должны быть обозначены красными флагами с белыми крестами. Предполагалось, что ассирийцы смогут продержаться до ноября — декабря, то есть до закрытия перевалов. В наставлении начальнику Орамарского отряда, подписанном Д.Ф. Семеновым, сказано, что главный залог успеха действий против курдов — быстрота и скрытность.[463]

По-видимому, Унгерн входил в группу русских инструкторов при Ага

Петросе, которую возглавлял полковник Кондратьев.[464] Под началом Унгерна ассирийцы показали себя очень хорошо. Бои вокруг Урмии были для них успешны.[465] Но на положение фронта в целом это не оказало влияния. Фронт продолжал разваливаться под влиянием революционных мероприятий.[466] После Октябрьской социалистической революции 1917 г. развал стал необратимым. С 7 декабря 1917 г. военные действия на всех фронтах были приостановлены, в том числе на Кавказском.[467] Советское правительство отдало приказ об эвакуации российской армии из Ирана, предав союзных России ассирийцев. Теперь их национально-освободительное движение было обречено на разгром. Тем не менее, ассирийцы еще около полугода сумели оборонять Урмию от турок и их союзников.

Уже к лету 1917 г. Унгерн и Семенов, в разное время, уехали с Кавказа. Но барон не считал свое участие в войне оконченным. Просто война перешла в другую форму — в борьбу с набиравшей силу революцией.

***

Таким образом, в период Первой мировой войны полностью проявились страсть Р.Ф. Унгерна к войне, его хладнокровие, авантюризм, верность долгу, и, в то же время своенравие и вспыльчивость. В результате Унгерн попал под арест, который прервал его боевую службу. Как безукоризненно храбрый офицер, имеющий боевые награды, он получил минимальный срок, который отбывал, фактически, условно. Этот срок истек еще до амнистии, объявленной после Февральской революции 1917 г. Потому несостоятельно мнение о том, что Унгерна освободила революция. Короткий период пребывания в Иране дал Унгерну успешный опыт создания национальных военных отрядов.

ГЛАВА 4

Азиатская конная дивизия в Даурии

После отъезда с кавказского театра военных действий, находясь в Румынии, Г.М. Семенов решил использовать опыт создания национальных добровольческих частей для борьбы с революцией в России. Идеологом этой идеи был Унгерн, а Семенов взялся ее осуществить.[468] В апреле или начале мая месяца 1917 г. Семенов направил в Петроград тогдашнему военному министру А.Ф. Керенскому два доклада: в первом излагался план уничтожения большевизма при помощи юнкеров, а во втором — план создания бурятско-монгольских частей.[469] Первое предложение было отвергнуто, а второе принято. В июле 1917 г. Семенов получил в Петрограде мандат военного министерства временного правительства на формирование таких частей в районе Верхнеудинска (сейчас Улан-Удэ). Он отправился в Забайкальскую область. Здесь Семенов получил поддержку на одном из общебурятских съездов в Верхнеудинске в октябре 1917 г. Съезд постановил издать воззвание о наборе добровольцев в его отряд.[470] Теперь Семенов отправился в Иркутск. В штабе округа ему удалось подписать приказ на формирование монголо-бурятского полка.[471] Местом формирования была назначена Березовка недалеко от Верхнеудинска (сейчас это часть г. Улан-Удэ).

Верхнеудинск (Азиатская Россия, 1914).

В Иркутске вновь пересеклись пути Унгерна и Семенова. Судя по письму А. Мирбаха А. Унгерн-Штернбергу, Роман Унгерн прибыл в Иркутск в октябре или ноябре 1917 г. по железной дороге в сопровождении 10–12 человек, в основном принадлежавших к Дикой дивизии.[472] Официальное ее название — Кавказская туземная конная дивизия. Состояла она в основном из добровольцев-мусульман, на фронте в Галиции в первую мировую войну ее командиром был великий князь Михаил Александрович.

По мнению Л.А. Юзефовича, Унгерн ехал в Иркутск, чтобы забрать своего родственника А. Мирбаха, который находился в ссылке в Балаганске по обвинению в измене по «делу Мясоедова».[473] Мирбах перед войной возглавлял охранные отделения в Лодзи и еще двух южных округах Польши, имел связи с Мясоедовым. За это он и поплатился. После Февральской революции приговор оставили в силе. Л.А. Юзефович предполагает, что, забрав Мирбаха, Унгерн с братом привезли его в Иркутск, а затем туда приехала жена Мирбаха.

Так или иначе, ошибаются те авторы, которые думают, будто Унгерн был «послан вместе с Семеновым в Забайкалье еще временным правительством».[474]

В октябре или ноябре 1917 г. Унгерн и еще 10–16 человек, вероятно, казаков, находясь в Иркутске, создали контрреволюционный отряд[475]. В декабре в Иркутске власть захватили большевики. Мирбах заметил слежку и, опасаясь за семью, в апреле 1918 г. спешно уехал в Петроград с женой и М. Гойнинген-Гюне.

По-видимому, Унгерн присоединился к Семенову в Иркутске. Узнав об Октябрьской революции 1917 г., Семенов и еще семь человек: Унгерн, хорунжий Мадиевский, сотник Бурундуков, прапорщик Фролов, военный чиновник Эпов, урядник Е. Бурдуковский (впоследствии вестовой Унгерна в Монголии)[476] и писарь Березовский из Березовки уехали в Читу через Верхнеудинск.[477] Там Семенов узнал, что пунктом формирования полка решено сделать ст. Даурия у маньчжурской границы. Немного севернее этой станции был военный городок, а южнее — поселок. Это важный пункт между Читой и Маньчжурией, власть над которым позволяла контролировать железнодорожное сообщение между Россией, Китаем и Дальним Востоком.

На ст. Даурия Семенов прибыл 28 ноября. С ним были Бурдуковский и солдат Замкин. Там к ним присоединились Унгерн, Мадиевский, Эпов и несколько казаков[478]. Семенов назначил Унгерна своим помощником. Вскоре там остановился поезд, на котором в Иркутск за инструкциями следовал харбинский комиссар Аркус. Большевики намечали заменить им управляющего КВЖД генерала Д.Л. Хорвата. Семенов задержал Аркуса, собрал военно-полевой суд и расстрелял. Это произвело большое впечатление на красных как в Даурии, так и в Сибири вообще.[479]

В Даурии, как и в других частях России, шло революционное брожение. В казачьем поселке процветали пьянство и грабежи. Чтобы пресечь их, Унгерн взялся за организацию отряда из военнопленных немцев и турок, содержавшихся в даурских казармах.[480] Он сформировал полицейскую команду и с ее помощью установил контроль на линии от ст. Оловянная до ст. Маньчжурия.[481] Позже военнопленные австрийцы состояли в комендантской команде Даурии.[482]

В декабре 1917 г. Семенов, Унгерн и еще пять казаков разоружили деморализовавшийся русский гарнизон ст. Маньчжурия — дружинников численностью 1500 человек. 18 декабря, в сопровождении казаков Бурдуковского и Батуева, Семенов поехал в Харбин к генералу Хорвату.[483] На ст. Маньчжурия он обнаружил, что гарнизон деморализован, ведется красная пропаганда. Тогда из Маньчжурии в Даурию Семенов отправил состав из 30 теплушек якобы для погрузки своего полка. С поездом был отправлен Бурдуковский, который привез Унгерну письмо Семенова с планом действий. Действуя по нему, барон 19 декабря прибыл с поездом в Маньчжурию. Вагоны были освещены свечами, в них были затоплены печи. Казалось, что прибыл монголо-бурятский полк. После этого Семенов с Батуевым разоружили 720-ю пешую дружину, Унгерн с одним казаком — железнодорожную роту и команду конского запаса, а хорунжий Мадиевский с двумя казаками доставили из квартир большевистских руководителей. Унгерн взял с собой начальника милиции п. Маньчжурия, но тот испугался вести его к казармам, где было несколько сот солдат. Согласился он только после того, как барон избил его ножнами шашки.

Разоружение прошло быстро, солдаты охотно согласились на отправку домой. Их посадили в вагоны и отправили в Читу. В отдельный опломбированный вагон посадили шесть арестованных членов совета. Атаман объявил им, что они должны быть горды въехать в Россию в опломбированном вагоне, подобно их вождю Ленину.[484] Поезд сопровождал лишь один семеновец, который соскочил с тормозной площадки в Даурии, а эшелон проследовал дальше. Семенов вспоминал, что операция была проведена бескровно. Однако либералы и большевики писали, что члены маньчжурского совета рабочих депутатов были зверски убиты и присланы в Читу в опломбированном вагоне, на ст. Чита-1 их похоронили в братской могиле.[485] В действительности членов совета освободили на разъезде Биликтуй, они пассажирским поездом прибыли в Читу, где дали пресс-конференцию, а позже участвовали в гражданской войне.[486]

Захваченные в Маньчжурии казармы и имущество были использованы для формирования Особого Маньчжурского отряда (ОМО) Г.М. Семенова. Отряд начал свое существование 9 января 1918 г.[487] Он формировался на добровольческой основе. В него шли белые офицеры, в основном прибывающие

Группа чинов ОМО во главе с Г.М. Семеновым. Маньчжурия, январь 1918 г. (ГАРФ, ф. 5873, оп. 1, д. 4, об. обложки, газетная вырезка).

из России. В Маньчжурии пошел в гору войсковой старшина А.И. Тирбах. Он получил назначение начальником личной охраны Семенова, был обязан следить за поведением военнослужащих, а затем дорос до начальника ОМО и генерал-майора.[488]

С самого начала при комплектовании ОМО предполагалось включать «кавказских инородцев и некоторые монгольские племена, как-то буряты и баргуты».[489] В семеновских войсках видели зачаток будущей русской армии. К 25 декабря у Семенова было 9 офицеров, 35 казаков и добровольцев, 40 монголов, а затем присоединились более сотни офицеров и казаков из проходившей с фронта Уссурийской дивизии.[490] Это было весьма своевременно, поскольку уже в конце 1917 г. начались первые столкновения с большевиками около Даурии.[491] Штабы Семенова и Унгерна формировались в гостинице «Никитинское Подворье» на ст. Маньчжурия.[492]

В январе 1918 г. Унгерн с 23 казаками сделал два рейда на ст. Оловянная, где разгромил красноармейцев и захватил у них более 200 винтовок с патронами.[493] В том же месяце он расстрелял в Даурии красного комиссара по военно-морским делам на Дальнем Востоке Кудряшова,[494] о непристойном поведении которого в поезде по дороге туда писал Л. Тамаров.[495]

Вскоре Семенов назначает Унгерна комендантом г. Хайлар. В хайларском гарнизоне велась революционная пропаганда, большинство офицеров были распропагандированы большевиками. В январе 1918 г. Унгерн, имея русскую сотню и 250 конных баргутов, разоружил хайларский гарнизон (части железнодорожной бригады и конные части корпуса пограничной стражи) численностью в 800 штыков. Разоружение было произведено в течение не более двух часов и настолько безболезненно, что заседавший в это время гарнизонный комитет даже не подозревал о случившемся.[496] Разоруженные были отправлены вглубь России. За это Унгерн постановлением Георгиевской думы был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени Особого Маньчжурского отряда.[497]

Гуй Фу, князь баргутов, предложил Семенову сформировать национальный отряд.[498] Баргутов поставили охранять участок от Маньчжурии до Хайлара. Чтобы далее формировать монгольские отряды, Унгерн доставал деньги всеми возможными способами, вплоть до продажи казенного имущества.[499] Когда на станции останавливался транзитный поезд с военными, вышедшими из подчинения белым властям, к нему выходил Унгерн в сопровождении Бурдуковского и требовал сдать оружие — иначе будут вызваны две сотни.[500] В действительности, сотен не было. Но оружие сдавали, поезд уходил...

Успешные операции вдохновили Семенова и Унгерна на расширение своих действий. В начале февраля 1918 г. барон, взяв с собой отряд баргутов в 150 человек, отправился в рейд по КВЖД на ст. Бухэду, чтобы разоружить «ненадежные войска».[501] Эту линию постепенно занимали китайцы на основании соглашения, подписанного ими с главой российской миссии в Пекине князем Н.А. Кудашевым и генералом Д.Л. Хорватом, которые действовали от имени временного правительства.[502] Семенов не признавал это соглашение: временного правительства уже не было, а соглашение нарушало особый статус Барги, определенный договорами императорского российского правительства с Китаем.

Поэтому напрасно российский вице-консул в Хайларе доказывал Унгерну, что появление баргутского отряда за пределами Барги вызовет международный скандал — барон все равно поступил по-своему.[503] Действительно, на ст. Чингисхан (по Семенову — Бухэду) китайцы радушно встретили Унгерна, пригласили на обед, а в это время разоружили баргутов, после чего арестовали барона. Узнав об этом, Семенов задекорировал под бронепоезд состав из двух товарных вагонов, на платформе зачехлил двуколку с бревном, изобразив пушку, и отправил на освобождение Унгерна. Увидев «бронепоезд», китайцы испугались. Они освободили барона и баргутов с оружием, и на следующий день те вернулись в Хайлар.[504]

Однако российские дипломаты в Китае сообщали иначе. По их версии, баргутов не стали судить и отпустили (без оружия) только благодаря вмешательству из Харбина. Вице-консул с горечью отмечал, что Унгерн в этом походе взял с собой несколько казаков, и те умудрились по дороге ограбить нескольких китайцев на станциях (правда, понесли за это суровое наказание).[505]

Власти Барги заявили, что они больше не хотят предоставлять своих солдат Семенову. Скандал удалось замять, договорившись с Семеновым и баргутами, что их солдаты впредь не будут выводиться из Барги и будут только охранять дорогу от ст. Маньчжурия до Хингана. Чтобы дальнейшая вербовка баргутов проходила без эксцессов, было решено возложить ее на есаула И.Х. Шароглазова, которому поручалось также установить контакты с забайкальским казачеством на предмет борьбы с красными.[506] 7 апреля 1918 г. Ун-

герн писал Семенову, что, по слухам, Шароглазов обещает от 100–120 руб. каждому нанимаемому пешему монголу.[507]

В феврале–марте 1918 г. состоялось собрание представителей антибольшевистских организаций в Китае. Высшую власть взял на себя Хорват, но, из-за борьбы социалистов с не-социалистами, реальной власти он не получил.[508] Положение же Семенова укреплялось. По взятии Читы, он собирался установить там свою диктатуру.[509]

27 января/9 февраля 1918 г. на конспиративном совещании в сибирской областной думе (за день до того разогнанной томским совдепом) было образовано временное сибирское правительство во главе с эсером П.Я. Дербером, где были представлены демократические силы небольшевистского толка. В Забайкалье же реальная власть принадлежала Семенову.

Согласно донесению Кудашева от 15/28 февраля 1918 г., в переговорах русской пекинской миссии с представителями сибирского правительства было рекомендовано снестись с Семеновым, так как, если бы иностранные союзники были готовы оказать помощь деньгами и припасами сибирскому правительству, то таковая зависела бы от наличия соглашения между ними и Семеновым.[510]

Генерал И.Ф. Шильников в секретном донесении от 31 мая 1918 г. писал, что 19-го советник русской миссии в Пекине В.В. Граве спросил его, мог бы он согласиться, чтобы Семенов пригласил его в состав комиссии по выработке плана мобилизации и наступления.[511] Шильников ответил, что может помочь, но в отряд Семенова не вступит. Ему было обещано, что в ближайшие дни будет проведен ряд реформ: Унгерна командируют в Урянхайский край, сотник А.К. Еремеев будет предан суду, последует приказ о воспрепятствовании самочинных обысков, арестов и реквизиций. Но все эти обещания выполнены не были. В Хайларе продолжался террор населения, бесконтрольное и неограниченное расходование денег «все теми же преступными элементами» из унгерновского отряда — Еремеевым и Бурдуковским. Впоследствии, на допросе красными, Шильников перечислял злоупотребления в Хайларе: в частности, продажу реквизированных товаров унтер-офицером Погодаевым купцу Сурину по заниженной цене, продажу хорунжим Кабановым[512] сырых кож, 29 вагонов которых, как говорили, реквизировал Унгерн, продажу разного имущества (в том числе недвижимости) С.А. Таскиным и другими офицерами и т.д.[513]

В Хайларе Унгерн ввел в систему порки — в том числе офицеров. Больше всех этим занимался подхорунжий Бурдуковский, которого в отряде прозвали «палачом». Пороли и два других помощника барона — прапорщики Еремеев и Шадрин.[514] По словам Шильникова, выпороли даже полковника и есаула. Унгерн не позволил комиссии КВЖД провести ревизию хайларского общественного управления.

С.Г. Лазо.

К 18 февраля/1 марта 1918 г. большевики при помощи военнопленных заняли Даурию,[515] затем еще несколько станций. В конце февраля 1918 г. Центральный исполком Советов Сибири (Центросибирь) направил в Забайкалье из Иркутска известного партизанского командира С.Г. Лазо, назначенного командующим нового — Даурского фронта. В состав фронта вошли Читинский и Черновский отряды, казаки 1-го Аргунского полка и др.[516] Но семеновцы по железной дороге продвигались все дальше на север. Уже 29 марта Даурия была оставлена красными.[517] 7 апреля 1918 г. Унгерн написал Семенову о жалобах золотопромышленников Нерчинского округа. Он советовал послать туда казаков и свергнуть советскую власть, причем особо отмечал перспективу крупной реквизиции.[518]

По воспоминаниям Ц.-Е. Цыдыпова, Семенов и Унгерн в 1918 г. разработали и осуществили план формирования отряда из внутренних монголов.[519] Для этого в Цицикар был послан есаул Шадрин — бывший переводчик штаба Заамурского военного округа, свободно говоривший по-монгольски. В Цицикаре со своим отрядом в конвое губернатора служил участник национально-освободительной борьбы монголов Найдан-гун,[520] сдавшийся китайцам. Самого Найдан-гуна губернатор не хотел выпускать из-под своего контроля. Но 300 человек из отряда этого князя под командой полковника Фушенги, находившиеся в хошуне Чжалайт, согласилась уйти к Семенову. Фушенга навербовал еще 200 человек и, получив через атамана разрешение от Хулунбуирского монгольского управления, летом 1918 г. перешел через Баргу в Даурию.

В красных отрядах тоже сражались иностранцы — венгры, румыны и др., которых Центросибирь мобилизовала на борьбу с семеновцами.[521] В частности, был небольшой многонациональный отряд под командой венгра Ф. Ланьи.

В целом, красное партизанское движение в восточном Забайкалье отличалось революционностью.[522] Здесь была велика доля пролетариата, много ссыльных. Немалую часть красных партизан составляли бывшие уголовники и деклассированные элементы. Наряду с Читой, эти партизаны были основным резервом для Даурского фронта. К концу мая 1918 г. на Даурском фронте красные сосредоточили до 13 тыс. бойцов, в том числе свыше 6 тыс. кавалерии.[523]

До июля ОМО вел на Даурском фронте затяжные бои с красными, не давая им перебросить силы против союзников адмирала А.В. Колчака — чехос-

ловаков, которые пробивались к Чите с северо-запада.[524] Потери отряда в этих боях составили до 1500 человек, в основном китайской и монгольской пехоты. Из сохранившихся документов[525] видно, что значительные бои с красными летом 1918 г. шли в районе Соктуя, Цагана, Абагайтуя, разъезда № 84 Забайкальской железной дороги, оз. Солонха и др. пунктов.

Отступив под ударами красных, белые закрепились у ст. Мациевская, где развернулись упорные бои.[526] Там Унгерн сумел отбить важную сопку,[527] после чего Семенов направил туда пехоту и другие части с приказом укрепиться и удерживать позицию. В боях участвовали Семеновский, 2-й Маньчжурский, 2-й конный Даурский и Монголо-Бурятский полки, японцы, сербы. За отличие в этих боях многие получили награды. Два монгольских офицера и шесть всадников были награждены орденом Св. Георгия 4-й степени, четыре всадника — Георгиевскими медалями.[528]

По словам майора А. Александровича,[529] 28 июня 1918 г. во время атаки большевиков на ст. Даурия Унгерн был ранен.[530] По Александровичу, это ранение барону предсказал некий лама. Оно оказалось не смертельным: пуля прошла выше сердца. Вообще, перед боями, как говорил очевидец, Унгерн ездил за предсказаниями к бурятскому шаману, жившему в одном из соседних урочищ. Консультация у шамана могла заменять разведку...[531]

По приказу Семенова в районах, занятых его войсками, бесплатно раздавали муку, сахар, чай и т.д. пострадавшим от большевиков казакам, крестьянам и бурятам.

Назначение адмирала А.В. Колчака главнокомандующим без согласования с Г.М. Семеновым ударило по самолюбию последнего. Масла в огонь подлили японцы, которые поддержали Семенова (май 1918 г.).[532] Атаман не захотел подчиняться Колчаку, но в начале сентября 1918 г. признал новое временное сибирское правительство — во главе с П.В. Вологодским.

В сентябре 1918 г. в Чите, взятой чехословаками и добровольцами А.Н. Пепеляева, Семенов утвердил свою ставку. Были отменены советские порядки и восстановлены дореволюционные. В частности, были восстановлены права офицерства, чины и звания чиновников, проведена денационализация предприятий, отменен передел земли, сделанный красными.

Посланники Семенова ездили в Нийслэл-хурэ. Их целью было подключить Халху к панмонгольскому движению, которое с осени 1918 г. стал пропагандировать Семенов.[533] В результате к нему в Читу для переговоров приехал Ц.Г. Бадмажапов — соратник знаменитого путешественника П.К. Козлова, открывший мертвый город Хара-Хото, а впоследствии расстрелянный большевиками. Бадмажапов находился в Халхе уже давно. В 1918 г. он взялся организовать там закупку до 30 тыс. голов крупного рогатого скота для сибирского правительства, пользуясь связями у монголов.[534] Теперь Семенов надеялся использовать его для привлечения монголов.[535] В конце 1918 г. Бад-

мажапов пробыл в Чите несколько дней, встречался с Семеновым. В Нийслэл-хурэ он вернулся, разделяя мнение работников бурятских органов самоуправления, что затея Семенова — авантюра, но приходится подчиняться обстоятельствам и военной силе.[536]

В ноябре 1918 г. Семенов присвоил Унгерну чин генерал-майора. Параграф 19 приказа № 216а от 23 октября/5 ноября 1918 г., изданный Семеновым на ст. Маньчжурия, гласил: «Начальника Инородческой дивизии полковника барона Унгерна за неустанную работу на пользу и восстановление армии и государственного порядка как вполне заслуживающего перевожу в генерал-майоры со старшинством с 21 октября 1918 г., впредь до утверждения Правительством».[537] Чины семеновского производства позже утверждались омским белым правительством.

Унгерн перебазировался из Хайлара на ст. Даурия. В Хайларе остался белый гарнизон. Из Даурии постоянно командировались офицеры в Харбин, Калган, Читу, Цицикар, Иркутск, на ст. Маньчжурия и др., многих откомандировывали в хайларский гарнизон.[538]

В Даурии из отрядов добровольцев Унгерн сформировал Азиатскую конную дивизию. История ее создания и организационная структура вкратце такова.[539] Отдельная конная туземная бригада была сформирована 1 сентября 1918 г. в составе 2-го и 3-го Даурских (3-й вскоре получил наименование Хамарский) конных полков и артиллерийской батареи (приказ по особому Маньчжурскому отряду № 210 от 23 сентября 1918 г.). Приказами по войскам 5-го Приамурского корпуса № 2 и 5 от 11 и 19 октября 1918 г. бригада была развернута в отдельную Туземную конную дивизию и переименована в Инородческую. Приказом войскам отдельной Восточно-Сибирской армии № 41 от 8 декабря 1918 г. отдельная Инородческая и формировавшаяся Бурятская конные дивизии были сведены в Туземный конный корпус, а штаб отдельной Инородческой конной дивизии переименован в штаб Туземного конного корпуса (приказ по корпусу № 71 от 29 марта 1919 г.). Приказом войскам отдельной Восточно-Сибирской армии № 157 от 12 мая 1919 г. корпус переименован в Азиатский, и из названия Инородческой дивизии, в связи с вхождением ее в корпус, исключалось слово «отдельная». На основании приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего № 470 от 28 мая 1919 г. отдельная Восточно-Сибирская армия была переформирована в 6-й Восточно-Сибирский армейский корпус, а входившие в армию корпуса — в дивизии. Приказом войскам 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса № 1 от 18 июня 1919 г. управления корпусов, в том числе Азиатского, были обращены на формирование управлений дивизий. Из частей Азиатского корпуса была сформирована Азиатская конная дивизия в составе трех бригад: двух конных (1-я — Даурский и Хамарский, 2-я — 1-й и 2-й Бурятский пол-

ки) и Инородческой конно-артиллерийской. Приказом помощника командующего войсками Приамурского военного округа № 193 от 22 сентября 1919 г. Хамарский полк был переименован в Татарский. Приказами помощника командующего войсками Приамурского военного округа № 302 от 11 октября и № 398 от 6 ноября 1919 г. Азиатская конная дивизия была расформирована и из ее состава сформированы две отдельные конные бригады — Азиатская (1-й Татарский (бывший Татарский) и 2-й Татарский (бывший 2-й Бурятский) конные полки) и Монголо-Бурятская (Бурятский — бывший 1-й Бурятский и Даурский конные полки). Приказом помощника командующего войсками Приамурского военного округа № 388 от 1 ноября 1919 г. при бригаде был сформирован Азиатский конно-артиллерийский дивизион.

16 ноября 1919 г. Отдельная Монголо-Бурятская конная бригада была переименована в Отдельную Монголо-Бурятскую им. Зорикто-батора бригаду; полки: Бурятский конный — в Бурятский конный им. Доржи Банзарова (командир — полковник Жадовский), Даурский конный — в Монгольский конный им. Чингис-хана (есаул Сюсин); конно-артиллерийский дивизион — в конно-артиллерийский им. Чидорга-Багатора Цог-Чжибхалант (войсковой старшина Пинигин).[540]

На основании приказа главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа № 131 от 5 февраля 1920 г., приказом по Азиатской конной дивизии № 1 от 7 февраля 1920 г. Азиатская конная бригада была переименована в Азиатскую конную дивизию.[541] В ее состав вошли две бригады: 1-я — 1-й и 2-й Татарские конные полки, Монгольский конный дивизион; 2-я — 1-й и 2-й Бурятские и Монголо-Бурятский конные полки, Азиатский конный артдивизион. В состав 2-й бригады вошла отдельная Бурятская конная бригада (формировалась на основании приказов войскам Забайкальского военного округа № 109 от 6 декабря и походного атамана Дальневосточных казачьих войск № 77 от 22 декабря 1919 г.). Приказом главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины № 231 от 18 марта 1920 г. дивизия подчинялась непосредственно главнокомандующему, а с 21 мая 1920 г. — командующему Дальневосточной армией (приказ его же № 467 от 23 июня 1920 г.). Приказом главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины № 67/А от 7 августа 1920 г. дивизия была переформирована в партизанский отряд. В августе 1920 г. отряд самовольно ушел к границам Монголии в район г. Акша, в начале сентября вступил в нейтральную зону, и приказом войскам Дальневосточной армии № 463 от 29 сентября 1920 г. был исключен из состава армии. После перехода на территорию Монголии отряд вновь стал именоваться Азиатской конной дивизией. Командир бригады, дивизии, корпуса: генерал-майор (затем генерал-лейтенант) фон Унгерн-Штернберг Роман Федорович. Начальник штаба:

подполковник Акинов Владимир, Генерального штаба полковник Жуковский Е.Д. Место дислокации штаба: ст. Даурия.

Так воплотилась в жизнь идея Унгерна о формировании национальных отрядов для борьбы с революцией. В его дивизии служили представители многих национальностей, но основу составляли русские, монголы, буряты и татары. Во вновь формируемых частях русские офицеры были лишь как инструкторы, они не вмешивались во внутреннюю жизнь войсковых единиц.[542]

Представители разных народов и конфессий могли отмечать свои национальные и религиозные праздники. Сохранились приказы об освобождении от занятий в православные праздники Николая Чудотворца и Вознесения Господня, буддийского — Цаган-Сар (для покупки предметов культа к которому в Цицикар был послан хорунжий Осур), мусульманских — Гайды-Курбан и Байрам-Гашур.[543] В Татарском полку занятия по пятницам были заменены на воскресные.

Унгерн создал училище для подготовки монгольских и бурятских офицерских кадров. Этим училищем в начале заведовал есаул Баев, который знал монгольский язык. Знали его и сам Унгерн, и некоторые его офицеры. На 7 марта 1919 г. в училище было 57 человек: из них 21 бурят, 12 монголов 2-го Даурского конного полка, 4 монгола конвоя Фушенги и 19 монголов 3-го Хамарского полка.[544] В экзаменационную комиссию входили Мунгалов, Артамонов, Шадрин, Пичугин, Молчанов, Михайлов, Резухин, Бережков, Любимов.[545] Уже 28 мая 1919 г. приказом № 111 была объявлена телеграмма Г.М. Семенова о производстве старшего курса в офицеры.[546]

Монголы, по свидетельству очевидца, называли Унгерна «своим князем».[547] За знание монгольского и китайского языков солдатам и офицерам платили дополнительное жалованье.[548] Учитывая тесные связи с сопредельной территорией и предстоящий поход в Монголию, Унгерн ввел обязательное изучение монгольского языка, уклонение от уроков считал за уклонение от службы, причем лично контролировал знание языка.[549] Журналист А.В. Грайнер, посетивший Даурию в качестве корреспондента американской газеты, застал его одетым в монгольский халат с погонами с буквами «А.С.» и монгольскую шапочку.[550] Барон объяснил ему, что большинство в его дивизии — монголы и буряты, а им нравится, что командир носит их одежду.

Охотно вступали к Унгерну в войско (как он предпочитал называть свою дивизию) забайкальские буряты. В феврале 1918 г., в связи с боевыми действиями в районе станций Даурия и Маньчжурия, большевики стали требовать от них лошадей, одежду, мясо и, в случае отказа, отбирали это силой.[551] Когда семеновцы отошли от ст. Оловянная к Борзе, 200 семей бурят не успели откочевать. Красные отобрали у них деньги, скот и т.д., людей избивали, некоторых пытали, разгромили Верхне-Тургинский сомон, осквернили

Цугольский дацан, из Агинского дацана забрали телеги, у мирян — скот и лошадей целыми стадами.[552] Денег не давали — вместо них квитанции из штаба.

В отличие от семеновцев, партизаны С.Г. Лазо с презрением относились к бурятам, у них в ходу был лозунг: «Грабь тварей!».[553] В конце 1920 г. грабили бурят, насиловали женщин и девушек красные партизаны Н.А. Каландарашвили.[554] Оперативные сводки семеновцев пестрят сведениями о грабежах продовольствия, скота, имущества красными.[555] Неудивительно, что буряты, ранее относившиеся индифферентно к деятельности красных и отказавшиеся от активных выступлений против них, изменили свое отношение.[556] В советское время это называлось «ложными провокационными слухами».[557] Тем не менее, это такой же факт, как и сочувствие других групп бурят красным, их участие в партизанских отрядах.

В пограничных с Монголией районах буряты и русские, объединенные принадлежностью к казачьему сословию, нередко роднились между собой, тогда как крестьяне, особенно переселившиеся туда после столыпинских реформ, презирали кочевников и постоянно стремились распахать принадлежавшие им степные угодья.[558] Унгерн знал, что забайкальские казаки традиционно хорошо относятся к монголам и бурятам, но с недоверием — к китайцам.[559] Тем не менее, у барона служили и китайцы. Их он старался отправить на борьбу с большевиками, а маньчжуров, харчинов и торгоутов — против китайских войск в случае конфликтов с ними. Баргуты и другие монголы проявляли своенравие, могли не выполнить приказ Унгерна о разоружении, если были многочисленны. В этом случае барон старался расформировать их отряд.[560]

Мусульманская команда из 28 татар и башкир была создана приказом № 155 от 17 августа 1919 г.[561] 1 сентября прибыло еще 49 мусульман, которые были зачислены на довольствие в Даурском конном полку, 5 сентября — еще 15, которых зачислили в отряд сотника Маркова. Приказом № 184 от 30 сентября 1919 г. был сформирован Татарский конный полк, временный командующий — войсковой старшина Резухин.[562] Приказом № 185 от 1 октября 1919 г. Унгерн приказал военнопленных татар и башкир зачислять в Татарский полк.[563] По-видимому, максимальная численность мусульман в Азиатской дивизии была в середине 1920 г. По свидетельству Г. Тагана,[564] в ней было около 800 мусульман. По разведсводке красных, в конце марта 1920 г. в 1-м Татарском полку было около 260 человек, во 2-м — около 400 человек; кроме того, в пулеметной команде — 200 человек при 12 пулеметах и 2 батареи около 8 орудий.[565]

По приглашению Унгерна 16 апреля 1920 г. из Читы в Даурию ездили представитель башкир М.Г. Курбангалеев и бывший член башкирского совета Г. Таган, чтобы осмотреть Азиатскую дивизию.[566] Они пробыли там два дня, осмотрели 1-й и 2-й Татарские полки и включенные в них Башкирские сот-

ни. Гости остались довольны постановкой дела, обмундированием, пищей, устройством и чистотой казарм и мечети. Управление башкир российской Восточной Окраины внесло Унгерна в список своих почетных казаков (ильджигитов), этот список утвердил Семенов приказом № 495 от 6 июля 1920 г.[567]

Унгерн укрепил военный городок у ст. Даурия. В здании местной церкви, еще не отделанном изнутри и не освященном, сделали склад снарядов и разных материалов, а для устроенной трудами священника временной церкви отвели комнату в дальней казарме за мастерскими.[568] Четыре казармы по углам городка в 1918 г. были превращены в форты, все окна и двери заделали кирпичом. На верхнем этаже и на крыше установили пушки образца 1877 г., складировали много гранат и патронов; на форте № 6 — прожектор.[569] Там находилась инженерная рота. Сообщение с землей сделали в средневековом стиле: по лестнице, спускаемой с крыши. Пулеметная рота размещалась в броневых коробках бронепоезда на ветке, проходившей посредине городка и около церкви. Сборным пунктом была площадь перед церковью.[570]

Помимо строевых частей, в военном городке разместились интендантство, медицинский и ветеринарный лазареты, училище монголо-бурятских юнкеров, механическая слесарная мастерская. Были также швальни, электростанция, водокачка. На господствующую сопку подняли вагон и оборудовали там караульное помещение.

В Даурии шла массовая вербовка добровольцев. Платили им не местными сибирскими деньгами, а «романовскими» или серебром; с лета 1920 г. стали платить золотом царской чеканки.[571] С добровольцами при поступлении заключали договор, по которому необученные молодые казаки обязывались служить не менее 4 мес., строевые казаки старых сроков — 3 мес.[572] Жалованье необученного и строевого казака было 7 р. 50 к., через станичных атаманов выплачивалось единовременное пособие 75 р. новобранцу и 50 р. — семье. Жалованье урядника — 10 р. Имеющие Георгиевские кресты получали по 5 р. за каждый. В случае тяжелого ранения, повлекшего нетрудоспособность, единовременное пособие составляло 1000 р.; столько же — родственникам в случае смерти казака. Сохранились детальные сведения о жалованье и выплатах чинам дивизии в 1919 г.[573]

В своем войске Унгерн поддерживал железную дисциплину, основанную как на страхе наказаний, так и на заботе о личном составе. Последний был обеспечен лучше, чем во многих других белых частях. Неустанной заботой барона были снабжение и правильная организация службы. Все части дивизии точно знали свои обязанности. Унгерн следил за тем, чтобы этот механизм работал бесперебойно. Например, в январе 1919 г. наряды по обслуживанию перевозочными средствами распределялись так: Даурский полк должен обслуживать себя, своих офицеров, кузницу и ветеринарный лазарет;

Хамарский полк — себя, своих офицеров и гэгэнов (высших буддийских иерархов при дивизии), подвоз отопления в штаб; смотритель зданий — подвоз воды чинам штаба, баню и другие строительные работы; лазарет — себя и штаб Фушенги; комендантское управление — себя, продовольственный пункт и гауптвахту.[574]

Судя по приказам, предметом постоянной заботы командования был конский состав.[575] Регулярно проводилось ветеринарное освидетельствование, выкармливание истощенных лошадей, заготовлялся фураж, более упитанных лошадей было приказано отгонять от Даурии верст за пять и более, где хороший корм, для пастухов ставить юрты, назначать для пастьбы надежных людей и т.д.

О. Ол-ич вспоминал, что Унгерн в мирное время весь день носился по военному городку, занимаясь делами и не имея времени поесть. Пищу барон требовал себе уже ночью.[576] Он часто засыпал, не раздеваясь, сидя на кровати «по-восточному», спал не более 3–4 часов. В других случаях мог ночью разбудить офицеров и немедленно дать им какую-нибудь работу. Офицеры такой режим объясняли тем, что Унгерн засыпал пьяным, но днем он никогда не пил. Некоторые мемуаристы[577] сообщают об участии барона в попойках и употреблении кокаина. Ко времени похода на Монголию Унгерн бросил пить сам и преследовал пьянство среди подчиненных.[578]

Жил Унгерн замкнуто, в его квартире царил беспорядок: кругом валялось грязное белье, бутылки из-под коньяка, клочки рваной бумаги и деньги; всем его хозяйством ведала какая-то грязная, вечно пьяная стряпка.[579] Ол-ич вспоминал, что у барона одежда была грязной и рваной — это притом, что каждый солдат имел по полдюжины смен белья.[580] Ол-ич был очень удивлен, как-то раз увидев на Унгерне во время купания совершенно разорванную сорочку...

Унгерн щедро награждал подчиненных, когда видел старание на службе. Вот сведения из приказов: за обучение кузнечных учеников старшему кузнецу Безрукову — 700 р. и двум ученикам за отличное изучение своего дела — по 100 р.[581] Печнику Кожину за хорошую и быструю работу — 100 р. наградных.[582] Поварам — наградные за отличное изготовление пищи. Сердечная благодарность сотнику Бочкареву за образцовый порядок, в котором содержится кухня 2-го Татарского полка.[583] Самые большие порции мяса и самый наваристый суп оказались в нестроевой части — за это благодарность технику Оя, награда артельщику, кашевару и другим, причастным к изготовлению пищи.[584] Благодарность штаб-ротмистру Теренецкому-Климовичу и караульному начальнику поручику Евфаритскому за хорошую караульную службу 1-й сотни 1-го Татарского полка.

Барон по нескольку раз в день объезжал кухни, интендантские склады, конюшни и жестоко карал виновных в упущениях. Например, однажды он

посадил в карцер интенданта князя А. за плохую солонину, лишив его воды и забрав ключ с собой, а на другой день выгнал его из Даурии. Другого интенданта он заставил есть недоброкачественный овес, поставленный в конюшни. «Однажды в одном из эшелонов с беженцами у комендантской команды произошло столкновение с бывшим начальником Уральского края — Постниковым, который возмутился грубым обращением унгерновцев. Об этом по телефону было немедленно доложено Барону, который дал приказание: «Выпороть Постникова». Приказание было выполнено тут же — в поезде».[585] С.С. Постников, бывший уполномоченный омского правительства по управлению Уралом, был выпорот за попытку тайного вывоза золота за границу.[586]

Сохранились некоторые письменные приказы Унгерна о взысканиях.[587] В котле оказалось немного воды, которая могла замерзнуть и разрушить котел — три ночи гауптвахты начальнику хозчасти полка. В помещении, предназначенном для жилья, оказалось несколько коров и лошадей, помещенных туда интендантом — выговор, а весь ущерб с интенданта. Ему же немедленно донести, откуда у него сено для коров, когда у интендантства сена нет для обозных лошадей. В одной из кухонь оказались свиньи и прочая живность — убрать в более подходящее помещение, а хозяину немедленно очистить загрязненные котлы в свободное от службы время. Вестовой поручика совершенно недисциплинирован — поручику одни сутки гауптвахты, так как не воспитывает вестового. Врачу лазарета — строгий выговор, так как похоронил двух умерших в лазарете солдат, не дав знать их частям, чтобы проводили на кладбище. В одной батарее не видно заботы командира — три ночи гауптвахты. Одна ночь гауптвахты за неправильный доклад. Один день и две ночи ареста врачу за повторные упущения по лазарету. Чиновника арестовать и отдать под суд: кормит коров даже сеном, когда оно стоит 1 руб. золотом за пуд. В одном из приказов Унгерн писал: «В баню люди ходят, не моются: приказываю впредь отправлять людей в баню командами, старшему наблюсти, чтобы все люди тщательно мылись».[588]

Ол-ич[589] приводит такой приказ Унгерна: «Вокруг бараков, занятых под квартиры интендантских чиновников, появились какие-то коровники, кругом загажено, загрязнено, чего нет около квартир строевых офицеров. Интендантские чиновники, по-видимому, любят пить молоко, но не любят убирать говно». Есть и другие свидетельства, что Унгерн употреблял ругательства в приказах и телеграммах.[590] В личной переписке с Семеновым он матерился.[591]

Неустанно работая сам, Унгерн почти лишил развлечений своих подчиненных. Он боялся деморализации личного состава и говорил, что «надо воевать, а не развлекаться и заниматься глупостями».[592] Поэтому попойки разрешались на определенных квартирах, но обнаруженных на улице и в других общественных местах пьяных наказывали.[593] Судя по сохранившимся прика-

зам,[594] обычно накладывался арест в 3–7 суток, иногда — выговор, а иногда — арест до 30 суток, перевод в резерв чинов. Ходили слухи, что пьяных сажали в заминированный подвал, где каждый шаг грозил гибелью.[595] Бывало, что зимой подчиненных за разные провинности барон сажал на крышу, предварительно выдав теплую доху.[596] Говорили, что трех суток было достаточно, чтобы превратить самых недисциплинированных людей в образцовых солдат.

Жесткие меры сплачивали разношерстное войско. В Азиатскую дивизию поступали весьма разные люди, в том числе с низкими моральными качествами. В подавляющем большинстве они были гораздо ниже Унгерна по своему уровню, им были чужды его политические и философские взгляды. Успешную карьеру делали люди с наклонностями палачей, слепо преданные барону, поскольку их жизнь и благосостояние всецело зависели от него: Е. Бурдуковский, Лауренц и др. «Злыми гениями Унгерна являются генерал-майор Евсеев, подполковник Лауренц и сотник Еремеев. Люди без всякой нравственной этики, без каких бы то ни было убеждений, какие-то прирожденные палачи или садисты. Зная бешеный и неукротимый нрав начальника дивизии, они всячески подзуживают его, устрашают, пишут доносы и делают все возможное, чтобы не дать ему успокоиться».[597] Даже «праздношатающиеся» (по выражению Торновского) японцы, поступившие в Азиатскую дивизию перед самым ее уходом в Монголию, были людьми ограниченными, ставили главной целью наживу. По крайней мере, такую характеристику дал один из них, когда вернулся и был допрошен японской секретной *службой.*[598]

В то же время, служившие у барона японцы вспоминали: «В отличие от солдат Семенова, солдаты Унгерна не пьют алкоголь, ведут простую жизнь и служат серьезно. <...> Он не хочет работать с Семеновым. Поэтому у него успех. <...> Он страшный командир, всегда продумывает планы военных операций. Он не хочет работать с армией Семенова, потому что группа Семенова колеблется и проявляет нерешительность».[599] Унгерн писал Тумбаир-Малиновскому, что пассивность и апатия некоторых лиц губят все.[600]

Азиатская дивизия стала самым боеспособным белым формированием в Сибири. Большинство ее составляли опытные бойцы, многие были ветеранами Первой мировой войны. В монгольском отряде служили в основном ветераны национально-освободительной борьбы против китайцев, опытные партизаны. Не даром Г.М. Семенов говорил: как земля держится на трех китах, так и власть в Сибири — на забайкальских казаках, первой Маньчжурской и Азиатской дивизии Унгерн-Штернберга.[601] Семеновцы называли Азиатскую дивизию «Дикой — за свое образцовое состояние и испытанный в боях личный состав».[602]

В Даурии Унгерн был, фактически, единоличным правителем. Приказы своего непосредственного начальника Семенова он выполнял настолько, на-

сколько считал нужным, а отказ мог сопроводить нецензурной бранью. По мнению некоторых белых, Азиатская дивизия представляла скорее угрозу власти, чем ее опору.[603] В то же время, Унгерн поддерживал связь с Семеновым, другими белыми военачальниками, с Маньчжурией, членами колчаковской администрации, командованием иностранных союзников. Например, сохранилось его письмо японскому командованию, где он предлагал сообщить места дислокации и численность красных в связи с предстоящими боями. Эту работу Унгерн собирался вести в координации с Семеновым.[604]

18 ноября 1918 г. в результате переворота в Омске А.В. Колчак был объявлен верховным правителем России. Г.М. Семенов отказался признать его. В телеграмме от 23 ноября он так объяснил свою позицию: «Адмирал Колчак, находясь... на Дальнем Востоке, всячески старался противодействовать успеху моего отряда... а посему признать Колчака, как верховного правителя, не могу. На столь ответственный перед родиной пост я... выставляю кандидатов ген. Деникина, Хорвата и Дутова».[605] Атаман признал власть адмирала позже, 25 мая 1919 г. Колчак назначил его командиром 6-го Восточно-сибирского корпуса, а 18 июля — помощником командующего войсками Приамурского военного округа с правами генерал-губернатора Забайкальской области с утверждением в должности походного атамана дальневосточных казачьих войск и производством в генерал-майоры.[606] Это было отрицательно воспринято либеральной частью Белого движения. Кудашев в телеграмме от 26 июля 1919 г. на имя управляющего канцелярией министерства иностранных дел омского правительства писал, что это назначение произведет удручающее впечатление на Дальнем Востоке как санкция на «худшее проявление власти и атаманщину».[607]

Материальное обеспечение в белых частях было недостаточным. В результате на Дальнем Востоке реквизиции приобрели широкий размах. Семенов даже издал приказ № 54 от 19 ноября 1919 г., в котором регламентировал их: высшим командирам разрешались лишь платные реквизиции с разрешения (или, при невозможности — с последующим извещением атамана), бесплатные — лишь по указанию самого Семенова и т.д.[608] Этот приказ часто нарушался. Пассажирские поезда, шедшие на Дальний Восток, тщательно досматривались семеновцами еще в Верхнеудинске, Чите и на других станциях.[609] Пассажиры подвергались личному обыску. Деньги, драгоценности и ценные бумаги отбирались часто без составления акта. Конфискации проводились и за границей. Так, в 1920 г. сотник ОМО Кузнецов конфисковал в Монголии, в районе р. Онон, 850 пудов муки и 1069 пудов крупчатки, которые принадлежали торговцам С. Вильдману и М. Афицинскому.[610] Кузнецов мотивировал это тем, что груз следовал на границу России, где его покупателями могли быть только большевики.

Другим источником дохода семеновских частей были грабежи местных жителей, связанных с большевиками. Например, в феврале 1919 г. семеновцы, среди которых было 60 харчинов, разграбили с. Александровский Завод, часть жителей перебили, женщин изнасиловали.[611]

Реквизициями занимались не только семеновцы. Чехи, следуя по Транссибу, грабили частное и государственное имущество, которое потом продавали в местном цирке в Харбине: самовары, швейные машины, иконы, серебряную посуду, экипажи, земледельческие орудия, слитки меди и машины, вывезенные с уральских заводов.[612]

Красные сделали реквизиции имущества «эксплуататорских классов» основой своего обеспечения. 26 мая 1918 г. был опубликован декрет Центросибири «Об учреждении контрольно-реквизиционного бюро при Сибирском комиссариате снабжения и продовольствия».[613] Он проводился в жизнь следующим образом.[614] Никаких норм не было. Каждая губерния делилась на районы, по путям сообщения направлялись учетчики, грабившие «и пешего, и конного». Реквизированное частью разворовывалось, частью попадало в руки комиссаров и их приближенных, что способствовало развитию спекулятивного рынка. А после ухода семеновцев за границу в 1920 г. правительство ДВР объявило, что все лица бежавшие с контрреволюционными армиями и не вернувшиеся до 7 февраля 1921 г. объявляются врагами народа и их движимое и недвижимое имущество конфискуется.[615] А еще позже наступила реквизиция в масштабах всей страны — коллективизация и раскулачивание.

Унгерн сделал выборочные реквизиции имущества у пассажиров поездов одним из главных источников содержания своей дивизии.[616] Из них делались выдачи женам и родственникам убитых, служащим ст. Даурия, рабочим, станичникам, пострадавшим от красных и т.д. Чтобы миновать Даурию, состоятельные люди нередко сходили с поездов и объезжали ее на лошадях.[617]

1 января 1919 г. на ст. Даурия задержали 71 китайца-коммерсанта, ехавших из Иркутска, и отобрали у них около 11 млн руб.[618] Омское правительство поручило Унгерну провести дознание. Барон прислал с особо командированным офицером следующее донесение. Подъесаулу князю Аргутинскому-Долгорукову сообщили, что в одном вагоне 3-го класса едет китайская миссия, и ее охраняют чехи. Но милиционер из Иркутска Чунин сообщил, что в действительности это спекулянты-китайцы, которых он знает по Иркутску. Поэтому по прибытии поезда в Даурию была назначена комиссия из 13 человек, в том числе управляющий шарасунским таможенным постом. Из акта следовало, что у китайцев при обыске отобрано 6 525 888 р. 50 к., спрятанных в разных местах (двойное дно чемодана и т.п.). Конфискация проведена на основании законодательства 1914–1915 гг., вследствие запрета омского правительства на вывоз денег, и поскольку это контрабанда.[619]

Началась тяжба. Под давлением китайских властей омское правительство потребовало от Унгерна вернуть деньги китайцам или, хотя бы, положить их на депозит в иностранный банк в Харбине до окончательного выяснения вопроса. Однако барон не стал выпускать деньги из рук. В итоге омское правительство само выплатило требуемую сумму китайскому правительству в возмещение конфискованных денег.[620]

Отношения Унгерна с Семеновым были неровными. «Раз как-то Семенов решил посетить «Орлиное гнездо» своего генерала и выехал из Читы в Даурию со своей возлюбленной куртизанкой Машенькой.[621] Унгерн как-то проведал об этом и послал навстречу Семенову курьера с ультиматумом: «С Машкой-бл...дью не приезжай, если приедешь — ее прикажу выпороть, а тебя выгоню». Семенову пришлось оставить свою подругу где-то по дороге и прибыть в «Орлиное гнездо» одному...»[622].

В начале 1919 г. между Унгерном и Семеновым произошла ссора, в реальности которой сперва были сомнения.[623] Однако 14 марта 1919 г. российский вице-консул в Хайларе П.К. Усатый телеграфировал, что эта ссора — достоверный факт, причем Семенов принимал меры к ее ликвидации[624]. Причина ссоры была в следующем.[625] «Маша» везла Семенову из Маньчжурии товары, а Унгерн конфисковал их в Даурии. Семенов стал требовать товары, Унгерн сослался на его же приказ о реквизициях, но в итоге вынужден был уступить, телеграфировав своему начальнику: «Бл...ди все можно». Эти события, вероятно, наложились на захват монгольским отрядом семеновского скота еще в августе 1918 г., что было причиной другой размолвки Унгерна с Семеновым (подробнее см. главу 5).

В январе 1919 г. барон объявил о своей отставке.[626] Вскоре он выехал из Даурии, не взяв денег, и дорогой занимал их у знакомых — Никитина, Микеладзе и др.[627] Но компромисс между атаманом и бароном все-таки был найден.

В феврале 1919 г. Унгерн отправился в командировку в Маньчжурию и Китай, которая растянулась до сентября: вернулся он и в командование дивизии заступил 29 сентября 1919 г.[628] Перед отбытием барон отдал необходимые распоряжения, ряду чинов дивизии дал деньги на служебные расходы.[629] Согласно приказам по дивизии, вместо него временное командование дивизией принял на себя подполковник Усачевский.[630] Далее, согласно приказам, ею временно командовали М. Шадрин, Е. Жуковский, Артамонов, Б. Резухин, П. Левицкий и другие офицеры.

Семенов командировал Унгерна в Пекин для того, чтобы завязать связи с монархическими партиями.[631] Кроме того, Семенов старался найти поддержку панмонгольскому правительству, не признанному ни одним государством, в том числе Китаем.[632] Оно как раз было образовано в марте 1919 г. (подробнее см. в главе 5). Наконец, атаман готовил переговоры с правителем

Маньчжурии — Чжан Цзолинем о совместной борьбе с красными и о возможности восстановления монархии в Китае. Как вспоминал приближенный к атаману Л.В. Вериго, этот план предложил Семенову Унгерн.[633] Очевидно, это был первый этап унгерновской программы создания азиатской империи.

Русским дипломатам в Маньчжурии и Китае барон объяснял свою поездку в контексте планов Семенова и, вместе с тем, старался дезинформировать их. В сентябре 1919 г. Унгерн говорил управляющему генконсульством в Харбине Попову: «Из Монголии и Манчжурии необходимо создать буфер, в частности, в Монголии восстановить старое положение».[634] Вместе с тем, он заявлял, что собирается ехать «в Париж и Эстонию через Южную Америку вследствие ссоры с Семеновым».[635] Естественно, барон не хотел раскрывать собственный монархический план: даже то, что он говорил, воспринималось негативно.

Унгерн наладил контакты с китайскими монархистами и подготовил встречу Семенова с Чжан Цзолинем. Атаман выехал в Мукден 1 сентября 1919 г. со станции Цицикар вместе с генералом Чжан Куйу[636] и генералом Гэном, командующим войсками в полосе отчуждения.[637] Последнему из Пекина было указано, что он должен дать военный отпор Семенову в случае его вторжения в Восточную Монголию. Тем временем П.П. Тумбаир-Малиновский[638] провел переговоры с японской фирмой Сато о покупке 4 тыс. винтовок, от Корейского банка получил согласие на ссуду в 60% их стоимости.

Япония способствовала и подготовке переговоров Семенова с Чжан Цзолинем. В сентябре 1919 г. Кудашев получил следующую информацию из Мукдена: по результатам посещения японским консулом Чжан Цзолиня, японское руководство склонялось к тому, чтобы признать последнего самостоятельным хозяином Восточной Монголии и Южной Маньчжурии, а исполнение обязанностей такого же «Цзы-Чжу» во Внешней Монголии признать за Семеновым, при условии обоюдной поддержки их друг другом.[639]

7 сентября Семенов прибыл в Мукден и тоже провел переговоры с японцами. Наконец, он встретился с Чжан Цзолинем, и по итогам переговоров они дали совместное интервью.[640] Семенов сделал Чжану несколько предложений для сотрудничества, в том числе — что его отряды хотели бы привлечь на свою службу новобранцев во Внешней Монголии и Северной Маньчжурии. Чжан Цзолинь хотел оставаться полновластным правителем Маньчжурии, формально сохраняя лояльность пекинскому правительству. Потому он ответил, что это вне пределов его компетенции и предложение следует адресовать центральному правительству Китая.[641] Семенов просил Чжана принять в подчинение находящиеся у него войска, причем открестился от «подстрекательств Урги к провозглашению самостоятельности».[642] Из Пекина Чжан Цзолиню ответили, что это предложение абсурдное, Семенов — человек лукавый и т.п. По словам Чжана, Семенов также предложил ему помощь в вос-

становлении монархии в Китае.[643] Впоследствии Чжан Цзолиню это же предлагал и Унгерн. Оба раза маньчжурский правитель проигнорировал предложение.

В то же время, Семенов сумел договориться с японцами об инвестировании своей покупки оружия. Представитель омского правительства 22 сентября 1919 г. доносил в Китай, что Семенов не имеет поручения правительства на приобретение 4 тыс. винтовок, а его агенту Малиновскому не следует оказывать никакого содействия.[644] Предполагалось, что присутствие Семенова в Мукдене и покупка оружия связаны с панмонгольским движением, и омскому военному ведомству необходимо отозвать атамана. Это притом, что в Сибири наступали красные, а самому омскому правительству оставалось работать меньше месяца!

Результатом панмонгольской деятельности семеновцев стало извещение консульских учреждений российской миссией в Пекине о «подозрительной деятельности» ряда лиц, в том числе подполковника Пржеволоцкого, служившего недавно в охранной страже КВЖД в Хайларе, барона Унгерн-Штернберга и бурятского панмонгольского деятеля Ц.-Е. Цыдыпова.[645] М.Г. Торновский упоминал грандиозный скандал в российском посольстве, которым ознаменовалось пребывание Унгерна в Пекине.[646] П. Дюфур писал, что этот скандал был вызван грубостью барона.[647] Учитывая сказанное, этому не следует удивляться, хотя подробности скандала неизвестны.

Однако для Унгерна командировку можно считать успешной. Было достигнуто главное: налажены связи с монархистами. Другим результатом был первый и единственный брак Унгерна. Барон женился на европейски образованной маньчжурской принцессе Цзи, родившейся в 1900 г. в Пекине.[648] Унгерн привез ее в Харбин, где и обвенчался.[649]

Л.А. Юзефович[650] приводит две версии их знакомства. По первой, это произошло в Пекине, где Унгерн через китайских монархистов сошелся с кем-то из членов маньчжурской императорской семьи. Вторую версию рассказал Юзефовичу старый харбинец А.М. Кайгородов. В 1930-х гг. он учился в Харбинском политехническом институте, где тогда преподавал синолог И.Г. Баранов, рассказавший ему следующее. Унгерн встретился с будущей женой раньше, чем с ее родителями, и не в Пекине, а в Харбине, на уроках китайского языка, которые брал у Баранова. Она также ходила к Баранову, но для изучения маньчжурского языка, который не знала, как и многие маньчжуры в XX в. Инициатива принадлежала не барону, а его будущей жене. Они посещали кинематограф, ресторан при гостинице «Модерн». Она влюбилась в него и предложила общаться на китайском, который знала.

Брак был заключен 30 июля 1919 г.[651] Церемония прошла по православному обряду, маньчжурка получила имя Елены Павловны Унгерн-Штернберг. Общались они с супругом на английском языке.

По воспоминаниям А. Унгерна, Цзи была дочерью князя Пун Цзи.[652] По донесению российского генконсула в Харбине, Р. Унгерн утверждал, что его жена — дочь бывшего дворцового коменданта.[653] По донесениям японской разведки, Цзи происходила из рода Чжан.[654] Сообщали, что отец Цзи — генерал Чжан Куйу, губернатор Хайлара.[655] Как видим, это неверно. Однако ясно, что Чжан Куйу — родственник Цзи. А.С. Макеев считал Чжан Куйу названным братом Унгерна,[656] а во многих мемуарах говорится, что брак был политическим именно потому, что Унгерн хотел иметь базу в Хайларе. Чжан Куйу был одним из немногих китайских администраторов, поддерживавших барона. Кроме того, брак с маньчжуркой был полезен для планов создания Срединного царства во главе с маньчжурским императором и для повышения авторитета барона в глазах тех, кто хотел реставрации маньчжурской династии. Есть сведения, что после свадьбы некая депутация внутренних монголов преподнесла Унгерну княжеский титул вана, на который давала право жена императорской крови.[657] Законность этого сомнительна: такой титул мог даровать только правящий монарх.

Сведений о Чжан Куйу мало. В феврале 1918 г., в связи с беспорядками, произошедшими на КВЖД из-за борьбы разных русских партий, туда были введены китайские войска. Один из начальников — командир 2-й кавалерийской бригады Чжан Куйу был назначен вторым помощником главнокомандующего временной охраной в полосе отчуждения КВЖД.[658] В марте 1920 г. китайские власти для усиления границы выслали на ст. Маньчжурия бригаду генерала «Джана», чтобы воспрепятствовать пропуску белых войск на КВЖД.[659] Тем не менее, Чжан Куйу поддерживал белых: последние использовали КВЖД при уходе из Забайкалья. Он стал командующим китайскими войсками на западном участке КВЖД, затем — губернатором Хайлара. Много позже расстрела барона большевиками Чжан Куйу был убит Чжан Цзолинем.[660]

Журналист А.В. Грайнер вспоминал о своей встрече с Унгерном в Харбине в августе 1919 г.:[661] «Он вел себя решительно, при этом надеялся восстановить Живого Будду[662] и Монгольскую империю, он все еще надеялся на то, что сможет вести борьбу против большевиков более энергично. Этот план поддерживала его жена, монгольская принцесса, а также милитаристские круги».[663]

Эти данные подтверждают предположение о том, что брак Унгерна носил политический характер и соответствовал его монархическому плану. Не исключено, что жена Унгерна была в родстве с монгольскими князьями: браки представителей маньчжурской и монгольской аристократии были обычными. В Харбине в 1920-х гг. ходили слухи, что жена Унгерна — монголка, даже что она происходит по прямой линии от Чингис-хана.[664]

Через два месяца после бракосочетания Унгерн вернулся в Даурию. Его супруга поселилась неподалеку — на ст. Маньчжурия. Может быть, среди кратковременных командировок Унгерна в то время[665] были и поездки к

жене. Прожив с полгода на этой станции, маньчжурка вернулась в родительский дом. Вероятно, барон расторг брак по китайской традиции, просто известив жену письменно о своем решении. Приданого Унгерну она не принесла — напротив, барон оформил на нее через своего доверенного, польского татарина К. Гижицкого, вклад в одном из харбинских банков.

Незадолго до похода на Монголию, когда китайское правительство обратило внимание на тесную связь Унгерна с Чжан Куйу, последний через своих агентов пустил в пекинскую прессу информацию, что барон разводится с женой и порывает всякие отношения с ним.[666] Тем не менее, В.А. Кислицин[667] вспоминал, что перед походом в Монголию Унгерн отдал ему на хранение *обручальное кольцо своей жены*. На допросах барон говорил, что со своей женой последнее время разведен.[668] По-видимому, причиной развода было неприятие унгерновского плана в маньчжурских верхах. Находясь в браке с Цзи, Унгерн подвергал опасности ее родственника Чжан Куйу в случае своей военной экспедиции против китайцев в Монголию. Позже (к 1941 г.) Цзи жила при дворе последнего маньчжурского императора Пу И в Чаньчуне.[669]

Пока Унгерн был в Маньчжурии и Китае, в Даурии исполняющие обязанности командующего сменяли друг друга. В феврале–марте 1919 г. в военном городке были выявлены случаи сыпного тифа, против которого приняли меры.[670] Особое внимание уделили медперсоналу. Его численность на 6 марта составила 18 человек, при лазарете были санитары-китайцы. 2 апреля корпусным врачом стал коллежский асессор Бережков. 7 июня при корпусном медицинском лазарете открыли зубоврачебный кабинет.[671]

21 марта на ст. Даурия потерпел крушение поезд со снарядами. Исполнявший обязанности комдива генерал-майор Артамонов с горечью отмечал, что многие офицеры подходили к месту аварии как зрители, не принимая участия по своему почину, а когда стали рваться снаряды, ушли домой, чтобы наблюдать эту картину, несмотря на опасность второму поезду.[672]

В апреле среди начальствующего состава корпуса проявились признаки брожения: командир 3-го конного Хамарского полка Чупров с несколькими офицерами подал коллективную жалобу «по вопросам, не подлежащим их обсуждению». За это временно командующий корпусом полковник Жуковский отчислил его в распоряжение штаба отдельной Восточно-Сибирской армии, а своему предшественнику Артамонову объявил выговор.[673]

К 1919 г. члены красных партизанских отрядов от Забайкалья до Приморья объединились под руководством С.Г. Лазо. Они занимались грабежами, терроризировали население, разрушали железные дороги, подрывали и обстреливали поезда, убивали офицеров, государственных служащих, рабочих-железнодорожников и старателей на приисках.[674] В апреле–мае 1919 г. партизаны перегруппировались и развернули наступление на юг.[675] В боях с

красными, пришедшими из-за р. Аргунь в мае, участвовал отряд Туземного конного корпуса под командой сотника Маркова.[676]

В отсутствие Унгерна в Даурии продолжались реквизиции. По сообщениям газеты «Гунъянь бао» от 4–6 и 12 июня 1919 г., на ст. Даурия у китайских купцов было конфисковано 20 млн руб., в июле — еще 12 млн.[677] В 1919 г. по приказу начальника Азиатской дивизии в Даурии была реквизирована и продана с аукциона пушнина.[678] Впоследствии, во время поездки Семенова в Канаду и США, представители «Юровета» (Южно-русское общество внешней торговли) пытались вчинить ему за это судебный иск. Семенов уверял, что все было законно.

В июне–июле 1919 г. походный атаман всех казачьих войск, инспектор кавалерии колчаковцев генерал-лейтенант А.И. Дутов совершал инспекционную поездку по Дальнему Востоку.[679] 16 июня он произвел смотр Азиатского конного корпуса в Даурии и поблагодарил всех за службу. За это каждому было выделено по чарке водки и фунту мяса сверх нормы.[680]

24 февраля 1919 г. приказом по Туземному корпусу зауряд-есаул П.К. Дзыно был назначен в комиссию по приемке приисков от Горного управления.[681] Прииски перешли военному ведомству, их охраняли казаки. Вскоре после возвращения из Маньчжурии — 6 ноября 1919 г. Унгерн подписал приказ № 213 о награждении двух казаков-бурят из этого отряда Георгиевским крестом и Георгиевской медалью за отличие в боях 14–17 октября в районе станицы Новотроицкой.[682] Есть сведения, что в январе 1920 г. Семенов назначил Унгерна управляющим по добыче золота в районах Ундинской системы, Горного Зерентуя — Кадая — Кутомары, Газимуро-Борзинских приисков и приисков по р. Олоча.[683] На этих приисках использовался каторжный труд заключенных и военнопленных.[684] Узнав, что в Чите собираются печатать собственные бумажные деньги, Унгерн вместо этого предложил чеканить монеты из вольфрама с местных рудников, пытался выписать из Японии машины для чеканки и даже продумал, как будут выглядеть эти монеты. Об этом он писал Тумбаир-Малиновскому.[685]

С октября 1919 г. белые в Сибири постепенно отступали на восток под ударами Красной армии. *В ночь с 15 на 16 ноября 1919 г., через четыре дня после* выезда омского правительства, Омск был занят красными.[686] А в первых числах декабря разгромленная под Красноярском Белая армия перестала существовать, потеряв убитыми, ранеными и пленными около 60 тыс. бойцов, а также все обозы и артиллерию.[687] После падения омского правительства войсковые представительства казачьих войск Урала и Сибири выбрали своим походным атаманом Семенова, который к тому времени уже был походным атаманом Уссурийского, Амурского и Забайкальского войск.[688]

1 декабря 1919 г. Колчак издал указ о смещении Семенова со всех должностей за неповиновение и по обвинению в государственной измене — нару-

шении коммуникаций.[689] Л.В. Вериго вспоминал, что Унгерн не одобрил разрыва Семенова с Колчаком и прислал атаману матерную телеграмму.[690]

Была назначена комиссия. Она не нашла состава преступления в действиях Семенова, и Колчак уступил. Фактически, атаман оставался самостоятельным все недолгое время правления Колчака и не давал бойцов в его армию, которая вела бои с красными. Иногда пишут, что это стало одной из причин падения белой Сибири,[691] а сама «атаманщина» сыграла пагубную роль для антибольшевистских сил в гражданской войне.[692] Это неверно. Во-первых, невозможным использование войск Семенова против Красной армии на Урале сделали амбиции Колчака и его окружения, в меньшей мере самого Семенова, усиленные прошлыми взаимными обидами, а также борьба интервентов за влияние на белых руководителей и бюрократизм.[693] Во-вторых, атаман сохранил силы для дальнейшей борьбы. Его военная мощь была явно недостаточной для спасения армии Колчака. В третьих, адмирал потерпел поражение от красных, не сумев соединиться с А.И. Деникиным. После поражения часть его солдат ушла к Семенову, а красным досталось огромное количество вооружений и другого имущества, брошенные эшелоны с которым забили Транссиб.

23 декабря А.В. Колчак назначил Г.М. Семенова главнокомандующим всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа,[694] приказом № 5 от 24 декабря произвел Семенова в генерал-лейтенанты, а приказом № 6 от 25 декабря назначил его уполномоченным верховного правителя по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Забайкальской области.[695]

Адмирал надеялся на помощь атамана против восстания во главе с Политцентром. 27 декабря из Читы на Иркутск отправился особый отряд под командой генерала Л.Н. Скипетрова. Предательство Колчака западными союзниками — чехами во главе с генералом Я. Сыровы и командующим, французским генералом М. Жаненом — привело к поражению Скипетрова. Находившаяся в составе его отряда Монголо-Бурятская конная бригада им. Зорикто-батора была разгромлена и разбежалась, из 1800 человек осталось около 150.[696]

Впоследствии Унгерн собирался убить Жанена, пустив под откос его поезд и расстреляв с сопок пассажиров.[697] Это не удалось лишь благодаря вмешательству Семенова. По приезде в Харбин, Жанен был встречен бойкотом. С ним не стал встречаться даже французский консул. Впоследствии Жанен говорил, что Унгерн — человек жестокий и полусумасшедший, но с благородной сущностью.[698]

В связи со сдачей Иркутска, Унгерн «плохо отзывался» о начальнике иркутского гарнизона генерале К.И. Сычеве. Последний 7 июня 1920 г. написал барону письмо, в котором доказывал, что сделал все для удержания города, но смог лишь отсрочить его взятие восставшими.[699]

5 января 1920 г. А.В. Колчак подписал указ о передаче верховной всероссийской власти А.И. Деникину, а Семенов получил «всю полноту военной и

гражданской власти на всей территории Российской восточной окраины, объединенной Российской верховной властью».

После того, как белые стали отступать на юго-восток, увеличился поток уезжавших из России в Маньчжурию. Соответственно, возрос вывоз денег и ценностей, не всегда законный. Унгерн в этом увидел новое основание для реквизиций. После поражения Колчака он приказал реквизировать товар бывшего омского правительства, как никому не принадлежащий.[700] Ведь статус имущества омского правительства стал неопределенным, причем так считал не только Унгерн. Как удостоверял Кудашев, ликвидация имущества, находившегося в управлении бывшего омского уполномоченного министра снабжения и продовольствия в Маньчжурии, проводившаяся генеральным консульством в Харбине, затянулась из-за сопротивления русских окраинных властей. В частности, в июле 1920 г. Кудашев в телеграмме № 522 отмечал, что русская миссия в Пекине не вмешивалась в это, считая данное имущество «общегосударственным достоянием».[701]

Как-то раз Унгерн конфисковал разобранный авиационный парк, который следовал поездом в Маньчжурию.[702] В ответ на предписание Семенова и требование сопровождавшего офицера пропустить состав, Унгерн этого офицера расстрелял, а его жену выгнал, выдав ей 100 руб. золотом. Барон мог сослаться на приказ генерал-майора М.И. Афанасьева за № 64 от 27 февраля 1920 г., которым создавались два авиаотряда: в Чите и Даурии, причем один из них поступал в распоряжение Унгерна.[703] Видимо, к этому эпизоду относится и следующий приказ барона: «Авиационному отряду. К субботе собрать все аппараты. Если в воскресенье не увижу их над Даурией, в понедельник будете летать с крыш».[704]

Иногда Унгерну поступал прямой приказ на реквизицию. Например, такой: «Даурия. Генералу барону Унгерну. К Манчжурии начгарнизона генерал Скипетров везет мебель бывшего наказного атамана Кияшко. Отберите. [Об] исполнении благоволите телеграфировать 37. Генерал Бакшеев. 3 марта 1920 г.»[705] Есть сведения, что и сам Семенов как-то послал отряд за казной одного китайского отряда. Китайцы были перебиты, золото привезено Семенову, а затем пущен слух, что налет произвели красные.[706]

Вместе с тем, Унгерн старался избегать реквизиций у местного населения, особенно у бурят. По воспоминаниям Ц.-Е.Цыдыпова, после одной реквизиции виновные (из разведотряда) были выпороты, а в дальнейшем мародерство не повторялось.[707] У жителей, не связанных с красными, производились закупки — в этих случаях приходилось бояться уже нападений партизан. Например, описан эпизод захвата красными партизанами агента Унгерна по закупке скота вместе обозом в с. Михайлово-Павловское.[708]

Реквизированное унгерновцами имущество поступало непосредственно в распоряжение дивизии или продавалось, в том числе с аукционов или через посредников в Маньчжурии. Будучи хорошим организатором, барон не любил формализм и излишне доверял своим помощникам. «Вам бумагу — хорошо. Вам пошлют бумаги целый букет».[709] Нередко он просто бросал в печь документацию как тормозящую «живое дело». Многие его помощники с размахом злоупотребляли этим. «Ни журналов, ни записей в дивизии не существовало. У барона по этому поводу было своеобразное понятие. Деньги истрачены — значит их нет, а если их нет — то и не для чего их записывать».[710] Приказы Унгерн тоже предпочитал отдавать устно, а не письменно. Ол-ич описывает забавный случай, когда барон схватил и сжег финансовые документы вместо того, чтобы их изучить.[711] В канцелярии отдельных частей в Даурии он вообще не заходил.

Унгерн не мог полностью контролировать своих интендантов. Например, бывший начальник гарнизона п. Маньчжурия генерал-майор[712] В.И. Казачихин, занимавшийся реализацией реквизированного имущества, в своих показаниях ссылался на трудности службы, семейное положение, ревматизм, отсутствие учета, чужие злоупотребления и т.п.[713] Все это не помешало ему купить себе дом в Маньчжурии.

Унгерн в 1920 г. рассказывал о том, что популярный среди мусульман ахун Гимуш (в действительности бывший омский мулла) в Харбине созывает съезд писателей и членов учредительного собрания для объединения всех мусульман против большевиков и открытия туркестанского фронта.[714] Унгерн снабдил его деньгами. Однако представитель башкир Г. Таган, прибыв в Харбин, ничего основательного там не обнаружил. По его мнению, целью Гимуша было получение себе и помощникам денежного обеспечения. Впоследствии Гимуш с единомышленником Закиром аль-Кадери уехал в Туркестан, а члены учредительного собрания — в Японию.

Тем не менее, судя по сохранившимся архивам штаба и интендантства, делопроизводство в дивизии было поставлено неплохо.[715] Письменные приказы по строевой части, интендантству и т.д. отдавались регулярно, скрупулезно записывался приход и расход денег по статьям, средства старались экономить. В 1919 г. дважды проводилась инвентаризация (правда, сам Унгерн в это время был в командировке). Сохранились подробные перечни вещей и материалов на складе дивизии: например, муки 2-го сорта 3980 пудов, 3-го сорта 245 пудов, пшеничной размола — 3590 пудов, картофелю 11 000 пудов и т.д.[716] Унгерн в приказах обращал внимание на необходимость учета денег, оружия и другого имущества.[717] Все работы было приказано производить только через интенданта дивизии, а частные работы только по праздничным дням.[718] Многие богатые буряты бесплатно лечатся в лазарете — с них было приказано брать плату, но не деньгами, а пушниной, сеном и т.п.[719]

Неоднократно отдавались приказы о необходимости улучшения письмоводства, в которых указывались технические недостатки.[720] В приказе № 13 от 17 января 1919 г. Унгерн писал: «Приходится удивляться, что некоторые начальники частей представляют в Штаб Дивизии бумаги с обожженными листами и притом такую переписку, которая должна быть предоставлена Атаману. На такое недопустимое отношение обращаю внимание».[721]

С осени 1919 г., когда в Маньчжурию хлынул поток беженцев, с поездов снимали по 100–150 человек в неделю[722]. Многих задержанных присылали из Маньчжурии в Даурию.[723] Например, 4 ноября 1919 г. начальник гарнизона Маньчжурии Казачихин отправил арестованных им 11 служащих (телеграфисты, проводники вагонов и др.) в Даурию, ссылаясь на требование Унгерна. Из них восемь были расстреляны без суда, остальные освобождены (двое предварительно выпороты).[724] 19 февраля 1920 г. генерал-майор М.И. Афанасьев (помощник Семенова по военной части) издал указ № 44, чтобы всех пленных красноармейцев отправляли в распоряжение начальника Азиатской дивизии.[725] Это было уже после возвращения барона.

Суда в Даурии обычно не было. Задержанных выстраивали, Унгерн шел вдоль строя и внимательно смотрел им в глаза.[726] Затем отпускал, отправлял на работы в военный городок, или назначал наказание — гауптвахту, порку или расстрел. Гауптвахта помещалась в каменном здании казарменного типа, разделенном на несколько камер, больших и маленьких. Из них одна была темная, другие имели небольшие отверстия для света. В прихожей висели две окровавленные палки — орудия порки.[727] Командирам полков предписывалось проверять правильное несение службы раз в ночь и раз в день, и расписываться в особой книге.[728]

Арестованным давали обычно рыбу или солонину и очень мало воды, нередко пытали. Как показал впоследствии осмотр эксгумированных трупов, хорошо сохранившихся в песчаной почве, некоторые получали по 150–200 ударов дубовыми палками, так что кости таза и ног обнажались от мяса.[729] Некоторых женщин насиловали солдаты. Аресту, а иногда и порке подвергались и просто чем-либо провинившиеся крестьяне, офицеры, чиновники и т.д., иногда даже титулованные особы. В.И. Шайдицкий приводит эпизод, когда Унгерн просил у него стрихнин, чтобы отравить высоких чинов омского правительства с семьями, спешно уезжавших за границу.[730]

Однако В.М. Молчанов, проведший неделю в Даурии в экспедиции против красных, не смог найти ни пыточных камер, ни других следов применения пыток, по рассказам, применявшихся Унгерном.[731]

Судебные решения о расстрелах оформлялись «задним числом». Делал это Евсеев, генерал-майор царской службы, окончивший Военно-юридическую академию. Он был переведен из Приамурского военного суда и с 9 фев-

раля 1919 г. назначен заведующим военно-судебной частью с довольствием 2 тыс. руб. в месяц[732] — в несколько раз большим, чем у обер-офицеров дивизии.

Расстрелы проводили в ближайших сопках, примерно в полукилометре от комендатуры.[733] Добивали прикладами, штыками, шашками. Иногда недобитым жертвам удавалось бежать. Православные праздники не избавляли от расстрела, причем осужденным не давали исповедаться.[734] Исполняли наказание всадники комендантского эскадрона под командой офицеров и по приказанию командира этого эскадрона — драгунского подполковника Лауренца,[735] бывшего пленного, который сам был впоследствии расстрелян Унгерном за попытку бегства в Маньчжурию.[736] 1 августа 1919 г. исполняющий обязанности командующего дивизией полковник Жуковский приказал ротмистру Лауренцу привести в порядок письмоводство на гарнизонной гауптвахте.[737] В архиве штаба дивизии сохранилось всего два приказа о назначении военно-полевого суда в Даурии за 1919 г.[738]

Время на похороны не тратили, а либо поливали трупы керосином и поджигали, либо просто оставляли на земле, в добычу зверям.[739] Последний способ погребения применялся в Монголии и Тибете и, несомненно, был известен Унгерну. Вообще, оставлять убитых в сопках было обычной практикой семеновцев.[740] Волки, пожиравшие трупы, бывали настолько наглы, что иногда забегали в черту казарм[741]. Говорили, что сам Унгерн держал волков дома на чердаке.[742] Более того, ходил слух, что он кормит их осужденными. Якобы это видел генерал И.С. Смолин. Однако, судя по другим его рассказам, Смолин мог легко приврать ради красного словца.[743] Сам Унгерн впоследствии опроверг эту историю с волками.

О. Ол-ич[744] рассказывал, что Унгерн любил в одиночестве ездить в сопки на места расстрелов. Там он обязательно проезжал мимо места, где жил филин, его любимец, и слушал его уханье. Один раз, когда барон не услышал своего филина, то решил, что он болен, поручил врачу найти его и лечить. Достоверность этих сведений сомнительна.

«Жители говорили, что северная Даурия — это место казней, там горы костей и голоса духов убитых».[745] Узнав об этом, офицеры нередко бежали в Китай, а солдаты переходили к красным.[746] Жители некоторых станиц просили красных остаться и защитить их от Унгерна,[747] но были и обратные случаи[748]. «Несмотря на все это, у него нельзя не отметить некоторую идейность и необыкновенно волевую энергию, что значительно выделяло его среди остальных руководителей Белого движения в Забайкалье и вообще на востоке».[749]

Следует отметить, что «подозрительные элементы» попадали в штаб или контрразведку не только в Даурии, но и в других местах белой Сибири. Реального контроля над применением смертной казни там не было.[750] Пытки применялись и в семеновских застенках в Чите, и на ст. Маккавеево (где был

штаб ОМО во главе с Тирбахом), и в других местах. Современники насчитывали в Забайкалье 11 таких застенков.[751] Ни Унгерн, ни Тирбах не считали нужным доносить Семенову в Читу о расстрелах и конфискациях, полагая, что во время военных действий каждый начальник должен считаться лишь с собственным пониманием.[752] Тем более что в Даурию отправляли партии заключенных в связи с переполнением читинской тюрьмы.[753] По разведсводке красных, к концу марта 1920 г. большая часть политзаключенных была переведена из Читы в Даурию в распоряжение барона.[754]

Были и ложные доносы. Например, генерал-майор С.Н. Войцеховский объявил выговор врачу Сретенскому за донесение о задержании Унгерном санитарного поезда в Даурии, что оказалось неправдой.[755]

В январе–феврале 1920 г. красные партизаны развернули широкое наступление, стремясь взять Сретенск. Они маневрировали, уклонялись от боев с крупными соединениями белых, населенные пункты переходили из рук в руки, полностью ликвидировать партизан не удавалось.[756] Эта тактика была очень эффективной. Напор партизан возрастал, они совершали рейды в тыл белым. Последним так и не удалось консолидировать свои силы в Забайкалье и в Приамурье.[757]

Унгерн вел против партизан боевые действия, причем на него возлагалась задачи, трудноисполнимые для других.[758] Часто без приказа свыше, он по своей инициативе приходил на помощь и брался за решение сложных задач. Барон предпринял несколько походов на партизан М.М. Якимова, но был ими изрядно потрепан.[759]

В начале 1920 г. в Агинском аймаке Бурятии, по указанию Семенова, стали формировать регулярные войсковые части. В Агинском хошуне эту работу возглавили унгерновские офицеры-буряты, в Цугольском хошуне — Резухин. Сохранилось его письмо к одному из знакомых с попыткой вербовки.[760] В другом письме Резухин предлагал перейти к нему самому командиру партизан М.М. Якимову, который во время войны служил у него трубачом.[761] Якимов предпочел откликнуться на другое письмо — красного партизана Гусевского, с отрядом которого объединился, и в ночь с 27 на 28 февраля 1920 г. разбил Резухина, засевшего в Цугольском дацане. Раненый Резухин бежал, потеряв убитыми 169 человек и пленными 130.[762]

Основу одной из формируемых белых частей составил отряд самообороны цугольских бурят под командой Д. Тапхаева. Через месяц Унгерн вызвал Тапхаева в Даурию, дал 5 тыс. руб. золотом и ассигнациями на формирование бурятского полка.[763] Узнав о поражении Резухина, Унгерн приказал Тапхаеву выступить на Оловянную на преследование Якимова. Тапхаев, у которого было не более 20 всадников, пошел на преследование, но не догнал красных. Пройдя рейдом вверх по р. Онон до Цасучея, Тапхаев пришел в

Агинское и стал набирать людей. Летом у него был уже шестисотенный полк. Летом 1920 г. за успешное формирование бурятского полка Тапхаев был произведен в хорунжие и награжден орденом Св. Анны 3-й степени.[764]

По мере отступления колчаковцев на восток части атамана пополнялись колчаковскими солдатами и офицерами. В феврале 1920 г. остатки бывшей 2-й Сибирской армии генерала В.О. Каппеля во главе с генералом С.Н. Войцеховским вошли в Читу, столицу Забайкалья. Каппелевцы вливались в войска Семенова, в том числе в Азиатскую дивизию.[765] Генерал В.М. Молчанов[766] вспоминал, что раненые солдаты Колчака, отправленные в госпиталь в Читу, по выписке присоединялись либо к Семенову, либо к Унгерну. «Даурский госпиталь принимал тифозно больных белогвардейцев из отступившей в Забайкалье колчаковской армии. Выздоравливающими Унгерн пополнял свою дивизию. Но большая часть из поправившихся больных при первом удобном случае предпочитала удирать из страшной Даурии».[767]

Между каппелевцами и семеновцами нарастали разногласия. 10 сентября 1920 г. Семенов даже издал приказ № 1297/п о том, что слухи об этой розни — ложь или измышления.[768] Но рознь действительно была. Более того, унгерновцы упрекали каппелевцев в «красноармейщине».[769] При совместной службе они старались держаться раздельно. Их взгляд точно выразил А.П. Будберг:[770] «Вред атаманщины — это мое credo; я считаю, что она работает на большевизм лучше всех проповедей и пропаганды товарищей Ленина и Троцкого. ...Мальчики не понимают, что если они без разбора и удержа насильничают, порют, грабят, мучают и убивают, то этим они насаждают такую ненависть к представляемой ими власти, что большевики могут только радоваться наличию столь старательных, ценных и благодетельных для них сотрудников. Многие из них прямо мстят за потерянное, за поруганное, за перенесенное. Тогда надо быть откровенным и не рядиться в иные ризы, как, говорят, барон Унгерн, и в этом он симпатичен».

Еще в 1919 г. Колчак вызвал из Франции генерала Н.А. Лохвицкого и назначил его командующим 2-й армией.[771] А в июне 1920 г., когда Войцеховский сложил с себя командование Сибирской армией, Лохвицкий стал на его место. Он потребовал удаления Унгерна — более того, поставил вопрос: или он, или барон.[772] Лохвицкий считал барона ненормальным.[773]

Жалобы поступали и на Семенова. Каппелевцы создали чрезвычайную комиссию по расследованию действий Семенова и подчиненных ему лиц, в том числе Унгерна. Комиссия собрала обширные обвинительные материалы. Ее деятельность стала одной из причин того, что Унгерн, не дожидаясь прихода каппелевцев, ушел из Даурии с военной экспедицией.[774]

Примечательно, что экзекуции и казни в Даурии продолжались и после ухода Унгерна с Лауренцем — теперь этим ведал поручик Забиякин[775]. Пользуясь отсутствием барона, генерал-лейтенант Жуковский в телеграмме

на имя вр. и.д. начальника гарнизона полковника Шаристанова от 21 июля за № 73а ложно удостоверил, что Азиатская дивизия прямо подчиняется главнокомандующему и, прикрываясь его именем, принял на себя власть, ему не принадлежащую, приказав чинам дивизии неукоснительно руководствоваться его приказами, якобы всегда санкционированными главнокомандующим.[776] По его приказу на гауптвахте были расстреляны два офицера. Все это вскрылось, и 11 июля 1920 г. Семенов подписал приказ № 23а о предании его военно-полевому суду.

Лохвицкий приказал следственной комиссии взять две роты солдат и прибыть в Даурию. В Даурии перед приездом комиссии было приказано собрать и закопать валяющиеся трупы.[777] За два дня было погребено 185 хорошо сохранившихся тел. В рукописи анонимного автора,[778] несомненно, имевшего отношение к этой комиссии, говорится о том, что собранный тогда же весной экстренный Забайкальский казачий округ, «резко подчеркнул преступные насилия отдельных агентов и союзников «Даурии». Круг этот, кстати, состоял лишь из депутатов лояльных в отношении Семенова отделов».

Евсеев попал под суд и на основе изъятых в Даурии документов и показаний свидетелей был приговорен к расстрелу с лишением всех чинов, орденов и воинского чина. Но Семенов его помиловал: заменил смертный приговор заключением в крепости по окончании гражданской войны. Евсеев не понес и этого наказания.[779]

После революции коммунисты почтили память погибших, но не всех, а лишь красных. В Даурии поставили стелу с изображением человека в ручных кандалах и надписью: «В долине Смерти и в окрестностях ст. Даурии семеновскими палачами в 1918–1920 гг. расстреляно более трех тысяч красных партизан. Вечная память героям». Выходит, что лишь небольшая часть из них были казнена унгерновцами (см. также главу 17). В списках казненных по судебным приговорам в Даурии и Маккавеево в 1918–1920 гг. перечислено 376 человек.[780] Не исключено, однако, что не все казни были оформлены судебными приговорами.

Узнав, что каппелевцы вошли в Даурию, Унгерн решил вернуться и выбить их военной силой.[781] Особенно его возмутило то, что деньги и ценности, принадлежавшие Азиатской дивизии, было предписано вернуть в казну армии, солдатам и офицерам из Даурии разрешили переходить в другие части, а заключенные были освобождены с гауптвахты. «Все нажитое разграбили», — сокрушался сотник Еремеев... План захвата Даурии разработал Лауренц. Но вооруженного конфликта удалось избежать. В итоге Лауренц вернулся в Даурию в качестве коменданта.

Расследование коснулось и самого Унгерна. Судной частью штаба командующего армией на основании расследования был составлен проект приказа командарма о придании барона военно-полевому суду. Возможно, в свя-

зи с этим Унгерн думал даже об отъезде в Австрию (где родился), но не получил визы.[782] Семенов не дал хода этому делу, но вынужден был объявить об увольнении Унгерна и прекращении связи с ним.[783] Это было рассчитано на внешнего потребителя — иностранных представителей и колчаковцев. Семенов опасался растущего влияния Лохвицкого на войска. Атаман предложил ему поехать в отпуск и заняться снабжением войск в полосе отчуждения КВЖД. Армию он предложил сдать генералу Г.А. Вержбицкому. Но и тот встал в оппозицию к Семенову и Унгерну.

Некоторые документы против Семенова и его соратников, в том числе Унгерна, собранные комиссией, хранились у трех каппелевских генералов — К.К. Акинтиевского, Д.В. Филатьева и В.А. Бренделя. В октябре 1920 г. полиция «совершила налет» на их квартиры в Харбине, а самих генералов арестовала по какому-то вздорному обвинению. Наутро их освободили, но бумаги, изъятые при обыске, бесследно исчезли. Считали, что Семенов подкупил харбинскую полицию для похищения этих документов. По словам Акинтиевского, самые важные бумаги из похищенных у него бумаг касались барона: «Доклад об убийствах, расстрелах и других преступлениях, чинимых в Даурии генералом Унгерном и его подчиненными», «Жалоба г-жи Теребейниной об убийстве ее мужа, поручика Теребейнина, по приказу Унгерна», материалы для предания его военно-полевому суду.[784] Тем не менее, эти сведения сохранились до наших дней. Они публикуются ниже (см. часть III).

Наступление Красной армии делало все более сложным положение белых в Забайкалье. Еще 27 февраля 1920 г. Семенов создал комиссию по

Части НРА ДВР на марше, 1920 г.

Бойцы НРА ДВР (Рубцов, 1940).

эвакуации части государственных служащих из Читы в Хайлар. К концу марта силы семеновцев и каппелевцев составляли 2337 офицеров, 8383 пехотинца, 9041 конницы при 496 пулеметах и 78 орудиях.[785] Восточно-Сибирская армия красных имела превосходство в живой силе. В феврале она имела 26 726 бойцов при 105 пулеметах и 14 орудиях. Красные занимали Прибайкалье, 2 марта они заняли Верхнеудинск. Проводилась работа по созданию Народно-революционной армии (НРА) начавшей создаваться Дальневосточной республики (ДВР).[786] Эта армия формировалась в Иркутске и Верхнеудинске. В апреле 1920 г. командование НРА ДВР создало Амурский фронт для упорядочения и координации действий разрозненных партизанских отрядов на юге Читинской обл. и Приамурья. 4 апреля красные ненадолго захватили Сретенск. В апреле–мае НРА дважды предпринимала наступление на Читу. Оно было безуспешным, но не позволило белым уничтожить НРА и заставило их считаться с правительством ДВР как сильным противником.

4 июня — 5 июля 1920 г. белые консолидировали свои силы и начали наступление на красных в Нерчинском и Сретенском районах под командой генерала В.М. Молчанова. Последний получил приказание принять в свои войска соединения Унгерна[787]. Барон присоединился с некоторой задержкой и после долгих уговоров. На директиву и приказ он вначале ответил по телефону примерно так: «Теперь весна, птички поют, продаю лошадей и покупаю верблюдов. Иду в Монголию».[788] По данным на 10 апреля 1920 г., чис-

ленность Азиатской дивизии была следующей: 105 офицеров, 1233 конника, 365 пехотинцев при 8 орудиях и 13 пулеметах.[789]

В сводках красных сообщалось о выступлении Унгерна с двумя сотнями конницы и 10 ротами пехоты.[790] Унгерн выступил из Даурии на Александровский Завод и по Приаргунью на Нерчинский Завод. Барон заявил Молчанову о своем подчинении, снабдил войска солью и сахаром, которые были в дефиците.[791] Молчанов принял его под свое командование с условием, что Унгерн будет ему ежедневно отчитываться, что сделал за день. После прибытия барона Молчанов атаковал д. Баргак (возможно, современный п. Быркa юго-восточнее ст. Оловянная), где красные до этого уничтожили два японских полка.

11 июня полк Д. Тапхаева отбил нападение красных в районе Усть-Иля.[792] 12–13 июня унгерновский отряд из одного пехотного и двух кавалерийских полков заставил отступить партизанский отряд Лебедева после жестокого боя у с. Кургатай.[793] Этот отряд наступал от Усть-Иля на Кургатай.[794] Бои продолжались подряд восемь дней. Один из полков возглавлял Тапхаев. За это он был произведен в есаулы, командиры сотен — в хорунжие.[795]

Рейд почти в 80 км на северо-восток от железной дороги, по-видимому, был проведен с целью ослабления натиска партизан. Молчанов вспоминал, что наступающих с разных сторон окружали огромные отряды красных партизан, в основном из забайкальских казаков. Сообщение с Читой было только аэропланом. Неудивительно, что населенные пункты быстро переходили из рук в руки. Например, по сообщениям красных, они уже 14 июня заняли с. Кургатай.[796] Конница Якимова зашла в тыл к наступавшим белым и направилась к железной дороге Чита — Маньчжурия. В окрестностях п. Шоноктуй она сумела окружить унгерновцев, целые роты которых были срезаны пулеметным огнем.[797] Белые потеряли 180 человек убитыми.

Старые унгерновцы, бывшие в походах против красных в районе Нерчинского завода, говорили, что там, где Унгерн действовал, как партизан, он имел успех, а где встречался с регулярными частями и его появление не было для них неожиданным — он уходил от красных.[798] Молчанов смог взять Нерчинск без помощи Унгерна.[799] К осени он перебросил пароходами свои войска на восток — в Сретенск.

Сохранились сводки Осведомительного отдела войск Российской Восточной окраины.[800] Сведения о силах красных и положении на фронтах в них неполные, но есть детальные данные о ситуации в Забайкалье, партизанах и борьбе с ними, настроениях населения, отношениях с японцами и западными союзниками, о положении в РСФСР и ДВР, за границей. Среди адресатов указываются полковник Резухин, наштабриг Азиатской, сам Унгерн. Так что командование Азиатской дивизии было неплохо информировано о положении в Забайкалье и мире.

Японские войска на Байкале (ЦМВС).

Это было одно из последних наступлений белых в Забайкалье. Чтобы ликвидировать «читинскую пробку», представители ДВР с 24 мая по 15 июля 1920 г. вели переговоры с японцами на ст. Гонгота. Японцы настаивали на участии представителей Семенова, но им было отказано.[801] Перспективы Японии удержаться в Восточной Сибири ухудшались в условиях военного усиления РСФСР, разногласий с США и Китаем. Понимая это, совет министров Японии 1 июля принял решение об эвакуации своих войск из Забайкалья с тем, чтобы сосредоточиться на Приморье и Северном Сахалине.[802]

11 июля 1920 г. Семенов направил принцу Японии послание, где просил его ходатайствовать перед императором о приостановке вывода японских войск из Забайкалья[803]. Однако Япония, как всегда, не стала менять своих планов в угоду атаману. Семенов получил ответ, что японское правительство не считает его достаточно сильным, чтобы обеспечить великую будущность японского народа.[804] 15 июля 1920 г. командование японских экспедиционных войск на Дальнем Востоке подписало договор о перемирии с правительством ДВР. Он было подписан без участия семеновцев, но в примечании говорилось, что войска Семенова признают этот договор, который гарантирован японской экспедиционной армией.[805] Японцы сократили атаману поддержку.

Б.З. Шумяцкий приводит копию рукописного письма Г.М. Семенова руководству советской России, где атаман обещает уйти из Забайкалья в Монголию и Маньчжурию, а Японию выбить из Маньчжурии и Кореи.[806] Разумеется, его предложение не приняли. Сопоставление этого письма с подлинными рукописными материалами Г.М. Семенова.[807] проведенное мною с А.Р. Ефименко, показало, что написано оно другим почерком, подпись заметно отличается от подлинных подписей атамана. По всей видимости, это подделка. Кто ее изготовил, неизвестно. Вероятно, те семеновцы, которые от имени атамана вступили в переговоры с красными. Сам Г.М. Семенов

впоследствии писал, что те, кто вел эти переговоры, действовали не по его поручению, а по собственной инициативе.[808]

Об этом «предложении» Семенова Унгерн услышал от красных на допросе 29 августа 1921 г. Он счел, что атаман вполне искренне предлагал сотрудничество, рассчитывая на теплое место у большевиков.[809] Е.А. Белов цитирует документ от 23 мая 1920 г., составленный в штабе Семенова, согласно которому в обмен на помощь западных союзников и Японии Россия, фактически, превращается в колонию, а руководит ею марионеточное правительство.[810] Неизвестно, кто и зачем составил этот документ, но его появление именно в то время симптоматично.

Японцы «очень неохотно, под давлением требований международной политики, главным образом, из-за сильного влияния США, очищали нашу восточную окраину. Интересно отметить, что за время своего почти трехлетнего пребывания в Забайкалье и в Приморской области они вели мудрую политику по отношению к местному населению. Никаких насилий, грабежей, реквизиций ими не производилось. Наоборот, благодаря притоку извне золотой валюты (они расплачивались иеной, которая равнялась нашему золотому рублю), население только выгадывало».[811]

Г.М. Семенов понял, что не сможет удержаться в Забайкалье и начал перебазироваться в Маньчжурию. Унгерн стал переправлять свои склады в Хайлар, а затем ушел из Даурии. В середине июля 1920 г. на посту начальника гарнизона Даурии его сменил генерал Р.К. Бангерский, участник Ледяного похода через Сибирь войск генерала Каппеля.[812]

С конца июля 1920 г. на ст. Даурия начали прибывать уходящие на юг эшелоны с имуществом семеновской армии. Комендантом поселка и военного городка стал подполковник Грант.[813] Обыски поездов и реквизиции возобновились. Только теперь все шло не войску, а лично коменданту... На железной дороге начались захваты имущества, причем в полосе отчуждения КВЖД — целыми вагонами. Для расследования злоупотреблений в финансовой, материальной и технической части на ст. Маньчжурия была учреждена особая следственная комиссия под председательством генерал-майора Соколова. К концу осени 1920 г. она собрала обширные материалы.[814]

Отправка была приостановлена, некоторые составы направили, было, назад в Читу.[815] Но 22 октября Чита была взята, Семенов на аэроплане улетел в Маньчжурию. Он старался обезопасить себя от действий Лохвицкого в полосе отчуждения КВЖД и удержаться на участке Борзя — Маньчжурия. Однако под ударами красных приходилось быстро отступать. В результате в Даурии создалась пробка. Семеновцы не успели вывезти много имущества и вооружений.[816]

Развернулись упорные бои за контроль над железной дорогой. При приближении к Даурии красных белые начали спешно уходить, так и не успев

эвакуировать склады и эшелоны.[817] Они решили взорвать или сжечь это имущество, но не успели. Красным удалось захватить водокачку, артиллерийские склады, пороховые погреба. Церковь, где был артиллерийский склад, красным не досталась. Там произошел сильнейший взрыв.[818] Местами взорвались вагоны с боеприпасами. Красные два дня тушили пожары; им достались два аэроплана, 27 орудий, множество винтовок и патронов.[819]

Белые оставили Даурию вечером 20 ноября 1920 г.[820] На следующее утро последние части генерала Молчанова ушли за границу.[821]

Семенов объяснял уход Унгерна к монгольской границе, его попытки захвата ДВР и деятельность в Монголии неким тайным планом, разработанным атаманом.[822] Согласно этому плану, Семенов, якобы, собирался создать в Монголии базу для борьбы с Коминтерном. Войска Унгерна должны были стать авангардом, за которым должна была выступить Дальневосточная армия атамана. Семенов для отвода глаз объявил о бунте Унгерна, а после захвата им Нийслэл-хурэ будто бы собирался перебросить ОМО в Хайлар и вместе с Чжан Куйу двигаться к монгольской столице. Позже, на допросе 23 октября 1945 г. на Лубянке, Семенов будет говорить, что в 1920 г. он заключил соглашение с Сюй Шучжэном о восстановлении в Китае монархии, а Унгерн сорвал это соглашение, напав на части Сюя в Урге.[823]

В действительности для Семенова было бы логичнее создавать базу для последующей борьбы в Маньчжурии, куда отступал он сам, где было лучше обеспечение и где было сильно влияние Японии. Это подтверждают те, кто знал планы Семенова перед эвакуацией из Забайкалья: базироваться на ст. Маньчжурия, удержать часть юга Забайкалья, на станциях Маньчжурия и Даурия организовать базу армейского снабжения.[824] О Монголии вообще речи не было. Кроме того, Унгерн после ухода в Монголию действовал независимо от Семенова. По словам Вериго, знавшего ситуацию, Унгерн решил идти в Монголию еще в 1919 г., учитывая поражение омского правительства и то, что японцы все равно покинут Семенова. Унгерн заранее послал туда своих агентов.[825] Сам барон говорил, что его поход в Монголию не случаен — такая мысль возникла у него еще в 1911 г.[826]

В действительности, Унгерном согласовал с Семеновым план, не противоречивший идее освобождения Монголии: а именно, что Азиатская дивизия уйдет из Даурии, но будет наступать через Акшу — Троицкосавск на Верхнеудинск.[827] Недаром Унгерн перед выступлением издал приказ, в котором велел расстреливать без суда руководителей ДВР, как большевиков.[828] В случае успеха Унгерн, возможно, собирался идти далее в район Иркутска — Нижнеудинска — Красноярска, чтобы поднять там восстание против большевиков.[829]

Семенов же рассчитывал, что поход Унгерна отвлечет силы ДВР и позволит перейти к активным действиям на Читинском фронте. С июня 1920 г. в

Г.В. Енборисов.

Монголии распространялись слухи о том, что Верхнеудинск пал, Семенов в Иркутске, в РСФСР назревает переворот и т.д.[830] А позже, в октябре 1920 г., когда Унгерн уже ушел в Монголию, про-семеновская печать сообщала о наступлении барона на Верхнеудинск, панике и арестах в городе, сложении полномочий и выезде комиссаров в Иркутск и т.п.[831]

Унгерн предложил генералу Молчанову вместе пройти через Монголию на Иркутск. Барон якобы заявил ему: «Я не подчиняюсь этому вору в Чите, но я буду подчиняться Вам».[832] Молчанов отказался, считая этот план неосуществимым. Полковник Г.В. Енборисов также сообщал о планах совместного с Унгерном наступления на Иркутск и Нижнеудинск. «Я просил атамана, чтобы он освободил меня от службы в Забайкалье, и я уйду в Дикую дивизию и возьму своих добровольцев, но он мне приказал ждать распоряжения, которое последует в ближайшее время, и я ждал впроголодь, спасибо Унгерну — он мне прислал 300 золотых рублей и адрес, где я могу получить автомобиль для себя и грузовики для добровольцев, а сам он уходит в Акшу, и пока я ждал атамановского распоряжения, Унгерн ушел далеко...»[833]

7 августа 1920 г. Азиатская конная дивизия была преобразована в партизанский отряд под командой генерал-майора Унгерна, которому было предписано действовать сообразно инструкции и обстановке. Партизанский отряд подчинялся непосредственно командующему армией.[834] Есть сведения, что незадолго до этого японцы передали Унгерну много японских винтовок, патронов, пулеметов, орудийных снарядов и различное снаряжение.[835] Оружие было куплено: Унгерн купил 4 пушки у французов, а японские винтовки ему продал капитан С. Куроки.[836]

Кроме того, с Унгерном в Монголию отправился отряд японских наемников. К барону они попали следующим образом.[837] Еще в 1919 г. в Хайлар в качестве военного советника японцы прислали капитана Куроки, по рекомендации полковника Генштаба Х. Куросавы, с которым, в свою очередь, Семенова свел японский генконсул. Очевидно, Куроки сообщал японскому командованию о планах и действиях Семенова, а самому атаману оказывал важные услуги, от военных до дипломатических. Такой вывод можно сделать из мемуаров Семенова. По-видимому, Куроки добился от Семенова разрешения на

С. Куроки (слева в первом ряду от Г.М. Семенова).

заготовку леса японцами в Забайкалье. Но перед отступлением, судя по японскому архиву, Семенов решил использовать этих японцев в качестве солдат. Куроки познакомил с Семенова с капитаном (впоследствии полковником) К. Хатакэямой, начальником этих японцев.[838] Семенов сказал, что разрешит заготавливать лес, но японцы должны дать 80 солдат. Потом японцы пришли к барону Унгерну, с которым собирались атаковать Верхнеудинск, как объяснял Хатакэяма.

Этим японцам раздали оружие лишь 10 августа — перед уходом Унгерна в Акшу. Впоследствии, уже после вступления Унгерна в Монголию, в телеграмме военного атташе в Пекине в военное министерство говорилось, что японские жандармы не помогают японцам, которые служат у Унгерна, потому что они служат у него самостоятельно.[839] С этим согласуются известные факты о брожении в японской армии в Сибири, отказах солдат выполнять приказы командования и т.д.[840]

Перед походом в Монголию Унгерн летал на аэроплане в один из буддийских монастырей в районе оз. Долон-нор. Там ему гадали ламы и дали благословение.[841]

15 августа дивизия под командой Резухина направилась вдоль российско-монгольской границы к западу от Даурии в городок Акша, в составе 1-го Татарского (400 человек, командир — генерал-майор Резухин) и 2-го им. атамана Анненкова (200 человек, командир — полковник Циркулинский) полков, трех даурских стрелковых сотен, Монголо-Бурятского дивизиона (2 сотни — 200 человек), пулеметной команды, артиллерийского дивизиона

Л.В. Сипайло (Шанхайская жизнь, № 560 (209), 04.09.1921).

(2 батареи по 2 орудия в каждой, командир — капитан Дмитриев), части комендантства (командир — подполковник Лауренц), обоза 1-го разряда (начальник — капитан Россианов) и санчасти (врач дивизии — доктор Дезорцов)[842]. По сведениям Торновского, в это время всего в дивизии числилось 53 офицера, 1213 бойцов, 165 нестроевых, 6 пушек и 16 пулеметов[843]. Пулеметы были приспособлены к использованию на особых небольших тачанках[844].

Комендантство разделилось: часть его временно осталась в Даурии. Там же временно остались китайская сотня (командир — подпоручик Гущин), японская сотня (командир — К. Хатакэяма) и обоз 2-го разряда (начальник — капитан Киселев).[845] Обоз возглавил подполковник Л.В. Сипайло, прикомандированный Г.М. Семеновым. Л.А. Юзефович предполагает, что Сипайло был при Унгерне «глазом Токио».[846] Этому нет доказательств. Возможно, атаман просто хотел отделаться от Сипайло.

Сипайло в 1899 г. работал на Забайкальской железной дороге запасным агентом движения, в 1904 г. был мобилизован на Русско-японскую войну, откуда вернулся прапорщиком и вновь поступил на Забайкальскую дорогу младшим ревизором движения.[847] В 1914 г. он был мобилизован, всю войну провел на фронте. При Керенском был в Чите в Государственной политической охране. В начале января 1919 г. «прославился» убийством колотушкой по голове 31 политзаключенного на ледоколе «Ангара» на Байкале.[848] Служил у Семенова в читинских застенках, успел поработать в контрразведке и у Тирбаха.[849] Некоторые дела Сипайло в Забайкалье описали белые и красные очевидцы.[850] Дорос до помощника начальника читинской контрразведки; атаман сделал его подполковником. Таким образом, сомнительны сведения Б.Н. Волкова, что Сипайло раньше был почтовым служащим.[851] Позже Сипайло рассказывал Волкову, что он мстит за двух убитых большевиками братьев, а по Оссендовскому, он мстил за то, что его пытали в тюрьме большевики, а затем истребили его семью.[852]

Примерно 15 августа Унгерн отдавал последние распоряжения в Даурии. Он устанавливал снабжение дивизии, пути сообщения с Маньчжурией и устраивал там тыловые базы.[853] Тапхаеву он приказал выделить из его полка две сотни для предстоящего похода на Нийслэл-хурэ. Из них был создан отдельный конный бурятский дивизион во главе с хорунжим Гомбоевым.[854] Генерал-лейтенанту В.А. Кислицину, сменившему в Даурии его части, барон передал свою квартиру с обстановкой — как имущество дивизии. На сохранение отдал обручальное кольцо жены и золотой портсигар.[855] Очевидно, после этого Унгерн отправился на ст. Оловянная, где последний раз встретился с Семеновым.

В Даурии пока оставалась и казна Азиатской дивизии — 300 тыс. руб. золотом. По ведомости расходования золотого запаса Дальневосточной окраины, Унгерну было выдано пять ящиков золота по три пуда.[856] По-видимому, это те самые 360 тыс. руб. и «неустановленная» часть золотого запаса, которые дал Семенов Унгерну перед его уходом в Монголию.[857] Это сравнительно немного: судя по той же ведомости, из 711 трехпудовых ящиков золота другим было выдано по 10, 60 и т.п. ящиков, причем по нескольку раз. Это была часть знаменитого «колчаковского золотого запаса», общая цена которого, по некоторым оценкам, составляла 750 млн. золотых рублей. В 1919 г. два вагона этого золота захватил Семенов и депонировал в банке в Чите, потом часть перевел в валюту в Японию.[858]

Отряд Резухина остановился около Акши, а 26–27 августа из Даурии вышли последние унгерновцы. Тапхаев двинулся на северо-запад к Аге (Агинское), остальные пошли на запад к Акше. По дороге китайская конная рота, убив командира Гущина, попыталась захватить дивизионную казну — «черную телегу».[859] Этому помешали японская рота и взвод комендантской команды. Китайцы бежали. «Черная телега» осталась на заимке Токмаковых до прихода обоза. Впоследствии барон щедро наградил охранников.

Унгерн прибыл в Акшу из Читы на аэроплане.[860] Здесь он занялся комплектованием частей. В Акше были сосредоточены большие запасы оружия, обмундирования, продовольствия. Массовое дезертирство превзошло приток добровольцев. В основном это были местные казаки из 12-го Забайкальского полка.[861] Из акшинского лагеря бежало 200 при поступлении всего 30–40 человек.[862] Среди вновь поступивших были недовольные Семеновым за его новую политику. А 200 дезертиров — это татарский конный отряд. Он прибыл в Верхнеудинск 3 сентября, но еще 2 сентября приходили дезертиры с лошадьми и полным вооружением, при них были пушки.[863] В.И. Шайдицкий, из подразделения которого было много дезертиров, объясняясь с Унгерном, дал ему понять, что живым не дастся.[864] Барон оставил его при себе, а перед уходом в Монголию назначил своим представителем к атаману Семенову.

В расчете на восстание против красных, интендантство Унгерна раздавало крестьянам продукты и товары.[865] Барон расплачивался золотом не только со своими добровольцами, но и с населением.[866] Чтобы удержать бойцов, он перевел дивизию в сам городок Акша, улучшил продовольствие, разрешил развлечения (спектакли для солдат и т.п.), кроме пьянства.[867] Надеясь увеличить приток добровольцев, барон отправил на вербовку в полосу отчуждения КВЖД штабс-капитана Шайдицкого, поручика Кузнецова и поручика Бенарадского, снабдив их деньгами.

5–6 сентября унгерновские отряды выступили из района Акши на юго-запад долиной р. Онон. В связи с их ожидаемым движением на Троицкосавск, соседняя Кяхта была объявлена на осадном положении.[868] Положение усугубляло то, что к сентябрю 1920 г. в кяхтинском Маймачене скопилось много белогвардейцев и сочувствующих им.[869]

Район действия войск Унгерна был обширным: р. Чикой, Урлукская, Таромир, Бударинское, Бланское, Бичурское, Михайловское, Мухошибирское, а отдельные летучие отряды через Монголию проникали в районы Бир-Боцинского, Троейского, Каянхосуйского и ст. Аласанской.[870] Против них были направлены красные партизаны Мензо-Акшинского района под командой Н.А. Катерухина в составе более трех полков.[871] Белые заняли Нарсун, 10 сентября — Мангут и Верхний Ульхун.

Е.В. Лебедев (Батуев, 1977).

11–13 сентября в районе Мангута и Бырцы унгерновцы разбили красный отряд Е.В. Лебедева.[872] Красные оценивали силы Унгерна примерно в 1500 сабель, шесть легких орудий, 22 пулемета при огромном обозе (до 800 подвод) и гуртах скота. Есть сведения, что некто И.В. Воронин с марта по май 1920 г. был добровольцем в отряде Семенова, попал в плен к партизанам Лебедева, пробыл там четыре месяца, похитил секретные документы отряда и «бежал в Монголию к Унгерну», указав местонахождение отряда Лебедева. «Унгерн неожиданно напал на отряд Лебедева и разбил его».[873] По дороге из Акши белые захватили трофеи, в частности, золото.[874] По сообщению агентства «Рейтер», часть золота, захваченного «в Троицкосавском районе», барон послал атаману Семенову.[875]

К 13 сентября унгерновцы заняли Бырцу, Кыру и Кулингу.[876] 15 сентября был занят п. Алтан. Уходя из него, белые убили священника, не сочувствовавшего семеновцам. В Кыре остатки дезертировавшего Даурского дивизиона были влиты во 2-й Анненковский полк. Там же по вине поручика (или чиновника) — начальника транспорта в реке был подмочен обоз с мукой. По приказу барона виновного выпороли и утопили.[877]

В районе Кыры Унгерн простоял около двух недель.[878] На р. Ингода по его приказанию ездила разведка, которая сообщила, что красных мало и что ожидать их прихода нельзя. Здесь же барону донесли, что часть жителей станицы Кулинга ушла к большевикам. Дня за три до выступления барон приказал составить список всех их родственников, и накануне выступления дивизии всем, не попавшим в список, приказал в течение двух часов выехать из станицы. После этого Кулинга была отдана в распоряжение Татарского полка. Пятеро оставшихся жителей были зверски убиты, станица сожжена. Уходя из Кыры, белые разграбили по границе китайские лавки.[879] Сожгли также села Бырца,[880] Мордой и Билара. Жители, очевидно, бежали.

В январе 1921 г. уездный съезд трудящихся Акшинского района ходатайствовал об освобождении от поставок хлеба красным частям. На населении и так лежала обязанность кормить 151 семью из Кулинги, Мордоя и Билары, хозяйство которых было сожжено унгерновцами.[881]

Красные партизаны вели себя не лучше. Один из них, Д.К. Номоконов, вспоминал о поведении своих соратников в селах, где были семьи белых: «Белогвардейским главарям и их семьям мы пригрозили, что за каждую голову партизанских детей, жен и стариков будем уничтожать десять белогвардейских душ».[882]

В середине сентября Унгерн приказал Азиатской дивизии готовиться к походу на р. Керулен в Монголии.[883] Там прапорщик Эпов заранее заготовил сено для лошадей. Тапхаеву Унгерн сказал на прощание: «Иду на Ургу, ты останешься в распоряжении Семенова».[884]

В п. Алтан был выделен особый отряд из двух сотен под командой Галданова при двух пулеметах и отправлен в направлении Мензы для охранения правого фланга дивизии[885] и разведки. Эта дорога идет по самой границе с Монголией, в малонаселенной, горно-лесной местности. Азиатская дивизия из Алтана направилась в Монголию.

Д. Тапхаев по приказу Унгерна остался в Забайкалье. Н.А. Катерухин, узнав, что в Кулинге стоят белые, бросил на них Кавказский полк под командой М.П. Асатиани[886] и отряд Куклина, а Таежный полк Н.А. Каландаришвили и отряд

М.А. Куклин (Красногвардейцы и партизаны, 1957).

И.Я. Строд.

И.Я. Строда остались в резерве. По сведениям красных, белые не выдержали натиска и бежали, потеряв 40 человек убитыми, около 30 ранеными и 60 пленными. Потери красных составили девять человек убитыми и шесть ранеными. На брошенном складе красные нашли продукты, несколько сот винтовок, тысяч сто патронов и амбар, полный обмундирования и сапогов японского производства.[887] 9 октября авангард Катерухина вошел в Кулингу, оставленную противником.[888]

12 октября красные партизаны после трехчасового боя заняли Бырцу, Улеты и Кыру, тапхаевцы бежали в сторону Мангута. Красные взяли большие трофеи: боеприпасы, обмундирование и продовольствие, всего до 300 подвод.[889]

Хамниган-Бурятский хошун (затем переименован в Онгоцонский) Агинского аймака был полностью разгромлен войной. Три его сомона совершенно обезлюдели, а в двух осталось менее 200 человек из 3 тыс. в каждом. Остальные бежали в Монголию или были убиты, их трупы на момент обследования комиссией в марте 1921 г. продолжали валяться, или были только что убраны.[890] В окрестностях Бырцинского дацана и в самом дацане было убрано свыше 70 трупов, преимущественно монахов, женщин и детей, установить точное число убитых весьма трудно. Размеры убытка, причиненного только одному Тулутайскому селению, оценивались в 7013 руб. золотом. По-видимому, это была месть красных бурятам за поддержку унгерновцев.

21 октября район Бырцы и п. Алтанский были очищены от мелких отрядов унгерновцев партизанами Каландарашвили.[891]

22 октября на полпути к Чите — у Агинского дацана сотня и штаб Тапхаева встретились с полусотней Сибирского казачьего полка.[892] 26 октября Тапхаев со своим отрядом направился в район Акши. 27 октября три полка красных атаковали тапхаевцев у станицы Верхне-Ульхун, верстах в 70 от Кыры. Патроны у белых были читинского производства, а там рабочие набили в них больше шерсти, чем пороха — чтобы помочь красным. Стрельба была безуспешной, в рукопашном бою красные победили, имея численное превосходство. Часть тапхаевцев бросилась к сопкам, другая — вплавь через р. Онон. Катерухин, взяв слово с пленных казаков, что они не пойдут против советской власти, отпустил их по домам. Из них больше ста человек тут же вступили добровольцами в отряд Куклина.[893]

30 октября Семенов письменно приказал Тапхаеву начать партизанские действия в районе Онона на Читу, действуя главным образом по железной дороге Чита — Оловянная.[894] Тапхаев пошел в сторону Кыры. Сюда подошел

также 12-й читинский казачий полк Токмакова. Читинцы удерживали тапхаевцев от грабежей.[895] Тапхаев отступил от красных в Акшу, но ушел и оттуда, не приняв боя. Оставление Читы и отступление семеновцев деморализовало его полк. Три сотни распылились, частью ушли в Монголию. Оставшуюся сотню Тапхаев держал для прикрытия отходивших беженцев и отрядов Вержбицкого и Сыробоярского.[896] Затем он ушел в Монголию. По материалам судебного дела, Тапхаев с небольшой группой соратников вернулся для розыска жены, но, узнав, что она уже за границей, ушел из Забайкалья.[897]

Чтобы лучше понять обстановку, сложившуюся вокруг Монголии ко времени прихода Унгерна, следует подробнее остановиться на событиях, происшедших там со времени подписания Кяхтинского соглашения.

***

Таким образом, несмотря на недостаток людей и средств, Унгерн с помощью нескольких офицеров создал на добровольческой основе Азиатскую конную дивизию — одно из самых боеспособных белых формирований Сибири. В дивизии служили представители многих национальностей. При полном уважении к национальным традициям, поддержание порядка и боеспособности обеспечивалось железной дисциплиной, основанной на страхе наказаний и на заботе о личном составе. Унгерн не терпел формализма в управлении, материальном обеспечении и делопроизводстве. Отсюда — произвол, незаконные реквизиции и казни в Даурии, где барон фактически был единоличным правителем. Но такие эксцессы с обеих сторон были обычным явлением в гражданскую войну. Эффективность действий войск Унгерна была выше в тех случаях, когда они действовали как партизаны. В своей командировке в Маньчжурию и Китай, куда его послал Семенов, Унгерн достиг собственных целей: наладил контакты с монархистами и подготовил базу для снабжения после ухода в Монголию. Разногласия между колчаковцами и семеновцами после разгрома А.В. Колчака ослабляли семеновцев, в том числе Азиатскую дивизию. Тем не менее, ее уход из Даурии в Монголию был хорошо подготовлен.

ГЛАВА 5

Панмонгольское движение и ликвидация автономии Внешней Монголии

После установления автономии Внешней Монголии Кяхтинским соглашением в нее усилился приток иностранного капитала — прежде всего, китайского и российского. Лишь в 1915–1917 гг. там появилось 70 новых китайских фирм, развернувших деятельность по всей стране.[898] Экономическая экспансия Китайской республики контрастировала с политикой бывшей империи Цин.

Монголы не сумели в полной мере воспользоваться возможностью государственного строительства. Правительство Богдо-хана старалось укрепить государственность, но отсутствие опыта тормозило преобразования, вело к неэффективному расходованию средств. В частности, значительная часть полученных от императорского российского правительства займов (например, в 1912 г. — 100 тыс. руб., в 1913 г. — беспроцентный заем на 2 млн руб.) была потрачена на религиозные нужды, а развитию собственного экономического и военного потенциала уделялось недостаточно внимания. Например, на одни деревянные ворота дворца Богдо-гэгэна ушло 150 тыс. лан[899] серебра.[900]

Несмотря на нехватку средств, вооружения и личного состава, российские инструкторы в Нийслэл-хурэ сумели подготовить самые боеспособные кадры монгольских войск. Общая численность этих войск к 1919 г. составляла всего 2 тыс. человек, причем они были отправлены в Урянхай, где монгольское правительство в то время стремилось укрепить свои позиции. Потенциальный противник — китайская армия — имела многократное превосходство в численности и вооружении.

Неудачи на фронтах Первой мировой войны, революции и гражданская война ослабили позиции России и способствовали развитию реваншистских

настроений у ханьских националистов, претендовавших на всю территорию разваленной ими империи маньчжуров. Этому способствовало и заявление советского правительства об аннулировании соглашений по Монголии, заключенных царским правительством.[901]

Дуань Цижуй.

Бэйянская группировка милитаристов после смерти Юань Шикая раскололась на ряд «клик». В центральном правительстве Китая к 1918 г. преобладали представители одной из них — аньхойской. 7 марта 1918 г. ее члены создали свой клуб на улице Аньфу в Пекине, давший основу одноименной политической партии. В нее вошли многие администраторы, стремившиеся к карьере. Партия Аньфу финансировалась японцами и служила их интересам.[902] Она инициировала выборы и получила $^{3}_{4}$ голосов в национальное собрание Китая. Ее главой был один из лидеров аньхойской группировки — маршал Дуань Цижуй.

Раньше он поддерживал цинскую монархию, затем переметнулся к республиканцам и сыграл решающую роль в подавлении монархической реставрации в Пекине. Дело в том, что после смерти Юань Шикая президентом Китайской республики стал Ли Юаньхун, который в 1917 г. призвал в Пекин генерал-инспектора долины Янцзы, убежденного монархиста Чжан Сюня. Последний объявил о восстановлении маньчжурской династии.[903] Это был единственный китайский генерал, войска которого после революции сохранили косы как символ монархизма — их называли «армия с косами». Заняв Пекин, Чжан Сюнь подготовил указ о восстановлении цинской монархии, но уже конституционной. Он предложил Пу И поставить на нем печать.[904] Однако на следующий день, в соответствии с конституционной монархией, он запретил маньчжурской знати вмешиваться в государственные дела. Генералы-милитаристы, испугавшись концентрации власти в руках Чжан Сюня, устроили новую революцию. Получив 1 млн юаней от Японии, Дуань Цижуй подавил монархическое выступление и значительно укрепил свои позиции. Восстановленная монархия продержалась всего 12 дней.

Теперь, получив контроль над парламентом, Дуань Цижуй 4 сентября 1918 г. сделал президентом Китая одного из членов аньхойской группиров-

Сюй Шичан.

ки — Сюй Шичана (Большой Сюй). Последнего еще в июне 1912 г. Юань Шикай выдвигал кандидатом в премьер-министры, но тогда его кандидатуру не поддержал парламент.[905] Теперь же он стал президентом.

Большие полномочия получил его брат Сюй Шучжэн (Маленький Сюй). Он родился в 1883 г. в пров. Цзянсу. Позже учился китайской истории и литературе, затем в Бэйянском военном колледже. После этого он служил младшим чином у Дуань Цижуя, но фактически был клерком. Он быстро заслужил расположение начальника усердием и старательностью. В декабре 1908 г. по рекомендации Дуаня он был послан учиться в Японию в военную академию по пехотной части. В мае 1910 г. Сюй Шучжэн, окончив курс, присоединился к Дуаню, находившемуся в пров. Хубэй. Затем работал в военном министерстве в Пекине под началом все того же Дуань Цижуя. После провала попытки Юань Шикая восстановить монархию в 1916 г. Сюй Шучжэн стал статс-секретарем, затем главным секретарем кабинета Дуань Цижуя. В 1917 г. он сыграл важную роль в подавлении монархического выступления Чжан Сюня войсками Дуань Цижуя. После того, как последний стал премьер-министром в сентябре 1917 г., Сюй стал заместителем министра обороны. Он и дальше поддерживал своего бывшего шефа, ставшего уже маршалом. В 1918 г. Сюй Шучжэн стал полным генералом: ведь он был одним из создателей клуба Антьфу.[906]

В сентябре 1918 г. Дуань Цижуй заключил соглашение, по которому китайские войска под японским командованием должны были воевать против ДВР на Дальнем Востоке. Был послан небольшой контингент. В октябре 1918 г. Сюй Шучжэн отправился с миссией в Японию. Миссия была успешной: он договорился о получении займов и расширении действия японо-китайского соглашения по военным делам.[907] Впоследствии он это использовал для упразднения монгольской автономии.

Идея аннексии Монголии никогда не покидала китайских республиканцев. Еще 20 июня 1917 г. Дуань Цижуй направил предписание в управление по делам Монголии и Тибета при китайском правительстве, согласно которому следовало упразднить монгольскую автономию в связи с тем, что разруха и война ослабили Россию.[908] Понимали это и в Монголии. Высшие ламы

и министры негативно встретили Февральскую революцию 1917 г.: они выражали недоумение по поводу свержения российской монархии и говорили «о небесной каре, которая неминуемо обрушится на Россию».[909]

Февральская революция не изменила монгольской политики России, но расколола россиян на родине и за границей. К тому времени в столице Монголии была крупная российская колония. Колонисты обладали многими хорошими качествами: религиозной настроенностью, патриотизмом, гостеприимством. Но, наряду с этим, им были свойственны разобщенность, взаимное недоверие, отсутствие сознания общности интересов, эгоизм, отсутствие организованной общественной жизни, культурных и разумных развлечений.[910] Были случаи воровства имущества русскими и китайцами.[911] И.Я. Коростовец отмечал обилие грязи на дворах и в домах, многие из которых приходили в ветхость, но не ремонтировались; повсеместное наличие насекомых (клопы даже в консульском доме) и т.д. При этом многие колонисты не понимали монголов и свысока относились к ним. Например, поднимая перед консульством вопрос о постройке нового православного храма в Нийслэл-хурэ, они выразили желание, чтобы он «говорил язычникам Монголии о <...> неизмеримом превосходстве христианства над язычеством».[912] Правда, священник Ф.А. Парняков считал важным проявлять терпимость и доброжелательность к религии монголов, а некоторые колонисты делали щедрые подношения буддийским монастырям.[913]

Во время Первой мировой войны в колонии действовало Попечительство, которое старалось наладить духовную жизнь колонистов. От Попечительства выступали с лекциями есаул Г.Т. Васильев, инженер В.И. Лисовский, секретарь консульства В.Г. Габрик,[914] священник Ф.А. Парняков и др. Членами его совета были А.Д. Щапов, Д.А. Тагильцев, М.Г. Хребтов, А.С. Котов, М.Г. Назимова. О Щапове, Тагильцеве, Парнякове, Васильеве, Лисовском и Габрике после занятия монгольской столицы Унгерном в 1921 г. известно из мемуаров.[915]

В марте 1917 г. был избран исполнительный комитет российских граждан, живущих в Нийслэл-хурэ. В него вошли Я.В. Гембаржевский (участник революции 1905 г.), М.И. Кучеренко, А.П. Агарков, Д.П. Першин, М.М. Лисовский и др. Председателем стал врач С.Б. Цыбыктаров. Комитет стал регулировать жизнь колонистов, выявлять казачьих офицеров, боровшихся с революцией 1905–1907 гг., добиваться амнистии осужденных революционеров. Члены комитета прилагали много усилий для удаления из Нийслэл-хурэ царского дипломатического представителя А.А. Орлова и других сторонников старого режима.[916] Но Временное правительство отказало в этом.

Вести об Октябрьской революции углубили раскол российской колонии Нийслэл-хурэ: часть колонистов поддержала красных, часть осталась верна старым порядкам.[917] В Монголию прибывали беженцы, агенты белых и крас-

ных, промышленники, военные отряды. Большевистское правительство стало предпринимать попытки заменить старые дипломатические структуры советскими, организовало революционную работу председателя российской управы большевика В.И. Чайванова.[918] Монгольское правительство старалось этому воспрепятствовать. При поддержке царских консулов оно укрепляло границу с Россией, старалось препятствовать проникновению большевиков.[919]

Возник раскол и среди членов Центросоюза — крупной российской организации, созданной в свое время для закупок скота в Монголии. Часть его работников примкнула к большевизму. Г. Земмеринг в путевых записках «От Чугучака до Харбина через Монголию»[920] привел такие оценки этой организации некоторыми колонистами. «Из русских организаций в Кобдо недавно обосновалось отделение Центросоюза, организация почти большевистская. Местные жители называют его попросту «Центросион» <...> Вообще, в отношении «товарищей» нам советовали в Урге быть осторожнее, так как здешняя организация большевиков Центросоюз имеет пока у китаезов большое влияние, и мы можем нажить себе большие неприятности».

В марте 1918 г. в Троицкосавске власть перешла к совету, состоятельные жители бежали за границу — в кяхтинский Маймачен.[921] Туда же ушел белый отряд во главе с капитаном В. Юнтером, а в начале мая этот отряд перешел в Нийслэл-хурэ.[922] В мае 1918 г. большевики провели перегруппировку сил в связи со сведениями о вступлении в Монголию конвоя казаков во главе с есаулом Широких. Чэнь И потребовал разоружения русских войск, что и начали делать. Часть казаков Юнтера во главе с Широких после столкновения с большевиками осталась на золотых приисках компании «Монголор», где была разоружена монголами.[923] Другая часть поселилась в п. Ибицык в Северной Монголии.[924]

Тогда же харчины князей Бабучжава и Шадарбала, потерпевших поражение в антикитайском восстании во Внутренней Монголии, бежали из Мукдена и направились к месту своей прежней стоянки в Халхе.[925]

В 1918 г. в Нийслэл-хурэ предполагалось направить сотню урянхайских казаков, но требовалось выяснить их настроения и определить содержание.[926] Эта сотня шла через Кяхту и ожидалась в Нийслэл-хурэ к концу июня. Однако были подозрения о переходе части белого отряда в Урянхае на сторону большевиков, что позже и подтвердилось.[927]

Российские дипломатические представители в Монголии, как и почти во всех других странах, к тому времени уже были «уволены» с должностей приказом наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого от 26 ноября /19 декабря 1917 г. Однако они продолжали признаваться иностранными государствами, исполняли свои обязанности, тогда как красные диппредставители не пропускались. Бывшие царские дипломаты поддерживали контакт с белыми влас-

тями в Сибири и Маньчжурии, собирали сведения о политических и экономических китайских делах[928].

9 апреля 1918 г. и.о. наркома иностранных дел Г.В. Чичерин направил монгольскому правительству телеграмму, в которой извещал, что старые консульские представители в Монголии лишены полномочий, отрешены от должности, в случае неподчинения объявляются преступниками, а их поддержка будет рассматриваться как вмешательство во внутренние дела России.[929] Однако министр иностранных дел Б. Цэрэндорж,[930] ознакомив А.А. Орлова с содержанием телеграммы, заявил, что монгольское правительство не может признать новых консульских представителей и новый строй в России, так как он еще не признан союзниками.

Я.В. Гембаржевский (МТМ).

В апреле 1918 г. монгольское правительство, по просьбе российского дипломатического представителя, разогнало иностранных рабочих и служащих, собравшихся, чтобы приветствовать советскую власть.[931] В Нийслэл-хурэ была создана нелегальная большевистская организация, в которую входили коммунисты из Троицкосавска: А.Л. Неволин, П.И. Унгаев, Л.Я. Орлов, Е.Е. Мельников, И.Е. Мельников и др.[932] В 1918 г. там образовался революционный комитет по инициативе большевика В.М. Чайванова. Пропагандистскую работу комитет поручил красным подпольщикам М.И. Кучеренко, Я.В. Гембаржевскому, И.С. Маслакову, В.Я. Кондакову, С.Б. Цыбыктарову, И.А. Сороковикову и др.

М.И. Кучеренко (МТМ).

В том же апреле 1918 г. комиссар по иностранным делам Центросибири Я.Д. Янсон просил китайского консула в Иркутске Вэй Бо о содействии со стороны китайской армии в ликвидации забайкальской контрреволюции атамана

С.Б. Цыбыктаров (МТМ).

И.А. Сороковиков (МТМ).

Г.М. Семенова[933]. 12 апреля 1918 г. в органе Центросибири «Власть труда» появилась статья другого члена Центросибири — П.Ф. Парнякова, сына Ф.А. Парнякова.[934] Ее можно считать программой деятельности Центросибири в отношении Монголии. Главной задачей было «предупредить империалистическую провокацию» со стороны Нийслэл-хурэ — Маймачена. Для этого предлагалось заменить всех русских консулов и лиц дипломатического корпуса в Монголии комиссарами, верными революции, расформировать консульские отряды, организовать советы местной русской демократии, проводить агитацию среди монголов. В программе предусматривался «при известных политических... условиях переход деспотической Монголии в трудовую социалистическую республику».[935] Организационным аппаратом для этого должны были стать советы депутатов китайских рабочих и монгольских батраков и солдат, соединенных с совдепами русских рабочих и служащих.

Как видим, сибирский исполком собирался устроить в чужой стране революцию по образцу Октябрьской при помощи иностранного подполья. Естественно, такой поворот событий не мог понравиться ни российским дипломатам в Монголии, ни легитимному правительству этой страны. «Запугивать» монголов Орлову не надо было: несомненно, они знали об этих планах из газеты «Власть труда». Разложить консульские конвои красные не могли: догадываясь об этой перспективе, Орлов уже выслал эти конвои из страны, а для охраны консульств попросил монгольские отряды. Попытки наладить печатание в Нийслэл-хурэ под-

рывной литературы провалились, а демократический профсоюз рабочих и служащих прекратил деятельность.[936]

В марте 1918 г. вышел декрет президента Китая, в котором Внешняя Монголия и Урянхайский край объявлялись обычными китайскими провинциями. Китайский резидент в Нийслэл-хурэ стал добиваться ввода китайских войск. На протест А.А. Орлова сановник дал примечательный ответ, который сохраняет актуальность и в наше время: «...соблюдение договоров обязательно в мирное время, в смутное же можно и ограничить объем их действия»; кроме того, Тройственное соглашение касается внутренних порядков в Монголии, ввод китайских войск туда требуется для защиты китайской территории от внешней опасности.[937]

Этот ответ датируется апрелем 1918 г., когда в Забайкалье и по линии КВЖД шли стычки, белые теснили красных. В это время во Владивостоке высадились японские войска и к концу года распределились по Транссибирской магистрали до Иркутска. В августе в Борзе прошло совещание при участии руководителей белых: Семенова, Хорвата, Гайды и Глухарева. Белогвардейцы сочли целесообразным дальнейшее продвижение японцев при условии, чтобы они заняли русский западный фронт против немцев и большевиков.[938]

Отряды красных партизан Каландарашвили, Лаврова и Голикова, объединившись, через джидинский район стремились уйти в Монголию от наседавших семеновцев.[939] В это же время Центросибирь направила своих членов Я.Д. Янсона, П.Ф. Парнякова, Л.Д. Клейман-Муллера и переводчика Э.-Д. Ринчино через Кяхту в Монголию для закупок оружия и боеприпасов. По сообщению Клейман-Муллера, музыканта и члена иркутского ревтрибунала, ему с Э.-Д. Ринчино удалось приобрести оружие у монгольского князя Цэцэн-хана.[940] Янсон посетил Нийслэл-хурэ.

27 июля 1918 г. Халху покинул отряд белогвардейцев, имевший столкновение с большевиками в 18 верстах от Кяхты.[941] 7 августа 1918 г. российский вице-консул в кяхтинском Маймачене телеграфировал дипломатическому агенту в Нийслэл-хурэ: «Сегодня в 3 часа дня 6 вооруженных большевиков явились на автомобиле в Маймачен и стали арестовывать российско-подданных торговцев. Пока я посылал к Саину переводчика, было избито и арестовано 4 торговца и мой переводчик. Вызванные по тревоге монгольские войска задержали большевиков и освободили пленных. Колония в страхе. Необходимо, наконец, принять наиболее действенные меры против проникновения большевиков в Маймачен, скорее закрыть границу и создать более действительную оборону Маймачена».[942]

В это самое время агент сибирского правительства Б.Н. Волков с согласия Г.М. Семенова формировал отряд для нанесения ударов в тыл большевикам.[943] 3 сентября 1918 г. этот отряд занял Троицкосавск. Позже, в 1938 г.,

Кяхта (слева) и Маймачен (справа) (Азиатская Россия, 1914).

местные чекисты припоминали, по-видимому, этот эпизод, выбивая показания, что меньшевики, опираясь на местные казачьи части, находившиеся в Монголии, вышли оттуда и заняли Троицкосавск, разоружив красногвардейцев.[944]

Однако у Волкова в Монголии и Забайкалье была и другая задача: разведка в пользу сибирского правительства и противодействие планам Семенова.

Когда белые заняли Троицкосавск, оттуда в кяхтинский Маймачен, а затем в Нийслэл-хурэ бежали новый комиссар Центросибири по иностранным делам Л.Д. Клейман-Муллер и комиссар финансов троицкосавского совета А.И. Малафеев.[945] Активное содействие им в этом оказали китайские дипломаты. В Нийслэл-хурэ Ф.А. Парняков сначала скрывал Муллера у себя, затем устроил его на квартиру в китайской части города под видом мелкого торговца, потом помог бежать в Маньчжурию. Помогал Парняков скрываться в столице и другим красным. Прибывали в нее и другие большевики. Белые требовали их выдачи. Предупрежденные переводчиком консульства В.Я. Кондаковым, они успели бежать из Монголии. Во время бегства были убиты Малафеев, семеро мадьяр и другие.

Чэнь И, китайский резидент в Нийслэл-хурэ, весной 1918 г. стал требовать ввода туда китайских войск. 26 мая 1918 г. монгольское правительство согласилось на ввод в Нийслэл-хурэ одного батальона. Поводом было проникновение белых отрядов и их временное пребывание в столичном районе. В июле-августе 1918 г. советская власть в Сибири пала. Министр иностранных дел Монголии Б. Цэрэндорж заявил Чэнь И, что во вводе войск нет необходимости, так как больше нет опасности от большевиков.[946] Однако батальон продолжил движение и вошел в Нийслэл-хурэ в августе, в нарушение Кяхтинского соглашения.

В действительности же поводом для оккупации Внешней Монголии китайцами стали слабость России, выход гражданской войны за ее пределы и попытки внутренних монголов добиться независимости.

Росло и бурятское национальное движение. Местная русская администрация зачастую игнорировала интересы кочевого хозяйства, бурятского языка и религии.[947] В частности, имели место передача бурятских земель русским колонистам и насильственная христианизация. В 1905–1906 гг. прошли общебурятские съезды. На них была обоснована идея консолидации и национального самоуправления бурятского народа. Эта идея распространялась по мере развития кризиса в России. В 1916 г. проводилась массовая мобилизация на тыловые военные работы, к которым буряты оказались не приспособленными.[948] Это еще больше обострило проблему. Национальное движение бурят нашло отклик во Внутренней Монголии и Барге.

Надежды объединить искусственно разделенные народы активировали панмонгольское движение. Иногда его образование относят к Халхе 1911 г., когда была объявлена независимость Монголии.[949] Однако панмонголизмом можно считать уже идеологию Чингис-хана, объединившего все монгольские племена. После распада Великой Монгольской империи панмонгольское движение в разных формах существовало всегда. Монгольские народы, объединенные общностью происхождения и этнокультурным ареалом, всегда стремились к реинтеграции. Лишь сам термин «панмонголизм» был введен В.С. Соловьевым в одноименном стихотворении, написанном в 1894 г.

Теперь панмонгольские лозунги нашли выражение в манифесте от 18 февраля 1919 г., опубликованном известным бурят-монгольским деятелем Ц. Жамцарано. Декларировалось создание объединенного Бурят-Монгольского государства. Поддержку панмонгольскому движению оказал Г.М. Семенов (сам наполовину бурят), проявили интерес японцы. Высший орган власти бурят в 1917–1919 гг. — Центральный Национальный комитет бурят-монголов Восточной Сибири (Бурнацком) считал, что, если не удастся создать Общемонгольское государство, то Маньчжурия и Восточная Монголия будут находиться в сфере влияния Японии, а южная, северная и западная Монголия с включением бурят образуют буферное государство.[950] Автор геополитических статей о Монголии М. Воллосович писал из Нийслэл-хурэ в конце 1918 — начале 1919 гг., что Монголия должна стать барьером большевистской экспансии в Азии, а статус Г.М. Семенова — гарантия тому.[951]

В столице Семенова — Чите проводилась активная панмонгольская агитация, а в конце февраля — начале марта 1919 г. там состоялся съезд панмонголистов. Он открылся 25 февраля при участии шести делегатов от бурят, пяти — от внутренних монголов и четырех — от баргутов. Также присутствовали Семенов, его помощник А.В. Волгин, переводчик М.А. Шадрин, от японцев — майор Судзуэ.[952]

Руководителем прибывших внутренних монголов был буддийский иерарх хошуна Чжалайт Чжирэмского сейма — Нэйсэ-гэгэн (Ничи-тойн-богдо) Мэндэбаяр, почитаемый как Богдо (высший титул в иерархии) внутренних монголов.[953] Это был перерожденец Нейджи-тойна (1557–1653) — знаменитого проповедника буддизма на землях монголов, почитаемого, в том числе, во Внутренней Монголии. Этого молодого (25 лет) искателя приключений пригласил есаул Шадрин после того, как высший пост отказался занять Найдангун.[954] Другими руководителями были командиры харчинов Нэрэмпил-гун и Фушенга.

В отличие от Нэрэмпил-гуна, Фушенга был мелким феодалом, владения которого конфисковали китайские власти. Позже он вел бои против китайцев во Внутренней Монголии,[955] поначалу как рядовой боец отряда Тогтохо-тайджи. Позже он совершил набег на Халху. В обоих случаях он потерпел неудачу и ушел в Маньчжурию. Благодаря храбрости он выслужился в полковники китайской армии. 5 апреля 1918 г. российский консул в Цицикаре Афанасьев телеграфировал в Пекин, что два монгольских ина (отряда) харчинов, стоявших там, обезоружены китайцами и распущены, а командиры отрядов, в том числе Фушенга, обратились к Афанасьеву с просьбой об устройстве на российскую службу — от 400 до тысячи человек, получивших подготовку в китайских войсках.[956] Люди Фушенги были приняты на службу, участвовали в боях с красными на линии Забайкальской железной дороги, многие удостоились Георгиевских крестов и медалей (см. главу 4). Участвовали они и в арестах лиц, подозреваемых в связях с красными партизанами. Один такой эпизод (в с. Шахтама) описан в партизанских мемуарах.[957]

В августе 1918 г. харчины под началом прапорщика Жуча, по распоряжению штаба ОМО, угнали из приаргунских станиц, поддерживавших красных партизан, 18 тыс. овец.[958] Их предполагали передать казакам, пострадавших от большевистских реквизиций. Но оказалось, что часть этих овец принадлежит казакам Семенова. Часть из них Унгерн вернул владельцам, остальное было продано или ушло на пропитание. Но, когда член войскового правления Гордеев потребовал разъяснений от начальника снабжения ОМО, тот ему объяснил, что с Унгерном лучше не связываться...

Теперь предполагалось участие Фушенги в правительстве Нэйсэ-гэгэна.[959] Было еще два делегата от Внутренней Монголии и четыре — от Барги. Из бурят участвовали Д.С. Сампилон, Э.-Д. Ринчино, Ц.-Е. Цыдыпов, Б.Г. Вампилун и Н. Дылыков.

Нэйсэ-гэгэн в своей речи верно отметил, что во времена Чингис-хана монголы составляли единое целое, но затем были разделены между Россией и Маньчжурией, а теперь настал удобный момент для создания нового государства из всех монгольских племен. Съезд провозгласил создание независимого объединенного монгольского государства. Обсуждались вопросы восста-

новления независимости и интеграции территорий, населенных монголами и тибетцами, вовлечение в движение Внешней Монголии, организация обороны, международные отношения, размежевание с немонгольскими народами путем взаимозачета земель и т.д.[960] На съезде произошел раскол: баргут Фушан и внутренний монгол Фушенга поставили вопрос о восстановлении маньчжурской династии, каковая должна даровать всяческие права Монголии, а Ринчино, поддерживаемый бурятами, заявил, что Монголия должна стать федеративно-демократической республикой.[961] Фушенга претендовал на первенство, хотел уйти во Внутреннюю Монголию, и Унгерну с Нэйсэ-гэгэном с трудом удалось удержать его.[962]

В итоге будущую Монголию объявили федеративно-демократической республикой. Временной столицей нового государства был определен г. Хайлар. В декларации отмечалось, что китайцы разрушают монгольские храмы и религию, притесняют монголов, а в России буряты утратили свои права и не могут отстаивать свои экономические интересы.

На съезде было образовано общемонгольское временное правительство во главе с Нэйсэ-гэгэном. Он же стал управляющим военным отделом, помощником по военной части стал Нэрэмпил-гун, главным советником по всем вопросам — Э.-Д. Ринчино, заведующим финансовым отделом — Б.Г. Вампилун, заведующим иностранным отделом — Ц. Жамцарано. Последнего выбрали заочно; его функции стал выполнять Ц.-Е. Цыдыпов.[963] Семенову был присвоен княжеский титул цин-вана, ему предложили пост первого советника общемонгольского временного правительства.

На съезде Г.М. Семенов пообещал выделить панмонголистам 1 млн руб., предполагалось, что Япония будет снабжать их оружием.[964] Общемонгольское временное правительство стремилось сформировать войска из бурят, внутренних монголов и баргутов. Войска для охраны Бурят-Монголии сосредоточивались в районе ст. Даурия, Внутренней Монголии — у горы Сойолджи, Барги — в пределах ее территории.[965] С этих земель намечалось призвать, соответственно, 3 тыс., 20 тыс. и 1 тыс. человек. Как раз с 1918 г. набором людей в Маньчжурии и Забайкалье по приказу Семенова занимался Унгерн.

Но целью барона было восстановление империи Чингис-хана и абсолютной монархии. Поэтому он отрицательно отнесся к панмонгольскому движению, имевшему республиканскую направленность и к тому же ограниченному Бурятией и Монголией. Барону вряд ли могло понравиться выделение из его войска Сводной монголо-бурятской дивизии и передача ее панмонголистам. Кроме того, Хайлар был занят войсками Чжан Цзолиня, и общемонгольское временное правительство по дороге в Хайлар остановилось на ст. Даурия. Ринчино и Вампилун пропагандировали «свободу, равенство и братство», среди комсостава велись беседы революционного свойства. «Буряты... устроили в Даурии совдеповщину», — говорил Унгерн.[966]

Отрицательно отнеслись к этому движению и съезду европейские державы и США.[967] Таким же было отношение омского правительства и российской миссии в Пекине, поскольку они считали опасным нарушения тройственного Кяхтинского соглашения.[968] Уже 2 марта 1919 г. начальник канцелярии верховного уполномоченного сибирского правительства во Владивостоке телеграфировал, что Семенов просит французов пропустить на Парижскую мирную конференцию монгольскую делегацию от создаваемого «монголо-бурято-тибетского» государства.[969] Уполномоченный передавал, что туда же должен направиться и Унгерн, но эти слухи не подтвердились. Некий полковник Беньковский взялся доставить флаг и герб Общемонгольского государства, декларацию независимости и послание Нэйсэ-гэгэна президенту США В. Вильсону на Парижскую конференцию. Получив солидную сумму денег на дорожные расходы, полковник сел на поезд в Чите и больше о нем не слышали.[970]

Панмонгольская делегация, прибывшая в Токио, не смогла добиться виз от западных держав и Японии.[971] Не подтвердились и циркулировавшие в Харбине и Владивостоке слухи о том, что белые власти ведут переговоры с японцами об уступке прав России в Монголии в обмен на заем.[972]

7 марта омское правительство заявило, что съезд в Чите — грубое нарушение Кяхтинского соглашения.[973] Более того, оно сочло деятельность Семенова предательской, поскольку это могло привести к отделению Забайкалья от России. В телеграмме в Париж представитель омского правительства обвинял Семенова, что он «играет в руку Японии».[974] И это притом, что панмонголисты на съезде апеллировали к заявлению президента США о самоопределении нации, а Семенов заявлял, что Забайкалье — часть России, давая понять, что при вхождении в Общемонгольское государство буряты должны будут выселиться.[975] Правда, сам А.В. Колчак подтвердил признание независимости Польши от России временным правительством.[976] Но Азия — не Европа, здесь подход к единству государства другой?..

Республиканские устремления бурят были неприемлемы для Внешней Монголии. Она отказалась участвовать в панмонгольском движении и не прислала своих депутатов на читинский съезд, чтобы не портить отношения с Россией и Китаем, сохранить автономию и монархический строй. Послали только гонца с письмом, в котором выражалось сочувствие затеянному делу и обещание присоединиться к Общемонгольскому государству, если оно будет утверждено Парижской конференцией.[977]

Чтобы привлечь Внешнюю Монголию, Семенов и временное общемонгольское правительство, по инициативе бурят, стали вести переговоры с ее руководством и угрожать военным вторжением. В мае в Чите состоялась конференция панмонголистов об отношениях с Внешней Монголией. Решили послать делегацию в Нийслэл-хурэ. С 25 мая по 26 июня 1919 г., на основа-

нии приказа Семенова по Дальневосточным казачьим войскам № 11 от 30 июня 1919 г., в Нийслэл-хурэ был командирован полковник П.П. Левицкий — и.д. генерала для поручений при атамане Семенове.[978] Вместе с ним Нийслэл-хурэ посетила делегация временного общемонгольского правительства. Ее возглавлял Ц.-Е. Цыдыпов, были также Линшен и Дамдин-Нэрэн.[979] Делегаты предложили сделать Богдо-гэгэна VIII правителем будущего объединенного монгольского государства. Впоследствии Цыдыпов на допросах говорил чекистам, что по заданиям Семенова в Нийслэл-хурэ он ездил неоднократно и вел переговоры о слиянии ургинского и панмонгольского правительств в одно целое.[980] Панмонголисты получили в Нийслэл-хурэ отрицательный ответ. Опасность их вооруженного вторжения сохранилась.

В связи с усилением позиций шабинского ведомства[981] и духовенства доходы некоторых монгольских князей снизились. А.А. Орлов сообщал, что князья и некоторые министры стали стремиться к отмене автономии Монголии, поскольку искали у китайцев личной и имущественной безопасности.[982] В правящем слое возник раскол: ряд сановников (Б. Цэрэндорж, Ц. Ширнэндамдин, Дархан и глава правительства Бадамдорж)[983] стали активными сторонниками отмены автономии. Они стали обращаться за помощью к Китаю.[984]

Для Пекина это было весьма кстати. Китайское правительство было хорошо информировано о переговорах в Нийслэл-хурэ, планах, численности и дислокации отрядов панмонголистов, имела полные списки их руководителей. В архиве МИД бэйянского правительства Китая[985] содержится объемная переписка китайских чиновников по этому вопросу. В ней говорится, что панмонгольское движение — угроза Китаю, его поддерживает Семенов — это нарушение Кяхтинского соглашения, надо думать о вводе китайских войск во Внешнюю Монголию. Как раз в этот период (с мая 1919 г.) происходил подъем китайского национального движения, вызванный решениями Парижской мирной конференции о передаче Японии бывших немецких концессий в Китае.[986] Дуань Цижуй вынужден был уволить нескольких министров-японофилов. Вторжение в Монголию могло отвлечь внимание общественности и ослабить недовольство.

12 июня 1919 г. пекинская газета «Чэнь бао» опубликовала статью под заголовком «Опасность положения Внешней Монголии». В ней приводился текст телеграммы Чэнь И президенту Китайской республики. Он сообщал, что окружение Семенова обсуждает вопрос о военном походе во Внешнюю Монголию и что монгольские войска, стоящие на границе с Россией, вошли в тайные сношения с российскими бурятами. Чэнь И заключал, что Внешняя Монголия находится в большой опасности. Вывод напрашивался как бы сам собой: для ее спасения надо ввести китайские войска. В это же время Дуань Цижуй в секретном письме в генеральный штаб предложил уничтожить ав-

тономию Внешней Монголии и окончательно присоединить ее к Китайской республике: Россия не имеет возможности заботиться о Халхе, и подходящий момент настал.[987]

В начале июля в Нийслэл-хурэ прибыла первая группа китайских солдат. На запрос российского посланника в Пекине князя Н.А. Кудашева в китайское министерство иностранных дел, почему посылаются китайские войска, его управляющий Чэнь Лу ответил, что посылка войск вызвана «исключительно опасностью от ожидаемого вторжения семеновских войск во Внешнюю Монголию и обязанностью Китая помочь Монголии в охране порядка».[988] 25 июля 1919 г. советское правительство в обращении к китайскому народу, правительствам Севера и Юга Китая объявило об аннулировании «неравноправных договоров» царского правительства с Китаем. В обращении также отмечалось, что в Маньчжурии и других областях, «завоеванных царским правительством», народы сами должны решать, в границах какого государства им жить. Формально это было признанием права наций на самоопределение. Но фактически Коминтерн и большевики развязывали руки ханьским националистам в аннексии монгольских земель, хотя и сами были не прочь использовать панмонголизм для экспорта революции на Дальний Восток.

Между тем, летом 1919 г. прибайкальский райком РКП(б) создал подпольную большевистскую организацию в Троицкосавске. Она поддерживала связь с большевиками в Монголии через братьев Мельниковых, которые работали фельдъегерями на тракте Верхнеудинск — Кяхта — Нийслэл-хурэ.[989] В 1919 г. в Нийслэл-хурэ побывал с особой миссией меньшевик (позже — большевик) И.М. Майский, собравший важные сведения о стране[990].

Атаман Семенов готовил поход на Нийслэл-хурэ. Есть сведения (вряд ли достоверные), что для этого он предоставил Нэйсэ-гэгэну 5 млн. руб. Приказом по Дальневосточным войскам № 14 от 6 июля 1919 г. полковник Левицкий был назначен начальником сводной Монголо-бурятской дивизии, выделенной из частей Азиатской конной дивизии.[991] Согласно приказу № 138 от 20 июля 1919 г. по Азиатской дивизии, под его командой был сформирован Особый отряд в составе артиллерийского дивизиона, двух бурятских конных полков, Даурского и Хамарского конных полков.[992] Численность офицеров и классных чинов — 60 человек. Среди них было два чиновника — Жуч и Вольфович, известные по позднейшим событиям 1921 г. Численность полка временами менялась.[993]

4 августа 1919 г. отряд из двух бурятских и двух монгольских полков под командой Левицкого выступил из Даурии в Монголию.[994] Сам поход на Нийслэл-хурэ мог быть инсценировкой, призванной оказать давление на Богдогэгэна.[995] В сентябре 1919 г. Чэнь И направил телеграмму Чжан Цзолиню, что два отдельных отряда Семенова продвигаются к Восточной Монголии, и просил принять военные меры.[996] 7 сентября отряд временного общемонгольс-

кого правительства потерпел поражение от монгольских войск в районе Санбэйсэ (сейчас г. Чойбалсан).[997] А 13 сентября была объявлена телеграмма, что Атаман против экспедиции, отряд Левицкого расформировывается, экспедиция отменяется, частям войти в состав Азиатской дивизии, от Левицкого принять всю отчетность и суммы.[998] Эти события пришлись как раз на время переговоров Чжан Цзолиня с Семеновым в Мукдене.

Пока Унгерн был в командировке в Маньчжурии и Китае, в Даурии произошло и другое знаменательное событие: бунт харчинов. Белые объясняли это по-разному: подкуп пекинскими дипломатами; инсценировка семеновской контрразведкой, чтобы обезглавить харчинов; невыплата жалованья;[999] усиление влияния самого Фушенги;[1000] нежелание следовать дисциплине, вводимой русскими офицерами.[1001]

Более обоснованными, соответствующими историческому контексту и психологии монголов представляются объяснения, имеющиеся в воспоминаниях Ц.-Е. Цыдыпова и архиве Б.Н. Волкова.[1002] Фушенга был недоволен главенством бурят после панмонгольского съезда и приказом Семенова о переброске летом 1919 г. монголо-бурятских частей в Верхнеудинск (вместо борьбы с китайцами). Помнили монголы и то, что в апреле 1919 г. Семенов в п. Даурия произвел смотр Бурятской бригаде и выразил благодарность за отличную учебу.[1003] Относительно монголов в приказе по корпусу полковник Жуковский указал, что они совсем не работают, и большую часть неуспеха отнес на счет монгольских офицеров: неопытны, мало понимают в военном деле, «рыба пахнет с головы».[1004] Наконец, к августу усилилось недоверие монголов к Семенову: они пытались отправить собственную делегацию в Японию, но атаман воспрепятствовал этому.[1005]

Фушенга решил обезоружить бурятские части, захватить правительство Нэйсэ-гэгэна, перебить бурят, уйти во Внутреннюю Монголию и соединиться с маньчжурами.[1006] Эти планы раскрыли благодаря агенту, внедренному в среду заговорщиков. Русские с помощью бурят решили арестовать Фушенгу. Но 4 сентября 1919 г. тот поднял бунт на ст. Даурия. Явившиеся офицеры предложили ему сдать оружие, но он отказался и заперся с конвоем, рассчитывая до темноты выдержать осаду.[1007] Вот как описал этот бунт свидетель — Лордкипанидзе.[1008]

«Броневик был вызван со ст. Андриановки шифрованной телеграммой, приказавшей двинуться на ст. Даурия и подходить к станции с осторожностью. Броневик прибыл на ст. Даурия утром и был встречен на станции штабом генерала Левицкого (офицеры были частично пьяными). Левицкий сказал, что у них накануне был кутеж с Фушенгой. Против станции, у которой находился броневик, располагалась гостиница, в которой находился Фушенга (расстояние приблизительно 400 шагов). Броневой поезд состоял (последо-

вательно): покрытый броней паровоз, броневая площадка с трехдюймовкой, броневой вагон с полуплощадкой с горным орудием, кухня, два классных не бронированных вагона для офицеров и солдат и броневой вагон. Левицкий был обеспокоен тем, что делают запертые в казармах «лояльные» солдаты из Внутренней Монголии. В поезд были доставлены арестованные в казармах офицеры. Среди них выделялся своей авторитетностью, по-видимости, чахар-полковник (орлиный клекот, мускулатура, раздражен и говорит резко). В купе рассказчика находился молодой бог[1009] (лет 19-ти), к которому вначале русские офицеры, в том числе и Резухин, относились по-монгольски подобострастно и вежливо. По мере неуспехов в переговорах и успехов в бою, отношение к богу меняется. Бог шлет гонцов к Левицкому с предложением избечь кровопролития. Бог просит Левицкого прийти, но тот не приходит.

В 10 часов утра к Фушенге в гостиницу посылают мальчика-бурята с запиской, предлагающей сдаться, дается срок 2 часа. Нет ответа. В 12 часов приказано послать предупредительный снаряд из трехдюймовки. Снаряд, согласно приказания, разрывается в земле под окнами. Нет ответа. Через 50 минут приказано открыть огонь из орудий и пулеметов. Замечены перебегающие чахары. Одновременно с броневиком, слева по полю, пользуясь ямами, продвигаются цепью юнкера-буряты. А справа действует артиллерия. Засевшие в гостинице монголы отстреливаются из маузеров (они вооружены маузерами и ручными гранатами). Гостиница изрешечена. Часть монголов поодиночке выбегают и сдаются солдатам броневика, складывая и протягивая руки. Некоторые в момент сдачи стреляют или пытаются стрелять (таких солдаты избивают). Одновременно солдаты стаскивают с рук монголов дутого золота браслеты, вырывают серебряные украшения из волос. Часть монголов перебегает из гостиницы в погреб во дворе, который представляет собою как бы блиндаж. Два аршина настила — бревна и «бойницы». Артиллерия превращает погреб в кучу мусора. Из-под обломков в погребе вытаскивают полуоглушенных и задавленных монголов. Левицкий озабочен, где Фушенга. Адъютант Левицкого, высокий щеголеватый блондин в пенсне без ободков допрашивает высокого монгола под угрозой револьвера. Монгол отговаривается незнанием. Адъютант убивает его в упор. Все место окружается солдатами. Лихорадочно ищут Фушенгу. Наконец, труп его находят. Опознают по выбитому глазу (Фушенга одноглаз). Ликование.

Броневой поезд задом пятится за ст. Даурию к русской стороне. Вся операция с Фушенгой была закончена приблизительно около двух с половиной часов дня. В четыре броневик находится в пяти верстах от Даурии, чтобы произвести расстрел пленных, к которым в броневой вагон в голове поезда посажены также арестованные монгольские офицеры. Человек 15–16. Их охраняют три солдата и подпрапорщик. Поезд останавливается, и штаб Левицкого с генералом Резухиным во главе идет расстреливать монголов. Две-

ри броневика широко раскрываются. В это время конвой внутри занят раздеванием осужденных. Один из солдат, увлекшись, помогает стягивать монголу сапоги. По данному приказу одного из монголов, осужденные бросаются на конвой. Лишь один из солдат успел выпрыгнуть и повис в дверях на портупее. Пришедшие расстреливать офицеры пьяны, они разграбили вещи арестованных монголов, один из монголов в вагоне, выхвативший из рук солдата винтовку, стреляет в офицеров, которые в панике бегут. Монголы завладевают вагоном. Полковник вылезает наверх и убивает часового на площадке с трехдюймовкой. Другой солдат спасается. Резухин совершенно растерян. Он вбегает в вагон рассказчика, пробежав весь поезд (вагон рассказчика — последний в хвосте). Резухин стреляет в степь из револьвера и захлопывает дверь. Затем в панике чуть не застрелил из винтовки солдата, спускающегося в вагон с крыши. Надо сказать, что поезд двигался из Даурии в сторону России задом. Теперь машинист медленно ведет его к Даурии. На площадке вагона с монголами полковник. Он стреляет из винтовки и убивает стрелочника, вышедшего у станции Даурия. На станции полный переполох, все бросаются на пол. Монголы стреляют. Поезд останавливается, и солдатам поезда удается разъединить поезд. Головная часть идет в сторону».[1010] При подавлении бунта было убито более 200 харчинов, 150 с оружием бежали в Монголию.[1011]

Это произошло менее чем за месяц до возвращения Унгерна из командировки. Возможно, в его присутствии эксцесса не произошло бы. Временное общемонгольское правительство во главе с Нэйсэ-гэгэном и остатки его войск перебазировались в Верхнеудинск. Они тоже были недовольны ведущей ролью бурят.[1012]

30 октября 1919 г. П.П. Левицкий получил чин генерал-майора.[1013] В конце ноября из остатков войск временного общемонгольского правительства был сформирован Особый Урянхайский отряд в составе кавалерийского дивизиона, пулеметного и конно-артиллерийского взводов: 500 человек, 2 орудия и 2 пулемета.[1014] Левицкий был исключен из Азиатской дивизии приказом № 218 от 13 ноября 1919 г. в связи с отбытием к новому месту службы[1015].

29 декабря 1919 г. красные партизаны захватили Новоселенгинск, прервав сообщение Верхнеудинска с Троицкосавском.[1016] Из Верхнеудинска против этих партизан направили два отряда. 31 декабря 1919 г. на с. Тарбагатай вышел панмонгольский отряд в 400 штыков и сотню сабель при 2 пулеметах и 1 орудии, на Новоселенгинск — отряд в 120 штыков 30-го Нерчинского полка.[1017] Второй отряд был разбит партизанами вечером 1 января 1920 г. в с. Янгажинские Ключи. 2 января у д. Кордон на правом берегу Селенги партизаны под командой Д. Лощенкова вступили в бой с панмонголистами.

Последние продвинулись до горы Омулевка, где были остановлены партизанами и ополченцами. Здесь они узнали о разгроме второго отряда и отступили в Верхнеудинск.

В январе 1920 г. панмонгольский отряд в 200 штыков и 600 сабель при 4 орудиях[1018] и нескольких пулеметах под командой Левицкого выступил из Верхнеудинска по Кяхтинскому тракту. Среди белых ходили слухи, что Левицкий должен был идти на Мысовую (сейчас г. Бабушкин)[1019] или на Нийслэл-хурэ.[1020] Более точные данные — в советских источниках: этот отряд шел к Троицкосавску, окруженному красными партизанами.[1021] Возможно, панмонголисты собирались, разбив этих партизан, далее идти на Нийслэл-хурэ. В то же время из кяхтинского Маймачена выступил белый дивизион им. Крымова (350 сабель, 200 штыков, 6 пулеметов).[1022] Он был разбит партизанами 8 января у с. Окино-Ключи.[1023] Белые потеряли 125 человек убитыми, 150 пленными и все вооружение.

Население на пути панмонголистов убегало из деревень или пряталось. 6 января они заняли с. Мухино. От с. Бабкино их отогнали партизаны.[1024] Вскоре к панмонголистам присоединился семеновский отряд Измайлова. После нескольких стычек партизаны отошли к с. Тарбагатай. 9 января панмонголисты заняли с. Вахмистрово, 10-го — Янгажинские Ключи, 11-го имели бой под с. Бабкино, 12-го — под Борисовым.[1025] Тогда же захватили Ганзурино, предварительно обстреляв его из орудия.

Здесь Левицкий узнал, что отступавшие на восток чехи заняли Верхнеудинск и разоружили семеновцев, а отношение японцев к этому неопределенное.[1026] Часть отряда предложила ему подождать здесь дальнейшего развития событий.[1027] Но внутренние монголы[1028] требовали идти в Халху. В ночь на 13 января на Ганзурино напало около 900 красных партизан. На улицах были бои, потери. Наутро партизаны ушли обратно.[1029] Тогда панмонголисты зверски убили нескольких жителей, подожгли село (сгорело 17 домов), и продолжили движение на юг.

На стоянке в Гусиноозерском дацане Левицкий получил подкрепление из колчаковцев: 60 пехотинцев с 9 офицерами.[1030] Выяснилось, что инцидент улажен, чехи вернули оружие семеновцам. Возможно, Левицкий узнал также, что 14 января китайцы разоружили семеновские гарнизоны и заняли Троицкосавск, Кяхту и Усть-Кяхту.[1031] Он приказал вернуться в Верхнеудинск и выслал вперед 69 колчаковцев. Но монголы хотели идти на юг.

Возник конфликт. На льду Гусиного озера монголы, ехавшие впереди, стали понемногу отставать и окружать русских офицеров, двигавшихся в основном в санях, и неспособных защищаться.[1032] По данному сигналу они стали рубить шашками ехавших в санях, а тех, кто бежал, расстреливали. Оставили только нескольких офицеров из батареи.[1033] Н.М. Рябухин вспоминал рассказы о том, что Левицкий был схвачен, подвергнут пыткам, убит, выпотро-

шен и набит соломой.[1034] По другим данным, Левицкий и его ближайшие соратники были заморожены во льду озера.[1035] Всего погибло 128 человек, очень немногие спаслись.[1036] Это произошло 17 января в местности Ашарун Шегуй, не доходя до Загустая.[1037] По Н.Н. Князеву, внутренние монголы мстили за Фушенгу. Согласно анкете Э.-Д. Ринчино, он, будучи вторым советником в «Общемонгольском временном правительстве <...> вел антияпонскую и антибелую работу, добился ликвидации в правительстве сторонников образования Маньчжуго в лице Фушенги и его партии, ликвидации отряда семеновского генерала Левицкого в конце 1919 г. на Гусином оз. и обращения правительства к Тарбагатайскому штабу красных партизан для совместных действий против белых и китайцев, занимавших тогда Троицкосавск».[1038]

Очевидно, в инциденте на Гусином оз. в действительности смешались разные мотивы: месть, желание бороться за освобождение Внутренней Монголии от китайцев (а не «плясать под дудку» бурят), просто желание пограбить...

Далее панмонголисты, бросив автомобиль и две трехдюймовые пушки, из которых вынули замки, вернулись в Гусиноозерский дацан. Там они договорились с партизанами о пропуске и двинулись к границе.[1039] В результате пострадало 74 хозяйства Селенгинского и Оронгойского хошунов (в основном буряты). Проходившие забрали более 34 фунтов золотой и серебряной монеты, сотни лошадей и овец, сотни пудов сена, сотни шуб, сапог, комплектов упряжи, более тысячи овчин, 12 саней, 105 одноколок, 35 самоваров и т.д.[1040]

Остановившись в 40 верстах от Кяхты, руководители панмонголистов вступили в переговоры с китайцами.[1041] Приближался Новый год по лунному календарю (Цаган-Сар). Китайцы в кяхтинском Маймачене не имели достаточно сил для борьбы с панмонголистами. Китайский командующий предложил последним разместиться в фанзах Маймачена.[1042] Около 250 человек (по другим данным, 300) согласились и пришли туда. Тогда для командного состава устроили обед, а для нижних чинов — баню.[1043] Во время пиршества оба помещения окружили китайцы. Все монголы были арестованы. Двенадцать чинов командного состава расстреляли. Перед казнью Нэйсэ-гэгэн и Нэрэмпил-гун держались мужественно и заявили, что борьба с их смертью не кончится.[1044] Китайцы отправили 50 японцев под монгольским конвоем в местность Чуулалт Хятад-хаалг (Китайские ворота Чулалт), а харчинов — в Нийслэл-хурэ, где заставили выполнять общественные работы, вроде благоустройства города и уборки мусора.[1045] Они там и оставались до прихода барона. Очевидно, там были не только харчины, но и другие внутренние монголы.

Другая часть панмонгольского отряда, около 100 харчинов, не поверила китайцам и не пошла в Маймачен.[1046] Перейдя границу юго-восточнее, она задержалась в Халхе для грабежа. В марте 1920 г. сообщалось о нападении шайки харчинов на торговую фирму В. Мордоховича и Д.М. Чупрова в Бревен-хийде.[1047] Шайка из 92 (по другим сведениям — 150) человек ограбила

и сожгла майханы, убила двух русских, неизвестно, сколько китайцев, и далее направилась из Халхи в Хайлар. По другим сведениям, трех русских: Рассохина, Петрова и Лизоту разбойники вздернули на дыбу, жгли каленым железом, сделали калеками на всю жизнь, а в Цэцэнханском аймаке разграбили монгольский монастырь, несколько лавок китайцев и русских.[1048] Местных монголов возмутила неспособность китайских оккупантов справиться с разбойниками.

История временного общемонгольского правительства показывает, что его поддержка извне была недостаточной. Очевидно, главные надежды панмонголисты возлагали на Японию. Японский представитель майор Судзуэ присутствовал на панмонгольском съезде. А когда съезд закончился, к капитану Генерального штаба Куроки была направлена делегация из одного русского и двух бурят с отчетом.[1049] Куроки выразил удовлетворение и обещал сообщить обо всем в Токио. Позже выяснилось, что расчеты на японскую поддержку основывались только на обещаниях Судзуэ, который вскоре был отозван.[1050] Его место занял майор Х. Куросава. Японским военным и гражданским лицам было предписано не вмешиваться в панмонголизм.[1051] Японцы лишь пообещали Нэйсэ-гэгэну оказывать негласную поддержку оружием и деньгами.[1052]

Следовательно, те японские военные, которые на первых порах поддержали панмонголистов, позже не нашли серьезной поддержки в высшем руководстве Японии, где возобладала другая линия. Нет доказательств тому, что панмонгольское движение было инспирировано этой страной, как издавна считают.[1053] Присутствие японца на панмонгольском съезде носило лишь ознакомительный характер. Правда, впоследствии, в 1921 г. в секретном донесении японскому командованию отмечалось, что желательно воспользоваться стремлением Чжан Цзолиня использовать панмонголизм для укрепления его власти.[1054] Хотя военные круги были заинтересованы в смуте в районах соприкосновения с Россией, чтобы оправдать бессрочное сохранение там японских войск, японское правительство официально держалось в стороне от панмонгольского движения.[1055]

Причины краха этого движения были не только в отсутствии иностранной поддержки. Россия и Китай, хотя и были в кризисе, продолжали отстаивать свои интересы в Центральной Азии и препятствовали панмонголизму.[1056] Элиты монгольских народов имели разные цели и не хотели жертвовать ими ради Общемонгольского государства.

Для бурят крах панмонгольского движения имел далеко идущие последствия. После победы советской власти бурятские деятели, духовенство и интеллигенция подверглись массовым репрессиям по обвинению в панмонголизме. Для уничтожения территориальной и экономической основы панмонголизма Бурят-Монгольская АССР в 1937 г. была расчленена на пять

административно-территориальных единиц.[1057] Почти 40% земель, наиболее населенных бурятами, присоединили к Иркутской и Читинской областям.[1058] На части этих земель создали два автономных округа (Агинский и Усть-Ордынский), не имеющих общей границы с Бурятией, а остальные превратили в обычные районы. В 2008 г. Усть-Ордынский округ включили в Иркутскую обл., Агинский — объединили с Читинской. Бурятский народ остался не только разделенным по субъектам РФ, но и к нашему времени стал на исторической территории национальным меньшинством,[1059] постепенно теряющим свой язык и обычаи. Так осуществилась «вековая мечта о раскрепощении» бурятского народа, «долгие века находившегося под ярмом жуткой эксплуатации».[1060]

Последствия же для Монголии наступили гораздо раньше. Коммунисты писали, что Семенов и Унгерн способствовали вступлению милитаристов в Монголию.[1061] В действительности последние готовили аннексию уже давно, а теперь просто нашли предлог. Президентскими декретами от 13 и 24 июня 1919 г. бывший товарищ военного министра Китая генерал Сюй Шучжэн получил назначение комиссаром-умиротворителем и главнокомандующим обороной северо-западной границы. Это назначение стало прямым результатом заключенного в 1918 г. в Японии 30-миллионного займа на формирование так называемой «дивизии национальной обороны».[1062] В район деятельности Сюй Шучжэна включалась и Внешняя Монголия. При его управлении были образованы три департамента: военный, финансов и общих дел. Во главе первого был поставлен полковник Ван, второго — Чжоу, третьим ведал Ван Интай под руководством самого Сюя.[1063]

Комиссару-умиротворителю теперь подчинялся Чэнь И в Нийслэл-хурэ и его помощники в кяхтинском Маймачене, Улясутае и Кобдо.[1064] Сюй Шучжэн предложил начать усиленное освоение природных ресурсов северо-западной границы китайской армией, проложить железную дорогу через Внешнюю Монголию из Калгана в Кяхту, наладить светское образование в Монголии, развивать банковское дело и т.п.[1065] Все эти меры должны были интегрировать Внешнюю Монголию в Китай.

Министр Б. Цэрэндорж повел тайные переговоры с Чэнь И об условиях ликвидации автономии Внешней Монголии, в ходе которых был выработан документ «64 пункта об улучшении будущего положения Монголии».[1066] Предлагалась замена монгольского правительства китайскими наместниками, размещение китайских гарнизонов, сохранение чинов и титулов феодалов, титула Богдо-хана и т.п.

В начале сентября войска Сюя начали пребывать в Нийслэл-хурэ эшелонами по 300–500 человек, с артиллерией, через Гоби[1067]. В сентябре 1919 г. Богдо-гэгэн отправил в Пекин Джалханцза-хутухту с письмом к президенту Китая, безуспешно пытаясь предотвратить оккупацию Монголии. 30 сентября

1919 г. Чэнь И отправил свои «64 пункта» с курьером в Пекин. По сведениям Орлова, к октябрю 1919 г. уже большая часть князей выступала за отмену автономии Монголии.[1068] Наиболее последовательным сторонником независимости оставалось духовенство.

Между тем, в Халху продолжали прибывать китайские войска. К концу октября в Нийслэл-хурэ уже была китайская смешанная бригада войск охраны северо-западной границы численностью свыше 4 тыс. человек. 29 октября 1919 г. в Нийслэл-хурэ прибыл сам Сюй Шучжэн с отрядом и штатом чиновников. Он посетил монгольских министров, передал им подарки, устроил парад своих войск, на котором присутствовали монгольские министры и князья, а затем дал обед и театральное представление.[1069]

Омское правительство выступило против ликвидации автономии Внешней Монголии, указало на незаконность действий Китая, но позитивной реакции не последовало. Более того, Сюй Шучжэн счел документ, выработанный при Чэнь И, слишком либеральным. Взамен он предложил Богдо-гэгэну свой план реформ из восьми пунктов, означавший вхождение Монголии в Китай. Богдо-хан долго отказывался принимать генерала.[1070] Но, когда принял и выслушал его соображения о необходимости отмены автономии, то выразил ему свое изумление. По мнению монарха, истек слишком малый срок, чтобы судить, пригодна ли для страны система, установленная Кяхтинским соглашением. После настояний Сюя, Хутухта согласился выставить столь важный вопрос на обсуждение народа.

План вынесли на обсуждение обеих палат и духовенства.[1071] Среди представителей разных аймаков возникли разногласия, ламы и местные чиновники были против упразднения автономии. Тогда Сюй Шучжэн с помощью своих солдат заставил монгольское руководство подписать просьбу — «Коллективную петицию правительства, князей и лам Внешней Монголии».

В петиции говорилось, что маньчжурская династия допускала злоупотребления в Монголии, чем воспользовались иностранцы (русские), «подстрекавшие» монголов к независимости, по соглашениям сюзеренные права Китая стали чисто номинальными, а теперь Россия утратила возможность сохранять соглашения; кроме того, буряты, решив создать Общемонгольское государство, создали угрозу Внешней Монголии, а белогвардейцы насильственно завладели Урянхаем.[1072] В связи с этой опасностью монгольское правительство созывало князей и лам, которые якобы все выразили желание отменить автономию и вернуться к старым законоположениям маньчжурской династии. Отмечалось также затруднительное финансовое положение и отсутствие благодетельных результатов от автономного строя для страны; объявлялось об отказе от Кяхтинского соглашения.[1073]

Петицию отправили Богдо-хану для приложения печати, но он отказался это сделать.[1074] 17 ноября 1919 г. петицию передали Сюй Шучжэну, а 22 нояб-

ря доставили в Пекин. Здесь его встречали как национального героя.[1075] Один из членов партии Аньфу даже предложил воздвигнуть ему памятник. Уже 22 ноября 1919 г. была издана «Великая декларация президента Китая», которой удовлетворялась «просьба» монголов. Сразу последовали декреты президента Китая об аннулировании Кяхтинского соглашения и предшествовавших ему русско-китайских нот об автономии Монголии, а также поручение Сюй Шучжэну ввести временный порядок управления Внешней Монголией.[1076]

В конце декабря 1919 г. Сюй вернулся в Нийслэл-хурэ. Но его успехи еще отмечали в Китае. Декретом президента 1 января и следующий день были объявлены праздничными, все правительственные учреждения в Пекине и провинциях были закрыты.

Иностранная оккупация сразу вызвала сопротивление монгольских патриотов. Богдо-гэгэн выступал за восстановление автономии. Например, газета «Нийслэл хурээний сонин бичиг» (№ 101, 1919 г.) опубликовала статью, направленную на единение монголов, защиту религии и восстановление утерянной власти.[1077]

В конце 1919 г. в Нийслэл-хурэ возникли два подпольных кружка против китайского господства.[1078] В ноябре 1919 г. эти кружки объединились и стали вести пропаганду среди народа.[1079] В них входили представители разных сословий. Кружки действовали с одобрения Богдо-гэгэна, не планировали революцию и были далеки от коммунистических идей. В числе руководителей были Д. Сухэ-батор и Х. Чойбалсан. Они традиционно ориентировались на Россию. Были там и люди, надеявшиеся на помощь Японии и США. Среди них важное место занимали Лувсанцэвэн-тайджи и Баяр-гун.[1080] Баяр-гун вначале был инструктором солдат Сухэ-батора.[1081] В 1920 г. его даже включили в список будущего народного правительства, предложенный коминтерновцем Ц.-И. Гочитским. Лувсанцэвэн и Баяр числились под псевдонимами Дэрликов и Сергей Баяртуев.[1082] Члены кружка установили связь с монгольскими князьями, боровшимися против китайцев — с Хатан-батором Максаржавом и др. Позже Лувсанцэвэн и Баяр встали на сторону белых.

Неверно, что монгольские революционеры собирались бороться с носителями феодально-теократического строя[1083] или стремились к демократии.[1084] В действительности они вначале стремились просто к независимости страны и справедливости. По наблюдениям В.И. Юдина, даже в конце 1920 г. МНП «была еще очень малочисленна, сильно нуждалась в поднятии идеологического уровня своих членов и в подготовке марксистско-ленинских кадров».[1085] До победы монгольской революции Сухэ-батора за рубежом часто называли националистом. По отзывам и красных, и белых, это был отважный воин, борец за независимость Монголии. Патриотом был и Чойбалсан. Лишь после обработки большевиками они стали красными и демократами.

Впоследствии Чойбалсан стал руководителем Монгольской народной республики (МНР), членом ВКП(б),[1086] уничтожавшим религию и аристократию по желанию И.В. Сталина; в разговорах с бывшими однополчанами он любил вспоминать бои против унгерновцев.

А пока в Нийслэл-хурэ Ф.А. Парняков, В.Н. Чайванов, С.И. Попов и другие демократы создали Ургинское общество потребителей как легальную «крышу» для подпольной работы. С ними сотрудничали работавшие в Нийслэл-хурэ кооператоры из Забайкалья, придерживавшиеся демократических взглядов. В ноябре 1919 г. на квартире Попова состоялось конспиративное собрание в составе В.М. Чайванова, М.Д. Крутикова, Ф.А. Парнякова, П.И. Бызова, И.А. Сороковикова. Они решили создать подпольный ревком, который должен был бороться с белыми, истреблять «белых палачей», возобновить деятельность профсоюза рабочих и служащих, с его помощью добиться переизбрания общественной думы и управы с тем, чтобы захватить власть в русской колонии.[1087] Председателем ревкома выбрали Попова, секретарем — Чайванова. Ревком стал тайно помогать красным партизанам в Забайкалье оружием, людьми, теплой одеждой и т.д.[1088] Профсоюз под председательством Попова потребовал новых выборов. Консул назначил их. В их подготовке красным помогли их соратники, возвращавшиеся из Китая: Н.Г. Буртман, А.А. Мюллер и др. Они остановились у управляющего отделением калганской заготконторы Шейнемана.

С большевиками в России члены монгольских кружков впервые попытались установить связь в феврале 1920 г., но безуспешно. Дальше Троицкосавска им проехать не удалось.[1089] В апреле того же года большевик И.А. Сороковиков съездил в Иркутск, доложил о положении дел в Нийслэл-хурэ, и получил инструкции о налаживании контактов с членами кружков.[1090] Сибирское областное бюро РКП(б) и Дальневосточный секретариат Коминтерна стали первыми советскими структурами, через которые большевистская идеология стала внедряться в монгольские кружки.[1091] Сороковиков установил с ними связь через Кучеренко и Гембаржевского. Красные подпольщики — М.И. Кучеренко, Я.В. Гембаржевский, И.С. Маслаков, В.Я. Кондаков, С.Б. Цыбыктаров, И.Я. Сороковиков и др. — занимались пропагандой среди монголов. Их беседы оказали большое влияние на Сухэ-батора, Чойбалсана и др.[1092]

1 марта 1920 г. на первом заседании новой общественной думы в российской колонии Нийслэл-хурэ фракция рабочих и служащих предложила не признавать власть консульства, так как оно «не выражает мнения большинства русских граждан в Урге, открыто проявляет сочувствие и поддержку белым офицерам».[1093] Гласные от буржуазии не согласились и ушли из думы, за ними — и беспартийный. Взамен демократы ввели кандидатов из своего списка. Дума стала полностью демократической. Председателем думы стал Шей-

неман, управы — Чайванов, секретарем — Гембаржевский. Орган самоуправления российской колонии — городскую управу — теперь составляли В.Н. Чайванов, М.И. Кучеренко, Я.В. Гембаржевский, А. Балыков, С.И. Попов, П.И. Агафонов, И.С. Маслаков и Ф.А. Парняков.

«Управа немедленно организовала свою крепкую милицию и путем внезапных ночных милицейских налетов стала разоружать, арестовывать и высылать из Урги в распоряжение Троицкосавского ревкома наиболее злостных белогвардейцев».[1094] Чтобы избежать террора, белые стали пробираться в Маньчжурию поодиночке. Но «очень немногим удавалось попасть туда: партизаны Смолина ловили их и беспощадно истребляли».[1095] Велась и агентурная работа. Например, Гембаржевский получил из Кяхты телеграмму от агента красных Анчугова, что в Ургу выехал белогвардеец Соломаха, причастный к расстрелу в Троицкосавске пленных красных (подробнее см. ниже). На заседании революционеров решили уничтожить Соломаху. Он был схвачен и расстрелян по приезде в Нийслэл-хурэ.

Итак, все самоуправление российской колонии в Нийслэл-хурэ взяли демократы разных толков, преимущественно большевики. В марте 1920 г. власть в Троицкосавске взяли советы. Из Нийслэл-хурэ им послали приветственное письмо, в котором доложили о своих делах:[1096] установлении контроля над консульством, создании милиции, заботе о поддержке школ, установлении хороших отношений с китайскими оккупантами, предложении белым офицерам немедленно сдать оружие и казенное имущество. С их подачи Я.Д. Янсон[1097] приказал взять для нужд управы девять пудов серебра, принадлежавшего Русскому географическому обществу и хранившегося в консульстве. В Нийслэл-хурэ пошли собрания в пользу признания советской власти, доверия к думе и управе. После организации ДВР весной 1920 г. красные подняли ее флаги над управой. В мае 1920 г. в Нийслэл-хурэ направилась группа эмиссаров Дальневосточного секретариата Коминтерна во главе с С.С. Борисовым.[1098]

С.С. Борисов (МТМ).

25 июня 1920 г. на совместном заседании революционные кружки Сухэ-батора и Чойбалсана объединились в МНП. Через три дня из Нийслэл-хурэ в РСФСР выехали их делегаты: С. Данзан, Д. Догсом, Д. Лосол, Д. Бодо, Д. Чагдаржав,

Д. Сухэ-батор (четвертый справа) и Н.А. Каландарашвили (третий слева) (получено от Л.А. Юзефовича).

Х. Чойбалсан и Д. Сухэ-батор. При них было послание монгольских лам и князей к уполномоченному российского правительства, заверенное печатью Богдо-гэгэна.[1099] Этому письму придавалось особое значение[1100]. В преамбуле излагалась история автономии Монголии, ее оккупации китайцами, описание притеснений с их стороны в отношении Богдо-гэгэна. Заканчивалось оно заявлением о желании монголов «образовать самостоятельное небольшое государство, возвести Богдо Джебцзундамба-хутухту хагана в цари, вручив ему управление верой и государством» и просьбой «непременно оказать помощь и защиту».[1101] На переговорах красные монголы ссылались на волю Богдо-гэгэна.[1102] Делегаты от имени Народной партии просили восстановить автономию Монголии и провозгласить Богдо-гэгэна ограниченным монархом.[1103]

В ДВР делегаты обсуждали вопросы строительства партии, направленной на борьбу с империализмом, феодалами и теократией.[1104] В августе 1920 г. делегаты прибыли в Иркутск, оттуда часть из них направилась в Москву через Омск. Данзан, Лосол и Чагдаржав направились в Москву через Иркутск.

Но Лосол дорогой заболел и вернулся. Данзан и Чагдаржав встретились в Москве с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным, наркомом обороны С.С. Каменевым, рядом деятелей Коминтерна. Встречи с В.И. Лениным, о которой часто пишут, не было. По-видимому, это придумал И.А. Сороковиков в своих воспоминаниях 1957 г.[1105] В действительности такая встреча была у второй монгольской делегации в 1921 г.

Надеждам монголов на помощь не суждено было сбыться. Большевики не поддержали правительство Монголии. На официальное письмо они ответили отказом: «Российское рабоче-крестьянское правительство, действительно, ставит своей задачей помощь и содействие угнетенным и потерявшим свою свободу народам различных стран мира <...> помогает советом и действиями лишь народным массам, всем трудящимся, а не тем элементам, которые запятнали и пятнают себя предательством и продажей свободы народа и государства во имя групповых и личных интересов и прав своих и поэтому недостойны никакого доверия своих и чужих <...> считает, что дело освобождения Внешней Монголии есть дело ее народных масс <...> считает, что отделение Внешней Монголии в самостоятельное государство поведет к нарушению мира и доброго согласия между народами китайским и монгольским и повредит делу освобождения обоих народов».[1106]

Такая мотивировка — вне рамок международного права. Отказ был обусловлен поддержкой обезличенных «народных масс», а в действительности — революционной группировки, которую большевики толкали на свержение законного правительства другой страны. Огульные обвинения в предательстве были необоснованны, а рассуждения о «деле освобождения обоих народов» противоречили работе В.И. Ленина «О праве наций на самоопределение», опубликованной еще в 1914 г.

Большевики надеялись через Монголию экспортировать социализм в Китай. Монгольские революционеры в то время не воспринимались в революционной России вне контекста агентурной работы Коминтерна по подготовке революции в Китае.[1107] Они, в свою очередь, надеялись использовать советскую помощь для изгнания китайцев.

Следует отметить, что Богдо-гэгэн послал просьбу о помощи не только в РСФСР, но также в Японию и США.[1108] Сайд Цэцэн-ван Гурсоронзон-Гомбосурэн отправил бумагу с просьбой о помощи, заверенную печатью Богдо-гэгэна, японцам и белым через Рагча-гуна.[1109] Но ответов не было получено.

Из Москвы монгольские делегаты направились на родину. В Омске их застало известие о вторжении войск Унгерна в Монголию.[1110] 18 ноября 1920 г. они выехали из Иркутска в Троицкосавск, где занялись организационной и пропагандистской работой: распространяли среди монголов листовки, воззвания и газету «Монголын унэн» («Монгольская правда»), печатавшиеся в Иркутске.[1111]

В то же самое время не прекращалась деятельность большевиков в Нийслэл-хурэ. В августе 1920 г. через столицу проезжала в Китай миссия ДВР во главе с И.Л. Юриным (Дзевалтовским). Чайванов рассказал членам миссии о состоянии дел. Юрин стал созывать митинги и выступать на них.[1112] Были созданы комитеты, пошли дискуссии, в которых Юрин принял активное участие. Собрание российской колонии приняло его предложение о неподчинении старому консульству. В ответ Орлов призвал не подчиняться правительству ДВР, а регистрироваться у него. К Орлову пришло 70 человек. Однако распропагандированные рабочие занялись саботажем, снимали детали машин, чтобы препятствовать печатанию консульских воззваний.[1113]

Юрин выдал Чайванову мандат, по которому тот назначался генеральным консулом ДВР в Монголии.[1114] Членам миссии надо было продолжать путь в Китай, но многие вопросы еще не были решены. Первый секретарь миссии Громов остался в Нийслэл-хурэ.[1115] Теперь Попов, Шейнеман и Парняков создали Информбюро, которое стало выполнять секретные задания, служило передаточным пунктом между РСФСР и Китаем, с помощью бывшего переводчика консульства В.Я. Кондакова снабжало красных из Сибири паспортами для выезда в Китай. Секретные же задания в основном сводились к разведке внутренних дел Монголии и белых, информировании сибирской ЧК о контрреволюционерах. Информбюро занялось также работой в монгольских кружках. О ходе этой работы Сороковиков регулярно докладывал в Иркутск по телеграфу.[1116]

Красные начали борьбу за умы молодежи. Из Тяньцзина прибыли пять евреев-студентов, они пришли в российскую ургинскую школу, прочитали лекцию и предложили сделать организацию, «какие теперь в России».[1117] Создали устав, комитет учеников, редакционный коллектив, и уехали в Россию.

Между тем китайцы осваивали Внешнюю Монголию. В крупных городах были поставлены китайские гарнизоны, по всей Халхе разосланы китайские чиновники. Были введены дополнительные налоги на русских, обращение российских денег в Монголии было запрещено.[1118] Китайцы выколачивали из населения не только уже аннулированные старые долги, но и фантастические проценты, набежавшие за годы автономии. Население обязали снабжать оккупационные войска продовольствием, скотом и т.д. В Монголии их называли гаминами.[1119]

В Монголии установилось всевластие «Маленького Сюя». Чэнь И был отозван в Пекин и назначен цзянцзюнем (князем 2-го класса) с эпитетом «Юйвэй».[1120] Отозван он был как недостаточно энергичный сановник.

2 января 1920 г. Сюй Шучжэн организовал унизительную церемонию, заставив Богдо-хана и монгольских сановников трижды поклониться портрету своего брата — президента Сюй Шичана. На следующий день все мон-

гольские министерства были опечатаны, отряды разоружены.[1121] Богдо-гэгэн был лишен титула «хан Внешней Монголии», вместо которого китайцы присвоили ему титул «покровитель добра».[1122] При принятии Сюем дел министерства финансов ему были переданы наличными 5 лан серебра и 90 тыс. руб. русскими кредитными билетами.[1123] Выяснилось, что задолженность монгольского правительства на момент его ликвидации составляла: бывшему Дайцинскому банку — 300 тыс. лан серебра, Китайскому банку — 54 тыс. долл., Русскому банку — 3 млн. 800 тыс. руб. Это при общей сумме годового дохода 700–900 тыс. лан.

Президентским декретом от 14 января 1920 г. Сюй Шучжэн был назначен главным директором планируемой Калган — Кяхтинской железной дороги. Он разработал штатное расписание работ по ее созданию. Предполагалось, что будет взят заем в Японии — это связывали с принадлежностью Сюй Шучжэна к японофильской партии Аньфу.[1124] Поэтому же оккупацию Внешней Монголии войсками Сюя связывают с планом по совместному нападению на советскую Россию Японии и аньфуистского правительства Китая.[1125] Изыскивая средства на оплату китайских солдат, Сюй добился открытия Пограничного банка.

Тогда же — в январе 1920 г. — было упразднено особое положение Хулунбуира (Барги). Это стало прямым следствием упразднения автономии Внешней Монголии, сделано опять же по «ходатайству» самого Хулунбуира и теми же методами. Президентским декретом от 28 января 1920 г. было признано необходимым немедленно удовлетворить это «ходатайство».[1126] В том же месяце президентским указом комиссаром по обороне Хулунбуира был назначен генерал Чжан Куйу.[1127]

Вдоль северной границы Монголии действовали красные партизаны, власть белых в Забайкалье шаталась. Ургинский казачий отряд вместе с дивизионом им. генерала Крымова, японским отрядом и конвойной командой в это время находились в Троицкосавске.[1128] Опасаясь захвата города красными, белые решили перебить пленных, содержавшихся в Красных казармах на окраине города. Расстрелы происходили там и раньше, но в январе 1920 г. началось массовое убийство.[1129] Председателем военного суда был сотник Соломаха. Полковник А.Д. Хитрово, бывший царский пограничный комиссар в Кяхте, возмутился и попросил китайский гарнизон кяхтинского Маймачена временно занять Троицкосавск. Китайцы вошли в город, убийства прекратились. По данным красных, за полтора года семеновцами в Красных казармах было убито до 1644 человек.

В 1921 г. Хитрово был расстрелян по приказу Унгерна. Очевидно, роковую роль сыграли нелюбовь старого полковника к семеновцам и ввод в Россию гаминов. Кроме того, семеновцы обвиняли его в том, что он был став-

ленником Керенского в комиссары, а также в шпионаже в пользу Германии в Первую мировую войну.[1130]

18 февраля 1920 г. красные без боя заняли Троицкосавск, а китайцы ушли за границу.[1131] Затем 20 февраля китайцы вновь вошли в город, на следующий день заняли государственные учреждения, 22 февраля ввели дополнительные войска. 4 марта красные партизаны опять заняли Троицкосавск.[1132] После взятия красными партизанами ст. Кударинской семеновцы бежали в Монголию, причем уже там у них был отбит обоз; партизаны начали переговоры с китайцами о разоружении и выдаче семеновцев.[1133]

Дипломатические представители белых в Китае и Монголии пытались препятствовать незаконным действиям Китая. Но признание их самих Китаем близилось к концу. Еще 24 ноября 1919 г. Кудашев направил протест в МИД Китая, но он был отклонен под тем предлогом, что автономия отменена по просьбе самих монголов.[1134] Переговоры Кудашева с английским и французским посланниками в Пекине, и затем С.Д. Сазонова (представлявшего правительства А.И. Деникина и А.В. Колчака) с представителями США, Англии и Франции на Парижской мирной конференции были безрезультатными.

Кроме того, после заключения Версальского мирного договора 1919 г., в среде китайского руководства одержало верх мнение в пользу вступления в переговоры с РСФСР (по примеру Англии) для отмены старых российско-китайских договоров.[1135] Китайское правительство ознакомилось с нотой помощника комиссара по иностранным делам Л.М. Карахана с изложением основных положений советской политики в российско-китайских делах, следствием чего и стали упомянутые выше президентские декреты от 22 ноября 1919 г. и 28 января 1920 г., отменявшие старые договоры с Российской империей.

Союзники оставили без последствий протесты Кудашева. Поэтому китайское правительство стало еще больше прислушиваться к посланцам Москвы и советникам, сочувствовавшим сближению с ней: французу Паду, американцу Фергюсону, англичанину Л. Симпсону, известному на Дальнем Востоке под псевдонимом П. Вил.[1136] Эти люди выступали в китайской печати за прямые переговоры с Москвой. В результате управляющий МИД Китая дал понять Кудашеву, что их отношения носят скорее неофициальный характер. Юрин, прибывший из ДВР, начал переговоры о «возобновлении отношений», прежде всего, торговых.[1137]

Миссия Кудашева стала сворачивать свою деятельность. 23 сентября 1920 г. был опубликован декрет президента Китая о прекращении признания российского посланника в Пекине князя Н.А. Кудашева и подведомственных ему консулов в качестве официальных российских представителей в Китае.[1138]

1 января 1921 г. российская миссия в Пекине во главе с Кудашевым была закрыта.[1139] В это время в Сибири уже была советская власть, а Унгерн воевал в Монголии. Так окончилась в Китае миссия дипломата, назначенного туда Высочайшим приказом еще 9 марта 1916 г. и в труднейших условиях пытавшегося сохранить преемственность внешней политики России на Дальнем Востоке.

Вернемся в Монголию. В конце января 1920 г. Сюй Шучжэн уехал из Нийслэл-хурэ и оставил своим заместителем бывшего помощника резидента в кяхтинском Маймачене Ли Юаня, за которым, однако, наблюдал полковник Ван.[1140] Ли Юань не мог взять на себя ответственность, и все крупные дела откладывал до возвращения Сюя.

14 февраля 1920 г. Сюй Шучжэн приехал в Пекин и представил президенту Китая доклад о проделанной работе.[1141] В Нийслэл-хурэ остались китайские командиры, но их власть над солдатами слабела. Содержать 12-тысячное войско в малонаселенной и бедной стране было трудно. Кроме того, китайское командование задерживало жалованье солдатам на месяцы. Среди солдат ургинского и маймаченского гарнизонов отмечались попытки восстаний, которые гасили благодаря займу из Японии.[1142]

Китайские власти и солдаты искали разные способы наживы, основываясь, главным образом, на доносах.[1143] Как отмечал Д.П. Першин, местные китайские купцы объясняли причину мародерства и насилия пословицей, что «хорошего человека в солдаты не берут, берут худого». Стремление китайцев быстро извлекать доходы легло тяжким бременем на монгольское население. По наблюдениям П.К. Козлова, «Плуты-китайцы бесконечно жадны на ценности и столь же жестоки при расправе с врагом. По наблюдениям моего учителя [Н.М. Пржевальского] и моим личным, китайцы очень скверные люди, в особенности они гадки, когда чувствуют свое превосходство в грубой силе».[1144] По наблюдениям Козлова, это относится к простонародью, тогда как образованный класс куда выше и лучше.

Сюй Шучжэн получил от своего правительства концессию на разработку горных богатств Внешней Монголии на 30 лет.[1145] В мае 1920 г. он вновь прибыл в Нийслэл-хурэ и приступил к составлению постоянного положения об управлении страной и плана разработки ее природных богатств. Для этого он собрал князей. Но собрание не одобрило его планы. Генерал назначил второе собрание. Князья не приехали, и Сюй вскоре вновь уехал в Пекин. Дисциплина в оккупационных войсках продолжала падать — особенно с лета 1920 г., в связи с изменением политической ситуации в Китае.

В июне 1920 г. произошел конфликт между аньхойской (генералы Дуань Цижуй и Сюй Шучжэн) и чжилийской (генералы Цао Кунь и У Пэйфу) группировками бэйянских милитаристов. Поначалу борьба была скрытной,

Чжан Цзолинь выступил посредником.[1146] Но Сюй не хотел делиться властью. Чжан покинул Пекин. Действия чжилийских, фэнтянских и чахарских войск привели к поражению Сюй Шучжэна.[1147] В результате 4 июля 1920 г. он был уволен с должности комиссара-умиротворителя северо-западной границы и вызван в Пекин с назначением цзянцзюнем (2-го класса) с эпитетом Юаньвэй.[1148] Должность главнокомандующего обороной северо-западной границы была упразднена, а воинские части переданы в ведение военного министерства.[1149]

В Нийслэл-хурэ прибыл новый начальник китайского гарнизона — генерал Го Сунлин, выпускник Пекинского военного училища. По описанию очевидца, это был человек приземистый и толстый, со злыми глазами, грубым и отечным лицом, бескультурный.[1150] По воспоминаниям М.И. Казанина, задержавшегося в Нийслэл-хурэ в составе миссии ДВР в Китай в августе 1920 г., на банкете генералу прислуживали смазливые юноши 15–18 лет — говорили, что это был его гарем. Д.П. Першин отмечал его глупость, невежество и манеры хунхуза.[1151] Позже, будучи побежден Унгерном, этот генерал вернулся в Китай.

Дальнейшая судьба Го Сунлина такова.[1152] Выбравшись из Монголии, он поступил на службу к Чжан Цзолиню, где выслужился и в 1924–1925 гг. получил командование над одной из фэнтянских армий. В Фэнтяни он пользовался большим авторитетом у студентов как преподаватель военной стратегии. Там же он подружился с сыном Чжан Цзолиня — Чжан Сюэляном, причем иногда замещал его как командующего бригадой. Го Сунлин просил сделать его губернатором провинции Жэхэ, главнокомандующим по борьбе с бандитами в нескольких других провинциях. Чжан Цзолинь обещал сделать его губернатором провинции Цзянсу, но не выполнил обещания под давлением старых генералов. В ноябре 1925 г., когда в Северо-Западном Китае набрал силу генерал-христианин Фэн Юйсян, Го Сунлин, сделавшись крайним революционером, изменил Чжан Цзолиню со всей своей армией, казнил некоторых генералов, оставшихся верными последнему, и произвел полный переворот почти во всей фэнтянской армии. Он потребовал от Чжан Цзолиня отказаться от власти в пользу сына и повел наступление на Мукден с целью устроить революцию и занять место Чжана. Китайцы говорили, что японцы, подписав особенно выгодный договор с Чжан Цзолинем, переодели необходимое число своих солдат в китайскую форму и в течение часа разбили войска Го Сунлина, его самого захватили в плен и расстреляли. После этого Чжан Сюэлян собственноручно отрубил ему голову и преподнес отцу. Мятеж был связан с тем, что китайских генералов подкупили коммунисты, желавшие уничтожения Чжан Цзолиня и служивших ему белых.[1153] В мятежных войсках было не менее 600 военных инструкторов, агитаторов и т.п., направленных из Сибири.

После отъезда Сюй Шучжэна власть в Монголии перешла к правителю его канцелярии Ван Интаю. Но, поскольку тот был слишком близок к Сюю и был штатским, военные власти собрались и избрали правителем бригадного генерала Чу Лицзяна.[1154] Тот заявил, что он человек военный и в гражданских делах ничего не понимает. Гражданской частью стал ведать Ван Интай.

М.И. Казанин вспоминал, как в Нийслэл-хурэ он встречался с «человеком, действовавшим как гражданский губернатор», по имени Ван Интай. Это был тот самый экс-начальник канцелярии Сюй Шучжэна.[1155] Ван сообщил гостю, что, не имея реальной власти, почти все время проводит в своей комнате, переводя на китайский язык «Фауста» И.В. Гете, а раньше, когда был студентом в Германии, перевел и опубликовал книгу А. Бебеля «Женщина и социализм».

Ван Интай скоро уехал. Слухи о сложившейся ситуации дошли до Пекина. 15 августа временно исполняющим обязанности комиссара-умиротворителя был назначен Чэнь И. В тот же день был издан декрет, предписывавший китайским чиновникам в Монголии воздерживаться от злоупотреблений, подавления религии и т.д. Однако за реальную власть в Нийслэл-хурэ соперничали между собой генералы Чу Лицзян и Го Сунлин. Они плохо контролировали разлагающиеся китайские войска, но не желали делиться властью с Чэнь И. Поэтому последний так и не смог воплотить в жизнь свой план «мягкой» оккупации.

Монгольские ламы и феодалы пытались наладить в Пекине связи с английскими, японскими и американскими представителями в надежде получить помощь.[1156] Однако посланные возвращались ни с чем. 20 июля 1920 г. в Нийслэл-хурэ у Шанцзотбы прошло тайное собрание, где решили воспользоваться ослаблением аньфуистов и пекинского правительства для восстановления монгольской государственности. Решили агитировать среди китайских солдат и купцов, запасать оружие, привлечь к движению Тогтохо-гуна, Баяр-тайджи, Найдан-гуна, Джамца, Хатан-батора Максаржава, Манлай-батора Дамдинсурэна, гуна Гомбо-Идшина, которые тайно собирали оружие и людей. Часть из них состояла в тайном революционном кружке в Нийслэл-хурэ.

После окончательного поражения партии Аньфу, 28 июля 1920 г. президентским декретом было упразднено управление северо-западных войск, на военное министерство была возложена обязанность как можно быстрее собрать эти войска и расформировать их.[1157] 29 июля 1920 г. президент Китая опубликовал список руководителей аньфуистов, лишаемых орденов и других знаков отличия, подлежащих аресту и суду. Был в нем и Сюй Шучжэн. Анонимный русский житель Нийслэл-хурэ так резюмировал его деятельность в Монголии: «Едва ли найдется в Монголии хоть один человек — монгол, ки-

таец или русский, который был бы доволен порядками, заведенными в этой самостоятельной до 1 января стране недоброй памяти генералом Сюй Шучжэном (Маленьким Сюем), портрет которого, как и других видных аньфуистов, красуется теперь на всех перекрестках Пекина, как преступника, разыскиваемого правосудием».[1158]

Сюй Шучжэн с частью своих соратников заблаговременно скрылся в дипломатическом квартале, а девять человек — в японской миссии.[1159] Президентским декретом от 3 августа 1920 г. партия Аньфу была признана «органом смуты», приказано закрыть все ее отделения. 20 августа 1920 г. президентским декретом предписывалось прекратить дальнейшие преследования аньфуистов. Объясняя происшедшее и стремясь сохранить свою власть, 4 сентября 1920 г. президент Китая в декрете перечислил собственные недостатки и признал себя одного виновным за последнюю гражданскую смуту. 15 сентября 1920 г. был издан президентский декрет, по которому всем учреждениям предписывалось придерживаться в отношении Внешней Монголии «особо примирительной политики», отказаться от злоупотреблений и т.п. Одновременно на должность комиссара-устроителя северо-западной границы был назначен Чэнь И, уволенный с этого поста из-за происков Сюй Шучжэна. 31 октября 1920 г. вышел президентский декрет, по которому все князья Внешней Монголии были повышены на одну степень. Проект строительства железной дороги Калган — Кяхта был прекращен.

Сюй Шучжэн впоследствии бежал на юг Китая с помощью японцев. Он участвовал в гражданских войнах 1922 (на стороне Гоминьдана) и 1924 гг. Перед этим он успел написать книгу, в которой предложил схему того, как сделать правительство.[1160] Узнав про приказ о своем аресте, он покинул Китай. 29 декабря 1925 г. Сюй Шучжэн был убит генералом Фэн Юйсяном.

Итак, пекинские власти признали опрометчивыми грубые меры в отношении Внешней Монголии и стали действовать аккуратнее. Но было уже поздно.

Унгерну, как монархисту, не могло нравиться упразднение монархии республиканцами. Вряд ли Кудашев знал о том, что у барона есть собственный панмонгольский план, более обширный, чем у Семенова (по крайней мере, в архиве Пекинской миссии в АВПРИ и других архивах никаких указаний на это нет). Если бы знал, протестовал бы еще больше... Но для Унгерна это не имело значения. Пересекая монгольскую границу со своим войском, он не интересовался дипломатической стороной дела. Теперь китайским оккупантам оставалось вспомнить собственные слова: «...соблюдение договоров обязательно в мирное время, в смутное же можно и ограничить объем их действия».[1161]

***

Панмонгольское движение, вызванное стремлением монгольских народов к реинтеграции и освобождению от китайского господства, а также просчетами русской администрации в бурятских делах, не имело достаточной опоры ни внутри, ни за границей. Само движение раздирали противоречия на этнической основе. Против временного общемонгольского правительства выступили и большевики, и колчаковцы, и страны Запада. Раздражение российской миссии в Пекине и омского правительства вызывали и поддержка панмонгольского движения Семеновым, и деятельность Унгерна в Маньчжурии и Китае, хотя барон лично не участвовал в этом движении. Семенов внушил лидерам панмонголистов надежду на внешнюю поддержку, но главные надежды, по-видимому, возлагались на Японию. Однако эта поддержка была явно недостаточной. Нет доказательств тому, что панмонгольское движение было инспирировано Японией, хотя часть японских военных и пыталась его использовать. Панмонгольское движение имело далеко идущие последствия для монгольских народов. Наряду с нарушениями русско-монгольской границы отрядами белых и красных, оно было использовано как предлог для отмены автономии Монголии и Барги китайскими республиканцами. Власть последних оказалась опаснее для монгольских народов, чем власть маньчжурской династии.

Истинными же причинами оккупации Монголии Китаем была слабость России вследствие революций, Первой мировой и гражданской войн, а также декларация большевиков об отказе от «неравноправных» договоров, «навязанных» царским правительством империи Цин и Китайской республике.

ГЛАВА 6

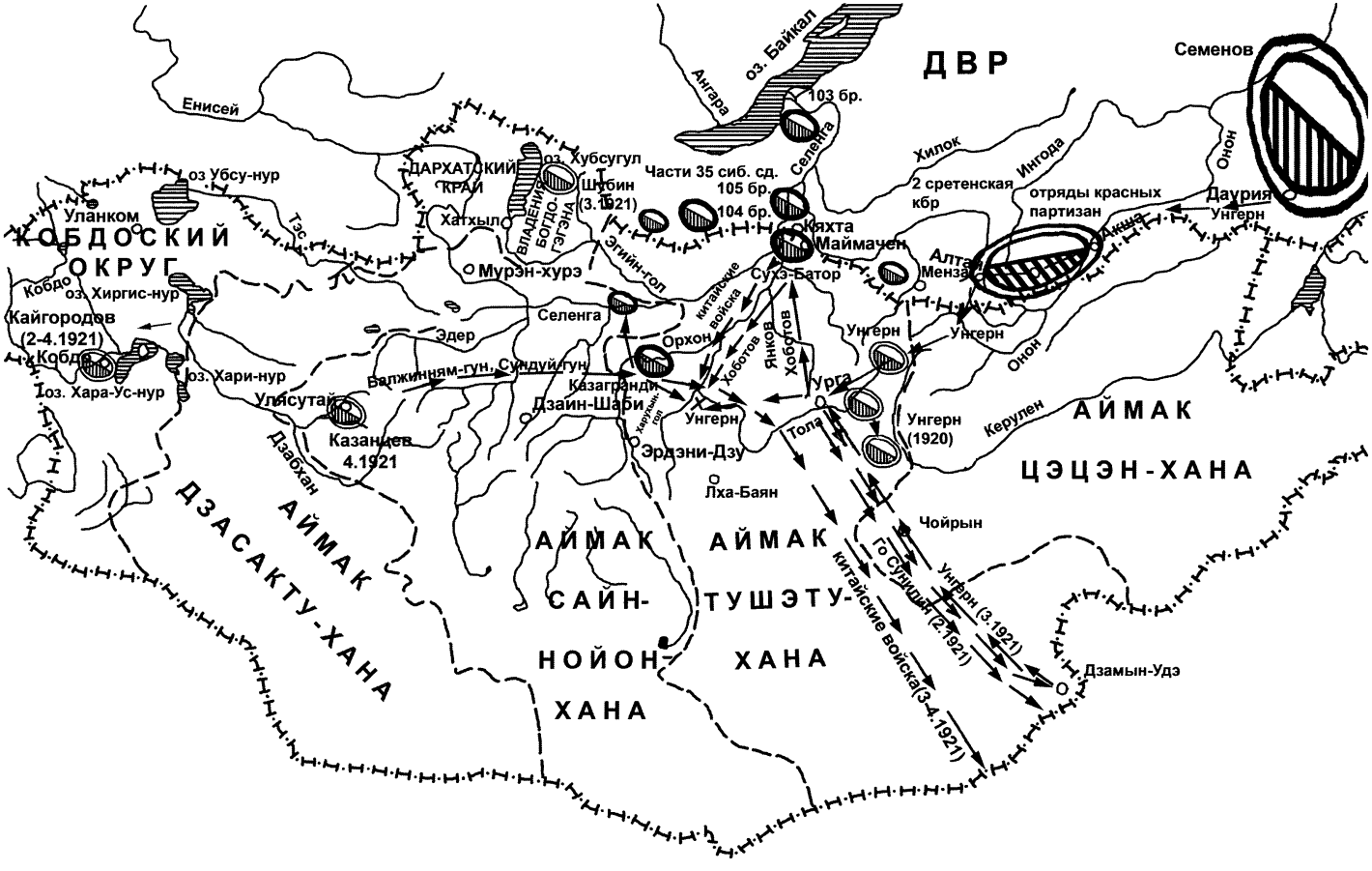
Освобождение Внешней Монголии

27 сентября 1920 г. на монгольской территории у какого-то монастыря, южнее русского п. Ашингинского на дороге Кыра — Букукун — Менза, появилась разведка Унгерна (из отряда Галданова). Разведка передала дзангину (старшине) предписание не препятствовать продвижению белых по монгольской территории.[1162]

Вступление Азиатской дивизии в Монголию по мемуарам М.Г. Торновского реконструируется так. 30 сентября дивизия выступила из Алтана на запад, затем повернула на юг по р. Букукун, или Бухэн-гол («Булуктун, Булуктуй»), и 1 октября у п. Усть-Букукун перешла границу Монголии. Далее дивизия направилась на юго-запад почти вдоль границы по широкой долине до р. Балдж-гол («Балджи»), затем двинулась на юг: вверх по долинам рек Барун-Хувьтайн-гол и Ар-Хонхор до перевала Ханхарын-даба («Хонкорский даван»), далее на юг по урочищу Увэр-Хонхор до р. Онон. Затем дивизия пошла вверх по долине Онона на северо-запад, затем широкой долиной на запад до южных отрогов хр. Хэнтэй, отсюда на северо-запад в сторону р. Керулен горной дорогой вверх по р. Барх-гол, в истоках которой перешла горы Джинстийн-улс («перевал Барха-даван»). Затем унгерновцы спустились по р. Тэнун-гол в верховья Керулена, перешли его и 13 октября встали лагерем у его правого притока — р. Тэрэлджийн-гол («Торэлдж»). По-видимому, именно там прапорщик Эпов заранее заготовил сено (см. главу 4).

Выход Унгерна к Керулену, который впадает в оз. Далай-нор во Внутренней Монголии, породил слухи, будто его войско пошло на это озеро или вообще пропало.[1163]

«Двигалась дивизия эшелонами, не торопясь, маленькими переходами, ибо в это время через некоторых монгольских князей и лам проводилась усиленная обработка народных масс, и велись переговоры с Богдо-гэгэном о будущих совместных действиях против китайцев монгольского народа и барона Унгерна. Части двигались в колонне по два с большими интервалами, дабы

Освобождение Монголии от китайской оккупации (1920 — 1921 гг.).

внушать встречному населению впечатление о большой численности войск. Приехавших монгольских чиновников, князей и лам барон во время привалов радушно угощал, снабжая их подарками и деньгами».[1164]

Говорили, что с Тэрэлджи Унгерн собирался пройти на север через границу — на Мензу с тем, чтобы через станицы Бичурскую, Шарагольскую и Кударинскую выйти к Троицкосавску.[1165] Это соответствует плану, согласованному им ранее с Семеновым (см. главу 4). 13 октября 1920 г. барону были посланы разрешение Семенова проводить мобилизацию казаков для самообороны станиц и подробная разведсводка об армии ДВР.[1166] Эти бумаги могли быть полезны лишь в случае выхода обратно в Забайкалье.

Однако разведка Галданова доложила Унгерну о трудности перехода хр. Хэнтэй и непригодности для артиллерии дорог в мензинском направлении. Тогда барон послал бурятский дивизион из двух сотен на Мензу, возложив на него задачу: пройти вдоль р. Чикой и присоединиться к дивизии уже в Троицкосавске. Но дивизион был разбит войсками ДВР на границе. Позже в районе Менза — Хушинба — Верхнеульская красные ликвидировали бурятские «банды», на пути отступления которых было найдено 200 стволов сожженных винтовок, патроны и разное имущество.[1167]

Итак, пройти на Троицкосавск через территорию ДВР было невозможно. Приходилось делать большую петлю — через монгольскую столицу. Но далее к Верхнеудинску без поддержки Семенова было не пробиться, а Семенов отступал в Маньчжурию. Теперь у барона были развязаны руки. Он больше не зависел от атамана и приступил к реализации своего монархического замысла.

Как отмечалось выше, китайская оккупация Монголии нарушала Кяхтинское соглашение 1915 г. о монгольской автономии. Еще 19 марта 1920 г. князья и ламы Внешней Монголии направили письмо уполномоченному российского правительства, в котором просили помочь восстановить автономию.[1168] Но помощи не последовало. Не помогла и Япония. Поэтому вторжение Унгерна вызвало у монголов надежды на освобождение. В столице ходили слухи о приходе белого отряда. Среди влиятельных монголов шли споры о том, с кем идти против китайцев — с белыми или красными. Богдо-гэгэн склонялся на сторону Унгерна.[1169]

Но влияние красных в Нийслэл-хурэ было весьма сильным. Организованное ими Информационное бюро поддерживало контакт с дальневосточным секретариатом Коминтерна в Иркутске[1170]. Представитель ДВР в монгольской столице Громов сообщал, что вся власть над русским населением принадлежит управе, подчиняющейся ДВР и пользующейся большим уважением китайцев[1171]. Торновский вспоминал, что в китайском ямыне местные большевики были первыми людьми. Ф.А. Парняков умело лавировал между китайцами и «японскими шпионами», вызволяя из китайской тюрьмы красных,

не раз для этого ходил туда.[1172] Он организовал продовольственные передачи в тюрьму, начал сбор средств для заключенных, были составлены подписные листы, причем больше всех жертвовали местные евреи.[1173] Местные большевики подали список русских, которых надо арестовать, как ненадежных для китайцев. Никто не был арестован лишь потому, что старожилов хорошо знал Чэнь И, а особенно — чиновник по русским делам Ню.[1174]

Унгерн двинулся с Керулена в сторону монгольской столицы. Через шесть дневных переходов дивизия встала лагерем в южных предгорьях Хэнтэя, в местечке Барун, отстоящем на 60 км от Урги, или на р. Барун-Тэрэлдж, притоке р. Толы, в 30 верстах на восток от города.[1175] Это район устья р. Тэрэлджийн-гол[1176] — примерно в 40–50 км восточнее столицы. Здесь река образует широкую долину с хорошими пастбищами и обилием деревьев. Тут хватало подножного корма для монгольских лошадей. Для русских лошадей имелись запасы сена, заготовленного то ли монголами для китайской кавалерии[1177], то ли бурятами-беженцами для своего скота.[1178]

Но Унгерну важно было не только это. «Легенды в Монголии — писал П.А. Бадмаев, — значат больше, чем действительность».[1179] Барон старался использовать эти легенды. Дивизия остановилась у развалин, заросших деревьями, где, по преданию, должны были произойти битвы и пройти строи солдат.[1180] Это были не просто развалины. Здесь раньше был главный монгольский монастырь, давший начало Нийслэл-хурэ: «В 1733 г. на Тэрэлчжи... от Урги вверх по Толе на расстоянии 45 верст; при впадении реки Тэрэльчжи с западной стороны в Толу. Остатки города доныне сохранились и представляют на расстоянии двух верст непрерывный ряд неглубоких рвов и невысоких холмов, образовавшихся из груд сырцового кирпича. Предание говорит, что выросший ряд деревьев дал повод ламам заключить, что в этом месте впоследствии будут битвы и пройдут строи солдат».[1181]

Надолго обустраивать лагерь у Тэрэлджи унгерновцы не собирались, жили в палатках и землянках. Барон высылал разведывательные отряды к Нийслэл-хурэ, перехватывал группы русских беженцев, пополняя войско. Из района Мензы пришла сотня прапорщика Намсаранова в 80 человек. В Хэнтэе был перехвачен взвод забайкальских казаков в 30 человек под командой урядника Кобылкина, следовавший из района р. Хара-гол (север Монголии) в Хайлар.[1182]

Унгерн вступил в переговоры с китайцами. На вопрос о том, что за генерал подошел к городу, барон приказал доложить их командованию, что он — монархист, который дерется со всеми социалистами, к какой бы национальности они ни принадлежали.[1183]

Это был прямой вызов многократно превосходящему противнику. Унгерн знал, что Нийслэл-хурэ занят республиканскими войсками, присланными Дуань Цижуем — тем самым, кто подавил в Пекине попытку реставрации мо-

нархии. Более того, было известно, что этот контингент связан с революционным югом Китая, который контролировался Гоминьданом. Не даром Сюй Шичан (старший брат Сюй Шучжэна), став президентом, объявил себя сторонником мира с югом Китая — то есть с Гоминьданом. А сам аньфуист Сюй Шучжэн, который организовал оккупацию Монголии, впоследствии воевал на стороне Гоминьдана. Так что борьба с партией Аньфу для монархиста была борьбой с бунтовщиками — революционерами. Вдобавок гамины в Монголии деморализовались. Потому-то позже агент Унгерна в Маньчжурии А.А. Погодаев писал Чжан Цзолиню, что барон выбил из Урги «бунтующие войска».[1184]

Примерно 22 октября Чу Лицзян получил письмо, в котором барон предлагал ему сложить оружие, впустить унгерновцев в Нийслэл-хурэ, присоединиться к нему, а солдатам получить невыплаченное жалованье. В случае отказа грозил уничтожением. Чу Лицзян отказался, объяснив, что не имеет приказа на это от своего непосредственного начальства и будет защищать город. Китайским же солдатам он объяснил по-другому: пришел сборный отряд, чтобы истребить в Монголии всех китайцев.[1185]

Тогда темой переговоров стал пропуск дивизии через Нийслэл-хурэ на Троицкосавск и обеспечение провиантом за справедливую плату.[1186] По другим данным, Унгерн потребовал с китайцев 3 млн. долларов (очевидно, мексиканских) и использование Нийслэл-хурэ как базы для действий против большевиков на Кяхту.[1187]

По-видимому, барон выдвигал все эти требования лишь как предлог к войне. Он должен был знать, что гаминам не хватает денег, их положение в Нийслэл-хурэ неустойчиво, и они вряд ли согласятся на такие условия.

До Унгерна доходили сведения о незавидном положении колонистов и монголов в Нийслэл-хурэ. Однажды к нему прискакали два монгола и доложили, что в ургинской тюрьме китайцы, по соглашению с красными, держат в кошмарных условиях 100 русских офицеров, женщин и детей.[1188] Через полчаса в сторону столицы ускакали полковники К. Хатакэяма и П.И. Лихачев. Согласно А.С. Макееву, они через некоторое время вернулись, а вместо них к начальнику китайского гарнизона поскакали монголы с требованием немедленно освободить арестованных.

Последовал отказ. Китайцы встревожились и стали готовиться к обороне. С 24 октября с севера Монголии — из кяхтинского Маймачена началась спешная отправка войск в Нийслэл-хурэ, причем для ускорения гамины насильственно мобилизовали лошадей, в том числе у русских.[1189]

Войско Унгерна не было подготовлено к долгому стоянию. Численность китайского гарнизона составляла от 7 до 16 тыс. человек, в то время как у барона было около тысячи, включая присоединившихся монголов.[1190] Надеяться на удовлетворение требований китайцами после почти недельного сто-

яния у города не приходилось. Унгерн решил атаковать их, рассчитывая на внезапность.

Вечером 26 октября 1920 г. боевая часть дивизии в составе 9 сотен при 4 орудиях и 10 пулеметах снялась с бивуака.[1191] Перевалив ряд хребтов, унгерновцы вышли к р. Хулийн-гол (Хуин-гол), впадающей в р. Толу верстах в десяти выше столичного Маймачена. Это место находится вниз по р. Хулийн-гол от г. Налайх по Калганскому тракту. Здесь белые разделились на две группы. 1-й Татарский полк (3 сотни) с 1 орудием и частью пулеметов, во главе с Резухиным, получил задание спуститься по Хулийн-голу и напасть на китайцев с востока, а барон со 2-м полком им. Анненкова и батареей капитана Попова должен был атаковать с севера.[1192] Для этого обе группы должны были перейти Толу.

Обойдя Нийслэл-хурэ по горам на северо-запад, в ночь с 26 на 27 октября в районе радиостанции (гора Махур-толгой, в мемуарах белых — «Мафуска»), Унгерн остановил свою группу и один ушел на разведку. Блуждая в темноте, он вышел к зданию российского консульства и чуть не попал в плен к китайцам.

Н.Н. Князев вспоминал, что командиры за это время «самоопределились», каждый занял свою позицию.[1193] С рассветом гамины провели перегруппировку, атаковали унгерновцев и выбили их с позиций. После ожесточенного боя китайцы захватили батарею. Поручик Матвеев и капитан Попов были убиты, поручик Виноградов ранен, почти все ездовые убиты, пушки и снаряды потеряны. Комендантский эскадрон, дважды бросавшийся в атаку, чтобы облегчить положение батареи, понес большие потери; все его офицеры были ранены.[1194] Белые стали отходить на северо-восток. Барон вернулся к ним уже во время отступления.

Группа Резухина тем временем заняла гору Баян-Дзурх. Это была удобная позиция. Баян-Дзурх расположен на берегу Толы. Он господствует над мостом и дорогой, которая ведет в столицу. Севернее Баян-Дзурха, за Толой, были Худжир-Буланские казармы с китайцами, в 3–4 км северо-западнее — столичный Маймачен. Гора образует несколько вершин, между ними — небольшие пади, которые можно использовать как укрытия. Под Баян-Дзурхом — река и старицы, откуда можно брать воду. На этой позиции Резухин держался до 28 октября, затем присоединился к отступившей группе Унгерна.

Белые отошли примерно на 16 км северо-восточнее Нийслэл-хурэ. У них были значительные потери: погибли командир батареи капитан Попов, есаул Швецов, сотник Кичигин, поручик Матвеев, тяжело ранен подполковник Циркулинский и восемь офицеров. Было убито 50 всадников, ранено 90, потеряны 3 орудия. Много офицеров и всадников обморозились.[1195] Раненых Унгерн сразу отправил на заимки российских колонистов верст за пятьдесят на восток — где р. Баян-гол впадает в Толу.[1196]

На следующий день после боя разъезды донесли, что китайцы не только далеки от мысли о преследовании, но даже не ведут разведки перед своими позициями. Тогда барон отправил к городу телеги за брошенными артиллерийскими снарядами. Удалось вернуть все 104 снаряда, пролежавшие два дня в небольшом леске, менее чем в двух верстах от окопов противника.[1197]

В полупереходе от города Унгерн простоял несколько дней, пополняя конский состав и готовясь к новому штурму. Лошадей у населения было очень мало, поэтому их приходилось покупать по 80–100 руб. золотом, то есть в 5–6 раз выше действительной стоимости.[1198] Разъезды вели разведку. Унгерн, как всегда, ездил на разведку лично. Он обнаружил, что китайцы создали вокруг города три линии обороны по гребням гор. В штабе Чу Лицзяна были офицеры, окончившие академию германского Генерального штаба. Под их руководством были вырыты окопы, оборудованы пулеметные гнезда и позиции для артиллерии.[1199]

Тем временем в Нийслэл-хурэ китайцы расклеили объявления о победе над «русскими хунхузами».[1200] Они арестовали Богдо-гэгэна, затем — крупных монгольских чиновников, феодалов и лам: Шанцзотбу Дашцэвэга, Даламу Пунцагдоржа, Цэцэн-вана Гурсоронзон-Гомбосурэна (который в свое время отправил письмо с печатью Богдо в Японию о помощи), Манлай-батора Дамдинсурэна,[1201] Хатан-батора Максаржава, Эрдэнэ-вана Намсрая, бэйсэ Иш-Очира, членов Народной партии: Джигмэд-гуна, Джамьян-гуна, Гомбо-Идшина и Лувсан-Джанцана. Одного из приближенных Богдо-хана — Джалханцза-хутухту перевели в ямынь якобы для дежурств, а на самом деле — для надзора за ним.

Гамины разграбили монастырь Шадоблин, убили главного ламу. В монастыре Дамбадаржа-хийд, расположенном на подножье горы Чингильтэй-ула севернее главного монастыря Гандантэгчинлин, гамины собрали монахов и аратов и, обвинив в поддержке войск Унгерна, открыли по ним стрельбу, а затем разграбили монастырь.[1202] Много ценностей украли гамины из дворца Богдо-гэгэна.[1203] Службы в главных храмах столицы теперь разрешались только после уведомления китайского штаба и в присутствии гаминов. Об аресте Богдо-гэгэна и многих князей в Монголии, о разграблении дворцов китайскими бандами быстро узнала русская пресса в Китае.[1204]

В ночь на 2 ноября барон вновь повел войско на Нийслэл-хурэ, пополнив его всеми нестроевыми и теми ранеными, которых можно было использовать для боя.[1205] Резухин, обойдя Нийслэл-хурэ, захватил гору Махур-толгой.[1206] Теперь дивизия вплотную приблизилась к северной окраине Хурэ и Консульского поселка. Развернулись бои по долинам рек Улястайн-гол («Улятуйка») и Сэлбэ-гол («Сэльби»). Первая протекает в непосредственной близости от Худжир-Буланских казарм, вторая — примерно посредине города. Белые поставили пушки на горах к северо-востоку и северо-западу от Нийс-

лэл-хурэ: северо-восточнее перевала Улястайн-Цаган-даба и на горе Улан-ула юго-восточнее монастыря Дамбадаржа-хийд.[1207] Унгерн показывал пример личной храбрости, объезжая на белом коне передовые цепи своих войск.[1208]

После трехдневных боев белые сбили гаминов с сопок на севере и отбросили их к центру города. Бурятский дивизион, действовавший со стороны Троицкосавского тракта, ночью вошел в северную часть столицы, но был быстро выбит. Он завязал с китайцами пассивную перестрелку на окраине.[1209] Резервы Унгерна к тому времени истощились, патроны подходили к концу. На морозе и пронизывающем ветру пулеметы замерзли, а люди, многие без шинелей, часто не имевшие даже огня для обогрева и воды, совершенно измотались, многие обморозились.[1210]

5 ноября в 2 часа утра начался общий отход от Нийслэл-хурэ, и к вечеру дивизия возвратилась на Тэрэлджийн-гол. В последний день монгольские солдаты, находившиеся в китайских войсках, присоединились к Унгерну.[1211] Это были чахары из отряда Нэйсэ-гэгэна и Нэрэмпил-гуна, в свое время арестованные.[1212] Незадолго до прихода барона их освободили и раздали оружие.

Когда подсчитали потери, то оказалось, что Азиатская дивизия потеряла свыше 100 человек убитыми, не менее 200 ранеными и еще больше — обмороженными, в общей сложности 65% личного состава, причем офицерский состав потерял только убитыми 40%[1213]. У китайцев тоже были большие потери.[1214] Раненых они увезли в Нийслэл-хурэ на автомобиле. Китайцы захватили пленных и амуницию.[1215] В Нийслэл-хурэ они устроили публичную казнь 27 пленных белогвардейцев, в Бургалтае сожгли постоялый двор русского купца, где были белые, а его самого растерзали.[1216] В.Н. Чайванов сообщал, что китайские власти выдали российской ургинской думе семеновских офицеров, которых потом расстреляли красные.[1217] Не были ли это те самые 27 белогвардейцев?

Командир японцев К. Хатакэяма не согласился с тем, что Унгерн решил захватить Нийслэл-хурэ, поскольку это противоречило планам Японии.[1218] После революции 1917 г. Япония активизировала свою деятельность в Халхе: увеличила торговлю, инвестиции и т.д.[1219] В сентябре 1920 г. монгольские представители ездили в Харбин и договорились о японском займе в 6 млн иен на 15 лет.[1220] Заем был анонсирован банком Мицуи и Лунгоу в Харбине. В Нийслэл-хурэ была влиятельная японская колония. После вторжения Унгерна ее члены, «чтобы помочь японо-китайской дружбе», собрали 1 тыс. юаней и передали их китайским военным властям.[1221] Хатакэяма вступил в тайные переговоры с китайцами, но боялся, что Унгерн его убьет. Вместе с несколькими другими японцами Хатакэяма перебежал к китайцам, был арестован и сообщил им информацию, которую знал. О. Хара был расстрелян китайцами, так как японцы были одеты в российскую форму и их принимали за русских. Так впоследствии объяснял Хатакэяма.[1222] Но не исключено,

что Унгерн, узнав о побеге японцев, смог довести до сведения китайцев, что это его шпионы, что и повлекло расстрел.[1223] Впоследствии Хатакэяма сумел добраться до Китая, работал полицейским в Тяньцзине. Советская и китайская печать приводила арест японского майора китайцами как доказательство вмешательства Японии в монгольские дела.[1224]

Чтобы разрядить обстановку, китайское правительство отправило в Нийслэл-хурэ Чэнь И. Он приехал на китайскую военную базу в Чойрыне, некоторое время пробыл там, дожидаясь окончания боев у столицы, а затем прибыл туда.[1225] Он прибыл 9 ноября.[1226] Китайский гарнизон пополнился 400 солдатами, присланными из Пекина.[1227] Чэнь И переговорил с Самбу — представителем китайской администрации, и Богдо-гэгэна перевели под домашний арест.[1228] Чэнь И снова вернулся к соглашению из 64 пунктов, отвергнутому Сюй Шучжэном. Чтобы улучшить отношения с монголами, Чэнь И назначил на высокие посты несколько монгольских лам и феодалов: Дарханчин-вана Пунцагцэрэна, Джонон-чин-вана Цогбадраха, Джалханцза-хутухту Дамдинбазара, Да-ламу Дашдэндэва и др.[1229]

Китайское командование стало усиленно готовиться к обороне. Въезды и выезды из Нийслэл-хурэ были перекрыты. В горных падях вокруг столицы поставили по 20–30 юрт, в которых жили по нескольку сот гаминов, в городе оборудовали пулеметные точки.[1230] Мобилизовали около 2 тыс. китайцев — колонистов, служащих китайских фирм, заключенных.[1231] В печати появлялись сильно завышенные цифры: сначала — будто китайцы стянули в Нийслэл-хурэ 25 тыс. войска, затем — 95 тыс.[1232] Вероятно, эти слухи распускали они сами, чтобы избежать повторного штурма. Но удивительно: имея большой перевес в живой силе и вооружении, они так и не решились сделать вылазку, а ограничились лишь тем, что послали к унгерновскому лагерю шпионов.

На фортификационные работы вокруг Нийслэл-хурэ сгонялось мирное население, в том числе русское.[1233] 10 ноября были расклеены победные реляции и даже портреты китайских генералов.[1234] В частности, сообщалось, что противник потерял до 400 человек убитыми, три пушки, массу винтовок, отброшен на 150 верст. В город ввели солдат из Худжир-Буланских казарм.[1235] Столица погрузилась в террор банд гаминов.[1236] Начались массовые грабежи русских, бурят и монголов под предлогом реквизиций. Забирали все: лошадей, сбрую, седла, сено, дрова, муку, домашнюю обстановку, с монголов срывали серьги и кольца.[1237] Разграбили частные дома, Центросоюз, казну Богдо-гэгэна, православную церковь. Позже некоторые церковные вещи удалось вернуть, но в испорченном виде.[1238]

Стараясь избежать грабежей, российские колонисты вывесили на своих домах американские и английские флаги. Но на школе продолжал развеваться

флаг ДВР. Иностранцы решили послать к Унгерну международную депутацию, чтобы он ушел от Нийслэл-хурэ за некоторую сумму денег. В нее вошли китайцы, от российских колонистов — барон Д.О. Тизенгаузен,[1239] монголов должен был назначить Богдо-гэгэн. Русские и китайские члены депутации бесплодно прождали несколько часов перед российским консульством и разошлись: Богдо-гэгэн никого не прислал.[1240] Он надеялся на Унгерна.

Если еще недавно русские бежали в Монголию, то теперь многие стали уходить в Кяхту. 13 ноября отряд ДВР, выйдя из Троицкосавска, внезапно захватил соседнюю Кяхту и учинил там грабеж и расправу.[1241] По словам Блохина, это произошло так. В Кяхте была контрреволюционная организация, которая действовала почти открыто. Дело в том, что после появления в Монголии Унгерна полковник Казагранди, возглавлявший в Монголии другой белый отряд, прислал в Кяхту письма с призывом присоединяться. Ему поверили, тем более что ходили слухи о поддержке контрреволюционеров Швецом — командиром отряда ДВР, стоявшего в Троицкосавске. Красные узнали об этом и ночью вошли в Кяхту. Заговорщики решили, что им в поддержку прибыл полк Швеца, но ошиблись... Китайский гарнизон кяхтинского Маймачена, по договоренности с красными, притворно отступил.[1242] Расправа длилась всю ночь, а под утро китайцы вернулись.

После этого, для борьбы с белыми, разъезды красных с китайцами проникли в Монголию на 96 км от границы — до р. Иро, где совместно разграбили заимки российских колонистов и арестовали нескольких казаков, бежавших из Забайкалья.[1243]

После вступления в Монголию Унгерна пекинское правительство стало просить помощи у РСФСР. Главком С.С. Каменев и нарком иностранных дел Г.В. Чичерин поддержали это предложение, а председатель сибирского ревкома И.Н. Смирнов был против.[1244] Каменев даже приказал своему помощнику по Сибири В.И. Шорину разгромить белых, ушедших в Монголию. Шорин приказал 35-й дивизии, расквартированной в Иркутске, двинуться в Монголию. 11 ноября 1920 г. Чичерин писал в МИД Китая: «Советское правительство, считая, что в обоюдных интересах ликвидировать нарушение суверенитета Китая и Монголии, готово помочь китайским войскам ликвидировать банды Унгерна, и в этом смысле отдан приказ нашему командованию в Сибири. Советское правительство заявляет, что советские воинские части появятся на территории Китая как дружеские войска, которые будут считать свою задачу выполненной после окончательного уничтожения белогвардейских банд в Монголии и восстановления суверенитета Китая, и тогда немедленно покинут территорию Китая».[1245]

После того как Унгерн отошел от столицы, китайцы, по-видимому, стали успокаиваться. Пекинское правительство выразило удовлетворение успешными действиями Чу Лицзяна против белых под Нийслэл-хурэ, предоста-

вило ему широкие полномочия на усиление гарнизонов в Монголии, отправило в Нийслэл-хурэ из Пекина 2 тыс. винтовок и 6 млн патронов.[1246] Китайцы дали понять Москве, что смогут справиться сами. В телеграмме от 28 ноября 1920 г. в МИД Китая Чичерин выразил надежду, что китайское правительство само постарается уничтожить белые формирования в Монголии.[1247]

Вместе с тем, советское правительство отнеслось к действиям Унгерна со всей серьезностью. В декабре 1920 г. в приграничной полосе были расквартированы части 35-й Сибирской стрелковой дивизии. Так, 104-я стрелковая бригада (комбриг С.В. Никитин) в составе 310, 311 и 312-го полков была передислоцирована на границу с Монголией от станицы Желтуринская до караула Наушки и по берегу Селенги от Кяхты до Селенгинска. 105-я стрелковая бригада (комбриг Б.Р. Терпиловский) заняла оборону по границе ДВР от района Гусиное озеро — Нижний Убукун до Новодмитриевки. 103-я стрелковая бригада (комбриг А.А. Глазков) сосредоточилась вдоль железной дороги северо-западнее Верхнеудинска.[1248] В район Желтуринской перебросили 35-й кавалерийский полк под командой К.К. Рокоссовского и отдельный оперативный отряд во главе с П.Е. Щетинкиным (партизаны которого позже захватят Унгерна).

П.Е. Щетинкин — георгиевский кавалер, бывший штабс-капитан, член РКП(б) с 1918 г., известный партизанский командир. В Сибири его отряд успешно боролся с белыми. В период колчаковской диктатуры П.Е. Щетинкин и А.Д. Кравченко возглавляли партизанскую «республику» в Красноярском уезде. Учитывая настроения крестьян, Щетинкин им говорил, что во Владивосток приехал великий князь Николай Николаевич, ему подчинились Ленин и Троцкий, которых он назначил своими министрами, и только «вампир» Колчак не подчиняется.[1249] После отставки сибирского правительства мариинская тайга стала самым опасным местом на железной дороге вследствие деятельности отрядов Щетинкина и других партизан. Последние портили путь, задерживали поезда, пускали их под откос и грабили.[1250] Захватив Минусинск в 1919 г., отряд Щетинкина занялся повальными грабежами и уничтожением «контры». В 1920 г. Щетинкин был членом чрезвычайного ревтрибунала, судившего бывших колчаковских министров. До отправки на границу с Монголией он участвовал в формировании в Сибири красных отрядов для переброски на Западный и Южный фронты гражданской войны.

Для укрепления границы с Монголией в распоряжение командования 5-й армии была переброшена по железной дороге 5-я Кубанская кавалерийская дивизия (начдив В.В. Писарев) в составе двух бригад: около 2 тыс. сабель. Для отражения белой конницы ДВР выставила 2-ю Сретенскую кавалерийскую бригаду (комбриг П.Ф. Зелыпугин) с пограничным батальоном и караульной ротой — более 700 сабель и 500 штыков. На вооружении бригады

были 2 легких орудия, 24 пулемета, винтовки, карабины и пики. Всего у красных, выдвинутых к границе с Монголией, было 8500 штыков, свыше 2500 сабель при 250 пулеметах и 28 орудиях.[1251]

После того, как были отбиты первые атаки белых на Нийслэл-хурэ, гамины арестовали примерно 30 русских — беженцев и колонистов, списки которых в китайский штаб подали члены красной управы в городе.[1252] Арестовывались также монгольские феодалы, монахи и простые араты (пастухи). Аресты превращались во взятие заложников ради выкупа. Гамины припомнили и давнее прошлое: что русские (бывшие уголовники) в 1912 г. вырезали китайцев в Урянхае.[1253]

В столичной тюрьме теперь было до 150 русских.[1254] Тюрьма была переполнена, нар не хватало, еды выдавали очень мало. Помещение не отапливалось, несмотря на тридцатиградусные морозы.[1255] Монголы, буряты и русские обмораживались, умирали, не выдержав условий содержания, пыток и издевательств китайских тюремщиков. Правда, некоторых выпускали — кого за выкуп, кого по заступничеству. Если денег не было, могли освободить и без этого. Но в таком случае сильно пороли, а потом требовали молчать.[1256]

Кое-что об этом произволе узнали в Китае: 23 декабря 1920 г. декан дипломатического корпуса в Пекине Луи Пастор послал ноту в МИД Китая о произволе солдат Го Сунлина и Чу Лицзяна в Урге, а также о невыносимых условиях содержания русских в ургинской тюрьме. 27 декабря на эту ноту министр иностранных дел Китая ответил, что Чэнь И телеграммой поручено провести расследование и принять меры.[1257]

Торновский, обвиненный в шпионаже, был отпущен из тюрьмы в январе 1921 г. по приказу из Пекина.[1258] Полковника Франкмана китайцы выпустили из тюрьмы, чтобы использовать на строительстве фортификационных сооружений.[1259] Однако многие русские, освобожденные из тюрьмы, снова попали туда после того, как Унгерн вновь подошел к городу.

Ради грабежа китайцы убивали русских и вне столицы. Например, было расстреляно 40 человек, ехавших из Западной Монголии, 14 человек — из Урянхая.[1260] По подсчетам Торновского, с ноября 1920 г. по февраль 1921 г. в Монголии китайцы убили более 100 русских, пробиравшихся в Маньчжурию. Вину за это, как и за жестокое обращение с заключенными, он возлагает в основном на Чайванова, Парнякова и других членов красной управы.

НКИД РСФСР обратился к китайскому правительству с нотой протеста. Однако большевиков волновали не массовые аресты и убийства русских, а то, что, добивая белых в одних местах, китайцы помогают им в других, проводят обыски среди русского населения. Особенно возмутительным сочли разграбление ургинской конторы Центросоюза, когда был убит ветврач Крестоков.[1261] Ведь это ставило под угрозу снабжение красных из Монголии.

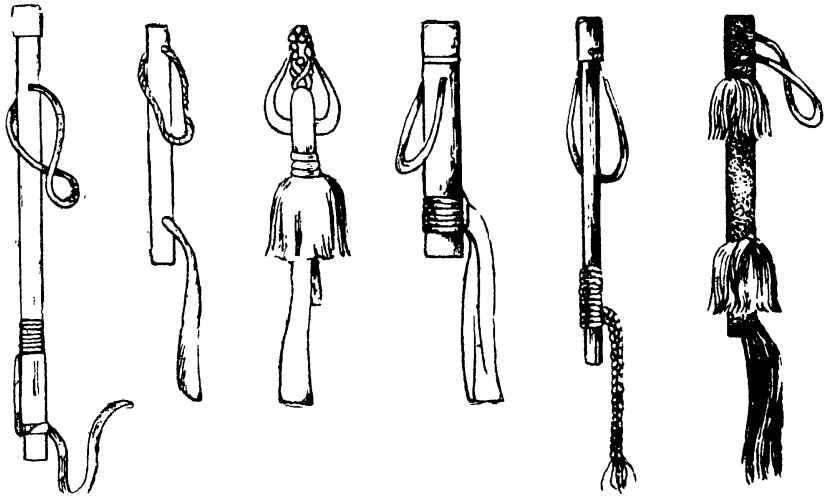
12 декабря появилось сообщение, что американское правительство учреждает новые консульства в Калгане и Нийслэл-хурэ.[1262] По-видимому, американцы опасались, что события в Монголии инспирированы конкурентом — Японией.

Отступив от Нийслэл-хурэ, Азиатская дивизия остановилась в том же районе, что раньше: на Тэрэлджийн-голе у впадения в Толу. Это широкая речная долина, окруженная сопками; есть лес, который можно использовать для топлива; за противоположным берегом Толы — хорошо просматриваемая песчаная равнина У-Булан.

Очевидно, Унгерн думал одним ударом захватить столицу Монголии. Ведь он всегда заботился о снабжении своего войска, а тут не подготовился к длительной зимней стоянке в чистом поле. В течение почти 20 дней после отхода от Нийслэл-хурэ положение дивизии оставалось очень тяжелым. Не было даже соли, муки, спичек, табаку, зимнего обмундирования (хотя писали об ограблении столицы белыми[1263]). Всадники вместо обуви обматывали ноги свежеснятой шкурой мехом внутрь и зашивали ее. Шкура застывала, принимая форму сапога.[1264] Также делали обувь из старых тряпок. После этого ее долго не снимали. Питались одним мясом в небольшом количестве. Видимо, в это тяжелое время казаки сложили куплеты на мотив известной частушки: «Ах, яблочко, куда ты котишься? В Монголию попадешь — не воротишься. Ах, яблочко, да кругленько, Жизнь наша стала трудненька».[1265]

«На краю громадного обрыва к реке Толе поместился сам Унгерн, и там же были поставлены орудия, направленные в сторону Урги, вдоль долины. Верстах в 15-ти, севернее, расположились хозяйственные части дивизии во главе с приближенным Унгерна и Богдо-гэгэна — бурятом Джамболоном, который поддерживал связь с монгольскими князьями и снабжал их унгерновским золотом. Монголы подвозили в дивизию юрты, шубы, унты, шапки. В лагере на Убулуне день и ночь горели громадные костры из целых деревьев, около которых грелись и готовили пищу люди. Кони табунами бродили по долине, а к вечеру их разбирали по сотням, привязывали к коновязям, задавая на ночь сено, добываемое на фуражировках в районы Урги, где Унгерн стремился уничтожить весь запас сена, чтобы лишить китайцев конского состава».[1266]

Тяготы жизни в плохо подготовленном лагере Унгерн разделял со своими подчиненными. Ему не было и 40 лет, но сослуживцы называли его «дедушкой». «Серая офицерская шинель на меху до половины, с обожженными полами, на голове грязная, когда-то белая папаха, на ногах сапоги, а иногда меховые. В походах он также промерзал до костей, и на стоянках его можно было часто видеть скорчившимся у костра, без палатки, где он разогревал застывшие члены. Вообще, он совершенно не следил за собой. Можно с уверенностью сказать, что умывался он не более одного раза в неделю, а белье

Разные типы ташуров (Бадамхатан, 1987).

менял только уже тогда, когда от него оставались одни лохмотья. Стирать же белье никогда не отдавал. Есть предпочитал всегда прямо руками. Из такого поведения Унгерна можно заключить, что он просто не замечал окружающего его неудобства, и оно ему казалось обыкновенным».[1267]

В середине ноября к барону пришли 170 чахаров Найдан-гуна.[1268] После *провала похода панмонголистов на Халху* пленных членов их отряда китайцы использовали на грязных работах в Нийслэл-хурэ, охране хлебных полей на р. Хара и военной службе в Улясутае и Урянхае. Те, кто был в Нийслэл-хурэ, присоединились к Унгерну еще раньше (см. выше). Теперь пришли те, кто охранял поля и остался не у дел: спасаясь от белых, китайские крестьяне бежали в Маймачен. Среди подчиненных Унгерна были те, кто уцелел после резни, устроенной панмонголистами на Гусином озере. Они помирились с пришедшими чахарами, и в знак этого курили из одной трубки. Впоследствии чахарский отряд Унгерн использовал как дисбат для русских офицеров. Говорили, что там им жилось даже лучше, чем в своих полках.[1269]

Чтобы предотвратить деморализацию и дезертирство, Унгерн ввел крайне жестокие наказания. Он начал бить офицеров ташуром — раньше этого не было.[1270] Ташур — это палка с небольшим хлыстиком. Его монголы используют вместо плети при верховой езде. Для разных целей используют разные ташуры. Унгерн применял ташур «длиной около аршина с четвертью и даже больше при толщине больше дюйма в диаметре»[1271] — т.е. длиной около 90 см и больше 2,5 см в диаметре. Такие большие ташуры обычно используют при езде на верблюдах. У всадников и офицеров тоже были ташуры. Вероятно, они были такие же: их применяли и для езды и для порки.

28 ноября 1920 г. бежали офицеры и всадники полка им. атамана Анненкова во главе с исполняющим обязанности командира поручиком Царегородцевым: поручик Лисицын — адъютант полка, штаб-ротмистр Вишневский — командир 1-й сотни, поручик Глумов — командир офицерской сотни; поручик Наумов — рядовой, капитан Остапов — рядовой, капитан Цветков — рядовой, прапорщик Герасимов — рядовой, штабс-капитан Савин — рядовой, поручик Артюхов — рядовой, штабс-капитан Цветков — рядовой, сотник Черкашин — рядовой, ротмистр Сысоев — рядовой, подпоручик Удинцев — рядовой, прапорщик Иванов — рядовой, поручик Мартынов — рядовой, капитан Чурин — рядовой, капитан Ждановский — рядовой, чиновник Трусов — рядовой, чиновник Соболев — рядовой и 19 всадников.[1272]

Вдогонку им были посланы на свежих конях сотня монголов и казаков, а также несколько десятков чахаров. Бежавших нагнали и большинство перебили. Троим удалось уйти в Маньчжурию. Чахары привезли седла убитых, к вечеру вернулись остальные преследователи.[1273] Они привезли троих пленных (по другим данным — одного). После зверских пыток пленники были повешены на видном месте, а чахары получили награду. В отличие от «колчаковцев», «коренные унгерновцы» одобрили казнь дезертиров.[1274]

Затем бежал адъютант по хозяйственной части штаба дивизии поручик Ружанский. Подделав документ, он получил у казначея дивизии — сотника Бочкарева 15 тыс. руб. золотом.[1275] Ружанский собирался по дороге забрать свою жену, находившуюся в Бревен-хийде, и уйти в Маньчжурию. Оба были схвачены, подвергнуты жестоким пыткам и казнены.

Дезертировали буряты, взятые Унгерном в Монголию из отряда Тапхаева. Для предотвращения побегов барон велел местным монголам задерживать всех бурят и русских, едущих в сторону Маньчжурии, и доставлять их в дивизию.[1276]

В конце ноября с Мензы вернулись две сотни казаков-бурят под командой Галимова и Галданова.[1277] По-видимому, Унгерн вновь отправил их с каким-то поручением. Последствия оказались для него неожиданными. В ноябре 1920 г. группа около 50 человек под командой вахмистра, называвшего себя прапорщиком Галимовым (или Галиповым?), занялась угоном табунов, грабежами, реквизициями и т.д.[1278] Убив в пьяном виде урядника Очирова, командированного Унгерном, этот прапорщик воспользовался его удостоверением и стал действовать от его имени.

29 ноября Галимов напал на п. Самбеси.[1279] По словам очевидца, отряд сплошь состоял из бурят, кроме командира.[1280] Поселок состоял из 7–8 русских изб и 15–16 китайских фанз. Прибывшие три дня грабили исключительно фанзы, затем — прилежащие заимки и монгольский монастырь. Под видом гаминов были ограблены и убиты все китайские торговцы — 170–208 человек. Китайские дома были сожжены и разграблены также в Сан-дзаса-

ке, Шино-булаке и других местах. Русские не были ограблены и убиты, но предпочли не рисковать. На 8–9 верблюдах, в сопровождении монголов, они уехали из Самбеси на ст. Маньчжурия.

На заседании уполномоченных маньчжурского общественного управления при участии представителей китайского штаба и коммерческого общества было принято ходатайство к генералу Чжан Куйу с требованием охраны личности и имущества беззащитных русских и китайских граждан в Монголии[1281]. Китайские власти стали охотиться на грабителей.[1282] Унгерн был тоже возмущен и, по-видимому, наказал налетчиков. Позже он писал своему родственнику Чжан Куйу, что «грабежи и убийства 200 мирных китайцев, якобы моими солдатами — совершенная неправда. Этот отряд, состоявший из бурят-большевиков, был разбит. Начальники Галимов и Батуев попали в плен и расстреляны, а остатки ушли, часть на север за Байкал, а часть на юг в Узумчин».[1283]

10 декабря 1920 г. есаул Архипов привел сводную оренбургско-забайкальскую сотню из 130–140 казаков при 15 офицерах. Эта сотня прибыла из верховьев р. Хара, откуда вела партизанские налеты на Забайкалье.[1284]

Присоединился Тубанов, позже сыгравший важную роль в унгерновской эпопее. Ц.Ж. Тубанов (1890–1923) был сыном портнихи Б. Тубановой, которая происходила из бурятского Чикойского аймака Байкальской области.[1285] Он был картежником, отчаянным человеком.[1286] Занимался торговлей, летом 1920 г. с китайцами и монголами работал на золотом прииске, потом поехал в Нийслэл-хурэ за продовольствием, но по дороге был пленен солдатами Унгерна, доставлен в штаб и стал работать переводчиком.[1287]

Со второй половины ноября в унгерновский лагерь стали приезжать монголы для торговли. Пользуясь тяжелым положением дивизии, торговцы установили сильно завышенные цены, за все брали только золотом. Барон ввел ограничения на такую торговлю.

В то же время, он налаживал контакты с монгольской знатью. Первым пришел Дугаржав-мэйрэн (Дугар-мэрэн, Ундур-мэрэн). Он происходил из простого народа, выдвинулся в командиры. Теперь через него Унгерн стал завязывать контакты с князьями северо-восточных хошунов Цэцэнханского аймака.[1288]

Для личных переговоров с ламами и феодалами северо-восточной Монголии барон приехал к монастырю Бревен-хийд (270 км северо-восточнее Нийслэл-хурэ). Здесь первым к нему приехал Г. Лувсанцэвэн (1869–1922), известный как Цэвэн-тэргун. Это был видный деятель автономной Монголии, участник национально-освободительного движения 1911 г., дворянин первой статьи (тэргун-тайджи) хошуна Дархан-чин-вана Тушэтуханского аймака.

Поддержал Унгерна и Цэцэн-хан Наваннэрэн, в аймаке которого находился Бревен-хийд. Есть сведения, что в 1918 г. Наваннэрэн был активным сторонником присоединения к Китаю,[1289] участвовал вместе с Чэнь И в разработке документа из 64 пунктов, в 1920 г. поддержал Унгерна, а позже — МНРП,

хотел туда вступить.[1290] В 1924 г. он был уже министром внутренних дел народного правительства и отказался от ханского титула.[1291] В 1918 г. у него покупали оружие агенты красных (см. главу 5). Так что этого князя, в отличие от Лувсанцэвэна, интересовала только личная выгода.

К Унгерну стали почти ежедневно приезжать монгольские феодалы и монахи. После переговоров было решено получить от Богдо-гэгэна разрешение на занятие Нийслэл-хурэ. С тайным посланцем барон послал Богдо письмо на русском и монгольском языках.[1292] В нем было сказано: «Я, барон Унгерн, родственник русского царя, ставлю цель, исходя из традиционной дружбы России и Монголии, оказать Богдо-хану помощь для освобождения Монголии от китайского ига и восстановления прежней власти. Прошу согласия на вступление моих войск в Ургу».[1293] Подчеркивая родство с домом Романовых, барон, вероятно, имел в виду то, что его дальняя родственница А.В. фон Унгерн-Штернберг (1769–1846) была женой графа А.Г. Бобринского, незаконного сына Екатерины II.[1294]

Вскоре к Унгерну приехал глава Шабинского ведомства Хушиктэн-лама. Белые называли его «нечесаный лама (дал обет не чесать волос)».[1295] В действительности этот лама, по-видимому, незадолго до того занимался медитацией: после долгих затворов монахи иногда еще некоторое время не стригутся. Хушиктэн-лама сообщил, что Богдо-гэгэн дал согласие на вступление барона в город. Буддийское духовенство развернуло сильную агитацию за независимость Монголии.[1296] Богдо благословил князей на формирование отрядов в помощь Унгерну, стал тайно рассылать по хошунам свои приказы об оказании полного содействия барону во всем, что тому потребуется для войны с китайцами.[1297] Наваннэрэн провел мобилизацию среди молодых аратов, из которых был создан отряд, поступивший под команду Лувсанцэвэна.[1298]

При командирах (джанджинах) Унгерн организовал ямынь, куда вошли Батор-бэйлэ Джамьян из Цэцэнханского аймака, Зоригт-бэйсэ Мишигдорж, Цэрэндорж-тайджи, Сэргэлэн-гун Дугарсурэн, Мэргэн-гун Цэрэнвандуй-Бавудорж.[1299] Солдатскими ламами стали Ринчинсамбу (учитель Лувсанцэвэна) и Дэрин-чойджин.

К барону присоединялись монголы из всех социальных групп, надеясь на изгнание оккупантов. Это показывает несостоятельность красной пропаганды, будто Унгерн силой проник в Монголию, соединился с нехорошими людьми, у аратов силой забрал скот и имущество, а невежественный народ присоединился к нему под угрозой оружия.[1300] Рассказы о том, что унгерновцы в 1920 г. грабили монголов,[1301] не подтверждаются.

Заместителем Лувсанцэвэна-тайджи стал бурят Ж. Жамболон. В Даурии он был старшим пастухом при табунах Азиатской дивизии и вел поставки Унгерну, за что получил чин прапорщика.[1302] За успешную доставку золота Унгерна в Монголию получил чин хорунжего.[1303] В Монголии он оказал ба-

рону важные услуги в снабжении войск, в налаживании контактов с монголами и, вероятно, бурятами, откочевавшими в Монголию. Многие из этих бурят теперь вступали в Азиатскую дивизию.[1304] На переговорах с монголами он был главным помощником барона, получил чин сотника.[1305] Жамболон пользовался доверием Унгерна, который с ним часто советовался. Это был не только хороший организатор, но и добрый человек. Например, С.Е. Хитун вспоминал, как Жамболон под свою ответственность освободил человека от наказания, наложенного бароном.[1306]

Чтобы поправить материальное положение дивизии, Унгерн в декабре послал на тракт Нийслэл-хурэ — Калган отряд из русских и чахаров с приказом задерживать китайские караваны и отправлять их в войско. Чахары не грабили «всех и все», как утверждали красные.[1307] Нападали они на китайцев и, в особенности, на караваны снабжения. Им удалось захватить большой китайский караван с продовольствием для столичного гарнизона. Снабжение белых улучшилось. Появились курятина, мука и т.д., на Рождество — фрукты, сласти, вино. Несмотря на запрет китайцев, монголы снабжали войско деньгами и провизией.[1308] Дивизия стала регулярно получать мясо.[1309]

В середине декабря 1920 г. Унгерн с монгольским полком и двумя русскими сотнями захватил п. Мандал (сейчас Бат-Сумбэр). Находившиеся там китайские солдаты и русское население бежали в Нийслэл-хурэ. Мандал и прилегающие китайские заимки барон отдал на разграбление, запасы зерна и китайские постройки были сожжены. Убили еврея И.С. Мошковича и семь его родственников.[1310]

Между тем, «в окрестностях Урги и стоянки дивизии стали истощаться запасы фуража, и к тому же начали появляться сильные китайские разъезды. Унгерн решил перейти с войсками на новое место. Выступив на новую стоянку, барон, повернув в сторону Урги, произвел налет на китайскую заставу, расположенную в п. Налайха (в 10 верстах восточнее ургинского Маймачена). Встревоженные китайцы открыли ураганный огонь по всему фронту, продержав его всю ночь, а в это время дивизия Унгерна, повернув обратно, шла переменным аллюром на новый бивак — к реке Керулену, увеличив расстояние до Урги на 120 верст».[1311]

По другим сведениям, Унгерн решил напасть на китайские заимки по р. Хара-гол («река Хор») и для этого начал движение по Тэрэлджийн-голу. Через два дня к нему прибыл урядник Немчинов, осуществлявший связь между Нийслэл-хурэ и Азиатской дивизией. Он сообщил барону, что китайцы узнали о его замысле и двинули войска из Урги и кяхтинского Маймачена. Унгерн повернул обратно.[1312] Простояв два дня недалеко от прежней стоянки и заменив лошадей, дивизия направилась к Керулену.

Обозы дивизии ушли с Тэрэлджийн-гола на Керулен 19 декабря 1920 г., 29 декабря пришли строевые части и стали лагерем в местности «Гун — Гу-

лутай».[1313] Это долина вдоль правого берега Керулена, между р. Галутын-гол и оз. Их-Гун-нур. Она находится примерно в 120 км южнее устья р. Тэрэлджийн-гол — притока Керулена, где унгерновцы стояли раньше.

«На Керулене дивизия расположилась по правому и левому берегу реки. Унгерн со штабом, хозяйственными частями и прибывающими мобилизованными монголами, расположился верстах в пятнадцати южнее по той же реке».[1314] По более точным данным, в одном месте расположились дивизия и Унгерн со штабом, верстах в трех ниже по Керулену — чахары, а верстах в 20–25 — интендантство.[1315]

Люди поселились в юртах и землянках, построили бани, дезинфекционную камеру, восемь простых деревянных домов (зимовий) для тех, кто нуждался в особом режиме.[1316] Монгольские князья снабжали Унгерна продовольствием и средствами передвижения.[1317] Местные власти пригнали табун в 1500 отличных керуленских коней, у барона образовался запасной фонд лошадей для регулярного обмена уставших в строю на свежих.[1318] Был отдан приказ о проведении ежедневных занятий.

По-видимому, в этот период Унгерн принял монгольское подданство.[1319]

Дивизия готовилась к новому штурму Нийслэл-хурэ. В местности Хэрлэнгийн-Шугуй между Тушэтуханским и Цэцэнханским аймаками[1320] — то есть недалеко от расположения Азиатской дивизии — к Лувсанцэвэну стали собираться монголы, в том числе отряд Дугаржав-мэйрэна. Последний ездил по кочевьям и занимался мобилизацией. Полк из мобилизованных монголов возглавил Архипов.[1321] Присоединился баргутский военачальник Лувсан. Один из приближенных Богдо-гэгэна — тибетец Саджа-лама (Саж-лама, Сачжи-лама) Джамьян-Данзан и бурят Ц. Тубанов отправились вербовать тибетских солдат.[1322] В результате к Унгерну в конце января прибыли 80 тибетцев. Унгерновцы называли их также тибетскими монголами, монголы — тангутами, то есть жителями северного Тибета.[1323] По-видимому, они были из тибетской колонии в Нийслэл-хурэ, но некоторые предполагали, что их прислал из Тибета сам Далай-лама XIII.

Прибывали и русские. Одним из них был подполковник Дубовик, окончивший ускоренный курс Академии Генерального штаба в Томске. Позже он заведовал оружием дивизии. Прибыли действительный статский советник Г.П. Голубев с женой, врач А.Ф. Клингенберг и другие, следовавшие через Монголию на восток. Клингенберг — остзейский немец, бывший дивизионный врач у генерала Н.Н. Юденича.[1324] Унгерн определил его главным врачом дивизии.

Методы поддержания дисциплины оставались крайне жестокими. Порка ташуром была нормой. Особенно же запомнилась очевидцам казнь прапорщика Чернова. После отступления от Нийслэл-хурэ Унгерн приказал отправить обоз с ранеными на северо-восток, где были оставлены госпиталь и интендантские склады. Этим обозом и госпиталем заведовал Чернов. По дороге

он пьянствовал, убил несколько раненых, грабил дома монголов и китайцев, вступил в интимные отношения с женой чиновника Голубева. Когда обо всем этом узнал Унгерн, то приказал Голубеву выпороть свою жену, а ей самой отправиться ночь сидеть на льду Керулена. Чернов же получил 200 ударов ташуром, а затем был сожжен на глазах дивизии. Подробные описания процесса сожжения широко известны.[1325]

Обстановку в Нийслэл-хурэ барону докладывали его агенты из монголов. Через них же он подогревал панические настроения среди китайцев — например, о том, что его дивизия быстро увеличивается, что идут большие подкрепления и т.п.

26 января 1921 г. Унгерн отправил один отряд в пять сотен в верховья р. Хара-гол, другой в две сотни — по степям южнее горы Богдо-ула на Улясутайский тракт, третий — в сторону каменноугольных копей Налайх.[1326] Целью была рекогносцировка, а также создание у китайцев впечатления, что к Унгерну идут подкрепления, которые собираются окружить Нийслэл-хурэ. Первый отряд, пройдя более 120 км, разогнал батальон гаминов, захватил оружие и снаряжение, затем пришел в долину У-Булан, где 28 января был назначен общий сбор войскам. Второй отряд не встретил войск противника, но захватил более тысячи коней китайской кавалерии. Третий отряд должен был придти в Налайх, сбить сторожевое охранение китайцев, отогнать их к дефиле и тревожить каждую ночь у села Малый Мадачан[1327] и Богдо-улы, чтобы приучить к мысли о несерьезности намерений белых.

Между тем, обеспечение гарнизона Нийслэл-хурэ ухудшалось. Чэнь И послал пекинскому правительству прошение об отставке вследствие неполучения им из центра финансовой и военной помощи.[1328] Отставку не приняли, помощь опять пообещали.

Узнав о появлении отрядов барона, руководители красной управы в Нийслэл-хурэ решили: в случае занятия столицы белыми всем активистам бежать, а свои семьи оставить в городе.[1329] Решение своеобразное, если учесть, что отношение Унгерна ко всем красным было широко известно...

Решили уехать из Нийслэл-хурэ и некоторые иностранцы. 26 января унгерновцы атаковали три автомобиля, ехавшие оттуда в Калган.[1330] Прорвался лишь один. В нем из четырех пассажиров трое были ранены, один (Гауэр) убит.[1331] Среди раненых был некто Рябухин. Вероятно, это родственник Н.М. Рябухина (Рибо) — оренбургского казака, который находился в Нийслэл-хурэ, затем попал врачом в дивизию Унгерна, а впоследствии написал мемуары.[1332]

Пассажиры двух других автомобилей залегли под ними, и попали в плен. Это были поручик Лейхт, швейцарский коммерсант Штефан, центросоюзники Глазунов, Бен и Полек, медики Хаскин (или Гаскин) и Цукерман, шофер Ко-

венко[1333]. Евреев Хаскина, Полека и Цукермана убили. Остальных 28 января доставили в штаб на У-Булане. После допроса им разрешили выехать в Нийслэл-хурэ.[1334]

27 января князья и ламы послали к Унгерну из столицы делегацию в составе Эрдэнэ-шанцзотбы Дашжава, Джалханцза-хутухты Дамдинбазара, Дархан-чин-вана Пунцагцэрэна, Эрдэнэ-джонон-вана Ширнэндамдина, Джонончин-вана Цогбадараха и Сужэгт-вана Доржпалама для обсуждения будущего государственного устройства Монголии.[1335] 29 января Унгерн получил благословение Богдо-гэгэна на изгнание китайцев из страны.[1336] Тогда же был утвержден план освобождения монгольского монарха из-под ареста.

Большое впечатление на столичных жителей произвел следующий эпизод.[1337] Среди бела дня в город, находившейся на осадном положении, проник сам Унгерн в монгольском халате, на любимой белой кобыле. Проехав до дома Чэнь И, он спешился, подозвал к себе одного из солдат охраны и приказал ему держать лошадь за повод, а сам обошел вокруг дома, внимательно все осмотрел, сел на лошадь и, не торопясь, поехал обратно. Проезжая мимо тюрьмы, он увидел часового, спавшего у ворот. Такое нарушение дисциплины возмутило барона. Слезши с лошади, он несколько раз ударил часового ташуром и пояснил, что он, барон Унгерн, самолично его наказал за это. Когда часовой, наконец, поднял тревогу, барон был уже далеко.

31 января во второй половине дня Унгерн сделал смотр своему войску.[1338] Тележный обоз и денежный ящик он приказал оставить в У-Булане, снаряды и патроны погрузить на верблюдов. Смотр закончился в сумерках поверкой и общей молитвой, которую каждая национальность читала на родном языке и по своему обряду.

Состав дивизии был следующим.[1339] 1-й Татарский конный полк, под командой подъесаула Парыгина — 350 сабель; 2-й конный полк под командой есаула Хоботова[1340] — 300 сабель; артиллерия капитана Дмитриева, 4 орудия — 60 человек; пулеметная команда капитана Евфаритского, 12 пулеметов — 80 человек; Японская конная рота — 40 человек; Монгольский дивизион, 2 сотни — 180 человек; Отдельный дивизион хорунжего Тубанова (1 тибетская сотня, 1 бурятско-монгольская) — 170 человек; Чахарский дивизион Найдан-гуна — 180 человек. Всего 1460 человек.

Китайцы располагали следующими силами.[1341] 3 пехотных полка по 9 рот — 4000 штыков, 1 кавалерийская дивизия генерала Го Сунлина — 2900 сабель, 3 батареи по 6 орудий — 18 орудий, 3 пулеметных роты — 72 пулемета. Итого около 7 тыс. человек.

То ли по заданию Резухина, то ли от скуки, полковник Дубовик составил доклад с приложением диспозиции взятия Нийслэл-хурэ. Унгерн и Резухин признали ее отличной, собрали старших офицеров и приняли диспозицию с некоторыми поправками. Суть ее заключалась в том, чтобы первый удар на-

нести с юго-востока — со стороны сел Большой Мадачан и Малый Мадачан, а затем зайти в тыл и нанести удар с севера и востока. Для этого дивизия была разбита на три колонны. Правая колонна (относительно Нийслэл-хурэ) под командой Хоботова, имевшая пять конных сотен, должна была наступать по Калганскому тракту и долине Толы; вторая, средняя колонна под командой Резухина, имевшая три с половиной сотни и одно орудие — по Калганскому тракту через Мадачаны на Маймачен; третья, левая колонна под командой Тубанова, имевшая две с половиной сотни, должна была проникнуть во дворец Богдо-гэгэна и вывезти его. Резерв составляли две сотни чахаров Найдан-гуна.[1342]

В ночь на 1 февраля две сотни тибетцев, монголов и бурят во главе с Тубановым, Лувсаном и Саджа-ламой направились из У-Булана на юго-западный склон Богдо-улы. Главные силы белых двинулись на Нийслэл-хурэ. Вскоре к Унгерну из столицы прискакал хорунжий Немчинов. Он доложил, что китайцы дали ему денег и цианистый калий, чтобы отравить барона. Унгерн забрал цианистый калий, деньги вернул Немчинову и приказал ему оставаться при нем.[1343] Возможно, этот яд барон берег для себя, но перед пленением красными яд пропал...

Две русские сотни — 4-я Хоботова и 5-я Неймана (оренбургско-забайкальская Архипова) — получили приказ свернуть с тракта вправо и занять гору Баян-Дзурх.[1344] 1 февраля они сошли с Калганского тракта, обошли с востока гору Ганц-Модот-ула (на западном склоне которой находились села Малый и Большой Мадачаны) и вышли к Баян-Дзурху. Здесь был бой с китайцами, во время которого хорунжий Слюс со взводом оренбуржцев захватил исправную пушку системы Норденфельда и два пулемета. Отсюда Хоботов и Нейман продвигались за китайцами, отходившими к Худжир-Буланским казармам, и к вечеру обошли эти казармы с востока.

Тем временем главные силы белых под командованием Резухина двигались по Калганскому тракту. К передовым позициям китайцев они подошли в 15 час. и к ночи взяли первый рубеж — Малый Мадачан, при этом расстреляв все ружейные патроны. Но здесь они захватили две двуколки с патронами.[1345] Китайцы и унгерновцы имели оружие одного и того же японского образца, что спасло положение. Китайцы отступили на главные позиции: Большой Мадачан — Богдо-ула.

Верстах в двух — трех от передовой, за выступом скалы, остановились доктор Клингенберг, начальник штаба Дубовик, комендант Безродный и резерв Найдан-гуна. Здесь же решили организовать перевязочный пункт. Когда стали подвозить раненых, выяснилось, что нет палаток, воды, дров и т.д. Раненых отправили на бычьих повозках в У-Булан на заимку Сухарева, куда прибыл фельдшер Логунов. Раненые, особенно с переломами, сильно страдали от тряски в дороге, пять человек умерли.[1346]

Рано утром 2 февраля Резухин повел наступление на мадачанском дефиле. Бой был упорный, сказывалось превосходство китайцев в живой силе и вооружении. Успех боя решил поручик Плясунов. Китайцы занимали сильные позиции по северо-восточному склону Богдо-улы. Обойдя их с правого фланга, Плясунов открыл огонь по тылам и флангу противника, окопавшегося на двух сопках. Китайцы оставили эти сопки, затем — еще одну, а затем — и позиции у Большого Мадачана.[1347] Еще до наступления темноты сотни Плясунова и Резухина разместились на ночлег в рабочих казармах, располагавшихся у восточной подошвы Богдо-улы.

Тем временем Хоботов и Нейман перешли р. Улястайн-гол («Улятуйка») и заняли высоты к северу от Маймачена. Унгерн послал им две из четырех своих пушек. Китайский командир Ян по радио просил помощи у Пекина, сообщал об окружении Нийслэл-хурэ, сильном бое и потерях китайцев в 400 человек ранеными и 50 — убитыми.[1348] В тот же день в Китай пришло последнее радиосообщение: станция под орудийным обстрелом, ее будут эвакуировать.[1349] После этого радиопередатчик был поврежден снарядом и перестал работать.[1350] Белые свалили столбы и порвали проволоку телеграфной линии.[1351]

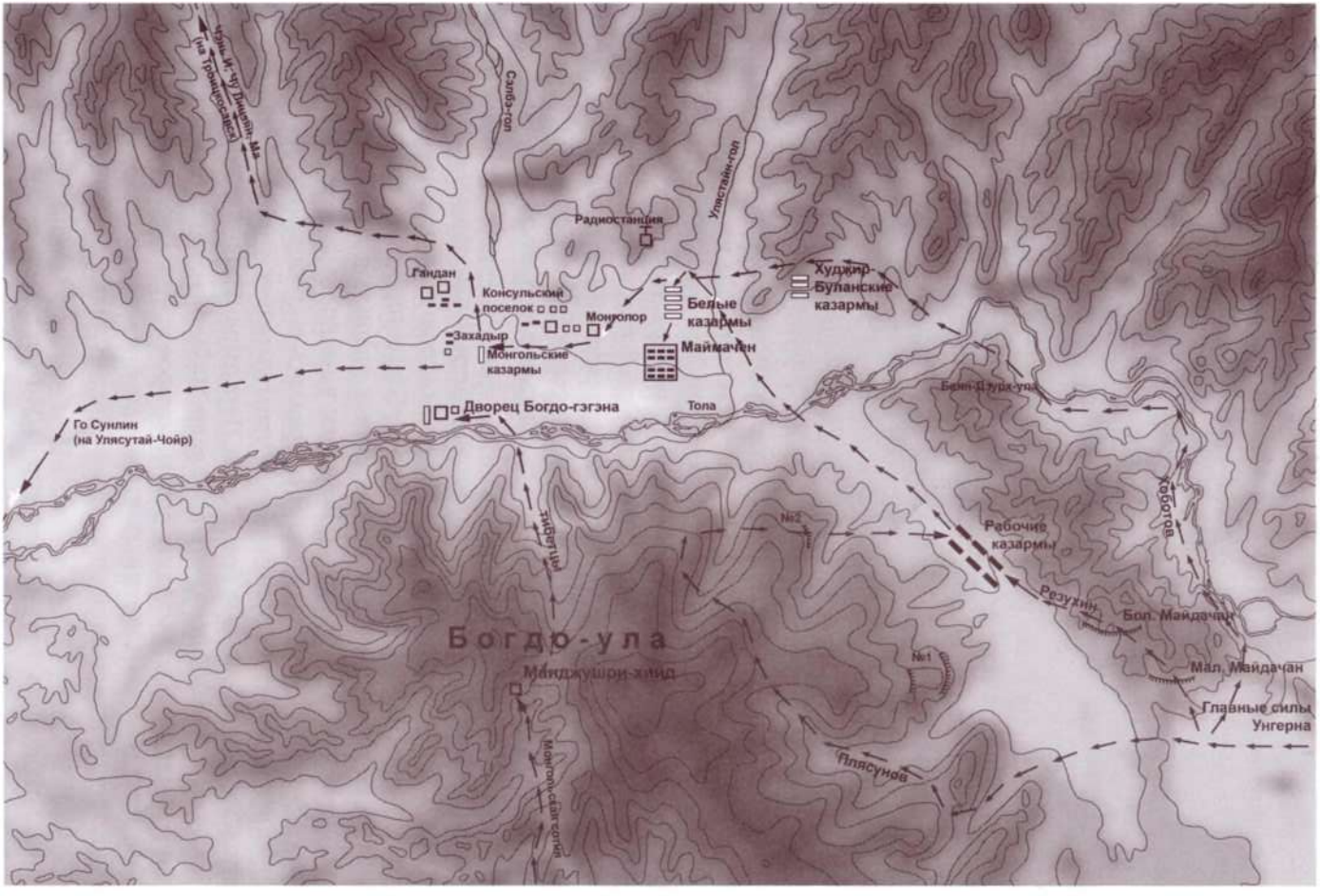
Во время боя Саджа-лама, Тубанов и баргут Лувсан с их отрядом похитили Богдо-гэгэна из-под домашнего ареста и перевезли его через гору Богдо-ула в монастырь Манджушри-хийд (подробнее см. в главе 11).

Унгерновцы переоборудовали один из захваченных автомобилей в подобие броневика и установили на нем пулемет.[1352] В темноте он подъезжал к китайцам, открывал фонари, выпускал очередь, тушил фонари и быстро уезжал. Позже газеты писали, что Унгерн имеет целый дивизион броневиков...

Барон лично ездил на разведку к Худжир-Буланским казармам, в которых было не менее 500 гаминов. Он понял, что эти солдаты деморализованы и не осмелятся ударить ему в тыл, когда он будет наступать на Маймачен. Так и случилось: после захвата белыми Маймачена гамины из казарм разбежались.[1353]

Китайское командование перессорилось между собой. Командиры отказались действовать в непосредственном подчинении одного начальника, и Го Сунлин, взяв до тысячи солдат, ушел в западную часть города, а затем увел их юго-западным путем в Китай.[1354] Чэнь И сообщал, что отряд в 2 тыс. человек, стоявший близ Урги, получив боевой приказ, не исполнил его, прибыл в столицу, забрал имущество отряда и удалился, не сделав ни одного выстрела в сторону Унгерна.[1355] Возможно, речь шла именно об этом эпизоде.

3 февраля Унгерн дал своим солдатам и конскому составу передышку. Лишь изредка происходила слабая артиллерийская перестрелка.[1356] Впоследствии недоброжелатели барона говорили, что надо было наступать, а он не стал, поскольку ламы нагадали несчастный день.[1357] Монгольские мемуары

Взятие Нийслэл-хурэ Р.Ф. Унгерном (по Торновскому, 1942, с изменениями).

опровергают это.[1358] Один из высших лам, Хухэн-хутухта Джамьян-Данзан-Дамби-Джамцан[1359] перед штурмом столицы нагадал Унгерну, что белые победят, только если атакуют Нийслэл-хурэ до конца последнего зимнего месяца (по лунному календарю). О какой-то дате речь не шла. Это предсказание было вполне разумно. Помимо астрологии, учитывалась возможность получения китайцами подкреплений. Кроме того, передышка позволяла собрать и отправить раненых в У-Булан.[1360] К Резухину подтянулась отставшая сотня. Наконец, благодаря этой задержке и дезинформации со стороны монголов, китайцы решили, что Унгерн ожидает подкреплений.[1361] На совете китайского командования было решено оставить Нийслэл-хурэ.

Ночью на вершинах Богдо-улы и Махур-Толгоя — к югу и северу от города — белые зажгли большие костры как ориентиры для наступления. Костры зажгли также на многих сопках.[1362] На китайских солдат они подействовали деморализующе.[1363] Создавалось впечатление, что к Унгерну подошли подкрепления и он окружает столицу. Кроме того, по мемуарам Д.П. Першина, суеверные гамины увидели в этом нечто магическое.

Ночью с 3 на 4 февраля отряд Резухина, с которым был и Унгерн, перешел Толу около консульской летней дачи (район Баян-Дзурха), незаметно прошел мимо Белых казарм, и по долине Улястайн-гола направился на большой костер на горе, где соединился с отрядом Хоботова. Копыта лошадей и колеса орудий были покрыты войлоком. Благодаря этому удалось бесшумно подойти к Белым казармам, где находилось до 2 тыс. китайских пехотинцев. В полшестого утра 4 февраля унгерновцы атаковали Белые казармы с севера. Ворота во двор выбили бревном, в окна стали бросать гранаты. Китайцы бросились бежать через южные ворота. Здесь их накрыл артиллерийский и пулеметный огонь.[1364]

Теперь Унгерн разделил войско на две части.[1365] Половину своих сил он бросил на Маймачен, а половину — в конном строю на преследование китайцев, отходивших к Консульскому поселку. Барон лично возглавил атаку на Маймачен. Пехота пошла в штыки, конница ударила с тыла, а сторонники белых сумели изнутри поджечь Маймачен в нескольких местах.[1366] Бросая гранаты в ворота и окна, атакующие прорвались в слободу.

Укрепившись в домах Маймачена, группы китайцев храбро оборонялись. Начались жестокие уличные бои. Сотни Парыгина, Исаака и Забиякина несли большие потери. К полудню они взяли Маймачен, однако очаги сопротивления приходилось подавлять еще некоторое время. Часть китайцев сдалась, но позже многих пленных вырезали чахары, халхасцы и буряты. Возможно, они мстили за вероломное убийство лидеров панмонголистов и свое пребывание в плену.

Еще до окончания штурма Маймачена Унгерн присоединился к войскам, теснившим гаминов на запад, по направлению к зданию компании «Монго-

Ворота ургинского Маймачена (Калинников, 1926б).

лор» у восточной окраины Консульского поселка. Этот дом и бугор, где он расположен, представлял сильную позицию, потому что к нему нужно было подходить по совершенно открытому подъему. В 10 час. утра барон выбил китайцев с этой позиции, они отошли на ров, отделяющий участок «Монголора» от российского консульства. Здание было набито спасавшимися русскими. Они очень обрадовались унгерновцам. Но через два часа гамины перешли в контратаку, поддержанную артиллерийским огнем. Барон отошел на северо-восток, по направлению к радиостанции. Тогда Монгольский и Чахарский дивизионы обошли по сопкам левый фланг китайцев, а сотня Хоботова продвинулась по долине реки Толы, в обход правого фланга. Китайцы отступили западнее, в направлении Хурэ.[1367]

Хоботов и Архипов подошли к монгольским казармам между Хурэ и Консульским поселком.[1368] Затем Архипов продвинулся к Китайско-монгольскому банку и Захадыру (базару), обстреливая отступающих гаминов. Казаки Хоботова освободили из тюрьмы около 200 человек, в том числе русских, а также ветеранов антикитайской борьбы — Хатан-батора Максаржава, Тогтохо-гуна, Пунцагдоржа и др. Среди освобожденных были члены МНП Джамьян-гун и Джигмэддорж.[1369] Позже Максаржав говорил, что он был связан с красными, а свой арест гаминами объяснял одобрением письма в РСФСР, отправленного тайным кружком из Нийслэл-хурэ.[1370] Русские обнимали освободителей, некоторые теряли сознание, бросались на еду. Один из них, полковник Дроздов, был расстрелян Резухиным «за распространение паники».[1371]

С этими и другими солдатами Р.Ф. Унгерн в 1921 г. освободил Нийслэл-хурэ (Volkov, 1931).

До вечера 4 февраля китайцы держались за рекой Сэлбэ-гол, затем ушли.

Итак, 4 февраля 1921 г. монгольская столица в основном была освобождена от оккупантов.[1372] Однако на протяжении всего 5 февраля войска барона еще очищали ее от мелких групп гаминов.[1373] По-видимому, тогда же произошел и бой, бессвязно описанный Анонимом: какой-то китайский полк вышел на Нийслэл-хурэ из-за горы Богдо-ула, гамины небольшими группами засели на сопках, и были частично перебиты белыми. Последним достался верблюжий транспорт, груженный всяким добром.

Оккупационная администрация бросила своих солдат как раз перед вступлением Унгерна в столицу. В ночь с 3 на 4 февраля Чэнь И с командирами китайского гарнизона на 11 автомобилях уехали на север через перевал Толгойтын-даба. Вслед за ними в направлении перевала Шар-Хурвийн-даба уехали 40 человек — остатки китайского командования и чиновники китайского ямыня в главе с Самбу.[1374] 5 февраля Чэнь И и другие прибыли в кяхтинский Маймачен. Вскоре там появились китайские анонимные прокламации, осуждавшие гражданские власти за сдачу Урги,[1375] хотя главная ответственность за это лежала на военных.

Оттуда Чэнь И ездил в Троицкосавск.[1376] Там у него состоялись встречи с представителем НКИД Макстенеком и начальником гарнизона Катерухиным.

Чэнь И изложил свои соображения о причинах поражения китайцев в Монголии.[1377] Он попросил временно ввести советские войска для разгрома Унгерна.[1378] В этом ему было отказано.[1379]

Основная масса китайских солдат уходила из Нийслэл-хурэ утром 4 февраля, в большом беспорядке, на лошадях, телегах и пешком. Они двигались через западную часть Нийслэл-хурэ по тракту на север в то время, когда в восточной части города разворачивались бои. Отступление было паническим. Три тысячи солдат побросали винтовки и патроны.[1380] На протяжении первых 10 верст Троицкосавский тракт казался сплошь усеянным одеждой, обувью и продуктами.[1381] Многие были не подготовлены к зимнему переходу, шли пешком, без продовольствия, теплой одежды и обуви. Многие погибли от мороза.

Часть солдат с Го Сунлином направилась на запад и юг, другая с Чу Лицзяном и генералом (полковником?) Ма — на север. И те, и другие стремились только уйти на родину. Чу Лицзян со штабом остался на севере, в кяхтинском Маймачене. Командование китайским гарнизоном там принял сановник Лю Юань, бывший губернатор Кобдо.[1382] Чэнь И с чиновниками позже уехал в Китай. Там его лишили должности, чинов и орденов.[1383] Вместе с ним уехал Чу Лицзян.[1384]

Вместе с китайцами из Нийслэл-хурэ на север ушло около 100 русских и евреев.[1385] Вместе с ними сбежали многие красные активисты, в том числе Балыков, С.И. Попов, Шейнеман, Муниц и Чайванов (впоследствии ставший одним из приближенных Ф.Э. Дзержинского). Первая партия русских беженцев прибыла в Кяхту 14 февраля: «31 человек, главным образом демократический элемент, служащие, рабочие, члены горуправления. Дорогой все разграблены, раздеты, обморозились».[1386] Ушли и некоторые иностранцы. Один из них, Й. Гелета, описал свой уход с китайцами в Маймачен.[1387]

Отступая на север, гамины грабили и убивали монголов. В основном, это были бедняки, оставшиеся у тракта: кто мог, успел откочевать.[1388] Беженцы, прибывавшие в Троицкосавск, говорили, что монгольское население притрактовой полосы отступающими гаминами перебито поголовно.[1389]

По взятии Нийслэл-хурэ, в два часа дня, Унгерн с конвоем проехал по улицам.[1390] «Пришел барон: длинная, красная, меховая, шелковая, монгольская куртка поверх шинели, унты, шашка, лохматая папаха, ташур, которым он хватил по животу не отдавшего честь Хоботова».[1391] Вначале барон остановился в Маймачене у некоего Лувсан-Джанцана.[1392] Прошел слух, что Унгерн «въехал в Ургу, остановился обедать у барона Витте, где встретил старого знакомого генерала Комаровского и барона Тизенгаузена и что с обедом торопится, спеша лично выехать в монгольскую часть Урги, где идет грабеж частями его отряда и, главным образом, монголами, и что без его

участия это остановить трудно».[1393] Колонистам запомнился этот «обед трех баронов».

В 4 часа Унгерн вызвал к себе старшину китайских торговцев и приказал при помощи пленных гаминов (400 человек) очистить город от трупов. Работа заняла три дня. Трупы сваливали кучей за Маймаченом; они еще долго служили пищей собакам. По наступлении теплого времени их облили керосином и сожгли.[1394] Было убрано 2500 трупов, имевших, в основном, сабельные раны.[1395] Учитывая предыдущие бои, можно предположить, что китайцев погибло больше, но цифра в 8 или 10 тыс. убитых[1396] сильно завышена. Азиатская дивизия при штурме Нийслэл-хурэ потеряла 60 человек убитыми и 150 ранеными.[1397] В частности, был ранен Резухин.[1398]

Вечером в буддийских храмах монгольской столицы начался большой молебен в связи с освобождением города от гаминов. Большинство населения приветствовало освобождение от оккупантов.

Вместе с тем, сразу после освобождения города начались грабежи, поджоги и еврейские погромы. Грабежами занимались все — русские, монголы, японцы и др. Грабили в основном брошенные китайские лавки, банк, дома, где надеялись поживиться. В том числе дома богатых иностранцев.[1399] А вот как об этом писали в советское время: «Заняв Ургу, барон Унгерн подверг трудящихся аратов жестокому грабежу и разорению, щадя в то же время имущество ванов, гунов, ханов и хутухт».[1400] Выходит, в осажденной столице зачем-то собрались кочевники-пастухи — эти-то неимущие и стали главной приманкой для Унгерна...

Между грабителями происходили стычки. Д. Алешин вспоминал, что казаки на улице устроили нечто вроде лотереи, разыгрывая между собой захваченные в банке серебро и деньги.[1401] Правда, растащить успели лишь небольшую часть банковских ценностей. Донир Джамбал вспоминал, что чахары украшали своих лошадей и ташуры захваченными ценными тканями.[1402] На Захадыре, сплошь застроенном небольшими деревянными строениями, вспыхнул пожар. Начался грабеж лавок. Население под руководством торгового старшины Н.М. Сулейманова энергично взялось за тушение, и пожар был локализован.[1403]

Возможно, в первые дни Унгерн не смог удержать бойцов, дорвавшихся до добычи после тяжелой осады. Но некоторые говорили, что барон, по средневековой традиции, отдал город победителям на поток и разграбление, а через два дня пресек грабежи, устроив публичную казнь мародеров. Рассказывали, что всадники разъезжали по городу с гвоздями и молотками, и тут же на заборах вешали грабителей, закрепляя веревки на гвоздях.[1404]

Унгерн распорядился не причинять вреда китайским купцам, оставшимся в городе. Был создан совет китайских торговых старшин и выяснены фирмы, хозяева которых не сбежали или оставили заместителей.[1405] Барон

приказал выпороть штабс-капитана Хребтова (по другим сведениям — заместителя коменданта Васильева) за то, что тот в пьяном виде ворвался в лавку и попытался расстрелять служащих-китайцев.[1406] Все товары было приказано покупать только за деньги. Китайские купцы даже организовали банкет в честь Унгерна. Он подобных торжеств не любил и на банкет не пришел. Н.М. Сулейманов от имени торговых старшин преподнес барону адрес, написанный в очень лестных выражениях секретарем совета старшин Семухиным.[1407]

Те китайцы, которые бежали из города, позже стали предъявлять Унгерну материальные претензии. Он им отказал: пусть вначале сами вернут русским купцам добро, отнятое во время бесчинств китайских солдат в Нийслэлхурэ.[1408]

Город быстро приходил в себя после штурма. Но вопрос о возможном реванше китайцев не был снят. 8 февраля Унгерн отдал тайный приказ догнать гаминов, которые ушли из столицы. По-видимому, до него дошли сведения о производимых ими грабежах и убийствах. В сторону р. Хара-гол был отправлен сотник Янков с 3-м конным полком.[1409] К нему присоединилась часть монголов, в том числе отряд Тогтохо-гуна.[1410] Китайцев разбили на тракте в местности Тургэний-даба, передовые части белых заняли урочище Мактуй. Перебив много китайцев, белые захватили военное имущество, 11 верблюдов с китайским серебром и бумажными деньгами; их барон отдал в государственное казначейство.[1411]

10 февраля Резухину сообщили, что к Урге со стороны Калгана подходит сильный китайский отряд. Он следовал из военной базы в Чойрын-хурэ на юге Монголии на усиление ургинского гарнизона. Резухин выступил с 2 сотнями и 2 пулеметами к Большому Мадачану и там остановился. Китайцы, не дойдя полтора километра, заняли ряд сопочек, вперед выслали группу конных разведчиков. К началу боя прискакал Унгерн. После небольшого боя белые нанесли гаминам удар во фланг и тыл. Резухин получил очередное ранение — в правую руку.

Китайцы сдались. Победители взяли 450 верблюдов, навьюченных снарядами и патронами, 15 верблюдов с грузом серебряных денег, несколько верблюдов с продовольствием и подарками. Подарки барон раздал на месте сотням и командам, участвовавшим в бою.[1412]

В 70 км восточнее п. Иро находились два китайских полка, третий занимал поселок. 23 февраля сотня Б. Очирова совершила налет на заимку Корнаковка на Иро в 45 км северо-восточнее Ибицыка и обратила в бегство находившихся там гаминов. Две сотни унгерновцев (одна русская, одна монгольская) в начале марта прибыли в район впадения р. Букулей в р. Иро в 50 км юго-восточнее п. Иро.[1413]

28 февраля войсковая разведка красных сообщала о появлении двух китайских кавалерийских полков в 3 тыс. при 4 орудиях и 16 пулеметах в 10 и 15 км от Ибицика. Один из этих полков днем раньше ночевал в улусе Кучеура, где на него напал белый отряд в 500 монголов и 500 русских при 4 орудиях. После короткого боя отряд отступил к северу.[1414]

16 февраля на смену Янкову на север вышел 2-й полк Хоботова, успевший к этому времени в Нийслэл-хурэ хорошо одеться и сменить подбившихся коней. 25 февраля Унгерн ездил с инспекционной целью в Дзун-Мод и на р. Хара-гол. Янков получил приказ формировать 3-й конный полк для действий на кяхтинский Маймачен.[1415] Хоботов прошел на север и к 1 марта выдвинул передовую заставу к Ибицыку в районе р. Иро. Китайцы были вынуждены отойти к кяхтинскому Маймачену. 8 марта китайские войска заняли Корнаковку; в районе Ибицыка осталось 500 китайских кавалеристов.[1416]

Итак, в феврале и марте деморализованные китайские войска, более не имевшие единого командования, «кочевали» в районе Ибицыка и в треугольнике рек Иро — Орхон.[1417] Обычно они днем скрывались в сопках, а ночью нападали на селения. Жители распродавали за бесценок свое имущество и бежали.[1418] В ДВР хлынул поток людей разного подданства и национальности. В приграничной полосе скопилось 35 тыс. беженцев, через границу проникло 18 тыс.[1419]

1 марта 1921 г. барон двинул часть своих войск на Чойрын (примерно 240 км юго-восточнее столицы). Там находилась крупная база китайских войск. Это не нынешний г. Чойр у железной дороги, а обособленный горный массив к юго-востоку от него. Этот массив состоит из двух гор: Чойрын-Богдо-ула и Оцол-ула, разделенных котловиной. В котловине и по бокам горы Чойрын-Богдо-ула находился монастырь восточного Чойра — Чойрын-хурэ. Поблизости проходят дороги, ведущие по всем направлениям Монголии. Вторая база была примерно в 200 км юго-восточнее — в Дзамын-Удэ. Незадолго до установления автономии монголы разбили там китайские войска,[1420] а потом туда вновь вошел китайский гарнизон.

Теперь белые узнали, что пекинское правительство отправило в Монголию через Калган крупные части для борьбы с Азиатской дивизией.[1421] По слухам, китайские войска через Гоби двигались эшелонами по одному батальону примерно по тысяче человек.[1422] В действительности, гамины двигались в другую сторону — от Нийслэл-хурэ на Калган. Это были солдаты Го Сунлина. Дилова-хутухта вспоминал, что гамины, размещавшиеся в Джанджин-Чойр, как только явились офицеры из Нийслэл-хурэ, обстреляли и ограбили восточный монастырь Чойра, ограбили ставку Цэцэн-вана, захватили правящего князя Гомбосурэна, Чойр-ламу и гэскуя[1423] монастыря. Обоих монахов убили, князя забрали с собой.[1424] В районе Чойр гамины расстреляли

около ста монгольских женщин (по разным данным, от 89 до 107), то ли увезенных силой, то ли ехавших с ними добровольно. Сейчас это место называют «Котловина ста утроб» (монг: «100 умайн хонхор»), там стоит памятник.[1425]

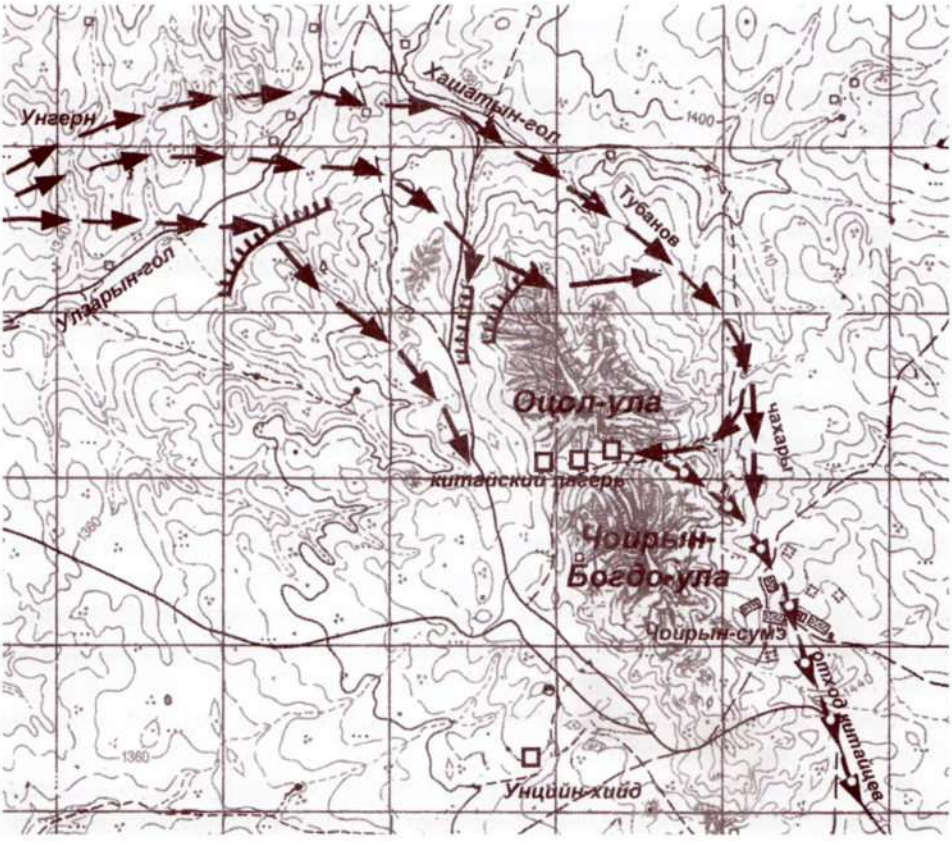
Унгерн решил захватить обе китайские базы. От пленных гаминов, а также от монголов, приехавших из чойрынского района на интронизацию Богдо-хана, барон узнал, что там стоит пятитысячный гарнизон и на обширной площади у монастыря сосредоточены склады продовольствия, обмундирования, огнеприпасов и бензина.[1426]

По воспоминаниям Дилова-хутухты,[1427] Унгерн прибыл к Чойрын-хурэ уже после ухода гаминов. В действительности гамины там были и приготовились к обороне. По-видимому, ушел только Го Сунлин со своими солдатами, прихватив пленного князя и награбленное.

Барон взял с собой 8 сотен (по-видимому, включая чахаров), Монгольский дивизион, 2 орудия и 8 пулеметов — всего около 900 человек; при этом китайский гарнизон Чойрына составлял 2500 человек.[1428] Ночью 11 марта, после нескольких дней изнурительного перехода по заснеженной степи, он подошел к Чойрыну. В той же котловине, где и монастырь, в естественном укреплении среди скал размещалась китайская база.[1429] В километре западнее была сопка с небольшим монастырем Унцийн-хийд. Ее тоже занимали гамины. Северо-западнее, со стороны дороги, находилась их передовая позиция с окопами в рост человека.

Унгерн остановился в 6 км севернее монастыря и спрятал свой отряд между складками местности. Ночь барон провел в разведке, побывал в монастыре Чойрын-хурэ и китайском лагере. Перед рассветом белые пошли в наступление. Унгерн разделил свои силы на две колонны. Левая бросилась на чойрынский массив и с налета захватила нижний ярус, а правая повела атаку на китайские позиции со стороны Унцийн-хийда. Весь день на левом фланге шла оживленная перестрелка и упорная борьба за каждый камень. На правом фланге барон бросил на гаминов четыре конные сотни,[1430] но они не доскакали до цели. Барон сам участвовал в двух атаках подряд, но безрезультатно. Китайцы расстреливали из пулеметов атакующих на ровной степи.[1431]

Ночью с 11 на 12 марта китайцы оставили передовые позиции, и отошли на главные. 12 марта рано утром Унгерн повел атаку на правый фланг китайцев. К полудню белым удалось закрепиться у подножья горного массива. Русские и татары поодиночке и группами карабкались на скалы под сильным пулеметным и ружейным огнем. Барон назначил денежные «призы» за взятие уступа, утеса и т.п. Некоторые опорные пункты переходили по нескольку раз из рук в руки, прежде чем унгерновцы окончательно закрепились на них.[1432] С наступлением темноты артиллеристы сумели втащить орудие на отдельно стоящую скалистую, казалось, неприступную сопку в тылу у противника.

Взятие Чойрына Р.Ф. Унгерном (по Князеву, 1942, и Торновскому, 1942).

Барон остановил бой, чтобы дать людям отдых. В полночь он снова атаковал командную высоту, вершина которой оставалась в руках гаминов. Одновременно он послал бурятскую сотню во главе с Тубановым[1433] в обход китайцев. Артиллеристы же с сопки прямой наводкой открыли огонь по тылу китайской позиции — по базе, вызвав панику. Говорили, что был убит начальник гарнизона.

В 6 час. утра 13 марта китайцы под прикрытием кавалерии стали уходить, бросив большую часть обоза, в 8 час. Унгерн вступил в их базу.[1434] Артиллерийский дивизион он отпустил в Нийслэл-хурэ. Дугаржав-мэйрэн был направлен в Хаир-усу, где, по слухам, были гамины. По дороге ему следовало мобилизовать монголов согласно предписанию монгольских властей. В течение трех суток на территории чойрынского района удалось мобилизовать более 200 человек с вещами.[1435] Дойдя до Хаир-усу и не найдя китайцев, Дугаржав повернул на Нийслэл-хурэ и прибыл туда 19 марта.[1436]

Захватив базу, Унгерн сразу выслал чахаров в погоню за отступавшими. Чахары получили приказ вырваться верст на двадцать пять. Китайцы стремились подальше оторваться от преследователей, но удалось это не всем. На первых 30 км было разбросано много продуктов, оставлено несколько поломанных автомобилей, с сотню бычьих повозок и примерно столько же вьючных верблюдов.[1437] Позже датчанин Х. Хаслунд около монастыря Тойрын видел разбросанные гильзы среди множества человеческих костей. Местные монголы рассказали ему, что в ту «ужасную зиму» отряд из нескольких тысяч солдат генерала Сюя был атакован монголами, которые перебили сотни китайцев к тому времени, как подошли казаки.[1438]

Унгерн взял с собой шесть сотен и выступил на преследование 13 марта в час дня. Они догнали первый караван из 300 китайских всадников между 2-м и 3-м уртонами от Чойрын-хурэ (в 75–85 км). Китайцев разоружили, подсчитали, выдали им продовольствие, по вьючному верблюду на каждых четырех солдат, и отпустили в Калган. Чахаров барон отправил в Нийслэл-хурэ. Оставшиеся шесть сотен он пересадил на верблюдов, лошадей приказал сдать в табуны и гнать вслед за отрядом. На следующий день унгерновцы настигли еще одну группу отступавших, 200–250 человек. Их барон тоже отправил в Калган, снабдив продуктами, вьючными верблюдами и перевязочными средствами.[1439]

15 марта со ссылкой на радио (китайское?) газета «Боец и пахарь» (№ 69) сообщала о разгроме унгерновцев под Таолином,[1440] но уже на следующий день (№ 70) — об отступлении китайских войск. Белые прервали телеграфную линию из Чойрына в Китай. Иностранный дипкорпус в Пекине выразил обеспокоенность падением Таолина: опасались падения Калгана, что повлекло бы восстание в Пекине и угрозу для иностранцев.[1441]

После победы под Чойрын-хурэ барону от имени Богдо-хана послали хадак (церемониальный шелковый шарф) и подарки, а в помощь направили Хатан-батора Максаржава с монгольскими солдатами.[1442] Посланники застали барона уже в пути на Дзамын-Удэ. Здесь Унгерн получил донесение, что китайцы двинулись от Кяхты в сторону Урги.[1443] Он передал командование есаулу К.И. Парыгину, а сам вернулся в столицу на автомобиле.[1444] Удэ белые заняли без боя: китайцы оставили его, предварительно разрушив все, что могли. Прибывшие в Удэ монгольские чиновники стали рассылать приказы о мобилизации.

Слухи об отправке в Монголию крупных китайских сил не подтвердились. Из Удэ отряд Парыгина возвратился в Нийслэл-хурэ через Гоби другим путем. Он повернул на запад, прошел по пути ставка Тушэту-гуна — Мара-мурэн, и в конце марта вернулся в столицу. В тысячекилометровом походе по Гоби всадники несколько раз сменили коней. Некоторые сотни, артиллерия и пулеметная команда вернулись на верблюдах.[1445]

Итак, под командой Унгерна российско-монгольские войска вновь разгромили многократно превосходившего противника. Барон захватил до 8 тыс. винтовок, снаряды, патроны, интендантские грузы, автомобили и прочее.[1446] Одного рису из Чойрына было отправлено во вьюках 3 тыс. пудов.[1447] Юг Внешней Монголии был очищен от оккупантов. Успешный поход в степь и Гоби, в мороз, без опоры на базу, со скудным питанием бойцов, произвел большое впечатление, как в Монголии, так и в Китае. Соратники барона получили повышения за этот поход.

Между тем, на севере страны усиливалась МНП при поддержке большевиков. Еще 18 февраля уполномоченный Коминтерна на Дальнем Востоке Ф.И. Гапон предложил своему руководству и Реввоенсовету 5-й армии комплекс мер по усилению красных монголов, ослаблению Унгерна и китайских войск.[1448] Гапон предлагал использовать части Красной армии для разоружения китайцев. Это предложение не было принято, но красные монголы получали поддержку из Сибири. Происходили стычки гаминов и монгольских красных партизан. В феврале отряд Д. Сухэ-батора выбил гаминов из п. Шамар.[1449] На тракте Нийслэл-хурэ — Кяхта красные монголы встретились с отрядом гаминов, захватившим у монголов более 200 голов крупного рогатого скота и верблюдов. Китайцам предложили оставить скот и мирно уйти на юг. Их офицер согласился, но затем они открыли огонь. Произошел бой, гамины были разгромлены. Были взяты трофеи: около 40 винтовок и сабель, до 60 лошадей, много скота; скот вернули населению.[1450] Преследуя китайцев, в монастыре Цавчир монголы убили 17 гаминов и захватили 300 винтовок.[1451] По воспоминаниям Дашзэвгэ, партизаны во главе с Пунцагом и Хас-батором разбили небольшой отряд в районе р. Киран, а затем с боем отступили, встретив отряд уже в несколько сот китайцев.[1452]

Руководители МНП опубликовали воззвание, где было сказано: «Мы, представители партии, поднялись на борьбу потому, что монгольские князья и ламы, в чьих руках находилась власть, не способны на такой шаг, они могут только угнетать монгольский народ. Они ослабили мощь государственной власти и в конце концов продали страну, отдав монголов в рабство китайским милитаристам. Наша партия поднялась на борьбу против гаминов и послала своих представителей в страну Советов с просьбой оказать помощь угнетенным аратам <...> Советская Россия обещала помощь. Некоторые недальновидные монгольские князья и ламы выступают на стороне белогвардейца Унгерна, изгнанного из своей страны и не находящего пристанища, мобилизуют в его банды мирных аратов, в то время как этот палач вовсе не думает о восстановлении независимого Монгольского государства. Наша партия не может терпеть такого положения. Она объявляет о создании армии для борьбы с бароном Унгерном и гаминами. Мы хотим освободить Монголию и ус-

тановить народную власть. Монголы! не поддавайтесь обману! Вступайте в нашу народную армию!».[1453]

Остатки войск Чу Лицзяна, находившиеся на севере, так и не получили разрешения правительства ДВР на проход через ее территорию в Китай. Они стали пробираться на родину в южном направлении.

15 марта 1921 г. Д. Сухэ-батор предъявил гарнизону кяхтинского Маймачена ультиматум о сдаче. Ответа не последовало.[1454] 17 марта созданная МНП Народная армия численностью 400 человек двинулась на Маймачен. Красные монголы атаковали позиции китайцев у р. Баст, стали бросать гранаты, вызвали панику. Китайцы отступили в Маймачен и на сопку к югу. Начальник гарнизона Лю Юань с чиновниками китайского управления уехали на автомобилях в ДВР. Монголы вновь атаковали Маймачен. Китайцы заняли оборону, а затем прорвали правый фланг монголов. Последние отступили. Китайцы стали спешно уходить.[1455] Это была не «десятитысячная армия китайских милитаристов».[1456] Общая численность гарнизона была 1500 человек: 500 старослужащих (200 кавалеристов и 300 пехотинцев) и 1 тыс. новобранцев.[1457] Ночью 18 марта отряд МНП во главе с Д. Сухэ-батором, а также подразделение НРА ДВР вошли в Маймачен. По архивным данным, это произошло через девять часов после ухода китайцев.[1458] Утром туда же с территории ДВР переехало временное народное правительство Монголии и ЦК МНП.

Советская печать сообщала, что гамины в Маймачене устроили пожары, убили 52 русских и троих монголов.[1459] По этим же данным, китайский гарнизон, не получавший жалованье около 2 мес., взбунтовался и устроил бесчинства. Пожар возник 19 марта, а на следующий день он охватил всю слободу: поджогами занимались спрятавшиеся китайцы.[1460] По советским

Взятие кяхтинского Маймачена Сухэ-батором. С картины Дэлэгняма (Кислов, 1964).

Здесь Д. Сухэ-батор работал с 19 марта по 7 июля 1921 г. Алтан-Булак (фото: С.Л. Кузьмин).

архивным данным, «никаких эксцессов и мародерства при вступлении в Маймачен монголы действительно не допускали, почин мародерства был сделан, к сожалению, русскими, причем некоторые буферные воинские части вывозили товары [в] Троицкосавск даже по официальным мандатам».[1461] Получается, что гамины перед уходом грабили и убивали русских и монголов, затем пришли и занялись мародерством части НРА ДВР, к этому присоединились некие китайцы, которые к тому же почти полностью сожгли Маймачен... Не удивительно, что из Маймачена через границу бежало до 6 тыс. китайцев и русских.[1462]

Часть гаминов ушла на юго-восток в сторону Ибицыка и на границу с ДВР, но большинство двинулось на юг с целью обойти Нийслэл-хурэ с запада и уйти в Китай.[1463] Ибицык был разграблен гаминами; позже его освободили красные монголы.[1464] Наступавший на Корнаковку китайский отряд после однодневного боя разоружили белые монголы.[1465] Однако основная масса китайских солдат из Маймачена уходила все дальше на юг.

По заданию монгольских властей Дж. Самбу, Санжа, Хурэл и Янжи организовали разведку движения гаминов.[1466] 24 марта от Хоботова в Ургу прискакал нарочный с письмом, снабженным птичьим пером в знак спешности. Он сообщал, что красные монголы напали на китайцев, последние отошли от Кяхты, потеснили 2-й полк и двигаются на Ургу.[1467] Гаминов видели в районе Дзун-Хары в местностях Цаган-Булак и Утгал, в горах западнее современного сомона Джаргалант.[1468]

В ночь на 25 марта навстречу им из столицы выступил Резухин с отрядом в 355 человек.[1469] В городе осталась лишь комендантская команда подполковника Сипайло в 50 человек. Двигаясь на север, Резухин не встретил китайцев. Оказалось, что они направились на запад и пошли вверх по долине р. Орхон с тем, чтобы обойти столицу и пробраться в Китай. Резухин повернул на юго-запад через горы Халзан и Гурван-Урту-нуру и вышел к р. Харухын-гол (Хара-Бухын-гол, Хадасан-гол, «Ходисын»). Китайцев найти не удавалось.

30 марта Торновский с разведывательным взводом забайкальских казаков обнаружил китайский отряд численностью до 2 тыс. конницы и 3 тыс. пехоты, с которым были обоз и до 2 тыс. китайских купцов и чиновников. Сильно растянувшись, они двигались с северо-востока на юго-запад широкой долиной р. Тола в сторону устья Харухын-гола. Резухин знал: это было связано с захватом Маймачена красными монголами.[1470]

Судя по крокам Торновского, белые окопались на двух сопках в районе устья Харухына. Резухин расположился на противоположном берегу Толы («Генеральская сопка»[1471], примерно 48°11' N, 104°20' E). Он занял высоты сопки, пушка стала у подножья западной стороны. Торновский занимал более низкую и плоскую сопку Хурум между Толой и Харухын-голом, вытянувшуюся примерно на километр вдоль Толы от устья Харухына.[1472] Торновский располагал бурятской сотней, монгольской сотней, одним пулеметом и пушкой Гочкиса с боезапасом в 10 снарядов. Он рассыпал монгольскую сотню в цепь по склону сопки, пулемет поставил на вершине, бурятскую сотню спрятал у подножья с юго-восточной стороны как резерв.

Огневые точки Торновского, очевидно, находились там, где к сопке Хурум ближе всего подходит Тола. На сопке много керексуров.[1473] В тех местах, где они идут вдоль реки, сейчас камни кое-где лежат кучами. Две из них представляют старые полукруглые ограждения около 0,5 м высотой. По-видимому, это были укрытия, которые белые сложили из камней, вынутых из керексуров.[1474]

Китайцы повели наступление с севера и запада по долинам Толы и Харухына, их обозы скопились юго-западнее. Вначале они атаковали сопку, которую оборонял Торновский. Не считаясь с потерями, гамины вели атаку за атакой, стремясь прорваться. Офицеры подгоняли солдат ташурами. В цепях пехоты появилось 5–6 пулеметов, из них по сопке открыли прицельный огонь. Унгерновцы прилагали все силы, чтобы не пропустить гаминов.[1475] Торновский был ранен (перебита кость ноги) и выбыл из боя. Командование принял сотник Б. Очиров. Китайцы сделали еще две попытки атаки сопки, но не дошли до нее. Вечером Резухин приказал очистить эту сопку и отойти к его позициям. Китайцы заняли Хурум, вечером атаковали позиции Резухина, но были отбиты.[1476]

2 апреля к полудню положение Резухина стало ухудшаться. Китайцы усилили натиск, держали позиции генерала под артиллерийским и пулеметным огнем. Но вскоре к нему начали подходить подкрепления.

С р. Иро подошел полк Хоботова,[1477] с запада — мобилизованные монголы под командой Балжинням-гуна и Сундуй-гуна (возможно, с ними были и чахары), из Нийслэл-хурэ – Чахарский (видимо, под командой Джамц-гуна) и Тибетский отряды, артиллерия, на автомобиле выехал Унгерн.[1478] С юго-востока двигался отряд Баяр-гуна.

Какой-то белый отряд прошел из местности Лха-Баян, где до того стоял лагерем 2–3 дня.[1479] Это мог быть отряд монголов, шедший по приказу Унгерна. Баяр-гун, возглавлявший другой отряд, позже сообщал, что получил распоряжение барона двигаться «на Хадасун-гол и Лаху».[1480] Хадасун-гол — это Хадасан-гол (Харухын-гол). Лха-Баян — это местное название окрестностей горы Лха-ула, причем местные жители произносят не «Лха», а «Лах» — как в цитированном документе. Это место находится южнее современного п. Дашинчилэн (примерно 47°46' N, 103°58' E). По-видимому, Унгерн считал, что китайцы пойдут по Толе на юг до устья Харухына, где Тола поворачивает на юго-восток, а затем продолжат движение на юг, в сторону Лха-улы. Это был бы самый короткий путь в Китай. Араты рассказывали мне, что южнее Лха-Баяна был монастырь, монахи которого, прослышав о движении гаминов по Толе на юг, замаскировали золотое навершие главного храма, чтобы его не было видно издали: эти монахи тоже ожидали движение гаминов на юг, а не на юго-восток по Толе.

Отряды, подошедшие к Резухину, вступили в бой, китайский лагерь стали обстреливать с тыла правого и левого флангов. До вечера продолжался жаркий бой.

Оссендовский вспоминал, что юго-восточнее гор Бургут, в «долине Толы» около болота он видел много трупов китайских солдат, коней и верблюдов, брошенные вещи и т.п. Судя по карте, это должно быть болотистое низовье Харухына. Казаки рассказали Оссендовскому, что здесь тибетцы разгромили китайский обоз — это соответствует схеме Торновского. Возможно, это произошло в день того самого боя.

Прибывший Унгерн предложил пленному китайскому капитану передать его командованию условия сдачи: сложить оружие и амуницию, за что все солдаты будут снабжены продовольствием, подводами и отпущены на юг с имуществом. Через два с половиной часа капитан возвратился и привез письменное согласие китайского командира. Барон приказал снять три копии с ответа и сразу отправить с русскими офицерами на китайские позиции центра и обоих флангов.[1481]

Не дожидаясь ответа, Унгерн в ночь один поскакал в китайский лагерь, был обстрелян, а затем встретился с подполковником Чжоу и обговорил ус-

ловия сдачи.[1482] Однако в ночь на 3 апреля примерно половина китайцев (вся конница и группа пехотинцев на подводах) прорвалась сквозь монгольское оцепление и бежала — в основном на юго-запад, а некоторые на север.[1483] Сдавшихся китайцев Унгерн отпустил на ранее предложенных условиях, а бежавших приказал уничтожить.

По-видимому, именно эти бои описаны в агентурном донесении в штаб 5-й армии, где отмечается, что было убито более тысячи китайцев, около 100 монголов и около 30 русских и бурят.[1484] Монгольские очевидцы (Балжинням-гун и партизан Тогтох) сообщали, что все это происходило в местности Улан-хад хошуна Джонон-гуна.[1485] Между тем, Талын-Улан-хад[1486] — это территория хошуна Сужигт-гуна (в современном сомоне Баянхангай, который примыкает с востока к сомону Лун). Хошун Джонон-гуна располагался западнее Луна: как раз в районе междуречья Харухына и Толы, на территории современных сомонов Бурэгхангай, Баяннур, Дашинчилэн (Булганский аймак) и Дзамар (Центральный аймак).[1487]

Возможно, причина путаницы в том, что к востоку от места главных боев, по другую сторону тракта на Ван-хурэ, расположен хребет с похожим названием — Ундур-Улан-ула. Кроме того, много гор в том районе названы по красному цвету (например, горы Улан-обо и Баян-Улан-ула, хр. Улан-хад). Монгольский отряд мог держать направление на хр. Улан-хад, рапорт писали позже и т.д.

За бежавшими гаминами были посланы 5-я сотня 2-го полка (ротмистр Нейман), Резухин, 3-й конный полк Янкова и чахары. Унгерн приказал убивать только стриженых китайцев (гаминов), а имевших косу (монархистов) не трогать. Барон задержался в китайском лагере и приказал вызванному туда 2-му полку принять оружие, а пленных сдать Тибетскому дивизиону для конвоирования в Ургу.[1488] Через некоторое время он сам присоединился к преследователям.

Китайцы уходили на юго-восток вдоль правого берега Толы (по-видимому, они не пошли на юг потому, что ждали оттуда нападения). Оренбуржцы и забайкальцы 5-й сотни нагнали и перерубили многих из них, но сами тоже понесли потери. «Третий конный полк шел рысью 2,5 часа. Первая задержка произошла у перевала через невысокий хребтик, где засел арьергард противника. Через полчаса гэмины были сбиты обходным движением одного из наших дивизионов, и преследование продолжалось в прежнем темпе, примерно еще верст пятнадцать. Не остановило ни ген. Резухина, ни шедшую в голове сотню то обстоятельство, что внизу, за перевалом, у края дороги остался труп ее командира, ротм. Неймана».[1489]

Ф.А. Оссендовский, проезжавший по Улясутайскому тракту в Нийслэлхурэ в начале мая 1921 г., после пересечения Толы видел около 1500 трупов

китайцев со следами сабельных ударов.[1490] По его словам, их изрубили преследователи — русские и тибетцы. В действительности тибетцев там не было: их барон отправил конвоировать пленных в Ургу.

Я посетил эту местность, расспросил стариков. Выводы можно сделать следующие. Бежав ночью из лагеря в районе «Генеральской» сопки, китайцы, вероятно, в начале вышли в долину Толы, затем повернули на северо-восток в широкую долину Дзамарын-Хундий южнее современного п. Дзамар, а потом — на восток дорогой, которая ведет в сторону тракта Нийслэл-хурэ — Улясутай. Пройдя этой дорогой горами на юго-восток, китайцы вышли в обширную долину перед небольшой сопкой Талын-Улан-хад, окруженной степью (окрестности современного п. Атар в сомоне Лун: 47°56' N, 105°34' E).[1491] Дорогой их арьергард нес потери от наседавших белых. Последние, вероятно, блокировали китайцев около Талын-Улан-хада, обойдя их с юго-запада — со стороны тракта Нийслэл-хурэ — Улясутай. Китайцы с обозом скопились в долине у подошвы сопки с запада, а с вершины был открыт огонь по атакующим. Стреляные ружейные гильзы нескольких калибров и обоймы от них я нашел у вершины на южном склоне, со стороны дороги.

В основном попадались гильзы от патронов калибра 6,5 мм к винтовке системы «Арисака» 1897–1905 гг. и гильзы от патронов калибра 7,62 мм к винтовке Мосина образца 1891 г. и карабину Мосина 1907 г. Судя по отсутствию маркировки на большинстве гильз от Арисаки, они могли быть произведены в Китае или Великобритании. Несколько гильз были японского производства. Маркировка на гильзах от винтовки и карабина Мосина — 1901–1904 гг., вероятно, они произведены на Петербургском патронном заводе, отдельные — на заводе в г. Каинск в 1917 г. Изредка попадались гильзы от патрона калибра 7,92 мм к винтовке системы «Маузер» образца 1898 г. Такие винтовки Китай закупал в Германии. Там же были сделаны и патроны (фирмой Deutsche Munizion Fabrik, видимо, в 1911 г.).[1492]

Итак, оборонявшиеся китайцы использовали в основном русские и японские винтовки. Вероятно, русские винтовки и боеприпасы были из монгольского арсенала в Нийслэл-хурэ, взятого гаминами. Японское и немецкое оружие и амуниция, очевидно, были из Китая. По-видимому, унгерновцы обстреляли гаминов из пушки: на сопке среди гильз попалось несколько пуль от шрапнельного снаряда для пушки калибра 76 мм.

Унгерновцы перебили много китайцев, остальные бежали, бросив подводы. Старик из Атара рассказывал мне, что еще в 1940-х гг. он видел много обломков колес, телег, обрывков одежды и т.п. на месте, где погибли китайцы в долине под Талын-Улан-хадом. Теперь там гладкая полынная степь...

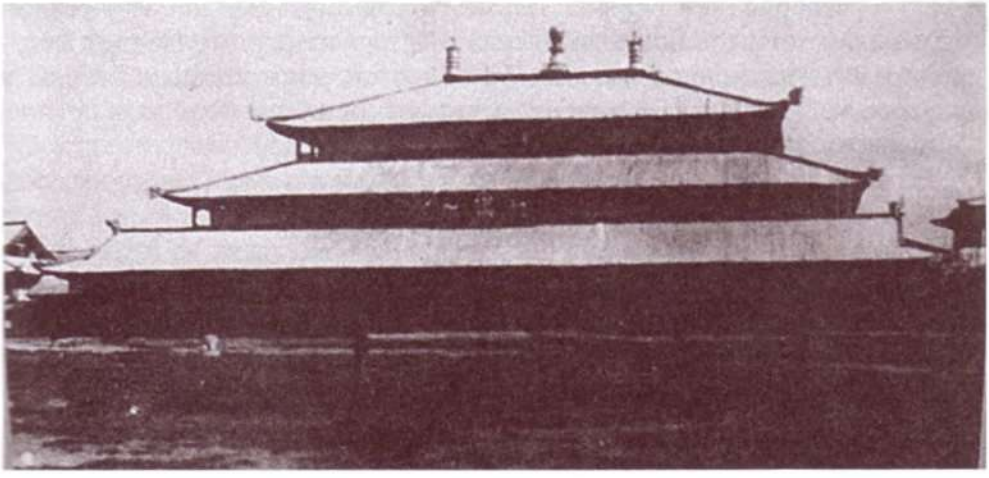
3 апреля около 14 час. Резухин дал отдых коням. На привале барон догнал его, похвалил 5-ю сотню за подвижность и хорошую рубку. Барон остался на привале с 5-й сотней дожидаться подхода 2-го полка и чахарского ди-

визиона. В 16 час. Резухин с 3-м полком и пулеметной командой продолжил преследование до поздней ночи. Стоянку он сделал, вероятно, на отрогах хр. Улан-хад.[1493] Последний расположен северо-восточнее сопки Талын-Улан-хад.

Весь день 4 апреля продолжалось преследование. Белые двигались вдоль правого берега Толы, вверх по течению. Унгерн нагнал свой полк у развалин какого-то древнего города. Он приехал на автомобиле с Жамболоном, который привез из столицы важное донесение. Очевидно, это были сведения о положении в Северной Монголии. Посовещавшись с Резухиным, Унгерн решил отправить его во главе 2-го и 3-го полков и отряда Сундуй-гуна (250 человек) в северо-западном направлении на Селенгу в Духнарс.[1494]

Гамины перешли на левый берег реки Толы примерно в 10 км выше по течению от развалин старого города и повернули на юго-восток. Вечером они вошли в пади отрогов хр. Долон-Хара, покрытые густой сухой травой, и подожгли ее, пользуясь тем, что ветерок тянул в сторону белых. Однако последние с помощью проводников-монголов смогли нагнать гаминов, и в 3 часа ночи выйти к их лагерю. Он находился в скрытой котловине примерно в 5 км ниже перевала через горы Увэр-Унджул («Оберонгжюль»).[1495] Командиры сотен по своей инициативе заняли сопки. Связь частей прервалась, их обнаружили китайцы, началась перестрелка, огни лагеря погасли. Утром китайцы бежали, бросив пулеметы, два конно-горных орудия и свое имущество. В 9 час. подошли чахары, их отправили в погоню.

5 апреля в полдень подошел 5-й конный полк.[1496] В тот же день Резухин во главе бригады из 2-го и 3-го полков ушел на северо-запад и за шесть дней перешел в Ван-хурэ,[1497] где находился отряд полковника Казагранди. Отсюда генерал со своей бригадой переправился по льду через Селенгу и на левом

Главный храм Ван-хурэ (Булган хотын музей).

ее берегу расположился лагерем, намереваясь по окончании весеннего половодья начать наступление на Сибирь.[1498] В районе Ван-хурэ и Духнарса с Резухиным находился Бишерельту-гун Сундуй со своим отрядом.[1499]

Чахары и мобилизованные монголы Балжинням-гуна преследовали гаминов, уходивших на юго-восток, в направлении Чулалт-Халга, во Внутреннюю Монголию[1500]. Русские, служившие в Чахарском дивизионе, позже рассказывали, что лишь немногим гаминам удалось отойти дальше трех переходов от перевала на хр. Увэр-Унджул...[1501]

Баяр-гун, двигавшийся с юго-востока, не успел в срок к Харухыну и Лхауле. 6 апреля он встретил множество гаминов «в северо-восточной части местности Сангийн-далай, в местности Бугудур-Цаган-Тэметын-усу». Очевидно, это юго-восточнее Унджула. Китайцы шли группами по 200–300 человек. Они стали сдаваться Баяр-гуну, многие предложили вступить в армию Богдо-хана. Всего сдалось около тысячи человек во главе с Ма Хуапаем и Шэн Чэнцзаем.[1502]

В общей же сложности попало в плен 4 тыс. китайцев во главе с полковником Чжоу («генерал Джа-у»), много было убито, взяты пулеметы и обоз.[1503] Из тех, кто пожелал служить в Монголии, отобрали 600 человек и отправили в Нийслэл-хурэ. Из них был сформирован конный китайский полк в четыре сотни под командованием майора Ли.[1504] В этот полк было назначено шесть русских офицеров и 24 урядника.

По-видимому, Джамц-гун командовал отрядом чахаров. Вероятно, именно об этом отряде писал Аноним, что в апреле 1921 г. дивизион чахаров преследовал бежавших на запад китайцев, занялся грабежом мирного монгольского населения, за что Резухин приказал им прибыть в Ван-хурэ, где часть чахаров была разоружена и расстреляна, а остальным приказали вернуться в Ургу в распоряжение Унгерна. Позже Унгерн писал Найдан-вану, что он отстранил от командования Джамц-гуна: «Не он командует солдатами, а солдаты им. Мне надоели вечные жалобы на грабеж, изнасилование женщин и пр. Разоружил их. Керуленским и участвовавшим в боях под Ургой оставил оружие».[1505]

Но мелкие группы гаминов уходили разными путями. Они занимались мародерством, убийствами, громили небольшие монастыри. Монгольские власти организовали эвакуацию в горы мирного населения из тех мест, где ожидалось их появление. Кроме того, проводилась мобилизация людей с собственной едой и имуществом.[1506] Несколько столкновений с гаминами имел Хатан-батор, мобилизовавший солдат вместе с Дугаржав-мэйрэном в районе Чойрына.[1507] На юге отступающих уничтожали араты.[1508] Под командованием Д. Гомбожава и Д. Бордуха были наскоро созданы партизанские отряды, нападавшие на гаминов из засад. Они были малочисленны и плохо вооружены. Чтобы создать впечатление большей численности, на пути гами-

нов иногда выставляли чучела из жердей, на которые надевали одежду, чтобы их издали принимали за караулы.[1509] В китайских материалах такие отряды монголов именовали «разбойниками».[1510]

В борьбе против гаминов и красных Унгерн придавал большое значение Западной Монголии и Урянхаю. Руководители белых отрядов, действовавших там, признали над собой власть барона и совместно с монголами изгнали оттуда китайцев (см. главу 10).

***

Таким образом, барон Унгерн, вступив в Монголию, действовал независимо от атамана Семенова и Японии. Именно Унгерн разгромил основной контингент китайцев и восстановил государственность Монголии. Военный успех, как верно говорил барон, связан был с присоединением к нему разных монгольских народностей, низкой боеспособностью китайских войск и с военным счастьем.[1511] Унгерн проявил несомненный талант полководца. Самые важные сражения за освобождение Халхи от китайцев в 1921 г. — в Нийслэлхурэ, Чойрын-хурэ, в районе Харухын-гола и в кяхтинском Маймачене.

Красные внедряли взгляд, что изгнали гаминов из Монголии отряды МНП при поддержке большевиков, а сторонники теократической монархии были врагами народа и агентами империализма. Эта ложь попала в историческую науку.[1512] В действительности духовенство во главе с Богдо-гэгэном наиболее последовательно участвовало в национально-освободительной борьбе монгольского народа. Как отмечал Чэнь И, «главной причиной ургинской катастрофы является оппозиционное настроение лам, имеющих значительное влияние на монгольское население, сыгравшее решающую роль под Ургой».[1513]

С другой стороны, красная российская управа и ее сторонники среди колонистов в Нийслэл-хурэ, по существу, предали своих соотечественников и действовали против легитимной власти Монголии. Красные монголы старались использовать большевиков для своих целей: захвата власти и закрепления независимости Монголии.

ГЛАВА 7

Монголия от освобождения до революции

Восстановление Унгерном монгольской государственности вызвало большой резонанс в мире. Газеты обсуждали возможность создания Монгольской империи. В Тибете и Восточном Туркестане усилилось антикитайское движение. В Нийслэл-хурэ состоялось совещание князей, избравшее посланцев в эти страны.[1514] Начались стычки в Барге.[1515] Агентство «Япта» представило их как наступление пятитысячной монголо-бурятской армии на Хайлар.[1516] В Калгане появились летучки от имени Богдо-хана, призывавшие к восстановлению маньчжурской династии.[1517] Богдо-хан издал декрет, в котором потребовал от князей Внутренней Монголии признать себя сюзереном и платить подати.[1518] Это означало бы воссоединение монгольских территорий.

В Нийслэл-хурэ на сторону Унгерна перешли многие монгольские князья, выпущенные из тюрьмы, в том числе Тогтохо-гун и Хатан-батор Максаржав. Захватив столицу, барон созвал в Маймачене группу князей и высших лам и предложил восстановить правительство Монголии. «Моя цель — восстановление монархий — русской, монгольской и маньчжурской. Сейчас я выгнал китайцев, незаконно захвативших Хурэ, теперь по Тройственному соглашению между Китаем, Монголией и Россией хочу восстановить законную автономную власть и выбрать хороший день, чтобы поставить на трон Богдо-хана вместе с его женой и создать пять министерств».[1519] Барон заявил, что монголы сами должны заняться своим политическим устройством, а он не будет участвовать в их внутриполитических делах.[1520]

22 февраля 1921 г. (15-й день Белого месяца) была проведена торжественная церемония возведения Богдо-гэгэна VIII на трон великого хана Монголии (подробнее см. в главе 11).[1521] В некоторых мемуарах (Торновский, Князев и др.) есть описание интронизации. Состоялось парадное построение Азиатской дивизии, играл оркестр, палили пушки и т.д. Присутствовала огромная толпа монголов, было много иностранцев, в том числе делегация от Далай-ламы XIII.[1522] По-видимому, интронизация совмещалась

с церемонией молитвенного подношения долгой жизни (теншуг) Богдо-гэгэну в главном храме (цогчин дуган).[1523]

В тот же день, по указу Богдо, Резухин, Найдан-гун, Лувсанцэвэн-тайджи и Жамболон получили титул вана. Унгерн получил высший княжеский титул «потомственного великого князя дархан-хошой-чин-вана в степени хана».[1524] Этот указ у многих создал впечатление, что Унгерн стал правящим ханом Монголии. Это неверно: великим ханом Монголии оставался Богдо-гэгэн VIII Джебцзундамба-хутухта. Титул дархан означал освобождение от податей, повинностей и телесных наказаний, хошой-чин-ван — титул монгольского князя первой степени, ханской крови, женатого на маньчжурской принцессе, хан — королевский или царский титул. Напомню, что Унгерны были в родстве с династией Романовых, а Р.Ф. Унгерн был женат на маньчжурской принцессе. Хотя указом Богдо-хана Унгерн получил высшие титулы, он не был наделен властными полномочиями, не получил земельный надел, вассалов и крестьян.

С этого времени барон стал носить желто-оранжевый монгольский халат (дэл) с погонами генерал-лейтенанта и орденом Св. Георгия, монгольскую шапку с красным шариком, означающим высокий титул, и ичиги. Цвет халата тоже соответствовал его титулам. Поверх него барон иногда надевал короткую монгольскую куртку (курму) красного цвета.

За взятие Нийслэл-хурэ Семенов присвоил Унгерну чин генерал-лейтенанта.[1525] Голубев приводит письмо, которое Семенов прислал Богдо-хану. В нем говорилось о том, что Ургу освободили его, семеновские войска, поэтому и самому атаману надо пожаловать почетные титулы. Богдо не стал отвечать на это.[1526] Вместе с тем, 4 апреля Семенов заявил газете «North China Daily», что участие в монгольских событиях отрядов белых — явление случайное, а сам он к этому непричастен.[1527] Однако в другой обстановке атаман говорил, что «мой Унгерн покорил Монголию». Узнав об этом, барон в раздражении сказал: «Мой, мой — попробуй, возьми сам Монголию!»[1528]

Многие чины Азиатской дивизии получили повышения от Унгерна, многим были присвоены отличия монгольским военным министерством. Они могли пользоваться преимуществами, если останутся в Монголии. Получили титулы также монголы и буряты — участники штурма Нийслэл-хурэ. Тубанов за освобождение Богдо-гэгэна получил от барона чин хорунжего.[1529] Есаулы Парыгин и Хоботов были произведены прямо в полковники, Архипов, Марков, Евфаритский, Дмитриев и другие — в подполковники или войсковые старшины.[1530] Многие из них впоследствии составили против Унгерна заговор, повлекший его пленение и расстрел.

Наградные знаки за освобождение Нийслэл-хурэ, если и были, то пока неизвестны, кроме наградного креста «Урга 1921». Он появился в 1970-х гг., существует в нескольких вариантах, и к настоящему времени оброс легенда-

Наградной крест «Урга 1921».

ми.[1531] На одном из его вариантов можно различить китайский иероглиф.[1532] Значит, место изготовления — не Монголия. Больше всего этот иероглиф похож на знак «дан», но, почему-то, без среднего элемента, внизу еще какие-то точки, ни на что не похожие.[1533] «Дан» означает «заслуживать, быть достойным», а также «ломбард, закладная лавка». Ошибки в иероглифе могут означать, что это подделка. Если оригинал и существовал, то он мог быть изготовлен в Маньчжурии между 1921 г. и 1945 г. (вступление советских войск). В документах и мемуарах знак «Урга 1921» не упоминается, значит, он мог появиться уже после ухода унгерновцев из Монголии. Но, по-видимому, это подделка.

В конце февраля 1921 г. Богдо-хан опубликовал программу, по которой планировалось упорядочить таможенные сборы и пошлины, изыскать кредиты на армию, приобрести оружие в Японии и создать гарнизонные войска для внутренней службы.[1534] Позже, на съезде монгольских князей в Нийслэлхурэ, Богдо-хан объявил о создании Монгольской империи. Он пообещал отменить налоги, если князья возьмут на себя расходы на администрацию и снабжение армии, предложил русским вступать в монгольскую армию.[1535] Делегаты съезда и Богдо-хан, с одной стороны, и Унгерн с другой договорились, что барон не будет вмешиваться в монгольские дела.[1536] Кроме того, соглашение предполагало материальную поддержку Унгерна автономным правительством на условиях возмещения средств.[1537]

В день интронизации, 22 февраля, Богдо-хан в Нийслэл-хурэ сформировал правительство. Джалханцза-хутухта Дамдинбазар стал председателем совета министров и министром внутренних дел, Эрдэнэ-шанцзотба Дашжав – министром иностранных дел, Лувсанцэвэн-ван – министром финансов, Чимэддорж-бэйсэ – министром юстиции, Бишерельту-ван Доржцэрэн – военным министром, Хатан-батор Максаржав – командующим всеми монгольскими войсками. Унгерн остался командующим Азиатской дивизией.[1537а] Органы государственной власти имели трехступенчатую структуру. Из пяти министерств эффективно работали министерства внутренних дел, финансов и военное.[1538]

На эти события укоренился взгляд, что Унгерн стал диктатором Монголии, а монгольское правительство было марионеточным[1539]. «Диктаторски распоряжаясь в столице, Унгерн сформировал марионеточное правительство из высших феодалов... Богд гэгээн и верхушка феодалов, вновь предавая интересы страны и народа, перешли на сторону этого агента японского импе-

риализма. Богд гэгээн и марионеточное правительство штамповали и оформляли приказы о насильственной мобилизации аратов в его войска, о введении тяжелых налогов и повинностей, о расправах со всеми недовольными. Пресмыкаясь перед Унгерном, богд гэгээн издал указ о присвоении ему звания монгольского князя первой степени и объявил его хувилгааном т.е. святым».[1540] «Марионеточное правительство при штабе Унгерна, состоящее главным образом из реакционных феодалов и князей, предавших интересы народа, родины»[1541] и т.п.

Если все это правда, то правительство Монголии было нелегитимным, а борьба красных против Унгерна и его сторонников — это борьба за освобождение страны от оккупантов.[1542] Попробуем разобраться.

13 марта 1921 г. красные монголы на совещании в Кяхте объявили о создании временного народного правительства. В протоколе совещания было зафиксировано, что Богдо-хан и его правительство «находятся исключительно в руках одного барона Унгерна, единолично распоряжающегося своей силой... Указанное правительство, будучи лишено своей инициативы, в лице ряда влиятельных лиц, находится в полной зависимости от силы».[1543] Из этого следовало, что Богдо-хан и его правительство — марионетки. Очевидно, таким путем МНП пыталась обосновать создание своего собственного правительства под патронажем иностранцев (большевиков) на территории чужого государства (ДВР).

Есть сведения, что перед созданием монгольского правительства между Унгерном и Богдо-ханом возникли разногласия: последний категорически отказался допустить туда русских.[1544] Говорят, на первых порах жена Богдохана пыталась распоряжаться делами управления, и российское командование заявило резкий протест против ее вмешательства в военные дела.[1545] С подачи пекинской газеты «Янтан» это преподнесли как расстрел жены Богдо-гэгэна белыми. Эту информацию перепечатали и в Иркутске для Монголии.[1546] На самом деле она не была убита, а, напротив, с благодарностью воспринимала вступление белых в страну.[1547]

В создании правительства барон участия не принимал: в то время он был в походе на Чойрын. В правительство вошли лица, примыкавшие к МНП и ориентировавшиеся на РСФСР.[1548] Назначение же Лувсанцэвэна — соратника Унгерна — министром финансов не было связано с желанием барона контролировать через него монгольские финансы, как это утверждали красные. Лувсанцэвэн еще в 1911 г. был назначен министром финансов монгольского правительства.[1549] Это и стало причиной нового назначения. Унгерн не тратил монгольскую казну на свое войско. Более того, по слухам, он иногда даже отпускал для нее взаймы некоторые суммы.[1550]

Предполагается, что назначение Хатан-батора Максаржава в правительство было сделано для того, чтобы ослабить влияние барона.[1551] Вопросы в

пределах своей компетенции Максаржав решал самостоятельно. Когда Унгерн потребовал казнить бывшего министра иностранных дел Б. Цэрэндоржа (одного из главных виновников гибели монгольской автономии), ему было отказано. Более того, Богдо-хан назначил Цэрэндоржа заместителем министра внутренних дел.[1552] То, что барон не принимает участия в деятельности правительства, быстро выяснилось.[1553] По воспоминаниям донира Джамбала, главное влияние на Богдо-хана оказывали Саджа-лама и Лувсанцэвэн-ван,[1554] а не Унгерн.

Высшей властью в Монголии обладал Богдо-хан. И монгольское правительство, и Унгерн действовали с его санкции. Богдо-хан приказал монголам неукоснительно исполнять приказы барона, касающиеся окончательного изгнания гаминов, обратился с призывом собирать деньги для продолжения борьбы.[1555] В целом, приказ выполнялся. Но на местах монголы не всегда выполняли распоряжения белых. Например, дзахирагчи (управитель) хошуна Далай-джанджина Дзасактуханского аймака отказался дать уртонных лошадей сотнику Н.В. Бочкову — уполномоченному барона, хотя последний выдал тому зару — документ на право пользования уртонными лошадьми. Более того, Бочкову и его людям отказали в довольствии и приказали убираться из хошуна.[1556]

Унгерн сам говорил, что не вмешивался в дела управления Монголией, объяснял это «неохотой». Политического влияния в чисто монгольских делах он не имел, внутренней жизни страны не касался.[1557] «На монгол я особенно не жал и в их работу не старался вмешиваться. Помогал лишь советами, ибо они очень медлительны в своих действиях и решениях, и, если ищешь пользы дела, то их приходится всегда раскачивать».[1558] «Жал» он на правительство лишь в нескольких случаях: когда добивался снабжения Азиатской дивизии (за что платил), мобилизации монголов (для создания боеспособных монгольских частей) и мер по развитию хозяйства страны. Конечно, обладая войском, барон имел в глазах Богдо-хана известное значение. Но встречались они всего три раза: первый раз по случаю взятия Нийслэл-хурэ, второй — перед походом на Чойрын-хурэ, третий — «без определенной цели».[1559]

Итак, легитимное монархическое правительство в Нийслэл-хурэ не было марионеточным, а Унгерн не был диктатором. Его отряды не подчинялись какому-либо иностранному государству, а действовали с санкции монгольских властей.[1560] Поэтому их нахождение в стране нельзя считать оккупацией. Представление о том, что Унгерн был диктатором и оккупантом, а правительство Богдо-хана — марионеточным, было компонентом красной пропаганды, призванным легитимировать самопровозглашенное временное народное правительство.

Оккупацией следует считать присутствие в Монголии китайских войск и чиновников, а деятельность Унгерна — восстановлением легитимной власти.

Так как по международному праву партизанская война — правомерная форма борьбы против агрессора и иностранной оккупации, действия отрядов МНП против гаминов тоже были законными. Но их действия против унгерновцев — это не борьба с оккупантами, а гражданская война,[1561] причем направляемая из-за рубежа. Показательно, что на первых порах даже красные командиры рассматривали занятие Нийслэл-хурэ бароном как освобождение от китайцев, а не оккупацию.[1562]

Освобождение от Китая поставило Монголию перед угрозой новой агрессии. В Пекине проходили многочисленные консультации о ее «возвращении». Китайцы сразу стали обсуждать вопрос о соглашении с ДВР о пропуске своих войск.[1563] Однако согласие так и не было получено.[1564] Тогда в Китае решили, что занятие Урги — дело рук ДВР, чтобы Китай признал республику в обмен на вывод унгерновских войск.[1565]

Поэтому одним из первых действий монгольского правительства была отправка нот с просьбой о признании правительствами РСФСР и Китая.[1566] Эти ноты были составлены Унгерном в примирительном тоне. Начались контакты с китайской стороной. Барон и его агенты заявляли, что изгнали из Урги бунтующие войска, примкнувшие к красным, причем автономное правительство не стремилось отделиться от великого Китая.[1567] Само правительство Монголии заявляло о подчинении «великому Китаю» обоих народов (то есть ханьцев и монголов) Срединного Царства или Срединной монархии.[1568] Но этого царства уже не было, а была Китайская республика.

Возник парадокс: заявляя о своем подчинении в такой форме, правительство Богдо-хана утверждало независимость Монголии, номинально оставаясь автономным. Да и Унгерн рассматривал автономию Монголии в рамках не республиканского Китая, а империи, управляемой маньчжурской династией, которую он собирался восстановить.

В апреле посланец Богдо-хана обсуждал в Мукдене с Чжан Цзолинем перспективы урегулирования отношений с Китаем.[1569] Чжан потребовал вывода русских отрядов, угрожал вводом своих войск. И в то же время вел в Пекине переговоры о предоставлении Внешней Монголии ограниченной автономии.[1570]

Дело в том, что, несмотря на разногласия между китайскими милитаристами, они выступали за «единый Китай», который должен был включать в себя и страны, объявившие о своей независимости после развала империи Цин. Для этого подогревались великоханьские настроения в китайском обществе, проводились военные акции, дезинформация зарубежных держав, давление и подкуп элит тех народов, которые «входили в единый Китай». 3 апреля в Пекине прошел митинг с требованием немедленно подавить восстание в Монголии.[1571] Чтобы удержать коренное население Внутренней Мон-

голии от движения против Пекина, китайцы в апреле направили туда чрезвычайную делегацию.[1572] 16 мая открылась конференция, где присутствовало более 100 монгольских князей. Разумеется, они «единогласно поддержали» резолюцию китайского правительства, призывавшую Богдо-хана изгнать русских реакционеров из Монголии.[1573] 13 июня 1921 г. в Хайларе состоялось совещание между монгольскими князьями и китайскими властями о ликвидации авантюры барона Унгерна. Китайцы выставили ряд условий, из которых получили огласку следующие: отозвание монгольских войск из рядов Унгерна, его разоружение силами монголов, выдача барона китайским властям. Хотя князья согласились на отозвание монгольских солдат, вопрос о разоружении и выдаче остался открытым.[1574]

Китайские власти поручили возглавить поход против Внешней Монголии сначала генералу У Пэйфу, затем — Чжан Цзолиню, который был назначен высоким комиссаром по делам Монголии.[1575] Но он не торопился, тем более что против Унгерна в то время уже воевали советские войска. Средства и подкрепления из разных частей Китая он принял, даже отправил дивизию в Хайлар к Чжану Куйу — тем более что циркулировали слухи о готовящемся захвате города бароном.[1576] На пост командующего экспедиционными войсками Чжан Цзолинь рекомендовал генерала-монархиста Чжан Сюня,[1577] который в 1917 г. пытался восстановить маньчжурскую династию. Чжан Сюнь выразил готовность, но пекинское правительство отказало ему в доверии.[1578]

Харбинская газета «Новости жизни» всю вторую половину 1921 г. сообщала о подготовке похода Китая на Внешнюю Монголию. В конце июня в Мукдене прошло заседание военного совета, на котором присутствовали командующие войсками Гиринской и Цицикарской провинций Маньчжурии. На нем Чжан Цзолинь высказался против похода на Монголию из-за возможных больших потерь и сомнительного успеха. Он предложил изолировать страну с юга и востока, чтобы движение там изжило само себя. Его точка зрения восторжествовала.[1579] В июле в Мукдене прошло совещание Чжан Цзолиня с князьями Внутренней Монголии и Барги, где была подтверждена готовность китайского правительства признать автономию на условиях Кяхтинского соглашения 1915 г.[1580] 4 июля в Мукдене было решено наступать на Нийслэлхурэ тремя колоннами: через Далай-нор, из Хайлара и Калгана.[1581] Но колонны не выступили. Военная активность калганских войск, достигших 16 тыс. человек, ограничилась локальным нападением на халхасский отряд, в котором погибло несколько человек, и было захвачено несколько винтовок.

Итак, правительство Китая не признало правительство Богдо-хана. Не признали его и большевики. На ноту монгольского правительства с просьбой о признании они ответили вне дипломатических норм: из РСФСР неофициальным путем прислали бумагу, где вместо признания были угрозы и требования выдворить белых из страны.[1582]

А ведь в 1919 г. советское правительство, стараясь заручиться поддержкой Монголии в условиях блокады и гражданской войны в Сибири, направило в Нийслэл-хурэ воззвание, в котором декларировало отказ от царских договоров (в том числе Кяхтинского соглашения). Оно тогда признало Монголию независимой страной, имеющей право сноситься со всеми народами без ведома Пекина и Петрограда.[1583] Теперь позиция Москвы изменилась.

После побед красных в Сибири и поддержки Унгерна Богдо-ханом большевики сделали ставку на МНП. Они стали проводить в Монголии политику, направленную на экспорт туда революции через представителей монгольских народов, живущих в России. Ее инициаторами были члены Реввоенсовета 5-й армии: уполномоченный НКИД РСФСР по Сибири и Монголии, уполномоченный Коминтерна Б.З. Шумяцкий и председатель Сибревкома, член Сиббюро ЦК РКП(б) И.Н. Смирнов, пользовавшийся большой популярностью на посту председателя.

Уже в январе 1921 г. было мобилизовано около тысячи бурят, алтайцев, калмыков и тувинцев в партизанские отряды в Монголии.[1584] Их ядром стала группа из 20 красных командиров-калмыков во главе с Х.Б. Кануковым (1883–1933).

1–3 марта 1921 г. в Троицкосавске, в доме Макстенека, состоялся первый съезд МНП. Партию оформили организационно, избрали ЦК во главе с С. Данзаном и штаб монгольской Народно-революционной армии. Большинство делегатов стояло за ориентацию на РСФСР, но некоторые доказывали, что нечего бороться против Унгерна, который восстановил автономию и выгнал китайских оккупантов.[1585] На съезде обсуждались вопросы антифеодальной и антиимпериалистической революции, захвата власти, будущего устройства Монголии. В положительном смысле, хотя и после дискуссии, был решен вопрос о революционном насилии. Численность МНП в первый год ее существования, по разным оценкам, была всего 150 или 164 человека.[1586]

13 марта 1921 г. в Кяхте было создано временное народное правительство Монголии. Оно ставило задачей изгнание китайских войск, белых, достижение страной полной независимости, организацию народной революции.[1587] Председателем правительства стал бывший лама Д. Бодо, одно время служивший у барона, военным министром — Д. Сухэ-батор, его заместителем по политчасти — Х. Чойбалсан.[1588]

Шумяцкий и Смирнов предлагали занять отрядами временного народного правительства приграничный район и поднять население на борьбу с Унгерном.[1589] Сфера влияния красных монголов расширялась: после взятия кяхтинского Маймачена под контроль МНП перешли пять караулов к западу, четыре — к востоку, территория до Ибицыка и Шамара к югу и юго-западу.[1590]

Легитимное монгольское правительство предпринимало шаги для привлечения красных монголов на свою сторону. Так, в 28 марта 1921 г. министер-

ство внутренних дел разослало циркуляр, где отмечалось, что Унгерн — освободитель Монголии, а правительство в Нийслэл-хурэ — единственно законное, согласно Кяхтинскому соглашению. 10 апреля Лувсанцэвэн-ван обратился к делегации, ездившей в РСФСР, чтобы она признала автономное правительство, вернулась в Нийслэл-хурэ, а белых не считала врагами. Подобное же письмо из столицы было направлено в ЦК МНП и 16 апреля. Революционеры отвергли эти предложения.[1591]

В апреле 1921 г. советская пропаганда объявила о резко отрицательном отношении к белым монголам со стороны монголов-бедняков из приграничных к России хошунов.[1592] В действительности же монголы не особо различали белых и красных, отказывались воевать с соотечественниками. В мае 1921 г. командир отряда «особой партизанской армии» Сумья-бэйсэ отпускал пленных унгерновцев, не хотел воевать с белыми монголами, не слушал руководящих товарищей и т.п. Итогом стала конфискация у него лошадей и товаров «в интересах борющегося аратства».[1593]

Настоящих революционеров тогда было мало даже среди красных монголов. Последние представляли национальное движение, были верующими, почитали Богдо-гэгэна и с симпатией относились к русским за помощь в борьбе с китайцами. Они подчеркивали, что борются не против Богдо-хана, а против всевластия Унгерна. Даже сам Сухэ-батор, призывая к борьбе с бароном, отдавал ему должное, что видно из его письма к старшему брату: «Этот барон Унгерн, белый, оказал нам, монголам, большую помощь, хотя был изгнан своим народом и не имеет [своей] страны».[1594] Важным аргументом пропагандистов было привлечение к податному обложению всех граждан без сословных различий, что импонировало аратам.[1595]

Видимо, поэтому в мае 1921 г. он освободил Хатан-батора Максаржава от должности командующего всеми монгольскими войсками и назначил на эту должность Жамболон-вана. Жамболон принял печать командующего монгольскими войсками.[1597] Сам Хатан-батор объяснял это подозрениями Унгерна в том, что он связан с красными.[1598] Максаржав стал сайдом Западной Монголии, сайдом Восточной Монголии — Гомбо-Идшин.[1599] По Дамдинсурэну, Гомбо-Идшин был членом МНП.

Гомбо-Идшин-гун (МТМ).

Как писал один из основоположников современной монгольской литературы Д. Нацагдорж, хотя Богдо-гэгэн, другие ламы и феодалы старались держаться независимо от Унгерна, перспектива народной революции для них была более пугающей, чем автократическое господство барона. Унгерн относился к революции также как они, по-

этому они мобилизовали свои силы, чтобы справиться с революцией, наступавшей с севера.[1600]

В таких условиях монгольское правительство налаживало экономику страны, опираясь в основном на внутренние ресурсы.[1601] Унгерн оказывал в этом помощь. Уже 9 февраля оставшиеся китайские купцы открыли свои магазины и возобновили торговлю. Были очищены и дезинфицированы все улицы и площади города. Планировалось провести водопровод с чистой горной водой. Вновь открылись больница, ветеринарная лечебница, школы. Были запущены электростанция и заводы — патронный и кожевенный. Последний стал производить в большом количестве одежду и обувь. Заработали мастерские — швейные, сапожные, шорные, ремонтные. Для нужд армии производились юрты.[1602]

Налаживались радиосвязь, телеграф, телефон. Радиостанция на горе Махур-толгой, поврежденная во время боев, была отремонтирована радистами, но Унгерн не хотел налаживать передачи, поскольку видел в этом опасность для белых; телефона при ней не было.[1603] К.И. Лаврентьев стал восстанавливать столичную типографию, кассы которой рассыпали китайские солдаты. Работа консульской и русско-монгольской типографий так и не была полностью налажена, в столице не издавалось ни газет, ни плакатов.[1604] Однако в небольшом количестве материалы в русско-монгольской типографии все же печатались. До наших дней дошли немногие из них: выписки из Ветхого и Нового заветов; информация о международном положении из харбинских газет; приказ № 15 о наступлении на Сибирь.

Проводилась заготовка леса. Восстановили телеграфную линию от Нийслэл-хурэ до Чойрына и Дзамын-Удэ, установили зарплату работникам телеграфных станций, для охраны линии создали полицейские участки.[1605] На главных трактах работали газолиновые станции. На приисках в Дзун-Мод открыли скипидарный завод: скипидаром пытались заменить дефицитный бензин для автомобилей.[1606] Ф.А. Оссендовский сообщал даже, что в Урге было налажено автобусное сообщение между разными частями города.

Инициатором многих работ был Унгерн. Для этого он широко привлекал монголов, в основном из простого народа. Их использовали не только на строительных работах, заготовке леса и т.п., но также обучали квалифицированным работам, например, на электростанции и телеграфе.[1607] Проводилась массовая вакцинация крупного рогатого скота. Необходимость общественных работ понимали не все, потому приходилось использовать приказные методы.

Монгольское правительство использовало некоторых российских жителей в качестве советников. Ценные услуги оказали И.А. Лавров, бароны П.А. Витте и Д.О. Тизенгаузен. Позже Тизенгаузен на допросах в ЧК говорил об Ун-

герне: «Его симпатии ко мне были вызваны исключительно моей фамилией. Я лично с ним никаких дел не имел и избегал с ним всякого общения, сохраняя все же хорошие отношения, чтобы этим быть полезным гражданам в случае, когда им грозит какая-либо опасность. На все его предложения относительно занятия какого-либо поста у него, на субсидирование меня деньгами я категорически отказывался, находя несоответствующим моим взглядам и достоинству службу у Унгерна».[1608] Было бы странно, если бы там он говорил иначе...

П.А. Витте был советником монгольского правительства с 1914 г. И.А. Лавров раньше был управляющим Ургинской конторой Центросоюза.[1609] До прихода Унгерна он принимал на работу белых офицеров, но отказался принимать сторонников советской власти и выдать ссуду демократической думе.[1610] При Унгерне его собрались, было, расстрелять, но в последний момент он потребовал встречи с бароном. После нее Лаврову были поручены важные экономические вопросы, он стал финансовым советником правительства.

Инженер-мелиоратор П.И. Лисовский, давний помощник и спутник Витте, составил крупную (10 км в дюйме) и точную карту Монголии. Позже эта карта использовалась в Азиатской дивизии и погибла при отходе белых из Монголии.[1611] Лисовский после Народной революции остался в столице, работал в сельском хозяйстве, статистике, в Монгольском ученом комитете (ставшем позже Академией наук), помогал знаменитому путешественнику П.К. Козлову.[1612] Впоследствии он вернулся в Новочеркасск и долго работал там, снова вместе с П.А. Витте.

Жамболон по совету Унгерна издал распоряжение, согласно которому «все проживающие в Урге гражданские лица русской национальности обязаны подчиняться законам и распоряжениям Монгольского государства и нести в его пользу какую-либо службу».[1613] Торговому старшине Сулейманову поручили провести соответствующую работу среди выходцев из России.

По сообщению «Journal de Pekin», в мае 1921 г. в г. Чанчунь состоялась конференция, на которой присутствовали начальники русских реакционных отрядов. На ней было решено просить монгольское правительство пожаловать титулы тем русским, кои оказали услуги Монголии, издать указ о натурализации русских жителей Монголии, даровать одинаковые права русским и монголам, производить эксплуатацию шахт и рудников под руководством русских офицеров, помогать монголам в развитии природных богатств их страны.[1614] Сообщалось также о принятии плана совместного захвата КВЖД.[1615]

Полковник Евтин предложил Унгерну проект организации силами русских беженцев охоты, заготовки рыбы на оз. Буир-нур, леса, сена.[1616] Было получено разрешение монгольских властей, и в июне 1921 г. Н.И. Галферова заключила с ними договор о рыболовстве на Буир-нуре и торговле рыбой.[1617]

Уже через неделю после интронизации Богдо-хан издал указ о том, что чинам Азиатской дивизии он предоставляет земельные участки по 40 десятин на каждого и дает право безданно и беспошлинно трудиться в своем государстве. Согласно указу, под будущее поселения отводилась 50-верстная полоса, идущая вдоль границы с Россией. В этом нашла свое выражение идея барона о возрождении казачества взамен уничтоженного революцией.[1618]

Китайские рабочие и крестьяне, оставшиеся в Монголии, проявляли лояльность правительству. После ухода гаминов они возобновили работу, стали засевать свои огороды.[1619] Русские крестьяне п. Мандал, в 1920 г. пострадавшие сначала от унгерновцев, а потом арестованные гаминами, возвратились и принялись за сев.[1620] Засевались также поля, брошенные китайцами. Однако гражданская война в Монголии, начавшаяся летом 1921 г., воспрепятствовала сбору урожая, а в 1922 г. хлеб не уродился. Экспедиция по закупкам хлеба, посланная тогда из Троицкосавска, вернулась ни с чем.[1621]

Хотя зарубежные СМИ не уставали обвинять монголо-унгерновцев в грабежах, правительство и командование Азиатской дивизии старались навести порядок. Издавались приказы против грабежей и захватов, преступники подвергались жестоким карам.[1622] Налаживался учет и прием имущества и продовольствия, брошенного ушедшими китайцами.[1623] Для охраны крестьян-земледельцев, торговцев и промышленников были выделены русские и монгольские солдаты.

Подданные других стран частью уехали, частью продолжали дела в Монголии. В Маньчжурию выехали два англичанина, заведовавшие телеграфом и радиотелеграфом, швейцарец, датчанин (Докрэй, Гольц, Альбертсен и Стефан) и американцы,[1624] в частности, американский торговый представитель. Перед отъездом он попросил монгольского премьера удержать барона от нападения на ДВР или, в крайнем случае, не давать ему монгольских солдат[1625]. Американцы рассказывали, что унгерновцы обращались с ними хорошо, но не выпускали в Калган, а затем оказали содействие в отъезде.[1626] В то же время, в Нийслэл-хурэ продолжала действовать американская фирма «Mongolian Trading Co». Благодаря контактам с ней Унгерн рассчитывал получить покровительство правительства США.[1627] Это не вышло. США в соперничестве с Японией пытались использовать ситуацию в Монголии. Летом, а затем в сентябре 1921 г. американский консул в Калгане Сокобин предлагал монгольским властям посредничество в споре с Китаем, но получил отказ.[1628]

После освобождения финансовое положение Монголии было тяжелым. Финансы состояли из денег китайских банков, которые захватили белые; кое-что удавалось собирать с людей.[1629] Как только было сформировано правительство, Унгерн предложил отменить внутренние таможенные сборы с монголов, которые действовали с 1911 по 1919 г.[1630] Но это не дало ожидаемого результата. Наживались только иностранные компании и коммивояжеры, в

казну ничего не шло. Поэтому И.А. Лавров объяснил барону, что эти сборы надо восстановить. Их восстановили решением правительства 12 июня 1921 г.

П.А. Витте разработал проект реформы, предусматривавший привлечение всех граждан Монголии к податному налогообложению.[1631] Это была необходимая реформа, так как основные налоги до сих пор приходились на «черный народ», а не на высшие классы. Отстаивавший эту реформу законопроект был внесен в министерство внутренних дел, но инертность чиновничества и оппозиция лам тормозили дело.[1632] А после революции проект вообще отвергли, за исключением пункта о внесословности обложения налогами.[1633]

Тем не менее, чтобы упорядочить налогообложение, по всей Монголии переписывали торговцев и промышленников. Кроме того, с подачи Витте, была проведена перепись населения и скота.[1634] Обложили сборами шабинаров Далай-ламы XIII, живших в Монголии. Стали устанавливать импортные пошлины. В разработке налоговых ставок участвовал И.А. Лавров.[1635] Был принят ряд мер к защите торговли. Иностранцы, торговавшие в столице, должны были зарегистрироваться в министерстве иностранных дел, им выдавались специальные охранные грамоты.[1636]

Однако денег все равно не хватало. После обсуждения с Унгерном, Лавров 23 мая написал Богдо-хану бумагу о необходимости выпуска облигаций.[1637] Это был первый в истории Монголии заем (к этому времени в хождении были российские и китайские деньги). Изготовление банкнот поручили В.И. Лисовскому.[1638] Судя по записке министерства финансов Монголии, А.И. Лавров и чиновник Шелканов привезли готовые банкноты в министерство.[1639] Заем был выпущен на 250 тыс. долларов.[1640] На облигации можно было получать любую валюту, серебро и т.д.

Советская пропаганда поспешила объявить Лаврова и его сотрудников фальшивомонетчиками.[1641] Это неправда: выпуск осуществило министерство финансов, он был санкционирован указом Богдо-хана от 27 мая.[1642] Эмиссия обеспечивалась возобновлением разработок золотых приисков русско-французского акционерного общества «Монголор».[1643] Это были шестипроцентные обязательства в купюрах по 10, 25, 50 и 100 долларов. 10 долларов были приравнены к барану, 25 — к быку, 50 — к лошади и 100 — к верблюду.[1644]

Эти банкноты стали, фактически, первой национальной валютой новой Монголии, еще одним признаком государственности. Впоследствии они были почти все выкуплены, после выкупа сжигались. В 1924 г. единственный полный комплект имелся у одного коллекционера в Москве. В наше время эти банкноты представляют большую редкость. Один экземпляр есть в Историческом музее в Москве.[1645]

Унгерн старался сам вникать в экономические проблемы Монголии. Позже П.А. Витте говорил красным на допросе, что он имел несколько свиданий с бароном. На двух из них Витте ознакомил собеседника с наиболее важны-

ми вопросами хозяйства Монголии, третье было связано с несколькими монгольскими чиновниками, которых правительство препоручило инструкторам для изучения электростанции, телефона и радиостанции.[1646] Д.П. Першину барон поручил подготовить доклад о возможностях торговли с Маньчжурией.[1647]

Так обстояли дела с экономикой Монголии, когда там был Унгерн. Однако в многотиражных книгах, написанных малокомпетентными авторами, до сих пор встречаются оценки типа следующей: «Кроме декларации Монголии о независимости, фон Унгерн не успел или не захотел сделать ничего, кроме погрома евреев и коммунистов в Урге».[1648]

Д.П. Першин (Першин, 1999).

Остановлюсь на положении Азиатской дивизии в Монголии. Это было самое боеспособное войсковое соединение в стране. По своей организации она приближалась к казачьей дивизии царской армии, имела опытные кадры командного состава, в основном из казачества.[1649] С другой стороны, она напоминала партизанский отряд.

Дивизия размещалась в Нийслэл-хурэ (после разгрома гаминов бригада Резухина была отправлена на северо-восток). В столице 1-й Татарский полк был расквартирован в Маймачене, 2-й конный полк (по смене его с Иро 3-м конным полком) — частью в Маймачене, частью в китайских казармах, вновь формируемый 4-й конный полк войскового старшины Маркова — в китайских казармах.[1650] Монгольские части располагались в монгольских казармах. Это место называлось Цаган-Урахан, в районе старого Захадыра.[1651] Сейчас там большой рынок Нарантул-зах. Госпиталь размещался в Консульском поселке в доме Парыгина.[1652] Больных и раненых также отправляли на восток, в том числе за границы Монголии. Например, 6 марта китайские чиновники сообщали о прибытии партии больных и раненых офицеров от Унгерна на ст. Маньчжурия.[1653]

Барону подчиненные отвели в столице большой дом, раньше принадлежавший евреям. Он отказался, заявив, что дом ему нужен не для того, чтобы устраивать приемы. В приказ по дивизии от 12 февраля он добавил такой параграф: «Глупее людей, сидящих в штабе дивизии, нет, приказываю никому, кроме посыльных, не выдавать три дня продуктов».[1654] Унгерн поселился в брошенной китайской импани (маленький домик), поставив во дво-

ре юрту для ординарцев и обслуги. По-видимому, вначале штаб дивизии также располагался в юрте, затем — в доме. Этот дом сохранился до наших дней. Второй штаб, генерала Резухина, находился в столичном Маймачене. Интендантство разместилось в помещении китайского ямыня.

Штаб Унгерна ведал политическими, административными и хозяйственными делами, Резухина — оперативными, формированием и снабжением войск, дальней разведкой.[1655] Должность начальника штаба Резухина занял Торновский. Но вскоре, 3 марта Унгерн назначил Торновского начальником штаба дивизии, с подчинением лично ему. «Во дворе стоит юрта штаба. В нее никто из посторонних без дела не должен входить. Не разводите канцелярщины. В мое отсутствие будьте всегда в своей юрте. Вас касаются только военно-операционные дела. В мое отсутствие из Урги обо всех военно-операционных вопросах совещайтесь с генералом Резухиным. Мне докладывайте только о важном. Мелочами не отнимайте у меня время.»[1656]

Как вспоминал Торновский, в юрте штаба ничего не было, кроме маленького китайского столика на низеньких ножках и печки, за огнем в которой следил конвоец. Все доклады Торновский представлял Унгерну очень кратко, в виде рапортички на осьмушке листа каждый вечер. Такой порядок устраивал их обоих и продолжался все время, пока Торновский занимал должность начальника штаба дивизии. В дальнейшем эту должность занимали разные лица, они часто сменялись. Фактически, штаба и разведки Унгерн не имел. Все решения он принимал сам, а в бою лично командовал даже отдельными сотнями.

В Азиатскую дивизию вливались местные колонисты и беженцы. В белой пропаганде это разрасталось до «массового дезертирства красноармейских частей».[1657] В Маньчжурии действовали вербовочные пункты Унгерна с есаулом Кубанцевым во главе.[1658] В Хайларе и на концессиях, прилегающих к железной дороге, комплектовались отряды.[1659] Газета «Новости жизни» поместила обширную статью своего корреспондента Симпсона о массовой вербовке солдат для Унгерна «врагами Китая», чтобы воевать в Монголии против Китая.[1660] В этот район летом и осенью 1920 г. ушла большая часть беженцев из Забайкалья и часть казаков во главе с генерал-лейтенантом С.Г. Мациевским. В п. Маньчжурия была организация во главе с Хребтовым и Мациевским для формирования конных частей.[1661] Партии офицеров прибывали даже из Гродекова в Приморье.

Г.Е. Мациевский.

Условия найма в дивизию изменились по сравнению с даурскими.[1662] Теперь при поступлении на службу выплачивалось 60 р. золотом или билонным серебром (по курсу 123 р. 40 к.). Жалованье всадника было 15 р., дарги (начальника) — 18 р., заводного — 25 р., вахмистра — 28 р., командира сотни — 30 р. золотом или билонным серебром (по курсу: 15 р. золотом — 30 р. 85 к. билоном; 18 р. — 37 р. 02 к., 25 р. — 59 р. 41 к., 28 р. — 65 р. 58 к. и 30 р. — 69 р. 59 к.). В случае смерти в боях или от ранений наследники вправе были получить пособие в размере 300 р. золотом или серебром (по курсу 617 р.). За легкое ранение — 100 р. золотом или серебром (по курсу 205 р. 66 к.). Во всех случаях жалованье можно было платить не золотом, а равноценной валютой, серебром, долларами и т.д. Особо оговаривалось, что до окончания срока службы доброволец не имел права уволиться и просить увольнения; в случае похода или в другое тяжелое время не имел права заявлять претензии; не имел права требовать никаких дополнительных выдач. Фактически, жалованье выплачивалось, когда было чем.[1663]

Сохранились требовательные ведомости на выдачу жалованья сводно-артиллерийскому дивизиону Азиатской дивизии за май 1921 г. (всего 22 человека): командиру подполковнику Дмитриеву — 40 р., его адъютанту прапорщику Арямову — 25 р., капельмейстеру чиновнику Чижову — 25 р., вахмистру С. Шамову — 20 р., старшим разведчикам и телефонисту — по 15 р., разведчикам — по 10 р., младшим фейерверкерам — по 10 р.[1664] Эти цифры отличаются от указанных выше. По всей видимости, они отражают финансовые затруднения.

При производстве в следующий чин в приказе писалось, что офицер «представляется к производству». Представленный получал все права и преимущества тотчас после отдачи приказа по дивизии. Об этих производствах-представлениях Унгерн при оказии докладывал Семенову, как главнокомандующему, а тот выпускал ответные приказы с утверждением. В прапорщики барон получил право производить сам.[1665] Начальники отрядов производили в следующий чин отличившихся бойцов до утверждения Унгерном. Сохранились приказы о таком производстве по одному из подразделений 3-го конного полка;[1666] А.И. Шубин произвел в сотники хорунжего своего отряда Н.В. Ермакова «впредь до утверждения командира Азиатской конной дивизии».[1667] Производство зачастую получали люди неграмотные, из простых казаков, иногда — чиновники. Но во всех полках Азиатской дивизии помощниками командиров были кадровые офицеры, имевшие большой опыт боевых действий.

Унгерн не доверял колчаковским офицерам. Он заявлял, что колчаковцы в большинстве трусы, казнокрады, сборная сволочь.[1668] По-видимому, он не мог им простить разгрома армии адмирала, критики «атаманщины», зависимости от западных союзников. Поэтому назначал на высшие командные дол-

И.С. Ефтин (Белов, 1934, с.141).

жности, например, бывших урядников, известных ему своей храбростью и личной преданностью, а кадровых офицеров ставил под их команду. Дивизия делилась на две группы: «коренных унгерновцев» и поступивших в Монголии.

Генералов старой российской армии Унгерн считал людьми бесполезными. Он предоставил им свободу выезда из Нийслэл-хурэ. Одному из них, И.С. Ефтину (1862–1921), дивизионный врач Клингенберг неудачно сделал операцию, и тот скончался. По приказу барона, генерала похоронили с воинскими почестями. Позже Унгерна необоснованно обвиняли в убийстве Ефтина.[1669]

Продовольственная база дивизии управлялась интендантами В.К. Рерихом[1670] и Котельниковым, была хорошо налажена. По инициативе Унгерна хлебные поля по Орхону и Иро, брошенные китайцами, были переданы в руки интенданта Котельникова, который смог уберечь от порчи водяные мельницы, собрал и сохранил зерно, наладил выпечку хлеба.[1671] В помощь Котельникову был назначен поручик Н.Н. Владимиров. Мельницы на время войны, фактически, были национализированы.[1672]

Бойцы Унгерна были хорошо вооружены и одеты за счет захваченных китайских складов. В столице он захватил около 2 тыс. винтовок, 4 орудия, золото и серебро китайского банка на сумму 400 тыс. мексиканских долларов, а также имущество китайских фирм на 30 тыс. долларов.[1673] Торновский приводит близкие данные: 2 тыс. новых винтовок без затворов (их потом нашел интендант Россианов), 3 тыс. старых, 4 исправных орудия, 12 без замков (их потом нашли), 30 исправных пулеметов, 30 без замков, ружейных патронов более 500 тыс., много обмундирования, склады продовольствия и прочего имущества, в банке билонного серебра на 700 тыс., золота 4 пуда, ямбового[1674] серебра и банкнот 500 тыс., американских долларов 2 тыс.[1675] Китайцы с помощью специальной машинки успели срезать номера с банкнот и увезли с собой.[1676] В Чойрыне Унгерн захватил до 8 тыс. винтовок, снаряды, патроны, интендантские грузы, автомобили, рис и прочее.[1677]

Сукон и бумажных материй, годных для белья хватило бы на армию в несколько десятков тысяч человек. Кожаные изделия производил завод, за-

пущенный в Нийслэл-хурэ. Для каждой части была разработана особая форма, сочетавшая русские и монгольские элементы.[1678] Всадники и офицеры носили яркие тарлыки (монгольские легкие халаты): светло-синие, малиновые, красные, голубые, синие рубашки и шаровары; белые папахи; широкие пояса из цветного шелка.[1679] Восточные отряды сохранили свое национальное обмундирование, но вместо шинелей они получили синие суконные тарлыки. Например, 1-й Татарский полк был одет в светло-синие монгольские халаты с зелеными погонами и зелеными башлыками, 4-й конный полк — в темно-синие халаты с ярко-желтыми погонами и башлыками и т.д.[1680] Осенью Унгерн собирался одеть свои части в кожаные куртки и галифе.[1681]

Красные участники боев и многие белые не упоминали это примечательное обмундирование. Пока не удалось обнаружить его аутентичные образцы, их фотографии или точные описания.[1682] Но это не доказывает, что такой формы не было. Ее упоминают несколько независимых очевидцев: Лаврентьев, Макеев, Князев, Торновский, Сокольницкий, Хитун. Последний запомнил, что эта форма использовалась после мобилизации русских в Урге, а потом интендантство постепенно заменило халаты формой забайкальского казачества. Однако в поход на Сибирь дивизия выступила именно в этих халатах. При этом, по Князеву, каждая сотня должна была иметь в головном взводе семь синих халатов, а разведка не сильнее взвода — три, вне зависимости от национальности. По-видимому, халаты использовались как парадная форма и для различения частей на походе и в бою.

Снабжение дивизии из-за границы было затруднено: Внешняя Монголия оказалась в фактической изоляции. ДВР старалась не пропускать белых и их агентов через границу. Китайское правительство перестало выдавать иностранные паспорта для выезда в Монголию уже в начале января 1921 г.[1683] После взятия бароном Нийслэл-хурэ — с февраля китайцы стали задерживать направляющихся к нему русских, многих пытали.[1684] В Пекине был арестован генерал Б.Р. Хрещатицкий, представитель атамана Семенова по иностранным делам, и 40 его офицеров по подозрению в связях с Унгерном. На них донес китаец-бой, который слышал пьяные разговоры о необходимости помощи барону. Атаман это назвал «актом мелкой мести».[1685]

Пекинские власти приказали арестовывать белых офицеров в Хайларе[1686] и Харбине. Были арестованы некоторые агенты барона в Маньчжурии и Китае. Тем не менее, к Унгерну приезжали агенты Семенова: Львов, Костромин, Еремеев.[1687] В Хайларе была офицерская организация во главе с генералом Бирюковым, пытавшаяся организовать снабжение унгерновцев продовольствием.[1688] В начале марта в Пекине прошло совещание примерно 30 офицеров от Семенова, Унгерна и других белых лидеров.[1689] В марте же от Унгерна в Маньчжурию к Семенову и Тачибана прибыл генерал Никитин с несколькими офицерами в форме и погонах.[1690] Командующий войсками про-

винции Гирин сообщал пекинскому правительству, что прибывшими на станцию Маньчжурия представителями Унгерна было устроено секретное совещание с каппелевскими и семеновскими офицерами в присутствии родственника хутухты, которому предложили сформировать личные войска.[1691] В марте сообщалось о закупках и планах отправки муки в Монголию через Калган унгерновским агентом в Маньчжурии Погодаевым.[1692]

П.Ф. Жуйков-Александровский, член делегации ДВР на переговорах с китайцами в п. Маньчжурия, вспоминал, что находившийся там полковник Никитин («начальник снабжения атамана Семенова») доставлял войскам барона продовольствие и боеприпасы.[1693] По тем же воспоминаниям, отдельные отряды унгерновцев находились всего в 50 км от Маньчжурии, и им ничего не стоило взять ее.

Унгерн предлагал наладить доставку грузов на восток через командира хунхузов, японца Намаки — за 25% прибыли.[1694] По-видимому, Намаки должен был охранять караваны Унгерна, отправляемые Цицикар, где барон предлагал начальнику китайских войск наладить снабжение через китайские фирмы.[1695] Вообще, банды хунхузов широко использовались сторонними силами. Некоторые банды, поддержанные красными, становились «китайскими красными партизанами», другие имели контакты с семеновцами, третьих поддерживали эмиссары Запада. Японская разведка занималась созданием в Маньчжурии банд хунхузов, полностью находившихся под японским контролем. С июня 1920 по май 1921 г. было создано 27 таких банд.[1696] Японцы вооружали и использовали их против большевиков. Видимо, такую банду и возглавлял Намаки. Однако попытка Унгерна наладить через него поставки грузов оказалась безуспешной.

Очевидно, снабжению мешала также эпидемия чумы, из-за которой выставлялись кордоны. Она появилась в августе 1920 г. на правобережье р. Аргунь. На ст. Даурия умерли 15 солдат. В октябре чума появилась в Хайларе, сначала в бубонной форме, затем в легочной. Зимой 1920–1921 г. эпидемия дошла до п. Маньчжурия, распространяясь на запад от Хайлара, проникла в ДВР. Симптомы развивались очень быстро: больные часто умирали в первый же день. Разносу чумы способствовала скученность беженцев и войск. Распространяясь вдоль железной дороги, к апрелю эпидемия достигла Владивостока. Однако во Внешнюю Монголию она не проникла — возможно, благодаря режиму изоляции Унгерна со стороны китайских властей.

Несмотря на все это, барон отправлял на продажу в Хайлар караваны с реквизированным имуществом.[1697] По-видимому, это породило рассказы о том, что он лично в середине апреля ездил туда при двух автомобилях, пулеметах, сотне охранников, а за ним под усиленным эскортом шли 150 подвод с драгоценностями, награбленными в Урге.[1698] В действительности неизвестно, чего и сколько удавалось вывезти из Халхи и продать. Агенты

Унгерна пытались закупать оружие и амуницию в Шанхае и Тяньцзине.[1699] Сообщалось также, что агенты монголов накапливали оружие и амуницию в Харбине, а оттуда возили в Монголию маленькими партиями по разным дорогам.[1700] Снабжение это явно было недостаточным.

Унгерн пытался использовать имущество, которое в свое время вывез в Маньчжурию из Даурии. Однако эти склады пропали из-за сложностей с вывозом, конфискаций китайцами и махинаций некоторых агентов барона.[1701] Эти махинации начались почти сразу после того, как дивизия пересекла границу.

Вот что, например, писал Унгерну его агент Л. Вольфович еще 24 ноября 1920 г.: «Все маньчжурские склады были арестованы китайскими властями по заявлению еврея Гоберника из Читы, у которого будто бы Вы отобрали большое количество скота в Монголии. Никитин не растерялся и предъявил иск на Вас в 35 000 рублей. Евтин, кроме того, что успел ликвидировать сам в свою пользу, а частью с Никитиным в компанию — остальное со спокойной совестью проморгал. Дзыно имеет в Маньчжурии какие-то свои личные склады, на которые и живет, всюду пользуясь Вашим именем. Кончит тюрьмой. Федотьев, выжав всех, что мог, и заодно запродав за бесценок арестованные склады в Маньчжурии американцам, окончательно удул от преследования в Иокогаму».[1702] Перед этим Федотьев, отказав Шайдицкому в деньгах, сказал ему, что Азиатской дивизии не существует и исполнять приказания Унгерна не надо.[1703]

Источник этих «личных складов» ясен из следующих сведений. Еще 5 октября 1919 г. прифронтовой военный суд в г. Чита вынес приговор по делу обер-офицера для поручений при штабе Азиатского конного корпуса, зауряд-есаула П.К. Дзыно и вольнонаемного того же корпуса В.Л. Сафрончика. Согласно этому приговору, оба исключались из военного сословия и подлежали расстрелу, Дзыно вдобавок лишался чина. Преступление состояло в том, что, злоупотребляя служебным положением, они выменивали у пассажиров поездов подлежавшие конфискации, но возвращавшиеся в виде льготы провозителям царские кредитки на сибирские, а затем на местном рынке сбывали их, пользуясь разницей в курсах. Дзыно обменял для себя 6000 руб., Сафрончик — 3000 или 3200. Атаман Семенов заменил наказание отдачей в исправительное арестантское отделение на два года каждого, а прокурор Читинского окружного суда Кадышевский 18 октября 1919 г. оспорил приговор прифронтового суда, как вынесенный с нарушением действующих законоположений.[1704] Дзыно, очевидно, избежал наказания. 20 мая 1920 г. генерал Казачихин сообщал о его участии в махинациях с имуществом, реквизированным в п. Маньчжурия.[1705] В письме 8 марта 1921 г. Дзыно оправдывался перед Унгерном в проблемах со снабжением Азиатской дивизии из Хайлара, в частности, нехваткой денег.[1706]

Убедившись в том, что склады в Маньчжурии все равно пропадают, барон предложил их в подарок своему родственнику, генералу Чжан Куйу, хотел послать ему также пушки и пулемет, предлагал наладить торговлю.[1707]

Организовать снабжение Азиатской дивизии из-за границы так и не удалось. Дивизия испытывала недостаток в боеприпасах, в грамотном персонале. Унгерн просил присылать порох, бертолетову соль, гильзы, капсюли, трехлинейные патроны («японских не надо»), снаряды, искал инженера для литья пуль из стекла (больше было не из чего), электротехника, слесарей, толковых офицеров-артиллеристов.[1708] В столичных мастерских пытались подгонять под пушки не подходившие к ним снаряды, делать стеклянные пули, гранаты с ядовитым газом.[1709] Занимались этим инженер Войцехович и химик Ф.А. Оссендовский при участии К. Гижицкого. Из этого ничего не вышло.

Содержание добровольческой дивизии — дорогостоящее дело. Унгерн старался за все платить, но не обходилось без реквизиций. Они не были незаконными, так как проводились с санкции высшего монгольского руководства.[1710] По сведениям Б.Н. Волкова, полученным, очевидно, от П.А. Витте, содержание Азиатской дивизии обходилось монголам в 1800–2100 быков в месяц.[1711] Специально выделенные правительством чиновники под руководством Витте весной 1921 г. подсчитали, что сумма в 3 млн. лан, которая требовалась для покрытия расходов Азиатской дивизии, является нереальной для бюджета Монголии.[1712]

Необходимо было создавать и собственно монгольскую армию. В Нийслэл-хурэ вновь открыли военное училище для монголов. Его начальником стал полковник П.И. Лихачев. В формирующихся монгольских частях к офицерам обязательно приставлялись опытные русские советники — белые офицеры.[1713] Уже имевшимися монголо-бурятскими сотнями командовал Немчинов, владевший монгольским языком. Дисциплина в училище была палочной.[1714]

Торновский советовал Унгерну довести численность дивизии за год до 100 тыс. человек. Для одной Халхи это была невыполнимая задача. Лишь в случае реализации унгерновского плана объединения «всех народов монгольского корня» эта цифра могла стать реальной. Пока же, по указу Богдо-хана, из разных аймаков в Нийслэл-хурэ присылали мобилизованных и добровольцев. Мобилизовались мужчины до 50 лет, но многие старались уклониться.[1715] Тем, кто навербует свыше 5 тыс. человек, была обещана особая награда.[1716] Но так много завербовать не удавалось. Феодалы же старались посылать больных, слабых и т.д., оставляя себе самых трудоспособных. Да и среди мобилизованных шло брожение. Например, в марте возникло сильное сопротивление среди нескольких сотен солдат, мобилизованных в семи хошунах Сайннойонханского аймака.[1717] Они отказались подчиняться начальству и разошлись по домам.

Под командой Бишерельту-гуна Сундуя находился отряд мобилизованных монголов. Этот отряд был недисциплинирован, его надежность была под большим сомнением.[1718] Родившийся в семье бедного дворянина в 1896 или 1897 г. и получивший титул Бишерельту-гуна во время борьбы за независимость, Сундуй в свое время учился в школе русского языка при министерстве иностранных дел Монголии, потом — в школе в Иркутске. Обе школы он не кончил из-за нездоровья. В Иркутске в той же школе учился будущий революционер Чойбалсан, так что Сундуй мог его знать. В 1921 г., когда из Нийслэл-хурэ бежали гамины и в Монголии объявили мобилизацию, Сундуй отказался. И тут в его хошун приехал на автомобиле Унгерн с белыми, показал указы Богдо-хана и военного министерства о мобилизации. Сундую пришлось подчиниться. В итоге он возглавил отряд в 800 человек.[1719] Наверное, Унгерн хотел поставить его начальником монгольских солдат потому, что Сундуй был молодым, перспективным, знающим русский язык.

Уже 5 февраля на заборах и стенах в Нийслэл-хурэ был расклеен призыв Унгерна к русским поступать на службу в Азиатскую дивизию. 8 или 9 февраля на площади собралось примерно 200 человек.[1720] Адъютант барона построил их. Унгерн обходил ряды, расспрашивал каждого о возрасте, семейном положении и т.д. Адъютант делал заметки. Всех, кого барон счел годными, он зачислил в дивизию или хозяйственные учреждения, многих освободил от службы. Большинство мобилизованных составляли те, кого освободил из тюрьмы Хоботов, поэтому они охотно вступили в его полк. Но впоследствии некоторые дезертировали. Мобилизация проводилась среди беженцев из России и в других районах. Например, для этой цели в Северную Монголию в апреле прибыл отряд хорунжего Кеберова.[1721]

14 февраля 1921 г. Унгерн издал воззвание к жившим в Монголии бурятам и эвенкам с призывом вступать в монгольскую армию. За уклонение смертной казни могли подвергнуться не только провинившиеся, но и их родственники. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 19 до 25 лет.[1722] В провинцию Чахар (Внутренняя Монголия) он отправил посланцев с деньгами для найма солдат.[1723]

Комендантом столицы — начальником комендантского управления был назначен подполковник Л.В. Сипайло. По одним данным, комендантское управление заняло здание Монголо-китайского банка, по другим — комендатура разместилась в бывшем доме Прокина, предназначавшемся под универмаг.[1724] Эти здания не сохранились. Есть и другие сведения: что унгерновцы производили повешения в бывшем здании «Монголора»; там сзади в стене с круглыми окнами была П-образная ниша, оттуда торчало бревно, на котором вешали.[1725] Значит, комендатура могла находиться и там, тем более что в этом здании есть большой подвал...

В столичном Маймачене было отделение комендантской команды, где суд и расправу чинил прапорщик Степаненко.[1726] Контрразведкой ведал поручик Н.Н. Князев под контролем капитана Безродного.

Сипайло организовал «бюро политического розыска», в которое пошли работать в основном русские, татары, поляки — колонисты из Нийслэл-хурэ. Так одни колонисты стали вносить вклад в истребление других. Это поведение объяснялось не только страхом, но и некоторыми особенностями колонии, в частности, разобщенностью и эгоизмом (см. главу 5). После захвата города белыми некоторые служащие Центросоюза бежали, а некоторые, пытаясь избежать расправы, поступили служить в комендатуру. Поступили туда почти все мелкие служащие Центросоюза и большинство лиц, имевших основания бояться прихода белых — 14–22 человека[1727]. Есть сведения, что для розыска скрывавшихся в городе евреев и богатых китайских купцов Сипайло создал «особый летучий отряд» сыщиков из татар в возрасте 13–16 лет.[1728]

На допросе Унгерн говорил, что разведслужба организована не была за неимением подходящих лиц, а комендатура Сипайло главным образом добывала средства и разыскивала евреев-большевиков.[1729] Для руководства заграничной агентурой Унгерн считал его малопригодным.

Неверно утверждение Волкова, будто все конфискованное у казненных передавалось дивизии. Драгоценные металлы, деньги и другие ценности Сипайло и его подручные брали себе, а на склады поступали в основном мало нужные для дивизии предметы, типа домашнего скарба. Но некоторые товары продавали в пользу дивизии.

Один из примеров — история с купцом М.Л. Носковым, представителем британской фирмы Д. Бидермана по торговле мехами и шерстью, Fur & Wool Trading Co. (D. Biedermann), Ltd. По словам очевидцев, Носков разорял монголов, негостеприимно относился к нуждавшимся русским беженцам[1730]. Даже в телефонной книге Урги он числился как «орос черт» («русский черт»), так называемый Носков.[1731] Вместе с Гордеевым и Тагильцевым (впоследствии также убитыми Сипайло) Носков принимал участие в погромах в Нийслэл-хурэ.[1732] По словам Оссендовского, к Унгерну пришли главы 30 семейств и потребовали смерти этого купца.

Носкова арестовали 24 апреля 1921 г. Через шесть дней он умер от пыток в подвале комендантства, но деньги фирмы не выдал. Унгерн требовал от Сипайло денег Носкова. Сипайло конфисковал и продал имущество купца. Сообщалось, что из Урги в Хайлар для продажи было отправлено около 400 подвод с пушниной, а Сипайло смог взять у Носкова 30 пудов серебра, 1,5 млн руб. романовскими и 1 млн руб. керенками.[1733] Очевидно, эти 400 подвод везли меха, которые выкупила у Сипайло американская компания Andersen, Meyer & Co., Ltd. Представители этой компании прибыли в Ургу в мае 1921 г. якобы для закупки лошадей.[1734] Впоследствии (в 1926 г.) фирма

Бидермана направила иск в американский суд против Andersen, Meyer & Co., Ltd, выкупившей эти меха.[1735]

Надо отметить, что Сипайло не был оригинален в таком использовании имущества казненных. Это была обычная практика красных в гражданскую войну. ЧК поставила ее на широкую ногу, образовывались столь большие запасы («точно в лавке старьевщика»), столь многое разворовывали сами палачи, что эту организацию называли не только карательной, но и мародерской.[1736]

Истребляя подозрительных лиц, Сипайло и другие не смогли противостоять деятельности коммунистов, МНП и ее вооруженных отрядов, красной пропаганде. Они даже не смогли помешать выезду из Нийслэл-хурэ родственников Сухэ-батора, организованному Чойбалсаном.[1737] По заданию МНП сторонники красных поступали в армию Унгерна и оттуда передавали им важные сведения.[1738] Приехал с севера и некоторое время был секретарем у барона лама Д. Бодо. Вскоре он уехал с нотой монгольского правительства к советскому, но передал ее Сухэ-батору. Затем Бодо стал председателем временного народного правительства Монголии. Монгольский лама-разведчик, которого направлял к Унгерну с тайными заданиями Сухэ-батор[1739] — это и был Бодо. Приезжал в Нийслэл-хурэ под видом торговца и лично председатель ЦК МНП С. Данзан.[1740] Важную роль в деятельности МНП играли буряты из России: Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Э. Батухан (Н.Ф. Батуханов), С.А. Нацов (Шойжелов) и др.

В марте 1921 г. ЦК РКП(б) принял постановление об организации работы среди татар и башкир в частях барона.[1741] Позже красные разбрасывали с аэропланов листовки на русском, монгольском, бурятском и татарском языках, распространяли их в селениях.[1742] Красные перехватывали письма Семенова и Унгерна, узнавали содержание разговоров членов дивизии.[1743] Именно советские информагентства и газеты сообщали самую оперативную и точную информацию о монгольских событиях. Даже японская разведка вынуждена была черпать важнейшие сведения оттуда.

Д. Бодо.

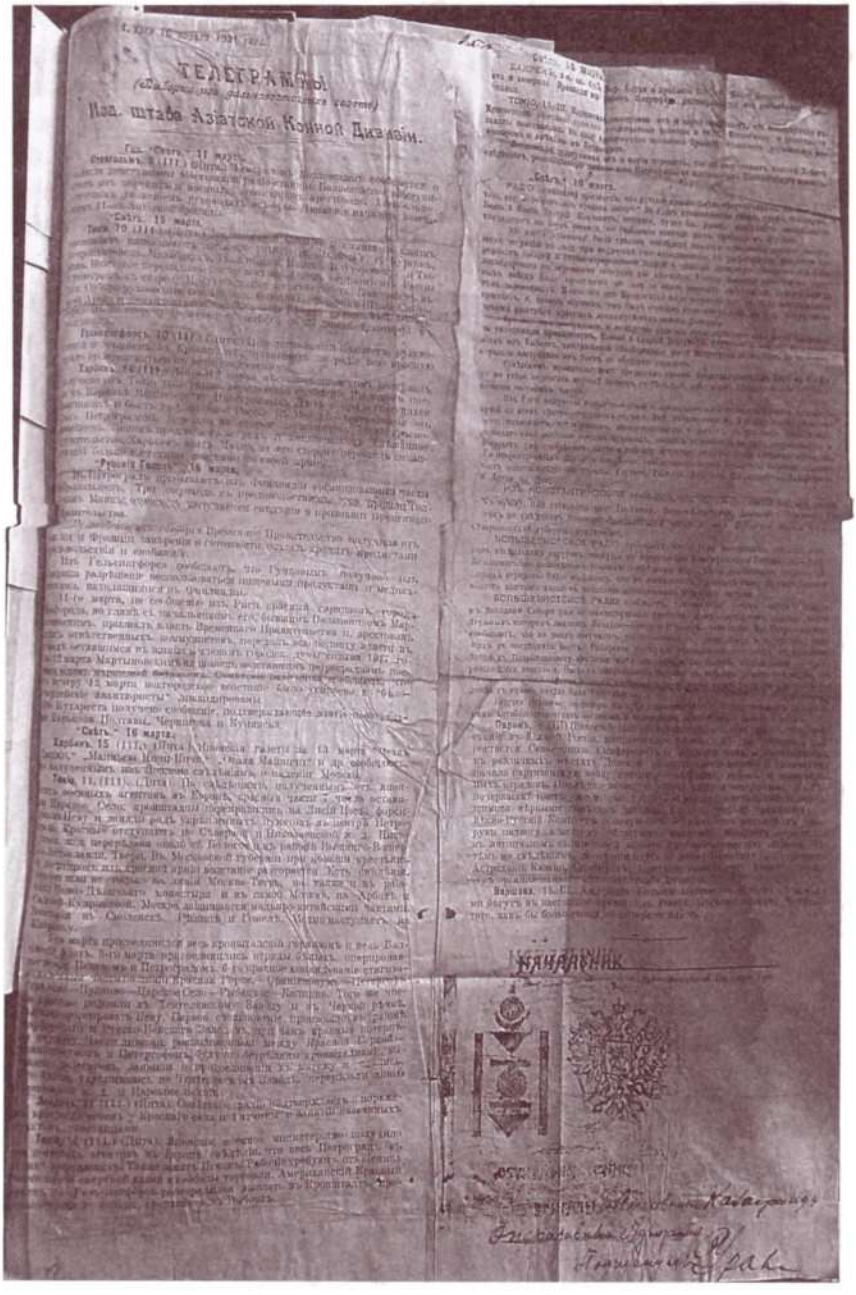
Среди монголов велась красная пропаганда. По кочевьям разъезжали агенты МНП. Из РСФСР доставлялась газета

«Монголын унэн» («Монгольская правда»), в которой на монгольском языке агитировали за борьбу с белыми, ликвидацию реакционного строя, сотрудничество с РСФСР, русскими и китайскими революционерами и т.п.[1744]

Важную роль сыграли декларация о 10 целях МНП, изданная временным народным правительством, и воззвание к монгольскому народу, разосланное по хошунам на запад и восток от кяхтинского Маймачена.[1745] В ответ Унгерн составил бумагу, которая была опубликована в марте как циркуляр министерства внутренних дел Монголии (см. раздел «Документы»). В апреле, согласно политсводке красных, монголы под влиянием ургинского правительства стали держать себя вызывающе в отношении войск ДВР.[1746] Весной 1921 г. ЦК МНП издал примечательное обращение к монгольским «братьям-солдатам» из армии Унгерна, в котором, ссылаясь на волю Неба, призвал уничтожить «белую партию», не проливая монгольской крови освободить страну, достичь процветания религии и власти.[1747]

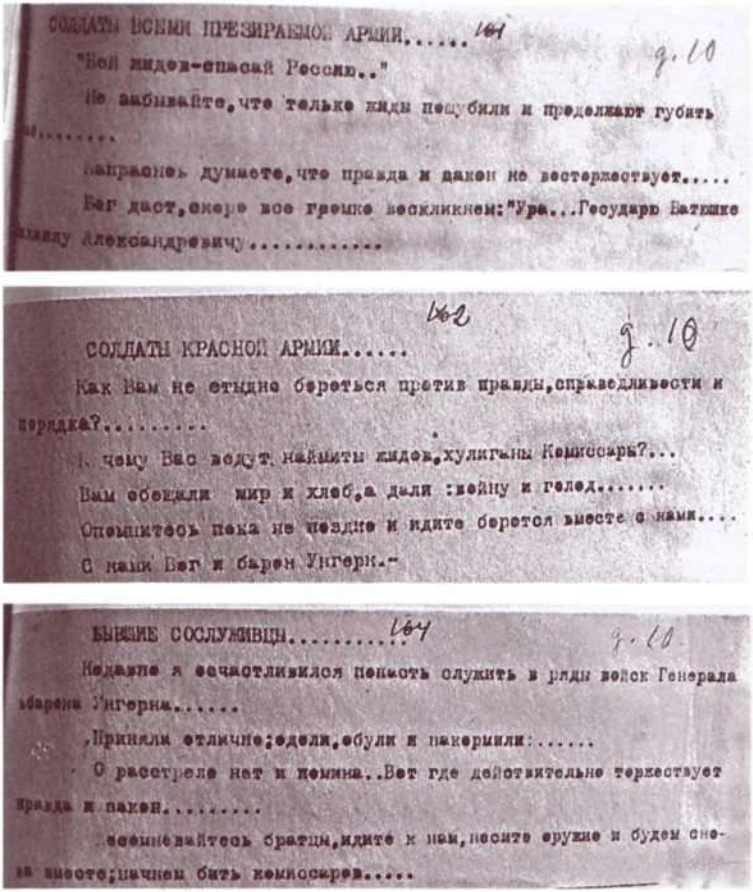
В отличие от красных, Унгерн не понимал значение пропаганды. Агитация велась в основном посредством циркуляров, рассылавшихся из министерств, расклейкой сообщений и т.п. Русско-монгольская типография в Нийслэл-хурэ печатала очень мало. Там были изданы эсхатологические выдержки из священных христианских книг. 10 апреля — «Телеграммы (выборки из дальневосточных газет). Издание штаба Азиатской конной дивизии».[1748] Это были перепечатки из харбинских газет «Свет» (в основном) и «Русский голос» о положении в разных частях России — преимущественно о поражениях красных, восстаниях против них, недовольстве населения. Сохранились также напечатанные на пишущей машинке краткие обращения к противнику (по-видимому, листовки). Их содержание — антисемитизм и восхваление Унгерна. Пропаганде служил и унгерновский приказ № 15.

В приграничных районах Забайкалья отмечалось брожение.[1749] В Восточном Туркестане и на западе Монголии действовали крупные отряды белых. Поэтому руководство Коминтерна стало опасаться создания единого контрреволюционного фронта от Восточного Туркестана до Маньчжурии.[1750] Коминтерн тревожила также внутриполитическая ситуация в ДВР. Появилась опасность создания вдоль ее юго-восточных границ монархического альянса, поддерживающего белых. ДВР и вообще тылу красных в Сибири создалась непосредственная угроза. И это в то время, когда Коминтерн отводил Китаю особую роль в грядущей мировой революции... Теперь восточное направление приобрело особую значимость в деятельности Коминтерна. На повестку дня встала задача не только поддержки китайских коммунистов для захвата ими власти, но и нейтрализация контрреволюционного движения в Центральной Азии в целом. Как раз в июне – июле 1921 г. в Москве проходил III съезд Коминтерна.

ТЕЛЕГРАММЫ

Нач. штабе Азиатской Конной Дивизии.

Выдержки из дальневосточных газет. Русско-монгольская типография в Урге. Из канцелярии отряда Н.Н. Казагранди (РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 252).

СОЛДАТЫ ВСЕМИ ПРЕЗИРАЕМОЙ АРМИИ..... 161 9.10

"Вей жидов-спасай Россию.."

Не забывайте,что только жиды погубили и продолжают губить

Напрасно думаете,что правда и закон не восторжествует.....

Бог даст,скоро все громко воскликнем:"Ура...Государю Батюшке

Николаю Александровичу.....

СОЛДАТЫ КРАСНОЙ АРМИИ..... 162 9.10

Как Вам не стыдно бороться против правды,справедливости и

порядка?.....

К чему Вас ведут.Найметы жидов,хулиганы Комиссары?...

Вам обещали мир и хлеб,а дали :войну и голод.....

Опомнитесь пока не поздно и идите бороться вместе с нами....

С нами Бог и барон Унгерн.-

БЫВШИЕ СОСЛУЖИВЦЫ..... 164 9.10

Недавно я осчастливился честь служить в ряды войск Генерала

барона Унгерна.....

Приняли отлично;одели,обули и накормили:.....

О расстреле нет и помина..Вот где действительно торжествует

правда и закон.....

Соединяйтесь братцы,идите к нам,несите оружие и будем сно-

ва вместе;начнем бить комиссаров.....

Краткие обращения унгерновцев к красным (по-видимому, листовки) (РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 161, 162, 164).

***

Таким образом, после освобождения от китайской оккупации Монголия стала формально автономным, а фактически независимым государством. Ее монархическое правительство добилось немалых успехов. Оно налаживало административную систему, промышленность, связь, сельское хозяйство, торговлю, финансы и оборону, несмотря на острую нехватку ресурсов и фактическую внешнюю изоляцию. С весны 1921 г. легитимная теократическая власть полностью контролировала Внешнюю Монголию, за исключением нескольких северных хошунов.

Унгерн не вмешивался в управление страной. Управляло правительство Богдо-хана. Барон давал советы министрам, участвовал в составлении некоторых внешнеполитических посланий и оказывал давление на правительство в тех случаях, когда требовалось решение неотложных проблем. Однако министры сами решали, что делать. Обстановку в стране контролировали именно монголы. Поэтому неверно считать правительство Богдо-хана марионеточным, пребывание дивизии Унгерна в Монголии — оккупацией, а его самого — диктатором и грабителем. Террор в Монголии при Унгерне почти не касался монголов. Он затронул лишь небольшую часть иностранцев — колонистов и беженцев из России (подробнее см. в главе 17). Это не было главным в истории Монголии от освобождения до революции.

ГЛАВА 8

Поход Унгерна в Сибирь и революция в Монголии

Барон Унгерн стал готовиться к наступлению на советскую Россию сразу после разгрома китайцев. Поход планировался на позднюю весну, когда начнет отрастать трава и будет достаточно корма для коней.

Распространено мнение, что сам монгольский поход Унгерна был частью крупномасштабной операции белых русских войск Восточной окраины против ДВР.[1751] Более того — не исключали планов переброски войск Врангеля в помощь Унгерну, хотя осведомленные японские круги опровергали эти слухи.[1752] Все эти указания можно обобщить словами большевика Г.Е. Рейхберга, председательствовавшего на дебатах по докладу К.А. Неймана о разгроме Унгерна: «Хотя мы не располагаем достаточным количеством документов, но знаем, что у Унгерна был с Семеновым единый план на 1921 г. против Советской России... документов больших нет, но указания имеются».[1753]

Согласованный еще в Забайкалье с Семеновым план наступления на ДВР и Иркутск не противоречил плану Унгерна. По-видимому, он надеялся использовать действия других отрядов и наступление Японии для реализации собственных целей. А планы Семенова считал «мыльным пузырем».[1754]

Сообщалось, что после отступления из Сибири атаман хотел перебраться под Хайлар к отряду генерала Г.Е. Мациевского, но неблагоприятные известия из Урги заставили его уехать во Владивосток.[1755] В январе 1921 г. Семенов написал послание Унгерну, где уверял, что весной будет наступать по Амуру и от Хайлара.[1756] Японская газета «Осака Майнити» в феврале озвучила семеновскую версию, будто Унгерн заключил с Богдо-ханом соглашение об использовании Монголии Семеновым как базы в его будущих операциях против большевиков[1757].

28 февраля 1921 г. Семенов писал Унгерну, что японцы сделали ставку на Чжан Цзолиня, последний совместно с атаманом решил воевать с большевиками, Найман-ван начинает движение к Халхин-голу и т.д.[1758] Появлялись сведения о переговорах японцев с пекинским правительством о компромис-

се: Монголия подчинится Китаю на основе автономии, а Китай разрешит унгерновцам расположиться на железной дороге Маньчжурия — Хайлар.[1759]

В конце 1920 — начале 1921 гг. Семенов, Чжан Цзолинь и японцы в Маньчжурии вели переговоры о нападении на ДВР.[1760] На совещаниях в Порт-Артуре и Пекине в марте и апреле 1921 г. представители крестьян, бурят, казаков, харбинских общественных организаций, белогвардейских отрядов[1761] приняли воззвания о наступлении на ДВР под командой Семенова. На банкете в Порт-Артуре японцы дали атаману открытое «полуофициальное обещание» поддержки в случае выступления.[1762] Писали, что был принят план, присутствовали представители японцев и Азиатской дивизии.[1763] В архивах таких документов не найдено.

В показаниях поручика В.П. Поползухина на допросах (см. главу 10) этот план разрастался до глобальных масштабов. Некий Л.Д. Генри из китайского почтового ведомства говорил, будто в Харбине выработан план кампании против ДВР, согласно которому к отрядам Унгерна должны будут присоединиться семеновцы для дальнейших действий против Читы, что это делается с ведома Японии, что у 11 русских офицеров китайцы при аресте нашли важные документы, устанавливающие связь Унгерна с Семеновым и их намерение соединить отряды для одновременного наступления на Сибирь, о плане доставки продуктов на ст. Маньчжурия и на Амур при содействии и под защитой японцев.[1764] Группа солдат и офицеров призывала готовиться к наступлению на западе, где Семенова ждут Унгерн, Анненков и Бакич.[1765] На станциях КВЖД формировались склады, поддерживалась связь с Хайларом и Харбином; китайские власти конфисковали у семеновцев 330 тыс. долларов, раскрыли ряд тайных собраний.[1766]

По-видимому, Семенов готовил реванш против ДВР, но не имел для этого реальных возможностей. Это было на руку чекистам, желавшим выманить Унгерна из Монголии и разгромить у границы. Они понимали, что это тактически выгоднее, чем вводить в Монголию войска и переносить бремя довольствия и фуражировки на местное население.[1767] Понимал это и Унгерн. Поэтому он считал для себя выгодным ввод советских войск в Монголию.[1768]

Большевики активно готовились к предстоящим военным действиям. 28 мая 1921 г. на заседании политбюро ЦК РКП(б) были рассмотрены вопросы, связанные с укреплением буферной республики. В принятом постановлении было решено отправить на Дальний Восток отдельным поездом В.К. Блюхера с вооружением и предметами снабжения НРА ДВР, выяснить возможность передачи в НРА одной из расформировываемых сибирских дивизий, обратить особое внимание на район действий Унгерна и охрану границ в этом районе, предоставить НРА нужное число бронепоездов.[1769]

В мае 1921 г. Унгерн написал письмо японскому майору Ёрите о своем предполагаемом наступлении на Сибирь.[1770] В июне–июле барон получил

письма от Ёриты.[1771] Их содержание неизвестно. Возможно, там шла речь о соглашении белых и японцев о наступлении на ДВР.

Это соглашение было подписано 8 июня 1921 г. во Владивостоке японским командованием в лице представителей дипломатической миссии при штабе 11-й японской дивизии капитаном Аримато и лейтенантом Хигуси с семеновцами в лице командующего Гродековской группой войск генерал-лейтенанта Н.А. Савельева и начштаба Гродековской группы генерал-майора К.Л. Соболева.[1772] Наступление должно было начаться не позже 1 июля, японцы обещали семеновцам деньги, оружие, средства снабжения и перевозки в обмен на экономические преференции в Сибири. Наступать собирались войска Гродековской группы и белые партизаны генерал-майора Е.Г. Сычева, под контроль японцев попадал Владивосток и железные дороги. После свержения власти ДВР и демократических выборов в народные собрания японские войска должны были уйти в Уссурийск и Владивосток. К Унгерну может относиться лишь несколько слов: об «очищении Приморской, Сахалинской, Камчатской, Амурской и Забайкальской областей и свержении власти ДВР».[1773] Именно эту абстрактную часть фразы красная пропаганда тиражировала как доказательство участия Унгерна в соглашении.[1774] Приводилась телеграмма, якобы полученная 13 июня от Унгерна Семеновым, находившимся на корабле «Киодо-мару» у Владивостока: «Я и мои войска признали, что на Востоке возглавлять вооруженные силы может только ат. Семенов. Примите наше признание. Довожу до сведения об успехах продвижения в Забайкалье, население приветствует мой лозунг: Непримиримая борьба с коммунистами и их сторонниками».[1775] Неизвестно, посылал ли барон такую телеграмму, но и она не означала бы его участия в данном соглашении.

Все эти планы не были реализованы. В штабе японского экспедиционного корпуса возник раскол по вопросу о том, поддерживать Семенова или нет.[1776] В июле 1921 г. генерал Тачибана заявил: «Между нашими собственными силами сформировалась группа, стоящая в оппозиции к Семенову и поддерживающая эту оппозицию среди армии». По его словам, ситуация заставляет Японию вернуться к ранее выработанному плану с ДВР.[1777] Что это был за план?

В мае 1921 г. японцы решили войти в соглашение с ДВР и отвести свои войска во Владивосток и к Корее. Они надеялись на «мирное изживание» коммунизма. 26 мая 1921 г. во Владивостоке произошел контрреволюционный переворот, отделивший Приморье от ДВР и приведший к власти правительство братьев Н.Д. и С.Д. Меркуловых. Один из них заявлял, что японцы заключили договор с ним.[1778] Действительно, японцы поддержали Меркуловых, которые вместо подготовки войны занялись разоружением семеновцев в Гродекове. Именно поэтому они поощряли братьев Меркуловых, с помощью которых надеялись мирно объединить ДВР, но уже под белой влас-

тью.[1779] Это окончательно обрекало на неудачу семеновский план «широкомасштабного наступления» на ДВР. Откуда такое миролюбие?

На Дальнем Востоке укреплялись позиции США, стремившихся вытеснить Японию. Правительство ДВР в марте–мае 1921 г. стало налаживать контакты с США для того, чтобы использовать японо-американские противоречия.[1780] Тем временем в самой Японии обострялся экономический кризис, а влияние большевиков в Сибири росло. В таких условиях японцы старались урегулировать спорные вопросы с ДВР без вмешательства других держав. Судя по переписке военного министерства с Сибирским экспедиционным корпусом, Япония решила занять выжидательную позицию, временно отказавшись от своих планов в Сибири.[1781] В июле правительство США объявило об открытии Вашингтонской конференции по взаимоотношениям на Тихом океане и Дальнем Востоке. 26 августа в Дайрене открылась конференция с участием ДВР.

Такая тактика ослабляла белых в Монголии, тем более что они не знали о ней. Япония же, не оказывая Унгерну реальной поддержки, могла использовать на переговорах ослабление позиций ДВР при наступлении белых. Для этого японские СМИ могли преувеличивать успехи Унгерна и додумывать то, чего не было (см. главу 16). Вряд ли обосновано предположение, что японцы через Семенова хотели выманить Унгерна из Монголии и освободить там место для Чжан Цзолиня.[1782]

Блохин сообщает, что к барону перед его походом на Сибирь приехали два гонца: от Семенова и от правительства братьев Меркуловых. Второго гонца он приказал Бурдуковскому задушить, потому что Меркуловы призывали барона отказаться от похода в Россию.[1783]

Но и с Семеновым барон восстановить связь не пытался: «Сейчас же посыпятся советы, указания, приказы, а что нужно — денег не дадут».[1784] В Нийслэл-хурэ «о ссоре барона с атаманом и о полном разрыве их говорили все, хотя и очень осторожно»,[1785] а на Дальнем Востоке было известно, что Унгерн в Монголии действует совершенно самостоятельно.[1786] Об этом заявлял и офицер японского Генерального штаба.[1787] Говорили, что «барон с Семеновым по одной дороге не пойдет, дороги у них разные, путь барона прямой, а у того другой...»[1788]

Когда в Японии узнали о первых успехах барона (конец июля — начало августа), там решили занять выжидательную позицию и поддержать «активную группу, именно атамана Семенова, так как Унгерн и Казагранди действуют на местах его именем, ибо в случае успеха этих генералов все жертвы и затраты Японии в последние три года окажутся напрасными, так как, поддерживая Меркулова, они сразу лишатся всякой популярности».[1789] Такая политика японцев была выгодна Меркуловым и Семенову, но не Унгерну: барон не получал поддержки извне, а красные усиливались. Семенов же, изолирован-

ный в Гродекове, не знал ситуации с Унгерном. 9 августа 1921 г. в интервью харбинской газете «Свет» он мог сказать лишь: «На западном плацдарме ведется организационная подготовка и некоторая перегруппировка сил, результаты же этого станут достоянием гласности своевременно сами собою».[1790]

Итак, Семенов не выступил, Сычева разоружили китайцы, а Унгерн не получил поддержки. Так на деле реализовался «крупномасштабный план наступления» белых российской Восточной окраины на ДВР.

Впоследствии Семенов писал, что ему в последний момент пришлось изменить свой план и уйти не в Монголию, а в Приморье, что он сообщил это Унгерну и проинструктировал его, как не провалить всю намеченную кампанию. Семенов не собирался задерживаться в Приморье надолго, а потом вдруг оказалось, что он не сможет пойти в Монголию. Атаман должен был занять Приморье, а Унгерн — сделать диверсию на Калган. Если не поддержат китайские монархисты — то идти на запад. А когда выяснилось, что Семенов не сможет закрепиться в Приморье, он написал Унгерну, чтобы тот прекратил поход и связался с Чжан Куйу и внутренними монголами по поводу монархического плана. Но Унгерн, якобы, пошел в Сибирь потому, что получил сведения о готовности красной конницы под Троицкосавском перейти на сторону белых. А когда Семенов попытался остановить поход, было уже поздно.[1791]

Однако история похода Унгерна на Сибирь опровергает эти самооправдания атамана. Агент барона Л. Вольфович еще в ноябре 1920 г. передал ему точные сведения о плачевном положении частей Семенова в Приморье.[1792] Атаман так и не смог там закрепиться и организовать наступление на Сибирь.

«Ахиллесовой пятой» барона была недостаточная информированность об истинном положении в Забайкалье.[1793] Агентуры в расположении красных у него не было.[1794] Унгерн пытался наладить такую агентуру, но ничего не вышло. Например, он просил К.И. Лаврентьева связаться с иркутскими станицами, чтобы узнать их настроение, но получил отказ.[1795] Правда, поступали сведения из других белых отрядов в Монголии. Например, еще в марте 1921 г. «на Русь» уехал капитан Васильев, чтобы узнать обстановку и наладить связь с белыми отрядами, действовавшими на западе Иркутской губернии. Васильев предлагал держать связь через отряд А.И. Шубина.[1796] Важных сведений Унгерн от Шубина не получил. О положении в Сибири удавалось узнать от пленных, беженцев и перебежчиков, от агентов в Маньчжурии, из СМИ, по радио. Сохранилась подробная (по районам) «Сводка сведений о расположении красных в западном и восточном Забайкалье (составленная со слов пленных красных)».[1797]

Беженцы из Сибири, естественно, говорили о тяготах жизни при большевиках и недовольстве населения. Разруха после гражданской войны и ограб-

ление крестьянства красными продотрядами (продразверстка) вызывали голод и восстания. В 1920 г. не только европейская часть, но и значительная часть Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний была охвачена восстаниями. Крупнейшим из них было Западно-Сибирское. Летом 1920 г. председатель Сибирского ревкома И.Н. Смирнов, полномочный представитель ВЧК по Сибири И.П. Павлуновский и другие разрабатывали планы подавления восстаний — с расстрелами, конфискациями хлеба и т.д.[1798]

Восстания в основном закончились к лету 1921 г. Крестьянство и казачество, мечтавшие о мире, прекращали сопротивление после уступок властей. «Долго колебавшееся между буржуазно-помещичьим блоком, услуживавшей этому блоку «демократией» и революционным пролетариатом, крестьянство в решающую минуту, когда приходилось делать последний выбор, неизменно становилось на сторону пролетариата и поддерживало его — не демократическими избирательными бюллетенями, а продовольствием, лошадьми и оружием. Это и решило нашу победу».[1799]

Но не все были так доверчивы. По сводкам ВЧК, весной 1921 г. в Иркутской губернии крестьяне враждебно относились к Советской власти, отказывались от продразверстки, помогали «бандитам».[1800] В апреле 1921 г. в Иркутской губернии и ДВР отмечался рост ненависти к Советам. «Дай Бог, чтобы поскорее свернули голову всем приспешникам подобной власти, только за то, что коммунисты едят мясо, пролетарии — кишки, следовало бы давно на тот свет отправить. <...> Настроение населения очень скверное, в особенности к партийным. <...> Настроение в Чите самое разнообразное: и Унгерна со дня на день ждут, и открытия границ с Китаем и пр. Ставка на Унгерна дутая: говорят, он поднимает монгол, потому что с ним русские».[1801]

О том же сообщали и белые. Например, хорунжий Иркутского казачьего войска Н.В. Ермаков писал в апреле 1921 г. о настроениях в Иркутске: «...рабочие все страшно против советской власти, паек дают шесть фунтов на месяц; ждут спасения с востока и надеются на местные организации; положение страшно скверное для советской власти; Центр разрешил собственность и вольную торговлю, крестьяне говорят вслух: раз обманули, больше — нет, коммунисты думают, что разрешили собственность, и мы будем сеять хлеба, а осенью опять разверстка [неразборчиво] многих арестовывают и расстреляли, в Губподвале [подвал губчека] с 9 до 11 часов ночи судят, а после бьют ломом в подвале, а в 12 часов ночи электричество гасят по всему городу, и вывозят убитых».[1802]

Среди жителей наблюдалось расслоение. Уже во время похода Унгерна на Сибирь горожане и состоятельная часть крестьянства относились к нему безразлично или поддерживали его, а бедняки были за красных и уходили в партизаны.[1803]

В приграничной полосе (например, в районе Троицкосавска) агитация за белых, подкрепленная обещаниями поддержки Японией, имела частичный успех.[1804] В Тункинской долине чекисты раскрыли организацию Померанцева, планировавшую поддержать вступление в Сибирь Шубина и Унгерна.[1805] Сообщалось о подготовке восстания в пользу барона зажиточными крестьянами Бичурского района из семейских (старообрядцы).[1806] В Заангарье, Боханском аймаке и некоторых других районах около Байкала действовали разрозненные «кулацко-белогвардейские политические банды», которые были разгромлены к июню 1921 г.[1807] 16 августа 1921 г. 5-й Партизанский повстанческий отряд Тыретского района (севернее Иркутска) издал обращение к «гражданам Бурятии», где извещал, что будет вредить советской власти везде, где сможет.[1808] В 1938 г. известный ученый П.С. Михно перед расстрелом «сознался» чекистам в работе в «Союзе хлеборобов» по организации массового восстания в пользу Унгерна по всей забайкальской территории.[1809]

Унгерн слышал о восстаниях и брожении в Сибири. Потому он считал, что советская власть там слаба и его вторжение вызовет повсеместное восстание. «Стоит только начать, и люди будут присоединяться».[1810] В результате войско быстро увеличится. Поэтому не важно, какова будет его численность на момент вторжения. Логика Унгерна была похожа на логику Ленина в 1905 г.: «Необходимо слияние на деле террора с восстанием массы».[1811]

Прежде всего, барон рассчитывал на казаков 1-го отдела Забайкальского казачьего войска. Когда он пошел на Сибирь, то в обозе вез много оружия для казаков.[1812] Особенно надеялся он на поддержку жителей Джидинской и Селенгинской долин, куда направился в первую очередь.[1813] Большие надежды возлагал на Иркутское направление, поскольку Н.Н. Казагранди заверил его, что переход красных на его сторону — «пустяк», а население все пойдет за ним. Уже во время похода полковник Н.А. Овчинников доставил Унгерну пакет от Семенова. Полковник имел задание ехать на запад, чтобы поднять восстание казахов и других народов (но из-за неудач барона уехал обратно).[1814]

Были и другие причины похода на Сибирь. Ресурсы Монголии не позволяли обеспечить долгое содержание Азиатской дивизии, а из России и Маньчжурии завоз продовольствия был, фактически, блокирован (см. главу 7). Начались реквизиции скота и недовольство населения.[1815] В то же время, красных монголов население снабжало продовольствием и лошадьми «добровольно», лишь у феодалов проводились конфискации.[1816]

Вливание разнородных элементов в дивизию расшатывало ее монолитность, а долгое стояние на месте деморализовало.[1817] Не даром 14 апреля 1921 г. Унгерну пришлось вновь отдать приказ о запрете появления всадников и офицеров на улицах в пьяном виде. Нарушителям грозила порка.[1818]

Мобилизованные монголы часто дезертировали. Унгерн издал приказ о возвращении дезертиров в три дня, отправил отряды на их поимку.[1819]

Деятельность Безродного и других карателей для искоренения «крамолы» усугубляла произвол, расправы и реквизиции — в том числе без ведома Унгерна и вопреки его приказам. Росло недовольство. Некоторые дезертиры объединялись в отряды против него. На этом фоне шло усиление МНП и временного народного правительства. Красные монголы контролировали часть северной Монголии, вели пропаганду и разведку, в их отрядах открылись школы политграмоты.[1820]

Итак, барону оставалось или уходить за границу, или наступать на Сибирь. Он вообще считал, что необходимо куда-то двигаться — долгое стояние деморализует войска.[1821] Превентивный удар по Сибири, в случае успеха, позволил бы получить ресурсы и предотвратить революцию в Монголии. Но в случае поражения уходить было почти некуда. В Китае, Маньчжурии и России Унгерна ждал арест. В Восточном Туркестане, который не контролировался Пекином, надолго укрепиться вряд ли удалось бы, как это не удалось другим соединениям белых.

По-видимому, на случай поражения барон готовил базу в Монголии, где мог бы собирать силы для продолжения борьбы.[1822] Это место находилось к юго-востоку от столицы, в Цэцэнханском аймаке — то есть на границе с Внутренней Монголией, где у него было много союзников. Унгерн распорядился отремонтировать дорогу Нийслэл-хурэ — Хайлар. Но потом, по-видимому, счел, что в Цэцэнханский аймак легко можно перебросить китайские войска через Хайлар. Тогда он выбрал для базы Ван-хурэ (где стоял отряд Казагранди), провел телеграфную линию. На сотнях подвод и верблюдов туда повезли ценности, мануфактуру, продовольствие, боеприпасы, погнали скот из столицы, Цэцэнханского и Сайннойонханского аймаков.[1823]

По-видимому, Ван-хурэ Унгерн считал подходящим местом для последующего отхода в Западную Монголию и Урянхай, где надеялся укрыться в горах, и где действовали другие белые отряды. Кроме того, из Нийслэл-хурэ в Западную Монголию отбыли Хатан-батор Максаржав и Джалханцза-хутухта, которым барон доверял. Джалханцза-хутухта перед отъездом сдал свою печать премьер-министра Манджушри-хутухте С. Цэрэндоржу.[1824] Теперь именно к тому перешли обязанности премьера. Сам Джалханцза-хутухта отбыл как министр-инспектор по восстановлению Западного края Монголии[1825]. Он был эмиссаром по объединению с Монголией Урянхайского края.[1826] Унгерн понимал важность закрепления окраин Халхи, улучшения отношений между ее народами, знал о готовности белых к выступлению на западе.[1827] Он не сомневался в целях Джалханцза-хутухты (при отъезде даже некоторое время ехал с ним в одной машине), а Хатан-батора не без оснований считал лично себе обязанным и преданным человеком.[1828]

Но реальность оказалась другой. Хатан-батор чутко уловил изменение конъюнктуры и отправился на запад помогать красным. А целью Джалханцза-хутухты была не только интеграция запада страны, но и контакты с революционерами. Эти контакты он собирался наладить еще до назначения премьером.[1829] Политическое кредо этого иерарха современник уложил в рамки формулы: «Чтобы овцы были целы и волки были сыты».[1830]

Единственной перспективой для Унгерна был Тибет, который еще долго оставался независимым теократическим государством. Несомненно, военная помощь монархиста, принявшего буддизм, была бы там принята с благодарностью. Кроме того, ресурсы Тибета вполне позволяли содержать Азиатскую дивизию. Возможно, барон понял все это, но слишком поздно. Когда он предложил Резухину уйти туда, чтобы поднять восстание против китайцев и англичан,[1831] эти слухи просочились в дивизию и ускорили развязку заговора.

Есть сведения, что «еще в бытность свою в Урге Унгерн через Богдо-гэгэна установил связь с верховным ламой Тибета. И потом беспрепятственно поддерживал связь с тибетским ламатом путем частой переписки. То и дело к нему прибывали посланцы с далекого Тибета с грамотами от верховного ламы. В знак своего дружеского расположения к Унгерну духовный глава Тибета прислал ему несколько священных талисманов, которые должны были «охранять его жизнь и приносить успехи в делах»... С этими талисманами Барон никогда не расставался, носил их у себя на груди... Его личный секретарь полковник[1832] Львов <...> строчил на пишущей машинке длинные послания тибетскому ламе, расписывая ужасы большевистского террора и уверяя ламу о стремлении коммунистов физически уничтожить всех служителей религиозного культа, где бы они ни находились. Далее указывалось, что Унгерн борется против этой опасности, стремясь уничтожить коммунистов, и что он, Унгерн, просит высокого ламу прислать ему благословение на это великое дело. Послания вручались гонцам, и они, нагруженные ценными подарками из награбленного добра, спешили в Тибет. Духовный глава Тибета в ответных письмах благодарил Унгерна за его сообщения, за подарки и в то же время жаловался на те притеснения, которые приходится нести народам Тибета от китайского и английского насилия».[1833]

Эти сведения согласуются с замечаниями из некоторых мемуаров.[1834] Унгерн писал Далай-ламе, что после разгрома хотел уйти из Монголии в Тибет. К. Гижицкий кратко описал посольство Далай-ламы к Унгерну.[1835] Судя по описанию, приезжали какие-то тибетские чиновники из Лхасы. Правда, в архивах (список см. в разделе «Источники») документов на эту тему найти не удалось. Архивы же Лхасы, оккупированной Китаем, недоступны для исследователей.

Монгольское правительство лучше Унгерна владело информацией. Дело шло к установлению власти красных. Это вынудило Богдо-хана налаживать контакты с руководством МНП. С Унгерном он договорился о том, что офи-

циально не направляет монгольские войска в Сибирь, а барон ведет войну на свой страх и риск.[1836] «Пусть люди нового века творят свое новое дело, а людям старого века пора думать о своих загробных делах» — сказал Богдо-гэгэн.[1837] Он предсказал и время, когда утвердится новый порядок: «Через три месяца все устроится».[1838]

Вероятно, барон Витте, тесно связанный с монгольским правительством, понимал бесперспективность похода на Сибирь. Его дочь — И.П. Витте (сестра жены Б.Н. Волкова) вспоминала: «Когда Унгерн решил идти на Россию, папа его очень отговаривал, говорил ему: куда же ты пойдешь, у тебя здесь и провиант и все есть, а там тебя разобьют, но Унгерн не послушался и все равно пошел...»[1839]

В начале апреля 1921 г. сообщалось о движении в сторону Даурии большого отряда бурятских партизан, снабженных орудиями и пулеметами, во главе с «Танхаевым».[1840] Вероятно, они координировали действия с Унгерном. В первой половине апреля Унгерн издал приказ о необходимости захвата ст. Маньчжурия и присоединения к Тапхаеву.[1841] Возможно, имелись в виду отряды унгерновцев, находившиеся всего в 50 км от станции (см. главу 7). Но уже в мае произошел разрыв Унгерна с Тапхаевым на почве присвоения последним баронского золота.[1842] Возможно, Тапхаев присвоил средства, оставленные ему для борьбы с красными. Надо отметить, что у него уже был опыт грабежа в июне 1920 г., результатом стал запрос о привлечении его белыми к суду.[1843] Теперь Унгерн послал сотню под командой крещеного монгола — прапорщика Рудакова с приказом доставить Тапхаева в Ургу живым или мертвым.[1844] Но Тапхаев сумел скрыться. После этого он жил в Хайларе, занимался коммерцией, ездил в Маньчжурию и Монголию. Чекисты Б.И. Гудзь и Чибисов организовали его арест и вывоз в СССР.[1845] В сентябре 1932 г. Тапхаев попал в тюрьму Хайлара, а 1 сентября был взят под стражу в Иркутске. 19 марта 1934 г. постановлением тройки ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю Тапхаев был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 27 марта 1934 г.[1846] Тапхаев реабилитирован военной прокуратурой Забайкальского военного округа 10 сентября 1992 г.

Вернемся в Монголию. 15 апреля 1921 г. был отправлен в разведку 2-й полк Хоботова в составе 6 сотен, 2 орудий и 8 пулеметов. Хоботов перешел Селенгу, 27 апреля после небольшого боя с красными, занял Желтуринскую, а затем вернулся в Монголию. Он выяснил, что от оз. Хубсугул до Усть-Кяхты по границе Монголии нет больших сил красных.[1847]

23 апреля из Ван-хурэ выступил 3-й конный полк во главе с Резухиным и вновь назначенным начальником штаба Островским.[1848] В основном там были русские, но также буряты и монголы. Пасху встретили на Селенге. Затем из столицы прибыли саперы во главе с поручиком Бабушкиным и пост-

Ф.А. Оссендовский.

роили мост через Селенгу в районе Ергина. Он, однако, простоял всего месяц, а затем был снесен рекой. Почти месяц простояли полки раздельно, ведя разведку по границе.

В это время в Ван-хурэ произошли события, оставившие след в истории. Их датировка различается по источникам, но ее можно восстановить косвенно по мемуарам Оссендовского и Рябухина, где упоминается Пасха. В 1921 г. она приходилась на 1 мая по новому стилю. Реконструкция получается следующая.[1849]

29 апреля в Ван-хурэ к Н.Н. Казагранди прибыла группа белых, где был и Ф.А. Оссендовский. 30 апреля с Селенги прискакал Б.П. Резухин. По его приказу, во исполнение распоряжения барона, убили семью известного ветеринара В.Г. Гея. 2 мая прибыл Р.Ф. Унгерн. Он встретился с Казагранди, затем допросил белых, отправленных Безродным с дороги из Улясутая. К Оссендовскому проникся доверием, а Филиппову не поверил; его зарубил капитан Веселовский (личный адъютант барона).

В ночь на 3 мая состоялось совещание Унгерна, Резухина и Казагранди, где они окончательно согласовали план наступления на Сибирь. Детали этой встречи неизвестны. Разошлись они недовольными — возможно, видимо, из-за разногласий по поводу Гея[1850] и, возможно, по вопросу приема добровольцев. 3 мая Унгерн на автомобиле выехал из Ван-хурэ в столицу в сопровождении местного князя — Дайчин-вана. В тот же день туда же отбыл Оссендовский, которому барон дал рысистого белого верблюда и выделил казаков для сопровождения. Путь в 300 км барон проделал, естественно, быстрее своего нового знакомого, который прибыл в Нийслэл-хурэ 12 мая и стал свидетелем последних событий там перед походом на Сибирь.

21 мая 1921 г. барон издал известный приказ № 15.[1851] Этот приказ подготовили в Нийслэл-хурэ Ф.А. Оссендовский и начальник штаба дивизии К.И. Ивановский.[1852] Голубев сообщал, что в составлении принимали также участие Тизенгаузен, Архангельская, Войцехович и сам Унгерн. Л.А. Юзефович предполагает, что авторы распределили между собой параграфы чисто военного и политического содержания, причем в преамбуле чувствуется рука Оссендовского.[1853] Стиль приказа, действительно, отличается от унгерновского, но содержание полностью соответствует мировоззрению барона. Его соавторство чувствуется во всех параграфах, включая преамбулу.

Приказ № 15 содержал обоснования борьбы с советской властью, цели и план наступления, координацию действий белых отрядов в Монголии. В нем нашли отражение жестокость Унгерна и его антисемитизм. Главной целью по-

хода объявлялось восстановление абсолютной монархии в России во главе с великим князем Михаилом Александровичем Романовым, в пользу которого Николай II отрекся от престола 2 марта 1917 г., но Михаил не принял царства. В действительности еще в 1918 г. Михаил Александрович был выслан в Пермь и тайно убит большевиками. Чтобы скрыть преступление, коммунисты объявили, что князю удалось бежать. В разных местах даже объявились самозванцы, которым верили.

Великий князь Михаил Александрович.

Например, некий белый офицер удостоверял, что он сопровождал великого князя по железной дороге до Харбина.[1854] Сообщали, что в январе 1919 г. великий князь Михаил Александрович проехал через Забайкалье, до Даурии его сопровождал атаман Семенов, от Даурии до Харбина — Унгерн.[1855] Примечательно, что в Даурии у барона очень короткое время служил полковник князь В., бывший личный адъютант Михаила Александровича.[1856] Сам Унгерн на суде говорил, что не знает, жив великий князь, или нет.[1857] Однако в белой Сибири в том, что он жив и где-то скрывается, были уверены чуть ли не все.[1858]

В приказе № 15 было сказано, что война питается войной и «плох военачальник, пытающийся купить оружие и снаряжение тогда, когда перед ним находится вооруженный противник, могущий снабдить боевыми средствами». Приказ призывал «не рассчитывать на наших союзников-иностранцев, переносящих подобную же революционную болезнь, ни на кого бы то ни было».[1859] Одной из целей была также координация действий мелких отрядов, действующих разрозненно в Монголии. Наступление на север должно было вестись широким фронтом, главным образом, по рекам. План был рассчитан на несколько лет.[1860] Унгерн заявлял, что подчиняется атаману Семенову, хотя это было не так.

Наконец, приказ № 15 служил пропагандистским целям. Среди населения Забайкалья он распространялся в рукописных и машинописных копиях как «манифест».[1861] Сам Унгерн серьезного значения этому приказу не придавал. Но сожалел, что в нем не был затронут главный вопрос относительно «движения желтой расы» — то есть его геополитические построения.

Перед походом Унгерн решил обеспечить инвалидов, остававшихся в столице. Для этого он организовал некоторым из них браки с монголками и русскими в Нийслэл-хурэ, а в приданое подарил брошенные китайцами лавки. Сколько человек заключили браки, точно неизвестно. Неоднократно описывалась свадьба всадника Баронина, у которого были ампутированы ноги.[1862] Его дальнейшая участь была печальной. Он потерял свое состояние, поступил на работу в сапожную мастерскую, а в 1922 г. был арестован красными за «ведение тайных разговоров с бароновским палачом Кунгартом», посылку корреспонденции в Маньчжурию, связи с заговорщиком Мячковым.[1863]

Поход Унгерна на Сибирь и его разгром Красной армией описывались неоднократно, в том числе участниками боевых действий. Все существующие описания сделаны лишь с одной стороны: белых или красных. Приводимая ниже реконструкция сделана по сведениям обеих сторон, содержащихся в нескольких источниках.[1864] Ссылки приводятся только при использовании других источников.

По-видимому, наиболее точными данными о силах белых в Монголии на конец мая 1921 г. располагал М.Г. Торновский.[1865] Его сведения таковы.

1-я бригада под начальством самого генерала Унгерна: 1-й и 4-й конные полки (Парыгин и Марков) — 10 сотен, 1000 бойцов; 1-я и 2-я батареи — подполковник Дмитриев — 8 орудий, 120 бойцов; пулеметная команда — подполковник Евфаритский — 22 пулемета, 120 бойцов; Китайский дивизион — 2 сотни, 200 бойцов; Монгольский дивизион — 3 сотни Бишерельтугуна Сундуя, 280 бойцов[1866]; Чахарский дивизион — 2 сотни Найдан-вана, 180 бойцов; Отдельный Тибетский дивизион сотника Нечаева — 2 сотни, 200 бойцов. Всего: орудий 8, пулеметов 20, бойцов 2100. Объект действий — Троицкосавск — Селенгинск — Верхнеудинск.

2-я бригада под начальством генерала Резухина: 2-й и 3-й конные полки (полковник Хоботов, подъесаул Янков) — 10 сотен, 1200 бойцов; 1 батарея — 4 орудия, 60 бойцов; пулеметная команда — 10 пулеметов, 80 бойцов; Монгольский дивизион (подъесаул Бородин) — 2 сотни, 120 бойцов; Японская рота — 60 бойцов. Всего: орудий 4, пулеметов 10, бойцов 1510. Бригаде следовало перейти границу России в районе станицы Цежинской и действовать на левом берегу р. Селенги с выходом на Мысовск и станицу Татаурово и по тылам красных.

Отряд полковника Казагранди: 5-й конный полк — 3 сотни, 450 бойцов; взвод артиллерии — 2 орудия, 30 бойцов; пулеметная команда — 4 пулемета, 30 бойцов. Всего: орудий 2, пулеметов 4, бойцов 510. Район действий — Ван-хурэ — Мондукуль — Хубсугул — Иркутск.

Отряд атамана Енисейского казачьего войска Казанцева: конных рот — 3, 300 бойцов; пулеметная команда — 4 пулемета, 40 бойцов. Всего: пулеметов 4, бойцов 340. Район действий — Уряханский край — Красноярск.

Партизанский отряд есаула Кайгородова: сотен 4, 460 бойцов; пулеметная команда — 4 пулемета, 40 бойцов. Всего: пулеметов 4, бойцов 500. Район действий — долина р. Иртыш.

Восточный отряд подъесаула Немчинова: монголо-бурятских сотен — 2, 300 бойцов; пулеметный взвод — 2 пулемета, 20 бойцов. Всего: пулеметов 2, бойцов 320. Район действия — от станицы Мензинской в направлении Петровского завода.

Санитарная часть: главному врачу дивизии доктору Клингенбергу организовать полевой госпиталь для 1-й бригады — 20 человек; младшему врачу Рябухину организовать госпиталь при 2-й бригаде — 20 человек; тыловой госпиталь фельдшера Логунова на Керулене — 20 человек.

Главное интендантство: в каждой бригаде сформировать походные интендантства — 20 человек.

В Нийслэл-хурэ начальником гарнизона остается подполковник Сипайло и в его распоряжении: комендантская команда — 150 человек; Монгольское военное училище — 50 человек; интендантство с мастерскими — 160 человек.

Походная церковь при 1-й бригаде: священник, иеромонах отец Николай. Из православной церкви в Нийслэл-хурэ взять икону Матери Божией Споручницы грешных, установить ее в карете и следовать за 1-й бригадой.

К дивизии было прикомандировано несколько монгольских лам.

Жамболон-ван остается в Нийслэл-хурэ при монгольском правительстве для связи.

Таким образом, Унгерн располагал следующими силами: орудий 14, пулеметов 35, строевых 5280, нестроевых 440, а всего на территории Монголии — 5720 человек. На стороне барона также выступили отряды монголов, во главе которых стояли Г. Лувсанцэвэн-ван — 300 человек, Балжинням-гун — 500, Баяр-гун — 500, Дарь-эхэ-лама Чойджин-Джанцан, Дугаржав-мэйрэн — 200, Гомбо-Идшин — 300, Гэлэг-Ендон-тушмэл, Равдан-тайджи и др.[1867] Сотня русских казаков в Нийслэл-хурэ осталась охранять Богдо-хана. Сам барон, по-видимому, не знал общей численности своего войска. Впоследствии он признавался в этом на допросе красными.[1868]

По словам Унгерна, в дивизии служили представители 16 национальностей, в основном русские, монголы, буряты, китайцы, татары.[1869] Были также башкиры, японцы, корейцы, тибетцы, эвенки, поляки, чехи, немцы, австрийцы, украинцы, от одного до нескольких человек — сербов, армян, евреев. По-видимому, были также маньчжуры и англичане.[1870] Из монголов были буряты, халхасцы, чахары, харчины, баргуты, ойраты и др. Блохин писал, что был также один негр. Так что в дивизии было больше 16 национальностей. Это опровергает вывод, будто за Центральноазиатскую империю Унгерна боролись в основном буряты, в основном против них и оказалась направлена монгольская революция 1921 г.[1871]

По плану барона, его войска должны были с двух сторон охватить треугольник между реками Селенга и Чикой в Забайкалье, а оттуда наступать на Сибирь. Другим белым отрядам предлагалась действовать по обстановке, в целом руководствуясь приказом № 15.

Красные весной 1921 г. начали накапливать в Забайкалье значительные силы. Командование 5-й армии перебросило 35-ю Сибирскую стрелковую дивизию (начдив — К.А. Нейман). К марту был образован Красный добровольческий партизанский отряд, целью которого была борьба с белыми в Монголии. Его начальником был назначен П.Е. Щетинкин. Последний координировал свои действия с красными монголами в кяхтинском Маймачене. В начале в отряде было 400 человек, снабжение было плохое. Рейд в Монголию задерживался.[1872]

В мае началась переброска 5-й Кубанской кавалерийской дивизии из Западной Сибири. К началу боевых действий три бригады совместно с одним кавалерийским полком и партизанским отрядом расположились на территории ДВР рядом с границей Монголии. В дивизию входило 7760 бойцов при 182 пулеметах и 26 орудиях. Границу с РСФСР от п. Модонкуль (ныне Закаменск) до Селенги протяженностью 200 км охраняли части 5-й армии (командующий — М.С. Матиясевич), располагавшиеся в три эшелона. Границу с ДВР к востоку от Селенги протяженностью 400 км охраняли части НРА ДВР (и.о. командующего — А.Я. Лапин) общей численностью 700 бойцов.

В руководстве красных шли распри. Вот что, например, телеграфировал Б.З. Шумяцкий 16 мая 1921 г. в сибирское бюро ЦК РКП в Омск: «Сейчас узнал, что Грюнштейн, никогда не имевший со мной личных столкновений, позволил себе узко личный выпад. <...>Надо решить, кому из нас для пользы дела надо уйти от армейской работы. <...> В частности, по делу Морголина считаю необходимым сообщить, что по занятии Маймачена монголами я убедился, что он действовал там как завзятый мародер, и для красномонгол — синоним великого грабительства».[1873] В ответной телеграмме Грюнштейн протестовал против постановки вопроса о том, кому надо уйти от армейской работы.[1874]

Резухин выступил с Селенги на север. Находившиеся в его бригаде Сундуй-гун и монголы его отряда тайно послали письмо в военное министерство в Нийслэл-хурэ. Узнав об этом, белые окружили монголов, убили четверых из них, Резухин грозил обстрелом из пулемета за неповиновение. Однако вскоре из министерства пришел приказ Резухину и Сундую о том, что отряд последнего должен нести караульную службу в Духнарсе.[1875] Сундуй со своим отрядом остался там. Он не участвовал в походе бригады Резухина на Сибирь. Позже Сундуй-гун получил приказ присоединиться к бригаде Унгерна.

Выступление бригады Резухина должно было отвлечь силы красных от бригады Унгерна, который планировал нанести главный удар на Кяхту — Троицкосавск. По дороге планировалось ликвидировать монгольское народ-

ное правительство в кяхтинском Маймачене. Рядом, в Кяхте, был патронный завод, а в патронах барон испытывал недостаток.[1876]

Унгерн перед походом последний раз посетил Богдо-гэгэна и получил его благословение. В Нийслэл-хурэ провели православные и буддийские молебны за победу белых.[1877] 21 мая, в день выхода дивизии из столицы, состоялся напутственный православный молебен.

Войско барона, выступившее 21 мая из столицы, ярко описал М.Г. Торновский.[1878] Впереди ехали трубачи, за ними музыканты, возглавляемые капельмейстером И.Д. Чижовым, исполнявшие бравурный марш. За ними следовал штаб Унгерна во главе с войсковым старшиной Львовым. За штабом — конвой генерала, с распущенным знаменем с вензелем и инициалами «Император Михаил Александрович». Далее шел 1-й Татарский полк под командой Парыгина. Все всадники одеты в светло-синие монгольские халаты с зелеными погонами и зелеными башлыками. 4-й Конный полк Маркова был одет в темно-синие халаты с ярко-желтыми погонами и башлыками. Каждая проходившая часть имела свое отличие. Пушки следовали в верблюжьих запряжках. Унгерн встретил и пропустил войско на перевале Таван-ула — первом от столицы. Генерал зычным голосом здоровался с проходящими частями, был в хорошем настроении и не допустил ни одного окрика.

По приказу Унгерна из столичной церкви в поход взяли икону Божьей Матери Споручницы грешных. Из Нийслэл-хурэ взяли также икону святителя Иннокентия, особо чтимого в Забайкалье. Ее нашли при разборке «китайского хлама» в день интронизации Богдо-гэгэна[1879] и передали полковнику Дмитриеву «хранить, и следовать означенной иконе во всех походах, как совпадение двух великих торжеств монгольского и русского народов». По взятии Троицкосавска, Унгерн собирался пожертвовать эту икону в городской собор в день этого святого.[1880]

Еще раньше основных сил двинулась сотня Тубанова (из отряда Немчинова) и перешла границу ДВР со стороны Онона. Целью было занятие Асинского и Мензы и организация восстания населения.[1881] 22 мая Тубанов занял Мензу. Красный отряд в 50 человек под командой Стогния был частично перебит; оставшиеся отступили к с. Укыр.[1882] Белых поддержали казаки и буряты Мензы. Они решили свести счеты со своими давними конкурентами за пастбища, пашни и места охоты — старообрядцами (семейскими) соседнего с. Укыр, занимавшими просоветскую позицию.[1883] В результате белые сожгли часть села, убили часть жителей и пленных солдат НРА ДВР.[1884] В Укыре было 170 или 180 дворов.[1885] Теперь с двух его концов стоит по памятнику погибшим жителям. После Укыра белые разбили небольшие отряды красных у Дербуля и Асинского.

30 мая Тубанов захватил Заводской поселок на р. Чикой, жители бежали на правый берег.[1886] Кто не успел — попал под порки; были казнены двое ин-

структоров, вероятно, одним из них была красная разведчица, комсомолка Е. Волкова.[1887] 15 июня белые заняли Асинское, затем были выбиты оттуда. Под ударами красных они отошли к уртону Семь Озер (Сеньозер).[1888] Сообщалось, что местные жители в районе этого села выставили несколько сот добровольцев на помощь красным партизанам.[1889] 26 июня красные отбили Мензу, убив около 50 белых и местных ополченцев и захватив примерно столько же; немногим удалось уйти. Выяснилось, что на вооружении белых были берданы, кремневые ружья и немного трехлинейных винтовок.[1890] В селах Дакитуй, Шонуй, Булуктай, Челах-Шембилик, Захарово и Асинское белые убили свыше 60 жителей, сожгли 57 домов.[1891]

26 мая бригада Резухина атаковала и разбила отряд красных из 250–300 человек на ручье Шибетый (приток р. Желтура), на монгольской территории у границы.[1892] Остатки ушли в ДВР на присоединение к другому отряду. По докладу Щетинкина, потери красных составили до 35 человек убитыми, ранеными и попавшими в плен, 1 орудие, 4 пулемета и 10 двуколок; по данным белых — 200 винтовок, 4 пулемета, до 100 пленных. Разбитый отряд являлся одной из трех групп, на которые были разделены силы Щетинкина. Последний описал этот бой в докладе.[1893] Его группы должны были соединиться и занять Ван-хурэ.

По показаниям взятых в плен красных, их отряд состоял из кадровых красноармейцев, выбранных по жеребьевке. Во избежание международных осложнений были созданы три таких псевдо-партизанских группы для действий за границей: на Улясутай, Ван-хурэ и Ургу.[1894] Снабжение в Азиатской дивизии было лучше, чем в красных частях, и пленные с жадностью набросились на еду.[1895] Из них 60 человек пожелали служить у белых и составили отдельную сотню в 3-м полку. Впоследствии они смело сражались с красными, а затем ушли с унгерновцами на восток.

Резухин направился к станице Желтуринская (при впадении Желтуры в Джиду), уроженцы которой были в его бригаде. Вскоре появился аэроплан красных. С тех пор и до августа ежедневно появлялось по аэроплану. Они вели разведку, бросали бомбы, обстреливали белых из пулемета, но большого урона не наносили.

По воспоминаниям Рябухина, незадолго до боя у Желтуринской Резухин показал, что берет пример жестокости со своего друга Унгерна. Заподозренный в связи с большевиками бурят был выпорот, брошен в костер, а затем расстрелян. Полковник Хоботов за появление в пьяном виде был выпорот ташуром и посажен на дерево. Резухин был жесток и к провинившимся санитарам.

30 мая в 19 км южнее Желтуринской белых обнаружила разведка красных из 35-го кавалерийского полка, которым командовал К.К. Рокоссовский, впоследствии знаменитый полководец Великой Отечественной войны.[1896] У

него было 350 человек. Желтуринскую занимал 311-й стрелковый полк численностью около 700 человек.

31 мая бригада Резухина подошла к Желтуринской, сбила заставы красных и заняла кожевенный завод в 10 км от станицы. По воспоминаниям красноармейца М.М. Зарубина, конница белых атаковала позиции красных на фронте в 1 км, красные в панике бежали, часть утонула в Желтуре, 16 человек попали в плен.[1897] 1 июня 35-й полк Рокоссовского отбил завод у белых. На рассвете 2 июня Резухин выбил красных с завода и с боями продвинулся к южной окраине станицы. В бою у Желтуринской 2 июня Рокоссовский атаковал прорвавшуюся унгерновскую колонну. Он зарубил девять человек, затем второй раз был ранен в ногу, с переломом кости. За это он получил второй орден Боевого Красного Знамени. Рокоссовский был отправлен в госпиталь в Кяхту, а затем в Мысовск, где пробыл до июля 1921 г. В Желтуринской теперь есть музей Рокоссовского.[1898]

К.К. Рокоссовский (по ГМСИР, колл.: фото, № 4400/12).

Белые захватили десятка два пленных и три пулемета. Красные отошли на север на заранее подготовленную сильную позицию. В планы Резухина не входило брать эту позицию с большими потерями, и он ушел на юг по Желтуринской пади, слабо преследуемый 311-м и подошедшим 312-м полками под командованием С.В. Никитина.

Перегруппировавшись, в ночь на 5 июня Резухин внезапным ударом захватил п. Боссийский, разгромив красный отряд силой до 300 бойцов (313-й полк 105-й бригады). Были взяты трофеи: 100 винтовок, 6 пулеметов и до 60 пленных, из которых 30–35 перешли на службу к белым. Кроме того, к белым попала карта, на которую было нанесено расположение батальона красных. Казаки в поселке приняли унгерновцев очень радушно, но отказались присоединяться к ним без мобилизации, опасаясь мести красных.

На следующий день произошло два боя с красными (два полка 105-й бригады). Белые заняли села Новые и Старые Енхоры. В районе Новых Енхор красный отряд в 80 человек под командой командира полка В.Т. Лысова смог задержать белых на 10 часов.[1899] Вскоре подошел 2-й батальон из станицы Цаган-Усунской, под командой Т.В. Давыдова и повел контратаку. Село несколько раз переходило из рук в руки.

К 7 июня бригада продвинулась севернее Билютая. Путь на Верхнеудинск был открыт, но Резухин не знал, где находится Унгерн. На пути белых находились склады боеприпасов, продовольствия, полевой аэродром с двумя разведывательными самолетами «Ньюпор». Для их прикрытия командир и комиссар 105-й бригады Б.Р. Терпиловский бросил последний резерв — курсы младшего комсостава и тыловые подразделения (всего около 500 сабель). В 4–5 км от Зарубино произошел бой, ненадолго задержавший Резухина. Но это позволило 307-му и 309-му полкам 203-й бригады, спешившим к Троицкосавску, без помех переправиться на пароходе и баржах на правый берег Селенги южнее Селенгинской Думы.

К этому времени К.А. Нейман уже направил 314-й и 315-й стрелковые полки для контрудара во фланг Б.П. Резухину с северо-запада. Одновременной 311-й, 312-й и 35-й полки двинулись вдоль границы на восток, чтобы отрезать белым путь отступления. К 7 июня они заняли Боссийскую и Желтуринскую пади. Для белых создалась угроза окружения.

8 июня белые начали отступление в Монголию. На них наседали 104-я стрелковая бригада 35-й Сибирской дивизии и отряд Щетинкина. 10 июня Резухин вынужден был дать серьезный бой в урочище Дзун-Харьястай. Атака 315-го полка красных была отбита. Белые подтянули 2-й полк и монгольский дивизион подъесаула Бородина. Первыми же выстрелами монголы убили командира полка красных Н.А. Преображенского. В начале боя красные потеснили их и заняли некоторые возвышенности. Но 4-я русская сотня 2-го полка контратакой сбила и отбросила их за перевал. Тогда, пользуясь численным превосходством, красные растянули фронт и стали зажимать белых в клещи. Когда стемнело, белые снялись с позиции и, во время грозы, отошли в урочище Будун (19–21 км от перевала), к перевозу через Селенгу.

Утром 11 июня красные повели наступление со стороны перевала силами того же полка, что и днем раньше. Монголы застрелили и второго командира полка красных (возможно, им был адъютант Преображенского). Еще несколько батальонов отправились в обход, но опоздали. Резухин бросил в бой два полка, в резерве осталась 5-я оренбургско-забайкальская сотня 2-го полка и 2 горных орудия поручика Виноградова. Появилось три эскадрона красных. Они были отбиты артиллерийским огнем, а затем подошли к левому флангу белых и начали его охватывать по дуге. Резухин был ранен, его сменил подполковник Островский. Он послал против конного дивизиона красных пушку и один взвод. Завязалась перестрелка, красные стали готовиться к конной атаке. Тогда сотник Слюс, семь офицеров и всадников с шашками наголо дважды проскакали через конный дивизион красных, после чего в атаку пошли две сотни белых. Конница красных смешалась и вернулась на Дзун-Харьястай. С целью побудить красных к отступлению по всему фронту, Островский трижды бросал в конную атаку дивизион сотника

Очирова против центра и левого фланга красных, но последние отразили эти атаки пулеметным огнем. Островский перешел в общее наступление в пешем строю девятью сотнями.

Атака белых захлебнулась у горловины пади Дзун-Харьястай. Островский бросил в бой последний резерв — сотню бывших красноармейцев, взятых в плен в разное время. Они сражались храбро, никто из них не перешел обратно к красным. В то самое время вырвавшийся вперед дивизион Слюса открыл ружейный и артиллерийский огонь по тылу красных, а два взвода поднялись до полугоры в горловине пади. Красные бежали. Тут из соседней пади появилась обходная колонна красных. Это подошел опоздавший 314-й полк. Сотник Слюс развернул своих казаков и открыл огонь по нему с близкой дистанции. Колонна отступила. Белым достались пленные, пулеметы и обоз.

Бригада Резухина ушла к Ергину, и затем кочевала по обоим берегам Селенги, переходя от пастбища к пастбищу. Связь с бригадой Унгерна отсутствовала.

Вообще, регулярной связи и разведки в Азиатской дивизии не было. По необходимости высылались гонцы и разъезды, а разведданные поступали в основном от беженцев и кочевников. Карты использовались от случая к случаю, главную роль играли проводники. Н.Н. Князев вспоминал, что барон возил с собой карту Российской империи такого мелкого масштаба, что на один лист помещался участок чуть ли не от Владивостока до Варшавы. Но была и очень подробная карта Монголии, сделанная П.И. Лисовским и еще не изданная (см. главу 7). М.Г. Торновский размножил ее в трех экземплярах для обоих генералов и командира 3-го полка еще зимой 1921 г.

В отличие от белых, у красных разведка в Монголии была поставлена хорошо. Весной и летом 1921 г. они получали разведсводки со сведениями о передвижении белых отрядов, их численности, вооружении и т.д.[1900]

Из РСФСР в ДВР шли войска, боеприпасы, оружие и снаряжение. Активные действия советских частей разрешались только в случае выхода белых за границы Монголии. По А.Н. Кислову, внутри Монголии была запрещена даже войсковая разведка. К.А. Нейман, ожидая главный удар белых вдоль правого берега Селенги, 1 июня приехал в Троицкосавск для согласования дальнейших действий с начальником погранрайона ДВР Н.А. Катерухиным. С 29 мая по 4 июня 1921 г. М.С. Матиясевич, Б.З. Шумяцкий, Д. Сухэ-батор и Х. Чойбалсан ездили в приграничную зону (видимо, в районе Кяхты), чтобы изучить театр предстоящих военных действий, согласовать действия советских войск и монгольской Народно-революционной армии.[1901]

Благодаря поддержке большевиков эта армия быстро укреплялась. Главнокомандующим был Д. Сухэ-батор, начальником штаба — Н. Билэгсайхан, его первым заместителем и первым комиссаром — Х. Чойбалсан. 1-й кавалерийский полк формировался в хошуне Цохор, его командиром стал Б. Пун-

цаг; 2-й — в хошуне Сумья-бэйсэ (прилегавшем к границе ДВР), командир — Цэрэндорж; 3-й — в восточных караулах, командир — Хас-Батор; 4-й — в хошуне Эрдэнэ-вана, командир — Базарсад. В армии были советские инструкторы, из ДВР поставлялось оружие и продовольствие. С 23 мая прошла неделя монгольской Нарревармии, на многочисленных митингах шла успешная агитация за вступление в нее монголов.[1902]

1 июня 1921 г. состоялось совместное заседание Дальбюро ЦК РКП(б), представителей НКИД РСФСР, Реввоенсовета 5-й армии и правительства ДВР по вопросу о политике в отношении Монголии в связи с началом похода Унгерна в Сибирь. М.С. Матиясевич, а также заместитель председателя правительства ДВР Н.М. Матвеев и и.о. командующего НРА А.Я. Лапин выступили против похода на Ургу, считая более важным сосредоточиться на действиях против Унгерна. Но члены Дальбюро, представители НКИД РСФСР и председатель правительства ДВР А.М. Краснощеков выступали за поход.[1903] Их мнение возобладало.

Унгерн двигался из столицы на север не спеша, проселочным путем, где были хорошие пастбища. Лошадей ему поставили тощих, их надо было откормить. На Троицкосавск барон собирался наступать по дороге с востока, с юга к городу должен был подойти отряд чахаров во главе с Баяр-гуном, с северо-запада — монголы Бишерельту-гуна Сундуя.[1904]

3 июня Унгерн разделил свое войско: одна группа под командой Маркова пошла на Ибицык, другая во главе с самим бароном — на станицу Кударинская. Идти туда барона уговорили кударинские казаки, обещавшие большое пополнение добровольцами. Но здесь, как и в Боссийском, казаки согласились записываться лишь по мобилизации. 5 июня унгерновцы, вытеснив части 2-й отдельной Сретенской кавалерийской бригады НРА ДВР, заняли поселки Бакулей и Булуктай. Но в итоге приняли всего 5–6 добровольцев... Со стороны Булуктая белых обстреляли. По занятии поселка отрядом Нечаева выяснилось, что почти все жители его оставили. Несколько оставшихся жителей были убиты, поселок сожжен. Там Унгерну сообщили о разгроме отряда Баяр-гуна под Кяхтой. Барон приказал Парыгину вести отряд в п. Киран восточнее Троицкосавска, а сам ускакал обратно — на Ибицык. До 10 июня белые заняли поселки Киран и Усть-Киран.

А с Баяр-гуном произошло вот что. Его отряд двигался от Нийслэл-хурэ вдоль главного тракта. В нем преобладали чахары, но были также буряты, татары и китайцы.[1905] Желая получить добычу и славу, он нарушил план и пришел в район Троицкосавска раньше времени. Внезапно появившись под Ибицыком утром 5 или 6 июня, Баяр-гун сбил заставу красных на горе Ламын-ула, состоявшую из монголов Сухэ-батора и советских инструкторов-калмыков.[1906] Сто монголов присоединились к белым, было захвачено 4 пулемета.[1907] Комсостав вместе с калмыками поскакал в кяхтинский Майма-

чен.[1908] Не обращая внимания на другую заставу, чахары на хвосте отступавших ворвались в Маймачен. Они сразу принялись громить и грабить китайские лавки, убивать китайцев, не успевших бежать в соседнюю Кяхту.

После этого Баяр-гун решил захватить и Кяхту.[1909] Он был встречен пулеметным и артиллерийским огнем с близкой дистанции.[1910] Потеряв до трети людей, он стал быстро отходить. Части 2-й Сретенской кавалерийской бригады и отряд Сухэ-батора с советскими калмыками преследовали отступавших, захватили подводу с оружием. В бою на горе Ламын-ула, или недалеко от северного берега оз. Гялан-нур, Баяр-гун был тяжело ранен.[1911] Коновод, пытавшийся спасти своего командира, погиб.[1912] Князя вместе с семью другими пленными отвезли в Кяхту.[1913] По воспоминаниям Джамбала, пленный Баяр-гун выдал план Унгерна по захвату Троицкосавска, красные подтянули войска.[1914] Баяр-гун вскоре умер от ран в кяхтинской больнице.

Продолжая преследование в направлении на Ибицык, красные встретили дивизион Галданова, шедший на подмогу Баяр-гуну. Не приняв боя, преследователи ускакали обратно. Чахары присоединились к отряду Найдан-вана.

По воспоминаниям Б. Бата, уже после разгрома Баяр-гуна, на пути к кяхтинскому Маймачену с востока появился отряд Дарь-эхэ-ламы, но был отброшен солдатами Сухэ-батора или 12-го кавалерийского полка ДВР.[1915] Это было еще одно следствие поспешности Баяр-гуна. Отряд Дарь-эхэ-ламы отошел к бригаде Унгерна.

Когда барон прискакал на Ибицык, он увидел множество раненых бойцов Баяр-гуна. Один из них сказал ему, что главный врач Клингенберг не хочет его перевязывать. Барон пришел в ярость, вызвал Клингенберга и так избил ташуром, что сломал ему бедренную кость. Врач был отправлен в Нийслэл-хурэ. Там он рассказал Першину, что велел раненому придти на следующий день, поскольку прием окончен, или обратиться к дежурному фельдшеру.[1916]

Ночью Унгерн уплатил чахарам жалованье за месяц вперед и отправил на родину, пригрозив жестокой карой, если они будут заниматься грабежом. Чахары ушли. По дороге от них отделились пленные красные монголы — араты хошуна Эрдэнэ-вана.[1917] По сведениям Чойбалсана, они ушли к Нийслэл-хурэ и присоединились к красным. Но часть, очевидно, ушла на северо-запад. Только так можно объяснить сообщение, что чахары подожгли с. Енхор на территории ДВР (сгорело шесть домов), забрали имущество и убили несколько человек.[1918] В районе Ван-хурэ халхасцы разоружили отряд из 400 чахаров и включили в свои отряды.[1919] Вероятно, часть чахаров попала в отряд Бишерельту-гуна Сундуя. По-видимому, чахары собирались находиться в Халхе, а не возвращаться во Внутреннюю Монголию.

После избиения Клингенберга, «отломилось» (как говорили в дивизии) немало ташуров войсковому старшине Маркову, который не предотвратил

Троицкосавск (Азиатская Россия, 1914).

разгром Баяр-гуна. Барон отстранил его от командования полком, назначив командиром войскового старшину П. Архипова. Для усиления монгольского отряда Унгерн вызвал князя Пунцага. Тот выказал недовольство и был убит.

11 июня 1921 г. Унгерн вышел с востока к Троицкосавску и занял возвышенности. Красный гарнизон города составлял 500 сабель и 330 штыков при 2 орудиях.[1920] Когда разведчики доложили о приближении войска барона, городская организация большевиков стала мобилизовать население.[1921] Появление белых застало их врасплох. Й. Гелета вспоминал, что при подходе Унгерна «весь город впал в панику, жители пытались убежать во всех направлениях. Но до того как мы что-либо успели предпринять, вилла была окружена компанией красных солдат, и офицер вежливо попросил моего тестя последовать за ним. До этого дня я не понимал причин и оснований ареста моего тестя, но со временем я понял, что он был взят в заложники».[1922]

Унгерн бросил в атаку на северо-восточную окраину города дивизион Забиякина. К вечеру Забиякин занял окраину одной из улиц и доложил барону, что красноармейцы митингуют на площади — очевидно, насчет сдачи города. После повторного доклада Унгерн ответил: «Я на митинги не хожу, и тебе не советую»...

Появился реальный шанс взять город. Но барон приказал отойти на ночлег на исходную позицию. Ходили слухи, что ламы нагадали ему благоприятным временем для штурма следующий день (а возможно, просто повторялись рассказы о взятии Нийслэл-хурэ). Блохин писал даже, что перебежчик предупредил барона о подходе подкреплений к красным, но тот ему не поверил. На допросах Унгерн говорил, что неуспех операции связан с усталостью конского состава; с тем, что он хотел брать не Троицкосавск, а Кяхту; что он не ожидал быстрого прибытия красных.[1923]

Действительно, уже на следующий день красные получили подкрепления. Теперь перевес был у них. Белым противостояли 307-й и 309-й полки 103-й

стрелковой бригады (каждый по 800 штыков с 18 пулеметами), части 2-й Сретенской кавалерийской бригады, мобилизованные коммунисты. Общее командование было объединено в руках А.А. Глазкова, комиссаром был И.М. Лихачев.

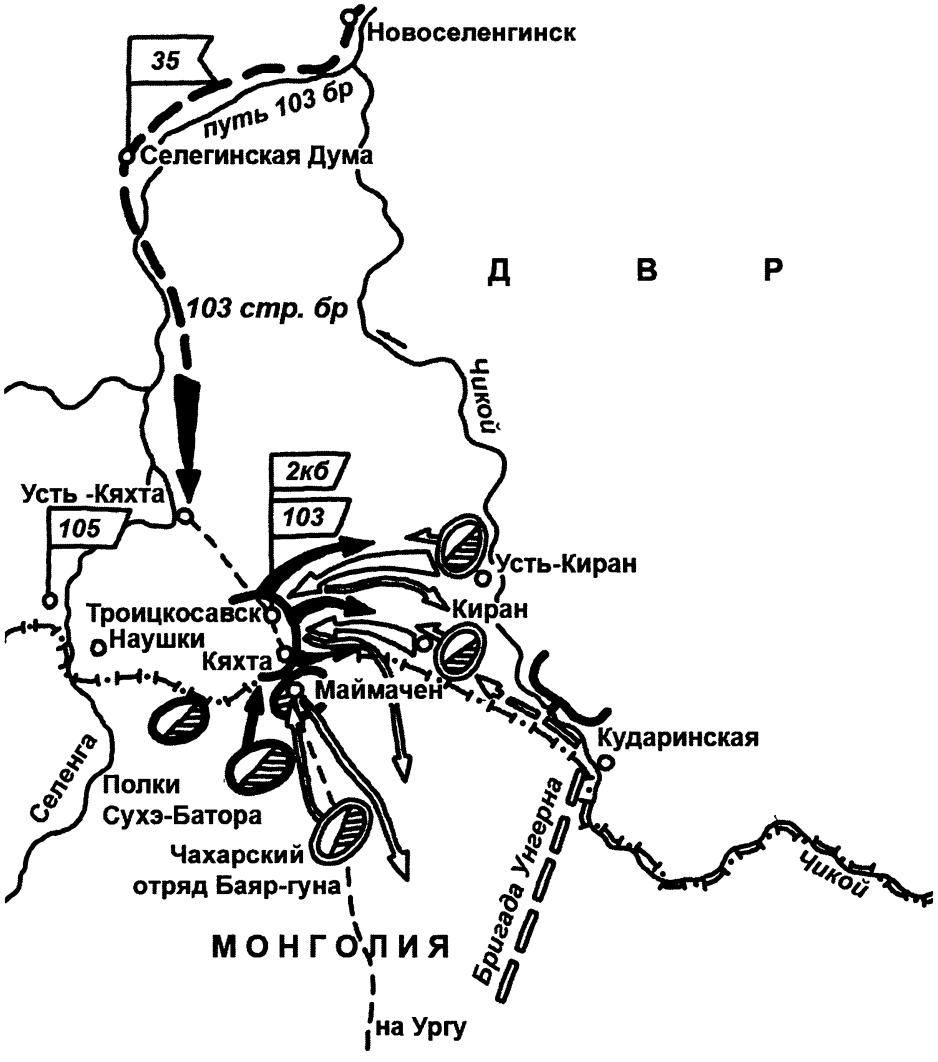
С рассветом 12 июня Унгерн повел в атаку дивизион Забиякина на северо-восточную окраину Троицкосавска. Позиции белых с юга стал обходить 10-й кавалерийский полк НРА ДВР, в центре находился 309-й полк и пограничный батальон НРА, на левом фланге — 307-й полк. Оба фланга прикрывал 11-й кавполк. Бой продолжался весь день. Унгерн под пулями носился по всей двенадцатикилометровой позиции, ободряя бойцов личным примером. За день он загнал трех коней. Однако многочисленные атаки и контратаки не дали победы, с темнотой бой затих. Противники остались на исходных позициях.

Ночь с 12 на 13 июня была холодная, дул северный ветер. Проявив необычное милосердие, барон приказал войску спуститься в долину на ночлег, оставив на главной позиции Китайский дивизион во главе с Парыгиным. Тем временем батальон 309-го полка красных, произведя разведку боем, захватил орудие и пленных восточнее города. В 5 час. утра 13 июня части 2-й Сретенской кавбригады, обойдя Маймачен, заняли горы с востока Суджинской пади.

В это время колонна из Троицкосавска силой до 1600 штыков, тихо подойдя к сопке, где сидели китайцы, открыла орудийный огонь шрапнелью и гранатой, а затем пошла в атаку. Полузамерзший, мало дисциплинированный и боеспособный Китайский дивизион бежал. Красные взяли руководящую высоту, поставили орудия, пулеметы и открыли огонь по проснувшемуся от выстрелов лагерю белых. Сретенская бригада пошла в атаку.

Однако не все части НРА выполнили приказ. Согласно телефонограмме начдива 35 К.А. Неймана члену реввоенсовета 5-й армии К.И. Грюнштейну, «в этой операции сегодня утром нас подвели части ДВР, у них там большая партизанщина. На рассвете, когда наши кинулись в атаку, части ДВР самовольно оставили фронт и пошли в город чай пить. Можно ли за такие вещи расстреливать каждого 10?» Грюнштейн ответил, что высылает сегодня же выездную сессию реввоентрибунала[1924].

Огонь по тылам и внезапная атака красных вызвали панику среди белых. Они бросились на юг — в Монголию, на правый берег Селенги. Унгерн, пытавшийся удержать бойцов, был легко ранен. Был ранен и Н.А. Катерухин — начальник обороны Троицкосавска.[1925] Есть сведения, что унгерновцы потеряли 6 орудий, 8 пулеметов, весь обоз с денежным ящиком, икону Божьей Матери Споручницы грешных, много убитых и раненых. Пропало без вести около 100 всадников (преимущественно монголов) и 450 голов скота. Печать ДВР сообщала о том, что только навьюченных верблюдов красные захвати-

Поражение Р.Ф. Унгерна под Троицкосавском (Кислов, 1964, с изменениями).

ли 280.[1926] Однако Грюнштейн сообщил по прямому проводу в Омск секретарю реввоенсовета войск Сибири более скромные данные: «Нами взято несколько десятков пленных, 1 орудие и 10 верблюдов».[1927]

Трофеи, которые взяли красные под Троицкосавском, частично экспонировались в Иркутске реввоенсоветом 5-й армии 30 июня 1921 г.[1928] С утра до вечера у витрины толпился народ.

Проиграв бой за Троицкосавск, белые потеряли важный плацдарм. Монголы быстро разнесли весть о разгроме и ранении военачальника, считавше-

гося непобедимым и неуязвимым. Когда об этом узнал Хатан-батор Максаржав, получивший от Унгерна вооружение, обмундирование и занимавшийся мобилизацией в Западной Монголии, то он открыто перешел на сторону красных. А ведь в свое время Унгерн освободил его из китайской тюрьмы. Об измене Максаржава Унгерну доложил командир монгольского отряда Бишерельту-гун Сундуй, который так и не успел присоединиться к белым под Троицкосавском. Получив это известие, барон сутки не вылезал из палатки... Хатан-батор и Джалханцза-хутухта стали мобилизовать солдат для борьбы с белыми.

Ухудшилось положение белых и на КВЖД, особенно в Хайларе. Китайские власти, недовольные большим скоплением там семеновцев, решили выслать их в Приморье. 15 июня в Гродеково из Хайлара отправились четыре теплушки с семеновцами. Добровольно туда же выехали 300 каппелевцев и семеновцев, работавших на лесопильном заводе. Шесть семеновских офицеров в Хайларе были арестованы по подозрению в связи с Унгерном. Их отправили в главный штаб в Цицикар. Там один из них на допросе ударил по лицу китайского полковника, после чего все шестеро были расстреляны.[1929] 18 июня министр иностранных дел ДВР И.Л. Юрин (Дзевалтовский) направил ноту китайскому правительству с требованием прекратить поддержку унгерновцев и семеновцев[1930]. Комитеты Бунда — социалистической еврейской партии, имевшиеся во всех депо КВЖД, занялись доносами китайским властям, причем наиболее энергично в Хайларе, что часто вело к арестам белых офицеров.[1931] Губернатор Хайлара Чжан Куйу, хотя и был родственником Унгерна, по-видимому, не мог или не хотел пресекать все эти действия.

В середине июня 1921 г. РСФСР и ДВР обменялись нотами о возможности ввода частей Красной армии в ДВР.[1932] Постановление о «военной помощи монголам» в ликвидации Унгерна было принято политбюро ЦК РКП(б) 16 июня[1933]. В постановлении подчеркивалось, что настоящий момент, когда барон потерпел поражение после нападения на ДВР, чрезвычайно благоприятен для нанесения ему сокрушительного удара, для чего войска РСФСР и ДВР должны войти в Монголию.[1934] 20 июня политбюро приняло решение ассигновать 200 тыс. руб. серебром для МНП.[1935] 22 июня нарком иностранных дел Г.В. Чичерин сообщил Дальбюро о скором вторжении в Монголию. В.И. Ленин, оправдывая военные приготовления, в докладе «О тактике РКП» на III конгрессе Коминтерна (Москва, 22 июня — 12 июля 1921 г.) указывал: «Уже в течение последних недель мы могли снова наблюдать на Дальнем Востоке попытку возобновить нашествие, и не подлежит сомнению, что подобные попытки будут продолжаться и далее».[1936]

Автономные управления бурят Чикойского и Агинского аймаков выразили поддержку правительству ДВР, а министерство юстиции ДВР предложи-

ло совету министров законопроект о специальных камерах народного суда для разбора «определенного рода дел».[1937] Конференция бойцов Троицкосавского пограничного района, готовившихся к борьбе с Унгерном, приняла обращение к крестьянам помочь их семьям в посевной.[1938] Во всех частях НРА ДВР прошли митинги, на которых бойцы поклялись «прижать к ногтю» барона и покончить с ним.[1939]

В.К. Блюхер, прибывший в Читу 24 июня, был назначен военным министром ДВР с исполнением обязанностей главнокомандующего и председателем специально созданного военного совета НРА. Принимались меры к реорганизации НРА ДВР, ее материальному обеспечению, укреплению командного состава.[1940] Штаб главкома и Главный штаб были объединены в единый штаб НРА. Все эти меры должны были повысить боеспособность НРА. Ведь еще в начале 1921 г. очевидец сообщал, что дисциплины в ней незаметно, бойцы шляются целыми днями расхлябанные и в растерзанном виде, никто не обращает на это внимания, дезертирство достигает 50%, офицеры бегут через фронт или в Монголию, солдаты и местные крестьяне — в деревню.[1941]

В.К. Блюхер.

М.С. Матиясевич (Молоков, 1989).

Красные сформировали экспедиционный корпус 5-й отдельной армии: 7600 штыков, 2500 сабель, до 200 пулеметов, 20 орудий, 2 бронеавтомобиля и 4 самолета. В корпус вошли 35-я дивизия совместно с отрядом Щетинкина и отдельным кавалерийским дивизионом.[1942] Командование экспедиционным корпусом возложили на начальника 35-й стрелковой дивизии К.А. Неймана. Начальником штаба корпуса стал начальник артиллерии той же дивизии Г.М. Черемисинов. 5-я армия, НРА ДВР и монгольская Народно-революционная армия находились под началом командарма М.С. Матиясевича.

Экспедиционный корпус перешел границу Монголии по согласованию с временным революционным правительством. Важнейшей задачей корпусу было поставлено занятие Нийслэлхурэ. Туда решено было направить 5-ю кавалерийскую дивизию, 103-ю стрелковую бригаду и

части монгольской Народно-революционной армии. С запада действия ударной группировки обеспечивали 103-я стрелковая бригада и 35-й кавалерийский полк при участии конного отряда красных монголов, с востока — 2-я Сретенская кавбригада при участии 1-й отдельной Троицкосавской кавбригады НРА ДВР. Границу с Монголией должны были охранять 104-я стрелковая бригада и отряд Щетинкина. Их было недостаточно в случае повторного наступления Унгерна на Сибирь. Командующий 5-й армией М.С. Матиясевич понимал это и докладывал начальнику штаба помглавкома по Сибири Ф.Н. Афанасьеву.

Г.М. Черемисинов.

Но вернемся к событиям после боев под Троицкосавском. Унгерновцы бежали на юг до монастыря у п. Шамар на Орхоне.[1943] Уже 13 июня они стали собираться еще южнее — у Корнаковки[1944] на р. Иро. В походном лазарете Унгерну предложили сделать операцию. Н.Н. Князев приводит его слова: «Что Вы, что Вы, я ужасно боюсь боли и упаду в обморок от одних приготовлений к операции».[1945] По сообщению врача Н.М. Рябухина, пуля попала в ягодицу у основания позвоночника.[1946] С этим не согласуется сообщение Блохина, что барон сам вырезал себе пулю, залил рану йодом, и некоторое время лежал на солнце.[1947] Джамбал вспоминал, что Унгерн был ранен в верхнюю часть бедра.[1948]

Эксперт из Экспертно-криминалистического центра МВД РФ просмотрел фотографии повреждений, сохранившихся на халате Унгерна в ЦМВС. Точно определить причины повреждений невозможно: халат в музее был тщательно выстиран и отреставрирован. По словам эксперта, лишь одно из повреждений (в районе плеча) имеет сходство со следом пули. Следов, похожих на следы пуль, на халате в районе ягодиц не найдено, ткань лишь потерта от езды в седле. Между тем, Унгерн участвовал в бою под Троицкосавском именно в этом халате — «одежде ламы», по сводкам красных.[1949]

Придя в себя, барон выпорол ламу, который ему нагадал неправильный день штурма, а потом очень огорчился, когда этот лама сбежал. Юзефович предполагает, что последний был агентом красных.[1950]

По поверке вечером 15 июня в строю оказалось 1560 всадников. Бригада сохранила боеспособность. Уже 16 июня она нанесла поражение красным монголам у Ибицыка, и они предпочли больше не тревожить унгерновцев. Последние провели перегруппировку и стали готовиться к новому походу.

В середине июня сложили оружие солдаты Дарь-эхэ-ламы[1951]. По воспоминаниям Джамбала, Унгерн с Дарь-эхэ-ламой поссорились, приехав в монастырь последнего, и лама отказался дальше следовать с бароном.[1952]

Дня за четыре до выхода с Иро в лагерь на автомобиле прибыл Сипайло и через несколько часов уехал. После этого был казнен войсковой старшина П. Архипов. По воспоминаниям Н.М. Рябухина, 14 или 15 июня его на три часа повесили за руки на дерево, а потом Унгерн приказал повесить за шею.[1953] Оказывается, Сипайло ненавидел Архипова из-за его сестры, которую склонял к сожительству. Теперь он сообщил Унгерну, что Архипов при реквизиции Монголо-китайского банка в Нийслэл-хурэ утаил примерно 2,5 пуда золота и несколько пудов серебра.[1954] Рябухин писал Волкову, что Архипов дал эти ценности на сохранение какому-то латышу в Урге.[1955] Сипайло точно рассчитал время: после потери обоза под Троицкосавском снабжение резко ухудшилось, барон был крайне раздражен... Казаки с почетом похоронили любимого командира.

23 или 24 июня 1921 г. бригада снялась с лагеря на Иро, пошла на запад вниз по течению, и к вечеру второго дня вышла на берег Орхона. Бродов не было, Унгерн приказал переправляться вплавь, хотя даже некоторые русские не умели плавать. Пушки и пулеметные двуколки тянули канатами по дну реки, монгольские телеги с продовольствием и имуществом переправили на плотах. Отсюда бригада перешла на правый берег Селенги и двинулась на соединение с Резухиным.

Лишь 7 или 8 июля Унгерн подошел к лагерю Резухина в районе хурэ Ахай-гуна Лувсанхайдава, около устья р. Шабур-гол. Но перейти Селенгу он сразу не смог: мост, построенный там весной, был снесен. Бригады некоторое время стояли на разных берегах. По воспоминаниям Н.М. Рябухина, распадки в лагере кишели гадюками, от укусов которых ежедневно страдали люди, часто умирали лошади. Это преувеличение. Гадюк там нет, ядовитые змеи — щитомордники. Они живут обычно у воды на каменистых склонах с кустарником. В таком месте вряд ли стоял лагерь. Но вполне возможно, что Унгерн, как сообщает Рябухин, запрещал уничтожать змей: их истребление противоречит монгольской традиции.

Лишь через 4–5 дней бригада Унгерна переправилась через реку вплавь. Хотя бойцов предварительно обучали плавать, несколько монголов и китайцев утонуло.

Итак, Азиатская дивизия впервые соединилась после преследования гаминов в апреле. Теперь ее общая численность, по подсчетам Торновского, составила 2700 человек. От капитана Безродного, вернувшегося из Западной Монголии, Унгерн узнал о поражении отряда Казанцева и его уходе к Кайгородову. На бивуак приехал дивизионный интендант В.К. Рерих. Он привез последнее жалованье бойцам в бумажных калганских долларах и сообщил о занятии красными Нийслэл-хурэ. Возврата назад уже не было.

Все это озлобило барона. Он стал чаще наказывать подчиненных, а за неимением закрытых помещений или крыш, сажал на ветви деревьев. Был сожжен студент-медик Б.К. Энгельгардт-Езерский — за то, что в революцию играл какую-то важную роль в Омске, скрыл это, а теперь это выяснилось. Блохин утверждал, что Езерский вообще был лакеем в ресторане в Москве, во времена Колчака явился в Омск, где выдавал себя за врача Энгельгардта. Незадолго до его казни сообщалось, что Езерский действительно врач, недавно окончивший университет, бежавший в Монголию и там работавший «по совместительству» в унгерновской контрразведке.[1956]

Вернемся к итогам боев под Троицкосавском. Красные завершили перегруппировку экспедиционного корпуса лишь 26 июня. На следующий день он пересек границу, там к нему присоединилась монгольская Народно-революционная армия. Всего на Нийслэл-хурэ наступало около 2 тыс. всадников при 6 орудиях и 12 пулеметах.

Дорогу им закрывали Тибетский дивизион Нечаева и отряд Немчинова. Общая численность составляла до 1 тыс. при 4 легких орудиях и нескольких пулеметах. Б.Н. Волков сообщает, что было три аргентинских орудия, с которыми из п. Мандал пришел прапорщик Пятчиков.[1957] Монголы из отряда Немчинова — курсанты школы монгольских прапорщиков[1958] — узнав о поражении Унгерна, не захотели сражаться. Они ссылались на то, что не имеют дождевиков и не были на молитве у Богдо-гэгэна. На позиции их удержала лишь порка двух человек. Но все равно происходило массовое дезертирство. Узнав об этом из рапорта, прибыл Унгерн. Он сказал монголам, что сам не имеет дождевика, а в Троицкосавске дождевиков много. Если они их возьмут, то пусть пришлют и ему. Защищать границы Внешней Монголии — значит защищать Богдо-хана. Отряду бояться нечего, так как все подходы к Иро заминированы, в фугасах заложены удушливые газы (имелись в виду безуспешные опыты Оссендовского и Гижицкого).[1959]

Нечаев, Немчинов и Пятчиков не смогли оказать серьезного сопротивления авангардам 5-й кавдивизии и 2-й Сретенской кавбригады красных. Дав 28 июня арьергардный бой на южном берегу Иро в местности Дзулдзага, они отступили. Нечаев ушел к Азиатской дивизии, тибетцы — в Нийслэл-хурэ к Богдо-хану. Немчинов и Пятчиков отошли к югу на следующий рубеж обороны на р. Хуйтэн-гол.

30 июня, не выдержав натиска красных, белые отступили на р. Хара-гол. Здесь на переправе они встретили полковника Циркулинского, начальника обороны Нийслэл-хурэ. Циркулинский подошел с небольшим подкреплением, одной пушкой и несколькими пулеметами. Белые воспрянули духом. Но их надежды не оправдались. 2 июля произошел бой в местности Манхотай. Снаряды белых стали взрываться в воздухе, не долетая до цели: пушка была японская,

а снаряды — от русской, подпиленные в мастерской. Вскоре кончились боеприпасы, и защитники Нийслэл-хурэ отступили. Красные, окопавшись на сопках, не преследовали их. После отступления белых 25-й кавалерийский полк и отряд красных монголов двинулись вперед. Возможно, Циркулинский хотел задержать красных, чтобы белые успели эвакуироваться из Нийслэл-хурэ.

В столице, действительно, готовились к входу красных. Вооруженные монголы взяли город под контроль. Белых русских, входивших туда, разоружали и сдавали в ямынь, многих обобрали до тарлыков (халатов) включительно[1960].

Ходили слухи, что Сипайло хотел перебить в Нийслэл-хурэ то ли все русское население, то ли всех родственников убитых им, но его отговорил Жамболон.[1961] Все-таки Сипайло, верный себе, перед отъездом убил датского коммерсанта Э.В. Олуфсена (см. главу 7). Прихватив ценности, он первым уехал на восток с комендантской командой на автомобилях. Спрятав ценности в оз. Буир-нур, 10 августа[1962] он с корнетом Смиренским поехал к лесной концессии Шевченко, имея рекомендательное письмо от унгерновцев, но был задержан.[1963]

Задержал его разъезд, которым руководил харбинский еврей Жуч.[1964] Он выдал Сипайло и Смиренского китайцам. После пыток Сипайло отдал ценности, которые спрятал в воде под берегом Буир-нура.[1965] Затем его сдали китайским властям в Хайларе. Оттуда подполковника доставили в Харбин: китайцы очень интересовались его делом.[1966] В Харбине для разбора дел Сипайло, Немчинова, Евсеева и др. был создан военно-полевой суд.[1967] Сипайло и поручика Смиренского предали суду по обвинению в покушении на свержение власти Китая в Монголии, причем Сипайло — также по обвинению в убийстве датчанина Олуфсена.[1968] Сипайло всю вину за свои дела сваливал на Унгерна.

Есть сведения, что в конце сентября 1922 г., после многодневного процесса Сипайло приговорили к бессрочной каторге за грабежи, убийства и ряд преступлений против Китая, Смиренского — к трем годам каторжной тюрьмы.[1969] По другим сведениям, Сипайло получил 10 лет.[1970] Он отбывал заключение в Харбинской тюрьме, откуда был освобожден в 1932 г., как только Харбин заняли японцы.[1971] Если прав Волков, то это простое совпадение: в 1931 г. должен был истечь десятилетний срок заключения. В тюрьме за «почтительность и благонравие» Сипайло был назначен старшиной, заведовал библиотекой, тюремной церковью. Заодно работал главным провокатором. Во избежание самосуда, его содержали отдельно от других заключенных.[1972] А в занятой красными столице Монголии в 1920-х гг. шел спектакль про борьбу с белыми, где одним из персонажей был Сипайло.[1973] Есть сведения, что реальный Сипайло умер в 1939 г.[1974]

Из Нийслэл-хурэ одними из первых выехали на автомобилях начальник штаба Ивановский, инженер Войцехович и интендант Ф. Коковин.[1975] По

Волкову, это спровоцировало среди белых панику.[1976] Вдогонку отправился отряд автомобилистов, но преследуемые успели на лошадях доехать до Буир-нура, а оттуда поехали на Хайлар. Автомобилисты застали на Буир-нуре полковника Рожнева с четырьмя людьми. В прошлом он служил начальником конвоя Семенова и бежал от него после каких-то «деяний».[1977] Возможно, был одним из унгерновских вербовщиков в Маньчжурии. Из-за последних событий Рожнев дальше Буир-нура не поехал. Теперь он вместе с остальными снарядил погоню на автомобилях и задержал беглецов. Золото и серебро (примерно на 16 тыс. долларов) поделили.

Войцехович был арестован китайцами в Хайларе и вместе с генералом Мациевским отправлен в Цицикар.[1978] Позже он поступил на работу к китайцам. Ивановский жил в Приморье, затем — в русском Трехречье в Маньчжурии, в станице Покровской. Есть сведения, что он не то присвоил себе чин генерала, не то получил его от какого-то эмигрантского «штаба». Это его и сгубило. Когда в конце 1920-х гг. ГПУ решило похитить и вывезти в СССР генерала Г.Е. Мациевского, то вместо него диверсионная группа по ошибке выкрала Ивановского.[1979]

2 или 3 июля из Нийслэл-хурэ ушел госпиталь во главе с Клингенбергом, а 5–6 июля — остатки войск во главе с Циркулинским. Последними выехали Жамболон-ван с Немчиновым, но скоро расстались, так как отряд Жамболона (300 человек) с вьючным обозом двигался медленно. Это оказалось роковым: его настигли красные монголы. 17 июля отряд Жамболона был разбит, 70 человек убито, обоз захвачен.[1980] Жамболона расстреляли. Немчинов же достиг Хайлара, где был арестован китайцами. Оттуда его под стражей отправили в Цицикар и передали в распоряжение китайского военного прокурора.[1981]

Госпиталь, не подобрав обозы и раненых, быстро пришел на Буир-нур. Затем, подобрав их, туда прибыла группа Циркулинского. Клингенберг с сестрой милосердия Швецовой, оставившие раненых, были расстреляны. Правда, расчет их спутников на большие ценности не оправдался.[1982]

Циркулинский, распустив отряд, уехал, а остальные поступили добровольцами к Рожневу и прибывшему Эпову. Волков сообщает, что при приближении китайцев Рожнев поспешно оставил свой отряд. По Голубеву, отряд Рожнева и Эпова был окружен китайцами и сдался им. Человек десять из отряда были арестованы одиночным порядком; из командного состава — подполковник В.А. Овчинников, есаул Панов, капитан В. Обухов, хорунжий Д. Немчинов, чиновники Коковин и Вагин.[1983] Арестованных некоторое время содержали в хайларской тюрьме.

Волков и Блохин писали, что бывшие в Хайларе гражданские жены офицеров и евреи-снабженцы Унгерна указывали, кто был «коренным даурцем», а кто мобилизован.[1984] Первые попадали в китайскую тюрьму, вторых отпускали. Особую активность по выявлению унгерновцев в Хайларе проявляли

четверо евреев, из которых Вольфович и Жуч служили у барона — первый в Урге, второй — в Хайларе.

Вольфович занялся этим по приезде в Хайлар из Монголии.[1985] По другим данным, после бегства в Хайлар он сам был арестован китайцами.[1986] Возможно, его освободили для выявления унгерновцев. Впоследствии он ездил в Монголию для поисков баронских кладов. Вероятно, в 1926 г. он был схвачен в Монголии, выдан советским представителям, увезен в СССР и, скорее всего, расстрелян.[1987] 1 октября 1929 г. некто Моисей Жуч командовал одним из карательных отрядов чекистов, которые устроили набег на казачьи поселки Трехречья (в Барге). Было убито от 150 до 300 мирных жителей, включая женщин и детей, около 600 человек угнано в СССР, расстреляно или посажено в лагеря; местами население истреблено поголовно.[1988] По одной версии, этот Жуч раньше служил у барона, по другой — были два брата Жуча, одного из которых позже судили в Харбине.

За белыми в Маньчжурии и Внутренней Монголии шла плотная слежка китайцев и русских, в том числе агентов ДВР.[1989] На станциях КВЖД находились переодетые китайские контрразведчики, велась работа по выявлению офицеров, проникших в Маньчжурию под чужими фамилиями.[1990] Был арестован генерал Мациевский, к которому являлись приезжавшие унгерновцы: китайцы решили, что он организует новый отряд для похода в Монголию.[1991] Арестованных унгерновцев китайцы подвергали жестоким пыткам, чтобы выяснить связь барона с Японией.[1992] Концессионера Шевченко арестовали только за то, что на его заимке у Буир-нура были унгерновцы.

Тех белых, кто не был арестован, из Хайлара отправили на восток. В Харбине их высадили из поезда и арестовали по обвинению в попытке захвата Хайлара для создания базы Унгерна.[1993] По-видимому, из их числа 14 офицеров отправили из Харбина в Мукден на расстрел за знакомство с Унгерном.[1994] Большая же часть арестованных унгерновцев — 204 человека — после суда[1995] попала в лагерь, специально созданный для них под Цицикаром, откуда они вышли в 1922 г. Лагерь был в 27 км от железной дороги, военнопленные получали 1,5 доллара в день и под конвоем могли ежедневно ходить в город за покупками.[1996] Сообщалось о доставке уже 10 октября пленных унгерновцев в Пекин.[1997] Были унгерновцы и в тюрьме в Тяньцзине. Для их освобождения Меркулов в конце октября 1921 г. послал в Пекин генерала Лохвицкого.[1998] Позже Мациевский говорил, что его арестовали по недоразумению (из-за сходства с каким-то другим человеком), а 162 «унгерновца» и «амурца», которых он видел в концлагере, жили во вполне сносных условиях.[1999] По-видимому, условия в разных случаях были разные.

Вернемся к событиям в Нийслэл-хурэ. Семьи офицеров и мирные жители там были брошены на произвол судьбы. В ночь с 4 на 5 июля до города

дошли сведения о занятии красными Корнаковки.[2000] Люди стали уходить из столицы группами и поодиночке, в разных направлениях. Некоторые смогли добраться до Хайлара. Купцы и старожилы разъехались по глухим местам, где их укрыли приятели-монголы.

Но группа примерно в 20 человек (там была и жена Торновского) во главе с П.А. Витте пошла в верховья Орхона, надеясь там дождаться возможности безопасного возвращения в Нийслэл-хурэ.[2001] В самом начале от нее отделился Б.Н. Волков и благополучно проехал в Маньчжурию. Дочь барона Витте вспоминала, что последний доверил Волкову какие-то деньги, большую часть которых тот самовольно истратил в Китае.[2002]

Спасаясь от мелких отрядов красных монголов, эта группа, уже без Волкова, кочевала с места на место. Некоторые вернулись в Нийслэл-хурэ сами, некоторых арестовали и доставили туда красные монголы.[2003] Одним из тех, кто вернулся, был П.А. Витте с семьей. По словам его дочери и по документам, П.А. Витте был арестован уже в консульском доме в Урге; во время обыска забрали все, в том числе фамильное родословное дерево семьи Витте и мешочек с семейными драгоценностями, который барон повесил себе на шею.[2004]

Витте, Лавров, Тизенгаузен, Попов и другие были задержаны 17 сентября.[2005] В Нийслэл-хурэ главным комиссаром был Васильев. Он никого из них не посадил в тюрьму, несколько семей отправил в Троицкосавск. Им предоставили «льготу ехать в собственных экипажах и лошадях под охраной».[2006] Однако дочь П.А. Витте рассказывала, что «они «пошли этапом под конвоем». Их конвоиры перед входом в богатые деревни говорили: «Мы отстанем, а вы идите вперед и почем зря ругайте большевиков». Подконвойные так и делали, а сибирские крестьяне жалели их и выносили продукты, часть которых потом забирали конвоиры».[2007]

М.Д. Берман (Родина, № 9, 1997 — http://www.rulex.ru/rpg/portraits/21/21229.htm).

Впоследствии Васильев выпустил из Нийслэл-хурэ в Калган жену Торновского. П.А. Витте, после короткого заключения и допросов в Троицкосавске, отпустили. Сделали это по распоряжению М.Д. Бермана, начальника иркутской ЧК. Он узнал, что Витте некоторое время скрывал в подвале сво-

его дома в Урге несколько еврейских семей от унгерновцев.[2008] Впоследствии Витте стал крупным агрономом в Новочеркасске.

Д.О. Тизенгаузен попал в тюрьму в Иркутске. Спустя два с половиной месяца, 9 декабря 1921 г. коллегия губернской ЧК под председательством М.Д. Бермана вынесла ему приговор к расстрелу по следующим пунктам обвинения: «Содействие Унгерну в укреплении власти в Монголии, нелегальный переход полосы военных действий в 1919 г. на сторону Колчака, переход при ликвидации Колчака в Китай и Монголию». Приговор был вынесен с отсрочкой. Тизенгаузен обратился к нескольким видным коммунистам (знакомым по его пребыванию в Якутске в 1916 г.). Благодаря их заступничеству губернский суд принял решение о прекращении преследования. В июне 1937 г. Тизенгаузена вновь арестовали и теперь уже расстреляли.[2009]

И.А. Лавров был арестован особым отделом 5-й армии как лицо, занимавшее ответственный пост в правительстве П.Я. Дербера. В 1922 г. его направили в представительство ГПУ по Сибири, в июле выслали в Москву как свидетеля по делу партии эсеров и заключили во Внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянке, в сентябре освободили под подписку о невыезде, в 1923 г. назначили в Наркомат финансов, в 1924 г. — министром финансов Бурят-Монгольской республики. Потеря зрения вынудила Лаврова выйти в отставку. Двое его сыновей и дочь, жившие в США, сумели добиться его выезда из СССР в 1931 г. Лавров умер в Циндао в 1942 г.[2010]

2 июля монгольское руководство сделало последнюю попытку предотвратить революцию. Был опубликован указ Богдо-хана. В указе говорилось, что гамины ушли на родину, Богдо-хан проводит внутреннюю политику согласно требованиям времени, а внешнюю — в духе миролюбия, главное сейчас — укрепление границ государства. Монарх обратился к красным монголам: «Если вы разделяете мои стремления, то сложите оружие, вернитесь и окажите содействие делам государства и религии. Если вы не вполне согласны со мною, то доложите мне о ваших целях и намерениях».[2011] Посланец министерства внутренних дел привез этот указ в монгольский лагерь в местности Судзуктэ в 128 км от Урги.[2012] Красные не подчинились, нарушив указ монарха.

Учитывая авторитет Богдо-гэгэна среди монголов и предвидя будущий разгром Буддийской церкви революционерами, Унгерн в письме 19 июля 1921 г. советовал ему перенести свою ставку на запад Монголии в Улясутай, чтобы создать там новый политический центр после занятия Нийслэл-хурэ красными. Хан Монголии проигнорировал этот совет, понимая его бесперспективность. Копия этого письма барона сохранилась в архивах.[2013] Н.Н. Князев цитирует другое письмо (очевидно, вымышленное) — в котором Унгерн укоряет Богдо-гэгэна за «переход в красный лагерь» и предрекает ему гибель от большевиков.[2014]

6 июля 1921 г. в столицу вошли передовые части НРА ДВР и полк Д. Сухэ-батора, а в следующие два дня — главные силы. В Нийслэл-хурэ им достались брошенные белыми 2 тыс. комплектов белья, 2 тыс. кожаных тужурок, 4 тыс. пудов муки, 2 тыс. пудов риса, 1 тыс. пудов байхового чая, 500 пудов топленого масла и т.д.[2015] Красные реквизировали в Нийслэл-хурэ несколько зданий, принадлежавших китайцам, и расквартировали в них своих солдат. Часть войск ДВР разместилась под Нийслэл-хурэ в китайских деревнях. Последовавшие реквизиции вынудили китайцев осенью обратиться за помощью к своему консулу.[2016] К западу от Нийслэл-хурэ красные монголы захватили часть переписки Унгерна, а в самой столице — бумаги канцелярии штаба Азиатской дивизии.[2017] Переписку, в числе прочих документов, захватили на Толе у капитана Тилерова.[2018]

Из подвала бывшего комендантского управления освободили несколько арестантов, а останки тел казненных были торжественно погребены.[2019] Правда, сейчас в Улан-Баторе нет могил ни унгерновцев, ни их жертв.[2020]

Реввоенсовет монгольской Народно-революционной армии предписал населению сдать имеющееся оружие и сообщать, где находятся склады имущества и скот унгерновцев — вплоть до расстрела за неисполнение.[2021] По указаниям пленных и местных жителей в окрестностях города нашли 100 тыс. пудов спрятанной в земле пшеницы.

Важнейшей задачей красных в Нийслэл-хурэ стало выявление и арест бывших унгерновцев. Арестованных сколачивали в группы по нескольку десятков человек и отправляли в РСФСР.[2022] Этим занималось комендантское управление — теперь уже красное, разместившееся в здании бывшего Русско-азиатского банка. В нем работали монголы и советские инструкторы-калмыки.

На короткое время установилось формальное двоевластие, но реальностью становилась коммунистическая диктатура. Вскоре после вступления в столицу, временное народное правительство предписало сдать печати всех министерств к 12 час. дня 10 июля. С санкции Богдо-хана это было выполнено. Монгольское правительство сложило свои полномочия и передало власть временному народному правительству.[2023] По Высочайшему повелению был опубликован указ о борьбе против «банд» Унгерна и других белых.[2024] Сделано это было в тот самый день, когда правительство Богдо-хана сложило с себя власть. 2 сентября Народное правительство издало указ о мобилизации мужчин в армию независимо от сословной принадлежности.[2025]

Занятие Нийслэл-хурэ красными имело политическое, но не военное значение. Ведь еще 26 июня войсковая и авиаразведка доносили о том, что бригада Унгерна отступает на запад, а не на Ургу, оставив на Троицкосавском тракте лишь слабое прикрытие. Но главные силы корпуса продолжали двигаться на столицу, несмотря на трудности в снабжении продовольствием, обувью и обмундированием.

Советское командование, желая сохранить добрые отношения с населением, завозило все из ДВР и запрещало что-либо брать у монголов. В июне, вопреки договоренностям с Народным правительством, отбитый у белых скот объявили военным призом и отказались возвращать монголам. Последовал немедленный протест Шумяцкого, главком Каменев приказал исправить положение. Захваченный скот стали возвращать хозяевам.[2026] Ведь в приказе советского командования и воззвании ЦК МНП подчеркивалось, что войска вводятся только для борьбы с Унгерном, как друзья и освободители монгольского народа.[2027] Цели Экспедиционного корпуса в Монголии его командование и ЦК МНП разъясняли в специальных обращениях.[2028] Однако есть сведения о том, что части НРА ДВР в Монголии грабили беженцев из России.[2029]

Лишь в 15 июля против Унгерна двинулись 104-я и 105-я бригады и отряд Щетинкина. Дело в том, что пасмурная погода мешала авиационной разведке, конница вела разведку недостаточно энергично, отдельные перебежчики появились лишь в начале июля.[2030] Получается, что местное население не поставляло информацию красным.

18 июля Азиатская дивизия снялась с лагеря и двинулась на советскую территорию. По оценке Торновского, Унгерн располагал следующими силами. 1-й, 2-й, 3-й и 4-й конные полки с дивизионом Нечаева — 23 сотни, 2350 всадников; Китайский дивизион — 2 сотни, 210 всадников; монгольских дивизионов — 4, 320 всадников; Японская конная полурота — 40 всадников; пулеметных команд — 4, 36 пулеметов, 210 человек; артиллерии — 6 орудий, 120 человек. Всего: 3250 бойцов. Запасных коней — 2000; гурты рогатого скота — 1200; обоз вьючный — 150 вьюков; авангард — бригада Резухина.

Конница белых была очень маневренна, могла делать суточные переходы до 80 км и передвигаться по труднодоступной местности. Поэтому Унгерн не боялся пехоты. В тактических действиях белые использовали быстроту маневра, внезапность нападения, точечные удары, охват флангов в бою. Авангарду, как бы он ни был мал, Унгерн придавал пушку и пулеметы. При столкновении с противником они выкатывались на линию стрелковых целей и открывали огонь. В этих условиях авангард получал преимущество в силе огня и почти всегда имел успех.

Хлопотливую задачу перевозки пулеметов конницей он решил весьма практично. «К оси от тарантаса приделывалось легкое, длинное дышло; на этом подвижном ходу устанавливалась небольшая платформа, на которой укреплялся пулемет и укладывался запас зарядных лент. Везли пулемет посменно два всадника, которые становились с обеих сторон дышла и брали на передние луки своих седел поперечно привязанную палку ("давнюр"). Такой способ перевозки пулеметов чрезвычайно удобен в походе и просто неоце-

ним во внезапно вспыхнувшем бою, так как пулемет на этой установке всегда готов к стрельбе, стоит только отбросить давнюр с седла и заложить в пулемет здесь же находящуюся ленту с патронами».[2031]

Аэропланы красных не наносили существенного ущерба Унгерну, поскольку при их приближении войско рассыпалось, и бомбы редко достигали целей. Из 180 бомб, сброшенных красными летчиками, лишь одна серьезно ранила двух солдат.[2032] В то же время, главным образом авиаразведка позволяла обнаружить быстро передвигающуюся конницу белых.[2033] Советские летчики, руководимые Ф.А. Астаховым (впоследствии — маршал авиации) забрасывали в расположение унгерновцев листовки. В них говорилось об «антинародной сущности белогвардейщины», солдатам советовали арестовывать своих командиров и переходить на сторону красных.[2034]

Белые тоже использовали авиацию — видимо, с базы в Хайларе. В конце июня 1921 г. над Даурией, Борзей и Оловянной с юга появлялся аэроплан и разбрасывал прокламации от имени Унгерна с призывом поддержать его войска, которые планируют наступление на Верхнеудинск и Читу.[2035] В ноте от 18 июня 1921 г. министр иностранных дел ДВР Юрин обращал внимание китайского правительства на то, что из Китая неоднократно прилетали аэропланы.[2036]

18 июля бригада Резухина вступила в бой с 314-м и 315-м пехотными полками и отрядом Чойбалсана. Красные пошли в атаку. Подошла бригада Унгерна. Белые после тяжелого боя отбили атаку. Из опроса пленных выяснилось, что красные ждут подкреплений. Поэтому Унгерн увел 19 июля дивизию вверх по Селенге, приказав 4-му полку Маркова задержать красных на сутки. Полк выполнил задание, и 20 июля присоединился к дивизии, которая за это время ушла на 50 км. Придя на место, где стояла дивизия, красноармейцы нашли трупы красных монголов, зверски убитых унгерновцами, в том числе привязанных к деревьям и сожженных.[2037]

В бою 18 июля белые потеряли около 100 человек убитыми и 110 ранеными. Обоз дивизии был давно потерян, вместе с ним — медикаменты и перевязочные средства. Раненых Унгерн приказал доставить в тыловые учреждения в Дзаин-шаби (сейчас г. Цэцэрлэг). Многие раненые умерли, не выдержав мучений и жажды в дороге. По дороге обоз нагнали партизаны Щетинкина и перерубили всех, кто был жив. Эту весть белым доставил единственный спасшийся санитар.

Азиатская дивизия, пройдя вверх по Селенге, круто повернула на север по р. Шабур-гол, перевалила Цежинский голец, вышла на территорию ДВР и 24 июля вступила в станицу Цежинская. Этот переход был чрезвычайно трудным: дорогу вверх по крутому склону горы прокладывали топорами, кирками и лопатами, пушки тянули на руках. Гижицкий даже сравнивал это с переходом А.В. Суворова через Альпы. Красные не ожидали появления белых

и обратились в бегство. Комиссары были убиты. Жители понесли продукты белым, те платили серебром. Попытка набора добровольцев опять кончилась безуспешно.

Для ликвидации прорыва через границу красные повернули на северо-восток отряд Щетинкина, 104-ю и 105-ю стрелковые бригады. Матиясевич принял меры для прикрытия Кругобайкальской железной дороги резервными частями. 232-й стрелковый полк 26-й дивизии должен был выдвинуться из Татаурово к южной оконечности Гусиного озера, а 234-й полк повезли к станциям Слюдянка и Мысовая. Подступы к Мысовску прикрывал 7-й Особый отряд (около 200 штыков с пулеметами), переброшенный из Иркутска. Был приведен в боевую готовность гарнизон Верхнеудинска. Планировалось окружить и уничтожить Азиатскую дивизию к северу от монгольской границы.

К 30 июля вдоль правого берега Селенги красные разместили четыре полка (2700 штыков и 650 сабель, 29 пулеметов, 20 орудий). В долину р. Джида выдвинули 104-ю стрелковую бригаду 35-й дивизии в составе 310-го и 311-го полков, с тыла подтянули отряд Щетинкина и батальон 232-го полка с эскадроном кавалерии. Нейман переправил ударную группу в 650 штыков в район Енхор. Остальные резервные полки должны были перекрыть Унгерну путь на восток в ДВР, а два полка 104-й бригады — отрезать отход на запад, заперев долину Джиды.

Тем временем белые шли форсированным маршем на Новодмитриевку. Она расположена в 25 км от Селенгинской Думы, где размещались штаб и управление тыловыми подразделениями 35-й стрелковой дивизии. Красные организовали оборону по правому берегу Селенги. 29 июля от Унгерна бежал проводник и сообщил красным о численности его войск.[2038]

29 июля авангард белых атаковал 7-й Особый отряд. Сдались 150 красных. Но часть бежала, некоторых из них перебили преследователи. В это время с севера подходили изолированные друг от друга батальоны 232-го полка. Один из них занял позицию на южном берегу Гусиного озера, другой — Новоселенгинск, третий двигался к югу из Татаурово. К укрепленной позиции, защищавшей дефиле на Мысовск, стали подтягиваться подразделения 234-го полка красных. Штаб-ротмистр Исаак с дивизионом успел занять юго-восточные склоны дефиле раньше них, а штаб-ротмистр Забиякин с дивизионом — юго-западные. Красные успели занять северные склоны. Белые до начала боя затащили два орудия на позицию Исаака. Они открыли огонь прямой наводкой по позиции красных.

Начался бой. Красных атаковали 320 монголов в конном строю. Атаку возглавили нойоны во главе с Бишерельту-гуном Сундуем и гэгэном,[2039] который выкрикивал какие-то заклинания. За ними скакали остальные монголы, прильнув к гривам коней. Красные не выдержали атаки и стали отходить по склонам на север. 1-й конный полк, обойдя горы с юго-запада, вышел в

Гусиноозерский дацан (http://www.buddhismofrussia.ru/Images/1-2.jpg).

долину речки и отрезал им путь отступления на Мысовск. Красные стали сдаваться. Помимо пленных, белым досталось 5 пулеметов. Однако группа командиров и комиссаров на конях проскочила на восточный склон дефиле и скрылась в горах. Подъесаул Янков не сумел задержать их. Унгерн за это избил его ташуром. Янков недели три поправлялся в обозе 1-го полка, в который был зачислен командиром дивизиона. Из пленных Унгерн отобрал 25–30 добровольцев. Впоследствии красная пропаганда именовала их «заложниками».[2040] Остальных барон отпустил вместе с ранеными соратниками и красным фельдшером.

30 июля войско Унгерна отдыхало в районе улуса Удунга, вело разведку. Рано утром на следующий день, уничтожив мост через р. Темник, барон двинулся к Гусиному озеру.[2041] 31 июля ночью он подошел к Гусиноозерскому дацану, и к утру 1 августа окружил с трех сторон красных, оборонявших дацан. Для последних появление белых было неожиданностью. Часть оборонявшихся оказалась прижата к озеру. 2-й конный полк белых атаковал дацан с севера, привел в негодность пушки красных и ворвался внутрь. 1-й конный полк повел наступление с запада. 3-му конному полку было поручено отрезать путь отступления на Новоселенгинск. При первой тревоге красные кавалеристы вскочили на коней и проскочили на Новоселенгинск. Это был 3-й батальон 232-го стрелкового полка под командой И.В. Заикина. Лишившись артиллерии и кавалерии, защитники дацана стали сдаваться. Цепи 1-го конного полка прекратили огонь. В это время в одной из сотен раздался голос: «Господин сотник, нет патрон». Красноармейцы услышали это и вновь открыли стрельбу. Это стоило жизни 20–30 белым.

Часть красных во главе с комиссаром стала отступать по южному берегу оз. Гусиное. Дойдя до засады, красные были встречены пулеметным огнем

3-го конного полка и залегли. Комиссар не смог поднять цепь и застрелился. Другие пошли по воде, удаляясь от берега. Их головы отчетливо виднелись над поверхностью, и белые перестреляли их. Погибло 16 человек из 63-й телеграфно-строительной роты. В плен сдалось до 400 человек, были захвачены 2 орудия, 6 пулеметов, 500 винтовок и обоз. В обозе оказались денежный ящик и канцелярия. Унгерн приказал не разбираться в канцелярии, а тут же ее сжечь, как и примерно 8 тыс. советских рублей. А ведь мог бы воспользоваться ими в Забайкалье.

Как обычно, барон обошел пленных, пристально глядя им в глаза, поговорил, приказал похоронить убитых, подобрать раненых, и отпустил. По другим данным, было убито 24 коммуниста. Буддийских монахов из дацана барон вооружил для несения караульной службы.[2042]

После обеда Резухин снялся с двумя полками и к вечеру вошел в Новоселенгинск, оставленный до этого 1-м батальоном 232-го полка красных, ушедшим за Селенгу.

Оставив арьергард около 180 сабель, Унгерн вечером пошел по восточному берегу Гусиного озера на Загустай. К утру 2 августа Резухин присоединился к Унгерну. За ними по восточному берегу шел отряд Щетинкина с присоединившимся 1-м батальоном 232-го полка, два свежих эскадрона 29-го кавполка, по западному — батальон 232-го полка и эскадрон 29-го полка. Белых видели в районе с. Арсентьево (устье р. Хилок), Кибалино (20 км севернее), у п. Нижний Убукун (всего в 50 км юго-восточнее Верхнеудинска). Блохин сообщает, что в населенных пунктах они обнаруживали расклеенные копии приказа № 15 с комментарием: вот каков этот «спаситель», кто хочет — может переходить к нему...

Наступление Унгерна вызвало серьезную обеспокоенность властей ДВР. В сфере военных действий оказалось 60% хозяйств бурятского Селенгинского аймака.[2043] В Забайкалье белые разрушили около 40 км постоянных линий, до 7 августа нарушив связь между Иркутском и штабом корпуса. Унгерн не дошел до тоннелей Кругобайкальской железной дороги, хотя их подрыв мог создать красным серьезное препятствие для переброски подкреплений.

Путь на север белым преградил 234-й стрелковый полк 26-й дивизии. Красные задействовали 35-ю стрелковую дивизию из 3 бригад, 5-ю Кубанскую кавалерийскую дивизию из 2 бригад, 2 кавалерийские бригады НРА ДВР (1-ю Троицкосавскую и 2-ю Сретенскую), а также отряд Щетинкина и до тысячи красных монголов.[2044] Разъезды Щетинкина неотступно следовали за белыми.[2045] К.К. Рокоссовский, еще не окончив лечение в госпитале, сформировал сводный отряд и, прикрыв частью сил путь с юга на Мысовск, прибыл в Верхнеудинск, а оттуда двинулся на Тарбагатай, чтобы воспрепятствовать наступлению белых.[2046] По воспоминаниям Рокоссовского, в этом

отряде было примерно 200 человек конных и 500 пеших, 2 орудия, отряд был хорошо вооружен, имел высокую боеспособность.[2047]

Власти объявили Верхнеудинск на военном положении в радиусе 18 верст. Жителям запрещалось выходить из домов после 21 часа, усилились обыски и аресты.[2048] По всему Кяхтинскому тракту до Верхнеудинска были эвакуированы склады и закупочные отряды Центросоюза. 3 августа 1921 г. был опубликован приказ № 127 Блюхера о событиях на Гусином озере.[2049] В нем говорилось о необходимости окружения белых, о выпуске штабом НРА сводок для населения в газетах, о том, что с распространителями слухов об успехах барона будут поступать «по всей строгости военных законов». Чтобы расположить население к красным, Блюхер опубликовал приказ № 128 об армейской помощи крестьянам в уборке сена и хлебов.[2050] Однако белая пресса сообщала о масштабных реквизициях продовольствия красными в Верхнеудинском районе.[2051] С 10 августа в газетах Прибайкалья и Забайкалья стали появляться военные сводки. Уже после разгрома Унгерна, в начале октября в Верхнеудинск прибыла особая комиссия для учета разрушений, произведенных Азиатской дивизией и организации помощи пострадавшим.[2052]

Вероятно, Унгерн понял, что плохо подготовил наступление. Да и не мог лучше. В России, вопреки его ожиданиям, не было того развала и хаоса, как при временном правительстве А.Ф. Керенского. Красная армия, по признанию барона, сражалась храбро и представляла не сборище банд, а регулярную дисциплинированную силу.[2053] Унгерн убедился, что красные к нему не присоединяются, к северу от Гусиного озера возникает угроза окружения, Семенов и японцы не наступают на ДВР и воспользоваться этим нельзя. Важным фактором была также неэффективность забайкальских казаков в Маньчжурии, руководимых генералами Г.Е. Мациевским и И.Ф. Шильниковым.[2054] Правда, в августе 1921 г. они направили несколько отрядов в нынешний Сретенский район Читинской обл. из Маньчжурии, но эти силы были разгромлены частями Забайкальской конной дивизии Я.Н. Коротаева.[2055]

Однако главное было в том, что жители при появлении барона не восставали против советской власти, а добровольцев было очень мало. Те, кто сочувствовал белым, опасались мести красных своим семьям. Везде повторялась одна и та же картина: соглашались на мобилизацию, но отказывались идти добровольцами. Лишь в Селенгинской думе к Унгерну присоединилось несколько десятков бурят. По-видимому, не дал серьезного пополнения и отряд в 150 всадников во главе с Галдановым, отправленный бароном в августе в бурятский Закаменский хошун для вербовки. Этот отряд дошел до с. Цакир и квартировал там 3–4 дня. В это время были направлены разъезды в хошун и с. Ильинка для грабежа склада Центросоюза. Затем отряд вернулся на соединение с Унгерном.[2056] Кое-где как русские, так и буряты образовали отряды самообороны для отпора унгерновцам и тапхаевцам.[2057]

Крестьяне в разговорах жаловались на власть, выражали пожелание ее смены, но активного выступления ожидать было трудно.[2058] Причина этого была в политике большевиков на тот момент. Недавно (21 марта 1921 г.) продразверстка была заменена продналогом, что было главной мерой перехода к НЭПу. Крестьяне еще не знали, что скоро их будут раскулачивать и загонять в колхозы. Бедствия были далеко — эпидемия чумы в Маньчжурии, голод преимущественно в европейской России и на юге. В Забайкалье и Прибайкалье голод приобрел угрожающие масштабы гораздо позже, в 1923 г.[2059] А пока жители налаживали мирный труд. В ДВР и даже в революционной Монголии проводились сборы пожертвований для голодающих районов.

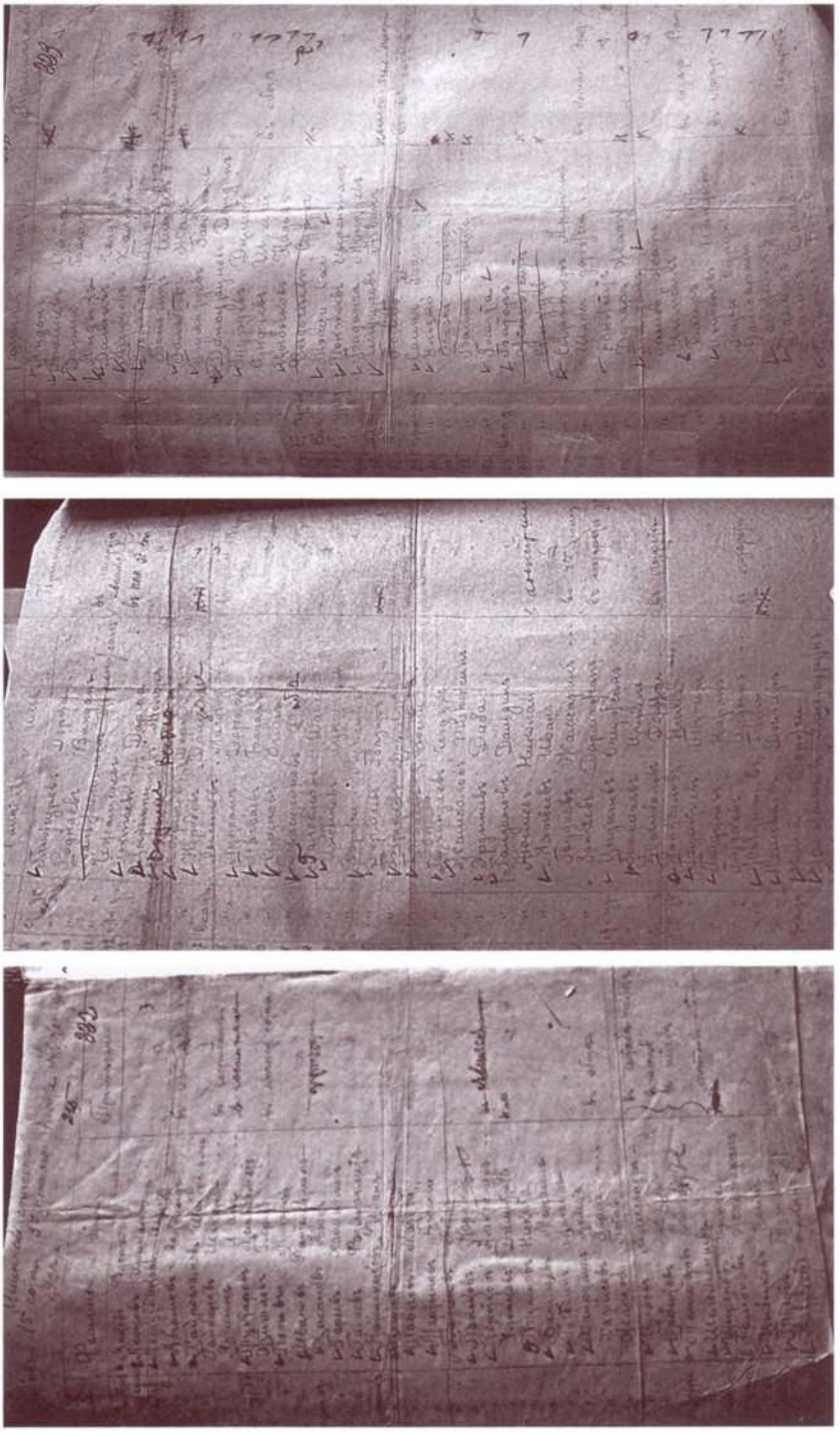
Итак, партизанские методы ведения войны на этот раз подвели Унгерна. Видя провал похода, он решил возвращаться в Монголию.[2060] Несомненно, это его глубоко разочаровало и озлобило. Барон стал еще более жесток к офицерам, особенно мобилизованным в Монголии, стал еще чаще бить ташуром правых и виноватых. Как-то раз он четырежды ударил ташуром своего друга Резухина: тот заснул вместо того, чтобы «делать дорогу».

3 августа белые стали уходить в Монголию с обходом Гусиного озера с северо-запада. Они сделали большой привал у Малого Гусиноозерского дацана. В дацане расположились лазарет и комендантская команда.[2061] Унгерн приказал выпороть монахов этого дацана: они что-то стащили с обоза. Появившийся аэроплан с кругами на крыльях белые приняли за японский. Ошибка обнаружилась лишь после того, как с него стали падать бомбы.

Белые продолжили отход в направлении Новодмитриевки. По пятам за ними шли 35-й кавалерийский полк, отряд Щетинкина, 1-й и 2-й резервные полки, переправленные на левый берег Селенги. С востока к Новодмитриевке шли полки 104-й и 105-й бригад и три полка 5-й Кубанской кавалерийской дивизии. Об этом буряты сообщили белым.

Подойдя 5 августа к Новодмитриевке, Унгерн приказал 1-му конному полку быстро пройти через село вверх по Темнику и занять перевал Бурин по пути на с. Покровка, чтобы смогла пройти вся дивизия, обозы и скот. 3-й полк должен был занять высоты к юго-западу от Новодмитриевки.

Белые атаковали левый фланг развернувшихся полков 105-й бригады при поддержке 3–4 горных орудий. 3-й конный полк, чтобы облегчить положение 1-го, сдерживал натиск резервных частей с северо-востока. Унгерн выслал на поддержку 3-го полка дивизион 2-го полка. К юго-западу от Новодмитриевки произошел сильный бой. Командир бригады красных Б.Р. Терпиловский сосредоточил артиллерийский огонь на наступающей коннице, затем ввел в бой две бронемашины 16-го бронеотряда, приданного 105-й бригаде. Они открыли огонь из пулеметов. С обеих сторон были потери. Однако сведения о 200 убитых и множестве раненых белых[2062] следует признать преувеличением.

Именной список всадников 1-й сотни 3-го конного полка (РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 222–223).

В 22 часа в село вошли красные. Они нашли много зарытого оружия.[2063] К тому времени все обозы и тылы белых уже прошли Новодмитриевку, ночью они вошли в Покровку. Унгерн с 4-м конным полком шел в арьергарде. В Покровке жители встретили белых хорошо, делились съестным. Там же белые казнили еврея — то ли красного, то ли коммерсанта. По другим данным, было убито две семьи в Новодмитриевке.

К.А. Нейман поставил задачу 104-й стрелковой бригаде и 5-й кавдивизии отрезать пути отхода белых из Покровки через долину р. Ира на юг на с. Дээд-Ичетуй. Отряд Щетинкина висел на хвосте белых, у них были потери убитыми и пленными.[2064] Но дивизия быстро шла всю ночь и опередила красных. В полдень 6 августа она уже переваливала в долину р. Ичетуй. По дороге белые бросили часть обоза и артиллерии — возможно, для дезориентации Щетинкина. Последний свернул в сторону. Через некоторое время разведка Щетинкина атаковала части 5-й кавдивизии, приняв их за белых.[2065] Перестрелка началась около 15 час. и длилась три с половиной часа, пять партизан были ранены. После того, как партизаны взяли в плен красноармейца, все разъяснилось, бой закончился. Но красные отстали от белых на сутки.

7 августа Азиатская дивизия вошла в д. Капчаранка (30 км северо-западнее Желтуринской), не зная, что она занята красными. Татарская сотня стала спешиваться, чтобы купить продовольствие, и попала под перекрестный огонь. Погибло 50 человек, в том числе сотник Мухаметжанов. После четырехчасового боя деревню удалось взять, но красные отошли и заняли неприступную позицию на высокой сопке. В деревне белые уничтожили одну семью.

Подошел 29-й кавполк красных. Белые ушли в сторону п. Нарынский.[2066] Через Саркетуй и Верхний Нарын они вышли 8 августа к станице Атаман-Никольской. По выходе из Атаман-Никольской, на удобной для обороны позиции Унгерн оставил 3-й полк, расположив его влево от берега Джиды. Левый фланг упирался в сопку. Красные повели на него фронтальную атаку; подойдя на 800 шагов, залегли. На правый фланг унгерновцев, упиравшийся в Джиду, они выслали обходящую колонну. К вечеру она переправилась через Джиду и была почти в тылу унгерновцев. Две правофланговые сотни последних понесли большие потери, причем 6-я сотня была отрезана и уничтожена почти полностью. Убиты были подъесаул Бородин и прапорщик Кузнецов (бывший чиновник российского консульства в Улясутае). С темнотой 3-й конный полк белых отступил на Саркетуй. На перевале Унгерн оставил в засаде дивизион 3-го полка с пулеметной командой — 4 пулемета штабс-капитана Озерова.

Красные, несмотря на высланную разведку, не обнаружили засаду и колоннами стали подниматься на перевал. Как только голова первой колонны

красных приблизилась к засаде, белые открыли ружейный и пулеметный огонь. Красные понесли большие потери, и больше уже не пытались висеть на хвосте Азиатской дивизии.

После боя у Новодмитриевки выяснились планы барона по уходу в Монголию, а затем в Урянхай. Унгерн поинтересовался мнением некоторых офицеров на этот счет и получил утвердительные ответы. У него возникло впечатление, что нет ничего серьезного — колебался лишь его личный авторитет, в чем виновны мобилизованные колонисты. Барон решил применить излюбленный метод — репрессии. Он стал в виде наказания отправлять офицеров в обоз, погонщиками скота. Фактически, стали создаваться штрафные подразделения. В отличие, например, от штрафников Красной армии во Вторую мировую войну, они несли в особо тяжелых условиях тыловую службу, а не направлялись на самые опасные участки фронта. Сапоги с них снимали, штрафники шли в случайных опорках или заворачивали ноги в куски сухих бычьих кож. Довольствие было хуже, чем у остальных.

Например, в погонщики попал бывший курсовой офицер Михайловского артиллерийского училища капитан Оганезов. Он вел правильный огонь по высоте с закрытой позиции. Унгерн стал обвинять Оганезова в трусости. Тот ответил, что снаряды ложатся среди красных, и нет необходимости подвергать артиллеристов опасности быть убитыми. Такой ответ привел барона в бешенство, и он отправил Оганезова в погонщики, избив ташуром. Впоследствии, правда, Оганезов не держал зла на барона.

9 августа Азиатская дивизия была в п. Харацанский. 10 августа, в районе п. Цежинский, прибыли шесть сотен, оторвавшихся в Новодмитриевке. Штаб-ротмистр Забиякин вел их на запад по горным дорогам в направлении Модонкульских гольцов. Раньше он не мог присоединиться к своим, так как между ними находилась сильная прослойка красных. Унгерн произвел Забиякина в подполковники, людей из присоединившихся сотен освободил от нарядов на два дня. В тот же день отряд Щетинкина совместно с 310-м полком под командой А.С. Морова атаковал унгерновцев.[2067] Красные, понеся потери, обратили белых в бегство и захватили поселок. У белых также были потери убитыми, ранеными и пленными.

11 августа дивизия была в п. Хамней. Здесь Унгерн разделил ее на две бригады. В первую под его личным командованием вошли 3-й и 4-й конные полки, Монгольский дивизион Бишерельту-гуна (5 сотен), артиллерийский дивизион с 6 или 8 орудиями, пулеметная команда Евфаритского, главный обоз, лазарет и все гурты. Во вторую бригаду под командой Резухина вошли 1-й и 2-й конные полки, Китайский дивизион, взвод артиллерии с 2 орудиями и пулеметная команда с 4 пулеметами.

Бригада Унгерна ушла вперед, а бригада Резухина выступила несколько позже в арьергарде. В тот же день Резухин имел короткий бой, не позволив

красным перейти р. Хамней. Когда к его заставе подошли красные, генерал приказал полкам занять гребень гор на левом берегу Хамнея, чтобы задержать противника на один день и этим позволить барону оторваться на переход в 25–30 верст. Со стороны красных наступал полк пехоты. Красные несколько раз бросались в атаку через падь и предпринимали попытки охвата правого фланга позиции белых со стороны реки, неся заметные потери. Во время боя со стороны белых действовали батарея поручика Балка и пулеметная команда подъесаула Иванова. Казаки оренбургско-забайкальской сотни неоднократно ходили в контратаки. Под вечер к красным подошли подкрепления и батарея. Но к этому времени полк красных понес столь существенные потери, что утратил боеспособность.

В сумерках бригада Резухина снялась с позиции. Ночью она прошла станицу Цакирскую, а на рассвете 12 августа переправилась через Джиду напротив пади речки Хайки (правый приток Джиды). Резухин решил устроить засаду красным. От переправы через речушку по перпендикуляру на запад шло небольшое дефиле. Это дефиле занял 1-й конный полк, орудия хорунжего Шестаковича и пулеметная команда Иванова. Западный берег был отлогий и до дефиле в 400–500 шагов представлял голую ровную местность без укрытий. Восточный берег был крутой и высокий.

Во второй половине дня показалась колонна красных. Дойдя до Хайки, их конница стала спешиваться. Подъехала на телегах пехота, и перед речкой за короткое время скопилось до 2 тыс. бойцов. Они начали переправляться через нее, не выслав разведки. Когда на западном берегу скопилась основная часть красных, 1-й полк, артиллерия и пулеметы белых открыли огонь с постоянным прицелом, а артиллерия — на картечь. Красные понесли значительные потери, оставшиеся отступили. Это был последний бой Азиатской дивизии в Забайкалье. Щетинкин остановился. Он объяснял это малочисленностью отряда, усталостью лошадей, недостатком огнеприпасов и продовольствия.[2068]

Унгерновцы испытывали те же трудности, но их это не остановило. 14–15 августа 1921 г. они перевалили почти непреступный Модонкульский голец (в районе так называемых Монихотовских толгоев) и ушли в Монголию. Переход перевала занял более 8 часов. Местами приходилось двигаться по заболоченному бездорожью. Как и при переходе через Цежинский голец, приходилось расчищать дорогу для орудий и повозок, поднимать и спускать пушки руками на канатах.

По оценке Торновского, потери белых за время второго похода на Сибирь были гораздо ниже, чем у красных и не превышали 200 человек убитыми и 50 — тяжело ранеными. Все способные сидеть на коне считались легко ранеными. Сохранились записки об отправке раненых всадников к дивизионному врачу с просьбой оказать им медицинскую помощь: звание, фамилия и имя, отметка врача — «дано пособие», «освобожден на один день».[2069] Во вре-

мя перехода по району Цежинская — Цакирская и Харацанская — Хамней дезертировало 120 бурят. Но за это же время дивизия пополнилась 100–120 добровольцами из красных.

Потери красных Торновский оценивал в 2000–2500 человек. Это примерно в 10 раз больше потерь белых, что маловероятно. По данным отделения учета потерь 5-й армии от 23 августа 1921 г., потери экспедиционного корпуса в Монголии с 1 июня по 1 августа были следующими: убито 45 человек, ранено 249, без вести пропало 18, в плен попало 48; при этом пленных взято 27.[2070] Сведения о потерях за август неизвестны, как и сведения о потерях красных частей, оборонявших Забайкалье во время похода Унгерна. По архивным данным,[2071] общие безвозвратные потери в красных войсках, подчиненных помощнику главкома по Сибири, в 1921–1922 г. оцениваются в 3485 человек, потери армии ДВР — 465 человек. Это не так много на фоне общих потерь населения России в Байкальском регионе за гражданскую войну: 102 тыс. человек.[2072]

Я.П. Гайлит.

И.Н. Смирнов.

В связи с неудачей окружения Унгерна на советской территории, реввоенсовет 5-й армии позже освободил К.А. Неймана от командования корпусом и 35-й дивизией и назначил вместо него начальника 26-й дивизии Я.П. Гайлита. Реввоенсовет войск Сибири назначил специальную комиссию для расследования. Ввиду обнаруженных недочетов в руководстве операцией командарм М.С. Матиясевич 30 августа был заменен И.П. Уборевичем.[2073] Вероятно, сыграли роль и не прекращавшиеся раздоры в руководстве операцией. Например, 9 августа И.Н. Смирнов сообщал Л.Д. Троцкому, что «острые разногласия внутри Ревсовета между Матиясевичем и Грюнштейном разваливают работу, подрывают дисциплину в штабе. Матиясевич опустился, высиживает в штабе часы, работы нет».[2074]

Но пока М.С. Матиясевич, как руководитель и командующий 5-й армией, приказал командиру Экспедиционного корпуса К.А. Нейману преследовать отступающих всеми силами конницы и 104-й бригады, а начальнику 25-й стрелковой дивизии Я.П. Гайлиту — выдвинуть 227-й стрелковый полк с крупным отрядом красных монголов из Хубсугульской котловины к востоку по долине р. Эдзин-гол. 5-ю кавдивизию направили из Желтуры в Монголию

Красные партизаны Ван-хурэ с советскими инструкторами. 1921 г. (Булган хотын музей).

на Ахай-гун-хурэ и далее на запад. Навстречу Унгерну выдвинулся из Ван-хурэ 312-й стрелковый полк с отрядом красных монголов. Все это делалось из опасений, что Азиатская дивизия уйдет в Западную Монголию и там соединится с другими белыми отрядами.

На запад, к Дзаин-шаби, Унгерн отправил полевое интендантство во главе с хорунжим Барановым.[2075] Но Баранов по дороге узнал, что Улясутай занят красными монголами Максаржава, а в Дзаин-шаби вошел русский отряд. Это был отряд, который возглавил сотник П. Сухарев после того, как расстрелял полковника Н.Н. Казагранди по приказу Унгерна. Баранов сложил имущество в сопках, выставил охрану, и решил вернуться к Унгерну. Красные партизаны захватили это интендантство.[2076] Возможно, именно о конфискации этого имущества и его переправке на 600 телегах от западного уртона Бурэгтэй в хурэ Дайчин-чин-вана сообщается в документе министерства внутренних дел временного народного правительства Монголии от 22 августа 1921 г.[2077] Не умея ориентироваться, Баранов заблудился.[2078] В отряде возник заговор во главе с поручиком Ждановым, одним из самых жестоких сипайловских палачей. Убив Баранова, нескольких верных ему людей, нескольких женщин и детей из их семей, Жданов с остатками отряда стал пробираться на восток. Двигавшиеся туда же чахары сбили отряд с линии колодцев. Отступающие

сильно страдали от отсутствия воды. Тогда Жданов с несколькими людьми бросил свой отряд на расправу чахарам и, грабя юрты монголов, добрался до маньчжурской границы. Китайцы переправили его Приморье. Во Владивостоке Жданова за его зверства посадили в тюрьму.

Итак, подтвердилось то, что стало известно после боя под Новодмитриевкой: барон собирается в Урянхай. Резухин говорил Торновскому, что его бригада идет в Урянхай на соединение с отрядами И.Г. Казанцева и И.И. Занина. Красное командование тоже готовилось к этому. В телеграмме из Минусинска в особый отдел ВСВО в Иркутске сообщалось, что красноармейцы погранбатальона 33 погранбригады в Урянхае зимой охранять границу не смогут, так как разуты и раздеты, многие проходы продвижения «банд» не окарауливаются, партизаны района не организованы, эти «банды» могут уйти в Урянхай на зимовку.[2079]

Однако белое движение там было слабым, а в случае зимовки Урянхай мог стать ловушкой для белых в силу своих географических особенностей. Видимо, поняв это, Унгерн решил уйти в Тибет.[2080]

Монархические планы и идеология Унгерна были недоступны большинству белых — как русским, так и монголам. Они воспринимали более простые цели. Россияне хотели вернуться к нормальной жизни, а монголы, кроме того, получить независимость. На Сибирь они шли, веря в непрочность большевистского режима и в свою правоту.[2081] Поход был безуспешным, но настолько тяжелым, что даже Резухин мечтал хоть месяц пожить под крышей, а чистая постель рисовалась ему в виде недостижимого идеала благополучия.[2082] Пока Унгерну сопутствовала удача, палочную дисциплину терпели как условие поддержания порядка и боеспособности. Теперь ситуация изменилась. Барон потерпел поражение, но все равно решил продолжать борьбу и двинулся не в Маньчжурию, а на запад.

Уже после Новодмитриевки 5-я оренбургско-забайкальская сотня 2-го полка решила бежать в Маньчжурию и попросила войскового старшину Слюса взять ее под свою команду. Тот согласился, связался с помощником командира полка Кастериным.[2083] Об этом узнал командир пулеметной команды 2-го полка подъесаул Иванов, затем командир одной из батарей сотник Шестаков. Так создалась группа из конных, пулеметных и артиллерийских частей. Об этом узнал оренбургский казак врач Рябухин. От него об этих планах узнал начальник всех пулеметных команд полковник Евфаритский.

Брожение в дивизии усугубляла возросшая жестокость Унгерна и Резухина. На местах стоянок бригады Унгерна сослуживцы стали находить изуродованные шашками трупы офицеров, разжалованных в погонщики.

Офицерская верхушка организовала заговор против своего командира. Торновский утверждает, что в обеих бригадах заговор возник независимо:

заговорщики боялись сноситься друг с другом. Но заговорщик Рябухин вспоминал, что они поддерживали связь и координировали действия.[2084] Есть сведения, что они взяли под контроль всю переписку между Унгерном и Резухиным.[2085]

Князев, выполнявший у барона роль контрразведчика, еще вечером 14 августа заметил, что возле штабного костра сидят все старшие офицеры: Кастерин, Хоботов, Парыгин и Слюс. При них не было ни одного всадника. Позже выяснилось, что они обсуждали планы ухода на восток.

Войдя в Монголию, обе бригады Азиатской дивизии последний раз вместе стояли на берегах р. Эрин-гол («Ури», левый приток р. Эгийн-гол). 16 августа дивизия подошла к Эгийн-голу и разделилась. Резухин с 1-м и 2-м полками остался прикрывать тыл, а остальные части дивизии, включая артиллерию, под командой Унгерна двинулись впереди на расстоянии двух переходов, держа направление на запад.[2086] Вечером того же дня Князев сделал обстоятельный доклад Резухину. Он рассказал о положении в дивизии и нежелании бойцов идти в Урянхай. Ни Резухин, ни Князев в том разговоре не называли фамилий предполагаемых заговорщиков. Резухин приказал Князеву все выяснить и доложить Унгерну. На следующий день Князев отправился к барону.[2087]

17 августа Резухин перешел Эгийн-гол со 2-м конным полком, а 1-й полк оставил на левом берегу. Вечером Резухин подъехал на неоседланном коне к палатке командира 2-го полка полковника Хоботова и поговорил о хозяйственных делах. По отъезде генерала Хоботов вызвал командира 5-й сотни Немцева и приказал, чтобы сотня была в боевой готовности, не объяснив, зачем. По другой версии, заговорщики предложили Резухину изгнать из дивизии Унгерна и взять командование на себя. Однако тот выгнал их за «совдепские речи», а Унгерну написал письмо, но оно так и не попало к адресату.[2088]

Наступила ночь. Резухин и его личный адъютант, ротмистр Нудатов, задремали у костра. Когда лагерь успокоился, в палатку командира 2-го полка Хоботова пришли его помощник Кастерин и войсковой старшина Слюс. Кастерин предложил немедленно порвать все сношения с Унгерном. Он изложил обстановку, которая позволяла утром изменить маршрут и пойти не вслед за бароном, а по кратчайшему направлению на восток. Но подчеркнул, что на согласие командира бригады рассчитывать трудно. Резухина решили убить.

Это доверили Слюсу. Последний приказал прапорщику-забайкальцу Хлебникову с несколькими казаками-оренбуржцами следовать за ним. Вестовые Резухина легко позволили разоружить себя. Генерал, однако, услышал шум и громко спросил: «Кто здесь?» Слюс с маузером, а Хлебников с карабином бросились к Резухину. Последний вместе с Нудатовым побежал к ла-

герю. Они пробежали 4-ю сотню и на границе между 4-й и 5-й сотнями остановились. Хлебников некоторое время преследовал генерала, стреляя по нему вдогонку. Резухин отстреливался из браунинга.

Услышав выстрелы, люди по обоим берегам реки схватились за оружие. Раненый Резухин присел на пень, казаки 4-й и 5-й сотен обступили его. Тем временем Слюс бросился к 5-й сотне, которая была заранее подготовлена для переворота. Взяв из нее верного урядника-оренбуржца, он подбежал к Резухину, вручил свой пистолет этому уряднику, и приказал застрелить генерала. Урядник протянул руку через головы казаков и выстрелил генералу в лоб почти в упор. Резухин упал мертвым (восемнадцатая рана). Нудатов выхватил наган, но Слюс удержал его словами: «Успокойтесь, успокойтесь, все кончено». По мемуарам Хитуна, убийца мстил Резухину за расстрел полковника Дроздова — его сослуживца по Оренбургской армии.[2089]

Казаки стали расходиться. 5-я сотня стояла в полной боевой готовности. Около нее был Хоботов на случай неповиновения. Хоботов приказал одному взводу 5-й сотни и ординарцам выкопать в предгорье недалеко от палатки генерала могилу. Резухина «слегка зарыли».[2090] Перед этим с его шеи сняли ладанку. Ее передали Торновскому, к которому генерал всегда благоволил. Торновский обнаружил, что в шелк зашита грамота Богдо-гэгэна о возведении буддиста и батора (героя) Резухина в княжеское достоинство.[2091] Очевидно, это был оригинал указа Богдо-гэгэна о награждении, копия которого сохранилась в архиве.[2092] Впоследствии Торновский потерял эту ладанку. Ценностей при Резухине не оказалось: нашли около сотни китайских долларов и серебряную мелочь. Вести бригаду на восток заговорщики предложили полковнику Торновскому, как старшему и самому опытному, хотя сам он в заговоре не участвовал.

Утром 18 августа бывшая бригада Резухина повернула на юг к ближайшему перевозу через Селенгу у монастыря Монты (около 75 км юго-западнее последней стоянки на Эгийн-голе) с тем, чтобы двигаться кратчайшим путем на восток.

Князев, посланный Резухиным к Унгерну, нагнал хвост его колонны 17 августа в 18 час. Он побоялся докладывать лично барону и явился к начальнику штаба дивизии подполковнику Островскому. Последний тоже отказался говорить с Унгерном на столь опасную тему. Решили, что Князев вернется назад и предложит Резухину лично поговорить с бароном. Князев ограничился лишь кратким докладом Унгерну о своем прибытии.

18 августа до рассвета бригада Унгерна выступила с бивуака. Князев вернулся в бригаду Резухина и узнал о перевороте. Его рассказ о встрече с Унгерном озадачил Хоботова, Кастерина и Торновского, которые теперь вели бригаду. По Князеву, группа из 22 всадников оренбургско-забайкальской сотни отправилась на запад с заданием ликвидировать барона. Ею командовал

сотник Маштаков. Последний уже пробовал это сделать несколько дней назад, но у него не хватило духу. Один из пленных унгерновцев, писарь Шевель, впоследствии показывал на допросе, что после убийства Резухина в унгерновскую бригаду направилось 10 добровольцев под командой поручика Сотникова, но через пять дней они вернулись, говоря, что барон уже ушел на 100 верст.[2093] По-видимому, речь шла именно об этом эпизоде. Вероятно, Маштаков опять не стал лично участвовать в покушении.

О бунте и убийстве Резухина от двух перебежчиков-казаков узнал Щетинкин. Эти казаки рассказали, что и в другой бригаде несколькими часами позже был бунт, Унгерна якобы тоже убили.[2094] Красные поехали проверять. Как рапортовал Щетинкин, на месте стоянки на Эгийн-голе «по принятым мерам к розыску трупа, последний был опознан лицами, знающими его, кроме того, на нем оказались погоны генерала. Банда, расправившись со своим вождем Резухиным, поспешно отступила в направлении хурэ Чулгын-сумэ». Разведка захватила ординарца, который показал, что бригада Унгерна расположилась на дневку в 10–15 верстах юго-западнее пересечения хошунной границы с трактом от горы Бага-ула на монастырь Чулгын-сумэ. На следующий день Щетинкин выступил на преследование белых со своим сводным отрядом в 476 сабель. Из приказания Резухину, изъятого красными у ординарца, следовало, что барон об убийстве Резухина еще не знал. Ввиду неясности положения Щетинкин остановился в 11–16 км от лагеря Унгерна и повел разведку во всех направлениях.[2095]

Видя брожение в войске, Унгерн согласился с требованием своего адъютанта Макеева больше не бить офицеров.[2096] Но прошел слух, что все офицеры, кроме «коренных даурцев», будут убиты. Макеев писал, что он узнал о приказе Унгерна Бурдуковскому перебить оставшихся 28 офицеров-штрафников. Макеев сообщил об этом Евфаритскому, который созвал секретное совещание. На него пришли поручик В. Виноградов, врач Рябухин, войсковой старшина Львов, есаул Макеев, капитан Толстой,[2097] поручик Озеров, штаб-ротмистр Частухин и военный чиновник Федоров. Они решили устроить переворот. Во главе заговора встал Евфаритский.[2098] Переворот наметили на 17 августа, но сведения о близости красных заставили Евфаритского отсрочить его.

Унгерн провел весь день 17 августа в гаданиях с ламами. Он выслал разведчиков в направлении бригады Резухина, но те вернулись с одним раненым, сообщив, что верстах в восьми натолкнулись на разъезды красных. В ночь на 18 августа, сначала по соседству с госпиталем, а потом в сопках состоялись встречи заговорщиков — офицеров и многих солдат-ветеранов, которые присоединились к ним. Решили на следующую ночь по сигналу тревоги двинуться назад к Селенге, а специально сформированный отряд должен был прикрывать отступление и встретить Унгерна ружейным и пулеметным

огнем, если тот попробует преследовать. Начальником выбрали Евфаритского. Ему же поручили проработать детали заговора.[2099]

По лагерю поползли слухи о том, что в бригаде Резухина неблагополучно, люди были встревожены, росла напряженность. Чувствуя опасность, Унгерн поставил на бивуаке полки отдельно, в 1–1,7 км от них — монгольский дивизион Бишерельту-гуна Сундуя. Две палатки: генерала и его вестовых поставили посредине, поближе к монголам, которых он считал надежными.

Вечером 18 августа к Унгерну был доставлен татарин-казак из бригады Резухина. Он ехал от Кастерина к Рябухину и Евфаритскому с запиской, что Резухин убит прошлой ночью, а его бригада движется в направлении брода на Селенге, где они будут ждать три дня. На случай, если первого гонца постигнет неудача, по тому же пути будет послан другой — оренбургский казачий офицер Калинин, который передаст все на словах и в деталях. Казак успел вовремя уничтожить записку, но подозрения Унгерна усилились. Он велел этого казака арестовать и наутро пытать. Командир 4-го конного полка войсковой старшина Марков (тоже заговорщик) присутствовал при этой сцене и немедленно известил Евфаритского. За 15 мин. почти все заговорщики вновь собрались в госпитале. Но прежде чем они начали обсуждать, что теперь делать, второй гонец, Калинин, вместе с его раненым братом, который был в госпитале, вошли и кратко рассказали им все, что произошло с Резухиным.[2100]

Марков и командир 3-го конного полка есаул Очиров самоустранились от активного участия в перевороте. Командира артдивизиона подполковника Дмитриева заговорщики ни во что не посвящали, но поручили одному из офицеров напоить его пьяным, что и было выполнено.

Во второй половине ночи с 18 на 19 августа[2101] Евфаритский вошел в палатку Островского, разбудил его, приказал идти в пулеметную команду и там ждать его приказания. Островский повиновался. Офицеры во главе с Сементовским, Озеровым и другими подошли к палатке, над которой развивалась большая, желтая, шелковая дивизионная хоругвь со знаками Чингис-хана,[2102] открыли по палатке огонь из револьверов и бросили две гранаты. Они ошиблись: там жили вестовые. Двое из них погибли. Унгерн выскочил из своей палатки и заорал: «Вы чего тут, сволочи, делаете? Что за стрельба?» Один из заговорщиков выстрелил по нему почти в упор, но не попал. Барон все понял, вскочил на лошадь и скрылся в соседнем лесу. Лошадь была очень хорошая, подарок Семенова. Унгерн назвал ее Машкой в честь любовницы атамана.

Выстрелы всполошили весь лагерь. Вестовой Унгерна, Бурдуковский, по-видимому, был убит заговорщиками.[2103] Убили также верных барону вестового Бушмакина и ординарца Перлина. Поручено это было Рябухину, но тот испугался. Тогда экзекуцию поручили пулеметчикам с военным чиновником-

амурцем П. Федоровым. Бурдуковского зарубил Федоров, Бушмакина — Макеев. Заговорщики арестовали верного Унгерну штабс-капитана Белова, который находился в сотне, составленной из бывших красноармейцев.

Барон подъехал ночью к Монгольскому дивизиону, но русские офицеры, находившиеся при нем, знали о заговоре и открыли огонь. Тогда Унгерн ускакал назад к бригаде. Между тем, бригада уже вытягивалась в колонну, чтобы уходить на восток. Во главе шел 4-й конный полк во главе с Марковым. Внезапно из темноты раздался зычный голос Унгерна: «Марков, Бурдуковский, Очиров!» Барон поскакал вдоль колонны, ругаясь и угрожая, что в Маньчжурии они будут голодать. Он приказал поворачивать. Офицеров охватил страх. Колонна остановилась. Дмитриев начал заворачивать артиллерию. Некоторые заговорщики забились под телеги. Но Макеев, не растерявшись, выстрелил в Унгерна из нагана. Рябухин вспоминал, что наган дал осечку...[2104] Барон не обратил на это внимания и поскакал дальше, к голове колонны. Раздался залп пулеметной команды. Возможно, Унгерна легко ранили.[2105] Он бросился к сопкам. Евфаритский, Марков, Сементовский и еще 5–6 человек бросились в темноту: по Князеву — на преследование барона, а по Торновскому — спасаясь от него. Из них в бригаду вернулся один Марков; большинство остальных убили красные. Артиллерия произвела несколько выстрелов по Монгольскому дивизиону, считавшемуся опорой барона. Несколько человек погибли, остальные ускакали на 15–20 км от бивуака.

Лишь в 6 час. утра 19 августа бригада вновь двинулась на восток. Группа оставшихся старших начальников: подполковник Костромин, капитан Мысяков, ротмистр Забиякин и есаул Макеев передали командование бригадой старшему — подполковнику Островскому.

Заговорщики не смогли убить Унгерна, но их действия привели к пленению барона. А ведь многие из них в свое время получили от него чины и назначения. Впоследствии они, понимая это, старались переложить свою вину на других, доказать, что они не покушались на жизнь Унгерна, пытались списать на него все жестокости, а с себя снять ответственность. Примечательно, что по прибытии в Маньчжурию бывшие заговорщики опасались публиковать обстоятельства его пленения. Их рассказы сохранились в рукописях Рябухина, Волкова, Голубева и Торновского.

О своем пленении Унгерн на допросах показывал следующее.[2106] Он приехал к Монгольскому дивизиону и с ним пошел на запад. Проехав версты 3–4, был внезапно схвачен монголами за руки и связан. Монголы повезли его назад на восток, по старым следам. Унгерн заметил, что они взяли неверное направление, и сказал, что могут наткнуться на красных. Монголы не верили. Пройдя несколько верст, они встретили разъезд из 12 или 20 красноармейцев из отряда Щетинкина. Монголы растерялись. Унгерн пола-

гал, что они встретились с красными неожиданно, не допускал намерения сдать его красным. Последние бросились с криками: «ура» и потребовали бросить оружие. После коротких разговоров, монголы, побросав винтовки, повели к ним Унгерна. Весь отряд попал в плен. Разъезд повел пленных с каким-то обозом. Один из красных спросил Унгерна, кто он такой, и, услышав ответ, растерялся от неожиданности. Позже, на суде барон говорил, что его выдали монголы, которые изменили ему и связали дорогой, когда он уходил от своих войск.[2107]

Согласно докладу П.Е. Щетинкина,[2108] из опроса пленного — завхоза одного из полков красные узнали, что были заговор и покушение на барона. Пленный этот направлялся в бригаду Резухина, еще не зная о его убийстве. Двигаясь к указанному пленным месту, красные захватили 12 монголов, но они не сообщили ничего нового. Двигаясь далее, «захватили еще одного пленного — унтер-офицера бурята, который показал, что Унгерн связан и отправлен с его Монголдивизионом в штаб Резухинской банды, тем временем разведгруппа отряда в числе 17 человек, двигающаяся вперед, заметила беспорядочную группу конных человек до 80, которые, стоя на месте, были чем-то заняты. Разведчики лихим налетом атаковали группу и, захватив, таковых обезоружили. В числе захваченных пленных в этой группе оказался сам барон Унгерн, при подходе наших разведчиков последний, будучи связанным и узнав красных, подавал команду рассыпаться в цепь и отражать атаку, крича во весь голос: «Красные идут, в цепь!» Растерявшиеся монголы от неожиданности парализовались, что и способствовало захвату всех без потерь». Тут подоспел и Щетинкин. К.А. Нейман подчеркивал, что в плен барона взял не Щетинкин, а основная группа: разведчики 104-й бригады и 35-й кавдивизии, которая шла за Унгерном и нагнала его, когда он уже был связан своими бойцами.[2109] Некий югослав вспоминал как партизан из этой группы, что он прискакал на зов монгола, который вел лошадь со связанным Унгерном, а тот закричал, что расстреляет его.[2110] А.Н. Кислов писал, что монголы везли связанного Унгерна к белогвардейцам для расправы.[2111]

Бишерельту-гун Сундуй вспоминал, что после бунта он хотел уходить на юго-запад к Хатан-батору Максаржаву, но по дороге встретил Унгерна.[2112] Попросив у него закурить, свалил его с лошади и с помощью других монголов связал. Потом Сундуй послал эвенка Гомбожава к красным, те подъехали и мирно всех взяли. Бывшие солдаты Сундуя подтверждали, что тот собирался передать Унгерна красным.[2113] Но они говорили и то, что Резухина убили монголы, что один из них уже давно предлагал Сундую арестовать барона, а другой, увидев добровольную передачу Унгерна красным, решил, что это красные арестовывают монголов...

Это согласуется с воспоминаниями члена временного народного правительства Монголии Н. Билэгсайхана в Алтан-Булаке, который посетил в Кях-

Н. Билэгсайхан (Сэлэнгэ аймгийн музей).

те арестованных Унгерна и Сундуйгуна.[2114] Те, кто хорошо знал Сундуя, вели с Макстенеком переговоры по телефону о том, когда гуна можно будет передать монголам как подданного Монголии, согласовать сроки выдворения. Макстенек отвечал, что тот воевал на стороне Унгерна, а как вы его встретите — ваше дело. Монголам он запретил говорить с бароном. Когда Билэгсайхан говорил с Сундуем, Унгерн ходил туда-сюда со сложенными на груди руками, внимательно слушал их разговор, смотрел на них холодным взглядом. В биографии Сундуя говорится, что тот содержался как свидетель при допросе Унгерна.[2115] Тогда почему их содержали в одном помещении?

Сундуй озвучил изложенную выше версию лишь с небольшим отличием: когда монголы схватили и связали веревкой барона, то послали бурята к красным; долго ждали, бурят не возвращался, а они очень боялись Унгерна; поэтому решили отдать красным сами. Сундую помогли схватить барона Шар Дэндэв и Намжил из хошуна Бишерельту-гуна.[2116] Версию о передаче Унгерна Щетинкину озвучивали также некоторые красные и белые.[2117]

Версия Сундуя озвучена в его изданной биографии.[2118] На его родине, в сомоне Хишиг-Ундур Булганского аймака, есть школа, в ней — стенд в честь известного земляка. Дашцэвэг, директор этой школы, собирающий материалы по Сундую, рассказал мне следующее. По воспоминаниям очевидцев, после взятия Нийслэл-хурэ Унгерном Сундуй получил указ Богдо-хана, на основании которого возглавил монгольский отряд в войске барона и участвовал в боях в местностях, прилежащих к Троицкосавску. Когда белых разбили красные, он отошел в Монголию. Тогда же пришло письмо Сухэ-батора, что надо бы поймать Унгерна.[2119] То, что напечатано в воспоминаниях Сундуя — будто он давно имел план поймать барона, а потом сдал его красным —

неправда. В действительности, красные захватили Сундуя вместе с Унгерном и отправили в Кяхту. Когда их держали в Кяхте, пришли Бямба и еще кто-то. Они освободили Сундуя.

В 1967 г. появилось интервью Б.Н. Алтайского, который под именем фон Зоммера проник к унгерновцам, чтобы создать вокруг барона более плотное чекистское окружение. Он говорил, что во время отступления Унгерна убедили перейти в хвост колонны белых, а действия партизан Щетинкина скоординировали так, чтобы они в нужный момент вышли к нужному повороту дороги. Это удалось. Всю операцию разработал и курировал Павлуновский.[2120] Об этой версии в разных вариантах сообщалось и позже: вместе с Алтайским в окружение Унгерна был внедрен чекист Н.В. Волохов, в его отряд — агенты под видом даурских казаков.[2121] Мятеж был спровоцирован агентами ЧК.[2122] Согласно другому варианту, еще в декабре 1920 г. Павлуновский тайно вызвал в Омск из Иркутска и Верхнеудинска, из Абакана и Минусинска большую группу бурятских и хакасских чекистов, бывших партизан. Их тщательно готовили к проникновению в дивизию Унгерна, знакомили с характеристиками его ближайших помощников. Под видом богатых скотоводов-монголов они должны были поступить к нему добровольцами.[2123]

В мемуарах белых, ушедших в Маньчжурию, этот эпизод излагается иначе, причем в нескольких вариантах.[2124] Они основаны на рассказе хорунжего Шеломенцева (один вариант — вместе с неким «С.»), инструктора в монгольском дивизионе.[2125] Утром 19 августа Унгерн прискакал на Машке к отряду Сундуй-гуна, виртуозно ругал заговорщиков. Попросил Шеломенцева и других инструкторов приготовить монголам еду. Стал угощать монголов, предлагал уйти в Тибет. С оставленного бивуака подобрали вещи. К вечеру предложил русским уходить в Маньчжурию самостоятельно или с ушедшей бригадой. Шеломенцев и еще несколько ушли. По Князеву, с бароном остались прапорщик Попов и прапорщик Шишилихин, последний в качестве переводчика, да еще 18 урядников и вахмистров-русских и бурят, а также три ординарца штаба дивизии.

Через два дня Шеломенцева догнали три офицера и три казака и рассказали следующее. 21 августа к Унгерну подъехал Сундуй, попросил спичку, тогда монголы его повалили, связали, положили в палатку, укрыли халатом. Потом стали истреблять русских офицеров. Трое с вестовыми выжили, так как сразу сбежали в кусты. Потом все монголы быстро скрылись. В более поздней версии говорилось, что барон лег вздремнуть в палатку, и монголы его связали сонным.

По другому варианту, Унгерн, приехав в дивизион, приказал Сундую арестовать находившихся там русских офицеров и расстрелять их. Но тот вместо ареста дал им возможность бежать к бригаде. Он заверил их, что, если пуля не берет завороженного Унгерна, то он прикажет своим монголам свя-

зать его сонным и оставить на месте. В изложении Макеева, монголы обстреляли приближающегося Унгерна, но не попали, затем дали ему водки, связали и оставили в палатке. По-видимому, это более ранняя версия: похожие сведения первым дал Волков со ссылкой на монголов.[2126] По Волкову, монголы обстреляли подъехавшего барона, но не смогли ранить. После этого Унгерн, взяв один монгольский эскадрон, стал преследовать ушедшую бригаду, но по дороге был связан монголами и выдан красным. Это же писал и Першин.[2127]

Как отмечалось выше, в дивизионе Сундуя могли быть чахары. Это племя частично китаизировано, как и другие внутренние монголы. Возможно, у Сундуя служили и китайцы. Этим можно объяснить сведения от белых и японцев, что Унгерна арестовали китайцы. Нельзя исключать и наличия китайцев среди красных партизан в отряде Щетинкина. Во всяком случае, в мае 1920 г. собрание китайских рабочих Верхнеудинска создало коммунистическую ячейку: «Китайский рабочий и крестьянин в союзе с рабочими и крестьянами русскими положит конец разгулу семеновских банд».[2128]

Итак, версии заинтересованных лиц: Шеломенцева и Сундуя отличаются от версий незаинтересованных лиц: Унгерна и красных. Белые, которые в мемуарах приводили слова Шеломенцева и С., были связаны с заговором и нуждались в оправдании перед эмигрантами. Сундуй нуждался в оправдании перед красными.

На основании изложенного, обстоятельства пленения Унгерна можно реконструировать так. Утром 19 августа барон подъехал к Монгольскому дивизиону во второй раз (в первый раз, ночью, он был обстрелян русскими инструкторами). Монголы понимали, что барон проиграл борьбу. Они могли знать указ народного правительства в Нийслэл-хурэ. В нем говорилось, что министерству внутренних дел поручается отделить монголов от Унгерна и принять в свое ведение, а на местах надо уничтожать остатки «белых банд».[2129] Видя успех переворота в бригаде, монголы больше не собирались подчиняться ни барону, ни русским инструкторам.

Унгерн об этом не знал, но знал о сочувствии русских инструкторов заговорщикам. Поэтому он приказал монголам арестовать и расстрелять инструкторов. Чтобы склонить монголов на свою сторону, Унгерн организовал угощение, возможно, с выпивкой. На месте брошенного при бунте бивуака стали собирать вещи. Барону казалось, что он смог договориться с монголами об уходе на запад. Они находились в хошуне Хатан-батора Максаржава. Унгерн знал о его измене, но, по-видимому, не терял надежды на его честность — ведь он освободил Максаржава из китайской тюрьмы. В записке, посланной ранее Резухину, он сообщал об установлении связи с Батор-ваном.[2130] Сюжет советского фильма «Исход», будто Унгерн приказал убить Хатан-батора Максаржава еще до похода на Сибирь — вымысел.

Сундуй не желал лишних эксцессов. Он помог русским инструкторам бежать (хотя, возможно, не всем). Возможно, он даже договорился с ними, что арестует барона и привезет белым. Ведь в Монголии многие могли не одобрить убийства, да и пули Унгерна не берут... Возможно, предоставив белым самим разбираться со своим начальником, князь собирался присоединиться к Максаржаву. Он хотел выйти из опасного переплета с наименьшим риском.

Утром 20 августа Унгерн с Монгольским дивизионом двинулся на запад. Проехав 3–4 км, Сундуй попросил у него спички, чтобы прикурить, а когда барон полез за пазуху, обхватил его руками и свалил с лошади. Князь и двое его солдат — Шар Дэндэв и Намжил (или Дэмид и Лувсан-Очир) навалились и связали Унгерна сыромятным ремнем. Они посадили его на лошадь и повезли обратно на восток — видимо, чтобы отдать уходящим в Маньчжурию белым.[2131] Барон не знал, к кому его везут. Он сказал монголам, что на восток идти нельзя: там можно напороться на красных. Действительно, те были близко. Не исключено, что агенты ЧК, внедренные в дивизию, вели за ней отряд Щетинкина. Но бунт произошел, по-видимому, независимо от них и должен был смешать им карты.

Монгольский отряд остановился. Возможно, монголы выслали на разведку унтер-офицера — эвенка или бурята (того самого Гомбожава?). К этому времени красные из отряда Щетинкина узнали от пленного, что были бунт и покушение на Унгерна. Они направили разведгруппу в район бывшего бивуака. Поскольку монголы со связанным бароном незадолго до этого повернули назад — на восток, то указанная разведгруппа наткнулась на высланного монголами унтер-офицера и взяла его в плен. Тот рассказал, что Унгерн неподалеку и связан. Красные вышли туда и бросились на монголов. Увидев красных, связанный Унгерн дал монголам команду рассыпаться в цепь и отражать атаку. Но те растерялись, побросали оружие, и пошли сдаваться, ведя связанного Унгерна на лошади. Это произошло в местности Гангын-узуур, находящейся в устье р. Джаргалантын-гол при истоке р. Дзулулэгтийн-гол, в 16 км с-з-з сомона Тарялан Хубсугульского аймака.[2132]

Красные захватили Унгерна, 90 монголов во главе с Сундуем, три знамени и одного священника.[2133] По-видимому, это был тот самый отец Николай, которого Унгерн удалил из дивизии, будучи недоволен его борьбой со сквернословием.[2134] Выходит, Князев неправ: священник все-таки остался при дивизии.

Пленных повели с обозом, Унгерна посадили в крытую повозку. По воспоминаниям Джамбала, это была одна из двух монгольских повозок, крытых, как квадратный дом.[2135] Он встретил эти повозки, когда вез муку в Кяхту. Связанный барон сидел в повозке. Он намеревался отравиться ядом, который всегда носил при себе. Но подвел денщик: накануне он пришивал пуговицу к халату Унгерна и, видимо, выронил яд. Но есть предположение, что яд про-

пал не случайно...[2136] Один из красноармейцев подъехал к барону и спросил: «Кто ты такой?» Тот ответил: «Я генерал-лейтенант барон Унгерн-Штернберг».[2137]

Когда Унгерна везли связанным, он узнал об убийстве Резухина.[2138] Возможно, он видел труп своего друга — ведь незадолго до этого красные вырыли «слегка зарытый» труп для опознания. По крайней мере, дорога должна была вести через бывший лагерь Резухина...

Бригады Азиатской дивизии уходили в Маньчжурию разными путями. Одну вел Островский, другую — Торновский. Опросив пленного Унгерна, Щетинкин пошел на преследование бригады, которую вел Торновский. Пройдя около 32 км, утром 20 августа он застал ее на правом берегу Селенги.[2139] Щетинкин выслал сводный эскадрон, белые подпустили его на 50 шагов. Щетинкин полагал, что этот эскадрон они приняли за своих, конвоирующих Унгерна. Белые узнали противника лишь после того, как тот выкинул красный флаг. Они сразу ответили сильным пулеметным огнем. Красные отступили назад на Эгийн-гол. После этого они направились в Забайкалье. 24 августа Щетинкин сдал командование отрядом и через день отбыл в Троицкосавск в распоряжение командира Экспедиционного корпуса.

Между тем, бывшая бригада Резухина деморализовалась, стала грабить по дороге монгольские юрты. Во время переправы через Селенгу 20 августа на бригаду напали красные монголы, к ним присоединился монгольский дивизион 2-го полка. Командовал ими Дугаржав-мэйрэн. Монголы были отбиты, но при переправе утонуло 40–50 русских и китайцев.[2140] Во время этой переправы бежал Безродный. Он, оказывается, был арестован Хоботовым и передан в 5-ю сотню 1-го полка, которой командовал сотник Немцев. По слухам, Безродный добрался до Троицкосавска, вымаливал прощение у Щетинкина, но был расстрелян.

Чтобы отдохнуть, пополнить запасы продовольствия и поменять коней, бригада остановилась на Орхоне у «монастыря бога Солнца». Здесь бежала одна из сотен Китайского дивизиона, зверски убив находившихся при ней русских инструкторов (2 офицера и 4 урядника). В дивизионе насчитывалось до 240 человек, инструкторов — 4 офицера и 12 урядников. Бунт объяснялся двухмесячной невыплатой жалованья. Оставшихся китайцев отпустили, отобрав у них коней, амуницию и оружие, а их командир, майор Ли, изъявил желание продолжать путь вместе с русскими. Белые двинулись дальше на восток.

Торновский решил обойти Нийслэл-хурэ с севера. Бригада пересекла Троицкосавский тракт, не замеченная красными. По словам Торновского, здесь есаул Нечаев и его дивизион кударинцев просили отпустить их партизанить в район Кудары. После этого Нечаев с год партизанил в верховьях рек Иро и Чикой, затем перешел на подпольное положение. Затем он проживал в

с. Старые Ключи по подложным документам на имя Соболева, сделанным в Чикойском аймачном управлении.[2141] В начале марта 1922 г. Нечаев был арестован и расстрелян по приговору ревтрибунала.

Ушел также Янков. По Торновскому, с ним было лишь двое вестовых. По другим данным, «человек двести забайкальских казаков с войсковым старшиной Янковым остались в Монголии, не пожелав идти в Манчжурию, а решили постепенно рассосаться по своим станицам».[2142] Возможно, эти белые выбирались на советскую территорию через Онон.[2143] Их преследовали красные монголы и калмыки. Они перешли на территорию ДВР и входили в села, чтобы выявить белых.[2144]

У п. Мандал бригаду Торновского обстрелял небольшой отряд красных (около 200 человек). Белые сбили их с позиции на сопке шрапнельным огнем из двух пушек, бригада прошла без потерь. Затем она двинулась в верховья Керулена, примерно туда, где унгерновцы стояли перед штурмом Нийслэл-хурэ. Подойдя к горам, белые бросили пушки, так как тащить их в горы не было смысла.

Восточнее р. Тэрэлджийн-гол, около верховий Керулена, путь белым перекрыли 7-й полк 1-й Троицкосавской кавбригады, подошедший из Мензы, и войска Сухэ-батора, общей численностью до 400–450 бойцов, при 6 пулеметах. Эта местность называется Дзун-Бурхын Хусан-цохио («Березовая скала Восточного Бурха»). Она находится в верховьях Керулена, в современном сомоне Мунгун-Морьт Центрального аймака. В 1970–80-х гг. там поставили обелиск с надписью в память «разгрома белых» солдатами Сухэ-батора.[2145]

Красные занимали юго-восточные склоны дефиле. Парыгин повел наступление тремя спешенными сотнями, пулеметная команда подъесаула Иванова открыла огонь из 3–4 пулеметов. По Торновскому, белые понесли незначительные потери (двое убитых и двое тяжело раненых). По данным красных, 29 августа был окружен отряд Хоботова, в плен попали 10 офицеров и 50 солдат, остальные 100 разбежались.[2146]

Этот бой произошел 28 или 29 августа. Формально его вел уже не Экспедиционный корпус, а красные монголы. За три дня до этого, 25 августа, К. Грюнштейн, М. Матиясевич, Д. Косич и А. Любимов в приказе поздравили войска с победой, приказали прекратить преследование противника и отозвать все действующие части корпуса на зимнее расквартирование в районе Троицкосавска и Джидинской долины. В Нийслэл-хурэ надлежало оставить одну бригаду, а в ставке Дайчин-вана — один полк, обязанный наблюдать также Прихубсугульское и Улангомское направления.[2147] Вместе с тем, Шумяцкий и народное правительство Монголии настаивали на том, чтобы оставить лишь по одному полку в Нийслэл-хурэ и Хатхыле — «по политическим, продовольственным и квартирным соображениям»[2148].

Во время боя Торновский выяснил: чтобы сбить красных, нужен большой обход, а день уже клонился к закату, за ночь к ним могли подойти подкрепления. Под вечер к бригаде белых пришел местный лама и предложил вывести ее в долину Керулена другой дорогой, где не было красных. Хоботов с трудом выстроил бригаду в узком месте, арьергард прикрывал отход. Двое суток шла бригада по плато Хэнтэя, откуда берут начало Керулен, Тола и другие реки. Лама вывел бригаду через верховья Керулена к монастырю Лансар-Ганджур. Он получил коня, 10–15 фунтов билонного серебра и ушел. Бригада продолжила движение в сторону Буир-нура.

12 сентября Торновский со штабом и конвоем отделился от бригады, и 16 сентября был в 20–25 км от Хайлара, на берегу р. Именца-хэ. Оттуда он с Кастериным поехал в Хайлар, где начал переговоры с Чжан Куйу об интернировании унгерновцев. Переговоры заняли немного времени. 18 сентября Торновский отправил двух урядников навстречу Парыгину и Хоботову, уведомляя их об условиях интернирования, но оба урядника исчезли бесследно. Потом оказалось, что они не нашли бригады на намеченном пути, а обнаружили ее только на берегах Далай-нора: Парыгин и Хоботов, не дойдя до южной оконечности Буир-нура, пошли к Далай-нору.

Блохин сообщает то, чего нет в мемуарах Торновского.[2149] На Далай-норе белых атаковали чахары численностью 150 человек, среди которых было несколько советских специалистов. По словам Блохина, на этом злоключения не кончились. Вскоре после этого Торновский (по его собственным мемуарам, к тому времени уже уехавший в Хайлар) грубо обошелся с князем солонов,[2150] требуя показать дорогу. В результате на бригаду напал большой солонский отряд; в бегстве якобы погибли почти все белые. Это явное преувеличение, хотя такие стычки и могли быть.

18 сентября Торновский попросил Кастерина раздать все оставшиеся деньги конвойцам.[2151] Торновский и Кастерин подписали соглашение с Чжан Куйу о сдаче оружия, амуниции и коней за деньги и документы на право пребывания в Маньчжурии. 19 сентября Торновский уехал из Хайлара в Харбин. Согласно его мемуарам, в Хайлар сдавать оружие с Парыгиным и Хоботовым пришло не больше 550 человек.[2152] Договоренности с китайцами были выполнены.

Бригада Островского 19 августа пошла к переправе на Селенге. На нее наседали партизаны Щетинкина. 20 августа утром арьергард под командованием есаула Забиякина заманил их в узкое ущелье и нанес сильное поражение. Бригада переправилась через Селенгу и двое суток отдыхала. Оттуда белые пошли на восток, обходя Нийслэл-хурэ с юга. Бригада деморализовалась. Началось мародерство. Чтобы его прекратить, пришлось восстановить телесные наказания.[2153] Много казаков бежало на советскую территорию. Были даже случаи использования фальшивых красноармейских документов.[2154] Из

бригады ушли буряты есаула Очирова и Галданова — 300 человек. После этого в бригаде Островского осталось около 600 человек. Имелось, по разным данным, 6 орудий и 16 пулеметов или 5 орудий и 21 пулемет.[2155]

От Хара-Толгой бригада пошла на север к Керулену, поскольку южнее были трудности с водой. По дороге произошло два боя с красными монголами: на трассе Нийслэл-хурэ — Калган и не доходя гор Батухан. В одном из них белые захватили и уничтожили несколько орудий, в другом захватили табун коней.

27–28 сентября бригада Островского в составе 500 всадников при 2 орудиях, 6–7 пулеметах, с табуном коней и обозом остановилась на берегах Буирнура. В Хайлар для переговоров с Чжан Куйу о пропуске в Приморье отправился А.С. Макеев.[2156] Переговоры были долгими, но успешными. Остатки обеих бригад встретились. Начались рассказы и застолья, перешедшие в безудержные пьянство и разгул. Случались взаимные обвинения, пьяные драки.

Вместо денег за пушки и пулеметы Чжан Куйу выделил специальный поезд для переправки бывшей бригады Островского на Дальний Восток. 8 октября поезд отбыл из Хайлара. Он двигался по особому графику. По всему пути следования для унгерновцев были организованы питательные пункты.[2157] На ст. Старый Харбин унгерновцы выпили водки. Китайские солдаты попробовали окружить эшелон, но безоружные унгерновцы бросились на них, отобрали винтовки и обратили в бегство. Лишь прибытие офицеров, проводивших время в харбинских ресторанах, позволило уладить конфликт. Наконец, эшелон прибыл на ст. Пограничная в Приморье.

Итак, несмотря на усилия красных, обе унгерновские бригады не были разгромлены и смогли выйти из Монголии. А ведь большевики и МНП координировали свои действия. 27 августа народное правительство Монголии даже издало специальное послание о координации действий, в том числе с Красной армией, по борьбе с унгерновцами.[2158] Тем не менее, монголы по тайному приказу Богдо-гэгэна снабжали отступающих унгерновцев продовольствием и лошадьми, своевременно сообщали о движении крупных отрядов красных, а последних вводили в заблуждение о перемещении белых отрядов.[2159] Очевидно, это и было главной причиной удачного выхода обеих бригад из Монголии.

В Гродеково, где был ближайший штаб белых, направилась делегация от унгерновцев, приехавших на ст. Пограничная. Старший начальник в Гродеково, генерал Сибирского казачьего войска Ф.Л. Глебов, пообещал, что унгерновцы останутся самостоятельной частью, и будут именоваться Азиатской конной дивизией генерал-лейтенанта барона Унгерн-Штернберга. Здесь же делегация узнала, что атаман Семенов не у дел, а его части обезоружены. На Пограничную Глебов командировал генерал-майора А.А. Немысского для приема унгерновцев. Пока делегация была в Гродеково, унгерновские офице-

ры устроили в честь сопровождавших их китайских офицеров Чжан Куйу банкет. Вместе с довольствием он обошелся Немысскому примерно в 750 золотых рублей. Немысский привез всех унгерновцев в Гродеково, где Глебов разбил их по 20–30 человек и разослал по своим частям. Старшие начальники Азиатской дивизии — Костромин, Островский и еще несколько человек остались в полосе отчуждения КВЖД.[2160] В Приморье не оказалось людей, которые могли бы постоять за сохранение единства дивизии.

Из 49 японских подданных, служивших у барона, 22 человека (20 японцев и 2 корейца) пришли в Хайлар в составе бригады Островского. По дороге на Буир-нуре и р. Халхин-гол, они отразили нападения каких-то бандитов — по их словам, шайки китайских солдат, выгнанных из Нийслэл-хурэ, и людей из армии Семенова. Выйдя в Хайлар, японцы разоружились, и на поезде были отправлены в Цицикар.[2161] Там в японском консульстве их переписали, организовали в их честь прием, а затем допросили. Эти материалы позволили установить роль японцев в унгерновском войске.

Азиатская конная дивизия прекратила свое существование. Большинство из тех, кто ушел из Монголии, рассеялись в Маньчжурии и Китае. После взятия Приморья красными в Маньчжурии оказались остатки тех, кто прибыл в Гродеково. После занятия Маньчжурии Красной армией в 1945 г. некоторые бывшие унгерновцы, вероятно, были арестованы, многие эмигрировали в Австралию, США, страны Южной Америки. Но не все белые ушли из Монголии летом 1921 г. Многие продолжили борьбу (см. главу 10).

***

Таким образом, поход Унгерна на Сибирь не был частью крупномасштабного плана наступления белых Восточной окраины России. Белые лидеры и их союзники следовали не единому плану, а собственным целям, поддерживая друг друга по необходимости. Но декларации о том, что такой план есть, были полезны и белым, и красным. Первые старались под этим лозунгом объединить сторонников (например, Унгерн) или утвердить свое лидерство в Белом движении на востоке (Семенов). Вторые подчеркивали, что борются с интервенцией и сильным врагом (Ярославский, Катерухин и др.). Унгерн хотел использовать действия других белых отрядов и Японии против ДВР в собственных целях: свержение в Сибири советской власти было частью его монархического плана. Однако координация Азиатской дивизии с белыми отрядами Дальнего Востока почти отсутствовала. Не имея налаженной связи и разведки, Унгерн не знал ни подлинных планов других белых и Японии, ни реального положения в Сибири. Он думал, что население его поддержит и восстанет, поэтому численность дивизии не имеет значения.

Кроме того, ресурсы Монголии не позволяли обеспечить долгое содержание Азиатской дивизии, отношение населения к белым ухудшалось (хотя реквизиции проводились законно — с санкции правительства), войска от долгого стояния начали деморализоваться, вливание разнородных элементов расшатывало монолитность, красные монголы усиливались. Унгерн ошибся в своих планах, и это стало причиной его поражения.

Тем не менее, несмотря на подавляющее превосходство красных, Азиатская дивизия смогла провести ряд успешных операций против них при сравнительно небольших потерях. В этом проявился полководческий и партизанский талант Унгерна, мастерство его всадников и офицеров. Заговор офицерской верхушки привел к пленению барона красными. Обе бригады его дивизии смогли организованно уйти в Маньчжурию, избежав разгрома. Очевидно, главной причиной этого была помощь, которую оказывали им монголы по тайному приказу Богдо-гэгэна VIII.

Поход Унгерна на Сибирь дал Красной армии и НРА ДВР основание для вторжения в Монголию. Под предлогом этого советское руководство экспортировало туда революцию: внутренних предпосылок для нее в Монголии не было. В результате революции была установлена власть временного народного правительства. Войну между красными и белыми, в том числе Азиатской дивизией, находившейся в Монголии с санкции легитимного руководства и возглавлявшейся Унгерном — монгольским подданным, равно как и последующие восстания следует считать гражданской войной в Монголии.

ГЛАВА 9

Следствие, суд и расстрел

После короткого допроса Унгерна Щетинкин продолжил преследование белых. Пленного барона повезли на повозке к границе через Модонкуль, затем по долине Джиды в штаб корпуса. Сопровождал его конвой под командованием комбата 310-го полка М. Перцева. При переправе через Селенгу в районе Усть-Кяхты баркас не мог пристать к берегу вплотную, нужно было шагнуть в воду. Опасаясь, что барон бросится в реку, Перцев перенес его на своей спине, но сказал: «В последний раз, барон, сидишь ты на рабочей шее!» На что тот ответил: «Прошу не издеваться, а то сию минуту брошусь в воду».[2162]

24 августа Унгерна доставили в Троицкосавск. Здесь его вместе с Сундуй-гуном содержали в гараже с большими воротами. Внутри стояли две солдатские кровати.[2163] «На первом допросе в штабе корпуса Унгерн отказался отвечать, никаких письменных показаний не давал. Однако на другой день заявил, что может говорить откровенно, так как подчиненные ему изменили».[2164] На допросе Унгерна спросили, зачем он назвал себя. Он ответил, что все равно узнали бы по погонам, а кроме того — судьба.[2165] По дороге Унгерн дважды пытался покончить с собой, но безуспешно; хотел повеситься на поводе, но тот оказался слишком широким.[2166]

Допрашивали и Бишерельту-гуна Сундуя. На допросе он выступил с обличениями, чтобы побыстрее освободиться. Кроме того, он помнил, что Унгерн в свое время бил его ташуром. Хлопотами знакомых монголов Сундуя выпустили (см. главу 8). Через кяхтинский Маймачен он вернулся в Нийслэлхурэ. Там Сундуй-гун встретился с Сухэ-батором и Чойбалсаном.[2167] Арест Унгерна ему поставили в большую заслугу. Дальнейшая судьба Бишерельту-гуна примечательна. С 1921 г. Сундуй работал в министерствах обороны и иностранных дел писарем, в 1923 г. входил в следственную комиссию по таможенным делам,[2168] в 1924 г. отказался от феодальных привилегий, с июня 1925 г. работал писарем в министерстве внутренних дел, с июля — уже дознавателем в том же министерстве, с января 1926 по ноябрь 1927 г. — помощником чиновника, поскольку должность дознавателя упразднили.[2169] Потом

до 1929 г. он работал помощником чиновника во всемонгольской торгово-промышленной палате. Активно участвовал в работе партийных и общественных организаций. В своем хошуне он был одним из инициаторов создания партячеек: 17 человек вступило в МНП. 11 июня 1924 г. подал заявление в МНП, в 1925 г. стал членом партии и был им до 1929 г., активно участвуя в партийной работе. Но с 1929 г. началась политика против бывших лам, аристократов и чиновников. Поэтому ревизионная комиссия сделала вывод, что он не подходит по классовому происхождению, хотя и поддерживает МНП. Сундуя выгнали из партии, освободили от всех должностей, лишили скота и имущества. Он вернулся в свой хошун и стал вести жизнь простого арата. До времени больших репрессий Сундуй не дожил. В сентябре 1937 г. он ехал пьяным с большой попойки, в местности Тахилтын-Бор-толгой среди кочек травы дэрисуна упал с лошади и сломал ногу, оправиться не смог и вскоре умер в возрасте 41 года.[2170]

Остальных пленных монголов и священника красные доставили из Троицкосавска на Селенгу, а оттуда — пароходом в Верхнеудинск. Туда они прибыли 27 августа.[2171] Унгерна привезли в Верхнеудинск несколько позже. К нему был приставлен конвой, сопровождал лично Б.З. Шумяцкий.[2172] При перевозке на пароходе были предприняты беспрецедентные меры безопасности, а команде и конвою предписывалось не допускать в его присутствии колкостей и грубостей.[2173] «При доставке почтенной компании в Верхнеудинск собравшееся население города угрожало барону самосудом, и его пришлось препроводить на пароходе в Татаурово для безопасности высадки».[2174] Говорят, в Верхнеудинске Унгерна возили на роскошной частной машине «Пульман».[2175]

Далее его повезли в Иркутск в арестантском вагоне под конвоем трех коммунистов.[2176] В Иркутске барон содержался в подвале здания штаба 5-й армии.[2177] Рассказывали, что в Иркутске большевики возили его на автомобиле, показывали работу присутственных мест и т.п.[2178] 10 сентября из Иркутска Унгерна повезли в Новониколаевск (сейчас Новосибирск). Помимо арестантского вагона, в бронепоезде было две площадки и несколько классных вагонов. Сопровождавшие Унгерна красноармейцы рассказывали, что держал он себя просто, охотно разговаривал, если к нему обращались «Роман Федорович», но на «товарищ» не отвечал. Дорогой ел сырое мясо и болтушку из муки и воды. При перевозке были приняты особые меры предосторожности. Барона сопровождал врач, который первый пробовал еду. В поезде находился батальон особого назначения, имевший 16 пулеметов. На станции Новониколаевск выставляли оцепление, к арестантскому вагону никого не пускали.[2179]

В день доставки Унгерна в Троицкосавск, 24 августа, Б.З. Шумяцкий отправил телеграмму Чичерину с сообщением о пленении барона. В.И. Ленин

предложил политбюро ЦК РКП(б) провести суд над Унгерном с максимальной скоростью и расстрелять, если доказанность полнейшая — «в чем, по-видимому, нельзя сомневаться». Разумеется, политбюро это одобрило.[2179a]

Такие формулировки не соответствуют современным правовым нормам. Да и не только современным. 17 января 1920 г. ВЦИК и Совет народных комиссаров РСФСР приняли постановление об отмене смертной казни в отношении врагов советской власти. Так что Ленин просто не хотел, чтобы «публичный суд» воспользовался этим постановлением и оставил Унгерна в живых.[2180] Еще в 1918 г. Ленин предписал нарушать законы для политической целесообразности: «Ссылаются на декреты, отменяющие смертную казнь. Но плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона».[2181]

Кроме того, советское законодательство в то время еще не существовало. Поэтому при вынесении приговоров судьи руководствовались не законами, а социалистическим правосознанием. Так что у П.Н. Милюкова — отнюдь не единомышленника Унгерна — были все основания в своей газете поставить в кавычки слово «суд».[2182]

27 августа, 29 августа, 1, 2 и 7 сентября состоялись допросы.[2183] Барон заявил, что войско ему изменило, дело проиграно, и он будет отвечать на вопросы откровенно. Сопоставление допросов с другими материалами показывает, что это соответствует действительности. Более того, создается впечатление, что Унгерн хотел взять на себя вину подчиненных — возможно, на случай их пленения красными. Заключение по делу Унгерна, подписанное представителем ВЧК по Сибири Павлуновским, было опубликовано в газете «Советская Сибирь» 13 сентября. Затем эта газета до 20 сентября публиковала материалы показательного процесса.[2184]

И.П. Павлуновский.

Сначала судить Унгерна хотели в Москве. Но затем сибирские власти смогли убедить Центр, что в Сибири суд обеспечит более широкий общественный резонанс, так как барон известен там гораздо лучше, чем в Москве. С Унгерном сражались партизаны и Сибирская армия, он является притяга-

тельным центром Белого движения именно там, и именно там его знают широкие слои населения, в отличие от Москвы.[2185] Логично было проводить процесс в городах, близких к фронту борьбы с Унгерном: Верхнеудинске, Чите или Иркутске. Но в июне 1921 г. Сибревком переехал из Омска в Новониколаевск (по инициативе его председателя И.Н. Смирнова), летом того же года сибирское полпредство ВЧК тоже переехало из Омска в Новониколаевск. Смирнов, которого называли «сибирским Лениным», и главный сибирский чекист Павлуновский не могли упустить уникальной возможности. Суд был назначен в Новониколаевске. Здесь Унгерна содержали в отдельном доме. Судебное заседание, во исполнение «высочайшего» указания о «максимальной скорости», предполагалось только одно, без опроса свидетелей, но, разумеется, с максимальной оглаской.

По большинству сообщений, с Унгерном обращались подчеркнуто вежливо. Это было важно для организации показательного судебного процесса. Руководители РКП(б) понимали, что суд будет иметь большое политическое значение.[2186] Правда, кто-то говорил, что барона напоказ возили в цепях, посадив в клетку на железнодорожной платформе,[2187] или в Иркутске возили в клетке на телеге.[2188] Это маловероятно. Возможно, эти рассказы навеяны карикатурой в газете «Дальневосточный телеграф» подписанной «Из Урги в Н.-Николаевск».[2189] Там Унгерн нарисован в клетке с колесами.

16 сентября Сиббюро ЦК РКП(б) на закрытом заседании утвердило состав трибунала. В него включили Опарина, Гуляева, Кудрявцева Ивана, Кравченко или некоего Грамова (в зависимости от того, кто будет в наличии). Фамилию железнодорожного рабочего, которого туда было решено ввести, поручили узнать секретарю Сиббюро Ходоровскому, а защитником назначили Александровского. Опарину, Павлуновскому, Давыдову и Ярославскому поручили разработать план суда и представить на утверждение к следующему заседанию[2190]. Состав этого чрезвычайного революционного трибунала согласовали с Москвой. В итоге в него вошли: председатель Сибирского отдела Верховного трибунала при ВЦИК РСФСР В.Е. Опарин (председатель), Габишев (по-видимому, тот самый железнодорожный рабочий), некто Гуляев, партизанский вожак и создатель таежных «республик» А. Кравченко, а также член сиббюро горняков И. Кудрявцев. Защитником стал бывший присяжный поверенный Боголюбов (им заменили Александровского), общественным обвинителем — секретарь ЦК РКП(б) Емельян Михайлович Ярославский (Миней Израилевич Губельман).

Особенно колоритна фигура обвинителя. Ярославский — известный коммунистический функционер, один из организаторов разгрома религий в СССР, академик АН СССР с образованием городского училища, составлявший списки запрещенных книг (Платона, Достоевского и др.), музыкальных произведений (Чайковского, Моцарта и др.). Известен своим подхалимажем

перед И.В. Сталиным. В феврале-марте 1921 г., под псевдонимом «Александр Ярославский», он печатал стишки в газете «Прибайкалье», в которых обличение «палачей» совмещалось с антихристианской пропагандой. Там же он издал статью, где обсуждал опасность для ДВР действий Унгерна, который якобы «спекулирует на дикарском национализме монгол» и «поддерживается Японией».[2191] Незадолго до того переведенный в Москву из Омска, Ярославский был прислан в Новониколаевск в порядке компромисса между провинцией и центром, для придания суду солидности.[2192]

Суд открылся 15 сентября в театре (клубе) «Сосновка» в парке, который народ называл тоже «Сосновкой» (хотя при создании его назвали «Александровский»). Позже, во время Великой Отечественной войны, парк вырубили. Из деревьев построили бараки для рабочих и временные цеха. Сейчас на месте клуба «Сосновка» — химзавод. Место, где были раньше тот парк и клуб, расположено рядом с берегом р. Обь, между ул. Фабричная и железной дорогой.

Именные билеты на суд над Унгерном распространяли заранее, бесплатно, по организациям, предприятиям и воинским частям. Вход был по удостоверениям. Однако по подложным документам в зал проникли и белые, в частности, корейцы, служившие у барона еще в Даурии.[2193]

Сохранилось описание суда над Унгерном.[2194] Узкое и длинное помещение «Сосновки» было до краев забито зрителями — собрались тысячи людей. Они толпились в проходах, ложах и за ложами, было душно и тесно. Часть толпы осталась за стенами. В зале преобладали мужчины — рабочие и красноармейцы. Слабо горели немногочисленные электрические лампочки. Вокруг сцены сновали фотографы. Одна из его фотографий суда (с выступлением Ярославского) опубликована.[2195] За столом, покрытым красным сукном, восседал революционный трибунал, рядом стоял стол поменьше, как трибуна для выступлений. На стенах вокруг висели какие-то драпировки — по-видимому, чтобы облагородить картину. На них видны надписи «Кабинет Семакова. Без доклада не входить» и «Торфоразработок».

Вошел ревтрибунал, все встали. Председатель суда Опарин открыл заседание. Ввели подсудимого. Унгерн был одет в оранжево-желтый халат монгольского князя, в монгольские ичиги, перевязанные ремнем.[2196] На плечах — генеральские погоны с буквами «А.С.» (атаман Семенов), на левой стороне груди — орден Св. Георгия. При подсудимом была фуражка (солдатская, или сильно поврежденная офицерская), которую он носил во время похода на Сибирь. Кисти рук он время от времени засовывал в длинные рукава халата, на монгольский манер. Барон выглядел немного утомленным, но держался довольно спокойно.

Последовал допрос председателем суда и обвинителем. Как и на предыдущих допросах, Унгерн отвечал прямо, кратко и определенно, держался ров-

но и спокойно, с большим достоинством. Ряд вопросов и ответов, судя по тексту, не был опубликован в СМИ[2197] — в частности, следующие. На вопрос председателя трибунала, почему он боролся против большевиков, Унгерн отвечал, что «долг каждого порядочного офицера — освобождать Россию от безбожных угнетателей русского народа». — «Вы не признаете советское правительство?» — спросил председатель. «Я не знаю никакого советского правительства, — ответил Унгерн — Я приносил присягу верности царю, которого вы убили, и буду служить его законному наследнику».[2198]

В числе прочего, обвинитель спросил Унгерна: «Ваш родственник, кажется, проходил по делу Мясоедова?» На это барон равнодушно ответил: «Да, дальний родственник».[2199] Возможно, он имел в виду А. Мирбаха, осужденного по делу Мясоедова (см. главу 4).

Однако само дело Мясоедова было сфабриковано. Это была внутриполитическая провокация. В конце 1914 г. подпоручик Я.В. Колаковский заявил, что, после пленения в бою под Сольдау (Восточная Пруссия), он был завербован немцами, которые отправили его в Россию и советовали связаться с подполковником С.Н. Мясоедовым. Дело получило резонанс и переросло в дело военного министра В.А. Сухомлинова. Он был уволен в связи с обвинениями в измене. Об этом позаботился октябрист А.И. Гучков, который сам занял его место. Гучков был одной из ключевых фигур Февральской революции 1917 г. Несмотря на отсутствие доказательств, Мясоедов был повешен, несколько человек арестованы.[2200] Был среди них и Мирбах.

Возможно также, что свою информацию Ярославский почерпнул из томской газеты «Знамя революции», опубликовавшей в 1921 г. документ о лишении права носить мундир полковника Унгерн-Штернберга и высылки его в Томскую губернию в связи с «вредной деятельностью» на Кавказе в 1915 г.[2201] Советская газета (а вслед за ней — и либеральная харбинская) писала о том, что Р.Ф. Унгерн и есть тот самый бывший шпион. Данный «факт» растиражировала «Советская Сибирь»[2202].

В.Е. Чуров связывает с Р.Ф. Унгерном другую историю: с раскрытием в Петербурге в 1908–1910 гг. шпионских дел барона Унгерн-Штернберга в пользу Австро-Венгрии.[2203] Он полагает, что этим шпионом был отец Романа, а последний мог быть иностранным агентом в Монголии. Это неверно по следующим причинам.

В октябре 1910 г. был признан виновным в шпионаже в пользу Австро-Венгрии, приговорен к лишению прав состояния и каторге на четыре года Эрнст Павлович (Карл-Густав-Эрнст) Унгерн-Штернберг (р. 1867). В 1888–1889 гг. он служил в 8-м драгунском Смоленском полку, вышел в запас корнетом, в 1890 г. жил в основном за границей, а с 1905 г. был корреспондентом Австрийского телеграфного агентства в Петербурге.[2204] 13/26 июня 1910 г. его арестовали. В ходе следствия была установлена его связь с послом

Ф. фон Пурталисом и другими немецкими дипломатами.[2205] Э.П. Унгерн-Штернберга обвиняли в том, что он добыл и перепродал за границу доклад, внесенный в государственную думу, в котором были сведения об обороне.[2206] Последний назывался «Секретный доклад Комиссии по обороне о величине новобранцев в призыв 1910 г.»; также были переданы финансовые документы.[2207] Хотя этот доклад и не обсуждался на открытом заседании, гарантий секретности все равно не было в связи с пестрым партийным составом думы. Сам осужденный утверждал, что материалы не были секретными. Тем не менее, 11 ноября 1910 г. он был осужден на четыре года исправительных работ.[2208]

Красные должны были знать все это. Очевидно, они раскручивали вопрос о шпионаже в пропагандистских целях. Мол, все остзейские дворяне такие: Унгерн служит интересам Японии, а его родственники — интересам Германии и Австро-Венгрии. Ярославский, знавший послужной список Р.Ф. Унгерна, не мог не знать, что к последнему все это не относится. Разумеется, на трибунале не объявлялось, что двоюродный брат Романа — Фридрих — героически погиб под Сольдау, не желая пережить разгром армии Самсонова. Российские немцы в большинстве своем достойно служили царю и отечеству.

Ярославский произнес обвинительную речь. Наряду со справедливыми обвинениями в убийствах, пытках, антисемитизме и т.д., она содержала ложные утверждения и пропаганду против дворянства и религии. Обвинения в действиях в пользу Японии барон отверг.

Как и требовал показательный процесс, адвокат Боголюбов назвал речь обвинителя «великолепной и совершенно объективной», а свою роль оправдал тем, что если есть обвинитель, то должен быть и защитник. Чтобы избавить барона от расстрела, Боголюбов объявил его ненормальным и предложил заключить в изолированном каземате, где он будет вспоминать об ужасах, которые творил. Однако защитник подверг сомнению, что барон был проводником захватнических планов Японии.

Унгерн отказался от последнего слова: «Ничего больше не могу сказать». Это последние слова барона, дошедшие до нас.

Чрезвычайный революционный трибунал вынес следующий приговор:[2209]

> «1921 года, сентября 15 дня, именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Чрезвычайный Революционный трибунал в составе: председателя — председателя Сибирского отдела Верховного трибунала ВЦИК т. Опарина, членов тт. Габишева, Гуляева, Кравченко и Кудрявцева Ивана, при секретаре т. Смирнове, рассмотрев в открытом судебном заседании дело о бывшем генерал-лейтенанте бароне Романе Федоровиче Унгерн фон Штернберге, обвиняемом в вооруженной контрреволюции и зверствах, признал, что всеми данными дела, судебным следствием и сознанием Унгерна по настоящему процессу устанавливается:

Во-первых, попытка Унгерна вооруженными силами, составленными из подданных Монголии и царских служак, проклинаемых населением России, свергнуть существующий советский строй на пользу захватнических планов Японии, причем основой для проведения этих планов Японии в будущем послужило бы созданное Унгерном Срединное азиатское государство. В этой попытке Унгерн не брезговал никакими средствами для достижения своей цели, прося помощи различными воззваниями и вступлением в сношения со всеми монархическими организациями и правителями Китая, Монголии, Кир[гизского]края, не забывая и главарей отдельных белогвардейских организаций, известных всему миру, прежде всего, своими зверствами над ни в чем не повинным населением России (воззвания к Анненкову, Кайгородову, Бакичу, Семенову и др.), обещая за помощь в выступлении против Советской России все, что ни пожелали бы эти изверги.

Во-вторых, устанавливается, что путь к этой попытке идет по рекам пролитой крови не только советских работников и их семей, невинных женщин и детей — не убиваемых, а истерзываемых и предаваемых самым бесчеловечным, известным нам только по глубокой истории, пыткам. Сжигались громадные села с женщинами и детьми (село Укыр и др.), расстреливалось по сотням крестьянство (станица Мензинская). Применялись пытки такого рода (сажание на лед, раскаленную крышу, битье кнутами такое, чтобы летели куски мяса и т.д.), о которых при упоминании и, особенно, при зверском хладнокровии Унгерна, вполне сознавшегося в их применении, невольно вспоминается феодализм со всеми его грязными бесчеловечными правами феодалов.

На основании изложенного, Чрезвычайный революционный трибунал в полном сознании своего революционного долга и руководствуясь социалистическим правосознанием, постановил: признать обвинение бывшего генерал-лейтенанта из дворян Эстляндской губернии барона Романа Федоровича Унгерн фон Штернберга, 35 лет, принадлежащего к партии монархистов, выразившемся, во-первых, в том, что он в период времени с начала 1921 года в пределах Монголии, состоя в должности начальника Азиатской конной дивизии, принимал активное участие в проведении в жизнь панмонгольского плана — создание Срединного азиатского государства, вступив для этого в сношения со всеми важнейшими монархическими кругами соседних государств и Кир[гизского]края, и рассылал письма и воззвания к разным главарям белогвардейских отрядов, хунхузским шайкам, а также отдельным политическим деятелям — Букейханову, Анучину и др.; во-вторых, в том, что тогда же и там же, собрав при содействии атамана Семенова, китайских, монгольских и японских монархистов армию из русских, бурят, монгол, китайцев и японцев с целью свержения Советской власти в России и, в частности, в Сибири и восстановления в ней монархии, с возведением на престол Михаила Романова, он занял Монголию и, сделав ее базой формирования и снабжения, повел наступление на Советскую Россию и Дальневосточную республику. Это наступление должно было явиться частью общего плана наступления на Советскую Россию с Востока; и, в-третьих, в том, что при означенном наступлении им истреблялись целые селения, избивалось все их население, производилась зверская рас-

права со всеми подозреваемыми в близости к большевизму, даже с женщинами и детьми, поголовное уничтожение евреев и даже пытки — доказанные, и приговорил бывшего генерал-лейтенанта барона Романа Федоровича Унгерн-фон-Штернберга, из дворян Эстляндской губернии, 35 лет, по партийности монархиста, подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять. Приговор окончательный и ни в каком порядке обжалованию не подлежит. Приговор вынесен в 3 ч. 15 м. по московскому времени.

Председатель — Предсибревтрибунала ВЦИК Опарин.
Члены: Габишев, Кравченко, Гуляев, Кудрявцев И.»

Унгерн воспринял приговор равнодушно. Он не боялся смерти, как и подобает буддисту. Суд продолжался с несколькими перерывами с 12 час. (по местному времени) до 3 час. 15 мин. по московскому времени (то есть до 18 час. 15 мин. по местному), когда был вынесен приговор.

Приговор был приведен в исполнение не сразу, а в ночь после суда — возможно, это было уже 16, а не 15 сентября. Перед казнью барон сгрыз свой орден Св. Георгия, чтобы он не достался красным.[2210] В пользу этого говорят следующие факты. На фотографиях, сделанных во время суда над Унгерном,[2211] барон стоит в халате и с орденом Св. Георгия. Значит, до суда орден снят не был. Впоследствии халат достался красным, а затем попал в музей. Орден оказался бы там же, если бы сохранился.

Обстоятельства казни неизвестны. При одиночных казнях смертника обычно ставили на колени и убивали выстрелом в затылок. Ходили слухи, что Унгерна расстрелял лично Павлуновский. В то же время, по крайней мере, два человека в разные годы говорили, что барону позволили умереть перед расстрельным взводом, причем при осмотре тела нашли только одну рану — от пули из маузера командира. Остальные промахнулись (то ли нарочно, то ли нет), причем командир взвода потом тоже был расстрелян.[2212]

16 октября о расстреле Унгерна в ЦК РКП(б) доложил по прямому проводу Ходоровский.[2213] Место расстрела и могила Унгерна неизвестны. Вполне вероятно, что сейчас там стоят городские постройки. Вообще, техника и места расстрелов и захоронений тщательно скрывались от общества. Расстрелы производились, как правило, ночью, в подвалах губчека, на окраинах городов и т.д. В начале 1920-х гг. место расстрела в актах чаще всего не указывалось вовсе.[2214] Хоронили часто на месте казни или где-нибудь в укромном месте.

Когда весть о расстреле барона пришла в Нийслэл-хурэ, Богдо-гэгэн приказал служить о нем молебны во всех монастырях и храмах Монголии.[2215] «Люди, жившие в Монголии в 1921–1924 гг., утверждают, что Богдо-гэгэн один из немногих остался верен генералу Унгерну, признавая его за истинного избавителя Монголии от векового китайского ярма».[2216]

В 1998 г. приговор Унгерну был оставлен без изменения, в реабилитации отказано.[2217] Безуспешной была и повторная попытка реабилитации, предпринятая некоторыми депутатами государственной думы РФ в 2006 г.

Необходимо отметить, что в настоящее время реабилитация участников гражданской войны лишена смысла, если только она не дает компенсации их родственникам. Ведь при социализме, наряду с невинно пострадавшими, были реабилитированы палачи типа Павлуновского. А многие до сих пор увековечены в памятниках и топонимах (Дзержинский, Павлуновский, Свердлов, Войков, Ярославский, Тухачевский, Антонов-Овсеенко и т.п.). Попытки же реабилитации большинства вождей Белого движения (Семенов, Колчак и др.) безуспешны. В результате сохраняются искажения истории в пользу красных. Поэтому формальная реабилитация или ее отсутствие ничего не значат для оценки исторической роли личности.

В Монголии до недавнего времени к Унгерну предписывалось относиться так же, как в СССР — однозначно отрицательно. Но некоторые монголы помнят, что даже в годы социализма, бывало, старики хорошо отзывались о бароне, говорили, что монголов грабили не унгерновцы, а красные, и т.п. В последние годы в Монголии ситуация меняется. Там все больше людей понимает, что именно Унгерн освободил эту страну от китайской оккупации.[2218] Предлагается установить памятник барону Унгерну в Улан-Баторе.[2219]

***

Суд над Унгерном был одним из первых показательных процессов в советской России над врагами социалистического строя, имел «воспитательную составляющую» для советской публики и служил «обкатке» широкого внедрения процессов такого типа в СССР.[2220] Приговор Унгерну составляет юридическую коллизию. Ряд обвинений обоснован фактами. Это обвинения в сношениях с монархистами, в попытке создания Срединного азиатского государства, в рассылке писем и воззваний (хотя письмо Анучину сфальсифицировано), сборе армии для свержения советской власти и восстановления монархии, наступлении на РСФСР и ДВР из Монголии, в зверской расправе с подозреваемыми в близости к большевизму, даже с женщинами и детьми, и в пытках. В наше время лишь обвинения в пытках и необоснованных расправах можно считать преступлением. Но тем же самым — часто в куда больших масштабах — занимались многие коммунисты, имена которых до сих пор увековечены в российской топонимике и памятниках.

С другой стороны, приговор Унгерну содержит ряд ложных обвинений. Они опровергнуты в этой книге. Это обвинения в истреблении целых селений, в поголовном уничтожении евреев, в действиях «на пользу захватнических планов Японии» и в том, что действия барона были частью общего плана наступления на РСФСР с востока. Кроме того, Унгерн не принадлежал к «партии монархистов» — он был беспартийным.

В РСФСР 1921 г. законодательная база для вынесения приговора отсутствовала. Поэтому революционный трибунал действовал не по закону, а по «сознанию своего революционного долга» и «социалистическому правосознанию». Каково «правосознание», таков и способ вынесения приговора — до суда, по указанию Ленина и политбюро.

ГЛАВА 10

Другие белые отряды во Внешней Монголии

Гражданская война в России вызвала поток беженцев в Монголию. Зимой 1919/1920 г. этот поток усилился. Как люди становились беженцами, как попадали в Монголию и жили там, подробно описал Д.П. Першин.[2221] Вначале прибывали одиночки, потом целые группы из разбитых белых отрядов Б.М. Елачича, И.И. Попова и др.[2222] Когда Унгерн вступил во Внешнюю Монголию, там уже было несколько белых отрядов.

Один из них образовался в конце 1920 г. в районе оз. Хубсугул.[2223] Его создал полковник Плевако (настоящая фамилия — Корюков). С помощью полковника Мартина (Мартынов) он сумел договориться со служащими двух местных контор Центросоюза — в Ханге и Хатхыле — и захватил их.

Решающую роль сыграла поддержка бывшего сотрудника Центросоюза В.Г. Гея, который давно жил в Монголии. Когда в начале 1916 г. российское правительство организовало для закупок скота «Монголэкс» (Монгольскую экспедицию), была командирована особая комиссия под председательством Гея для поставок мяса армии. Блохин писал, однако, что позже Гею инкриминировали организацию поставок мяса из Монголии заодно и в Германию...[2224] Позже «Монголэкс» реорганизовали в Центросоюз. После падения временного правительства Центросоюз перешел в распоряжение советского правительства. Дипломатический агент в Монголии Орлов 27 июля августа 1918 г. сообщал, что Гей старательно избегает Урги, но хочет прибыть в Улясутай или Кобдо.[2225] Орлов предлагал консулам не допускать его к делам закупочной экспедиции и предъявить ему обвинения в непризнании белых представителей России в Монголии, нежелании при их посредничестве выяснить отношение монгольского правительства к руководимой им экспедиции, что повлекло многомиллионные убытки казны, и обязать подпиской о невыезде. Во времена атамана Анненкова Гей был арестован в Семипалатинске, но отпущен под поручительство Серебренникова.[2226]

В 1918 г. советское правительство дважды выдавало Гею крупные авансы в рублях и серебре на закупку скота в Монголии.[2227] Его экспедиция в Монголии, по воспоминаниям Б.З. Шумяцкого, имела сношения с Центросибирью по поводу заготовки мяса для Советской России.[2228] Об этих контактах и каких-то его махинациях писал также А.В. Бурдуков.[2229] У Резухина и Унгерна были данные, что Гей поддерживал связь со штабом 5-й Сибирской армии в Иркутске.[2230] По-видимому, прав был Серебренников: Гей готов был за деньги снабжать мясом любую армию, и против него велась какая-то интрига со стороны скотопромышленников в Монголии.

Теперь по каким-то причинам Гей был эмигрантом и колонистом. Однако он имел немалое имущество, связи с монголами и влияние. К нему очень хорошо относились российские колонисты и монголы: он старался помогать им, был одним из зачинателей ветеринарного дела в Монголии. Поддержка Геем оказалась очень важной: отряд Плевако в несколько десятков человек был вооружен, экипирован, получил содержание. Отряд совершил два успешных налета через границу — на села Монды и Шимки, где были слабые гарнизоны красных. Плевако лелеял надежды на расширение восстания на Тункинский район, а затем — на всю Россию...

В это же время на севере Монголии действовал отряд полковника Н.Н. Казагранди. Казагранди происходил из старинного итальянского рода, давно осевшего в России.[2231] На Первую мировую войну он ушел прапорщиком, за время войны был дважды ранен, награжден орденами, в том числе Св. Георгия 4-й степени. После революции вернулся на Урал в чине капитана и создал один из первых контрреволюционных отрядов. При Колчаке его отряд был переименован в 16-й Ишимский полк. В 1919 г. командовал 18-й Сибирской стрелковой дивизией, но был снят с должности из-за разногласий с командованием. Во время отступления в районе Киренска отряд А.П. Перхурова — Н.Н. Казагранди сдался красным в обмен на обещание свободы, которое последними не было выполнено. Казагранди сумел бежать и создал партизанский отряд. Он стал бороться с красными к юго-востоку от Иркутска, затем ушел в Монголию к оз. Хубсугул.

Осенью 1920 г. в Ханге Казагранди нашел Плевако с его отрядом, над которым взял командование. Часть казны контор Центросоюза, сохранившаяся после их захвата отрядом Плевако, осталась под контролем Гея и Казагранди. После неудачного налета на Шимки, он ушел в п. Хатхыл. В Северной Монголии находился отряд сотника П. Сухарева в 50–60 забайкальских казаков. Он поддерживал тайные контакты со «своими» на родине.[2232] Этот отряд перешел к Казагранди, но у казаков с последним возникли разногласия. Последний отделился от них и с частью людей ушел в Ван-хурэ в начале января 1921 г. В феврале Казагранди получил известие о том, что вооруженные

китайцы осадили русских в Дзаин-шаби. Он прибыл туда с отрядом для постоя и защиты лишь на десятый день, когда осада уже была снята.[2233] Здесь он мобилизовал 50 человек и вернулся в Ван-хурэ.

В феврале Казагранди прислал офицера к Унгерну с изъявлением подчинения, получил от него оружие, боеприпасы и обмундирование. Блохин писал, что раньше него узнал о взятии монгольской столицы поручик Хлебин, который сообщил Унгерну, что это он захватил Ван-хурэ. За это Хлебин получил оружие и поддержку. Очевидно, это и был тот самый офицер. По словам Блохина, Казагранди не согласился с этим. Он арестовал Хлебина по об*винению в большевизме и назначил следствие. Хлебин смог добиться* отправки в Нийслэл-хурэ вместе со следственными материалами. Хлебин был однополчанином Казагранди в войсках Колчака, вместе с ним попал в плен и имел на него компромат. Унгерн долго колебался, что делать. В итоге он оставил Хлебина простым всадником в своей дивизии, но не выполнил просьбу Казагранди о его возвращении.[2234]

После разгрома китайцев Унгерном Казагранди приказал Сухареву собрать имущество, брошенное ими при бегстве.[2235] В конце февраля и в марте Унгерн был с инспекционными проверками в Ван-хурэ, но первые два раза Казагранди не застал — тот был в Дзаин-шаби. Унгерн остался довольным тем, что видел в лагере. Он передал деньги для Казагранди. Последний получил поддержку не только от Унгерна. От монгольского правительства ему были даны полномочья на реквизицию скота.[2236] Во исполнение распоряжения Унгерна, Казагранди издал приказ о мобилизации. Русским предписывалось прибыть в Ван-хурэ, бурятам и эвенкам — в Ургу.[2237]

Во время обсуждения планов похода на Сибирь у Казагранди возникли разногласия с Унгерном и Резухиным (см. главу 8). С Резухиным у Казагранди отношения ухудшились также из-за добровольцев в Ван-хурэ, которых Резухин зачислял на пополнение 3-го полка подъесаула Янкова, а Казагранди хотел оставить у себя.[2238] Блохин приводит другие причины. По его словам, Казагранди безудержно пьянствовал, завел любовницу, в его лагере в Ван-хурэ появилось много женщин, процветал разврат. Образованная полковником контрразведка вешала и расстреливала людей, а пьяный Казагранди подписывал приказы, не глядя.[2239] Не были ли эти слухи причиной внезапных приездов Унгерна? Очевидно, Блохин сильно преувеличивал, иначе барон вряд ли остался бы доволен итогами своих инспекций.

Другой причиной разногласий был В.Г. Гей. Унгерн считал его аферистом,[2240] приказал убить и забрать деньги и ценности. Полковнику Казагранди в трудное время Гей оказал большую помощь. Поэтому Казагранди пытался защищать ветврача перед Резухиным, но не смог доказать свою правоту.[2241] Гей и его семья были убиты поручиком С. Гордеевым. Вместо того чтобы привезти деньги и ценности Унгерну, Гордеев их взял себе и заявил, что ничего не нашел.

Когда в лагерь Казагранди прибыл в поисках крамолы Безродный, полковник организовал ему шикарный прием и сказал, что большевиков здесь нет. Расчувствовавшийся каратель, будто бы, прямо плакал оттого, что не смог найти ни одной жертвы.[2242]

В мае 1921 г. в отряде Казагранди было 500–600 человек.[2243] Согласно приказу № 15, он должен был занять п. Модонкуль в верховьях Джиды, оттуда выходить к Хубсугулу и на пути, ведущие к Иркутску. 25 мая отряд перешел границу и занял Модонкуль. Белая пресса[2244] поспешила сообщить о появлении партизан Казагранди на Кругобайкальской железной дороге, об усилении охраны туннелей и т.д. В действительности же Казагранди, попытавшись продвинуться вглубь России, был разбит.

Другой бой, уже в Монголии (падь Торкин в районе Эгийн-гола) произошел примерно 4 июня.[2245] Здесь Казагранди был атакован особым отрядом Щетинкина и Чойбалсана, выступившим 4 июня из Модонкуля.[2246] По сведениям Щетинкина, белых было около 400 человек. Они отступили, во время переправы через Селенгу вновь были атакованы красными. На этот раз победа осталась за белыми. Красные отступили, потеряв 20 человек и 2 пулемета. Но на следующий день им удалось захватить обоз с продовольствием в 150 верблюдов, направлявшийся в отряд Казагранди. Главным же успехом Щетинкина и Чойбалсана было установление связи с отрядами красных монголов, создававшимися в районе Улясутая и южнее Хубсугула.

Х. Хаслунд слышал от очевидцев о поведении красных партизан после отхода Казагранди. Мобилизованного белыми русского колониста волокли на веревке за лошадью, пока он не умер; ограбили и повесили колониста Шпигеля; убили многих других колонистов и т.д.[2247] Незадолго до этого, в начале июня 1921 г., Казагранди передал дзахирагчи-нойону (управляющему) местности Булгунталай (Булган?) приказ Унгерна относительно этого Шпигеля. Унгерн приказал хорунжему Кеберову отправить Шпигеля в местность Улукунды, а его имущество забрать.[2248] Выходит, Шпигель в итоге пострадал не от белых, а от красных.

На стороне Казагранди одно время сражался отряд высокого ламы — халхасского Дзаин-гэгэна Лувсантувдэн Чойджинимы. Он почитался как седьмой перерожденец Зая-пандиты — знаменитого религиозного и политического деятеля ойратов XVII в. Дзаин-гэгэн носил в то время русский военный мундир с погонами есаула, казачью шапку и маузер на боку.[2249] По словам Оссендовского, он знал русский язык, интересовался историей, и был преисполнен уважения к творческому гению американского народа.[2250]

Эффективность боевых действий отряда Дзаин-гэгэна была низкой.[2251] 26 мая красные монголы, располагавшиеся в районе Желтуринской, имели бои в 48 км южнее Кудаковской с белыми монголами, в результате чего последние потеряли 5 пулеметов и 1 орудие.[2252] Возможно, речь идет об отряде

Дзаин-гэгэна. После убийства Казагранди Дзаин-гэгэн в конце июня отвел свой отряд к юго-западу от Дзаин-шаби, позже разоружился. Этот лама любил путешествовать, интересовался внешним миром, новыми порядками в России. В 1924 г. он даже принял участие в революционном молодежном празднике в Монголии.[2253] Позже его репрессировали.

Казагранди повел свой отряд на юг — в Гоби. Все больше офицеров и всадников искали случая для дезертирства. Сотник Сухарев и несколько других офицеров по приказанию барона следили за Казагранди. Сухарев прибыл в лагерь Азиатской дивизии и долго совещался с Унгерном.[2254] Он донес о самовольном уходе Казагранди, добавив, что тот собирается увести отряд через Тибет в Индию. Барон отдал Сухареву письменный приказ расстрелять Казагранди. Сухарев арестовал полковника, объявив его отряду, что сделал это за отказ присоединиться к Унгерну и что он отвозит его к барону.[2255] Сухарев объявил также, что таков приказ Унгерна, который готовится отбить Ургу. Отряд примирился с этим. Арестованному связали руки, посадили на лошадь и отправили на север под конвоем казаков хорунжего Потапова. На перевале Эгийн-даба взвод Потапова расстрелял Казагранди. По другим сведениям, казаки забили Казагранди ташурами в виде мести за расстрелянных весной братьев Филипповых (см. ниже).[2256]

Сухарев узнал, что Унгерн находится на Селенге, а Нийслэл-хурэ в руках красных, и решил выждать. По-видимому, он знал настроения в приграничных селах и не верил в успех похода на Сибирь. Блохин сообщает, что Сухарев выгнал женщин из лагеря Казагранди, но сам попался в сети одной из них. Затем Сухарев узнал о бунте в Азиатской дивизии.[2257] Он решил уходить из Монголии и повел отряд на юго-восток. Дзаин-гэгэн отвел свой отряд от Дзаин-шаби еще в июне. Теперь, когда оба белых командира ушли, красные монголы разграбили Дзаин-шаби, сопровождая это убийствами русских.[2258]

Сухарев решил обойти Нийслэл-хурэ с юга — через Гоби, а затем через Внутреннюю Монголию пройти в Маньчжурию. К монгольской границе отряд вышел в районе монастыря Егоцзур-хутухты, союзника Унгерна.[2259] Китайцы предложили разоружиться, но Сухарев отказался. Еще до выхода на границу в отряде оставалось лишь 150–250 или 300–350 человек: после расстрела Казагранди шло массовое дезертирство.[2260] Этот небольшой отряд, имевший всего три пулемета и пушку, стал пробиваться через обширную территорию, подчиненную Китаю. К ноябрю 1921 г. отряд Сухарева сумел пробиться до района Таонаньфу, к северо-западу от Чанчуня. Здесь произошел жестокий последний бой, в котором обе стороны понесли большие потери. Сухарев, опасаясь плена, застрелил свою любовницу Марусю, а потом себя. Остатки отряда сдались. По рассказам, в живых осталось 35 человек, которых китайское командование переправило в Приморье.[2261]

Так окончил свое существование отряд Казагранди. Д. Алешин[2262] называл полковника «зверским», но на Н.М. Рябухина он произвел впечатление «порядочного, образованного и интеллигентного офицера».[2263] Его отряд не пользовался дурной славой, сопровождавшей некоторые другие партизанские отряды — вокруг него витала небольшая доля романтики, как около замысла дерзкого, но честного.[2264]

В конце 1920 г. много беженцев из России скопилось в Улясутайском районе: здесь было много русских факторий и заимок. К февралю 1921 г. в Улясутае находилось до 70 офицеров и солдат.[2265] Старшие офицеры разделились на несколько групп, претендовавших на главенство. Зимой в Улясутай прибыл с востока отряд чахаров. Это были пленные панмонголисты. Теперь китайские власти их вооружили и направили из Нийслэл-хурэ на запад Монголии. Комиссар Улясутая — Ван Сяоцун, видя склонность чахаров к грабежу, поспешил выдворить их в Кобдо и далее в Урянхай.[2266]

После взятия столицы Унгерном положение русских на западе Монголии ухудшилось. Грабеж и убийство нескольких русских в Кобдо китайскими солдатами в феврале заставили русских взяться за оружие. Они признали главенство войскового старшины М.М. Михайлова. Монгольский сайд Чултэм-бэйлэ[2267] вступил в переговоры с Ван Сяоцуном, предложив всем китайцам беспрепятственно уйти из Улясутая.

Переговоры затянулись до 9–10 марта. Наконец, компромисс был достигнут. Китайцы и монголы заключили соглашение, которое засвидетельствовали бывшие там иностранцы: русские, поляки и румыны. Ван Сяоцуну оставили вооруженный конвой и гарантировали беспрепятственный проход до границы; китайцы сдавали большую часть оружия, гарантировали, что будут идти без стычек с населением; власть в Улясутае передавалась монголам до получения распоряжений от монгольского правительства.[2268]

Китайцы ушли из города в сопровождении монгольского чиновника. Михайлов создал вооруженный русский отряд в 120 человек. В районе Нарбанчи-хурэ в 160–190 км от Улясутая находился с небольшим отрядом полковник Оренбургского казачьего войска В.Н. Доможиров. Встречавшийся с ним Оссендовский называл этот отряд «бандой белых хунхузов».[2269] Доможиров имел приказ от Унгерна установить связь с генералом А.С. Бакичем. Но по дороге он занимался грабежами, проявлял самоуправство. Согласно Оссендовскому, Доможиров предписал Михайлову разоружить или уничтожить китайцев, расстрелять большевиков и захватить Улясутай.[2270] Это не было исполнено. Доможиров, угрожая карами, повторил свой приказ. Тогда Михайлов послал 50 всадников под командованием поручика Стригина вслед 200 китайцам. Белых поддержали монголы.[2271] Китайцев нагнали в 60–70 км юго-западнее Улясутая. Караван был разграблен, часть людей уби-

та, часть возвращена в Улясутай. Сайд Чултэм-бэйлэ возмутился таким поведением, но ничего не смог сделать.

После этого Михайлов расправился с улясутайскими красными. Он готовился уехать из Монголии, собирался действовать независимо от Унгерна, и не конфликтовать ни с монголами, ни с китайцами.[2272] Михайлов хотел собрать отряд и уйти в Тибет.[2273] Чултэм-бэйлэ требовал, чтобы Михайлов передал оружие монгольским властям, согласно договору. Но в день передачи оружия прибыли полковники Никитин (подлинная фамилия — Полетико), Филиппов и три брата последнего. Прибывшие резко отзывались о восстании в Монголии и вторжении Унгерна.

Никитин предъявил бумаги, по которым требовал себе высших полномочий. Из этих бумаг следовало, что прибывшие — представители центральной бело-офицерской организации, направленные для переговоров в Пекин и для формирования отдельной конной дивизии в пределах Монголии против красных в Урянхае и Минусинском округе, так как, по их словам, в мае или июне должно начаться восстание против большевиков.[2274] В.П. Поползухин (см. ниже) видел эти бумаги — «из Парижского комитета», очевидно, сфабрикованные самими предъявителями или чекистами. Известно, что последние использовали подобный метод (вспомним операцию «Трест», провокацию против великого князя Михаила Александровича, закончившуюся его убийством и т.д.). Так что не лишено оснований мнение, что эти люди были связаны с большевиками, за что их впоследствии казнили. Унгерн говорил Оссендовскому, что Филиппов перед смертью был разоблачен как агент красных.[2275]

Но пока начальником улясутайского отряда был назначен Михайлов, а начальником формирующейся дивизии — Г.Г. Филиппов при начальнике штаба Полетико. 24 марта 1921 г. в Улясутай прибыл Доможиров с А.И. Заплавным и потребовал сдать власть ему. Разброд в отряде усилился. Этому способствовали интриги Оссендовского.[2276] Отношения с Чултэм-бэйлэ совсем испортились. Сайд снял уртоны, перестал давать зары, ловил посыльных Доможирова и т.д.[2277]

10 апреля в Улясутай прибыл с группой офицеров подхорунжий И.Г. Казанцев, казак Енисейского казачьего войска. Службу он проходил с 1912 г. в Красноярской конной сотне по хозяйственной части и канцелярии.[2278] В мае 1917 г. первый съезд енисейского казачества выбрал урядника И.Г. Казанцева председателем войскового правления. В 1919 г. оно перебралось из Минусинска в Красноярск от партизан Щетинкина, а в 1920 г. — в Иркутск. В мае 1920 г. Казанцев был арестован, бежал и скрылся в Монголии. По Оссендовскому, это был тупой, необразованный и упрямый хам, который дезертировал из отряда Казагранди.[2279]

Казанцев привез в Улясутай оружие и серебро. Он собрал сход и предъявил полномочия от Унгерна и Богдо-хана. Ему никто не посмел противоречить. Казанцев приказал 15 подданным России, в том числе Михайлову, Полетико, Филипповым, а также полякам, включая Оссендовского, уехать из Улясутая.

Став фактическим правителем города, Казанцев взял себе в помощники атамана Урянхайского казачьего отдела О.И. Сиорпаса, а интендантом — казачьего полковника К.И. Лаврентьева. На время восстановилось спокойствие, лишь однажды нарушенное появлением капитана Безродного. Когда Безродный с карательным отрядом прибыл в Улясутай, местные русские стали доносить друг на друга.[2280] Но Казанцев выпроводил из города и Безродного. После возвращения Унгерна из похода на юг Монголии, последний доложил ему о положении в Улясутае. Унгерн послал на запад бывшего буддийского монаха Ж. Ванданова[2281] и гуна Тувшинбаяра.[2282] Выехал туда и Безродный. В районе Дзаин-шаби он встретил партию, отправленную Казанцевым из Улясутая. Часть из нее была расстреляна по обвинению в большевизме, остальные отправлены к Казагранди в Ван-хурэ, куда должен был приехать и Унгерн.

Доможиров был смещен Унгерном за бездеятельность и пьянство. Из Улясутайского района Безродный отправил Доможирова в Нийслэл-хурэ. Ссылаясь на приказ Унгерна, Безродный тайно убил Чултэм-бэйлэ за сотрудничество с гаминами. Забросанный камнями труп нашли монголы.[2283] Считалось, что сайда убили Ванданов и Тувшинбаяр, либо Безродный на основании фальшивого донесения Доможирова.[2284] Причиной было то, что он не хотел снабжать белых скотом.[2285] В действительности же Ванданов и Тувшинбаяр лишь сообщили в МВД Монголии об убийстве сайда Безродным.[2286] На этом сообщении Богдо-хан красной тушью написал: «Сожалею. Чтобы дела шли хорошо, из государственной казны по правилу наградить деньгами» (родственников убитого? — С.К.).[2287] Кроме того, Ванданов отправил письмо Унгерну о недоброжелательности монголов к белым вследствие, как он писал, «агитации китайской партии во главе с бывшим местным сойотом Чилтум Бэйсэ», местных большевиков, Михайлова, Полетико и компании.[2288]

Около двух месяцев разъезжал Безродный по Западной Монголии в поисках крамолы, но дело ограничилось пытками и убийствами мирных людей. Отличился жестокостью и его подручный Шалашов.[2289] После Народной революции в Монголии была написана пьеса об этих событиях в Улясутае.[2290]

Казанцев, назначенный Богдо-ханом командующим белыми войсками Урянхайского края, должен был выступить туда, разбить красных, и мобилизовать урянхов в свой отряд.[2291] Последний назывался отдельный Урянхайский отряд войска барона Унгерна. В начале мая 1921 г. Казанцев послал в Урянхай группу под командой поручика В.П. Пополузухина. Группа останови-

лась лагерем в устье р. Тарлакшин (приток р. Тесь) и неделю стояла там. 23 мая их внезапно атаковали красные партизаны. Последние потеряли 89 человек убитыми и 205 ранеными, белые — 97 убитыми и ранеными.[2292] Поползухин попал в плен. Впоследствии он давал показания, что командиры всех белых отрядов Монголии получают указания из Японии. На другом допросе он проявил знание других «секретов». «Общее руководство всей монгольской авантюрой принадлежит комитету, составленному из бывших членов Временного правительства с участием Семенова».[2293] Центр — в Париже, агенты — в Лондоне, Нью-Йорке, Константинополе, каждом губернском городе России. Такую бумагу он видел у полковника Полетико, убитого унгерновцами. Красные явно понимали абсурдность этого. Иначе показания Поползухина фигурировали бы в суде над Унгерном.

Тарлакшинский разгром произвел гнетущее впечатление на Казанцева. Он все время думал об этом и искал виновных. Таковым он счел Поползухина, и в виде мести расстрелял его беременную жену.

По приказу № 15 Казанцеву надлежало наступать через Урянхай к верховьям Енисея и Минусинску. В своем отряде он создал осведомительное бюро для ознакомления населения с задачами войска Унгерна, агитации за восстание против большевиков, осведомления своих войск о текущих событиях и сбора сведений о нуждах народа.[2294] Для этих целей бюро выпускало машинописные воззвания и листовки. Стиль этих воззваний, по нескольку страниц каждое, вполне республиканский, там нет монархических и эсхатологических рассуждений. В одном из воззваний Казанцев писал, что «Ленин признался в своем бессилии воевать с народом и за это арестован жидом Бронштейном».[2295] Планировалось также проведение «публичных собеседований с народом».

В июне 1921 г. Казанцев совершил поход в Урянхай, и его отряд увеличился до 680 человек за счет примерно 400 завербованных урянхов — вероятно, из Тоджинского и Сальджакского хошунов, наиболее тяготевших к Монголии. Казанцев стал угрожать нойонам других хошунов, что проведет мобилизацию силой. Тогда группа вооруженных урянхов напала на него ночью, и он, бросив обоз, едва успел спастись, ускакав к Улясутаю.[2296] В июле Казанцев опять вошел в Урянхай, но через шесть дней ушел назад в Улясутай.

Однако здесь ситуация изменилась. Узнав о поражении Унгерна под Троицкосавском, Хатан-батор Максаржав открыто перешел на сторону красных. Благодаря мобилизации Максаржав имел около 800 человек.[2297] Этот бывший «наивный америко- или англо-фил»[2298] через центросоюзника А.В. Бурдукова связался с Иркутском. Он послал также письмо Д. Сухэ-батору с выражением поддержки и просьбой о военной помощи. Джалханцза-хутухта, тоже находившийся в Западной Монголии, получил письмо Сухэ-батора, который предложил мобилизовать солдат, дабы прогнать Унгерна и «восстановить

народный покой, власть и религию».[2299] Прочитав это, Джалханцза-хутухта 21 июня отправил послание члену реввоенсовета Б.З. Шумяцкому, где сообщил о переходе Максаржава на сторону красных и попросил помощь против белых. Следующее письмо ему же с просьбой о помощи он послал 30 июня.[2300] В результате к его монастырю прибыл небольшой советский отряд. Связь с большевиками он поддерживал через уполномоченного НКИД РСФСР Ф.Г. Фальского (Горелика).

На 23 июля Джалханцза-хутухта назначил восстание против белых в Улясутае.[2301] Хатан-батор Максаржав приказал уничтожать белых. В общем военном лагере монголы Хатан-батора окружили юрты русских и бурят, перебили их, но Казанцев и Ванданов бежали.[2302] Последний был схвачен по дороге в Нийслэл-хурэ и расстрелян. Вместе с ним были убиты князь Ламаханов и Штейн.[2303]

Восстание в Улясутае началось в ночь на 22 июля, раньше запланированной даты. Целую ночь в городе царили убийство и грабеж. На рассвете чахары покинули город. То, что осталось после них, растащили соседние монголы. За ночь погибло 72 выходца из России. Женщин щадили: их погибло всего восемь (видимо, по случайности). В целом же была уничтожена значительная часть мирных поселенцев и беженцев — осталось 2–3 семьи.[2304] Потом Максаржав оправдывался, что после начала расправ он якобы отправил второй приказ: никого не убивать, а привозить в штаб, но пока приказ попал на места, население совершило расправы.[2305] По Першину, в Улясутайском районе и окрестностях по вине Максаржава, обозначенного им как «беззастенчивый тип предателя»,[2306] было убито около 150 русских, в том числе женщины и дети.

Вместе с тем, вооруженные отряды белых Максаржав со своим отрядом примерно в 400 чел. преследовал очень осторожно, ожидая подкреплений от красных. Он понимая, что собственных сил у него может не хватить (в частности, более половины его бойцов не имели оружия[2307]). Поэтому Хатан-батор телеграфировал в Сиббюро, что из Мурэн-хурэ на Улясутай идет около тысячи унгерновцев и, если Россия немедленно не окажет ему помощь, то запад Монголии вернется под власть белых.[2308]

В отместку за убийства российских колонистов и беженцев Казанцев, уходя на запад из Улясутая, разграбил монастыри Эбугэн-хурэ и Баяр-ван-хурэ, не успевших бежать 30 монахов взял в заложники и вымогал выкуп.[2309] По мере поступления серебра, размер выкупа возрастал. В итоге заложники были перебиты. В монастырях убиты были также дети-послушники, которые не успели бежать.[2310] Казанцев ошибочно полагал, что эти монастыри находятся в ведении Максаржава. Устроенный им погром, в свою очередь, привел к новым нападениям на российских колонистов.

В августе Казанцев присоединился к Кайгородову в Кобдо. Вместе они безуспешно осаждали красный отряд, закрепившийся в монастыре Сарыл-гун-

хурэ (см. ниже). Затем Кайгородов ушел на Алтай, а Казанцев остался с Бакичем. В районе Улангома Казанцев и Бакич были взяты в плен красными. По требованию монголов Казанцев был им выдан и казнен.

И.И. Серебренников (http://oblastnichestvo.lib.tomsk.ru/page.php?id=49).

Одним из самых крупных в Западной Монголии был белый отряд А.П. Кайгородова. Сохранилась «Краткая история банды Кайгородова, составленная из опросов пленных офицеров и разведданных Штадива 21 к 1/I 1922 г.»[2311] и рукопись В.Ю. Сокольницкого «Кайгородовщина»,[2312] использованная в книге И.И. Серебренникова.

А.П. Кайгородов родился в 1887 г. в с. Абай на Уймоне на Алтае.[2313] До Первой мировой войны служил в алтайской горной полиции, в 1915 г. окончил ускоренный курс Тифлисской школы прапорщиков.[2314] Есть сведения, что он командовал сотней, охранявшей ставку А.В. Колчака в Омске.[2315] По пьяному делу он устроил дебош на ст. Татарской, за что был разжалован Колчаком в рядовые.[2316] Тогда Кайгородов явился с повинной в Омск, где получил разрешение атамана И.И. Дутова на формирование инородческих полков на Алтае. В начале 1920 г., будучи подъесаулом, он командовал войсками Горно-Алтайской области. Позже он получил чин есаула, стал командовать сводным русско-инородческим отрядом. Последний назывался Горно-Алтайский партизанский отряд есаула Кайгородова.

Это был сильный человек, настоящий казачий атаман XVII–XVIII вв. Порядок поддерживал кулаками и нагайкой. Кайгородов был сторонником Учредительного собрания. При его штабе машинописным способом издавались агитационные антисоветские материалы республиканской направленности.[2317]

Под давлением красных весной 1920 г. Кайгородов ушел в Западную Монголию. Вначале кайгородовцы, интернировавшись, мирно жили в хошуне Далай-Дэрбэт-хана в местечке Букэ-мурэн примерно в 120 км от Кош-Агача.[2318] Под влиянием агитации красных часть повстанцев ушла от Кайгородова, но обещания оказались невыполненными. Это дало повод для усиления антисоветской агитации; отряд стал увеличиваться.[2319] В него вливались беженцы и русские колонисты. К Кайгородову присоединились беглецы из небольших белых отрядов Смольянникова, Шишкина, Ванягина и др.[2320] К февралю численность его отряда была около 100 человек. Сделав рейд через границу в Горный Алтай, отряд захватил много скота, принадлежавшего Центросоюзу. Производились занятия, за нехваткой винтовок, использовали са-

модельные пики. Работали кузницы, пошивочные мастерские, изготовляя одежду, конское снаряжение.[2321]

После того, как 20 февраля 1921 г. китайцы разграбили склады Центросоюза в Кобдо и убили восемь служащих, к Кайгородову бежало много русских. Отряд занял Кобдо. В конце апреля или мае 1921 г. полковник В.Ю. Сокольницкий из этого отряда установил связь с Унгерном, и Кайгородов номинально вошел в подчинение к барону. Унгерн прислал ему письмо,[2322] а также винтовки, патроны к ним, пулеметы, пушку и снаряды. Кайгородов получил благословение Богдо-гэгэна и грамоту для монголов о содействии.

В приказе № 15 Унгерн приказал Кайгородову наступать в районе Кобдо — Бийска и по р. Катунь на Алтае. Этот приказ Кайгородов оспорил: к Унгерну он относился отрицательно.[2323] Блохин даже придумал, каким должен был быть его ответ — с обличениями преступлений и ошибок Унгерна. Однако Кайгородов не отказался участвовать в наступлении белых на Сибирь, о чем и написал Жамболону.[2324] В июне 1921 г. в отряд влилось 300–400 монголов. Вместе с ними Кайгородов вошел в Кобдо, но скоро монголы его оставили. В Западной Монголии уже установилась власть красных, в июле образовалось краевое западно-монгольское правительство во главе с Далай-Дэрбэт-ханом, а фактически — с командиром отряда красных монголов Ц. Хас-батором. 2 августа это правительство и местное бюро МНП обратились к населению с призывом бороться с белыми «бандами».[2325] Само правительство сформировало отряд в 300 человек, во главе которого встал Намсрай.[2326]

В отряде Кайгородова осталось около 300 (по другим данным, 500) человек. 21 июля отряд выступил в Сибирь в составе трех сотен, пулеметной команды, команды разведчиков и одной пушки. В начале августа отряд имел два боя с красными у Намирского и Барымского хурэ.[2327] Кайгородов разгромил отряд западно-монгольского правительства. Хас-батор и Намсрай ушли к советскому отряду латыша К.К. Байкалова, шедшему на Кобдо из Кош-Агача.

Ц. Хас-батор (МТМ).

В августе Кайгородов попытался прорваться в районе Кош-Агача, но не смог. 12 сентября он пришел на оз. Толбо-нур в Западной Монголии. Здесь он встретил отряд Байкалова. Первый бой произошел на берегу этого озера. Он не принес победы ни одной стороне. Намсрай был убит. Байкалов и Хас-Батор решили укрепиться в монастыре Сарыл-гун-хурэ в 13 км юго-восточнее озера и

дождаться подкреплений. У них было 360 бойцов при 20 пулеметах.[2328] Монастырь находился в котловине и давал преимущество обороняющимся. К Кайгородову подошли подкрепления в виде остатков отряда Казанцева, подошел отряд Бакича. Атаки объединенных сил Кайгородова, Бакича и Казанцева 17–21 сентября были отбиты. Впоследствии Байкалов оставил записки о разгроме белых; есть также записки монгольского участника событий.[2329]

После неудачного штурма монастыря Кайгородов ушел в сторону Кош-Агача, по пути разбивая мелкие отряды красных. У Ташанты он перешел через границу на российский Алтай. 28 сентября он атаковал Кош-Агач, но наткнулся на крупные силы и, понеся большие потери, обошел город. Двигаясь по Алтаю, Кайгородов разбивал красных, занимал села. Он соединился с партизанским отрядом Ф. Тырышкина. Отряд Кайгородова пополнялся добровольцами, в основном алтайцами-теленгитами. Его численность достигла 1500 человек.

Наступившие морозы и глубокие снега в горах вынудили отряд Кайгородова стать по деревням на зимние квартиры. Продовольствия и фуража не хватало. Люди стали расходиться, дисциплина падала. Красные, подтянув крупные резервы под командой Ледогорова, вытеснили белых в горы. Оттуда Кайгородов изредка выезжал в ближайшие поселки. В одну из таких поездок, 22 апреля 1922 г. он заночевал у приятеля. Дом по наводке предателя окружили красные партизаны И.И. Долгих, будущего начальника ГУЛАГа. Кайгородов, выскочив из дома, отстреливался до конца, пустив последний патрон себе в голову (по другим данным, отравился цианистым калием). Красные отрубили ему голову, насадили на шест и провезли напоказ по алтайским деревням.[2330] Затем голову в ящике со льдом привезли в Барнаул. «Начальник 21-й дивизии Г.И. Овчинников принес голову Кайгородова в большой кастрюле со спиртом прямо на заседание Алтайского губисполкома, после чего трофей отправили в Новониколаевск — на любование вышестоящему начальству».[2331]

Белые, отделившиеся в октябре 1921 г. от Кайгородова, под командой Сокольницкого направились к Кобдо. На берегу Хара-ус стояли обозы, при них были некоторые семьи офицеров. Там оказалось много новых людей, в том числе бойцы Казанцева и Бакича из-под Сарыл-гун-хурэ. Поскольку красные монголы уже контролировали запад страны, белые под началом Сокольницкого решили уйти из Монголии. В колонне, уходившей в конце октября, насчитывалось 488 бойцов, 80 женщин и детей, 140 мирных жителей, не годных к строю и обозных.[2332]

Юго-западнее Кобдо уходящую колонну нагнал отряд Хатан-батора Максаржава. Он прислал парламентеров к Сокольницкому с обещанием, что в случае сдачи оружия он не задержит колонну, а будет содействовать ее безопасному уходу в Китай. Зная политическую биографию Максаржава, белые решили обороняться, тем более что были вооружены лучше монголов. Отби-

вая атаки, белые подошли к горам и сумели занять перевал Машан-даба раньше красных монголов.[2333] Это решило исход дела. Максаржав прекратил преследование, белые ушли за границу.

В середине ноября они пришли в долину Булугуна в уезде Гучэн. Путь им преградили китайские солдаты. Местные власти потребовали сдачи оружия. Оружие было сдано, белые остались на Булугуне ждать решения из Пекина.[2334] Они построили землянки, церковь, печи, даже театр. Дров и провизии хватало. Китайские власти давали муку. Удалось неплохо прожить до весны 1922 г., когда пришло разрешение на проход в Маньчжурию. Там спутники Сокольницкого рассеялись по разным городам.

Наиболее крупным белым отрядом в Западной Монголии был отряд генерала А.С. Бакича, черногорца по национальности.[2335] Этот отряд сформировался из остатков войск атамана А.И. Дутова и беженцев с семьями в Восточном Туркестане, куда они ушли из Семиреченской области зимой 1920 г., преследуемые красными. Этот «Ледяной поход» сопровождался большими потерями от боев и лишений — погибли тысячи людей. Те, кто ушел за границу, были разоружены и интернированы в лагеря. Многие уезжали назад, но к сентябрю 1920 г. обратное движение прекратилось в связи с драконовскими мерами, принятыми Бакичем, который к этому времени получил от Дутова чин генерал-лейтенанта.[2336] Весной 1921 г. беженцы начали посевную, в надежде улучшить свое голодное существование.

Но в мае 1921 г. прошел слух о соглашении между китайскими властями и командованием Туркестанского фронта о вводе частей Красной армии в Тарбагатайский округ Синьцзяна, что вскоре и подтвердилось. Помня о зверствах красных во время «Ледяного похода», интернированные поспешно снялись с мест и под началом Бакича пошли на восток, в Кобдо. По некоторым оценкам, всего было около 10 тыс. военных и столько же беженцев.[2337] Им предстояло пройти свыше 960 км без всякой подготовки, без продуктов, по плохой дороге, не зная маршрута. Оружия почти не было, красные наседали. К 12 июня белые подошли к Черному Иртышу, чтобы войти в центр Алтайского округа — г. Шара-сумэ. Китайцы отогнали паром, чтобы белые не могли переправиться через реку, но казаки захватили его.[2338] Лишь теперь красные прекратили преследование — по-видимому, их вступление в Алтайский округ не предусматривалось соглашением с китайцами.[2339] По разным оценкам, потери отряда Бакича при переходе от Чугучака до Шара-сумэ составили от 500 до 4 тыс. человек, в основном от голода.[2340]

Есть несколько версий взятия Шара-сумэ. По одной из них, китайцы решили, что не смогут удержать город, и стали уходить. Население, за исключением русских, сартов и немногих китайцев, покинуло город. Но вскоре туда вошел

отряд дунган и разграбил русский квартал, вырезав 45 человек. По другой версии, в городе вспыхнул мятеж, китайский губернатор покончил с собой, и город легко достался Бакичу. По третьей — русские осаждали его 2–3 недели.[2341] Бакич занял Шара-сумэ 19 июня/2 июля. Теперь изголодавшиеся люди дорвались до еды. Город был разграблен, людей никто не сдерживал. Сразу были съедены даже собаки и кошки. Белым достались винтовки и 4–5 пушек.

Бакич установил связь с Кайгородовым. Согласно показаниям атамана оренбургских казаков Захарова, находясь в Шара-сумэ, Бакич держал связь курьерами с Кайгородовым и получил приказ Унгерна, в котором назначался начальником юго-западной Монголии, откуда он должен был изгнать остатки китайцев.[2342] Бакич написал несколько писем Унгерну, а Хатан-батору предлагал объединиться, чтобы освободить от китайцев Алтайский округ и закрепить его за Монголией.[2343]

В середине июля белые взяли Бурчум. Теперь весь Алтайский округ был очищен от китайцев. Бакич считал себя и Унгерна освободителями Монголии. Бакич признал Унгерна командующим на монгольском фронте и формально поступил в его подчинение.[2344] Барон отправил к Бакичу полковника В.Н. Доможирова, но связь установить не удалось.

Находясь в Шара-сумэ, белые построили несколько небольших заводов и мастерских, мельницу, убрали урожай. У местного населения реквизировался скот, что вызвало озлобление монголов. Бакич готовился к продолжению борьбы с красными. Была сформирована Народная революционная армия во главе с верховным главнокомандующим. Бакич считал, что народ должен своими руками, без помощи иностранных союзников свергнуть коммунистов, а затем установить свою власть, основанную на широком народоправстве. Должны быть гарантированы демократические свободы. Труд должен быть свободным, но основные ресурсы и отрасли промышленности надо национализировать.[2345]

Между тем, красные вновь договорились с китайцами, и 1 сентября захватили Бурчум.[2346] Бой под Бурчумом был одним из самых крупных конных сражений на восточном фронте гражданской войны. Он длился с 10 до 16 час., с обеих сторон в нем участвовало не менее полутора тысяч кавалеристов.[2347] 24 августа/6 сентября бои шли уже около Шара-сумэ. Белые и беженцы вынуждены были покинуть город, но многие там остались. Бакич во главе примерно 3 тыс. человек, из них 1 тыс. женщин и детей,[2348] стал отходить к Кобдо. Он надеялся перезимовать в Урянхайском крае, о чем получил письмо от Кайгородова. 13 сентября отряд Бакича вышел на Чуский тракт. За время перехода по Монголии у него погибло от голода и лишений до 200 человек.[2349]

19 сентября 1921 г. отряд Бакича подошел к монастырю Сарыл-гун-хурэ, который осаждали Казанцев и Кайгородов (см. выше). Отряд Бакича был большим, но в плохом состоянии, при нем было много женщин и детей. Ба-

кич предъявил Байкалову ультиматум о сдаче, Байкалов ответил аналогичным предложением. На следующую ночь начался штурм, которым руководил Кайгородов. Красные потеряли 54 человека, белые — до 250 человек, причем неумелое использование орудия белыми привело к тому, что погибло 85% штурмующих.[2350] Хас-Батор не выдержал долгой осады в монастыре. С несколькими монголами он бежал из него в суматохе ночного боя. Около местечка Хонго его арестовал разъезд Кайгородова и доставил в Кобдо. На допросе Хас-батор подробно рассказал о своей цели в Западной Монголии, а также что в Байрам-хурэ около Улангома он закопал до двух пудов серебра, несколько тысяч патронов к пулемету и до сотни ручных гранат. Эти сведения подтвердились. Хас-батор был расстрелян (по другим сведениям — обезглавлен).[2351]

Бакич отличался упрямством и не хотел снимать осаду, хотя большого смысла в ней не было. Из-за этого он поссорился с Кайгородовым. На заре 22 сентября Кайгородов увел свой отряд на северо-восток, предоставив Бакичу самому справляться с Байкаловым.[2352] Бакич предпринял еще два штурма, но потерпел неудачу. В первом штурме 1 или 2 октября для уменьшения потерь впереди катили тюки шерсти, во втором 11 или 12 октября — гнали гурты яков. Атакующие имели мало ружей и патронов, красные храбро оборонялись и отбили все атаки. В ночь на 19 октября 306 офицеров и казаков ушли от Бакича[2353]. Тот послал вдогонку свой конвой. Произошел бой, с обеих сторон были жертвы. Была захвачена лишь одна группа, командира которой Бакич расстрелял. Бежавшие присоединились к отряду Сокольницкого.

Взять монастырь белым так и не удалось. На 44-й день осада была снята подоспевшими красными — 185-м стрелковым полком и эскадроном 59-го кавалерийского полка 5-й армии.[2354] Потери белых убитыми и ранеными за время осады составили около 400 человек.[2355] Байкалов за отличия в боях с белыми в Монголии получил орден Красного Знамени.

К середине ноября остатки отряда Бакича и Казанцева отступили к Улангому, оттуда — в Урянхайский край, в район г. Белоцарск (сейчас Кызыл). Они собирались перезимовать и уйти на Дальний Восток. В Урянхае Бакич потерпел поражение от красных и вынужден был отступить назад в Монголию на Улангом. Часть людей укрылась в Кобдо. Вскоре этот город перешел под контроль Максаржава. Последний оттуда направился к Улангому, где убедил Бакича в своей лояльности. С помощью хитрости Максаржав сумел разделить отряд Бакича на группы, а затем окружить. Разрозненные группы были арестованы красными русскими и монголами. Обстоятельства пленения Бакича описаны в мемуарах.[2356]

Бакича с начальником штаба генералом Степановым и 16 старшими офицерами сначала доставили в Нийслэл-хурэ, оттуда — в Троицкосавск, а затем в Новониколаевск. Позже из Нийслэл-хурэ в Троицкосавск прибыла еще одна

группа пленных. Весь путь они проделали пешком, по дороге подвергались издевательствам, девять человек было расстреляно.[2357] 25 мая 1922 г. Бакича вместе с 15 офицерами и священником судили в том же самом театре «Сосновка», что и Унгерна. На предстоящее зрелище губком продал всем желающим 2500 билетов. Председателем суда опять был Опарин, а обвинителем — опять Ярославский.

Суд опять руководствовался «социалистическим правосознанием и революционной совестью», а одна из статей приговора обвиняемым состояла в том, что они «в целях подготовки свержения Советской власти вошли в связь с Японией и с бывшим тогда у власти реакционным правительством Монголии».[2358] Так что связь с легитимным монгольским правительством большевики сочли преступлением. Бакича расстреляли не позже 8 июня, могила неизвестна.[2359] Почти все бывшие офицеры из его корпуса, попавшие в РСФСР, рано или поздно были расстреляны.

В то самое время, когда Бакич, уйдя из Шара-сумэ, безуспешно осаждал монастырь, Реввоенсовет войск Сибири и китайские власти Синьцзяна обменялись письменными поздравлениями по поводу разгрома белой «банды».[2360] Красные ушли обратно. Так закончилась последняя попытка вернуть Монголии Алтайский округ. Теперь он стал «неотъемлемой частью Китая». В Урянхай вошли части Красной армии. Их ввод сопровождался таким же обращением к населению, как и ввод в Монголию.[2361]

Еще одним отрядом, подчинившимся Унгерну, был отряд А.И. Шубина. Шубин происходил из казачьей семьи, родился в с. Шимки Иркутской губернии в 1884 г.[2362] Его дядя А.П. Шубин имел заимки в Урянхайском крае, был популярен среди местного населения, вел крупную торговлю пушниной и другим товаром.[2363] А.И. Шубин рядовым участвовал в Первой мировой войне, затем служил урядником.[2364] До и после войны он работал у своего дяди[2365] — А.П. Шубина. В 1920 г. А.И. Шубин ушел в Монголию, вступил в отряд Казагранди. После ухода последнего на восток в конце 1920 г., с частью бойцов остался у оз. Хубсугул, где был избран атаманом.[2366]

Отряд, который стал называться 1-й Иркутский полк, насчитывал 120 человек, состоял в основном из бурят. По воспоминаниям Блохина, воинской дисциплины в отряде Шубина не было, все строилось на личных отношениях, с красными столкновений избегали. Правда, почти не было и пьянства.[2367] Блохин, знавший Шубина и с симпатией относившийся лично к нему, отряд его называл бандой трусов, способной бежать от первого случайного выстрела.

Красные вели переговоры с Шубиным о капитуляции, за добровольную сдачу обещали неприкосновенность личности.[2368] В марте 1921 г. Шубин послал двух делегатов в штаб 5-й армии в Иркутск для переговоров о сдаче

красным. Пока шли эти переговоры, Унгерн установил связь с Шубиным и произвел его в прапорщики. Поэтому Шубин расстрелял (по постановлению военно-полевого суда) прибывших 25 апреля от 5-й армии И. Гольдберга и Г. Городюшко, а советского работника В. Борисова отправил в распоряжение начальника штаба Азиатской дивизии.[2369] Вместе с отрядом Плевако, действовавшим в Ханге и на Хубсугуле, Шубин отправился на Тункинский тракт. Они заняли приграничный п. Монды, затем Туран и резиденцию Шубина.[2370] Но дальше продвинуться не удалось из-за отпора красных, и они вернулись в Монголию. По дороге белые убили несколько человек, подозреваемых в лояльности красным.

Унгерн приказал Шубину подчиняться и прислал своего уполномоченного — сотника Н.В. Бочкова.[2371] По поручению Унгерна Бочков призывал иркутских казаков бежать в Монголию и вступать в Азиатскую дивизию, а тех, кто останется, призывал партизанить.[2372] По приказу Унгерна Шубин проводил мобилизацию русских до 45 лет включительно. Мобилизованных полагалось обеспечить подводами и продовольствием в пути, их семьи — всем от казны.[2373] Барон прислал Шубину серебро, вооружение и имущество.[2374] Затем он прислал Шубину 20 пудов топленого масла, 1 место байхового чаю, 1 куль соли, 1 дунсу табака, 2 ящика спичек, 19 шт. подошвенной кожи, билгарин — 20 кож.[2375] Шубину этого было мало. Он послал начальнику штаба Азиатской дивизии просьбу об отпуске авансом 55 тыс. руб. на полгода на довольствие, обмундирование полка и непредвиденные расходы.[2376]

По приказу барона Шубин должен был вместе с Казагранди наступать на Иркутск. Согласно приказу Унгерна за № 3425 от 8 мая 1921 г., Шубин, установив связь с Казагранди, входил в подчинение последнего.[2377] Но позже офицеров, отправленных для связи с Казагранди, Шубин отозвал, получив 19 июня 1921 г. приказ о том, что его Иркутский казачий полк находится в подчинении Унгерна, а не Казагранди.[2378] Связи с отрядами Кайгородова и Казанцева не имел. Бочков потребовал от Шубина перехватить красных, двигавшихся по монгольской территории на Хатхыл. Шубин ответил, что не может этого сделать «ввиду отсутствия сытых коней и дальности расстояния».[2379] Он лишь выслал разведку. 16 июня красные у Хатхыла разбили Шубина.

19 августа Шубин распустил свой отряд. В это время в нем было 110 человек, в том числе 2 женщины и 3 мальчика. Отряд разбился на партии, которые направились в разные стороны. 15 или 16 сентября 1921 г. разведывательный отряд красных взял Шубина в плен в 40 км юго-западнее п. Монды. Произошло это на стоянке в горах.[2380] В протоколе допроса красными отмечено большое желание Шубина оправдаться и жалкое впечатление, которое он произвел на следователей.[2381] 4 октября Шубина судили и приговорили к расстрелу.[2382]

После разгрома крупных отрядов белых в Монголии оставались небольшие группы, продолжавшие сопротивление. Происходили заговоры и восстания при активном участии духовенства (см. главу 11). Некоторые командиры, перешедшие на сторону красных, по-видимому, не пользовались большим доверием властей.

Уже 16 июля 1921 г. в Цэцэнханский аймак были направлены представители народного правительства в сопровождении отряда монгольской Народной армии. Этот отряд несколько месяцев подавлял там сопротивление небольших групп монгольских и русских белых. Завершилось это в ноябре и декабре уничтожением последней группы полковника Кочетова.[2383]

В Восточной Монголии находились отряды Дугаржав-мэйрэна.[2384] Позже Дугаржава вызвали в Нийслэл-хурэ. Заручившись поддержкой Бодо и Чойбалсана, он некоторое время возглавлял пограничный охранный отряд в Дариганге на границе с Внутренней Монголией.[2385]

В Восточной Монголии, в районе монастыря Егоцзур-хутухты, находился отряд Найдан-вана. Там к нему присоединился Ц.Ж. Тубанов с 70 казаками. После победы красных Найдан-ван и Тубанов изъявили лояльность новой власти.[2386] Однако, как выяснилось позже, они собирались ее свергать. В 1922 г., после ряда боев, их отряд был изгнан из района Халхин-гола в Маньчжурию монгольской Народно-революционной армией под командой Г. Бумцэнда.[2387]

Есаул Ц. Очиров вместе с 40 казаками скрывался на Тэрэлджийн-голе. Из них 37 человек позже разошлись по домам. Очиров приехал к ламе Гочоо в хошун Батор-вана местности Сугнугур, отдал ему на хранение два пулемета Шоша, весной 1922 г. уехал в Маньчжурию, где вместе с Тубановым они стали готовить восстание против красных в Монголии (см. главу 11). Были белые и на юге. Например, Галданов скрывался в районе Дзамын-Удэ.

Чтобы обезопасить себя и своих союзников, советское правительство 5 ноября 1921 г. заключило соглашение между РСФСР и Монголией об установлении дружественных отношений. В ст.1 правительство РСФСР признало единственным законным правительством Монголии народное, в ст.2 Монголия признала единственной законной властью России правительство РСФСР. А в следующей статье было сказано: «1. Не допускать на своей территории образования или пребывания правительств, организаций, групп или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против другой стороны или свержение ее прав-а или прав-в союзных с ней государств, а также не допускать на своей территории мобилизацию или добровольную вербовку как своих граждан, так и граждан иных государств в ряды армий, враждебных другой из сторон. 2. Воспретить, приняв все меры недопущения, ввозить в пункты своей территории и на территории союзных с ними государств или провозить через них оружие, принадлежащее или предназначенное каким-

либо организациям, борющимся прямо или косвенно против одной из сторон, и могущее быть использованным для этой борьбы».

Итак, не признав монархическое правительство Монголии, экспортировав туда революцию и приведя к власти своих ставленников, большевики продолжали опасаться контрреволюции. Но при этом В.И. Ленин в день подписания договора искренне заявил, что единственно правильный путь трудящихся Монголии — борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России.[2388]

За совместные боевые действия с войсками ДВР и Красной армией против белых Сухэ-батор, Чойбалсан, Хатан-батор Максаржав и другие приказом реввоенсовета республики № 6 от 10.01.1922 были награждены орденами Красного Знамени.[2389] Сухэ-батор через год умер, Чойбалсан достиг высших постов в Монголии. Максаржав после революции одним из первых отказался от феодального титула, превратился в «простого арата»[2390] и вступил в Народную партию. За все это в 1923 г. его назначили военным министром народного правительства.[2391] Он достиг постов члена ЦК МНРП, члена Малого хурала 1-го и 2-го Великих народных хуралов.

Красные партизаны Ван-хурэ. В середине – Э.-Д. Ринчино (Булган хотын музей).

***

Таким образом, белые отряды в Монголии были разрознены, а их командиры зачастую конфликтовали. Унгерн смог в какой-то мере сплотить эти отряды, организовать их снабжение, координацию между собой и с монгольскими властями, поставил им боевые задачи. Однако эта координация была организована недостаточно, а сами отряды были слишком слабыми, чтобы организовать серьезное сопротивление красным.

ГЛАВА 11

Последний великий хан Монголии

Всемирно известны первые великие ханы Монголии, начиная с Чингиса. Иногда последним из них считают Унгерна.[2392] В действительности последним великим ханом Монголии был глава ее Буддийской церкви — Богдо-гэгэн VIII, судьба которого оказалась связана с судьбой барона Унгерна.

Биография Богдо-гэгэна VIII до последнего времени была известна из сообщений европейцев из столицы Внешней Монголии XIX — начала XX в. В бывшем СССР и МНР ему было принято давать негативные идеологизированные оценки. Лишь недавно были опубликованы сведения, основанные на монгольских архивах;[2393] важные данные удалось получить от Богдо-гэгэна IX. Эти сведения легли в основу настоящей главы (ссылки приводятся только при использовании других источников). Оказалось, что общеизвестные биографии последнего хана Монголии весьма неполны и содержат серьезные ошибки.

Понимание истоков теократической монархии в Монголии даст краткий исторический экскурс. Важнейшие причины упадка Великого Монгольского государства (монг.: Их Монгол улс) и потери независимости монголами — межплеменная рознь, борьба крупных феодалов между собой и попытки использования в своих интересах маньчжурской династии. В этих условиях требовался гениальный лидер, подобный Чингис-хану, однако феодальные слои не смогли выдвинуть такого. Единственным общественным слоем, способным интегрировать общество, оказалось духовенство.

К XVII–XVIII вв. монголы в большинстве стали ревностными последователями тибетского буддизма, в основном школы Гэлуг. Их привлекали четкая церковная иерархия, отсутствие междоусобиц, следование религиозным канонам. Важно и то, что преемственность высших иерархов определяется перерождением, а не кровным родством или назначением. Хубилган[2394] не имел собственности: она принадлежала всей линии преемственности, а не доставалась родственникам или кому-то еще. Благодаря этому не было оснований для конкуренции родов или придворных группировок.

Среди многих лам, признанных хубилганами, особую роль в истории Монголии сыграла линия Джебцзундамба-хутухты. Согласно буддийской традиции, эта линия перерождений уходит во времена Будды Шакьямуни. Одним из главных учеников Будды был Ананда. Далее он перерождался 14 раз в Индии и Тибете. В 11-м перерождении он известен как Джамьян Чойдже Таши Палден, основатель знаменитого тибетского монастыря Дрепунг и один из учеников Цонкапы (1357–1419) — основателя школы Гэлуг. В 14-м перерождении он известен как Джецун Таранатха Гунга Нингбо (1575–1634). Таранатха (монг.: Дараната) был знаменитым тибетским религиозным мыслителем и историком, выдающимся представителем буддийской школы Джонанг, оставил ряд трудов. В 1615 г. в тибетской провинции Цанг он основал монастырь Тактен Пунцог Чойлинг, позже переименованный в Ганден Пунцоглинг.[2395] Таранатха несколько раз приезжал в Монголию и построил там несколько монастырей. Однажды, во времена Далай-ламы V находясь в Тибете, он спросил своих учеников, где ему переродиться в следующий раз. Один из учеников, монгол, попросил его переродиться в Монголии.

Таранатха переродился в Халхе как Дзанабадзар — второй сын халхасского князя Тушэту-хана Гомбодоржи. Рождение его было ознаменовано многими чудесами.[2396] В четыре года ребенок принял обеты убаши, а в пять лет постригся в монахи, получив имя Лобсан Ванбо Джалцан.[2397] Позже он предпринял путешествие в Тибет, где изучал веру, философию и принял ряд обетов. Там он был признан Далай-ламой V в качестве хубилгана Таранатхи с титулом Джецун Дампа (монг.: Джебцзундамба) — Досточтимый Арья, или Досточтимый Святой. В 1651 г. он вернулся в Халху главой Буддийской церкви этой страны. Монголы стали называть его Ундур-гэгэн, то есть Высокий святитель. Дзанабадзар (1635–1724) много сделал для развития религии в Монголии: основал несколько монастырей, строил храмы, завез много религиозных книг, разработал для монголов письменность (которая, правда, не вошла в употребление из-за сложности). Помимо духовных и административных талантов, Ундур-гэгэн был выдающимся религиозным скульптором, основавшем собственную школу. Скульптуры его школы до сих пор считаются шедеврами. По его совету монголы признали сюзеренитет маньчжурского хана, что имело далеко идущие последствия.

Дзанабадзар переродился в Монголии как Лувсан Дамба Донми (1724–1757), сын князя Дархан-чин-вана Дондоб-Доржи. Сохранились рассказы о чудесах, совершенных им в молодости.[2398] Кроме того, на свои средства он ввел в Халхе новые отделы богослужения и богословия, отстроил два монастыря, развивал тибетскую медицину.[2399] По просьбе маньчжурского правительства Лувсан Дабма Донми убеждал монголов как в Халхе, так и в Джунгарии отказаться от военных действий и восстаний. По-видимому, он понимал бесплодность вооруженной борьбы с маньчжурами.

Поиски следующего хубилгана Джебцзундамбы вызвали разногласия. Монголы надеялись, что перерожденца найдут у них, но найден он был в Тибете, что утвердил Далай-лама. Европейские исследователи со времен А.М. Позднеева считают, что это был выбор маньчжурского императора, опасавшегося смут в Халхе при поисках хубилгана и быстрого роста его влияния на монголов. Однако сам Позднеев подчеркивал, что письменного распоряжения императора на этот счет нет, несмотря на слухи о наличии такового. Все перерожденцы Джебцзундамбы, начиная с третьего — тибетцы. Позднеев подробно описал торжественный церемониал въезда Хутухты в Монголию и радость толп народа, собиравшихся для его встречи.[2400]

Духовный авторитет Джебцзундамбы распространился на все монгольские народы, исповедующие буддизм. Например, в XIX в. на поклонение к нему регулярно ездили калмыки и еще больше — сопредельные буряты.[2401] Богдо-гэгэн был духовным главой бурят, Пандито-Хамбо-лама подчинялся ему.[2401а] Бурятские ламы получали от него высокие титулы, в том числе Хамбо-лама Дампил Гомбоев. Богдо-гэгэн стал третьим по значимости иерархом после Далай-ламы и Панчен-ламы в северном буддизме.

Хубилганы Джебцзундамбы с третьего по седьмого умирали рано, что видно по годам их жизни: Еше Дамба Нима (1758–1773), Лубсан Тубтен Вангчук Джигмэд Джамцо (1775–1813), Лубсан Чультим Джигмэд Данби Гьелцен (1815–1841), Лубсан Тубтен Чокьи Гьелцен (1843–1848), Агван Чойджи Вангчуг Принлей Джамцо (1850–1868). Занимались они в основном делами религии: строительством храмов и монастырей, завозом и производством церковной утвари, введением богослужений, книг, напевов, делами Шабинского ведомства. В частности, уменьшали зависимость шабинаров от светского суда и их государственные повинности.

По прибытии в Их-хурэ, хубилганы Джебцзундамбы от маньчжурских императоров получали подарки, награды и титулы, в частности «хутухта» — «святой» и «гэгэн» — «светлейший» (отсюда «Богдо-гэгэн» — «Великий святитель»). Хутухты апеллировали к маньчжурским императорам по важным административным и организационным вопросам, но не по делам религии: они пользовались высшей религиозной, а не светской властью. Последняя принадлежала монгольскому и маньчжурскому амбаням, а власть на местах — родовой знати и чиновникам. В то же время, авторитет хубилганов Джебцзундамбы делал их центром консолидации монгольского общества, хотя они были тибетцами, а не монголами.

Это сыграло решающую роль в период борьбы за независимость Монголии, которую возглавил Богдо-гэгэн VIII (1869–1924). Ему суждено было стать последним великим ханом монголов. Он родился 13 октября 1869 г. в Лхасе.

В 1873 г. из Их-хурэ выехали восемь человек во главе с Да-ламой Лувсан-Иши, чтобы выявить, в кого переродился седьмой Джебцзундамба, оставивший этот мир в 1869 г. В Пекине они встретились с чиновниками, ведавшими делами императора во Внешней Монголии, и оттуда уехали в Лхасу. В Тибете выявили девять необычных мальчиков, один из которых был искомым хубилганом. По обычаю, высшие иерархи тибетского буддизма — Далай-лама и Панчен-лама, написав имена мальчиков на бумаге и положив записки в Золотую вазу, совершили надлежащие молитвенные действия и при свидетелях стали вынимать записки по одной. Так отобрали три имени. Вновь бросили жребий, одну записку вынули золотыми щипцами. Так установили имя четырехлетнего мальчика, который и был восьмым перерождением Джебцзундамбы. Дата его рождения точно неизвестна. По-видимому, он родился осенью, так как монголы отмечали его день рождения 8-го числа последнего осеннего месяца. Он родился в семье знатного тибетца Гончигцэрэна. Этот тибетец был одним из приближенных Далай-ламы XII, распорядителем по хозяйственной части в его дворце.

По внешности, характеру и нраву мальчик был очень похож на свое предыдущее перерождение, имел незаурядный, подвижный ум. Далай-лама XII дал ему монашеское имя Жавзан Агван Лувсан Чойджинням Данзан Ванчигбал Самбу (дается в монгольской транскрипции); его стали звать Агван-Лувсан. По велению Далай-ламы его посвящение провел Хайдуб Тензин Ринпоче. Выбор нового хубилгана Джебцзундамбы подтвердил своим указом маньчжурский император Цзайчунь (девиз правления — Тун-чжи).

В Монголии тщательно готовились к прибытию Богдо-гэгэна VIII. Энтузиазм подогревался верой народа в то, что недавние падежи скота и разграбление Халхи дунганскими бунтовщиками были вызваны отсутствием Хутухты. Для церемонии из казны Богдо в Лхасе выделили 40 тыс. лан серебра, от каждого хошуна четырех аймаков Халхи — 10 тыс. лан, от аристократии — по тысяче лан. Все расхода на дорогу от Лхасы до Кукунора взяло на себя монгольское дворянство, а от Кукунора до Их-хурэ — простой народ. Для этого халхасцы выделили 1271 верблюда, 823 лошади, 7 юрт со всеми принадлежностями и 108 больших палаток. Для организации этих работ наняли 400 человек под руководством 4 князей и высших лам.

Агван-Лувсан приехал в Их-хурэ 3 октября 1874 г. и с тех пор безвыездно жил в Монголии. Вместе с ним приехали его отец Гончигцэрэн, мать Ойдовдулам, старшие братья Лувсанхайдав (последний Чойджин-лама Монголии), Лувсанбалдан, Бадамцэрэн, младший брат Норов и вся свита от учителя до врача. 5 октября в час дракона Агван-Лувсан был возведен на трон Хутухты. Во время церемонии ему вручили печать «Джебцзундамба-ламы, Возвышающего религию и Дарующего счастье живым существам».[2402] По сведениям очевидцев, в момент интронизации на небе появился благой знак — яркая радуга, хотя был холодный зимний день.[2403]

В детстве Агван-Лувсан был окружен вниманием и нежностью. Он дружил с самыми разными детьми. Его учитель монгольской письменности вспоминал, что ученик «хорошо учился монгольскому языку, а тибетскому — неважно». Тем не менее, он хорошо выучил все ученые книги, которые должен знать лама. С детства он отличался справедливостью. Например, он простил друга детства, который во время борьбы нечаянно выбил ему зуб. Но публично наказал феодала, растратившего казенные деньги.

Мать Агван-Лувсана жила отдельно, с четырьмя своими сыновьями, и могла видеться с ним ежедневно в определенное время.[2404] Мать оказывала на него большое влияние. Говорили, что по ее советам Агван-Лувсан стал обращаться в консульство России, откуда получал европейские механические игрушки, иллюстрированные журналы. Вероятно, отсюда его интерес к России. В возрасте 10 лет Агван-Лувсан лишился отца, в 17 лет — матери. Отца ему заменил учитель Бадамцэрэн, мать — жена брата. Когда пекинское правительство вызвало его учителя для суда, ученик забрал его в свой дворец и ответил: «Теперь пусть возьмут».[2405] Учитель Богдо-гэгэна умер в 1890-х гг., его мощи находились в одном из храмов монастыря Чойджин-ламын-сумэ.[2406]

Поведение Богдо-гэгэна VIII в отношении маньчжурского двора сильно отличалось от поведения его предшественников. С малых лет он должен был сдавать особые экзамены на верность маньчжурскому императору, но эту обязанность игнорировал. Большую роль в этом играли его учителя и свита. В 1875 г. умер император Цзайчунь, и Богдо-гэгэн должен был присутствовать на погребальном ритуале. Хотя эта традиция, шедшая еще от императора Сюанье (девиз правления — Кан-си), неукоснительно соблюдалась, Агван-Лувсан ее нарушил: он лишь направил своего посланника Цэрэндоржа. Затем он не участвовал на торжествах в честь коронации и в честь 60-летия матери императора, только отправлял большие подарки и посланцев. Под благовидными предлогами он продолжал отклонять императорские приглашения и позже, в зрелом возрасте. Сохранились документы на эту тему. Богдо-гэгэн говорил А. фон Кайзерлингу, что не хочет ездить в Пекин (терпеть не может Цыси — она злая женщина), а вот Забайкалье посетить хотел бы.[2407] В то же время, до 18 лет он не мог выехать дальше столицы и ее окрестностей без разрешения императора. Разрешение требовалось даже для посещения других монастырей Халхи: Эрдэнэ-Дзу, Амарбаясгалант и др.

Молодой святитель входил не только в религиозные, но и в государственные дела, интересовался политикой. И в столице, и во время поездок он общался с феодалами и простыми людьми. Нередко он жертвовал деньги на нужды духовенства и светских людей. На содержание свое и своих дворцов Богдо-гэгэн тратил только доходы от подношений, сделанных ему лично.[2408] Доходы от шабинаров для этого никак не использовались. Даже из доходов своих приближенных и подчиненных Хутухта ничего не получал.

В 1880 г. в четырех хошунах Тушэтуханского аймака случился дзуд (зимний падеж скота), от голода умерло 1000 человек, а 7600 человек питались павшим скотом. Хутухта выделил из казны 10 тыс. кг пшена, которое по его приказу раздавали голодающим. Спустя два года сгорел дворец-храм Дучин-Галбайн-сумэ, в котором хранились богатства и культурные ценности, собранные за 200 лет, в том числе подарки от маньчжурских императоров. Ущерб оценивали в 550 тыс. лан. Молодой Богдо-гэгэн ездил по монастырям, совершал воскурения, читал молитвы, священные книги, чтобы отогнать еще большие беды. Видя его благочестие, люди из четырех аймаков Халхи и 49 хошунов Кукунора, торгутов, бурят и других народов жертвовали деньги и имущество. Богдо-гэгэн издал указ о выделении из казны тибетских шелков на возобновление религиозной мистерии Цам в храме Дучин-Галбайн-сумэ, сам отбирал их, запретил кому-либо мешать подготовке. Храм восстановили.[2409]

В 1885 г. маньчжурский император написал Богдо-гэгэну, что ему очень нужны солдаты и деньги для укрепления восточной границы империи. Император получил такой ответ: «Неожиданно в монастыре случился пожар, который нанес большой ущерб. На восстановление усердно жертвуют все: от Хутухты до простых шабинаров. Поэтому нет возможности выделить деньги на помощь». Но император повторял требования, и ему пришлось отправить 1200 сильных коней.

В 1888 г. по поводу 18-летия Богдо-гэгэна был проведен торжественный ритуал. Среди народа распространялась вера в то, что он подлинный хубилган Джецуна Таранатхи. Об этом говорилось и в некоторых лундэнах,[2410] которые он издавал.

В европейской литературе сложилось превратное представление о молодости Богдо-гэгэна VIII: пьянство как причина развода с первой женой, жестокие развлечения со стрельбой с ущербом для людей, охота и рыбалка, ночные попойки, слепота из-за потребления метилового спирта (кстати, не завозившегося в Халху и не производившегося там). Такие сведения поступали от некоторых европейских путешественников и дипломатов в столице Внешней Монголии (В.В. Долбежев, Я.П. Шишмарев, В.Ф. Люба, Ф.И. Щербатской, Ф.А. Ларсон, П.К. Козлов, А.Д. Хитрово, А.М. Позднеев), перепечатаны во многих книгах[2411] и стали общеизвестными. Что же касается свидетельств непосредственных очевидцев, то из них известно лишь, что Богдо-гэгэн устраивал пиры для феодалов, где пытался выяснить их намерения;[2412] любил стрелять по фиксированным мишеням. Остальные сведения получены через «третьи руки», от людей другой культуры и религии.

Их нельзя считать достоверными фактами. Материалы монгольских архивов не подтверждают эти слухи: там не удалось выявить таких документов.[2413] Насколько неточна такого рода информация, видно из книги Позднее-

ева:[2414] «Жизнь гэгэна проходит неведомо для обыкновенных смертных в глубине его дворца», поэтому сведения можно получить только от его ближайшего окружения, «при всем том, однако, можно думать...» и т.п. Источником компрометирующих слухов могли быть только лица из окружения Богдо-гэгэна. Кто и зачем организовывал такие «утечки информации» для иностранцев, можно лишь догадываться. Не исключено, что это были те, кто старался не допустить независимость Монголии, сорвать ее сближение с Россией. Очевидно, не верили таким утверждениям и современники-монголы, иначе Богдо-гэгэн VIII не пользовался бы их авторитетом и поклонением. Например, он говорил А. фон Кайзерлингу, что «охотился, только не стрелял, ибо сам животных не убивает. Зато он очень любит стрелять из лука или ружья по движущимся мишеням».[2415]

Вообще же, по воспоминаниям И.Я. Коростовца, русская колония в Нийслэл-хурэ была переполнена сплетнями, некоторые ее члены тщательно, но безо всякой проверки собирали их и сообщали русским дипломатам и путешественникам.[2416] Коростовец жаловался на то, как трудно использовать в дипломатической работе столь ненадежную информацию.

Подобно Дзанабадзару, Богдо-гэгэн VIII снял с себя монашеские обеты и женился. Расставшись с первой женой, он взял вторую и усыновил ее сына. Имя второй жены было Ц. Дондогдулам, она была камеристкой старшей жены Джонон-вана Цогбадраха, была грамотной, читала по-монгольски и по-тибетски. Джонон-ван сопровождал Богдо-гэгэна в дороге к монастырю Амарбаясгалант, здесь и произошло знакомство. После экзамена Дондогдулам стала супругой Богдо-гэгэна. В 40 лет ее нарекли Цаган Дарь-эхэ (бодхисаттва Белая Тара), а когда Богдо-гэгэн VIII стал ханом, она получила ти-

Храм Эхэ-Дагинын-аймгийн-хурал.

тул Улсын Эхэ-Дагина (Дакини-Мать государства).[2417] У нее был свой храм Эхэ-Дагинын-аймгийн-хурал.[2418] Среди народа ее уважали за ум, образованность и хорошее чтение священных книг нараспев. Она была отзывчивой, веселой, умной, энергичной и властной. Скончалась она в 1923 г., незадолго до смерти своего супруга.[2419]

Неверно сообщение В.Ф. Любы, будто у Богдо-гэгэна был сын. Собственных детей у него не было. Приемный сын Богдо-гэгэна VIII — Ялгусан-хутухта. Его судьба после революции неизвестна. В связи с этим, стоит привести слухи того времени.[2420] Якобы Богдо-гэгэн имел сына от своей супруги с целью передать ему трон, так как китайцы решили прекратить линию перерождений Джебцзундамбы. Они заставили двух высоких лам «вычитать», что Богдо-гэгэн VIII — последний перерожденец и на нем эта линия должна завершиться. По-видимому, китайцы заставили некоторых лам пойти на нарушение религиозных канонов с тем, чтобы лишить Монголию монархов. Впоследствии разговоры о том, что Богдо-гэгэн VIII — последний перерожденец и это якобы следует из религиозных книг, были выгодны и для красных, они их повторяли. Ведь эти слухи позволяли им легитимировать свою власть. Не потому ли некоторые люди до сих пор думают, что Богдо-гэгэн VIII — последнее перерождение Джебцзундамбы?

В 1890 г., несмотря на трудности, на берегу Толы для Богдо-гэгэна был построен дворец-монастырь с зеленой крышей (Зеленый дворец — монг.: Ногоон Өргөө).[2421] Архитектура соответствовала канонам тибетского буддизма, но дом, где жил и умер сам Хутухта, был построен в русском стиле: за образец было взято здание российского консульства в Их-хурэ. В этот дом позже провели паровое отопление и электрическое освещение. При дворце организовали библиотеку, в которой хранилось много религиозных книг на разных языках, например, «Голубые анналы»(монг.: Хөх судар) в 15 книгах. При библиотеке был создан своеобразный научный центр, где делали переводы с пяти языков, собирали и комментировали книги. За счет подношений, подарков и покупок во дворце постепенно образовалось великолепное собрание буддийских скульптур, икон (тханка), рисунков, ценных предметов, приборов и разных диковин. Когда П.К. Козлов после смерти Богдо-хана посетил этот дворец, он увидел множество бурханов[2422] монгольской, китайской, тибетской и индийской работы, множество прекрасных изделий из драгоценных и полудрагоценных камней, картин, портретов (в том числе Николая II), фотографий, часов, альбомов, фарфора, биноклей, зеркал, музыкальных инструментов и т.д.[2423] Это собрание напоминало кунсткамеру. Кроме того, там много чучел разных животных, в основном полученных из Европы. После смерти Богдо-гэгэна дворец превратили в музей, часть вещей распродали, многое раздали или разворовали. Но много ценнейших предметов хранится там до сих пор.

Поскольку Богдо-гэгэн, согласно канонам буддизма, покровительствует всем живым существам, при дворце был создан целый зоопарк — первый в Монголии. Некоторых животных (слона, обезьян и др.) покупали за большие деньги.

В 1891 г. Богдо-гэгэн увидел во сне посланца Хормуста-тэнгри (хранителя неба и земли). Божественный посланец в аллегорической форме предсказал наступление тяжелых времен борьбы монголов с Китаем и повелел им твердо держаться буддизма школы Гэлуг. Богдо-гэгэн понял, что это пророчество, и рассказал о нем доверенным людям. Он вспоминал об этом пророчестве и позже.

Джебцзундамба-хутухта не прекращал изучение религиозных и светских дисциплин, многие религиозные книги знал наизусть. В 1908 г. в дацане Гандаадаржаалин он успешно держал экзамен на получение третьей ученой степени, даваемой по окончании полного курса цанида — религиозно-философского учения.

В определенные дни Богдо-гэгэн лично благословлял верующих. Для этого он простирал руку или касался их длинными жезлами с молитвенными цилиндрами, подвешенными на концах. Для этого в определенное время на площади перед монастырем двумя рядами садились верующие, Хутухту несли между ними в паланкине, он держал в каждой руке по жезлу, а двое лам касались цилиндрами голов людей.[2424] Вход и выход Хутухты из монастыря сопровождался специальной музыкой, а благословение проходило в тишине. Но чаще из двери или окна дворца протягивали специальную веревку из конского волоса, окрашенную в красный цвет, один конец которой был в руках Богдо-гэгэна, а другой перекидывался через ограду, и его касались паломники.[2425]

В 1904 г. в Тибет вторгся военный отряд полковника Ф.Э. Янгхазбенда, чтобы силой навязать выгодный британскому капиталу договор. В сражениях погибло несколько сотен тибетцев, было ранено 13 интервентов. Тибетское войско было разбито, интервенты заняли Лхасу. Далай-лама XIII вынужден был уехать из Тибета. Через населенный тибетцами и монголами Кукунор (сейчас китайская провинция Цинхай) он приехал в Их-хурэ. Одним из его приближенных был бурятский лама А. Доржиев, который надеялся на помощь России в освобождении Тибета.

Далай-лама ехал в Монголию без приглашения. Когда весть об этом достигла монгольской столицы, там прошло совещание, на котором решили встретить высокого гостя с почетом и поселить в старом дворце Богдо-гэгэна.[2426] При его приближении Хутухта выслал навстречу желтые носилки с паланкином и богатые юрты. Почти год жил Далай-лама XIII в Их-хурэ. Его обслуживанием занимался богатый дацан Дашчойжбол-Гунгаажаалин.

Маньчжурское правительство не оказало никакой помощи Тибету в отражении англичан, но проявило недовольство отъездом Далай-ламы в Монголию, опасаясь укрепления его связей с Богдо-гэгэном и влияния на мон-

голов. Из Пекина Хутухта получил предписание «не особенно усердствовать по приему Далай-ламы».[2427] Затем Пекин незаконно «низложил» Далай-ламу XIII.

Богдо-гэгэну трудно было противиться маньчжурам и китайцам. Незадолго до этого по его настоянию из Их-хурэ был отозван маньчжурский амбань Дэлин, обиравший население.[2428] Взамен в столицу послали сининского амбаня Янчжи с приказом к Далай-ламе выехать в Синин. Далай-лама отказался, тогда Янчжи назначили амбанем в Их-хурэ, потом предписали сопроводить Далай-ламу до Синина, а в Их-хурэ заблаговременно прислали еще одного амбаня. Маньчжуро-китайские шпионы следили за обоими иерархами.

Богдо-гэгэн не выехал из Их-хурэ, чтобы встретить гостя, официальная встреча состоялась лишь на четвертый день и была короткой.[2429] По донесению российского агента, приближенные Хутухты говорили, что последнему приезд Далай-ламы будет неприятен, поскольку будет сопряжен с расходами и проблемами в отношениях с Пекином. Рассказывали, что между приближенными обоих иерархов вспыхнул спор, когда трон Далай-ламы поставили в храме впереди трона Хутухты, в итоге трон Далай-ламы был удален, и это приписали Богдо-гэгэну. Ф.И. Щербатской приводил рассказ некоего китайца, будто по предложению Хутухты совершили специальный ритуал (гурум) для того, чтобы Далай-лама XIII поскорее уехал из Их-хурэ.[2430]

Таковы были слухи. Факты же говорят о том, что отношения Далай-ламы XIII с двором Богдо-гэгэна VIII стали натянутыми. Далай-лама через российского консула просил довести до китайских чиновников и Хутухты слово о заступничестве.[2431] Эта ситуация вызвала устойчивые слухи о негостеприимстве в Их-хурэ и разногласиях между двумя иерархами.

По-видимому, вследствие этого осенью 1905 г. Далай-лама XIII выехал в монастырь Ван-хурэ и зазимовал там, продолжая контакты с царскими представителями и надеясь получить поддержку России. Он смог получить лишь моральную поддержку: российский МИД боялся испортить отношения с империей Цин и Англией. Пекин добился своего: летом 1906 г. Далай-лама направился в Тибет через Китай.

Все эти сведения складываются в картину интриг в окружении Богдо-гэгэна VIII, режиссированных режимом Цыси из Пекина, направленных на раскол буддистов и удаление Далай-ламы XIII из Монголии в Китай. В результате Богдо-гэгэн VIII попал в сложное положение. Отрывочные сведения говорят о том, что он сохранил нормальные отношения с Далай-ламой, но вынужден был скрывать их. Он несколько раз встречался с первоиерархом,[2432] но содержание этих встреч неизвестно. Возможно, как раз тогда и было решено отделиться от империи Цин и образовать союзное государство Монголии и Тибета: ламы и князья Монголии не могли принять такое решение вопреки воле Богдо-гэгэна (см. главу 2).[2433]

Интриги вокруг пребывания Далай-ламы в Их-хурэ дорого стоили Богдо-гэгэну. Из-за того, что его «подставили» и возникла видимость конфликта, у него пропало зрение. Европейцы предполагали, что у него катаракта. Он имел возможность лечиться у европейских врачей (даже бесплатно), но отказался.[2434] Чтобы восстановить зрение, в Их-хурэ следовало построить самый большой храм монастыря Гандантэгчинлин со статуей бодхисаттвы Авалокитешвары — Мэгжид-Джанрайсэг. Создание этой статуи и храма благословил Далай-лама, когда был в Их-хурэ. Работа была долгой и закончилась только в 1913 г.[2435] Статуя высотой 40 локтей была отлита в Долон-норе и привезена в Их-хурэ. Для строительства собирали пожертвования народа, использовали также заем от России. Зрение, действительно, вернулось к Богдо-гэгэну, хотя не полностью. Он ходил в черных очках, плохо видел, на что указывают многие свидетели.[2436]

Режим Цыси нарушил обязательства, на основании которых монголы признали сюзеренитет маньчжурской династии: началось заселение монгольских земель китайцами. Создалась угроза ассимиляции. Монголы решили отделиться от империи Цин и образовать собственное теократическое государство (подробнее см. главу 2). Решающую роль в этом сыграло духовенство и лично Богдо-гэгэн VIII. Да-лама Цэрэнчимэд, хан Пунцаг и еще 16 человек поднесли Богдо-гэгэну мандалу и поставили вопрос о будущем Монголии. Святитель дал ответ в тот же день. Отделиться решили при поддержке России. Хутухта издал лундэн о том, что Монголия, как слабое государство, должно опираться на сильное — Россию и Белого царя.[2437] В Петербург было отправлено посольство, царское правительство поддержало монголов. В конце 1911 г. князья Халхи потребовали от амбаня Саньдо, чтобы маньчжурские и китайские чиновники покинули Монголию (подробнее см. главу 2). Богдо-гэгэн издал соответствующий указ. Чиновники подчинились.

29 декабря 1911 г. в столице Внешней Монголии прошла торжественная церемония возведения Богдо-гэгэна VIII на престол великого хана (Богдо-хана) Монголии, в которой приняли участие посланцы четырех аймаков, известия о поддержке пришли и из других мест. Богдо-хану торжественно вручили государственную печать, от имени разных групп населения были зачитаны торжественные адреса, в которых выражали пожелание, что он будет развивать религию, дарует счастье людям, будет молиться за благо и процветание народа. Читали молитвы, Богдо-хану вручали хадаки. О переходе в его власть заявили многие аймаки и сеймы, причем не только в Халхе: также Хубсугул, Урянхай, Дариганга, Хулунбуир (Барга), Шилэн-гол (Силингол), дэрбэты и др.

Богдо-хан стал править под девизом Многими Возведенный. Этот титул был очень важен для монголов. Монгольские летописи XVII–XIX вв. выстраивали непрерывную преемственность великих ханов Монголии от мифи-

ческого древнеиндийского царя, известного в Монголии как Махасамадхи, с титулом «Многими возведенный великий хан».

Монголия стала независимым государством. В своем первом указе Богдо-хан обещал развивать буддийскую религию, укреплять ханскую власть, стараться ради благосостояния и счастья всех монголов в надежде, что все феодалы тоже будут служить стране и вере честно и с усердием. Многие получили награды. Таким образом, принимая монархическую власть, Богдо-гэгэн VIII декларировал в качестве высших ценностей благо монгольского народа и его религии.

Власть Богдо-хана Монголии была легитимной.[2438] Эта легитимность опиралась на традиционную систему ценностей, общенародную поддержку, политический и духовный авторитет. Иными словами, по классификации М. Вебера,[2439] это было сочетание традиционной и харизматической моделей легитимности власти. Соответственно, правительство, действовавшее под верховным руководством Богдо-гэгэна VIII, также было легитимным.

Стремясь консолидировать страну и избежать наступающих потрясений, Богдо-гэгэн VIII в своих лундэнах подчеркивал необходимость прекращения междоусобиц, ссор и взаимной вражды монголов, угнетения высоких и низких людей, важность укрепления семьи и т.п.[2440] Основу этого Богдо-гэгэн видел в нравственном совершенствовании людей и религии. Лундэны касались самых разных тем — религиозных вопросов, государственного управления, связей с другими странами, финансов, таможенных правил, награждений, охраны природы, возмещения людям, пострадавшим от потерь скота, мерам против голода и т.д. Гора Богдо-ула около столицы и ряд других мест, фактически, были объявлены заповедниками. Так еще до насаждения европейского просвещения в Монголии вводились законодательные меры охраны природы. Лундэны были краткими, понятными для простого народа, вызывали религиозное почтение и потому исполнялись.

Богдо-хан организовал верхнюю и нижнюю палаты (в верхнюю входили министры, в нижнюю — министерские чиновники), пять министерств, облегчил налоговое бремя, уртонную повинность. Все это было сделано до февраля 1914 г. Первым премьер-министром стал Сайн-нойон-хан Т. Намнансурэн. Обе палаты работали всего шесть лет, но успели издать ряд важных актов в области политики, экономики, финансов, торговли, культуры и т.д. Большое внимание уделял Богдо-хан военному делу и мобилизации. Мобилизации подлежали молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет, которые не учатся и не являются монахами. В Худжир-Булане была организована военная школа с русскими инструкторами.

Богдо-хан интересовался международным положением, политикой, экономическими и научными достижениями других стран, поощрял модернизацию страны. При нем построили несколько мастерских и заводов, типогра-

фию, пекарню, больницу, ветлечебницу, мельницы, радиостанцию, телеграф, телефон, автомастерские, электростанцию, банки, военное училище и т.д. Неправ был Э.-Д. Ринчино, что «государство феодалов и теократов совершенно не считало нужным иметь какие-либо заботы о народном благе — поднятии хозяйства, народном образовании, народном здравии и т.п., при деспотии князей и монахов не было ни одной народной школы, ни одного врачебного пункта или больницы.»[2441]

Богдо-гэгэн поддерживал не только монастыри и религиозное образование, но и светские школы, на которые выделял средства. Во исполнение его указаний, Ж. Цэвэн разработал программу обучения для начальных и средних школ. Хотя это встречало противодействие некоторых религиозных деятелей, Богдо-гэгэн через три года утвердил ее. Он поддерживал многих талантливых людей, таких как музыкант Лувсан-хурч, художник Б. Шарав, ремесленник Цэрэвсодном. В его правление было создано немало шедевров не только религиозного, но и светского искусства. Он призывал учителей, монахов распространять книги о традиционной медицине, даже сам написал книгу «Течение целебного источника жизни» (монг.: «Рашааны урсгал усын оршив»), призывал всех чтить историю своих народов, читать сочинение великого пятого Далай-ламы «Доктрина религии и власти». После обретения Монголией независимости верхняя и нижняя палаты единогласно одобрили инициативу Цэдэнсоднома перевести «Историю Великого Юаньского государства».

Став независимым государством, Монголия стала и тем центром, вокруг которого интегрировалось национально-освободительное движение на других территориях. Богдо-гэгэн VIII и его главный советник Да-лама Цэрэнчимэд были последовательными сторонниками создания независимого монархического государства всех монголов. Этот вариант панмонголизма лучше соответствовал монгольской традиции, чем более поздний республиканский вариант с участием бурятских революционеров (см. главу 5).

Китай пытался вести секретные переговоры с правительством Богдо-хана за спиной России. Хутухта резонно ответил, что монголы присягали на вер-

Да-лама Цэрэнчимэд.

ность маньчжурской династии, а в результате революции в Китае эта связь порвалась.[2442] Переписка некоторое время продолжалась, причем Юань Шикай призвал Богдо-хана и Далай-ламу восстановить связь Монголии и Тибета с Китаем в составе «одной семьи», поскольку они терпели притеснения от маньчжурской династии, а она теперь пала. Но эти призывы не нашли отклика. Ведь «единую семью» составляют разные монгольские народы, к ним примыкают тибетцы, тогда как ханьцы относятся к другой цивилизации.

Богдо-хан рассчитывал на поддержку России и Японии в объединении Внешней и Внутренней Монголии. Но эти попытки не увенчались успехом, а собственных ресурсов было недостаточно. Тем не менее, Халха до конца оказывала помощь восставшим. Россия сочувствовала борьбе монголов против экспансии Китая, но официально не вмешивалась. Поддержав провозглашение независимости, подписав с Монголией соглашение, а затем Русско-китайскую декларацию 1913 г., Россия предоставила ей заем и оружие. Император Николай II лично принимал посланцев Богдо-хана, некоторые из них были награждены орденами Св. Анны и Св. Станислава. В свою очередь, осенью 1912 г. во дворце Ливадия в Ялте Николаю II от Богдо-хана был вручен орден Эрдэнийн-Очир (Драгоценной Ваджры) 1-й степени, установленный специально для иностранцев.

Долгие переговоры привели к подписанию в 1915 г. трехстороннего Кяхтинского соглашения между Россией, Китаем и Монголией, которым обеспечивалась широкая автономия Монголии (подробнее см. главу 2). На трехсторонних переговорах правительство Богдо-хана рассматривалось как самостоятельная сторона. Богдо-хан отклонял все предложения китайского президента вести закулисные переговоры и т.п. Фактически, автономная Монголия осталась независимой. Подписание соглашения стало возможным благодаря твердой позиции Богдо-гэгэна VIII, дипломатическим талантам российского представителя И.Я. Коростовца и личной поддержке Николая II. Русские купцы получили ряд преференций в Монголии, что способствовало развитию ее промышленности и сельского хозяйства.

После революций Россия погрузилась в смуту и уже не могла оказывать былую поддержку Монголии. Воспользовавшись этим, республиканский Китай стал готовить новую оккупацию. Чтобы избежать этого, Богдо-гэгэн VIII проводил очень осторожную политику, лавируя между крупнейшими игроками на Дальнем Востоке — Россией, Китаем, Японией и США. Он старался поддерживать хорошие отношения со всеми этими странами, отказался участвовать в панмонгольском движении. Но Китай в 1919 г. ввел войска в Монголию (подробнее см. главу 5). Генерал Сюй Шучжэн инспирировал «коллективную петицию» монголов о «возвращении» в состав Китая, Богдо-гэгэн отказался приложить ней печать. Сюй силой оружия заставил Хутухту покло-

ниться портрету президента Китая в знак признания его власти. Но и после этого Богдо-гэгэн VIII продолжал тайно поддерживать борцов за независимость Монголии, безуспешно просил помощь у Америки, Японии и России. Неверно писал В.И. Юдин, будто Богдо-гэгэн запретил какие-либо выступления против оккупантов.[2443]

Когда Унгерн вошел в Монголию, китайцы арестовали Богдо-гэгэна VIII и посадили его в небольшой дом рядом с ямынем в Нийслэл-хурэ. Арестовал его делопроизводитель Самбу (харчин на китайской службе) с 50 гаминами. Китайцы расклеили прокламации, что Богдо-гэгэн переведен в этот дом для его же безопасности.[2444] Когда из Китая в Нийслэл-хурэ прибыл Чэнь И, по его настоянию Богдо-гэгэна перевели под домашний арест в зимний дворец на Толе.[2445] Унгерн вступил в тайные контакты с Хутухтой. 29 января 1921 г. посланец доставил Унгерну благословение Богдо-гэгэна на изгнание китайцев из Монголии, написанное на желтом шелке, с приложением печати.[2446]

Тогда же унгерновцы утвердили план освобождения монарха. Для этого был создан отряд специального назначения из тибетцев, монголов и бурят. Этих тибетцев в русских источниках часто называют тангутами (буряты всех тибетцев называли тангутами). В отряде было 10 тибетцев во главе с Саджаламой, 70 монголов во главе с баргутом Лувсаном и несколько бурят, по-видимому, во главе с Тубановым, который участвовал в выработке плана, а затем, по-видимому, координировал операцию. В ночь с 31 января на 1 февраля отряд двинулся в направлении монастыря Манджушри-хийд на южном склоне Богдо-улы, где должен был оставаться до особого распоряжения. В ночь на 2 февраля часть отряда перешла через гору и вышла в большую падь Их-Тэнгэрийн-ам на ее северном склоне. В этой пади размещался заслон в 50 китайцев. Этот заслон уничтожили ночью без единого выстрела, и под утро спустились к Толе по той же пади.[2447]

Дилова-хутухта Джамсаранжав вспоминал: «Перед самым рассветом, немного солдат с желтым флагом спустились с Богдо-улы, перешли реку Тола и направились в сторону дворца Богдо, Высокого храма. Джалханцза-гэгэн по дороге в свой ямынь увидел их и спросил китайских офицеров: «Эти солдаты пришли вместе с нашими солдатами?», и они ответили: «Да». Когда он спросил: «Получили ли они желтый флаг? Мои глаза не могут четко рассмотреть их», они сказали: «Это солдаты из нашего отдаленного патруля». В то время как они говорили это, некоторые всадники с этой стороны направились к ним. Тогда солдаты стали в них издали стрелять и сбили одного человека с лошади, а остальные бежали обратно. «Что случилось?» — спросил Джалханцза-гэгэн, и ответ был: «Оказалось, что это не наши солдаты». Сразу после этого множество пехотинцев выбежало из казарм у середины реки, стреляя в сторону противника. Со стороны противника не стали много стре-

лять, но, двигаясь прямо, вошли во дворец Богдо, затем вышли из дворца, скопившись вокруг выпуклого черноватого объекта в середине, и ускакали галопом в том направлении, откуда пришли. На северном берегу реки они оставили объемистый черноватый объект, поскакали дальше по льду, и нашли укрытие среди леса.

Когда Джалханцза-гэгэн спросил: «Что происходит?», они ответили: «Должно быть, они взяли Богдо и ушли». Он сказал: «Если так, что нам теперь делать?», они сказали: «Все именно так; мы можем сделать кое-что; не о чем беспокоиться».

Говорят, в то время Чэнь И ничего не говорил, но много смеялся. Когда эти солдаты удалились, половина их ушла вперед, а половина осталась сзади, стреляя. Когда авангард достиг гор, арьергард ускакал. Затем с китайской стороны солдаты бросились к дворцу Богдо, стреляя, и, когда они были рядом, в них стали стрелять изнутри. Одно подразделение китайских солдат отошло, другое подразделение бросилось вперед. <...> Тех, кто стрелял изнутри дворца, было 12 человек из монгольских конных солдат, которые были оставлены для защиты дворца. Они стреляли из разных видов оружия, и из них один человек был ранен тяжело, а другой легко. <...>

Для того чтобы с почтением вывезти Богдо, барон отрядил 60 монгольских конников с приказом сопровождать Богдо и доставить к нему. Они отправились от храма Манджушри-ламы на южном склоне Богдо-улы под вечер 23-го.[2448] Всю последующую ночь они очищали дорогу без единого выстрела от китайских солдат, которые были выставлены вдоль дороги на караульных постах — что и задержало их. Соответственно, они едва успели прибыть вовремя на рассвете 24-го. Они взяли Богдо и Эхэ-Дагину, проводили их обоих в повозке и повезли; но повозка была медленной и не могла далее двигаться быстро, они бросили повозку на краю льда и, посадив их на спину лошади, сопроводили дальше. Говорят, что из тех монгольских солдат ни один не был ранен, тогда как они убили великое множество китайских солдат».[2449]

Итак, китайцы приняли белых за солдат своего заслона, выставленного в пади Их-Тэнгэрийн-ам. Они поняли свою ошибку, только когда пришедшие стали стрелять. Обстреляв противника, пришедшие бросили гранату в скопление гаминов, убив многих из них.[2450] Китайцы бежали, а похитители вошли во дворец Эрдэнэ-Итгэмжит-сумэ, где находился Хутухта с женой Дондогдулам. Их доставили в карете до замерзшей Толы. Карету бросили у северного берега напротив дворца. Затем их повезли вверх по Толе[2451] на лошадях к пади Их-Тэнгэрийн-ам. Эта падь находится на противоположном берегу Толы примерно в 2 км вверх по течению от Зеленого дворца. Хутухту с женой тибетцы перевезли через Богдо-улу в монастырь Манджушри-хийд на лошадях,[2452] а не передавая из рук в руки.[2453] Путь через гору по пади

Их-Тэнгэрийн-ам более короткий и менее сложный, чем через другую падь — Зайсангийн-ам, которая находится прямо напротив Зеленого дворца. В Манджушри-хийде Богдо-гэгэна ждали унгерновцы из отряда Тубанова.

Из казарм послали гаминов, но они не смогли помешать похищению. Арьергард похитителей (12 человек) занял оборону, задержал гаминов, а затем закрепился во дворце.[2455] Со стороны монастыря Гандантэгчинлин китайцы сделали несколько выстрелов по дворцу. После протеста Джалханцза-хутухты артобстрел прекратили. Перебив много гаминов, защитники дворца продержались до освобождения Нийслэл-хурэ белыми. В день похищения Богдо-гэгэна другие отряды Унгерна на противоположном конце города вели бои с гаминами. Это отвлекло часть сил последних.

В день освобождения Нийслэл-хурэ крупные феодалы и ламы поехали в Манджушри-хийд поздравлять Богдо-гэгэна с освобождением и приветствовать Лувсанцэвэна, охранявшего монарха.[2456]

21 февраля 1921 г. барон, ламы и нойоны привезли Богдо-гэгэна в столицу из Манджушри-хийда. 22 февраля 1921 г. (15-й день Белого месяца) с большой пышностью была проведена церемония его возведения во власть Богдо-хана Монголии. Уже за несколько дней со всей страны в столицу стекались духовенство, феодалы и простой народ. По определению лам, торжественный выезд Богдо-гэгэна назначили не на шесть часов утра, как предполагалось, а на девять.[2457] Ровно в 9 часов шествие открылось звуками труб, отгонявших злые силы. За трубачами шли несколько сот монахов, читавших молитвы. За ними показалась большая колесница с монгольским флагом на вершине, запряженная 12 белыми конями. Следом двигалась белая, золоченая карета московской работы, в которой ехал Хутухта. Вокруг нее ехали на конях высшие монгольские князья в парадной одежде, около 70 человек. Замыкали процессию шедшие попарно флейтисты и телохранители Богдо-гэгэна. На них были красные халаты и желтые нарукавные повязки с черной свастикой.

Процессия приблизилась к выстроенному войску белых. Унгерн, сидя в седле, скомандовал: «Смирно! Равнение направо!», и повторил эту команду по-монгольски («Зогс! Баруун тийш!»). В сопровождении Резухина барон верхом подъехал к Богдо-гэгену, чтобы отдать рапорт. Казаки взяли шашки «на караул», монголы и буряты, выстроенные справа по ходу процессии, встали на правое колено, «держа повод на локтевом суставе правой руки и туда же склонив ствол поставленной на землю винтовки». Отдав рапорт, Унгерн и Резухин заняли место сразу за каретой Богдо-гэгэна. Заиграл оркестр, ему отозвались храмовые трубы, отгонявшие злые силы. Процессия двинулась в монастырь, а чинам Азиатской дивизии была дана команда «греться». Церемония интронизации проходила в храме Майдари-сумэ. Затем Унгерн там же сделал подношение Богдо-гэгэну (подробнее см. в главе 14). В мона-

стыре находился также Резухин. Выход Богдо-хана из монастыря сопровождался орудийным салютом.

Примерно через час из монастыря вышел Резухин и присоединился к офицерам. Появился Унгерн на белом коне, в парадной одежде монгольского аристократа. Он произнес перед собравшимися речь на монгольском языке, в которой напомнил о былой славе монголов — потомков Чингис-хана и заявил, что эта слава воскреснет с восшествием на престол Богдо-хана.[2458] После этого в Зеленом дворце Джебцзундамба-хутухты прошел званый обед. На нем присутствовали Унгерн, Резухин, Жамболон, Тубанов, высшие сановники Монголии и офицеры Азиатской дивизии, получившие монгольские титулы. Остальные чины дивизии и всадники обедали в гарнизонном собрании. Интендантство выдало по бутылке вина на каждого. Многочисленные монголы, прикочевавшие на интронизацию, пировали несколько дней.

В марте Богдо-хан сформировал правительство. Позже, на допросах коммунистами, Унгерн заявлял, что роль Богдо-хана в создании правительства и управлении страной ничтожна, что политикой руководят за его спиной и от его имени министры, но, в то же время, своих людей Хутухта «здорово держит в повиновении».[2459] Возможно, он сознательно дезинформировал красных, зная о том, что столица теперь находится в их власти.

Покровительствуя Унгерну, Богдо-гэгэн VIII, по-видимому, вначале надеялся на реставрацию Российской империи. Но затем он понял, что это невозможно. Когда Унгерн решил идти в поход на Сибирь, Богдо-хан договорился с ним, что это будет собственная инициатива барона и, в то же время, приказал монголам оказывать ему содействие. До самого вступления красных в столицу Богдо-хан старался убедить их сохранить легитимное монгольское правительство. Когда красные подошли к Нийслэл-хурэ, Хутухта через глашатаев велел радушно встретить их, а за 10 км от столицы выслал начальника своей стражи для почетного приветствия.[2460]

Вместе с военными прибыло временное народное правительство. Как всегда в таких случаях, «народ с ликованием встретил красных». Разумеется, был созван митинг. После него народное правительство и его войска двинулись к резиденции Богдо-хана для изъявления почтения и преданности, в противоречии с коммунистическими понятиями. Но Хутухта не пожелал выйти, и ламы протянули из рук святителя канат вдоль фронта, касаясь которого построившиеся получали благословение. Правительство, начдив, военком, начбриг получили от него хадаки (шелковые шарфы) в знак дружбы.[2461] Тогда же прошел и парад войск гарнизона Троицкосавска в честь занятия Нийслэл-хурэ.[2462] На нем выступили командующий Экспедиционным корпусом и представитель МНП.

Авторитет Джебцзундамба-хутухты среди монголов был столь высок, что большевики не посмели его свергать. Еще до взятия Нийслэл-хурэ ЦК

РКП(б) издал заранее подготовленную директиву, согласно которой Богдо мог номинально сохранить свой пост после революции.[2463] 11 июля 1921 г. во дворце состоялась церемония возведения Богдо-хана на престол ограниченного монарха, вслед за которой на площади состоялся очередной митинг.[2464] Изменение высшей власти по указаниям иностранных коммунистов — не законный, а революционный акт. Передача власти объяснялась красными необходимостью «наибольшего содействия культуре и прогрессу».[2465] В действительности разгром традиционализма красными привел к упадку духовной культуры на фоне довольно ограниченного технического прогресса.

Хотя фактическую власть получило народное правительство, многие деятели бывшей администрации продолжали величать Богдо неограниченным монархом, а сам хан издал указ о восстановлении парадной феодальной формы чиновников.[2466] «Распространялись слухи» о притеснении религии красными. В результате 1 ноября 1921 г. Богдо-гэгэна VIII вынудили подписать так называемый «Клятвенный договор», которым он, фактически, лишался права влиять на важные государственные решения. «Законы, развивающие и расширяющие основы демократизма, пользу и благо народных масс, подлежат лишь доведению до сведения Богдо-хана», в случае угрозы государству правительство издает законы и распоряжения, даже не уведомляя Богдо-хана и т.п.[2467]

Этот договор подписан под несомненным внешним давлением. Потому его легитимность сомнительна, подобно признанию власти Китая при Сюй Шучжэне. Иногда пишут, что подчинение Хутухты внешнему диктату — признак беспринципности. Но к чему привел бы отказ? Не к сохранению власти, а лишь к усилению репрессий против народа. Поэтому действия Богдо-гэгэна VIII были оправданы буддийским принципом сострадания.

Вместе с победой красных из РСФСР в Монголию перекинулась борьба с религией. Уже в 1921 г. Далай-лама XIII получил от Богдо-гэгэна VIII письмо о том, что Советы, уничтожив свои храмы и священные книги, добрались до Монголии и при содействии МНП сместили Хутухту с престола.[2468]

Народное правительство формально сообщало о важнейших мероприятиях монарху, но он не мог их менять или блокировать. Документы правительства он больше не утверждал, а лишь помечал: «Ознакомлен» (монг.: Мэдэв). Не утверждал он и смертные приговоры, которые выносили и приводили в исполнение красные.[2470] Он не смог даже предотвратить расстрелы тех, кому покровительствовал — героям национально-освободительной борьбы: Тогтохо-гуна, Саджа-ламы, Тубанова, Лувсанцэвэн-вана, Жамболон-вана, Джамц-гуна и др.

Следуя большевистскому взгляду, что пребывание белых в Монголии — это агрессия и оккупация, а не освобождение от китайского гнета, Народное

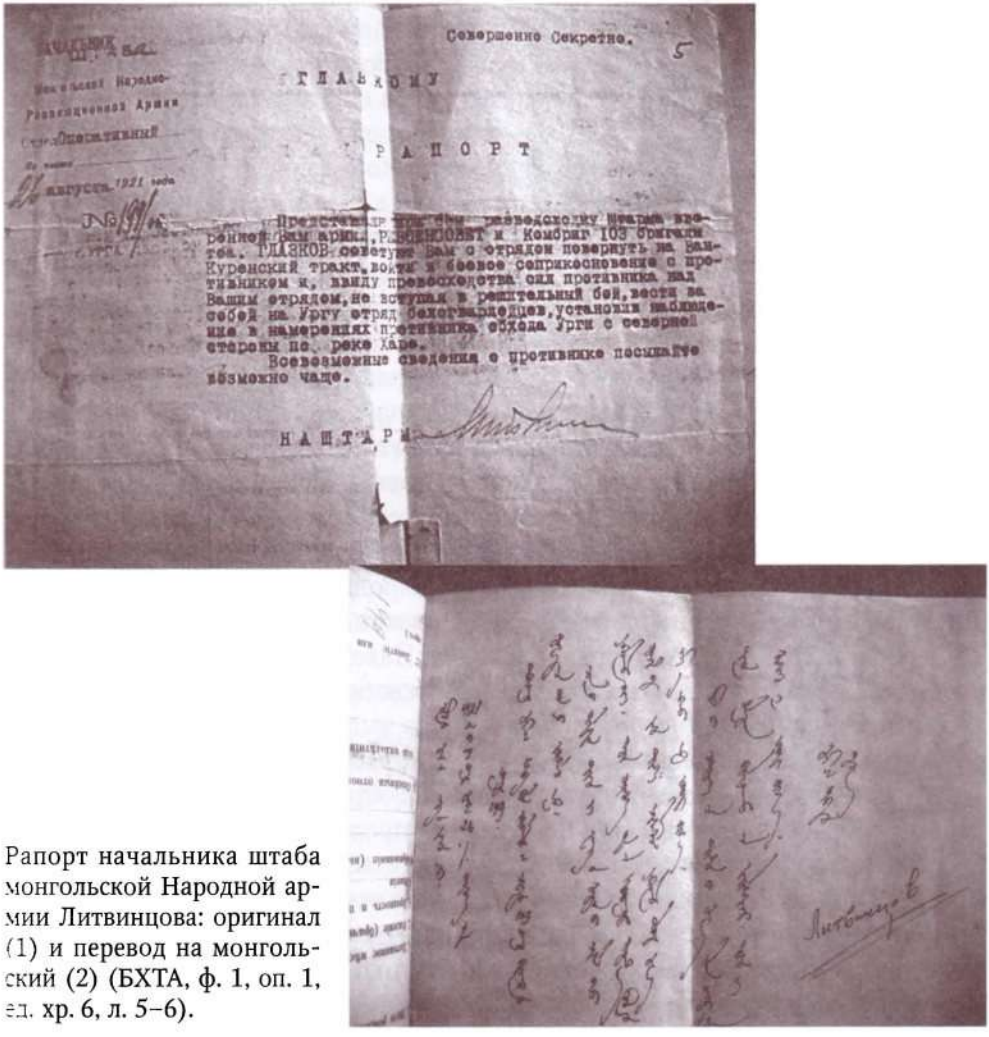
правительство даже создало специальную комиссию об упразднении наград, присвоенных при Унгерне. Разумеется, доклад этой комиссии был признан «очень правильным».[2471] В октябре 1921 г. были аннулированы печати и жалованные грамоты ряда хутухт и феодалов.[2472] 26 апреля 1922 г. появилось послание монгольского МИД о том, что вопрос о вине русских и монгольских частей, воевавших на стороне Унгерна в Монголии, является спорным.[2473] По-видимому, это был мягкий ответ на давление большевиков.

Советская печать сообщала о контрреволюционерах и послереволюционном восстановлении хозяйства Монголии, возобновлении ввоза товаров и т.п.[2474] Однако уже вскоре после занятия Нийслэл-хурэ новая власть по указанию большевиков стала «закручивать гайки».

В архиве Б.Н. Волкова сохранился ряд свидетельств на этот счет. Экономические реформы, которых не ждали, начались в Монголии уже в 1921 г. По рассказам очевидцев, сумевших выехать из Монголии в 1922 г. (что было не просто), таможенные ставки повысили столь резко, что иностранные фирмы в Нийслэл-хурэ стали закрываться. У российских колонистов новое правительство отобрало землю и оставило только дома и постройки, а монголам было объявлено о переводе в оседлость. У монголок стали насильно срезать традиционные длинные прически. Во главе российской управы в Нийслэл-хурэ встал бывший рабочий А.Я. Охтин — «прилично говорит по-латышски, скверно — по-английски, из рук вон плохо — по-русски». Его помощник — латыш Березин. Монгольскими финансами занимались два еврея, рождение одного из которых «оспаривают десять русских городов», как невежливо писал один из корреспондентов Б.Н. Волкова. По материалам последнего, вначале советские солдаты в Нийслэл-хурэ ходили оборванные и грязные, выпрашивали подаяние у колонистов, монголы снабжали их продовольствием. За зиму растащили на дрова деревянные заборы и некоторые дома... Но монгольский отряд во главе с Сухэ-батором и советским начальником монгольского Генштаба В.А. Хува производил хорошее впечатление, учение проводилось ежедневно. Вступив в Нийслэл-хурэ, большевики заявили, что Урянхай неправильно отобран у монголов и будет им возвращен. По Волкову, туда был направлен монгольский сановник, но потом ситуация изменилась и комиссар выгнал его.[2475]

Все имущество, захваченное у белых в Монголии, большевики официально передали монгольскому народному правительству. Монголам возвращали реквизированный скот. Но к российским колонистам относились с подозрением. Например, в 1924 г. произошел занятный случай. И. Лоскутников, бежавший из п. Мандал во время нападения унгерновцев, лишь теперь обнаружил свои грабли и косилку в отделе снабжения монгольской Нарревармии в Нийслэл-хурэ. Чтобы вернуть их, Лоскутников дошел до министерства юстиции. Оно решило передать решение вопроса еще выше — в народное правительство.[2476]

Большевики направляли деятельность новых властей через своих эмиссаров. Например, Х.Б. Кануков стал начальником разведуправления монгольской Народной армии, первым красным комендантом Нийслэл-хурэ, инициатором организационного собрания Союза монгольской революционной молодежи, участвовал в коллективизации и т.п. Должность начальника штаба монгольской Народной армии с 1921 по 1930 г. занимали советские военные специалисты.[2477] Например, сохранились рапорты начштаба армии Литвинцова за август 1921 г. Они написаны на бланках монгольской Народно-революционной армии по-русски с приложенным переводом на монгольский. Сами бланки тоже на русском, причем напечатаны на обороте бумаг бывшего царского консульства в Нийслэл-хурэ.

Совершенно Секретно.

5

ГЛАВНОМУ

РАПОРТ

августа 1921 года

№ 197/

Представитель разведсводки штарма вверенной Вам армии, РЕЗЕНШОВЕТ и Комбриг 103 бригады тов. ГЛАЗКОВ советуют Вам с отрядом повернуть на Бал-Куренский тракт, войти в боевое соприкосновение с противником и, ввиду превосходства сил противника над Вашим отрядом, не вступая в решительный бой, вести за собой на Ургу отряд сбегающихся, установив наблюдение в направлениях противника обхода Урги с северной стороны по реке Харе.

Всевозможные сведения о противнике посылать возможно чаще.

НАЧШТАРМ

Литвинцов

Рапорт начальника штаба монгольской Народной армии Литвинцова: оригинал (1) и перевод на монгольский (2) (БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6, л. 5–6).

Э.-Д. Ринчино (МТМ).

Председателем реввоенсовета МНР, членом ЦК МНРП и президиума народного правительства стал бурятский националист и революционер Э.-Д. Ринчино. Он принимал деятельное участие в насаждении новых порядков в Монголии, а после смерти Д. Сухэ-батора в 1923 г. сосредоточил в руках большую власть. На III съезде МНРП он обосновал идею некапиталистического развития чужой страны, был одним из авторов ее первой конституции. Есть сведения, что под прикрытием революционных фраз он старался отомстить за отказ участвовать в панмонгольском движении деятелям монархической Монголии.[2478]

Уже осенью 1921 г. красные раскрыли один из первых заговоров в новой Монголии. В нем участвовало около 300 «мятежников».[2479] Во главе них были Саджа-лама, Лувсанцэвэн-ван, Джамц-гун, бывший белый Джамбал. По признательным показаниям последнего, «Саджа-лама сказал, что эта Народная партия, организовавшая власть, не нравится не только Богдо-хану. Наши тибетцы и многие ламы Гандана и Хурэ хотели стать белой партией. Когда я спросил, сколько солдат хотят там быть, Саджа-лама сказал, что подготовленных солдат нет, но есть 300 тибетцев, у каждого по 2–3 ружья, по 200–300 патронов, они всегда готовы поймать и расстрелять министров — главарей Народной партии, тогда у нас будет много оружия и боеприпасов».[2480] Повстанцы собирались выступить 21 ноября 1921 г., но их арестовали раньше. Находясь в тюрьме, Саджа-лама собирался бежать с тремя арестованными, освободить других заговорщиков и свергнуть народное правительство.

В июле 1922 г. в Монголии был создан красный карательный орган — Государственная внутренняя охрана (ГВО). За образец взяли ВЧК, еще в феврале преобразованную в ГПУ. Вскоре ГВО предотвратила новую попытку восстановить власть Богдо-хана. Заговорщикам инкриминировали связь с Японией, Чжан Цзолинем, американским консулом Сокобином, белыми, Дамби-Джанцаном. Осенью 1922 г. были расстреляны 15 участников заговоров и тех, кто их укрывал: Саджа-лама, Тогтохо-гун, Да-лама Пунцагдорж, Лувсанцэвэн-ван (Цэвэн-тэргун), лама Бодо, лама Гомбо, Дэндэв-гун, Алтан-

гэрэл, Чагдур, чахар Анинга и др. Тогда же за контрреволюционную деятельность арестовали группу русских (А. Мячков, И. Лантратов, В. Баронин,[2481] Ф. Суюшев, В. и А. Фроловы, отец и сын Поддельские, Богданов, Зубакин), бурят, 17 тибетцев и китайцев.[2482] Из русских освободили лишь Богданова и Зубакина, большинство остальных отправили в Россию.[2483] Позже выявили группу заговорщиков во главе с Ламжав-гуном. В 1922 и 1924 гг. в целом ряде бывших шаби и в четырех восточных хошунах «некоторые чиновники и зажиточные элементы» уклонялись от учета скота, чтобы не платить красным налоги, распространялись «клеветнические слухи».[2484]

ГВО проводила обыски у лиц, подозреваемых в сочувствии к белым, китайским, японским и другим антиправительственным группам[2485] — реальным и вымышленным. Задачу облегчало наличие списка людей (по аймакам и хошунам), которые служили у барона.[2486] В июне 1922 г. в Нийслэл-хурэ задержали двух белых офицеров, бежавших из иркутской тюрьмы.[2487] В июле того же года отмечались локальные бои между войсками ДВР и белыми партизанами.[2488] В боях против отрядов, насчитывавших по 150–200 человек, участвовали советские калмыки, прикомандированные к монгольской Народно-революционной армии.[2489] Осенью у границ были стычки армий ДВР и Монголии с пришедшими из района Хайлара белыми отрядами генерала И.Ф. Шильникова — одного из организаторов белоповстанческого движения в Забайкалье в 1921–1923 гг.[2490]

В 1922 г. премьер-министром Монголии был назначен Джалханцза-хутухта, чтобы рассеять слухи о наступлении новой власти на религию. Он выступил против этих слухов, озвучивал красную агитацию. Но в том же году к японскому императору отправился с тайной миссией Цэрэнпил-гун. Он вез письмо, в котором сообщалось о притеснениях монголов красными и о пользе, которую принес Монголии Унгерн.[2491] На письме стояла печать министерства внутренних дел. В этом заговоре участвовали Манджушри-хутухта, Сэрэнэн (врач Богдо-гэгэна), лама Цэвэнноров, хубилган Довчин из Цэцэнханского аймака, Иш, лама Чадарвал, феодал Цогбадрах и Дамдинхишигт.[2492]

Еще в одном заговоре участвовали монголы с унгерновцами Ц. Тубановым и Ц. Очировым, которые собирали в Маньчжурии оружие и помощь от белых и китайских военных чиновников.[2493] Тубанов, уйдя в Хайлар вместе с Найдан-ваном, поступил на работу в штаб к родственнику Унгерна — генералу Чжан Куйу.

Дальнейшие события развивались так.[2494] Очиров, приехав в Маньчжурию, встретился с Тубановым. Они поступили на службу к Шильникову. Чтобы уничтожить власть красных в Монголии, Очиров и Тубанов собирались создать из белых русских и бурят войско, чтобы соединиться с теми белыми, которые еще оставались на Ононе. Они собирали сведения о положении в

Монголии. Их главным информатором был Цэдэнгалдар из хошуна Ачитувана Цэцэнханского аймака, бывавший в Маньчжурии по торговому делу. Вместе с Тубановым он в 1921 г. участвовал в походе на Чойрын. Тубанов сообщал Шильникову то, что узнавал от Цэдэнгалдара. В районе Онона он установил связь с белыми и стал готовить восстание не позже декабря 1922 г. Оружие было русским и японским. Ожидалась поддержка от генерала Шильникова с его байкальской дивизией, бойцами генерала Мациевского и есаула Тобоева. В местности Гурван-Харул в районе Дзамын-Удэ скрывался унгерновский есаул Галданов. Очиров планировал встретиться и с ним.

Тубанов и Очиров с их людьми проникли в Монголию. При переходе границы Тубанова арестовали красные солдаты, остальные разбежались. Очиров и Ванчинов приехали в Гурван-Харул (Три караула), встретились там с полковником Мироновым, дали денег на подготовку солдат. Произошло столкновение с красными монголами, белых разбили. Очиров с бурятом Батом бежали. В местности Сугнугур на Баян-голе Очиров стал тайно вербовать солдат.[2495]

В январе 1923 г. он написал Хатан-батору Максаржаву и Джалханцза-хутухте: «Я в Сугнугуре Баян-гола вербую солдат и собираю войска. С северной стороны я нападу на Хурэ, а вы, Хатан-батор и Джалханцза-хутухта, сделайте вооруженное восстание в Нийслэл-хурэ. Вместе свергнем народную власть и установим абсолютную власть Богдо». Это письмо Максаржав сдал в МВД. Сотрудники ГВО пришли в местность, где был Очиров, вручили ему фальшивое письмо от Хатан-батора и Джалханцза-хутухты. Очиров поверил им и был арестован.[2496] Так, благодаря новому предательству Максаржава, сорвалась еще одна попытка восстановить монархию.

19 июня 1923 г. была создана комиссия для изучения дела Тубанова, Очирова и других, 25 июня она приняла решение о «мере пресечения».[2497] 9 июля 1923 г. состоялось совещание членов правительства по решению этой комиссии. Оно постановило, что решение соответствует закону. Заступничество Богдо-гэгэна не дало результата. Отменить приговор он не мог в силу «Клятвенного договора». Он смог лишь написать на приговоре красными чернилами: «Указ узнал» (монг.: «Зэрлэг мэдэв»). 9 сентября 1923 г. Тубанов и Очиров были расстреляны за антиправительственную деятельность.[2498] Помогавшие им Цэдэнгалдар, лама Гочоо и Самдан получили от 3 до 6 лет заключения по обвинению в шпионаже, 8 бурят депортированы без права въезда в Монголию на 10 лет, 4 бурята отпущены.

Таким образом, неоправданно мнение о том, что в этот период влияние Богдо-гэгэна на политику было значительным.[2499] Он был очень популярен среди народа, но политику в Монголии определяли большевики через Коминтерн и МНП.

Первые годы на вершине власти был Д. Сухэ-батор. 22 февраля 1923 г. он умер, по одним данным — от болезни (видимо, гепатита), по другим — от

яда. Кое-кто, возможно, еще помнит фильм «Его звали Сухэ-батор» (1942 г.). В нем озвучена красная версия, что героя отравили ламы по указанию Богдо-гэгэна. Это ложь. Смерть Сухэ-батора была выгодна коммунистам. Им нужен был не самостоятельный лидер, а такой, который безропотно выполнял бы их указания. Не исключено, что был близок к истине атаман Семенов, который передал предсказание о смерти Сухэ-батора от рук красных.[2500] Примечательно, что вскоре после Сухэ-батора — 23 июня умер премьер-министр Джалханцза-хутухта, обладавший большим влиянием.

Богдо-хан ненадолго пережил их. В конце 1923 г. он почувствовал себя плохо. Об этом объявили 25 декабря. Его астрологи и гадатели сказали, что надо читать «Ганджур», а 10 тыс. монахов должны вознести молитву. Из монастыря Дашпилджэлин был приглашен марамба (врач тибетской медицины). Для лечения из казначейства было запрошено 30 тыс. лан серебра под процент. Правительство выделило 20 тыс. лан без процента.

Богдо-гэгэн VIII перешел в мир иной 20 мая 1924 г. в час барса. Причиной смерти был рак горла, а по другим сведениям — убийство.

Так или иначе, 31 мая — то есть всего через 11 дней — СССР подписал с Китайской республикой соглашение об общих принципах урегулирования, установлении дипломатических и консульских отношений. В ст. 5 это соглашение содержало важную уступку Китаю: Внешняя Монголия признавалась его частью. В Монголии больше не было харизматического лидера, который мог бы выступить против этого.[2501] Ее новое руководство было недовольно соглашением. Ринчино даже написал секретное письмо в бурятский обком, в котором предлагал включить Монголию в состав СССР и объединить ее с Бурятией.[2502] Соглашение изменено не было, хотя в Монголии и сохранился статус-кво.

Узнав о смерти Богдо-хана, монгольское правительство спешно собрало заседание, чтобы обсудить вопрос похорон. Решили, что этим будет заниматься ведомство Хамбо-шанцзотбы, из казны выделили 3 тыс. лан, объявили трехдневный траур, в течение 21 дня запретили всякое веселье. В день похорон решили построить траурный караул и провести народные митинги.[2503]

3 июня 1924 г. состоялось заседание бюро ЦК МНП в составе Цэрэндоржа, главкома С. Данзана, Дамбадоржа, А. Данзана (Япон-Данзан), Джадамбы, Лосола и Ринчино. Бюро единогласно постановило учредить в Монголии республиканский строй. 7 июня 1924 г. пленум ЦК МНП, обсудив это предложение, принял следующую резолюцию: «1) перенести печать Богдо-хана в здание правительства для хранения; 2) ввести в стране республиканский строй без президента как главы государства, передав всю верховную власть Великому Народному Хуралу и избираемому последним правительству. 13 июня на совместном заседании ЦК партии и правительства это решение

было одобрено».[2504] Решили, что 7 июня надлежит перенести печать Богдохана в правительство, потом передать в народное собрание. В торжественной обстановке, при почетном эскорте, под звуки гимна, игравшегося раньше при проезде Богдо-хана, печати внесли в дом правительства и опечатали.

Сразу после смерти Бодго-гэгэна VIII большевики стали форсировать революционные преобразования в Монголии. Как отмечает А.С. Железняков, в наше время революцию 1921 г. часто называют «национально-демократической» (в том смысле, что ее осуществили монгольские национал-демократы), а затем Коминтерн и советское руководство стали диктовать монгольским национальным демократам свои условия.[2505] Железняков указывает, что это неточно, т.к. руководители СССР и МНР не были идеологическими противниками, поддерживали друг друга и руководствовались программными целями Коминтерна. С этими выводами можно согласиться, но с уточнением. МНП сама никогда не совершила бы революцию, не захватила бы и не удержала власть без помощи большевиков; коммунистические или демократические идеи ей были изначально чужды.

Уже в июне 1924 г. началась подготовка к провозглашению Монголии народной республикой. Это было оформлено принятием Конституции МНР. В ее основу положили Конституцию СССР с учетом исторических условий Монголии и задач перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм. Ее единогласно приняли на заседании 1-го Великого хуралдана МНР 26 ноября 1924 г. Подняли вопрос о переименовании монгольской столицы. Некий Тэбэкто предложил назвать ее «Монгольский Народно-партийный Пекин».[2506] Большинство было за «Батор-Хото» — «Город Богатыря». Но у коммунистов все должно быть красное. Поэтому на трибуну поднялся уполномоченный Коминтерна Т.Р. Рыскулов и предложил назвать столицу чужой страны «Улан-Батор-Хото» — «Город Красного Богатыря». Предложение приняли единогласно.

Согласно обычаю, тело Богдо-гэгэна VIII подвергли длительной мумификации, сопровождавшейся специальными ритуалами. При огромном стечении монахов и паломников 3 ноября 1924 г. его прах из храма Майдари-сумэ перенесли в Шара-сумэ.[2507] Народное правительство отклонило желание министерства по делам Хутухты и шабинаров об изготовлении субургана и выявления следующего перерождения, для чего следовало отправить посланника к Панчен-ламе. Мотивировали тем, что, хотя возражений нет, между Монголией и Китаем нет дружественного соглашения и официальных сношений, поэтому в данное время все это нежелательно.

Тем не менее, в конце мая 1924 г. по столице Монголии ходили слухи, что новый хубилган уже родился в хошуне Джонон-вана бывшего Цэцэнханского аймака.[2508] В том же 1924 г. высшие ламы столицы начали искать новое перерождение Джебцзундамбы.[2509] В 1925 г. прошел слух, что это ребенок жен-

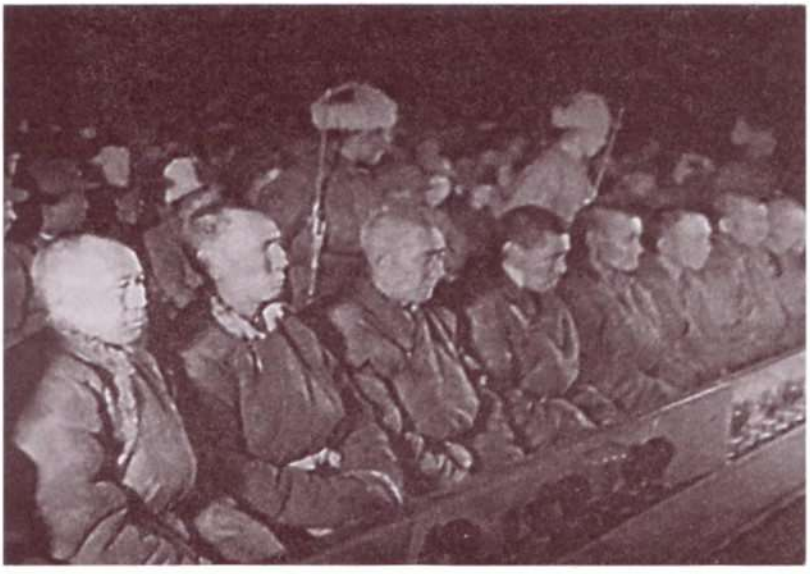
щины по имени Цэнджав из местности Яльбиг (теперь сомон Иро Селенгинского аймака).

Ходатайство о поисках девятого хубилгана Богдо-гэгэна было отклонено Народным правительством. Ряд руководителей Монголии (Ринчино, Дамбадорж, Япон-Данзан) мыслили будущую Монголию республикой. В письме к И.В. Сталину и Г.В. Чичерину (январь 1925 г.) Э.-Д. Ринчино писал об огромном влиянии, какое имеет в Монголии буддизм, о высокой религиозности населения: «При такой обстановке есть опасения последствий отделения церкви от государства, ибо имеется вполне реальная опасность... образования из церкви государства», поэтому он считал важным «не допустить появления 9-го Богдо-гэгэна, который несомненно возглавит это новое государство в государстве».[2510] 7 июля 1925 г. вышло постановление пленума ЦК МНРП, согласно которому решили отложить этот вопрос и организовать комиссию от правительства, чтобы спросить у Далай-ламы. Тем не менее, в Лхасу было отправлено письмо, что Монголия — республика, и Богдо-ханов или Богдо-гэгэнов больше не должно быть.

В ноябре 1926 г. III Великий хуралдан МНР принял специальную резолюцию, в которой, в соответствии с решениями V съезда МНРП, постановил: «В отношении приглашения девятого Хутухты воздержаться, так как об этом нет никаких указаний в священных сказаниях, вследствие чего необходимо детальное выяснение этого вопроса в высших инстанциях буддийской иерархии».[2511] Там же была отмечена необходимость окончательного отделения церкви от государства — хотя уже в решениях I Великого хуралдана в 1924 г. была принята первая конституция Монголии, где в главе 1 провозглашалось, что для обеспечения за трудящимися свободы совести, церковь отделяется от государства, а религия есть частное дело каждого.[2512] Тем не менее, в гл. 2 «Закона об отделении религии от государства» 1926 г. говорилось, что для поисков новых перерождений хутухт надо испрашивать разрешение правительства. В 1928 г. на VII съезде МНРП и V Великом народном хурале окончательно запретили искать хубилгана Джебцзундамбы, о чем велели агитировать среди народа.[2513] Эта ситуация сохранялась и впоследствии. В конституции МНР 1960 г. религия также была отделена от государства (ст. 86). Пункт о том, что Монголия — светское государство, а его отношения с религией регулируются законодательством, сохранился и в конституции Монголии 1992 г. (ст. 9).

Если церковь отделена от государства, то запрет на поиски и приглашение хубилганов, равно как и государственное регулирование этого незаконны: это дело верующих.

В 1925 г. в Улан-Баторе был организован Политический суд, в состав которого вошел начальник ГВО, а председателем стал Х. Чойбалсан.[2514] В 1926 г. главным инструктором ГВО в Монголию был прислан Я.Г. Блюмкин, один из

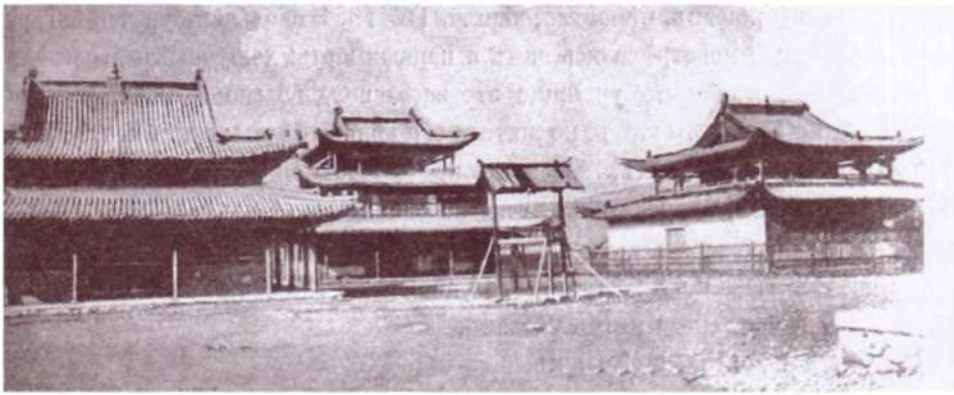

Суд над ламами монастыря Егоцзур-хутухты, 1933 г. (МТМ).

приближенных Ф.Э. Дзержинского. В качестве инструктора (его заместителя) по предложению монгольского правительства прибыл П.Е. Щетинкин. Последний любил носить нагрудный знак чекиста, выданный ему Дзержинским за беспощадную борьбу с контрреволюцией. Вскоре Блюмкина отозвали, а Щетинкин занял его место. Менее чем через год работы в Монголии Щетинкин погиб. Скорее всего, он был убит — по разным версиям, белыми, «японскими наймитами» или Блюмкиным.

В 1930 г. в Монголии была раскрыта крупная контрреволюционная организация, многих членов которой расстреляли, в том числе видного деятеля автономной Монголии — Егоцзур-хутухту. После разгрома Унгерна Егоцзур-хутухта помогал его сторонникам — Жамболон-вану, Найдан-вану, Тубанову и др.[2515] Его вызвали в Улан-Батор. После долгих проволочек он приехал, получил приказ готовить движение во Внутренней Монголии и агитировать за народное правительство. Несмотря на заслуги перед государством и почтение народа, Егоцзур-хутухта был арестован ГВО и расстрелян 30 сентября 1930 г. По воспоминаниям заместителя начальника охраны, святитель умер стоя, сложив руки в молитве. Над ламами его монастыря устроили показательное судилище.

В 1930–1938 гг. были уничтожены контрреволюционные группы и подавлено большое восстание за восстановление теократии в Монголии.[2516] Восстание возглавляли ламы, их поддерживали широкие слои монгольского народа. В 1931–1932 г. 30 тыс. человек покинули свои земли по всей южной и

Три главных храма монастыря Егоцзур-хутухты (Позднеев, 1896).

юго-западной Монголии. Когда правительство попыталось их вернуть, восстал монастырь Тугсбуянт в районе Убсунура. Оттуда восстание перекинулось на Хубсугульский, Архангайский, Увурхангайский, Завханский, Гоби-Алтайский и Южно-Гобийский аймаки. Восстание поддержали не только феодалы и чиновники, но даже ряд членов Ревсомола. Однако восставшие были неорганизованны и плохо вооружены, что определило их поражение.

В отличие от красных, народ Монголии (как и народы СССР) не считал духовенство классом эксплуататоров и не желал его уничтожения. Ведь слово «шабинары» (монг.: шавь нар) означает учеников духовенства, а не крепостных. Ученики, согласно канонам, должны помогать своим наставникам. Борьбу с религией навязывали большевики. Уровень коммунистического понимания культуры Монголии выразил, например, М.И. Казанин — член миссии ДВР в Китай, посетивший Нийслэл-хурэ в 1920 г.: «Храмы не впечатляли, наличие сотен латунных Будд наводило на мысль о складе самоваров».[2517] По мнению революционера Э.-Д. Ринчино, преподавание буддийской логики, гносеологии, тибетской медицины, астрономии и т.д. ничего не давало в смысле обогащения и развития монгольской культуры и обслуживало «исключительно узкие интересы ламаистской церкви».[2518]

Неудивительно, что и руководство МНРП боролось против «реакционного ламства», добивалось, чтобы по всем вопросам политики люди обращались не к «реакционным высшим ламам», а к партийным и государственным работникам, чтобы место ламы занял школьный учитель и т.п. Ведь еще в 1934 г. в ламских школах обучалось около 18 тыс. детей, а в государственных — около 5 тыс.[2519]

Сопротивление народа насаждению коммунизма вызвало дотоле неслыханные репрессии. В Монголии до революции было примерно 100 тыс. монахов ($^1/_6$ населения), из них 140–150 высоких лам — хутухт и хубилганов,

Унэн

Газета «Унэн» 06.10.1937 с сообщением о суде над Манджушри-хутухтой и другими ламами.

1960 дуганов, 800 больших и малых монастырей.[2520] Еще в 1934 г. на 617 280 чел. монгольского населения приходилось 81 774 монахов.[2521] В 1930–40-х гг. по личному указанию И.В. Сталина буддизм в Монголии был разгромлен. С первой же встречи с руководителями МНР в 1933 г. Сталин расспрашивал их о «ламстве», рекомендовал вести с последним борьбу.[2521a] В итоге все монастыри были закрыты, почти все разрушены, значительная часть монахов расстреляна. Остальных частью арестовали, частью перевели в мирское состояние. Из 5953 монастырских зданий 5451 передали государству, остальные забросили; конфисковали 348 подворий, 1796 домов, 378 юрт.[2521б]

В 1937 г. был казнен Манджушри-хутухта С. Цэрэндорж, философ, настоятель монастыря Манджушри-хийд, куда в 1921 г. унгерновцы увезли Богдогэгэна после освобождения. В 1921 г. Манджушри-хутухта исполнял обязанности премьер-министра монархического монгольского правительства. В 1936–1937 гг. его сделали одним из главных обвиняемых на процессе «Центральной контрреволюционной группы» в составе 23 лам. Из них 19 приговорили к расстрелу. В 1938 г. красные разрушили все 20 храмов монастыря Манджушри-хийд, построенного в 1733 г., всех 350 монахов расстреляли.[2522]

В 1937 г. был разрушен основанный в 1777 г. монастырь Бревен-хийд (Балдан Брэйвун), где Унгерн вел переговоры с монголами. В монастыре было 60 храмов; жили, по разным сведениям, от 1500 до 6000 монахов.

Монастырь Чойрын-хурэ, в 1921 г. освобожденный Унгерном от гаминов, был одним из самых больших (окружностью не менее 2 км) и богатых в Монголии. Он был построен в XVIII в., к концу XIX в. насчитывал 1500 монахов и отличался строгостью жизни.[2523] В 1940-х гг. «тибетские надписи, палки с хвостами яков, укрепленные в расщелинах камней, еще местами сохранились по сторонам дороги, указывая путь к монастырю. Почти все постройки монастыря были разобраны на дрова, только 3–4 здания были за-

Ензон-хамба Ц. Лувсанхаймчиг и Дэд-хамба Б. Дамдин на процессе «Центральной контрреволюционной группы» 1936–1937 гг. (МТМ).

няты под жилье и склады. Огромные толстые балки, разгораживавшие двор, указывали на былую солидную постройку. Бронзовые вазы старинной китайской работы использовались под сосуды для воды».[2524] Теперь это была небольшая автостанция.

Здания лишь нескольких монастырей Монголии (Гандантэгчинлин, Чойджин-ламын-сумэ, Эрдэнэ-Дзу, Амарбаясгалант, Дамбадаржа-хийд и др.) частично сохранились благодаря тому, что в них разместили музеи, воинские части и т.д. В архиве МНРП есть альбом фотографий, которые делали перед разрушением наиболее крупных монастырей. Названий там нет, но сняты шедевры архитектуры, на смену которым пришли безликие социалистические «коробки».

В одном письме наркому внутренних дел СССР Н.И. Ежову Х. Чойбалсан благодарил за то, что тот прислал в Монголию М.П. Фриновского – одного из организаторов «большого террора» в СССР – в помощь против «врагов народа».[2524а] В Историческом музее Улан-Батора есть и копия письма Чойбалсана Ежову, которое уместно привести полностью. Эта копия поступила в экспозицию музея в начале 1990-х гг. из министерства безопасности Монголии.

«Народному комиссару Союза ССР – генеральному комиссару государственной безопасности тов. Ежову. Глубокоуважаемый товарищ Ежов! Главному руководителю одноименного ведомства Братского Великого Советского Союза шлю пламенный революционный привет, приношу искреннюю благодарность за ту помощь, которую Вы оказывали и оказываете делу укрепления независимости Монгольской Народной Республики и желаю Вам здоровья и успехов в Вашей работе. Настоящим письмом хочу поделиться с Вами некоторыми итогами моей работы на посту Министра Внутренних Дел. За последнее время в центре всей работы Мин. Вн. Дел были вопросы: борьба с ламством как основной базой японской работы и основной реакционной силой, тормозящей развитие монгольского народа и охраны границ и внут-

реннего спокойствия нашей страны, как основы национальной нашей независимости. При непосредственной помощи Вашего Советника т. Чопян и инструкторов и всемерном содействии Полномочного Представителя СССР тов. Таирова мне удалось провести через ЦК МНРП и Правительство все необходимые политически и экономически мероприятия по прекращению роста ламства, подрыву его политического и экономического влияния на население. Практически нам удалось осуществить советы тов. Сталина — подготовить и провести пять показательных процессов по верхушке ламства по обвинению в измене родине, шпионажу и подготовке вооруженного восстания. Процессы эти крепко скомпрометировали высшее ламство».

К сожалению, такой взгляд встречается до сих пор. Недавно в подарочном издании, посвященном юбилею победы на р. Халхин-гол, была повторена ложь, сказанная Х. Чойбалсаном на митинге монгольских солдат в сентябре 1939 г.: «Японские империалисты давно мечтали при помощи реакционного ламства и остатков контрреволюционеров лишить независимости монгольский народ».[2525]

Монголия — страна с низкой численностью населения.[2526] О потерях монголов в период «унгерновщины» точных данных нет. Согласно последним статистическим данным, за всю революцию 1921 г. в Монголии погибло 2 тыс. человек — сюда входят потери монголов с обеих противоборствующих сторон (поровну).[2527] Людские потери Монголии за периоды китайской оккупации 1919–1920 гг. составили 17 тыс. человек (до 2 тыс. убито, остальные умерли от голода); восстания против красных в 1932 г. — около 3 тыс.; коммунистических репрессий 1928–1952 гг. — 50 тыс. (по другим данным — до 100 тыс.): из них казнено и убито 20 тыс., из заключенных в тюрьмы и лагеря погибло 30 тыс.[2528] Получается, что от гаминов и красных погибло во много раз больше монголов, чем от «кровавого барона». Власть Богдо-хана была гуманнее власти республиканцев.

Репрессии в отношении духовенства и запрет поисков нового перерождения Богдо-гэгэна были связаны с боязнью МНП потерять власть. И все-таки, несмотря на препятствия, девятый хубилган был выявлен достоверно и согласно традиции. Богдо-гэгэн IX Халха Джецун Дампа Ринпоче родился в 1932 г. в семье тибетцев в Лхасе.[2529] В возрасте четырех лет его признали хубилганом Джебцзундамбы регент Лхасы, государственные оракулы Тибета и другие высшие ламы.[2530] В Тибет выехал Дилова-хутухта Джамсаранжав, знавший Богдо-гэгэна VIII. Он был арестован в Китае, и в Тибет приехали его помощники. Сам он смог приехать позже, тайно встретился с новым Богдо-гэгэном, передал ему некоторые вещи, вскоре после чего уехал в Индию и США. В связи с репрессиями против религии и давлением, оказываемым на Монголию большевиками и Китаем, выявление Богдо-гэгэна IX долго держали в тайне.

Монашеское имя ныне живущего хубилгана Джебцзундамбы — Джампел Намдрол Чокьи Гьялцен (монг.: Жамбал Намдол Чойжи Жалцан). В детстве он дружил и учился вместе с Далай-ламой XIV. В течение 14 лет изучал буддийскую философию в тибетском монастыре Дрепунг, затем, в возрасте 21 года совершал религиозные практики и паломничества по святым местам Тибета, в возрасте 25 лет снял с себя монашеские обеты и четыре года жил в монастыре Ганден-Пунцоглинг, основанном Таранатхой. В 1959 г., после интервенции КНР, вместе с Далай-ламой XIV ушел в Индию, где много лет жил как простой тибетский беженец. В 1991 г. он был возведен Далай-ламой на трон Джецун Дампы. В 2010 г. он получил монгольское гражданство. Богдо-гэгэн IX – один из высших буддийских иерархов, держатель линий нескольких духовных традиций тибетского буддизма, признанный философ, религиозный практик и духовный лидер Монголии.

***

Таким образом, Богдо-гэгэн — источник и основание легитимности монгольского государства в новое время. Ни он, ни Унгерн не были случайными персонажами, которым выпала важная историческая роль. Духовенство Монголии было наиболее сплоченным слоем общества и меньше зависело от светских правителей и бюрократии, чем феодалы и аратство. Это было важным фактором, обеспечившим консолидацию народа. Теократическая власть сыграла спасительную роль для монгольского народа в критический период восстановления государства. В деле монгольской государственности Богдо-гэгэн VIII проявил себя как гениальный политик. Восстановление его легитимной власти Унгерном было ключевым фактором становления независимости Монголии в новое время.

Временное народное правительство старалось легитимировать свои действия указами Богдо-гэгэна, а затем заставило его «добровольно» отказаться от государственной власти. Эти шаги не были легитимными. Курс на уничтожение феодализма, монархии и буддизма в Монголии был навязан иностранной силой — большевиками через Коминтерн и МНРП. Во времена Унгерна Богдо-гэгэн VIII и его правительство самостоятельно правили страной, а барон только влиял на правительственные решения. Теперь же ситуация изменилась: политику, общественное устройство, идеологию и экономику страны определяли большевики, а народное правительство Монголии лишь влияло на их решения и определяло «монгольскую специфику» построения социализма. Но в одном курс всех монгольских руководителей оставался постоянным: страна должна быть независимой от Китая.

ГЛАВА 12

Легенды и факты

Барон Унгерн давно стал объектом мифотворчества. Все мифы и легенды о нем составили бы, наверное, отдельную книгу. Нет смысла рассматривать те из них, которые появились лишь в последнее время — о вампиризме, магии и т.п., – это выходит за рамки данного исследования. Интереснее то, что относится к первой половине XX в. Мифы об Унгерне относятся в основном к сверхъестественному, к его кладам и побегу из Новониколаевска.

Далай-лама присылал Унгерну священные талисманы, которые должны были охранять его жизнь и приносить успехи в делах. С этими талисманами барон никогда не расставался, носил их у себя на груди, повесив на желтом шнурке на шею. Одним из них была мантра, защищающая от оружия (подробнее см. в главе 14). Многие соратники считали все это нелепостью и в мемуарах отзывались весьма презрительно.[2531] Между тем, в Монголии и Забайкалье Унгерн был легко ранен лишь один или два раза: в бою под Троицкосавском и/или перед пленением. А ведь он участвовал во многих боях. Оссендовский передает рассказы о том, что в одном бою 74 пули изрешетили его шинель, седло и находившиеся рядом ящики, а барон остался невредим. Во время заговора, судя по описаниям, его обстреляли почти в упор. Удивительно, что покушение не удалось. А ведь несколькими годами раньше, в Первую мировую войну, он был ранен пять раз. Тогда у него не было этих талисманов.

Пленение и смерть Р.Ф. Унгерна породили ряд легенд. Предавали рассказы агентов белых, что на суде барон издевался над судьями и большевистской властью до тех пор, пока один из комиссаров не подошел к нему сзади и выстрелил в затылок.[2532] Часть вопросов и ответов Унгерна во время суда не стали публиковать, возможно, потому что ответы были нелестны для красных (см. выше).

До сих пор можно услышать, что Унгерн не был убит красными. Возможно, первым это сказал Г.М. Семенов в интервью шанхайской газете «Русское эхо» от 14.10.1921: захват и расстрел Унгерна — это вздор, протоколы допросов подделаны двумя евреями, служившими у него и изучившими его ха-

рактер,[2533] а сам барон с отрядом ушел на зимовку. Иногда писали даже, что действующие под Кобдо отряды возглавляет Унгерн. Некий врач, служивший под началом барона в Даурии, рассказывал единомышленникам, что получил ряд письма от Унгерна из Западного Китая, в которых тот сообщал о своих планах выступить против красных с весны 1922 г. от Семипалатинска.[2534]

Неоднократно сообщалось, что Унгерн сумел бежать из тюрьмы в Новониколаевске и продолжить борьбу, а после его бегства красные расстреляли другого человека. В другом варианте — что после расстрела тело Унгерна отдали ламам, они сумели его спасти, а затем он жил в монастыре. По другой версии, он примкнул к некой тайной организации, которая боролась с масонством и большевизмом. Эти легенды сохранились в ряде источников.[2535] Начало им, возможно, положило сообщение о том, что, якобы по совету местной контрреволюционной организации сразу после суда Унгерн симулировал безумие, исполнение приговора отложили, а ночью ему помог бежать из больницы контрреволюционер, фельдшер Н.И. Смольянинов.[2536]

Есть совсем баснословный рассказ португалки Б. Тристао, будто Унгерн спасся (с помощью самого Блюхера) и жил в Южной Америке.[2537] Тристао якобы служила в Азиатской дивизии в 1920–1921 г., а ее дневник (на португальском языке) приобрел известный кинорежиссер П. Садецки (1944–1991) у одного бывшего командира испанских республиканцев. Опубликованные выдержки из этого «дневника»[2538] противоречат документированным фактам. Якобы Тристао сопровождала барона после поражения под Калганом в секретном походе в южную Гоби, куда он вез много стальных ящиков под охраной японцев; в этих походах его сопровождал Джа-лама; раньше они вместе сражались за независимость Монголии; оба были в Индии и Тибете; оба участвовали в освобождении Богдо-гэгэна; приводит разговоры Унгерна с Джа-ламой. Не видя самого «дневника», трудно его анализировать. Но приведенные выдержки заставляют с недоверием относиться и к другим сведениям Тристао — в том числе, «рассказам» Джа-ламы о своей биографии. Поэтому я не использую ее сведения для исторических реконструкций.

М.Г. Торновский вспоминал, что в одной из китайских газет видел фотографию двух буддийских монахов, которую выдавали за фото спасшегося от расстрела Унгерна с сыном.[2539] Есть и другие сведения о «потомках» Унгерна.[2540] В середине 1930-х гг. в Париже таинственно появился «сын» Р.Ф. Унгерна в сопровождении некоего латыша в костюме буддийского монаха. Через шесть десятилетий сообщалось о появлении в Гонконге другого «сына»: пожилого человека со слегка европейскими чертами лица, говорящего по-китайски и по-русски, раздававшего интервью[2541].

К этому можно добавить еще несколько случаев. Недавно сообщалось о некоей «внучке» Унгерна из Новосибирска.[2542] Один из старейших исследователей жизни барона — В. Михаловский сообщал о другой «внучке», живущей

в Польше, и даже поместил ее фотографию.[2543] Очевидно, он стал жертвой мистификации. Я видел фотографию этой дамы, а также другое фото, которое она привезла в Монголию. На нем написано: «Maria von Ungern-Sternberg, жена барона Унгерна, 1919 г.» По возрасту и официальной генеалогии, подходит Рене (Мария-Теодора-Элизабет), дочь второй жены отца Р.Ф. Унгерна.[2544] Если это так, то указанное лицо — не внучка Р.Ф. Унгерна, а дочь его сводной сестры.

Из книги в книгу повторяются рассказы о том, что монголы считали Унгерна «богом войны» (подробнее об этом см. в главе 14) и не могли решиться на его убийство. Иногда такие мысли находят отклик и в современных публикациях. В связи с этим, приведу годы и причины смерти тех, кто был непосредственно причастен к пленению, осуждению и расстрелу Унгерна.

Афанасьев Ф.М. — начальник штаба помглавкома по Сибири. Допрашивал Унгерна. Умер в 1935 г. *Бежанов С.Г.* — начальник оперативного управления штаба Помглавкома по Сибири. Допрашивал Унгерна. Расстрелян в 1931 г. *Берман М.Д.* — возглавлял ЧК в Верхнеудинске. Допрашивал Унгерна. Расстрелян в 1939 г. *Сундуй Бишерельту-гун* (1896–1937) — командир монгольского дивизиона. Связал Унгерна, после чего тот был схвачен красными. Умер после того, как сломал ногу. *Борисов С.С.* (1889–1937) — представитель Монголо-Тибетского отдела Коминтерна. Допрашивал Унгерна. Расстрелян в 1937 г. *Вележев С.Г.* — начальник разведывательного управления штаба помощника главкома по Сибири. Допрашивал Унгерна. Умер в 1972 г. *Виноградов В.* — поручик, участвовал в совещании, организованном Евфаритским против Унгерна. *Габишев Ф.Я.* — новониколаевский уездный военком, член суда над Унгерном. *Гайлит Я.П.* — командир экспедиционного корпуса против Унгерна. Допрашивал Унгерна. Расстрелян в 1938 г. *Гуляев* — член суда над Унгерном. *Давыдов А.Д.* — член реввоенсовета войск Сибири. Допрашивал Унгерна. *Евфаритский* — полковник. Один из организаторов заговора против Унгерна. Убит красными (в 1920-е гг.?). *Зиновьев Г.Е.* — член политбюро ВКП(б). Поддержал решение о суде над Унгерном. Расстрелян в 1936 г. *Казак, фамилия неизвестна* — связной в заговоре. *Калинин* — казачий офицер, связной в заговоре. *Каменев Л.Б.* — член политбюро ВКП(б), поддержавший решение о суде над Унгерном. Расстрелян в 1936 г. *Кравченко А.Д.* — командир сибирских партизан. Член суда над Унгерном. Умер от туберкулеза в 1923 г. *Кудрявцев И.Н.* — член Сиббюро горняков, ВЦИК и Сибревкома. Член суда над Унгерном. Расстрелян в 1937 г. *Ленин В.И.* — до суда посоветовал расстрелять Унгерна. Умер от последствий инсульта в 1924 г. *Львов* — подполковник. Один из организаторов заговора против Унгерна. Убит красными (в 1920-х гг.?). *Макеев А.С.* — участник заговора против Унгерна. Ушел в Маньчжурию. *Максименек О.И.* — в 1921 г. возглавлял кяхтинское консульство РСФСР в ДВР. Отвечал за содержание Унгерна в плену в Кяхте. Расстрелян в 1938 г. *Матиясевич М.С.* — руководитель военной операции по занятию Нийслэл-хурэ и пленению Унгерна. В 1931 и 1937 гг. арестовывался. Умер в 1941 г. *Молотов В.М.* — член политбюро ВКП(б), поддержавший решение о суде над Унгерном. Умер в 1986 г. *Мулин В.М.* — начальник политуправления войск Сибири. Допрашивал Унгерна. Расстрелян в 1938 г. *Нейман К.А.* — начальник Экспедиционного корпуса. Допрашивал Унгерна. Расстрелян в 1937 г. *Озе-*

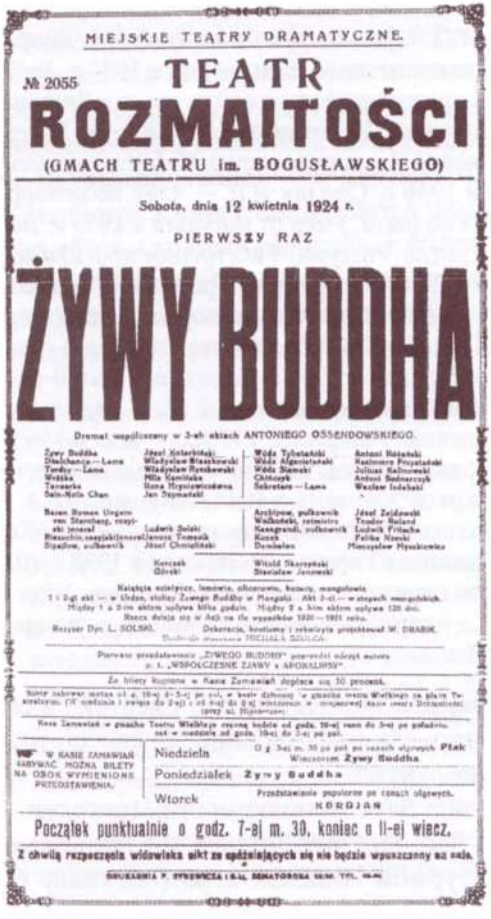
ров — штабс-капитан, участник заговора против Унгерна. *Опарин В.Е.* — председатель суда над Унгерном. *Павлуновский И.П.* — начальник Сибирской ЧК. Допрашивал Унгерна, подписал обвинительное заключение. Расстрелян в 1937 г. *Рябухин Н.М.* (1891–1979) — врач. Один из организаторов заговора против Унгерна. Умер в США. *Сементовский И.И.* — подпоручик. Участник заговора против Унгерна. Убит красными (в 1920-х гг.?). *Смирнов И.Н.* — председатель Сибревкома. Секретарь суда над Унгерном. Расстрелян в 1936 г. *Сталин И.В.* — член политбюро ВКП(б). Поддержал решение о суде над Унгерном. Умер от инсульта в 1953 г. *Толстой* — капитан. Участник заговора против Унгерна. Расстрелян красными в 1924 г. Троцкий Л.Д. — член политбюро ВКП(б). Поддержал решение о суде над Унгерном. Убит в 1940 г. *Федоров* — чиновник. Участник заговора против Унгерна. *Ходоровский И.И.* — секретарь Сиббюро ЦК РКП(б). Ходатайствовал о следствии и суде над Унгерном в Сибири. Расстрелян в 1938 г. *Частухин* — штаб-ротмистр. Участвовал в заговоре против Унгерна. *Черимисинов Г.М.* — начальник штаба Экспедиционного корпуса. Допрашивал Унгерна. В 1970-х гг. жил в Москве (?). *Чуцкаев С.Е.* — допрашивал Унгерна, подписал постановление о привлечении к суду. Исключен из ВКП(б) в 1938 г. и сослан, умер в 1944 г. *Шумяцкий Б.З.* — уполномоченный НКИД по Сибири и Монголии, организатор агентурной сети Коминтерна в автономной Монголии. Допрашивал Унгерна. Расстрелян в 1938 г. *Щетинкин П.Е.* — командир партизанского отряда, захватившего Унгерна. Убит в Улан-Баторе в 1927 г. *Ярославский Е.М.* — партфункционер. Обвинитель на процессе над Унгерном. Умер от рака в 1943 г.

Большинство тех, кто перечислен, умерли неестественной смертью, в основном в 1920–30-х гг. Интерпретировать эту информацию можно по-разному; список неполный, а по многим нет данных.

Есть более примечательные совпадения. День независимости Монголии — 29 декабря. Это как раз день рождения Р.Ф. Унгерна. Долина У-Булан — место сбора Азиатской дивизии перед штурмом Нийслэл-хурэ (см. главу 6). Сейчас около края этой долины (со стороны Тэрэлджийн-гол, где была стоянка дивизии) стоит самый большой в мире памятник Чингис-хану, высотой около 40 м. Говорят, поставлен он здесь рядом со старым трактом, чтобы охранял Монголию от китайцев...

По сообщению А. Александровича, еще в 1918 г. какой-то лама предсказал барону, что он умрет после того, как войдет в Монголию, а затем его слава распространится по миру, и это предсказание сбылось.[2545] В 1921 г., незадолго до похода в Сибирь, по требованию Унгерна проводились многочисленные гадания, они предсказывали гибельность этого похода.[2546] Унгерну несколько человек предсказали один и тот же срок, который ему осталось жить: 130 дней. На следующий день барон выступил в поход. Известно, что это было 21 мая, а 15 сентября Унгерна расстреляли. Следовательно, погрешность предсказания составила 11 дней.

В польском журнале «Przekroj» сообщалось о том, что Ф.А. Оссендовский часто вспоминал в кругу друзей предсказание монгольского ламы, что он не

MIEJSKIE TEATRY DRAMATYCZNE.

№ 2055

TEATR ROZMAITOŚCI

(GMACH TEATRU im. BOGUSŁAWSKIEGO)

Sobota, dnia 12 kwietnia 1924 r.

PIERWSZY RAZ

ŻYWY BUDDHA

Dramat współczesny w 3-ch aktach ANTONIEGO OSSENDOWSKIEGO.

Żywy Buddha — Józef Kotarbiński
Dashchanga — Lama — Władysław Błeszkowski
Tendzy — Lama — Władysław Rzedkowski
Wódka — Mila Kamińska
Tarnarka — Irena Hrynicwiczówna
Dalai-Nalai Chan — Jan Dymowski

Wódz Tybetański — Antoni Różański
Wódz Afgańczyków — Kazimierz Pryszlański
Wódz Dżungli — Juliusz Kaliszewski
Chińczyk — Antoni Bednarczyk
Sekretarz — Lama — Wacław Izdebski

Baron Roman Ungern von Sternberg, rosyjski jenerał — Ludwik Żelski
Rittenchin, rosyjski pułkownik — Tomaszek
Dipajew, pułkownik — Józef Chmielński

Archijew, pułkownik — Józef Zeidowski
Wołkotelej, rotmistrz — Teodor Roland
Kanagrandi, pułkownik — Ludwik Fritsche
Korsak — Feliks Nowicki
Dombajew — Mieczysław Niwiński

Korczak — Witold Skarżyński
Ozirski — Stanisław Jaroszyński

Książęta ościpyrce, lamowie, oficerowie, kozacy, mongolowie.

Początek punktualnie o godz. 7-ej m. 30, koniec o 11-ej wiecz.

Z chwilą rozpoczęcia widowiska nikt ze spóźniających się nie będzie wpuszczony na sale.

Афиша драмы Ф.А. Оссендовского «Живой Будда», 1924 г. (Михаловский, 2005).

умрет, пока Р.Ф. Унгерн не напомнит ему, что пришел час расставания с жизнью. Оссендовский часто вспоминал это предсказание в кругу друзей.[2547] Перед самым освобождением Польши от нацистов человек, представившийся как лейтенант фон Унгерн-Штернберг, посетил Оссендовского и долго с ним говорил наедине. Вскоре после этого, 3 января 1945 г. писатель умер. Предполагалось, что разговор был о завещании Р.Ф. Унгерна и о его кладах.

В. Михаловский, разрабатывая эту тему, обнаружил, что в Польше в 1944–1945 гг. перебывало не менее трех представителей рода Унгерн-Штернбергов. Один из членов рода говорил Михаловскому в 2000 г., что в письме-завещании Р.Ф. Унгерна отмечалось: «Единственным человеком, который после моей смерти будет знать место, где спрятаны сокровища, является поляк, которому я доверяю».[2548] В 1970-х гг. Михаловский получил два письма от А. Дёллердта, который представился родственником Р.Ф. Унгерна. Он сообщил, что сам не встречался с Оссендовским, но написал ему письмо, а вскоре узнал, что адресат скончался. Михаловский нашел старого полковника Войска польского, который подтвердил ему, что статью в «Przekroj» он когда-то написал со слов этого самого Дёллердта. Почему тот изменил свои слова, осталось неясным... Тем более, что, как выяснил Михаловский, в других местах он подписывался двумя другими фамилиями — С. Штернберг-Дёллердт и Штернберг... Если Оссендовский умер вскоре после отправки письма — при желании это можно трактовать как исполнение предсказания. Но в целом история остается неясной.

К этому примыкает тема о знаменитых кладах Унгерна. Начало этому положил Сипайло, который при задержании заявил, что под Нийслэл-хурэ за-

рыто четыре ящика с золотом и другими ценностями.[2549] Позже возникло предположение, что местоположение кладов барон доверил кому-то из поляков: Гижицкому или Оссендовскому. С этим связывали и таинственные ограбления их домов в Польше перед Второй мировой войной — почти одновременно.[2550] Но вряд ли Гижицкий знал что-то конкретное об унгерновских кладах: доживая свой век в Польше, он сожалел о своих плантациях в Африке, но не вспоминал Монголию.[2551] С каким-то секретным поручением связывали и отъезд Оссендовского из Нийслэл-хурэ в Маньчжурию при покровительстве барона.

К. Гижицкий (Michalowski, 1977).

Все предположения такого рода остаются домыслами. Возможно, Оссендовский привез в Харбин важную корреспонденцию для атамана Семенова, но вряд ли — два пуда золота в слитках.[2552] Судя по дальнейшим событиям, главное, что хотел от него Унгерн — объективное описание монгольской эпопеи на Западе.[2553]

Михаловский приводит несколько детективных историй о кладах Унгерна, стоимость которых якобы достигает сотен миллионов долларов, а возможные места разбросаны по обширной территории Восточной Монголии. По рассказам Пономарева, у барона было не менее тонны золота в плитках по три пуда, серебро и бумажные деньги вообще не считали, золотые пятирублевки Унгерн раздавал пригоршнями.[2554]

В г. Алтан-Булак (рядом с бывшим кяхтинским Маймаченом) мне рассказывали, что золото Унгерна (на 60 млн долларов) закапывала команда монголов, которых потом расстреляли. История об отряде бурят или монголов, спрятавших клад Унгерна, а потом расстрелянных, существует в разных вариантах. Один из них был опубликован 15 лет назад.[2555] Были и другие истории: что ключ к тайне сокровищ барона находится в тибетском монастыре Кумбум, или что золото и серебро барон бросил в р. Орхон у монастыря Эрдэни-Дзу. В феврале 1924 года харбинская газета «Свет» в полутора десятках номеров публиковала приключенческую повесть «Клады Унгерна».[2556] Таковы легенды. А каковы факты?

Финансовое положение Азиатской дивизии точно неизвестно. Вряд ли его точно знал и Унгерн — он не любил «разводить канцелярию». На допросах он говорил, что в бытность на Восточном фронте (в Даурии) имел 150 тыс.

золотом.[2557] Возможно, это остатки того золота, которое он получил от Семенова в Забайкалье.[2558] Кроме того, барон захватил золота и серебра на 400 тыс. мексиканских долларов в банке в Нийслэл-хурэ, товаров и имущества примерно на 30 тыс.[2559] По некоторым оценкам, финансовые ресурсы Азиатской дивизии на 19 мая 1921 г. составляли 225 тыс. советских рублей, 1,5 млн сибирских рублей, 5,5 млн читинских бон, более 10 млн керенок, около 1,5 млн николаевских рублей, 17,6 тыс. долларов, а также не определенное количество серебра и золота.[2560] Б.Н. Волков оценивал содержание одного всадника в 1 доллар в сутки.[2561] Если учесть, что в начале похода на Сибирь численность дивизии была свыше 5 тыс. человек, то приведенных выше средств могло хватить ненадолго. Кроме того, после разгрома белых под Троицкосавском красным достался денежный ящик дивизии.[2562] Правда, численность дивизии уменьшилась почти вдвое, а в Маньчжурию пришло еще меньше.

Часть средств была оставлена в Нийслэл-хурэ. Ивановский и интендант Коковин у Буир-нура сдали бежавшим туда чинам дивизии по акту 3 пуда 37 фунтов золота, 4 пуда билонного серебра, 18 тыс. руб. банковским серебром, 2 пуда ямбами и рубленым серебром, и 1400 долларов (по-видимому, мексиканских). По 50 р. раздали чинам дивизии и раненым, 20 фунтов золота взяли Ивановский и Коковин, 20 получил Сипайло.[2563] Вероятно, часть средств спрятали в районе Буир-нура.

Чекист В.В. Гриднев вспоминал, что в 1932 г. Л.В. Сипайло создал группу, которая пыталась найти клад, спрятанный на Буир-нуре отрядом бурят под командой сотника Макеева (буряты, спрятав клад, были расстреляны).[2564] Выходит, что Сипайло поехал искать клад сразу по выходе из тюрьмы. Найти клад не удалось: группу спугнули красные. Оказалось, что в ней были и японские разведчики, которые наряду с бурением занимались сбором разведданных. Красным тоже не удалось найти клад. Упомяну, что в мемуарах А.С. Макеева говорится о другом кладе, а Сипайло спрятал в Буир-нуре лишь то, что вез сам, но это он выдал еще при аресте. Возможно, под предлогом поисков клада в Монголию проникла японская разведывательная группа. Не исключено, что какие-то люди, прятавшие клад, были расстреляны белыми, и этот случай породил разные варианты легенды.

По-видимому, какие-то клады нашли в 1920-х гг. Например, после поездки в Монголию француза Ж. Персандера, получившего какие-то сведения от унгерновцев в Маньчжурии, обнаружилось огромное количество ничего не стоивших российских банкнот, брошенных в степи — но чекисты, сопровождавшие Персандера, заявили, что ничего не нашли.[2565]

Некоторые бароновцы (например, Макеев) говорили про огромные клады Унгерна, но, кроме случая с Персандером, известно только одно сообщение о находке «клада». В июне 1921 г. из Читы передавали о захвате у од-

ного унгерновского отряда около 100 пудов в золоте.[2566] Обоз шел из Нийслэл-хурэ, но конные части ДВР перехватили его и, уничтожив весь сопровождающий конвой, привезли обоз в свой штаб. Золото было главным образом в слитках. Другими источниками это не подтверждается, да и вес золота подозрительно большой... Может быть, это была казна Азиатской дивизии, захваченная после боев под Троицкосавском?

Все, что писали об этом — легенды, *предположения и косвенные данные.* Унгерновские клады ищут до сих пор.[2567] Даже если какие-то клады остались, вряд ли они так велики, как говорят и пишут.

***

Уже при жизни Унгерн стал легендарной личностью. Рациональное и иррациональное так тесно переплелось в его истории, что объективный анализ не всегда позволяет разделить эти компоненты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 13

Личные качества

Почти все авторы, которые пишут о бароне Унгерне, обсуждают его личные качества. Наверное, можно подобрать целый ряд таких обсуждений от констатации фактов до психоанализа и неудачных попыток реконструировать характер путем «моделирования» внешности. Обычно на эти обсуждения влияет личное отношение авторов к Унгерну. Попробуем отвлечься от эмоций и сделать краткий беспристрастный анализ, основанный лишь на фактах. Свидетельства очевидцев позволяют дать следующую характеристику Р.Ф. Унгерна.

Внешне он представлял собой тип остзейского немца. Выше среднего роста, худой, с плоской грудью, широкоплечий, прямой, с длинными руками. Голова круглая, небольшая, с высоким лбом, глаза глубоко посаженные, синие, голубые или серые (очевидно, в зависимости от освещения), нос прямой, с небольшой горбинкой на переносице, губы тонкие, бледные, обычно крепко сжатые, подбородок маленький, большие светло-рыжие усы, опущенные книзу, при разговоре несколько выдавались вперед передние зубы. В бытность в Монголии и Сибири он носил короткую рыжеватую бороду. Волосы редкие, слегка курчавые, светло-рыжие. На лбу рубец от сабельного удара, который при сильном волнении становился багровым.

Барон обладал крепким здоровьем, выносливостью, большой силой воли, целеустремленностью, хладнокровием, интуицией, храбростью, хорошо ездил на лошади и ориентировался, в том числе ночью. Говорил он деловито, был скуп на слова и, видимо, не заботился о впечатлении, производимом на других; в нем не было позерства. С сослуживцами и друзьями он часто использовал ругательства и нецензурную брань, даже в официальных бумагах.

А.Ф. Раддац (Баженов, 1941, с. 64).

П.Н. Врангель писал: «В нем были какие-то странные противоречия: несомненный, оригинальный и острый ум и, рядом с этим, поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кругозор, поразительная застенчивость и даже дикость и, рядом с этим, безумный порыв и необузданная вспыльчивость, не знающая пределов расточительность, и удивительное отсутствие самых элементарных требований комфорта».[2568]

По другим данным, Унгерн был хорошо образован, был интересным собеседником, хорошо разбирался в религии, истории, политике.[2569] По-видимому, интерес к этому у него проснулся уже в детстве. Немецкий и русский языки были для него одинаково родными. По-русски он говорил с едва уловимым немецким акцентом.[2570] Кроме того, он знал французский, английский, монгольский, бурятский и китайский.[2571] Мысли отвлеченного характера он свободнее всего излагал по-французски. В бытность свою в 1-м Амурском полку Унгерн много читал, в том числе иностранных книг. Полковник Э.Ф. Раддац отмечал хорошее умственное развитие своего подчиненного.[2572] По-видимому, аттестация «тупое умственное развитие» во время учебы в Морском корпусе отражала грубость к преподавателям и плохое поведение (см. главу 1).

Очевидцы отмечали твердый, пронзительный и неподвижный взгляд Унгерна прямо в глаза собеседнику. Так барон старался оценить человека и прочитать его мысли. Те, кто выдерживал этот взгляд, пользовались его доверием. Именно так, проходя мимо строя пленных или мобилизованных и пристально вглядываясь в глаза, Унгерн «выявлял большевиков». По отзывам, во взгляде Унгерна в разное время видели оттенки от детской простоты до дикой злобы. Сочетание красоты и жестокости вызывало страх.

Многие говорили о сумасшествии Унгерна. В протоколах допросов отмечалось, что барон психически не совсем нормален,[2573] а защитник на суде задал вопросы о том, не болел ли он нервным расстройством, не было ли среди его родственников такого рода больных. Унгерн ответил отрицательно.[2574] Защитник на суде заявил, что все материалы предварительного следствия

убеждают его в том, что Роман Унгерн — душевнобольной, и попросил суд о назначении судебно-медицинской экспертизы. Ему было отказано.

В действительности отец Р.Ф. Унгерна перенес нервное или психическое расстройство: в 1899 г. он был признан умалишенным, а в 1905 г. после лечения — здоровым (см. главу 1).[2575] С медико-биологической точки зрения эти сведения не могут быть свидетельством ни за, ни против помешательства его сына: имеющиеся данные ничего не говорят ни о диагнозе, ни о симптомах, ни о возможности наследования расстройства.

Однако поведение Романа Унгерна отличалось от обычного. Говорил он резко, высоким тенором, не очень связно, часто задумывался и замолкал, бросал фразы часто без окончаний, словно не успевая выразить быстро мчащиеся мысли[2576]. Решения созревали в его голове быстро и вслед за тем, недолго думая, он начинал проводить их в жизнь, не взвешивая последствий и всех обстоятельств.[2577] На вопрос, почему в походе на Сибирь он не желал обороняться, Унгерн ответил: «Я не могу обороняться — у меня нервы не выдерживают».[2578] По той же причине он «не мог выносить сидячей жизни и должен был все время передвигаться».[2579] Он быстро выходил из себя, вслед за этим часто следовало рукоприкладство. Начав избивать человека, он впадал «в какой-то раж и бешенство»,[2580] мог искалечить, или же вызывал своего ординарца Бурдуковского и приказывал выпороть. Эти вспышки ярости для некоторых имели роковые последствия.

Очевидно, все эти черты отражают высокую возбудимость нервной системы и холерический темперамент. Судя по всему, характер Унгерна все больше портился из-за сабельной травмы головы, полученной в 1910 г. Она вызывала приступы сильных головных болей и нарушения сна.[2581] Барон спал всего несколько часов в сутки. Удар пришелся в лоб, полного выздоровления не наступило. У людей с возбудимым характером отдаленными последствиями травмы лобных долей мозга могут быть импульсивность, повышенная раздражительность, агрессивность, грубость, склонность к конфликтам. Сведения об агрессивности Унгерна, его склонности к рукоприкладству, потере самоконтроля относятся как раз к периоду после 1910 г. Война, новые ранения и пьянство провоцировали эксцессы. Отсюда прогрессирующая раздражительность, чередовавшаяся с депрессиями, молчаливостью и замкнутостью. Барон осознавал свое состояние. В одном интервью сообщалось: «Унгерн добродушно заявляет, что если кто-нибудь будет писать о нем, то пусть скажет обществу: “Сумасшедший Унгерн занял Ургу”».[2582]

В Монголии он бросил пить, при себе держал ташур вместо шашки: боялся в припадке ярости зарубить человека. Возможно, он бросал пить и раньше, но без успеха. Не исключено, что, бросив пить, Унгерн *употреблял* кокаин и морфий. Об *этом* сообщал Б.Н. Волков со ссылкой на студента Шастина, который, по его словам, сам готовил порошки для барона.[2583] В пользу это-

го говорит и выдержка из письма Унгерна к К. Грегори, в котором он упоминает некоего Фу Шана, «соучастника курения опиума в вагоне».[2584] Если Унгерн действительно заменил водку наркотиками, это могло повысить раздражительность. В итоге мог развиваться невроз на почве травмы лобных долей. Однако психическое расстройство[2585] следует исключить. Вряд ли сумасшедший смог бы много лет командовать многонациональной дивизией и проводить успешные военные операции.

Мемуаристы сообщают о стеснительности Унгерна, избегании им женского общества и женоненавистничестве. В период похода в Монголию он накладывал на женщин немногим менее жестокие наказания, чем на мужчин; неизменно увеличивал меру взыскания провинившемуся, если женщина ходатайствовала за него.[2586] Все это пытались объяснить несчастной любовью барона в молодости.[2587] В последние годы делают предположения о гомосексуализме Унгерна.[2588] Этому нет не только доказательств, но даже намеков в документах и мемуарах, за исключением вывода Блохина, который этим объясняет повышение по службе фаворитов барона. Но записки Блохина — крайне ненадежный источник, содержащий много домыслов и преувеличений.

Считается, что единственный брак Унгерна (с маньчжурской принцессой) был политическим и закончился разводом. Однако Б.Н. Волков на основании чьего-то свидетельства писал, что именно Унгерн открыл в кафешантане Машку, а затем эту свою любовницу передал Г.М. Семенову.[2589] Голубев вспоминал, что Унгерн в Урге галантно ухаживал за Архангельской, гражданской женой барона Тизенгаузена, такие слухи передавал и Хитун.[2590] По свидетельству генерала Шильникова, Унгерн жил с сестрой Спичникова, начальника местного управления железной дороги в Хайларе, причем он ссылался на двух свидетелей.[2591] Вероятно, это имел в виду и Н.Н. Князев, когда писал о букетах цветов, которые Унгерн кому-то преподносил в Хайларе, но скрывал это.[2592] Так что в жизни барона эпизодически могли быть женщины. Они занимали мало места: доминантой было служение идее.

Возможно, врожденными чертами Унгерна были недоверчивость и замкнутость. Во время учебы в Морском корпусе свои проказы он совершал не в компании сверстников, а в одиночку. Позже, будучи окружен людьми более низкого уровня, Унгерн чувствовал себя одиноким. Свое окружение он называл жуликами, пьяницами, развратниками, уголовниками, дураками, которые понимают лишь палочную дисциплину.[2593] Те интеллигентные люди, которые ему встречались, в большинстве не понимали его и считали безумным. Стереотипы мышления не позволяли им понять, например, как европейский аристократ может раскланиваться со знатным монголом и пятиться от него с любезной улыбкой.[2594]

Лишь изредка Унгерн находил подходящих собеседников. Это были штатские люди: И.А. Лавров, К.И. Ивановский, Войцехович, Ф.А. Оссендовский,

возможно, Архангельская, П.И. Витте, Д.О. Тизенгаузен. С ними у него сложились очень хорошие отношения. Унгерн охотно с ними делился своими мыслями, планами, религиозными воззрениями, выслушивал их возражения. Но военных «с умственным багажом», тем более противоречивших ему, барон не выносил.[2595]

Унгерну в трудную минуту не на кого было опереться, он сильно переживал это одиночество.[2596] Очевидно, его настрой верно передал Оссендовский: «Я столько лет вынужден был находиться вне культурного общества, всегда один со своими мыслями. Я бы охотно поделился ими, если бы имел случай побеседовать с Вами не в качестве "кровавого бешеного барона", как меня называют мои враги, и не в качестве строгого "дедушки", как меня величают мои офицеры и солдаты, а в качестве обыкновенного человека, много пережившего и еще больше страдавшего... Если бы знали, как я устал — от горя, скорби и ненависти!»[2597] Оссендовский надолго запомнил ту атмосферу вдохновения и ненависти, в которую он погрузился в Нийслэл-хурэ, общаясь с бароном.

Для Унгерна главным в человеке были его личные качества — честность и храбрость, а не регалии или чины. Поэтому на офицерские должности он назначал простых казаков, урядников, а кадровые офицеры могли быть обычными всадниками или пасти скот. По воспоминаниям Н.Н. Князева, сослуживцы не удивлялись, увидев однажды барона стирающим белье вестового-бурята, в то время как последний возился у костра с обедом.

Будучи честным и бескорыстным, Унгерн требовал того же от других. Еще в мирное время он пользовался обмундированием до тех пор, пока оно не износится, а затем мог попросить у сослуживца. Зато потом, сразу по получении бароном денег от родственников, нужно было придти вовремя: такой кредитор мог с лихвой возместить свои расходы. В.И. Шайдицкий писал, как барон оплатил ему свадьбу в Харбине, выделил для этого вагон от Даурии и сделал денежный подарок.[2598] По отзывам очевидцев, Унгерн свое имущество считал имуществом своей дивизии. Хотя он и был подозрителен, сочтя кого-либо порядочным, полностью ему доверял. Многие этим пользовались и обманывали. Пример этому — пропажа складов Унгерна в Маньчжурии. С другой стороны, потеря доверия делала человека врагом: в Даурии барон казнил доверенного офицера, в Монголии — Лауренца и своего старого сослуживца Лихачева, приказал убить Тапхаева.

За своей внешностью Унгерн следил мало, спал и ел, где придется и как придется. «Оборванный и грязный, он спит всегда на полу, среди казаков сотни, ест из общего котла и, будучи воспитан в условиях культурного достатка, производит впечатление человека совершенно от них отрешившегося. Тщетно пытался я пробудить в нем сознание необходимости принять хоть внешний офицерский облик.»[2599] Позже, в Даурии, барон жил также весьма

скромно, в комнате с бедной обстановкой, а одежду носил, по-видимому, до полного снашивания. Примерно такую же обстановку застал и Д.П. Першин в его штабе в Нийслэл-хурэ.[2600] Комната была холодной и грязной, окна заклеены бумагой, мебели почти не было. «Один тарлык, одна смена поношенного белья, Георгиевский крест — вот все его достояние».[2601]

До войны Унгерн толково и дельно вел занятия с подчиненными.[2602] В Первую мировую войну «в боевом отношении он всегда был выше всякой похвалы. Его боевая служба — это сплошной подвиг на славу России»[2603]. Унгерн жил войной.[2604] В Первую мировую войну проявил себя как хороший товарищ, любимый офицерами, как начальник, всегда пользовавшийся обожанием своих подчиненных и как офицер — корректный, честный и преданный долгу. Пять раз был ранен, но возвращался в строй с незалеченными ранами, участвовал в десятке атак, доведенных до удара холодным оружием, всегда горел жаждой новых боевых подвигов. Он служил образцом для офицеров и казаков, представлял образец служаки Царю и Родине.[2605] Ни от кого он не требовал больше, чем делал сам.[2606]

Романтика рыцарства влекла Унгерна с детства, он интересовался военным делом.[2607] Его привлекали образы тех его предков, кто сражался, кто был связан с Востоком. Отсюда тяга к традиционализму и средневековью и ненависть к наживе, бездуховности, либерализму. С этим же связано смешение этнических и политических понятий (евреи и большевизм, желтая раса и монархия). Поэтому же «неблагонадежные» уничтожались вместе с семьями вплоть до малолетних детей — чтобы не оставлять «хвостов»,[2608] то есть, чтобы дети не мстили за родителей. Такой взгляд типичен для средневекового мышления. Потому неудивительно, что он стал «офицером выдающимся во всех отношениях, беззаветно храбрым, рыцарски благородным и честным».[2609] И таким же жестоким, как средневековые рыцари. Его знаменитым выражением было «земля крови хочет».[2610] А его афоризм «мертвый безопаснее живого» напоминает известную сентенцию Сталина.

Важной причиной жестокости Унгерна было и то, что в революцию и гражданскую войну он лишился самого дорогого. В 1905 г. восставшие сожгли поместье его отчима, где он любил бывать в детстве. В 1907 г. умерла его мать, которую он очень любил. После революции 1917 г. сгинул отец, в 1918 г. погиб отчим. Было потеряно не только все фамильное достояние, но и привычный строй жизни, складывавшийся веками. Родственники и знакомые гибли в войнах и революциях. Прервалась связь с Прибалтикой, не стало Российской империи, которой служил его род. Дома и семьи не было. Не осталось опоры в жизни. Унгерн посвятил жизнь борьбе с теми, кто был виновен во всем этом, борьбе за восстановление монархий и традиционализма.

В этой борьбе он высоко ставил дисциплину, требовал слепого повиновения, не терпел, когда ему давали советы.[2611] Став генералом, порядок в вой-

ске он поддерживал палочной дисциплиной, идеал которой видел во временах Фридриха Великого, Павла I, Николая I.[2612] Поэтому в Даурии он окружил себя людьми слепо преданными. В основном это были люди недостойные. Унгерн относился к ним с презрением, считал для них лучшим аргументом палку. Бил он обычно тех, кого презирал, но не позволял этого в отношении тех, кого уважал или за их мировоззрение (Оссендовский, Витте, Лавров, Тизенгаузен), или за способность отстоять свою честь и скорее умереть, чем подчиниться палочной дисциплине (Макеев, Островской, Шайдицкий и др.). После того, как Макеев заявил о нежелании офицеров далее терпеть порки, Унгерн перестал пороть их.

Требуя подчинения, сам барон подчиняться не любил. Но традиционализм предполагает иерархичность общественных отношений. По мнению Унгерна, «как семье нельзя без хозяина, так и народу нельзя без царя».[2613] Поэтому барон искал себе «хозяина», пока не поступил на службу к монарху. Сначала он формально подчинялся Семенову, потом хотел служить Чжан Цзолиню.[2614] Однако с Семеновым барон вел себя своенравно, повиновался, когда хотел, а потом разорвал отношения. При всем почтении к Богдо-гэгэну, Унгерн на допросах красными высказал несколько замечаний по его адресу. Так что осознание необходимости иерархии конфликтовало в нем со стремлением к личной независимости.

Будучи человеком живого дела, Унгерн не терпел формализма. Штаба и канцелярии у него, фактически, не было; важные документы он мог сжечь. «Это тип партизана-любителя, охотника-следопыта из романов Майн-Рида».[2615]

***

Личные качества Унгерна, кажущиеся противоречивыми, логично дополняли друг друга, составляя целостную личность. Повышенная раздражительность могла быть следствием сабельной травмы лба и прогрессировать под влиянием провоцирующих внешних факторов. Не исключено, что в результате развился невроз. Однако Унгерн не был сумасшедшим. Его мировоззрение, цели и методы в сочетании с особенностями характера наводили тех, кто воспитан в стандартах западной цивилизации, на мысль о сумасшествии.

ГЛАВА 14

Религиозные взгляды

Унгерн с детства интересовался религией и философией. Поэтому во время учебы он имел сравнительно высокий балл по Закону Божьему. Есть сведения, что еще мальчиком в 1892–1893 гг. он посещал в Петербурге дом князя Э.Э. Ухтомского, где познакомился с К. Тыниссоном, впоследствии учеником А. Доржиева и крупным деятелем буддизма, которого после смерти признали бодхисаттвой.[2616]

Согласно документам, вероисповедание Унгерна было евангелическо-лютеранское.[2617] Однако в Харбине он венчался в русской православной церкви (судя по имени, принятому его женой — Елена Павловна). Его монархические взгляды также больше соответствуют православному мировоззрению, чем протестантскому. В то же время, барон предпочитал общаться с ламами, а не с христианским духовенством, о «попах» отзывался без пиетета. Даже перед знаменитым походом на Сибирь он отсутствовал на напутственном христианском молебне 21 мая 1921 г.[2618]

«Барон был твердо убежден, что Бог есть источник чистого разума, высших познаний и начало всех начал. Не во вражде и спорах мы должны познавать Его, а в гармонии наших стремлений к Его светоносному источнику. Спор между людьми, как служителями религий, так и сторонниками того или иного культа, не имеет ни смысла, ни оправданий, ибо велика была бы дерзновенность тех, кто осмелился бы утверждать, что только ему открыто точное представление о Боге. Бог — вне доступности познаний и представлений о Нем человеческого разума.

Споры и столкновения последователей той или иной религии между собой неизбежно должны порождать в массах, по мнению барона, сомнения в самой сути существования Бога. Божественное начало во Вселенной одно, но различность представлений о Нем породили и различные религиозные учения. Руководители этих учений во имя утверждения веры в Бога должны создавать умиротворяющее начало в сердцах верующих в Бога людей на основе этически корректных отношений и взаимного уважения религий. Вероотступничество особенно порицалось покойным Романом Федоровичем, но не по-

тому, однако, что с переходом в другую религию человек отрекается от истинного Бога, ибо каждая религия по своему разумению служит и прославляет истинного Бога. Понимание Божественной Сути разумом человеческим невозможно. «Бога нужно чувствовать сердцем», — всегда говорил он. В то же время он был большой мистик по натуре, верил в закон возмездия и был религиозен без ханжества. Это последнее в религии он ненавидел, как всякую ложь, с которой боролся всю свою жизнь».[2619]

Такие религиозные взгляды не являются вполне христианскими, хотя частично согласуются с христианством и рядом других религий. В этом контексте принятие одной из них — не вероотступничество. Поэтому Унгерн принял буддизм сам и допускал его проникновение в среду русских в Сибири[2620] — что и произошло в XX в., причем не только в Сибири.

Вероотступничеством для Унгерна было принятие идеологии революционеров-богоборцев, которую он тоже считал религией, только религией зла. В протоколах допросов красные отмечали, что Унгерн апеллировал к борьбе «плюсов и минусов», придавая этим терминам религиозно-мистическо-политическое значение: «плюсы» — это его идея, а «минусы» — это большевизм[2621].

Унгерн писал, что цель красных монголов — «распространить среди монгол вредную большевистскую религию»,[2622] писал о «религии революционеров», «злой религии большевиков».[2623] «Не обязательно, чтобы был Бог, во многих религиях, а особенно, если Вы знакомы с религиями восточными, религия представляет из себя правила, регламентирующие порядок жизни и государственное устройство. То, что основал Ленин, есть религия».[2624] Коммунизм в чем-то сходен с конфуцианством. «Вот Вы знаете Конфуция? Да у него, как и у вашего Ленина, как в коммунизме, ничего нет о Боге, о загробной жизни, все только о том, как бы здесь устроить и установить порядок. Учение Конфуция — религиозное учение. Учение вашего Ленина и коммунизм — тоже религия».[2625]

Атрибутика победившего коммунизма согласуется с этим суждением: культ К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина (в СССР и его сателлитах — также И.В. Сталина, в КНР — Мао Цзэдуна, в КНДР — Ким Ир Сена) и мессианство; непогрешимость марксизма-ленинизма («учение Маркса всесильно, потому что оно верно»); канон произведений основоположников; культ «святых мест» и «мощей» вождей революций в мавзолеях; институт «мучеников» революций и гражданских войн; мировое зло — «эксплуатация человека человеком»; портреты классиков и вождей в качестве икон; идейные песни вместо религиозных песнопений; предатели-иуды — оппортунисты и ревизионисты; служители культа — идеологические партработники; обряд посвящения — церемония приема в партию; система ритуалов идейно-политического воспитания; миссионерство — коммунистическая пропаганда; проповеди —

выступления идеологов на собраниях и митингах; идеологическая регламентация жизни, власти, науки, искусства; новые «революционные» имена (Октябрина, Ревмира, Стален и т.д.). «Правящая» религия не должна иметь конкурентов — отсюда воинствующий атеизм и разгром традиционных религий коммунистами.

Взгляды Унгерна отражают полную веротерпимость, основанную на том, что все религии (кроме, разумеется, коммунистической) сходятся в своей фундаментальной основе. В буддизме эта идея детально проработана.[2626] Знаменитый индийский царь Ашока (III в. н.э.) писал в одном из эдиктов: «Всякая чужая вера должна быть уважаема... и тот, кто чтит свою веру и порицает чужую из преданности своей вере... тот сильно вредит своей вере. И потому только согласие и полезно, так чтобы люди слышали закон одного и другого и чтобы они любили слушать его».[2627] Согласно христианскому представлению, монотеизм, политеизм и атеизм «сходятся в том, что существует единство и единственность абсолюта. Различны лишь представления о том, каким образом человек вступает с ним в связь и, соответственно, как соотносится с ним абсолют».[2628] Сходными были и древнемонгольские добуддийские представления, которые должен был знать Унгерн. Например, великий хан Мункэ говорил: «Как Бог дал руке различные пальцы, так Он дал людям различные пути».[2629]

В своем войске Унгерн обеспечил полную свободу вероисповедания. Представители разных религий — буддизма, христианства, ислама — молились по своим обычаям в установленное время. В Азиатской дивизии были буддийские монахи, мулла, православный священник. В поход на Сибирь Унгерн взял с собой православные иконы из Нийслэл-хурэ. В монгольской столице проводились православные богослужения. Барон поощрял участие в них верующих, но сам, по-видимому, не участвовал. В 1919 г. в Хайларе он предоставил дом для польского католического прихода.[2630]

При взыскании тоже не делалось различий по религиозному принципу. Провинившихся буддийских монахов Унгерн порол. На попов обиделся за то, что легенда о помощи иконы Ургинской Божьей Матери не помогла ему в походе на Троицкосавск, хотел выгнать священника за борьбу со сквернословием.[2631] Купца Сулейманова из Нийслэл-хурэ, выполнявшего по его просьбе обязанности муллы при дивизии, за какой-то проступок посадил на крышу.

По-видимому, Унгерн понимал Бога не в христианском смысле, а как нечто безличное и логически непостижимое, что не противоречит буддийскому представлению об изначальном ясном свете и нирване. В этом контексте барон не считал буддизм атеистической религией. Ссылки такого рода есть в его письмах к мусульманам и буддистам.[2632] Говоря о Боге Джалханцза-хутухте,[2633] Унгерн не опасался, что его обвинят в неверной трактовке буддиз-

ма. Он также обозначал Бога как Небо. Возможно, этот термин он взял из добуддийских верований монголов, поклонявшихся Вечному Небу.

Буддизм Унгерн принял, очевидно, в Монголии. Это часто считают политическим актом. Политическая польза от этого была, но имеющиеся данные говорят об искренности барона. Например, Ф.А. Оссендовскому он говорил, что всю жизнь посвятил войне и изучению буддизма, эту веру привез из Индии его дед, к ней примкнул его отец.[2634] Подчеркивая этот «наследственный» интерес, барон вряд ли мог рассчитывать на то, что Оссендовский как-то повлияет на монголов. Кстати, слова Унгерна — единственное указание на то, что его дед и отец были буддистами.

Барон молился Будде, читал буддийские мантры. Б. Ширендыб упоминает самую известную из них — Ом Мани Падме Хум.[2635] Оссендовский вполне реалистично описал свои наблюдения, как Унгерн молился ночью в храме в Урге, сложив у себя перед лицом руки; на руке у барона были четки.[2636]

С другой стороны, на допросах красными барон признавал себя лютеранином.[2637] О принятии буддизма он там не говорил. По-видимому, Унгерн считал, что перед большевиками незачем раскрывать подробности своей веры. В ряде случаев он давал им явно упрощенные ответы. Например, на вопрос как он мог писать, что он послан самим Богом для спасения Монголии, он ответил, что «писал это для красного слова». Это противоречит его эсхатологическим взглядам (см. ниже). В последний раз он встретился с Богдо-гэгэном якобы «без определенной цели», хотя Оссендовский писал, что во время той встречи Богдо благословил Унгерна и предсказал ему благое перерождение. «Костюм монгольского князя (шелковый яркий халат) носил с целью на далекое расстояние быть видным войску. Привлечь этим костюмом симпатии монгольского населения цели не имел».[2638] Последнее вряд ли соответствует действительности. Более того, получение от правящего монарха княжеского титула и ношение соответствующей одежды соответствовало стилю мышления барона.

На допросах Унгерн говорил, что верит в Бога и Евангелие, практикует молитву,[2639] считал себя призванным к борьбе за справедливость и нравственное начало, основанное на учении Евангелия,[2640] верил в пророчества, изложенные в Апокалипсисе.[2641]

Еще одну модифицированную цитату из Библии[2642] Унгерн привел в письме буддисту — князю Цэндэ-гуну: «И даже люди, ищущие смерти, не могут найти ее».[2643] В оригинале — «Откровении Иоанна Богослова» — это звучит так: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них».[2644] Это еще одно свидетельство эсхатологических взглядов барона и хорошего знания Библии.

На допросе Унгерн «признал себя фаталистом и сильно верит в судьбу».[2645] Он постоянно говорил «я верю», «по воле Всевышнего Бога мне было

суждено», «судьба играет роль», объяснял свой печальный конец «судьбой».[2646] Свой поход в Монголию объяснял «случайностью и судьбой»[2647] — в стиле древнеримской концепции жребия и фатума.

Некоторые авторы считают, что к буддизму Унгерн пришел от фатализма. В таком случае он понимал судьбу как карму — детерминацию предыдущими действиями (мыслью, словом и делом), пусть даже не в этой жизни. Действительно, он верил в карму, посмертное воздаяние, определение участи умершего повелителем ада Ямой, в сны и предсказания. Сохранился пересказ его долгих разговоров об этом с Ивановским и Войцеховичем. Судя по этим разговорам, Унгерн придерживался буддийского, а не христианского взгляда на посмертное существование. Он верно излагал буддийское воззрение, согласно которому владыка смерти Яма спрашивает тех, кто попадает в ад: видели ли они при жизни старость, болезнь, смерть — а на их утвердительные ответы говорит, что они сами не радели о своем будущем, потому плодом их неправых дел будет адский огонь.[2648]

На предопределении была основана и государственно-политическая концепция Унгерна. Он был уверен, что события революции, гражданской войны и победа над силами зла — революционерами — предсказаны в священных книгах разных религий. Предсказания из Библии, приведенные в его приказе № 15, Унгерн считал своими убеждениями:[2649] «Нужен мир — высший дар неба. Ждет от нас подвига в борьбе за мир и Тот, о ком говорит Св. Пророк Даниил (гл. XI), предсказавший жестокое время гибели носителей разврата и нечестия и пришествия дней мира».[2650] Далее идет цитата (в действительности из главы XII), из которой следует вывод, что время решающей битвы настало. «И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге».[2651] Михаилом, возможно, он обозначал неведомого правителя, который будет после этой победы добра над злом. Совпадение с именем великого князя Михаила Александровича было полезно для мобилизации сил против красных, но жив ли сам князь, Унгерн не знал.

Происхождение упомянутых в конце приказа числе 1290 и 1330 он объяснял тем, что 1290 дней должно было пройти с момента издания декрета о закрытии церквей до начала борьбы и 1330 дней до освобождения от большевиков.[2652] Л.А. Юзефович приводит следующие соображения.[2653] Если считать со дня издания большевиками Декрета об отделении церкви от государства 20 января/2 февраля 1918 г., то «до начала борьбы», т.е. выступления Азиатской дивизии из Нийслэл-хурэ, прошло не 1290 дней, а примерно на 3 мес. меньше; зато эти недостающие месяцы как раз появляются, если вести счет с Октябрьской революции 1917 г., и тогда все совпадает практически день в день.

Впоследствии Унгерн жалел, что в этом приказе не было главного — относительно движения желтой расы. «По его мнению, об этом говорится где-то в Священном Писании, но найти ему не могли. Белая раса должна двинуться на желтую, из них часть на кораблях и на огненных телегах. Белая раса соберется вкупе. Будет бой, в конце концов, желтая осилит, потом будет Михаил. Унгерн отрицает, что под Михаилом разумелся Михаил Романов и что Михаил, указанный в Священном Писании, ему неизвестен».[2654] Возможно, имеются в виду слова пророка Даниила[2655] — если белая и желтая расы обозначены как северный и южный цари. Себя Унгерн считал призванным к этой великой борьбе за справедливость, предопределенной свыше.[2656]

Эсхатологические настроения распространялись в Азиатской дивизии, обосновывая необходимость борьбы с безбожниками-коммунистами. В апреле 1921 г. Н.Н. Казагранди пригласил в Ван-хурэ православного священника. Целью было не только удовлетворение религиозных потребностей православных, но также объяснение по Библии текущих и будущих событий, согласно желанию Унгерна.[2657] В мае в русско-монгольской типографии в Урге была напечатана брошюра с выписками из Библии и других православных книг на эту тему. Эти выписки распространялись не только в Нийслэл-хурэ, но и за ее пределами (текст см. в части III). Барон принимал участие в составлении этой брошюры.[2658]

Призывая эвенков и бурят не уклоняться от мобилизации, Унгерн ссылался на другое пророчество — «Бичикту цаган чилагу».[2659] Это пророчество среди монголов и бурят-буддистов о священном белом камне с надписью, по которой предсказано наступление эры всеобщих неурядиц, а потом пришествие русского богатыря, которому предначертано спасти человечество и восстановить великого монгольского хана, это должно произойти в год Белой курицы — таковым был 1921 г.[2660] Богатырь пришел с севера, из России, восстановил в 1921 г. на престоле Богдо-хана.

Во время монгольского похода Унгерн предпочитал ставить лагерь в тех местах, которые в сознании монголов связаны с историческими событиями и предсказаниями, и этим укреплял их веру в свою избранность[2661].

Буддийская концепция Шамбалинской войны как последней битвы с врагами веры тоже трактовалась Унгерном как пророчество о победе над революцией. По крайней мере, в архиве Азиатской дивизии есть перевод одного из таких текстов.[2662] А.М. Стрелков об этом документе сообщил мне следующее. Это перевод сочинения Панчен-ламы VI Лобсан Пэлдэн Еше «Моление о перерождении в северной Шамбале» (тиб.: Byang sambhalar skye ba'i smon lam). Работа относится к классу «моление о перерождении». Это сочинение встречается как в ксилографической, так и рукописной форме. В наше время оно включается в краткие молитвенники, издаваемые по европейскому

книжному стандарту в Тибете. Судя по всему, данный документ — первый по времени и, возможно, единственный на данный момент перевод этого сочинения на русский язык с тибетского оригинала. В переводе из архива Азиатской дивизии заметно сильное влияние бурят-монгольской традиции и налицо редактирование с позиций русской культуры. Переводил, по-видимому, бурятский монах, возможно, по просьбе самого барона. Имеются неточности и явные ошибки, начиная с самого названия: «Предсказание священнослужителя Просветленного Лубсан Балдан Еше в местно[сти] Гадан Пубаран, находящейся в ведении Далай-ламы».

Таким образом, сходство эсхатологических пророчеств разных религий указывало Унгерну тот путь, которым ему суждено следовать, чтобы исполнить свою миссию.

Если события предопределены, их можно предсказать. Во время войны это особенно важно. Поэтому Унгерн прибегал к услугам буддийских монахов, а также ворожей, гадателей и шаманов (хотя европейские мемуаристы, по-видимому, часто называли шаманами буддийских монахов). Во время походов при себе он всегда держал лам-гадателей, с которыми советовался. Предсказания сбывались не всегда — бывало, гадателей барон выгонял. В гадания верил не он один. Этим занимались по своему почину и другие офицеры Азиатской дивизии — не только с помощью лам, но, например, через спиритические сеансы.[2663]

Унгерн поддерживал контакты с Далай-ламой XIII, на желтом шнурке на шее носил талисманы от ранений и других несчастий. Это были заговоренные пули с патронами различных калибров, заговоренные зерна в зашитых мешочках, большие и маленькие изображения Богдо-гэгэна VIII «и прочие амулеты ламаистского толка».[2664] По четыре пули-талисмана, которые должны защищать в боях, красные находили у погибших белых монголов.[2665]

По словам Одоныба Батура, бывшего офицера Квантунской армии, брат которого служил у барона, Унгерн носил на шее оберег с мантрой, защищающей от оружия.[2666] О. Батур говорил, что она и могла спасти барона от пуль заговорщиков. Это мантра из апокрифической «Святой Махаянской сутры “Упокоение черной брани”» (тиб.: phags pa kha mchu nag po zhi bar byed pa zhes bya ba thegs chen po'i bzhugs so), приписываемой самому Будде.[2667]

Унгерн жертвовал очень большие суммы на буддийские монастыри. Князев видел в записной книжке полковника К-на (возможно, Костромин) записи о пожертвованиях «за молитвы» даже в 2000 р., 4000 р., 8000 р.[2668] Пишут, что столь большие пожертвования были ошибкой барона: их было недостаточно, чтобы склонить на сторону белых все духовенство Монголии, а отдельным монахам и монастырям можно было давать и меньше. С утилитарной точки зрения это верно. Но в буддизме одна из парамит (высших достоинств, ведущих к нирване) — это даяние, или щедрость. В связи с этим,

столь щедрые раздачи духовенству могли объясняться скорее буддийской верой барона, чем политическими соображениями.

Унгерн стремился изучать буддизм, встречался с монахами, посещал монастыри. Военные условия не благоприятствовали таким занятиям. Унгерн не получил систематического буддийского образования. В походах он мог общаться с простыми кочевниками и монахами, но не с буддийскими учеными. В таких условиях можно усвоить лишь основы религии и народную веру, а не сложные этические и философские концепции. В этом смысле очень показателен следующий случай. Барон слышал, что журналист Першин изучает буддизм и дружит с ученым Манджушри-хутухтой Цэрэндоржем — хубилганом, связанным с бодхисатвой мудрости Манджушри. Унгерн попросил Першина рассказать «что-нибудь интересное», сказав, что очень этим интересуется. Но Першин смог предложить помощь лишь в изучении иконографии, добавив, что философией буддизма не занимается, а гадателям нельзя верить.[2669]

По рассказам современников, среди монголов ходили слухи, что Унгерн — перерождение «бога войны». Откуда эти слухи? Я нигде (в том числе в Монголии и Бурятии) не смог найти сведений. Такой бог отсутствует в буддийском пантеоне. Упоминания есть лишь в мемуарах европейцев. Надо отметить, что народная молва, по словам Д.П. Першина, называла «богом войны и мечом правды» и Тогтохо-гуна — героя освободительной борьбы монголов.[2670]

В одном из указов Богдо-гэгэна (см. часть III) говорится лишь, что враг был уничтожен «в силу Трех Драгоценностей и благодаря чтению ламами книг сахиусов» — божеств-охранителей буддийской веры. Не исключено, как предположил Л.А. Юзефович, что какие-то ламы, видя военные успехи и жестокость Унгерна, могли объявить его докшитом — грозным божеством-охранителем учения.[2671] В современных публикациях Унгерна называют Махакалой.[2672]

В Тибете место бога войны занимает докшит Бегцзэ (тиб.: Джамсаран).[2673] В Монголии этот докшит считается покровителем монастырей в Нийслэлхурэ[2674] — столице Монголии, освобожденной Унгерном от китайцев. Он красного цвета, поэтому монголы и буряты называют его также Улан-сахиус, что означает «Красный охранитель». В народной традиции монгольских народов он иногда трактовался как «бог войны».[2675]

Сразу после возведения на ханский престол Богдо-гэгэна VIII в 1921 г. Унгерн участвовал вместе с ним в каком-то ритуале в храме. По воспоминаниям донира Джамбала, в главном храме (цогчин дуган) Унгерн совершил подношение Богдо-гэгэну. Барон и Хутухта в это время были одеты в дэли (монгольские халаты) из шелковой материи с вытканными золотом драконами.[2676] Эту церемонию Н.Н. Князев описал так: «Непосредственно вслед за

возложением короны на Богдо-хагана, состоялось наречение барона Унгерна воплощением бога войны. Богдо возложил на барона какой-то необычайный головной убор, отдаленно напоминавший митру католического епископа. Затем ламы торжественно взяли барона под руки и вывели из кумирни, чтобы показать народу».[2677] П. Дюфур тоже слышал, что на этой церемонии Богдо-гэгэн дал Унгерну титул бога войны.[2678]

Головной убор, кратко описанный Князевым, напоминает корону, используемую в ритуалах тантрических посвящений. Однако Богдо-гэгэн IX в разговоре со мной выразил сомнение, что это было посвящение в тантру. Действительно, тантрическое посвящение — тайное, так что в тантрической короне человек не будет напоказ выходить из храма. Возможно, в храме Унгерн мог получить монгольские титулы от теократического монарха, и эта «корона» — шапка монгольского аристократа. Халат с драконами — символом императорского достоинства — если и использовался, то лишь в этой церемонии: оранжевый халат барона, в котором он ходил до самой смерти, вышит обычным монгольским узором. Зато халат Богдо-гэгэна VIII с изображениями драконов сохранился во дворце-музее в Улан-Баторе.

Формально посвящение в тантру Джамсарана также проводиться вряд ли могло: то, что Унгерн — воплощение «бога войны», монголы могли определить по его действиям, ведь с детства он не был выявлен как воплощение Джамсарана. Также и жену Богдо-гэгэна VIII — Дондогдулам монголы определили как хубилгана не с детства, а лишь позже, по поступкам, характеру и т.д. И в Унгерне, и в Дондогдулам могли «отражаться» божества. Но при этом сами они не были теми реинкарнациями божеств, которых выявляют с детства в ряду последовательных воплощений.

Говорили, что Унгерну нравилось, когда его называли «богом войны».[2679] По Голубеву, барон очень любил, чтобы монголы называли его «Цаган-Бурхан» — «Белый бог». В бытность Унгерна в Монголии говорили также, что он — перерожденец пятого Богдо.[2680] Достоверность этого сомнительна. Перерожденцем пятого Богдо был восьмой Богдо — современник барона.

Унгерну, несомненно, предсказывали благое перерождение после смерти. По-видимому, Оссендовский верно передавал ту часть последнего благословения от Богдо-гэгэна, где тот предсказывал Унгерну переход в высшую форму бытия.[2681] Вера в возмездие, перерождения и свою избранность давала барону силы в трудное время.

Много пишут о том, что мистицизм и оккультизм Унгерна привел его к поискам царства Агарти, к теософии, обществу Туле и т.п. Начало этому положил Ф.А. Оссендовский, посвятивший целую главу «Царю Мира» и его царству Агарти.[2682] Впоследствии к этой теме обращались другие авторы.[2683] Однако наш анализ мемуаров и дневников Оссендовского показал, что его рассуждения об Агарти и «Царе Мира» — это теософская обработка расска-

зов на религиозные темы, которые он слышал в Монголии и других местах.[2684] Нельзя согласиться с утверждением, что высказывания Унгерна свидетельствуют о его знакомстве с теософскими и антропософскими идеями.[2685] Эти идеи ему приписал Оссендовский. Последний писал также, что Унгерн дважды посылал в таинственную страну Агарти молодого князя Пунцага — но тот не вернулся... Не тот ли это князь Пунцаг, который в действительности был убит по приказу барона во время похода на Сибирь за недовольство его действиями?[2686]

В начале XX в. на Западе, действительно, был всплеск интереса к оккультизму и мистике. Некоторые теософские концепции трактовались как некий «эзотерический буддизм», тогда как подлинный буддизм был известен мало. Хотя неизвестно, какие книги читал Унгерн, нет никаких доказательств того, что он увлекался теософией, антропософией, участвовал в каких-то оккультных обществах или следовал тому, что отличает западный оккультизм от буддизма.

Будучи буддистом, Унгерн, тем не менее, нарушал принцип ахимсы (ненасилия). На вопрос, как у него вяжется понятие о религии, как основе нравственности, с такими жестокостями, как убийство неповинных людей, он отвечал, что «это грех».[2687] Здесь его вера вступала в конфликт с политическими убеждениями, обстоятельствами войны и методами ее ведения. Возможно, он считал, что убийство «красного» принесет пользу остальным людям, а самому «красному» — лучшее перерождение, так как он перестанет вредить. Показательно, как объяснил барон Оссендовскому, зачем он в свое время пытался создать орден военных буддистов: «Чтобы охранять процессы эволюции, борясь с революцией, ибо я убежден: эволюция приведет нас к Богу, а революция — к скотству».[2688] А. Александрович тоже сообщал об унгерновских планах создания ордена — только «ордена возмездия против войны».[2689]

Сам Унгерн в письме к Егоцзур-хутухте писал, что его дело совершается лишь во имя «непреложных идей торжества чистоты и святости религии и [творческой] деятельности Богдо-хана и маньчжурского хана», что «только во имя этих предвечных идей богоугодно жертвовать кровью своих единоверцев и лиц, хотя инаковерующих, но верных принципам истины и правды».[2690]

Красные в протоколе допроса Унгерна отмечали, что он «заражен мистицизмом и придает большое значение [в] судьбе народов буддизму. Считает себя призванным к борьбе за справедливость и нравственное начало, обоснованное на учении Евангелия. Свои жестокости и террор в отношении людей не считает противоречивым учению Евангелия».[2691]

В то же время, Унгерн проявлял милосердие к животным. Например, запретив казакам убивать дикого козленка, он сказал, что животных бить нельзя, а людей можно...[2692] На Селенге Унгерн запретил убивать ядовитых

змей.[2693] Монгольская традиция запрещает убивать змей, так как их связывают с духами-хозяевами места.

Среди тех, кто причислял себя к буддистам, жесток был не один Унгерн. А.В. Бурдуков сообщал о человеческих жертвоприношениях у монголов: Дамби-Джанцан принес в жертву 10 пленных китайцев, снял кожу с убитого казаха и хранил у себя; перешедший на сторону красных чойджин – приближенный Хатан-батора Максаржава – съел сердце казненного унгерновца Ванданова; тот же чойджин и некоторые монгольские полководцы, казнив пленных китайцев или белых, кровью их сердец кропили свои знамена. Некоторые из этих сведений для разжигания межрелигиозной ненависти были недавно широко растиражированы диаконом А.В. Кураевым.[2694] В действительности, такие обряды восходят к добуддийским традициям и противоречат доктрине и практике буддизма. Иные трактовки говорят о незнании или сознательном искажении буддизма. По архаическим представлениям, съедение сердца отважного врага наделяет человека отвагой.[2695]

Дамби-Джанцан грубо нарушал основные буддийские заповеди: убивал и пытал людей (в том числе протестовавших буддийских монахов), сожительствовал с сартянкой, отняв ее у мужа, не подчинялся Богдо-гэгэну, а впоследствии ограбил караван, вывозивший из Нийслэл-хурэ в Лхасу имущество Далай-ламы. Его иногда объявляют высоким ламой (потому обычно называют Джа-ламой), практиком тантры и т.п. Судя по его поведению, все это неверно. Дамби-Джанцан плохо знал буддизм, ради личной власти и выгоды грубо нарушал его главные заповеди. Поэтому Богдо-гэгэн VIII лишил его всех титулов, невзирая на заслуги при взятии Кобдо, конфисковал имущество, а по возвращении из-под ареста из России в 1918 г. вновь «предал анафеме» и приказал арестовать.[2696]

Жертвоприношений в буддизме не было и не может быть доктринально.[2697] «Джа-лама — такой же лама, как И. Сталин — православный священник: оба они учились когда-то в духовных учебных заведениях, и не более того. А зверства свои каждый из них оправдывал той идеологией, какой было удобнее — в одном случае это был примитивно понятый марксизм, в другом — шаманизм и буддизм, понимавшийся Джа-ламой примерно на уровне А. Кураева».[2698]

***

Таким образом, Унгерн был фаталист и мистик, но не теософ. Став буддистом, он не отказался от христианства. Барон проявлял полную веротерпимость, с уважением относился к другим религиям и считал, что Божественное начало одно, его нельзя постичь рационально, разные религии обусловлены разными представлениями об этом начале, но в своей основе учат одним и тем же истинам.

В народной традиции монголов охранитель буддийского учения Бегцзэ (Джамсаран) иногда трактовался как «бог войны». Он же считался покровителем монастырей Нийслэл-хурэ. Унгерн освободил Монголию и Нийслэл-хурэ от китайцев, был жесток к врагам. В восприятии народа он мог ассоциироваться с этим божеством, хотя никаких формальных обрядов или церемоний по этому поводу неизвестно. Жестокости Унгерна, Дамби-Джанцана (Джа-ламы) и т.д. не следуют из буддизма, самой терпимой из мировых религий. Они отражают эксцессы гражданской войны и добуддийские обычаи.

Политическая концепция Унгерна была тесно связана с его эсхатологическими взглядами. В пророчествах разных религий он находил объяснение гражданской войне и своему призванию к борьбе с революционерами.

ГЛАВА 15
Общественно-политические взгляды

Распространенная оценка Унгерна отразилась в революционной песне: «Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон» (хотя ее также адресуют П.Н. Врангелю). Казалось бы, парадоксально: родовитый дворянин, остзейский барон присоединился к казачьему сословию. В либеральных кругах России конца XIX — начала XX в. остзейские немцы часто ассоциировались с реакцией, а казаки — с отсталостью. И то, и другое в либеральной терминологии означало традиционализм. В отношении к последнему остзейские немцы и казаки были ближе друг к другу, чем к демократам и революционерам, будь то выходцы из «высших» или «низших» слоев.

Став казаком, в документах и переписке Роман Унгерн остался бароном Унгерн-Штернбергом. В этом он не был одинок: были и другие казаки из дворян, в том числе из остзейских немцев. В XIX в., по крайней мере, двое Унгерн-Штернбергов были казаками: один служил в Семиреченском казачьем войске,[2699] другой — в Кубанском (М.Л. Унгерн-Штернберг). Среди остзейских немцев и казаков были сильны монархические настроения.

Р.Ф. Унгерн был сторонником абсолютной монархии, опирающейся на религию. «Самое наивысшее воплощение идеи царизма — это соединение божества с человеческой властью, как были Богдыхан в Китае, Богдо-хан в Халхе и, в старые времена, Русские Цари».[2700] «Единственно, кто может охранить правду, честь и обычаи, так жестоко попираемые нечестивыми людьми — революционерами — это цари. Только они могут охранить религию, возвысить веру на земле».[2701]

По мнению Унгерна, «царь должен быть первым демократом в государстве. Он должен стоять вне класса, должен быть равнодействующей между существующими в государстве классовыми группировками», должен опираться на аристократию и крестьянство, каждый из этих классов без другого жить не может. Другое дело, буржуазия — она способна только сосать соки из государства и она-то довела страну до того, что произошло.[2702]

Детализируя, Унгерн говорил, что у власти должна быть только аристократия, помещики должны владеть землей, рабочие — работать. Ни крестьяне, ни рабочие не должны иметь права на организации, газеты и т.д.[2703] Однако, по мнению Унгерна, принадлежность к аристократии не избавляет от ответственности. Например, как-то раз в Даурии интендантство в его отсутствие решило избавиться от запасов некачественной солонины. Внезапно вернувшийся барон попробовал суп из нее, немедленно вызвал главного интенданта — князя А., приказал накормить его супом из не вымоченной солонины, на сутки запер без воды в карцер, а затем выгнал из Даурии.[2704] Среди казненных Унгерном были и представители дворянства. Лишь монарх для него был выше обвинений.

Однако европейская цивилизация шла по пути отхода от монархизма и традиционных ценностей. Самоцелью были развитие и доход. Лучшей идеологией для этого становилась демократия, крайние проявления которой — коммунизм и анархия. Возникал вопрос: зачем все это надо? Является ли это главным для человека, а если нет — то где альтернатива?

Унгерн изложил свое мнение на этот счет Г.Г. Сатовскому-Ржевскому, известному харбинскому журналисту.[2705] По его мнению, для человека счастье важнее прогресса. С некоторого времени человеческая культура и цивилизация пошла по ложному и вредному пути — возьмем ли мы область техническую, новейшие формы политического устройства или «в сфере чрезвычайного усугубления некоторых сторон человеческого познания». Унгерн считал несуразностью, что новейшие открытия не только не приблизили человека к счастью, а, пожалуй, отдалили и в будущем отдалят еще больше. Таким образом, европейская культура дошла до отрицания себя. Человечество было счастливо в конце средних веков, когда не было умопомрачительной техники, люди находились в более счастливых условиях. «В девятнадцатом веке уже стало ясно, что развитие техники идет в ущерб счастью рабочего, потому что машина вытесняет его труд шаг за шагом. Борьба за существование обостряется, развивается чудовищная безработица и, как результат изложенного процесса, повышаются социалистические настроения».[2706] Европа должна вернуться к системе цехового устройства, чтобы цехи, то есть коллективы людей, непосредственно заинтересованных в личном труде и производстве в целом, сами распределяли бы работу между их членами на началах справедливости. Чтобы разрешить противоречия, по мнению барона, необходимо разрушить цивилизацию новой Европы, а на ее развалинах начать новое строительство с тем, чтобы, пользуясь опытом прошлого, не повторить его ошибок.

Унгерн мог считать, что опыт России подтверждает его правоту. Слепая ориентация высших слоев России на Запад отрывала их от собственных цивилизационных корней. В результате развилось мнение об отсталости и ди-

кости русских и «инородцев», противопоставление «культурной Европы» и «дикой Азии». Это подготовило некритическое восприятие западных идей, несовместимых с традиционным обществом. Отсюда противоречие между «верхами» и «низами» в Российской империи, приведшее к революциям. Буржуазная Февральская революция 1917 г., как и в 1905 г., отражала победу этой тенденции. Октябрьская революция 1917 г. казалась апофеозом Февральской.

Запоздалые и неумелые реформы, трагические ошибки Николая II и его правительства, успешная деятельность демократов и революционеров привели к краху Российской империи. Разрыв геополитических союзников — России и Германии — сыграл против обеих держав. Этому способствовали русские англофилы. Наибольшее значение среди них имели министры иностранных дел А.П. Извольский, С.Д. Сазонов и посол во Франции А.И. Нелидов. По словам Сазонова, англофилы обратили внимание, что история отношений России с Британией — это сплошные недоразумения, взаимные подозрения и вражда, и решили исправить положение.[2707]

Втянутая в альянс со своими геополитическими противниками, Россия вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты. Для России, Австро-Венгрии и Германии эта война привела к развалу государств, краху монархий, революциям, военному поражению. Выиграли только «прогрессивные» страны — союзники России по Антанте. В Европе усиливались либеральные и социалистические настроения. Унгерн говорил: «Народами завладел социализм, лживо проповедывающий мир, злейший и вечный враг мира на земле, так как смысл социализма — борьба».[2708] Отдаленным последствием всего этого стали национал-социалистский режим в Германии, Вторая мировая война, насильственное насаждение социализма в разных странах.

«Россия создавалась постепенно, из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии — особенностью государственных начал. Пока не коснулись России к ней по ее составу и характеру неприменимые принципы революционной культуры, Россия оставалась могущественной, крепко сплоченной Империей. Революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего русла народной мысли и надежд. Народ, руководимый интеллигенцией, как общественно-политической, так и либерально-бюрократической, сохраняя в недрах своей души преданность Вере, Царю и Отечеству, начал сбиваться с прямого пути, указанного всем складом души и жизни народной, теряя прежнее, давнее величие и мощь страны, устои, перебрасывался от бунта с царями-самозванцами к анархической революции, и потерял самого себя. Революционная мысль, льстя самолюбию народному, не научила народ созиданию и самостоятельности, но приучила его к вымогательству, разгильдяйству и грабежу. 1905 год, а затем 1916–17 годы дали отвратительный,

Детализируя, Унгерн говорил, что у власти должна быть только аристократия, помещики должны владеть землей, рабочие — работать. Ни крестьяне, ни рабочие не должны иметь права на организации, газеты и т.д.[2703] Однако, по мнению Унгерна, принадлежность к аристократии не избавляет от ответственности. Например, как-то раз в Даурии интендантство в его отсутствие решило избавиться от запасов некачественной солонины. Внезапно вернувшийся барон попробовал суп из нее, немедленно вызвал главного интенданта — князя А., приказал накормить его супом из не вымоченной солонины, на сутки запер без воды в карцер, а затем выгнал из Даурии.[2704] Среди казненных Унгерном были и представители дворянства. Лишь монарх для него был выше обвинений.

Однако европейская цивилизация шла по пути отхода от монархизма и традиционных ценностей. Самоцелью были развитие и доход. Лучшей идеологией для этого становилась демократия, крайние проявления которой — коммунизм и анархия. Возникал вопрос: зачем все это надо? Является ли это главным для человека, а если нет — то где альтернатива?

Унгерн изложил свое мнение на этот счет Г.Г. Сатовскому-Ржевскому, известному харбинскому журналисту.[2705] По его мнению, для человека счастье важнее прогресса. С некоторого времени человеческая культура и цивилизация пошла по ложному и вредному пути — возьмем ли мы область техническую, новейшие формы политического устройства или «в сфере чрезвычайного усугубления некоторых сторон человеческого познания». Унгерн считал несуразностью, что новейшие открытия не только не приблизили человека к счастью, а, пожалуй, отдалили и в будущем отдалят еще больше. Таким образом, европейская культура дошла до отрицания себя. Человечество было счастливо в конце средних веков, когда не было умопомрачительной техники, люди находились в более счастливых условиях. «В девятнадцатом веке уже стало ясно, что развитие техники идет в ущерб счастью рабочего, потому что машина вытесняет его труд шаг за шагом. Борьба за существование обостряется, развивается чудовищная безработица и, как результат изложенного процесса, повышаются социалистические настроения».[2706] Европа должна вернуться к системе цехового устройства, чтобы цехи, то есть коллективы людей, непосредственно заинтересованных в личном труде и производстве в целом, сами распределяли бы работу между их членами на началах справедливости. Чтобы разрешить противоречия, по мнению барона, необходимо разрушить цивилизацию новой Европы, а на ее развалинах начать новое строительство с тем, чтобы, пользуясь опытом прошлого, не повторить его ошибок.

Унгерн мог считать, что опыт России подтверждает его правоту. Слепая ориентация высших слоев России на Запад отрывала их от собственных цивилизационных корней. В результате развилось мнение об отсталости и ди-

кости русских и «инородцев», противопоставление «культурной Европы» и «дикой Азии». Это подготовило некритическое восприятие западных идей, несовместимых с традиционным обществом. Отсюда противоречие между «верхами» и «низами» в Российской империи, приведшее к революциям. Буржуазная Февральская революция 1917 г., как и в 1905 г., отражала победу этой тенденции. Октябрьская революция 1917 г. казалась апофеозом Февральской.

Запоздалые и неумелые реформы, трагические ошибки Николая II и его правительства, успешная деятельность демократов и революционеров привели к краху Российской империи. Разрыв геополитических союзников — России и Германии — сыграл против обеих держав. Этому способствовали русские англофилы. Наибольшее значение среди них имели министры иностранных дел А.П. Извольский, С.Д. Сазонов и посол во Франции А.И. Нелидов. По словам Сазонова, англофилы обратили внимание, что история отношений России с Британией — это сплошные недоразумения, взаимные подозрения и вражда, и решили исправить положение.[2707]

Втянутая в альянс со своими геополитическими противниками, Россия вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты. Для России, Австро-Венгрии и Германии эта война привела к развалу государств, краху монархий, революциям, военному поражению. Выиграли только «прогрессивные» страны — союзники России по Антанте. В Европе усиливались либеральные и социалистические настроения. Унгерн говорил: «Народами завладел социализм, лживо проповедывающий мир, злейший и вечный враг мира на земле, так как смысл социализма — борьба».[2708] Отдаленным последствием всего этого стали национал-социалистский режим в Германии, Вторая мировая война, насильственное насаждение социализма в разных странах.

«Россия создавалась постепенно, из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии — особенностью государственных начал. Пока не коснулись России к ней по ее составу и характеру неприменимые принципы революционной культуры, Россия оставалась могущественной, крепко сплоченной Империей. Революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего русла народной мысли и надежд. Народ, руководимый интеллигенцией, как общественно-политической, так и либерально-бюрократической, сохраняя в недрах своей души преданность Вере, Царю и Отечеству, начал сбиваться с прямого пути, указанного всем складом души и жизни народной, теряя прежнее, давнее величие и мощь страны, устои, перебрасывался от бунта с царями-самозванцами к анархической революции, и потерял самого себя. Революционная мысль, льстя самолюбию народному, не научила народ созиданию и самостоятельности, но приучила его к вымогательству, разгильдяйству и грабежу. 1905 год, а затем 1916–17 годы дали отвратительный,

преступный урожай революционного посева — Россия быстро распалась. Потребовалось для разрушения многовековой работы только три месяца революционной свободы. Попытки задержать разрушительные инстинкты худшей части народа оказались запоздавшими. Пришли большевики, носители идеи уничтожения самобытных культур народных, и дело разрушения было доведено до конца. Россию надо строить заново, по частям. Но в народе мы видим разочарование, недоверие к людям».[2709]

Как преодолеть все это? Ведь Запад не мог служить образцом. Значит, образцы надо искать на Востоке, где традиционализм и монархизм еще сохранялись. «Как погибает человечество на Западе под влияниями социалистических и анархических учений, так воскресает человечество на Востоке, хранящее в своих сердцах священные устои монархизма».[2710] «Мое всегдашнее убеждение, что ожидать света и спасения можно только с Востока, а не от европейцев, испорченных в самом корне даже до молодого поколения, до молодых девиц включительно».[2711] «Свет идет с Востока, где не все еще люди испорчены Западом, где еще свято, в неизменном состоянии хранятся великие начала добра и чести, посланные людям самим Небом».[2712]

Традиционализм Унгерна — это мультикультурализм, а не поиски некой «интегральной» традиции, единой для всего человечества или «избранной» его части. Унгерн был предшественником евразийства — концепции, согласно которой Россия в этническом, историческом, экономическом, правовом и культурном развитии не является частью европейской цивилизации, а имеет свою собственную траекторию, сближающую ее с Востоком.[2713] Евразийцы показали, что включение в Монгольскую империю было важнейшей предпосылкой централизации и консолидации русских княжеств, на которые развалилась Киевская Русь, находившаяся в историческом тупике. Без этого было бы невозможно образование Московского царства и, на его основе, многонациональной империи.

В те времена в России обсуждалась концепция «желтой опасности»: покорения Европы полчищами из Китая и Монголии. Унгерн, наоборот, положил в основу своего плана идею о неизбежном столкновении Востока с Западом и неминуемой победе желтой расы и ее 3000-летней культуры, до сих пор сохранившей в неприкосновенности основы аристократизма, над расой белой с ее культурой, характеризующейся всеобщей нивелировкой, упадком аристократии, являющейся следствием склонности белой расы к революциям.[2714]

Это иногда ошибочно трактуют как реализацию японской программы «Азия для азиатов», «желтый нацизм» и т.п. В действительности, архаическое мышление связывает этничность с государственностью и цивилизацией. Унгерн считал, что белая раса в целом заражена либерализмом. Освобождение

от него, то есть возвращение к более совершенному состоянию общества, возможно лишь при помощи желтой расы как носителя традиционного уклада.

Большевистские вожди во время гражданской войны тоже обращали взоры в сторону Востока, надеясь, что оттуда начнется мировая революция, которая приведет к свержению власти империалистов в Европе.[2715] При желании воззрения Унгерна можно трактовать как те же концепции, но «повернутые наоборот». Это, однако, будут внешние аналогии: исходные посылки и результаты предполагались совершенно разными.

Ценя в азиатах традиционализм и уважая наследие Чингис-хана, Унгерн сам старался следовать этим традициям. И, как в случае с религией, нарушал их: например, применял телесные наказания для командиров. Такие наказания предусматривались не древнемонгольским, а маньчжурским правом империи Цин.

В отличие от большинства евразийцев и участников Белого движения, Унгерн был монархистом. «Кажется, из монархистов только я один на целом свете», — говорил барон.[2716] Действительно, лишь немногие крупные деятели Белого движения были монархистами: А.П. Кутепов, М.К. Дитерихс, М.Г. Дроздовский и др. Большинство же были сторонниками республиканского строя, идей Февральской революции 1917 г. Премьер временного правительства А.Ф. Керенский называл российскую монархию «гибельным самовластием и тиранией», провозглашал недопустимость ее возрождения.[2717] Монархически настроенные офицеры в Белой армии были оттеснены в тень. Не случайно съезд русских монархистов в Рейхенгалле в Баварии (16/29 мая — 23 мая/4 июня 1921 г.), положивший начало организованному монархическому движению в русском рассеянии, направил приветственную телеграмму Унгерну.[2718]

Партийную систему Унгерн отрицал. Для большевиков это было непостижимо. Поэтому следователи и судьи в Новониколаевске сделали вывод, что он принадлежит к «монархической партии», хотя сам барон на вопрос: «К какой партии принадлежите?» ответил: «Ни к какой».[2719]

Унгерн не представлял задуманного им государства без монарха. «Как Земля не может быть без Неба, так и государства не могут быть без царей».[2720] В акте об отречении Николая II от престола от 2 марта 1917 г. говорилось: «Заповедуем брату нашему [Михаилу Александровичу] править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа <...> призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы». Это отвечало традиции российской монархии: сам царь — источник всех политических форм, он над политикой. Вопрос о царе — это вопрос не о политике, а

о национальном принципе.[2721] Отсюда слова Унгерна, что царь есть главный демократ и отсюда его желание видеть новым царем Михаила Александровича.

Но восстановление монархий должно начаться с Востока, далее монархи должны восстанавливаться «на местах». Монголам Унгерн заявил, что ставит своей целью восстановление трех монархий: русской, монгольской и маньчжурской.[2722] Следовательно, он не поддерживал идею утверждения ханьской династии в Пекине.

Первым восстановлен монгольский монарх. Надо объединить монголов, опираясь, главным образом, на восточные аймаки, затем присоединить западные: Кобдосский округ, Урянхайский край.[2723] Учитывая межплеменные распри, Унгерн предлагал объединение Монголии «под заведыванием сейма, то есть собрания представителей всех аймаков под покровительством молитв Богдо-хана. Причем во внутренних делах им должно быть предоставлено самостоятельное управление местным сеймом».

Монголия рассматривалась Унгерном как плацдарм для создания Срединной империи и последующего освобождения Евразии. По словам Унгерна, он двинулся в Монголию для реализации своего плана борьбы против революционного Китая за объединение всех народов монгольского корня в одно Срединное (Среднеазиатское) кочевое государство от Амура до Каспийского моря, под главенством маньчжурского хана.[2724] Судьбу Монголии Унгерн мыслил только в подчинении маньчжурскому хану, о ее независимости говорил в том смысле, «что это просто только лозунг».[2725]

Иногда это трактуют, как стремление Унгерна вернуть Монголию под власть Китая: Срединное государство (кит.: Чжун-го) обычно означает Китай. Так же сказано и в отредактированном красными протоколе допроса: «Спасение мира, по его убеждениям, должно произойти из Китая».[2726] С этим трудно согласиться. В другом допросе говорится о «Срединном Монгольском Царстве». Унгерн стремился к восстановлению державы Чингис-хана, куда Китай входил лишь как составная часть. Из документов ясно, что именно такую державу, а не государство ханьцев, барон понимал как Срединную империю. Маньчжурская династия, правившая в Пекине, еще недавно была одной из самых могущественных в Азии, причем маньчжуры этнически ближе к монголам, чем к китайцам. Поэтому члены рода Айсинь Гиоро могли быть реальными претендентами на престол такой державы. Унгерн предвидел, что после 1920-х гг. уже не будет возможности объединить всю Монголию и вернуть Китай под власть монарха. Иногда он употреблял термин «Китай» так, как это принято до сих пор — как синоним империи Цин. Но понимал он под этим именно маньчжурскую империю, а не национальное государство ханьцев. Так понимали в прошлом свою империю и маньчжуры: ханьский Китай — лишь одна из частей государства маньчжурского хана, это государство —

Срединное (кит.: Чжун-го), в смысле «самое главное», или «единственно легитимное». Официально же оно называлось империя Цин, а не Чжун-го и не Китай.

Большое значение Монголии для России и Евразии в целом тогда понимали многие. Кто будет иметь преимущественное влияние в Монголии — будет иметь таковое в центрально-восточной Азии.[2727] «Освобожденная Монголия может спасти Россию от коммунистического разрушения. В противоположность многим, считавшим, что рука помощи может быть протянута нам с запада, он базировался на восток. Как лично мы увидели в дальнейшем, и то, и другое мнения были ошибочными, но, во всяком случае, его идея была оригинальнее и имела, пожалуй, больше органической связи в совокупности со всей историей развития России, чем первая».[2728]

Восстановленный маньчжурский хан должен был стать сюзереном монгольского. Срединное царство должно расшириться до Каспия. Затем монархический строй будет восстановлен в России и Европе. Но «сейчас думать о восстановлении царей Европы немыслимо из-за испорченности европейской науки и вследствие этого народов, обезумевших под идеями социализма. Пока возможно только начать восстановление Срединного царства и народов, сопровождающихся с ним до Каспийского моря, и тогда только начать восстановление Российской монархии, если народ к тому времени образумится, а если нет, то надо и его покорить».[2729] «Народ образумится» потому, что монархия больше соответствует его традиции, чем либерализм, тогда как анархия революции не может быть долговечной. Любопытно, что это сознавали и в противоположном лагере. Например, батька Махно говорил: «В России возможна или монархия, или анархия, но последняя долго не продержится».[2730]

Главным содержанием своей эпохи Унгерн считал борьбу «плюсов с минусами», подразумевая под плюсом идею монархизма, под минусом — большевизм.[2731] «Я сражаюсь с врагами всего человечества, революционерами. Это люди, которые пренебрегли всеми небесными и человеческими законами, у которых нет религии, нет царей, нет чести, нет ничего святого. Вы знаете, что теперь в России брат пошел на брата, сын на отца, все друг у друга грабят, все голодают, все забыли Небо. Я считаю, что каждый честный человек обязан теперь вести борьбу против этих ужасных людей, религия которых, как страшная зараза, распространяется по всему миру. Эта зараза хуже чумы и холеры».[2732] «Лично мне ничего не надо, я рад умереть за восстановление монархии, хотя бы даже и не своего государства, а другого».[2733] Унгерн сражался за создание империи, за восстановление царей, какой бы национальности они ни были[2734].

Однако он не имел разработанного плана достижения своих целей. Он считал, что надо находить влиятельных лиц, обращаться к ним персонально,

избегая обращения к безличному целому «в виде ли какого-то мало нам известного по своему составу и политической физиономии правящему органу, или к народу во всей его полноте».[2735] Затем «предполагалось лишь устроить внутреннюю жизнь по рекам. Правительство не намечалось: по словам Унгерна, «правительство всегда найдется».[2736] Что касается рек, то здесь какое-то недоразумение: по-видимому, имелось в виду использовать реки как пути коммуникации во время войны. А вопрос с правительством при абсолютной монархии решается проще, чем при республике. По-видимому, Унгерн не вдавался в подробности государственного строительства, поскольку считал, что государства будут строиться на своих традициях.

Унгерн утверждал, что «оздоровление» Европы возможно при помощи народов-конников, то есть казаков, бурят, татар, монголов, киргизов, калмыков и т.д. Ему казалось, что это те «народы-конники», которые воспеты в эпических повествованиях о древних царствах Евразии. Монголы и тибетцы являются самым подходящим материалом. По его мнению, они стоят на той же ступени (может быть, только в иных формах), которое было в феодально-цеховой Европе конца XIV — начала XV в. Этот период он считал основой для созидания обновленной культуры.[2737]

«Большевизм не может развиться у кочевников, всех кочевников надо объединить в одну группу. Я имею в виду все кочевые народы. Вот почему в основу создания Срединного Монгольского Царства (до Каспия) клал объединение всех кочевников, и киргизов в том числе».[2738] «У них психология совсем другая, чем у белых, у них высоко стоит верность, война солдат, это почетная вещь, и им нравится сражение. Только теперь, за последние 30 лет выдумалось, чтобы воевать за какую-нибудь идею. Быть послушным — вот и все, и никаких разговорчиков не могло быть».[2739] Этот взгляд отражает дальневосточную традицию управления народом: «Управляя, совершенномудрый делает сердца пустыми, а желудки — полными. ... Он постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знание не смели бы действовать».[2740]

Монголы и жители Средней Азии еще не были революционизированы. Маньчжурия контролировалась генералами-милитаристами, готовыми защищаться от революционного Юга. Некоторые были монархистами. А казаки вообще составляли традиционную опору трона. Даже западные наблюдатели отмечали монархизм и «средневековое рыцарство» казаков.[2741] «Прияв мартовскую революцию в виде чисто политического переворота... казачество уже через несколько недель убедилось, что речь идет не о политическом перевороте, а о социальном, не о процветании, а о разрушении России. Еще в период керенщины, между 4 и 6 июня 1917 г., первые братоубийственные выстрелы развращенного петроградского гарнизона были даны именно по казакам».[2742]

Далай-лама XIII Тубтен Гьяцо.

А.Н. Букейхан (http://tomskhistory.lib.tomsk.ru/page.php?id=1619).

Палта-ван.

Чтобы привлечь к своему плану азиатских кочевников и китайцев, Унгерн написал несколько десятков писем монгольским и казахским феодалам, высоким ламам, китайским и маньчжурским генералам-милитаристам, русским. Часть писем попала в руки красных, часть не была отправлена, часть не дошла до адресатов. Из последних ответили немногие.

Унгерн придерживался широкого взгляда на этническую и историческую близость тюрко-монгольских народов, называя их народами монгольского корня. Возможно, он слышал рассказы о том, что некоторые роды казахов — потомки выходцев с монгольских земель, и сам Чингис-хан состоял в родстве с одним из этих родов. Унгерн послал два письма «к вождям киргизского народа» (казахам), которых хотел подключить к своему движению — в частности, к А.М. Букейхану (Букейханову),[2743] писал тарбагатайскому князю Палта-вану, Далай-ламе XIII в Тибет, искал контактов в Восточном Туркестане,[2744] в частности, среди дунган (хуэй). Учитывая вековые распри монголов и казахов, Унгерн призывал к компромиссам, общему пути развития буддийских и исламских народов Центральной Азии. Он считал самым важным не нарушать их исторические заветы и традиции.[2745]

Внутри империи Унгерн собирался создать крепкий федеративный союз тюрко-монгольских территорий, в свое время в разной мере признававших зависимость от маньчжурской династии Айсинь Гиоро. Позже барон решил подключить к нему и Китай, начав с провинции Шаньдун, в которой жил генерал-монархист Шэн Юнь, бывший генерал-губернатор провинции Ганьсу, безуспешно пытавшийся восстановить маньчжурскую династию. И.Я. Коростовец, встречавшийся с Шэн Юнем в Нийслэл-хурэ в 1913 г., вспоминал, что это был убежденный и искренний человек, надеявшийся на помощь России

в восстановлении маньчжурской династии, изгнании самозванца Юань Шикая и упразднении республиканского строя.[2746] Шэн Юнь говорил, что в Китае много тайных приверженцев маньчжурской монархии даже среди государственных людей, а за республику стоит лишь молодежь. Неудивительно, что Унгерн хотел наладить контакты с таким человеком. Налаживал он контакты и с Чжан Цзолинем, предлагал последнему свое подчинение и службу. Барон подчеркивал в своих письмах, что он не враг китайцев.

Весной 1921 г. в Гуаньчжоу образовалось революционное правительство во главе с Сунь Ятсеном. Унгерн понял, что это приведет к гражданской войне в Китае,[2747] что, действительно, и произошло позже. В своих письмах он верно отмечал, что в Южный Китай революционное учение занесено с Запада, Юг обязательно пойдет войной на Север, причем Юг поддерживают большевики.[2748] Правда, Унгерн не верил в революционность Китая, называя ее денежной.[2749]

Он призывал «теперь же начать действовать, чтобы спасти народы Востока от гибельных революционных учений и пагубных идей гнилого Запада» и не рассчитывать на Японию, подозревая слишком сильное влияние там западных идей. Он считал, что народы Азии смогут взять от Запада все, что нужно будущей империи для ее могущества, богатства и счастья, но при этом сумеют сохранить в чистоте веру, обычаи чести, любовь к правде, добру, народу и родной земле.[2750]

По-видимому, барон решил использовать фактор нестабильности в Китае. Егоцзур-хутухту он просил о содействии, чтобы «войти в сношение с главою монархистов Шэн Юнем в Тяньцзине или с его заместителем, во-вторых, войти в сношение с Ару-харчийн-ваном и Найман-ваном[2751] как с самыми надежными и влиятельным князьями для поднятия восстания во Внутренней Монголии в пользу маньчжурского хана, и, в-третьих, теперь же установить связь с главарями магометан как с наиболее преданными монархистами, тем более что князь Шэн Юнь пока действовал нерешительно и вяло. Ввиду изгнания китайских революционеров из Тибета, Урги, восстановления Богдо в ханских правах и принимая во внимание, что большинство цзянцзюней Северного Китая и Манчжурии — монархисты, я считаю, что магометане никогда не отстанут и успех в деле установления законного наследника Серединного государства при общем дружном усилии обеспечен... Народы Азии издавна составляли Серединное государство, и по обычаю и по всему народы ее ближе всех подходят друг к другу. Если бы и являлись опасения, что восстановленные императоры будут держать сторону Китая, как это было иногда в древнее время, то этому всегда есть противовес — союз Тибета, Синьцзяна, Халхи, Внутренней Монголии, Барги, Манчжурии, Шаньдуна».[2752] Каждая из этих территорий должна стать автономным государством.[2753]

Идея союза появилась у барона не случайно. В 1920-х гг. в бывшей империи Цин была распространена идея «федерации самоуправляющихся провинций». Он мог знать и о том, что Монголия и Тибет в 1906 г. собирались создать самостоятельное союзное государство (см. главу 2).

Очевидно, Унгерн понимал, что правители империй в ряде случаев стараются консолидировать их путем трансформации в мононациональное государство (примером чего служит Китай). В этом случае империя прекращает существование в результате ассимиляции большинства населяющих ее народов. Другой вариант — развал империи в результате национальных движений или междоусобиц. Предлагавшийся Унгерном вариант позволял избежать этих крайностей: сохранить империю на основе многообразия культур и традиций самоуправляющихся государств, монархи которых должны принести вассальную присягу императору.

В отличие от большинства белых, Унгерн не доверял западным союзникам. Он понимал, что они пытаются использовать Белое движение в своих целях, и не заинтересованы в восстановлении монархий. Кроме того, он видел поведение этих союзников в Сибири. Эшелон адмирала А.В. Колчака был надолго задержан чехами. Впоследствии французский командующий М. Жанен и чехи передали Колчака в руки представителей иркутского Политцентра. Взамен чехи получили возможность вывезти награбленное в Сибири и возможность беспрепятственной эвакуации через Владивосток.

Действия американцев в Сибири также вызывали недовольство.[2754] Они за счет России вели соперничество с Японией, часто поддерживали большевиков и эсеров, меняли партизанам оружие и боеприпасы.[2755] Поддерживая обе стороны гражданской войны, Америка ослабляла Россию. Однако если бы возникли серьезные разногласия между США и Японией, то симпатии русского общественного мнения были бы на стороне японцев, «американские же доктринерские рассуждения о наилучших методах помощи русскому народу никакого сочувствия не вызывают».[2756]

Либералы радовались поражению Унгерна не меньше большевиков: они считали, что барон дискредитирует Белое движение.[2757]. Неудивительно, что в понимании Унгерна воедино сливались «жиды, американцы, социалисты».[2759]

В связи с этим, следует рассмотреть вопрос об унгерновском антисемитизме. Его нельзя оправдывать, но следует проанализировать. Следует также рассмотреть вопрос о том, был ли Унгерн предшественником фашизма, нацизма, или космополитом.

С фашизмом или нацизмом Унгерна стали связывать в последние два десятка лет.[2760] Будто бы об Унгерне постоянно вспоминала пропаганда Италии и Германии в 1930-х гг. Я не смог найти образцы этой пропаганды — если,

конечно, не ограничивать ее книгой Б. Краутхофа[2761] или возможным интересом К. Хаусхофера к книгам Ф.А. Оссендовского.

Примечательно, что обвинений Унгерна в нацизме нет даже в книге Б.Д. Цибикова, где затрагивается нацизм.[2762] Такие обвинения появились лишь недавно, и аргументы следующие: антисемитизм, массовые убийства евреев, жестокость, отрицательное отношение к интеллигенции, использование свастики и т.п. Ранее я показал,[2763] что Унгерн не был фашистом или нацистом: все эти признаки ни в сумме, ни по отдельности не определяют фашизм или нацизм. В противоречии с фашизмом и нацизмом, Унгерн ставил на место вождя традиционный идеал монарха; военную экспансию рассматривал не как цель, а как средство; ни одну расу не считал избранной; тотальный контроль личной или общественной жизни и государственное регулирование не обсуждал. Его мистика отличается от нацистской. А вопрос о свастике вообще нет смысла обсуждать: этот символ появился в глубокой древности.

Надо отметить, что в последнее время фашизм начинают рассматривать как некий «стиль». При такой трактовке в него включают все, что противоречит либерализму: архаизм, приоритет экзистенциального, имперские взгляды, верность идее, отрицание протестантской этики, западного просвещения и гуманизма как «сверхидеологии» и т.д. Такой подход субъективен и позволяет записать в предшественники фашизма всех, кто не либерал.

В действительности монархизм — основа идеологии Унгерна — политически противоположен фашизму и нацизму. А. Гитлер с неприязнью относился к потомкам старинных правящих родов Европы. Нацисты строили национал-социализм, не признавали классового характера государства, были за ликвидацию классов, заявляли о строительстве в Германии «подлинного социализма» и «подлинно народного государства». Г. Гиммлер говорил о том, что СС — это вооруженный орден, который должен стать основой европейской гвардии в борьбе против «азиатских орд».[2767] Унгерн же считал, что Европа — родина социализма, а из Азии придет освобождение в виде военного вторжения в Европу. Нацизм предполагает господство одной расы и установление единого порядка. Это противоречит идеологии Унгерна, считавшего всеобщую нивелировку одним из главных пороков Запада.[2768]

Унгерн был антисемитом. Он объявил евреев вне закона, называл еврейство «разлагающимся мировым паразитом», от которого «даже на семя не должно остаться ни мужчин, ни женщин».[2769] Нацисты искали биологические «доказательства» антисемитизму, считали евреев низшей расой. А на чем основывался Унгерн?

Вспомним: в Павловском училище его аттестация по Закону Божию была выше, чем по большинству других предметов. Очевидно, он читал об оправдании уничтожения некоторых народов иудеями в Ветхом Завете.[2770] Однако знатоком иудаизма Унгерн не был. Талмуд он вряд ли читал, но мог знать

отдельные цитаты из него, входящие в трактат «Шулхан Арух». Эти цитаты были переведены на немецкий язык, а затем на русский.[2771]

К.И. Лаврентьев, ведавший типографией в Нийслэл-хурэ, отмечал интерес Унгерна к найденному в этом городе экземпляру книги С.А. Нилуса «Великое в малом».[2772] В нее входят «Протоколы сионских мудрецов». Лаврентьев вспоминал, что это была та самая книга, которую в России скупали и уничтожали евреи.[2773] По указанию барона, бывший казанский нотариус Юшков сделал выписки из найденного экземпляра. Их размножали на пишущей машинке и раздавали по отрядам. Унгерн, конечно, не считал «Протоколы» мистификацией.

Следующие мысли одинаковы у Унгерна и в «Протоколах»: забвение великих заветов прошлого в XX в.; ложность новой культуры; распространение революций из Западной Европы в Россию и, в перспективе повсеместно; пагубность свержения монархии и отхода от заповедей Божьих на Западе; инспирирование и использование революцией идей свободы и либерализма иудейскими националистами для разрушения государств и установления мирового правительства; отказ от честности и откровенности для установления господства; использование раздоров, вносимых многопартийностью; замена старой аристократии на новую — финансовую; стирание границ между государствами, народами, финансовыми системами; разрушение всех верований и насаждение атеизма; отношение иудеев к остальным народам как низшим; республиканский режим как наиболее удобный для иудеев.

По-видимому, на эти книги и Библию[2774] опирался Унгерн, когда писал о «принципах талмудических надстроек, говорящих о допустимости всех средств: лишь бы восторжествовал гонимый людьми-гоями Богом избранный народ, лишь бы он умножился подобно звездам на небе и песку морскому», и дающих евреям «планы и методы действий в области разложения и разрушения народов и государств».[2775]

В своем известном приказе № 15 и в ряде писем Унгерн заявлял, что социалисты — это тайная еврейская партия, которая существует уже несколько тысяч лет для подчинения себе мира. Богдо-гэгэну он тоже писал, что красная партия — это тайная еврейская партия, возникшая 3 тыс. лет назад для захвата власти во всех странах, теперь осуществляются ее цели, и все страны, кроме Японии, тайно или явно уже пошли за ней.[2776] Очевидно, барон имел в виду старую идею о том, что план завоевания мира был составлен за 929 лет до н.э. царем Соломоном и другими иудейскими мудрецами, а затем лишь варьировал, в зависимости от обстоятельств.[2777]

Итак, либералы, большевики, социалисты и сочувствующие им были для Унгерна на одно лицо — все это «красная партия», или «еврейская партия». В результате «большевиком» для него был, например, великоханьский национал-республиканец Сунь Ятсен.[2778] Из всего этого Унгерн делал вывод, что

революция одолеет, произойдет падение культуры под натиском черни, захваченной безумием революции и уничтожения, а углубляет это международное еврейство.[2779] В России уже произошла революция. Поэтому он был убежден, что власть там непременно перейдет к евреям, как к единственно способным к государственному строительству людям.[2780]

«Честный воин обязан уничтожить революционеров, к какой бы нации они ни принадлежали, ибо они ничто иное, как нечистые духи в человеческом образе, заставляющие первым делом уничтожать царей, а потом идти брат на брата, сына на отца, внося в жизнь человеческую одно зло».[2781] Выходит, к «еврейской партии» относятся люди разных наций, и война с ними — это не война по расовому принципу. Считая евреев как социальный слой главными виновниками революций,[2782] Унгерн с той же ненавистью относился к большевикам любой национальности: «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями».[2783] Зачем? «На вопросы о побуждении к расстрелу детей Унгерн ответил буквально: "Чтобы не оставлять хвостов"».[2784] Но были случаи, когда он оставлял на командных должностях бывших коммунистов-красноармейцев[2785].

Красные поступали более рационально. «Классово чуждые» офицеры в большинстве были рано или поздно репрессированы. Репрессировав родителей и оставив детей сиротами, они воспитывали их в детдомах или другой чуждой среде с тем, чтобы из них получились люди с нужной идеологией.

Перед вступлением в Нийслэл-хурэ барон издал приказ, в котором запрещалось задерживать евреев, имеющих от него записки.[2786] Такие записки получить было трудно, но некоторые получили их. Еврейку, Барановскую, обрученную с Мак-Лоулином из American Trading Co, казаки пытались убить, за что были расстреляны.[2787]

Четверо евреев служили Унгерну. По свидетельству Сипайло, все они были незаменимыми работниками по контрразведке и разведке.[2788] Трое из них были агентами в Маньчжурии: Мордоховичи и Л. Вольфович, которому барон весьма доверял и не забывал передавать при случае добрые пожелания.[2789] При этом в 1918 г. некто Вольфович в Харбине был председателем Харбинского городского исполкома, и на него семеновцы даже совершили покушение.[2790] Генерал Шильников на допросе красными показывал, что жил Вольфович в прекрасном доме, держал лошадей, увлекался бегами, а заодно похищениями крупных коммерсантов. В итоге его застрелили приспешники, которых он обсчитал. По-видимому, это и был тот самый агент Унгерна. Старший брат Л. Вольфовича, военный чиновник в Азиатской дивизии, занимался мобилизацией монголов.[2791] При взятии Нийслэл-хурэ его чуть не зарубили казаки за то, что он еврей. По приказу барона их за это сильно пороли.[2792] Рабиновича Унгерн называл своим другом, но угрожал повесить в случае приезда в Монголию.[2793] Есть сведения, что в Монголии секретарем

Унгерна служил еврей Якобсон.[2794] Одну еврейскую девочку в Нийслэл-хурэ удалось спасти от погромщиков, окрестив ее.[2795] Вера оказалась важнее крови. Убийство семьи Немецких вызвало недовольство барона; благодаря этому остальные семьи евреев не были убиты.[2796]

Итак, антисемитизм Унгерна базировался на социальных, а не биологических основаниях. Нацистские мифы крови и расы были ему чужды. Об упадке русских и Запада он говорил также не в расовом смысле, а в цивилизационном, видел будущее за желтой расой лишь потому, что она меньше развращена западным либерализмом. Этнические термины барон использовал в средневековом смысле для обозначения социальных и цивилизационных групп.

Не так давно к Унгерну был приложен термин «токсический», или «отравленный» космополитизм».[2797] Этот термин обозначает одновременно «непреклонно наднациональных» и «непреклонно нелиберальных» (illiberal) космополитов. Эта концепцию трудно принять, поскольку она основана на оценочных понятиях: токсический космополитизм априорно плох, а либеральный — априорно хорош. «...Унгернизм — это комбинация азиатчины, милитаризма, монархизма, антисемитизма, мистического христианства и имперского честолюбия, которое было уникально его собственным».[2798] Это упрощение. Все эти качества были свойственны не одному Унгерну.

Антисемитизм был широко распространен среди царских офицеров.[2799] В гражданскую войну в сознании белого офицерства преобладали милитаризм, религиозность, жестокость к противнику, неприязнь между старыми и молодыми кадрами. Офицеры разделялись на три основные группы. Самая многочисленная — которые интересовались своими житейскими проблемами, а не политикой; другая — которые переходили к красным; третья — которые не смирились и продолжали антисоветскую деятельность. Среди офицеров-монархистов были умеренные и радикальные (черносотенцы). Монархисты симпатизировали кайзеровской Германии, ноябрьскую революцию 1918 г. в Германии считали обратимым явлением. Офицеры либеральных и демократических взглядов ориентировались на Антанту.[2800]

По мнению некоторых историков, Унгерн не был белогвардейским генералом, так как хотел строить центрально-азиатскую империю, поощрял насилие, не заявлял о признании Деникина и Колчака, принял буддизм.[2801] С этим тоже трудно согласиться. Большинство исследователей считает, что целями Белого движения были освобождение России от власти большевиков, единство и территориальная целостность страны. Это движение составляли силы, различавшиеся по религии, политическим взглядам и методам борьбы. Среди них были не только православные, а по масштабам насилия Унгерна намного превзошли многие другие военачальники. Если один из главных

вождей белых — Колчак согласился с независимостью Польши, почему Унгерн не мог признать независимость азиатских государств?

***

Таким образом, Унгерн имел связную систему общественно-политических взглядов. Хотя на допросах он говорил, что не понимает, как можно сражаться за идею, для него именно идея была главным в жизни. Это была идея, объединяющая абсолютную монархию, империю и традиционализм. Монарх — опора традиционализма. Империя должна строиться на религиозном начале и традициях слагающих ее народов. Революции разрушают все это. Унгерн был противником революций, коммунизма и других вариантов западной демократии. Все это он объединял под термином «социализм». По его мнению, главные виновники революций — евреи, а революционеров он считал главными врагами. Антисемитизм барона имел не биологическую, а социальную основу. Унгерн не был предшественником фашизма или нацизма в любой форме, космополитом или националистом. Для реализации своего плана восстановления монархий он хотел сплотить тюрко-монгольские, тибетский, маньчжурский и ханьский народы с помощью монархически настроенной знати и совершить «экспорт контрреволюции» с Востока на Запад. Основу этих идей он черпал в своих эсхатологических взглядах.

ГЛАВА 16

Отношения с Японией

Издавна считалось, что Унгерн действовал в пользу Японии.[2802] Такая идея проводилась во многих донесениях советскому правительству (особенно от Б.З. Шумяцкого) еще во время гражданской войны.[2803] С тех пор она стала едва ли не общепринятой в советской и зарубежной печати.[2804] Известный монгольский художник Б. Шарав даже нарисовал карикатуру «Слова и дела контрреволюции» (1930 г.), изображавшую барона марионеткой японцев и почему-то американцев.[2805]

Недавно С. Дамдинсурэн и Е.А. Белов первыми показали, что Унгерн не был марионеткой или агентом японцев, что обвинения его в поддержке Японией — результат советской пропаганды 1920-х гг., объяснявших затяжной и жестокий характер гражданской войны в России помощью империалистических держав, оказываемой контрреволюции[2806]. К сожалению, это мнение не нашло поддержки в позднейших российских исследованиях, хотя и не было опровергнуто.[2807]

В качестве главного доказательства действий Унгерна в пользу Японии приводят, в первую очередь, его имперский план: якобы панмонгольское движение инспирировано Семеновым, его поддерживали японцы, Унгерн его подчиненный — значит, оба действовали по их заказу. Кроме того, в Азиатской дивизии имелись японское оружие, сами японцы и ведомости об их жаловании. Унгерн мечтал создать большое ханство в Центральной Азии, для этого вошел в Монголию, оттуда — в Сибирь, а в это самое время японцы старались утвердиться на Дальнем Востоке.

Посмотрим, насколько убедительны все эти аргументы (детали см. в главах 4, 5, 6 и 8).

Японцы проявили интерес к панмонгольскому движению и даже прислали наблюдателя на съезд в Читу. Но на этом поддержка почти кончилась. Те из них, кто участвовал в походе панмонголистов на Халху, несомненно, были наемники: иначе не было бы убийства семеновцев на Гусином озере, распада отряда панмонголистов, их ареста китайцами и депортации японцев в Маньчжурию.

Унгерн не разделял план панмонголистов с объединением Барги, Монголии и Бурятии: этот план был слишком узким и к тому же не монархическим. К панмонгольскому движению с открытой враждебностью отнеслись омское правительство, Китай, отчасти западные страны и советская Россия. В целом, не поддержала его и Япония, поскольку не хотела открытого конфликта с Россией. С другой стороны, Япония поддержала китайскую партию Аньфу, упразднившую автономию Внешней Монголии и те куцые права, которыми пользовались другие монгольские территории. Когда Богдо-гэгэн VIII попросил Японию помочь сохранить автономию Внешней Монголии, ничего сделано не было.

Тем более японцы не могли разделять план Унгерна. Ведь он предполагал создание гораздо более обширного государства — от Каспийского моря до Тихого океана, причем без участия Японии. Сильная континентальная держава, которая объединила бы все народы «монгольского корня», могла стать противовесом Японии на Дальнем Востоке, что ей было невыгодно геополитически.[2808]

Помогая некоторым китайским милитаристам, Япония через них старалась контролировать Китай и Маньчжурию, влиять на соседние территории, а не захватывать их. Поэтому естественно, что Унгерну ничего не было известно о стремлении Японии захватить Монголию, о чем говорили большевики.[2809] Япония была заинтересована в марионеточном государстве, которое было бы ее плацдармом на Дальнем Востоке для контроля над Кореей, и буфером, сковывающим Россию и Китай. По словам генерала Такаянаги, таким буфером могло бы стать антибольшевистское государство от Тихого океана до Байкала, где не будет японских войск.[2810]

После победы курса японских милитаристов в 1930-х гг. эти планы частично воплотились в жизнь. Буфером стало оккупированное Маньчжоу-го, в которое входили отдельные монгольские территории. Лишь в годы Второй мировой войны стал проводиться в жизнь проект «сферы совместного процветания» азиатских стран под эгидой Японии, которая свои территориальные приобретения осуществляла под лозунгом освобождения Азии от европейско-американских агрессоров.[2811] Этот проект распространялся на Восточную Азию. Декларировалось, что среди стран «сферы совместного процветания» Япония — старший среди равных членов одной семьи.

В войне с революционерами за восстановление монархий Унгерн не рассчитывал на японцев.[2812] Он писал Цэндэ-гуну (баргутскому князю, одному из инициаторов присоединения Барги к Внешней Монголии в 1912 г.): «Совершенно напрасно многие рассчитывают на Японию, думаю, что там также началось разложение внутри, среди войск и народа. Она сама должна покончить еще с этим злом и только тогда может быть деятельным помощником в борьбе с красными».[2813]

Тем не менее, будучи в Даурии, Унгерн, как и другие белые, поддерживал связь с Экспедиционным корпусом. Он считал возможной японскую оккупацию Сибири, но только временно: японцы, как островитяне, не смогут долго оставаться на материке. После их ухода там должна была разыграться борьба «плюсов с минусами»,[2814] то есть белых с красными. При этом в самой Японии интервенцию в Сибири поддерживали русофильские круги, надеявшиеся сохранить сотрудничество с существовавшим там режимом, избежать коммунистической агитации среди китайцев и корейцев и опасавшиеся альянса большевиков-троцкистов с США против «японского империализма».[2815]

В Даурии Унгерн действовал автономно от Семенова и не выполнял заданий в пользу японцев.[2816] Перед уходом из Забайкалья он получил от них оружие и амуницию, но явно недостаточно. Это стало главной причиной неудач первых штурмов Нийслэл-хурэ. В Монголии японцы уже не оказывали барону материальной поддержки. Лишь после захвата Нийслэл-хурэ и китайских складов Унгерн получил достаточно средств, в том числе стрелкового оружия, патронов и снарядов японского производства.[2817] После этого от иностранцев он средств не получал.[2818]

Факты говорят о том, что «заявление» Унгерна иностранным корреспондентам, будто ноябрьская операция 1920 г. предпринята с ведома и при поддержке японцев,[2819] было пропагандистским. Представитель японской военной миссии майор Югами в начале октября 1920 г. сказал, что Япония не имеет никакого отношения к отряду Унгерна, сам он не знает, есть ли там японцы, а если и есть — то вопреки воле японского правительства.[2820] Тем не менее, в некоторых японских исследованиях говорится, что трудно представить, будто японцы служили у барона без всяких приказов своего командования, хотя доказательств существования таких приказов нет.[2821]

Японский отряд в дивизии Унгерна не выполнял политических и разведывательных заданий, хотя слухи об этом ходили еще до разгрома дивизии.[2822] Этот отряд был небольшой, служили в нем добровольцы за плату (наемники), как и в других отрядах Азиатской дивизии. Это было известно от пленных и перебежчиков. В Монголии красные захватили расписки японских солдат и офицеров о получении жалованья.[2823]

Лишь после пленения Унгерна советское командование поставило в известность главу японской военной миссии Нагаоку о наличии в войсках барона японских офицеров и пленении двух из них.[2824] Нагаока немедленно потребовал от Семенова исключить из войск японцев, чтобы иностранные державы не считали, будто Унгерна поддерживает Япония. Семенов ответил, что у него нет связи с Унгерном, а последний вышел из его подчинения. В секретной переписке японских представителей в Маньчжурии говорилось, что японцы у барона служат самостоятельно.[2825] В Хайларе китайцы аресто-

вывали офицеров Унгерна и под пытками требовали данных о его связи с японской армией. Если бы они дали такую информацию, то ее предали бы широкой огласке. Японцы, попавшие в плен к красным, тоже ничего не сообщили на эту тему.

Японцы в Азиатской дивизии особых прав не имели. Это были в основном люди ограниченные, стремившиеся лишь к наживе, не подходившие на роль разведчиков или советников. Нет никаких доказательств того, что они контролировали деятельность Унгерна, участвовали в стратегическом планировании и т.п. Жалование им выплачивалось нерегулярно. Более того, после бегства их командира Хатакэямы к китайцам по приказу барона выпороли всех живших с ним в одной палатке, в том числе офицеров.[2826]

Унгерн рассчитывал на содействие японских резидентов в столице Монголии, и потому был крайне удивлен и разочарован, когда обнаружил, что они в основном покинули город перед его захватом.[2827] Более того, во время осады Нийслэл-хурэ японские жители собрали деньги и передали их китайским военным властям (см. выше).

Возможно, капитан С. Куроки, рекомендуя Хатакэяму для отправки японского отряда с Унгерном, рассчитывал получать сведения об Азиатской дивизии и местностях, где она находится, но из этого мало что получилось. Связь с Унгерном у японцев в Маньчжурии была очень плохой. Судя по японскому архиву (АРСС), данные о положении во Внешней Монголии поступали к ним с большим опозданием, иногда на несколько месяцев.[2828] Сведения они получали не из Азиатской дивизии, а в основном от советских информагентств (например, «Дальта»), из газет, от японцев, живших в Нийслэл-хурэ, в Китае, из донесений китайских агентов пекинскому правительству, которые регулярно просачивались в прессу и т.д. Отсюда большие искажения, стремление выдать желаемое за действительное. Даже о расстреле Унгерна в Японии узнали с большим опозданием. Искажения накладывались на пропаганду военных успехов барона. Эта пропаганда могла быть полезна Японии для дипломатического давления на ДВР.

Например, «Япта» сообщала о боях под Калганом и падении города,[2829] о том, что Унгерн разжаловал Тирбаха в рядовые, взял Троицкосавск, в его армии 50 тыс. человек, что Красная армия вступила во Внутреннюю Монголию. «Japan Advertiser» и «Pekin and Tientsin Times» сообщали, что барон собирается взять города Маньчжурия, Хайлар, Цицикар и Харбин, а затем и Нанкин — столицу Южного Китая.[2830] Эти сведения повторяла даже европейская пресса.[2831] Английские газеты писали, будто Унгерн во главе армии до 50 тыс. человек направился на завоевание Внутренней Монголии,[2832] а в США распространялись сведения, что Унгерн наступает на Читу и перерезал железную дорогу у Борзи.[2833] В то самое время, когда Азиатская дивизия отступала в Монголию, «Япта» и просеменовская пресса победно сообщали о пленении

двух полков красных, наличии у барона дивизиона бронеавтомобилей, выходе белых на Байкал и под Иркутск, захвате ими Иркутска и Читы, а после ареста Унгерна — о крупных боях за Мысовск и эвакуации более тысячи раненых красных в Иркутск.[2834] Источником такой информации была японская военная миссия в Маньчжурии. Вместе с тем, представители китайского командования в Хайларе 18 июня сообщили «Дальта», что данные о численности отряда Унгерна преувеличены, и она составляет не более 5 тыс. человек, исключая монголов.[2835] Напомню, что губернатором Хайлара был Чжан Куйу — родственник барона.

Пропаганда японцев и семеновцев, недостоверные слухи от беженцев и, очевидно, чекистская дезинформация сыграли плохую шутку с Унгерном. Войдя в Сибирь, он думал, что реализуется семеновский план наступления, японцы заняли Читу, Петровский Завод, наступают на Верхнеудинск и т.д.[2836] Если бы он был связан с японцами, то располагал бы более достоверной информацией, а ориентированные на Японию газеты (например, «Владиво-Ниппо») пользовались бы разведданными, а не перепечатками из СМИ РСФСР и ДВР.

Все это полностью согласуется с показаниями Унгерна на допросах. Он отрицал связь с Японией, присутствие в своей дивизии японцев объяснял их добровольным вступлением, решение о вступлении в Монголию принял самостоятельно, Семенову не подчинялся, активной и материальной помощи от него не получал, шифр для связи с ним имел, но не применял, курьеров Семенова отсылал обратно.[2837] Он рассчитывал на совместное выступление против Сибири с японцами и Семеновым, но в обоих случаях ошибся в расчетах.[2838]

***

Таким образом, Унгерн действовал самостоятельно и не опирался на поддержку Японии и атамана Семенова. Унгерн, Семенов, Меркуловы и Япония — каждый преследовал собственные цели, их альянсы были направлены на то, чтобы использовать других. Япония не оказала Семенову серьезной поддержки, зато поддержала меркуловский переворот во Владивостоке, поставивший крест на планах наступления белых на ДВР. Японцы, служившие в Азиатской дивизии, были простыми наемниками, а не специальными агентами, инструкторами, членами отряда особого назначения и т.п. Освобождение Монголии Унгерном не входило в планы Японии. Последняя не помогала в его походе на Сибирь, но могла использовать этот поход для усиления своих позиций на переговорах с ДВР. Походы Унгерна были частью его собственного плана, геополитически невыгодного Японии. «По заявлению барона Унгерна, вся проделанная им в Монголии операция является личной его инициативой, не связанной абсолютно ни с какими чужими планами, особенно атамановскими».[2839]

ГЛАВА 17

Был ли Унгерн самым жестоким белым генералом?

Широко известна жесткость Унгерна. «Глаз за глаз, зуб за зуб — это мой девиз в борьбе против красных».[2840] Свидетельством жестокости служит его приказ № 15. Часто считают, что Унгерн был самым жестоким белым генералом, казнившим, по разным оценкам, от многих сотен до 10 тыс. человек. Однако Ю. Кондаков недавно показал, что жестокость барона сильно преувеличивают.[2841] Все познается в сравнении. Был или нет Унгерн более жестоким, чем другие белые и красные в гражданскую войну? Не буду повторять детальных описаний пыток и казней — они широко растиражированы. Перечислю главное.

Унгерном были изобретены несколько способов ареста, сопряженных с пыткой: сажание надолго на крышу, на лед реки или на ветви деревьев. На даурской гауптвахте, по-видимому, оставляли на некоторое время без воды. Широко применялась порка. Унгерн мог неожиданно избить человека ташуром. С.Е. Хитун вспоминал, что против ударов по голове всадники нашли защиту: клали в шапку руковицу.[2842]

Лично Унгерн казнил людей редко. Есть сведения, что в Даурии он лично расстрелял несколько офицеров из пистолета, а в Монголии запорол ташуром.[2843] Точное число людей, казненным им лично, неизвестно. «По свидетельству члена войскового круга Забайкальского казачьего войска, войскового старшины Фирсова, Унгерн в его присутствии в разное время застрелил двух офицеров за злоупотребление властью. В обоих случаях он вызывал офицеров, на которых жаловался Фирсов, в кабинет и после первого же вопроса убивал выстрелом в лоб».[2844] Очевидно, именно к этим эпизодам относится донесение японцев, что Унгерн из-за ранения в голову считал всех виновными, и убивал несогласных из пистолета.[2845] Но это исключения. Как правило, барон поручал экзекуции своим палачам, а сам не присутствовал.

Большинство авторов справедливо отмечают, что жестокость Унгерна была направлена в основном на его подчиненных. Но он в этом не был ори-

гинален. Есть много примеров и среди белых, и среди красных. Скажем, в НРА ДВР были случаи расстрела каждого пятнадцатого в полку, самовольно снявшемся с позиций и ушедшем в тыл.[2846]

В Азиатской дивизии казнили следующими способами: повешение; рубка шашкой; расстрел; порка ташуром; удушение; несколько человек, по-видимому, были утоплены; несколько сожжены. Некоторые казни типа размалывания в мельницах и скармливания волкам Унгерн опровергал сам, хотя откровенно говорил о других пытках и казнях. Не подтверждено и убийство ребенка в хлебной печи.[2847]

Для сравнения отмечу, что у красных методы казни не были гуманнее: расстрел; удавление; рубка шашкой или топором; запарывание шомполами; забивание палками; удары ломом; утопление; сжигание; замораживание; закапывание в землю.[2848] Большевики пытали членов ОМО, взятых в плен: вырезали из кожи лампасы, погоны, замораживали и т.д.[2849] Раненых стрелков Омской дивизии в 1920 г. красные партизаны убили множественными уколами штыков с последующим разбиванием голов и т.д.[2850]

В Нийслэл-хурэ комендантом был Л.В. Сипайло — «Макарка-душегуб». Это был патологический садист и, по-видимому, психически ненормальный человек, по мнению некоторых, сифилитик. Его лицо постоянно подергивалось, во время разговора он брызгал слюной, при казнях веселился. В Монголии барон отослал его в лазарет «на предмет освидетельствования умственных способностей».[2851] Результаты неизвестны. Но из опыта коммунистических карательных органов мы знаем, что палачи с большим стажем часто страдали психическими болезнями, эпилепсией и т.п.[2852]

Унгерн терпел Сипайло потому, что тот всецело от него зависел (а значит, был надежен), а также по причине предсказания шамана, о котором упоминает Оссендовский. Уже во время похода в Сибирь барон обещал предать Сипайло жестокой казни.[2853] По-видимому, тот заранее узнал об этом и приготовился сбежать.

Унгерновский вестовой Бурдуковский по своему произволу отправлял в комендатуру тех, чье имущество хотел присвоить, а также занимался «перевоспитанием» офицеров, на которых иногда сам же и доносил. Двое бывших работников Центросоюза, Жданов (бывший пристав) и его помощник Панков прославились особой жестокостью в отношении арестованных. Причем Панков, женатый на еврейке и имевший двоих детей, особую жестокость проявлял именно к евреям и детям.[2854] До революции Панков был урядником, затем стал «леветь», а позже работал у Сипайло палачом на бронепоезде.[2855] После ухода из Монголии он работал в Маньчжурии осведомителем у японцев.

Пытки, убийства и аресты евреев, красных и тех, кто подозревался в помощи им, начались сразу после взятия Нийслэл-хурэ. Основная волна терро-

ра в городе была первые три дня, но аресты и казни продолжались и позже. Погромы возглавлял врач дивизии немец Клингенберг. Он был знаком со многими ургинскими евреями, а теперь пошел с толпой по конкретным адресам для грабежа.[2856] Участвовал в них и другой житель столицы — серб С. Дробич. Этот бывший соратник Семенова позже был убит Сипайло.[2857] Есть сведения (правда ненадежные), что в погроме была велика роль еврея М.А. Мариупольского (см. раздел «Мемуары»). Трагически погибла жена председателя красной управы и члена информбюро Шейнемана — притом, что он сам выполнил рекомендации соратников: бросил жену и сбежал с отступавшими гаминами (см. главу 6).

В городе установилась обстановка крайней подозрительности. Это объясняют жестокостью Унгерна и его подчиненных, но упускают из внимания другое. Монголия, и особенно ее столица, к 1921 г. была буквально нашпигована агентами большевиков. Барон знал это и пытался искоренить их.[2858] Атмосфера поиска врагов, пыток и убийств разлагающе действовала на людей. По некоторым мемуарам, в Азиатской дивизии можно было услышать циничные рассказы о казнях, сопровождаемые веселыми комментариями. Большой подвал комендантского управления стал тюрьмой, из которой мало кто вышел живым. Члены комендантской команды вывозили трупы на монгольское кладбище: в падь севернее города, на съедение собакам. Некоторые авторы пишут, что трупы бросали в долину Сэльби. В действительности в Сэлбэ-гол, протекающую через город, трупы бросать не могли: и по соображениям гигиены, и потому, что это запрещалось обычаями.

Еще когда Унгерн стоял на Керулене, ветврач из Центросоюза В.В. Христофоров с двумя рабочими составил ему список служащих этой организации, примыкавших к большевизму.[2859] Христофоров передал этот список из 28 «коммунистов», после чего был сам зарублен белыми.[2860] Отношение Унгерна к ургинскому купечеству из русских тоже было не самым лучшим: по его мнению, это были нехорошие люди, ибо хорошим людям и в России можно хорошо прожить.[2861]

В Нийслэл-хурэ одними из первых были арестованы и зверски убиты два китайца-надзирателя из столичной тюрьмы.[2862] Несомненно, это была месть. Были казнены также некоторые российские колонисты. Прежде всего, искали, красных — членов управы (см. выше). М.И. Кучеренко, Я.В. Гембаржевский и П.И. Агафонов остались в Нийслэл-хурэ и были убиты. Их не спас переход на службу к Унгерну.[2863] Был казнен также член управы Пеняев. Зато А. Балыков сначала пристроился на поставку сена в интендантство, затем под этой маркой уехал в район кяхтинского Маймачена, а по занятии Нийслэл-хурэ красными вернулся обратно.[2864]

Памятным событием для российских колонистов стала казнь врача консульства, бывшего надворного советника С.Б. Цыбыктарова, который заве-

довал первой в Монголии амбулаторией.[2865] Унгерновцы не простили его участия в революционном комитете и того, что он в июле 1917 г. участвовал в съезде бурят-казаков Селенгинско-Троицкосавского района, постановившем упразднить бурятское казачество и присоединить казаков к не-казакам.[2866] На этом съезде, говорят, он назвал вором и разбойником Е. Бурдуковского — будущего вестового Унгерна. По его-то просьбе Цыбыктаров и был казнен.[2867] Любопытно, что в письме к правительству Монголии временное народное правительство МНП просило отправить к ним Цыбыктарова, Кучеренко и Гембаржевского, которые «оказывали огромную помощь» в охране Нийслэл-хурэ.[2868] Неясно, от кого и как они охраняли город.

Был казнен священник Ф.А. Парняков — настоятель православного прихода в Нийслэл-хурэ. Он укрывал соратников С.Г. Лазо: сотрудников газеты «Власть труда» Луцкого и Сибирцева.[2869] Когда-то он был либералом, а потом стал активно поддерживать большевиков.[2870] Уже летом 1917 г. он раздавал в Монголии революционную литературу, которую ему прислал сын Пантелеймон из Петербурга. Русские в Нийслэл-хурэ называли его «наш красный поп». Его сын П.Ф. Парняков и дочь М.Ф. Парнякова в 1916 — начале 1917 г. стали членами РСДРП и принимали активное участие в боях за советскую власть в Сибири. П.Ф. Парняков был секретарем штаба иркутского военно-революционного комитета, позже вырос до комиссара просвещения Центросибири и члена сибирской ЧК.[2871] Он написал «тезисы по культурно-просветительной деятельности», в которых призывал к социалистическому воспитанию трудящихся, отмене преподавания религии, введению предметов по политэкономии и рабоче-крестьянской революции, политической агитации, призывал к «пресечению саботажа» учительства и т.д. Он написал также брошюру «О семеновщине», изданную по распоряжению сибирской ЧК. В 1919 г. белые выявили его как красного подпольщика и казнили. М.Ф. Парнякова впоследствии стала заведующей осведомительным отделом Центросибири, затем была в Нийслэл-хурэ, затем работала в Дальбюро ЦК РКП(б) и т.д. Священника Ф.А. Парнякова арестовал Безродный, хотел сделать его монархистом, но не смог, через три дня пытал и обезглавил.[2872]

Сипайло убил корейского врача И Тэ Чжуна.[2873] Это убийство тоже наделало много шума. По разным сведениям, он был, по крайней мере, связан с красными.[2874] Сипайло убил также датского коммерсанта Э.В. Олуфсена,[2875] собиравшегося скупать в Нийслэл-хурэ пушнину, конфискованную унгерновцами.[2876] Сипайло предложил ему купить скот, с тремя подручными повез на машине за город посмотреть табун. Там якобы что-то случилось с колесом. Остановились, Олуфсену на шею накинули аркан, и поволокли за машиной. Он задохнулся, но не выдал свои сокровища.[2877]

Убийства в Нийслэл-хурэ происходили в основном по ночам. Неизвестно, насколько все эксцессы были известны барону. Многому он не верил или

не знал — например, о патологической склонности Сипайло к изнасилованию и убийству женщин,[2878] о присвоении имущества и денег жертв.[2879] Можно согласиться с Д.П. Першиным:[2880] «Вокруг имени барона уже слишком много отмечалось различных россказней и небылиц. И ему многое приписывается, совершенное его именем его палачами Сипайловым, Безродным и Бурдуковским и другими присными».

В приводимой ниже таблице дан, по возможности, полный список жертв Унгерна и его подчиненных.[2881] Использованы все изученные мною опубликованные и неопубликованные материалы. Боевые потери, а также потери от голода, лишений, болезней и нападений со стороны отрядов, не подчинявшихся Унгерну, но прикрывавшихся его именем, не учитываются. Кроме того, я исключал то, что опровергается фактами. То, что не опровергается и не подтверждается — оставил. Следовательно, приведенные ниже оценки могут быть завышены, но не занижены.

Фамилии	Чьи приказы	Годы
«десятки монголов» за грабеж [30]	1	1921
буряты, зарывавшие золото по приказу Унгерна [10]	1	1921
32 чел. или 1 женщина с детьми в Булуктае	1	1921
Царегородцев с 19 офицерами и 16 всадниками (список см. в главе 6)	1	1920
2 женщины и 3 детей — жены расстрелянных казаков	1	1920
2 казака	1	1920
2 монгольских солдата	1	1921
24 коммуниста, Гусиное оз.	1	1921
4 чел. — казак и его семья	1	1920
5 жителей Кулинги	1	1920
Семья в Капчаранке [3]	1	1921
2 семьи в Новодмитриевке: 9 чел. с детьми или (более вероятно) 1 еврей в Покровке	1	1921
62 офицера, разжалованных в погонщики скота	1	1921
8 чел. Немецких	1	1921
2 писаря	1	1921
Агафонов П.И.	1	1921
Ала Борисовна с сыном	1	1921
Архипов П.	1	1921
Беженец	1	1921
Борисов В.	1	1921
Баянтуев (Буянтуев, Цынгунов) Д.	1	1921
Бурят	1	1921
Васильев	1	1921
Виноградов	1	1921
Вихнер с женой	1	1921

Продолжение

Фамилии	Чьи приказы	Годы
Гей В.Г.	1	1921
Гембаржевский Я.В.	1	1921
Гордеев	1	1921
Григорьев врач[2882]	1	1919?
Дроздов	1	1921
Зазовский («Задовский») З.Л.; два сына и дочь его брата — Зазовского С.Л.	1	1921
И Тэ Чжун («доктор Ли»)	1	1921
Иван	1	1920
Казагранди Н.Н.	1	1921
Каннабих	1	1921
Комбровский И.	1	1921
Кудряшов	1	1918
Кучеренко М.И.	1	1921
Лазовская, Лазовский и его ребенок	1	1921
Лама	1	1921
Лауренц	1	1921
Лихачев П.И.	1	1921
Лякович	1	1920
Малков И. — священник, п. Алтан	1	1920
Марксон	1	1921
Миркин	1	1921
Мордохович с женой	1	1921
Мошкович И.С. с женой, 2 детьми, племянницей, ее ребенком и слепым родственником	1	1921
Неизвестный	1	1921
Носков М.Л.	1	1921
Парняков Ф.А.	1	1921
Полек	1	1921
Полуянов	1	1921
Поручик, подмочивший муку	1	1920
Поручик-инвалид	1	1921
Посланец Меркуловых (Лебедев?)	1	1921
Пунцаг	1	1921
Раднаев Ч.	1	1921
Ружанский с женой	1	1920
Русский из Кобдо	1	1921
Рыбин с женой и дочерью	1	1921
Рябкин	1	1921
Сальников	1	1921
Саммер	1	1921
Сербенка	1	1921

Продолже-

Фамилии	Чьи приказы	Го
Сотник	1	192
Степанов	1	192
Стефан	1	192
Тагильцев	1	192
Тур	1	192
Уралец	1	192
Хаскин (Гаскин)	1	192
Хитрово А.Д.	1	192
Цукерман	1	192
Цыбыктаров С.Б.	1	192
Чернов	1	192
Шейнемана жена	1	192
Шиманский	1	1921
Шмаков	1	192
Энгельгардт-Езерский	1	1921
Яхонтов	1	1921
185 трупов казненных у ст. Даурия (в т.ч. Губельман, Кантер Г., Миняев П., Мосин, Ольховский А., Разенбейн, Романенко, Сафир, Скворцов, Степовая, Степовой, Телешев Н., Теребенин, Чумаков, телеграфисты Манжос, Кронберг, Утинцев, Установ, Бондаренко, Мейстер, Шафранский, Ослин, беременная жена Ослина)	1, 2	1919–1920
200 убитых в Мензенском районе, села Укыр, Шоной, Дагитуй, Челах-Шембилик, Захарово и Асинское (в т.ч. Волкова Е., Козмин Н., Аксенова)[2883]	2	1921
13 чел., п. Мандал	2	1920
«несколько чел.» в Дзун-мод [3]	2	1921
10(?) красных в Худаке	2	1921
2 боя-китайца И Тэ Чжуна	2	1921
2 китайца-надзирателя тюрьмы	2	1921
4 монгольских солдата	2	1921
42 чел., в том числе офицеры, колонисты, женщины и дети — в г. Улясутай (Михайлов с женой, братья Филипповы, Полетико, Рыбаков, Зубов)[2884]	2	1921
5 колонистов в Дзаин-шаби	2	1921
8 офицеров	2	1921
Андерсен-Салимов	2	1921
Балашов-Шпигель	2	1921
Башкиров	2	1921
Бем А.И.	2	1921
Беспалов	2	1921
Бурдуковский А.В.	2	1921
Буянов Г.	2	1921
Бурят	2	1921
Вышинский К.К.	2	1921

Продолжение

Фамилии	Чьи приказы	Годы
Гея жена, мать и двое детей	2	1921
Глазунов	2	1921
Дешевых	2	1921
Дробич С.	2	1921
Гольдберг	2	1921
Городюшко	2	1921
Каберов	2	1921
Ильин В.И.	2	1921
Колесовы	2	1921
Коротков	2	1920
Кривенко	2	1921
Ларцев	2	1921
Леонтьев	2	1921
Лоскутникова И. отец	2	1921
Лушников Г.А.	2	1921
Маркович	2	1921
Монгол	2	1921
Олуфсен Э.В.	2	1921
Охранник фирмы	2	1921
Пеняев (Пиняев)	2	1921
Перфильева (Рыбак) Дуся (Дуня)	2	1921
Песслер	2	1921
Приемышев и 2 рабочих	2	1921
Пропойца-мужичонка	2	1921
Радецкий	2	1921
Сахарова семья [3]	2	1921
Сестра милосердия	2	1921
Спицын	2	1921
Староста-бурят	2	1921
Несколько чел. (в т.ч. учительница) в с. Енхоры [3]	2	1921
Хребтов	2	1921
Христофоров	2	1921
Церветков	2	1921
Черепанов И.Н.	2	1921
Чултэм-бэйлэ	2	1921

Условные обозначения в таблице: 1 — убиты по прямому приказу Унгерна, 2 — убиты его людьми по своему усмотрению, но на основании общих приказов Унгерна (убийства евреев в Нийслэл-хурэ здесь отмечены, как осуществленные по прямому приказу барона); в квадратных скобках даны цифры, принятые для вычислений там, где точных данных нет.

1

2

3

Коммунистическая фальсификация (впервые отмечена Bullock, 2008, с. 25). *1* — «Приведение в исполнение приговора хунхузам» (Wright, Digby, 1913, фототаблица между с. 216 и 217). Цицикар, Маньчжурия, 1912 г. Это одна из трех фотографий, на которых по приговору маньчжурских властей рубят головы хунхузам, нападавшим на КВЖД. Головы, по обычаю, представили в российское консульство. *2* — Копия этой фотографии с подписью: «Работа белых офицеров в Урге в 1921 году» (ГМСИР). Часть фотографии оторвана — видимо, чтобы труднее было определить по форме, ког-

Согласно этим данным, по прямым приказам Унгерна было убито примерно 319 человек; по своему усмотрению его людьми, ссылавшимися на общие приказы барона — примерно 341 человек; на ст. Даурия (приказы Унгерна и его подчиненных) — 185 человек. Итого — примерно 846 человек. Не исключено, что истинная величина на несколько десятков больше или меньше.

Из них в Нийслэл-хурэ было убито, возможно, 100–120 человек. Сходную цифру для столицы приводил очевидец К.П. Альбертсен: 40 евреев и 80 русских и монголов, заподозренных в большевизме.[2885] В 1919–1920 гг. русская колония в Нийслэл-хурэ составляла от 1600 до 3000 человек.[2886] В 1921 г. ее численность возросла за счет беженцев. Следовательно, от унгерновского террора потери колонистов составили примерно 3–8% их общего числа в столице. Небоевые потери китайцев составили, очевидно, всего несколько человек. Монголы почти не пострадали, что нашло отражение в указах Богдо-хана (см. часть III). Боевые потери сторон даны в главах 6 и 8.

Сведения по другим белым и их союзникам показывают, что многие из них (А.И. Деникин, А.В. Колчак, американцы в Сибири) значительно превзошли Унгерна по масштабам террора.[2887]

Но красный террор намного превзошел белый. Неверно считать красный террор ответом на белый.[2888] В действительности красные с самого начала считали террор нормой в политической борьбе. Красный террор отнюдь не был ограничен рамками постановления СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре». Он начался задолго до белого (еще до революции) и закончился через много лет после гражданской войны. Не буду останавливаться на народовольцах и им подобных. Вот мнение В.И. Ленина: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях.[2889] «Большевики... хотят, чтобы народ, то есть пролетариат и крестьянство разделался с монархией и аристократией

да и где снято. *3* — «Белогвардейские палачи-изверги из банды барона Унгерна в Урге» (Рейхберг, 1940, с. 162). Здесь отрезана и левая часть фотографии, видимо, чтобы не показывать русского в хорошо различимой форме и маньчжура. Это фото перепечатано в других публикациях (Цветков, 2005б; Ломакина, 2006). На фотографии видно, что погоны русских — времен не гражданской, а Русско-японской войны (А.Р. Ефименко по сведениям А.В. Ганина). Кроме того, судя по косам и бритым лбам, головы отрублены у китайцев во времена Цинской империи, а не Китайской республики, т.е. задолго до 1921 г.

«Спасибо, товарищ Троцкий, за обильный урожай!» (Общее дело, № 436, 26.09.1921).

«по-плебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины...».[2890] Известны письма Ленина, где он предлагал уничтожать неповинных людей по классовому признаку.[2891]

По словам Л.Д. Троцкого, «террор может быть очень действителен против реакционного класса, который не хочет сойти со сцены».[2892] В полном согласии с этим, заместитель Ф.Э. Дзержинского — М.И. Лацис писал в инструкции для ВЧК: «Для нас принципиальным является не конкретная вина человека, а его классовое происхождение: на основании этого мы решаем, целесообразно ли оставлять его в живых».[2893] Под руководством Дзержинского в 1918–1922 гг. было уничтожено 1,7–2 млн человек.[2894]

Террор устраивали не только чекисты, но также красные чиновники и полководцы. Примерно в то время, когда Унгерн выступил из Монголии в Забайкалье, В.А. Антонов-Овсеенко и М.Н. Тухачевский применяли следующие меры против восставших на Тамбовщине крестьян: семьи восставших (вплоть до грудных детей) брались в заложники и отправлялись в концлагеря; за укрытие повстанцев или их близких расстреливался старший в укрывшей семье; заложников расстреливали в случае невыдачи оружия и восставших; расстреливался всякий, кто отказался назвать свое имя. В отличие от Унгерна, Тухачевский успешно применял против населения химические снаряды.

Занятие Казахстана красными также было сопряжено с большой жестокостью — несомненно, в Монголии знали об этом. Российский консул в Урумчи А.Л. Дьяков телеграфировал в Пекин 19 июня 1918 г.: большевики «в Верном[2895] и уезде учинили зверства, небывалые доселе нигде. Каторжане заседают комиссарами, грабят, убивают противников, сжигают живьем и насилуют массу женщин. Ужас Семиречья небывалый. Китайских подданных мусульман перебито пока свыше тысячи. Если безоружные казаки и мусуль-

мане получат оружие, то они уничтожат разбойников-большевиков».[2896] Это подтверждал и российский консул в Кульдже: наступающие в Семиреченской области большевики — в основном лица с уголовным прошлым, они расстреливают, поголовно истребляют казаков и мусульман, сжигают брошенных при бегстве женщин, уничтожают все посевы.[2897] Во время подавления восстаний в Казахстане и Западной Сибири в 1920–1921 гг. красные применяли расстрел заложников, порку шомполами (до 200 ударов), иногда расстрел 100 врагов за одного своего.

«Красный террор» иногда ставят в вину евреям, сильно представленным в ВЧК и советском руководстве после Октябрьской революции 1917 г.[2898] В гражданскую войну такой взгляд на национальную месть со стороны евреев-большевиков был широко распространен.[2899] По мнению Унгерна, «облик красной партии — это жиды, называемые евреями».[2900] Резолюция Оргбюро ЦК РКП(б) за подписью Я.М. Свердлова 24 января 1919 г.,[2901] последующие приказы и директивы большевистской верхушки об ужесточении мер привели к гибели более трети казачьего населения юга России. Подобные действия усиливали ненависть к красным и антисемитизм. Результатом стало активное участие казаков в убийствах революционеров и евреев.

На основании приказа Унгерна в Нийслэл-хурэ было убито 38 евреев. Их список составил его противник — Б.Н. Волков.[2902] Альбертсен указывает 40 человек (см. выше), но цифра Волкова более точна и подтверждена списком. Вне столицы, по моим подсчетам, было убито еще пять евреев; возможно, в действительности на несколько человек больше. Следовательно, на основании приказов Унгерна убито 43 еврея (возможно, до 50).[2903]

Итак, евреи составили около 5–6% казненных унгерновцами. Японец Т. Осима оценивал численность евреев в Монголии в 1919 г. в 500 человек.[2904] Возможно, эта цифра завышена, но более точная мне неизвестна. По-видимому, погибло около 10% евреев, живших в Монголии. Выводы о поголовном истреблении евреев в Урге[2905] неверны.

Для сравнения приведу данные по нескольким другим еврейским погромам в гражданскую войну. Поход Добровольческой армии А.И. Деникина сопровождался 226 еврейскими погромами: Фастов — 1300–1500 жертв, Макаров — 100, Сарны-Охримово — 150, Черкассы — 129, Козлов — 100, Смеле — 107 и т.д.[2907] Секретарь Г.Е. Распутина писал об истреблении еврейского населения Карпат по приказу генерала Н.В. Рузского,[2908] командующего Северо-восточным фронтом в Первую мировую войну — того самого, который убедил Николая II подписать отречение от престола и который впоследствии был зарублен красными.

***

Таким образом, по вине Унгерна погибло гораздо меньше людей, чем по вине других белых и красных. Жестокость вообще была свойственна тому времени. Тогда действовали иные системы ценностей, чем сейчас. Действия Унгерна были ответом на систему террора, изначально возведенного в норму революционерами. Ненависть порождала ненависть. Многократное описание одних и тех же немногочисленных пыток и убийств, при скудости другой информации, создает впечатление больших масштабов террора при Унгерне. Поэтому именно убийства и пытки стали считать главным в деятельности барона, хотя они имели второстепенное значение по сравнению с другими событиями.

ГЛАВА 18

Итоги деятельности Унгерна. Вместо заключения

Очевидцы даже из одного лагеря оставили противоположные оценки роли Унгерна в истории. «В гражданской войне оно [имя Унгерна] не встречается наряду с именами генералов, солдаты которых дрались на берегах Камы, Волги и Енисея».[2909] «Каждый воин-участник этих блестящих боев и походов гордится тем, что и он был участником исторических дел. <...> Генералу барону Р.Ф. Унгерн-Штернбергу в этом деле, естественно, принадлежит первое место. Имя его войдет не только в историю Монголии, не только в историю Белого движения, но вообще в историю великого Государства Российского».[2910] У красных другое мнение: Монголия стала независимым государством благодаря Народной революции 1921 г., когда китайские и белогвардейские войска были изгнаны из Монголии (в действительности белых там нельзя считать оккупантами, в отличие от китайцев).

Здесь необходимо важное замечание. Сейчас принят взгляд, основанный на китайской традиции, что Китай всегда оставался самостоятельным государством: просто в чреде сменяющихся династий были представители «национальных меньшинств» — в том числе монгольского и маньчжурского. Соответственно, это были «династии Юань и Цин в Китае». Такой взгляд призван оправдать претензии Китая на все территории, которыми управляли эти «династии». В действительности же Юань и Цин — названия империй (в свою очередь, называемых по периодам правления), а не династий в европейском смысле слова, то есть правящих фамилий. Объединяя понятия династии и государства, китайцы включают чужие страны в свою историю.[2911] Использование понятия «Китай» в европейской и российской историографии является упрощением, коренящемся в традиции прошлых веков, когда политическое положение Китая неверно понималось европейцами. Считать империи Юань и Цин Китаем — значит приравнивать завоеванную часть ко всей империи. Это примерно то же, что считать Италией Священную Римскую империю германской нации, Грецией — Османскую империю и т.п.

В конце существования империи Цин ее верхушка стала грубо нарушать условия, на которых монголы подчинились маньчжурской династии. Это дало им легитимное право на выход из империи. Буддийское духовенство было тем слоем, который консолидировал национально-освободительное движение, а Богдо-гэгэн был самым значимым иерархом Монголии. 29 декабря 1911 г. Внешняя Монголия и ряд других территорий провозгласили независимость в качестве единой страны. Выбором народа стала абсолютная монархия Богдо-гэгэна. Менее чем через полтора месяца в Пекине был подписан акт отречения маньчжурского императора. Это означало победу ханьцев в деле создания своего национального государства и закрепило развал империи Цин.

Однако крах этой империи отличался от краха остальных империй тем, что его инициаторы оставили право на самоопределение лишь за своим народом. Остальные народы — входившие в империю Цин на основе сюзеренитета маньчжурского хана или просто зависимые от него — стали против их воли включать в новое национальное государство ханьцев. Для этого придумали новую концепцию — «единой китайской нации», в которую входят разные «национальности Китая», среди которых свыше 90% составляют ханьцы. Эта уникальная смесь западных революционных идей с древней китаецентристской идеологией была принята мировыми державами из соображений политической целесообразности и от недостаточного знания этой идеологии европейцами. В результате над Монголией, Восточным Туркестаном и Тибетом нависла угроза не просто ханьской оккупации, но и ассимиляции — то есть того пути, по которому уже шла Маньчжурия.

На этих территориях (за исключением Маньчжурии) шло национально-освободительное движение против Китайской республики, т.е. против подчинения ханьцам и за сохранение феодального строя. Это движение принимало разные формы, но ключевым вопросом оказалось признание державами, так как собственных ресурсов для противостояния Пекину было недостаточно. Лишь часть Монголии смогла обрести независимость. Русско-монгольское соглашение, или договор, 21 октября/3 ноября 1912 г. означал признание этого. Подписав его, Монголия обрела все атрибуты независимого государства. Как таковое, она установила договорные отношения с Тибетом, провозгласившим независимость в сходных условиях. Это было законным актом установления межгосударственных отношений и не требовало признания другими странами.

Легитимность монархической власти Богдо-гэгэна в Монголии (и Далайламы в Тибете) не вызывает сомнений. Но не столь очевидна легитимность власти ханьских революционеров, свергнувших маньчжурскую династию, а позже — коммунистов. Свидетельство тому — долгая раздробленность Китая после Синьхайской революции, попытки восстановления монархии, борьба

милитаристов, установление власти Мао Цзэдуна с зарубежной помощью и путем массового истребления соотечественников. Все это говорит об отсутствии всенародного признания как нового строя, так и самих революционных лидеров не только «национальными меньшинствами Китая», но и ханьцами.

Давление Китая на Россию увенчалось успехом. В 1915 г. было подписано трехстороннее Кяхтинское соглашение, признававшее Монголию автономией в составе Китая. Однако, фактически, она осталась независимой благодаря российской поддержке.

Две революции 1917 г. и гражданская война ослабили Россию, и она уже не могла оказывать прежней поддержки Монголии. В то же время, активизировалось панмонгольское движение за реинтеграцию монгольских земель в единое государство. В разных формах оно существовало всегда со времен Великой монгольской империи. Теперь же наиболее крупными из существовавших проектов были теократическая монархия Монголии и временное общемонгольское правительство, в котором доминировали республиканцы. Последнее потерпело крах, тогда как Монголия была захвачена Китаем.

Если в 1912 г. российские социал-демократы поддержали Китайскую республику в ее претензиях на Внешнюю Монголию, то после Октябрьской революции 1917 г. советское руководство не имело в отношении нее четкого плана. После китайской оккупации 1919 г. оно не оказало поддержки правительству Богдо-гэгэна, а поддержало некоторых монголов для экспорта революции через Монголию в Китай. Монголы хотели использовать поддержку РСФСР для борьбы с оккупантами, но Москва не предусматривала создание независимой Монголии.

В результате именно Унгерн изгнал китайские войска, не опасаясь реакции Китая и других стран. Если бы не он, Монголия не избавилась бы от китайской оккупации. «Унгерн и его войска были осколком той старой России, на которую Богдо-хан и его окружение делали ставку и от которой получили большую помощь. Опираясь на Унгерна, монгольская верхушка хотела добиться своей заветной цели — освободить свою страну от колонизации».[2912] Можно согласиться и с Голубевым, что еще в 1921 г. Богдо-хан верил в возрождение старой России.[2913]

В Монголии Унгерн действовал самостоятельно и не выполнял планов других стран. Чужие планы, в том числе японские, он надеялся использовать в собственных интересах, но не смог.

Он имел собственный план создания империи — наследницы державы Чингис-хана, под властью маньчжурской династии. В ее пределах предусматривался сильный союз Тибета, Синьцзяна, Халхи, Внутренней Монголии, Манчжурии и Шаньдуна, объективно направленный на сохранение традиций и цивилизационного разнообразия в Центральной Азии. Если бы этот план

реализовался, то мог бы обеспечить сохранение самобытности монгольских, маньчжурских и тюркских народов, а также тибетцев, которые ныне ассимилируются ханьцами в КНР.

Этот план не удался, как не удались и планы других белых. Но при других обстоятельствах он мог бы воплотиться в жизнь. Несмотря на неудачу, этот план был самой яркой попыткой восстановить традиционное государственное устройство.

Но одну монархию барону реставрировать удалось, хотя и ненадолго: в Монголии. Унгерн подчеркивал, что он восстановил именно автономию Внешней Монголии, что она должна находиться под сюзеренитетом маньчжурского хана. Однако власть этого хана еще предстояло восстановить, а Монголию от гаминов он уже очистил, но под власть Пекина не передал. Следовательно, Унгерн восстановил независимость, а не автономию Монголии. Он принял монгольское подданство, действовал с санкции монгольского монарха, Азиатская дивизия была самым боеспособным соединением вооруженных сил Монголии. Всю полноту власти в стране осуществляли Богдо-гэгэн и его правительство. Поэтому нельзя считать пребывание Унгерна в Монголии оккупацией, а самого барона — диктатором.

Поход Унгерна на Сибирь дал основание советским войскам вступить во Внешнюю Монголию. Под предлогом преследования белых советское руководство осуществило экспорт революции и привело к власти МНП, действовавшую под контролем Москвы. После этого именно вмешательство СССР стало гарантией против повторной китайской оккупации. Признание суверенитета Китая над Внешней Монголией в Советско-китайском соглашении об общих принципах урегулирования от 31 мая 1924 г. не изменило статус-кво. Под советской защитой Монголия продолжала развиваться как независимое государство.

Это было важным фактором сохранения независимости Монголии: если бы там оставался Унгерн, он смог бы предотвратить новую китайскую оккупацию лишь в случае удачи своего имперского плана. В этом случае к Внешней Монголии были бы присоединены Барга, Внутренняя Монголия, Урянхайский край и Алтайский округ бывшей империи Цин.

Реализация плана Унгерна привела бы к реинтеграции монгольских народов. Попытки же реинтеграции на основе сотрудничества с большевиками, предпринимавшиеся некоторыми националистами-революционерами (например, Э.-Д. Ринчино), были бесплодны. Они не предотвратили расчленение Бурятии, но способствовали уничтожению традиционализма и религии и в Бурятии, и в Монголии. Сами эти революционеры были позже репрессированы большевиками. Сторонники традиционализма и теократии тоже были репрессированы, но они остались верны традиции... Впрочем, история не знает сослагательного наклонения.

Таким образом, монгольская государственность была бы потеряна без вторжения войска Унгерна. Освобождение от китайской оккупации принесло несомненную пользу не только Монголии, но и России. Монголия надолго стала самым надежным союзником СССР, буфером, отделявшим его от оккупированной японцами Маньчжурии и Китая (милитаристского, гоминьдановского, а затем — маоистского). Это было важно в период нестабильности на Дальнем Востоке в 1930-х гг., во Вторую мировую войну, а затем в период обострения отношений СССР с КНР. История доказала правоту слов И.Я. Коростовца: «Россия — государство азиатское, и как бы ни сложились международные отношения, наши интересы сосредоточиваются именно в Азии, и было бы жестокой ошибкой пренебрегать ими ради призрачных и хотя бы выигрышных дипломатических успехов на Западе».[2914]

Власть красных повлекла гораздо больше жертв и имела более разрушительные последствия для традиционной культуры монголов, чем вторжение Унгерна. Но следует признать их роль, как и решающую роль лично И.В. Сталина, в сохранении государственности Монголии, хотя Х. Чойбалсан и не смог добиться ее воссоединения с Внутренней Монголией. Китайское нанкинское правительство в январе 1946 г. признало итоги референдума 1945 г., когда практически все население Монголии проголосовало за независимость. Несомненно, так же проголосовали бы монголы, тибетцы и тюрки на своих землях, оккупированных Китаем, если бы получили право референдума.

Позже поддержание дипломатических отношений означало формальное признание Китаем независимости Монголии. Но еще в 1954 г. во время советско-китайских переговоров Мао Цзэдун вновь выдвигал вопрос о слиянии МНР с КНР.[2915] До сих пор в КНР для «внутреннего потребления» циркулирует концепция, что все монгольские земли — это «утраченная территория» Китая. Так что события прошлого сохраняют актуальность.

В начале XX в. в отношениях между Российской и Японской империями проявлялась тенденция к поддержке национально-освободительных движений, созданию буферных структур и урегулированию проблем на Дальнем Востоке без привлечения третьих стран. Это было разумно геополитически, поскольку служило сохранению баланса интересов России и Японии, препятствовало доминированию империи Цин и проникновению в регион других держав. Если судить по современным геополитическим реалиям, последующее противостояние Японии и СССР нарушило сложившийся после Русско-японской войны баланс, и было стратегической ошибкой обеих сторон. Курс на вооруженный захват Азии, взятый правительством Японии после прихода к власти военных в 1932 г., привел к тому, что оккупированные Маньчжурия и части Китая рассматривались уже не как буферные образования, а как части «сферы совместного процветания» Восточной Азии под эгидой Японии. Образование МНР имело много черт сходства с образованием Маньчжоу-го,

что когда-то отмечалось иностранными дипломатами.[2916] Но их дальнейшее развитие и исторические судьбы оказались разными.

Итогом Ялтинских соглашений стал односторонний выход СССР из пакта о нейтралитете и объявление войны Японии по настоянию США. Первым пунктом Соглашения глав СССР, США и Великобритании о вступлении СССР в войну с Японией стало «сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР)». Но ни Англия, ни США не стали добиваться признания Тибета, хотя его положение было весьма сходным. Государство Маньчжоу-го (признанное 23 государствами) СССР уничтожил на основе Каирского соглашения между США, Великобританией и Китайской республикой при условии, что СССР получит Курильские острова.[2917] Потерпевшая поражение Япония потеряла все захваченные территории. Победители восстановили территориальную целостность Китая, плюс отдали ему Маньчжурию. Благодаря И.В. Сталину, маоисты захватили власть и аннексировали Внутреннюю Монголию, Восточно-Туркестанскую республику и Тибет.

Большая часть исторической территории монголов и тибетцев оказалась включенной в национальное государство ханьцев, исторические границы перекроены для скорейшей ассимиляции населения. «Автономный район Внутренняя Монголия был создан в 1947 г. в основном на базе монгольских аймаков. Под предлогом “братской помощи” монгольскому народу и “собирания” в едином автономном районе всех территорий с монгольским населением в него были включены в 1955 г. вся провинция Суйюань, бывшая провинция Жэхэ, часть провинции Нинся, населенные китайцами».[2918] Князь Дэмчигдонров (1902–1966) и другие патриоты Внутренней Монголии продолжали безуспешную национально-освободительную борьбу до 1949 г. К нашему времени монголы на своей родине во Внутренней Монголии стали «нацменьшинством» — около 18%. На монгольских и тибетских землях, включенных в китайские провинции Цинхай, Сычуань, Ганьсу и Юньнань происходит то же самое. Хотя общая численность маньчжуров в КНР в 2002 г. составляла 9 846 800 человек, причем 46 % из них проживали в провинции Ляонин (то есть на их исконной земле), они не имеют даже номинальной автономии в отличие от остальных «нацменьшинств» КНР.

Геополитическая ошибка Сталина стала очевидной после его смерти. КНР быстро перестала ориентироваться на бывшего союзника. К началу XXI в. СССР был разрушен, Ялтинские соглашения прекратили действие. Итогом стало доминирование на Дальнем Востоке геополитических соперников России и Японии — КНР и США, в полном противоречии как с большевистскими, так и с монархическими планами.

Итак, никто другой из лидеров Белого движения не оказал столь важного влияния на геополитическую ситуацию в Евразии, как барон Унгерн. Становление монгольской независимости стало возможно благодаря уникально-

му, но закономерному сочетанию обстоятельств. Современного государства Монголия не было бы без вторжения Унгерна. Оно стало единственным в мире островком монгольской государственности, оставив ей шанс на будущее развитие в условиях, когда остальные монгольские территории интегрируются в другие цивилизации, к которым относятся соседние страны.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Документы

Приказ о зачислении Р.Ф. Унгерна в Забайкальское казачье войско

Копия. Приказ Забайкальскому казачьему войску июня 7 дня 1908 г. № 352 о зачислении в войско юнкера.

Юнкер Павловского военного училища барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг, 21 г., зачисляется в войсковое сословие в выселок Усть-Нарынский Цаган-Олуевской станицы 2[-го] военного отдела.

Подлинный подписал наказной атаман генерал-лейтенант Эбелов

Верно: за делопроизводителя коллежский асессор /подпись/

РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 630, л. 252.

Начальнику Павловского военного училища

В дополнение телеграммы за № 3636 для объявления юнкеру Унгерн-Штернбергу.

и.д. председателя полковник /подпись/ 24 июня 1908 г.

советник, войсковой старшина /подпись/

11 июня 1908 г. за № 5738. г. Чита

за делопроизводителя коллежский асессор /подпись/

РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 630, л. 253.

Секретная телеграмма управляющего консульством в Кобдо. 27 августа 1913 г. № 1053

Сюда прибыл через Ургу сотник Амурского казачьего полка барон Унгерн-Штернберг и заявил мне, что, подав в запас, он желает поступить на монгольскую службу в отряд Баира или другого военачальника, хотя бы без жалования. Я объяснил ему, что без разрешения Императорского правительства рекомендовать его монголам не могу. Начальник отряда поступлению

Унгерн-Штернберга на монгольскую службу не сочувствует. Прошу указаний. В Ургу сообщено.

/подпись:/ Люба

АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1826, л. 73; ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 306, л. 151 (копии).

Спешно. Доверительно. Его высокопрев[осходительст]ву В.А. Сухомлинову. № 672 с. 4 сентября 1913 г. От за министра иностранных дел гофм[ейстера] Нератова.[2919]

М[илостивый] г[осударь] Владимир Александрович,

управляющий консульством в Кобдо телеграфирует, что прибывший туда сотник Амурского казачьего полка бар[он] Унгерн-Штернберг заявил ему, что, подав в запас, желает поступить на монгольскую службу, хотя бы без жалования. Управляющий консульством затрудняется рекомендовать бар[она] Унгерн-Штернберга монголам без разрешения Правительства тем более, что начальник Кобдосского отряда отнесся несочувственно к поступлению названного офицера на монгольскую службу. Со своей стороны, я полагаю, что присутствие русского офицера в монгольских войсках в Кобдосском округе благоприятно отозвалось бы на обороне этого округа и на борьбе с грабежами киргизских шаек. Передавая с вышеизложенным, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство уведомить меня, встречаете ли Вы препятствие к разрешению бар[ону] Унгерн-Штернбергу поступить на монгольскую службу.[2920]

Примите и проч.[2921]

АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1826, л. 83–83об., рукописный текст.

Секретная телеграмма дипломатического агента в Монголии. Урга (через Троицкосавск) 12 сентября 1913 г.

Ссылаюсь на телеграммы Люба № 1054 и 1056.[2922] Телеграфирую из Кобдо.

Не встречаю препятствий к принятию на русскую службу Баира и его солдат, если Императорское правительство согласно платить им вознаграждение. У нас больше оснований быть недовольными Ургинским правительством, которое, по-видимому, до сего времени ничего не сделало для удовлетворения справедливых требований Баира, на скорейшем удовлетворении коих я много раз настаивал перед Монгольским правительством. Унгерну я отказал уже в Урге[2923].

/подпись:/ Миллер

АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1826, л. 86–86об; ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78, л. 194.

[Переписка советника русской миссии в Пекине В.В. Граве с вице-консулом в Хайларе]

Хайлар, 9 февраля 1918. Дорогой Владимир Владимирович, деятельность семеновского отряды причиняет В. К-ву много хлопот — никак не могу втолковать им, что нужно считаться с особым положением Барги. Недавно барон Унгерн-Штернберг, забрав 130 человек баргутских солдат, без ведома баргинских властей увез на Бухэду и далее к Цицикару, с целью разоружить ненадежные [? — неразборчиво] войска вдоль всей линии. Просил и предупреждал его, что баргутам неудобно выступать из пределов Барги, так как это может вызвать недоразумения с китайцами. Так и оказалось. На станции Чингисхан солдаты баргутского отряда были задержаны китайцами и обезоружены. Только благодаря вмешательству из Харбина баргуты не были судимы и их отпустили, но без оружия. Факт этот произвел впечатление на баргинские власти, которые заявили, что в таком случае они не могут предоставлять своих солдат в распоряжение Семенова. Я вызвал Семенова и вчера договорился с баргутами в том смысле, что баргутские солдаты впредь не будут выводиться из пределов Барги и будут только охранять дорогу от Маньчжурии до Хингана. Я убедил Семенова, что баргуты, собственно, в боевом смысле не имеют никаких знаний, как показал опыт их борьбы с харачинами, с чем Семенов согласился и сказал, что они ему нужны только для бутафории, чтобы произвести впечатление, и что если он и воспользуется ими, то не более нескольких сотен человек. <...> В последнем походе на линию барон Унгерн вместе с баргутами брал с собою несколько человек казаков, и они умудрились по дороге на станциях ограбить несколько китайцев. Правда, виновные несут суровое наказание, тем не менее, факты остаются фактами. Является опасение, что если и дальше отряд будет бездействовать, то могут начаться разногласия, к чему, естественно, ведет вечное бездействие. <...> По взятии Читы Семенов думает установить там свою диктатуру.

/подпись: [неразборчиво] русский вице-консул в Хайларе/<...>

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 55–56об., рукописный оригинал.

Совершенно секретно. Консулу в Хайларе. 16 февраля 1918 г. с.ж.

В дополнение к отношению моему от сего числа за № 151, считаю долгом осведомить Вас, что, помимо прямых обязательств инструктора баргутской милиции, мною возлагается на есаула Шароглазова особое поручение, касающееся внутренних дел Забайкалья. Это поручение связано с предприятием атамана Семенова и имеет целью оказание содействия последнему <...> на предмет установления связи с забайкальским казачеством. <...> С другой стороны, на есаула И.Х. Шароглазова должно лечь выполнение тех обязанностей, которые ныне возложены на барона Унгерн-Штернберга в Барге и

которые, как свидетельствуют Ваши донесения, следует, несомненно, поставить в известные рамки, дабы не испортить самого дела. <...> Я воспользовался приездом Шароглазова в Пекин, чтобы представить последнего министерству иностранных дел и заинтересовать Лу Чжэнсяна деятельностью Семенова. <...>

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 73–73об.

№ 238. Пекин, 14 марта 1919 г. Вице-консул в Хайларе, 12 марта, № 26. Телеграмма № 145 получена (ш): ссора Унгерна с Семеновым, о которой сообщал частным письмом — достоверный факт. Передают, что Семенов принимает меры к ликвидации этой ссоры. Пржеволоцкий служит в отряде с мая. Являлся его агентом перед отъездом в Пекин, был в Даурии у Унгерна.

/подпись:/ Усатый

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 277.

№ 848. Пекин, 3 сентября 1919 г. Управляющего генеральным консульством в Харбине, 2 сентября № 543. Продолжение телеграммы № 541 (ш):

Из разговора с бароном Унгерном, который вначале отнесся подозрительно к моим расспросам, узнал, что поездка Семенова в Мукден имеет целью завершить переговоры с Чжан Цзолинем о монархическом выступлении в Китае, во главе которого должен стать Чжан, имеющий много сторонников, в числе коих генерал Ли, располагающий 90 000-ным войском; указывают также на прикосновенность к этому делу президента. «Из Монголии и Манчжурии необходимо создать буфер, — заявил мне барон Унгерн — в частности, в Монголии восстановить старое положение». В дальнейшие расспросы я пока не вдавался, дабы сгладить создавшееся впечатление.

/подпись:/ Попов

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 11.

[Из донесения русского генерального консула в Харбине от 9 сентября 1919 г., № 559 ос.ж., князю Кудашеву]

Вчера я видел генерала Хорвата, который весьма интересовался настоящей поездкой атамана Семенова. Генерал мне передавал, что поездка барона Унгерна в Пекин имела целью завязать связи с монархическими партиями в Китае. Барон Унгерн проживает ныне временно в Харбине, где обвенчался с китаянкой Цзи, привезенной им из Пекина — дочерью бывшего дворцового коменданта, как утверждает барон. <...>

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 21.

Рицкий И. Интриги Семенова. — Воля, № 16.05.1920.

<...> По всем консульским установлениям рассылается следующее отношение. Миссия считает необходимым предварить о подозрительной деятельности нижеследующих лиц, находившихся недавно в Пекине в связи с панмонгольской агитацией атамана Семенова: 1) подполковника Пржеволоцкого, служившего недавно в охранной страже Китайско-Восточной железной дороги в Хайларе. <...> 2) Генерал-майора и барона Унгерн-Штернберга, сообщившего, что едет в Париж и Эстонию через Южную Америку вследствие ссоры с Семеновым, в окончательности которой есть, однако, основания сомневаться, так как поддерживает связь с его агентами, не раскрывая своих истинных целей; выехал, по его заявлению, в Японию. 3) Бурятского деятеля Цыдыпова. <...>

АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 537.

[Проект неизданного приказа о придании суду Р.Ф. Унгерна] В.Н.[2925] Семеновщина. Ч. 1. Даурский застенок.

<...>Приказ

Из представленного мне дознания о начальнике Отдельной Азиатской конной дивизии генерал-майоре Унгерн-Штернберге усматриваю, что против начальника означенной дивизии генерал-майора Унгерн-Штернберга возникает обвинение, во-первых, в том, что он в период времени с января по июль месяц 1920 г. в поселке Даурия отдавал своим подчиненным многократные приказания о расстреле тех или иных лиц, на коих падало его подозрение в совершении какого-либо проступка или преступления, подлежащим расследованием не подтвержденное, вследствие каковых его приказаний были расстреляны без всякого суда и следствия: 28 февраля с.г. Петр Миняев, 3 марта с.г. поручик Сафир, 21 марта с.г. поручик Теребенин, 1 апреля чиновник Степовой с женой, 18 апреля Губельман,[2926] 20 апреля с.г. Николай Телешев, 21 апреля капитан Романенко, 7 мая корнет Разенбейн. 20 мая 16 человек беженцев, то есть в преступлении, предусмотренном 1 ч. 1454 ст. Улож. о наказ. и 279 ст. книги XXII С.В.П.; во-2, в том что 20 мая с.г. в поселке Даурия он с целью лишить жизни крестьянку Ксению Урм приказал своим подчиненным увести ее в сопки и там расстрелять, но желаемого не достиг по обстоятельствам, от воли его независимым, так как Ксения Урм, упав после произведенных в нее выстрелов на землю, осталась жива, получив лишь 2 раны, то есть в преступлении, предусмотренном 9 и 1 ч. 1454 ст. Улож. о наказ. В-третьих, в том, что там же, в период времени с 1 января по июль месяц 1920 г. производил порку заключенных на Даурской гарнизонной гауптвахте особо заготовленными в дивизионных мастерских дубовыми палками-веслами, чем причинял им продолжительное и мучительное страдание, то есть в преступлении, предусмотренном 1489 ст. Улож. о наказ. 149, 187 и 189 ст.

ст. XXII книги С.В.П. и приказом начальника штаба верховного главнокомандующего от 23 марта 1919 г. за № 255. Были подвергнуты истязаниям и порке 20 апреля с.г. крестьянин Телешев, Шмац, 14 беженцев, 24 мая чиновник Рудых и 3 санитара, в июне месяце поручик Лукьянов и прапорщик Горелов. В-четвертых, в том, что вопреки приказу главнокомандующего всеми вооруженными силами России Дальневосточной окраины от 15 мая с.г. № 356 подвергал истязаниям и расстрелу добровольно сдавшихся красноармейцев (л.д. 5), то есть в преступлении, предусмотренном 415 ст. XXII книги С.В.П. В-пятых, в том, что 31 декабря 1919 г. он открыто похитил 10 600 000 руб из вагона Государственного банка, следовавшего через станцию Даурия на восток. 31 марта 1920 г. там же открыто похитил из ваг., следовавшего по накладной Омской железной дороги за № 26814 верблюжьей шерсти в количестве 273 пуда 10 фунтов, то есть в преступлении, предусмотренном 1642 ст. Улож. о наказ. № 279 ст. книги С.В.П. В-шестых, в том, что тогда же и там же расходовал находившиеся в его распоряжении денежные суммы без установленных документов и без всякой отчетности и отдавал распоряжения о запрещении ведения денежной отчетности, каковыми своими действиями превысил предоставленную ему законом власть, то есть преступление, предусмотренное 5 п. 144 и 145 ст. ст. XXII книги С.В.П. В-седьмых, в том, что в апреле месяце с.г. в официальной бумаге на имя своего начальника, командира 1-го Забайкальского корпуса позволил себе в высшей степени дерзкое к нему обращение: «Вы дождетесь, что я поверну и повешу Вас вместе со штабом», каковое деяние предусмотрено 98 ст. XXII книги С.В.П.

Вследствие сего и на основании 4 и 8 ст. ст. приказа Верховного правителя и верховного главнокомандующего от 4 сентября 1919 г. за № 186 г-на барона Унгерн-Штернберга предать военно-полевому суду. Начальнику гарнизона г. Читы приказываю немедленно сформировать присутствие суда для рассмотрения настоящего дела и приговор представить мне на конфирмацию».

Приказ этот командующим армией не был подписан, так как сам атаман Семенов решил расследовать это дело и предписал последнее представить лично ему. По представлении дела Семенову, дальнейшего движения ему не было дано, несмотря на раскрытые тягчайшие преступления. <...>

ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 870, л. 1-8об. (рукописный оригинал)

[Телеграмма Р.Ф. Унгерна о финансировании]

Маньчжурия, генералу Казачихину. Недостающих чиновнику Фельшину до шести миллионов пятисот тысяч сибирских, если нет, продайте, что хотите, но скорее. № 2741.

Подлинно подписал генерал Унгерн.

С подлинным верно: генерал Казачихин

РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 61.

[Перевербовка красных Б.П. Резухиным]

Копия. Есаулу Скуратову.

Получил сведения, что Вы командуете кавалерийской бригадой расположения в районе Кяхты. Знаю Вас давно, как выдающегося воина и удивляюсь — сослуживец князя Бековича-Черкасского служит теперь в противном лагере у жидов-коммунистов. Твердо верю, что служить у них заставили какие-либо другие причины, и что остались тем, кем я знал Вас, почему первый протягиваю руку Вам и приглашаю к себе с верными правому делу офицерами и казаками. Если почему-либо нельзя с собою привести казаков, то ждем Вас одних.

Генерал Резухин. С подлинным верно:

Завфинчастью Р<...>востсиба 5-й армии /подпись: Сороковиков/

РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 25.

[Письмо министра по водворению порядка в Хурэ, Улясутае и Кобдо в период китайской оккупации]

Причина объявительно-агитационного письма.

В этот раз русские солдаты в двух местах тайно проникли в Хурэ и состоялись бои между двумя сторонами. Дозорные солдаты поймали двух русских солдат и их допросили. Из допроса следует, что они перешли границу, потому что их привел Бан-Лин-ван, назначенный Богдо-ханом. Сейчас наши солдаты находятся под угрозой, и, думая об этой ситуации, хотелось бы задать вопросы Богдо-хану. Но, опасаясь, просим прислать специального человека, который бы разобрался в истинной ситуации, поскольку идет война за рубежом, а внутри будут недовольны солдаты. Если же от власть имущего не будет [разъяснения], то произойдет урон уважаемой традиции Желтой веры,[2927] потому надо проводить агитационную работу, издать агитационное письмо и распространить среди лам, нойонов, гунов, простого народа. Если бы такую работу провел ваш человек вместе с нашими людьми из министерства, установилось бы спокойствие в двух краях.

9-го года 10-го месяца 25-й день.

YTA, ф. А4, оп. 1, д. 736, л. 2. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Письмо Г.М. Семенова Р.Ф. Унгерну][2928]

Папка № 133. Барон Унгерн (Письма к ат[аману] Г.М. Семенову). 1. Выписка из письма барона Унгерна к ат[аману] Г.М. Семенову от 18 января 1921 г. Выписка из письма ген[ерала] Унгерна к атаману Г.М. Семенову от 18 января 1921 г.

Генералов разогнал и дела стали лучше. Весною буду наступать и по Амуру и от Хайлара. Деньги если нужны — посылай человека. Связь удается наладить через датчан автомобилем до Хайлара. Объедини всех противоболь-

шевиков. Федотьев продал все имущество, деньги украл. Твоему Шайдицкому отказал в деньгах, сказав, что Аздивизии не существует, и советовал ему лучше бросить исполнять твои приказания. 18.I.1921 года

Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives, Collection title: V. Moravskii, Box number: 10, Folder ID: 31.

[Перевод оригиналов указов Богдо-гэгэна VIII, заверенных его личной печатью, о награждении Р.Ф. Унгерна и других][2929]

Держащего религию и государство, Солнечносветлого, Десятитысячелетнего Богдо-хана указ

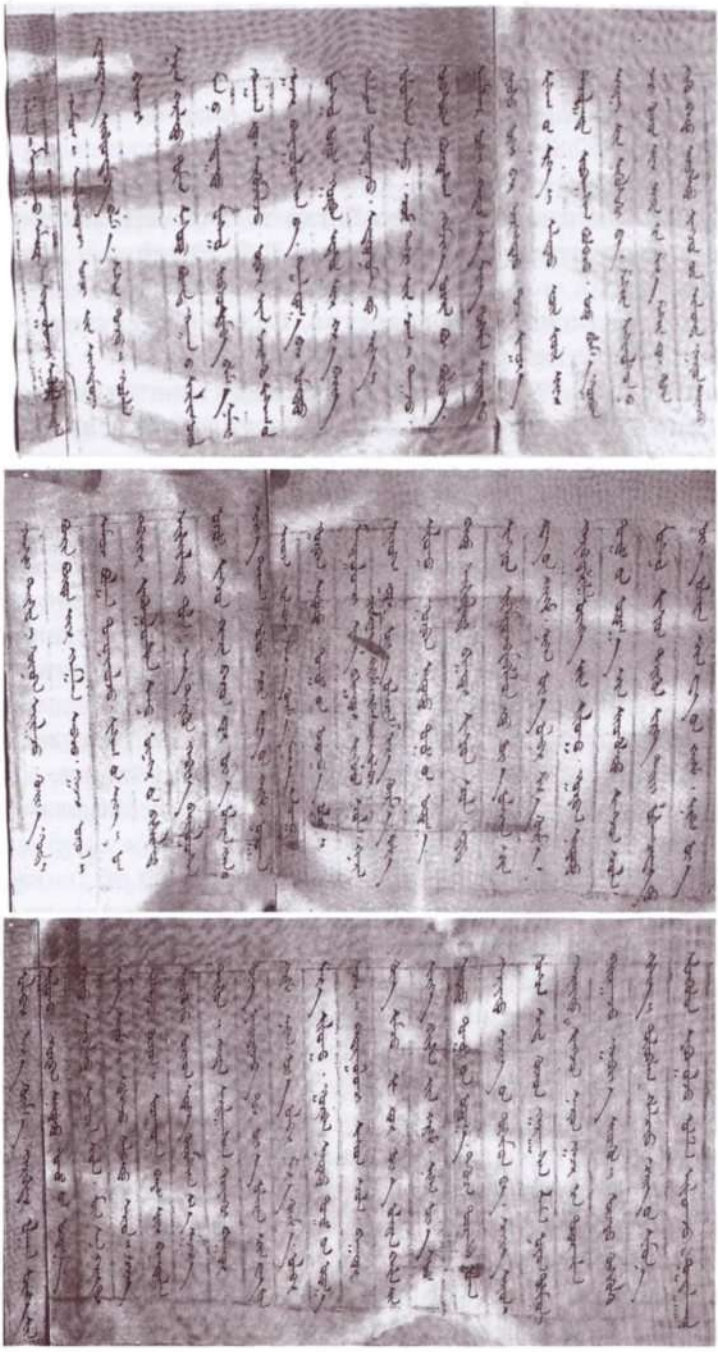
Русский джанджин[2930] — генерал Барон, нашу монгольскую самодержавную власть вновь организовал; он человек, служивший делу с главенствующим усердием. Он привел впервые войска в очень холодное время, не отступив в страхе, множеству людей ни малейшим образом не причинив страдание, до конца закалив храбрость, в одно утро взял с бою местность Хурэ, создал заслугу. Рассмотрев уравновешение хорошего и плохого в проведенных военных действиях, считаю [его] поистине сильным и непоколебимым. Поэтому я, одобряя, награждаю генерала Барона потомственной степенью хан, титулом дархан-хошой-чин-ван,[2931] зеленым паланкином, оранжевой курмой,[2932] желтыми поводьями, трехочковым павлиньим пером, чином Восстановивший Государство Великий Батор[2933]-джанджин. В последующем преемство,[2934] не прекращаясь, пусть передается! Потому ставлю драгоценную печать[2935] на этой желтой шелковой наградной грамоте. Многими Возведенного 11-й год.[2936]

YTA, ф. A173, оп. 1, д. 222, 1-й указ.

Держащего религию и государство, Солнечносветлого, Десятитысячелетнего Богдо-хана указ

Русский генерал Резухин, нашу монгольскую самодержавную власть вновь организовал; он человек, служивший делу с главенствующим усердием. Он, придя с солдатами, на монгольской земле долго находился, не боялся холода и тяжких испытаний, при этом не сломался душой и телом, использовал разные тактики, выявил душевные силы, с решимостью воевал и создал заслугу; поистине, достоин похвалы. Поэтому генерала Резухина награждаю потомственным титулом чин-ван и личным правом на оранжевую курму, желтые поводья, трехочковое павлинье перо, чин Непоколебимо Похвальный Батор-джанджин. В последующем преемство титула чин-ван пусть передается! Потому ставлю драгоценную печать на этой желтой шелковой наградной грамоте. Многими Возведенного 11-й год.

YTA, ф. A173, оп. 1, д. 222, 2-й указ.

Опубликованный указ Богдо-гэгэна о награждении Унгерна и других (YTA, ф. А3, оп. 1, д. 257, с. 64–67). Оригинал — единый свиток.

Держащего религию и государство, Солнечносветлого, Десятитысячелетнего Богдо-хана указ

Помощник главнокомандующего Жигмиджав Жамболон нашу монгольскую самодержавную власть вновь организовал; он заслуженный человек, усердный в делах. Он пришел вместе с солдатами; кроме того, в делах Монголии шаг за шагом следовал тактике и со всей душой выполнял [приказы], воевал за уклад, который был раньше, в этом выявил большие заслуги, эти заслуги его одобрены. Поэтому помощника джанджина награждаю потомственным титулом чин-ван, личным правом на оранжевую курму, темновато-красными поводьями, трехочковым павлиньим пером, чином Непоколебимо Усердный джанджин. В последующем преемство титула чин-ван пусть передается! Потому ставлю драгоценную печать на этой желтой шелковой наградной грамоте. Многими Возведенного 11-й год.

YTA, ф. A173, оп. 1, д. 222, 15-й указ.

Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Опубликованный указ Богдо-гэгэна о награждении Р.Ф. Унгерна и других][2937]

Многими Возведенного 11-й год, 15-й день Белого месяца.[2938]

Возвышающего религию, Дарующего счастье живым существам, Всеведущего покровителя, Высшего Чандамани,[2939] Очирдара[2940] Джебцзундамба-ламы, Держащего религию и государство, Солнечносветлого, Десятитысячелетнего Богдо-хана указ.

Я, нашей Внешней Монголии Джебцзундамба-лама, был возведен ханом, организовал самодержавную власть, [затем,] следуя Трехстороннему договору[2941] Срединного государства, Монголии и России, [мы] получили автономное право и, таким образом, следуя судьбе, сложилось самостоятельное [управление]. Неожиданно китайскими революционерами — чиновниками и солдатами — [мы] были беззаконно захвачены и временно потеряли власть, подверглись всяческим притеснениям и страданиям. Но сейчас, силой Ламы, Трех Драгоценностей[2942] и Охранителей религии,[2943] [для помощи] древней Желтой вере объявились знаменитые генералы — джанджины, уничтожили жестоких врагов, очистив город Хурэ, взяли [его] невредимым, дали покой, восстановили прежнюю законную власть, поэтому сии [военачальники] подлинно заслуживают почтения и похвалы. За героические заслуги [награждаются:]

Русский джанджин — генерал Барон — потомственной степенью хан, титулом дархан-хошой-чин-ван, зеленым паланкином, оранжевой курмой, желтыми поводьями и трехочковым павлиньим пером, чином Восстановивший Государство Великий Батор-джанджин.

Генерал Резухин — потомственным титулом чин-ван, личным правом на оранжевую курму, желтыми поводьями, трехочковым павлиньим пером, чином Непоколебимо Похвальный Батор-джанджин.

Помощник джанджина Жигмиджав Жамболон — потомственным титулом чин-ван, личным правом на оранжевую курму, темновато-красными поводьями, трехочковым павлиньим пером, чином Непоколебимо Усердный джанджин.

Монгольский джанджин, тэргун-тайджи Лувсанцэвэн — потомственным титулом чин-ван, личным правом на оранжевую курму, темновато-красными поводьями, трехочковым павлиньим пером, чином Непоколебимо Благословенный джанджин.

Также в этом деле восстановивший порядок и мобилизовавший военнообязанных подданных в солдаты, выявивший отличные силы усердия, самолично героически сражавшийся, в данном месте раньше и сейчас уничтожавший врага, старательный батор, гун Найданжав — потомственным титулом чин-ван, личным правом на оранжевую курму, желтыми поводьями, трехочковым павлиньим пером, чином Развивающий Величие джанджин.

Батор гун Джамц — степенью бэйлэ, титулом бэйсэ, личным правом на двухочковое павлинье перо.

Кроме того, многих нижестоящих подданных, военных чиновников и простых солдат, проявивших отличную заслугу, лам, нойонов, чиновников — из соответствующих ведомств джанджинов установить и дознать, оценить заслуги, поощрить [соответствующими] наградами, определить к докладу и представить в военное министерство. Передав, издать постановление.

YTA, ф. А3, оп. 1, д. 257, с. 64–67. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Указ Богдо-гэгэна о необходимости восстановления автономной власти в Монголии]

Белый месяц 1921 г. Оригинал особо ниспосланного указа о дальнейшей деятельности оставленного автономного правительства. Копии разосланы в семнадцать мест.

Послание министерства внутренних дел.

Министерству иностранных дел, министрам Кобдо и Улясутая, хамбо, шанцзотбам, четырем аймакам Халхи, джанджинам левой и правой руки дэрбэтов, дзасакам, дзайсану Сайннойонханского аймака Далхжаву, гуну Аюушу, начальнику всех урянхайцев, чиновникам отделов города Майма[чен] повелевается.

Мы в точности соблюдали Тройственное соглашение между Внешней Монголией, Китаем и Россией и жили дружно. Затем летом 9-го года Многими Возведенного китайские гамины под командованием генерала Сюй Шучжэна вероломно нарушили Тройственное соглашение и составили петицию об отказе от автономии, на которую заставляли нас ставить печать, уг-

нетали монголов. Эту бумагу доставили в Пекин от Сюй Шучжэна. В Хурэ были оставлены солдаты под командованием Чу Лицзяна. Эти солдаты незаконно арестовывали ванов, гунов, лам, чиновников, держали под стражей и причиняли им очень большие страдания, и жизнь была очень плохой. В это время русский генерал — джанджин Барон пришел к Хурэ и хотел вести переговоры с начальниками китайских гаминов, но это не получилось, и они сразу начали военные действия. Они сразу арестовали Богдо-хана и вместе с ним арестовали многих лам, хувараков, ванов, гунов и разных чиновных людей из разных хошунов, их имущество отобрали, арестовывали и убивали женщин, детей, стариков. Поэтому при такой невыносимой ситуации русский генерал — джанджин Барон мобилизовал своих солдат, и в конце зимнего месяца 26-го дня они атаковали китайских солдат-гаминов в Хурэ, их устранили из Нийслэл-хурэ и провозгласили наши старые обычаи. После этого русские джанджины предложили собрать всех лам и нойонов четырех аймаков Халхи и сделать совещание, на котором было решено на основании Тройственного соглашения Китая, Монголии и России восстановить автономное правительство во главе с Очирдара Богдо-гэгэном в 11-м году Многими Возведенного 15-го дня белого месяца. В связи с этим указом, надлежит восстановить в прежнем статусе пять министерств: министерства внутренних дел, иностранных дел, военное, финансов и юстиции и назначить министров, а также отметить заслуги могучих баторов, взявших Нийслэл-хурэ. По две копии настоящего указа разослать по всем вышеуказанным ведомствам.

28-го дня Белого месяца 11-го года Многими Возведенного.

Солнечносветлого, Десятитысячелетнего Богдо-хана указ.

<Под гнетом китайских гаминов мы, наше правительство, ваны, гуны, хувараки и все население находились в очень плохом состоянии, а потом, в силу Трех Драгоценностей, благодаря чтению ламами книг сахиусов, лютый враг был уничтожен, и мы обрели спокойствие. Ваны, гуны и другие сделали много ошибок, но они осознали свои ошибки, и теперь весь народ объединился как семья, как один человек, у которого есть руки и ноги, под руководством религии и Богдо.

Указ.

Шабинцы, халхасцы, дэрбэты, урянхи, весь монгольский народ являются моими подданными. Поэтому они должны объединиться, как сыновья одного отца, под теократической властью. Раньше, поскольку мы не были объединены, дела проводились плохо и не слаженно. Поэтому надо всем шабинарам, аймакам, семьям, уртонам, караульным службам, чиновникам, полководцам и т.д. не находиться в разногласиях, а объединяться, совещаться *и соединить весь народ под единым лозунгом.*

18-го дня Белого месяца 11-го года Многими Возведенного.>

Дэндэв, 2003, с.410–413. Перевод с монгольского Ж. Оуюнчимэг.

[Рапорт Балжинняма-бэйсэ Богдо-хану о разгроме китайцев][2944]

Раб шаби Балжинням с усердием докладывает. В лавке Эсптэяна хошуна Эрдэнэ-вана Намсрая аймака Тушэту-хана сосредоточилось большое количество воровских солдат-гаминов. Получив такое известие, 17-го дня 2-го месяца я, Балжинням, в сопровождении начальника солдат выступил на преследование. 24-го дня того же месяца в местности Улан-хад хошуна Джонон-гуна Дашдэмбэрэла встретились с большим количеством солдат-гаминов и вступили в бой вместе с русскими и чахарскими солдатами. Бой продолжался до вечера, и с наступлением вечера гамины прислали посыльного сказать, что они сдадут оружие, просят остановить бой; завтра утром в 8 часов можете конфисковать оружие. Все, на том согласившись, ушли спать. Однако ночью гамины стали втайне уходить. Русский джанджин, русские и чахарские солдаты, преследуя их, дошли до местности Баянгийн-даваны-ар хошуна Зоригтвана Тувджоржа, и 27-го генерал Резухин сказал, что на севере люди из красной армии организовали беспорядки. Потому, собрав все войска, ушли в сторону хошуна Дайчин-чин-вана. Мне, Балжинняму, приказали преследовать, догнать гаминов и выгнать их из страны. Я, раб Балжинням, принял начальство над солдатами, тотчас собравшимися из четырех районов, назначил способных людей гуна и чиновника. Со всеми солдатами мы пошли в погоню за гаминами, которые по дороге грабили простой народ, и вступили в бой с несколькими тысячами гаминов. Убив многих из них, мы взяли в качестве трофеев много оружия, лошадей, скота. Сейчас находимся в северной части хошуна Тушэту-чин-вана Лхамсурэна.

Докладывая об этом, считаю нужным отметить заслуги погибших, раненых солдат, знатных и чиновников, чтобы поощрили их заслуги, представили для награждения на рассмотрение Богдо-хана. После получили 14-го числа сего месяца указ, написанный на сложенной бумаге с красной печатью.

Многими Возведенного 11-й год, конец весеннего месяца, 9-й день нового месяца.

YTA, ф. А3, оп. 1, д. 260, л. 2–4а. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Послание есаула Хоботова Хас-батору о необходимости подчиняться Богдо-хану, а не красным][2945]

Копия. Весьма срочно. Хаз-Зарикту-Богатору. От командующего 2-го конного [полка]

Отправлено по Указу Богды-Хана и Главнокомандующего всеми военными силами Монголии барона — начальника отрядов монгольских и русских. Желаю спокойствия и счастья начальнику монгольских отрядов Нойону Хаз Батору Хубилгану Сарджи Дзорикто Батору. От Богдо Гегена мной был получен следующий указ: бежавших из Урги гаминов убивайте. Мои войска не только в большом количестве убили гаминов, но много взяли в плен гами-

нов, преследуя до Кяхты. Эти жалкие гамины бежали по направлению к реке Иро и потом двинулись к реке Орхону и дошли до Селенги. Когда этим подлым гаминам некуда было бежать, навстречу бежавшим гаминам выступили монгольские солдаты, Найдан Гун и русские командиры с войсками. Окруженные со всех сторон, гамины таким образом были пойманы и перебиты.

В Урге мы воевали с гаминами. Кроме того, придерживающихся одинаковых взглядов с гаминами и помогающих им русских красной партии нужно считать гаминами. До сведения моего дошло, что Дзорикто Богатор присоединился к войскам красной партии (большевиков), имея при себе пушку и пулемет. Эти войска красных я не только не допущу в пределы Монголии, но буду рассматривать как войска гаминов. Лично от себя могу доложить Дзорикто Богатор Нойону следующее: будет целесообразно, если Вы присоединитесь к нам по указанию Богдо Хана, будем воевать с общим врагом. Находящиеся вместе с Вами красные войска следует перебить или поймать их живыми, препровождать в наш лагерь, кроме того, отбейте у красных солдат имеющееся у них оружие, пулеметы, и вместе со своими солдатами присоединяйтесь к нам. Внушите монгольским солдатам, остающимся в Кяхте, вышеизложенное, и предложите им, чтобы они присоединялись к войскам Богдо Хана, захватив с собой оружие. Заполучив письмо от пребывающего в Кяхте Сухэ-Батора, приезжайте вы с двумя солдатами в наш лагерь. Меня весьма беспокоит, как бы вы, пребывая в среде красных, не были захвачены ими, и как бы вас не обманули они. Содержание телеграммы, отправленной сегодня отсюда в Ургу на имя Богды Хана и вашем приезде: исправляюсь о [том], Сухэ-Батор ведет ли войну в согласии с красной армией, не подчиняясь Богдо Хану, и намерен вас ввести в заблуждение, обмануть.

У сего печать второго конного полка Азиатской конной дивизии с двухглавым орлом с короной и крестом с левой стороны с монгольской эмблемой счастье. Здесь же круглая печать Второго Конного полка Азиатской конной дивизии, внутри череп с крещенной костью и надписью: с нами Бог. Подпись командира полка неразборчива /подпись/

РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 150.

[Воззвание Монгольской народной партии о борьбе с белыми]

Совместный циркуляр временно управляющего административными делами правительства и делегации и Центрального комитета Монгольской народной партии.

Халхасским ламам, ванам и гунам.

Летом прошлого года мы, от некоторых людей получив письмо с печатью Богдо-хана в правительство великой России о просьбе мирной дружбы, собирались отправиться, как вдруг плохой вор барон Унгерн своевольно проник с присоединившимися к нему некоторыми ненадежными людьми, у на-

рода принудительно отбирал коров, лошадей, конфисковал имущество. Кроме того, оружием убили дзайсана Уламбаяра. Это свидетельствует о том, что он, как бездомная блудная собака, проникает в чужие дома, растаскивает скот, разрушает вечные добрососедские отношения. Кроме того, завоевав Хурэ, вместо того, чтобы отдать оружие монголам, отдать конфискованное имущество, разворованное имущество китайских лавок, распустить монгольских солдат — продолжает держать силы, проводить захватнические дела. Все это для нашего народа не является [желательным]. Поэтому мы организовали временное правительство. Поскольку сейчас неопределенна главная роль. цель для ванов и гунов Халхи, если вы склонитесь от одной стороны к обоим врагам,[2946] то народ испытает неимоверные муки, потеряет национальную принадлежность, и ваши тела и души не найдут покоя. Идя смело, наша народная партия выгонит из страны причиняющего страдания барона Унгерна. конфискует оружие, базы и боеприпасы, отнимет [обратно] монгольское имущество, будет охранять город Хурэ. Просим в помощь нам послать бурятского чиновника Цыбыктарова, русских чиновников Кучеренко и Гембаржевского — 3 человека.

Наши первоочередные цели:

1. Не попасть под власть гражданского населения. 2. По причине того, что нам не по пути с русской белой партией, наше партийное правительство. ваны, гуны и ламы Хурэ [должны] войти в диалог с чиновниками и простыми людьми, находящимися по обеим сторонам [конфликта], дружественно слушать и понимать их душевные разговоры. 3. Наше партийное правительство будет сопротивляться, если [вы] будете покрывать барона Унгерна. Договориться со многими зарубежными государствами о полном уничтожении иностранных захватчиков, не приняв русских граждан в Хурэ, будет очень трудно. Потому, заранее предупредив, посылаем.

Многими Возведенного 11-го года, 2-го месяца 14-й день. Чиновник Данзан, гэлэн Чагдаржав, лама Лосол, чиновник Билэгсайхан, ялгун-баторбэйсэ Сумья, чиновники: Сухэ-батор, Чойбалсан, Дамбадорж поставили подписи.

YTA, ф. 1, оп. 1, д. 06. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Циркуляр министерства внутренних дел монгольского правительства о противодействии красной пропаганде][2947]

Все хошуны Тушэтуханского аймака, знайте, что Богдо-хан в столице Хурэ возведен по своему закону, и правительство восстановлено. Всем честным и любящим свою родину монголам надлежит помогать и трудиться для того. чтобы организовать Монгольское государство. Без разрешения Богдо-хана организовывать всякие партии и писать декларации — очень вредно для большого дела организации Монголии, потому их надо запрещать. Прежде.

чем думать о будущем Монголии, надо выгнать китайских гаминов и их нойонов. Под руководством Народной партии написана красная инструкция для того, чтобы обмануть монголов так же, как уже обманули русских. Поэтому она не имеет смысла и даже вредна. Красная партия обещает много счастья народу, но, обманув всех, украла у крестьян, торговых людей, дворян имущество, закрыла много монастырей, преследует религию, убивает много людей. Поэтому она уничтожила в течение многих столетий создававшиеся монархию и государство, привела русский народ к голоду и мору.

Облик красной партии — это жиды, называемые евреями, они не различают русских, монголов, американцев, японцев, китайцев, сами занимаются грабежом, поэтому их словам нельзя верить и нельзя им помогать. Эти красные, хотя говорят о том, что оказывают помощь и увеличивают силы Монгольского государства, на самом деле убавляют вашу силу и стремятся забрать у вас табуны лошадей и скот. Вы же знаете дела гаминов, которые являются учениками красных. В то время как многие монголы объединяют государство под законным национальным покровительством Богдо-хана, красные обманывают темный народ и стараются организовать партию, которая не имеет разрешения Богдо-хана. В Тушэтуханском аймаке есть много людей, которые не знают, что только под руководством Богдо-хана можно объединить автономное монгольское государство и обеспечить его процветание. В мире нельзя без Бога. Как семье нельзя без хозяина, так и народу нельзя без царя. В Китайском и Русском государствах царей нет, там идет гражданская война, убивают своих братьев, отцов и дедов, и забыли Бога. Раньше, при царях, Китайское и Русское государства имели силу и народ жил богато. Богатство и процветание народа зависят только от монарха. Если возникнет много партий, они будут тянуть каждая в свою сторону, потому огонь и вода обрушатся на страну. Представитель Тушэтуханского аймака гун Билэгсайхан писал, не поняв правил революционной партии или испугавшись опять попасть под гнет гаминов, как между огнем и водой. Революционная пропаганда есть красная пропаганда, которая есть враг государств всего мира. Это учение противоречит Богу и царю, потому его следует опасаться.

Красные думают насильно объединить и ограбить все народы мира. Все монголы должны под покровительством Богдо-хана организовать Монгольское автономное государство под китайским сюзеренитетом, а также Тибет, Синьцзян, Внутренняя Монголия, Маньчжурия во главе с их ханами должны организовать автономные правительства и между ними надо создать союз. Под единым руководством монголы, забыв о мести и объединившись, смогут организовать автономное государство и процветать. Объединив всех монголов под одним началом, надо организовать Монгольское государство, сохранить религию и старинный строй. Только под спасительным покрови-

тельством Богдо-хана монголы находили и будут находить справедливый и богатый путь. Неукоснительно соблюдая указы Богдо-хана и монгольского правительства, гун Билэгсайхан, Сухэ-батор, Сумья и прочие, которые участвовали в сочинении декларации, должны немедленно явиться в столицу Хурэ и быть представлены Богдо-хану. Об этом надо приказом сообщить начальнику сейма и джанджину Тушэтуханского аймака. <...> Объявляется Высочайший указ[2948].

Магсаржав, 1927, с.207–210. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Циркуляр военного министерства правительства Монголии об установлении правопорядка, март 1921 г.]

Сообщение военного министерства. Причина агитации для всего народа.

Раньше из нашего министерства во все пределы было объявлено об агитации. Для того чтобы соблюдали законность и остановили преступления, были распространены листовки, которые расклеили в Нийслэл-хурэ. Сейчас при посредстве министерства внутренних дел слушали возрождающего государство великого батора чин-вана джанджина Барона: среди простых людей, офицеров и чиновников, которые состоят под моим подчинением, есть люди, которые иногда нарушают правопорядок. В каждом случае дознавать, арестовывать, приводить в наше место для наложения соответствующего наказания. Так он сказал. В том случае, если при дознании есть законное [основание] для обвинения аристократов, по этому делу от нашего министерства проводить тщательную работу по объяснению и агитации. Главный джанджин Барон стремится наказать русских, бурят, солдат и простых людей, которые нарушают закон. В этом проявляется истинное стремление уважать закон, истинная дружба. Потому монгольские солдаты, русские, бурятские чиновники, солдаты и простой народ должны умножать дружбу. Для этого, чтобы весь народ следовал [этому], из нашего министерства разослали соответствующие директивы, и агитационные листки расклеили в Нийслэл-хурэ. Нельзя не следовать! Следуйте с почтением. Посему объявляется указ.

Многими Возведенного 11-го года, 3-го месяца

YTA, ф. А5, оп. 1, д. 280. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Из переписки министерств монгольского правительства]

[Из третьего письма: министерство финансов — министерству внутренних дел]

Из российского финансового управления. По приказу джанджина, восстановившего государство [Унгерна] срочно приготовить 200 монгольских юрт, финансирование чего должно идти от нашего управления. Для этой цели к производству войлоков следует привлечь 150 человек. Просим быстро рассмотреть этот вопрос и обеспечить людьми. 11-й год, 5-й месяц, 20-й день.

[Четвертое письмо: министерство обороны — министерству внутренних дел]

О присвоении чинов Унгерну, Резухину, Жигмид-Жамболону. Просим срочно выдать грамоту о присвоении чинов. Об этом сообщено в министерство внутренних дел.[2949]

YTA, ф. А3, оп. 1, д. 1149. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Меры белых по контролю над имуществом, брошенным отступающими китайцами[2950]]

Копия. Штаб Отдельной конной бригады. Полковник Казагранди, марта 25 1921 г. № 51 Ван-хурэ. Срочно. Командиру дивизиона хорунжему Сухареву.

С получением сего предписываю Вам назначить из состава вверенного Вам дивизиона для заведывания всем имуществом, продовольствием, лошадьми и скотом, брошенными бежавшими китайцами во всем районе Баингола. Назначенному лицу немедленно приступить к исполнению следующего:

1) Выяснить количество зерна, муки, лошадей, скота и проч., взять все на учет, сдав под охрану и ответственность монгольских властей. 2) Наладить в самом широком объеме обмол муки, каковую в самом срочном порядке направить в Ван-хурэ. 3) Весь скот и лошадей выгнать в район Ван-хурэ в распоряжение нач. хозчасти бригады. 4) Зерно, развезенное монголами по айлам, отобрать при содействии монгольских властей, предварительно выяснив, что таковое действительно не составляет собственности монгол. 5) Отправку обозов и гуртов организовать при содействии монгольских властей, требуя через соответствующие томаганы телеги и людей. 6) Нач. хозчасти бригады заблаговременно сообщать о количестве и времени отправки. 7) Районом Баян-гола считайте район, пройденный отрядом при движении на Ван-хурэ. 8) При назначении на вышеуказанную должность имейте в виду лицо в достаточной степени энергичное и могущее справиться с такою сложною, ответственною и весьма важной задачей.

Полковник Васильев. Адъютант штабс-капитан Розенбаум

С подлинным верно: Завфинчастью Регвостсиба и 5 армии

/подпись: Сороковиков/

РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 28.

[Объявление монгольского министерства иностранных дел о защите собственности китайцев в Монголии]

Вскоре после сформирования нашего прежнего монгольского автономного правительства нами делалось объявление об оказании прежнего покровительства и защиты всем проживающим на территории Монголии китайским

торговцам и о привлечении к строгой ответственности всех виновных в насильственном вымогательстве от китайцев различных товаров в долг совершенно бесплатно.

Кроме сего, недавно помощник Цзян-Цзен-Цин-Ван Жамбалов[2951] сообщил, что командированные по различным делам солдаты самовольно, насильно отбирают у мирного населения различные вещи, а потому при всяком привозе солдатами из худонов[2952] сена, овса, крупы и муки рекомендовал при помощи чинов полиции выяснить, казенные или частные это грузы.

Главным образом, через Цин-Вана Жамболонова нами получено сообщение генерала Резухина о том, что в районе Мандала монголы разворовывают имущество, скот частных китайцев, что наблюдается на Харе и на Ибицике; а потому генерал распорядился:

1) возвратить украденное у китайцев имущество, и 2) не исполнивших это подвергать расстрелу, и 3) виновных в подобных преступлениях лам и простолюдинов в Урге передавать в распоряжение Военного министерства.

Хотя по поводу вышеизложенного нашим Правительством своевременно делались соответствующие объявления и постановления, но ныне стало известным, что как расположенные в различных местностях воинские части, так и простое население монголы самовольно захватывают у местных китайцев-земледельцев различные вещи, зерно, скот, коров, свиней и проч., и постройки некоторых китайских фирм захватываются под постой солдат. Благодаря таким действиям не только наносится ущерб китайским земледельцам, но разграбляются хлебные запасы, предназначенные для Министерства государственной казны и ставится в невозможность занятие хлебопашеством в текущем году.

Таким образом оказывается, что наши солдаты, монгольское население, нанося ущерб китайским земледельцам, в то же время наносят громадный ущерб и всему населению Монголии помимо того, что поступки эти совершенно противоречат международным соглашениям и обязательствам. Ввиду сего, на будущее время монгольским солдатам и населению строго воспрещается беззаконно отбирать и захватывать у проживающих в пределах Монголии китайцев-торговцев и хлебопашцев имущество, хлеб, лошадей, скот и помещения, дабы не препятствовать им заниматься сельским хозяйством, оказать им покровительство, дружелюбное отношение.

К сему считаем должным присовокупить, что виновные в нарушении сего требования будут привлекаться к строгой ответственности, что и объявляется для всеобщего сведения.

YTA, ф. А4, оп. 1, д. 736, оригинал на русском.

Докладная записка улясутайского сайда о русском военном чиновнике Ишдэвсе, по приказу джанджина Барона расстрелявшем ест-бэйлэ Чултэма

Записка министра Эрдэнэ-бишерельту Дзасакту-хана, который пребывает в Улясутае по приказу. В министерства внутренних и военных дел.

Причина срочного сообщения: совместное донесение внутреннего и внешнего отделов. Ныне командующий войсками по водворению порядка в Кобдо гун Вандан,[2953] Тувшинбаяр пришли в наше министерство и сообщили: в настоящее время русский чиновник Ишдэвс Равадан Биширодоноров,[2954] следуя приказу джанджина Барона, подозревавшего в тайной связи ест-бэйлэ Чултэма с гаминами, незамедлительно расстрелял [последнего]. Об этом решили сообщить в министерство внутренних и внешних дел, дабы приняли соответствующее решение. Потому послано донесение.

11-го года Многими Возведенного, 4-го месяца, 26-го числа.

YTA, ф. A3, д. 1, х. 1154, нугалбар 1. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Регистрация сообщений, поступающих из штаба русского полководца][2955]

16 марта. Приехал Далхажав от министерства финансов и сказал, что уволили чиновника секретаря, работавшего в телеграфной службе при штабе полководца. Назначили туда гуна Авирмэда и секретаря Эрдэнэ.

Тот же день. Чиновник Даш доложил о приказе из штаба полководца о заготовке леса для прокладки телеграфной линии в Чойр и Цэцэнханский аймак, который распространили в 3 западных аймаках 4 шабинара. Из Сайннойонханского аймака для заготовки леса нанялся Боогийн Шагдар, из шабинаров — Магсар Шухэрч, из Тушэтуханского аймака по заготовке и перевозке в Чойр нанялся тэргун-сайд министерства финансов; должны отгрузить 750 деревьев. В Цэцэнханском аймаке Хар Намдан из хошуна Дархан-вана ждет с телегами, которые подготовил в срок. Из Дзасактуханского аймака в Чойр 18 марта отправлены деревья на 40 телегах. В сторону Цэцэн-хана следует приготовить 2800 деревьев, начиная от земель Дзасакту-хана, Сайн-нойон-хана, Тушэту-хана, главного шаби. Эти 4 аймака вместе решили проводить заготовку постепенно, по 100 деревьев. От шабинского ведомства будет готовить и перевозить Магсар-хурц, так сообщил шабин-дзайсан.[2956] Чиновник Цэрэндорж сообщил, что по вопросу о заготовке и отгрузке леса из Сайннойонханского аймака служащий из главного шаби договорился за плату с Данигагом. От Дзасактуханского аймака заготовкой и перевозкой занимаются Шаво-гун и Шагдар. Об этом доложил Далхажав.

Тот же день. В 5 местах распространен приказ джанджина готовить 10 молодых людей для работ на телеграфной станции. Из шабинаров: Содном, Дэндэв; из Сайннойонханского аймака: Очир, Лэжэ; из Дзасактуханского ай-

мака: Чулун, Сондуйжав; из Тушэтуханского аймака: Жигжид, Гэндэнжамц. Этих людей отправили 18-го.

17-го пришел приказ от джанджина всех войск собрать 50 здоровых людей для прививок крупного рогатого скота, поставить 1 чиновника для руководства и разделить по десять: из них одного ставить для того, чтобы другие не разбежались, и приготовить список: от главного шаби: Хин Галин, того же шаби дарга Лувсандамба, сопровождающий Ойдов, Шарав, Лувсандугар, Гажнур, Лувсанжамц, Сурэн, Цэрэн-Пунцаг, начальник из Тушэтуханского аймака Лувсандоной, сопровождающий Дэмбэрэл, Эригзэн, Лувсан, Гэндэн, Гончиг, Дэндэв, Тумур-Очир, Гомбо. Из Цэцэнханского аймака: начальник Джанхарва, сопровождающий Наван, Чойджин-чултэм, Лувсандонъед, Бадрах, Лувсан. Из Дзасактуханского аймака: начальник Эржэнэ, сопровождающий Дагва, Мягмар, Эрдэнэ. Из Сайннойонханского аймака: начальник Тудэв, сопровождающий Джигмэд, Гива, Гомбожав, Ойдов.

28-го пришел приказ прислать для учебы на электростанцию троих молодых людей: Шарав (из шабинаров), Моих, Хишун (из Тушэтуханского аймака). Также для телеграфной станции 5 человек: из главного шаби: Талдандорж, Сундэвдоной, Цогхор Намсарай; из Тушэтуханского аймака: Лувсанбалжир, из Сайннойонханского аймака: Джанжав.

YTA, ф. А4, оп. 1, д. 96, л. 3-5а. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Предложение уполномоченного Коминтерна на Дальнем Востоке Гапона об организации отрядов красных монгольских партизан]

Исполнительный комитет III Коммунистического интернационала. Дальневост. представительство февраля 18-го 1921 г. № 579 г. Иркутск. В.Срочно. Совершенно секретно. Реввоенсовет 5 тов. Грюнштейн.

Из препровождаемых при сем 6 копий телеграмм полученных нами от представителя Наркоминдела в Троицкосавске тов. Макстенека и заведывающего Монголо-тибетским отделом бывшей секции Востнародов тов. Борисова, сведения которых нами считаются основательными, видно положение Внешней Монголии вообще и особенно приграничного района. Из сведений указанных телеграммами ясна возможность захвата в данный момент инициативы по организации монгольских отрядов, разложения китвойск и банд Унгерна и создания во Внешней Монголии благоприятной для нас обстановки.

Не предрешая вообще вопроса нашего отношения к событиям в Монголии и необходимых с нашей стороны шагов, что относится уже к компетенции соответствующих центров, Дальневосточный Секретариат Коминтерна в качестве спешных очередных мероприятий считает необходимым провести следующее:

1. Поручить военкому Джидинского района Иванову организацию монгольских партизанских отрядов в приграничной полосе; причем соответству-

ющий приказ тов. Иванову необходимо послать из ближайшего военно-телеграфного пункта с конным вестовым; 2. Направить в Джидинский дацан (Дерестунский) возможно большее количество винтовок (не менее 500 шт.) и патронов на нужды будущего отряда тов. Иванова; 3. Выделить в распоряжение тов. Иванова из имеющихся в Желтуре пулеметов хотя бы пять для формирования пулеметной команды отряда тов. Иванова; 4. Усилить в боевом отношении Троицкосавск и его район; 5. Предписать приграничным и вступившим в пределы Монголии красным частям обезоруживать китчасти ввиду их полного разложения и опасности их для мирного приграничного населения и также во избежание нежелательных столкновений их с монголотрядами.

О Ваших соображениях по затронутым вопросам и принятых мерах просим экстренно поставить нас в известность.

Зам. уполкоминтерна на Дальвостоке /подпись: Гапон/.

Секретарь /подпись/

РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л. 58–58об.

[Разведсводки об отношении монголов к Р.Ф. Унгерну весной 1921 г.]

Дальневосточный секретариат Коминтерна Вне всякой очереди Секретно Копия Телеграмма. Омск Начсибрегиотрода. Барнаул Начрегистротдела Запсибокруга. Чита Начуправполитинспекции Нарревармии. Военкому Штарма 5.

Агентсводка № 30 26 марта 1921 г. Иркутск Карта 10 и 40 верст дюйме 8 часам.

Достоверные агентурные данные от 22 марта. Маймаченский район. Монголкомандование красных монгол отказывается выполнять боевые приказы наших инструкторов, например, не захотели выслать разведки на Карнаковку и Шаингол (карте не ориентировано), несмотря на приказание начальника отряда. Согласны идти только на Шамар, что [на] устье Орхона. Приехавший [из] Ибицикского района красноармеец сообщает: войска нарревармии не желают драться [с] монголами Унгерна. 22 марта [в] 10 верстах северо-восточнее Маймачена монголунгернцы сняли двух часовых нарревмонголармии, которых после допросов отпустили. Политической работы [в] нарревармии Монголии совершенно не ведется, [в] военных [и] гражданских делах царит полнейший хаос, мародерство процветает, конспирация отсутствует. Например, [о] подготовляющемся нападении [на] Маймачен знали все, благодаря чему киткомандование подготовилось [к] нападению, подтянув [к] Маймачену китвойска. Монголотряды надеялись на свою воинственность и трусость китайцев, пренебрегают элементарнейшими правилами воен[ного]искусства, почему монголы заняли Маймачен лишь спустя девять часов после того, как китвойска оставили его. [По] слухам, отступавшие китвойска направились

[по] двум направлениям: Шангол и Карнаковку, но наступавший [на] Карнаковку китотряд встретился монголунгерновцам, которые после однодневного боя разоружили всех китайцев.

Выводы: 1) Отмечается, [что] красные монголы не видят причин борьбы [с] монголами Унгерна, не желают с ними драться; 2) [В] Маймаченском районе царит [в] военном и гражданском управлении полнейший хаос благодаря отсутствию организованной работы, что не замедлит вредно отразится [на] успехе нашей работы там; 3) Сообщение [о] разоружении китвойск требует проверки.

Начрегвостсиба Репин Завинфчастью Сороковиков.

Начрегвостсиба Верно: Завинфчастью /подпись: Сороковиков/

РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 173, л. 35.

Оперативное управление Штаба 5 армии и Восточно-Сибирского военного округа. Периодическая разведсводка № 7/р по состоянию на 15 апреля 1921 г. Карта 40 верст в дюйме

Троицкосавский-Ургинский район: <...> среди монгол Прикосогольского района распространяется предписание ургинского Богдо, который приказывает оказывать содействие белым и воспрещает сношения с Совет[ской]Россией. Деятельности белогвардейцев много способствует их знание монголобурятского языка. <...> До настоящей численности полки пополнились в Урге, где после занятия была проведена мобилизация монгол от 19 до 50 лет, [что] подтверждается документально, причем мобилизованные монголы составили три бригады для охраны Хутухты по 5000 человек каждая, и не вливались в собственно унгерновские части. <...> О направлении, господствующем в дивизии [Унгерна], можно заключить из того, что на вечерних поверках поется «Спаси, Господи», причем упоминается имя Михаила, и «Боже, царя храни». Под влиянием агитации лам, монголы Цэцэн-хана относятся враждебно к Д.В.Р. Подтверждающиеся сведения говорят о высылке из Урги в сторону Кобдо 1500 человек на помощь Анненкову, и в сторону Маньчжурии не установленного отряда под командованием генерала Резухина. <...> Бароном Унгерном отдан приказ, в котором всякие выступления откладываются до 10/IV. Далее приказ говорит, что о дне выступления будет объявлено особо, что ввиду соглашения Семенова с Чжан Цзолинем можно не опасаться кит[айских]властей. Указывается на необходимость захвата станции Маньчжурия и присоединения к Тапхаеву. Кто должен произвести захват и кому присоединиться к Тапхаеву, в приказе не указано.

РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 537, л. 23–24.

Оперативное управление Штаба 5 армии и Восточно-Сибирского военного округа. Периодическая разведсводка № 8/р по состоянию к 1 мая 1921 г. Карта 40 верст в дюйме

Троицкосавско-Ургинский район: <...> Монголы, вначале относившиеся доброжелательно к нашим войскам, за последнее время под влиянием Ургинского правительства стали держать себя вызывающе. В этот район из Урги с целью информации и связи прибыл отряд хор[унжего] Каберова (25 чел. русских, бурят и монгол). Предполагается мобилизация русского населения до 50 лет. При наличии в данном районе большого количества беженцев, смотрящих на Унгерна, как на избавителя от китайцев, гнет которых делал их положение в Монголии [невыносимым], мобилизация идет успешно и дает значительное количество бойцов. <...> В Урге приступлено к формированию национальной монголармии, для чего Хутухтой отпущено 5 000 000 долларов и ведутся переговоры с Япон[ским]правительством о доставке оружия и займе, взамен предоставления концессий. Создан «Штаб формирования» на правах Генштаба. <...>

РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 537, л. 26.

[Приказ Р.Ф. Унгерна А.И. Шубину и передача последнему имущества]

Копия. Командиру Иркутского казачьего полка прапорщику Шубину. Генерал-лейтенант барон Унгерн приказал:

1) Все донесения адресовать на его имя. 2) Уничтожить в Прикосогольском районе и в дальнейшем всех жидов и замеченных в большевизме русских, имущество коих должно быть реквизировано. 3) Реквизировать половину всего состояния русских — колонистов, не служивших во время последней войны на военной службе и не принимавших в ней непосредственного участия. 4) В ряды отряда принимать только благонадежный элемент. 5) Вам с отрядом надлежит открыть военные действия с таким расчетом, чтобы первая перестрелка была в середине июня м-ца по н[овому] ст[илю].

С сотником Бочковым посылаю четыре пуда бил[онного] серебра, 97 пар ичигов, 59 шт. седел, 100 русских винтовок, 100 шашек, 6 ящиков японских патрон (японские винтовки будут посланы дополнительно).

9 мая 1921 г. Подлинное подписал: генерал-майор Резухин.

С подлинным верно: особо-уполномоченный генерал-лейтенанта барона Унгерна сотник /подпись/

РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 135–135об.; ф. 39972, оп. 1, д. 3, л. 7, 7об.

[Послание сотника Н.В. Бочкова иркутским казакам о поступлении к Р.Ф. Унгерну и партизанской войне против красных]

Особо-уполномоченный генерал-лейтенанта барона Унгерна в С.-З. Монголии. 10 июня 1921 г. № 27. С-З Монголия. Казакам Иркутского казачьего войска.

Передавая привет и пожелания успеха в борьбе с большевизмом, вместе с тем, ген.-лейтенант барон Унгерн приказал всем, имеющим возможность, бежать в Монголию и вступать в ряды его регулярной армии. Всем станичникам, оставшимся на Руси — не покладая рук и не щадя живота своего точить корни поганого дерева.

РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 52.

[Сборник выдержек из священных христианских книг, сделанный при участии Р.Ф. Унгерна в мае 1921 г.][2957]

Пишут красные, пишут белые, пишут черные, пишут зеленые, но все пишут пустое — свое, человеческое; читайте лучше Священное писание. («Мудрость мира сего есть безумие перед Богом», — Св. ап. Павла 1-ое послание к Коринф., гл. III, ст. 19)

Выписки из Священных книг Ветхого и Нового завета

В Священном Писании Ветхого и Нового Завета, а также в творениях св. отцов и духовных писателей содержатся многие, весьма согласные между собою пророчества о последних временах земной жизни человечества и о событиях, предшествовавших этим временам; там же находятся и указания, по коим можно составить о них некоторое представление.

Современное состояние жизни народов вообще, нашего же несчастного отечества в частности, также изображены в этих местах Священного Писания в ярких, до жуткости, словах. Нам нет нужды, однако, распространяться в излишнем и субъективном освещении указаний Св. Писания, которые ясно говорят сами за себя. Ибо мир и все, что в мире былое, настоящее и будущее, могут быть уяснены и постигнуты во всей сущности только при свете Божественного откровения и тех, кто всю жизнь свою посвятил ему на служение в Духе и истине. Перед яркостью их тускнеет и меркнет вся мудрость века сего.

Вот некоторые из этих мест.

Матф., гл. XXIV, ст. 6–22 <...> **Св. Ап. Павла 2-е послание к Тимофею (гл. III, ст. 1–9)** <...> **Св. Ап. Павла 2-е послание (гл. III, ст. 3 и сл.)** <...> **Св. Ап. Иоанна Богослова Откровение (Апокалипсис, гл. IX, ст. 6)** <...>

Эти тяжкие последние времена связаны с появлением Антихриста, о чем более всего говорится в том же «Откровении» Св. Иоанна Богослова и у других Св. отцов.

Апокалипсис (гл. XIII, ст. 1–17) <...> **Апокалипсис (гл. XX, ст. 4)** <...> **Апокалипсис (гл. IX, ст. 10–11)** <...>

О пришествии этого зверя — губителя в образе человеческом так говорится у св. Апост. Павла.

Св. Ап. Павла 2-е послание к Солунянам (гл. II, ст. 3–12) <...>

О наступлении этих последних времен, о том, какова будет тогда жизнь, есть многократные указания и у ветхозаветных пророков, вот некоторые из них.

Книга пророка Амоса (гл. VIII, ст. 9 — 12) <...> **Книга пророка Исаии (гл. VI, ст. 10 и сл.)** <...> **Там же гл. XXXIV, ст. 1 и сл.** <...> **Книга пророка Иезекииля (гл. XII, ст. 24-28)** <...> **Книга пророка Михея (гл. 2, ст. 1 и сл.)** <...>

Но более всего, так же, как и в Откровении Св. Иоанна Богослова и у Св. Ап. Павла, говорится об «этих временах» в Ветхом Завете у пророка Даниила:

Книга пророка Даниила (гл. 7, ст. 23 и сл.) <...> **Гл. 8, ст. 19 и сл.** <...> **Гл. 9, ст. 27 и сл.** <...> **Гл. 11, ст. 21 и сл.**

В книге Пророка Иезекииля в нескольких главах мы видим, как еще в те отдаленные времена, до Рождества Бога-Слова, Господь через этого ревностного своего служителя давал предупреждения еврейскому народу о грядущих событиях: в словах этого бичующего обличителя, между прочим, мы находим характеристику нравов и действий этой нации.

Гл. 2-я, ст. 3 и сл. <...> **Гл. 3, ст. 7 и сл.** <...> **Гл. 5, ст. 7 и сл.** <...> **Гл. 14, ст. 3 и сл.** <...> **Книга пророка Аввакума (гл. 2, ст. 8 и сл.)** <...> **Книга пророка Софонии (гл. 1, ст. 14 и сл.)** <...>

Образное описание времени, современного ожидаемым событиям, мы находим в Ветхом Завете у пророков Иоиля и Ездры, и в Новом — у апостола Петра:

Книга пророка Иоиля (гл. 1-я, ст. 9–13) <...> **3-я книга Ездры (гл. V, ст. 1 и сл.)** <...> **Там же (гл. IX ст. 1 и сл.)** <...> **Там же (гл. 15, ст. 13 и сл.)** <...> **2-е послание апостола Петра (гл. 2-я)**.

Затем особенно ярко и подробно говорит о том же св. Ефрем Сирин (Слово на пришествие Господне, и на пришествие антихристово) <...>

В Откровении Св. Иоанна Богослова есть такое двукратное указание на время, в течение которого будет действовать «человек греха, сын погибели»

Апокалипсис (гл. 12) <...> **Там же, гл. 13** <...> **Там же, гл. 17** <...>

Из современных св. св. отцов Русской церкви пророческие провидения находим мы у следующих:

Св. Амвросий Оптинский (письмо к гр. Толстому в 1866 г): Настоящему времени особенно отвечают слова апостольские: «Дети, последняя година есть и яко же услышасте, яко антихрист грядет и ним же христи мнози быша: от сего уразомеваем, яко последний час есть» (2-е Иоанна, гл. 11, 18).

В наше время некоторые уже добровольно принимают печать антихриста на челе и на десной руке, потому что стыдятся оградить себя крестным знамением.

Св. Серафим Саровский (Летопись Серафимо-Саровского Дивеевского жен. монаст. 1830 г.) Когда в Дивееве будет Собор, тогда будет великая радость — среди лета запоют Пасху, какой от начала мира не было; когда век кончится, антихрист станет с храмов Божиих кресты снимать и все монастыри разорит».

О. Иоанн Кронштадский (Слово на 3-ю неделю Великого Поста, 5 марта 1907 г.) «По-видимому, скоро наступит день второго пришествия Христова, ибо наступило предсказанное в Писании отступление от веры, хотя еще не открылся человек греха, сын погибели.»

В приведенных выписках их Свящ. Писания мы уже встретились с тем, что надежда на спасение у претерпевших имеется; в тех же Божеств. кн. мы находим указания и о том, откуда оно и как ожидается. Так об этом пророчествуют.

Кн. Пр. Исаии (гл. 41, ст. 1 и сл. <...> **Там же, гл. 45, ст. 10 и сл.** <...> **Книга Пророка Даниила (гл. XII, ст. 13)** <...>

Невольно вспоминается при чтении этих мест Св. Писания слово Псалмопевца, св. Пророка, и царя Давида: «Время действовать Богу, ибо разорен Закон твой, Господи!» (Псалом 118). В заключение же особенно следует помнить слова Спасителя (Евангелие от Матв. XXIV, 34; Луки XXI, 32, Марка XIII, 30): «Не прейдет род сей, как все это будет; небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут». От нас, от нашей веры, любви и верности зависит преклонить к нам Божие милосердие.

/Гербовая печать: начальник Азиатской отдельной конной бригады
полковник {подписано:} Казагранди
подъесаул {подписано:} Уразов 1921/

РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 165–173а.

[Приказы о назначениях и повышениях по 3-му конному полку]

Копия. Приказ № 35. 8-го июля 1921 года. р. Селенга, выше моста

§ 1 Назначаю: командира I-го дивизиона — 1 и 2 сот[ен] — поручика Штанько, командиром II дивизиона — 3 и 4 сотня — есаула Очирова и командиром III див[изиона] — 5 и 6 сотни — штаб-ротмистр Овдеева.

§ 2 Прибывший командир монгольского дивизиона сотник Бородин назначается помощником командира по строевой части. Рапорт сотника Бородина 8-го июля № 1.

§ 3 2-м моим помощником по строевой части назначаю ком[андира] II дивизиона есаула Очирова.

§ 4 Объявляю при сем копию приказа Азиатской конной дивизии от 4 июня с.г. № 34. Впредь до утверждения Верховной Властью произвожу 3-го конного полка прапорщика Прохорова — в хорунжие.

К-р 3-го конного полка [*л. 236*]

Копия. Приказ № 34 по 3 конному полку. р. Селенга, выше моста. 3-го июля 1921 г.

За боевые отличия в боях против красных в период с 26 мая по 14 июня переименовать Пулеметной команды — младшие урядники Быков, Кокорин, Панкратов, Галсанов, Юдин в старшие; [в] урядники[:] Гильмандинов, Трофимов, Сперидон, Кутузов, Юнус, Шафикдинов, Батаров. [*л. 236об.*]

РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4.

[Акт отречения старого монгольского правительства от власти][2958]

Монгольскому временному народному правительству от министерства внутренних дел старого правительства в Монголии.

В третьем году мы, монголы, под давлением обстоятельств времени, потеряли в пользу китайцев, самовластных реакционеров, права автономного управления. В прошлом году русской белой партии офицер барон Унгерн вместе с войсками вторгся в пределы Монголии, мобилизовал монгольских солдат и, усилив себя таким образом, дал сражение и прогнал находящихся в Урге китайских гаминов — офицеров и солдат. Согласно заявления барона Унгерна всем князьям и влиятельным лицам о необходимости восстановить автономное управление, последние, обсудив сие, возвели Богдо-хана на драгоценный престол и учредили внутренний и прочие пять ямыней.

В силу того, что барон Унгерн ушел со своими войсками на север, вследствие слабости наших войсковых сил и отсутствия вооружения, а также ввиду возможности нападения китайских реакционеров, еще в прошлом году были направлены от имени Богдо-хана и многих ванов и гунов за помощью в иностранные державы, которые, обретя таковую помощь, установили в местности Кяхта народное правительство, которое мобилизовало образцовое войско, прогнав находившихся в Кяхте гаминов и положив начало строительного государственного бытия Монголии, укрепляя нацию, улучшая быт народных масс. Заняло столицу Ургу первого числа шестой луны Многими Возведенного. По занятии Урги, состоялось подробное обсуждение с народным правительством совместно с сановниками наших пяти министерств <...>, коим, сообразно времени и в целях и интересах улучшения положения народа и прогресса, постановило установить безотлагательно народное управление с оставлением по-прежнему на драгоценном престоле Богдо-гэгэн-хана и передать печати и дела всех министерств народному правительству. О чем было доложено Богдо-хану и получена санкция, согласно которой 5-го числа 6-й луны на соединенном заседании должны быть переданы печать и дела министерства внутренних дел и других министерств председателю и чиновникам народного правительства. Изложенное сообщается на благоусмотрение временного народно-революционного правительства в

Монголии на предмет приема власти и также публикуется по всем соответствующим местам для сведения.

Многими Возведенного 11-й год 6-й луны 5 число.

Дальневосточная правда, № 168, 11.08.1921, с. 2.

[Распоряжение министерства внутренних дел старого монгольского правительства о действиях против Р.Ф. Унгерна][2959]

{К авантюре Унгерна Троицкосавск, 1 (ДАЛЬТА). Нам стал известен документ, рисующий отношение монголов в авантюру Унгерна:}

М.В.Д. Автономная Монголия. № 158 6-й луны 5 числа. Высочайшее повеление о мерах уничтожения и пресечения опустошений и бедствий от разбитых и рассеянных войск барона Унгерна. От министерства внутренних дел {старого унгерновского}

Полномочным сановникам западной и северо-западной окраин, командующим войсками двух западных аймаков, полномочному сановнику и командующему юго-восточной окраины и командующему войсками той же окраины, сановнику и командующему восточной окраины, сановникам Улясутая, Кобдо, Урянхая и Кяхты, председателям сеймов и военным губернаторам четырех аймаков и дэрбэтских двух флангов, Эрдэни-шанцзотбе города Урги, председателю урянхайцев Хубсугульского района и временному народному правительству в Монголии. Основание.

В настоящий момент в силу того, что уполномоченные нашей Монголии, добившись помощи Совроссии, установили народное правительство в Кяхте, которое ныне окончательно перешло в столицу Ургу и по общему совершеннейшему решению постановило пригласить для восседания по-прежнему на драгоценнейшее сидение Богдо-эдзэн-хагана, а для отправления функций государственного управления и в целях наибольшего содействия культуре и прогрессу — передать с всеобщего согласия печать и дела пяти министерств {старого правительства} народному правительству в Монголии.

Одновременно с сим на имя министерства внутренних дел получилось Высочайшее повеление о нижеследующем: «Белой партии барона Унгерна войска в настоящий момент потерпели жестокое поражение от войск нашего народно-революционного правительства и Советской России, а посему они разбегаются, ища спасения, во все стороны, творя убийства, грабежи и опустошения и мобилизуя для усиления своих сил, путем разных сборов и обмана, монголов, причем наблюдаются случаи, когда наши монголы, не зная поражения Унгерна и боясь его сил, идут за ним. А по сему повелевается всем местам {властям} принять предупредительные меры для недопущения опустошений и насилий со стороны остатков банд распутного вора барона Унгерна и уничтожения их. Кроме того, если встретятся случаи следования {за бароном Унгерном} под давлением насилия тех или иных монголов, необходи-

мо теми или иными способами и мерами разъяснять последним о разгроме и разложении его {Унгерна} и отделить монголов от него и взять их в свое ведение». Следуя усердно наложенному Высочайшему повелению, министерство внутренних дел, сообщив оное по принадлежности соответствующим властям, предписывает им выполнять указанное выше Высочайшее повеление. Изложенное сообщается также для сведения монгольскому временному правительству.

Многими Возведенного 11 года 6-й луны 5 число (печати)

Дальневосточная правда, № 169, 12.08.1921, с. 2.

[Просьба Хатан-батора Максаржава о помощи оружием]

Послание дархан-вана Хатан-батора. Донесение Хатан-батора о том, что он, по приказу преследуя, уничтожил остатки войска Казанцева. Посылаю Вам, министру чин-вану дзуйлэгт-бэйсэ Танну-Урянхая.

Причина послания. Раньше я, министр, соблюдая приказ, с усердием уничтожил группу солдат — бурят и русских, чиновников, относящихся к барону Унгерну. Преследуя войско Казанцева в течение нескольких дней, [мы] пришли в край Батор-вана аймака министра Дзасакту-вана. В это время река Завхан разлилась и мы не смогли переправиться. Я, министр, вернулся обратно в удел Самади-багши Джалханцза-хутухты, мы собирались совещаться с военными чиновниками, присланными советской властью великой России. В этот день 1 июля я получил через посыльного Доржа письмо от Вас, уважаемого министра нашего края Танну-Урянхая, в котором говорится об успешном уничтожении преследуемых разобщенных солдат воров барона Унгерна и Казанцева. Для восстановления Северного края дэрбэтов Урянхая уполномоченный чиновник Чагдаржав получил печать и пришел вместе с другими пятью русскими, бурятскими и монгольскими чиновниками. Но русский министр в Танну Сафьянов, танну Хемчиг, урянх Содномбалжир, гун Буянбадрах размышляют о независимости Урянхая, не очень думают о мобилизации солдат и оружия, нанесли прямой урон в делах, потому это надо обсудить на конференции, которая состоится 2 июля, и принять срочные меры. Официальные бумаги от уважаемого министра к русскому министру Сафьянову [надо бы] временно задержать. Так вместе рассмотрев, посылаем через удел Зоригту-вана, чтобы нас уведомили.

А наша страна Халха до хошуна Ахай-гуна Лувсанхайдава аймака Тушэту-хана с запада от края Кобдо занята солдатами хитрого барона Унгерна, численностью 4–5 тыс. чел., с пушками. [Они] воюют там и сям группами, воруют у мирного населения. Мы согласно приказу стараемся уничтожить их жестокую белую партию, но у нас нет хорошего оружия. Для этого по объявленному приказу из двух аймаков — Дзасактуханского и Сайннойонханского, мобилизовав собранных в Улясутае 4 тыс. солдат, снабдили с грехом по-

полам оружием 500. Поскольку нет оружия, мечтаем получить помощь из министерства до 10-го дня этого месяца: 2000 скорострельных винтовок, по 300 патронов к ним, 2 пушки, 4 пулемета с большим количеством патронов, 200 надежных кавалеристов с инструкторами. Потому просим чиновника Ишзава, отвечающего за военную мобилизацию, срочно рассмотреть дела с компетентными русскими и монгольскими чиновниками и сообщить конкретный срок, когда будет поставка. Кроме того, я, министр, посовещавшись с русскими чиновниками и посланцем к Самади-багши Джалханцза-хутухте, решили послать [это письмо] о дополнительном оружии и солдатах. Так решив, вместе требуем желаемого. Для этого посылаю.

Многими возведенного 11-го года 1 июля

YTA, ф. 1, оп. 6, д. 18. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Допрос Р.Ф. Унгерна 29 августа 1921 г.][2960]

Копия. 575. 2/9-21 г. Разговор по прямому проводу с Шумяцким. 31/8. 16.25. Шумяцкий

Немедленно отправьте Москву срочно первым попутчиком или курьером следующее: Сейчас произвел подробный личный опрос барона Унгерна по вопросам, интересующим Наркоминдел. Унгерн одет [в] ярко желтый халат монгольского князя, [с] генеральскими погонами и офицерским Георгием, [в] монгольской обуви. Объясняет тем, что он сделал для удобства командования, чтобы солдаты легче замечали. Держится он естественно, без рисовки и спокойно, хотя часто переспрашивает, желая, очевидно, обсудить некоторые [вопросы], чтобы в ответе отвести неприятные для него вопросы о неискренности его патриотизма.

пр.64/П Преднкид Шумяцкий. верно: секретарь Вайс.

Опрос начальника Азиатской конной дивизии, б. генерала Унгерна, произведенный членом РВС и представитель Наркоминдела Б.З. Шумяцкий. 29 августа 1921 г. г. Троицкосавск <...>

9) Вопрос. Вашими баргинскими монгольскими сановниками.

Ответ. Баргинцы, баргуты трудно поддавались моему воздействию, они ближе к китайцам. Вы спрашиваете меня относительно причин распри и моего недовольства, которые я одно время высказывал по адресу Узу[м]чина, это объясняется тем, что Узу[м]чин, подкупленный китайцами, шел против меня, но все потом его 300 всадников перешли на мою сторону.

10) Вопрос. Ваше отношение с [Джалханцзой] и куда он был Вами направлен после Вашего соединения с Резухиным.

Ответ. Мои отношения с ним были хорошие, мы друг друга уважали, но я его никуда не направлял, а он поехал по своим личным делам в Урянхайский край. Человек он умный и достаточно хитрый, использовать которого против его воли было нельзя.

11) Вопрос. Какую же цель непосредственную и конкретную преследовали Вы в переписке с военным губернатором китайского Алтая и с военным губернатором Хайлара и чем Вы были им обязаны, и что Вас понуждало делать им подарки денежные и военным имуществом.

Ответ. Я их благодарил за то, что они не арестовывали и давали жить и работать моим людям — Еремееву, Малецкому, Жучу и другим, подарки делал потому что иначе в Китае вообще никакого дела не сделаешь. У меня остались в Маньчжурии большие [склады] товаров. Они многими разворовывались, и поэтому я предпочел их подарить, чем оставить действующим от моего имени аферистам.

12) [Вопрос.] Ваши отношения с генералом [Чжан Цзолинем].

Ответ. Он мной интересовался, а я нет: было некогда и слишком далеко, мои агенты о чем-то с ним и его людьми разговаривали, и как Вы об этом знаете, мне об этом не раз писали и делали разные предложения, но мне было в это время некогда и я на эти вопросы так и не отвечал. Какие это были вопросы — я не помню. [Чжан Цзолиня] я считаю способным встать во главе движения против республиканцев.

13) Вопрос. Были ли в Вашем отряде японские офицеры, сол[даты], капитан Вагабаяси, капитан Ямаги, шт[абс-]капитан Эюбе, поручик Там, прапорщик Нитта, прапорщик Ооми и др.

13. Ответ. Кажется, были, сейчас находятся в числе остатков (вероятно) моих войск, но роли никакой не играли и вообще настолько незначительно, что я их просто не замечал и использовал по большей части для охран[ной] службы. Из них самый выдающийся [Хатакэяма],[2961] и он командовал у меня особым отрядом в 60–70 человек японцев. Япон[ские]офицеры в штабе у меня не были, как и вообще у меня не было штаба, не было отчетности. Отчетность довольствующая часть, а операциями руководил лично я.

14) Вопрос. Были ли в составе Вашей дивизии китайские офицеры и солдаты и какова их роль в Ваших операциях.

14. Ответ. Да, были, из них самый значительный — Джан-Гу. Всех их я вербовал из маньчжуров, в начале их было у меня около 600 человек, никакой связи с китайским штабом я через них не держал.

15) Вопрос. Почему Вы не остались в Урге, а решили, видя даже наши действия, наступать на нас и выйти на нашу территорию.

15) Ответ. Я достаточно ждал, когда Вы начнете меня [неразборчиво] и сами проявите инициативу движения советской армии в Монголию, что уже одно обещало мне значительные выгоды, но этого движения не было. Без дела держать свои части я не мог, солдаты рвались к [неразборчиво] местам, мне волей-неволей пришлось начать наступление и взять на себя ответственность перед местным населением за открытие военных действий.

16) Вопрос. Принимали ли Вы участие в разработке проекта выпуска краткосрочных обязательств от имени Ургинского правительства.

16) Ответ. Этими делами занимался Лавров, инициативы я не проявлял, а просто велел Лаврову достать деньги. Ну вот он и выдумал эти краткосрочные обязательства.

17) Вопрос. Каковы были Ваши отношения к Хутухте.

17) Ответ. Я его несколько раз видел, кажется, раза три. Отношения были ничего себе, он лично человек умный и держится между красными и белыми. Большего сказать о нем ничего не могу, а обо мне Вы сами все знаете.

18) Вопрос. Делали ли Вы попытки сноситься с Семеновым по радиотелеграфу.

18) Ответ. Нет. Он одно время мне все надоедал, раза два я даже велел приготовить радиоаппарат для переговоров, но потом как-то переговорить все же не удалось.

19) Вопрос. Пытались ли Вы прочно связаться с пекинскими монархистами и предлагали ли солидно поставить дело агитации за реставрацию.

19) Ответ. Я уже Вам ответил, что я одно время переписывался кое с кем из китайских друзей насчет издания монархической газеты и думал даже использовать для этой цели одного старого китайского философа, но это не осуществилось.

Личный архив В.И. Юдина.

На допросе Унгерна

Лица, приехавшие из Новониколаевска в Читу и присутствовавшие при допросах барона Унгерна в Иркутске, сообщают: первый допрос Унгерна был произведен еще в Троицкосавске Б. Шумяцким. Информация, попавшая после этого допроса в печать, сильно приуменьшает роль, замыслы и личность Унгерна в дальневосточных авантюрах. Унгерн, как выяснилось из дальнейшего, далеко не такая уж «жалкая» и незначительная фигура. Нет, это — весьма уверенный и крупный авантюрист.

Захваченные при его убитом агенте документы полностью вскрывают широкий размах монгольской авантюры и пружины влияния Унгерна в монгольских делах.

Держался Унгерн вполне спокойно и уверенно, нередко задавая вопрос: «Ну, а когда вы меня расстреляете? Довольно канителиться!» На все вопросы отвечал охотно, обстоятельно, но явно обдуманно — не скрывая всей жестокости своего «похода», но и выгораживаясь от обвинений в «излишествах». Так, например, на вопрос, на какой предмет держались им обнаруженные когда-то на чердаке его квартиры на привязи волки, Унгерн невозмутимо ответил: «Ну, это утки! Я практиковал всего только три способа казни». — «Какие?» — «Виселица, расстрел и шашка».

Унгерн охотно давал сведения, сколько и где им казнено народа. Цифры — от десятков (по показанию барона) до 2–3 сотен. С ненавистью стукнул кулаком по столу при упоминании о захваченных документах, угрожая задним числом расправиться с «неловким» агентом. На вопрос же, откуда он узнал о захвате, заметил: «Товарищ Шумяцкий сказал».

На вопрос, зачем он пробирался в Харбин, ответил отрицательно: «Ничего подобного, отвратительный, продажный город» — и тут же, устремившись к карте на стене, начал развивать проект харбинского «взрыва». В карте Унгерн ориентируется очень бойко. Войдя в первый раз в комнату для допроса (в Иркутске), упомянутые выше лица застали барона непринужденно опершимся одним коленом на стул и с увлечением разъясняющим что-то следователю по раскинутой на столе карте.

Унгерн (в Новониколаевске) был в генеральских погонах, с георгиевским крестом (семеновским) на груди. Обращение с ним (мы очень интересовались этим вопросом) безукоризненное; содержание — максимум на пределах сибирских продовольственных возможностей. Нужно удивляться выдержке революционного населения и конвоя (коммунисты), не допускавших в отношении барона не только никаких попыток самосуда, но и просто никаких эксцессов. В Иркутске Унгерн провел 1 ночь в губчека. После допроса председатель губчека Берман, уходя, сказал: «Ну, до свидания, барон.» «До свидания», — вежливо ответил Унгерн, и живо осведомился: «А Вы далеко живете?»

Между прочим, реакционная часть иркутских обывателей к известию о привозе Унгерна в Иркутск отнеслась было недоверчиво, но никаких слухов об эксцессах над бароном даже и среди этой публики не циркулировало. Упоминают о характерном эпизоде. Когда, при сопровождении барона к поезду, пришлось переходить вброд какую-то речку, старший по конвою красноармеец, согнувшись для ноши, шутя, предложил: «Ну, садись что ли, Ваше превосходительство, в последний раз на мужицкую шею». На что барон круто ответил: «Прошу не издеваться, а то сию минуту брошусь в воду». Красноармеец смущенно замолчал и, молча, кряхтя, перенес барона через реку.

Самое пленение Унгерна произошло, по его словам, так. Разведывательный отряд красных вплотную нащупал отряд барона (человек 70 стражи) и открыл по нему перестрелку. Тогда монголы (личная охрана Унгерна) бросились на барона, связали его и оставили лежать, а сами укрылись от выстрелов и, давая сигналы, стали сдаваться. Первое время барон продолжал лежать неузнанным. Позднее на него наехал красноармеец и, нагибаясь, спросил: «Ты кто такой?» Унгерн ответил: «Генерал-лейтенант барон Унгерн». — «Зачем же Вы так сказали?» — «А на мне ведь были погоны. Да и зачем? Все равно: судьба».

Вера в «судьбу» все время проскакивает в словах Унгерна. Ею, быть может, объясняется и его невозмутимость — по-видимому, не напускная. «Вот, все время носил в подкладке яд, да, видно, денщик, чистя костюм, сорвал».

Препровождался Унгерн в арестантском вагоне; тремя лишь конвоирами (коммунисты), но всякая возможность его побега представлялась исключенной: порукой тому являлось сдержанное, но совершенно недвусмысленное отношение к его кровавой авантюре и личности самых разнообразных слоев населения.

Новости жизни, № 212, 25.09.1921, с.2.

[Решение Сиббюро ЦК РКП(б) о подготовке суда над Р.Ф. Унгерном]

Выписка из протокола закрытого заседания Сиббюро ЦК РКП от 6/II-21 г.[2962]

Слушали 3. О суде над Унгерном. Постановили Назначить трибунал из председателя т. Опарина, членов т.т. Гуляева, Кудрявцева Ивана Кравченко или Грамова судя по тому, кто из них будет иметься налицо проч. рабочего железнодорож. фамилию которого поручить выяснить тов. Ходоровскому. Обвинителем назначить тов. Ярославского, организац. защит. поручить тов. Александровскому. Поручить тов. Опарину, Павлуновскому, Давыдову и Ярославскому разработать план суда и представить на утверждение к следующему заседанию Сиббюро.

/печать Сиббюро ЦК РКП(б)/ № 54 16/IX-21 г.

Секретарь Сиббюро ЦК РКП /подпись: Ходоровский/

РГВА, ф. 16, оп. 1, д. 16, л. 19.

[Из протоколов допроса М.Г. Торновского о его службе в Азиатской конной дивизии]

В конце 1918 года, когда город Иркутск был занят белыми, я был вызван обратно в Иркутское военное училище, которое в это время было вновь сформировано, прибыл в Иркутск, получил телеграмму от генерала Тонких — начальника штаба южной армии адмирала Колчака. Получив такую телеграмму, я из Иркутска выехал под город Оренбург, где принял 1-й егерский пехотный полк, в составе с которым и принимал участие в боях против частей Красной армии, как-то: в районе Актюбинска, <неразборчиво>, Кокчетава и [на] других участках. Командовал до ноября 1919 года. В ноябре 1919 года полк сдал и был командирован в ставку адмирала Колчака. За проведение боев с частями Красной армии в районе Актюбинска и на других участках я был произведен в чин полковника.

По пути в ставку адмирала Колчака, через Монголию в апреле 1919 г., прибыл в город Улан-Батор (Монголия), где получил известие, что адмирал Колчак расстрелян и Белой армии не существует. Я перешел на эмигрантское положение и стал заниматься коммерческими делами в Монголии.

6 февраля 1920 г.[2963] Улан-Батор занял генерал Унгерн — начальник дивизии семеновской армии. С момента занятия Улан-Батора генерал Унгерн

объявил мобилизацию всех военнослужащих Белой армии, проживавших в Монголии. В том числе был мобилизован и я, и был назначен начальником штаба отряда Резухина (в июне месяце). В должности начальника штаба в отряде генерала Резухина принимал участие по очищению Монголии от китайских войск и был тяжело ранен. В июле 1920 г. генерал Унгерн [предпринял] поход из Монголии на Русь. Я, будучи выздоравливающим, был назначен походным интендантом и принимал участие в борьбе против частей Красной армии в Забайкалье.

В октябре 1920 г.[2964] в дивизии, которой командовал генерал Унгерн, произошел бунт офицеров против генералов, причем генерал Резухин был убит, а генерал Унгерн сбежал с дивизии, отряд генерала Резухина принял я и повел в Манчжурию, так как дальше сопротивляться частям Красной армии было безрассудно. В городе Хайлар, Манчжурия, я отряд расформировал, вооружение сдали китайцам, за что получили китайские виды на жительство и перешли на эмигрантское положение.

Вопрос. Продолжайте Ваши показания.

Ответ. После расформирования дивизии и перехода на эмигрантское положение в Китае, где стал работать в русских белоэмигрантских издательствах Восток, Гунбао, Магазин просвещения по изданию книг и учебников, в издательстве книг и журналов Фоменко, в издательстве русской Духовной миссии в Китае.

Вопрос. Расскажите, что это за организация Общевоинский союз, о которой Вы сообщили в своей автобиографии.

Ответ. Общевоинский союз объединял всех военнослужащих бывшей Белой армии, находившихся в эмиграции.

Вопрос. Скажите, какие цели и задачи были Общевоинского союза.

Ответ. Цели и задачи Общевоинского союза были чисто экономического характера, как-то: всех бывших военнослужащих Белой армии, находящихся в эмиграции, устроить на работу, определить с жильем и прочего характера. С 1931 г., как мне стало известно, Харбинское отделение Общевоинского союза перешло на оппозиционное отношение к Советскому Союзу. Общевоинским союзом в Харбине было организовано офицерское училище, которое готовило офицеров. <...>

Протокол допроса арестованного Торновского Михаила Георгиевича. гор. Молотов. 24 февраля 1949 г. Допрос начат в 14 ч. 25 м.

Вопрос. Чем Вы занимались по прибытии в Ургу?

Ответ. До октября 1919 г. я, проживая в Монголии, занялся коммерческими делами — развозил по Монголии товары Центросоюза. Коммерческая деятельность в октябре 1919 года была прервана в связи с моим арестом.

Вопрос. Кем Вы были арестованы?

Ответ. Я был арестован по распоряжению китайского генерала Чэнь И, являвшегося губернатором в Монголии.

Вопрос. За что Вы были арестованы?

Ответ. Я был арестован по подозрению в шпионаже в пользу Унгерна, который был начальником Азиатско-конной дивизии белой армии Семенова. Унгерн тогда подступал со своей дивизией к Урге.

Вопрос. Сколько времени Вы содержались под арестом?

Ответ. Под арестом я содержался до января 1920 г., после чего по распоряжению китайских властей из Пекина был освобожден, при этом освобождении мне было объявлено, что я был арестован по ложному доносу.

Вопрос. Где Вы находились и что делали после Вашего освобождения из-под ареста?

Ответ. После моего освобождения из-под ареста я до 6 февраля 1920 г. поступил служить в Центросоюз, а 6 февраля занявшими войсками Унгерна был мобилизован в дивизию Унгерна.

Вопрос. Расскажите о Вашей службе в дивизии Унгерна.

Ответ. Будучи мобилизован в дивизию Унгерна, я был сначала назначен начальником штаба генерала Резухина, в подчинение которого находились все передовые части на позициях. В этой должности пробыл до марта месяца, а затем Унгерн взял меня к себе начальником штаба. В качестве начальника штаба у Унгерна я пробыл около десяти дней, а затем был ранен в боях с китайскими войсками. На излечении после ранения я был до июля 1920 года, затем снова должен был явиться и приступить к службе в дивизии Унгерна. В это время как раз Унгерном был предпринят так называемый «поход на Русь».

Я тогда был Унгерном назначен походным интендантом и в мои функции входило снабжение дивизии продовольствием. Примерно в августе 1920 года, когда дивизия Унгерна проникла в Забайкалье, то мне Унгерн вменил еще заниматься агитацией среди казачества и другого местного забайкальского населения в целях вовлечения их в дивизию Унгерна. Однако эта агитация не имела широкого успеха, и никто к нам не шел служить. В то время, когда я занимался агитацией в [неразборчиво] частей дивизии Унгерна, последняя вела боевые действия против советских войск, партизан. В сентябре 1920 года мы были снова выброшены в Монголию, где вскоре в дивизии Унгерна произошел бунт, в результате которого генерал Резухин был убит, а Унгерн бежал. Но, будучи пойман монголами, Унгерн затем в связанном виде попал в руки красноармейского разъезда. После этих событий я, как колонновожатый, вывел части войск, находившиеся под командованием Резухина, из Манчжурии в Китай — в город Хайлар, где они были разоружены. На этом моя служба в дивизии Унгерна закончилась, и я вскоре выехал из Хайлара.

Допрос окончен в 17.15. Показания с моих слов записаны правильно, мною прочитаны, в чем расписываюсь /подпись [на каждом листе]: М.Г. Торновский/

Допросил: Зам. нач. 1 отделения следотдела УМГБ по Молотов[ской] области лейтенант /подпись: Носков/

[Я] вошел в так называемый «Комитет защиты Родины и Учредительного Собрания», состоя в котором, участвовал в создании Белой армии; при этом я получал от иностранных дипломатических представителей крупные денежные субсидии, оружие и обмундирование. Находясь затем в белой армии Колчака, а потом — Унгерна я занимал ответственные посты; так, будучи в южной армии Колчака, я сформировал и командовал егерским полком, с которым вступил в бои с частями Красной армии. Будучи же у Унгерна, я служил у него начальником оперативного штаба, был участником так называемого «похода на Русь». В 1920 г., после разгрома унгерновской дивизии, я с остатками этой дивизии бежал в Манчжурию, где сначала находился в городе Харбине, а затем — в Шанхае; в Харбине я находился до 1932 г. включительно.

ГОПАПО, ф. 641/1, оп. 1, д. 9027, т. 1, л. 16–39.

[Допрос А.И. Шубина]

Р.С.Ф.С.Р. Разведывательный отдел штаба 5 армии. Вост. Сиб. Воен. окр. Отделение_____ 3 октября 1921 г. № 181/в Вх.2163 17/10. Начразведупрсибу Рапорт. При сем представляю опросный лист военнопленного начальника 1-го иркутского полка прапорщика А.И. Шубина. Приложение: Упомянутое. Вр. начразведотарм 5 И ВСВО /подпись/

РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 22.

Опрос военнопленного начальника Первого Иркутского казачьего полка прапорщика А.И. Шубина, произведенный начразведармом 5 29 сентября 1921 года[2965].

Биография. Андрей Иванович Шубин — уроженец и казак Иркутской губернии [пропуск] уезда, с. Шимков, имеет от роду 37 лет (родился в 1884 году), постоянно живя в с. Шимках, А.И. служил у своего дяди А.П. Шубина, который был скотопромышленником и занимался скупкой и продажей пушнины и др. товаров. В 1907 г. Шубин был на военной службе в Иркутском казачьем полку, а затем во время Германской войны служил в том же полку рядовым и одно время был артельщиком. Годы революции до вступления в отряд Шубин опять служил у своего дяди. В 1920 году Шубин добровольно вступил в отряд Казагранди, который в средине 1920 года формировался в районе Хатхыла в целях борьбы с советской властью. После того,

как в конце 1920 года полк[овник] Казагранди с частью своего отряда из Хатхыла ушел на восток, оставшиеся люди отряда избрали А.И. Шубина начальником отряда, впоследствии именовавшегося 1-м Иркутским казачьим полком. Во время Унгерновской операции в Монголии против Советской России Шубин был представлен к производству прапорщика и именовал себя прапорщиком.

Характеристика. Шубин ниже среднего роста, коренастый, тупое выражение несколько обрюзгшего лица. Верит в Бога. Настроение подавленно-трусливое, видно большое желание оправдаться, показаться невинным и не знающим, безграмотным. Оставляет жалкое впечатление.

Обстоятельства пленения. А.И. Шубин и другие, всего 14 человек решили с верховьев реки Оки через Хареты и Хангу (на северном берегу озера Косогол) выйти на реку Ури, а затем вниз по реке Сангисам пройти в с. Шимки где и сдаться. По дороге, в горах, во время снежного бурана эта группа заблудилась и принуждены была спуститься с гор в местности Турта (8 вер. от Ханги), где решил просушить палатки и подкрепить лошадей, а затем с разрешения Хангинс[кого] монгол[ьского]князя отошли в расположение ставки этого князя на северном берегу озера Хубсугул, где и расположились. А.И. Шубин спал, когда услышал выстрелы. Оказалось, что они были окружены красноармейцами, которые совместно с монголами хошунного князя их взяли в плен. Во время окружения красноармейцами из группы удалось бежать троим, остальные 11 были взяты в плен, причем трое из них были ранены.

Деятельность отряда в Монголии и его взаимоотношения с Унгерном и Казагранди. После того, как Казагранди с частью своего отряда осенью 1920 г. ушел на восток, другая часть отряда в 60 человек во главе с А.И. Шубиным ушла на заимку А.П. Шубина в Бургулунтае, в районе Дархатского куреня, где и прозимовала. В том же месте отряд находился и в тот момент, когда велись переговоры делегатов с представителями Штарма 5. В марте месяце в Иркутский полк прибыл особо-уполномоченный барона Унгерна, хорунжий Петр Алексеевич Каберов с полномочиями произвести мобилизацию по всей Монголии. Казаки отряда подчинились этой мобилизации, в результате чего вошли в подчинение Унгерну. Согласно приказания того же уполномоченного Каберова, отряд продолжал оставаться в Бургулунтае (40 в[ерст] зап[аднее] Дархатского куреня). Численность отряда 60 ч., стала увеличиваться прибывающими мобилизованными колонистами. В июне месяце в отряде значилось уже 164 человека. После отъезда хорунжего Каберова полк, оставаясь в Бургулунтае, стал обмундировываться и производить занятия в ожидании указания из Ван-Куреня. Уезжая, Каберов передал свои полномочия сотнику Бочкову.

В первых числах мая, когда Дархатский курень был занят красными, отряд вынужден был отойти на Бильтыс (60 в. юго-западнее кар. Хатхыл).

Здесь было получено приказание от барона Унгерна подчиняться ему непосредственно и не входя в состав каких бы то ни было отрядов. Унгерн приказывал Шубину начать военные действия против Сов. России, приурочивая их к 15 июня. Вслед затем поступило приказание от полк[овника] Казагранди влиться в его бригаду. Казагранди приказывал Шубину уничтожить заставы красных в Мурино и в Дархатах и двинуться на соединение с его отрядом, который двигался от реки Селенги на Мурино. Приказание Казагранди сразу выполнить для Шубина не представлялось возможным, т.к. особо-уполномоченный барона Унгерна сотник Бочков с половиной отряда находился в это время в районе Мурино, откуда ушел на присоединение с отрядом Казагранди. Ввиду того, что в отряде Шубина было много офицеров, сбежавших из отряда Казагранди, который определенно обещал расстрелять всех дезертировавших из его отряда, снова стал возникать вопрос о выходе на сов[етскую]территорию с целью сдаться. И вот, опасаясь, с одной стороны, отряда Казагранди, с другой стороны, избегая встречи с красными частями (расположенными в Хатхыле), Иркутский полк все время отодвигался по направлению к реке Оке. Но 15 июня, окруженный красными частями, полк был наголову разбит красными частями на р. Альдырик, 90 в[ерст] западнее Хатхыла. В то же время отряд под командой сотника Бочкова, направляющийся к Казагранди, был разбит в районе 30 в[ерст] от кур[еня] Мурино по направлению к Джаханцы. Разбитые, разбежавшиеся остатки отряда Шубина и Бочкова вновь собрались в кур[ене] Дардагой (50 в[ерст] южнее Бельтыса), Уполномоченный Унгерна Бочков, согласно предписания от Унгерна, приказал Шубину двигаться по направлению к кур[еню] Далай-Ванги на присоединение к генералу Резухину. Не доходя Далай-Ванги 100 в[ерст], сотник Бочков, взяв из отряда семь казаков, уехал в Улясутай. А.И. Шубин, с одной стороны, узнав от монгол о занятии Урги красными, а с другой — учитывая настроение казаков отряда, уроженцев тункинской долины, не желавших уходить далеко от родины, повернул обратно и снова двинулся к верховью реки Оки. Дойдя до р. Тесс (левый приток реки Оки), перед отрядом был поставлен вопрос, как быть дальше.

19 августа полк был объявлен распущенным. В это время в отряде было уже 110 чел., в числе которых две женщины и 3 мальчика. Отряд разбился на партии, которые направились в разные стороны: партия в 19 человек направилась с намерением выйти на с. Туну; другая партия в 40 человек направилась через озеро Ильчир на Шимки. К этой партии впоследствии присоединился сотник Ермаков. Третья партия пошла с намерением выйти на Монды. Группа в 4 человека, сначала имевшая намерение остаться в районе р. Оки, также ушла через оз. Ильчир на Шимки. Пятая из 14 чел. во главе с Шубиным имела намерение через Хангу также пройти в Шимки. Шестая партия в 23 человека во главе с хорунжим Лысенко, не желающая сдаваться

советским властям, ушла по реке Оке на Голуметь в целях партизанской борьбы. С той же партией пошел, было, Ермаков, который был против расформирования полка и все время призывал казаков к партизанским действиям, но почему-то с двумя другими казаками откололся от этой партии и примкнул к партии, идущей на Шимки.

Взаимоотношения с отрядом Казанцева. Казанцев присылал дважды к Шубину делегатов с предложением соединиться с ним в целях совместного действия против красных. Первый раз, когда отряд Казанцева шел для операции в Урянхайском крае, а второй, когда его отряд стоял в Улясутае. На оба предложения Казанцева Шубин отвечал отказом, потому что люди его отряда — в большинстве уроженцы Тункинской долины, не хотели далеко уходить от родины, и к тому же его дядя А.П. Шубин был вообще против соединения с каким бы то ни было отрядом.

С отрядом Кайгородова Шубин связи не имел. Шубин знает о Кайгородове лишь то, что в первое время Казанцев задерживал все снаряжение, идущее от Унгерна к Кайгородову, когда же произошло полное подчинение Кайгородова Унгерну, Казанцев без задержки все переправлял Кайгородову. О других белоотрядах Монголии Шубин ничего не слыхал.

Связь Шубина с бел[ыми]отрядами на территории Сов[етской]России. Постоянной организованной связи Шубина с повстанцами не было, но была некоторая случайная связь. 1) Из района Голуметь был в отряде Шубина начальник партизан отряда Замасщиков; 2) из района же Голуметь [в] отряд Шубина приезжал другой начальник белобанды капитан Васильев, который, уезжая обратно в район Голуметь, обещал Шубину от Васильева посылать к нему людей на усиление его отряда, однако к Шубину от Васильева никто не прибывал. 3) От «Военной Семерки» было получено письмо, в котором предлагалось Шубину связаться с Центральной организацией «Военной Семерки», был где-то в Иркутске. 4) Окинские буряты сообщили, что на Оке есть повстанческий отряд, который предлагает связаться с ним. Из отряда Шубина в целях связи и вывода с Оки упомянутого повстан[ческого]отряда уехал на Оку Конюкин, которого более Шубин не видел.

Вооружение отряда. Отряд был вооружен в большинстве русскими трехлинейными винтовками, японских не было. От Унгерна один раз было привезено 100 винтовок. Пулеметов и гранат в отряде не было.

Средства отряда. От Унгерна было получено 4 пуда билонного серебра.

Шубин как начальник. Шубин малограмотен, по карте-сорокаверстке, каковой пользовался в отряде, ориентируется плохо. Определенного плана борьбы с властью не имел. Не было у него и определенных тактических приемов ведения этой борьбы. Одно время Унгерн и Казагранди поставили перед ним определенную задачу наступления на Мурин и Хатхыл, причем Казагранди совместно с Шубиным должны были наступать далее на Иркутск.

Но разнообразные причины не позволили Шубину даже начать осуществление этой задачи и плана. Шубин считает себя маленьким, малозначащим в отряде человеком. Шубин «приказ Унгерна № 15 читал, но не разобрался, бесед с ним насчет этого не вели, Бочков вообще не разрешал устраивать бесед, я считался комполка только временно, Каберов хотел приехать и взять у меня полк. Мне приказывали — исполнял. Сначала приказывал уполномоченный Унгерна хорунжий Каберов, потом Бочков. Они получили приказание от Унгерна, а [текст поврежден] а я должен был исполнять. Адъютант подавал бумажки, я подписывал. Все подписывал, что ни подадут. Мне только говорят, что так надо. Все зверства, проделываемые Унгерном, мне не нравились, но я не знал, что мне делать». На указания Шубину, что он командир полка, что все делалось его именем — Шубин молчит.

Намерения Шубина сдаться Советской власти. О переговорах с мирной делегацией Штарма 5 Шубин говорит: «Я не видел цели для дальнейшего существования отряда, потому в марте месяце 21 года, искренне желая вести переговоры с сов[етскими]властями, послал в Иркутск в качестве делегата от отряда Ермакова. Каких-либо других поручений, например, заданий разведывательного характера, Ермакову не давал. Может быть, сотник Бочков делал эти поручения. Вернувшись обратно в Дархатский курень, Ермаков доложил, что отдаваться невозможно потому, что это грозит всем смертью, что в Сов[етской]России террор, всех расстреливают и вешают. Все люди отряда поверили Ермакову. В то же время в полк приехал хорунжий Каберов, который открыл новые надежды. Каберов говорит, что Унгерн имеет войск 20000. Все казаки поверили, что Унгерн сделает многое, что он победит. Тогда по приказанию Каберова был назначен суд над тремя делегатами Штарма 5. Судьями были Ермаков, Савельев и хорунжий Лысенко. Гольдберг и Городюшко были расстреляны собственноручно добровольно вызвавшимся на это Ермаковым, делегат Борисов был отослан в Ургу в распоряжение Унгерна, где тоже расстрелян. Вскоре после этого (месяца через два) опять в отряде явилась мысль сдаться Соввласти. Однако это желание сдаться вылилось в определенную форму лишь тогда, когда в районе верховьев реки Оки 19 авг[уста] отряд был распущен. Тогда люди отряда, за исключением 23 чел. голуметцев, разбившись на группы и избегая встречи с красными частями, пошли в Тункинскую долину с целью сдаться гражданским властям.

Верно: Помнач.разведарм 5 /подпись/

РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 23–24.

[Краткая характеристика отряда Н.Н. Казагранди][2966]

Штаб 227 Владимирского полка. Кордон Хатхыл. 26 августа 1921 г.

Пленный при опросе показал. Казак Бабков Прокопий Лаврович. При движении отряда Казагранди из степи Гоби по направлению на Ургу, куда

отряд был вызван бароном Унгерном, была стоянка в местности [Дзаиншаби] в районе куреня [Дзаин-гэгэн], что южнее тракта Урга — Улясутай. На полпути мне с четырьмя товарищами удалось бежать. Фамилии товарищей: 2 Шерстовы, 1 Зверев, Шимков и 1 бурят, фамилии его я не знаю. У устья реки Чилату мы сделали привал с намерением отдохнуть, где и были окружены монголами. Четыре товарища мои были убиты на месте, а меня отправили в Джалханцзы курень, откуда я и был препровожден в Хатхыл.

Служил в отряде Казагранди в обозе. Раньше отряд стоял в Ван Курене в течение 2-х месяцев, где производились строевые и тактические занятия, а также, по распоряжению из Урги, производилась мобилизация монгол. Через два месяца после стоянки отряд снялся и двинулся из Ван-Куреня по направлению на Хатхыл, но, не доходя до Хатхыла, отряд повернул на северовосток и двинулся в новом направлении (цели этого движения я не знаю). Недалеко от границы отряд Казагранди столкнулся с отрядом Щетинкина, произошел бой, в результате чего три человека были убиты и ранены, после чего отряд бежал в степь Гоби.[2967]

До похода в сторону Хатхыла отряд Казагранди состоял из 500–600 человек при 1 орудии и 2 пулеметах Максима (один не действовал) и 2 — Шоша. Отряд носил название Отдельной конной бригады полковника Казагранди и состоял из 2-х полков: 1-го и 2-го, которые, в свою очередь, делились на 4 эскадрона и 1 сотню, при бригаде был обоз в 200 верблюдов и табун рогатого скота 500–600 голов, в обозе возились предметы продовольствия, мануфактура, серебро, которые были отобраны у русских колонистов и китайцев, проживающих в Монголии. Люди были вооружены 3-х линейными винтовками и берданами при патронах от 50 до 100 штук у каждого. Кроме того, в обозе существовал неприкосновенный запас несколько ящиков.

Бригадой командовал полковник Казагранди, 1 полком — поручик Арямов, который в последнее время был произведен в капитаны; начальником обоза — подполковник Мартин; командиром 2-го полка какой-то есаул забайкальских войск (фамилию его не знаю). Офицерского состава в первое время был человек 30–60. Русских в отряде было большинство, бурят — человек 100, китайцев — 50 и монгол — 10. Большинство — мобилизованные на территории Монголии и лишь небольшое количество добровольцев. Настроение в отряде было плохое, большинство ждало удобного случая для побега. Это настроение особенно сильно отразилось после боя со Щетинкиным; пока отряд достиг степи Гоби, пришлось бригады свести в 1 сотню (отдельную), т.к. количество людей уменьшилось до 150 человек, остальные по пути разбежались. При движении из Гоби согласно приказа барона Унгерна, стал усиленно дезертировать офицерский состав. Незадолго до моего побега 30 офицеров бежали в одну ночь. Причина этого бегства — будто бы нежелание подчиниться барону Унгерну (по каким соображениям, не знаю).

Местом более частой стоянки являлся курень Оршан, он же — Банди-гэгэн, находящийся верстах в 35 восточнее сляния рек Чилоту, Эдэр и Гоандис (Мурэн). Продовольственная база находилась в Ван-Курене, которая, в свою очередь, снабжалась из Урги. Продукты питания — хлеб и мясо. Хлеб выпекался мукой $^1/_2$ фунта на сутки, мяса — сколько угодно. Жалованье — 5 рублей серебром. Пополнение шло путем мобилизации русских колонистов, бурят и китайцев, живущих на территории Монголии. Незадолго до выступления на Хатхыл, по распоряжению из Урги, была произведена мобилизация монгол в районе Ван-Куреня. Все мобилизованные сосредоточились в Ван-Курене, где производилось обучение. По выступлении бригады на Хатхыл, отряд мобилизованных монгол достиг 200 человек, который остался в Ван-Курене. Дальнейшая судьба его мне неизвестна. Больных в отряде, насколько мне известно, не было, и два врача, бывших в отряде, занимались уходом за ранеными.

Приложение: две расчетные книжки с препроводительной, удостоверение личности из отряда Казагранди, сто шестьдесят три руб. николаевских денег и 107 р. 70 коп. серебра.

Помощник адъютанта по оперчасти 227 полка /подпись: Бородин/

РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 241–242об.

[Краткая история отряда А.П. Кайгородова]

Краткая история банды Кайгородова, составленная из опроса пленных офицеров и разведданных Штадива 21 к 1/I 1922 года. Карта 10 верст в дюйме

В ноябре-декабре 1919 г., с падением Омска, гарнизон г. Бийска, окруженный красными партизанскими отрядами Третьякова, Рогова, Чепрова и др., был оторван от главной магистрали и от Колчака, отступившего вглубь Сибири. Гарнизон г. Бийска, составленный из 52 пех[отного] запасного полка, кавалерии оного дивизиона, Алтайского туземного дивизиона и карательного отряда поручика Чурина, общей численностью 700–800 чел. во главе с начальником гарнизона шт[абс-]капитаном Поповым 8/XII 1919 г. выступил из Бийска по Чуйскому тракту и направился на Кош-Агач, захватив 360 пудов серебра, 1000 пудов муки, 250 тыс. патронов и 1000 заручных винтовок, имея намерение уйти в Монголию, зимовать там, а с наступлением лета двигаться на восток через Улясутай — Ургу — Шанхай, где купить пароход и уехать на юг России к Деникину.

В селе Улала (100 верст южнее Бийска) отряд шт[абс-]капитана Попова нагоняет капитан Сатунин с 50 уфимскими татарами и предъявляет документы от Колчака на право формирования партизанского отряда на Алтае для борьбы с красными. Часть отряда шт[абс-]капитана Попова присоединилась к кап[итану] Сатунину, и его отряд увеличился до 200 чел., а большая часть

отряда Попова, до 500 чел., признав документы подложными, отказалась подчиниться Сатунину, двинулась дальше самостоятельно. В селе Онгудай было созвано офицерское собрание шт[абс-]капит[аном] Поповым, на котором решено Сатунину не подчиняться, продолжить отход в Монголию и ввиду отсутствия связи с верховной властью собрать Алтайскую Областную Управу, коей вручить верховную власть, куда представителем от войск[овых] частей был избран прапорщик Кайгородов. Вопреки этому постановлению, ввиду дезорганизации в отряде шт[абс-]капит[ана] Попова, капитану Сатунину удалось большую часть отряда подчинить себе путем репрессий и подкупа. К числу последних принадлежал и прапорщик Кайгородов, который был произведен в чин подъесаула и назначен [командиром] Чуйского полка. Тактика капитана Сатунина вызвала возмущение среди офицеров, и на тайном собрании офицеров было принято решение убить Сатунина, что было приведено в исполнение. Капитана Сатунина заменяет капитан 2-го ранга Елачич, человек слабохарактерный, легко поддающийся влиянию окружающих, при котором фактически командовал отрядом Кайгородов, отряд коего к этому моменту был около 1000 чел.

В апреле 1920 г. отряд, вытесненный из Алтая, переходит границу Монголии и располагается в районе Букэ-мурэн[2968] (80–100 верст юго-восточнее Кош-Агача), куда приезжал и командир батальона 234 Мало-Вишерского полка Беляев, и предложил отряду Кайгородова сдаться, на что часть офицеров и солдат согласилась и ушла в Россию, а остальные рассеялись по Монголии в ожидании сведений об участи сдавшихся. Пришедшие вести из России оказались неутешительными, обещания, данные Беляевым — не исполненными. Это дало повод Кайгородову повести антисоветскую агитацию и начать вновь формировать отряд. Набрав 60–70 чел., выступил на Алтай для борьбы с Соввластью и в июне 1920 г. дошел до Усть-Бия, но, не встретив поддержки и сочувствия у населения, в августе того же года возвратился в Монголию, захватив гурт скота Центросоюза 850 голов, двигавшийся через Ташанта в Россию, и расположился на зимовку в районе Усунхол, на р. Кобдо, вербуя в свою банду добровольцев — главным образом, инородцев — беженцев [из] Горного Алтая.

К 1 января 1921 г. в отряде было уже 200 чел. солдат и 5 офицеров: сотник Сыромятников, подпоручик Тоскин, шт. капитан Федорович, подпоручик Щербитов и подпоручик Смирнов [?]. Намерением было с наступлением весны вновь двинуться в Совет[скую] Россию с расчетом к 15 марта 1921 г. быть на Уймоне, где, по сообщению прибывших делегатов, к этому времени подготовлялось восстание населения, недовольного слишком большой разверсткой и якобы расстрелами.

Погром в г. Кобдо, учиненный 20 февраля 1921 г. китайцами, разграбившими имущество русских купцов и служащих Центросоюза, помешал Кайго-

родову выступить в марте м[есяце] в Горный Алтай. Он спешит со своим отрядом в Кобдо на выручку купцов, и 24 марта его отряд приходит в Кобдо, а через три дня — и сам Кайгородов с отрядом до 200 чел. Забрав награбленное имущество на 1000 верблюдах, 20 марта китайцы оставили Кобдо и ушли в Китай. В погоню за китайцами и с целью отбить обоз с награбленным имуществом Кайгородов послал часть своего отряда, но это ему не удалось. По занятии г. Кобдо Кайгородов захватил все уцелевшее от китайцев, а также не тронутое китайцами имущество Центросоюза и вообще всех русско-подданных, объявив мобилизацию с 18 до 45-летнего возраста.

Во время движения Кайгородова на Кобдо к нему прибыла связь из Урги от Унгерна, который предписывал Кайгородову немедленно очистить Монголию от китайцев, создать базу в Кобдо для предстоящего похода на Россию, и выслать к нему представителя. В апреле 1921 г. к Унгерну был командирован начальник штаба отряда полковник Сокольницкий и подпоручик Щербитов, вернувшиеся в Кобдо в конце июня 1921 г., и привезли от Унгерна 300 винтовок, одно 3-х дюймовое орудие с 350 снарядами, 2 пулемета и 200 вьюков с разным товаром (чай, мануфактура и проч.).

С этого момента Кайгородов стал готовиться к походу на Свет[скую] Россию, имел банду около 400 чел., составлявших 3 сотни и 4-ю неполную. 25 июня 1921 г. со всей бандой и 1 пушкой выступил из Кобдо по тракту в направлении оз. Толбо-нор, куда пришел 30 июня. Узнав здесь, что красные части вступили в Монголию (отряд т. Байкалова), в районе р. Букэ-мурэн разбили его заставу, и что в Кош-Агач будто бы находятся до 600 чел. русских (латышей и мадьяр), выслал 3-ю сотню в район Букэ-мурэн, 27-ю сотню оставив в районе Улэгэя на заставах, сам Кайгородов с 1-й сотней и пушкой в первых числах июля вернулся в Кобдо.

В половине июля 1921 г. под влиянием преувеличенных [слухов] с застав 3-й сотни о якобы наступающих крупных силах красных, Кайгородов стал спешно эвакуировать г. Кобдо, отозвав с застав 3-ю сотню, заменив ее второй, расстрелял командира 3-й сотни ротмистра Зилотина за сообщение преувеличенных сведений. Расстрелян был также пом[ощник] зав[едующего] Кобдинским районом Ц.С.[2969] тов. Лихачев якобы за восстановление монгол против белых.

В 20-х числах июля 1921 г. в связи с усиливающимся революционным движением в Монголии и образованием Западно-монгольского правительства в районе Улангома, Кайгородов с 1 и остатками 3-й сотни общей численностью до 150 чел. при 2 пулеметах выступил из Кобдо в северном направлении в район хурэ Мингит (100 верст севернее г. Кобдо), где имел бой, время неизвестно, в течение 13 часов с отрядом Байкалова. В конце июля со своим отрядом вернулся вновь в г. Кобдо.

Около 10 августа 1921 г. Кайгородов выступил из Кобдо со своим отрядом в направлении оз. Толбо-нор, отправив все обозы и семьи в район р. Де-

люнь (100 верст южнее Кобдо). В это время в Кобдо прибыл из Улясутая отряд Казанцева около 350 чел. (вместе с семьями), из которого Кайгородов сформировал 4-ю сотню и пополнил 3-ю сотню. Сам Казанцев, не поладив с Кайгородовым, с 7 человеками ушел к Бакичу.

12 сентября 1921 г. отряд Кайгородова появился в районе оз. Толбо-нор, где вступил в бой с отрядом Байкалова и с 1 батальоном 185-го полка, занимавшими хурэ Сальджунинскую,[2970] что в 12 верстах юго-восточнее оз. Толбо-нор. 17 сентября в район оз. Толбо-нор пришел Бакич с остатками своего корпуса, где произошло соединение его с Кайгородовым. Соединенный отряд под командой Кайгородова с 17 по 21 сентября окружил хурэ со всех сторон. Вели наступление на отряд Байкалова и батальон 185-го полка при поддержке артиллерийского огня. Несмотря на подавляющее превосходство сил, наличие артиллерии, все атаки отбивались, и противник, понеся большие потери убитыми и ранеными, отходил в исходное положение.

Видя безуспешность атак, Бакич 21 сентября 1921 г. послал на имя нач[альника] отряда тов. Байкалова предложение гарнизону сдаться с передачей ему своего вооружения и боеприпасов, гарантируя всему отряду при соблюдении поставленного условия полную неприкосновенность. На это предложение ген. Бакич получил следующий ответ от комбата 1-185 тов. Муликова: «Господин генерал, Вы пишете мне, чтобы я сдал Вам оружие, но оружие, г-н генерал, — не малина, которую сорвал с куста, да и съел. Оружие, г-н генерал, берется с бою, а Вы, наверное, разучились или не научились воевать с красными войсками. Ходит старый волк по сопкам, и смотрит, когда у старой кобылы отпадет губа. Эх, кабы у волка были остры зубы, а кобыла не так остро кована. Бросьте, г-н генерал, играть комедию, как бы Вам потом не играть трагедию. Если Вам жизнь не дорога, так пожалейте жизни обманутых Вами людей и их семей, дайте возможность перейти к нам и жить спокойно в Республике Рабочих и Крестьян. Комбат 1-185 Муликов».

На состоявшемся 21/IX 1921 г. совещании по настоянию Бакича было решено: продолжить атаки на отряд Байкалова и 1 батальон 185-го полка, укрепившиеся в хурэ, уже под руководством Бакича, а Кайгородов с тремя своими сотнями и одной сотней, сборной из корпуса Бакича общей численностью до 500 чел. с 4 пулеметами должен направиться в Горный Алтай с целью поднять там восстание и очистить его от красных.

В половине сентября 1921 г. обозы Кайгородова были переброшены в район оз. Толбо-нор, а затем — район Улэгэй, под охраной частей Бакича, оставив своим заместителем н[ачальни]ка штаба полковника Сокольницкого.

Около 4 часов 28 сентября 1921 г. банда Кайгородова общей численностью до 500 чел. под командой Кайгородова появилась под Кош-Агачом и повела наступление с трех сторон. Встреченная энергичной контратакой ча-

стей 185-го полка, потеряв до 100 чел. убитыми и ранеными и 6 чел. пленными, банда в панике бежала к монгольской границе (донесение комполка 185 № 295 от 10/IX-21 г.). В связи с неудачной атакой под Кош-Агачом, в отряде Кайгородова началось разложение, и в первых числах 1921 г. в [не-разборчиво] пришла группа в дезорганизованном виде численностью до 200 чел. с офицерами пор[учиком] Щербитовым и др. и 2 пулеметами. Сам же Кайгородов с частью своей банды до 150 чел. и 2 пулеметами в обход Кош-Агача двинулся вглубь Горного Алтая. Полковник Сокольницкий, видя разложение в отряде Кайгородова, забрав большую часть обоза, людей, вернувшихся из-под Кош-Агача и семей, ушел на Кобдо и затем вглубь Китая с целью отдаться под покровительство иностранных консулов (показ[ал] Чембулов 26/XII-21 г.). Отряд его был китайцами разоружен, и сам Сокольницкий арестован в Шара-сумэ (сводка штаба помглавк[ома] № 27 от 27/I 22 г.).

После неудачного наступления на Кош-Агач, обойдя последний реками Чаган-Узун (левый приток р. Чуя) 2/X 1921 г. Кайгородов с бандой до 300 чел. появился на Чуйском тракте в районе 14 верст юго-вост. Чибит, стремясь пройти в район Онгудая для соединения с бандой Тырышкина (1-й Партизанский лесной полк), оперировавшей в районе Онгудай — Хабаровка. 11/X 1921 г., после двухдневного упорного боя с частями 186 полка, ему удалось занять В. Бомон [?] и Едро, с 27/X — Туекта. Уклоняясь от боя с нашими частями, присоединив остатки разбитой под Хабаровкой банды Тырышкина, пошел вниз по реке Песчаной и 31/X занял Б. Ануй, в районе коего повел усиленную агитацию и вербовку, вследствие чего численность банды его увеличилась до 1000 чел. 1 ноября 1921 г. после упорного двухдневного боя занял район Ч. Андуй — Мариинское. Банда увеличилась до 1500 чел. 2/XI с боем занял Барагаш-Ильинское, а 5/XI — Тоуракское — Куеганское, разведка его была обнаружена 4 версты южнее Алтайское. Дальнейшее продвижение Кайгородова на север было приостановлено. В боях 6 и 7 ноября 1921 г. под Куеганское — Барагаш Кайгородов был разбит, потеряв больше 300 чел. убитыми, 25 пленными и почти весь обоз с награбленным имуществом, с бандой до 500 чел. бежал на Ул. Мукур — Чурга, преследуемый нашими частями.

Мобилизованные Кайгородовым бандиты стали разбегаться по домам, и численность банды с каждым днем уменьшалась. В районе горы Сырылу 8/XI банда Кайгородова была настигнута нашими частями, окружена, и после упорного боя, потеряв до 70 чел. убитыми, в панике бежала на Б. Ануй, где 13/XI вновь настигнута и окружена нашими частями. Пробившись, Кайгородов с Тырышкиным и бандой до 250 чел., преследуемые нашими частями, бежали на Усть-Кан и далее на Уймон.

Остатки разбитой банды, разбившись мелкими группами, рассеялись в горах, а частью с оружием сдались мест[ным]властям.19/XI банда его чис-

ленностью до 250 чел. была настигнута в Котонда, была выбита и бежала по левому берегу р. Катунь, и 4/XII обнаружена в районе Сок–Ярык, где укрепилась и оказала упорное сопротивление наступавшим нашим частям. 20/XII бандиты повели наступление на наши части и немного потеснили их на Усть-Иня, но с переходом наших частей в контрнаступление бандиты, выбитые из Сок-Ярык, бежали в долину р. Аргут, где якобы намерены зимовать, а весной вновь поднять восстание в Горном Алтае и начать борьбу с Совет[ской] властью (разведсводки Штадива 21 за октябрь-декабрь 1921 г.).

Из разведданных штаба помглавкома выясняются следующие сведения о прошлом Кайгородова: Кайгородов — бывший стражник при таможне Кош-Агач, возраст — около 40 лет, сын волостного писаря из Уймона. Во время Колчака Кайгородов подбивал алтайцев перейти в сословие казаков, предполагая сделаться атаманом Алтайского казачьего войска (разведсводка Штасиба № 47 16/II-22).

Начальник Штаба 21 стр. Пермской дивизии /подпись/
Военный комиссар /подпись/
Помнаштадив 25 февраля 1922 г. № 2482 раз.

РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 223, л. 44-46.

[Протокол допроса П.А. Витте]

1922 г. марта мес. 23 дня. Уполномоченный [неразборчиво] ООВСВО Манебков допросил нижепоименованного в качестве обвиняемого, который по предупреждении о строгой ответственности за ложные показания показал:

Фамилия, имя, отчество: Витте Петр Александрович. Возраст: 48 лет. Национальность: русский. Подданство: [неразборчиво] в польское подданство. Бывш. сословие, место рождения и приписки: из дворян Волынской губернии, гор. Н. Волынск (Звягин). Последнее местожительство (точный адрес): Урга, Бол. ул., д. Петрова. Профессия: [неразборчиво]. Образование: Общее: Гимназия в Житомире Специальное: Киевский и Московский университет. Семейное положение: женат. Имущественное состояние: лично у меня недвиж. нет, у жены хутор в 4 дома на Украине. Партийная принадлежность (прежде и теперь), какая организация, № партбилета: беспартийный.

Чем занимался или где служил до войны 1914 г. и во время империалистической войны, не служил ли в старой армии, если да то в каких частях, чинах и должностях: До Германской войны был заведующим Тингутинским орошаем[ым] участком [неразборчиво]. В августе 1914 выехал в Монголию и по рекоменд. русского Пр-ва поступил на монгол. службу при совместн. Монгол. Пр-ва [неразборчиво] экспедиции по обследов. [неразборчиво]

После февральской революции: То же и в той же должности, выполняя отдельные задания по организации госуд. имуществ и монгол. чиновников минфина. С момента октябрьской революции до белогвардейского перево-

рота: То же. После белогвардейского переворота (если служил в бел. армии, то в каких частях, чинах, должностях, добровольно или по мобилизации): То же. В 1919 году вторжением китайцев моя служба временно прервана, а затем по истечении 5 месяцев возобновилась. При китайцах мне пришлось под давлением занимать некоторое время долж. завком. [неразборчиво] по стройке электростанции. С момента свержения Колчаковщины до настоящего времени: [прочерк]. Прежде не судился. В тюрьме или лагере не сидел. Виновным себя в предъявленном обвинении в ___признаю, по делу показываю:

В сентябре 1920 года [неразборчиво] я был от должности отстранен (уже после того, как работал на их службе некоторое время) и находился вне ее до февраля 1921 года, то есть до унгерновского нашествия. После выдворения из Урги китайцев Унгерном и восстановления функций прежнего Монгол[ьского] правительства, я премьер-министром был приглашен в качестве советника при Мин[истерстве]вну[тренних]дел. Назначение мое было санкционировано Богдо-хутухтой. При Минвнудел я занимался выработкой проекта по реорганизации [неразборчиво] натур[альных]налогов. Побудителем этой реорганизации явилось полное отсутствие средств в государственной казне и невозможность изыскать их извне. До этого вся тяжесть налогов и повинностей ложилась на класс хошунно-сомонцев, а шабинцы (подданн. самого Богдо-хутухты), князья владет[ельные] и невладет[ельные] и монастыри от них ускользали. Полагаю, что Унгерн в умножении госуд. кассы в связи с реорганиз. налогов заинтересован материально не был, ибо иногда отпускал даже заимообразно для нее некоторые суммы, насколько я знаю по слухам.

Необходимость урегулирования выявлялась недовольством широких масс, которые в связи с этим даже решались на иноземное иго, обещавшее им больше справедливости в этом, как в данном случае китайцы. После прихода Унгерна [неразборчиво] я никакого участия в его выступлении не принимал. С Унгерном я имел 4 свидания: однажды он был у меня и три раза я был у него. Первое свидание произошло на почве желания ознакомить Унгерна с положением Монголии (общим). Второе явилось продолжением первого. Я его посвятил детально в наиболее важные вопросы хоз[яйства], базовый [неразборчиво], и др. отрасли жизни страны. В данном случае я сделал это из симпатии к освободившейся Монголии от китайск[ого] воен[ного] ига. Оговариваюсь, что симпатии у меня к нему не было. Рассматривал я его как освободителя, что и побудило меня посвятить его в эти вопросы. 3-е свидание обусловлено было учениками, Монгол[ьское] пр[вительст]во отдало в обучение несколько монгол[ьских] чиновн[иков] к инструкторам в захваченных у китайцев предприятиях: электростанцию, [неразборчиво], телефон, радио, т[ак]к[ак] [неразборчиво] возвращать Пра[вительст]ву. Мотивов

Пр-ва, побудивших обращаться с этим ко мне, я не знаю. Ходатайство было удовлетворено.

Вписанному «и по-видимому» [неразборчиво] — верить.
/подпись: П. Витте/

Личный архив В. Хатчер.

[Фрагмент заявления Хатан-батора Максаржава в правительство Монголии об отказе от регалий и титулов]

6 марта 1924 г. В то время, когда, уничтожив автономное правительство, угнетали народ, тайно собрались некоторые революционные люди и решили поехать просить помощь из Советской России. Максаржав под подозрением, что знал об этом и соглашался, был заключен в тюрьму гаминами на несколько месяцев. Белые русские завоевали Хурэ, восстановили автономное правительство. Меня назначили полководцем всех войск, но барон Унгерн из белой партии меня, Максаржава, подозревал в связях с красными и под предлогом установления спокойствия в западном крае [меня туда] командировали. Тем временем солдаты Народной партии освободили Хурэ и выпустили манифест. Сейчас найдя и прочитав [его], я отправился в Улясутай, уничтожил белых, арестовал Бакича[2971].

YTA, ф. 1, оп. 1, д. 354, л. 189-190. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Из письма Богдо-хана к императору Японии, посланного через Цэрэнпил-гуна в 1922 г.[2972]]

12 года собаки-воды 25 дня 1-го осеннего месяца. <...> Высокий сановник русской белой партии Барон вместе со своими сильными солдатами с целью защитить Богдо-хана и халха-монголов, проникнув в Нийслэл-хурэ, уничтожил в бою лютых гаминов. На короткое время водворилось спокойствие, мы стремились восстановить силы. В это время некоторые наши монгольские жестокие люди составили заговор. Возникшая на северной стороне красная партия с солдатами и аратами вторглась и стала воевать с великодушным Бароном. Солдаты сановника Барона, поскольку они уступали в численности, были изгнаны. Солдаты красной партии силой свергли законную власть и установили власть Народной партии. Так завоевав, они сильно начали угнетать нас, монголов. Честных, прямых чиновников и сановников арестовывают, убивают, религию и указы Очирдара-Богдо игнорируют, в частности, запрещают проводить служения хутухтам и хубилганам, а у ванов и гунов отбирают чины. Так они нас угнетают, поэтому просим от императора Японии помощи. <...>

Батсайхан, 2006, с. 9–10. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

Мемуары

[Письма Эрнста Унгерн-Штернберга Арвиду Унгерн-Штернбергу относительно его рукописи «Барон Роман Унгерн-Штернберг: жизнеописание][2973]

Лохья[2974], 13 мая 1933 г.

Глубокоуважаемый двоюродный брат,

я хотел бы возвратить Вам Вашу работу о Романе Унгерне с приложением, при помощи карандаша я сделал несколько заметок, их легко можно стереть.[2975] О времени до момента его выступления на восток я написал вместе с моей женой, которая росла с ним; то, что мы можем знать, я посылаю Вам в приложении. Как Вы можете заметить, Вы не были правильно проинформированы о различных вещах, в особенности о его службе во время мировой войны; кроме всего прочего, я знаю несомненно, что он в конце 1917 г. — в январе 1918 г. был уже на востоке. Для его современников не очень просто отличать правду и вымысел в рассказах о Романе Унгерн-Штернберге. Но надо выделить то, что заслуживает доверия. Я пока оставил копию его послужного списка. Если я должен послать ее Вам назад, то Вы, пожалуйста, сообщите мне это.

С лучшими приветами, остаюсь неизменно Ваш, /подпись: Эрнст Унгерн/

Eesti Ajalooarchiv, Bibliothek des Ungern-Sternberg-Archivs, fond 1423, nimitsu 1, sailik 191, leht 4.

Лохья, 3 октября 1933 г.

Глубокоуважаемый двоюродный брат,

большое спасибо за Ваше письмо от 30 сентября, а также копии письма Вашего племянника Нильса. Как моя жена, которая росла с Романом Унгерн-Штернбергом, так и я сходимся в том, что только люди, которые действительно знали его самого, могут его правильно обсуждать и, в особенности, изображать. Он, во всяком случае, не был таким, как другие люди. Если пишут его биографию и держатся только за то, что является установленным, несомненно, что она станет бесцветной — и, пожалуй, также опасно при несколько более оживленном описании его личности увеличивать число легендарных историй о нем только для того, чтобы избежать опасности сделать ее скучной. Нужно было однажды рекомендовать ее племяннику, чтобы он ос-

новательно проконсультировался с адмиралом Зальцой — он знал его очень хорошо, и был действительно дружен с ним.

Теперь к письму Вашего племянника. Добавление 1. Роман Унгерн-Штернберг поехал на восток Сибири поздней осенью 1917 г., самое позднее — 1 января 1918. Когда-то сводный брат Макс Гюне сказал нам, что имел случай говорить в Красноярской тюрьме с интернированными там казачьими офицерами, которые говорили ему, что Роман Унгерн-Штернберг борется в Забайкальской области. Они думали, что большевики не поймают его никогда. Теперь я должен согласиться, однако, считаю возможным, что он пришел туда позже благодаря продвижению колчаковской армии на юг России. Наконец, относительно Восточной Сибири мне не было известно ничего более чем то, что Колчак перешел Урал.

Добавление 2. История пощечин с генералом Леонтовичем[2976] была неизвестна мне. При таких совершенно достойных признания действиях Роман Унгерн-Штернберг заботился не о бахвальстве. Такие вещи бывают редки. Кроме того, понятно, что он не говорил об этом в Эстонии. Если бы он делал это, история с Унгерн-Штернбергом была бы очень известна, и на Романа, вероятно, были бы обижены в военных кругах, если бы он распространял ее. Уже указание Ковеля проливает мне свет на то, что это другой случай. Другую насильственную историю в тылу румынского фронта Роман рассказывал мне самому: «Я выбил несколько зубов у одного дерзкого прапорщика, который отказывался меня отправить далее». Точнее эту вещь знает теперешний мировой судья в Ревеле Леонид Смирнов (обыватель Эстонии), который был военным судьей. Мне рассказывали, что Романа Унгерн-Штернберга из-под ареста вырвал Л. Смирнов. Примерно год назад я спрашивал Л. Смирнова о том, как он сделал это. Тогда он говорил мне, что, пожалуй, получил содействие от Эриха Ферзена, но он, однако, ничто не мог сделать — это покойный генерал Врангель использовал свое влияние и достиг такого снисхождения для Романа.

Книга Коростовца[2977] неизвестна мне — мне бы надо как-нибудь достать ее. Ваш племянник совершенно правильно говорит, что Оссендовский полностью бесполезен как источник.[2978]

Я предубежден относительно РомануУнгерн-Штернберга — однако я нашел, что ему часто приписывают вещи, которые противоречат его характеру, насколько его знаю я и другие его родственники. В случае, что Вы хотите ставить в известность Вашего племянника Нильса о содержании моего письма, я прилагаю для упрощения этого дела копию, а также копию послужного списка, которую Вы послали мне однажды.

Кланяюсь Вам с наилучшим приветом, Неизменно Ваш, двоюродный брат

/подпись: Эрнст Унгерн/

Eesti Ajalooarchiv, Bibliothek des Ungern-Sternberg-Archivs, fond 1423, nimitsu 1, sailik 191, leht 1–2.

Дословная копия письма барона Альфреда Мирбаха Арвиду Унгерн-Штернбергу

Кролевска Гута (Кенигсгютте), польская Верхняя Силезия, 31 декабря 1933 г.

Генерал Роман Унгерн-Штернберг осенью 1917 г. (в октябре или ноябре), во время осады Иркутска большевиками, прибыл из России в Иркутск по железной дороге в сопровождении приблизительно 10–12 человек, которые, в общем, как я вспоминаю, принадлежали к Дикой дивизии. Он агитировал в то время, когда жил в Иркутске, число людей вокруг него увеличивалось и образовало отряд против большевиков, которые тогда имели уже полное господство над Иркутском. Эта вещь считалась совершенно секретной. Делать это было очень сложно. Большая измена. Ему удалось еще более увеличить численность своего отряда в Култуке — городе на границе русской Сибири и Монголии[2979]. Среди его приверженцев, которые его сопровождали при его прибытии в Иркутск, некоторые были мне лично известными людьми (я также предостерегал его от более поздних предателей), там я сначала также собирался принимать участие в его экспедиции. В апреле 1918 г. я с моей семьей поспешно покинул Иркутск и сразу отправился в Петербург, так как большевики в Иркутске следили за мной.

Барон Альфред Мирбах

Мой старый друг барон Альфред Мирбах в свое время мне рассказывал, что он стремился к достижению тесного сотрудничества Унгерна с Семеновым. Он вынужден был отказаться от своего плана с Романом Унгерном по борьбе против большевиков, поскольку обстоятельства сложились так, что его семью следовало безопасно доставить в Россию, и он не мог покинуть ее.

А. Унгерн-Штернберг

Eesti Ajalooarchiv, Bibliothek des Ungern-Sternberg-Archivs, fond 1423, nimitsu 1, sailik 191, leht 3.

Д.П. Першин [Из воспоминаний][2980]

Ван-хурэ, Халха. 1921.

Монгольская почта «по воздуху» принесла весть о том, что Унгерн фон Штернберг ведет второй приступ на Ургу со стороны того места, которое и в современных картах обозначается названием «Ставка Цэцэн-хана», что гарнизон китайских войск в Урге находится в порядочном смятении от приближающейся военной опасности, что высылаемые китайские войска часто, не входя в соприкосновение с противником, уходят восвояси и по пути промышляют грабежом мирного монгольского населения. Действительно, опасность выражается достаточно явно, а к ней примешивается чистой воды неудовольствие по поводу неполучения войсками в течение многих месяцев жалованья. Теперь вряд ли время «маленькому Сюю» поправлять [дефект] своей казны.

Итак, второе наступление на Ургу. Генерал Унгерн, в конечном счете, возьмет и Ургу и подвинется дальше, присовокупляя к «своей» территории районы Ван-хурэ, Хангельцыка, Дзаин-шаби и т.д., или прокладывая себе дорогу, имея временной базой Ургу. Ургу взять нетрудно. Но этот факт станет знаменательным для многого, многого сложного, о чем ни генерал Унгерн, ни кто другой из его походного штаба не задумывается. Хотя над вопросами общеполитических последствий вряд ли и есть кому задумываться, да и ставит ли он себе подобную цель. Правда, говорить о политических последствиях какого-то унгерновского наступления на Ургу — надо многое переоценивать. Так, по крайней мере, можно положить там, где-то далеко от Монголии и там, где о Монголии можно слышать лишь на уроке географии по учебнику Иванова. Что бы ни произошло в Монголии, она все же настолько далека от остального мира, что вряд ли способна возбудить «неотложные» вопросы у присяжных дипломатов. Но здесь, соприкасаясь и переживая события, какими бы они малыми да мира ни казались, можно почувствовать, что события эти настолько же велики, как и события любой страны; и не могут быть они малыми, ибо касаются всей страны. И именно здесь движение Унгерна приобретает определенный вес, вес не только в его военных интересах, но в общеполитической области. Может быть, суждено «весу» этому сказаться только в последствиях движения, даже больше: может быть, даже вероятно, судьбами Монголии распоряжается сложный клубок политических интересов и Унгерн здесь является совершенно мелочью, но, поскольку он существует, у нас, современных и случайных свидетелей происходящего, является каверзный вопрос: почему бы не воспользоваться движением Унгерна для разрешения более сложных политических положений. Отсюда, из обширных монгольских степей, мы даже вправе следить за развитием событий с этой точки зрения, как ближайшей нам. А если вслед за движением Унгерна что-нибудь явится, то русского колониста-обывателя в Монголии в существовании каких то сложных политических вопросов и не убедишь — для него все имеющее произойти окажется логическим следствием движения Унгерна. В данное время колонист в решениях сих далеко не заходит, но Унгерна на погибель обрекает, если он будет из Монголии подступаться к советским границам.

Каково бы ни было «движение» Унгерна, но факт взятия Урги даст несомненное право маленькую эпоху в жизни Внешней Монголии назвать так или иначе его именем — пусть это будет «движение» Унгерна, «Унгерновская эпопея» или что иное. Для Унгерна же взятие Урги в нынешних условиях его движения и важно и необходимо. Факт завладения столицей Монголии, во-первых, почти совсем уничтожает противника, гарнизоны которого в Кобдо, Улясутае подвергнутся уничтожению силами Унгерна или самими монголами, у которых к этому сильное желание; во-вторых, Урга в руках Унгерна ук-

репит в последнем сознание права «владети и поступати», даст возможность образовать управления, чем отряд Унгерна освободиться от достаточно приставшей клички степных кочевников и приобретет правительственный центр; в-третьих Урга — и прямо и косвенно, т.е. как центр, откуда смелее можно будет приказывать — явится источником материальных ресурсов, что весьма для обносившегося в пути отряда необходимо. Унгерн из Урги разрешит себе делать то, чего не разрешал делать, Урги не имея. Не приходится, конечно, говорить и о том, что генерал после взятия Урги принудит поступить к нему в отряд всех русских, способных носить оружие, чем увеличит численность армии. Во всех отношениях средства, в способах приобретения [которых] генерал не привык копаться, увеличатся, а экзотика виселицы создаст впечатление страха и, возможно, непобедимости. Мелкие отряды в Монголии Унгерн постарается возможно скорее объединить и подчинить себе.

Напрашивается мысль, что случайным Унгерном Советы без решения громоздких и щекотливых вопросов прокладывают себе дорогу во Внешнюю Монголию, следуя, таким образом, по стопам старой имперской политики завоевания доминирующего положения, с той только разницей, что Советы под излюбленным лозунгом покровительства и защиты угнетенного парода завоюют не одно «положение», а всю страну, обратив внимание на экономические блага; с барского стола комсомольской псарне тоже отвалится ломоть в виде темы о достижениях Советов на Востоке в соперничестве с Англией, чем можно на время позабавиться. Пусть не так, пусть вопросы о Внешней Монголии сложны, но почему бы Ленину и К° не использовать маленький унгерновокий фактик; ведь Советы свое внимание к мелким отрядам, «налетающим на Русь», уже обратили, но эти отрядики — мелочь, а вот отряд генерала Унгерна да еще при факте взятия столицы Монголии вырастает в крупную величину настолько, что его операции (кроме того, от Унгерна можно ожидать, что он бросится и на русскую границу) снимут всякую надобность деликатного решения политических вопросов и дадут основание Советам двинуть свои силы в Монголии, укоротив «имперскую дорожку»...

На этот случай в России существует хороший анекдот, рассказывающий о том, что в каком то лесу зимой на санях в бездорожье заблудились Троцкий, Ленин и еще кто-то. Плутали, плутали по лесам — и Троцкий вынужден был заявить:

— Заблудились, ребята. Но в это время показалась широкая дорога, занесенная снегом, с верстовыми столбами в черных витых полосах по сторонам. — Что за дорога? — спрашивает Ленин. — Николаевская, царская... Нам по ней негоже. — Ничего. Вали: выведет. Вали по ней. Да, «вали по ней» — во всем...

Неминуемо занятие Халхи Советами. Унгерн же здесь очень кстати оказался. Но тут же — крышка и самому Унгерну. Тут же будет использовано монгольское «автономное» движение против вассала Китая. И Советы посту-

пят, насколько их природа позволяет, деликатно: беспокойный и разорительный элемент перебьют, кое-кого выгонят, «захватывать» не будут по-империалистически, но обратятся к самосознанию народа и «помогут» образовать свободную, трудящуюся и т.п. республику, которой, как пролетарской, русский народ, тоже пролетарский, будет приходить на помощь и учинять пролетарские кодексы, ставить рабоче-крестьянских инструкторов, счетоводов, финансистов, лесоводов, трехлинейные винтовки, после чего можно будет по-пролетарски же грабить. Все это у пролетариев принято делать достаточно упорно, чтобы сразу отличить новые светлые времена от старых темных. Время тоже удачное. Совето-китайские взаимоотношения таковы, что по поводу вмешательства Советов в китайские дела первым не придется готовить срочного объяснения. Это — дело будущего, по крайней мере, первые годы особенно беспокоиться не придется. Объяснения, конечно, будут неизбежны, ибо тут не отпишешься ни 60-ти верстной полосой по границе в силу договора 1901 г., ничем другим. Но для будущего Советы приготовят то, что называется «наша хата с краю»: раз монголы вздумали сами отделяться от Китая и объединиться собственной государственностью, то «мы в том не виноваты». Впрочем, есть основания полагать, что до объяснений дойдут не сразу, ибо с этого момента Советы особенно сильно выходят на Восток с пропагандой и призывом к китайскому пролетариату объединяться против внутренних и внешних империалистов и неравных договоров, и не может быть, чтобы при существующей китайской внутренней розни, не нашлось бы генерала, который не вошел бы в альянс с Советами хотя бы на почве его личных интересов и интересов той борьбы, которая при материальной поддержке Советов генералу казалась бы заманчивее. В современном китайском болоте черти найдутся. Я не намекаю на д-ра Сунь Ятсена. Хотя ставка советской пропаганды положена в данное время, как будто, именно на него, но то, что с натяжкой можно будет назвать сунятсенизмом, не будет соответствовать видам Третьего Интернационала, а если и будет соответствовать, то будущий сунятсенизм вряд ли придется рассматривать как одно политическое движение, одну доктрину: очевидно, в таком случай придется иметь дело с разными ветвями сунятсенизма. Вообще же, надо полагать, что Советы в Китай не станут искать ни героя-страдальца, ни чистых пролетарских идиллий, но найдут первого покладистого, которого предположат приемлемым для осуществления известных целей.

Но все это — дело будущего. А пока — барон Унгерн. Его «движение». Монгольское автономное «движение». Маленький Сюй» и «маленький» Джа, объявившийся в Ван-хурэ... Движения в кавычках. Неизвестно, что для будущего, но пока новички обязательны. Исключение, пожалуй, представляет один барон Унгерн, которому — даже не кавычки, а конец, конец одного героя русской, Забайкальской смуты.

А в связи с этим занимает мысль и о других персонажах в Монголии: Плевако, Казагранди, Архипов, Бакич, Сухарев и, по нынешнему положению, им подобные. Впрочем, всякие мысли лезут в голову, не исключается и страх за близкое будущее. Кругом однообразный зимний простор монгольских степей, а Ван-хурэ — маленькая колония русских, китайцев и большой ламаистский монастырь; русские женщины с именами, для нахождения которых в святцах надо потратить нисколько часов времени, и то можно не найти. Дела никакого, особенно для человека, недавно прибывшего из России. Записки эти — дело непривычное, но и то утешение: есть чем изредка заняться. Играть же целыми днями в 66 — скучно, к тому же на моей обязанности лежит считать очки своего соседа П.М., которому эта наука никак не дается, хотя играет в 66, по его же словам, лет 25. Ворочает сотнями мест чая, сотнями и тысячами голов скота, не было случая, чтобы просчитался в товаре или деньгах. Но вот очки в картах — заколдованное место.

— Вы бы, П.М., на счётах, — советует ему его нервная и бледная спутница жизни.

— Тогда играть не могу, а надо, чтобы деньги считать.

Итак... Барон Унгерн и прочие. Дело в том, что в Монголии в настоящее время, кроме отряда генерала Унгерна, существуют многие мелкие отряды, их дела и их атаманы, причем некоторые из этих отрядов сложились совершенно самостоятельно, без всякой связи с генералом Унгерном или кем другим. Об Унгерне будут описания, но меня занимает мысль о том, при каких условиях складывались эти меленькие самостоятельные отряды, тем более что условия и дела их были подчас удивительны (хотя бы по их несуразности), а в конечном счете их покроет общее имя барона, что несправедливо было бы, например, относительно полковника Плевако.

Унгерн в Монголии все же явился следствием Унгерна в Забайкалье. Именно там еще делались планы похода на Ургу, планы во всевозможных вариантах, планы, не в последний момент перед полонением Забайкалья красными войсками и не наспех созданные; они создавались гораздо раньше (неважно в каком духе), еще в маленьком особнячке т. Александровской улице, в Чите и, как говорят, при участии самого атамана Григория Михайловича Семенова[2981]. Еще на русской территории, кроме планов, у барона была армия: корпус Унгерна, в то время как каппелевская армия отступала в полосу отчуждения КВЖД, уходил в полном порядке в Монголию. Таким образом, в Монголию барон пришел с войском, с полной боевой организацией и, возможно, с ясными целями, для достижения которых Монголия служила ему дорогой, временной остановкой и базой[2982].

Мелкие же отряды сколачивались в самой Монголии из случайных беженцев, здесь же вырабатывались планы, намечались цели и выбирались вожди. Отряды складывались в разное время, разных местах, разными сред-

ствами, складывались внезапно, случайно, без всякой связи вежду собой. Общий отличительный признак этих отрядов — спорадичность появления их и их цели, которые тем шире, чем меньше отряд. Правда, из этого определения можно исключить только части генерала Бакича, как не собранные в Монголии, а вышедшие из пределов России. Части под главенством генерала Бакича на время осели в Монголии и занялись мелкими делами, но главным образом ожиданием у моря погоды. Возможность партизанских дел в пределах Сибири привлекала, а для приискания оседлости на чужбине надо много энергии, необходимо определенное ясное желание и решение куда направить стопы; путь же далек, будь он на юг или на восток, и в нем каждая неожиданная мелочь могла менять основное направление.

Географически отряды по границе Сибири с Монголией расположились примерно так. Барон Унгерн вывел свои части в Монголию через г. Акшу и Мензу, а немногие части вышли еще восточное Акши, и вся группа вылилась в долину реки Керулена. Полковник[2983] Архипов попервоначалу просто «имел людей», а потом наскоро сколотил отряд в районе Маймачена, китайского торгового городка на монгольской территории против и в трех верстах от русской Кяхты; кроме этого основного ядра, он вел своих людей группами по 2–7 человек на разных становищах по тракту Кяхта — Урга и на так называемых караулах на восток и на запад от Кяхты. Связь с этими людьми у полковника Архипова, как надо полагать, довольно живая, как равно и сношения его с его людьми на русской территории. Отряд собрался в компактную единицу лишь во время подхода генерала Унгерна к Урге. И по этому можно судить, что полк[овник] Архипов имел и прежде связь с бароном, а, следовательно, имел ближайшую цель выступления и военной организации русских беженцев в Монголии, что, надо думать, проходило в полном подчинении барону. Западнее Кяхты жительствует «атаман» Перфилий Сухарев в пределах Монголии против станицы Желтуринской.[2984] Людей у этого «атамана» немного, по крайней мере, в наличии не больше полуторых десятков, кто осели около «атамана» после бегства из Совроссии; но энергии по сколачиванию именно военного отряда Сухарев развивал много, причем его дела распространялись в этом отношении и на родную станицу и ее окрестности. Во всяком случае, Сухарев недавно здесь заявил, что, если понадобится, он может сколотить не одну сотню. По той деятельности, которую он развивал и относительно которой он информировал свой людей, можно судить, что он находился если не в подчинении, то в ближайшей связи с полковником Архиповым. Но, в то же время, часто бывая у своих на родине, конечно, инкогнито, он в достаточной степени улавливал слухи о «движении Унгерна», в чем казаки весьма точно осведомлены и, наверное, лелеял надежду в нужный момент преподнести барону целый отряд под собственной командой, собственными трудами сколоченный. По разговорам, можно судить о целях

«атамана» Сухарева. Он далек как то от мысли, что и после присоединения и подчинения Унгерну он должен будет поступить по общему плану, который по военным обстоятельствам мог заставить Сухарева идти на Ургу или вообще вглубь Монголии, — он лишь питал уверенность в том, что когда Унгерн будет после взятия Урги близко от него, то он, Сухарев, имея подготовленный план и своих людей на русской территории, первый двинется на Русь. Конечно, как всегда в таких мелких случаях бывает, он ни на минуту не сомневался, что после первого толчка, извне в Забайкалье все восстанут против ненавистной красной власти. Что ж, цель широкая, определенная, но вожделения этого героя не шли дальше станицы Желтуринской, как будто вся Русь в этой станице и заключалась. Стратегический план тоже касался только станицы — и ничего далее.

Насколько «атаман» Сухарев ограничивался только станицей Желтуринской, настолько мысль о походе на Русь в самом широком смысли этого слова заняла все место в голове полковника Плевако, который с этой целью и при совершенно иных обстоятельствах собрал отряд в Ханге, на озере Хубсугул[2985].

Далее, в Урянхае, в Бекенморе — несколько групп русских беженцев, но, однако, эти группы отряда или отрядов, поскольку в это понятие на сей случай входит вооружение и военные цели, не составляют; это просто беженцы, случайно собравшиеся вместе для удобств передвижения на Кобдо и Улясутай. Да вряд ли у этих групп какие-либо военные цели могли в недавнее прошлое время быть, так как им и так в Урянхае пришлось иметь дело самозащиты от урянхов, которые достаточно резко преследовали проходящих русских и, если было что взять у последних, то обирали — были и жертвы столкновений. Еще западнее расположились в разных местах отряды генерала Бакича и, затем, группы генералов Анненкова и Дутова. Последние отряды пока приняли решение двигаться на волю судьбы в Западный Китай, в Урумчи.

Таким образом, все отряды, кроме отряда генерала Унгерна, находящегося под Ургой, расположились вблизи русской границы. Однако, кроме таких, имеется несколько групп беженцев в Кобдо и Улясутае, причем часть этих беженцев постепенно принимает вид некоторой военной организации, поскольку слух о движении Унгерна становится все сильнее. До появления этого слуха у беженцев Кобдо и Улясутая никаких военных предположений не было, может быть оттого, что от России уж слишком далеко ушли, если же собирались группы, то с единственной целью — идти в Ургу и далее на восток, где бы оказалось возможным найти более постоянное пристанище.

До непосредственного соприкосновения с частями барона Унгерна и подчинения ему отряды полковника Архипова и «атамана» П. Сухарева находились, можно сказать, в распыленном состоянии; просто приходили новые бе-

женцы и становились на отдых, где их принимали, но тут являлся беспокойный Сухарев или кто другой и вселял мысль о военном отряде, и такой идеей постепенно прельщались, прельщались в большинстве случаев от безвыходного положения и неопределенности будущего. Время же зимнее, и о дальнейшем пути можно думать только весной, а сейчас надо как-то кормиться. Сейчас непосредственное соприкосновение с бароном осуществляется полковником Архиповым.

14 февраля 1921.

Полковник Плевако при сопутствовавших ему условиях наметил создать настоящий военный отряд, как настоящую воинскую и, к тому же, действующую часть, задачей каковой было «идти на Русь» ради освобождения угнетенных от власти Советов. Таким образом, он наметил и стал осуществлять задачу; другие же, кроме барона, или выводили свои части из России (генералы Бакич, Анненков), или ждали момента, случая, чтобы «своих людей» привести в военный вид (Сухарев), или выполнить бароном возложенную задачу (полк[овник] Архипов). Плевако, действительно, сколотил боевой отряд и действительно двинулся на Русь, имея в этом по силам его отряда даже успех.

Сейчас это время уже прошло, Урга бароном уже взята, о чем известно определенно, чему свидетельством являются отряды китайцев-военных, «отступающих» из под Урги и по пути занимающихся грабежом самым неприкрытым, просто толпы китайских ургинских беженцев, направляющихся в Троицкосавск, где советская власть им покровительствует, то есть дает бесплатный проезд по железной дороге в Маньчжурию, предоставляя им, голодным и оборванным, при 40-градусном морозе, до Верхнеудинска или Петровского Завода продвигаться пешком. Китайцы гибнут сотнями, на дорогах замерзшие трупы. Приелось уже видеть их в Монголии. Хотя нахожусь в трех верстах от границы Монголии, она кажется какой-то далекой; вероятно, это впечатление создается уютом русского дома, русской обстановки, вместо дымных, грязных и холодных юрт (впрочем, может быть, еще предстоящих). И здесь, среди относительного уюта, дела недавнего минувшего, дела отрядов, полковника Плевако кажутся то кошмаром, то неуместной игрой.

Итак, о полк[овнике] Плевако, который в данное время, как говорят, находится где-то здесь в ДВР, в районе Бичуры. Он, как было сказано, начал «дело» вполне самостоятельно на Хубсугуле и в то время, когда о генерале Унгерне еще не было ни слуху, ни духу. Тот факт, что Унгерн дела всех отрядов покрыл своим именем, полковнику Плевако может показаться обидным, ибо «поход на Русь» начал последний без какой бы то ни было зависимости от кого-либо. Передающие о местопребывании Плевако рассказывают, что он нелегально проповедует среди забайкальского крестьянства идею перево-

рота власти, собирая снова вокруг себя какой то отряд, но, якобы, популярностью не пользуется.

Велики и разнообразны мытарства русских эмигрантов. Впрочем, в «эмигрантство» как-то не верят — все происшедшее считается просто недоразумением, которое должно «скоро» кончиться. И величают себя не эмигрантами, а беженцами, этим термином, взятым из лексикона Великой войны. И только потом, осев в каком-то пункте и прожив в нем лет пять, беженец начинает изредка и осторожно вставлять в речь слово «эмигрант» по отношению себя и себе подобных. В Гельсингфорсе, Лондоне, Риге, Париже Маниле, Сан-Франциско — везде «беженцы», и это слово, очевидно, будет устойчивее нерусского «эмигрант».

Русский шквал разбрасывает беженцев повсюду. На Монголию, ее кочевую долю, тоже досталось. Правда, из общей цифры русских эмигрантов на долю Монголию пришлось немного. Но зато с какой страстью развернули работы. Не важно, какова работа, но энергия — поразительна, «дыму» пустили много. Эти немногие беженцы образовали отряды, походы, войны и всякие иные прелести. Если не считать русских людей, вышедших в пределы Монголии в виде воинских частей — Унгерн, Бакич и т.д., то общее число «одиночек», беженцев разного рада, в разное время переваливших границу, едва превысит 600. Главная масса их — лица, по тем или иным побуждениям бежавшие из Сибири после восстановления в ней советской власти. Здесь были бежавшие из концентрационных лагерей и Черемховских каменноугольных копей офицеры; были даже не военные, но ушедшие из Сибири, оставив или места заключения, или покинув российское жительство из боязни быть арестованными; бежали и устроившиеся уже на советскую службу, для какой цели выхлапатывали различные командировки в Тункинский край или другое место поближе к границе; некоторые оказались беженцами, не желая вернуться в Россию, после прекращения сезонных работ центросоюзной экспедиции по закупке скота в Монголии, в которой они до этого находились на службе. Все это люди, шедшие в одиночку или парами, и в редких случаях бывало, что идет целая группа. Такой способ вполне понятен, ибо в местах отправления в странствия, преимущественно в городах Иркутске, Красноярске, Минусинске, Черемхово и пр. не всегда можно было делиться своими мечтами с кем-либо, а часто бывало и так, что человек вечером ложился спать без всякой мысли о «путешествии» за границу, но наутро он, вопреки ожиданиям и предположениям, уже шествовал быстро и с опаской, видя в каждом встречном своего предателя. Пробираться по населенным местам выдающейся группой тоже было опасно ввиду того, что в этих местах были размещены и воинские части и отряды — и явные и тайные — ГЧК и ВЧК. Наиболее безопасным местом и потому наиболее излюбленным была тайга и горы, по которым продвигались «за границу», часто имея весьма слабое пре-

доставление о географии, а о географии данной местности — тем более. Попав в тайгу, злополучные беженцы, голодные и оборванные, руководствовались речками, направлениями гор, странами света и... личными обманчивыми соображениями. Приходилось встречать господ, которые, еще сидя, допустим, в Иркутске, свой маршрут определяли просто: брали попавшуюся под руку карту и раствором пальцев откладывали по масштабу расстояние от Иркутска до границы и приходили в восторг, что до границы всего каких-нибудь 200–250 верст, следовательно, надо полпуда сухарей и пять дней пути пешком. Но путь открыт, а мотаниям нет конца: то окажется, что путешественник запутался в горах, поддавшись их извилистым хребтам, то горы непроходимы, реки преграждают путь, то, за пасмурностью погоды, когда отсутствует единственный руководитель — солнце, путешественник направляется в сторону, противоположную цели — словом, котомка сухарями больше не располагает, а кругом горы и тайга. И, руководимый голодом, старательно ищет человеческого жилья и очень часто встречается с теми людьми, которых опасался. Можно одно подчеркнуть: не знаю случая, чтобы население, прекрасно понимающее, куда такой путешественник идет, кого-либо выдало властям. В худшем случае, если попадет в проводники бурят, то за указание дороги, за сопровождение оберет как можно.

— Как вы бежали? — спрашиваю штабс-капитана Н.И. Жмурко.

— А просто. Вижу, неладно мне будет. Взял карту — вижу, что близко. Простился с женой и пошел. Пошел по реке Белой: в верховьях близко подходит к границе Монголии, а где старался сокращать — идти прямо. Путь рассчитал на семь дней. Но в горах запутался, а к жилью мне было опасно выходить. Голодал сильно, ел кедровые орехи, облепиху, курил мох. А потом спичек не стало. По счастью, встретился бурят, который за обручальное кольцо (больше ничего не было) накормил мясом и указал путь в горах, по которому можно достигнуть жилого места в Монголии, представления о которой никакого у меня не было.

Вот с такими данными он покрывал «близкое расстояние». Оказалось, что только в горной тайге упомянутый Жмурко пробыл 107 дней; весь же путь от Иркутска до озера Хубсугул занял 132 дня. Аналогичный случай был, в смысле продолжительности путешествия, при совершенно неправильном выборе маршрута, и с профессором Оссендовским, как он сам рассказывает в его довольно известной книге, хотя она изобилует многочисленными фантазиями из области похождений Гулливера, и подчас красочная арматура сплошного вымысла в ней скрывает бледные факты. Однако таких многострадальных путешествий было немного: большинство «покрывало» расстояние много продуктивнее.

В Монголии, около русской границы, населенных пунктов очень мало и пункты эти в большинства случаев настолько незначительны, что много бе-

женцев ни один из них вместить не мог. Поэтому, собравшись из очередных приходящих в партии человек в 30–40, беженцы уходили дальше, в Кобдо, Улясутай, полагая, что в конце концов придут и минуют Ургу и направятся или в Маньчжурию, или на Калган, откуда недалеко до портов. К концу сентября месяца 1920 года у оз. Хубсугул на северном его пункте Ханга и южном Хатхыл можно было насчитать около 65 беженцев. Ханга от границы находится примерно в семи верстах и на этом промежутке расположены несколько заимок, принадлежащих казакам, постоянно жительствующим в Тункинском крае в станицах Шимки, Монды и др. Само же селение Ханга состоит из конторы Центросоза и еще двух домов. Вот — вся Ханга. Хатхыл — то же самое. На этих заимках приютились и их хозяева, и беженцы. В летнее гремя на озере между Хангой и Хатхылом крейсирует маленький пароходишко мясной экспедиции. В Хатхыле было то, что называется «видные русские колонисты» — Мамонтов и д-р Гей. Последний прежде был уполномоченным Монгольской экспедиции, каковая перешла Центросоюзу, но теперь, не рискуя ехать в Россию, оставался эмигрантом и колонистом, имея порядочное имущество.

Самая компактная группа русских беженцев в Хатхыле была в 20 примерно человек, которых подкармливал доктор Гей; все они, или почти все — офицеры. Во время сезонных работ в экспедиции в Хатхыле находилось около трех десятков служащих Центросоюза, а, кроме них, при конторе Центросоюза была группа иркутских студентов обоего пола, выехавших в Монголию в виде какой-то, кажется, ботанической, экскурсии, руководимой служащим Центросоюза агрономом Ивановским (если не ошибаюсь, самарский кооператор). Кроме беженцев настоящих, все русские, не считая, конечно, служащих экспедиции, оказались эмигрантами по той причине, что не находили возможным вернуться в Иркутск и восстановиться в правах перед новой властью. Даже служащий Центросоюза Ивановский оказывается беженцем страха ради. По его словам выходило, что студенческая экскурсия, чтобы производить работы, снабжена деньгами совершенно недостаточными, и, когда он сделал соответствующей доклад по начальству, то в Иркутске было признано, якобы, что Ивановский не у места и что он, вроде того, саботирует. Поступавшие в Хатхыл сведения давали понять, что Ивановскому будет плохо, а потому он на приказ возвратиться в Иркутск ничего не ответил и, перепугавшись, решил, что в Россию он не вернется. Страхи из России стали приходить все больше и больше, но на колонистов особенно подействовал рассказ «только что» вырвавшегося из самой пасти «советского зверя», вырвавшегося только потому, что на самой границе догадался пристрелить комиссара, который заподозрил своего спутника в побеге за границу. Убийство довольно важного комиссара было фактом. Таким образом, несколько служащих экспедиции заранее обрекли себя на беженство, по крайней мере,

«пока», и в их числе Ивановский, счел за благо остаться в пределах Монголии, где все время сочинял стихи о волжской березе, самой красивой в мире, и кусал свою громадную бороду, а жена его, пикантная особа, неимоверно томилась в этой глуши.

Кормить, хотя и дешевым в Монголии мясом, русских беженцев, кто все прибывал и прибывал, колонисты нашли обременительным для себя и, составив партию и снабдив двумя арбами, тремя быками и хлебом и чаем кирпичным, отправили на восток, в Ургу, чем угодили и себе и беженцам. И группа в тридцать с лишним человек двинулась на восток, встретив, кстати, весьма сочувственное отношение со стороны русских колонистов в Мурэнхурэ и в Ван-хурэ. Но, сделав предпоследний привал перед Ургой, группе от монголов пришлось узнать, что с Ургой кто-то воюет, и китайцы всех русских пришлых арестовывают, сажают в яму и в сараи и расстреливают. Монголы были искренни, а данный колонистами в Ван-хурэ проводник решительно отказался ехать дальше, боясь попасться в неприятность вместе с русскими. Пришлось повернуть обратно на милость колонистов в Ван-хурэ. Других комбинаций быть не могло, ибо у уставших людей не хватило бы силы — да и продуктов не было — на обход Урги в зимнее время, тем более что обход должен был быть глубоким, и следующее пристанище могло встретиться только после сотен верст пешего хождения. Таким образом, группа, пройдя свыше 700 верст и потратив полтора месяца времени, очутилась в необходимости проделать 360 верст обратно до ближайшего возможного пристанища — Ван-хурэ, Но, с большими лишениями проделав обратный путь, группа скитальцев встретилась с новым сюрпризом, на этот раз оказавшимся чрезвычайно неожиданным и неприятным. В Ван-хурэ от ургинского китайского штаба был получен приказ монгольским властям и китайскому торговому старшине относительно неизвестных и не жительствующих постоянно на данном месте русских. Что за приказ, хоть подлинно русским неизвестный, догадаться было нетрудно, и действие его скоро сказалось, а именно: всем русским «неизвестным», то есть фактически беженцам, предложено было немедленно убраться куда угодно, только не оставаться в Ван-хурэ. Монголы говорили не грозно, наоборот, сочувственно, даже предлагали многим укрыться у них же в юртах, но не могли оставить группу в Ван-хурэ, боясь последствий доноса китайского торгового старшины в Ургу. Хорошо еще, что в Ван-хурэ не было в то время никаких китайских войск.

Но, так или иначе, а убираться надо было. Колонисты опять кое-чем снабдили на дорогу, и группа тронулась в 400-верстный путь в декабре, держа направление на Хатхыл, то есть к исходному пункту. В выборе этого направления сыграл роль появившийся слух, разнесенный монголами, что в Хатхыле находится какой-то русский военный отряд, которому монголы весьма сочувствуют; новые слухи подтвердили и сообщили, что отряд состав-

лен из беженцев, успевших опять подойти из России за это время. Что касательно отряда думал каждый отдельный беженец, сказать трудно, но перед всеми была необходимость уйти из Ван-хурэ, была перспектива — бродить, ибо в любом другом месте группа могла встретиться с аналогичным требованием властей уйти куда угодно, только не оставаться «здесь», всем хотелось немного тепла и немного отдохнуть. Ночное на снегу, часто в открытой степи, переход рек, еще не покрывшихся прочным льдом, вброд, отсутствие достаточной пищи — все это веселья доставляло немного.

Вот обычная картина мотания русских беженцев по Монголии в то время. Летом еще туда-сюда: тепло. Такими группами русские беженцы ходили пешим порядком тысячи верст, пока доберутся до города такого, в котором можно помыслить об устроении своей жизни как-то иначе. Но кончились и относительные удобства: нельзя в Ургу, нельзя попасть к китайским солдатам в руки.

Но вернемся нисколько назад. В октябре 1920 года в Хангу прибыл из России, из Иркутска, беженец. То был полковник Плевако. Пришел, как приходили все. И в один и тот же день появился и его приятель полковник Маклаков с сыном, кадетом. Если верно помню, Плевако шел, пробираясь и побираясь, но помню твердо, что Маклаков ехал в командировку в Тунку от штаба по вопросам Всеобуча, в то время проводившегося Советами. Свою командировку Маклаков «распространил» и на заграницу.

Полковник Плевако, на вид здоровый, с энергичным лицом, характерным подбородком, являл собой тип боевого и в ответственную минуту решительного, храброго офицера. Человек, по всей видимости, прямой. Маклаков — низенький, в хороших условиях кругленький, розовенький полковник, который вряд ли много командовал и вовсе, надо полагать, не «нюхал» пороха, человек преимущественно канцелярский, деликатный, немного паркетный шаркунчик и из тех, кто привык бегать петушком за городничими; мелкий слюнтяй, отчетливо целующий ручки дам.

Пообнюхав воздух, полк[овник] Плевако нескольким десяткам хубсугульских беженцев назвался не своим именем. В Ханге осматривался он недолго, и в голове родились идеи и военные планы. Было приступлено к организации отряда. Почему Плевако организовал военный отряд? С какими целями? Цель была ясна и определенна: «идти на Русь». Пусть это звучит смешно, но Плевако эта цель сознавалась без сомнений, и по мере сил проводилась вполне искренно, а в отношении средств, потом оказавшихся, бескорыстно. Предприятие абсурдное, но Плевако — искренен. Обстоятельства, в которых находились русские беженцы, не исключали необходимости группы, но организация таковой с военными целями немногим могла придти в голову. Организованная группа легче могла достигнуть своей цели, ради которой все вышли из России, то есть легче могла преодолеть трудности беженского пути,

главным образом, в отношении материальном. Но нет — именно военный отряд, боевая единица, именно военные цели были положены в основу организации отряда; мысль двигаться не по беженской дороге, а по дороге «освобождения» России от большевиков руководила всеми мероприятиями полковника Плевако. При мизерных средствах и со всем упорством он приступил к ее осуществлению.

С этой точки зрения и интересен этот единственный в своем роде боевой отряд. Выступлению его не предшествовала никакая подготовка в пределах России. Плевако верил в копеечную свечу, от которой загоралась Москва, он верил в свою победу, верил, что сначала дело пойдет неуверенно, но потом к нему будут приставать повстанцы в России и он совершит громадное дело. Не думаю, чтобы хоть на минуту проникла в его голову мысль об абсурдности его дела. Говорили, и можно было говорить о чем угодно и о том, что умственные способности полковника Плевако двинулись книзу после критического момента — чинопроизводства в полковники, но в идее и мыслях и поступках полковник был искренен. Обстоятельства были прямо противоположны перспективам успеха: никакой подготовки в России, в ближайшем районе — Тункинском крае, и «сила» в 40–50 человек при винтовках двадцати, не больше, но «была бы хорошая идея», говорил Плевако, — «идеи носят люди», а он чем хуже других?

Кто поддерживал Плевако? Один он, при всем упорстве, не мог, конечно, ничего сделать. Значит, должны были быть люди, кто в некоторой степени разделял бы идею «похода на Русь», а главное, согласен был бы рисковать собственной головой. Таких людей нашлось несколько десятков человек, вернее все, кто были беженцами и находились в то время в районе озера Хубсугул. Насколько они были искренни — об этом речь дальше, но риск потерять голову должен был быть учтен, и в отряд они вошли. Это была первая сила будущего похода на Русь. Наиболее важным лицом среди них, по той пользе, которую он мог принести отряду, был полковник Мартынов (или Мартин), состоявший в то время заведующим конторой Центросоюза в Ханге. (Сказанный полковник, если не ошибаюсь, во время правительства адмирала Колчака был командиром одного из полков, расквартированных в Иркутске. Как и когда он очутился на службе у Центросоюза, да еще в Монголии, не знаю).

Полковник Плевако «вел переговоры» с беженцами, но преимущественно ему попадались «полубеженцы». Это были казаки, временно осевшие в бургасах, казачьих заимках в Монголии, сейчас же у границы с Сибирью, в целях избежать могущих быть неприятностей на родных станицах от новой власти и, возможно, подкормиться около Центросоюза во время летних его операций, ибо последний за работу в Монголии платил серебром и выдавал товарами — все ходовой валютой, недостаток чего на родине сильно ощущал-

ся. «Полубеженцы» они потому, что не признавали себя «заграничниками», полагая себя в праве вернуться домой, когда это им будет выгодно. И теперь они нелегально сносились с домом, бывая там, и отвозя своим семьям свой заработок в Монголии. Работа их чередовалась бездельем, но контрабанда была всегда в виду. Вот эти казаки особенно близко подошли к Плевако и сумели заслужить его доверие настолько, что о делах он преимущественно с ними советовался и на них преимущественно рассчитывал в будущих операциях, но не на остальных беженцев или, по крайней мере, с остальными Плевако был более далек. Казаки же уверили Плевако в существующем недовольстве тункинцев властью Советов и возможностью поднять крупное восстание, после победоносное движение вперед обеспечено. Скрытые вожделения казаков полковник понял только потом, позже, когда ему пришлось уже «дело» кончить.

Плевако как-то особенно близко сошелся о упомянутым заведующим конторой Центросоюза в Ханге. Близость вылилась в форму согласия его принять посильное участие в делах отряда. А это был самый важный плюс, который давал отряду деньги — небольшие, конечно — и товары в виде мануфактуры, чая, скота, седел и т.д. Кроме того, это было важной побудительной причиной образования ядра отряда — казаков. Однако чтобы получить эти материальные ресурсы, надо было их отобрать у Центросоюза, — поэтому полковники Плевако и Мартынов (или Мартин — будем называть его «полк. М.») постановили для начала произвести «переворот» в Хангинской конторе Центросоюза. Какими соображениями руководствовался полковник М., оказать трудно, но для казаков соображения были простые: можно будет попользоваться добром Центросоюза, им «спекульнуть», снабдить жен в родных станицах и вообще припасти нужное и ценное. Они легко могли переправлять добро тайно домой. А на тот случай, что придется идти походом на красных и, таким образом, рисковать собственной шкурой, казаки прекрасно знали численность красных войск в станицах и знали, как и с какими силами их можно будет разбить; если же достаточных для того сил у Плевако не наберется, то можно будет не воевать, а если и воевать, то держаться казакам на заднем плане, насколько это возможно. За «службу» же кое-что по справедливости перепадет, а больше можно «взять». Было учтено ими и то, что их, казаков, единицы, а остальных беженцев порядочно, так что потери падут преимущественно на их головы; было учтено и то, что ими, как немногими знающими местность и условия, в каких находился противник в станицах на Руси, будут дорожить, пользоваться как проводниками — словом, разными маневрами непосредственной опасности можно избежать. А учтя все, казаки, а не остальные беженцы, наиболее горячо поддерживали предприятие Плевако. Загадкой оставался Центросоюзный полковник; но загадкой для сторон, а не для Плевако, который понял, что полковник М. с ним.

Между ними было решено, что безответственная группа белых нападет на контору Центросоюза и заберет ее, а полковник М. окажет сопротивление, но будет арестован, чем обелит себя перед Центросоюзом. В то же время, полковник М. обещал снестись с кем надо в Хатхыле и выяснить возможность аналогичного переворота и в Хатхыльской конторе, что дало бы всякого рода средств гораздо больше, чем их имеется в Ханге, так как в Хатхыле находилось и больше наличности и кой-какие склады с товарами. И в этом вопросе М. подготовил Гея.

После сих первых, в сущности главных шагов, обеспечивающих ресурсы, полковник Плевако созывает «войсковой круг», которой единогласно избирает его атаманом. Тут будет кстати сказать, что Плевако выступил под фамилией Корюков, избранной так «по лицу», изрытому оспой. Тут «атаман» Корюков начинает фактическую работу. Все происходит в один день: надо было спешить, ибо через дня два все должно было быть известным в русских Мондах, так как оттуда приходила почта и вообще сообщение с Мондами (верст 15) было частое. Корюков назначает начальником штаба полковника Маклакова и начальником хозяйственной части прапорщика Мишустина. После войскового круга, уже ночью, Корюков с 10–15 парнями (вооруженными, ибо у всех казаков были винтовки, а часть оружия была вечером взята в конторе Центросоюза у полковника М.) врывается в помещение конторы. Полковник М., заведующий конторой, оказывает «словесное сопротивление» и арестовывается. Переворот произведен. Суммы и товары, скот и лошади поступают в хозяйственную часть отряда.

Дня через два происходит переворот и в Хатхыле. Тут, правда, с выстрелами и немногими ранениями и с побегом многих служащих конторы, в их числе заведующего Ларева и контролера Салтыкова. Вернее, контора в Хатхыле приехавшими туда корюковцами была взята с бою. В этом деле, как говорилось выше, предварительно был подготовлен полковником М. доктор Гей. Но он, как непричастный к конторе, мог действовать со стороны наступательно. Однако привлечь Гея, как решили Корюков и М,, было важно по трем причинам: во-первых, он влиятельный колонист, во-вторых, пользуется популярностью и уважением монголов и монгольских властей и, в-третьих, он, как бывший уполномоченный Экспедиции, сам когда-то создавший все нынешние центросоюзные конторы, был наиболее компетентным лицом в делах и операциях Центросоюза и мог, как никто, руководить в вопросах собирания материальных ценностей Центросоюза и в вопросах взаимоотношений с монголами. Так, по крайней мере, было решено. Положению и трудам Гея было отдано должное, и он в своих руках сосредоточил все ценности двух контор Центросоюза и политическую часть корюковского предприятия, явившись, таким образом, чем-то вроде «министра» продовольствия, финансов и внешних сношений «повстанческого правительства». В качестве

помощника по хозяйственной части Гею был дан от отряда полковник Васильев, а прапорщик Мишустин по хозяйству остался при самом отряде.

Таким образом, «переворот» был произведен в двух конторах Центросоюза — Ханге и Хатхыле, другие же конторы от описываемых мест отстояли слишком далеко, да и «взять» их было уже нелегко, ибо в Кобдо и в Улясутае были гарнизоны китайских войск. Кроме того, ведь надо «идти на Русь».

Дальнейший план таков. Монголия — база, противник — Россия. В Хатхыле — главное интендантство, в Ханге — хозяйственная часть действующего отряда. Оба пункта сообщаются по озеру Хубсугул пароходом, который также обращен на нужды отряда, или сухопутно, и в том, и в другом случае — около 120 верст. Немногочисленность отряда — около 50 человек — позволяет делать неглубокие налеты на русскую территорию, где будут разбиваться небольшая войсковые части красных в станицах. После каждого налета отряд с трофеями будет возвращаться обратно в Монголию на отдых. Этим предположено достигнуть: снабжение отряда оружием и огневыми припасами за счет военных трофеев; пополнение людьми отряда пленными и крестьянами советских деревень и станиц; осведомление населения, что отряду белых нужна поддержка во всем и тогда он будет стараться освободить население от ига красных, а в успех дела отряд, само собой разумеется, верит.

Но, кроме того, всякая новая власть объявляет свою декларацию и выпускает свои воззвания. Вот тут Корюков взялся за гуж. Машинки Центросоюза застучали, печатая военные приказы и иные распоряжения. Всякие назначения и перемещения, распоряжения тщательно фиксировались приказами, как в заправской армии, чтобы, как говорил Корюков, не могли подумать, что идет какой-то грабеж или комедия. Эти же машинки отстучали и что-то вроде декларации «правительства», или отряда. Оно обращалось с призывом и с объяснениями касательно произведения переворота к населению (7–10 жителей) Прихубсугульского района. Смысл «декларации» касался объяснений того, что отряд белый, поставивший своей целью «с верой в Бога и с мечом в руке» идти к «освобождению России» от большевиков. Тут же объявлялось военное положение в районе, и тут же был бесхитростный перечень правил о том, как «вести себя» прихубсугульскому населению. Под конец декларация обращалась с призывом ко всем и вся о поддержке и помощи и выражала веру в успех дела. Все довольно выдержанно, веско, деловито и без сентиментальностей. По этой декларации сам «атаман» был «первым парнем на деревне» и ему принадлежала верховная власть в самом широком смысле этого слова.

Доктор Гей занял исключительное положение. Прежде всего, он встал в сферу его прежних работ; правда, эта сфера ограничивалась наличностью только двух маленьких Центросоюзных контор. Это ли обстоятельство или то, что Гей на фоне русских и монгол там был «именитым гражданином» —

в делах отрядной политики он представил персону. По существу происходивших событий он мог быть подчинен полковнику Корюкову-Плевако, как главковерху, как «диктатору новой власти», да официально и был подчинен начальству отряда, ибо соответствующий приказ гласил о поручении Гею продовольственной и финансовой части. Но в то же время доктор Гей оставался такой персоной, которой не совсем-то удобно бы приказывать, а чаще надо было советоваться с ним, а в отношении кое-чего и слушаться. Сложилось как-то так, что во многих случаях отряд обращался к Гею с «просьбой» о снабжении, а впоследствии были случаи, что Гей просьбу подвергал собственной поправке или в удовлетворении «целиком» отказывал. Силы так поступать Гей никакой не имел, но держалось безотчетное мнение, что Гей может «повернуть», поступить по-своему, так что судьба отряда, якобы, в порядочной степени находилась в его руках.

Фактически все это было неверно. «Переворот» сделан отрядом, средства, как следствие этого переворота были достоянием отряда, «атаман» Гея назначил, следовательно, мог и развенчать, мог Гея поставить в какие угодно обстоятельства. Оставалось одно — его популярность у монголов. Но взаимоотношений с монголами у отряда никаких и не было. У монгольских властей силы тоже не было, чтобы ликвидировать отряд, да они и не склонны были делать этого, лишь бы их не трогали. Но в то же время Гей выдавал для отряда, что надо было, а в военные операции, конечно, не вмешивался. Трудно сказать, насколько Гей был уверен в успехе дела, однако его участие и его сотрудничество показывало, что он с отрядом, и взял это сотрудничество без вынуждения, а совершенно добровольно. Можно было предположить непродуманность и корыстные цели, но насколько ясно первое, настолько не было доказательств для второго.

В «декларации» относительно будущего строя (ведь тоже обязательный пункт для всех переворотчиков) в России не было оказано ни слова. Шли «освобождать» — и только. Никаких выборных начал в отряде не допускалось. «Атаман» Корюков приосанился совсем по-военному и по-диктаторски. В обращении его «братцы» чувствовалась и теплота, и уверенность, что так должно быть, и боевой кураж. Спокойствие, слегка фатальность, дорисовывали внешний вид «атамана».

Наличная «армия» в несколько десятков человек из запасов Центросоюза обмундировалась, обзавелась лошадьми, седлами, винтовками (хотя еще не на всех), подкормилась и готова была действовать. Штаб остановился в Ханге и готовился к «налету», который под непосредственной командой самого «атамана» и был совершен на первую от границы русскую станицу Монды, где был небольшой отряд красных чинов ВЧК. Время от «переворота» в Ханге и до первого налета выражалось в нескольких днях, меньше недели. Отряд с вечера сосредоточился в Бургасах и на рассвете перешел границу и

обложил Монды. Верные сведения о гарнизоне в Мондах были доложены атаману казаками отряда. В Мондах ничего не знали о готовящемся налете белых (так, по крайней мере, можно было судить), и, несмотря на близость расстояния, все происшествия последней недели каким-то чудом остались неизвестными красным. Был случай, когда кто-то из центросоюзных скотопогонщиков направился в Монды, но казаками был возвращен обратно в Хангу. Почта же, обычно приходившая в Хангу раз в неделю, сведений о перевороте не унесла, так как двое привозивших были вынуждены временно остаться в Ханге подождать парохода из Хатхыла с обратной почтой. В этом месте проходит и телеграфная линия, соединяющая Иркутск, Хатхыл, Кобдо, Улясутай, Ургу. Но телеграфная контора, находящаяся в степи недалеко от Хатхыла, была занята отрядом накануне переворота в Хатхыле, что исключало возможность телеграфировать о происходящем, хотя вся другая работа не прерывалась, и телеграммы не перехватывались.

В Монды отряд вошел с обеих сторон: со стороны Монголии и со стороны Иркутска, и после небольшой перестрелки, начатой красными, пробудившимися в их помещении в доме на берегу у моста через реку Иркут, первый «поход на Русь» был совершен: белые заняли Монды. Несколько человек отряда были оставлены в кустах, чтобы по приблизительному подсчету времени, когда отряд начнет действовать в Мондах, снять пограничный пост на скотопрогонном карантине. При этом налете оказалось несколько убитых и раненых со стороны красных и шесть человек взятых в плен; из белых никто не пострадал. Было уже светло, когда отряд возвращался на отдых в Монголию. Благодаря этому походу отряд обогатился свыше 30 винтовками и порядочным количеством боевых припасов, что давало возможность вооружить пока еще остававшихся невооруженными некоторых участников отряда. Пленные красные изъявили полную готовность служить в отряде, где их хорошо накормили. Можно одно с удовлетворением отметить, что при возможности полного произвола ни на этот раз, ни в последующем никаких репрессий или каких-либо неприятностей по отношению к пленным не чинилось.

Выпавший так легко первый успех всех значительно приободрил, и «прихубсугульская общественность» легче допускала мысль — «чем черт не шутит, когда Бог спит»; даже немногие беженцы, в беженстве своем еще неуверенные, «полубеженцы», почувствовали себя оторванными от России и определенными противниками советской власти.

Через пару дней был совершен второй налет на вторую от границы большую станицу — Шимки, где, кроме чинов ВЧК, стояла рота красных. На этот раз красным все было известно, и рота их встретила белых вне станицы в пади, покрытой зарослью. Также на рассвете произошел бой, который выиграли опять белые, взяли станицу и «атаман» держал речь перед населением о своих задачах. Во время боя на сторону белых переходили красные солда-

ты, а впоследствии к отряду присоединилось несколько станичников. На этот раз трофеи были гораздо больше, так что в отряде получился запас оружия и припасов. Корюков был храбр и рассудителен. Начальник штаба полковник Маклаков за все операции ничего особенного не проявил. Закончив операции, отряд ушел опять в Монголию. Уверенности в хорошую звезду не было конца. Большим основанием служило то обстоятельство, что на сторону отряда переходили красные солдаты и, по-видимому, чувствовали себя хорошо. Они же уверяли и «атамана», и отрядников, что везде красные солдаты будут переходить на сторону отряда, потому что все недовольны порядками в России. Один даже вернулся по общему согласию обратно, как бы из плена белых, чтобы порассказать «ребятам», что пора свергать правительство и присоединяться к белым. Как он обещание выполнил, неизвестно, но вскоре вернулся назад и доложил, что все сообщил и большинство согласны отряд поддержать, и в случае соприкосновения с ним переходить на его сторону.

Тут несколько слов о меньшинстве отряда — казаках. Они правильно учли свое меньшинство, свою нужность для отряда и возможные материальные блага. Уже в первом налете получилось, что казакам, как знатокам местности, была поручена обязанность разведки, обязанность проводников отряда и нужных указаний. В самой перепалке их не было, и появились они уже к «шапочному разбору». Очевидно, указав дорогу, сделав что надо и пользуясь темнотой, провели бой в кустах. То же самое случилось и под Шимками. Лишь двое казаков как-то оставались, по словам самого «атамана» на самом горячем месте. Но при общем успехе никто внимания на отсутствие казаков не обратил, да и они умели делать все «без сучка, без задоринки». Зато каждый раз, вернувшись на отдых в Монголию, казаки давали себя знать. Получалось как-то так, что у почти всех казаков пропадали в степи или в бою лошади, седла, изнашивались до невозможности полушубки, валенки, терялись винтовки и т.д. Все это из запасов выдавалось им снова, или получали они деньги из «казны» на покупку у монголов лошадей. Но проходил день, и как кому-либо давалось поручение, то снова оказывалось, что лошадь пропала, или износилось обмундирование. Остальные беженцы в отряде вели себя добросовестно и дрались лучше. Собственно, успех боевой лежал на Корюкове и этих беженцах. Но дрались не за страх, а за совесть, дрались со всею возможной ненавистью, дрались отчаянно — это перешедшие на сторону отряда красные, они являли полную боевую дисциплину и шли самоотверженно.

Само собой разумеется, что о выступлении белых в это время знали уже не только в Тунке, но и в Иркутске. Однако там вряд ли придавали сколько-нибудь серьезное значение новой маленькой катавасии, так только из Тунки была переброшена поближе к границе часть войск, что-то вроде одной и полуторых рот. Приняв это во внимание, Корюков в свой следующий поход

рассчитывал на то, что отряду придется выдержать бой с красными, которые будут двинуты из Тунки на место разбитых в Шимках. В отряде уже насчитывалось свыше 70 конных и оружных, а в качестве морального веса две блестящие победы. Надлежало решить в пользу отряда предстоящий налет, после которого, в случае успеха, часть отряда останется в Шимках и только часть вернется обратно в Монголию на очередной отдых, но в случае полного успеха при большом увеличении отряда перешедшими на его сторону — идти дальше вплоть до занятия Тунки, в связи с чем почти весь Тункинский край будет в руках повстанцев. В Тунке при поддержке населения отряд остановится, укомплектуется новыми силами и... Но так думал Корюков со своим штабом. Между тем встретилось совершенно новое и неожиданное обстоятельство.

После того, как отряд расположился на отдых после второго набега на русскую территорию, в Монголию, именно в Хангу явился новый беженец из России - полковник Казагранди. Поведение Казагранди было весьма предупредительное; он живо интересовался делами отряда, который он не ожидал здесь найти. Как это было и с Плевако-Корюковым, Казагранди облепили те же казаки, учуявшие новый для себя интерес, а главное старавшиеся оттянуть очередное выступление в русские пределы, которого они сильно побаивались, имея в виду встретить более сильный отряд красных. Казагранди, очевидно, вывел скоро свое заключение, и «атаману» Корюкову явился с предложением принять участие делах отряда. Судя по разговору, Казагранди имел играть в отряде только крупную роль, а Корюков отношения полковника Казагранди с казаками и прочими участниками отряда заметил и, начавший уже нисколько раньше сомневаться в искренности казаков, вывел заключение, что в отряде находится смутьян. По своей прямоте «атаман» переговорил с Казагранди начистоту, а закончил тем, что он вынужден будет арестовать его. Кончилось дело тем, что Корюков взял с Казагранди «честное офицерское слово» не смутьянить в отряде и не находиться в районе его операций. На пароходе Казагранди отбыл в Хатхыл, где вошел в общение с Геем; в то же время из отряда без всякого ведома в Хатхыл верхами уехали два казака. Взял ли Казагранди своим «галантерейным обхождением» с Геем и его женой — которой, как говорят, очень убедительно напевал вполголоса цыганские романсы, взял ли тем, что правильно подошел к влиятельным в отряде казакам, понравился ли он вообще всему отряду — но ему было суждено заступить место Крюкова, не только сменив последнего, но к предложив похорошему уехать из отряда совсем. Но правильнее будет, если принять во внимание «исключительное» положение Гея и роль казаков. Было, конечно, и то, что в отряде Корюкова никто не знал, как, пожалуй, не знал и его настоящего имени, а имя Казагранди было все же относительно популярно со времен адмирала Колчака. Казагранди Гея «полонил», с казаками нашел «об-

щий» язык; в отношении всех остальных он сумел сделать так, что факт высылки его из отряда становился некрасивым поступком Корюкова по отношению к офицеру и «своему брату». Больше всего Казагранди общался о казаками, которые, ввиду создавшаяся положения, выигрывали время до нового серьезного похода, и могли при перемене «власти» снова изрядно поживиться. Казаки «вынесли» Корюкова в перевороте центросоюзных контор, они же «вынесли» в атаманы и полковника Казагранди.

Покончив дела с Геем, Казагранди, вопреки данному слову не появляться в районе деятельности отряда, прибыл в Хангу и направился к казакам. С казаками ел и пил, и, наверно, поделился, что Гей на его стороне. Корюков о пребывании Казагранди в Ханге узнал только на второй день и арестовал его, заключил в помещение на одной заимок и приставил караул казаков; сам же со штабом усиленно разрабатывали план, готовился к новому выступлению. Но к вечеру «атаману» пришлось узнать, что стража не охраняет арестованного, а пьет с ним, и что к арестованному приходят все из отряда и ведут разговоры. Недостоверно, но сильному сомнению не подлежит то, что Казагранди в разговорах с некоторыми к вопросу подошел с нисколько иной стороны, а именно: «на дело надо здраво смотреть, мы ничего серьезного с походами не сделаем, а, между тем, все мы беженцы, которым надлежит облегчить свой тяжелый путь в страны более оседлого жительства. Полезно сохранить приобретенные средства и они помогут легче достигнуть цели тем, кто хочет отправиться на восток, и там дадут возможность прожить некоторое время, чтобы устроиться на работу, или двигаться дальше куда кто захочет».

Ночью Казагранди явился в штаб, арестовал Корюкова и захватил власть. Отрядом он был признан. На этот раз Корюкову он предложил служить в отряде или «не появляться в районе деятельности» его. Низложенный атаман выбрал последнее и уехал «на восток», за ним последовал начальник штаба полковник Маклаков и прапорщик Мишустин.

По каким-то соображением (не ради ли «общественности» и его мнения) новый поход был признан необходимым, почему, снабдившись (казаки опять оказались без винтовок, лошадей, седел, поясов, полушубков и т.д.), новый атаман двинулся на Русь, но, соприкоснувшись с красными, потерпел изрядную «трепку» и отступил. Вслед за отрядом красные вошли в Монголию и заняли Хангу. Хатхыльская «общественность» во главе с Геем и отряд эвакуировались в Мурэн-хурэ (90 верст от Хатхыла). Это, собственно, было концом военных налетов на русские пределы, после чего отряд Казагранди обратился к своей первоначальной цели, к цели каждого в отдельности: ухода из России в эмиграцию. Такой финал усмотрел и доктор Гей. Правда или нет то, что Гей стал скупее на выдачи отряду из «казны», или она действительно ничего не содержала, но вокруг «ценностей» разыгрался большой пожар[2986].

Отряд полковника Казагранди с красными больше не встречался до своего соединения с частями барона Унгерна. Из Мурэн-хурэ отряд, располагая припасами и перевозочными средствами, намеревался двигаться на восток; оставлены были военные замыслы — а впереди беженская дорога... До первого крупного пункта, где можно разобрать шацки и устраиваться так, как кому вздумается и как будет возможно. Уже «беженскую» группу остался предводительствовать полковник Казагранди. Группа увеличилась за счет бывших Хатхыльских колонистов, как Гей, Мамонтов и другие, которые теперь волей-неволей оказались настоящими беженцами, ибо знали, что с красными после всего произошедшего общего языка не будет.

Из Мурэн-хурэ надо было уходить срочно, ибо сзади были красные. Но в беженское житье, имевшее оказаться теперь мирным, вошло новое обстоятельство: впервые здесь появился слух о бароне Унгерне. Монголы были высокого мнения о силе барона и, как доказательство тому, приводили взятие им Урги и полное поражение китайских войск. С появлением этих известий монголы стали образовывать свои отряды и избивать китайцев — где были военные, как в Кобдо, Улясутае — так их, а где и мирных торговцев. У отряда появилась новая цель — соединение с бароном. Но что больше — цель соединения или неизбежность его — сказать трудно. Вскоре, накануне отправления отряда из Мурэн-хурэ, сюда прибыла группа беженцев, побывавшая под Ургой, о которой было сказано вначале. Эти беженцы, так неожиданно вынужденные прервать достижение своей цели, передали полковнику Казагранди и другим более точные сведения о бароне.

Во всяком случае, военное и самостоятельное существование отряда организованного на берегах Хубсугула, кончилось[2987]...

ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 425, л. 1–26об.

[Н. Магсаржав. 1927. Новая история Монголии][2988]

<...> Семеновские солдаты потеряли свою силу, они ушли в сторону Китая на Хара-мурэн, и сдали свое оружие. От них оторвался передовой отряд барона Унгерна примерно в 1000 человек, чтобы вернуться в Россию. Сказав так, он не сдал оружие. Но некуда было идти, не было лошадей, одежды, еды — в таком плачевном состоянии они были. Воспользовавшись тем, что в Монголии была нестабильность власти, он вошел в Монголию, чтобы найти еду, и проник в Цэцэнханский аймак в юго-восточной окраине. Он сказал, что хочет освободить Богдо-хана, освободить Хурэ и выгнать китайских солдат. Услышав это, монголы, не узнав, что он их обманывает, и действительно желая освободиться от гнета китайцев, сочли его богатырем и, не подозревая ни о чем, открывали ему дорогу, давали лошадей, предоставляли хорошие пастбища, кормили. Чтобы узнать ситуацию в Хурэ, Унгерн оставил своих сол-

дат на юго-востоке, а сам с 300 солдатами пошел туда, по дороге присоединил к себе халхасцев и бурят-монголов, и в среднем месяце осени прошел по горам и лесам хошуна Дайчин-джонон-вана Цэцэнханского аймака. Около Бревен-хийда их встретили глава хошуна Дархан-чин-вана Тушэтуханского аймака, тайджи Лувсанцэвэн и другие и, соединив монгольские силы против китайцев, совещались, как воевать с китайцами и решили, прежде чем войти в Хурэ, сообщить Богдо-хану и получить разрешение, чтобы туда войти. Так посовещавшись, они решили именем барона Унгерна послать письмо на русском и монгольском языках со специальным посланником через цорджиламу Дэндэвдоржа, чтобы он отдал письмо и получил ответ.

«Я, барон Унгерн, родственник русского царя, хорошо отношусь к монголам и потому хочу помочь Богдо-хану освободить и защитить Монголию от гнета китайских угнетателей и водворить мир. Для того, взяв солдат, я имею целью войти в Хурэ и потому прошу разрешения. Пришлите, пожалуйста, ответ».

Услышав, Богдо-хан очень одобрил это и разрешил, чтобы он быстрее пришел. Через того же самого ламу он послал это пожелание. Между тем, Лувсанцэвэн собрал молодых людей из близлежащих местностей и охотников, которые охотились по хребту Дзун-Тэрэлдж, 40–50 человек, которые вступили в солдаты, собрал лошадей и оружие. Услышав ответ Богдо-хана, [барон] отправился в сторону Хурэ и остановился около реки Тола в местности У-Булан. Он отправил письмо через человека из Налайхи о том, в какой день они должны напасть на китайцев. В то же время, китайцы из ямыня вызвали Эрдэнэ-шанцзотбу Дашжава и приказали: «Русские солдаты пришли воевать в вашу Монголию, чтобы ее защитить от китайских солдат Срединного государства. Есть такое сообщение. Наша военная сила велика, потому бояться нечего, но, если будут бои, страна погрузится в смуту, и много живых существ подвергнется страданиям огня и воды. Почему не можете найти помощи — знает каждый человек, но, тем не менее, ваши власти Хурэ все, начиная от Богдо-хана, как слепые и глухие, тихо и безгласно сидят, а надо спросить и наказать тех, кто допустил, что пришли внешние враги. Если они не допустят, чтобы вражеские солдаты проникли сюда, их надо наградить. Рассуждения о том, что они защищают Монголию, надо прекратить, и этот устный приказ сообщить Богдо-хану, чтобы возвратить обратно русскую сторону, и чтобы это передать, назначить Да-ламу Гомбоцэрэна и гуна Балданцэрэна. Во-первых, не подавляя цели русских солдат, немедленно потребовать секретным чиновникам послать к Да-ламе Гомбоцэрэну и гуну Балданцэрэну, чтобы они сообщили им, что русские солдаты нашу Монголию хотят защищать, но в столице Хурэ большие силы солдат Срединного государства, они быстро двинутся, а если произойдет бой, страна ввергнется в смуту и многие живые существа ввергнутся в страдания. Потому их солдаты должны вернуться».

Чтобы обсудить дело о Монголии, посланцы в Хурэ должны были вместе агитировать о приказе из китайского ямыня. Накануне за день до этого на автомобиле из ямыня были отправлены с поручением секретные делегаты от шаби: Дзайсан-лама Лувсаншарав и хара-дзайсан Джаргал, чтобы они встретили Да-ламу Гомбоцэрэна, не обсуждая его слова. Но, когда приблизились Гомбоцэрэн и Балданцэрэн, солдаты на них направили оружие, чтобы напугать, и не дали им встретиться.

После этого в этом же году 13 сентября на заре русские солдаты с юго-востока Хурэ, со стороны Баян-Дзурх-улы и моста через р. Толу подошли к городу Маймачену с севера, и направили на китайский отряд со стороны телеграфной линии несколько пушек. Китайская кавалерия встретила их, сражалась и понесла большие потери, трупы и раненых солдат увезли на автомобиле. Оставшиеся солдаты отступили и возвратились на ту же позицию. В это время по приказу начальников солдат Го Сунлина и Чу Лицзяна около 50 солдат оседлали коней, китаец Си Лин приехал в ружейный ямынь и делопроизводителю Самбу приказал арестовать Богдо-хана. Для этого они взяли автомобиль и поехали в монастырь Эрдэм-Итгэмжит. Самбу, возглавив нескольких солдат, проник в монастырь и арестовал Богдо-хана, последнего вывели за руки, вместе с солдатами посадили в автомобиль и привезли в ямынь. Его посадили в пустой дом рядом с ямынем. Потом арестовали сайда Дуйнхора Да-ламу Пунцагдоржа, цэцэн-вана Гурсоронзонгобмосурэна, эрдэнэ-вана Намсрая и бэйсэ Иш-Очира. Их всех вместе посадили туда же.

13 сентября, в день ареста Богдо-хана, перед Хурэ на главном здании была вывешена бумага со штампом китайского ямыня, написанная монгольским шрифтом. На ней было написано, что одного русского солдата, который пришел воевать, допросили, и он сказал, что его пригласили от Богдо-хана через Чин-вана. При этом многим солдатам Богдо-хана не нравится эта смута, а защитить Богдо-хана очень важно, поэтому они посадили его туда, чтобы ему было спокойно, и он не волновался, для этого из ямыня при Богдо-хане назначены два сойбон-ламы и один лама-повар, который в служебной чайной ямыня готовит ему еду.

В тот день, когда отступали китайские солдаты, русские солдаты окружили их с северо-востока Хурэ, от Улясутая, Цаган-дава, Дамбадаржа-хийда и Ундур-улы. Китайские чиновники, очень испугавшись, собрали у себя людей, которые сидели в тюрьме, дали им оружие и отправили их в сторону р. Сэлбэ-гол с правой стороны русского консульства, и поставили там. Не ослабевали звуки боев и орудийные залпы, снаряды падали в Хурэ во дворы местных жителей. Жители не могли уйти и бежать, поскольку боялись шальных пуль. Они терпели большие лишения.

Русские воевали с китайцами два дня, в последний день монгольские солдаты из китайских войск ушли и, подняв руки, отправились в сторону сол-

дат Унгерна. Они соединились с русскими семеновскими солдатами. Оставшиеся китайские солдаты начали терпеть поражение, и китайские чиновники из ямыня, такие как харчин Самбу и несколько человек из Внутренней Монголии, приготовили автомобили и хороших лошадей, чтобы бежать. Но в этот же день вечером небо внезапно покрылось тучами, подул холодный ветер, началась пурга. Русские солдаты не имели теплой одежды и еды, у них кончились боеприпасы, они пошли в монастырь Дамбадаржа, стали одевать халаты лам, стали просить приготовить им еду, отступили, перешли Толу и хребет Горхин, и достигли р. Тэрэлджийн-гол.

До того, как солдаты Унгерна напали на Хурэ, от пекинского правительства Срединного государства чиновник Чэнь И, который был послан с назначением уничтожить автономию Внешней Монголии, имевший 1000 солдат, получив в Чойрыне телеграмму о смуте в Хурэ, немного подождал и, узнав о том, что русские солдаты потерпели поражение в Хурэ, пришел в ямынь и получил печать. Он назначил сайдами дархан-чин-вана Тушэтуханского аймака Пунцагцэрэна, начальника сейма Цэцэнханского аймака дайчин-джонон-вана Цогбадраха, сужэгт-вана того же аймака Доржпалама, баргын-вана Пунцагравдана, эрдэнэ-шанцзотбу Хурэ Дашжава, чин-вана того же шаби ламу Дашдэндэва, хичингуй-гуна Цэрэндоржа, Джалханцза-хутухту Цзасактуханского аймака Дамдинбазара, назначил им оклады и положенное содержание. Затем их пригласили и поздравили со вступлением в должность.<...>

После того, как их назначили, их использовали для того, чтобы оказывать давление на Монголию, собирать лошадей, еду, одежду из разных хошунов. Например, по указанию китайского командира Го Сунлина в Хурэ сидели посланцы из четырех аймаков и разных шаби и дзайсаны и их постоянно использовали для того, чтобы собирать вещи для солдатских нужд. Даже если приходили торговые люди, их по дороге грабили и присоединяли к китайским солдатам, а если они сопротивлялись, то убивали. Грабили разные аймаки и хошуны, и угоняли лошадей, верблюдов, повозки и т.д. Людей не выпускали из Хурэ и под страхом смерти держали там. Для этого вокруг Хурэ ходили китайские караульные и, если они встречали людей, то обыскивали и грабили — даже лам. Бывало даже, что их расстреливали. Был такой случай, что, когда в монастыре Дашчоймбол был хурал, китайские солдаты направили на него оружие и запретили ламам служение. Китайцы насиловали молодых женщин, несмотря на день или ночь.

Люди терпели столько угнетения от китайских солдат, что хотели освободиться от китайского гнета. В это время они услышали, что арестован Богдо-хан, и это тоже было очень плохо. В это время все ненавидели китайцев, но барон Унгерн не смог с первого раза уничтожить их, поэтому под руководством Лувсанцэвэна монголы, женщины и мужчины, начали собираться, чтобы снова воевать с китайцами. Они собрались в местности Хэрлэнгийн-

Шугуй между Тушэтуханским и Цэцэнханским аймаками и послали оставшимся солдатам Унгерна сообщение, желая соединиться с ними и увеличить свою численность.

В это время начальник монгольского отряда Дугаржав-мэйрэн, по прозвищу Высокий,[2989] и Лувсанцэвэн соединились и увеличили свои силы. Потом они решили, что надо увеличить вооруженную силу еще больше. Тогда они поехали к Хухэн-хутухте Джамьян-Дамби-Джамцану в Цэцэнханский аймак, чтобы сказать, что надо мобилизовать солдат для того, чтобы вновь провозгласить монгольское государство и, используя его имя, отправили письма о мобилизации шаби шаби Цэцэн-хану Наваннэрэну, джанджину аймака Бишерельту-вану Доржцэрэну и заместителю джанджина Эрдэнэ-далай-вану Наванцэрэну. Они долго тайно совещались и решили, что время сейчас очень смутное, Богдо-хан сидит под арестом, нашу Монголию китайцы оккупировали, и если мы не сможем оказать помощь для мобилизации солдат, то после нам будет трудно восстановить Монгольское государство, потому каждый должен в своем хошуне собрать молодых людей и мобилизовать солдат. Так договорившись, они издали приказ по своим хошунам, чтобы люди соединились у Лувсанцэвэна и Дугаржава, и чтобы каждый мобилизовал своих людей, палатки, лошадей, провизию, теплую одежду и все, что удастся собрать. После этого количество солдат и провизии увеличилось. Они решили, что надо соединиться с русским полководцем бароном Унгерном, и они провозгласили его джанджином, полководцем его монгольских отрядов поставили Лувсанцэвэна, а бурята Жигмиджава Жамболона — нижестоящим полководцем. После этих назначений, открыли военные ямыни, назначили секретарей и т.д.

В это время [люди] из китайского ямыня спрашивали монголов, где находится русский барон Унгерн. Монголы сначала не говорили им правду, только указывали, что он ушел на восток. Поэтому хурэнские китайцы немного успокоились, и китайский сайд Чэнь И распорядился, чтобы Богдохана перевести в более привилегированное место. Но начальник солдат Го Сунлин приказал, чтобы вокруг этого сумэ караулить день и ночь, и даже назначили туда китайца, знающего монгольский язык, и следили за всем его [Богдо-хана] распорядком дня и всеми его действиями. Туда не пускали ни одного монгола и не пускали даже людей, которые приходили получить от него благословение. Если что-то было надо, передавали через переводчика-китайца. Так ущемляли его права, и даже из его казны брали деньги для жалованья солдат, и разорили всю его казну, использовав ее для своих целей. Они делали это потому, что считали, что Богдо-хан поощряет русских солдат, которые воевали с солдатами Срединного государства, они их прогнали, но не победили, потому они считали, что Богдо-хан не дает им благословения, но он должен наградить китайских солдат, чтобы они почувствовали радость.

Китайцы взяли из казны Богдо-хана 10 000 тугриков, но не ограничились этим, и вообще разорили казну.

В это время русские солдаты барона Унгерна тоже занимались грабежами в разных местах, чтобы собрать свои силы. В хошуне Чин-ачиту-бэйсэ Цэцэнханского аймака ограбили купцов и забрали в свою ставку много плиточного чая, разных товаров большими тюками. В это время к их ставке подошли солдаты красной партии, сражались с ними, конфисковали эти товары и предали огню. Об этом были слухи. Потом из лагеря, находившегося в Хэрлэнгийн-Шугуй, в хошун Эрдэнэ-далай-вана пришли русские и монгольские солдаты и ограбили некоторых торговых людей, особенно в южной местности хурэ Чулалт-халаг грабили китайских торговых людей, забирая товары в верблюжьих вьюках.

Услышав такие вести, китайские чиновники решили, что русские солдаты близко. Поэтому они собрали несколько начальников сеймов Цэцэнханского аймака, приказали им найти людей и отправить шпионов. От этих шпионов пришли донесения, что в Хэрлэнгийн-Шугуй много ивы, среди нее видно много дыма, там, очевидно, очень много русских, но их невозможно сосчитать среди ивняка. В некоторых донесениях сообщалось даже, что там 13 000 русских солдат, поэтому китайцы стали бояться. Наверное, это была тактика, чтобы напугать китайцев.

В то время китайские военные чиновники, которые сидели в Хурэ, в мыслях не имели, чтобы охранять Монгольское государство. Они были заняты тем, чтобы охранять самих себя, копали окопы и ставили караульных. Чтобы прикрыть некоторые местности, они ломали многие дома, которые раньше принадлежали автономному правительству. Потом из Пекина им прислали много солдат, и численность войск увеличилась. В Баян-Дзурхе, у русского моста над рекой Тола, в Мадачане на юго-западной стороне Богдо-улы, в Чулутын-ам и Тур-Хурхын-ам на восточной стороне Богдо-улы, Дзун-Модын-ам на южной стороне Богдо-улы, Тэргуний-даба на западной стороне Богдо-улы, Их-Тэнгэрийн-ам на северной стороне Богдо-улы, в Толгойтын-ам на северо-западной стороне Богдо-улы и у монастыря Дамбадаржа к северо-востоку китайцы поставили своих солдат и мобилизовали монголов, которые никогда не воевали и не знали военное дело. Им давали оружие и, когда были бои, эти люди все бросили и убежали, и толку от них не было.

Как русский барон Унгерн, монгол Лувсанцэвэн и их солдаты взяли Хурэ, мы напишем в другой главе.

Глава 7. Завоевание Монголии русским бароном Унгерном и возникновение временного правительства Народно-революционной партии

Оставшиеся командующие Го Сунлин и Чу Лицзян из китайской партии Аньфу Сюй Шичана, а также китайский сайт Чэнь И находились в Их-хурэ,

угнетали монголов, которые от них испытывали горькие страдания огня и воды. В это время русский барон Унгерн и монгол Лувсанцэвэн приготовились к сражению против китайцев, занимавших столицу Хурэ. В связи с этим, они поручили Хухэн-хутухте Джамьян-Дамби-Джамцану провести гадание, в какой день атаковать. Он посмотрел по книгам, бросил кости и сказал, что надо атаковать в течение последнего зимнего месяца монгольского 10-го года. Если до конца последнего зимнего месяца они смогут напасть, то победят. Если наступит другой год, они не смогут победить китайцев.

В то время численность русско-монгольских сил была 2000 солдат. Из них барон Унгерн назначил один отряд русских солдат, чтобы они, по взятии Хурэ, пошли в Чойрын-газар, где сидели китайские чиновники. К ним на подмогу придавался отряд монгольских солдат под командованием Дугаржавмэйрэна. Остальные монгольские и русские солдаты 15 числа последнего месяца зимы направились в сторону Хурэ. Чтобы прервать китайское телеграфное сообщение, Унгерн с несколькими сотнями солдат пошли к юго-востоку от Хурэ и порвали металлический провод, повалив несколько столбов. На уртонной станции они отогнали лошадей, чтобы у китайцев не было связи. Потом к северу от Хурэ в местности Сугнугур Баян-гол они ограбили крестьян и убили китайских солдат, которые тех охраняли, и засели там, не боясь китайцев. Об этом узнали в китайском ямыне, отправили несколько сотен солдат, но потерпели поражение. Узнав об этом, Го Сунлин очень рассердился, в храме Гэсэра в Маймачене поставил свечи, и с гневом дал клятву, что он возьмет с собой 700 храбрых солдат, пулеметы, пушку и собственноручно их уничтожит.

В это время солдаты, которые вышли с севера, вернулись и соединились со своими основными силами к востоку от Хурэ, в местности У-Булан на реке Тола. Они прошли маршем и произвели подсчет сил. Солдат разделили на две части — на север и на юг от горы Баян-Дзурх. Прежде всего, они договорились освободить Богдо-хана из китайского плена и отправить его в Манджушри-хийд. Был отправлен один очень смелый человек, баргут Лувсан, и 10 тибетских солдат под его начальством. Они отправились 23 дня последнего зимнего месяца. Ночью 23 числа они пришли в Манджушри-хийд, чтобы предупредить, что туда явится Богдо-хан. Но в ту же ночь по дороге в местности Дзун-мод на южной стороне Богдо-улы и на северной стороне были обнаружены китайские солдаты. Чтобы охранять Богдо-хана, 70 монгольских солдат переправились через середину горы и рано утром 24 дня прошли через Их-Тэнгэрийн-ам, по дороге уничтожив китайских солдат. Хотя из китайского ямыня видели, как монголы уничтожали китайских солдат, они решили, что это, наверное, их солдаты, и ничего не предприняли. Монгольские и тибетские солдаты около 8–9 часов утра пришли в лавран Хайстай на северном берегу реки Тола и спросили, где находится Богдо-хан.

Они узнали, что он находится в монастыре Эрдэнэ-Итгэмжит, отправились туда и, увидев, что снаружи монастырь охраняют 200 китайских солдат, они открыли по ним огонь, 8 человек из монгольских солдат и несколько лошадей упали раненые ответным огнем. Между сумэ и воротами лаврана собралось очень много китайских солдат, туда бросили бомбу и уничтожили много солдат, начался пожар. Оставшиеся китайские солдаты бежали. После этого монгольские и тибетские солдаты открыли ворота и проникли в монастырь Эрдэнэ-Итгэмжит.

В это время Богдо-хан и многие люди с ним, испугавшись стрельбы и взрыва, сидели тихо. В это же время приближались русские солдаты. Богдо-хану доложили, что эти люди пришли его освободить и водворить в Манджушри-хийд. Как только им сказали об этом, Богдо-хан и Эхэ-Дагина поспешно вышли, сели в носилки, их вынесли, но во время переправы через реку Тола они боялись, что их догонят китайские солдаты, поэтому их посадили верхом на лошадей и быстро отправили в лес. Некоторые монгольские солдаты преследовали китайских солдат, и на реке Дунд-гол настигли и уничтожили.

После того, как ушел Богдо-хан, в монастыре оставался китаец, который сказал, что он был толмачом при Богдо-хане. Как только он это сказал, Богдо-хана нагнали, спросили, и, узнав, что это не так, китайца убили. Потом, охраняя Богдо-хана, пришли в монастырь Манджушри-хийд, приготовили большую юрту и пригласили туда отдохнуть Богдо-хана и Эхэ-Дагину.

В Эрдэнэ-Итгэмжит осталось восемь человек раненых и несколько лам, которые охраняли монастырь. Из китайского ямыня туда отправилось 50 солдат верхом, и начальник отряда хотел атаковать, но ворота были закрыты. Обороняющиеся решили, что надо убить кого-то из китайцев, прежде чем умереть. Они приоткрыли ворота и застрелили китайского начальника. Остальные китайцы решили, что там наверняка много солдат и, испугавшись, бежали.

Китайцы считали, что численность монгольско-русских войск 13000 человек, что из-за похищения Богдо-хана они не могут обороняться, и решили, что им пришел конец. Интересно, что из 70 пушечных выстрелов по городу ни один снаряд не убил ни скот, ни собак, ни птиц во дворах. Сколько ни шли бои, китайские чиновники не видели и не слышали, как воевали их солдаты, а после того, как их разбили, стали стрелять в пустое место. Это был для них большой стыд. <...>

Русские и монгольские солдаты занимались мародерством в китайских торговых лавках, а барон Унгерн, после того, как проник в Хурэ, проводил допросы и обыски в русских торговых конторах и промышленных компаниях. Особенно — у тех русских, которые были членами красной партии. Особенно стали убивать евреев, невзирая на пол и возраст. Большие друзья мон-

голов, семейство Чертын, труженики, имели много домов и промышленных помещений, и всех их убили.[2990] В глазах монголов это было очень плохо, и они удивлялись. Если кто-то подходил к оставленным и сгоревшим китайским лавкам, кроме русских солдат — простые люди, старики, дети — их отгоняли и даже вешали. Это первые отрицательные явления, обнаружившиеся среди русских солдат. Кроме того, русско-монгольские солдаты в Хурэ обосновались в тех помещениях, которые оставили китайцы, и начали обстраивать свое житье.

В то же время, в Хурэ несколько чиновников, как Эрдэнэ-шанцзотба Дашжав, Джалханцза-хутухта Дамдинбазар, начальник сейма Тушэтуханского аймака Эрдэнэ-Джонон-ван Ширнэндамдин, начальник сейма Цэцэнханского аймака Дайчин-джонон-ван Цогбадрах и того же аймака Сужэгт-ван Доржпалам, Хатан-батор-ван Максаржав Сайннойонханского аймака и другие ламы и нойоны отправились встретиться с начальниками монголо-русских солдат.

27 дня того же месяца они встретились с бароном Унгерном в Маймачене. Тогда Унгерн сказал: «Я имею цель восстановить монархическое правление у русских, монголов и маньчжуров. Сейчас мы выгнали из Хурэ всех китайцев. Надо восстановить и провозгласить автономное правительство, которое было раньше по Трехстороннему русско-китайско-монгольскому соглашению. *Надо определить день возведения на престол Богдо-хана и организовать* пять министерств. Это надо обсудить».

С этого дня феодалы и ламы, которые были в Хурэ, начали определять день аудиенции у Богдо-хана. Для этого они пошли к монгольскому джанджину Лувсанцэвэну и обсуждали, в какой день надо возвести на престол Богдо-хана и как вести дела правительства. Он сказал, что надо убрать все трупы, которые находятся в Хурэ и окрестностях, и после этого возвести на престол Богдо-хана, а для восстановления уничтоженного китайцами автономного правительства надо выбрать делегатов, сделать собрание и определить день. Несмотря на то, что там были Эрдэнэ-шанцзотба, Да-лама и нойоны из четырех аймаков, они должны были слушать тех начальников русско-монгольских солдат, которые выгнали китайцев из города. Поэтому Лувсанцэвэн взял на себя руководство, и 29-го дня взял к себе в помощники тайджи Цэрэндоржа, выбрал из зданий, которые были при автономном правительстве, оставшийся наиболее хорошо сохранившимся дом министерства юстиции, и там они решили собраться по этому вопросу. <...>

После этого делегаты собрались 3-го дня белого месяца 11-го монгольского года (год Курицы). На тот день, когда должны были возвести на трон Богдо-хана, назначили людей, кто должен держать носилки, кто должен встречать и т.д. В условленное время надлежало пригласить русского джанджина барона Унгерна и монгольского джанджина Лувсанцэвэна, и под их руководством восстановить прежде упраздненное автономное правительство,

возвести на трон Богдо-хана, и починить разрушенные здания. Была изб на комиссия, которая должна выбрать правительство. В нее вошли, в чи прочих, Хатан-батор Максаржав и гун-туслагчи Цэрэндорж. Министрами с ли: премьер-министром и министром внутренних дел — из Цзасактуханс го аймака Джалханцза-хутухта Дамдинбазар, министром иностранных дел – из Цэцэнханского аймака Шанцзотба шабинского ведомства Дашжав, воен ным министром — Цэцэнханского аймака Бишерельту-гун Доржжаргал, м нистром финансов — из Тушэтуханского аймака тайджи Лувсанцэвэн, мин стром юстиции — из Сайннойонханского аймака бэйсэ Чимэддор заместителями министра внутренних дел — хичэнгуй-гун главного шаби Ц рэндорж, Дайчин-джонон-ван Цогбадрах, заместителем министра иностран ных дел — авир-тэргун гун Джамьян-Очир, ачиту-гун Довчинжамц, замест телем военного министра бэйлэ Чултэм, бэйлэ Бавудорж, заместителям министра финансов — гун шаби Джамьян, дайчин-ван Джалчингободорж, з местителем министра юстиции — цэцэн-ван Гурсоронзон-Гомбосурэн, Бато бэйлэ Джамьян, джанджином всех монгольских вооруженных сил — Хатан батор Максаржав.

Затем они объявили день, когда надо возвести на трон Богдо-хана – 15-й день белого месяца 11-го года. При этом необходимо будет всем мини страм принести присягу и получить печати. Следовало также выбрать более мелких чиновников в министерствах. Вышел такой приказ. Кроме того вышел приказ, чтобы наградить барона Унгерна, учитывая его большие заслуги, чином дархан-хошой-чин-ван, зеленым паланкином, желтыми курмой и поводьями. <...>

После провозглашения Богдо-хана были разосланы ноты о том, что Богдо-хан возведен на трон как глава автономной Монголии, создано правительство, причем письма в Россию и Срединное государство были написаны бароном Унгерном. <...>

Согласно указу Богдо-хана, русский джанджин барон Унгерн в любом месте Монголии мог мобилизовать солдат, во всех хошунах, где он будет. Нойоны, чиновники и простой народ должны быстро помогать ему в мобилизации солдат, а если кто не будет соблюдать этот указ, будет сурово наказан. По этому указу собирали людей, в частности, Балжинням и Сундуй-гун. Всего было мобилизовано 3000 монголов <...>

Монгольское временное народное правительство подготовило декларацию о десяти целях своей партии. Увидев эту бумагу, барон Унгерн сильно разгневался и сказал, что надо вести агитацию против этого. Он сочинил агитационную бумагу, и ее перевели с русского на монгольский[2991]. <...>

Русско-монгольские солдаты, которые уходили от красных, оставшиеся после разгрома Унгерна, решили поймать его, убить и перейти к красным. Посовещались, но не смогли привести свой план в исполнение, потому что

Унгерн бежал от них. После этого начальник монгольских солдат Сундуй-гун, когда Унгерн ехал по степи один, поймал его хитростью, живым отдал красным, и вернулся.<...>

Магсаржав Н. 1994. Монгол улсын шинэ туух. Улаанбаатар: Туухийн хурээлэн ба Монгол Улсын Засгийн газрын архив. Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

[Из воспоминаний монголов, воевавших против Р.Ф. Унгерна]

Цэрэндава Б. *[с. 471]* <...> В феврале 1921 г. воевал под командой Сундуй-гуна с гаминами. Не раз участвовал в боях с ними. Потом с Джамц-гуном сражался против белых. После этого боя их арестовали солдаты генерала Резухина. Потом в этом составе они воевали вместе. 15 июля вместе с Сундуй-гуном он арестовал барона Унгерна и отдал в руки советского отряда Щетинкина, потом оттуда проезжал через Кяхту — Троицкосавск — Алтан-Булак в столицу Монголии Хурэ. При аресте вместе с ним был Гончигийн Дэмид. <...>

Чойдог Б. *[с. 532]* <...> Белые солдаты сражались с красными у Эрэн-харул; белые бежали оттуда через Селенгу с конями, телегами и т.д., многие погибли. Переправу они сломали, кто ее делал — убили, это задержало красных. Последние сделали переправу из дерева. Белые бежали на Эрдэни-дзу и Дайчин-ван-хурэ. Когда красные пришли в Дайчин-ван-хурэ, белые уже бежали оттуда. В это время мы слышали, что в местности Ац-Гуручин монгольские солдаты убили генерала Резухина, а Сундуй-гун арестовал джанджина — барона и отдал его красным. <...>

Чойджинжав А. *[с. 541]*. ...В местности Бурээ Дугардаг мы вечером стояли на карауле. Местные жители решили защищать свою родину, и собралось 16 человек для защиты своей деревни от белых, которые должны были обходить Шандын-Уврийн-Гуручний-хурэ в сторону р. Хувт. Мы встретили одного человека и спросили его, кто он: мы ждем белых. Он сказал, что бежал от белых, так как был в составе отряда монгольских солдат Сундуй-гуна, и что его начальник Сундуй вчера в местности Хувтын-Жаргалантын-ам арестовал барона и отдал красным. А сам он в то время пас лошадей и был позади отряда, а когда возвращался, то увидел, как передавали барона красным, подумал, что красные арестовывают их, и убежал.

Ярин М. *[с. 697]* <...> Сначала воевал в войсках барона Унгерна около Урги. Когда Хатан-батор был командующим войсками в Западной Монголии, последний завербовал его и объяснил, что надо сделать так, чтобы монгольские солдаты ушли от Унгерна. Когда шла эта агитационная работа и Сухэ-батор, Чойбалсан и другие уничтожали белых, Сундуй-гун отправил своего ламу и двух чиновников в Ургу. Тогда он с ними встретился и сказал им, что лучше поймайте Унгерна, и тогда не только спасете себя, но и совершите под-

виг. После того, как Сундуй-гун поймал барона Унгерна и, передав красным солдатам, вернулся в Ургу, то сказал, что благодарен ему за то, что он указал такой хороший метод. <...>

Уртнасан С., Цэрэндорж Г., Нацагдорж Ш. (ред.) 1986. Монгол ардын журамт цэргийн дуртгалууд. Дэвтэр 3. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.

Перевод с монгольского Ж. Оюунчимэг.

Е. Пастухин. На белых полях Дальнего Востока

25 ноября 1917 г. есаул Семенов приехал на ст. Даурия, где в военном городке была расквартирована пешая дружина. Солдаты, как и везде, были развращены агитацией, нахальны, и делали все, что было угодно, не признавая над собой никаких властей.

Есаул Семенов решил избрать эту станцию, близко расположенную к границе и имеющую готовые казармы почти на бригаду, для формирования противобольшевистских русских и монголо-бурятских частей. В этот момент с ним был войсковой старшина барон Унгерн-Штернберг, хорунжий Модиевский, военный чиновник Эпов и несколько казаков. Через несколько дней буряты пригнали в распоряжение есаула Семенова небольшой табун лошадей, которых с казаками отправили пастись в степь.

О предстоящем формировании было объявлено в поселке, причем, во избежание всякого рода эксцессов со стороны большевиствующей солдатни, жителям говорили, что в поселок должны придти сформированные в Монголии полки. Дружина волновалась, но никаких шагов, прямо направленных против вновь прибывших офицеров или казаков пока не предпринималось, вплоть до следующего случая, после которого события пошли быстрым темпом и развернулись в картину возникновения гражданской войны, обагрившей русской кровью дикие степи Забайкалья, и на три с половиной года отодвинули момент торжества красного интернационала над Русью.

Вновь избранный после перехода в центре России власти к большевикам харбинский комиссар Аркус, который должен был заменить в полосе отчуждения КВЖД генерала Хорвата, проезжал в Иркутск. Своевременно извещенный о времени его проезда, атаман, тогда еще просто есаул Семенов, явившись ко времени прихода поезда на ст. Даурия и выгнав из станционных помещений солдат, арестовал Аркуса и тут же собрал в экстренном порядке военно-полевой суд, по приговору которого Аркус был немедленно расстрелян. Это был первый акт открытого выступления против большевиков атамана Семенова, и этим актом он вписал свое имя в историю Российской революции, как первый, поднявший оружие против большевиков после перехода к ним всей полноты власти в России.

Расстрел Аркуса произвел весьма сильное впечатление на солдат дружины, и они собрали митинг в одной из пустующих казарм. Смежное помеще-

ние пустовало, и атаман с казаком Бурдуковским засели там, чтобы наблюдать за митингом. В самый разгар прений, когда возмущенные ораторы, сменяя одни другого, единогласно требовали мести за расстрелянного комиссара, есаул Семенов внезапно появился среди митингующей толпы и решительным тоном приказал немедленно счистить помещение, угрожая оружием ослушивающимся его приказания; в то же время влетевший в комнату Бурдуковский стал выгонять из нее солдат, колотя их по спинам бильярдным кием. Эта решительность так подействовала на солдат, что они, по-видимому, успокоились и больше не пытались противодействовать атаману и его людям.

В это время атаман приехал на станцию Маньчжурия, намереваясь проехать в Харбин, с целью лично договориться с генералом Хорватом о мерах борьбы с развивающимся в полосе отчуждения КВЖД, где квартировали пешие дружины (в Харбине и Маньчжурии) и железнодорожные батальоны (по всем крупным станциям дороги), большевизмом. Однако последовавшие вслед за появлением атамана на станции Маньчжурия события сделали ненужной его поездку в Харбин, выяснив на месте и определив дальнейшие взаимоотношения генерала Хорвата и есаула Семенова, без необходимости личного их свидания.

Немедленно вслед за прибытием атамана на станцию Маньчжурия к нему явился военный чиновник маньчжурского паспортного пункта Куликов, который подробно доложил атаману существующую обстановку и те безобразия, которые творились в городе и на станции стоявшими гарнизоном разнузданными солдатами Пермской ополченской дружины. Китайские военные власти приняли решение разоружить ополченцев, но не решались приступить к осуществлению этого решения, ожидая прибытия 2-ой бригады своих войск. С меньшими силами они боялись начать разоружение, так как имели уже опыт в Харбине, где ополченцы, которых китайцы пытались разоружить, вступили в бой с ними и отогнали китайские войска от своих казарм.

Выслушав доклад, есаул Семенов быстро принял решение, которое начал немедленно проводить в жизнь. Отложив свою поездку в Харбин, он разослал с чиновником Куликовым властям города Маньчжурии, представителям китайского командования и русской общественности приглашения собраться в станционном помещении для обсуждения вопросов и мер к восстановлению порядка на станции и в городе.

Когда все приглашенные собралась, есаул Семенов предложил китайцам разоружить солдат-большевиков своими собственными средствами. Те поинтересовались, какие у него силы. «У меня полк, который на рассвете подойдет к городу», — был ответ. «Но хватит ли полка, так как в дружине больше тысячи человек?» — «О, вполне!» — успокоил спрашивающих есаул, после чего все разъехались, предоставив дальнейшие действия атаману, который

немедленно вызвал барона Унгерна к телефону и приказал ему с офицерами и всеми казаками прибыть на станцию Маньчжурия, для чего за ним посылается поезд. Одновременно железнодорожному начальству на станции Маньчжурия было приказано немедленно послать поезд на Даурию, оборудовав вагоны для перевозки людей. Поезд должен был вернуться в Маньчжурию на рассвете и остановиться у воинской платформы, которая ночью обычно была пуста и темна.

До прибытия «полка», есаул Семенов лично произвел рекогносцировку и ознакомился с расположением в казармах дружины и команды конского запаса, которая насчитывала 250 вооруженных солдат. На рассвете из Даурии прибыл «полк» в составе хорунжего Мадиевского и пяти казаков, под командой войскового старшины барона Унгерн-Штернберга. Чтобы не обнаруживать состава «полка» перед публикой, атаман заблаговременно распорядился, не останавливая эшелона на станции, подать его непосредственно к воинской платформе, где «полк» и был встречен атаманом.

Атаман распределил свои силы следующим образом: барон Унгерн с двумя казаками должен был разоружить солдат конского запаса; хорунжий Мадиевский с одним казаком получил приказание отправиться в город и арестовать по данному ему списку лиц в их квартирах, всех арестованных доставить на станцию. Сам атаман, с двумя оставшимися казаками, отправился в казармы дружины.

Войдя во двор казармы и обезоружив часового, атаман приказал ему вести себя в помещение. Казарма, разделенная на две смежные половины, спала тяжелым предутренним сном. Направив казаков к пирамидам с винтовками и, отрезав, таким образом, солдатам возможность овладеть оружием, есаул Семенов громко скомандовал: «Встать, смирно!», и, когда заспанные солдаты начали вскакивать и хвататься за свою одежду, еще раз скомандовал: «Ни с места. Первому, кто двинется, пуля в лоб». Солдаты замерли. Медленно проходя по казарме и зорко всматриваясь в лица тянувшихся перед ним солдат, атаман услышал сзади себя нерешительный возглас: «К оружию, товарищи!», но, быстро обернувшись и направив маузер на протестанта, он, ни слова не говоря, одним своим взглядом заставил его замолчать и съежиться.

Прошла минута напряженной тишины, которая была прервана громким голосом атамана: «Братцы», — говорил он — «мне стыдно за вас. Вы тут дебоширите, скандалите, насилуете беззащитных женщин и грабите китайские лавки. Разве это хорошо и достойно русского солдата? Вы все — крестьяне, и у вас у каждого есть и семья и имущество. Знаете сами, как трудно наживается добро; зачем же грабить мужиков и мелких торговцев, как вы сами? Нехорошо. Скоро весна, надо пахать землю, сеять хлеб, да о всей домашности позаботиться. Дома вас всех ждут жены и ребятишки. Старики, небось, между собой хвалятся, что вот, дескать, их дети за родину сражаются, а вы

так сражаетесь, что после самим стыдно вспоминать будет. Ну, вот что», — тоном приказания добавил он — «Я — военный комиссар временного правительства, и именем этого правительства приказываю вам в течение пятнадцати минут собрать все свои манатки в выстроиться во дворе. Кто запоздает, будет тут же на месте пристрелен. Поняли?» — спросил атаман. «Так точно, поняли», — дружно и громко ответили солдаты. «Предоставленной мне временным правительством властью, я демобилизую вас и сегодня же отправляю по домам, в Россию», — продолжал атаман. «Покорно благодарим», — дружно и весело отвечали солдаты, и менее чем через четверть часа вся дружина была выстроена во дворе казармы. Солдаты были нагружены сундучками и прочим своим собственным имуществом.

После того, как солдаты были все собраны, атаман повел их к воинской платформе, к эшелону, в котором прибыли барон Унгерн с его казаками. Здесь он объявил демобилизованным дружинникам, что до самой Читы их будет сопровождать конвой, и если кто-нибудь и из них будет пытаться на станциях не только выходить, но хотя бы высовывать голову из вагонных люков, получит пулю в голову. Такое-де приказание отдано вооруженной охране, которая будет сопровождать поезд.

Приблизительно, в то же время к платформе бароном Унгерном были подведены разоруженные им солдаты конского запаса и привезены арестованные Мадиевским главари маньчжурских большевиков. Последних атаман, в память въезда в Россию их вождя Ленина, запломбировал в вагоне, после чего поезд немедленно был отправлен в путь и, благодаря старанию железнодорожников, без больших остановок, быстро докатился до Читы. Охрана, в лице подхорунжего Швалова, села на тормозную площадку последнего вагона и на станции Даурия соскочила с поезда.

Прибывшие в Читу демобилизованные таким оригинальным способом солдаты объявили о том, что у «есаула Семенова войска видимо-невидимо».

«Возрождение Азии», № 255, 10.12.1933, с. 2–3.

На другой день командующей китайскими войсками на станции Маньчжурия генерал Гун пригласил атамана со всеми офицерами полка на торжественный обед по случаю удачного освобождения города от бесчинствующих солдат. На обед явились сам атаман, барон Унгерн и хорунжий Мадиевский. На вопрос китайцев, где же остальные офицеры, атаман ответил, что полк немедленно после разоружения дружины уехал походным порядком в направлении станции Даурия, откуда поступили сведения о чинимых там местными гарнизонами беспорядках. Впоследствии, конечно, выяснилось, что полка, «фактически», никакого не было, что все разоружение было проведено тремя офицерами с пятью казаками, и этот факт послужил к тому, что китайское командование прониклось глубоким уважением к атаману и его офи-

церам, и в дальнейшем во всех недоразумениях и столкновениях чинов отряда с китайскими воинскими чинами обычно мнение атамана и его желания удовлетворялись китайцами беспрекословно.

Вскоре после разоружения маньчжурского гарнизона, к атаману явился поручик Жевченко с просьбой о принятии его в полк. Атаман командировал Жевченко в Харбин к генералу Хорвату с докладом о положении и за дальнейшими инструкциями; тому же Жевченко было поручено проследовать дальше в Шанхай, где находился в это время адмирал Колчак, с докладом ему о формировании есаулом Семеновым противобольшевистского отряда и с предложением принять на себя главное руководство предстоящими против красных боевыми операциями.

Почти одновременно с отъездом Жевченко было произведено и очищение от бесчинствующих солдат ставки и поселка Даурия. В этом оказал большую помощь большевистский комиссар станции Даурия Березовский, фигура интересная и своеобразная. Будучи не особенно от природы умным, он страдал страшным самомнением и болезненно развитым самолюбием. В мирное время на этой почве у него был казус в Аргунском полку Забайкальского казачьего войска, где он нес службу, в результате которого он угодил в дисциплинарный батальон. Считая себя обиженным и незаслуженно пострадавшим от несправедливости старого режима, Березовский немедленно после революции примкнул к большевикам и занял пост коменданта станции Даурия. Когда атаман появился на этой станции, он привлек к себе Березовского тем, что пригласил его к себе пить чай и показал ему, что он считается с ним, как с человеком одаренным, не понятым прежде и с большим будущим. «Вы, Березовский, человек умный и толковый. Я о Вас слышал еще на Германском фронте», — говорил он ему. «Царское правительство Вас не оценило по заслугам, но теперь время новое и теперь люди из народа ценятся на вес золота. Я — военный комиссар, а большевики у власти все равно долго не удержатся. Идите ко мне на службу, и я Вас после первой же заслуги произведу в прапорщики, власть на это мне дана. Вся Ваша обязанность будет заключаться в том, чтобы передавать в Читу по диспетчеру все, что я буду Вам говорить». Березовский согласился.

После отбытия атамана и его «полка» в Маньчжурию местные солдаты начали бесчинствовать на станции и в поселке Даурия, грабить и терроризировать жителей. Об этом сообщил атаману один из офицеров дружины, штабс-капитан Опарин, и, по получении этого сообщения, атаман приказал Березовскому объявить солдатам, чтобы все безобразия были немедленно прекращены, все ограбленное возвращено владельцам, и что атаман посылает в Даурию карательную экспедицию, которая перевешает всех виновных в грабежах и беспорядках. Дружину он расформировывает и приказывает солдатам ожидать в эшелоне его прибытия на станцию Даурия.

Березовский в точности передал телеграфное распоряжение атамана, вследствие чего испуганные солдаты пешком бросились бежать на следующую станцию Хадабулак. Даурия была очищена ими, и Березовский донес об этом атаману, который приказал ему по диспетчеру передать в Читу, что войска есаула Семенова подходят к Даурии, дружина бежала и т.д. Березовский, который любил поговорить, передавал туда небылицу за небылицей, а прибывшие солдаты даурской дружины еще подогрели настроение своими рассказами о жестокости и решительности Семенова; Чита пришла в волнение, и по свойственной всем большевикам привычке, во весь голос завопила гевалт, призывая всех на защиту завоеваний революции и на борьбу против бандита Семенова, и пр. т.п. Благодаря этим воплям, слух о Семенове, который засел на станции Маньчжурия и формирует отряд для борьбы с завоеваниями революции, распространился по всей Сибири, и со всей Сибири потекли в Маньчжурию юнкера, офицеры и прочие русские люди, которые не могли примириться с воцарением на Руси красного хама, для того, чтобы присоединиться к отряду и с оружием в руках защищать свою Родину от Коминтерна.

К 25 декабря у есаула Семенова было 9 офицеров, 35 казаков и добровольцев и 40 монголов. Проходившая в это время с фронта после большевистского переворота Уссурийская казачья дивизия также дала более сотни добровольцев — офицеров и казаков. В силу установившихся казачьих обычаев, есаул Семенов получил звание атамана, а его отряд был наименован Особый Маньчжурский атамана Семенова отряд. Этот отряд сыграл большую роль в истории Русской гражданской войны, доказав всему миру, что русский народ не принял красной власти, а восстал против нее и три с половиной года боролся, пока не ослабели его силы. Особый Маньчжурский отряд, оттянув на себя вдесятеро сильнейшего неприятеля, почти год боролся с большевиками и в очень большой степени облегчил чехам их прорыв на восток, так как большевики не могли свободно оперировать против них, имея у себя в тылу атамана Семенова и его отряд.

В конце лета 1918 года к атаману прибыла сестра милосердия, как курьер, от начальника штаба чехословацких войск, полковника Ушакова с просьбой последнего оказать содействие чехам своим наступлением на большевиков, с целью оттянуть на себя часть войск с Омского фронта. По получении этой просьбы, атаман немедленно перешел в наступление всеми своими силами и заставил красных оторвать от борьбы с чехами до тридцати тысяч бойцов с тем, чтобы противодействовать стихийному наступлению атамановских отрядов на запад.

Необычайно широкий в этом году разлив Онона задержал наступление атамана и в то время как конные его части заняли ст. Андриановка, он сам с пехотой находился в Оловянной, где и произошла его первая встреча с чехами.

«Возрождение Азии», № 255, 10.12.1933.

В.В. Степанов. Правда об атамане Семенове

[После взятия Читы большевиками] К счастью, Семенову удалось бежать. Своим местопребыванием он избрал ст. Маньчжурию, где вскоре к нему присоединилось несколько десятков забайкальских казаков. В то время на Восточно-Китайской железной дороге, как впрочем, и по всем железным колеям России, творилось нечто чудовищное: утратившие всякий облик человеческий, пьяные, разнузданные орды солдат, вооруженные до зубов, с украденными пулеметами и даже легкими орудиями, захватывая подвижные составы и целые поезда, расстреливая в пути машинистов и начальников станций, катили в любом направлении, лишь бы скорее принять на местах участие в ограблении «буржуев». С преданными ему людьми Семенов устроил на ст. Маньчжурия своего рода заставу: горсточка храбрецов останавливала тут поезда с красными и разоружала их. Численное превосходство красных не спасало их и всегда уступало перед спокойным мужеством и верою Семенова в правоту своего дела.

Служа России, Семенов одновременно оказывал серьезные услуги и Китаю, ибо, не пропуская красных от ст. Маньчжурия к востоку, он тем самым создавал барьер для проникновения большевистской заразы в Китай. Китайский генерал Чжан Куйу первый оценил эту сторону деятельности Семенова, устроил ему возможность непосредственных сношений с пекинским правительством, и от последнего вскоре Семенов добился официального запрета проезда красных по Китайской железной дороге. Понемногу к Семенову начинают присоединяться новые офицеры и солдаты, и разоружение красных принимает все более крупные размеры.

Особенно отличается в этом направлении один из сподвижников Семенова, барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг. Он занимал ст. Хайлар, имея в своем распоряжении крупный гарнизон в лице... одного (буквально!) казака, Бурдуковского. Чуть ни каждый день в Хайларе повторялась одна и та же сцена: в момент остановки поезда, везшего сотни красных, на перроне вырастала фигура Унгерна и в нескольких шагах позади — Бурдуковского, в почтительной позе выжидающего приказаний. «Сдавай оружие! — слышался громовой голос Унгерн-Штернберга — при неисполнении — немедленно вызываю две сотни, и тогда не взыщите!..» Минута подавленного молчания, и красные покорно складывают все свое оружие в указанное место. Страшные «две сотни», слава Богу, не приедут! Да они и никак не могли приехать, добавим читателю: их не было вовсе. Их символом, если можно так выразиться, служил все тот же единственный Бурдуковский. Смелость, оказывается, берет не только города, но и поезда! <...>

В конце 1917 г. добровольческий отряд Семенова составлял около 500 человек, главным образом, казаков. С этой крохотной «армией» атаман решает перейти в наступление, да еще против кого? Против прекрасных мадь-

ярских солдат, бывших военнопленных, примкнувших к местным большевикам, и тем составлявших и составляющих доныне в Сибири единственную реальную военную силу коммунистов.

Степанов В.В. [1921]. Правда об атамане Семенове. Б.м. и изд. [Будапешт: изд. В. Горнянский], с. 15–16.

Блохин. Боевые операции барона Унгерн-Штернберга: захват им Монголии; борьба с Красной армией и переход Монголии к Советской России[2992]

<Краткие биографические сведения. С чужих слов описаны неудачные попытки взять белых взять Нийслэл-хурэ осенью 1920 г. После неудачного штурма Урги в 1920 г. китайцы вывесили там объявление:> «Рушки! Ваш рушки хотили бить Урга: то худо есть. Наша генерала есть большой капитана. Рушки много худи люди есть тюрьма. Наша генерала послала вше рушки тюрьма. Хунхуза осовить и тюрьма» (подпись). Смысл этих слов означал следующее. «Русские! Ваши русские хотели захватить Ургу, это нехорошее дело. Наши командиры — храбрые люди. Много русских посажено за это в тюрьму по распоряжению нашего генерала. Отдан приказ арестовать всех подозрительных русских, замешанных в грабеже и нападении на Ургу, и сажать всех до разбора дела в тюрьму».

<Об арестах и грабежах гаминами русских в Урге; о неудачной повторной попытке Унгерна снова взять Ургу; о плохих условиях содержания в тюрьме.>

Допросы устраивались весьма странные. Арестованного вызывали к китайскому судье, который встречал последнего чуть ни с распростертыми объятиями, усаживал его с собой за маленький столик, поил чаем, угощал печеньем. Нахваливал его, не задавал ни одного вопроса и, накормив несчастного русского, объявлял ему, что его освободят, и действительно, последний освобождался из этого помещения. Его уводили в караульное помещение, где, запоров до полусмерти бамбуками, говорили ему, что он должен радоваться, что его не расстреляли, а это все — за то, что он сознался судье, что он разбойник из отряда Унгерна, но добрый судья его помиловал, велел дать ему 200 бамбуков, но они ему дали только сто, и просили его не говорить никому об этом. Арестованные уже заранее знали: как на допросе угощают чаем, ухаживают — не избежать порки, и порки добросовестной от солдат, после которой многие не могли выжить и умирали, заразившись гангреной от полученных ран и увечий.

<Об аресте Богдо-хана.> По улицам Урги вновь были расклеены объявления, где опять сообщалось о хвастливой победе доблестной китайской армии, и т.д. и т.д. Были расклеены портреты китайского генерала — главного начальника всех вооруженных сил китайских армий в Монголии, как храброго человека, лично участвовавшего в атаке против нападавших бандитов,

и своим примером увлекшего солдат своих в лобовую атаку на врага, и окончательно уничтожившего сопротивление противника. По рассказам очевидцев, весь китайский генералитет в одном нижнем белье кое-как успел сесть в автомобили и убежать за несколько верст в горы. Тут только сама судьба пошла навстречу китайцам, и Урга, дважды захваченная, дважды же оставалась в руках китайцев.

В стане Унгерна

Барон со своим небольшим, но довольно сильным отрядом решил зазимовать на реке Керулен. Здесь было расставлено до сотни плохоньких монгольских юрт, дырявых, плохо защищавших даже от обыкновенного ветра. Всюду вода ночью застывала в чугунной посуде. Люди только тем и спасались, что сидели все время, греясь у костра. Вид этих людей был страшный и в то же время комичный: все были одеты в длинные монгольские шубы, мохнатые шапки. Многие, правда, были в русских обыкновенных фуражках, на ногах большей частью была обыкновенная воловья шкура, снятая с вола, и этой шкурой были обмотаны ноги и завязаны сверху простой веревкой. Обуви не было. Шить было некому. Вот почему пришлось превратиться отчасти в первобытных людей, заматывая ноги в теплую снятую шкуру, так остававшуюся до тех пор, пока последняя не протиралась.

Войско барона представляло интернациональный отряд. Тут была сотня японцев, буряты, монголы, китайцы, киргизы, немцы, французы, австрийцы, венгры, чехи, сербы, румыны, болгары, даже был один негр. Откуда он взялся — так его никто и не знал, пристал где-то; говорить он по-русски не умел, и в то же время был сильно косноязычен. Знал лишь несколько слов: конь, мясо, начал (значило «начальник»), но отличался выдающейся храбростью, бросаясь на врага, и когда сбивал с ног последнего, то издавал какой-то нечеловеческий, душу раздирающий крик, садился на жертву и, выколов своим перочинным ножом оба глаза побежденному, начинал истерично смеяться. А так, при мирной обстановке, был самый миролюбивый, послушный, исполнительный, толковый малый.

Все воины барона должны были носить погоны, отдание чести было признано обязательным. Дисциплина была железная, такая же, как у каждого начальника шайки разбойников. Барон творил все, что хотел, но о нем будет сказано ниже...

Питались люди исключительно мясом, хлеба абсолютно негде было достать. В течение целых суток люди отряда Унгерна спали или играли в карты. Пьянство было запрещено под страхом смертной казни, но дежурные части всегда вели себя образцово: часовые стояли, как истуканы, не шелохнувшись; дежурные по юртам были при полном снаряжении и имели вид заведенных машин, со строгими лицами, не допускающими каких-либо возражений. В одной из юрт гремел оркестр из балалайки с гармоникой, танцо-

ры без конца выходили один против другого, показывая свое искусство, выделывая всевозможные виртуозности русской чечетки. Лагерь жил мирной жизнью. Вдали от юрт паслись табуны лошадей и скота на подножном корму, тщательно охраняемые вооруженными всадниками. На вершинах гор маячили верховые, но все-таки нигде не было замечено боевой обстановки, и не видно было уныния среди отряда. На самом же деле, в отряде не все было благополучно. Люди, доведенные до отчаяния, поспешно отступившие из России, были долго преследуемы красными партизанами, потеряли все обозы с обмундированием, снаряжением и провиантом, да еще эти два неудачных нападения на Ургу, на которую все так много и долго рассчитывали.

<О тяжелых условиях в войске; о получении приказа Богдо-гэгэна на освобождение Монголии; о захвате чахарами китайского каравана; о дезертирстве офицеров, поимке чахарами и казни; о том, что Унгерн лично запорол насмерть несколько человек, ища заговорщиков; о гомосексуализме Унгерна (что он сожительствовал со своими денщиками прежде, чем произвести их в офицеры); о сожжении Чернова (под фамилией Попов) и подавленном состоянии бойцов после этого; об освобождении Богдо-гэгэна, взятии Урги и уходе китайских солдат; о разграблении города после взятия; о складах, захваченных в Урге; о мобилизациях; о том, что Унгерн жил в жалком домишке, а Сипайло — в особняке; об уничтожении евреев; о деятельности комендантской команды; описания пыток Поповым в сипайловском подвале. Во всем много преувеличений: барон захватил несколько тысяч пудов серебра, его дивизия весной достигла 100 тыс. чел. и т.п.>

Наружность барона: он был высокого роста, худощав, носил прическу, волосы его больше с рыжеватым оттенком, бороду брил, носил длинные рыжие усы, опускавшиеся вниз, как у Тараса Бульбы; имел прекрасные большие голубые глаза, и в этих голубеньких глазках было написано столько жестокости — и вот это сочетание красоты и жестокости всегда приводило в трепет всех присутствующих. Едва ли кто, даже зная барона до этого, мог вынести жестоко-пронизывающего его взгляда. Обыкновенно говорящее перед ним лицо теряло дар речи, говорило бессвязно, руки тряслись, лицо перекашивалось от ужаса, и буквально волосы становились дыбом. Барон почему-то терпеть не мог таких людей, и конец разговора сопровождал обыкновенно словами: «Бурдуковский, на крышу его, к столбу, в комендантсткую! Отпороть его!»

Как из-под земли появлялась высоченная широкоплечая фигура, вся бритая, красная, с громадным уродливым ртом до ушей, с длинными, желтыми, грязными, волчьими зубами, с приплюснутым носом, узкими желтыми глазами, обыкновенно белки всегда были покрыты налетом красной запекшейся крови. Хриплым басом отвечал: «Слушаюсь!», и своими звериными, покрытыми рыжими волосами руками хватал грубо жертву за шею и хрипел:

«Айда!» На лице этого зверя было написано столько торжествующего удовлетворенного самолюбия: вдруг он, хорунжий Бурдуковский, будет пороть сейчас старого, пожилого штаб-офицера. Приволакивал жертву на задний двор и кричал: «Эй, палачи! Сволочи, куда вы там задевались?» Немедленно из раскрытых дверей вылетали зверские рожи, которые, уже заранее обученные этому искусству, знали, что надо делать. <Описание порки и сажания на крышу в наказание; как Блохин с каким-то сотником попал к Бурдуковскому «на перевоспитание» и всячески угождал ему, за что был в фаворе, а сотник этого не делал и был повешен; о любовнице Бурдуковского Ларьке, сношениях с ней, как она оговаривала людей, чтобы получить их ценности.>

Начальником штаба барон назначил себе обыкновенного бывшего военного чиновника с законченным высшим образованием — некоего Ивановского. Это было совершенно штатское лицо по своему духу и жизненному укладу. Он всего боялся, ничего в военном деле не понимал, а просто был великолепной канцелярской крысой. Исполнял все точно и аккуратно. Ночи просиживал — но какие бы поручения ни были, он исполнял обязательно. Барон его называл просто: «Ивановский». Все военные обращались к нему, не зная, как его титуловать, и называли его как-то дико: «Господин начальник штаба». При всяком обращении к нему Ивановский терялся. Но так он был очень безобидный, хороший и честный человек. Как-то было странно — как это среди этих кретинов появилась какая-то личность, которая ни на кого не кричит, никого не бьет, не порет, не расстреливает, а все время копошится в своих бумагах, со всеми очень ласков и приветлив.

<О войсковом старшине Львове: что Унгерн его порол, хотел казнить, потом поставил работать в штаб, в результате Львова якобы нашли мертвым в палатке>

Провокатор

Бароном был отдан строжайший приказ — уничтожить с корнем все еврейское население, но нет правил без исключения! Перед евреем Михаилом Мариупольским барон спасовал. Мариупольский был Азефом в революционном масштабе. До Мировой войны был присяжным поверенным в одном из городов Сибири. Человек с широким размахом виртуоза по бракоразводному делу. Довольно хитрая, темная личность — так говорили коллеги его. Оно так и случилось.

Михаил Абрамович Мариупольский почему-то прежде всех узнал об отречении от престола бывшего русского царя Николая II и первым организовал совет рабочих депутатов. Губернатор наутро был страшно удивлен, когда ему доложили, что власть вся перешла с четырех часов в руки народа, во главе которого стоит присяжный поверенный Мариупольский. Не проходило ни одного митинга, заседания, чтобы Мариупольский с пеной у рта не произносил бы речей в защиту совета рабочих депутатов и временного пра-

вительства. Когда же время шло, и безавторитетное правительство начало сходить со сцены, Мариупольский, как хамелеон, постепенно менялся в своем цвете, краснел, и к моменту падения власти временного правительства, возглавлявшегося Ал. Фед. Керенским, Мариупольский уже по проторенной дорожке вовремя арестовал комиссара временного правительства и организовал большевистский комитет (или так называемый совдеп) и стал главой его.

Но тотчас же понял Мариупольский, что положение в Сибири советской власти далеко не прочно, и немедленно же организовал тайный комитет по свержению власти советов. Он вошел в связь с капиталистическими кругами Сибири, получил огромную сумму денег на эту борьбу, умело организовал офицерские ячейки во многих городах Сибири, и к приходу чешских войск выступил одним из главных участников переворота. Переворот во многих городах прошел весьма безболезненно, почти без кровопролития.

Мариупольский назначил себя председателем следственной комиссии по расследованию дел советских служащих. С красноармейцами обращался беспощадно жестоко: многих он приговаривал к двадцатилетним каторжным работам, и этих несчастных немедленно же отправляли в отряды особого назначения, где последним грозила неминуемая смерть без всякого суда и следствия, но зато всегда главарей виновников, занимавших огромные ответственные должности, немедленно отправлял в лагеря для военнослужащих, где последние, благодаря плохому надзору и полу-свободе, через несколько дней убегали куда-то. Об этом скоро узнали. Мариупольскому было предложено в мягкой форме оставить эту ответственную должность.

Чтобы реабилитировать себя, Мариупольский поступил в один из карательных отрядов, где принимал самое деятельное участие при всяком расстреле, как палач-исполнитель. Но, заметив, что власть адмирала Колчака весьма неустойчива, Мариупольский вышел из такого отряда и, связавшись с бежавшими советскими деятелями, вступил с ними в тайную организацию большевиков по свержению белой власти и, после разгрома армии Колчака, остался снова в Сибири.

Незадолго до появления барона Унгерна в Монголии, Мариупольский прибыл в Ургу с какой-то женщиной, выдававшей себя за польскую подданную, как беженец, и был принят на службу в «Совцентросоюз» на очень мизерную должность. И вот, при взятии Урги, Мариупольский был, как еврей, арестован и посажен в подвал, но, по прошествии нескольких часов, был освобожден и назначен заведующим одной мастерской, работавшей на армию барона Унгерна. Барон, после двухчасовой беседы с Мариупольским, позвал к себе своего коменданта полковника Сипайло и заявил ему: «Расстреляй всех жидов, кроме него. Он имеет такие важные документы от европейских государств, что я не могу с ним ничего поделать, я должен отступить от сво-

его правила и ухаживать за ним, за этим пронырливым жидом! Он мне б[у]дет очень полезен».

Однажды барон пригласил к себе Мариупольского и спросил его: «Здес[ь] есть несколько семей, которые, хотя и евреи, но датские подданные — что ними делать?» — «Расстрелять их всех! Они все коммунисты». И, таким об[ра]зом, много еврейских семей, совершенно ни в чем не виновных, благода[ря] совету Мариупольского, были повешены, зарублены и расстреляны. Осо[бе]нно жалко было семью Немецких. Они были датские подданные, за них просило все русское население города Урги. Барон уже колебался, тогда Ма[ри]упольский сам лично застрелил одного из членов семьи. Ну, а с остальны[ми] было проделано с большим наслаждением чинами комендантской коман[ды].

Очевидно, Мариупольский имел предписание покончить с еврейскими се[мь]ями, равнодушно относящимися к революционному движению в Совет[ской] России.

По выступлении барона Унгерна из Урги на Россию, Мариупольский, лов[ко] обманывая бдительное наблюдение шпионов сыскного сипайловского от[де]ления, со своей женой исчез из Урги. Через месяц Мариупольский, как по[бе]дитель, въезжал в Ургу — но только в сопровождении красной ударно[й] бригады. Мариупольскому все было прощено. Он одно время был назначе[н] казначеем Центросоюза. Быстро поправив дела Центросоюза, Мариупольс[кий] обратно вернулся в Россию, и через Читу перебрался в полосу отчужде[ния] в город Харбин, где снова устроился в «Центросоюз».

Но главный приказ Мариупольского заключался в том, что он приехал с докладом к генералу Пепеляеву, по своим политическим убеждениям социа[ли]сту. Сделал последнему огромнейший доклад, главным образом, о состоя[нии] Красной армии, о ее боевой подготовке, о настроении, о командном со[ста]ве, представил фамилии всех начальников с указанием занимаемой должности и политической платформы, и передал генералу Пепеляеву от партии социалистов-революционеров 15 тысяч долларов. Вскоре после это[го] Мариупольский уехал обратно в Читу, а генерал Пепеляев выехал на вос[ток] в правительство братьев Меркуловых, поддерживаемых японским коман[до]ванием.

Генерал Пепеляев собрал почти полный офицерский отряд, великолепно одел, платил всем аккуратно жалование в иностранной валюте, и выехал опе[ри]ровать на Камчатку против Советской России. Во время пребывания на Камчатке был ночью же окружен красными войсками и без выстрела взят в плен.[2993]

Вот что делают провокаторы, «двухсторонние Азефы», и, наверное, имен[но] благодаря им раскрываются все ячейки «революционеров», организован[ные] самими же провокаторами вроде еврея Мариупольского. Ни одни, навер-

ное, сотни честных социалистов гниют в затхлых советских тюрьмах, ежеминутно ожидая самой беспощадной над ними расправы. А таких господ, как Мариупольский, не один, наверное, десяток и у нас, среди нас — эмигрантов. Наверное, слишком крупная птица у кого-то провокатор Мариупольский, которому все прощается, он, как иезуит, ни перед чем не останавливается — лишь бы цель оправдывала средства. Никто об этом еще не знает, а он, наверное, где-нибудь уже в Европе состоит при царской особе, чинит свое гнусное дело и ему, безусловно, все верят. Он умеет войти в душу рабочего человека и тотчас узнать уязвимое место политического деятеля.

<О докладе Оссендовского Унгерну; о положении русских в прошлом на линии отчуждения КВЖД и в Халхе; детальные сведения об отряде Шубина; глава «Неуловимый поручик» о партизанском отряде в Урянхайском и Енисейском краях, командир которого по ночам убивал советских работников, а наутро на груди у них находили записку с подписью «Неуловимый»; об изгнании из Улясутая китайского отряда русскими, захват ими оружия китайцев, недовольство офицеров в Улясутае не только красными, но и Унгерном; о карательном рейде Ванданова и Безродного в Улясутай; среди русских офицеров там Безродный застал пьянство, многих расстрелял, повесил, перепорол и т.д.; детальное описание пыток; о зверском убийстве Безродным собственного брата.>

Смерть доктора Гея

Доктор Гей, главный организатор экспедиции «Монголэкс» в Монголию на поставку для действующей русской армии в период мировой и гражданской войны, в 1920 г., взял на себя бразды правления и поставку монгольского скота и на Красную армию, почему-то попал в большую немилость советской власти и был отстранен от управления Центросоюзом (бывший Монголэкс), а на его место был назначен другой ветеринарный врач, состоявший в партии коммунистов.

Во время захвата управления Центросоюза небольшим отрядом полковника Казагранди доктор Гей был вновь восстановлен в прежней занимаемой им должности. Доктор Гей сумел воспользоваться долей серебра из разграбленной кассы и получил по подложным счетам до 80 пудов серебра. После ухода полковника Казагранди из г. Хатхыла, где помещался Центросоюз, г. Хатхыл был занят налетом красных партизан, и доктору Гею волей-неволей пришлось бежать из Хатхыла в небольшую колонию Мурэн-хурэ.

Будучи в г. Иркутске в 1918 г., куда прибыл доктор Гей по своим личным делам, последний был арестован властью адмирала Колчака, где Гею инкриминировалось обвинение в германском шпионаже, было много свидетельских показаний в том, что доктор Гей большую часть покупаемого скота посылал по калганскому тракту вглубь Китая, а там транспортами консервированное мясо увозилось в Германию. Казалось, Гею пришлось, наконец, навсегда рас-

статься со своей свободой, но деньги здесь ему помогли. Он подкупил всю администрацию и судебные власти, и благодаря этому адмиралу Колчаку вторично было доложено о недоказанности предъявленного обвинения, и благороднейшая личность — адмирал Колчак приказал освободить доктора Гея и вновь назначить его управляющим Центросоюзом «Монголэкс»[2994].

По захвате Урги бароном Унгерн-Штернбергом, доктор Гей жил со своей семьей снова в Монголии, и не подозревал о грозящей ему опасности. Барон Унгерн был почему-то очень зол на доктора Гея, но долгое время не решался повесить его, так как из всех строго конфиденциальных допросов многих беженцев, близко стоявших к семье доктора Гея, он получал самые лучшие отзывы о нем, как о человеке глубоко порядочном и всегда помогавшем несчастным, ободранным, изголодавшимся эмигрантам. На самом деле, доктор Гей отличался большой благотворительностью. Сотни людей были им обогреты: многих он буквально одел с ног до головы, выдал новую теплую одежду, давал лошадей, отправлял беженцев дальше на восток.

Наконец, барон решил покончить с доктором Геем и, вызвав к себе поручика Сергея Гордеева, дал ему предписание такого рода, предварительно сказав ему напутственное слово: «Повесь этого подлеца и уничтожь всю его семью за неумение заметать следы тяжелой задачи».

<Приводится предписание штаба об убийстве Гея и его семьи на основе приказа Унгерна (очевидно, сильно «переосмысленное» автором); будто С. Гордеев, которому было поручено убить Гея — на самом деле еврей Левин, скрывал это, но благодаря этому втерся в доверие к Гею, который выдавал себя за терского казака, а семья была евреями; приехавший из Урги Мариупольский уговорил Гея поехать в Ургу к Унгерну, Гей поехал туда, по дороге был убит Гордеевым, который затем перебил его семью, забрал все ценности, во всем обвинил китайцев, и русский отряд перебил много китайских крестьян. Об отрядах Казагранди, Шубина, Кайгородова и Бакича. О пытках и казни по подозрению в связях с Кайгородовым; о гомосексуализме Бурдуковского; о казнях в Урге по подозрению в коммунизме; о начале похода на Сибирь; об отрядах Казанцева, Казагранди, Шубина, Кайгородова «Тохтамышева»; о первом отряде монгольских революционеров (который организовал шаман); повторный выход Унгерна в Сибирь; письмо Унгерна Богдо-гэгэну (не соответствующее остальным материалам); о том, что при тренировках в плавании погибли русские, монголы и китайцы; о казни Архипова; о походе на оз. Гусиное; о казни комиссара и еврея у оз. Гусиного, остальных пленных на обозе отправили к красным; о бое у станицы Кударинской и действиях Нудатова; об отсутствии поддержки белых населением в Забайкалье; о том, что Унгерн давал жителям серебро; о сожжении Энгельгардта-Езерского — этому предшествовала порка, после казни Бурдуковский съел кусок его мяса, с Унгерном возникло временное помешательство, Унгерн якобы велел пове-

сить ламу-предсказателя; о боях к северу от Селенги; о принятии в Азиатскую дивизию пленных красноармейцев; о заговоре против Резухина и Унгерна; об отходе бригад из Монголии; о деморализации белых; о том, что на оз. Далай-нор чахары обратили в бегство бригаду Торновского; о нападении солонов; об интернировании в Хайларе, арестах тех, кто служил Унгерну в Забайкалье; о заговоре против Унгерна; об убийстве Безродного, Бурдуковского, Сипайло (с ошибками).>

Блохин. [1926] Боевые операции барона Унгерн-Штернберга: захват им Монголии; борьба с Красн[ой] армией и переход Монголии к Сов[етской] России. — ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 252, л. 1–199.

[Из рукописи М.Г. Торновского «От господина Великого Новгорода до Великого океана. Историко-социально-экономические записки»][2995]

Генерал барон Унгерн фон Штернберг в Монголии

Все карты китайцам смешал генерал барон Унгерн фон Штернберг, который после распада белой русской армии в Забайкалье не пожелал уйти в Приморье, а со своей Конно-азиатской дивизией, примерно в 600–700 сабель, пошел из Даурии на Ургу. Его стремлением было изгнать из Монголии китайцев и, пользуясь территорией Монголии, как базой, продолжать борьбу с Коминтерном, захватившим Русскую землю. Монголы были обрадованы появлению генерала барона Унгерна, и наспех собрали ему в помощь около 1000 всадников, довольно плохо вооруженных. С этими небольшими силами 5 января 1921 г. генерал барон Унгерн, разбив 12000 китайскую армию генерала Суна, занял Ургу. Богдо-гэгэн был восстановлен в своих правах, и Монголия стала самостоятельной.

В период в течение с 5 января по 20 мая вся Внешняя Монголия была очищена белыми русскими от китайцев. Генерал барон Унгерн нанес жестокое поражение китайцам в Урге, а также шедшим из Пекина подкреплениям на позиции у Чойрын — Удэ, 12 марта 1921 г., в самом центре пустыни Гоби, в жестокую стужу. Китайцы оставили всякую попытку возвратиться в Монголию.

Китайские войска, после занятия Урги русскими, ушли на северную границу в Маймачен — Кяхтинский. В марте месяце генерал Го с остатками армии в 3000 человек и мирными купцами хотели пройти из Маймачена-Кяхтинского в Куку-хото по старой Мандаринской дороге. Отряд генерала Резухина (помощника генерала барона Унгерна) 18 марта с 400 чел. перерезал путь близ местечка Ходисын на 4 уртоне (уртон — почтовая станция) от Урги в направлении Улясутая. Произошел встречный бой, который длился целый день. Генерал Го ночью стал уходить с позиции. Преследуя китайцев, русские нанесли им тяжелые потери. Только горсточка их дошла до Куку-хото.

Китайцы оставили в Монголии богатую добычу барону Унгерну в виде пушек, пулеметов, ружей, снаряжения и обмундирования. Когда Монголия была очищена от китайцев, то монгольский сейм объявил мобилизацию и отдал распоряжение пригнать табуны лошадей для новых конных формирований. Через три месяца дивизия барона Унгерна пополнилась и реорганизовалась. Он имел в строю около 2500 сабель, 2 батареи и 40 пулеметов. Вместо того чтобы сидеть в Монголии, подбирать русских, бегущих из России и накапливать антибольшевистские силы в Монголии, генерал Унгерн пошел походом против большевиков, перейдя на русскую территорию в надежде, что в Забайкальском казачьем войске он найдет дальнейшие пополнения.

Первые бои 5–6 июня с Красной армией (35-я пех[отная] дивизия) у Троицкосавска окончились не в его пользу. С этого времени, не имея определенного плана войны, барон Унгерн делал набеги на Русь от границы Троицкосавска до поста Мондикуль: отряд в том или ином месте переходил границу, бродил в тылу у красных, доходил почти до Верхнеудинска и Мысовска и наносил красным чувствительные удары.

Командовавший Сибирским округом Блюхер подтянул всю 35-ю пех[отную] дивизию и одну кавалерийскую дивизию, и силами 20000 красных бойцов стал брать в тиски кавалерийскую дивизию барона Унгерна. Во избежание окружения, Азиатской конной дивизии пришлось спешно уходить из пределов России.

Барон Унгерн рассчитывал, что, стоит ему с крепким воинским кулаком появиться в Забайкалье, как казаки 1-го отдела Забайкальского войска присоединятся к нему для борьбы против красных. В обозе везли большое количество оружия для вооружения казаков. Расчеты генерала Унгерна не оправдались. Казаки предпочли сидеть по домам, а не воевать с большевиками.

Для Азиатской конной дивизии создалась неблагоприятная обстановка и, чтобы выйти из критического положения, генерал Унгерн решил увести свою дивизию в Урянхайский край. Он полагал, что в Саянских горах дивизия отдохнет, пополнится за счет бродячих белых отрядов [из] Западной Монголии и Кобдосского округа, и с новыми силами сможет ударить по красным в направлении Красноярска. Офицеры и казаки не разделяли оптимистических взглядов барона Унгерна.

14 августа 1921 года дивизия двумя отрядами стояла в верховьях р. Сунгари[2996]. Рано утром и произошло восстание в обеих бригадах. Генерал Унгерн, спасаясь от своих, попал в плен к красным. Правительство СССР в Новосибирске учинило над бароном Унгерном военно-полевой суд, который, конечно, приговорил его — расстрелять. По словам очевидцев, барон Унгерн принял смерть, как подобает героям.

Красные войска, преследовавшие дивизию генерала Унгерна, самотеком вошли в пределы Монголии и заняли Ургу, Улясутай и, позднее, Кобдо. Так,

сравнительно легко, без больших потерь, без политического осложнения с Китаем, армия СССР заняла Монголию. При помощи комиссаров Монголия организовалась в Монгольскую автономную республику, дружественную СССР. Большевики прочно обосновались в Монголии, рассматривая ее, как одну из автономных республик СССР.[2997]

Короткая героическая борьба генерала барона Унгерна, сначала с захватившими Монголию китайцами, а затем с Коминтерном, ждет своей исторической оценки. Вся монгольская эпопея есть повесть, изобилующая рядом героических моментов. Попытки двух-трех лиц, участников похода, написать историю походов генерала барона Унгерна в Монголию, в значительной мере не отвечают правде. Пройдет время, улягутся страсти, и спокойный историк сможет беспристрастно описать походы в Монголии барона Унгерна и его сподвижников, отдав им должное.

Не нужно забывать и те белые отряды, кои боролись в Китайском Туркестане под командованием генерала Попенгута до последней возможности против III Интернационала. Для данного же времени неоспоримым фактом является то, что Монголия сохранена в лоне России только благодаря барону Унгерну, который изгнал китайцев из Монголии. 6 июня 1921 г. советские войска заняли Ургу. В конце 1921 года в Монголии было учреждено Народное правительство Монголии. Оно отменило деление сословий, многочисленные титулы и звания. Власть Богдо-гэгэна сохранилась номинально, до его, вероятно, насильственной смерти в 1923 году. 11 июня 1924 г. Монголия была объявлена республикой, управляемой Хурулданом (Великим народным собранием).

В 1924 году в Пекине особо уполномоченный СССР Карахан и министр иностранных дел Китая Ку договорились о том, что Китай сохраняет свои суверенные права над В[нешней] Монголией, но договор остался пустым листом бумаги, а В[нешняя] Монголия, фактически, подпала под протекторат СССР. Несомненно, что Монголия с ее необъятным пространством и скрытыми богатствами в истории процветания государства Российского займет подобающее место, и монгольский народ от этого объединения получил несомненные блага.

В апреле месяце 1941 г. в Москве министр иностранных дел Японского императорского правительства Мацуока подписал с правительством СССР договор о ненападении, причем в этом договоре точно обозначено, что японское императорское правительство обязуется впредь уважать права СССР в Монголии.

ГОПАПО, ф.641/1, оп.1, д.9027, т. 2, л. 368–371.

Примечания и комментарии

[1] Часто пишут неверно: «Унгерн фон Штернберг». Такое написание пошло с допросов барона в 1921 г., отредактированных красными. Сам барон, подобно многим немцам, не использовал приставку «фон», хотя ее использование не запрещалось законами Российской империи. Без этой приставки он значится во всех документах, начиная с гимназии.

[2] Частично опубликованы Кузьминым, 2004.

[3] Например, Б.М., 1921; Letters, 1921.

[4] Например, Россия, 01.09.1921; Шанхайская жизнь, 10.09.1921, 04.10.1921, 06.10.1921; Советская Сибирь, 17.09.1921; Сумерки, 24.09.1921; Дальневосточная правда, 25.09.1921; Новости жизни, 25.09.1921, 01.10.1921; Рейхберг, 1940.

[5] Факсимиле см.: Кузьмин, 2004.

[6] А.Р. Ефименко, личн. сообщ. Расшифровку сокращений источников см. в их списке ниже.

[7] Рейхберг, 1936.

[8] Советская Сибирь, № 196 (556), 13.09.1921, с.4; № 197 (557), 14.09.1921, с.1; № 199 (559), 16.09.1921, с.1; № 200 (560), 17.09.1921, с.4; № 201 (561), 18.09.1921, с.3; № 202 (562), 20.09.1921, с.2–4.

[9] Главные источники: Елагин, 1934; Минц, 1934; Насанбалжир, 1954; Душенькин, 1957; Чимид, 1957; Белов и др., 1959; Гольман, Слесарчук, 1966; Панин и др., 1975; Балжиргарам, 1980; Дайнес, Краснов, 1987; Юзефович, 1993; Малышева, Познанский, 1996; Базаров, 2002; Жамсранжав и др., 2002; Кузьмин, 2004, 2005; Катанаев, 2005; Кудрявцев и др., 2008; Michalowski, 1977.

[10] Россия, 30.08.21.

[11] Кузьмин, 2004, 2005.

[12] С.В. Кожин личн. сообщ.

[13] О. Батсайхан, личн. сообщ.

[14] Термины «красные» и «белые» весьма условны. Для простоты в этой книге они используются для различения прокоммунистических и антикоммунистических сил России и Монголии периода революций и гражданских войн начала XX в.

[15] З. Лонжид, личн. сообщ.

[16] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 110–112; РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2576, л. 1–8.

[17] Подробнее см.: Козлов, 2001; Кузьмин, 2004.

[18] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[19] Подробнее см. в примечаниях: Кузьмин, 2004.

[20] См. эти мемуары в книге: Чуров, 2005.

[21] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123-124об.; ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 7–13.

[22] Например, АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 234; ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34 и т.д.

[23] Шумяцкий, 1921б. Иногда он печатался под псевдонимом Сергеев. Но его неповторимый стиль, зафиксированный в ряде архивных документов (АВПРФ), ясно виден.

[24] Например, РГАСПИ, ф.558, оп. 11, д. 828, л. 51–52.

[25] См., например, документы 1920–1921 гг. в кн.: Кудрявцев и др., 2008.

[26] РГВИА, ф.5285, оп. 1, д.169, л. 388, 390об.

[27] Кузьмин и др., 2009.

[28] Кузьмин, 2004, 2005.

[29] К-ч, 1920.

[30] Библиографию см.: Сонины, 1970.

[31] Хорошилова, 2002.

[32] Врангель, 1991.

[33] Макеев, 1934. Как обнаружил Б.Н. Волков, переработанные записки Макеева были изданы в США в виде новеллы на английском языке (Tichonov, 1938), некоторые места совпадают дословно. Под псевдонимом В. Тихонов писал американский новеллист Р. Пейн (R. Payne).

[34] Князев, 1934, 1937, 1942. Биографию см.: Кузьмин, 2005 (2004).

[35] Оссендовский, 1925.

[36] Цит. по: Михаловский, 2005, с.384.

[37] Кузьмин, Рейт, 2008.

[38] Например, Степанов, 1921; Тамаров, 1934; Семенов, 1938.

[39] Изданы в кн.: Марковчин, 2003.

[40] Князев, 1942, с.88–89.

[41] Цит. по: www.ageofbook.com.

[42] Козлов, 1905, с.126.

[43] Ungern-Sternberg A. Eesti Ajalooarchiv.

[44] Keyserling, 1958.

[45] Коростовец, 1995, 1996, 2004, 2009.

[46] Волков, 1921; Рябухин, 2004; Volkov, 1931; Forbath, 1936; Alioshin, 1942.

[47] Волков, 1921; Volkov, 1931. Биографию см.: Юзефович, 1993; Россияне в Азии, № 6, 1999; Даниельсон, 2001; Соколов, 2007.

[48] Соколов, 2007.

[49] Берлин, 1934.

[50] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, folder no. 9.

[51] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, folder no. 9, p.32–40.

[52] В. Хатчер, личн. сообщ. Ряд материалов П.А. Витте и его семьи сохранились у Веры Хатчер, его правнучки.

[53] CSUZ36008-A, pages 1-53; collection title: Boris Volkov (микрофильм), box no. 15; folder no. 9, p.65–76об; 119–122; folder no. 18, p.1–101. Ниже цитируется как Волков Б.Н., Hoover, вместе с другими материалами Волкова в Гуверовском архиве (номера страниц в оригинале есть не везде).

[54] Юзефович, 1993.

[55] Демиденко, 2004.

[56] Соколов, 2007.
[57] Соколов, 2007, с.112.
[58] Эрлихман, 2004.
[59] Ярославский, 1921.
[60] Шумяцкий, 1921д.
[61] В имеющейся у меня копии пронумерованы не все листы, поэтому ссылки - номер листа в ряде случаев невозможны.
[62] Соколов, 2007.
[63] Торновский, 1942.
[64] Ол-ич, 1924а–г.
[65] Носков, 1931; Рябухин, 2004; Alioshin, 1941.
[66] Блохин, 1926.
[67] Случайный, 1921; Лаврентьев, 1925; Першин, 1933; Сокольницкий, 1933; Клицин, 1936; Шайдицкий, 1963; Хитун, 1975; Gizycki, 1929.
[68] Торновский, 1942. Биографию и публикацию рукописи см.: Кузьмин, 2005.
[69] Голубев, 1926.
[70] Очевидец, 1921.
[71] См., например, сборник «Красногвардейцы и партизаны», 1957.
[72] См., например, Балжиргарам, 1980.
[73] Ширендыб, 1960, 1971; Дамдинсурэн, 1998.
[74] Кислов, 1931, 1964.
[75] Цибиков, 1947.
[76] Например, Зазубрин, 1972.
[77] Чойбалсан, 1952.
[78] Магсаржав, 1927.
[79] Бурдуков, 1969.
[80] Юдин, 1959.
[81] Эта рукопись цитируется как Аноним.
[82] Ярославский, 1922.
[83] Например, Лапин, Хацревин, 1935, 1939.
[84] Юзефович, 1993.
[85] Белов, 2001а–г, 2003.
[86] Батсайхан, 2007а, б.
[87] Кудрявцев и др., 2008, с.6.
[88] Michalowski, 1977, 2000.
[89] Guenon 1938.
[90] http://www.numismat.ru/au.shtml?au=60&per=&descr=&material=&nominal=&lottype=&ordername=&orderdirection=ASC&num=10&page=15.
[91] Князев, 1942.
[92] Хорошилова, 2002.
[93] РГВА, ф. 39532, о. 1, д. 60, л. 3.
[94] А.Р. Ефименко, личн. сообщ.
[95] З. Лонжид, личн. сообщ.
[96] Gizycki, 1929.

[97] ГМСИР, колл.: фото, № 1076/13-8-2.

[98] Унгерна там сопровождает неизвестное лицо. В ГМСИР на этой фотографии была поздняя надпись, что это его жена, позже было неверное предположение, что это Щетинкин.

[99] ЦМВС, фотофонд, 3/Б4489; ГМИСР, колл.: фото, № 19086/135б; один и тот же отпечаток: ГМИСР, колл.: фото, № 19086/135а и ЦМВС, фотофонд, 3/3Б981.

[100] Зазубрин, 1972.

[101] Из собраний М.Ю. Блинова, Новосибирского и Читинского областных краеведческих музеев.

[102] Советская Сибирь, № 199 (559), 16 сентября 1921, с.1.

[103] ЦМВС № 2/2926.

[104] Минусинский краеведческий музей, инв. № 8470; ОФ 6502.

[105] Акт № 3 от 25.07.1946 г.

[106] Монг.: «Унгерний цэргийн гутал».

[107] См.: http://voenforum.ru/lofiversion/index.php?t964.html.

[108] Блинов, 2000.

[109] Кузьмин, 2004.

[110] Власть труда, № 488 (364), 02.07.1921; перепечатка: Дальневосточная правда, 15.07.1921, с.2; Боец и пахарь, 15.07.1921, с.2.

[111] Шифр 3/Б-4655, получено от генерала Б.Р. Тертловского в письме от 31.05.1961.

[112] От М.С. Матиясевича 22.02.1967.

[113] Кузнецов, 2004; Каревский, 2005; Каревский, Лебедева, 2005.

[114] Кривель, 1992; Кручинин, 1995, 1997, 1999; Дугин, 1996; Рощин, 1998; Ципкин, 1996, 1999а, б; Пчелов, 1997; Филиппани-Ронкони, 1999; Акунов, Кузнецов, 2004; Ефименко, 2004; Хатунцев, 2004; Мартынов, 2005; Цветков, 2005 а, б; Хаумдас, 2005; Немчинова, 2007; Курас, 2009; Remsu, 1999a, b; Bydvai et al., 2002; Quenoy, 2003, 2006; Bisher, 2005; Mutti, 2005; Sunderland, 2005, 2008; Bodisco et al., 2007; Savelli, 2010 и др.

[115] Жерсон, 1998; Mabire, 1973, 1987, 1997; Middleton, 2000, 2001; Palmer, 2009; Rönnquist, 2006; и т.д.

[116] Например, Pozner, 1937; Krauthoff, 1938; Guenon, 1978, 2003.

[117] Например, Кудрявцев, 1922; Словцов, 1935.

[118] Sable, 2006.

[119] Подробнее см.: Юзефович, 2010.

[120] Несмелов, 1928; Хейдок, 1934; Седых, 1960; Корольков, 1986; Марков, 1992; Пелевин, 1997; Лимонов, 2004; Крюкова, 2004; Deville, 1968; Pratt, 1974; Crisse, 1988; Easterman, 1990; Appelius, 2006; Goulaine, 2006; Maulin, 2008; и др.

[121] Михаловский, 2005.

[122] «Его зовут Сухэ-Батор», 1942; «Исход», 1967; «Кочующий фронт», 1971; «По имени Барон», 2001; «Вепрь», 2005.

[123] В передачах «Вокруг света: Монголия: Черный барон», 24.02.2003; «Тайные знаки: Второе пришествие бога войны: Барон Унгерн», 2008; «Отечество и судьбы: Унгерны», 2009; «Кто мы: Кровь на Русской равнине», передача 16, 2009.

[124] Юзефович, 1993.

[125] Искусство кино, №№ 11, 12, 2002 — http://www.kinoart.ru.

[126] Нэргуй, 2010; Барон Унгерний..., 2010.

[127] Оссендовский, 1925.

[128] Российская родословная книга, ч. 3, с.416–418 — цит. по: Князев, 1942.

[129] Князев, 1942.

[130] Genealogisches Handbuch, 1930. По Торновскому, 1942, два родных брата де Унгариа вначале переселились из Венгрии в Галицию, а во времена шведского владычества в Прибалтике один историк, писавший семейную хронику, прибавил к фамилии «Штарнберг», отыскав какое-то родство рода с чешским графом Штарнбергом. Существует реконструкция родословной Р.Ф. Унгерна с XVI в. (http://www.wargs.com/noble/ungern.html).

[131] Оссендовский, 1925.

[132] Wartberge, 1864.

[133] Холюшкин, 1999.

[134] Соколов, 2007.

[135] Genealogisches Handbuch, 1930.

[136] Холюшкин, 1999, 2006.

[137] Советская Сибирь, № 199 (559), 1921, с.1.

[138] http://www.rustrana.ru/article.php?nid=32864.

[139] Юзефович, 1993, 2010.

[140] Здесь и ниже в таких случаях первая цифра означает дату по старому стилю (юлианский календарь), вторая — по новому (григорианский календарь).

[141] Ungern-Sternberg A. Eesti Ajalooarchiv.

[142] Genealogisches Handbuch, 1930.

[143] См. Кузьмин, 2004.

[144] Подробнее см.: Юзефович, 1993; Кузьмин, 2004.

[145] Ungern-Sternberg A. Eesti Ajalooarchiv, fond 1423, nimitsu 1, sailik 192, leht 1–13 (14–24).

[146] Pozner, 1937.

[147] Eesti Ajalooarchiv, fond 1187, nimitsu 2, sailik 1801.

[148] Чуров, 2005.

[149] У Софии от этого брака было также две дочери, из которых младшая рано умерла.

[150] Юзефович, 2010.

[151] Eesti Ajalooarchiv, fond 1187, nimitsu 2, sailik 1801.

[152] Eesti Ajalooarchiv, fond 860, nimitsu 2, sailik 1672.

[153] Genealogisches Handbuch, 1930.

[154] Jdrvakandi...

[155] Keyserling, 1958.

[156] Чуров, 2005.

[157] Юзефович, 2010.

[158] Юзефович, 1993.

[159] Юзефович, 2010.

[160] Торновский, 1942.

[161] Järvakandi...

[162] Genealogisches Handbuch, 1930.

[163] Чуров, 2005.

[164] Дело об этом: Eesti Ajalooarchiv, fond 101, nimitsu 1, sailik 1266. Ныне Ревельская гимназия Николая I называется гимназией Густава Адольфа (Таллин, ул. Суур-Клоостри, д. 16).

[165] Михаловский, 2005.

[166] Кузнецов, 2004.

[167] РГАВМФ, ф. 432, оп. 2, д. 2162.

[168] РГАВМФ, ф. 432, оп. 2, д. 2162, л. 1–2об., 5–7об., 8об., 9об., 10–11об., 14об.: Бочаров, 2003; перепечатка: Кузьмин, 2004.

[169] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21об.

[170] Молчанов, 2009.

[171] РГВИА, ф. 2626, оп. 2, д. 534, л. 44–49об.

[172] Торновский, 1942.

[173] РГВИА, ф.400, оп. 11, д. 499, л. 17–23об.

[174] Чуров, 2005.

[175] РГВИА, ф.5285, оп. 1, д.169, л. 358–358об.

[176] Максаков, 1932.

[177] Сухова, 2006.

[178] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 35–60.

[179] См. Кузьмин, 2004.

[180] РГВИА, ф. 400, оп. 11, д. 499, л. 17–23 об.

[181] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 628, л. 16об.; д. 5650, л. 109об.

[182] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 153, л. 249об.

[183] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 630, л. 120.

[184] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 630, л. 348об.

[185] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 153.

[186] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 630, л. 118. В большинстве юнкера желали получить меньше патронов.

[187] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 630, л. 247–248.

[188] Genealogisches Handbuch, 1930.

[189] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 630, л. 247–248.

[190] Который есть в списке по полкам в Павловском училище за 1908 г. (РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 630, л. 129об.).

[191] Reitwiesner, 2007.

[192] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 630, л. 252.

[193] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 153, л. 270об.

[194] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 153, л. 274–274об.

[195] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 153, л. 270об.–271.

[196] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 153, л. 282.

[197] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 630, л. 186.

[198] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 628, л. 119об.

[199] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 630, л. 2–2об.

[200] РГВИА, ф. 319, оп. 1, д. 628, л. 119об.; д. 630, л. 4, 11, 48.

[201] Барга — монгольская территория со смешанным коренным населением: мон-
лы-баргуты, дауры, маньчжуры и др. В настоящее время — городской округ Хулун
ир на севере Внутренней Монголии; более 80% населения — китайцы.

[202] Оссендовский, 1925.

[203] Ungern-Sternberg A. Eesti Ajalooarchiv, fond 1423, nimitsu 1, sailik 192, leht 1–
(14–24).

[204] Голубев, 1926.

[205] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 281–281об.

[206] РГВИА, ф. 400, оп. 11, д. 499, л. 17–23 об.

[207] Романов, 1995.

[208] Окладников, 1968.

[209] Обзор, 1912.

[210] Шайдицкий, 1963.

[211] Голубев, 1926.

[212] Волков, Hoover.

[213] РГВИА, ф. 400, оп. 11, д. 499, л. 15.

[214] Голубев, 1926.

[215] РГВИА, ф.5285, оп. 1, д. 169.

[216] Князев, 1942; Торновский, 1942.

[217] Марковчин, 2003.

[218] Князев, 1934, 1942.

[219] РГВИА, ф. 400, оп. 11, д. 499, л. 17–23об.

[220] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21об.

[221] РГВИА, ф. 400, оп. 11, д. 499, л. 25–26.

[222] РГВИА, ф. 5285, оп. 1, д. 169, л. 350, 350об., 481об.; ф. 5288, оп. 1, д. 86, л. 3
д. 89, л. 71.

[223] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19.

[224] Торновский, 1942.

[225] Карл Тыннисон...

[226] РГВИА, ф. 5285, оп. 1, д. 169, л. 49.

[227] Как считал Бурдуков, 1969.

[228] Карл Тыннисон...

[229] РГВИА, ф. 5285, оп. 1, д. 169, л. 250.

[230] РГВИА, ф. 5285, оп. 1, д. 169, л. 251.

[231] РГВИА, ф. 5285, оп. 1, д. 169, л. 256.

[232] РГВИА, ф. 400, оп. 11, д. 499, л. 14.

[233] Бурдуков, 1969.

[234] Ермаченко, 1971.

[235] Например, Стонтон, 1804; Гюк, 1866.

[236] Успенский, 1996.

[237] Ермаченко, 1971.

[238] Цит. по Ермаченко, 1971, с.236.

[239] Тихвинский, 1966.
[240] Подробнее см.: Кузьмин, 2010.
[241] Попова, 1987, с.138.
[242] Белов, 2001в.
[243] Патрушева, 1981.
[244] Белов, 2001в.
[245] Белов, 1999.
[246] Цит. по: Патрушева, 1981, с.104–105.
[247] АВПРИ, ф. Приамурск. генерал-губернатор, оп. 579, д. 38.
[248] Основная военно-административная единица, феодальное удельное княжество в Монголии. Во главе него стоял наследственный князь — дзасак.
[249] В отечественной литературе обычно пишут «харачины».
[250] Батсайхан, 2007а.
[251] В 1921 г. казнен унгерновцами.
[252] Белов, 1996в, с.138.
[253] Подробнее см.: Кузьмин, 2010.
[254] Батсайхан, 2008, 2009.
[255] Железняков, 2009.
[256] Белов, 2001в.
[257] Коростовец, 2009.
[258] Майский, 1959.
[259] Белов, 1996в.
[260] См., например, Стонтон, 1804.
[261] Белов, 2001в.
[262] Белов, 2001в.
[263] Белов, 1999.
[264] Batsaikhan, 2009, с.49–50.
[265] Бурдуков, 1969.
[266] Цацрал, 2004.
[267] Базаров и др., 1998.
[268] В то время Барга еще не была включена во Внутреннюю Монголию.
[269] Текст см.: Батсайхан, 2008, 2009.
[270] Белов, 1999.
[271] Биографию Семенова см.: Семенов, 1938; Смирнов, 2005.
[272] Маймачен — русифицированное название торговой слободы в каком-либо монгольском городе (от монг. наймачин — торговец, купец). На месте, где был ургинский Маймачен, сейчас Баян-Дзурхский район Улан-Батора. Кяхтинский Маймачен сейчас представляет пустырь на окраине г. Алтан-Булак.
[273] Белов, 1999.
[274] Белов, 2001в.
[275] Например, Белов, 1999.
[276] Белов, 2001в.
[277] Белов, 2001в.
[278] Например, Стонтон, 1804.

[279] «Гэмин» по-китайски значит «революция». Изначальное значение слова «гэмин» — «лишение мандата» (Непомнин, 2005), «смена мандата», «смена предопределения». Термин взят из ханьской традиции, согласно которой династия императоров правит по мандату, или предопределению Неба (тяньмин), а смена династии связана с переходом этого мандата к другому человеку. Раз династия пала, значит, Небо отвернулось от нее и лишило мандата, значит, должна произойти смена династии.

[280] Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1964, с.113–117 — цит по: Тихвинский, 1968, с.38, 50, 53.

[281] Кузык, Титаренко, 2006, с.147.

[282] Белов, 2001в.

[283] Белов, 2001в.

[284] АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 761, д. 234, л. 265.

[285] АВПРИ, ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78, л. 60.

[286] Коростовец, 2009, с.198.

[287] Например, Чимитдоржиев, 1987.

[288] Попова, 1987.

[289] Батсайхан, 2009.

[290] Батсайхан, 2008.

[291] Коростовец, 1995.

[292] Коростовец, 2009.

[293] Ленин, 1961, с.203. В феврале–мае 1914 г. Ленин написал работу «О праве наций на самоопределение». Из нее следовало, что в таких случаях, как с Монголией, нации имеют полное право на независимость. Вероятно, в данном случае Ленину не понравилось, что Монголии помогал царь. Ведь в 1919 г. (то есть после революции) советское правительство объявило, что теперь Монголия, как независимая страна, может без опеки Пекина и Петрограда сноситься со всеми государствами (АВПРФ, ф. 111, оп. 2, п. 102, д. 25, л. 6; Правда, 12.05.1936).

[294] Ленин, 1969.

[295] Чойбалсан, 1961, с.327.

[296] Э.-Д. Ринчино в кн.: Базаров и др., 1998, с.168.

[297] Златкин, 1957, с.142, 144.

[298] Жуков и др., 1967, с.240.

[299] Батсайхан, 2007а.

[300] АВПРИ, ф. МИД, Канцелярия, оп. 470, д. 196, л. 169.

[301] Цит. по: Белов, 1999, с.60.

[302] Цит. по: Белов, 1999, с.103.

[303] Белов, 1999, с.102; Коростовец, 2004, с.281–282.

[304] Батсайхан, Кузьмин, 2008.

[305] АВПРИ, ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78, л. 318.

[306] Коростовец, 1996.

[307] Белов, 1999.

[308] Железняков, 2009.

[309] АВПРИ, ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78.

[310] Белов, 1999.

[311] Кузьмин, 1995. В 1914 г. Урянхайский край стал русским протекторатом, а в 1944 г. Тува была включена в состав СССР.

[312] Коростовец, 2009.

[313] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 29; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 56.

[314] Кудрявцев и др., 2008, с.30.

[315] Белов, 1999.

[316] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 675, л. 202–204.

[317] Чойбалсан, 1965.

[318] Доржсурэн, 1993.

[319] АВПРИ, ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78, л. 192.

[320] Чойбалсан, 1965.

[321] Белов, 1999.

[322] П.П. Малиновский оказался в Урге в 1911 г. после тюремного заключения. По протекции российского консульства устроился артиллерийским инструктором к монголам; кроме того, организовал типографию (Коростовец, 2004). Богдо-гэгэн VIII даровал ему титул тумбаир-гуна. Впоследствии Унгерн переписывался с Тумбаир-Малиновским.

[323] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 675, л. 183.

[324] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 675, л. 205.

[325] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 675, л. 200–200об.

[326] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 675, л. 206–207.

[327] АВПРИ, ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78, л. 210.

[328] АВПРИ, ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78, л. 232.

[329] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 2–6а.

[330] Белов, 1999.

[331] АВПРИ, ф. МИД, Канцелярия, оп. 470, д. 196, л. 24.

[332] АВПРИ, ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78, л. 60.

[333] Бурдуков, 1969.

[334] Бурдуков, 1969. В официальной биографии Максаржава (Чойбалсан, 1965) Дамби-Джанцан в связи со взятием Кобдо вообще не упоминается.

[335] Чойбалсан, 1965; Жамсранжав, 2002.

[336] Подробнее о нем см.: Ломакина, 1993, 2003.

[337] Белов, 1999.

[338] Бурдуков, 1969.

[339] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 58–59.

[340] Даревская, 1998.

[341] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 24.

[342] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 24об.

[343] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 29.

[344] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 26.

[345] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 32–39.

[346] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 32–39.

[347] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 1–72.

[348] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 635, л. 119.

[349] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 19.

[350] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 1–72.
[351] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 16.
[352] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 21.
[353] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 32–39.
[354] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 46.
[355] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 54–55.
[356] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 53.
[357] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 52.
[358] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 51.
[359] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 62–64.
[360] Ломакина, 1993.
[361] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 69.
[362] Детали см.: Бюлл. МОНТА, № 65–66, 18.02.1923.
[363] Коростовец, 2009.
[364] Коростовец, 2006.
[365] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 24–25.
[366] Коростовец, 2004.
[367] АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1894, л. 9.
[368] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 40.
[369] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 45–47об.
[370] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 60–65.
[371] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 71–82об., 98–99об.
[372] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 82.
[373] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 127–131.
[374] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 113.
[375] Имеются архивные сведения «О службе Виктора Федоровича Люба по ведомству МИД» (АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1894, л. 1–86). В 1886 г. Люба окончил курс на китайско-монгольско-маньчжурском отделении Восточного факультета С.-Петербургского университета. В начале 1887 г. командирован в Кульджу для усовершенствования в маньчжурском письменном и китайском разговорном языках и ознакомления в селениях Семиреченской области с бытом дунган. 6 августа 1888 г. переводчик китайского и маньчжурского языков Люба назначен на вакантную должность студента императорской российской миссии в Пекине. В 1980 г. — коллежский секретарь, зачислен драгоманом в Ургe, в том же году — чиновником МИД в Маньчжурию (Гирин). В 1900 г. — чиновник МИД 6-го класса, надворный советник. Во время волнений 1900 г. оставался в Гирине. При сожжении русской колонии во время этих волнений пожар истребил все его имущество. В результате Люба жил в холодной фанзе, болел хроническим бронхитом и ревматизмом. В 1904 г. мобилизован на театр военных действий для дипломатической переписки, затем на него возложена поездка в Монголию. В 1905 г. командирован в Западную Монголию на 3 месяца, затем был в Харбине. В 1910 г. — генеральный консул в Улясутае, куда выехал из Томска, не окончив лечение. В 1911 г. ездил в Ургу. В феврале 1913 г. Коростовец в секретной телеграмме писал о предубеждении, создавшемся против статского советника Люба как среди ургинской русской колонии, так и в Кяхте и Иркутске, о его газетной трав-

ле. Сам Коростовец считал его деятельность полезной, советовал перевести его в Мукден. Люба страдал нервным расстройством. В 1913 г. отправлен в Кобдо. В 1916 г. бывший генеральный консул в Харбине Люба был обвинен по делу о растрате, совершенной бывшим штаб-ротмистром Заамурской окружной пограничной стражи Черниевецким. Уголовное дело в отношении Люба было прекращено. 5 марта 1916 г. выехал из Кобдо в Шара-сумэ, а в Кобдо прибыл Габрик.

[376] Западно-монгольские племена.

[377] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 187.

[378] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1826, л. 67.

[379] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 49-49об.

[380] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 635, л. 1.

[381] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570, л. 49–49об.

[382] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1826, л. 27, 33; 143, оп. 491, д. 635, л. 18.

[383] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1826, л. 69.

[384] АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1894, л. 20–22.

[385] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1826, л. 39, 51–53.

[386] Коростовец, 1995.

[387] Коростовец, 2009.

[388] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 635, л. 79–80.

[389] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 570.

[390] Белов, 1999.

[391] Базаров и др., 1998.

[392] АВПРИ, ф. Китайской стол, 143, оп. 491, д. 635, л. 106.

[393] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 635, л. 109–113.

[394] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 635, л. 119.

[395] Белов, 1999.

[396] Юзефович, 2010.

[397] Детали см.: Коростовец, 2004; Батсайхан, 2007а.

[398] Примечательно, что в ст. 11 этого соглашения были определены восточная, западная и южная границы Монголии, но не была определена северная граница — в связи с разногласиями России и Монголии о принадлежности Урянхайского края.

[399] Батсайхан, 2007а.

[400] Базаров, 2002.

[401] Чимитдоржиев, 1987.

[402] Белов, 1999.

[403] Белов, 1999.

[404] Заря, № 66, 30.03.1921.

[405] Голубев, 1926.

[406] Врангель, 1991.

[407] РГВИА, ф.400, оп. 11, д. 499, л. 17–23об.

[408] Семенов, 1938.

[409] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 306, л. 160–161. Немецкий военный атташе в Пекине капитан фон Паппенгейм во главе диверсионного отряда в конце

1914 г. собирался взорвать железнодорожное полотно на Хингане. Вся группа была уничтожена отрядом во главе с Бабучжав-гуном, имевшим связи с российской разведкой (http://old.vladnews.ru/magazin.php?id=13&idnews=38103&current_magazin=1821).

[410] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 306, л. 181.

[411] «По примерному расчету, в 1913 г. в Монголию должны были прибыть 59 русских инструкторов, в 1914 г. — 22 человек, в 1915 г. — 15 человек» (Жалсапова, 2008. с.123).

[412] Князев, 1942.

[413] Бурдуков, 1969, с.102.

[414] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1826, л. 73; ф. Миссия в Пекине. оп. 761, д. 306, л. 151.

[415] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1826, л. 73; ф. Миссия в Пекине. оп. 761, д. 306, л. 151.

[416] Об этом: АВПРИ, ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78, л. 400–421.

[417] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 27.

[418] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1826, л. 80, 86-86об; ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78, л. 194.

[419] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 637, л. 46.

[420] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 43–44об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 97а–98.

[421] Lattimore, Isono, 1982.

[422] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1826, л. 83–83об.

[423] АВПРФ, ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78, л. 41.

[424] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 1826, л. 86–86об; ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78, л. 194.

[425] Семенов, 1938.

[426] Серебренников, 1936.

[427] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21об.

[428] Чуров, 2005.

[429] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19.

[430] Торновский, 1942.

[431] Ungern-Sternberg A. Eesti Ajalooarchiv, fond 1423, nimitsu 1, sailik 192, leht 1–13 (14–24).

[432] Подразумевается, что по старому стилю, но действительности — по новому.

[433] Цит. по: http://george-orden.nm.ru; подробные выписки из архивного наградного дела см.: Соколов, 2007. Можно лишь удивляться сомнениям Б.В. Соколова в точности сведений из наградного дела Унгерна и соображениям о том, что получение ордена — дело везения...

[434] Князев, 1942, с.11.

[435] Марковчин, 2003.

[436] Сазонов, 1991.

[437] Хорошилова, 2002.

[438] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21об.

[439] Юзефович, 2010.

[440] Послужной список см.: РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21об., публикация: Кузьмин, 2004.

[441] Голубев, 1926.

[442] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21об.; РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 11.

[443] Ungern-Sternberg A. Eesti Ajalooarchiv, fond 1423, nimitsu 1, sailik 192, leht 1–13 (14–24).

[444] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138.

[445] Т.И. Артамонов позже участвовал в Белом движении; генерал-майор (1919 г.). В 1919–1920 гг. командовал казачьими соединениями на Восточном фронте.

[446] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 71об.

[447] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 75–76.

[448] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 68.

[449] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 40–41об.

[450] Ungern-Sternberg A. Eesti Ajalooarchiv, fond 1423, nimitsu 1, sailik 191, leht 1–2.

[451] РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2209, л. 1–1об.

[452] Белов, 2003.

[453] Ungern-Sternberg A. Eesti Ajalooarchiv, fond 1423, nimitsu 1, sailik 192, leht 1–13 (14–24).

[454] Советская Сибирь, № 199 (559), 16.09.1921, с.1.

[455] Марковчин, 2003.

[456] Торновский, 1942.

[457] Юзефович, 2009.

[458] Семенов, 1938.

[459] Матвеев и др., 1968.

[460] Матвеев и др., 1968.

[461] РГВИА, ф. 5280, оп. 1, д. 3, л. 22–51.

[462] Ага Петрос Элиа (Петр Эллов) — внештатный драгоман вице-консульства России в Урмии.

[463] РГВИА, ф. 5280, оп. 1, д. 2, л. 175–188об.

[464] Юзефович, 2010.

[465] Stafford, 1935.

[466] Семенов, 1938.

[467] Матвеев и др., 1968.

[468] Торновский, 1942.

[469] Hoover, 48014-10.V.

[470] Николаев, 1933.

[471] Официальная дата — 15 ноября 1917 г. (Деятельность, 1919).

[472] Eesti Ajalooarchiv, Bibliothek des Ungern-Sternberg-Archivs, fond 1423, nimitsu 1, sailik 191, leht 3.

[473] Юзефович, 2010. О деле Мясоедова см. ниже, в главе 9.

[474] Веллер, Буровский, 2007, с.477; Буровский, 2010, с.511.

[475] Eesti Ajalooarchiv, fond 1423, nimitsu 1, sailik 192, leht 1–13 (14–24).

[476] Волков, 1921, и Блохин, 1926, отмечают трусость Бурдуковского. Якобы последний позже подкупил в Урге гадалку, и та предсказала Унгерну, будто тот будет жить

до тех пор, пока жив Бурдуковский. Поэтому Бурдуковского перед боями отсыла обоз. Этому, однако, противоречат другие сведения: о его участии в разоружени сколькими семеновцами местного совета и гарнизона станции Маньчжурия (Воз дение Азии, № 1904, 03.08.1921, с.3-4; Семенов, 1938).

[477] Тинский, 1920.

[478] Пастухин, 1933.

[479] Пастухин, 1933; Губельман, 1958.

[480] Семенов, 1938.

[481] Торновский, 1942.

[482] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 10.

[483] Возрождение Азии, № 1904, 03.08.1921, с.3–4.

[484] Имеется в виду эпизод, когда В.И. Ленина с другими революционерами в ломбированном вагоне пропустили через Германию, воевавшую с Россией: им на жало свергнуть временное правительство и вывести из войны Россию.

[485] Б.Н. Волков — в кн.: Соколов, 2007; Николаев, 1933; Забайкальский рабо № 242 (5867), 17.10.1940, с.2; Губельман, 1958.

[486] Василевский, 2000.

[487] Деятельность, 1919.

[488] Даурец, 1921.

[489] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 4.

[490] Пастухин, 1933.

[491] Семенов, 1938.

[492] Мелихов, 2003.

[493] Смирнов, 2005.

[494] Губельман, 1958.

[495] Тамаров, 1934.

[496] Семенов, 1938.

[497] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 48.

[498] Семенов, 1938.

[499] Марковчин, 2003.

[500] Степанов, 1921.

[501] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 55–56об.; Семенов, 1938.

[502] Семенов, 1938.

[503] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 55–56об.

[504] Семенов, 1938.

[505] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 55–56об.

[506] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 73–73об. Шароглазов в 191 г. командовал конвоем при российской миссии в Пекине (АВПРИ, ф. МИД канцеля рия, оп. 470, д. 78, л. 327) а позже исполнял обязанности начальника семеновско войскового штаба (Васильевский, 2000).

[507] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 1, л. 1–1об.

[508] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 243, л. 136–138.

[509] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 55–56об.

[510] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 243, л. 133–134.

[511] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 170–173об.
[512] Вскоре убитым семеновцами.
[513] Текст допроса см.: Елагин, 1934.
[514] Показания Шильникова см. у Катанаева, 2005.
[515] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 83.
[516] Шерешевский, 1960.
[517] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 125.
[518] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 1, л.1-1об.
[519] Базаров, 2002.
[520] В русской и монгольской литературе Найдан-гун известен также как Найден-гун и Найданжав-гун.
[521] Агалаков, 1980.
[522] Шишкин, 1957.
[523] Шерешевский, 1980.
[524] Деятельность, 1919.
[525] РГВА ф. 39454, оп. 1, д. 2; 39532, оп. 1, д. 2.
[526] Забайкальский рабочий, 17.10.1940.
[527] РГВА ф. 39532, оп. 1, д. 2, л. 27.
[528] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 33–33об., 35.
[529] Поляк, служивший у барона командиром монгольской артиллерии в 1918–1919 гг.
[530] Pozner, 1938; Guenon, 2003.
[531] Ол-ич, 1924в.
[532] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 267.
[533] Это движение рассмотрено в главе 5.
[534] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 80.
[535] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, folder 9, p.4–3.
[536] Базаров, 2002.
[537] РГВА ф. 39532, оп. 1, д. 1, л. 20об.
[538] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, 19, 30–33об., 64–64об., 84–85.
[539] Егоров и др., 1998, с. 184–185.
[540] Савченко, 2000.
[541] Егоров и др., 1998.
[542] *Торновский, 1942.*
[543] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 20, 60–60об., 135, 204, 218 об., 305, 308.
[544] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 53.
[545] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 115.
[546] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 135.
[547] Зиновьев, 2003.
[548] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 22–23об.
[549] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 13–13об.
[550] Greiner, 2007.
[551] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 103.
[552] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 233.
[553] Юзефович, 1993.

[554] Новиков, 2005а.
[555] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 10а.
[556] Цыдыпов, 1918.
[557] Например, Батуев, 1977.
[558] Юзефович, 2010.
[559] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19.
[560] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 1, л. 2–2об.
[561] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 191об.
[562] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 200–216.
[563] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 218об.
[564] Таган, 1997.
[565] РГВА, ф. 1346, оп. 2, д. 616, л. 30.
[566] Таган, 1997.
[567] Таган, 1997.
[568] ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 870, л. 1–8об.
[569] Шайдицкий, 1963; Еленевский, 2003.
[570] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 13, л. 4–4об.
[571] Юзефович, 2010.
[572] АВПРФ, ф.2, оп.104, д.34, л.39.
[573] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2.
[574] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 22–23об.
[575] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2.
[576] Ол-ич, 1924г.
[577] Ол-ич, 1924б; Оссендовский, 1925.
[578] Шайдицкий, 1963.
[579] Аноним.
[580] Ол-ич, 1924г.
[581] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 17–17об.
[582] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 22–23об.
[583] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 269.
[584] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 310.
[585] Аноним.
[586] Аничков, 1998.
[587] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 115, 280–281об., 284, 310.
[588] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 311.
[589] Ол-ич, 1924г.
[590] Например, Голубев, 1926.
[591] РГВА, ф. 39454, оп.1, д.1, л.1–1об.
[592] Ол-ич, 1924г, с.2.
[593] Аноним.
[594] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 7, 18, 33–33об., 127, 284.
[595] Юзефович, 2010.
[596] Еленевский, 2003.
[597] ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 870, л. 1–8об.

[598] АРСС, большой дневник за 1921 г., reel 1-1305, л. 465–473.
[599] АРСС, дневник за май 1921 г., л. 0130–0131.
[600] Юзефович, 1993.
[601] Строд, 1926.
[602] Деятельность, 1919, с.30.
[603] Петров, 1930, 1965.
[604] АРСС, большой дневник за 1921 г., л. 0823–0824.
[605] Цит. по: Елагин, 1934, с.131.
[606] Савченко, 2000.
[607] Елагин, 1934, с.132.
[608] РГВА ф. 39532, оп. 1, д. 3, л. 120.
[609] ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 181, л. 43–44.
[610] АВПРИ, ф. Консульство в Урге, оп. 732, д. 26, л. 256 — 261.
[611] Шанхайская жизнь, № 491 (131), 14.06.1921.
[612] Семенов, 1938.
[613] Советская власть, № 9, 26.05.1921, с.1.
[614] Вронский, 1921.
[615] Правда, № 32, 13.02.1921.
[616] РГВА, ф. 16, оп. 3, д.222, л. 56–58.
[617] ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 181, л. 43–44.
[618] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 130–133; ГАРФ, ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 184.
[619] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 130–133; ГАРФ, ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 184.
[620] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 130–195.
[621] «Маша» — М.М. Глебова, была любовницей Семенова, когда его жена и дети жили в Верхнеудинске. С ней он встретился в Харбине в кабаре «Палермо». 15 августа 1920 г. Семенов обвенчался с Е.В. Терсицкой (Василевский, 2000). Машу Тирбах и Унгерн стремились устранить от атамана, но это не удалось. Она даже ездила в Японию по поручению Семенова, вела роскошную и разгульную жизнь, пила, проводила время в веселых кампаниях — пока атаман не отправил ее от себя, снова в Японию (Даурец, 1921). В РГВА (ф. 39532, оп. 1, д. 15, л. 20) сохранились посвященные ей поздравительные стихи Л. Никифоровой от 26 декабря 1918 г. Подробно о Маше писал отец Филофей (см.: Марковчин, 2003).
[622] Аноним.
[623] Например, Рицкий, 1920.
[624] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 277.
[625] Ол-ич, 1924а.
[626] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 148.
[627] Марковчин, 2003.
[628] Приказ № 183 от 29 сентября 1919 г., §1 — РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 215.
[629] Сохранились финансовые отчеты: РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2.
[630] Приказ № 35 от 14 февраля 1919 г. на основании приказа № 34 от 14 февраля 1919 г., §1 — РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 36.

[631] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 21.

[632] Dufour, 1942.

[633] Марковчин, 2003.

[634] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 11.

[635] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 537.

[636] В русских документах и мемуарах писали по-разному: Чжан-Ку-ю, Джан-ку-ю, Чжан-куй-у, Чжан Куй-у, Чжан Куй-ю, Джан-куй-ю, Джан-ку-у, Чжан Куйву, Чжан-Куй-и. Е.А. Белов писал Чжан Куню, но в разговорах со мной говорил Чжан Куйу. Эта транскрипция наиболее соответствует китайской грамматике, судя по тем вариантам, которые приведены выше.

[637] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 13–19.

[638] В 1919 г. он был представителем Семенова в полосе отчуждения КВЖД (АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 9об.).

[639] АВПРИ, ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке, оп. 894, д. 20, л. 190.

[640] Manchuria Daily News, № 3225 от 11.09.1919, с. 4.

[641] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 25–31.

[642] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 35–36об.

[643] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 51об.

[644] АВПРИ, ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке, оп. 894, д. 2, л. 171.

[645] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 537.

[646] Торновский, 1942.

[647] Dufour, 1942, с.611.

[648] Genealogisches Handbuch, 1930.

[649] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 21.

[650] Юзефович, 2010.

[651] Genealogisches Handbuch, 1930.

[652] Ungern-Sternberg A. Eesti Ajalooarchiv, fond 1423, nimitsu 1, sailik 192, leht 1–13 (14–24).

[653] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 21.

[654] АРСС, дневник за май 1921 г., л. 0187.

[655] Семешко, 1921в; Россия, 07.08.1921.

[656] Макеев, 1934.

[657] Юзефович, 2010.

[658] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 52.

[659] РГВА, ф. 1346, оп. 2, д. 616, л. 30.

[660] Семенов, 1938.

[661] Грайнер указывает август 1920 г., что неверно: в это время Унгерн был в Забайкалье и, возможно, лишь ненадолго летал на аэроплане в район Долон-нора.

[662] То есть ханскую власть Богдо-гэгэна VIII.

[663] Greiner, 2007, с.27

[664] Крузенштерн-Петерец, 1998.

[665] 10–16 октября, 31 октября — 2 ноября, 8–12, 14–15 ноября: РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2.

[666] Россия, 07.08.21.

[667] Перепечатка мемуаров: Кузьмин, 2004.

[668] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

[669] Торновский, 1942; Dufour, 1942.

[670] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 46, 50–51.

[671] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 51, 60–60об., 141.

[672] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 68.

[673] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 92.

[674] Волков, 2005; Новиков, 2005а.

[675] Шишкин, 1957.

[676] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 138.

[677] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 226, 231.

[678] Семенов, 1938.

[679] Савченко, 2000.

[680] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 143.

[681] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 42.

[682] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 256.

[683] Василевский, 2000.

[684] Забайкальский рабочий, № 238 (5863), 12.10.1940, с.2.

[685] Michalowski, 1977.

[686] АВПРИ, ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке, оп. 894, д. 20, л. 100.

[687] Юзефович, 1993.

[688] Семенов, 1938.

[689] Текст см.: Василевский, 2000.

[690] Марковчин, 2003.

[691] Например, Уорд, 1923.

[692] Волков Б.Н., Hoover.

[693] Новиков, 2005б.

[694] Савченко, 2000.

[695] РГВА ф. 39532, оп. 1, д. 3, л. 166.

[696] Савченко, 2000.

[697] Есть предположение, что очевидец Шайдицкий ошибся: он прибыл в Даурию в феврале 1920 г., когда Жанен уже должен был проехать на восток, поэтому в поезде должен был быть кто-то из штабных чинов Чехословацкого корпуса, возможно — сам Сыровы (Юзефович, 2010).

[698] Dufour, 1942, с.607.

[699] Текст письма см.: Абеленцев, 2005.

[700] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 56–58.

[701] ГАРФ, ф. 7528, оп. 1, д. 3, л. 22.

[702] Даурец, 1921.

[703] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 33, л. 68.

[704] Князев, 1942, с.13.
[705] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 46, л. 59.
[706] Даурец, 1921.
[707] Базаров, 2002.
[708] Забайкальский рабочий, 20.10.1940.
[709] РГВА, ф. 16, оп. 3, д.222, л. 56–58.
[710] Голубев, 1926.
[711] Ол-ич, 1924б.
[712] Семенов произвел коменданта п. Маньчжурия полковника Казачихина в генерал-майоры с 21 октября 1918 г. (ст.ст.) приказом № 216а, § 58 от 23 октября 1[illegible] г. (РГВА ф. 39532, оп. 1, д. 1, л. 6). В Русско-японскую войну Казачихин был награжден орденом Св.Георгия 4-й степени (Соколов, 2007).
[713] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 56–58.
[714] Таган, 1997.
[715] РГВА, ф. 39454.
[716] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 291.
[717] Например, РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 28, 30–31.
[718] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 22–23об.
[719] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 288.
[720] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 59об., 70.
[721] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 14.
[722] Юзефович, 2010.
[723] Ол-ч, 1924б.
[724] ГАРФ, ф. Р-4369, оп. 2, д. 6, л. 27–27об.
[725] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 33, л. 46–47.
[726] Ол-ич, 1924а.
[727] К-ч, 1920.
[728] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 16.
[729] ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 870, л. 1–8об.
[730] Шайдицкий, 1963.
[731] Молчанов, 2009.
[732] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 32.
[733] Ол-ич, 1924г.
[734] ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 870, л. 1-8об.
[735] Австриец; по Б.Н. Волкову — латыш. Видимо, Волков ошибся: ротмистр Лауренц 31 марта 1919 г. был комендантом Даурии (РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 78), а латыш Лауренц Преку (20 марта 1919 г. переведен во 2-й конный Даурский полк) — другое лицо (там же, л. 64–64об.).
[736] Любопытно, что в таких же органах красных в Сибири у него был земляк. Австриец Валенто возглавлял Сургутскую уездную ЧК (Балмасов, 2006).
[737] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 177.
[738] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 11–12, 32.
[739] Забайкальский рабочий, № 233 (5858), 06.10.1940, с.2–3.
[740] Даурец, 1921.

[741] Ол-ич, 1924.
[742] Кислицин, 1936.
[743] Юзефович, 2010.
[744] Ол-ич, 1924б.
[745] АРСС, дневник за май 1921 г., л. 0180–0181.
[746] ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 870, л. 1–8об.
[747] Например, Строд, 1926.
[748] Например, РГВА, ф. 39532, оп.1, д.64, л. 8–8об.
[749] Зиновьев, 2003, с.253-257.
[750] ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 181, л. 43–44.
[751] См. Юзефович, 2010.
[752] ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 181, л. 43–44.
[753] Маннов, 1998.
[754] РГВА, ф. 1346, оп. 2, д. 616, л. 30.
[755] Приказ № 30 от 14 марта 1920 г.: РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 29, л. 23.
[756] Василевский, 2000.
[757] Шишкин, 1957.
[758] РГАЛИ, ф. 1337, оп. 5, д. 15, л. 25–28.
[759] Ол-ич, 1924в; Аноним.
[760] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 25.
[761] Кириллов, 1957; Сухов, 1973.
[762] Шерешевский, 1960.
[763] Биографию Тапхаева см.: Жеребцов, 1997; http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3962.
[764] Жеребцов, 1997.
[765] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 33.
[766] Молчанов, 2009.
[767] Аноним.
[768] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 20, л. 4–7.
[769] Степняк, 1921.
[770] Будберг, 2001.
[771] Василевский, 2000.
[772] Семенов, 1938.
[773] Красное знамя, 23.02.1921.
[774] Голубев, 1926.
[775] К-ч, 1920.
[776] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 24, л. 14–14об.
[777] ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 870, л. 4–4об.
[778] ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 870, л. 1–8об.
[779] ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 870, л. 1–8об.
[780] Шанхайская жизнь, 23.08.1921; 24.08.1921.
[781] Голубев, 1926.
[782] ГАРФ, ф. 9427, оп. 392, л. 47–60.
[783] АРСС, дн. за май 1921 г., л. 0184–0185.

[784] Юзефович, 2010.
[785] Шерешевский, 1960.
[786] Шерешевский, 1960.
[787] Молчанов, 2009.
[788] Зиновьев, 2003, с.253–257.
[789] Белов, 2003.
[790] Новиков, 2005а.
[791] Молчанов, 2009.
[792] Восточная окраина, № 97, 30.06.1920, с.3.
[793] «Кутугай»: Губарев, 1940.
[794] Забайкальский рабочий, 02.10.1940, с.2.
[795] Жеребцов, 1997.
[796] Забайкальский рабочий, 02.10.1940.
[797] Шерешевский, 1960.
[798] Торновский, 1942.
[799] Молчанов, 2009.
[800] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 47.
[801] Петров, 1973.
[802] Латышев, 1987.
[803] АВПРИ, ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальне Востоке, оп. 894, д. 20, л. 59–60.
[804] Эйдус, 1946.
[805] Текст см.: Белов и др., 1959, с. 44–48.
[806] Шумяцкий, 1921а, с.170.
[807] РГВА, ф. 39532.
[808] Семенов, 1938.
[809] РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2213, л. 10–15.
[810] Белов, 2003, с.32–34.
[811] Будберг, 2001.
[812] Слово, № 62, 17.07.1920, с.3.
[813] Даурец, 1921.
[814] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 35.
[815] Петров, 1930.
[816] Даурец, 1921.
[817] Плотников, 1957.
[818] Фотографию см.: Кузьмин, 2004.
[819] Забайкальский рабочий, 25.10.1940.
[820] Рейхберг, 1940.
[821] Петров, 1930.
[822] Семенов, 1938.
[823] Марковчин, 2003.
[824] Петров, 1930, с. 160.
[825] Марковчин, 2003.
[826] Голубев, 1926.

[827] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19.
[828] Белов, 2003.
[829] Заря, 30.09.1920, с.5; Строд, 1926.
[830] Кунгуров, Сороковиков, 1946.
[831] Понедельник, № 7, 11.10.1920, с.2.
[832] Молчанов, 2009, с.168.
[833] ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 334, л. 92, 94.
[834] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 24, л. 66; д. 26.
[835] Аноним.
[836] АРСС, большой дневник за 1921 г., т. 6, л. 1659.
[837] Семенов, 1938.
[838] АРСС, дневник за май 1921 г., л. 1656.
[839] АРСС, дневник за май 1921 г., л. 0168.
[840] Латышев, 1987.
[841] Зиновьев, 2003.
[842] Торновский, 1942.
[843] По Голубеву, 1926, численность составляла до 1250 человек.
[844] Голубев, 1926; Аноним.
[845] Голубев, 1926; Белов, 2003.
[846] Юзефович, 1993.
[847] Шанхайская жизнь, № 560 (209), 04.09.1921.
[848] Архивный материал см.: Абеленцев, 2005.
[849] Семешко, 1921б.
[850] Даурец, 1921; Варганов, 1957.
[851] Волков, 1921.
[852] Оссендовский, 1925; Волков Б.Н., Hoover.
[853] Шайдицкий, 1963.
[854] Жеребцов, 1997.
[855] Кислицин, 1936.
[856] ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 334, л. 144–156.
[857] Кирюхин, 1940.
[858] Аблова, 2004.
[859] Макеев, 1942; Торновский, 1942.
[860] Торновский, 1942.
[861] Дальневосточная республика, № 147, 02.11.1920.
[862] Торновский, 1942.
[863] Боец, 04.09.1920.
[864] Шайдицкий, 1963.
[865] Заря, № 39-140, 07.10.1920, с.3.
[866] Военная мысль, № 2, 27.09.1920, с. 2.
[867] Торновский, 1942.
[868] Дальневосточная республика, № 147, 02.11.1920.
[869] Боец, 22.09.1920.
[870] Русский голос, 24.10.1920.

[871] Строд, 1926.
[872] Торновский, 1942; Дайнес, Краснов, 1987, с.185.
[873] http://www.memorial.krsk.ru/martirol/voron-voria.htm. В 1922 г. при переходе границы Воронин был задержан с оружием, в 1937 г. расстрелян по решению «тройки», в 1989 г. реабилитирован.
[874] Свет, № 441, 21.10.1920, с.2.
[875] Понедельник, № 8, 18.10.1920, с.1.
[876] Кислов, 1964.
[877] Макеев, 1934; Торновский, 1942.
[878] Строд, 1926.
[879] Строд, 1926.
[880] Цибиков, 1937.
[881] Прибайкалье, № 54, 04.02.1921, с.1
[882] Номоконов, 1940.
[883] Торновский, 1942.
[884] Жеребцов, 1997.
[885] Торновский, 1942.
[886] Родственник известного партизана-анархиста Н.А. Каландарашвили, о действиях отряда которого перед этим сообщает И. Строд.
[887] Строд, 1926.
[888] Дайнес, Краснов, 1987, с.193.
[889] Дальневосточная республика, № 135, 19.10.1920, с.1; Дайнес, Краснов, 1987, с.200.
[890] Тумунов, 2006.
[891] Дайнес, Краснов, 1987, с.205.
[892] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 36, л. 33.
[893] Строд, 1926.
[894] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 7, л. 5; д. 36, л. 29.
[895] Строд, 1926.
[896] Жеребцов, 1997.
[897] Жеребцов, 1997.
[898] Ломакина, 2006.
[899] 1 лан = 37 г.
[900] Белов, 1999.
[901] Лиштованный, 2007.
[902] Абрамсон, 1922.
[903] Каретина, 1984.
[904] Непомнин, 2005.
[905] Белов, 2001в.
[906] Who is who in China...
[907] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 146–147.
[908] Лузянин, 2003.
[909] Белов, 1999, с.148.
[910] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 571, л. 37–42; Старцев, 2004.

[911] Коростовец, 2009.

[912] АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 571, л. 38.

[913] Даревская, 1997; Старцев, 2004. Церковное начальство предложило Ф.А. Парнякову (1870–1921) занять эту должность в апреле 1914 г. В то время он уже несколько лет состоял уездным наблюдателем церковных школ, благочинным городских церквей и священником Иркутской городской воскресной церкви; изучал буддизм (АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 571, л. 28). После отозвания из Нийслэлхурэ прежнего настоятеля, протоиерея М. Чефранова, русский дипломатический агент рекомендовал на эту должность ургинского священника Знаменского, хотя и не усматривал препятствий к назначению Парнякова (АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 571, л. 28). На это епископ Забайкальский Иоанн ответил, что Парняков заслуженнее Знаменского, все распоряжения уже сделаны, потому отказывать Парнякову уже неудобно (АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 571, л. 35). Так произошло его назначение. Должность настоятеля ургинской церкви Парняков отправлял 7 лет. Сведения по биографии см.: Бурдуков, 1969, с.392; Даревская, 1997. После него (с апреля 1921 г.) настоятелем стал Н.И. Федотов (Митыпова, 2005).

[914] В.Г. Габрик — штабс-капитан 1-го Восточно-Сибирского полка, в декабре 1913 г. обратился с ходатайством в Петербург, чтобы его приняли на службу в МИД, в связи с увольнением в запас и знанием монгольского языка. Обучался в Восточном институте. Было решено его прикомандировать к прибывающему из Урги монгольскому посольству в Петербург в качестве драгомана. Он обязан был выслугой на Дальнем Востоке за полученное в Восточном институте образование — почти выслужил, может быть зачислен в запас. Зачислен в запас стрелковых частей по Тифлисскому уезду. Отправление Габрика из Урги в Кобдо было связано с присылкой в Ургу второго драгомана. Консул Люба 5 марта 1916 г. выехал в Шара-сумэ из Кобдо, а Габрик вступил в должность управляющего императорским консульством в Кобдо; коллежский асессор (АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 3266, л. 4–12).

[915] Кузьмин, 2004.

[916] Даревская, 1977.

[917] Златкин, 1957.

[918] Лузянин, 2003.

[919] Ширендыб, 1971.

[920] ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 349, л. 60–64об.

[921] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 389.

[922] Белов, 1999.

[923] Коростовец, 2004.

[924] Белов, 1999.

[925] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 292. Подробнее об этом восстании см.: Белов, 1996б.

[926] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 336.

[927] АВПРИ, ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке, оп. 894, д. 2, л. 184.

[928] Подробные сведения: АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 243, л. 139–190; д. 1548.

[929] Белов, 1999.

[930] С 1921 г. — заместитель премьер-министра и министр иностранных дел М голии, в 1923–1928 гг. — премьер-министр народного правительства.

[931] Златкин, 1957.

[932] Молоков, 1991.

[933] Даревская, 1997.

[934] Биографии см.: Даревская, 1997; Любимов, 2006.

[935] Даревская, 1997, с.136.

[936] Даревская, 1997.

[937] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 319.

[938] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 10.

[939] Адгоков, 1923.

[940] Даревская, 1997.

[941] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 82.

[942] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 57.

[943] Волков, 1921.

[944] Эйльбарт, 2006.

[945] Даревская, 1997.

[946] Белов, 1999.

[947] Коростовец, 2004.

[948] Смертность достигала 80–90%: Данбинов, 1921.

[949] Например, Белов, 2003.

[950] Базаров и др., 1994.

[951] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 10, л. 6.

[952] «Судзуки» — Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15; folder 9, p.2.

[953] Магсаржав, 1927.

[954] Базаров, 2002.

[955] Белов, 1999.

[956] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 336.

[957] Козлов, 1957.

[958] Елагин, 1934; Юзефович, 1993, 2010.

[959] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15, folder no. 3–9, p.1–2.

[960] С-кий, 1922.

[961] Базаров и др., 1998, с.231.

[962] Базаров, 2002.

[963] Базаров, 2002.

[964] Гирченко, 1940.

[965] Хаптаев, 1962.

[966] Базаров и др., 1998, с.232–237.

[967] АВПРИ, ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке, оп. 894, д. 2, л. 61.

[968] Белов, 1996а; АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 13–19, 538.

[969] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 252.

[970] Юзефович, 2010.

[971] С-кий, 1922; Хаптаев, 1962.
[972] Архив востоковедов, р. 2, оп. 1, № 253, л. 1–1об.
[973] Ширендыб, 1971.
[974] С-кий, 1922.
[975] С-кий, 1922.
[976] Португальский и др., 2004.
[977] Базаров и др., 1998.
[978] РГВА ф. 39532, оп. 1, д. 3, л. 14.
[979] Белов, 1999; Базаров, 2002.
[980] Дойков, 2008.
[981] Ведомство по делам данников духовенства.
[982] Белов, 1999, с.180.
[983] Белов, 1997.
[984] Лузянин, 2003.
[985] IMHAS, folders 03-32-194-01, 03-32-196-01.
[986] О радикализации китайских революционеров говорит тот факт, что именно в этот период 1919–1920 гг. появились первые марксистские кружки, из которых впоследствии образовалась КПК.
[987] Белов, 1997.
[988] Белов, 1997.
[989] Молоков, 1991.
[990] Майский, 1959.
[991] РГВА ф. 39532, оп. 1, д. 3, л. 17.
[992] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 167–167об.
[993] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 168–168об., 173об.
[994] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 471.
[995] Коростовец, 2004.
[996] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 36об.
[997] Белов, 2003.
[998] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 221.
[999] Юзефович, 1993, 2010.
[1000] Сокольницкий, 1933.
[1001] Коростовец, 2004.
[1002] Базаров, 2002; Волков, Hoover: folder 9, p. 1об.
[1003] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 96.
[1004] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 102.
[1005] С-кий, 1922.
[1006] Базаров и др., 1998.
[1007] Юзефович, 1993.
[1008] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15.
[1009] Имеется в виду святой перерожденец.
[1010] На этом рукопись кончается.
[1011] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 504.
[1012] Коростовец, 2004.

[1013] Приказ помощника командующего войсками Приморского военного округа: РГВА.
[1014] Савченко, 2000.
[1015] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 260.
[1016] Шишкин, 1957.
[1017] Хаптаев, 1962.
[1018] Из них действовало только одно: Адгоков, 1923.
[1019] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15; folder 9, p. 28.
[1020] Коростовец, 2004.
[1021] Адгоков, 1923; Рейхберг, 1940.
[1022] Шишкин, 1957.
[1023] Гирченко, 1940.
[1024] Цибиков, 1947.
[1025] Адгоков, 1923.
[1026] Хаптаев, 1962.
[1027] Гирченко, 1940; Цибиков, 1947.
[1028] В разных источниках их называют то чахарами, то харачинами (также харчинами, харченами, хорчинами). По-видимому, племенной состав был смешанный, но преобладали харчины — земляки Фушенги.
[1029] Адгоков, 1923.
[1030] Николаев, 1933.
[1031] Адгоков, 1923. В январе 1920 г. войска Сюй Шучжэна заняли также Киран и советскую территорию до 25 км от границы (Кунгуров, Сороковиков, 1946). Лишь в мае 1920 г. партизаны Смолина вошли в Троицкосавск, но на окраине города и в Кяхте противостояние продолжалось еще несколько месяцев.
[1032] Гирченко, 1940.
[1033] Базаров, 2002.
[1034] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box no.: 15, folder no. 9, p.28.
[1035] Шишкин, 1957.
[1036] Хаптаев, 1962.
[1037] Адгоков, 1923.
[1038] Ринчино, 1994, 195–196.
[1039] Хаптаев, 1962.
[1040] Адгоков, 1923.
[1041] Соколов, 2007.
[1042] Ургинский, 1921.
[1043] Ургинский, 1921; Магсаржав, 1927.
[1044] Базаров и др., 1998.
[1045] Ургинский, 1921; Магсаржав, 1927.
[1046] Ургинский, 1921.
[1047] АВПРИ, ф. Консульство в Урге, оп. 732, д. 26, л. 480–491.
[1048] Ургинский, 1921.
[1049] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15, folder 9, p.3.
[1050] Коростовец, 2004.
[1051] С-кий, 1922.

[1052] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15, folder 9, p.4–3об.
[1053] Например, Рейхберг, 1940.
[1054] АРСС, дневник за май 1921 г., л. 0212.
[1055] АВПРИ, ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке, оп. 894, д. 2, л. 63.
[1056] Балдано, 2005.
[1057] В 1958 г., по указанию Н.С. Хрущева, она была переименована в Бурятскую АССР без учета мнения народа.
[1058] Чимитдоржиев, 2004.
[1059] По итогам переписи 2002 г. — 28% населения Бурятии: Bol.ru, 07.05.2006.
[1060] Забайкальский рабочий, 06.11.1940.
[1061] Монголын Унэн, 10.11.1920.
[1062] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 225–227.
[1063] Ургинский, 1921.
[1064] Белов, 1997.
[1065] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 225–227.
[1066] Златкин, 1957; Монгол унэн сонин, 1971.
[1067] Ургинский, 1921.
[1068] Белов, 1999, с.182.
[1069] Белов, 1997.
[1070] Ургинский, 1921.
[1071] Коростовец, 2004.
[1072] Белов, 1999.
[1073] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 282–283.
[1074] Белов, 1997.
[1075] Ургинский, 1921.
[1076] Ургинский, 1921.
[1077] Ширендыб, 1971.
[1078] Рощин, 2005.
[1079] Майский, 1959.
[1080] Тачибана, 2006.
[1081] О. Пурэв, личн. сообщ.
[1082] Тачибана, 2006.
[1083] Юдин, 1959.
[1084] Например, Sandag, Kendall, 2000.
[1085] Юдин, 1959, с.116.
[1086] С 1943 г. Его личное дело есть в РГАСПИ, ф. 495, оп. 242, д. 1, т. 1, л. 1–7.
[1087] Даревская, 1997.
[1088] Жуков и др., 1967.
[1089] Юдин, 1959.
[1090] Кунгуров, Сороковиков, 1946.
[1091] Генкин, 1928.
[1092] Молоков, 1991.
[1093] Цит. по: Даревская, 1997, с.145–146.

[1094] Кунгуров, Сороковиков, 1946, с.44.
[1095] Кунгуров, Сороковиков, 1946, с.44.
[1096] Даревская, 1997.
[1097] К тому времени председатель иркутского ревкома и уполномоченный НКИ РСФСР по Сибири и Дальнему Востоку.
[1098] Юдин, 1959.
[1099] Железняков, 2009; АВПРФ, ф. 111, оп. 1, п. 101, д. 1, л. 66–68; перевод опубликован в кн.: Кудрявцев и др., 2008, с.110–111.
[1100] Юдин, 1959.
[1101] Цит. по: Юдин, 1959, с.112.
[1102] Молоков, 1991.
[1103] Юдин, 1959.
[1104] Ширендыб, 1960.
[1105] Молоков, 1991.
[1106] АВПРФ, ф. 111, оп. 3, п. 105, д. 14, л. 121–121об., опубликовано в кн.: Кудрявцев и др., 2008, с.116
[1107] Железняков, 2009.
[1108] Юдин, 1959; Тачибана, 2006.
[1109] Дамдинсурэн, 2001б.
[1110] Железняков, 2009.
[1111] Юдин, 1959.
[1112] Kasanin, 1973.
[1113] Боец, 03.09.1920.
[1114] Даревская, 1997.
[1115] Kasanin, 1973.
[1116] Даревская, 1997.
[1117] Даревская, 1997, с.146.
[1118] Коростовец, 2004.
[1119] От китайского «гэмин» — «революция», первоначально — «лишение мандата» на правление (подробнее см. в главе 2). Интересно, что в старых монгольских документах монгольская революционная партия называется «бошгыг халах нам» — «партия, лишающая правящую династию небесного мандата на управление страной». Это калька с китайского названия.
[1120] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 292.
[1121] Чойбалсан, 1952; Ширендыб, 1963.
[1122] Коростовец, 2004.
[1123] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 310–312.
[1124] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 310–312.
[1125] Дамдинсурэн, 2001.
[1126] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 301–302.
[1127] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 313.
[1128] Батуев, 1977.
[1129] Материалы судебного процесса над убийцами см.: Боец и пахарь, № 67, 10.03.1921.

[1130] Русский голос, № 202, 16.03.1921.
[1131] Дайнес, Краснов, 1987, с.49.
[1132] Батуев, 1977.
[1133] Дайнес, Краснов, 1987, с.49.
[1134] Белов, 1997.
[1135] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 243, л. 251–273.
[1136] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 243, л. 251–273.
[1137] См., например: Боец и пахарь, № 39, 27.01.1921.
[1138] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 243, л. 246–249.
[1139] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 243, л. 228.
[1140] Ургинский, 1921.
[1141] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 310–312.
[1142] Дайнес, Краснов, 1987, с.140.
[1143] Першин, 1999.
[1144] Козлов, 2003, с.139.
[1145] Ургинский, 1921.
[1146] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 347–348.
[1147] Каретина, 1984.
[1148] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 350.
[1149] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 350.
[1150] Kasanin, 1973.
[1151] Першин, 1933.
[1152] Каретина, 1984; Волков Б.Н., Hoover, box 15; folder 9, p.47.
[1153] Ургинский, 1921; Балмасов, 2007.
[1154] В оригинале — Чу-чи-сиан.
[1155] Kasanin, 1973.
[1156] Мягмарсамбуу, 2003.
[1157] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 356–369.
[1158] Ургинский, 1921, с.170.
[1159] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 356–369.
[1160] Who is who in China...
[1161] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 319.
[1162] Дайнес, Краснов, 1987, с.186. Какой монастырь, неясно: в оригинале — «Лама-хурэ», т.е. «монастырь ламы».
[1163] Русский голос, *21.09.1920*, с.*2*.
[1164] Аноним.
[1165] Князев, 1937.
[1166] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 44, л. 1, 2.
[1167] Дальневосточная правда, № 4, 11.11.1920.
[1168] РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 7, л. 6–7.
[1169] Торновский, 1942.
[1170] Юдин, 1959.
[1171] Правда, 06.01.1921.
[1172] Даревская, 1997.

[1173] Юзефович, 2010.
[1174] Торновский, 1942.
[1175] Князев, 1937, 1942; Торновский, 1942.
[1176] Название то же, что у притока Керулена, где до этого стояли унгерновцы.
[1177] Князев, 1942.
[1178] Торновский, 1942.
[1179] Юзефович, 2010.
[1180] Голубев, 1926.
[1181] Позднеев, 1896, с.65.
[1182] Торновский, 1942.
[1183] Князев, 1937.
[1184] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 80; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 69.
[1185] Голубев, 2004.
[1186] Князев, 1937.
[1187] Andrews, 1932.
[1188] Макеев, 1934.
[1189] Дальневосточная республика, № 144, 29.10.1920, с.1.
[1190] Макеев, 1934; Князев, 1937а, б, 1942; Торновский, 1942.
[1191] Князев, 1937а.
[1192] Торновский, 1942.
[1193] Князев, 1937а.
[1194] Князев, 1942.
[1195] Торновский, 1942.
[1196] Князев, 1942. Реки Дзун-Баян-гол и Барун-Баян-гол впадают в Толу немно выше устья Тэрэлджийн-гола.
[1197] Князев, 1942.
[1198] Князев, 1937, 1942.
[1199] Юзефович, 2010.
[1200] Блохин, 1926.
[1201] Есть сведения, что во время осады Нийслэл-хурэ барон установил с ним связ (РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 3, л. 22–24: см. Кудрявцев и др., 2008, с.126). Манлай-батор умер от пыток в китайской тюрьме. Так гамины отомстили за своих соотечественников, кровью сердец которых он окроплял свои знамена после освобождения Кобдо. Умирая, Манлай-батор попросил товарищей поставить его к стене тюрьмы чтобы не умереть перед китайцами лежа (Lattimore, Isono, 1982, с.110).
[1202] Чойбалсан, 1952. Позже этот монастырь был закрыт и частично разрушен по приказу МНРП. Сейчас он восстанавливается.
[1203] Козлов, 2003.
[1204] Русское обозрение, № 1–2, 1921, 24.11.1921.
[1205] Князев, 1937.
[1206] Торновский, 1942.
[1207] Чойбалсан и др., 1979.
[1208] Голубев, 1926.
[1209] Аноним.

[1210] Князев, 1937.

[1211] Магсаржав, 1927.

[1212] В большинстве источников их называют чахарами, хотя по панмонгольскому движению они известны как харчины (харачины) и чахары. Ниже этот отряд обозначается как чахарский.

[1213] Князев, 1942.

[1214] Магсаржав, 1927.

[1215] Советская Сибирь, № 23 (392), 03.02.1921, с.2.

[1216] Известия, 04.02.1921.

[1217] Лузянин, 2003.

[1218] АРСС, дневник за 1921 г., т. 6, л. 1657.

[1219] Белов, 2003.

[1220] Известия, 05.01.1921.

[1221] Batbayar, 1999.

[1222] АРСС, Большой дневник за 1921 г., reel 1–1305, л. 450.

[1223] Голубев, 1926.

[1224] Советская Сибирь, № 14 (383), 1921.

[1225] Магсаржав, 1927.

[1226] Кунгуров, Сороковиков, 1946.

[1227] Кунгуров, Сороковиков, 1946; Чойбалсан и др., 1979.

[1228] Lattimore, Isono, 1982.

[1229] Ширендыб, 1960.

[1230] Ширендыб, 1960.

[1231] Голубев, 1926.

[1232] Прибайкалье, № 55, 05.02.1921; № 56, 06.02.1921.

[1233] Першин, 1933.

[1234] Блохин, 1926; Голубев, 1926.

[1235] Торновский, 1942.

[1236] Forbath, 1936.

[1237] Прибайкалье, № 35, 09.01.1921.

[1238] Митыпова, 2006. Православный храм в Нийслэл-хурэ просуществовал до 1923 г., затем отобран народным правительством, позже разрушен.

[1239] Биографию см.: Папков и др., 2005.

[1240] Forbath, 1936.

[1241] Случайный, 1921; Блохин, 1926.

[1242] В оригинале — китайский гарнизон Кяхты, но имеется в виду Маймачен. Раньше Кяхту и Маймачен, представлявшие собой, фактически, российскую и монгольскую части одной торговой слободы, часто объединяли под названием «Кяхта».

[1243] Блохин, 1926.

[1244] Малышева, Познанский, 1996.

[1245] Цит. по: Белов, 2003, с.89.

[1246] Свет, № 465, 19.11.1920.

[1247] Белов и др., 1959.

[1248] Молоков, 1991.

[1249] Зырянов, 2006.
[1250] ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 327, л. 10.
[1251] Молоков, 1991.
[1252] Торновский, 1942.
[1253] Хитун, 1970.
[1254] Случайный, 1921.
[1255] Печки были поставлены уже после революции — в 1923 г.: Заря (Урга), № 29. 20.12.1923.
[1256] Блохин, 1926; Першин, 1933.
[1257] Текст см.: Свет, № 503, 10.01.1920.
[1258] ГОПАПО, ф. 641-1, оп. 1, д. 9017, т. 1, л. 35об.
[1259] Хитун, 1970.
[1260] Список есть у Случайного, 1921 и Голубева, 1926.
[1261] Прибайкалье, 29.01.1921.
[1262] Русское обозрение (Пекин), № 1–2, 1921.
[1263] Например, Боец и пахарь, № 24, 07.01.1921, с.2.
[1264] Голубев, 1926; Волков Б.Н., Hoover.
[1265] Голубев, 1926, л.127.
[1266] Аноним.
[1267] Голубев, 1926.
[1268] Торновский, 1942.
[1269] Князев, 1942.
[1270] Князев, 1942.
[1271] Першин, 1933.
[1272] Голубев, 1926.
[1273] Аноним.
[1274] Голубев, 1926.
[1275] Торновский, 1942.
[1276] Аноним.
[1277] Князев, 1942; Торновский, 1942.
[1278] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 7–8об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 64–64а.
[1279] В разных источниках «Самбейси, Самбеги, Сомбеги, Самбес, Сан-бэйсэ». Ширендыб, 1960, считал, что это Сугнугур.
[1280] Вперед, № 253, 05.01.1921. Волков, Hoover, считал, что это был отряд Тапхаева. Очевидно, это ошибка.
[1281] Воля России, № 135, 22.02.1921.
[1282] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 81–82; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 14–14об.
[1283] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 15–15об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 25–26.
[1284] Князев, 1942; Торновский, 1942.
[1285] http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=7896&postdays=0&postorder=asc&start=15.

[1286] Першин, 1933.
[1287] Банзрагч, 2009.
[1288] Князев, 1942.
[1289] Белов, 1999.
[1290] Калинников, 1926б.
[1291] Ургинская газета, № 47, 29.02.1924, с.1.
[1292] Магсаржав, 1927.
[1293] Ширендыб, 1971, с. 149.
[1294] Толстикович, 2007.
[1295] Торновский, 1942.
[1296] Русское обозрение (Пекин), № 1–2, 1921.
[1297] Князев, 1942; Торновский, 1942.
[1298] Белов, 2003.
[1299] Ширендыб, 1960; Дамдинсурэн, 2001б.
[1300] НТА, ф. 4, оп. 1, д. 27, с.47.
[1301] Например, Кунгуров, Сороковиков, 1946.
[1302] Голубев, 1926, л.112.
[1303] Голубев, 1926.
[1304] Шанхайская жизнь, № 407 (47), 02.03.1921.
[1305] Голубев, 1926.
[1306] Хитун, 1970.
[1307] Например, Аноним.
[1308] Боец и пахарь, № 17, 29.12.1920, с.1.
[1309] Князев, 1942.
[1310] Прибайкалье, № 56, 06.02.1921.
[1311] Аноним.
[1312] Голубев, 1926.
[1313] Торновский, 1942. Князев, 1942, также писал, что унгерновцы остановились примерно в том же районе, где кочевали перед наступлением на Ургу.
[1314] Аноним.
[1315] Голубев, 1926, л.112.
[1316] Голубев, 1926; Князев, 1942.
[1317] Советская Сибирь, № 8 (377), 14.01.1921, с.2.
[1318] Князев, 1942.
[1319] Боец и пахарь, № 25, 11.01.1921, с.2.
[1320] Магсаржав, 1927.
[1321] Аноним.
[1322] Банзрагч, 2009.
[1323] Вечер, 14.07.1921; Ломакина, 1999, с.109.
[1324] Семешко, 1921в.
[1325] Например, Макеев, 1934; Юзефович, 2010.
[1326] Торновский, 1942.
[1327] От искаженного монг. «модочин» — «плотник».
[1328] Шанхайская жизнь, 01.02.1921.

[1329] Даревская, 1997.

[1330] Прибайкалье, № 62, 15.02.1921; Дальневосточный телеграф, № 37, 15.02.1921.

[1331] Свет, № 528, 08.02.1921; Русский голос, № 185, 20.02.1921.

[1332] Рябухин писал Волкову, что он прибыл в Ургу вечером 26 октября 1920 г. (Волков Б.Н., Hoover). Другим его родственником мог быть оренбургский казак Я. Рябухин, записка об оправдании которого от 06.11.19 сохранилась в делах министерства юстиции омского правительства (ГАРФ, ф. р4369, оп. 2, д. 6, л. 16–16об.).

[1333] Голубев, 1926.

[1334] Шанхайская жизнь, № 442 (82), 15.04.1921.

[1335] Ширендыб, 1960.

[1336] Торновский, 1942.

[1337] Першин, 1933.

[1338] Князев, 1942.

[1339] Торновский, 1942.

[1340] По Волкову Б.Н., Hoover, Хоботов — бывший извозчик, насильник, малограмотный, вечно пьяный; «он носит красные брюки, громадные кожаные сапоги выше колен, которые привязывает ремнями к широкому поясу. За поясом заткнут маузер. Все пальцы его в серебряных грубых кольцах с бирюзой». Унгерн на одном из допросов о Хоботове говорил, что это «казак, урядник, служил у Резухина в Германскую войну». Барон поставил его на командную должность за личную храбрость и командирские способности. Впоследствии Хоботов участвовал в заговоре против барона.

[1341] Торновский, 1942.

[1342] Голубев, 1926; Торновский, 1942.

[1343] Макеев, 1934.

[1344] Князев, 1942.

[1345] Торновский, 1942.

[1346] Голубев, 1926.

[1347] Торновский, 1942.

[1348] Свет, № 532, 12.02.1921.

[1349] Свет, № 533, 13.02.1921.

[1350] Gilbert, 1921.

[1351] Магсаржав, 1927.

[1352] Голубев, 1926.

[1353] Князев, 1942.

[1354] Голубев, 1926; Торновский, 1942.

[1355] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 144–145.

[1356] Князев, 1942.

[1357] Например, Alioshin, 1941.

[1358] Магсаржав, 1927.

[1359] Его монастырь находился северо-восточнее — на самой границе с Россией.

[1360] Голубев, 1926.

[1361] Першин, 1933.

[1362] Князев, 1942.

[1363] Першин, 1933.

[1364] Князев, 1942.
[1365] Князев, 1942; Торновский, 1942.
[1366] Alioshin, 1941.
[1367] Князев, 1942.
[1368] Князев, 1942.
[1369] Ширендыб, 1960.
[1370] YTA ф. 1, оп. 1, д. 354, л. 189–190.
[1371] Хитун, 1970.
[1372] Одни очевидцы (Унгерн, Чойбалсан, Першин, Докрэй) пишут, что Урга была взята 3 февраля, другие — что 4-го (Князев, Торновский, Алешин). Я принимаю хронологию последних, поскольку они приводят более детальные данные.
[1373] Князев, 1942.
[1374] Ширендыб, 1956, 1960.
[1375] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л. 64 — 64об.
[1376] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 214, л. 37.
[1377] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 144–145.
[1378] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 43–43об.
[1379] Малышева, Познанский, 1996.
[1380] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 144–145.
[1381] Князев, 1942.
[1382] Ширендыб, 1960.
[1383] Прибайкалье, № 101, 24.04.1921.
[1384] Юзефович, 2010.
[1385] Шанхайская жизнь, 06.03.1921; Даревская, 1997.
[1386] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л. 64 — 64об.
[1387] Forbath, 1936.
[1388] Першин, 1933.
[1389] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л. 64–64об.
[1390] Торновский, 1942.
[1391] Волков, Hoover, л. 116–118об.
[1392] О. Пурэв, личн. сообщ.
[1393] Лаврентьев, 1925, л.14.
[1394] Голубев, 1926.
[1395] Gilbert, 1921.
[1396] О чем китайцы объявили сразу после взятия города: Свет, № 539, 22.02.1921; Andrews, 1932.
[1397] Andrews, 1932.
[1398] Князев, 1942.
[1399] АРСС, Большой дневник за 1921 г., reel 1–1305, л. 474.
[1400] Жуков и др., 1967, с.286.
[1401] Alioshin, 1941.
[1402] Дамдинсурэн, 1998.
[1403] Першин, 1933.
[1404] Блохин, 1926.

[1405] Лаврентьев, 1925. Нет доказательств утверждениям (например, Семеш 1921в), что все китайские фирмы в столице, кроме одной, были разграблены.

[1406] Волков, 1921; Лаврентьев, 1925.

[1407] Семешко, 1921в.

[1408] Русский голос, № 241, 06.05.1921.

[1409] Торновский, 1942.

[1410] Першин, 1933.

[1411] Магсаржав, 1994.

[1412] Князев, 1942.

[1413] Белов, 2003.

[1414] Белов, 2003.

[1415] Князев, 1942.

[1416] Белов, 2003.

[1417] Белов, 2003.

[1418] Прибайкалье, № 72, 27.02.1921.

[1419] Советская Сибирь, № 46 (415), 02.03.1921, с.2.

[1420] АВПРИ, ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78.

[1421] Такие сообщения появлялись в прессе: Свет, № 534, 15.02.1921; № 544, 27.02.192

[1422] Торновский, 1942.

[1423] Монах, следящий за порядком во время религиозных собраний.

[1424] Впоследствии президент Китая отправил его из Пекина обратно.

[1425] Ж. Нэргуй, личн. сообщ.

[1426] Князев, 1942.

[1427] Он сам не был очевидцем этих событий.

[1428] Торновский, 1942.

[1429] Князев, 1942; Торновский, 1942.

[1430] Включая две сотни Дугаржав-мэйрэна — Дамдинсурэн, 2001.

[1431] Князев, 1942.

[1432] Князев, 1942; Торновский, 1942.

[1433] В публикации рукописной схемы Торновского (Кузьмин, 2005) Тубанов про пущен.

[1434] Торновский, 1942.

[1435] БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6, л. 13.

[1436] Торновский, 1942; Аноним.

[1437] Князев, 1942.

[1438] Haslund, 1934. В оригинале монастырь назван «Турин». Урочище «Тойрым», где, видимо, был монастырь, находится южнее чойрынского горного массива.

[1439] Князев, 1942; Торновский, 1942.

[1440] Китайское название Чойрына, где была телеграфная станция.

[1441] Свет, 25.03.1921.

[1442] Мягмарсамбуу, 2003.

[1443] РГВА, ф. 32633, оп. 2, д. 163, л. 6–8.

[1444] К.И. Парыгин из казаков ст. Бунской 4-го отдела Забайкальского казачьего войска. В начале Первой мировой войны урядник, с 1916 г. подхорунжий 1-го Аргун-

ского полка, с августа 1917 г. прапорщик, с 1918 г. хорунжий, с 1920 г. подъесаул, с марта 1921 г. есаул и командир 1-го Татарского полка, в мае 1921 г. войсковой старшина, в июне 1921 г. командир китайского дивизиона Азиатской дивизии. В октябре 1921 командир офицерского взвода штаба Забайкальской казачьей дивизии. После 1922 г. в эмиграции. Награжден Георгиевскими крестами (1914, 1914, 1916) и английской «Военной медалью» (http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=3735).

[1445] Торновский, 1942.

[1446] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

[1447] Торновский, 1942.

[1448] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л.58–58об. — приводится ниже, в разделе «Документы».

[1449] Чойбалсан, 1952.

[1450] Молоков, 1991.

[1451] Тумэн, 1988.

[1452] Дорж, 1959.

[1453] Цит. по: Юдин, 1959, с.115.

[1454] Чойбалсан, 1952.

[1455] Ширендыб, 1971.

[1456] Чойбалсан, 1952, с.49.

[1457] Белов, 2003, с.62.

[1458] Ломакина, 1999, с.176–177.

[1459] Боец и пахарь, № 75, 21.03.1921; Советская Сибирь (Омск), № 67 (436), 28.03.1921; 68 (437), 30.03.1921; Ширендыб, 1971.

[1460] Ширендыб, 1971.

[1461] Цит. по: Ломакина, 1999, с.177.

[1462] РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 655, л. 83.

[1463] Чойбалсан, 1952; Ширендыб, 1960.

[1464] Советская Сибирь (Омск), № 67 (436), 28.03.1921.

[1465] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 173, л. 35.

[1466] Тумэн, 1988. Самбу впоследствии стал председателем президиума Великого народного хурала МНР.

[1467] Датировки этой эпопеи ниже я даю по Князеву, 1942: его датировки лучше согласуются со сведениями из монгольских источников и датой освобождения кяхтинского Маймачена красными, чем датировки Торновского, 1942. В рукописи последнего даты исправлены: видимо, автор не был уверен в их точности.

[1468] Ширендыб, 1960.

[1469] Торновский, 1942.

[1470] YTA ф. A3, оп. 1, д. 260, л. 2–4а.

[1471] Торновский, 1942. Местные жители говорили мне, что там был штаб белых и сохранились остатки дома в несколько комнат, сложенного из камней. Проверить это нельзя: территория закрыта для добычи золота; не исключено, что этот дом уже разрушен.

[1472] Определено мной по Торновскому и опросам местных жителей. Положение этой сопки несколько отличается от такового на кроках, приведенных у Торновского

в мемуарах. Кроме того, последний указывал уртон № 4 тракта Урга — Улясутай. Князев — уртон № 5 тракта Урга — Ван-хурэ.

[1473] Древние погребальные сооружения в виде грунтово-каменной насыпи, окруженной небольшими камнями.

[1474] По рассказам местных жителей, в 1990-х гг. именно в этой части сопки кто-то собирал старые гильзы, нашел даже цевье ружья. Гильзы тогда встречались очень редко. В 2008 г. я их не нашел.

[1475] Детальное описание боя см. у Торновского, 1942.

[1476] Торновский, 1942.

[1477] 4 сотни, 2 орудия и 4 пулемета (20 остались в сторожевой охране на Иро): Торновский, 1942.

[1478] БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1–9; Торновский, 1942; Ширендыб, 1960, 1971.

[1479] З. Лонжид, личн. сообщ. Следов пребывания белых я там не нашел, местные жители тоже не знают.

[1480] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 72–72а.

[1481] Князев, 1942.

[1482] Торновский, 1942.

[1483] Аноним. Сведения этого источника о том, что большинство бежало в сторону Кобдо, неверны.

[1484] Белов, 2003. Очевидно, это и есть события в «урочище Баин-гол в районе уртона Цаган-Цэген», приводимые Юзефовичем, 1993, 2010.

[1485] БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1–9; YTA, ф. A3, оп. 1, д. 260, л. 2–4а; Ширендыб, 1960, 1971.

[1486] На картах эта сопка иногда обозначается «Талын-хад», а соседняя гора — «Улаан-хадат-ул».

[1487] Сономдагва, 1998, с.61–63.

[1488] Князев, 1942.

[1489] Князев, 1942, с.96.

[1490] Казаки говорили Оссендовскому, 1925, что еще столько же успели предать земле. Это не так: даже в Урге трупы земле не предавали. Возможно, и цифра в 1500 завышена. Датировку см.: Кузьмин, Рейт, 2008, с.101.

[1491] Очевидно, она называется Улан-хад («Красная скала») потому, что под солнцем кажется красноватой от цвета слагающих ее пород. Это одиноко стоящая сопка: не путать с хребтами Улан-хад и Ундур-Улан-ула.

[1492] Определение всех находок провел С.Е. Плотников (ЦМВС).

[1493] Князев, 1942.

[1494] БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1–9.

[1495] 175–180 верст на юго-запад от Урги. Это хребет северо-восточнее современного п. Унджул.

[1496] Князев, 1942.

[1497] Точное название — Дайчин-вангийн-хурэ. Это был центр хошуна князя Эрдэнэ-Дайчин-хошой-чин-вана. Сейчас это г. Булган, центр Булганского аймака.

[1498] Аноним.

[1499] Доржсурэн, 1993.

[1500] БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1–9.

[1501] Князев, 1942.

[1502] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 72–72а.

[1503] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 27–28.

[1504] Торновский, 1942.

[1505] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 29, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 56.

[1506] БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1–9.

[1507] Ширендыб, 1971; Мягмарсамбуу, 2003.

[1508] Ширендыб, 1971.

[1509] Тумэн, 1988.

[1510] Например, http://ef.cdpa.nsysu.edu.tw/ccw/02/1920.htm 02_1921.

[1511] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.

[1512] Вот несколько примеров. «Продажная верхушка монгольских феодалов во главе с богдо-гэгэном поддержала махрового контрреволюционера Унгерна, видя в белогвардейцах надежную защиту от народного гнева» (Брежнев и др., 1965, с.18–19). «Этим паразитам [ламам] грозила опасность потерять влияние, власть и богатство» (цит. соч., с.23). «В 1920–1921 гг. богдо-гэгэн оказался игрушкой в руках японо-унгерновской коалиции. Благословив официально барона Унгерна как «защитника желтой веры» и воплощение бодхисаттвы Манджушри, он тем самым благословил гражд. войну в собств. стране» (Жуковская, 1992, с.166).

[1513] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 144–145.

[1514] Прибайкалье, № 96, 12.04.1921.

[1515] Дальневосточная трибуна, 26.04.1921.

[1516] Понедельник, № 30, 22.03.1921.

[1517] Прибайкалье, № 96, 12.04.1921.

[1518] Ширендыб, 1960.

[1519] Чойбалсан и др., 1979, с.223.

[1520] Мягмарсамбуу, 2003.

[1521] В разных источниках даются даты от 20 до 26 февраля. Дата 22 февраля представляется наиболее точной.

[1522] Dufour, 1942, с.613.

[1523] Majer, Teleki, 2006.

[1524] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 67–68об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 91а–92.

[1525] Голубев, 1926, л.140.

[1526] Соколов, 2007, считает это письмо подложным из-за довольно наглого тона. Но стиль письма согласуется со стилем настоящих писем Семенова.

[1527] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 21, л. 26–30.

[1528] Хитун, 1970.

[1529] Банзрагч, 2009.

[1530] Торновский, 1942.

[1531] Рудиченко, 2008.

[1532] Рудиченко, 2008, фото на с.435.

[1533] С.В. Дмитриев, личн. сообщ.
[1534] Свет, № 547, 03.03.1921.
[1535] Боец и пахарь, № 101, 07.05.1921, с.1.
[1536] Русский голос, № 261, 29.05.1921.
[1537] Боец, 01.06.1921.
[1537а] Дэндэв, 2006, с.204.
[1538] Лонжид, 2006.
[1539] Юдин, 1959; Чойбалсан, 1961; Веллер, Буровский, 2007; Буровский, 2010 и мн. др.
[1540] Якимов, 1952, с. 62–63.
[1541] Молоков, 1991, с.52.
[1542] См., например, Чойбалсан, 1952; Рощин, 2005; Яскина, 2007.
[1543] Цит. по: Ширендыб, 1960, с.427–428.
[1544] Боец и пахарь, № 111, 19.05.1921, с.1.
[1545] Новости жизни, № 74, 07.04.21, с.2.
[1546] Монгол Унэн, сонин № 6, 19.04.1921.
[1547] НТА, ф. 1, оп. 1, д. 13.
[1548] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 102.
[1549] Лонжид, 2006.
[1550] Личный архив В. Хатчер.
[1551] Мягмарсамбуу, 2003.
[1552] Волков, 1921.
[1553] Новости жизни, № 69, 01.04.1921, с.2.
[1554] Дамдинсурэн, 1998.
[1555] Боец и пахарь, 26.03.1921, с.2.
[1556] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 1.
[1557] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 35–60; РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.
[1558] РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2213, л. 10–15.
[1559] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.
[1560] На допросах Унгерн честно говорил, что действовал самостоятельно, а себя подчиненным Семенова не считал.
[1561] Кузьмин, 2006.
[1562] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.
[1563] Боец и пахарь, № 62, 05.03.1921, с.2.
[1564] Вечер, 01.08.1921.
[1565] Дальневосточная правда, № 192, 09.09.1921, с.2.
[1566] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 7–9; ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 58–61; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 34–36, 41–42.
[1567] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 25–25об., 80; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9. л. 29–30, 65–69.
[1568] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 7–9; ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 58–61; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 34–36.
[1569] Новости жизни, № 76, 10.04.1921, с.2.
[1570] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 56–57; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 71–71об.

[1571] Новости жизни, № 76, 10.04.1921.
[1572] Русское обозрение, № 5, 1921.
[1573] Вперед, 28.05.1921.
[1574] Новости жизни, № 131, 18.06.1921, с.2; Шанхайская жизнь, № 499 (139), 24.06.1921.
[1575] Новости жизни, № 120, 04.06.1921, с.2.
[1576] Прибайкалье, № 96, 12.04.1921, с.1.
[1577] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 99.
[1578] Новый путь, № 103, 08.06.1921.
[1579] Свет, № 638, 29.06.1921.
[1580] Русский голос, № 301, 20.07.1921.
[1581] Свет, № 643, 05.07.1921.
[1582] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 169.
[1583] Текст см.: Ширендыб, 1971, с.99.
[1584] Лузянин, 2001.
[1585] Жуков и др., 1967.
[1586] Ширендыб, 1960.
[1587] Насанбалжир, 1960.
[1588] Майский, 1959.
[1589] Белов, 2003.
[1590] Ширендыб, 1960.
[1591] Ширендыб, 1960.
[1592] Например, Боец и пахарь, № 83, 01.04.1921.
[1593] Русский голос, № 265, 03.06.1921; Дамдинсурэн, 2002; РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 173, л. 35; АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 52187, л. 11.
[1594] YTA, ф. 1, оп. 6, д. 2.
[1595] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15; folder 9, p. 59–64.
[1597] Дамдинсурэн, 2001б.
[1598] YTA ф. A4, д. 1-736, л.2.
[1599] Хишигт, 2002.
[1600] Lattimore, 1955.
[1601] Лаврентьев, 1925; Оссендовский, 1925; Першин, 1933; Alioshin, 1941; Юзефович, 1993; Козлов, 2003 и др.
[1602] YTA ф. A3, оп. 1, д. 1149.
[1603] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19.
[1604] Прибайкалье, № 117, 05.06.1921; Амурская правда, 08.06.1921.
[1605] Лонжид, 2006.
[1606] Князев, 1942.
[1607] YTA ф. A4, оп. 1, д. 96.
[1608] Папков, 2005.
[1609] Подробнее см.: Торновский, 1942. Биографию И.А. Лаврова (1871–1942) см.: Торновский, 1942; http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/author12dd.html?id=280. Лавров — автор изданных в 1930-х гг. в Харбине книг «На рубеже» и «В стране экспериментов».

[1610] Даревская, 1997.
[1611] Торновский, 1942.
[1612] Репников, 2004.
[1613] Ширендыб, 1971, с.154.
[1614] Новости жизни, № 115, 29.05.1921, с.3.
[1615] Дальневосточная трибуна, 14.05.1921.
[1616] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 37об.–38 об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1. л. 31–33.
[1617] Лонжид, 2006.
[1618] Князев, 1921.
[1619] Боец и пахарь, 04.06.1921.
[1620] Бюлл. МОНТА, № 79080, 22.03.1923.
[1621] Прибайкальская правда, № 197, 17.06.1922.
[1622] Например, YTA ф. A4, оп. 1, д. 736.
[1623] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 28.
[1624] Свет, № 556, 07.03.1921; Заря (Харбин), № 54, 16.03.1921; АРСС, больш дневник за 1921 г., reel 1-1305, л. 475.
[1625] Прибайкалье, № 93, 05.04.1921, с.1.
[1626] Gilbert, 1921; Русский голос, № 207, 22.03.1921, с.2.
[1627] Семешко, 1921в.
[1628] Лузянин, 2003.
[1629] Лонжид, 2006.
[1630] Лонжид, 2006.
[1631] Это он показал на допросе красными в Троицкосавске (протокол из личн архива В. Хатчер).
[1632] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15, folder 9, p.59–64.
[1633] Бюлл. МОНТА, №58-59, 28.01.1923.
[1634] Личный архив В. Хатчер.
[1635] Торновский, 1942.
[1636] Лонжид, 2006.
[1637] Лонжид, 2006.
[1638] Першин, 1933.
[1639] Нямаа, Ганболд, 2007.
[1640] Торновский, 1942.
[1641] Дальневосточная правда, 31.05.1921.
[1642] Нямаа, Ганболд, 2007.
[1643] После революции оно было национализировано, а в его ургинской усадьбе 1923 г. разместился центр подготовки комсостава монгольской Народной армии (Со кин, 1970).
[1644] Иольсон, 1924. Детальное описание и фотографии банкнот в книге: Нямаа Ганболд, 2007.
[1645] Фото см.: Мельникова и др., 2004.
[1646] Личный архив В. Хатчер.
[1647] Першин, 1933.

[1648] Веллер, Буровский, 2007, с. 477.
[1649] Кислов, 1964.
[1650] Торновский, 1942.
[1651] О. Пурэв, личн. сообщ.
[1652] Торновский, 1942.
[1653] Русское эхо, № 203, 08.03.1921.
[1654] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 14; РГВА, ф. 39494, оп. 1, д. 9, л. 11.
[1655] Торновский, 1942.
[1656] Торновский, 1942, л. 227.
[1657] Например, Зарницы, № 7, 23–30.04.1921.
[1658] РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 537, л. 46; АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 234, л. 13.
[1659] Дальневосточная трибуна, 21.05.1921.
[1660] Свет, № 599, 12.05.1921.
[1661] Правда, 05.02.1921.
[1662] АВПРФ, ф. 0111, оп. 1, п. 104, д. 47, л. 6–6об.
[1663] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19.
[1664] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 175, 177–181.
[1665] Князев, 1942.
[1666] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 220–233, 236.
[1667] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 115.
[1668] Волков, 1921.
[1669] Ср.: Волков, 1921; Першин, 1933.
[1670] Брат известного художника и теософа Н.К. Рериха.
[1671] Торновский, 1942.
[1672] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л.1–19.
[1673] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 174, л. 48об.
[1674] По серебряным слиткам в 50 лан (кит.: юаньбо), при надобности разрубавшимся на куски.
[1675] Торновский, 1942.
[1676] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 144–145.
[1677] Торновский, 1942.
[1678] Торновский, 1942.
[1679] Князев, 1942.
[1680] Торновский, 1942.
[1681] Князев, 1942.
[1682] За исключением халата и курмы Унгерна, а также фотографии, предположительно Резухина, в курме — см. в этой книге.
[1683] Прибайкалье, 04.01.1921.
[1684] Новости жизни, № 40, 24.02.1921, с.2; Боец и пахарь, № 83, 01.04.1921, с.1; АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 36–38об., 56–57; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л.31–33, 71–71об.
[1685] Заря (Харбин), № 66, 30.03.1921; РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 21, л. 26–30.
[1686] Вперед, 16.03.1921.
[1687] Россия, 14.06.1921.

[1688] Правда, 02.02.1921; Известия, 06.02.1921.
[1689] Русское эхо, № 205, 10.03.1921.
[1690] Боец и пахарь, № 70, 16.03.1921, с.1.
[1691] Русский голос, № 212, 27.03.1921, с.4.
[1692] Новости жизни, № 57, 18.03.1921, с.2.
[1693] Жуйков-Александровский, 1958.
[1694] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 88–88об.
[1695] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 30–31об.
[1696] Ершов, 2010.
[1697] Шанхайская жизнь № 499 (139), 24.06.1921.
[1698] Прибайкалье, № 108, 15.05.1921.
[1699] Новости жизни, № 116, 31.05.1921, с. 2.
[1700] Красное Прибайкалье, № 54 (63), 29.05.1921, с.2.
[1701] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 74–75об АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 34–35об.; Дальневосточная правда, 25.05.192
[1702] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 81–82; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 1- 14об.
[1703] Hoover, Collection title: V. Moravskii, Box number: 10, Folder ID: 31.
[1704] ГАРФ, ф. р4369, оп. 3, д. 173, л. 1–3.
[1705] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 56–58.
[1706] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 34–35об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. л. 74–75об.
[1707] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 5–5а; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 79- 80.
[1708] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 5–5а, 19, 21, 64; ф. 04, оп. 29, д. 235 п. 192, л. 77; ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 23; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л.12, 79- 80, 88.
[1709] Торновский, 1942; Михаловский, 2005.
[1710] Текст указа см. в книге: Ширендыб, 1963.
[1711] Волков, 1921.
[1712] Ширендыб, 1960, с.369.
[1713] Русский голос, № 202, 16.03.1921.
[1714] Голубев, 1926.
[1715] Боец и пахарь, № 80, 20.03.1921.
[1716] Заря (Харбин), № 100, 12.05.1921.
[1717] Ширендыб, 1960.
[1718] Першин, 1933.
[1719] Доржсурэн, 1993.
[1720] Першин, 1933; Торновский, 1942.
[1721] РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 537, л. 26.
[1722] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, папка 104, д. 34, л. 9; YTA ф. А5, оп. 1, д. 283.
[1723] Боец и пахарь, № 119, 29.05.1921.
[1724] Першин, 1933; Торновский, 1942.
[1725] З. Лонжид, личн. сообщ.

[1726] Торновский, 1942.
[1727] Волков, 1921.
[1728] Семешко, 1921в.
[1729] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.
[1730] Оссендовский, 1925; Першин, 1933.
[1731] Волков, 1921.
[1732] Семешко, 1921в.
[1733] Шанхайская жизнь, № 499 (139), 24.06.1921.
[1734] Жуков и др., 1967.
[1735] https://www.fastcase.com/Yahoo/Start.aspx?C=56edf00b2a9541f5ddbf7cbaee96b50dab356ce5f738a216&D=014585c27415dce470483f97357957e408cc158639055b90&AffiliateConst=Yahoo.
[1736] Тепляков, 2007б, с.68.
[1737] Ширендыб, 1960.
[1738] Например, некий Д. Юмтаров подробно писал об этом в апелляции, тщетно пытаясь избежать расстрела в 1937 г. (http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=12875&postdays=0&postorder=asc&start=105&sid=05016c27c0c7dced7eaa489bd748dd63).
[1739] Юринов, 1996.
[1740] Калинников, 1929.
[1741] Малышева, Познанский, 1996.
[1742] Калинников, 1929.
[1743] Например, Прибайкалье, № 56, 06.02.1921, с.1.
[1744] См., например, Монголын Унэн, 19.04.1921.
[1745] Ширендыб, 1956.
[1746] РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 537, л. 26.
[1747] Монголын Унэн, сонин № 6, 19.04.1921.
[1748] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 278.
[1749] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 174, л. 32–55об.
[1750] АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192.
[1751] Боец и пахарь, № 47, 15.02.1921, с.1, № 173, 08.08.1921, с.1; Сибирский красноармеец, № 15, 12.06.1921, с.3; № 29, 28.06.1921, с.1; Дальневосточный телеграф, № 4, 06.08.1921, с.1; Строд, 1926; статьи сборника «Монгольская Народная Республика», 1936; Семенов, 1938; Цибиков, 1947; Губельман, 1958; Мелехин, 1965; Шулунов, 1972; Якимов, 1973; Кручинин, 2002; Гладких, 2008; АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 21–22; ГАРФ, ф. Varia, д. 392, л. 1–6; и др.
[1752] Сибирский красноармеец, № 18, 22.06.1921, с.1; Последние новости, № 382, 16.07.1921.
[1753] РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2207, л.10об.
[1754] Советская Сибирь, № 201 (561), 18.09.1921, с.3.
[1755] Вечер, 13.06.1921.
[1756] Hoover, coll. V. Moravskii, box 10, folder 31.
[1757] Русский голос, № 194, 03.03.1921.
[1758] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 16–16а; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 40.

[1759] Заря (Харбин), № 66, 30.03.1921.
[1760] Каретина, 1984.
[1761] РГВА, ф.39532, оп.1, д.21, л.6, 10–18.
[1762] Правда, 05.02.1921.
[1763] Васильев, 1921; Цибиков, 1947.
[1764] Дальневосточная трибуна, 15.04.1921; Вперед, 18.05.1921; Новости жизни. 126, 12.06.1921, с.2.
[1765] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 21, л. 39–40.
[1766] Шанхайская жизнь, № 469 (109), 18.05.1921.
[1767] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 101а, д. 9, л. 42–46.
[1768] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 125.
[1769] Шулунов, 1972.
[1770] АРСС, большой дневник за 1921 г., л. 0818–0822.
[1771] АРСС, большой дневник за 1921 г., л. 481, 491.
[1772] Текст см.: Павлович, 1922, с.28–30.
[1773] Павлович, 1922, с.30.
[1774] Эйдус, 1946; Губельман, 1958.
[1775] Свет, № 629, 13.06.1921.
[1776] Шанхайская жизнь, № 507 (147), 03.07.1921; № 514 (154), 12.07.1921.
[1777] Боец и пахарь, 05.07.1921, с.1.
[1778] Павлович, 1922.
[1779] Минц, 1934.
[1780] Латышев, 1987.
[1781] Новый путь, № 110, 16.06.1921.
[1782] Дамдинсурэн, 2001а, б.
[1783] Блохин, 1926.
[1784] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.
[1785] Сокольницкий, 1933.
[1786] Вечер, 13.06.1921.
[1787] Свет, № 559, 20.03.1921.
[1788] Першин, 1933 (изд. 1999, с.127).
[1789] Цит. по: Минц, 1934, с.131.
[1790] Свет, № 675, 12.08.1921.
[1791] Семенов, 1938.
[1792] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 81–82; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9. 14–14об.
[1793] Першин, 1933.
[1794] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.
[1795] Лаврентьев, 1925.
[1796] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 74.
[1797] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 187.
[1798] Балмасов, 2006. Смирнов и Павлуновский потом будут допрашивать Унгерна
[1799] Троцкий, 1925.
[1800] Борисова и др., 2000.

[1801] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л. без номеров.
[1802] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 98–99, 127.
[1803] Дальневосточный телеграф, № 23, 30.08.1921, с.1.
[1804] Известия, 06.02.1921.
[1805] Сибирский красноармеец, № 16, 15.06.1921, с.1.
[1806] Хаптаев, 1959.
[1807] Шулунов, 1972.
[1808] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 216.
[1809] Эйльбарт, 2006.
[1810] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19.
[1811] Ленин, 1960, с.303.
[1812] ГОПАПО, ф. 641-1, оп. 1, д. 9027, т. 2, л. 370.
[1813] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.
[1814] Голубев, 1926.
[1815] Документы с претензиями разных лиц приведены в кн.: Балжиргарам, 1980.
[1816] Ширендыб, 1960.
[1817] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19; ГАРФ, ф. 9427, оп. 392, л. 47–60.
[1818] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 11.
[1819] Прибайкалье, 25.05.1921. В 1924 г. народное правительство решило снова мобилизовать солдат, прослуживших 3 года. Приказной тон не дал результата, предложено проводить активную агитацию (Ардын цэрэг, № 7–1, 1924). Так что и после революции мобилизация не вызывала энтузиазма у населения.
[1820] Прибайкалье, № 119, 12.06.1921.
[1821] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19.
[1822] ГАРФ, ф. 5873, оп. 1, д. 3, л. 95–98об.
[1823] Боец и пахарь, № 124, 04.06.1921, с.1.
[1824] Цацрал, 2004.
[1825] YTA, ф. 1, оп. 6, д. 13.
[1826] Першин, 1933.
[1827] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 53–54; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 20–22.
[1828] Князев, 1942.
[1829] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 102.
[1830] Детали см.: Базаров и др., 1998.
[1831] Аноним.
[1832] В действительности войсковой старшина.
[1833] Аноним.
[1834] Рябухин, 2004; Alioshin, 1942.
[1835] Gizycki, 1929, p.175–176.
[1836] Боец, 01.06.1921.
[1837] РГАСПИ, ф. 465, оп. 152, д. 2, л. 4.
[1838] РГАСПИ, ф. 465, оп. 152, д. 2, л. 5.
[1839] Личный архив В. Хатчер.
[1840] Прибайкалье, № 92, 03.04.1921, с.1.

[1841] РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 537, л. 23–24.

[1842] Боец и пахарь, № 113, 21.05.1921, с.2.

[1843] Василевский, 2000.

[1844] Голубев, 1926.

[1845] Сойма, 2004.

[1846] Жеребцов, 1997.

[1847] Торновский, 1942.

[1848] Полковник Островский окончил Академию Генштаба, занимал важный пост в армии А.В. Колчака. В Азиатской дивизии был заместителем командира 3-го полка, бывшего пристава, казачьего полковника Очирова (Рябухин, 2004). Списки нескольких подразделений этого полка, взятые красными у пленных, сохранились в РГВА (ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 220–233).

[1849] Оссендовский, 1925; Рябухин, 2004. Реконструкцию хронологии от встречи Оссендовского с Унгерном до отъезда барона из Урги см.: Кузьмин, Рейт, 2008.

[1850] О нем см. в главе 10.

[1851] Факсимиле см.: Кузьмин, 2005. Юзефович, 2010, доказывает, что дата и номер приказа были выбраны не случайно: по восточному календарю 21 мая приходилось на 15-й день IV луны, а число «15» ламы определили как счастливое. Это не исключено. Однако предположение (основанное на мемуарах Голубева), что номер и дата приказа — не очередные, а фиктивные, неубедительно. Если подтасовать число, оно не станет счастливым с точки зрения астрологии. Отмечу, что приказы по Азиатской дивизии в архивах идут не подряд: многие утеряны, а возможно — выброшены самим Унгерном, не любившим «канцелярщину».

[1852] Соколов, 2007, считает, что К.И. Ивановский — в действительности, полковник К.И. Клуге, игравший важную роль в дивизии Унгерна. Однако приводимые им доказательства неубедительны.

[1853] Юзефович, 2010.

[1854] Новое время, 01.10.1921.

[1855] Константинов, 2006.

[1856] Ол-ич, 1924в. По-видимому, это князь В.А. Вяземский, после 1918 г. служивший у А.В. Колчака.

[1857] Советская Сибирь, № 200 (560), 17.09.1921, с.4.

[1858] Юзефович, 2010.

[1859] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 21–22; ГАРФ, ф. Varia, д. 392, л. 1–6.

[1860] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.

[1861] Слово, № 346, 05.07.1921.

[1862] Например, Голубев, 1926; Набат, № 22, 09.09.1921.

[1863] Бюлл. МОНТА, № 23, 17.09.1922.

[1864] Голубев, 1926; Кислов, 1931, 1964; Макеев, 1934; Князев, 1942; Торновский, 1942; Цибиков, 1947; Молоков, 1991; Белов, 2003; отчасти Фролов, 2001.

[1865] Торновский, 1942 (в издании 2004 г.: с.249–250).

[1866] Фактически, присоединился к бригаде Унгерна позже, после боев под Троицкосавском.

[1867] Ширендыб, 1971; Хишигт, 2002.

[1868] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

[1869] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[1870] Юзефович, 2010.

[1871] Uradyn, 1998.

[1872] РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 205.

[1873] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 173, л. 58.

[1874] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 173, л. 63.

[1875] Балжиргарам, 1980.

[1876] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 45–46об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 104–107.

[1877] Першин, 1933.

[1878] Торновский, 1942.

[1879] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 12.

[1880] Макстенек, 1921.

[1881] Боец и пахарь, № 175, 10.08.1921, с.1.

[1882] Новиков, 2005.

[1883] Lewitt, 2006.

[1884] Цыбиков, 1947.

[1885] Красное Прибайкалье, № 69 (78), 15.07.1921; Красный пахарь, № 116, 24.07.1921.

[1886] Гендунов, 2006.

[1887] Красное Прибайкалье, № 69 (78), 15.07.1921; Цибиков, 1947; Базаржапова, 2003.

[1888] Боец и пахарь, № 175, 10.08.1921, с.1.

[1889] Красное Прибайкалье, № 23 (72), 24.06.1921.

[1890] Дайнес, Краснов, 1987, с.286.

[1891] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 109; Боец и пахарь, 05.07.1921; Правда, 20.07.1921.

[1892] Это имели в виду Рябухин, 2004, и Щетинкин (цит. по: Душенькин, 1957), когда сообщали о бое при Худаке или п. Хулдатском 26 мая (по Торновскому — 29 мая).

[1893] РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 206; полностью опубликован Душенькиным, 1957.

[1894] Князев, 1942.

[1895] Блохин, 1926.

[1896] Кардашов, 1984.

[1897] Петрова. Записки... По воспоминаниям Зарубина, он в числе этих пленных был отправлен на базу унгерновцев в районе Троицкосавска. Там они жили в палатках под охраной монголов, получали мясо, к работам не привлекались. Затем были освобождены красными.

[1898] Захаренков, 1972; Кардашов, 1984.

[1899] Моев, 1974.

[1900] Эти сводки см.: РГВА, ф. 16, оп. 1, д. 37.

[1901] Молоков, 1989.

[1902] Амурская правда, 08.06.1921.

[1903] Белов, 2003, с.150.
[1904] Дамдинсурэн, 1998.
[1905] Генкин, 1928; Кислов, 1964.
[1906] Бимбаев, 1970.
[1907] Цибиков, 1947.
[1908] Бимбаев, 1970.
[1909] В мемуарах калмыки — участники этого боя писали о том, что чахаров отбили не от Кяхты, а от Маймачена (Бимбаев, 1970, с.50). К тому времени Маймачен уже был наполовину в развалинах. Чахары его разрушили окончательно. Сейчас на месте Маймачена большой пустырь с заросшими ямами и фундаментами домов, примыкающий к г. Алтан-Булак у границы. Там встречаются куски китайской черепицы, глазурованные кирпичи и т.д.
[1910] Бимбаев, 1970.
[1911] Калинников, 1929; Чойбалсан, 1952.
[1912] Теврюков, 1970.
[1913] Ширендыб, 1960.
[1914] Дамдинсурэн, 1998.
[1915] Ширендыб, 1960; Кислов, 1964.
[1916] Першин, 1933.
[1917] Чойбалсан, 1952.
[1918] Красное Прибайкалье, № 69 (78), 15.07.1921.
[1919] Амурская правда, 08.06.1921.
[1920] Серебренников, 1936.
[1921] Молоков, 1991.
[1922] Forbath, 1936, p.168–169. Гелета женился на дочери русского купца из Троицкосавска и занимался там бизнесом.
[1923] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60; РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19.
[1924] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л. 202.
[1925] Шанхайская жизнь, 22.06.1921.
[1926] Красное Прибайкалье, № 63 (72), 24.6.1921.
[1927] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л. 201.
[1928] Трушкин, 1972; список см. в Предисловии.
[1929] Красное Прибайкалье, № 63(72), 24.06.1921, с.1.
[1930] Текст см.: Боец и пахарь, № 137, 24.06.1921, с.1.
[1931] Свет, № 638, 29.06.1921.
[1932] Текст см.: Боец и пахарь, № 131, 15.06.1921, с.1.
[1933] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 176, л. 2.
[1934] Шулунов, 1972.
[1935] Железняков, 2009.
[1936] Цит. по: Шулунов, 1972, с.301.
[1937] Амурская правда, 22.06.1921.
[1938] Красное Прибайкалье, № 63 (72), 24.6.1921.
[1939] Мелехин, 1965.
[1940] Шулунов, 1972.

[1941] Кульбарсов, 1921.

[1942] Этот дивизион после ранения Рокоссовского возглавил И.К. Павлов. Уже после пленения Унгерна, дивизион снова поступил под командование Рокоссовского и был развернут в полк (Кардашов, 1984). В него влился отряд Щетинкина, который передал Рокоссовскому командование.

[1943] Кунгуров, Сороковиков, 1946. Установить на месте, где был этот монастырь, мне не удалось.

[1944] Это русское селение было основано пионером земледелия в Монголии — купцом И.И. Корнаковым (биографию см.: Даревская, 1997).

[1945] Князев, 1942, с.139.

[1946] Рябухин, 2004.

[1947] Блохин, 1926.

[1948] Дамдинсурэн, 1998.

[1949] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л. 201, 202.

[1950] Юзефович, 1993.

[1951] Хишигт, 2002.

[1952] Дамдинсурэн, 1998.

[1953] Волков, Hoover.

[1954] Голубев, 1926

[1955] Волков, Hoover.

[1956] Семешко, 1921в.

[1957] Волков, 1921.

[1958] Волков, 1921.

[1959] Голубев, 1926.

[1960] Шанхайская жизнь, № 571 (211), 17.09.1921.

[1961] Волков, 1921; Першин, 1933; Alioshin, 1941.

[1962] Дата сомнительная.

[1963] Дальневосточная правда, № 172, 16.08.1921, с.2.

[1964] Голубев, 1926.

[1965] Князев, 1942.

[1966] Мысль, 11.09.1921.

[1967] Шанхайская жизнь, № 568 (208), 13.09.1921.

[1968] Бюлл. МОНТА, № 19, 12.08.1922.

[1969] Бюлл. МОНТА, № 26, 30.09.1922; № 37, 16.11.1922.

[1970] Волков Б.Н., Hoover.

[1971] Торновский, 1942.

[1972] Залесский, 1932.

[1973] Козлов, 2004.

[1974] Соловьев, 2006.

[1975] Голубев, 1926.

[1976] Волков Б.Н., Hoover.

[1977] Слово, № 379, 14.08.1921.

[1978] Шанхайская жизнь, 03.08.1921.

[1979] Юзефович, 2010.

[1980] Цибиков, 1947; Ширендыб, 1971.
[1981] Мысль, 11.09.1921.
[1982] Волков Б.Н., Hoover.
[1983] Голубев, 1926. Панов, Обухов и Вагин не служили в дивизии Унгерна.
[1984] Волков, 1921; Блохин, 1926.
[1985] Слово, № 384, 21.08.1921.
[1986] Семешко, 1921в.
[1987] Юзефович, 2010.
[1988] Мелихов, 2007.
[1989] Вечер, 14.07.1921.
[1990] Шанхайская жизнь, № 562 (202), 07.09.1921.
[1991] Шанхайская жизнь, 04.09.1921.
[1992] АРСС, большой дневник за 1921 г., Reel 1-1305, л. 493.
[1993] Вечерняя газета, 01.08.1921.
[1994] Слово, № 396, 04.09.1921.
[1995] Маньчжурия, № 322, 22.11.1921.
[1996] Шанхайская жизнь, № 568 (208), 13.09.1921.
[1997] Свет, № 724, 12.10.1921.
[1998] Шанхайская жизнь, № 609 (249), 02.11.1921.
[1999] Свет, № 781, 21.12.1921.
[2000] Торновский, 1942.
[2001] Торновский, 1942.
[2002] В. Хатчер, личн. сообщ.
[2003] Торновский, 1942; Боец и пахарь, 13.07.1921.
[2004] В. Хатчер, личн. сообщ.
[2005] Новости жизни, № 210, 23.09.1921.
[2006] Торновский, 1942.
[2007] В. Хатчер, личн. сообщ.
[2008] В. Хатчер, лчин. сообщ.
[2009] Папков, 2005.
[2010] http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/author12dd.html?id=280.
[2011] Текст см.: Чойбалсан, 1952, с.69–71.
[2012] Калинников, 1929.
[2013] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 6–7; с сокращениями опубликовано в газете «Советская Сибирь», № 165 (525), 06.08.1921, с.2.
[2014] Князев, 1942.
[2015] Дальневосточный телеграф, № 22, 28.08.1921.
[2016] Свет, № 721, 08.10.1921.
[2017] Шумяцкий, 1921г.
[2018] Базаров и др., 1998.
[2019] Шанхайская жизнь, № 573 (213), 20.09.1921.
[2020] З. Лонжид, личн. сообщ.
[2021] ЦМВС, документальный фонд, № 4/16629.
[2022] Номинханов, 1970.

[2023] Русский перевод акта: Дальневосточная правда, № 168, 11.08.1921, с.2; Дальневосточный телеграф, № 8, 11.08.21; Боец и пахарь, № 176, 11.08.1921, с.1; Власть труда, № 526 (402), 17.08.1921, с.1; описание церемонии: Калинников, 1929.

[2024] Перевод см.: Дальневосточная правда, № 169, 12.08.1921, с.2.

[2025] Ширендыб, 1971.

[2026] РГВА ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 72–73об., 219–222.

[2027] РГВА ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 140–140об.

[2028] Тексты см.: Насанбалжир, 1960; Панин и др., 1975.

[2029] Свет, № 712, 27.09.1921.

[2030] Кислов, 1964.

[2031] Князев, 1942, с.31.

[2032] Gizycki, 1929.

[2033] Моев, 1974.

[2034] Молоков, 1991.

[2035] Свет, № 637, 28.07.1921; Вечер, 30.06.1921.

[2036] Шанхайская жизнь, 22.06.1921.

[2037] Кислов, 1964; Балжиргарам, 1980.

[2038] РГВА, ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 193.

[2039] Его называли в дивизии «маленький гэгэн» (монг.: гэгэчин).

[2040] Кислов, 1964.

[2041] Боец и пахарь, № 175, 10.08.1921, с.1; Амурская правда, 17.08.1921.

[2042] Боец и пахарь, № 175, 10.08.1921, с.1.

[2043] Адгоков, 1923.

[2044] Новиков, 2005.

[2045] РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 206.

[2046] Кардашов, 1984.

[2047] Мар, 1973.

[2048] Слово, № 383, 19.08.1921.

[2049] Боец и пахарь, 05.08.1921, с.1.

[2050] Боец и пахарь, 05.08.1921.

[2051] Свет, № 671, 07.08.1921.

[2052] Дружба народов, 07.10.1921.

[2053] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[2054] Новиков, 2005.

[2055] Шерешевский, 1974.

[2056] Адгоков, 1923.

[2057] Амурская правда, июнь 1921.

[2058] Кульбарсов, 1921.

[2059] Бюлл. МОНТА, № 60–61, 03.02.1923; №85–86, 01.04.1923.

[2060] Несостоятельными выглядят рассуждения Рябухина, 2004 о том, что отход был вызван договоренностью офицеров с неким бурятом Цаганжаповым, вестовым и предсказателем будущего.

[2061] РГВА, ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 193.

[2062] Известия, 24.08.1921.

[2063] Известия, 24.08.1921.

[2064] РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 207. Вместо р. Ира в РГВА и у Кислова ошибочно указана р. Иро (монг.: Ёроо-гол).

[2065] РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 207.

[2066] РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 206.

[2067] РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 206; Кислов, 1964.

[2068] РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 206.

[2069] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 231, 232.

[2070] РГВА ф. 16, оп. 3, д. 400, л.138-139об., 151.

[2071] Кривошеев, 2001.

[2072] Новиков, 2005.

[2073] Кислов, 1964, с.88.

[2074] Цит. по: Белов, 2003, с.157.

[2075] Голубев, 1926.

[2076] Калинников, 1929.

[2077] Балжиргарам, 1980, с.40–41.

[2078] Голубев, 1926.

[2079] РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л.275.

[2080] Рябухин, 2004.

[2081] Торновский, 1942.

[2082] Князев, 1942.

[2083] Кастерин был командиром полка в Первой мировой войне, несколько раз ранен, опытный офицер (Рябухин, 2004). Кавалер ордена Св. Георгия (пожалован императором).

[2084] Волков Б.Н., Hoover; Рябухин, 2004.

[2085] Голубев, 1926.

[2086] Рябухин, 2004.

[2087] Князев, 1942.

[2088] Голубев, 1926.

[2089] Хитун, 1970.

[2090] Волков, 1921.

[2091] Торновский, 1942.

[2092] YTA, ф. A173, оп. 1, д. 222, 2-й указ — перевод см. ниже в разделе «Документы». В этом указе не говорится о том, что Резухин буддист.

[2093] РГВА, ф. 32633, оп. 2, д. 163, л. 6–8.

[2094] Дальневосточный телеграф, № 17, 23.08.1921.

[2095] РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 207–208.

[2096] Макеев, 1934.

[2097] В мемуарах Голубева — «полковник Толстов». Толстой — капитан, техник-топограф из армии Дутова. В 1920 г. был арестован гаминами, в 1921 — освобожден Унгерном. Служил у него рядовым, потом — комендантом п. Мандал. Участвовал в опытах Оссендовского по изготовлению ядовитых газов. Был арестован красными, бежал, скрывался под фамилией Панкратов. В 1924 г. осужден Главным судом Верхнеудинска к расстрелу (Ургинская газета, № 47, 29.02.1924, с.2–3).

[2098] Голубев, 1926; Макеев, 1934.

[2099] Рябухин, 2004.

[2100] Рябухин, 2004.

[2101] Сам Унгерн на допросах указывал 21 августа. Эта ошибка, вероятно, связана с тем, что он считал время по-монгольски — лунными месяцами.

[2102] Gizycki, 1929.

[2103] Но есть сведения, что Бурдуковский сумел бежать в Китай и там агенты ГПУ пользовались его услугами в середине 1920-х гг. (Юзефович, 2010).

[2104] Волков Б.Н., Hoover.

[2105] Рябухин вспоминал, что барон остался невредимым, но была смертельно ранена кобыла Машка (Волков, Hoover, л.9-46.6).

[2106] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. 7–13, 35–60; РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

[2107] Советская Сибирь, № 201 (561), 18.09.1921, с.3.

[2108] РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 205–209; Душенькин, 1957.

[2109] РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2207, л. 26, 14об.–15.

[2110] Паниев, 1967а, б.

[2111] Кислов, 1964.

[2112] Балжиргарам, 1980; Генкин, 1928.

[2113] Уртнасан и др., 1986.

[2114] Ринчен, 1967.

[2115] Доржсурэн, 1993.

[2116] У Ширендыба, 1973, даны другие имена.

[2117] Например, Калинников, 1929; Першин, 1933. В Харбине ходили слухи, будто монголы покинули барона из-за того, что он убил их шамана (Крузенштерн-Петерец, 1998).

[2118] Доржсурэн, 1993.

[2119] Возможно, имеется в виду письмо министерства внутренних дел временного народного правительства от 30 июля 1921 г., что надо завербовать солдат Сундуй-гуна, служивших у барона (БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6, л. 3).

[2120] Винокуров, 1967.

[2121] Белоусов, 2002.

[2122] Тепляков, 2007а.

[2123] Куликов, 2008.

[2124] Рябухин, 2004 (он же, в двух версиях: Волков, 1921; Волков Б.Н., Hoover); Голубев, 1926; Макеев, 1934; Князев, 1942; Торновский, 1942.

[2125] Шеломенцев — «коренной даурец». Хорунжий Инородческой конно-артиллерийской бригады, 5 июля 1919 г. переведен в Бурятский полк на должность командира 1-й сотни (РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 153). В июле 1919 г. служил в артиллерийском дивизионе Особого отряда П.П. Левицкого (панмонгольского правительства) (там же, л. 167–167об.). На ст. Даурия были расстреляны Константин и Петр Шеломенцевы (РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 14, л. 15) — может быть, родственники этого хорунжего?

[2126] Волков Б.Н., Hoover.

[2127] Першин, 1933.

[2128] Архив ИМЛ, ф. 372, оп. 1, ед. хр. 319, л. 37 — цит. по: Стручков, 1957, с.34.

[2129] Дальневосточная правда, № 169, 12.08.21, с.2.

[2130] РГВА, ф. 7, о. 2, д. 494а, л. 205–209.

[2131] По сведениям, полученным от Сундуй-гуна, Унгерна арестовали 21 августа, красным передали 22 августа (Доржсурэн, 1993).

[2132] Это современные названия — см. Хишигт, 2002. Обычно упоминается долина Тариалан в районе горы Гурт (Ширендыб, 1960). Найти эту гору не удалось.

[2133] Дальневосточный телеграф, № 21, 27.08.1921; Красный пахарь, № 126, 01.09.1921, с.2.

[2134] Князев, 1942.

[2135] Дамдинсурэн, 1998.

[2136] Генкин, 1928.

[2137] Брежнев и др., 1965, с. 25–26.

[2138] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19.

[2139] РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 209.

[2140] Блохин, 1926; Князев, 1942; РГВА, ф. 32633, оп. 2, д. 163, л. 6–8.

[2141] Архив востоковедов, р. 2, оп. 1, № 24, л. 1.

[2142] Аноним.

[2143] РГВА, ф. 32633, оп. 2, д. 163, л. 6–8.

[2144] Бимбаев, 1970.

[2145] Ж. Нэргуй, личн. сообщ.

[2146] Боец и пахарь, № 184, 04.09.1921, с.1.

[2147] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 1052, л. 67–68.

[2148] РГВА, ф. 16, оп. 1, д. 16, л. 14, 15, 21.

[2149] Блохин, 1926.

[2150] Одно из племен восточных эвенков — орочонов.

[2151] Торновский, 1942.

[2152] А по Блохину, 1926 — всего 53 человека.

[2153] Макеев, 1934; Gizycki, 1929.

[2154] Дальневосточный телеграф, № 21, 27.08.1921; Власть труда, № 53 (412), 31.08.1921, с.1.

[2155] Князев, 1942; Макеев, 1934.

[2156] Макеев, 1942.

[2157] Киржниц, 1924.

[2158] YTA, ф. 1, оп. 6, д. 14.

[2159] Gizycki, 1929.

[2160] Торновский, 1942.

[2161] АРСС, большой дневник за 1921 г., Reel 1-1305, л. 465–473, 488–489. Может быть, это рассказ о тех же событиях, что Блохин приводил для бригады Торновского (см. выше)?

[2162] Брежнев и др., 1965, с.25–26; Новости жизни, № 212, 25.09.1921.

[2163] Ринчен, 1967.

[2164] Брежнев и др., 1965, с.25–26.

[2165] Новости жизни, № 212, 25.09.1921, с.2.
[2166] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.
[2167] Доржсурэн, 1993.
[2168] Бюлл. МОНТА, №47, 21.12.1922.
[2169] Доржсурэн, 1993.
[2170] Доржсурэн, 1993.
[2171] Дальневосточный телеграф, № 23, 30.08.1921, с.1; Известия, 09.09.1921.
[2172] Дальневосточный телеграф, № 21, 27.08.1921, с.1; № 23, 30.08.1921, с.1.
[2173] РГВА, ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 337.
[2174] Дальневосточная правда, № 192, 09.09.21, с.2.
[2175] Alioshin, 1941.
[2176] Новости жизни, № 212, 25.09.1921.
[2177] В.Ф. Петровский, личн. сообщ.
[2178] Першин, 1933.
[2179] Свет, № 736, 27.10.1921.
[2179а] Публикацию документов см.: Кузьмин, 2004, с.198–199.
[2180] Белов, 2003.
[2181] Ленин, 1962, с.304.
[2182] Последние новости, № 448, 01.10.1921.
[2183] Дальневосточная правда, 25.09.1921, с.3; РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1 — 19, 123–125; ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 298; ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 7–13, 35–60; РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2213, л. 10–15.
[2184] Советская Сибирь, № 196 (556), 13.09.1921, с.4; № 197 (557), 14.09.1921, с.1; № 199 (559), 16.09.1921, с.1; № 200 (560), 17.09.1921, с.4; № 201 (561), 18.09.1921, с.3; № 202 (562), 20.09.1921, с.2–4 — перепечатка в кн.: Кузьмин, 2004.
[2185] РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 180, л. 3–3об.
[2186] РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 178, л. 5.
[2187] Шайдицкий, 1963.
[2188] Хитун, 1970.
[2189] Дальневосточный телеграф, № 24, 31.08.1921, с.1.
[2190] РГВА, ф. 16, оп. 1, д. 16, л. 19 — см. в разделе «Документы».
[2191] Прибайкалье, № 73, 01.03.1921, с.1.
[2192] Юзефович, 2010.
[2193] Шайдицкий, 1963.
[2194] Кузьмин, 2004.
[2195] Кузьмин, 2004.
[2196] И.А. Сороковиков вспоминал, что на допросе Унгерн был одет в синий халат (Кунгуров, Сороковиков, 1946). Очевидно, это ошибка: судя по протоколам допросов (ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 35–60), халат был оранжево-желтым. Этот халат хранится в ЦМВС.
[2197] Судя по материалу в газете «Советская Сибирь», № 199 (559), 16.09.1921, с.1.
[2198] Greiner, 2007, S.28.
[2199] Советская Сибирь, № 199 (559), 16.09.1921, с.1.
[2200] Тарсаидзе, 1969.

[2201] Новости жизни, № 133, 26.06.1921, с.2.
[2202] Советская Сибирь, № 129 (489), 25.06.1921.
[2203] Чуров, 2005.
[2204] Глинка, 2001.
[2205] Старков, 2006.
[2206] Селянинов, 1911.
[2207] Старков, 2006, с.183.
[2208] New York Times, 11.11.1910.
[2209] Советская Сибирь, № 202 (562), 20.09.1921, с.2–4.
[2210] Князев, 1942.
[2211] См.: Кузьмин, 2004, вклейка.
[2212] Подробнее см.: Юзефович, 2010.
[2213] РГВА ф. 16, оп. 1, д. 37, л.330.
[2214] Тепляков, 2007б.
[2215] Юзефович, 1993.
[2216] Торновский, 1942 (изд. 2004: с.248).
[2217] Постановление Президиума Новосибирского областного суда от 25.09.1998, дело № 10с-98 год, дело № 10с-98 год, Новосибирский областной суд. Любопытно, что в этом документе упоминается «сожжение города Урги» бароном Унгерном, что не соответствует действительности.
[2218] См., например, Батсайхан, 2007 а, б, в.
[2219] Нэргуй, 2009.
[2220] Quenoy, 2006.
[2221] См. в разделе «Мемуары».
[2222] Бурдуков, 1969.
[2223] Подробно его историю описал Першин, 1921 (см. ниже, в разделе «Мемуары»).
[2224] Блохин, 1926.
[2225] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 81.
[2226] Серебренников, 2006.
[2227] Ломакина, 1999, с.253.
[2228] Даревская, 1997.
[2229] Бурдуков, 1969.
[2230] Оссендовский, 1925; Торновский, 1942.
[2231] Торновский, 1942.
[2232] Першин, 1921.
[2233] Серебренников, 1936.
[2234] Блохин, 1926.
[2235] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 28.
[2236] Торновский, 1942.
[2237] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 144об.
[2238] Торновский, 1942.
[2239] Блохин, 1926.
[2240] Дальневосточная правда, № 206, 25.09.1921, с.3; РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2213, л. 10–15.

[2241] Рябухин, 2004.
[2242] Блохин, 1926.
[2243] Более детальные сведения см. в части III.
[2244] Например, Вечерняя газета, № 5, 01.07.1921.
[2245] РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 494а, л. 206.
[2246] Кислов, 1964.
[2247] Haslund, 1934.
[2248] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 151.
[2249] Gizycki, 1929.
[2250] Оссендовский, 1925.
[2251] Блохин, 1926.
[2252] Амурская правда, 08.06.1921.
[2253] Ургинская газета, № 23, 29.10.1924.
[2254] Торновский, 1942.
[2255] Серебренников, 1936.
[2256] Alioshin, 1940.
[2257] Торновский, 1942.
[2258] Блохин, 1926.
[2259] Серебренников, 1936.
[2260] Торновский, 1942; РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 135–135об.; 241–243 об.
[2261] Торновский, 1942.
[2262] Alioshin, 1941.
[2263] Рябухин, 2004.
[2264] РГАЛИ, ф. 1337, о. 5, д. 15, л. 23.
[2265] Торновский, 1942.
[2266] Оссендовский, 1925.
[2267] Часто пишут «Чултун-бэйлэ».
[2268] Текст см.: РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 157; Ossendowski. Raport...
[2269] Оссендовский, 1925.
[2270] Ossendowski. Raport...
[2271] Бурдуков, 1969.
[2272] Бурдуков, 1969.
[2273] Ossendowski. Raport...
[2274] Ossendowski, Raport...
[2275] Оссендовский, 1925.
[2276] Носков, 1930.
[2277] Ossendowski, Raport...
[2278] Серебренников, 1936.
[2279] Ossendowski. Raport...
[2280] Блохин, 1926.
[2281] Ванданова прислал атаман Семенов, чтобы он от его имени поздравил Богдогэгэна, а затем остался при бароне (Lattimore, Isono, 1982). В Западную Монголию Ванданов направился как командир отдельного Монгольского полка; оттиск печати сохранился на документах в РГВА.

[2282] По Носкову, 1930 — Хатан-батора Максаржава.
[2283] Бурдуков, 1969.
[2284] Чойбалсан, 1965; Gizycki, 1929.
[2285] Магсаржав, 1927.
[2286] YTA, ф. А3, оп. 1, д. 1154, л. 1.
[2287] Жамсранжав и др., 2002.
[2288] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 89–90 — см. Кудрявцев и др., 2008, с.178.
[2289] Носков, 1930.
[2290] Банзаракчи, 1928.
[2291] Белов, 2004.
[2292] Носков, 1930.
[2293] Цыбиков, 1947, с.38.
[2294] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 158.
[2295] Белов, 2003, с.179.
[2296] Белов, 2003, с.180.
[2297] Цибиков, 1947.
[2298] Генкин, 1928, с.88.
[2299] http://origo.mn/index.php?z=/0/0/2950/157 .
[2300] Юдин, 1959; АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 101а, д. 9, л. 4.
[2301] Белов, 2003.
[2302] Бурдуков, 1969.
[2303] Боец и пахарь, № 216, 18.10.1921; Жуков и др., 1967.
[2304] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15; folder 9, p.55–56.
[2305] Бурдуков, 1969.
[2306] Першин, 1933, с.163.
[2307] Белов, 2003, с.184.
[2308] Перевод его телеграммы, сделанный Бурдуковым, см.: Балжиргарам, 1980, с.40.
[2309] Бурдуков, 1969.
[2310] Носков, 1930.
[2311] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 223, л. 44–46 — приводится ниже в части III.
[2312] ГАРФ, ф. 5873, оп. 1, д. 3, 4.
[2313] Сокольницкий, 1933.
[2314] Торновский, 1942.
[2315] Белов, 2003.
[2316] Сокольницкий, 1933.
[2317] В основном, хранятся в ГАРФ и РГВА.
[2318] Бурдуков, 1969.
[2319] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 223, л. 44–46.
[2320] Сокольницкий, 1933.
[2321] Торновский, 1942.
[2322] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 6.
[2323] Носков, 1930; Alioshin, 1941.
[2324] Белов, 2003.

[2325] Юдин, 1959.
[2326] Русский колонист Никитин.
[2327] Торновский, 1942.
[2328] Ганин, 2004.
[2329] Байкалов, 1932; Улан, 1928.
[2330] Торновский, 1942.
[2331] Тепляков, 2007б, с.29.
[2332] Торновский, 1942.
[2333] Сокольницкий, 1933.
[2334] Сокольницкий, 1933.
[2335] Биографию см.: Ганин, 2004.
[2336] Петров, 2003.
[2337] Петров, 2003.
[2338] Ганин, 2004.
[2339] Петров, 2003.
[2340] Ганин, 2004.
[2341] Ганин, 2004.
[2342] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 101.
[2343] Ганин, 2004.
[2344] Ганин, 2004.
[2345] Подробнее см.: Ганин, 2004.
[2346] Петров, 2003.
[2347] Ганин, 2004.
[2348] Белов, 2003.
[2349] Ганин, 2004.
[2350] Ганин, 2004.
[2351] Носков, 1930; Серебренников, 1936.
[2352] Торновский, 1942.
[2353] Ганин, 2004.
[2354] Белов, 2003; Ганин, 2004.
[2355] Ганин, 2004.
[2356] Теврюков, 1970.
[2357] Слово, 30.07.1922.
[2358] Дело по обвинению ген. Бакича...
[2359] Ганин, 2004.
[2360] Ганин, 2004.
[2361] Текст см.: Россия (Харбин), 30.09.1921.
[2362] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 23–24.
[2363] Михеев, 1910, с.21.
[2364] Белов, 2003.
[2365] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 23–24.
[2366] По словам Блохина, 1926, наоборот, Казагранди первоначально состоял в отряде Шубина, а затем откололся от него.
[2367] Блохин, 1926.

[2368] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 96–97, 122.
[2369] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 123–123об., 144.
[2370] Бурдуков, 1969.
[2371] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 23–24.
[2372] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 52.
[2373] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 141–142.
[2374] См. раздел «Документы».
[2375] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 136.
[2376] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 137–137об.
[2377] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4.
[2378] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 129–129об.
[2379] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 19.
[2380] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 101.
[2381] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 23–24.
[2382] Белов, 2003.
[2383] Ширендыб, 1971.
[2384] Белов, 2003; Банзрагч, 2009.
[2385] Базаров и др., 1998.
[2386] Банзрагч, 2009.
[2387] Кислов, 1964.
[2388] Ленин, 1970, с.232-233.
[2389] Душенькин, 1957.
[2390] Генкин, 1928.
[2391] Бюлл. МОНТА, № 63, 10.02.1923.
[2392] Например, Palmer, 2009.
[2393] Магсаржав, 1994; Тудэв, 1998; Цацрал, 2004; Батсайхан, 2007а, б, в, 2008; Batsaikhan, 2009.
[2394] Это монгольский перевод тибетского слова тулку, от санскритского нирманакая — физическое тело Будды. Хубилган — деятель буддизма, последовательно перерождающийся в человеческом теле для продолжения духовной работы.
[2395] Развалины этого монастыря, разрушенного во время Культурной революции в КНР, существуют до сих пор.
[2396] Подробнее см.: Позднеев, 1896.
[2397] См. Позднеев, 1896.
[2398] См.: Коростовец, 2004.
[2399] Позднеев, 1879.
[2400] Позднеев, 1879.
[2401] Позднеев, 1896.
[2401a] Кейзерлинг, 2001, с.189–190.
[2402] Детальное описание церемонии по разным источникам см.: Batsaikhan, 2009, с.97–120.
[2403] Батсайхан, 2008; Batsaikhan, 2009.
[2404] Позднеев, 1896.
[2405] Ломакина, 2001.

[2406] Коростовец, 2004.

[2407] Кейзерлинг, 2001, с.213.

[2408] Позднеев, 1896.

[2409] Позже его уничтожили красные. В 1990-х гг. он был воссоздан на новом месте — в главном монастыре Гандантэгчинлин.

[2410] Лундэн — наставление, пророческое писание, булла теократического правителя.

[2411] Например, Козлов, 2004; Оссендовский, 1925; Чойбалсан, 1952; Ломакина, 2006; Торновский, 2005 и др.

[2412] Lattimore, Isono, 1982.

[2413] О. Батсайхан, личн. сообщ.

[2414] Позднеев, 1879, с.25–26.

[2415] Кейзерлинг, 2001, с.213.

[2416] Коростовец, 2009.

[2417] Дакини — женский Будда-аспект, связанный со знанием и мудростью.

[2418] Впоследствии этот храм красные переделали в цирк. Теперь он восстановлен.

[2419] Ломакина, 2006.

[2420] Оссендовский, 1925; Торновский, 1942.

[2421] Сейчас в нем музей.

[2422] Изображений божеств буддийского пантеона.

[2423] Козлов, 2003.

[2424] Певцов, 1951.

[2425] Коростовец, 2004.

[2426] Ломакина, 2001.

[2427] Козлов, 2004.

[2428] Ломакина, 2001.

[2429] Ломакина, 2001.

[2430] Ломакина, 2006.

[2431] Козлов, 2004.

[2432] Бадарчи, Дугарсурэн, 2000.

[2433] Это опровергает мнение, что во время тайных встреч в Урге два иерарха не смогли придти к соглашению и их диалог был безуспешным (Магсаржав, 1994).

[2434] Ломакина, 2006.

[2435] Статуя бесследно исчезла в период правления МНРП (видимо, переплавлена), затем воссоздана в 1996 г. в Монголии. В голову воссозданной статуи, в числе прочих святынь, поместили дарованный Далай-ламой XIV бурхан, когда-то принадлежавший Таранатхе.

[2436] Например, Коростовец, 2004.

[2437] Жамсранжав и др., 2002.

[2438] Кузьмин, 2006.

[2439] Вебер, 1990.

[2440] Жамсранжав и др., 2002.

[2441] Цит. по: Базаров и др., 1998, с.166.

[2442] Коростовец, 2004.

[2443] Юдин, 1959.
[2444] Магсаржав, 1927.
[2445] Богдо-гэгэн содержался в строении, обращенном к городу. К настоящему времени оно не сохранилось.
[2446] Торновский, 1942.
[2447] Магсаржав, 1927; Торновский, 1942; Чойбалсан, 1952; Ширендыб, 1956, 1960; Чойбалсан и др., 1979.
[2448] Даты даны по лунному календарю.
[2449] Lattimore, Isono, 1982, p.107–109.
[2450] Магсаржав, 1927.
[2451] Торновский, 1942.
[2452] Lattimore, Isono, 1982; мемуары Пономарева в архиве Волкова Б.Н., Hoover.
[2453] Першин, 1933.
[2455] Lattimore, Isono, 1982.
[2456] Чойбалсан, 1952.
[2457] Торновский, 1942.
[2458] Хитун, 1970.
[2459] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19; ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.
[2460] Дальневосточная правда, № 145, 15.07.1921.
[2461] АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 317, д. 54775, л. 28.
[2462] Красное Прибайкалье, № 70 (79), 17.07.1921.
[2463] Якимов, 1973.
[2464] Ширендыб, 1960.
[2465] Дальневосточная правда, № 169, 12.08.1921, с.2.
[2466] Ширендыб, 1960, 1971.
[2467] Цит. по: Ширендыб, 1960, с.610.
[2468] Андреев, 2006.
[2470] Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15, folder 9, p.55–56.
[2471] YTA, ф. 1, оп. 1, д. 76, л. 74-75 дахь тал.
[2472] Текст см.: Насанбалжир, 1954, с.108.
[2473] YTA, ф. 1, оп. 1, д. 112, л. 74–75.
[2474] Например, Боец и пахарь, № 216, 18.10.1921, с.1.
[2475] Волков, Hoover, микрофильм, box 15, folder 9, p.51–53.
[2476] Заря (Урга), № 35, 17.01.1924, с.3.
[2477] Список см.: Жалсапова, 2009.
[2478] Унэн сонин, 29–30.03.1993, № 29, 30.
[2479] Ширендыб, 1971.
[2480] Пурэвжав, Дашжамц, 1965, с.62.
[2481] Тот самый инвалид, кого Унгерн женил в Урге и подарил лавку.
[2482] Бюлл. МОНТА, № 23, 17.09.1922.
[2483] Бюлл. МОНТА, № 24, 21.09.1922.
[2484] Ширендыб, 1971.
[2485] Бюлл. МОНТА, № 41, 30.11.1922.
[2486] БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6, л. 15–16.

[2487] Бюлл. МОНТА, № 6, 09.06.1922.
[2488] Слово, 22.07.1922.
[2489] Воспоминания см.: Бимбаев, 1970.
[2490] Бюлл. МОНТА, № 39, 23.11.1922; № 53, 07.01.1923.
[2491] Об этом см.: Батсайхан, 2006.
[2492] Пурэвжав, Дашжамц, 1965.
[2493] Пурэвжав, Дашжамц, 1965.
[2494] Банзрагч, 2009.
[2495] Банзрагч, 2009.
[2496] Банзрагч, 2009.
[2497] Банзрагч, 2009.
[2498] Приговор см.: YTA, ф.37, д.1, х/н 8, х.57 — http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=7896&postdays=0&postorder=asc&start=15.
[2499] Яскина, 2007.
[2500] Семенов, 1938.
[2501] Как показала история, таковым не был Хатан-батор Максаржав (он умер в 1927 г. в 49 лет).
[2502] Базаров, Жабаева, 2008.
[2503] Ширендыб, 1956.
[2504] Базаров, Жабаева, 2008, с.45.
[2505] Железняков, 2009.
[2506] Протоколы Первого Великого Хуралдана, 1924.
[2507] Козлов, 2003.
[2508] Ломакина, 2001.
[2509] Пурэвжав, Дашжамц, 1965.
[2510] Цит. по: Базаров, Жабаева, 2008, с.44.
[2511] Хозяйство Монголии, № 7, 1926, с.120.
[2512] Протоколы Первого Великого Хуралдана, 1924.
[2513] Пурэвжав, Дашжамц, 1965.
[2514] Ломакина, 1999, с.220.
[2515] Базаров и др., 1998.
[2516] Златкин, 1957.
[2517] Kasanin, 1973, с.37.
[2518] Цит. по: Базаров и др., 1998, с.167.
[2519] Девятый съезд, 1934, с.28, 95, 231 и др.
[2520] Пурэвжав, Дашжамц, 1965.
[2521] Девятый съезд, 1934, с.76.
[2521а] Детали см.: Батсайхан, 1911.
[2521б] Пурэвбат, 2008.
[2522] К настоящему времени отреставрирован один храм под музей. В конце XX в. был найден новый перерожденец Манджушри-хутухты — мальчик по имени Цэвээндорж, родившийся в 1998 г. В 2009 г. Богдо-гэгэн IX в Монголии провел его интронизацию.
[2523] Позднеев, 1896, с.606–608.

[2524] Ефремов, 1962, с.151.
[2524a] Өлзийбаатар, 2004.
[2525] Альтман и др., 2009, с.98.
[2526] Около 542 тыс. чел. в 1918 г.: Майский, 1959.
[2527] Эрлихман, 2004.
[2528] Эрлихман, 2004.
[2529] Biography...
[2530] Далай-лама XIII умер в 1933 г., а Далай-лама XIV родился в 1935 г. Вп
ствии он признал истинность девятого перерождения Богдо-гэгэна.
[2531] Например, Alioshin, 1941.
[2532] Например, Шайдицкий, 1963.
[2533] Вольфович и Жуч?
[2534] Голубев, 1926.
[2535] Першин, 1933; Торновский, 1942; Юзефович, 2010.
[2536] Вечерняя газета, № 137, 10.11.1921; Последние новости, № 517, 22.12.1
Слово, 09.07.1922.
[2537] Юзефович, 1993.
[2538] Даревская, 1995.
[2539] Торновский, 1942.
[2540] Юзефович, 2010.
[2541] Утро России, 15.10.1994.
[2542] Шведова, 2006.
[2543] Михаловский, 2006.
[2544] Genealogisches Handbuch, 1930.
[2545] Guenon, 2003.
[2546] Оссендовский, 1925.
[2547] Милош, 1969; Росциус, 1991; Михаловский, 2005; Jagielski, 1947.
[2548] Михаловский, 2005, с.451. Подлинно ли это завещание, неизвестно.
[2549] Дальневосточная правда, № 172, 16.08.1921, с.2.
[2550] Михаловский, 2005.
[2551] Юзефович, 2010.
[2552] Шанхайская жизнь № 499 (139), 24.06.1921.
[2553] Кузьмин, Рейт, 2008.
[2554] Волков, Hoover.
[2555] Ардын эрх сонин, № 68, 04.07.1995.
[2556] Юзефович, 2010.
[2557] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1-19, 123–124об.
[2558] ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 334, л. 144–156 — подробнее см. в главе 4.
[2559] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 144–145.
[2560] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 101, д. 9, л. 91.
[2561] Волков, 1921.
[2562] Торновский, 1942.
[2563] Князев, 1942.
[2564] Антонов, Карпов, 2003; Антонов, 2007.

[2565] Про этот клад писал Першин, 1933. Персандер Жюль Тобиевич, аккумуляторщик треста «Востсиблес» в г. Иркутск, был расстрелян 13 января 1938 г. по статье «Измена Родине» — http://lists.memo.ru/d26/f105.htm.

[2566] Новости жизни, № 164, 29.06.1921, с.3.

[2567] См., например, Кириллов, 1997; Сокровища, 2002.

[2568] Врангель, 1991, с.12–13.

[2569] Оссендовский, 1925; Кислицин, 1936.

[2570] Князев, 1942.

[2571] Вечер, 14.07.1921.

[2572] РГВИА, ф.400, оп. 11, д. 499, л. 25–26.

[2573] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.

[2574] Советская Сибирь, № 201 (561), 18.09.1921, с.3.

[2575] Eesti Ajalooarchiv, fond 860, nimitsu 2, sailik 1672.

[2576] Оссендовский, 1925.

[2577] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.

[2578] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.

[2579] Голубев, 1926, л. 112.

[2580] Першин, 1933.

[2581] Врангель, 1991.

[2582] Русский голос, № 202, 16.03.1921.

[2583] Волков Б.Н., Hoover. В Монголии с 1923 г. работал известный иркутский врач *П.Н. Шастин. Не был ли этот студент каким-то его родственником?*

[2584] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 91–91об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 16–17. Л.А. Юзефович, 2010, предполагает, что имелся в виду не железнодорожный вагон, а отель «Вагон-Ли» в посольском квартале Пекина.

[2585] Например, паранойю — см. Юзефович, 1993.

[2586] Князев, 1942.

[2587] Krauthof, 1938.

[2588] Например, Юзефович, 2010.

[2589] Волков Б.Н., Hoover.

[2590] Голубев, 1926; Хитун, 1970.

[2591] Катанаев, 2005.

[2592] Князев, 1942.

[2593] Голубев, 1926.

[2594] Хитун, 1970.

[2595] Торновский, 1942.

[2596] Першин, 1933.

[2597] Оссендовский, 1925.

[2598] Шайдицкий, 1963.

[2599] Врангель, 1991, с.12–13.

[2600] Першин, 1933.

[2601] Торновский, 1942.

[2602] РГВИА, ф.400, оп. 11, д. 499, л. 25–26.

[2603] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 13.

[2604] Врангель, 1991.
[2605] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 11.
[2606] Торновский, 1942.
[2607] РГВИА, ф.400, оп. 11, д. 499, л. 25–26.
[2608] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.
[2609] РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 30–31.
[2610] Голубев, 1926.
[2611] Слово, № 379, 14.08.1921; ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.
[2612] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46; РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.
[2613] Магсаржав, 1927, с.207–210.
[2614] Советская Сибирь, № 201 (561), 18.09.1921, с.3; № 202 (562), 20.09.1921, с.2–4.
[2615] Врангель, 1991, с.12–13.
[2616] Карл Тыниссон...
[2617] РГВИА, ф.400, оп. 11, д. 499, л. 17 — 23об.
[2618] Торновский, 1942.
[2619] Семенов, 1938 (изд. 2002 г.: с.141).
[2620] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.
[2621] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.
[2622] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 26 — 26об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9. л. 27–28.
[2623] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 30–33об.
[2624] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.
[2625] Зазубрин, 1972.
[2626] Далай-лама XIV, 2001.
[2627] Цит. по: Андросов, 2006, с.594.
[2628] Ратцингер, 2006, с.88.
[2629] Рубрук, 1957, с.174.
[2630] Михаловский, 2005.
[2631] Князев, 1942.
[2632] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, 17–18, л. 51, 90–90об.; РГВА, ф. 39454. оп. 1, д. 9, л.49–54; АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 43–44об..; РГВА, ф. 39454. оп. 1, д. 9, л. 51, 97а–98.
[2633] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 53–54; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 20–22.
[2634] Оссендовский, 1925.
[2635] Ширендыб, 1960.
[2636] Оссендовский, 1925.
[2637] Советская Сибирь, № 200 (560), 17.09.1921, с.4.
[2638] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123 — 124об.
[2639] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.
[2640] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.
[2641] Зазубрин, 1972.
[2642] Юзефович, 2010.
[2643] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 84 — 85об.
[2644] Откровение, IX, 6.

[2645] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[2646] Советская Сибирь, № 201 (561), 18.09.1921, с.3; РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19; ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.

[2647] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[2648] Голубев, 1926.

[2649] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

[2650] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 21–22; ГАРФ, ф. Varia, д. 392, л. 1–6.

[2651] Даниил, XII, 1.

[2652] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60. В действительности, в Библии — 1335 дней (Даниил, XII, 1, 10–12).

[2653] Юзефович, 2010.

[2654] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[2655] Даниил, XI, 40.

[2656] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.

[2657] РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 144об.

[2658] Волков, 1921б.

[2659] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, папка 104, д. 34, л. 9. Это искаженный монгольский текст «Бичигтэй цагаан чулуун», или, по-бурятски, «Бэшэгту сагаан шулуун», дословно «Белый камень с надписью».

[2660] Цибиков, 1947.

[2661] Голубев, 1926.

[2662] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 70–70а; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 100–101 — перепечатка: Кузьмин, 2004.

[2663] Голубев, 1926; Alioshin, 1941.

[2664] Голубев, 1926.

[2665] Бедняков, 1921.

[2666] А.А. Терентьев, личн. сообщ. Перевод сутры см.: Мурашкин, 2000.

[2667] А.А. Терентьев, личн. сообщ.

[2668] Князев, 1942.

[2669] Першин, 1999.

[2670] См. комментарий к кн.: Бурдуков, 1969, с.370.

[2671] Юзефович, 1993.

[2672] Вампилов, 1977; Юзефович, 1993; Ломакина, 2003; Демиденко, 2003.

[2673] Неклюдов, 1992.

[2674] Позднеев, 1887.

[2675] А.А. Терентьев, личн. сообщ.

[2676] Дамдинсурэн, 1998.

[2677] Князев, 1942, с.76.

[2678] Dufour, 1942, с.613.

[2679] Голубев, 1926.

[2680] Наваннамжил, 1956.

[2681] Оссендовский, 1925.

[2682] Оссендовский, 1925.

[2683] Например, Evola, 1973.

[2684] Кузьмин, Рейт, 2008.
[2685] Уланов, 2008.
[2686] Голубев, 1926; Alioshin, 1941.
[2687] Советская Сибирь № 200 (560), 17.09.1921, с. 4.
[2688] Оссендовский, 1925.
[2689] Guenon, 2003.
[2690] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 55–55об.
[2691] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.
[2692] Макеев, 1934.
[2693] Рябухин, 2004.
[2694] Кураев, 1996.
[2695] Белов, 1999.
[2696] Даревская, 1998.
[2697] Подробнее см.: Кузьмин, 2010.
[2698] Терентьев, 1996, с.68–69.
[2699] Леденев, 1908, с.454.
[2700] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 84–85об.
[2701] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 84–85об.
[2702] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.
[2703] Советская Сибирь, № 201 (561), 18.09.1921, с.3.
[2704] Ол-ич, 1924г.
[2705] В издании Князева 2004 г. (с.27, 28) опечатка: «Саратовский-Ржевский».
[2706] Князев, 1942, с.25.
[2707] Сазонов, 1991.
[2708] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 21–22; ГАРФ, ф. Varia, д. 392, л. 1–6.
[2709] Из унгерновского приказа № 15.
[2710] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 43–44об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 97а–98.
[2711] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 15–15об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 25–26.
[2712] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 30–31об..
[2713] См. Савицкий, 1997; Трубецкой, 2000; Хара-Даван, 2002; Вернадский, 2005; Иванов, 2005.
[2714] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.
[2715] Подробнее см.: Юзефович, 2010.
[2716] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 14.
[2717] Цит. по: Старцев, 1982, с.136.
[2718] Степанов, 2004.
[2719] Советская Сибирь, № 199 (559), 16.09.1921, с.1.
[2720] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 30 — 31об.
[2721] Иванов, 2005.
[2722] Чойбалсан, 1952.
[2723] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46; АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 29; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 56.

[2724] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46; РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

[2725] РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2213, л. 10–15.

[2726] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 125.

[2727] Воллосович, 1919.

[2728] Зиновьев, 2003, с.253-257.

[2729] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 25–25об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 29–30.

[2730] Герасименко, 1990, с.102.

[2731] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[2732] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 30–31об.

[2733] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 25–25об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 29–30.

[2734] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 30–31об.

[2735] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 91–91об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 16–17.

[2736] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[2737] Князев, 1942.

[2738] РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2213, л. 10–15.

[2739] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 1–19.

[2740] Дао Дэ цзин, 1, § 3.

[2741] Например, Уорд, 1923.

[2742] Степанов, 1921, с.12.

[2743] В 1918 г. под председательством Букейхана образовался всеказахский совет Алаш-орда. Конечная цель Алаш-орды — общее восстание казахов для совместной борьбы против большевиков. Уполномоченные Букейхана в июне 1918 г. прибыли в Чугучак для оказания противодействия большевикам (АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 209). Вероятно, Унгерн знал об этих планах от белых из Восточного Туркестана.

[2744] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л.29, 41–44об., 91–91об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 16–17, 56, 93–95, 97а–98.

[2745] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 43–44об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 97а–98.

[2746] Коростовец, 1996, 2009.

[2747] РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 49.

[2748] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 24–24об., 41–42об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 82–83, 93–95; ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46.

[2749] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 125.

[2750] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 17–18; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 52–54.

[2751] Титул Ару-харчийн-ван переводится как «князь северных харчинов». Князь Найман-ван после неудачного восстания лишился своего хошуна, его земли колонизировали китайцы (Базаров, 2002). В 1918 г. был готов поддержать панмонгольское движение.

[2752] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 45–46об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 104–107.

[2753] Магсаржав, 1927, с.207–210.

[2754] См., например, Уорд, 1923.

[2755] Семенов, 1938; Волков, 2006; АВПРИ, ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке, оп. 894, д. 20.

[2756] АВПРИ, ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке, оп. 894, д. 2, л. 190.

[2757] Например, «Peking and Tientsing Times» — цит. по: Дальневосточный телеграф. № 41, 20.09.1921.

[2759] Волков Б.Н., Hoover.

[2760] Например, Юзефович, 1993; Ломакина, 2003; Демиденко, 2004; Соколов, 2007; Веллер, Буровский, 2007; Буровский, 2010.

[2761] Krauthof, 1938.

[2762] Цибиков, 1947.

[2763] Кузьмин, 2004, вступительная статья.

[2767] Жуков, 2006.

[2768] Например, РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

[2769] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 65; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 13; Советская Сибирь, № 201 (561), 18.09.21, с.3.

[2770] Второзаконие, книга Иисуса Навина, Исход.

[2771] Ecker, 1884; Шмаков, 1897. Многие выдержки из трактата «Шулхан Арух» в исследовании К. Эккера и, особенно, в русском переводе А.С. Шмакова искажены в антисемитских целях (подробнее см.: Переферкович, 1910). Тем не менее, с учетом этих искажений, некоторые положения данного трактата выражают шовинизм и религиозную нетерпимость (Кицур Шулхан Арух, 1999, некоторые положения выброшены редакцией из русского перевода; см. также: Перферкович, 1910).

[2772] Лаврентьев, 1925.

[2773] Нилус, 1911.

[2774] Бытие, гл. 22, §17: «Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов».

[2775] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 91–91об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 16–17.

[2776] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 6–7.

[2777] Г. Бостунич, в кн.: Брачев, 2005.

[2778] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 41–42об., 51; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 49, 93–95.

[2779] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 91–91об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 16–17.

[2780] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[2781] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 15–15об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 25–26.

[2782] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

[2783] Из приказа № 15: АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 21–22; ГАРФ, ф. Varia, д. 392, л. 1–6.

[2784] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123 — 124об.

[2785] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[2786] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 14; РГВА, ф. 39494, оп. 1, д. 9, л. 11.

[2787] Шанхайская жизнь, № 442 (82), 15.04.1921.

[2788] Семешко, 1921в.

[2789] Например, АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 26–26об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л.27–28.

[2790] Елагин, 1934; Крузенштерн-Петерец, 1998; Катанаев, 2005.

[2791] Семешко, 1921в.

[2792] Голубев, 1926.

[2793] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 19, л. 21; РГВА, ф. 39454, оп. 4, д. 9, л. 12.

[2794] Боец и пахарь, 27.04.1921; Шанхайская жизнь, № 442, 15.04.1921.

[2795] Торновский, 1942.

[2796] Голубев, 1926, л. 176.

[2797] Sunderland, 2005.

[2798] Sunderland, 2005, с. 287.

[2799] См., например, Sunderland, 2005.

[2800] Волков, 2005.

[2801] Например, Веремеев, 2004.

[2802] Например, Шанхайская жизнь, № 408 (48), 03.03.1921; Вечер 01.08.1921; Красное Прибайкалье, № 81 (90), 24.08.1921, с.1; Кислов, 1931; Чойбалсан, 1961; Шишкин, 1957; Горький и др., 1960; Никифоров, 1963; Жуков и др., 1967; Молоков, 1991.

[2803] Например, АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 234; ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34.

[2804] Например, Майский, 1921; Сергеев, 1921; Советская Сибирь, № 129 (489), 25.06.1921; Галкович, 1928; Нацов, 1928; Абрамов, 1932; Рейхберг, 1936, 1940; Кунгуров, Сороковиков, 1946; Якимов, 1952; Юдин, 1959; Ким, Шабшина, 1967; Панин и др., 1975.

[2805] Майдар, 1988.

[2806] Дамдинсурэн, 2001б, 2002; Белов, 2001а, 2003.

[2807] Например, Рощин, 2005.

[2808] Кузьмин, 2006.

[2809] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[2810] РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 47, л. 19.

[2811] Мицута, 1944.

[2812] РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2213, л. 10–15.

[2813] АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 24–24об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 82–83.

[2814] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

[2815] Молодяков и др., 2007.

[2816] Заря (Харбин), № 139, 05.10.20, с.3.

[2817] Торновский, 1942.

[2818] РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2213, л. 10–15.

[2819] Известия, 01.04.1921.
[2820] Забайкальская новь, № 3557, 03.10.1920, с.4.
[2821] М. Тачибана, личн. сообщ.
[2822] Хитун, 1970.
[2823] 15–130 иен: Шумяцкий, 1921г. Эти расписки сейчас они хранятся в АВПРФ.
[2824] Мысль, 16.09.1921.
[2825] АРСС, дневник за май 1921 г., л.0168.
[2826] Голубев, 1926.
[2827] Новости жизни, № 80, 15.04.1921, с.2.
[2828] Перевод документов см.: Кузьмин и др., 2009.
[2829] Новое время, 05.06.1921.
[2830] Наш путь, Свет, № 433, 09.10.1920; 05.07.1921; Слово, 06.07.1921; Свет, № 604. 18.05.1921, № 694, 04.09.1921; № 646, 08.07.1921; Дальневосточная трибуна. 15.05.1921, 20.05.1921; 21.05.1921.
[2831] Например, Зарницы, № 17, 31.07.1921; Общее дело, № 365, 17.07.1921.
[2832] См. Сибирский красноармеец, № 11, 27.05.1921, с.3.
[2833] New York Times, 03.06.1921.
[2834] Вечерняя газета, 15.06.1921; Русский голос, № 318, 09.08.21; Слово, № 377, 12.08.1921; Свет, № 676, 13.08.1921, № 678, 16.08.1921; Набат, № 10, 26.08.1921.
[2835] Красное Прибайкалье, № 63 (72), 24.06.1921.
[2836] ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.
[2837] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–125; ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.
[2838] РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2213, л. 10–15.
[2839] Русский голос, № 202, 16.03.1921.
[2840] Greiner, 2007, с.25.
[2841] Кондаков, 2005.
[2842] Хитун, 1970.
[2843] Блохин, 1926.
[2844] Князев, 1942, с.14.
[2845] АРСС, большой дневник за 1921 г., л. 0182.
[2846] Кульбарсов, 1921.
[2847] Forbath, 1936.
[2848] Тепляков, 2007б.
[2849] Детали см.: Деятельность, 1919.
[2850] Свет, 08.06.1920.
[2851] Оссендовский, 1925; Волков Б.Н., Hoover.
[2852] Тепляков, 2007б.
[2853] Голубев, 1926; Князев, 1942.
[2854] Россия, 06.08.1921; Дальневосточный телеграф, № 37, 15.09.1921.
[2855] Балмасов, 2007.
[2856] Alioshin, 1941.
[2857] Семешко, 1921в.
[2858] См., например, Оссендовский, 1925.
[2859] Лаврентьев, 1925; Торновский, 1942.

[2860] Gilbert, 1921.

[2861] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

[2862] Россия, 07.08.1921.

[2863] Семешко, 1921в; Першин, 1933.

[2864] Першин, 1933.

[2865] Биографию см.: Гендунов, 2006; АВПРИ, ф. Китайский стол, 143, оп. 491, д. 571, л. 15. Волков, 1921, писал, что Цыбыктарова зарубили тупым топором по голове. В действительности, его неумело зарубил шашкой корнет Смиренский (Голубев, 1926).

[2866] Гендунов, 2006.

[2867] Голубев, 1926.

[2868] НТА, ф. 4, оп. 1, д. 27, с. 47.

[2869] Любимов, 2006.

[2870] Лаврентьев, 1925; Першин, 1933; Бурдуков, 1969; Даревская, 1997 и др.

[2871] Даревская, 1997.

[2872] Даревская, 1997; Россия, 14.06.1921.

[2873] «Доктор Ли» у Макеева, 1934.

[2874] Макеев, 1934; АРСС, большой дневник за 1921 г., Reel 1–1305, sheets 446–448.

[2875] Часто неверно пишут «Олсен». Э.В. Олуфсен родился в Копенгагене, и при царе отправился в Сибирь искать счастье (Haslund, 1934). После революции его молочная ферма досталась большевикам. Он ушел в Китай, где получил назначение в датско-американскую фирму Андерсен и Мейер. Он работал в отделении этой фирмы в Урге, управлявшемся Ларсоном. В 1920 г., когда Ларсон уехал в США, он остался единственным управляющим там.

[2876] Семешко, 1921в.

[2877] Haslund, 1934.

[2878] РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

[2879] Советская Сибирь, № 201 (561), 18.09.1921, с.3.

[2880] Першин, 1933 (цит. по изд. 1999, с.151-152)

[2881] Семешко в «Шанхайской жизни» от 23 и 24 августа 1921 г. напечатал список из 376 человек, казненных в Даурии и Маккавеево по приговорам военно-полевых судов с 1918 по 1920 г. По нему нельзя определить, кто был убит именно при Унгерне.

[2882] По показаниям генерала Шильникова, расстрелян из мести прапорщиком Борщевским: Катанаев, 2005.

[2883] Это максимальная цифра; есть данные, что убито было немногим более 60 человек.

[2884] Волков Б.Н. приводит гораздо меньшие цифры: в Урге и Улясутае погибло 36 русских и 1 датчанин (Hoover, Collection title: Boris Volkov (микрофильм), Box no.: 15; Folder no.: 9, p. 126–127).

[2885] Златкин, 1957, с.167.

[2886] Сокольницкий, 1933; Майский, 1959.

[2887] См. Рейхберг, 1940; Гольдман, 1953; Хромов, 1987; Кларов, 1990; Литвин, 1993; Данилов, Когулина, 1995.

[2888] Например, Кара-Мурза, 2003.

[2889] Ленин, 1967, с.7.

[2890] Ленин, 1968, с.47–48.

[2891] Литвин, 1993.

[2892] Троцкий, 1925.

[2893] Шабанова, 2004.

[2894] Волков С.В., 2005.

[2895] Сейчас Алматы.

[2896] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 201.

[2897] АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 220.

[2898] Евреи преобладали в первом Политбюро (4 из 7 членов), стояли во главе Красной армии (Троцкий), ВЦИК (Свердлов), Москвы и Петрограда (Зиновьев и Каменев), Коминтерна (Зиновьев), Профинтерна (Дридзо-Лозовский) и Комсомола (Рывкин, Шацкин, Цетлин); большинство авторов не отрицают организующую роль евреев в большевизме (Солженицын, 2001).

[2899] Солженицын, 2001.

[2900] Магсаржав, 1927, с.207–210.

[2901] Текст см.: Известия ЦК КПСС, № 6, 1989, с.177–178.

[2902] Hoover, Boris Volkov, мирофильм, box 15; folder 9, p.125–125об.

[2903] Б.В. Соколов, 2007, приводит слова Волкова о полном истреблении еврейского населения Урги — 368 чел. В архивных материалах Волкова такую цифру мне найти не удалось. Список Волкова и другие документы опровергают это, а вывод Соколова о «практически поголовном» истреблении евреев в Даурии (цит. соч., с.69, 112) ничем не подтвержден.

[2904] Лиштованный, 2001, с.86.

[2905] Например, Время, № 161, 01.08.1921; Веллер, Буровский, 2007.

[2907] Шехтман, 1932.

[2908] Симанович, 2005.

[2909] Волков Б.Н. Hoover.

[2910] Торновский, 1942.

[2911] Подробнее см.: Кузьмин, 2010.

[2912] Белов, 1999, с.191.

[2913] Голубев, 1926.

[2914] Коростовец, 1996, с. 269.

[2915] Рахимов, 1968.

[2916] См. Лузянин, 2003.

[2917] http://levking.ru/gbs.htm.

[2918] Рахимов, 1968, с.74.

[2919] А.А. Нератов — товарищ (заместитель) министра иностранных дел.

[2920] По-видимому, ответ был в целом положительным, так как Унгерн некоторое время был в Кобдосском отряде офицером вне штата.

[2921] Судя по почерку, это письмо написал Г.А. Козаков.

[2922] В АВПРИ есть копии телеграмм Любы №№ 1053 и 1055, причем они расположены на одной странице и, по смыслу, данный ответ относится к ним.

[2923] Следовательно, Р.Ф. Унгерн старался получить разрешение на службу в монгольских отрядах еще по дороге в Кобдо — в российском консульстве в Нийслэл-хурэ.

[2925] Автор не установлен. Судя по тексту, это один из белых офицеров, членов комиссии генерала Войцеховского по расследованию преступлений офицеров Унгерна в Даурии.

[2926] Может быть, родственник Е.М. Ярославского (М.И. Губельмана), будущего обвинителя на процессе коммунистов против Р.Ф. Унгерна?

[2927] Тибетский буддизм школы Гэлуг.

[2928] Написано на бланке телеграфа японского императорского правительства, почерк не Унгерна. Последний не собирался наступать по Амуру и от Хайлара. Судя по мемуарам В.И. Шайдицкого, его Унгерн, уходя в Монголию, назначил своим представителем при Семенове. Известно, что после этого Шайдицкий с Унгерном не встречался. Это не послание Унгерна Семенову, а наоборот: послание Семенова Унгерну. В этой папке, судя по сведениям из Гуверовского архива, других писем нет.

[2929] Это оригиналы указов по каждому награждаемому, на основании которых был составлен и опубликован общий указ о награждении Унгерна и его подчиненных (см. ниже). Каждый из оригиналов написан на рисовой бумаге, заверен сверху красной личной печатью Богдо-гэгэна. Желтого шелка нет. Очевидно, это заверенные копии для канцелярии, а написанные на шелке оригиналы отданы награждаемым. В том же фонде YTA есть указы о награждении Найдан-гуна и жены Жамболона (З. Лонжид, личн. сообщ.).

[2930] Джанджин (рус. транскрипция монг. слова жанжин) — полководец, военачальник (от маньчжурск. звания цзянцзюнь).

[2931] Дархан (неприкосновенный) — звание, освобождавшее от податей, повинностей и телесных наказаний. хошой-чин-ван — титул монгольского князя первой степени, ханской крови, женатого на маньчжурской принцессе или княжне. Чин-ван, жун-ван — монгольская транскрипция маньчжурских титулов цинь-ван и цзюнь-ван.

[2932] Курма (монг.: хурэм) — куртка, надевающаяся поверх одежды, застегивающаяся посредине груди, с короткими и широкими рукавами.

[2933] Баатар (монг.) — герой, богатырь.

[2934] Т.е. потомственные права и титул.

[2935] Т.е. личную печать Богдо-гэгэна.

[2936] 1921 г.

[2937] В РГВА и АВПРФ есть перевод из архива Азиатской дивизии (издание указа – 22 февраля, копии – 4 марта), в YTA – две рукописных копии, предположительно 1921 г. Одна из них с переводом дана в этой книге. По смыслу текст близок к переводу из РГВА, но есть ряд отличий. Вторая копия (YTA, ф. A3, оп. 1, д. 1149, свиток 5) заметно отличается от этой: в ней нет преамбулы и строки о присвоении Унгерну степени хана (видимо, эта часть утрачена или не переписана), но есть строки о присвоении Тогтохо-бэйсэ титулов бэйлэ и чин-ван, трехочкового павлиньего пера. Датировка отличается (8 февраля).

[2938] По григорианскому календарю — 22 февраля 1921 г.

[2939] В буддизме — драгоценность, исполняющая все желания.

[2940] Держащий ваджру.

[2941] Кяхтинское соглашение 1915 г.

[2942] Три Драгоценности — Будда, Дхарма и Сангха. В молитве буддийского Прибежища к ним добавляется Наставник (тиб.: Лама).

[2943] Имеются в виду божества-охранители религии (монг.: сахиус).

[2944] Описываются события в районе Харухын-гола и Толы.

[2945] Это послание написано, очевидно, весной 1921 г., когда Хас-батор, в нарушение указаний монгольского правительства, перешел на сторону красных и стал командиром одного из полков, формировавшихся Сухэ-батором. Командиром 2-го конного полка Азиатской дивизии тогда был есаул Хоботов. Волков, 1921, писал, что Хоботов был малограмотным. Из текста послания это не следует, хотя заметен своеобразный стиль, даже несмотря на обратный перевод. Однако политические оценки довольно точны. Очевидно, Хас-батор получил монгольский перевод послания, передал его красным, а те сделали обратный перевод на русский.

[2946] То есть к китайцам и белогвардейцам.

[2947] Этот циркуляр был составлен Унгерном в ответ на приведенное выше воззвание МНП о борьбе с белыми. По-видимому, Унгерн знал о том, что члены МНП недостаточно понимали идеологию и цели Коминтерна. В РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 26–27 есть другой русский перевод с некоторыми неточностями.

[2948] Далее идет текст циркуляра министерства внутренних дел монгольского правительства о борьбе против временного народного правительства от 28 марта 1921 г. (опубликован в кн.: Кузьмин, 2004).

[2949] Утвердительная грамота на Высочайше присвоенные звания для этих трех человек, видимо, выдана 10-го дня нового месяца 11-го года (YTA, ф. A3, д. 1, л. 1149 5р), но сама грамота не сохранилась (Ц. Лонжид, личн. сообщ.).

[2950] Это копия распоряжения, захваченного красными. Особое внимание к муке и зерну связано с тем, что русские, в отличие от монголов и бурят, были непривычны к мясной диете в Монголии.

[2951] Ж. Жамболон.

[2952] Деревня.

[2953] Ж. Ванданов.

[2954] Безродный.

[2955] Унгерна.

[2956] Звание чиновника шабинского ведомства.

[2957] Напечатан в русско-монгольской типографии в Урге, на папиросной бумаге, черным мелким шрифтом, форматом 26 x 20 см, по одной странице на лист, всего 10 страниц; есть следы брошюровки тремя железными скобками. Именно этому изданию Б.Н. Волков (Новости жизни № 189, 28.08.1921, с.2) дал такую оценку: в мае 1921 г. печаталась «в тысячах какая-то сумбурная брошюра, плод коллективного творчества (сам Унгерн принимал большое участие), выборки из Священного писания. Основная мысль брошюры непонятна, быть может, доказать на основании Священного писания конец мира, быть может, тождество большевизма с Антихристом, или необходимость избиения "жидов"... Перед самой сдачей Урги было приказано перепечатать (конечно, в тысячах экземпляров) какую-то лубочную погромную брошюру». До наших дней, по-видимому, сохранился лишь этот экземпляр. На последней странице — печать отряда Н.Н. Казагранди и его подпись (то есть это из канцелярии его отряда). Текст состоит в основном из цитат из Библии, предваряемых ссылками. Эти цитаты я здесь опускаю для экономии места — их можно найти по ссылкам (точность ссылок я не

выверял). Ссылки для экономии места я ставлю подряд, но в оригинале каждая цитата дана отдельным параграфом, а ссылка — как заголовок к ней.

[2958] Все, что выброшено из приводимого текста — вставки редакции газеты.

[2959] Подлинность и легитимность этого указа сомнительны: издав его, МВД вместе с правительством Богдо-хана в тот же день сложило свои полномочья в пользу временного народного правительства. Из мемуаров известно другое: по указанию Богдо-гэгэна монголы помогали отступающим белым, а после расстрела Унгерна в Урге были отслужены траурные молебны. Если Богдо-хан и подписал такой указ, то это было сделано под угрозой силы. В тексте фигурными скобками обозначены вставки редакции газеты.

[2960] Протокол допроса барона Р.Ф. Унгерна в Троицкосавске; по-видимому, без конца. Частично этот протокол публиковался неоднократно: до вопроса № 9 — Кузьминым, 2004, с.205–208, до вопроса № 18 — в газете «Новости жизни», № 216, 01.10.1921, с.2, до вопроса № 17 — в «Шанхайской жизни», № 586 (226), 06.10.1921. Здесь я опускаю часть, опубликованную мною ранее (Кузьмин, 2004, с.205–208).

[2961] В оригинале — «Хатики Ямо».

[2962] По-видимому, надо читать 16/IX-21 г.

[2963] В действительности 1921 г. — хотя здесь и ниже Торновский пишет 1920 г. Отмечу, что в мемуарах Блохина также вместо 1921 г. почти везде указан 1920 г.

[2964] В действительности в августе 1921 г.

[2965] По-видимому, это наиболее достоверные сведения об отряде А.И. Шубина. В целом, они согласуются с тем, что писал об этом отряде в своих мемуарах Блохин.

[2966] Это рукописная запись сведений, полученных красными, как указано, от пленного бойца отряда Казагранди. Это, очевидно, обобщение нескольких допросов: собственноручные показания Бобкова (РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 243–243об.) несколько отличаются. Они более краткие, в них содержатся дополнительные сведения: Бобков бежал в Монголию в июне 1920 г.; Казагранди получил приказ Унгерна наступать на Иркутск вместе с отрядами Шубина, Казанцева и Кайгородова; идя на Хатхыл, отряд свернул на северо-восток — очевидно, на Тунку; в отряде было 1 орудие и 200 снарядов; массовое дезертирство началось после расстрела Казагранди Сухаревым, офицеров и солдат осталось 200–250 чел.; Сухарев ведет отряд на юго-восток; пулеметы — Максима и Кольта (а не Шоша).

[2967] В действительности, победа была за Казагранди, но затем его отряд ушел на юг.

[2968] В оригинале — «Бекен-Морин».

[2969] Центросоюз.

[2970] Сарыл-гун-хурэ.

[2971] На этом документ обрывается.

[2972] Цэрэнпил-гун был секретарем (бичеч) в хошуне Ачиту-вана Цэцэнханского аймака. В японском архиве есть сведения, что его отправили в качестве посланника от Джебцзундамба-хутухты. 30 ноября 1922 г. он с двумя другими людьми явился в японское консульство в Харбине, дал это письмо и просил визу. Но визу он не получил, а прошение консул отправил в Японию 3 декабря. 23 января 1923 г. была отправлена телеграмма, в которой было объяснение, почему не выдана виза. Через некоторое время они опять пришли и объяснили, что прибыли по указу Джебцзундамба-ху-

тухты из Хурэ, и, если нельзя поехать в Японию, то они принесут письмо с переводом на китайский язык. Больше они не приходили и, по слухам, уехали в Тяньцзин, а потом в Харбин. Куда они направились дальше, неизвестно.

[2973] Перевод текста этого жизнеописания опубликован в кн.: Барон Унгерн в документах и мемуарах, 2004 (А. Грайнер. Унгерн-Штернберг: жизнеописание ([A. Greiner]. Roman Baron Ungern-Sternbergs Lebensgeschichte. — Eesti Ajalooarchiv, Bibliothek des Ungern-Sternberg-Archivs, fond 1423, nimitsu 1, sailik 192, leht 1–13 (14–24). В переводе есть неточности. Фамилия матери Р. Унгерна — С.Ш. Вимпфен (не Вампфен); в тексте написано А.В. Грайнер, а не Ф.В. Грайнер; пропущено, что жена Унгерна — принцесса Цзи была дочерью князя Пун-Цзи. Текст датирован 9 января 1929 г. Машинописный вариант (с.14–24) подписан: А. Унгерн-Штернберг. Следовательно, автором является не Грайнер, а кузен Р.Ф. Унгерна — Арвид фон Унгерн-Штернберг. Приводимые здесь два письма — дополнения и уточнения к этому тексту.

[2974] Лохья (Lojo) — городок в южной Финляндии.

[2975] В том же архивном деле имеются две страницы с карандашной правкой (Eesti Ajalooarchiv, Bibliothek des Ungern-Sternberg-Archivs, fond 1423, nimitsu 1, sailik 191, leht 5–6). Эта правка полностью учтена в цитированной выше биографии Р.Ф. Унгерна. Правка, в основном редакционного характера. Кроме того, выброшена фраза: «В 1891 г. в результате развода его родителей и повторного брака его матери в 1894 г. с бароном Оскаром Гойнинген-Гюне-Ервакантом, он [Роман] рос в доме последнего».

[2976] В упомянутых выше мемуарах об этом сказано: «Этот штаб располагался в имении фон Ковеля. При каждом удобном случае генерал говорил окружающим, что штаб посетит высокопоставленное лицо. На вопрос Лютера вахтенный офицер ответил, что это лицо — Роман Унгерн-Штернберг со своими казаками, прибывающий для командования разведкой. Уже в первый день после приезда генерал Леонтович сказал за столом, что в их кругу появился предатель и бросил еще несколько резких слов в адрес барона. Роман Унгерн вел себя как ни в чем ни бывало. Едва накрыли стол, как он обратился к генералу со словами: «Генерал, повторите, что Вы сказали», дал ему несколько пощечин и вышел из комнаты. Все присутствующие офицеры, не говоря уже о самом генерале, схватились за оружие. Придя в себя, Леонтович тотчас отдал приказ об увольнении барона. Но поскольку тот был георгиевским кавалером, его не отдали под военный трибунал, однако золотую саблю Георгия, к которой он был представлен, Унгерн так и не получил.» Этот случай, по-видимому, был связан с тем, что родственник Р.Ф. Унгерна был арестован и выслан в Сибирь по обвинению в шпионаже в пользу Германии (дело Мясоедова).

[2977] Имеется в виду немецкое издание книги. Позже вышло русское издание (Коростовец, 2003).

[2978] Это не совсем точно (см. Кузьмин, Рейт, 2008).

[2979] В действительности п. Култук находится у западного побережья Байкала.

[2980] В ГАРФ этот текст числится под названием: «Поздняков Д.И. Воспоминания (Д.П. Першин) Барон Унгерн». В описи материалов этого фонда Першин ошибочно указан как «Гаршин», но в самих мемуарах написан верно. Вероятно, с этой ошибкой и связано то, что данный текст не был использован при известном издании рукописи Першина (1933, изд. 1999 г.).

Подробное описание событий в Хатхыле и некоторых других русских факториях в Монголии в период вступления в Монголию Унгерна сделано Першиным по собственным наблюдениям и рассказам очевидцев. Текст автор писал, находясь в Ванхурэ, но позже (видимо, до перепечатки) делал вставки. По-видимому, это материалы к рукописи «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак». На обертке рукописная надпись: «? добавление к рукописи Д.П. Першина «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак» — 2 экз. от Позднякова [неразборчиво] хран. инв. № 284 ([неразборчиво] Серебренникова) 1936 г. Получено от Позднякова 1/ИИ-1929 г. карт. № 959 от 22.V.1929. В конце — печать: русский заграничный исторический архив представитель Д.И. Поздняков Харбин-Пристань, Почт. отд. ящ.263, и рукописный текст: Предст. Архива и подпись. В тексте подстрочные примечания Першина.

[2981] Можно полагать, что о предположениях относительно Монголии вряд ли когда появятся документы, исходящие из прежней Читы, но барон Унгерн подчеркивал свое подчинение атаману Семенову, а после уже взятия им Урги запечатлел это подчинение в одном из своих приказов, оказавшемся опубликованным даже в газете во Владивостоке во время правительства Меркулова (прим. Першина).

[2982] По делам отряда впоследствии оказалось, что единственная цель барона была — со стороны Монголии «идти на Русь против красных, причем, находясь в Монголии, барон не знал о полном крушении генералов Врангеля и Юденича (узнал об этом он в Урге из случайно доставленной ему одной газеты). Но, с другой стороны, весьма возможно, что цели похода были и иные, и лишь обстоятельства так быстро заставили соприкоснуться с красными войсками, или опьянение успехом (прим. Першина).

[2983] В действительности, есаул.

[2984] В оригинале — везде «Желудинская».

[2985] В оригинале — везде «Косогол».

[2986] Нельзя думать, что было много, но какая-то не поделенная «казна» была, которую как-то ликвидировали Гей к Казагранди, отряд получил все материальные запасы (их было очень немного). Причиной гибели того и другого — Гея и Казагранди — по распоряжению Унгерна впоследствии, или одной из причин — была «казна». Нельзя быть уверенным, но возможно, что это были деньги хубсугульской эпопеи, находившиеся у Гея и Казагранди (прим. Першина).

[2987] Как известно относительно дела барона Унгерна в Монголии, упомянутые выше лица в разное время и разными способами погибли: Гей и полковник Казагранди были убиты в Монголии распоряжением Унгерна (собственно, неточный слух о Казагранди передает, что убит он был П. Сухаревым лишь с ведома полковника Архипова); полк[овник] Архипов также был расстрелян; о атамане Перфилии Сухареве передают, что он, уже после краха, отступая в пределы Маньчжурии, отстреливался из-за стога сена от китайцев-солдат, и двумя последними пулями убил следовавшую с ним женщину в качестве жены и себя; барон Унгерн был расстрелян советской властью в Новониколаевске по постановлению трибунала.

Многие, конечно, из войск Унгерна, в частности из описанного отряда, после умопомрачительных приключений, в которые в мирной обстановке человеку как-то и не верится, выбрались из всей «каши» и сейчас осели в разных пунктах земного шара,

преимущественно на Дальнем Востоке. Но из упомянутых лиц более или менее благополучно прибыли на Дальний Восток: полковник Васильев, в сущности, в делах отряда принимавший участие поскольку это было надо по побуждении живота; прапорщик Мишустин, по прибытии в Харбин отделавшийся переселением в Канаду, куда и отбыл; полковник Маклаков с Плевако (атаманом Корюковым) вышли в тогдашнее ДВР, о них слышать ничего не приходилось.

Печальную участь получил однажды здесь упомянутый штабс-капитан Н.И. Жмурко: он в числе других, ни в каких отрядах не состоя и соприкасаясь, был схвачен китайским отрядом в [неразборчиво] и, полузамученный, как и двое других, издевательствами и пытками, застрелен. Пришедшая группа полковника Казагранди в снегу нашла только обглоданные волками трупы и предала земле в [неразборчиво] же.

Части Унгерна и всех других отрядов потерпели громадные потери убитыми в Монголии китайцами, а большинство русскими красными; часть ушла в Россию пленными, немногие — добровольно и полулегально (последних было очень немного и попадали они главным образом в Троицкосавск; от непосредственных репрессий к ним со стороны властей их выручило то — по крайней мере на первое время — что в Троицкосавск явились как лица, выехавшие из Монголии и пострадавшие там от нашествия генерала Унгерна; в этом отношении им первую легализацию сделал уполномоченный комиссариата иностранных дел Макстенек, посланный в Ургу но, ввиду происходящих событий, осевший в Троицкосавске); часть с большими трудностями вышла в Маньчжурию и Приморье во время правительства Меркулова; часть вышла на Калган и распылилась по Тяньцзину, Пекину, Шанхаю и прочим местам; часть достигла этих же мест, но проделав громадный путь через Урумчи, Западный Китай, Ханькоу; многим из них пришлось доказать, что пустыню Гоби можно пройти пешком и почти без верблюдов. (Позднейшее примечание) (прим. Першина).

[2988] Н. Магсаржав-гун — учитель монгольской литературы Богдо-гэгэна VIII, известный чиновник, первый министр юстиции народного правительства Монголии. В 1925–1927 гг. он написал историю Монголии в 6 томах и 8 частях, впоследствии она была переписана кириллицей и напечатана небольшим тиражом.

[2989] Монг.: Өндөр.

[2990] Очевидно, коммерсант Носков, которого монголы называли «орос черт» (русский черт) за то, что дела с ним приводили в кабалу. Убит из семьи был один М.Л. Носков.

[2991] Перевод см. выше: раздел «Документы».

[2992] Как указывалось (см. «Предисловие»), достоверность этих записок в целом низкая. Собственные наблюдения Блохина относятся только к периоду от взятия Урги до ухода белых в Китай. Хотя Блохин сообщал, что много раз был в Монголии раньше и хорошо ее знает, эти познания поверхностны. Например, жену «монгольского бога» Хутухты он называл «богородицей», путал буддийских монахов с шаманами и т.п. Блохин писал, что Унгерн ему очень доверял, поэтому он все знает. Но в тексте масса ошибок и догадок, а большинство описаний сделано явно с чужих слов. Автор старался выставить Унгерна в наихудшем свете. Характерно повышенное внимание Блохина к пыткам и половым вопросам. Много «документов» и прямой речи, которые не соответствуют подлинникам (яркий пример — приказ № 15). Годы и даты ча-

сто перепутаны. Данные о численности воинских частей, боевых потерях и т.д. почти всегда преувеличены примерно на порядок.

Автор пишет о себе, что он — сын богатого скотопромышленника, служил в армии Колчака; попал в плен; бежал в Монголию; есаул, служил сначала в отрядах Казагранди, Шубина и Неуловимого, затем — Унгерна. Есаул Блохин известен из материалов Оссендовского (Ossendowski. Raport...). По Оссендовскому, этот Блохин внес разложение в хатхылский отряд Казагранди, затем сбежал, во время событий в Улясутае дискредитировал офицеров в глазах солдат.

Рукопись представляет собой 3 чешских школьных тетрадки и вложение из нескольких страниц и карт. В начале — надпись архивиста ГАРФ: «Блохин. С 1918 г. служил в армии Колчака, участвовал в боях против Красной армии в отряде генерала Унгерна в Монголии и Сибири в 1920–1921 г. Белоэмигрант. Рукопись /Блохина/ «боевые операции барона Унгерн-Штернберга». б.д. /1926 г./». Текст рукописный, читается трудно. Писавший — человек малограмотный, отсюда многочисленные ошибки (мной исправлены).

По возможности, стиль автора сохранен (перестроены только совершенно неудобочитаемые фразы). Рукопись печатается со значительными сокращениями: то, что известно из других мемуаров; карты (общие схемы боевых операций Унгерна и других белых отрядов в Монголии); длинные описания пыток; разговоры разных лиц (прямая речь) и недостоверные дословные тексты писем и приказов.

[2993] Сведения об А.Н. Пепеляеве сильно искажены.

[2994] Возможно, подобные сведения послужили основанием для казни Гея по приказу Унгерна — последний на допросе сказал, что Гей был аферистом.

[2995] Из неопубликованной рукописи Торновского, в которой автор сделал попытку описать историю развития России преимущественно в азиатском направлении. Эту рукопись в свое время сочли антисоветской, и она стала одной из причин ареста Торновского. В настоящее время рукопись хранится в ГОПАПО.

[2996] Опечатка: должно быть — Селенги.

[2997] МНР не входила в состав СССР.

Источники

Архивы и музеи[1]

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва.
АВПРФ — Архив внешней политики Российской федерации, Москва.
АРСС — Адзиа рэниси сирйо сэнта (Japan Center for Asian Historical Records), Токио.
Архив востоковедов С.-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Санкт-Петербург.
Булган хотын музей, Булган.
БХТА — Батлан хамгаалахын төв архив, Улан-Батор.
ГАИО — Государственный архив Иркутской области, Иркутск.
Гандантэгчинлин хийд, Улан-Батор.
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск.
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва.
ГАЧО — Государственный архив Читинской области, Чита.
ГМСИР — Государственный музей современной истории России, Москва.
Государственная публичная научно-техническая библиотека, Новосибирск.
Государственные архивы документов по личному составу Республики Бурятия, Иркутской, Новосибирской и Читинской областей.
Государственный архив новейшей истории Иркутской обл., Иркутск.
Государственный архив Приморского края, Владивосток.
Государственный архив Томской области, Томск.
Государственный архив Хабаровского края, Хабаровск.
Государственный исторический музей, Москва.
Дворец-музей Богдо-гэгэна, Улан-Батор.
Институт востоковедения РАН, Москва.
Иркутский областной краеведческий музей, Иркутск.
Кяхтинский краеведческий музей, Кяхта.
Личный архив Веры Хатчер, США.
Минусинский региональный краеведческий музей им. Мартьянова, Минусинск.
МСА — Монголын санхуугийн архив, Улан-Батор.
МТМ — Монголын туухийн музей, Улан-Батор.
Музей истории Бурятии им. Хангалова, Улан-Удэ.
Музей истории Сибирского военного округа, Новосибирск.

---

[1] Указаны все, где проведены поиски или получены ответы на запросы о наличии или отсутствии материалов по Р.Ф. Унгерну.

МЦР — Музей-центр Рерихов, Москва.
Национальный архив республики Бурятия, Улан-Удэ.
Новосибирский городской архив, Новосибирск.
НТА — МАХН-ын баримтын төв архив, Улан-Батор.
РГАВМФ — Российской государственный архив военно-морского флота, С.-Петербург.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.
РГАСПИ — Российский государственный архив социальной и политической истории, Москва.
РГВА — Российский государственный военный архив, Москва.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва.
Региональные управления ФСБ по Иркутской и Новосибирской областям.
Российский государственный архив кинофотодокументов, Красногорск, Московская область.
Российский государственный архив новейшей истории, С.-Петербург.
Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, Владивосток.
Российский государственный исторический архив, С.-Петербург.
Русское Зарубежье (фонд и библиотека), Москва.
Собрание М.Ю. Блинова, Москва.
Сэлэнгэ аймгийн музей, Алтан-Булак.
УТА — Үндэстний төв архив, Улан-Батор.
УТА: КГДТ — Кино, гэрэл дураг дуу авианы баримтын төвоос, Улан-Батор.
УФСБ по Иркутской обл., Иркутск.
УФСБ по Новосибирской обл., Новосибирск.
УФСБ по Омской обл., Омск.
Центральный архив Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ, Москва.
ЦМВС — Центральный музей вооруженных сил, Москва.
Читинский областной краеведческий музей им. А.К. Кузнецова, Чита.
Central Tibetan Administration, Дхарамсала.
Eesti Ajalooarchiv, Bibliothek des Ungern-Sternberg-Archivs, Таллин.
Hoover — Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Стэнфорд, Калифорния.
IMHAS — Institute of Modern History, Academia Sinica, Тайбэй.
Muzeum Literatury, Варшава
Russian Center, Сан-Франциско.

Газеты

Амурская правда (Благовещенск)
Аргументы факты Сибирь (Новосибирск)
Ардын цэрэг (Улан-Батор)
Ардын эрх сонин (Улан-Батор)
Боец (Чита)
Боец и пахарь (Чита)
Бюллетень МОНТА (Урга)
Вечер (Владивосток)
Вечерняя газета (Владивосток)
Владиво-Ниппо (Владивосток)
Власть труда (Иркутск)
Военная мысль (Харбин)
Возрождение Азии (Тяньцзин)
Воля России (Прага)
Восточная окраина (Чита)
Восточно-Сибирская правда (Иркутск)

Вперед (Харбин)
Время (Берлин)
Голос труда (Владивосток)
Дальневосточная правда (Чита)
Дальневосточная республика (Верхнеудинск, затем Чита)
Дальневосточная трибуна (Владивосток)
Дальневосточный телеграф (Чита)
Дружба народов (Харбин, Фуцзядян)
Забайкальская новь (Чита)
Забайкальский рабочий (Чита)
Зарницы (Константинополь)
Заря (Урга)
Заря (Харбин)
Зууны мэдээ (Улан-Батор)
Известия (Москва)
Ил товчоо сонин (Улан-Батор)
Иркутский рабочий (Иркутск)
Казачье эхо (Чита)
Комсомольская правда (Москва)
Красная звезда (Москва)
Красное знамя (Владивосток)
Красное Прибайкалье (Верхнеудинск)
Красный пахарь (Иркутск)
Литературная газета (Москва)
Маньчжурия (Харбин)
Монголын Үнэн (Иркутск)
Мысль (Владивосток)
Набат (Владивосток)
Накануне (Берлин)
Народная воля (Владивосток)
Наш путь (Владивосток)
Независимая газета (Москва)
Новое время (Белград)
Новое русское слово (Нью-Йорк)
Новости жизни (Харбин)
Новости Монголии (Улан-Батор)
Новый путь (Рига)
Общее дело (Париж)
Понедельник (Харбин)
Последние новости (Париж)
Правда (Москва)
Прибайкалье (Верхнеудинск)
Последние известия (Ревель)
Последние новости (Париж)
Прибайкальская правда (Верхнеудинск)
Россия (Харбин)
Русский голос (Харбин)
Русское обозрение (Пекин, Харбин)
Русское эхо (Шанхай)
Свет (Харбин)
Сибирский красноармеец (Омск)
Слово (Владивосток)
Советская власть (Чита)
Советская Россия (Москва)
Советская Сибирь (Омск, Новониколаевск)
Сумерки (Владивосток)
Үнэн (Улан-Батор)
Ургинская газета (Урга)
Уриа (Урга)
Утро России (Владивосток)
Хураангуй сэтгуул (Улан-Батор)
Шанхайская жизнь (Шанхай)
Manchuria Daily News (Дайрен)
New York Times (Нью-Йорк)
North China Herald (Шанхай)
Peking Daily News (Пекин)

Мемуары, сборники документов, литература и интернет-источники

Абеленцев В.Н. 2005. Председатель Восточного казачьего союза генерал Е.Г. Сычев. – Альманах Белая гвардия, № 8: Казачество России в Белом движении. М., с.292–301.

Аблова Н.Е. 2004. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М.: Российская панорама.

Абрамов З. 1932. Японская оккупация на Дальнем Востоке. — Историк-марксист, № 1/2, с.117–124.

Абрамсон М. 1922. Политические общества и партии в Китае. — Новый Восток, № 1, с.208–223.

Агалаков В.Т. 1980. Венгерские интернационалисты в борьбе за власть советов в Восточной Сибири. — В кн.: Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922 гг. М., с.45 — 54.

Адгоков [Турунов] А. 1923. Потери гражданской войны по Селенгинскому аймаку Бурят-Монгольской автономной области. Иркутск: изд. Селенгинского аймачного исполкома.

Азиатская Россия. Т. 1. 1914. С.-Петербург: товарищество А.Ф. Маркс.

Акунов В.В., Кузнецов Н.А. 2004. Белый бог войны: барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг и Азиатская конная дивизия. — Доброволецъ, № 2, с.19–27.

Альтман А., Баабар Б., Бордюгов Г., Пилюгина Г., Серова О. (ред.-сост.). 2009. Халхин-гол 1939–2009. М.: РИА Новости.

Андреев А.И. 2006. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПБ: СПб унив. — Нартанг.

Андросов В.П. 2006. Учение Нагарджуны о Срединности. М.: Восточная литература.

Аничков В.П. 1998. Екатеринбург — Владивосток (1917–1922). М.: Русский путь, с.291–294.

[Аноним. О бароне Унгерне]. Рукопись, очевидно, скопированная из личного архива В.И. Юдина.

Антонов В. 2007. Командир ОМСБОНа Вячеслав Гриднев — чекист-оперативник, пограничник, разведчик. — Независимая газета, 22.07.2007.

Антонов В., Карпов В. 2003. Тайные информаторы Кремля-2. С них начиналась разведка. М.: Олма-Пресс.

Б.М. 1921. Барон Унгерн и его план борьбы с революцией. — Вестник НКИД, № 9–10, с.82–93.

Бадарчи О.С., Дугарсурэн Ш.Н. 2000. Богд хааны амьдралын он дарааллын товчоон. Улаанбаатар: Хаадын сан.

Бадамхатан С. (ред.) 1987. Халхын угсаатны зуй. Т. 1. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.

Базаржапова Ц.Г. 2003. Селенга: история и современность. Гусиноозерск. — http:/gusbibl.narod.ru/sitebiblioteka/ukazatel/ukazatel.htm.htm.

Базаров Б.В. 2002. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: изд. Бурятского научного центра СО РАН.

Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. 2008. К проблеме суверенитета Монголии после революции 1921 года. — Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, с.41–50.

Базаров Б.В., Цибиков Б.Д., Очиров С.Б. (сост.) 1998. Эльбек-Доржи Ринчино о Монголии. Улан-Удэ.

Баженов А. 1941. Три недели на Кавказском фронте. — В кн.: Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. Вып. 2. Время Великой войны (1914–1917 годы). Харбин.

Байкалов К.К. 1932. Разгром банды Кайгородова. М.–Иркутск.
Балдано М.Н. 2005. Идея создания единого монгольского государства как проект - циестроительства. — В кн.: Монгольская империя и кочевой мир, вып. 2. Улан-У с.76–286.
Балжиргарам Б. (сост.) 1980. Эх орноо харийн дайснаас бурэн Чулуулсун нь (бар тын эмхтгэл) 1920–1924. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.
Балмасов С.С. (сост.) 2006. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг Посев.
Балмасов С.С. 2007. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Цонтрполит
Банзаракчи. 1928. Многочисленные преступления и ошибки монгольских сановн князей, чинов и простолюдинов, совершенные во время великих мировых Монгольская революционная пьеса-хроника на злобу дня в четырех дейст (пер. с монг. А. Бурдукова). — В кн.: Сибирские огни 1. Новосибирск, с.126–
Банзрагч Б. [2009.] Мэхт мэхэндээ. — http://www.gia.gov.mn/?dazo= literaturefull&literid=5.
Барон Унгерний тухай кино хийх хунд зориулсан бэоэн «хоол». 2010. — Зууны мэ № 66 (3444), 23.03.2010.
Батсайхан О. (сост.) 2006. Цэрэнпил гунгийн хэргийн тухайд. Улаанбаатар: Бит пр
Батсайхан О. 2007а. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос Монгол гурван у 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916). Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх аны Академи.
Батсайхан О. 2007б. Монгол ундэстэн бурэн эрхт болох замд (1911–1946). Улаа атар: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи.
Батсайхан О. 2007в. Барон Унгерн — Монгол улсын баатар болох нь. — . http:/ www.tsahimurtuu.mn/main/20070411577.htm.
Батсайхан О. 2008. Монголын суулчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба. Улаан тар: Адмон.
Батсайхан О. 2009. Монголо-русское соглашение 1912 г. — Восток, № 3, с.60–69.
Батсайхан О. 1911. Встречи И.В. Сталина с монгольскими руководителями 1932–1 годов как подготовка к Халхин-голу. — Восток (в печати).
Батсайхан О., Кузьмин С.Л. 2008. Основания современной монгольской государст ности. — Олон улс судлал, № 2, с.68–86.
Баттогтох С. 1991. Нууц хуйвалдаанас нугалаа завхралд. Улаанбаатар.
Батуев Б.Б. 1977. Борьба за власть советов в Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское книж изд.
Бедняков. 1921. Как мы дрались с Унгерном (рассказ участника недавних боев). – Боец и пахарь, № 189, 13.9.21.
Белов А.И. 1934. Сибирская казачья дивизия под Ляонином. — В кн.: Сибирский з зак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. Вып. 1. На прошлое до Великой войны 1914 года. Харбин.
Белов Г.А., Гармаш Г.С., Майоров С.М., Миллер А.Ф., Садчиков И.В., Стручков А (ред.) 1959. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Политиздат.
Белов Е.А. 1996а. Монгольская авантюра Семенова (панмонгольское движени 1919 г.). — Анналы, № 2, с.55–73.

Белов Е.А. 1996б. Антикитайское восстание под руководством Бабучжаба во Внутренней Монголии в 1915–1916 гг. — Анналы, № 2.

Белов Е.А. 1996в. Записка подполковника Генерального штаба Хитрово о Далай-ламе и его деятельности 1906 года. — Восток, № 4, с.136–141.

Белов Е.А. 1997. Как была ликвидирована автономия Внешней Монголии. — Азия и Африка сегодня, № 5, с.64–68.

Белов Е.А. 1999. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Восточная литература.

Белов Е.А. 2001а. Был ли Унгерн агентом Японии? — В кн.: Китай, Россия, страны АТР и перспективы международных отношений в XXI в., ч.2. М., с.173–177.

Белов Е.А. 2001б. Взгляды и деятельность барона Унгерна. — Вост. архив, № 6–7, с.47–53.

Белов Е.А. 2001в. Краткая история Синьхайской революции 1911–1913. М.: Восточная литература.

Белов Е.А. 2001г. Одиссея барона Унгерна. — Азия и Африка сегодня, № 9, с.38–43.

Белов Е.А. 2002. О некоторых ошибках и неточностях в работах советских историков об Унгерне. — В кн.: Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. Звенигород, с.95–100.

Белов Е.А. 2003. Барон Унгерн фон Штернберг: биография, идеология, военные походы 1920–1921 гг. М.: Аграф.

Белоусов Г. 2002. Оперативная игра. — Восточно-Сибирская правда, 24.02.2002.

Беляевский В.А. 1960. Кто виноват? Воспоминания о Белом движении 1918–1920 гг. Буэнос-Айрес.

Бимбаев М.Т. 1970. Дружба, рожденная революцией. — В кн.: С интернациональной миссией. Воспоминания участников Монгольской народной революции. Элиста, с.40–64.

Блинов М.Ю. 2000. Знамя барона Унгерна. — Вестник Общества русских ветеранов Великой войны, № 275, с.2–12.

Блохин. 1926. Боевые операции барона Унгерн-Штернберга: захват им Монголии; борьба с Красн[ой] армией и переход Монголии к Сов[етской] России. — ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 252, 199 л.

Богданов М.А. 1972. Разгром кайгородовщины. — Вопросы истории, № 7, с.134–149.

Борисова Л., Данилов В., Ивницкий Н., Кондрашин В., Голышкина Т., Гусаченко В., Николаев А., Тархова Н. (сост.) 2000. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ. Т.1: 1918–1922: Документы и материалы. М.: Росспэн.

Бочаров А. 2003. «Поведение продолжает ухудшаться». — Источник, № 4, с.66–70.

Брачев В.С. 2005. Между мистикой и политикой. Русские масоны начала XX века. СПб: Стомма.

Брежнев В.И., Кислов А.Н., Смирнов И.Я. 1965. Через сорок лет. — В кн.: Народы-братья. М., с.12–30.

Будберг А. 2001. Дневник белогвардейца. Минск–М.: Харвест–АСТ.

Бурдуков А.В. 1969. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука.

Буровский А.М. 2010. Самая страшная русская трагедия. Правда о Гражданской войне. М.: Яуза-пресс.

В.Д. 1921. О двух баронах и одном есауле. Суд над бароном Унгерном. — Боец и пахарь, № 198, 23.09.1921, с.1.

Вампилов В. 1977. Барон в павлиньих перьях. — Наука и религия, № 2, с.55–57.

Варганов Д.И. 1957. Подвиг литейщиков. — В кн.: Красногвардейцы и партизаны. Сб воспоминаний участников гражданской войны в Забайкалье. Чита, с.73–75.

Василевский В. 2000. Забайкальская белая государственность. Краткие очерки истории. Чита: Поиск.

Васильев. 1921. Семеновщина (письмо с Дальнего Востока). — Воля России, 14.05.21

Вебер М. 1990. Избранные произведения. М.: Прогресс.

Веллер М., Буровский А. 2007. Гражданская история безумной войны. М.: АСТ.

Веремеев Ю. [2004]. Четыре мифа о бароне Унгерне. — http://army.armor.kiev.ua/hist ungern.shtml.

Вернадский Г.В. 2005. Очерк истории Евразии. Звенья русской культуры. М.: КМК.

Винокуров Н. 1967. Операция с «бароном». — Красная звезда, № 293 (13428). 16.12.67.

Волков Б.Н., Hoover. — Архив Б.Н. Волкова, в том числе Волков Б.Н. Об Унгерне. Hoover, CSUZ36008-A, p.1–53; collection title: Boris Volkov, микрофильм, box no. 15: folder no. 9, p.65–76об; 119–122; folder no. 18, p.1–101); есть также рукописный вариант части текста (folder 9) (изд. в кн.: Соколов, 2007).

Волков Б.Н. 1921. Об Унгерне. — Новости жизни, №№ 189–191, 195, 196, 199, 201. 205, 207, 209.

Волков Е.В. 2005. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период гражданской войны. Иркутск.

Волков С.В. (сост.) 2003. 1918 г. на Дальнем Востоке. М.: Центрополиграф.

Волков С.В. 2005. Черная книга имен, которым не место на карте России. М.: Посев.

Воллосович М. 1919. Монголия. — Забайкальская новь, 07.01.1919.

Врангель П.Н. 1991. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Кн. 1. Б.м. [М.–Пенза].

Вронский. 1921. Коммунизм в Сибири (из организационных опытов 1920–1921 гг.). — Русское обозрение, № 5, с. 218–225.

Галкович М.Г. 1928. Восток и СССР (экономический очерк). — В кн.: Десять лет капиталистического окружения СССР. Кн. 6. М.

Ганин А.В. 2004. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М.: Русский путь.

Гендунов А.Б. 2006. 1000 именитых кяхтинцев: биографический справочник. Ч. 2. Улан-Удэ: Республиканск. типография.

Генкин И. 1928. Конец Унгерна и начало новой Монголии. — Северная Азия, № 2. с.75–90.

Герасименко Н.В. [1928] 1990. Батько Махно. Мемуары белогвардейца. М.: Интерграф-сервис.

Гирченко В. 1940. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918 — 1920 гг.) Улан-Удэ: Бурят-Монгольское гос. изд.

Гладких А.А. 2008. Органы государственной политической охраны Дальневосточной Республики. — Россия и АТР, № 1, с.32–42.

Глинка Я.В. 2001. Одиннадцать лет в Государственной Думе 1906–1917: дневник и воспоминания. М.: Новое литературное обозрение.

Голубев. 1926. Воспоминания. — Hoover Institution on War, Revolution and Peace, DK254/U7G662, p. 1–354 (изд. в сокр. виде в кн.: Кузьмин, 2004).
Гольдман Ю. 1953. Тарская падь. — Советский воин, № 4, с.23.
Гольман М.И., Слесарчук Г.И. (сост.) 1966. Советско-монгольские отношения, 1921–1966: Сборник документов. М.: Наука.
Горенштейн Ф. 1997. Под знаком тибетской свастики. Записки белоказачьего офицера (киносценарий). Нью-Йорк: Слово — Word.
Горький М. и др. (ред.) 1960. История гражданской войны в СССР. Т. 5. М.: Политиздат.
Грэвс. 1932. Американская авантюра в Сибири. М.: Военгиз.
Губарев М. 1940. В боях против унгерновских банд. — Забайкальский рабочий, 26.09.40, с.2.
Губельман М.И. 1958. Борьба за советский Дальний Восток 1918–1922. М.: Военное изд.
Гюк Е.Р. 1866. Воспоминания о путешествии по Татарии. СПб.–М.
Давидович И. 1942. Конец «черного барона» (Унгерн). — Забайкальский рабочий, 03.03.1942.
Дайнес В.О., Краснов В.Г. (сост.) 1987. Шли дивизии вперед 1920–1921. Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья. Сборник документов. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд.
Далай-лама XIV. 2001. Этика для нового тысячелетия. СПб: Центр тибетской культуры и информации.
Дамдиндорж Д. 1990. Хар хэргийн амьд гэрч (туухэн найруулал). Улаанбаатар.
Дамдинсурэн С. 2001а. Монгольская национально-демократическая революция 1921 г. и российский фактор. — В кн.: Россия и Монголия: новый взгляд на историю отношений в XX в. М., с.43–60.
Дамдинсурэн С. 2001б. Р.Ф. Унгерний Монгол дахь ажиллагаа 1, 2. — Олон улс судлал, № 2 (56), с.91–101.
Дамдинсурэн С. 2002. Р.Ф. Унгерний Монгол дахь ажиллагаа 3. — Олон улс судлал, № 1, с.91–101.
Дамдинсурэн Ц. 1998. Бурэн зохиол. Улаанбаатар, с.183, 256–260.
Данбинов П. 1921. Мобилизовать ли бурят? — Дальневосточный телеграф, № 17, 23.08.21.
Даниельсон Е. 2001. Архивы русских эмигрантов в Гуверовском институте. — Вестник архивиста, № 1, с.202–211.
Данилов А., Когулина Л. 1995. История России: XX век. М.: Просвещение.
Даревская Е.М. 1977. Доктор С.Б. Цыбыктаров в Монголии. — В кн.: Исследования по истории и филологии Монголии. Улан-Удэ, с.39–50.
Даревская Е.М. 1995. Материалы П. Садецки-Доббс о Джа-ламе. — В кн.: Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск, с.98–102.
Даревская Е.М. 1997. Три портрета — три судьбы: исторические очерки. Улан-Батор: Агиймаа.
Даревская Е.М. 1998. И.И. Ломакина. Голова Джа-ламы [рецензия на книгу]. Улан-Удэ–Санкт-Петербург, Экоарт, 1993, 222 с., ил. — Восток, № 3, с.191–197.

Даурец Н.П. 1921. Семеновские застенки (записки очевидца). Харбин: Маяк.
Девятый съезд Монгольской Народно-Революционной Партии (28 сентября — 5 октября 1934 г.). 1934. Улан-Батор: Современная Монголия.
Дело по обвинению ген. Бакича и его соучастников в вооруженной борьбе против советской власти. Постановление. 1922 г. — http://www.elan-kazak.ru/arhiv/delo-po-obvineniyu-gen-bakicha-i-ego-souchas.
Демиденко М.И. 2004. Барон Унгерн: белый рыцарь Тибета. М.: Яуза–Эксмо, с.5–252.
Деникин А.И. 1921. Очерки русской смуты. Т. 4. Париж (переиздание: М.: Вагриус, 2002).
Деятельность Особого Маньчжурского Атамана Семенова отряда. 1919. Харбин: Харбининсацу-шо.
Дойков Ю. 2008. Архангельские тени (по архивам ФСБ). Т. 1 (1908–1942). Архангельск. — http://www.doykov.1mcg.ru/data/1/Arkhangelsks%20shadows.pdf.
Дорж А. 1959. В первых революционных боях. Воспоминания партизана Дашзэвгэ. — Современная Монголия, № 3, с.17–19.
Доржсурэн Д. 1993. Бароныг баривчилсан хун. Улаанбаатар: Шувуун саарал.
Дугин А.Г. 1996. Мистерии Евразии. М.: Арктогея.
Душенькин В.В. (сост.) 1957. Борьба русского и монгольского народов против белогвардейских банд Унгерна. — Исторический архив, № 4, с.71–81.
Дэндэв Л. 2003. XX зууны монголын туухийн эх сурвалж (Автономит Монгол улсын үеийн онцлог баримт бичгууд) (1911–1921). Улаанбаатар: Битсервис.
Егоров Н.Д., Пульченко Н.В., Чижова Л.М. (сост.) 1998. Путеводитель по фондам Белой армии. М.: Русск. библиогр. общ. — Восточная литература.
Елагин В. 1934. Из истории семеновщины в 1919 году. – Красный архив, № 6 (67), с.131–146.
Еленевский А. 1963. Военные училища в Сибири (1918–1922). — Военная быль, № 61–64; — В кн.: Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине. М, с.408–470.
Ермаченко И.С. 1971. Маньчжуро-монгольские отношения до и после образования империи Цин (XVII в.). Канд. дисс. М.: Институт востоковедения АН СССР.
Ершов Д.В. 2010. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М.: Центрполиграф.
Ефименко А. 2004. Барон без ворона на плече. — Родина, № 9, с.52–57.
Ефремов И.А. 1962. Дорога ветров. М.: Географгиз.
Жалсапова Ж. 2008. Деятельность русских военных инструкторов в Монголии (1912–1916 гг.). — Власть, № 12, с.120–123. — http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2008-12/Deyatelnost%20russkih%20voennih.pdf.
Жалсапова Ж.Б. 2009. Взаимоотношения России/СССР с Монголией/МНР в военной сфере (1911 — 1939 гг.). Автореферат канд. диссертации. Хабаровск: ХПИ.
Жамсранжав Г., Дугарсурэн Н., Тудэв Л. 2002. Богдын лундэн. Улаанбаатар: Хадын сан.
Железняков А.С. 2009. Монгольский полюс политического устройства мира. М.: Институт социологии РАН.
Жеребцов Г.А. 1997. К истории Гражданской войны в Забайкалье. О так называемой тапхаевщине. — В кн.: Народы Забайкалья: Возрождение и развитие. Чита, с.52–55.

Жуйков-Александровский П.Ф. 1958. Подписание соглашения между ДВР и Северо-Восточным Китаем в марте 1921 г. (воспоминания). — Советское китаеведение, № 2, с.132–135.

Жуков Д. 2006. Оккультизм в Третьем рейхе. М.: Яуза.

Жуков Е.М., Ширендыб Б. и др. (ред.) 1967. История Монгольской народной республики. М.: Наука.

Жуковская Н.Л. 1992. Ламаизм в Монголии. — В кн.: Буддизм: словарь. М., с.164–167.

Зазубрин В.Я. 1972. О том, кого уже нет (Унгерн). — Литературное наследство Сибири. Т. 2. Новосибирск, с.34–36 (переиздано в кн.: Кузьмин, 2004).

Залесский Б. [1932]. Маньчжурские записки. Л.

Захаренков В. 1972. В дальнем селе. — Советская Россия, № 118 (4844), 21.05.1972, с.4.

Зиновьев В.А. Воспоминания. — ГАРФ, ф. 5881. оп. 2, д. 357, л. 1–22 (цит. по.: Каппель и каппелевцы. 2003. М.: Посев, с.253–257).

Златкин И.Я. 1957. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: Наука.

Зырянов П. 2006. Адмирал Колчак. Верховный правитель России. М.: Молодая гвардия.

Иванов Вс.Н. 2005. Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности. СПб: Центр стратегич. исследований.

Игнатьева П.С. 1957. Русская революция и барон Унгерн-Штернберг. Голливуд.

Из истории живых богов. 1925. — Безбожник, № 36 (137), 06.09.1925.

Иольсон Л. 1924. Живая валюта. — Советский коллекционер, № 11–12, с.18–19.

Калинников А. 1926а. Национально-революционное движение в Монголии. М.–Л.: Московский рабочий.

Калинников А. 1926б. Революционная Монголия. М.: Госиздат.

Калинников А. 1929. Вооруженная борьба за освобождение Монголии. — Хозяйство Монголии, № 3 (16), с. 86–100; № 4 (17), с.84–100.

Кара-Мурза С.Г. 2003. Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века. М.: Эксмо. — http://militera.lib.ru/research/kara-murza/title.html.

Кардашов В. 1984. Рокоссовский. М.: Молодая гвардия.

Каревский А.А. 2005. К вопросу о символике Азиатской конной дивизии. — Белая гвардия, № 8, с.185–192. — http://www.a-pesni.golosa.info/grvojna/bel/a-simvaz.htm.

Каревский А.А., Лебедева А.В. 2005. Униформа, ордена, знамена, знаки белого казачества. — Белая гвардия, № 8. — http://www.a-pesni.golosa.info/grvojna/bel/a-belkaz.htm.

Каретина Г.С. 1984. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 2-е годы XX в. М.: Наука.

Карл Тыниссон. — http://nyingmapa-buddhism.no-ip.org/index.php?option=com_mtree&task=viewlink&link_id=97&Itemid=2.

Катанаев Г.Е. 2005. На заре сибирского самосознания. Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. Новосибирск.

Кейзерлинг А. 2001. Воспоминания о русской службе. М.: Академкнига.

Ким Г.Ф., Шабшина Ф.И. 1967. Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока. М.

Киржниц А. 1924. У порога Китая. М.: Красная новь.
Кириллов Е. 1997. Золото Унгерна — конец легенды? — Вокруг света, № 8 (2683). - http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1045/.
Кириллов И.Е. 1957. Бой в Цугольском дацане. — В кн.: Красногвардейцы и партиз ны. Сб. воспоминаний участников гражданской войны в Забайкалье. Чита, с.63-64.
Кирюхин Н.Г. 1940. Японская интервенция в Забайкалье. — Забайкальский рабоч № 233 (5858), 06.10.1940, с.2–4.
Кислицин В.А. 1936. В огне гражданской войны: мемуары. Харбин: Наш путь.
Кислицин В.А. 1941. Пантеон воинской доблести и чести. Харбин: изд. Глвного бю по делам российских эмигрантов.
Кислов А. 1931. Ликвидация Унгерна. — Война и революция, № 3, с.30–50.
Кислов А. 1964. Разгром Унгерна. М.: Воениздат.
Кицур Шулхан Арух. 1999. М.: КЕРООР.
Кларов Ю.М. 1990. Арестант пятой камеры. М.: Политиздат.
Князев Н.Н. Легендарный барон. — Луч Азии (Харбин), № 2, 1934, с.13–17; № 34 1937а, с.7–9; № 36–8, 1937б, с.19–20 (изд. 2 в кн.: Кузьмин, 2004).
Князев Н.Н. (ред.) 1940. Енисейские казаки. Памятка Енисейского казачьего войс 1618–1938. Харбин: изд. Енисейской зарубежной казачьей станицы в г. Харбине
Князев Н.Н. 1942. Легендарный барон. Харбин: изд. часть Главного бюро по дела российских эмигрантов (изд. 2 в кн.: Кузьмин, 2005; монг. перевод: Князев Н. 2010. Домогт барон. Улаанбаатар: Жиком пресс).
Козлов И.Н. 1957. Как собирались наши силы. — В кн.: Красногвардейцы и партизаны. Сб. воспоминаний участников гражданской войны в Забайкалье. Чита, с.57-62.
Козлов П.К. 1905. Монголия и Кам. Т. 1. По Монголии до границ Тибета. СПб: изд Русского географического общества.
Козлов П.К. 2003. Дневники Монголо-тибетской экспедиции 1923–1926. СПб: Наука
Козлов П.К. 2004. Тибет и Далай-лама. М.: КМК.
Кондаков Ю. 2005. «Кровавый барон» Р.Ф. Унгерн: мифы и факты. — http: www.rusk.ru/st.php?idar=323098.
Константинов А. 2006. С орлами, вензелями и огненным мечом. — http://gzc.perm.ru clauses/details/214/.
Корольков Ю.М. 1986. Кио ку мицу! Роман-хроника. Минск: Беларусь.
Коростовец И.Я. 1995. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. — май 1913 г. — Россияне в Азии, № 2, с.85–211.
Коростовец И.Я. 1996. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. — май 1913 г. — Россияне в Азии, № 3, с.225–292.
Коростовец И.Я. 2004. От Чингис хана до Советской республики. Улан-Батор: Адмон.
Коростовец И.Я. 2009. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г. Улаанбаатар: Адмон.
Крапивин В. 2004. Барон Унгерн. — Кентавр. Исторический бестселлер, № 3.

Кривель А. 1992. Степной деспот. — Россия, № 14, с. 9.

Кривошеев Г.Ф. (ред.) 2001. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: статистическое исследование. М.: Олма-пресс.

Крузенштерн-Петерец Ю.В. 1998. Воспоминания. — Россияне в Азии, № 5, с.25–83.

Кручинин А.С. 1995. Барон Р. Ф. Унгерн-фон-Штернберг. Мифы и реальность. — В кн.: История «белой» Сибири. Кемерово, с.144–147.

Кручинин А.С. 1997. Золото барона Унгерна: к истории денежного обращения в годы гражданской войны. — В кн.: Пятая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений М., с.98–99.

Кручинин А.С. 1999. Последний поход барона Унгерна: из Сибири в Монголию или через Монголию в Сибирь? — В кн.: История «белой» Сибири. Кемерово.

Кручинин А.С. 2002. «Монгольский поход» барона Унгерна: к вопросу о подлинных целях и путях реализации. — В кн.: Вестник молодых ученых, ч. 5. Серия исторические науки, № 1, с.65–71.

Крюкова Е. [2004] Тень стрелы. — http://read.aif.ru/pages/read_book_online/?art=171762&page=1.

Кудрявцев И.И., Базаров Б.В., Ганжуров В.Ц., Дмитроченкова Е.Н., Нагаев И.М., Тархова Н.С., Шепелев В.Н., Оюунбазар Т., Гантулга Ж., Гобосурэн Д., Хишигт Н. (сост.) 2008. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сборник документов. Ч. 1. М. — Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ.

Кудрявцев Ф. 1922. Ургинский барон. — Накануне, № 131, 12.09.22.

Кузнецов Н. 2004. Барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг и Азиатская конная дивизия. — В кн.: Демиденко М. Барон Унгерн: белый рыцарь Тибета. М.: Яуза–Эксмо, с.253–280.

Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. 2006. Китай — Россия 2050: стратегия соразвития. М.: ИДВ РАН.

Кузьмин С.Л. (сост.) 2004. Барон Унгерн в документах и мемуарах. М.: КМК (монг. перевод: Кузьмин С.Л. 2007. Барон Унгерний тухай, баримт, дурдатгалууд. Улаанбаатар: Монсудар).

Кузьмин С.Л. (сост.) 2005. Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны. М.: КМК.

Кузьмин С.Л. 2006. Барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг и восстановление монгольской государственности. — В кн.: IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.). Доклады российских ученых. М., с.106–112.

Кузьмин С.Л. 2008. Барон Унгерн — оккупант или освободитель? — Новости Монголии, № 05 (644), 01.02.2008, с. 3.

Кузьмин С.Л. 2009. Монголыг чөлөөлсөн барон Унгерн. — Умард хөрш, № 11 (35), с.24–28; № 12 (36), с.26–29; № 13 (37), с.22–25.

Кузьмин С.Л. 2010. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб: изд. А. Терентьева.

Кузьмин С.Л., Батсайхан О., Нунами К., Тачибана М. 2009. Барон Унгерн и Япония. — Восток, № 5, с.115–133.

Кузьмин С.Л., Рейт Л. 2008. Записки Ф.А. Оссендовского как источник по истории Монголии. — Восток, № 5, с.97–110.

Кузьмин Ю.В. 1995. Урянхай в системе русско-монгольско-китайских отношен (1911–1916 гг.). — В кн.: Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Б стока: история и современность. Иркутск, с.49–53.

Кулехов М. 2006. Григорий Семенов: прошлое и современность. — http://babr.r index.php?pt=news&event=v1&IDE=30654.

Куликов А. 2008. Атаманщина. — Слово Забайкалья, № 1 (2), с.170–175. — http: studio.big-life.ru/files/u1/print/slovo_01/slovo.pdf.

Кульбарсов С.Ф. 1921. «Военная мощь» ДВР. — Русское обозрение, № 3–4, с.134–1

Кунгуров Г., Сороковиков И. 1946. Аратская революция. Иркутск: ОГИЗ. — изд. 1957 г.

Кураев А. 1997. Сатанизм для интеллигенции. М.: Светлояр.

Курас Л. 2009. Представители белой государственности в монгольской революц 1921 г. — Власть, № 11, с.91–93. — http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2009/1 Predstaviteli_beloj_gosudarstvennosti.pdf

К-ч. 1920. Современные Малюты Скуратовы. — Вперед (Харбин), 03.10.20.

Кюстин А.де. Россия в 1839 г. — http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kus_00.html

Лаврентьев К.И. 1925. Взятие г. Урги бароном Унгерном в 1921 году. Харбин (рук пись). Hoover, Maria Vrangel' Collection, folder 16, box 14, p.1–43 (изд. в кн.: Куз мин, 2004).

Лапин Б., Хацревин З. 1935. Дальневосточные рассказы. М.: Художественная литер тура.

Лапин Б., Хацревин З. 1939. Рассказы и портреты. М.: Советский писатель.

Латышев И.А. (ред.). 1987. СССР и Япония. М.: Наука.

Леденев Н. 1908. История Семиреченского казачьего войска. Верный: тип. Семиреченского обл. правления.

Ленин В.И. 1960. Полное собрание сочинений. Т. 9. М.; 1961. Т. 22. М.; 1962. Т. 36 М.; 1967. Т. 5. М.; 1968. Т. 11. М.; 1969. Т. 23. М.; 1970. Т. 44. М.

Лимонов Э.В. 2004. Священные монстры. М.: Ad Marginem.

Литвин А.Н. 1993. Красный и белый террор в России. — Отечественная история, №6 с.46–62. — http://www.mubiu.ru/ogd/ISTORIA/16/Liter/%C3%C2.pdf.

Лиштованный Е.И. 2001. Монголия в истории Восточной Сибири (XII — начало XX в.). Иркутск: ИГУ.

Лиштованный Е.И. 2007. К вопросу о философии национально-освободительного дви жения в Монголии. — Гуманитарные исследования Внутренней Азии (1), с.71–7

Ломакина И.И. 1993. Голова Джа-ламы. Улан-Удэ–СПб: Экоарт.

Ломакина И.И. 1999. Комментарии. — В кн.: Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Ал тан-Булак. Самара: Агни, с.189–258.

Ломакина И.И. 2001. Великий беглец. М.: Дизайн, информация, картография.

Ломакина И.И. 2003. Грозные Махакалы Востока. М.: Яуза — Эксмо.

Ломакина И.И. 2006. Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе). М.: КМК.

Лонжид З. (сост.). 2006. Монгол улсын санхуугийн албаны туух (1911–1921). Улаан баатар.

Лувсанцэрэн. 1934. Плакаты Монгольской революции. — Современная Монголия, № 3.

Лузянин С.Г. 2003. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. М.: Огни.
Любимов А. 2006. Первый редактор «Власти труда». — Восточно-Сибирская правда, 21.05.2006. — http://www.vsp.ru/social/2006/05/31/425833.
Магсаржав Н. 1927. Монгол улсын шинэ туух. (изд. 2: 1994. Улаанбаатар: Туухийн хурээлэн ба Монгол улсын засгийн газрын архив).
Майдар Д. 1988. Графика Монголии. М.: Изобразительное искусство.
Майский И. 1921. В Монголии. — Советская Сибирь, № 24 (393), 04.02.1921; № 149 (509), 19.07.1921.
Майский И.М. 1959. Монголия накануне революции. М.: Восточная литература.
Макеев А.С. 1934. Бог войны — барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии. Шанхай: книгоиздтели А.П. Малык и В.П. Камкина (изд. 2 в кн.: Кузьмин, 2004).
Максаков В. (сост.) 1932. Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг. М.: Гос. социально-экономич. изд.
Макстенек. 1921. Унгерновщина. — Дальневосточный телеграф, № 22, 28.08.1921, с.2.
Малышева М.П., Познанский В.С. (сост.) 1996. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сибирский хронограф, с.168–172.
Маннов А.А. 1998. История Читинской тюрьмы (1852–1939). Чита.
Мар Н. 1973. Люди, которых я слышал. М.: Советская Россия.
Марков С. 1992. Рыжий Будда. М.: Пересвет.
Марковчин В.В. 2003. Три атамана. М.: Звонница.
Мароши В.В. 2003. «Монгольский миф» в новейшей русской литературе. — http:/ www.sitnik.pspu.ru/sci_liter2005_maroshi.shtml.
Мартынов А. 2005. Сибириада. Колчак, белочехи, Унгерн и Дитерихс. М.: Центрполиграф.
Матвеев (Бар-Маттай) К.П., Мар-Юханна И.И. 1968. Ассирийский вопрос во время и после первой мировой войны (1914–1933 гг.). М.: Наука.
Мелехин И. 1965. Таежными тропами. Воспоминания участника гражданской войны на Дальнем Востоке. Харьков: Прапор.
Мелихов Г.В. 2003. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь.
Мелихов Г.В. 2007. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке, 1925–1932. М.: Викмо–Русский Путь.
Мельгунов С.П. 1990. Красный террор в России. М.
Мельникова А.С., Узденников В.В., Шиканова И.С. 2000. Деньги России — 1000 лет. М.: Родина.
Милош А. 1969. Тайна сокровищ барона Унгерна. — Литературная газета, 15.10.1960, 22.10.1969.
Минц И. (сост.) 1934. Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. М.: Центрархив.
Митыпова Г.С. 2006. Православная церковь в Бурятии: XX–XXI вв. Улан-Удэ: ВСГАКИ.
Михаловский В. 2005. Кем был Антоний Оссендовский? Предисловие к русскому изданию. — В кн.: Оссендовский А.Ф. Люди, боги, звери. М., с.301–463.

Михеев. 1910. Отчет о поездке в Северо-западную Монголию и Урянхайскую зем- СПб: Военная типогр.
Мицута Ивао. 1944. Великая Восточная Азия и Ниппон. — Восточное обозрение, № (январь–март), с.7–15.
Моев В.А. (сост.) 1974. Герои гражданской войны. Сборник. М.: Московский рабо
Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. 2007. История Японии. XX век. ИВ РАН — Крафт+.
Молоков И.Е. 1989. Герои огненных лет. Омск: Книжное изд.
Молоков И.Е. 1991. Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Син зяну (Китай) в разгроме белогвардейцев в 1920–1922 гг. Омск: Омский полите институт.
Монгол Унэн сонин. 1973. Улаанбаатар.
Монгольская Народная Республика. 1936. Саратов: Саратовское краевое изд.
Мурашкин В. (перев.) 2000. Святая сутра Махаяны Утихомиривающая конфликты. Легшед, № 5, с.17.
Мягмарсамбуу Г. 2003. Домогт жанжин ардын Хатанбаатар С. Магсаржав. Улаанбаатар
Наваннамжил Г. 1956. Өвгөн бичээчийн өгуулэл. Улаанбаатар (частичн. русск. перев в кн.: Кузьмин, 2004).
Наземцева Е. Н. 2003. Из истории Гражданской войны на Алтае: взаимодействие родной армии» есаула А.П. Кайгородова с Отдельным Оренбургским корп генерал-лейтенанта А.С. Бакича (приграничные сражения). — Горный Алтай: торический сборник, вып. 7. Горно-Алтайск — Бийск, с.77–98.
Насанбалжир Ц. (сост.). 1954. Ардын засгаас 1921–1924 онуудад авсан хувьсгалт ар хэмжээнууд. Улаанбаатар: Улсын хэвлэл (русск. перевод: Насанбалжир Ц. (с 1960. Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 19 1954 гг.: Документы. М.: Наука).
Нацов С. 1928. Япония в Монголии и Маньчжурии. — Революционный Восток, № 5, с.331–347.
Неклюдов С.Ю. 1992. Чойджины. — В кн.: Мифы народов мира: энциклопедия. Т М.: Советская энциклопедия, с.632.
Немчинова Т.А. 2007. Личность барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга в оценках современных российских исследователей. — В кн.: Сибирь в период Гражданской войны Кемерово, с.41–44.
Непомнин О.Е. 2005. История Китая: эпоха Цин. XVII — начало XX в. М.: Восточная литература.
Несмелов А. 1928. Баллада о даурском бароне. — В кн.: Кровавый отблеск. Харб (неоднократно переиздавалась в 1990-х — 2000-х гг. в России).
Никифоров М.И. 1963. Записки премьера ДВР. М.: Политиздат.
Николаев И. 1933. Период колчаковщины и семеновщины в Бурятии. — В кн.: От царской колонии до советской республики. М. — Иркутск, с.59–78.
Нилус С. 1911. Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле. Сергиев Посад
Новиков П.А. 2005а. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф.
Новиков П.А. 2005б. Конфликт А.В. Колчака и Г.М. Семенова. — Белая гвардия, № Казачество России в Белом движении. М., с.283–284.

Номинханов Ц.-Д. 1970. В едином строю. — С интернациональной миссией. Воспоминания участников Монгольской народной революции. Элиста, с.66–93.

Номоконов Д.К. 1940. Разведка в тыл. — Забайкальский рабочий, 08.10.1921, с.2.

Носков К. 1930. Авантюра, или черный для русских белых в Монголии 1921-й год. Харбин (частично переиздана в кн.: Кузьмин, 2004).

Нэргуй Ж. 2009. «Унгерн монголыг улаан оросын аманд орхисон» шасдир (орчуулагчийн уг). — В кн.: Торновский М.Г. Монголчуудтайгаа бол би Лиссабон ч хурнэ. Улаанбаатар, с.7–12.

Нэргуй Ж. 2010. Од шингэдэггуй. Улаанбаатар: Жиком пресс.

Нямаа Б., Ганболд Г. 2007. Монголын хоер төрийн мөнгөн тэмдэгт (1921 он). Улаанбаатар: Адмон.

Обзор Якутской области за 1910 г. 1912. Якутск.

Окладников А.П. (ред.) 1968. История Сибири. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. М.: Наука.

Ол-ич О. Воспоминания об Унгерне (записки офицера, служившего у Унгерна). — Новости жизни, с.2: 1924а: 14.12.1924; 1924б: 16.12.1924; 1924в: 18.12.1924; 1924г: 20.12.1924.

Оссендовский Ф. 1925. Звери, люди и боги. Рига: книгоизд. Г.Л. Биркен (изд. 2: М.: Пилигрим, 1994; затем — неоднократно в России и Монголии; бурятск. перев. – 2010).

Очевидец. 1921. Правда об Унгерне. — Набат, 05.09.1921, 06.09.1921, 07.09.1921, 08.09.1921.

Очевидец. 1921. Свадьба у Унгерна. — Набат, 09.09.1921, с.1.

Өлзийбаатар Д. 2004. Ягаад 1937 он? Улаанбаатар.

Павлович М. 1922. Японский империализм на Дальнем Востоке. — Новый Восток, № 2, с.3–57.

Паниев Н. 1967а. История одного подвига. — Известия, 16.02.1967.

Паниев Н.А. 1967б. Порох и розы. М.: Молодая гвардия.

Панин Л.И., Цэдэвсурэн Д. и др. (сост.) 1975. Советско-монгольские отношения, 1921–1974: Документы и материалы. Т. 1: 1921–1940. Москва–Улаанбаатар.

Папков С. 2005. Красная Сибирь глазами российского дворянина. — Голоса Сибири, вып. 2. — http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_2/016_papkov.htm. 19.05.2010.

Папков С., Сергиенко В., Темникова А., Фаликова М. 2005. Дерево с могучими корнями (памяти Дмитрия Орестовича Тизенгаузена). — Голоса Сибири, вып. 1. — http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_1/018_tizengauzen.htm. 19.05.2010.

Пастухин Е. 1933. На белых полях Дальнего Востока. — Возрождение Азии, № 255, 10.12.1933, с.2–3.

Патрушева М.А. 1981. Китайская колонизация Маньчжурии и политика Цинского правительства (вторая половина XIX — начало XX вв.). Канд. дисс. М.: Институт востоковедения АН СССР.

Певцов М.В. 1951. Путешествия по Китаю и Монголии. М.: Географгиз.

Пелевин В. 1997. Чапаев и пустота. М.: Вагриус.

Переферкович Н.А. 1910. Еврейские законы об иноверцах в антисемитском освещении. СПб: типография «Капитал».

Першин Д.П. 1921. [Из воспоминаний]. — ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 425, л. 1–26об.

Першин Д.П. 1933. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века. Hoover Stanford, USA, D.P. Pershin collection. (изд. 1: Першин Д.П. 1999. Барон Унгерн Урга и Алтан-Булак. Самара: Агни; монг. перевод: Улаанбаатар, 2003).

Петров В.И. 2003. Мятежное сердце Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт.

Петров П.П. 1930. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига изд. Дидковского.

Петров П.П. 1965. Роковые годы. 1914–1920. Sossenheim: Possev Verl.

Петров Ф.Н. 1973. Переговоры уполномоченных ДВР с представителями Японии. — В кн.: Гражданская война на Дальнем Востоке (1918–1922). Воспоминания ветеранов. М.

Петрова И. Записки краеведа. — http://www.novokuznetsk.su/news/city/4008.

Пилипенко Б. 1981. Красная молния: очерки о Монголии. М.: Молодая гвардия.

Плотников Г.Г. 1957. В Шилкинской долине. — В кн.: Красногвардейцы и партизаны: Сб. воспоминаний участников гражданской войны в Забайкалье. Чита, с.87–92.

Позднеев А.М. 1879 (1880). Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб: типография Пантелеевых.

Позднеев А. 1887. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии, в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб: типография Императорской АН.

Позднеев А. 1896. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1. СПб: типография Императорской АН.

Позднеев А. 1898. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 2. СПб: типография Императорской АН.

Попова Л.П. 1987. Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии». М.: Наука.

Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. 2005. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М.: Элакос.

Посадсков А. Л. (ред.). 2005. Протоколы допросов Чрезвычайной следственной комиссии для расследования действий полковника Семенова и подчиненных ему лиц (В.И. Волкова, Н.А. Деллингсгаузена, И.Ф. Шильникова, С.А. Таскина, В.В. Зимина, И.Х. Шароглазова, З.И. Гордеева). — В кн.: Катанаев Г.Е. На заре самосознания (Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска). Новосибирск, с.305–344.

Протоколы Первого Великого Хуралдана Монгольской Народной Республики. 1924. Урга.

Пурэвбат Г. 2008. Правда, которую нельзя отрицать и забыть. – В кн.: Лам нар сум хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатгал. Улаанбаатар, с.93–107.

Пурэвжав С., Дашжамц Д. 1965. БНМАУ-д сум, хийд, лам нарын асуудлыг шийдвэрлэсэн нь. 1921–1940 он. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо.

Пчелов Е.В. 1997. Монархические идеи барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. — В кн.: История «белой» Сибири. Кемерово, с.34–36.

Ратцингер Й. 2006. Введение в христианство. М.: Духовная библиотека.

Рахимов Т. 1968. Национализм и шовинизм — основа политики группы Мао Цзэ-дуна. М.: Мысль.

Рейхберг Г. 1936. Разгром Унгерна и образование Монгольской Народной Республики (1921 г.) — Борьба классов, № 4, с.64–75.

Рейхберг Г. 1940. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). М.: Госиздат.

Репников В. 2004. Питомец Донского политехнического. — Новочеркасск.ru. № 8, 03.06.2004.

Рерих Ю.Н. 1931. По тропам Срединной Азии. Париж.

Ринчен Б. 1967. Одон уулын муухай зантыг яаж барьсныг сонссон минь (дуртгал). — Утга зохиол, урлаг, № 32, 04.08.1967.

Ринчино Э.-Д. 1994. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ.

Рицкий И. 1920. Интриги Семенова. — Воля 16.05.1920.

Романов Г.И. 1995. Национальная политика царизма: военно-полицейская деятельность казачества Восточной Сибири (конец XIX — начало XX в.). — В кн.: Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск, с.222–226.

Росциус Ю.В. 1991. Гадание: суеверие, или... — Знак вопроса, № 12.

Рощин С.К. 1998. Унгерн в Монголии. — Восток, № 6, с.20–34.

Рощин С.К. 2005. Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М.: Инст. востоковедения РАН.

Рубрук Г. де. 1957. Путешествие в восточные страны. — В кн.: Плано Карпини Дж. дель. История монгалов. Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны. М., с.85–194.

Рудиченко А.И. 2008. Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922 гг. М.: Любимая книга.

[Рябухин, 2004] Riabukhin (Ribo) N.M. The Story of Baron Ungern-Sternberg Told by His Staff Physician. — Hoover, CSUZXX697-A, 42 p. (обратный русский перевод в кн.: Кузьмин, 2004).

Савицкий П.Н. 1997. Континент Евразия. М.: Аргаф.

Савченко С.Н. 2000. Белая армия на Дальнем Востоке: возникновение и структура (сентябрь 1918 — февраль 1920 гг.). — В кн.: Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Вып. 2. Хабаровск, с.36–69.

Сазонов С.Д. 1991. Воспоминания. М.: Международные отношения.

Седых К. 1960. Отчий край. М.: Военное изд.

[Семенов Г.М.] Атаман Семенов. 1938. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. Б.м. (изд. 3: М.: АСТ, 2002).

Семешко Г. 1921а. Как Унгерн расправлялся с ургинцами. — Шанхайская жизнь, №№ 526 (166), 26.07.21; 527; 528.

Семешко Г. 1921б. Палач Сипайло. — Боец и пахарь, № 50, 19.02.1921.

Семешко Гр. 1921в. Ургинские кошмары. — Шанхайская жизнь, 30.07.1921; 31.07.1921; 06.08.1921, 07.08.1921; 10.08.1921; 14.08.1921; 17.08.1921; 23.08.1921; 26.08.1921; 30.08.1921; 13.09.1921.

Серебренников И.И. 1934. Барон Унгерн: опыт характеристики. — Слово, № 1769, 02.03.1934.

Серебренников И.И. 1936. Великий отход: рассеяние по Азии белых русских армий 1919–1923. Харбин: изд. М.В. Зайцева (изд. 2: Серебренников И.И. 2003. Гражданская война в России: великий отход. М.: Ермак).

[Серебренников И.И.] 2006. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых, 1919–1934 гг. Т. 1. М.–Стэнфорд: Росспэн–Гуверовский инст.

Симанович А. 2006. Распутин и евреи. М.: Яуза.

С-кий А.Ф. 1922. Япония в «панмонгольском движении». — Новый Восток, № 2, с.593–603.

Словцов Р. 1935. «Бог» гражданской войны. — Последние новости, № 5110, 21.03.35.

Случайный. 1921. В осажденной Урге. — Русское обозрение, № 5, с.148–199 (переизд. в кн.: Кузьмин, 2004).

Смирнов А.А. 2005. Атаман Семенов. Последний защитник империи. М.: Вече.

Сойма В. 2004. Борис Грузь. — http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?view=publication&mode=text&id=53.

Соколов Б.В. 2007. Барон Унгерн. Черный всадник. М.: АСТ-Пресс.

Сокольницкий В.Ю. [В архиве: Серебренников И.И. 1933. Tientsin. Материалы по истории рассеяния белых армий в Китайском Туркестане, Монголии и Маньчжурии. — ГАРФ, ф. 5873, оп. 1, д. 3, л.92–93, 95–98об. — публикация: Серебренников И.И. 2003. Гражданская война в России: Великий отход. М.: АСТ].

Сокровища барона Унгерна. [2002] — Кладезь, № 3, с.17–24.

Солженицын А.И. 2001. Двести лет вместе (1795–1995). М.: Русский путь.

Соловьев А.В. 2006. «Наши беды не равны их страданиям». — Забайкальский рабочий, 23.06.2006 — http://zabrab.chita.ru/.

Соловьева Н.А. 2003. Печатные издания харбинской россики. Хабаровск: изд. Частная коллекция.

Сонины материал ном зуйл буртгэл 1920–1940. Д. 1. 1970. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.

Сономдагва Ц. 1998. Монгол улсын засаг, захиргааны зохион байгуулалтын өөрчлөлт, шинэчлэлт (1691–1997). Улаанбаатар.

Соркин Н.С. 1970. В начале пути (записки инструктора монгольской армии). М.: Наука.

Старков Б.А. 2006. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914 гг. СПб: Питер.

Старцев А.В. 2004. Русские предприниматели в Монголии: социальный облик и общественно-культурная деятельность. — Востоковедные исследования на Алтае, № 4, с.63–84.

Старцев В.И. 1982. Крах керенщины. Л.: Наука.

Степанов А. 2004. Съезд в Рейхенгалле, или Съезд хозяйственного восстановления России, съезд монархистов-эмигрантов. — http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=6403.

Степанов В.В. [1921]. Правда об атамане Семенове. [Будапешт: изд. В. Горнянский].

Степняк. 1921. Долина смерти (из недавнего прошлого). — Боец и пахарь, № 39, 19.01.1921.

Стонтон Г. 1804. Путешествие во внутренность Китая и в Тартарию. Ч. 3. М.: типография Х. Клаудия.

Строд И. 1926. Унгерновщина и семеновщина (1920–1921). — Пролетарская революция, № 9 (56), с. 98–149.

Стручков А.А. 1957. Интернациональные группы РКП(б) и воинские формирования в Советской России (1918–1920 гг.) — Исторический архив, № 4, с.3–36.

Суд над бароном Унгерном. — Боец и пахарь, № 197, 22.09.1921; № 198, 23.09.1921; № 201, 27.09.1921; № 202, 29.09.1921; Дальневосточный телеграф, № 41, 20.09.1921; № 42, 21.09.1921.

Сухов С.А. 1973. Партизанские рейды. — В кн.: Гражданская война на Дальнем Востоке (1918–1922). Воспоминания ветеранов. М.: Наука, с.137–138.

Сухова О. 2006. Бунт и покорность. Общественная психология великороссов в революции 1905–1907 годов. — Родина, № 7, с.65–69.

Таган Г. 1997. Башкиры в Забайкалье. Издание национальной группы Башкир Города Чита, 20 октября 1920 г. — Ватандаш, № 8, с.113–129; № 9, с.147–156; № 10, с.155–168.

Тамаров Л. 1934. Воспоминания офицера, глава 5. На заре Белого дела: атаман Семенов — в авангарде антибольшевистского движения на Д.В. Из газеты «Наш путь» (Харбин), № 10 (96), 14.01.1934. — ГАРФ, ф. 5873, оп. 1, д. 4, л. 107.

Тарсаидзе А. 1969. Четыре мифа. Дело о мобилизации 1914 г., дело Мясоедова, дело Сухомлинова, дело Протопопова («Стокгольмская история»). Нью-Йорк.

Тачибана М. 2006. Хоер засгийн газартай 1921 оны Монгол (Монгол Ардын Намыг харьцангуйлан ухэхуй). Улаанбаатар: Битпресс.

Теврюков И.А. 1970. В борьбе за народную Монголию. — В кн.: С интернациональной миссией. Воспоминания участников Монгольской народной революции. Элиста, с.94–107.

Тепляков А.Г. 2007а. «Непроницаемые недра». ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М.: Аиро XX.

Тепляков А.Г. 2007б. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М.: Возвращение.

Терентьев А. 1996. [Рецензия] Диакон Андрей Кураев. «Шамбала зияющая». — Буддизм России, № 26.

Тинский Г. 1920. Атаман Семенов, его жизнь и деятельность. Б.м. и изд.

Тихвинский С.Л. (ред.) 1966. Маньчжурское владычество в Китае. М: Наука.

Тихвинский С.Л. (ред.) 1968. Синьхайская революция 1911–1913 гг. Сборник документов и материалов. М.: Наука.

Толстикович А. 2007. Тайный сын императрицы. — Россія, №12 (1013), 5 — 11.04.2007, с.1. — www.rgz.ru.

[Торновский М.Г.] 1921. Как был убит генерал Резухин. — Русский голос (Харбин), № 362, 04.10.21.

Торновский М.Г. 1942. События в Монголии — Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания). Шанхай. — Hoover, 48014-10.V, p.1–141 (изд. в кн.: Кузьмин, 2005; монг. перевод: Торновский М.Г. 2009. Монголчуудтайгаа бол би Лиссабон ч хурнэ. Улаанбаатар: Жиком пресс).

Троцкий Л. 1925. Сочинения. Т. 12. М.–Л.

Трубецкий Н.С. 2000. Наследие Чингисхана. М.: Аргаф.

Трушкин В. 1972. В.Я. Зазубрин в газете «Красный стрелок». — Литературное наследство Сибири, № 2. Новосибирск, с.26–33.
Тудэв Л. (ред.) 1998. VIII Богд хаан. Улаанбаатар: Хаадын сан.
Тудэв Л. 1968. За Полярной звездой. Повесть о Сухэ-Баторе. М.
Тумунов Ж. 2006. Хамниганы степной Аги. — Забайкальский рабочий, 27.06.2006 — http://zabrab.chita.ru.
Тумэн Ч. 1988. Харанхуй манангаас гэгээн гэрэл (дуртгал). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.
Улан Оторчи. 1928. Озеро Толбо. — Хозяйство Монголии, № 1 (8), с.113–124; № 2 (9). с.83–92; № 3 (10), с.70–78; № 4 (11), с.58–73; №6 (13), с.68–85.
Уланов М.С. 2008. Барон Унгерн и буддизм. — В кн.: Буддийская культура: история. источниковедение, языкознание и искусство СПб, с.31–36.
Уорд Дж. 1923. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. М.–Петроград: Госиздат.
Ургинский. 1921. К событиям в Монголии. — Русское обозрение, № 1–2, с.170–190.
Уртнасан С., Цэрэндорж Г., Нацагдорж Ш. (ред.) 1986. Монгол ардын журамт цэргийн дуртгалууд. Дэвтэр 3. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.
Усов В.Н. 2007. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М.: КМК.
Успенский В.Л. 1996. Ламаистский Пекин: от Шунь-Чжи до Дао-Гуана. — Восток, № 4. с.40–51.
Устинов С.М. 1923. Записки начальника контрразведки (1915–1920 гг.). Берлин. с.125–126.
Филиппани-Ронкони П. 1999. Время, судьба (несостоявшаяся реабилитация барона Р.Ф. Унгерн фон Штернберга). — Вече, № 63, с. 224–225.
Фролов Б.П. 2001. Монгольские операции 1921. — В кн.: Военная энциклопедия. Т. 5. М., с.210–212.
Хаптаев П.Т. (ред.) 1959. История Бурятской АССР. Т. 2. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд.
Хаптаев П.Т. 1962. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Докт. дисс. Улан-Удэ: Бурятский комплексный НИИ СО АН СССР.
Хатунцев С.В. 2004. Буддист с мечом. Странная судьба барона Унгерна. — Родина, № 9, с.51–57. — http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1349&n=73.
Хаумдас А. 2005. Захват Унгерном Урги. — В кн.: История белой Сибири. Кемерово, с.241–243.
Хейдок А. 1934. Звезды Маньчжурии. Харбин: Заря.
Хитун С.Е. 1970. Дворянские поросята. — Русская мысль, 04.06–23.06.1970.
Хишигт Н. 2002. Монголын туухэнд Барон Унгерний холбогдох нь. — Монгол Улсын Их Сургууль, Нийгмийн ухааны факультет, Эрдэм шинжилгээний бичиг (118 (14)). Улаанбаатар, с.42–50.
Холюшкин Ю.П. [2006]. Археологическая Web энциклопедия. — http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_top/encyc15/.
Холюшкин Ю.П. 1999. Титулованные роды Российской империи. — http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_top/encyc15/term.html?act=list&term=258.
Хорошилова О. 2002. Войсковые партизаны Великой войны. СПб: Европейский дом.

Хромов С.С. (ред.) 1987. Гражданская война и интервенция в СССР. М.: Советская энциклопедия.

Цацрал П. 2004. Монгол дахь теократ төр ба хутагт хувилгаадын улс төрийн оролцоо. Улаанбаатар.

Цветков В.Ж. 2005а. Военно-политическое положение Белого дела в Монголии в 1918–1921 гг. — В кн.: История белой Сибири. Кемерово, с.238–241.

Цветков В.Ж. 2005б. На сопках Монголии. Белое дело барона Унгерна. — Родина, № 1, с.49–57.

Цибиков Б. 1947. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское гос. изд.

Ципкин Ю.Н. 1996а. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск.

Ципкин Ю.Н. 1999б. Планы создания панмонгольского государства белыми режимами в 1919–1921 гг. и их крах. — Вестник Международного центра азиатск. исследований, № 2, с.74–79.

Цыдыпов Ц. 1918. Разгром бурят большевиками. — Маньчжурская жизнь, № 125.

Черный корпус, вып. 2 [Барон Унгерн]. 2004. [М.: изд. Братства Св. Преп. Иосифа Волоцкого].

Чимид Ө. (сост.) 1957. 1921 оны ардын хувьсгалын туухэнд холбогдох баримт бичгууд, 1917–1921. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.

Чимитдоржиев Ш.Б. (сост). 2004. Как исчезла единая Бурят-Монголия (1937 и 1958 годы). Улан-Удэ.

Чимитдоржиев Ш.Б. 1987. Россия и Монголия. М.: Наука.

Чойбалсан Х. 1952. Краткий очерк истории Монгольской народной революции. М.: Изд. иностр. лит.

Чойбалсан Х. 1961. Избранные статьи и речи. М.: Иностранная лит.

Чойбалсан Х. 1967. Хатан Батор Максаржав. М.: Воениздат.

Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэмид Г. 1979. Монгол ардын ундэсний хувьсгалын анх уусэж байгуулагдсан товч туух. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.

Чуров В.Е. 2005. Тайна четырех генералов: документальная повесть с некоторыми предположениями и семейными рассказами. М.–Жуковский: Граница–Кучково поле.

Шабанова М. 2004. Красным по белому, или за что судили барона Унгерна. — Ведомости (582), 21.03.2004. — http://vedomosti.sfo.ru.

Шайдицкий В.И. 1963. На службе Отечества. Сан-Франциско.

Шведова А. 2006. Тень черного барона. — Аргументы факты Сибирь, № 50, с.23.

Шерешевский Б.М. 1960. Разгром семеновщины. Новосибирск: Наука.

Шерешевский Б.М. 1974. В битвах за Дальний Восток (1920–1922 гг.). Новосибирск: Наука.

Шерешевский Б.М. 1980. О некоторых вопросах изучения участия венгерских интернационалистов в борьбе за власть советов в Сибири и на Дальнем Востоке. — В кн.: Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922 гг. М.: 228–237.

Шехтман И.Б. 1932. Погромы Добровольческой армии на Украине (к истории антисемитизма на Украине в 1919–1920 гг.). Берлин: Ostjudisches Hist. Archiv.

Ширендыб Б. 1956. Народная революция в Монголии и образование Монгольской народной республики 1921–1924. М.: изд. АН СССР.

Ширендыб Б. 1960. История Монгольской народной революции 1921 г. Докт. дисс. М.: Институт востоковедения АН СССР.

Ширендыб Б. 1963. Монголия на рубеже XIX–XX веков. Улан-Батор: Комитет по делам печати.

Ширендыб Б. 1971. История Монгольской народной революции 1921 года. М.: Наука.

Шишкин С.Н. 1957. Гражданская война на Дальнем Востоке. М.: Воениздат.

Шишов А. 2005. Унгерн. Демон монгольских степей. М.: Астрель–Транзиткнига.

Шмаков А.С. 1897. Еврейские речи. М.: типография А.М. Мамонтова.

Шулунов Н.Д. 1972. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923 гг.). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд.

Шуманов В. 2007. Мар Шимун Беньямин. — Ассирийские новости, март 2007, с. 2. — http://www.atranews.com/Khabri%20Atorayi/2008/march_08_screen.pdf.

Шумяцкий Б. 1921а. «Продаются с публичного торга» («Патриотизм русской контрреволюции на службе у того, кто платит дороже»). — Народы Дальнего Востока, № 1, с.165–172.

Шумяцкий Б. 1921б. Коммунистический интернационал на Дальнем Востоке. — Народы Дальнего Востока, № 1, с.19–26.

Шумяцкий Б. 1921в. Холодный ужас средневековья. — Восточно-Сибирская правда. — http://www.vsp.ru/n25000/2005/04/21/434177.

[Шумяцкий Б.] 1921г. Монголия. — Народы Дальнего Востока, № 3, с.410–411.

[Шумяцкий Б.З.] Сергеев. 1921д. Унгерниада. — Народы Дальнего Востока, № 5, с.623–638.

Эйдус Х. 1946. Япония от Первой до Второй мировой войны. М.: ОГИЗ.

Эйльбарт Н.В. 2006. Портреты исследователей Забайкалья. Вторая половина XIX — начало XX века. М.: Наука.

Эрлихман В. 2004. Потери народонаселения в XX веке: справочник. М.: Русская панорама.

Юдин В.И. 1959. У истоков монгольской народной революции (из воспоминаний и документов). — В кн.: Монгольский сборник. М., с.105–125.

Юзефович Л.А. 1993. Самодержец пустыни (феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М.: Эллис Лак.

Юзефович Л. 2009. «Кому тут морду бить» — Частный корреспондент, 18.04.2009 — http://www.chaskor.ru/p.php?id=5442.

Юзефович Л.А. 2010. Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М.: Ad Marginem.

Юринов Б.Д. 1996. Первые зарубежные партнеры. — В кн.: Очерки истории российской зарубежной разведки. Т. 2: 1917–1933 гг. М., с.264–270.

Якимов А.Т. 1952. Монгольская народно-революционная партия — организатор и вдохновитель побед монгольского народа. — В кн.: Монгольская народная республика. М., с.56–100.

Якимов А.Т. 1973. Политработа в народно-революционной армии. — В кн.: Гражданская война на Дальнем Востоке (1918–1922). Воспоминания ветеранов. М.: Наука, с.310–320.

Ярославский Е.М. 1921. Суд над бароном Унгерн-Штернберг. — Советская Сибирь (Новониколаевск), № 195 (555). 11.09.1921.
Ярославский Е. 1922. Барон Роман Унгерн-фон-Штернберг. Петроград: Госиздат.
Яскина Г.С. (ред.) 2007. История Монголии XX век. М.: Восточная литература.
Albertsen K.P. Diaries on the capture of Urga. — Peking and Tientsin Times, 18, 19, 21 March 1921.
Alioshin D. 1941. Asian Odyssey. London — Toronto — Melbourne — Sydney: Cassell and Co., Ltd.
Allsen T.T. 1964. Baron Ungern and Mongolia, 1920–1921. Washington: Univ. of Washington.
Andrews R.C. 1932. The New Conquest of Central Asia. A Narrative of the Explorations of the Central Asiatic Expeditions in Mongolia and China, 1921–1930. New York: Amer. Mus. Nat. Hist.
Appelius M. 2006. La Cosacca del Barone von Ungern. Ed. la Librette di Controra.
[Batbayar B.] Baabar. 1999. From World Power to Soviet Satellite. History of Mongolia. Cambridge: Univ. Press.
Batsaikhan O. 2009. Bogdo Jebtsundamba Khutuktu, the Last King of Mongolia. Ulaanbaatar: Admon.
Biography of the Ninth Khalkha Jetsun Dampa. — http://www.jetsundhampa.com/.
Bisher J. 2005. White Terror: Cossack Warlords of the Trans-Siberian. Routledge, Taylor & Francis.
Bodisco Th. von, Dugin A., Evola J., Fernbach M., Freitag Y., Greiner A.W., Mutti C., Nesmelow A. 2007. Baron Ungern von Sternberg — der letzte Kriegsgott. Straelen: Regin-Verlag.
Bodvai A. et al. 2002. Az antikommunista. Roman Ungern-Sternberg báróról. Valogatott tanulmanyok. Budapest: Nemzetek Europaja Kiado.
Bosshard W. 1949. Kuehles Grassland Mongolei. Zauber und Schoenheit der Steppe. Zurich: Fretz & Wasmuth Verl.
Bullock D. 2008. The Russian Civil War 1918–22. London: Osprey Publ.
Canfield S.W. 1981. Baron Ungern-Sternberg: the Consolidation and Expansion of Communist Party in Siberia. Oriental Research Partners Publ.
Consten H. 1920. Weideplatze der Mongolen im Reiche der Chalcha. Bd. 2. Berlin: Dietrich Reimer (Ernst Wohsen) A.G.
Crisse [Chrispeels D.] 1988. L'Ombre of the damnйs: Ungern kahn. Ed. Vent D'Ouest.
Delorme R. 1967. L'epopee de von Ungern. — Le Miroir de l'Histoire, no. 207, p.55–59.
Deville S. 1968. Les Soldats et les Dieux. Paris: ed. Fleuve Noir.
Dufour P. 1942. L'aventure du Baron Ungern-Sternberg. Mongolie 1921. — Bulleten de l'Universite l'Aurore (Shanghai), ser. 4, t. 3, no. 3, p.599–617.
Easterman D. 1990. The Ninth Buddha. Harper-Collins Publ. (русский перевод: Истерман Д. 1997. Девятый Будда. М.: Олма-Пресс).
Ecker J. 1884. Der «Judenspiegel» im Lichte der Wahrheit, eine wissenschaftliche Untersuchung. Paderborn.
Evola J. [1973] Ungern-Sternberg, el baron sanguinario. — http://arctogaia.com/public/evola/evol-ungern-es.htm.

Forbath L. 1936. The New Mongolia, as Related by Joseph Geleta. London–Toronto: W. Heinemann Ltd.

Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. 1930. Goerlitz. — http://mdz2.bib-bvb.de/~mdz/.

Gilbert R. 1921. Major Dackray's story of Urga. Baron Ungern and Mongolian independence: Hutuktu as Emperor. — North China Herald, 26.03.1921, p.793.

Gizycki K. 1929. Przez Urjanchaj i Mongolje. Lwow — Warszawa: wyd. Zakladu Nar. im. Ossolinskich.

Goulaine R. de. 2006. Les Seigneurs de la Mort. Table Ronde.

Greiner A.W. 2007. Unbeugsamer Wille und Unerschrockenheit. — In: Bodisco Th. von. Dugin A., Evola J., Fernbach M., Freitag Y., Greiner A.W., Mutti C., Nesmelow A. 2007. Baron Ungern von Sternberg — der letzte Kriegsgott. Straelen, S. 22–28.

Guenon R. 1938. — http://jm.saliege.com/ungern1.htm.

Guenon R. 1978. Recuelles in le Theosophisme. — Editions Traditionnelles (Paris), p.411–414.

Guenon R. 2003. Theosophy: History of a Pseudo-Religion. New York: Sophia Perennis.

Guenon R. 2006. — In: Le Baron von Ungern vénéré dans les temples mongols. — http:/members.tripod.com/thompkins_cariou/id81.html.

Haslund H. 1934. Tents in Mongolia (Yabonath). London: Kegan Paul.

Ignota. 1922. Роман Николай Унгерн-Штернберг. — Русская мысль, № 1–2, с.330–331 (переиздано в кн.: Кузьмин, 2004).

Jagielski S. 1947. Ostatnia taemnica Ferdynanda Ossendowskiego. — Przekroj, no 102.

Järvakandi mois. — http://www.mois.ee/harju/jarvakandi.shtml.

Kasanin M. 1973. China in the Twenties. Moscow: Central Dept. of Oriental Literature.

Krauthoff B. 1938. Ich befehle. Kampf und Tragoedie des Barons Ungern-Sternberg. Bremen: C. Schoenemann Verl.

Keyserling H. 1958. Reise durch die Zeit. Bd. 2. Abenteuer der Seele. Darmstadt: Holle. — http://www.schuledesrades.org/palme/schule/reise/?Q=4/7/44/0/0/1/44.

Lattimore O. 1955. Nationalism and Revolution in Mongolia. Leiden: E.J. Brill.

Lattimore O. 1962. Nomads and Commissars: Mongolia Revisited. New York: Oxford Univ. Press.

Lattimore O., Isono F. 1982. The Diluv Khutagt: Memoirs and autobiography of a Mongol Buddhist Reincarnation in religion and revolution. — Asiatische Forschungen, Bd. 74. S.1–283.

Letters captured from Baron Ungern to Mongolia. Reprinted from Pekin and Tientsin Times (Original orthography and style maintained). 1921. Washington.

Levitt M.C. 2006. Notes on an Expedition to the Semeiskie of Transbaikal. — http:/www.usc.edu/dept/las/sll/levitt/ml_siberia16.htm).

Mabire J. 1973. Ungern, le Baron Fou. Paris: Ballard.

Mabire J. 1987. Ungern, le Dieu de la Guerre. Paris: Art et Histoire d'Europe.

Mabire J: 1997. L'héritier Blanc de Gengis Khan. Rouen: Ed. Veilleur de Proue.

Majer Z., Teleki K. 2006. Monasteries and Temples of Bogdyn Khuree or Urga, the Old Capital City of Mongolia in the First Part of the Twentieth Century. Ulaanbaatar. — http://www.mongoliantemples.net/images/pdfs/OLDUBWEB%202008.pdf.

Maulin O. 2008. En Attendant le Roi du Monde. L'Esprit des Péninsules.
Michalowski W.St. 1977. Testament Barona. Warzsawa: Ludowa Spoldzielnia Wyd. — ed. 2: 2000: Amber.
Middleton N. 2000. Baron von Ungern-Sternberg. The Bloody Baron of Mongolia. London: Short Books Ltd.
Middleton N. 2001. The Bloody Baron: Wicked Dictator of The East. London: Short Books Ltd.
Mutti C. 2000. Un eurasiatista a cavallo: Ungern Khan. — http://www.centrostudilaruna.it/ungernkhanmutti.html.
Ossendowski F. 1922. With Baron Ungern in Urga. — Asia, v. 22, no. 8.
Ossendowski A.F. Raport o sytuacii politycznei a Mongolii. — Muzeum Literatury Warszawa, no. 4211 (частично опубликован в русск. перев.: Кузьмин, Рейт, 2008).
Ossendowski A.F. Notatnik. — Muzeum Literatury Warszawa, no. 4210 (частично опубликован в русск. перев.: Кузьмин, Рейт, 2008).
Palmer J. 2009. The Bloody White Baron. Basic Books Publ.
Pozner V. 1937. Le Mors aux Dents. Paris: Denoel.
Pratt H. 1996. Corte Sconta detta Arcana. Edizione Lizard (более известный во французском: Corto Maltese en Siberie, английском и др. изданиях).
Quenoy P. du. 2003. Warlordism a la russe: Baron von Ungern-Sternberg's anti-Bolshevik crusade, 1917–21. — Revolutionary Russia 16, no. 2, p.1–27.
Quenoy P. du. 2006. Perfecting the show trial: the case of Baron von Ungern-Sternberg. — Revolutionary Russia 19, no. 1, p.79–93.
Reitwiesner W.A. 2007. The Ancestors of Roman, Baron von Ungern-Sternberg (1885–1921). — http://www.warg.com.
Remsu O. 1999a. Kindralleitnant Robert Roman Ungern-Sternberg: Hiiumaa Parun, oli Maplima Varandus Niskes Tahtis Vallutada Europa. Haapsalu: V. Pinn
Remsu O. 1999b. Ungern-Sternberg — sojajnmal. Tallinn: Virgela.
Rönnquist R. 2006. Baron Ungern, Mongoliets Härskare. Helsinki: Litorale.
Sable E. 2006. Baron Ungern: qui suis-je? Pardes.
Sandag S., Kendall H.H. 2000. Poisoned arrows: The Stalin-Choibalsan Mongolian Massacres, 1921–1941. Boulder, Co: Westview Press.
Savelli D. 2010. [Анализ публикаций о Р.Ф. Унгерне, вопросов об Агарти и Царе мира]. — Politica Hermetica (Lausanne), v. 23, p.123–135.
Stafford S. 1935. The Tragedy of the Assyrians. London.
Sunderland W. 2005. Baron Ungern, toxic cosmopolitan. — Ab Imperio, no. 3, p.285–298.
Sunderland W. 2008. The last of the white moustaches recent books on the anti-Bolshevik commanders of the East. — Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History, no. 3, p.595–607. — http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/zeitschriften/id=403&count=1&recno=1&ausgabe=4333.
Tichonov V. 1938. The Mountains and the Stars. Publ. Little Brown.
Ungern-Sternberg A. Roman Baron Ungern-Sternbergs Lebensgeschichte. — Eesti Ajalooarchiv, Bibliothek des Ungern-Sternberg-Archivs, fond 1423, nimitsu 1, sailik 192, leht 1–13 (14–24); sailik 191, leht 4; , fond 1423, nimitsu 1, sailik 191, leht 1–3.
Uradyn E.B. 1998. Nationalism and Hybridity in Mongolia. Oxford: Clarendon Press.
Volkov B. 1931. A descendant of Genghis Khan. — Asia, no. 11.

[Wartberge H. von]. 1864. Die livlandishe Chronik Hermann"s von Wartberge. Aus dem Lateinichen ubersetzt von Ernst Strehlke. Berlin und Reval. — русск. перев.: Герман Вартберг. Ливонская хроника. — http://lib.ru/INOOLD/BALTIA/livonia.txt

Who is who in China. — http://www.archive.org/stream/whoswhoinchinaco00poweuoft/whoswhoinchinaco00poweuoft_djvu.txt.

Wright R.L., Digby B. 1913. Through Siberia: an Empire in the Making. New York: McBride Nast & Co.

Yang S. 2007. A Study of Ungern-Sternberg's Activities in Outer Mongolia (1920–1921). — CETD — Chinese Electronic Thesis & Dissertation Service (на кит. яз.).

Именной указатель[1]

Абахай 35
Авалокитешвара 335
Аввакум 451
Агарков А.П. 123
Агафонов П.И. 145, 393
Агван-Лувсан — см. Джебцзундамба-хутухта Богдо-гэгэн VIII
Азеф 522, 524
Айсинь Гиоро 390, 393
Акинтиевский Константин Константинович 106
Акцинов Владимир 84
Александрович Антонии 81, 361, 382
Александровский 297
Алешин Дмитрий Д. 8, 184, 310
Алтайский (Полозов) Борис Николаевич 285
Алтангэрэл 346, 347
Альбертсен К.П. 211, 415, 417
аль-Кадери Закир 100
Амвросий Оптинский 451
Амос 451
Амурсана 52
Ананда 362
Андриевский 80
Анинга 347
Анненков Борис Владимирович 161, 170, 229, 301, 305, 448, 485, 486
Антонов-Овсеенко Владимир Александрович 27, 303, 416
Анучин Василий Иванович 5, 301, 303
Анчугов 145
Арахуа-бэйсэ 49
Аргутинский-Долгоруков 91
Аримато 230
Аркус («Аргус») 75, 512
Артамонов Тимофей Иннокентиевич 67, 68, 84, 92, 96, 543
Артюхов 170
Ару-харчин-ван 394, 603
Архангельская 238, 369, 370
Архипов Петр Н. 171, 181, 201, 250, 256, 483, 484, 486, 526, 613
Асатиани Михаил Павлович 117
Астахов Федор Алексеевич 265
Аттила 20
Афанасьев Михаил Иванович 99, 101, 130
Афанасьев Федор Михайлович 255, 360
Афицинский М. 90
Ахай-гун Лувсанхайдав — см. Лувсанхайдав Ахай-гун
Ашока 375
Аюуш-гун 436

Бабков Прокопий Лаврович 267, 467
Бабучжав Харчин-гун-бэйсэ 49, 124
Бавудорж 510
Бадамдорж Эрдэнэ-шанцзотба 133
Бадамцэрэн 328
Бадмаев Петр (Жамсаран) Александрович 159
Бадмажапов Цогто Гармаевич 51, 81
Бадрах 446
Баев 84
Базарсад 248
Баир, Баир-гун, Баир-тайджи — см. Баяр-гун
Байкалов К.К. — см. Некундэ (Байкалов) К.К.
Бакич Андрей Степанович 229, 301, 310, 315–321, 472, 483–487, 526
Бакшеев Алексей Проклович 99
Балданцэрэн-гун 502, 503
Балжинням-бэйсэ 194, 438, 510
Балк 274
Балыков Аюши 145, 408
Бангерский Рудольф Карлович 110
Баранов 276
Баранов Ипполит Гаврилович 94
Барановская 398
Баронин Владимир 240, 347
Барымский 316
Бат Баярын 249, 348
Батаров 453
Батархо-гун 52
Батуев 76, 171
Батур Одоныб 379
Батухан Э. (Батуханов Н.Ф.) 223

[1] Не включены те из казненных унгерновцами, кто упомянут только в таблице в главе 17.

Баяр-гун 9, 143, 194, 198, 241, 248, 249
Баяртуев Сергей — см. Баяр-гун
Бебель Август 153
Бегцзэ — см. Джамсаран
Бежанов С.Г. 360
Безродный 174, 222, 235, 256, 288, 308, 312, 409, 410, 449, 525, 527
Безруков 87
Бекович-Черкасский Федор Николаевич (Тембот Жанхотович) 432
Белая Тара 331
Белов Евгений Александрович 43, 46, 70, 110, 401, 548
Беляев 470
Бен 175
Бенарадский 116
Беньковский 132
Беньямин Мар Шимун 72
Бережков 84, 96
Березин 344
Березовский 75, 516, 517
Берман Матвей Давыдович 261, 262, 360, 459
Билэгсайхан Намсрайн 247, 283, 284, 441, 442
Бира Ш. 37
Бирюков К.М. 217
Бишерельту-гун — см. Сундуй Бишерельту-гун
Бширодоноров Ишдэвс Равадан 445
Блохин 11, 165, 241, 250, 255, 259, 290, 305, 307, 309, 316, 369, 519, 522, 588, 593, 611, 614, 615
Блюмкин Яков Григорьевич (Симха-Янкев Гершев) 351, 352
Блюхер Василий Константинович 254, 269, 528
Бобков 611
Бобринский Алексей Григорьевич 172
Богданов Михаил 347
Богдо-гэгэн VIII Джебцзундамба-хутухта — см. Джебцзундамба-хутухта Богдо-гэгэн VIII Богдо-гэгэн IX Джецун Дампа Халха Ринпоче — см. Джецун Дампа Халха Ринпоче Богдо-гэгэн IX
Богданов 347
Боголюбов 300
Бодо Догсомын 145, 207, 223, 323, 346
Бондаренко 31
Боогийн 445
Бордух Д. 198
Борисов Сергей Степанович 145, 360, 446, 467
Бородин 240, 246, 272, 452
Бочкарев 87, 170
Бочков Николай Викторович 204, 322, 449, 464, 465, 467
Брендель Виктор Александрович 106
Бронштейн (Троцкий) Лев (Лейба) Давидович 21, 104, 124, 275, 313, 416, 481, 608
Будберг Алексей Павлович 104
Будда Шакьямуни 326, 375, 594
Букейхан (Букейханов) Алихан Нурмухамедулы 301, 393, 603
Булатов 53
Бумцэнд (Бумацэндэ) Гончигийн 323
Бурдуков Алексей Васильевич 12, 14, 61, 313, 383
Бурдуковский Евгений 75, 76, 78, 89, 231, 28 281, 282, 407, 409, 410, 513, 518, 521, 52 526, 527, 543, 544, 587
Буртман Н.Г. 144
Бурундуков 75
Бушмакин 281, 282
Буянбадрах-гун 455
Бызов П.И. 144
Быков 453
Бямба 285

Вагабаяси 457
Вагин 259, 583
Валенто 550
Вальтер Александр Александрович 55, 56, 61
Вампилун Баяртон Гандалович 130, 131
Ван Сяоцун 310
Ванданов Жалцаб 312, 314, 445, 525, 591
Ванчинов 348
Ванягин 315
Васильев 232, 261, 466, 614
Васильев А.Ф. 59, 123
Васильев Г.Т. 185
Введенский Павел Петрович 71
Вележев (Ведерников) Сергей Георгиевич 360
Вержбицкий Григорий Афанасьевич 106, 119
Вериго Леонид Витальевич 7, 70, 92, 98
Веселовский 238
Веттерштранд 55, 56, 58
Вил Л. — см. Симпсон Л.
Вильдман С. 90
Вильсон Вудро 132
Виноградов В. 161, 246, 280, 360
Витте Елена Петровна 8, 9, 11
Витте Ирина Петровна 237
Витте Петр Александрович 8, 183, 209–212, 220, 261, 370, 372, 474–476, 531
Вишневский 170
Владимиров Н.Н. 216
Владимирский Л.А. 49
Владимирцов Борис Яковлевич 54
Войков Петр Лазаревич 303

Войцехович 220, 238, 258, 259, 369, 377
Войцеховский Сергей Николаевич 103, 104. 609
Волгин А.В. 129
Волков 69, 222, 282, 286
Волков Борис Николаевич 103, 609
Волкова Е. 244
Воллосович М. 129
Вологодский Петр Васильевич 81
Волохов Н.В. 285
Вольфович Лев 134, 219, 232, 260, 398
Воронин Иннокентий Викторович 116, 554
Вотяков 69
Врангель Петр Николаевич 7, 26, 61, 69, 70, 228, 367
Вэй Бо 125
Вяземский Владимир Алексеевич 580

Габишев Ф.Я. 297, 300, 302, 360
Габрик Владимир Григорьевич 123, 541, 555
Гажнуур 446
Гайда Радола (Гайдль Рудольф) 127
Гайлит Ян Петрович 275
Галданов 158, 170, 291, 323, 348
Галимов (или Галипов) 170, 171
Галзаннамжил Бярзанын Далай-хан (Далай-дэрбэт-хан) 316
Галсандаши Джамсаранжавын Егоцзур-хутухта 41, 352, 382
Галсанов 453
Галферова Н.И. 210
Гапон Ф.И. 190
Гармаев 49
Гауэр 175
Гей Владимир Г. 238, 305–307, 489, 494–496, 499–501, 525, 526, 613, 615
Гелета Йозеф 8, 183, 250, 582
Гембаржевский Яков Васильевич 123, 125, 144, 145, 408, 409, 440
Генри Л.Д. 229
Герасимов 170
Гете Иоганн Вольфганг 153
Гива 446
Гижицкий Камиль 14, 96, 220, 236, 257, 363
Гильмандинов 453
Гиммлер Генрих 396
Гимуш 100
Гинтовт-Дзевалтовский (Юрин) Игнатий Леонович 148, 253, 265
Гитлер Адольф 396
Глазков Алексей Александрович 166, 251
Глазунов 175
Глебов Фаддей Львович 291, 292
Глебова Мария Михайловна 92, 547
Глумов 170
Глухарев 127
Го Сунлин 152, 167, 176, 183, 503–507, 527
Гоберник 219
Гойнинген-Гюне Максимилиан 478
Гойнинген-Гюне Оскар-Ансельм-Герман 23, 24, 612
Гойнинген-Гюне Ю. 75
Голиков 127
Голубев 10–12, 30, 61, 201, 238, 282, 369, 421, 586
Голубев Г.П. 174, 175, 259
Гольдберг Иван 467
Гольц 211
Гомбо-Идшин Лхамсурэнгийн 208, 241, 346, 446
Гомбодоржи Тушэту-хан 326
Гомбоев 49, 115
Гомбоев Дампил Хамбо-лама 327
Гомбожав 283, 287, 446
Гомбожав Д. 198
Гомбо-Идшин-гун 153, 162
Гомбосурэн 186
Гомбоцэрэн Да-лама 502, 503
Гончиг446
Гончигцэрэн 328, 366
Гордеев Сергей 130, 222, 307, 526
Горелов 431
Городний Дмитрий Никитич 68
Городюшко Григорий 322, 467
Гочитский — см. Дашипилон Ц.-И.
Гочоо 323
Граве Владимир Владимирович 79, 428
Грайнер А.В. 84, 95, 612
Грамов 297, 460
Грант 110
Грегори К. 369
Гречко 69
Гриднев Вячеслав Васильевич 364
Громов 148, 158
Грюнштейн Карл Иванович 242, 251, 252, 275, 289, 446
Губельман Миней Израилевич (Ярославский Емельян Михайлович) 13, 292, 297, 303, 321, 361, 460, 609
Гудзь Борис Игнатьевич 237
Гуй Фу 78
Гуляев 297, 300, 302, 360, 460
Гун 515
Гурсоронзон-Гомбосурэн Цэцэн-ван 147, 162, 503, 510
Гусевский 103

Гучков Александр Иванович 299
Гущин 114, 115
Гэлэг-Ендон-тушмэл 241
Гэндэн Пэлжидийн (Гендун Боточи) 446
Гэндэнжамц Хин Галин 446
Гюне Макс — см. Гойнинген-Гюне Максимилиан

Давид 452
Давыдов А.Д. 360, 460
Давыдов Тихон Васильевич 245, 297
Дагва 446
Дайчин-ван 289
Далай-Дэрбэт-хан — см. Галзаннамжил Б.
Далай-лама V 326
Далай-лама XII 328
Далай-лама XIII 38, 39, 174, 200, 212, 236, 333–335, 338, 343, 351, 358, 379, 393, 598
Далай-лама XIV 357, 595, 598
Да-лама Гомбоцэрэн — см. Гомбоцэрэн Далама
Да-лама Дашдэндэв — см. Дашдэндэв Да-лама
Да-лама Лувсан-Иши — см. Лувсан-Иши Далама
Да-лама Пунцагдрож — см. Пунцагдорж Далама
Да-лама Цэрэнчимэд — см. Цэрэнчимэд Далама
Дамбадорж 349, 440
Дамби-Джанцан (Джа-лама) 41, 51, 52–54, 58, 61, 62, 64, 346, 359, 383, 384, 539
Дамдинбазар Содномын Джалханцза-хутухта (Джалханцза-гэгэн) 52, 141, 164, 176, 202, 235, 236, 314, 339, 340, 347, 348, 375, 455, 456, 468, 504, 509
Дамдин-Нэрэн 133
Дамдинсурэн С. 401
Дамдинсурэн-бэйсэ Джамсарангийн Манлайбатор 47, 153, 162, 562
Дамдинхишигт 347
Данзан Ажваагийн (Япон-Данзан) 349, 351, 440
Данзан Солийн 145, 147, 223, 349
Данигаг Шаво-гун 445
Даниил 451
Дараната — см. Джецун Таранатха Гунга Нингбо
Дархан 133
Дархан-чин-ван Дондоб-Доржи — см. Дондоб-Доржи Дархан-чин-ван
Дархан-чин-ван Пунцагцэрэн — см. Пунцагцэрэн Дархан-чин-ван
Дарь-эхэ-лама Чойджин-Джанцан — см. Чойджин-Джанцан Дарь-эхэ-лама
Дайчин-ван Цогбадарах — см. Цогбадарах Дайчин-Джонон-ван
Даш 445
Дашдэмбэрэл Джонон-гун 438
Дашдэндэв Да-лама 503, 504
Дашжав Эрдэнэ-шанцзотба 502, 504, 509, 510
Дашзэвгэ 190
Дашипилон (Гочитский) Цыден-Иши 143
Дашцэвэг Ш. 284
Даянчи-лама 53
Дезорцов 114
Дёллердт А. (Штернберг-Дёллердт С., Штернберг) 362
Деникин Антон Иванович 26, 90, 98, 399, 415, 417, 469
Дербер Петр Яковлевич 79, 262
Джадамба Навандоржийн 349
Джа-лама — см. Дамби-Джанцан
Джалханцза-хутухта (Джалханцза-гэгэн) — см. Дамдинбазар Содномын Джалханцза-хутухта
Джалчин-Гомбоцэдэн 56
Джамбал 184, 249, 256, 346, 380
Джампел Намдрол Чокьи Гьялцен (Жамбал Намдол Чойжи Жалцан) — см. Джецун Дампа Халха Ринпоче Богдо-гэгэн IX
Джамсаран 381
Джамсаранжав Дилова-хутухта 339
Джамц-гун (Джамц-бэйлэ) 153, 198, 343, 346, 436
Джамьян Батор-бэйлэ 172, 510
Джамьян Чойдже Таши Палден 326
Джамьян-гун 162, 510
Джамьян-Данзан Саджа-лама 174, 177, 178, 204, 343, 346
Джамьян-Данзан-Дамби-Джамцан Хухэн-хутухта 180, 505, 507
Джамьян-Очир 510
Джанжав 446
Джанхарва 446
Джаргал хара-дзайсан 503
Джебцзундамба-хутухта Богдо-гэгэн VIII 39–42, 47, 48, 50–54, 60, 134, 141–149, 155, 162, 164, 172, 198–208, 212, 220, 236, 237, 241, 243, 257, 262, 263, 282, 291, 293, 302, 312, 316, 325, 327–339, 341, 342, 343, 348–351, 356, 357, 376–381, 383, 386, 394, 395, 402, 420–422, 432, 433, 435, 437, 438, 441, 442, 476, 502–510, 521, 527, 529, 539, 545, 596, 609, 611
Джецун Дампа Халха Ринпоче Богдо-гэгэн IX 356, 357, 597
Джецун Таранатха Гунга Нингбо 326, 330, 595

Джигмэд 446
Джигмэд-гун 162
Джигмэддорж 181
Джонон-чин-ван — см. Цогбадрах Джонон-чин-ван (Джонон-ван)
Джугашвили (Сталин) Иосиф Виссарионович 298, 351, 354, 356, 361, 371, 374, 383, 423, 424
Дзаин-гэгэн Лувсантувдэн Чойджинима — см. Лувсантувдэн Чойджинима Дзаин-гэгэн
Дзанабадзар 36, 326, 331
Дзержинский Феликс Эдмундович 5, 303, 352, 416
Дзыно Павел Корнильевич 97, 219
Дилова-хутухта Джамсаранжав — см. Джамсаранжав Дилова-хутухта
Дитерихс Михаил Константинович 389
Дмитриев 114, 176, 201, 215, 240, 243, 281, 282
Довчин 347
Довчинжамц 510
Догсом Дансранбэлэгийн 145
Докрэй 211
Долбежев (Долбышев) Владимир Васильевич 330
Долгих Иван Иванович317
Доможиров Владимир Николаевич 310, 312, 319
Доморацкий («Домогацкий») Иван Григорьевич 67, 68, 69
Дондоб-Доржи Дархан-чин-ван 326
Дондогдулам Цэндийн Улсын Эхэ-Дагина 331, 340, 508
Дорж 455
Доржжаргал бэйсэ 510
Доржиев Агван 373
Доржпалам Сужэгт-ван 176, 504
Доржцэрэн 505
Достоевский Федор Михайлович 297
Дридзо-Лозовский Соломон Абрамович 608
Дробич Светозар 408
Дроздов 181, 279
Дроздовский Михаил Гордеевич 389
Дуань Цижуй 121, 122, 133, 151, 159
Дугаржав-мэйрэн (Дугар-мэрэн, Ундур-мэрэн, Дугэр-бэйсэ) 171, 174, 188, 241, 288, 323, 505, 507, 568
Дугарсурэн Сэргэлэн-гун 172
Дуденевский 69
Дутов Александр Ильич 90, 97, 315, 318, 485, 586
Дылыков Намдак 130
Дьяков Алексей Львович 416
Дэлин 334
Дэмбэрэл 446
Дэмид 287
Дэмид Гончигийн 511
Дэмчигдонров 424
Дэндэв 445
Дэндэв-гун 346
Дэндэвдорж цорджи-лама 502
Дэрин-чойджин 172
Дэрликов — см. Лувсанцэвэн

Евсеев 89, 101, 105, 258
Евтин 210, 219
Евфаритский 87, 176, 201, 240, 277, 280, 281, 360
Егоцзур-хутухта — см. Галсандаши Джамсаранжавын Егоцзур-хутухта
Ежов Николай Иванович 355
Ездра 451
Екатерина II 172
Елачич Борис Михайлович 305
Енборисов Гавриил Васильевич 112
Еремеев 89, 105, 217, 457
Еремеев А.К. 79
Ермаков Николай Васильевич 215, 233, 465, 466
Ефтин Иван Степанович 10, 216
Еше Дамба Нима 327

Ёрита 229, 230

Жавзан Агван Лувсан Чойджинням Данзан Ванчигбал Самбу — см. Джебцзундамба-хутухта Богдо-гэгэн VIII
Жадовский 83
Жамболон-ван Жигмиджав 12, 173, 197, 208, 241, 259, 316, 342, 343, 352, 435, 436, 443, 444, 505, 609
Жамцарано Цыбен Жамцаранович 129, 131, 549
Жанен Пьер-Тибо-Шарль-Морис 98, 395, 549
Жданов 276, 277, 407
Ждановский 170
Жевченко 516
Железняков Александр Сергеевич 350
Жигжид 446
Жмурко Н.И. 488, 614
Жуйков-Александровский П.Ф. 218
Жуковский Евгений Дементьевич 84, 92, 96, 102
Жуч 130, 134, 258, 260, 457

Забиякин 180, 250, 251, 266, 273, 282

Загорский Михаил Сергеевич 68, 69
Заикин Иван Васильевич 267
Зальца Герман Александер Эдуард 478
Замасщиков 466
Замкин 75
Занин И.И. 277
Заплавный Александр Иванович 311
Зарубин Михаил Мартемьянович 245, 581
Захаров 319
Зая-пандита 308
Зверев 468
Зелыпугин Петр Федорович 166
Зилотин 471
Зимин Василий Васильевич 31
Зиновьев Г.Е. — см. Радомысльский (Зиновьев) Г.Е.
Зоммер — см. Алтайский (Полозов) Борис Николаевич
Зубакин 347

И Тэ Чжун («доктор Ли») 409
Иванов 170, 274, 277, 446, 447
Ивановский 10, 377, 489, 490, 522
Ивановский Константин И. 238, 258, 259, 369, 580
Игнатович 69
Иезекииль 451
Измайлов 138
Иннокентий 243
Иоанн Богослов 450
Иоанн Кронштадский 452
Иоиль 451
Исаак 180, 266
Исаия 452
Иш 347
Ишзав 456
Иш-Очир-бэйсэ 162, 503

Кабанов 79
Каберов Петр Алексеевич 449, 464, 467
Кадышевский 219
Казагранди Николай Николаевич 4, 165, 197, 231, 234, 235, 240, 276, 306, 307, 308, 309, 310, 321, 322, 378, 443, 452, 464–468, 483, 499–501, 525, 526, 593, 610–615
Казаков 62
Казанин (Лотов) Марк Исаакович 152, 353
Казанцев Иван Григорьевич 240, 256, 277, 311–320, 455, 466, 472, 611
Казачихин Владимир Иванович 31, 100, 431, 550
Кайгородов Александр Петрович 4, 314–322, 466, 469–474, 526, 611
Кайгородов Анатолий Макарович 94
Кайзерлинг Альфред 329, 331
Кайзерлинг Герман 8, 24
Кайзерлинг Леония 24
Каландарашвили Нестор Александрович [illegible] 117, 118, 127, 554
Калинин 281, 360
Каменев Л.Б. — см. Розенфельд (Каменев) Лев Борисович
Каменев Сергей Сергеевич 147, 165, 264, 6[illegible]
Кан-си — см. Сюанье
Кануков Харти Бадиевич 207, 345
Каппель Владимир Оскарович 104
Карахан Лев Михайлович 150
Кастерин 277, 278, 279, 290, 586
Катерухин Никандр Алексеевич 116–118, [illegible]–[illegible] 251, 292
Кеберов 221, 308
Керенский Александр Федорович 74, 269, [illegible] 523
Ким Ир Сен 374
Киров Сергей Миронович 4
Кислицин Владимир Александрович 96, 11[illegible]
Кислов Алексей Никанорович 12, 13, 247, [illegible]
Кичигин 161
Кияшко Андрей Иванович 99
Клейман-Муллер Лев Давидович 127, 128
Клингенберг А.Ф. 174, 177, 216, 241, 249, [illegible]–408
Клуге К.И. 580
Князев Николай Николаевич 7, 8, 31, 161, [illegible] 222, 247, 262, 278, 279, 282, 285, 287, [illegible]–370, 379, 380
Кобылин А.А. 49, 50
Ковель 478, 612
Ковенко175, 176
Кожин 87
Козаков Г.А. 608
Козлов Петр Кузьмич 8, 81, 151, 210, 330, [illegible]
Коковин Ф. 258, 259, 364
Кокорин 453
Колаковский Я.В. 299
Колчак Александр Васильевич 80, 81, 90, 98, [illegible]–104, 119, 132, 262, 307, 315, 395, 399, 400, [illegible]–460, 469, 478, 492, 515, 525, 526, 615
Комаровский Николай Михайлович 61, 18[illegible]
Кондаков В.Я. 125, 144, 148
Кондаков Ю. 406
Конфуций 374
Конюкин 466
Корнаков И.И. 185, 583
Коростовец Иван Яковлевич 8, 45, 46, 48, 54, [illegible] 58, 63, 123, 331, 338, 393, 423, 478, 540, [illegible]–

Коротаев Яков Николаевич 269
Корюков (Плевако) 305, 306, 483, 485, 486, 491–500, 614
Косич Д.И. 289
Костромин Андрей Петрович 217, 282, 292, 379
Котельников 216
Котов А.С. 123
Кочетов 322
Кравченко Александр Диомидович 166, 297, 300, 302, 360, 460
Краснощеков Александр Михайлович 248
Крестоков 167
Крутиков М.Д. 144
Крымов Александр Михайлович 70
Ку 529
Кубанцев 214
Кудашев Николай Александрович 78, 79, 90, 99, 134, 150, 429
Кудрявцев Иван Николаевич 297, 300, 360, 460
Кудряшов 77
Кузминский Михаил Николаевич 52, 58
Кузнецов 90, 116, 272
Кузнецова 31
Кузьмин 72
Куклин Михаил Александрович 117
Куликов 513
Кунгарт Карл Осипович 240
Кураев Андрей Вячеславович 383
Курбангалеев М.Г. 85
Куренной В. 49
Куроки Синкэй 112, 404
Куросава Хитоси 112, 140
Кутепов Александр Павлович 389
Кутузов 453
Кучеренко Михаил Иванович 125, 144, 145, 408, 409, 440

Лаврентьев Константин Иванович 209, 217, 232, 312, 397
Лавров 127
Лавров Иван Александрович 11, 209, 210, 212, 261, 262, 369, 372, 573
Лазо Сергей Георгиевич 80, 85, 96, 409
Ламаханов 314
Ламжав-гун 347
Лантратов Иван 347
Ланьи Ференц 80
Лапиньш (Лапин, Лапинь) Альберт Янович 242, 248
Ларев 494
Ларсон Франц Август 47, 330, 607
Ларька 522
Латышенко А. 49, 50
Лауренц 89, 102, 105, 114, 370, 550
Лауренц Преку 102, 550
Лацис Мартын Иванович (Судрабс Янис) 416
Лебедев Евгений Владимирович 116
Левин 526
Левицкий Л.С. 13
Левицкий Петр Петрович 92, 133–139, 587
Ледогоров 317
Лежэ 445
Лейхт 175
Ленин Владимир Ильич — см. Ульянов В.И.
Леонтович 67, 478, 612
Ли 198, 288, 429
Ли корейский врач — см. И Тэ Чжун
Ли Юань 151
Ли Юаньхун 121
Лигдэн 35
Лизота 140
Линшен 133
Лисицын 170
Лисовский Всеволод Игнатьевич 123, 212
Лисовский М.М. 123
Лисовский П.И. 210, 247
Литвинцов 345
Лихачев 471
Лихачев Иван Михайлович 251, 370
Лихачев П.И. 160, 220
Лиховоз Зиновий Кириллович 68, 69
Лобсан Ванбо Джалцан — см. Дзанабадзар
Лобсан Пэлдэн Еше Панчен-лама VI 378
Логунов 177
Лордкипанидзе 135
Лоскутников Иван 344
Лосол Дарьзавын 145
Лохвицкий Николай Александрович 104, 105, 260
Лощенков Д. 137
Лу Чжэнсян 429
Лубсан Балдан Еше 379
Лубсан Вангчук Джигмэд Джамцо 327
Лубсан Чультим Джигмэд Доржи 327
Лувсан 174, 178, 339, 446
Лувсан Дамба Донми 326
Лувсанбалдан 328
Лувсанбалжир 446
Лувсандамба 446
Лувсан-Джанцан 162, 183
Лувсандоной 446
Лувсандонъед 446
Лувсандугар 446
Лувсанжамц 446

Лувсан-Иши Да-лама 328
Лувсан-Очир 287
Лувсантувдэн Чойджинима Дзаин-гэгэн 308, 309
Лувсанхайдав Ахай-гун 256, 328, 455
Лувсанхайдав Чойджин-лама 328
Лувсан-хурч 337
Лувсанцэвэн-ван Гомбожавын (Лувсанцэвэн-тайджи, Цэвэн-тэргун) 143, 171, 172, 174, 201–204, 241, 341, 343, 346, 436, 502, 504, 506, 507, 509, 510
Лувсаншарав Дзайсан-лама 503
Лука 452
Лукьянов 431
Лунъюй 44, 47
Луцкий 409
Лхамсурэн Далхжав Тушэту-чин-ван 438
Лысенко 465, 467
Лысов Василий Тимофеевич 245
Львов 217, 236, 280, 360, 522
Лэжэ 445
Лю Юань 183
Люба Виктор Федорович 52–59, 62, 330, 332, 540, 541, 555, 427, 608
Любимов 84
Любимов А. 289

Ма 183
Ма Хуапай 198
Магсар 445
Магсаржав-гун Наванлувсан Цэдэнгийн (Магсар-хурц) 12, 49, 51, 501
Мадиевский (или Модиевский) 75, 76, 514, 515
Макеев Алексей С. 7, 11, 13, 95, 160, 217, 280, 286, 291, 360, 364, 372
Маклаков 491, 494, 498, 500, 614
Мак-Лоулин 398
Маковкин Александр Евплович 69
Максаржав Сандагдоржийн Хатан-батор 54, 58, 62, 153, 162, 181, 189, 198, 200, 202, 203, 208, 235, 236, 253, 283, 286, 287, 313, 314, 317, 318, 320, 324, 348, 383, 455, 476, 509, 510, 539, 597
Макстенек Отто Иванович 284, 446
Малафеев А.И. 128
Малецкий 457
Малиновский 94
Мамонтов 501
Манджушри-хутухта — см. Цэрэндорж Манджушри-хутухта
Манебков 474
Манлай-батор — см. Дамдинсурэн-бэйлэ Манлай-батор
Маннергейм Карл-Густав-Эмиль 24, 26
Мао Цзэдун 374, 421, 423
Мариупольский Михаил Абрамович 408. 526
Марк 452
Марков 85, 96, 201, 213, 240, 243, 248. 265, 281
Маркс Карл 374
Мартин 468
Мартынов (Мартин) 305, 492, 493, 615
Маруся 309
Маслаков И.С. 125, 144, 145
Макстенек О.И. 360
Матвеев Н.М. 161, 248
Матиясевич Михаил Степанович 242. 248, 266, 275, 289, 360
Матфей 452
Махакала 380
Махно Нестор Иванович 391
Мациевский Георгий Евгеньевич 214, 228. 260, 269, 348
Мацуока 615
Маштаков Иван 280
Мельников Е.Е. 125
Мельников И.Е. 125
Меркулов Николай Дионисьевич 230, 260, 405
Меркулов Спиридон Дионисьевич 230, 405
Микеладзе 92
Миллер Александр Яковлевич 49, 50, 53,
Милюков Павел Николаевич 296
Миняев Петр 430
Мирбах Альфред 75, 299, 479
Миронов 348
Михайлов 30, 84
Михайлов М.М. 310, 311, 312
Михаловский Витольд 13, 359, 362
Михей 451
Мишигдорж Зоригт-бэйсэ 172
Мишустин 500, 614
Мищенко Павел Иванович 26
Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайло 360
Молчанов Виктор Михайлович 26, 84, 1 104, 107, 108
Морголин 242
Мордохович Вениамин 139
Мордоховичи 398
Моров Мелетий Федорович 273
Моцарт Вольфганг Амадей 297
Мошкович И.С. 173
Муликов 472

Мулин Валентин Михайлович 360
Мунгалов 84
Муниц 183
Мункэ 375
Мурчжав-гун 49
Мухаметжанов 272
Мысяков 282
Мэндэбаяр Нэйсэ-гэгэн (Ничи-тойн-богдо) 130–132, 135, 137, 139, 140, 163
Мэргэн-гун — см. Цэрэнвандуй-Бавудорж Мэргэн-гун
Мюллер А.А. 144
Мягмар 446
Мясоедов Сергей Николаевич 299, 612
Мячков 240
Мячков Аркадий 347

Наван 446
Наваннэрэн Цэрэндондовын Цэцэн-хан 171, 172, 445, 448, 505
Наванцэрэн 505
Нагаока 403
Назимова М.Г. 123
Найдан-ван (Найданжав-гун, Найден-гун, Найдан-гун)) 49, 80, 130, 153, 169, 176, 177, 198, 201, 240, 323, 347, 352, 439, 545, 609
Найман-ван 603
Намаки 218
Намжил 284, 287
Намнансурэн Тугс-Очирын 41, 336
Намсаранов 159
Намсрай Мижиддоржийн Эрдэнэ-ван 316, 438, 503
Никитин (Намсрай) 92, 217, 218, 219, 245,
Насан-Тогтохо 48
Наумов 170
Нацагдорж Дашдоржийн 208
Нацов (Шойжелов) Сирен Арабдынович 223
Неволин А.Л. 125
Нейджи-тойн 130
Нейман 177, 178, 195, 275
Нейман Константин Августович 228, 242, 246, 247, 254, 266, 272, 283, 360
Некундэ (Байкалов) Карл Карлович 316, 320, 471, 472
Нелидов А.И. 387
Немцев 278, 288
Немчинов Д. 173, 177, 220, 241, 257, 258, 259
Немысский А.А. 291, 292
Нератов А.А. 427, 608
Нечаев 240, 256, 264, 288, 289
Никитин (Полетико) 311, 312
Никитин Семен Васильевич 166
Николай I 372, 535
Николай II 27, 45, 48, 71, 239, 332, 338, 387, 417, 522
Нилус Сергей Александрович 397
Нитта 457
Номоконов Д.К. 117
Норов 328
Носков К. 614
Носков М.Л. 222, 614
Нудатов 278, 526
Нурхаци 35
Нэйсэ-гэгэн — см. Мэндэбаяр
Нэрэмпил-гун 130, 139, 163
Ню 158

Обухов В. 259, 583
Овдеев 452
Овчинников В.А. 259
Овчинников Г.И. 317
Овчинников Н.А. 234
Оганезов 273
Оглоблин 30
Оглоблин Прокопий Петрович 70
Озеров 280, 281, 360
Ойдов Моих 446
Ойдовдулам 328
Ол-ич Ольгерд 6, 11, 13, 87, 88, 102
Олуфсен («Олсен») Э.В. 258, 409, 607
Ооми 497
Опарин 516
Опарин Владимир Ефимович 297, 298, 302, 321, 361, 460
Орлов Аркадий Александрович 123, 125, 127, 133, 142
Орлов Л.Я. 125, 148
Осима Т. 417
Оссендовский Фердинанд Антони (Антони Фердинанд, Антон Мартынович) 7, 16, 20, 114, 194, 209, 220, 238, 257, 311, 361–363, 369–372, 376, 381, 382, 396, 407, 478, 525, 570, 580, 615
Остапов 170
Островский 237, 246, 247, 279, 281, 282, 288, 291, 292, 372, 580
Осур 84
Охтиньш Андрис (Охтин или Охтин-Юров Андрей Яковлевич) 344
Очир 445
Очиров 185, 247, 281, 282, 291, 452, 580
Очиров Балдандорж 193
Очиров Цэрэн 323, 347, 348
Оя 87

Павел 450, 451
Павел I 372
Павлуновский Иван Петрович 233, 285, 296, 297, 302, 303, 361, 460, 578
Паду 150
Палта-ван 58, 59, 393
Панков (Паньков) 407
Панкратов 453
Панов 259, 584
Панчен-лама 328, 350
Панчен-лама VI Лобсан Пэлдэн Еше — см. Лобсан Пэлдэн Еше Панчен-лама VI
Парняков Пантелеймон Федорович 126, 127, 409
Парняков Федор Александрович 123, 126, 128, 144, 145, 148, 158, 167, 409, 555
Парнякова Милица Федоровна 409
Парыгин Корнилий Иванович 176, 180, 189, 213, 240, 248, 278, 290, 568, 569
Пастор Луи 167
Пейн Роберт 531
Пеняев 408
Пепеляев Анатолий Николаевич 81, 524, 615
Перлин 281
Персандер Жюль Тобиевич 364, 599
Перхуров Александр Петрович
Перцев М. 294
Першин Дмитрий Петрович 7, 11, 123, 151, 152, 180, 213, 249, 286, 305, 314, 371, 380, 410, 479, 612, 613
Петр 451
Петров 140
Пинигин Л.И. 31
Писарев В.В. 166
Пичугин 84
Платон 297
Плевако — см. Корюков
Плясунов 178
Погодаев Андрей А. 160, 218
Поддельский Семен 347
Позднеев Алексей Матвеевич 327, 330
Поздняков Д.И. 613
Полек175, 176
Полетико — см. Никитин
Померанцев234,
Пономарев Ф.10, 11, 363
Попенгут 529
Попов 285, 429, 469, 470, 521
Попов Иван Иванович 93, 161, 305
Попов С.И. 144, 145, 148, 183, 261
Поползухин В.П.229, 311, 312, 313
Постников Сергей Семенович 87
Потапов 309
Преображенский Николай Александрович 2–
Пржевальский Николай Михайлович 151
Пржеволоцкий 429, 430
Прохоров 452
Пу Жунь 51
Пу И 40, 44, 47, 96, 121
Пун Цзи 95
Пунин Лев Николаевич 14, 66
Пунин Леонид Николаевич 7, 14
Пунцаг 247, 250, 335, 382
Пунцаг Базарын 248
Пунцагдорж Да-лама 162, 346, 503
Пунцагравдан баргын-ван 504
Пунцагцэрэн Дархан-чин-ван 164, 176
Пурталис Фридрих 300
Пфефер И. 6
Пятчиков 257

Рабинович 399
Равдан-тайджи 241
Рагча-гун 162
Раддац Эрнест-Август Фердинандович 367
Радомысльский (Зиновьев) Григорий Евсеевич 360, 608
Разенбейн 430
Рар 69
Распутин Григорий Ефимович 417
Рассохин 140
Резухин Борис Петрович 31, 32, 54–57, 60, 84, 92, 103, 113, 136, 137, 161, 162, 176, 178, 180, 181, 184, 185, 193–198, 201, 236, 238, 240, 242–247, 256, 264, 268, 273, 274, 277–283, 286, 288, 307, 241, 342, 433, 436, 443, 444, 448, 449, 465, 566, 575
Рейхберг Георгий Евгеньевич 2, 228
Ренненкампф Наталья-Вильгельмина-Хелен 29
Ренненкампф Павел Карлович 27, 29
Рерих Владимир Константинович 216, 256
Рерих Юрий Николаевич 52
Рибо Н.М. — см. Рябухин (Рибо) Н.М.
Ринчино Эльбек-Доржи Ринчинович 127, 131, 223, 337, 346, 349, 351, 353, 422
Ринчинсамбу 172
Рогов 469
Рожнев 259
Розенбаум 443
Розенфельд (Каменев) Лев Борисович 360
Рокоссовский Константин Константинович (Ксаверьевич) 166, 244, 245, 268, 583
Романенко 430
Романов Михаил Александрович 239, 243, 389, 390

Романов Николай Николаевич 166
Россианов 114
Рудаков 237
Рудых 431
Ружанский 170
Рузский Н.В. 417
Рывкин Оскар Львович 608
Рыскулов Турар Рыскулович 350
Рябухин (Рибо) Никандр Михайлович 8, 9, 11, 13, 138, 175, 238, 241, 244, 255, 256, 277–281, 310, 361
Рябухин Яков 566

Савельев 467
Савельев Николай Антонович 230
Савин 170
Садецки Петер 359
Саджа-лама (Саж-лама, Сачжи-лама) — см. Джамьян-Данзан Саджа-лама
Сазонов Сергей Дмитриевич 43, 48, 66, 71, 387
Салтыков 494
Самбу 164, 192, 333, 503, 504
Самбу Джамсарангийн 192
Самдан 323
Сампилон Даши Сампилович 130
Санаев Темурсан 52
Санжа 192
Саньдо (Саньдова) 38, 39, 40, 42
Сатовский-Ржевский Григорий Григорьевич 386
Сатунин Дмитрий Владимирович 469, 470
Сафир 430
Сафрончик Вениамин Лазаревич 219
Сафьянов 455
Свердлов Яков Михайлович 303, 417, 608
Семенов Григорий Михайлович 2, 7, 8, 14, 42, 61, 66, 70–81, 89–94, 97, 98, 103–106, 109–114, 118, 119, 126–132, 135, 199, 201, 215, 217, 219, 223, 228–234, 239, 259, 269, 281, 292, 298, 358, 369, 372, 401, 403, 405, 408, 428–432, 448, 483, 512–518, 571, 591, 609
Семенов Дмитрий Фролович 71, 72
Сементовский (или Семеновский, Сементковский) И.И. 281, 361
Семешко Гр. 6
Семухин 185
Серафим Саровский 452
Серебренников Иван Иннокентьевич 63, 305
Серебряков 30
Си Лиин 503
Сибирцев 409
Симпсон (Вил) Л. 150, 214
Сиорпас О.И. 312
Сипайло (Сипайлов) Леонид Викторович 114, 193, 221–223, 241, 258, 364, 398, 407–410, 523, 527
Скипетров Леонид Николаевич 98
Скуратов 432
Случайный 10
Слюс 246, 278, 279
Смиренский 258
Смирнов 470
Смирнов Иван Никитич 165, 207, 233, 275, 297, 361, 578
Смирнов Леонид 69, 478
Смолин 558
Смолин Иннокентий Семенович 102
Смольянинов Николай Игнатьевич 359
Смольянников 315
Соболев 170
Соболев Кирилл Леонидович 230
Содномбалжир 455
Сокобин Сэмюэл 211
Соколов 9, 10, 542
Сокольницкий Владимир Юльевич 217, 315–317, 320, 471–473
Соловьев Владимир Сергеевич 129
Соломаха 145
Сондуйжав 446
Сороковиков И.А. 125, 144, 147, 448, 589, 589
Сотников 280
Софония 493
Сперидон 453
Спичников 369
Сретенский103
Сталин И.В. — см. Джугашвили (Сталин) И.В.
Степаненко 222
Степанов В.В. 518
Степанов Разумник Петрович 320
Степовой 430
Стефан 211
Стогний 243
Стрелков А.М. 378
Стригин 311
Строд Иван Яковлевич 118, 554
Суворов Александр Васильевич 265
Судзуэ 129, 140
Сужэгт-ван Доржпалам — см. Доржпалам Сужэгт-ван
Сулейманов Н.М. 184, 185, 210, 375
Сумья-бэйсэ 442
Сундуй Даваагийн Бишерельту-гун (Сундуй-гун) 49, 194, 197, 202, 221, 240, 242, 248, 253, 266, 273, 281, 283, 287, 294, 360, 510–512, 587, 588
Сундэвдоной 446

Сунь Ятсен 43, 44, 46, 394, 397, 482
Сурин 79
Сурэн 446
Сухарев Перфилий 177, 306, 309, 443, 483–486, 611, 613
Сухомлинов Владимир Александрович 62, 299, 427
Сухэ-батор Дамдины 143, 146, 207, 208, 223, 247, 263, 294, 313, 324, 346, 348, 349, 439, 440, 442, 610, 611
Суюшев Филипп 347
Сыробоярский 119
Сыровы Ян 98
Сыромятников 470
Сысоев 170
Сычев Ефим Георгиевич 230, 232
Сычев Константин Иванович 98
Сэргэлэн-гун — см. Дугарсурэн Сэргэлэн-гун
Сэрэнэн 347
Сюанье (Кан-си) 329
Сюй Шичан 122, 148, 160, 506
Сюй Шучжэн 60, 111, 122, 141, 142, 143, 149, 151, 153, 154, 164, 338, 343, 436, 482, 558
Сюсин 83

Таган Галимжан 85, 100
Тагильцев Д.А. 123, 222
Таиров Рубен Артемьевич 356
Такаянаги 402
Тамаров Л. 77
Тапхаев Дугар 10, 103, 104, 108, 117, 118, 119, 237, 370, 448, 551
Таранатха — см. Джецун Таранатха Гунга Нингбо
Таскин Сергей Афанасьевич 79
Таубе Отто23
Таунли Б.Б. 9
Тачибана 217, 230
Телешев Николай 430, 431
Теребейнин 105, 430
Теребейнина 105
Теренецкий-Климович 87
Терпиловский Борис Робертович 166, 246, 270
Терсицкая Екатерина В. 547
Тизенгаузен Дмитрий Орестович 165, 183, 209, 238, 261, 262, 369, 370, 372
Тилеров 263
Тимофей 450
Тирбах Анатолий (Артемий) Игнатьевич 77, 103, 114, 404, 547
Тобоев 348
Тогон-Тэмур 34
Тогтохо-гун (Тогтохо-тайджи) 48, 153, 181. 200, 343, 380, 609
Токмаков 119
Толстой (или Толстов)280,361, 586
Томашевский 58
Тонких 460
Торновский Михаил Георгиевич 11, 12, 31, 94. 156, 167, 193, 200, 214, 217, 240, 243, 247. 261, 264, 274, 275, 279, 282, 288–290, 359. 460–463, 527, 568, 569, 588, 615
Тоскин 470
Третьяков 469
Трещев 68
Тристао Бьянка 359
Трофимов 453
Троцкий Л.Д. — см. Бронштейн (Троцкий) Л.Д.
Трусов 170
Тубанов Цэрэндаш Жигжидович 171, 174, 177. 178, 188, 243, 323, 329, 342, 347–349, 352. 568
Тубанова Бутыд 171
Тувдорж Зоригт-ван 194, 438
Тувшинбаяр 445
Тувшинбаяр-гун 312
Тугэмэл 52
Тудэв 446
Тумбаир-Малиновский Павел Петрович 89. 93, 97, 539
Тумуржан-гун 51
Тумур-Очир 446
Тухачевский Михаил Николаевич 303, 416
Тушэту-хан Гомбодоржи — см. Гомбодоржи Тушэту-хан
Тыниссон Карл 32, 373, 536
Тырышкин Федос 317, 473
Тэбэкто 350

У Пэйфу 151, 206
Уборевич Иероним Петрович 275
Удинцев 170
Уламбаяр 440
Улсын Эхэ-Дагина — см. Дондогдулам Цэндийн
Ульянов (Ленин) Владимир Ильич 46, 104. 147, 166, 234, 253, 296, 304, 313, 324, 360. 374, 415, 416, 481, 515, 538, 544
Унгаев П.И. 125
Унгерн Ганс (Штернберг Иоганн) 20
Унгерн Рудольф 21
Унгерн-Штернберг (Вимпфен) София-Шарлотта 23, 24, 534
Унгерн-Штернберг Анна Владимировна (Анна-Доротея) 172

Унгерн-Штернберг Арвид 8, 22, 30, 75, 477, 479, 612
Унгерн-Штернберг Вольдемар 21
Унгерн-Штернберг Георг 21
Унгерн-Штернберг Елена Павловна — см. Цзи
Унгерн-Штернберг Карл Карлович 21
Унгерн-Штернберг Клаус 21
Унгерн-Штернберг Константин (Роберт-Эгинхард-Максимилиан) 23, 24
Унгерн-Штернберг Константин Робертович 23
Унгерн-Штернберг Мария-Теодора-Элизабет (Рене) 360
Унгерн-Штернберг Михаил Леонардович 385
Унгерн-Штернберг Отто 21
Унгерн-Штернберг Отто-Рейнгольд-Людвиг 22, 23
Унгерн-Штернберг Павел Леонгардович 21, 25
Унгерн-Штернберг Рейнгольд (Рено) 21
Унгерн-Штернберг Роберт 23
Унгерн-Штернберг Теодор-Леонгард-Рудольф (Федор Робертович) 22, 23
Унгерн-Штернберг Хальза 21
Унгерн-Штернберг Эвальд Эвальдович 23
Унгерн-Штернберг Эрнст 8, 477, 478
Унгерн-Штернберг Эрнст Павлович (Карл-Густав-Эрнст) 299
Ундур-гэгэн — см. Дзанабадзар
Уразов 452
Урм Ксения 430
Усатый Павел Кириллович 92, 429
Усачевский 92
Ухтомский Эспер Эсперович 373
Ушаков 517

Фальский (Горелик) Федор Григорьевич 314
Федоров 282, 361
Федорович 470
Федотьев 219, 433
Фельшин 431
Фергюсон 150
Фердинанд I 21
Ферзен Эрих 478
Филатьев Дмитрий Владимирович 106
Филиппов 238
Филиппов Георгий Георгиевич 309, 311, 312
Филофей 547
Фирсов 406
Франкман 167
Фридрих Великий 372
Фриновский Михаил Петрович 355
Фролов Алексей 347
Фролов Василий 347
Фу Шан 369
Фушенга 80, 130, 131, 135, 136, 139, 558
Фэн Юйсян 152, 154

Хабалов Сергей Семенович 29
Хайдуб Тензин Ринпоче 328
Хайсан-гун 51
Ханда-ван 39
Хар Намдан 445
Хара Оцуно 163
Харанов 56, 57
Хас-батор Цэцэгнэрэнгийн 248, 316, 320, 438, 439, 610
Хаскин (или Гаскин) 175, 176
Хаслунд Х. 189, 308
Хатакэяма Коутароу 113, 114, 160, 163, 404
Хатан-батор-ван — см. Максаржав Сандагдоржийн Хатан-батор
Хаусхофер Карл 396
Хемчиг 455
Хигуси 230
Хитрово Александр Дмитриевич 38, 149, 330
Хитун Сергей Е. 173, 217, 279, 369, 406
Хишун Талдандорж 446
Хлебин 307
Хлебников 278
Хоботов 176–183, 194, 221, 237, 240, 244, 278, 279, 288–290, 438, 566, 610
Ходоровский Иосиф Исаевич 297, 302, 361
Хорват Дмитрий Леонидович 76, 78, 79, 90, 127, 429, 512, 513
Хормуста-тэнгри 333
Хорошилова О.А. 14
Хребтов 214
Хребтов М.Г. 123
Хрещатицкий Борис Ростиславович 217
Христина 21
Христофоров В.В. 408
Хубилай 34
Хува В.А. 344
Хурэл 192
Хухэн-хутухта Джамьян-Данзан-Дамби-Джамцан — см. Джамьян-Данзан-Дамби-Джамцан
Хушиктэн-лама 172

Цаган Дарь-эхэ — см. Белая Тара
Цаганжапов 585
Цао Кунь 151
Царегородцев 170
Цветков 170
Цетлин Ефим Викторович 608

Цзайтянь (Гуан-сюй) 40
Цзайчунь (Тун-чжи) 328, 329
Цзи 94, 95, 96, 429
Цибиков Б. 12
Циркулинский 259
Цогбадарах Дайчин-Джонон-ван 164, 176, 331, 347, 350, 504, 509, 510
Цогхор Намсарай 446
Цонкапа 326
Цукерман 175, 176
Цыбиков 49
Цыбыктаров Санжимитеб Будажапович 123, 125, 144, 408, 409, 440
Цыдыпов Цыден-Еши 80, 94, 99, 130, 131, 133, 135, 430
Цыклауров М.В. 49
Цырельников 55
Цыси 37, 40, 64, 329, 334, 335
Цэвэн Жамсрангийн 337
Цэвэнноров 347
Цэвэн-тэргун — см. Лувсанцэвэн-ван
Цэвээндорж Манджушри-хутухта 597
Цэдэнгалдар 348
Цэдэнсодном 337
Цэнджав 351
Цэндэ-гун 376, 402
Цэрэвсодном 337
Цэрэнвандуй-Бавудорж Мэргэн-гун 172
Цэрэндава Б. 511
Цэрэндорж 248, 349, 445, 504, 509
Цэрэндорж Бэлэгийн 125, 128, 133, 141, 204
Цэрэндорж Самбадондовын Манджушри-хутухта 235, 347, 354, 380, 597
Цэрэндорж хичингуй-гун 504
Цэрэндорж-тайджи 172
Цэрэнпил-гун 476, 611
Цэрэн-Пунцаг 446
Цэрэнчимэд Да-лама 335, 337
Цэцэн-ван — см. Гурсоронзон-Гомбосурэн Цэцэн-ван
Цэцэн-хан — см. Наваннэрэн

Чагдаржав Дамбын 145, 147, 440, 455
Чагдур 347
Чадарвал 347
Чайванов Владимир Николаевич 49, 124, 144, 145, 163, 167, 183
Чайковский Петр Ильич 297
Частухин 280, 361
Чекеи И. 22
Чембулов 473
Чепров469
Черемисинов Григорий Михайлович 254, 361
Черкашин 170
Чернов 174, 175, 521
Чефранов Милий 555
Чжан Куйу («Чжан Куню») 93, 95, 96, 111, 149, 171, 220, 232, 253, 290, 291, 292, 347, 405, 518, 548
Чжан Сюнь 121
Чжан Сюэлян 152
Чжан Цзолинь 93, 95, 131, 134, 135, 140, 152, 160, 204, 206, 228, 229, 231, 346, 372, 394, 429, 448
Чжанчжа-хутухта 52
Чжоу 194, 198
Чибисов 237
Чижов И.Д. 215, 243
Чимэд-Цэрэн 49
Чимэддорж-бэйсэ 202, 510
Чингис-хан 34, 35, 325, 361, 389, 390, 421
Чичерин Георгий Васильевич 125, 147, 165, 166, 253, 295, 351
Чойбалсан Хорлоогийн 12, 143, 144, 146, 207, 221, 223, 247, 249, 265, 294, 308, 323, 324, 351, 355, 356, 440
Чойджи Вангчуг Принлей Джамцо 327
Чойдог Б. 511
Чойджин-Джанцан Дарь-эхэ-лама 241
Чойджинжав А. 511
Чойджин-Чултэм 446
Чойдог Б. 511
Чойр-лама 186
Чопян 356
Чу Лицзян 153, 159, 162, 165, 167, 183, 191, 437, 503, 506
Чултэм-бэйлэ 311, 445, 510
Чулун 446
Чунин 91
Чупров 96
Чупров Дмитрий Матвеевич 139
Чурин 170, 469
Чуцкаев Сергей Егорович 361
Чэнь И 59, 60, 124, 128, 133, 134, 141, 142, 148, 153, 154, 158, 159, 164, 167, 171, 175, 176, 178, 182, 183, 199, 339, 340, 504–506
Чэнь Лу 60, 134

Шагдар 445
Шадарбал 124
Шадрин М.А. 79, 80, 84, 92, 129
Шайдицкий 101, 115, 116, 219, 370, 372, 433, 549, 609
Шалашов 312
Шамов Семен 215

Шар Дэндэв 284, 287
Шарав Балдугийн 337, 401, 446
Шаристанов 105
Шароглазов Иннокентий Хрисанфович 78, 79, 428, 429, 544
Шастин 368, 599
Шастин Павел Николаевич 599
Шафикдинов 453
Шацкин Лазарь Абрамович 608
Швалов 515
Швец 165
Швецов 161
Швецова 259
Шевель 280
Шевченко 258, 260
Шейнеман 144, 148, 183, 408
Шелканов 212
Шеломенцев 286, 286, 587
Шеломенцев Константин 587
Шеломенцев Петр 587
Шерстовы 468
Шестаков 30
Шестакович 274
Шильников Иван Федорович 79, 269, 347, 348, 369, 398, 607
Шимков 468
Ширендыб Базарын 12, 376
Ширнэндамдин Цэрэндоржийн Эрдэнэ-джонон-ван 133
Широких 124
Шишилихин 285
Шишкин 315
Шишмарев Яков Парфеньевич 330
Шмац 431
Шорин Василий Иванович 105
Шпигель 308
Штанько 452
Штейн 314
Штенбок К.М. 22
Штефан 175
Шубин А.П. 321
Шубин Андрей Иванович 4, 215, 232, 321, 322, 449, 463–467, 525, 526, 593, 611
Шумяцкий Борис Захарович 5, 13, 207, 242, 247, 264, 295, 306, 313, 361, 456, 458
Шухэрч 445
Шэн Чэнцзай 198
Шэн Юнь 393, 394

Щапов А.Д. 123
Щербатской Федор Ипполитович 330, 334
Щербитов 470, 471, 473
Щетинкин Петр Ефимович 15, 16, 166, 242, 244, 254, 264, 266, 268, 270, 272, 280, 282, 283, 284, 286, 287, 294, 308, 311, 352, 361, 468, 583

Элиа Ага Петрос (Петр Эллов) 72
Энгельгардт-Езерский Б.К. 257
Энгельс Фридрих 374
Энь Цзе 38
Эпов 75, 259, 512
Эрдэнэ 446
Эрдэнэ-бишерельту Дзасакту-хан 445
Эрдэнэ-ван — см. Намсрай Эрдэнэ-ван
Эрдэнэ-джонон-ван Ширнэндамдин — см. Ширнэндамдин Эрдэнэ-джонон-ван
Эрдэнэ-шанцзотба Дашжав — см. Дашжав Эрдэнэ-шанцзотба
Эржэнэ 446
Эригзэн 446
Эюбе 457

Юань Шикай 44–47, 60, 338, 394
Югами 403
Югоцзур-хутухта (Егоцзур-хутухта) — см. Галсандаши Джамсаранжавын Егоцзур-хутухта
Юденич Николай Николаевич 174
Юдин Виталий Иванович 12, 143, 339, 453
Юдин Е.Н. 49
Юдина Лилия Витальевна 12
Юзефович Леонид Абрамович 8, 9, 17, 22, 24, 66, 75, 94, 114, 238, 255, 377, 380
Юмтаров Доржидамба 577
Юнтер Владимир 124
Юнус 453
Юрин И.Л. — см. Гинтовт-Дзевалтовский (Юрин) И.Л.
Юшков 397

Якимов Макар Михайлович 103
Якобсон 399
Ялгусан-хутухта 332
Яма 377
Ямаги 457
Ян Цзэнсинь 59
Янгхазбенд Фрэнсис Эдвард 333
Янжи 192
Янков 186, 195, 240, 267, 307
Янсон Яков Давидович 125, 127, 145
Янчжи 334
Ярин М. 511
Ярославский Е.М. — см. Губельман М.И.

Оглавление

Предисловие 3
Благодарности 19

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Начало 20
Глава 2. Независимость и автономия Внешней Монголии 34
Глава 3. Первая мировая война 65
Глава 4. Азиатская конная дивизия в Даурии 74
Глава 5. Панмонгольское движение и ликвидация автономии Внешней Монголии 120
Глава 6. Освобождение Внешней Монголии 156
Глава 7. Монголия от освобождения до революции 200
Глава 8. Поход Унгерна в Сибирь и революция в Монголии 228
Глава 9. Следствие, суд и расстрел 294
Глава 10. Другие белые отряды во Внешней Монголии 305
Глава 11. Последний великий хан Монголии 325
Глава 12. Легенды и факты 358

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 13. Личные качества 366
Глава 14. Религиозные взгляды 373
Глава 15. Общественно-политические взгляды 385
Глава 16. Отношения с Японией 401
Глава 17. Был ли Унгерн самым жестоким белым генералом? 406
Глава 18. Итоги деятельности Унгерна. Вместо заключения 419

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Документы 426
Мемуары 477

Примечания и комментарии 530
Источники 616
Именной указатель 643

Contents

Foreword 3
Acknowledgments 19

PART I

Chapter 1. Beginning 20
Chapter 2. Independence and Autonomy of Outer Mongolia 34
Chapter 3. World War I 65
Chapter 4. Asiatic Cavalry Division in Dauria 74
Chapter 5. Pan-Mongolian Movement and occupation of Mongolia by China 120
Chapter 6. Liberation of Outer Mongolia 156
Chapter 7. Mongolia from Liberation to Revolution 200
Chapter 8. Ungern's Expedition to Siberia and Revolution in Mongolia 228
Chapter 9. Investigation, Trial and Shooting 294
Chapter 10. Other White Troops in Outer Mongolia 305
Chapter 11. The Last Great Khan of Mongolia 325
Chapter 12. Legends and Facts 358

PART II

Chapter 13. Personal Qualities 366
Chapter 14. Religious Views 373
Chapter 15. Social and Political Views 385
Chapter 16. Relations with Japan 401
Chapter 17. Was Ungern the Cruelest White General? 406
Chapter 18. Results of Ungern's Actions. Instead of Conclusion 419

PART III

Documents 426
Memoirs 477

Footnotes and Comments 530
Sources 616
Index of names 643

Книги Товарищества научных изданий КМК

ИСТОРИЯ

Княгина Ливен. Любовь, политика, дипломатия. *Н.П. Таньшина.* ISBN 978-5-87317-486-7. *2009. 304 с., 24 вкл. Формат 145 x 220 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб.*

Происхождение и юные годы Адольфа Гитлера. *В.А. Брюханов.* ISBN 978-5-87317-470-6. *2008. 640 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 620 руб.*

Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791-1867 гг.). *П.П. Черкасов.* ISBN 978-5-87317-445-4. *2008. 453 с., ил., 32 вкл. Формат 145 x 220 мм. Тв. перепл. — Цена 350 руб.*

Афганистан: заложники времени. *А. Грешнов.* ISBN 5-87317-318-4. *2006. 181 с. в обл., ч/б фото вкл. Формат 165 x 235 мм. — Цена 150 руб.*

Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. *Г.Ю. Любарский.* ISBN 5-87317-079-7. *2000. 449 с. в тв. перепл. Формат 143 x 214 мм. — Цена 200 руб.*

***Планируется**: П.П. Черкасов.* Елизавета и Людовик (в печати).

СЕРИЯ «МИР. ХАОС. ПОРЯДОК»

Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. *И. Валлерстайн.* Пер. с англ. ISBN 978-5-87317-504-8. *2008. 176 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 250 руб.*

Распад государств. *Л. Кор.* Пер. с англ. ISBN 978-5-87317-414-0. *2007. 262 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.*

Финансисты, которые управляют миром. *А. Костон.* Пер с фр. ISBN 978-5-87317-409-6. *2007. 290 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.*

Трагедия России: цареубийство 1 марта 1881 года. *В.А. Брюханов.* ISBN 978-5-87317-386-0. *2007. 657 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 500 руб.*

Нервные люди (очерки об интеллигенции). *А. Кустарёв.* ISBN 5-87317-275-7. *2006. 374 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.*

Хрупкий баланс: четыре века борьбы за господство в Европе. *Л. Дехийо.* Пер. с англ. ISBN 5-87317-221-8. *2005. 314 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.*

СЕРИЯ «СФЕРА ЕВРАЗИИ»

Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. *В.Н. Усов.* ISBN 978-5-87317-367-9. *2007. 454 с., 31 с. ч/б фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 350 руб.*

Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе). *И.И. Ломакина.* ISBN 5-87317-302-8. *2006. 293 с., 164 ч/б и цв. фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.*

История в трудах ученых лам. *А.С. Железняков, А.Д. Цендина (сост.).* ISBN 5-87317-255-2. *2005. 275 с., в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.*

Тибет и Далай-Лама. 2-е изд. *П.К. Козлов.* ISBN 5-87317-176-9. *2004. 137 с. , 89 ил. в тексте, 45 ч/б фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 200 руб.*

Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны. *С.Л. Кузьмин (сост.).* ISBN 5-87317-175-0. *2004. 336 с., 13 ил. в тексте, 92 ч/б фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб.*

Барон Унгерн в документах и мемуарах. *С.Л. Кузьмин (сост.).* ISBN 5-87317-164-5. *2004. 661 с. + ч/б и цв. фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 500 руб.*

***Планируется**: Е.Ю. Сергеев.* Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905 гг. (в печати).

ПСИХОЛОГИЯ

Общая и прикладная этнопсихология. Учебное пособие. *В.Н. Павленко, С.А. Таглин. Пер. с укр.* ISBN 5-87317-215-3. *2005. 483 с. в тв. перепл. Формат 145 x 218 мм. — Цена 200 руб.*

ЖУРНАЛИСТИКА, ПОЛИТОЛОГИЯ

СЕРИЯ «МИРОВАЯ МЕДИАЛОГИЯ»

Современные стратегии британской политической коммуникации. *С.С. Бодрунова*. ISBN 978-5-87317-664-9. *2010. 423 с. в тв. перепл. Формат 145 x 220 мм. — Цена 400 руб.*

Планируется: *А.А. Литвиненко*. Газеты Германии в XXI веке: от кризиса к модернизации (в печати).

ГЕОГРАФИЯ, ПУТЕШЕСТВИЯ

Опустынивание засушливых земель России: новые аспекты анализа, результаты, проблемы. *В.М. Котляков (отв. ред.)*. ISBN 978-5-87317-552-9. *2009. 298 с., 2 с. цв. вкл. Формат 145 x 220 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб.*

Возвращение в Сары-Челек (записки геоботаника). *М.А. Черемных*. ISBN 978-5-87317-467-6. *2008. 281 с, вкл. Формат 143 x 207 мм. В обл. — Цена 180 руб.*

Оценка воздействия на окружающую среду и российская общественность 1979-2002 годы. *А.В. Дроздов (отв. ред.)*. ISBN 5-87317-323-0. *2006. 427 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 280 руб.*

Избранные труды. Том 1. Геохимические потоки в биосфере. *Н.Ф. Глазовский*. ISBN 5-87317-324-0. *2006. 535 с. с портр. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб.*

Под открытым небом. *Б.Б. Родоман*. 2-е изд. ISBN 5-87317-330-3. *2006. 182 с. Формат 140 x 210 мм. В обл. — Цена 100 руб.*

Мэтры глубин: Человек познаёт глубины Океана. От парусно-парового корвета "Челленджер" до глубоководных обитаемых аппаратов. *Л.И. Москалев*. ISBN 5-87317-267-6. *2005. 249 с. Формат 164 x 240 мм. В обл. — Цена 120 руб.*

Многоликая география. Развитие идей Иннокентия Петровича Герасимова (к 100-летию со дня рождения). *Н.Ф. Глазовский (ред.)*. ISBN 5-87317-256-0. *2005. 357 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 200 руб.*

Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблемы России. *Н.Ф. Глазовский (ред.)*. ISBN 5-87317-226-9. *2005. 615 с. Формат 167 x 238 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб.*

В тростниках Прибалхашья (Жизнь и приключения ссыльного натуралиста 1941–1946 гг.). *Б.К. Штегман*. ISBN 5-87317-154-8. *2004. 208 с. с портр. Формат 140 x 203 мм. — Цена 100 руб.*

Пятеро на Рио-Парагвай. Документальная повесть. *В.Н. Танасийчук*. ISBN 5-87317-139-4. *2003. 253 с. + ч/б фото. Формат 143 x 213 мм. В обл. — Цена 100 руб.*

Планируется: *М.В. Бобровский*. Лесные почвы Европейской России: биотические и антропогенные факторы формирования. — *И.Ю. Чернов*. Роль почвы в формировании и сохранении биоразнообразия.

Заказать эти и другие издания (биология, медицина) изд-ва КМК можно по адресу:
123100 Москва, а/я 16 изд-во КМК, Михайлову Кириллу Глебовичу
Комп. почта: mikhailov2000@gmail.com
Интернет: http://avtor-kmk.ru (аннотации изданных книг)
Факс: (495) 629-4825
Тел. (495) 692-5894

Серия «Сфера Евразии»

КУЗЬМИН Сергей Львович

История барона Унгерна: опыт реконструкции
М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. — 659 с., ил., 36 с. вкл.
34 цв. вкл
при участии ИП Михайлова К.Г.

Вёрстка: Т.А. Горлина

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК;
электронный адрес: mikhailov2000@gmail.com
http://avtor-kmk.ru

Подписано в печать 01.11.2010. Формат 70×100/16. Объём 41,5 + 4,5 п.л.
Бумага офсетн. и мелов. Тираж 1000 экз. Заказ № 1759
Отпечатано в ГУП ППП «Типография «Наука» АИЦ РАН,
121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Халат-мундир Р.Ф. Унгерна (ЦМВС № 2/2926; фото: С.Л. Кузьмин).

Детали халата-мундира Р.Ф. Унгерна (ЦМВС № 2/2926; фото: С.Л. Кузьмин).

Летний мундир Р.Ф. Унгерна (Минусинский региональный краеведческий музей, № 8470; ОФ 6502; фото: Е.М. Лясковская).

Знамя Азиатской конной дивизии (собрание М.Ю. Блинова).

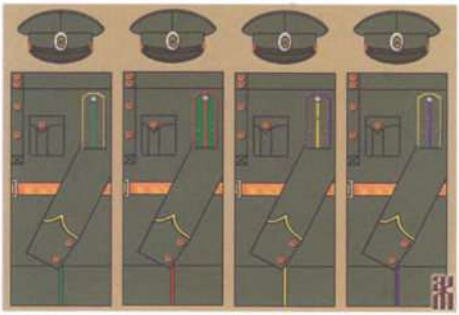

Знамя А.С. Бакича (ЦМВС).

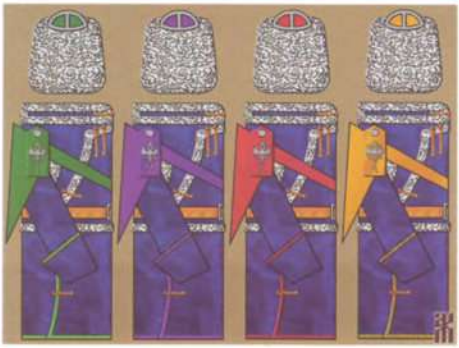
1

2

3

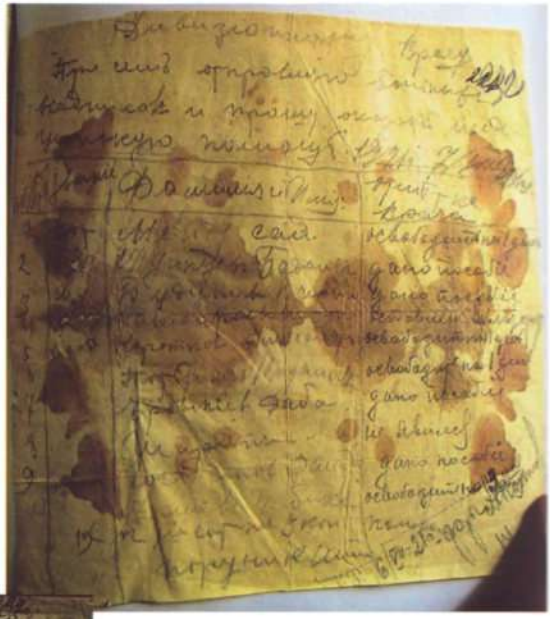

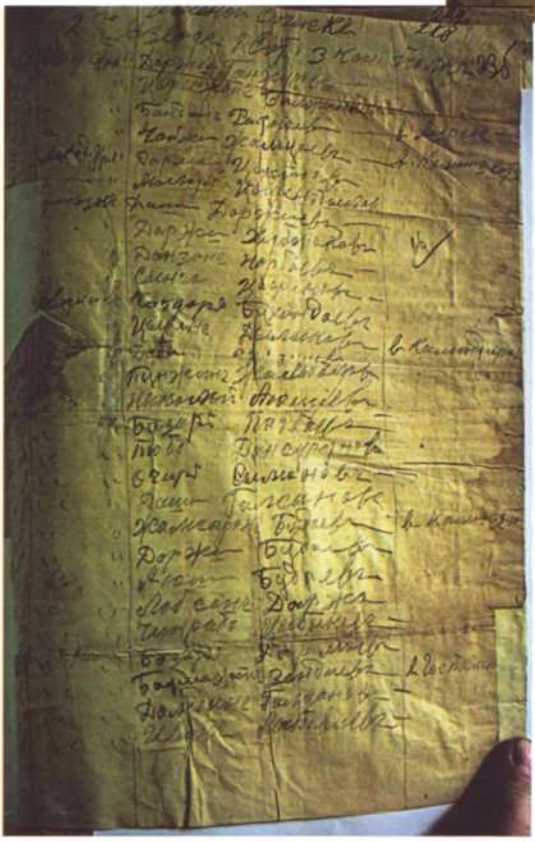
4

Униформы Азиатской конной дивизии (http://kolchakiya.narod.ru/uniformology/Ungern_div.htm).
1 — погоны нестроевых чинов Азиатской конной бригады: мастерских, интендантства, ветеринарных врачей, фельдшеров и санитаров, в соответствии с приказом по бригаде от 22 января 1920 г. (реконструкция: А.А. Каревский); *2* — форма одежды чинов 1-го Татарского, 2-го татарского, Бурятского и Монгольского конных полков, в соответствии с приказом № 154 от 12 февраля 1920 г. (реконструкция: А.А. Каревский); *3* — чины Азиатской дивизии в Нийслэл-хурэ, 1921 г.: всадник татарской сотни (парадная форма), офицер штабной сотни (вариант повседневной формы), забайкальский казак (френч из китайских трофеев) (рис.: А.В. Лебедева); *4* — зимняя форма (верхняя одежда) конных полков Азиатской дивизии в Монголии (реконструкция: А.А. Каревский).

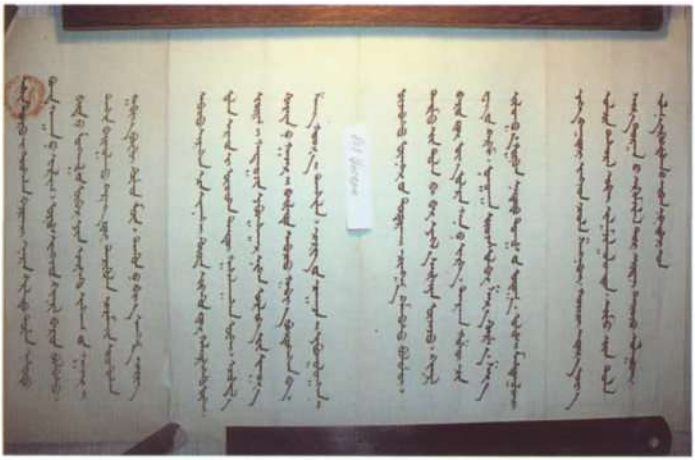

Сапог солдата Унгерна (МТМ; фото: Р. Баяр).

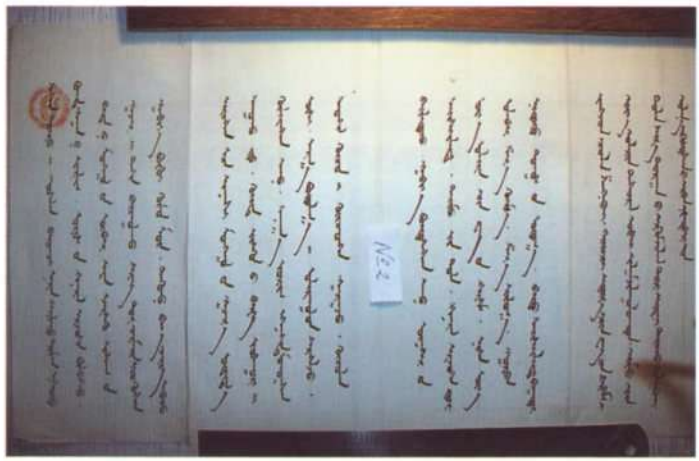

Сопроводительная записка на отправку к дивизионному врачу раненых бурятских всадников. 6–7 июня 1921 г., очевидно, после боев бригады Б.П. Резухина у сел Старые и Новые Енхоры. Бумага с пятнами крови; очевидно, захвачена красными у убитого или раненого унгерновца (РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 232, 235).

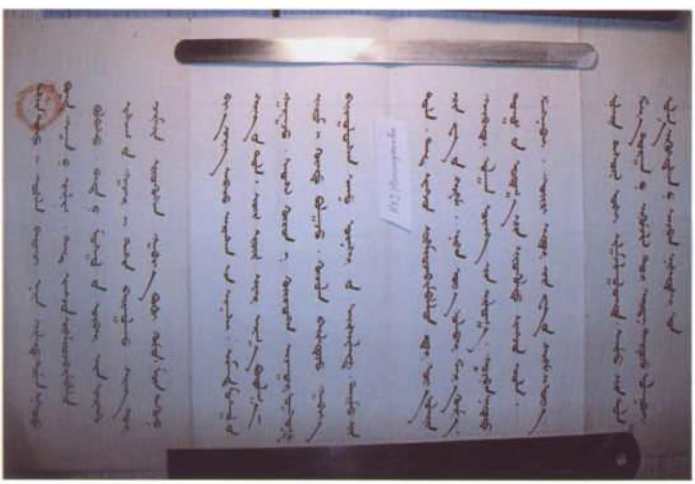

Указы Богдо-гэгэна о награждении Унгерна (*1*), Резухина (*2*) и Жамболона (*3*) (YTA, ф. A173, оп. 1, д. 222).

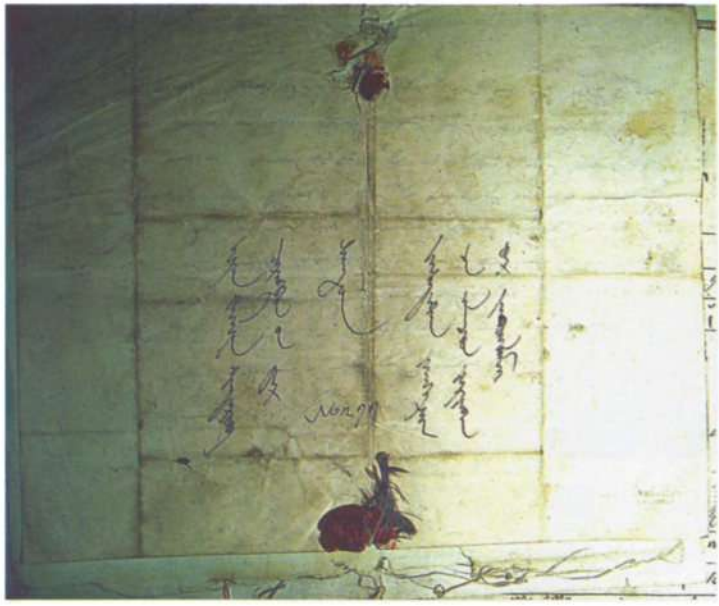
1

2

3

Монгольское письмо с пером в знак быстроты (Архив востоковедов, С.-Петербург).

Гимназия Густава Адольфа, г. Таллин (бывшая Ревельская гимназия Николая I), 2009 г. (фото: Н. Яхонтова).

Иконописные изображения Богдо-гэгэна VIII и его жены Дондогдулам. Дворец-музей Богдо-гэгэна, Улан-Батор (фото: С.Л. Кузьмин).

Изображение Богдо-гэгэна VIII в возрасте 25 лет. Эмаль по металлу. Тираж изготовлен для Внешней Монголии в России по заказу (фото: С.Л. Кузьмин).

Трон Богдо-гэгэна VIII. Дворец-музей Богдо-гэгэна, Улан-Батор (фото: С.Л. Кузьмин).

Корона и халат Богдо-гэгэна VIII. Дворец-музей Богдо-гэгэна, Улан-Батор (фото: С.Л. Кузьмин).

Карета Богдо-гэгэна VIII. Дворец-музей Богдо-гэгэна, Улан-Батор (фото: С.Л. Кузьмин).

Т. Намнансурэн. Портрет в эмали по металлу (фото: С.Л. Кузьмин).

Шапка Манлай-батора Дамдинсурэна (МТМ).

Храм Мэгжид-Жанрайсэг, монастырь Гандантэгчинлин, Улан-Батор, 2008 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Джамсаран. Тханка в монастыре Эрдэнэ-Дзу (фото: С.Л. Кузьмин).

Знамя командующего войсками Западного края дэрбэтов и копия печати сайда по контролю и модернизации Западного края, 1914 г. (МТМ).

Знамя офицера монгольского передового полка (МТМ).

Хатан-батор Максаржав в костюме князя (Булган хотын музей).

Сабля и плеть Хатан-батора Максаржава (МТМ).

Фуражка Сюй Шучжэна (МТМ).

Жестокости гаминов. Художник А. Гурсэд (МТМ).

1

2

3

4

Первые монгольские банкноты XX в., выпущенные при Р.Ф. Унгерне. (*1*, *3* и *4* — из коллекции Б. Нямаа, *2* — фото из собрания М.Ю. Блинова).

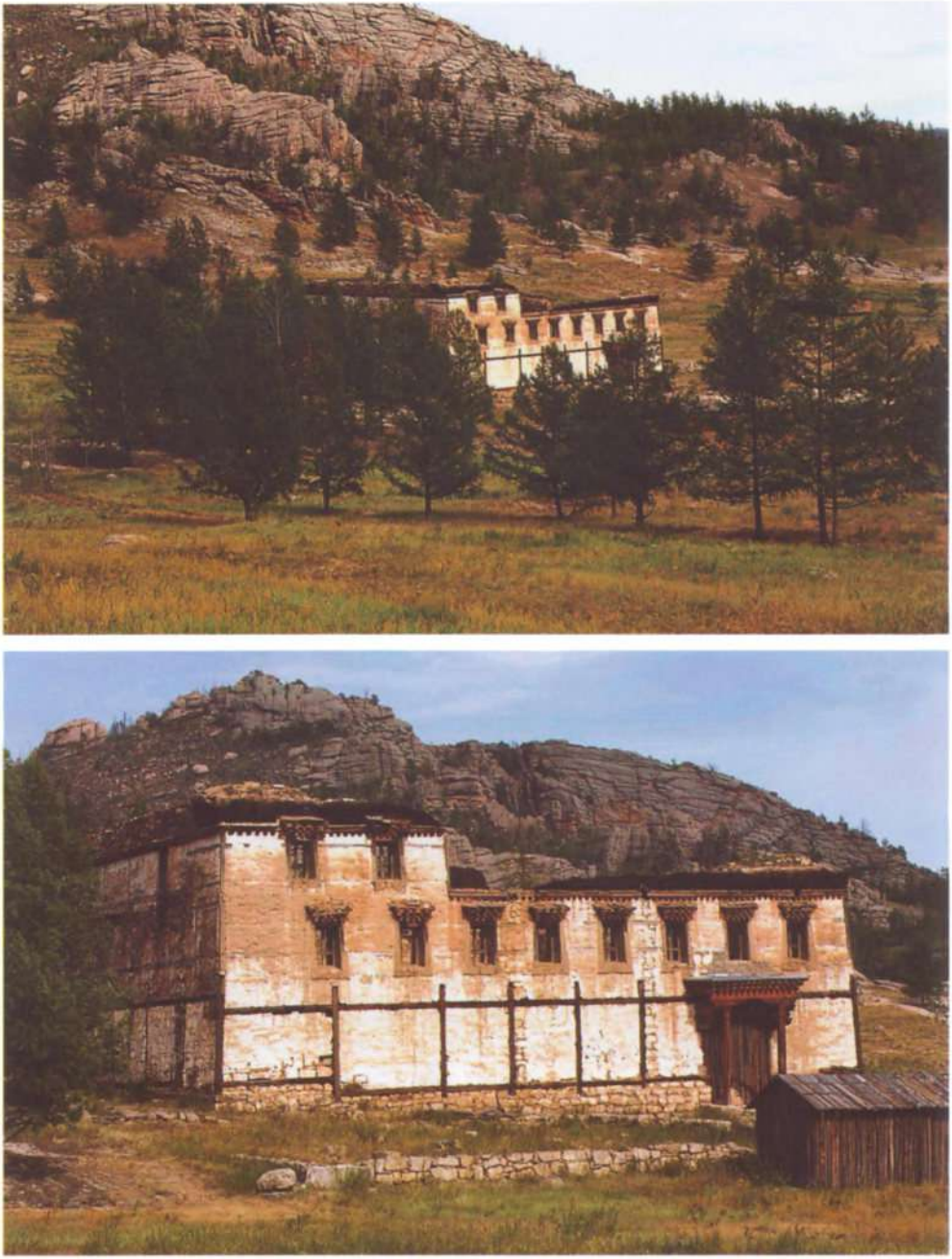

1

2

Монастырь Манджушри-хийд. *1* — до разрушения; *2* — в 2008 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Главный храм монастыря Балдан-Брэйвун (Бревен-хийд), 2008 г. (фото: Don Croner).

Край долины У-Булан у р. Тола недалеко от устья р. Тэрэлджийн-гол, 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Старый Налайх, 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Вид на столицу Монголии с горы Баян-Дзурх, 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Гора Богдо-ула со стороны дворца Богдо-гэгэна, 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Ворота дворца Богдо-гэгэна. Дворец-музей Богдо-гэгэна, Улан-Батор, 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Зеленый дворец. Дворец-музей Богдо-гэгэна. Дворец-музей Богдо-гэгэна, Улан-Батор, 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Дом, в котором жил Богдо-гэгэн VIII. Дворец-музей Богдо-гэгэна, Улан-Батор, 2007 (фото: С.Л. Кузьмин).

Здесь находился дом, в который Богдо-гэгэн VIII был помещен под арест китайцами. Комплекс дворца-музея Богдо-гэгэна, Улан-Батор, 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

1

2

Консульство Российской империи в столице Монголии. *1* — старое здание постройки 1863 г.; *2* — частично перестроенное здание, 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

1

2

Здание «Монголор». *1* — в начале XX в.; *2* — в 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

1

2

Бывший ургинский Маймачен, 2007 г. 1 — общий вид; 2 — последний сохранившийся китайский дом (фото: С.Л. Кузьмин).

Дом, в котором размещался штаб Унгерна. Улан-Батор, у пересечения ул. Самбуугийн и пл. Ялалтын, за бывшим музеем Ленина; раньше это было пересечение Китайской улицы с двумя другими. 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Улан-Батор, р. Улястайн-гол («Улятуйка»), 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Гора Махура-толгой («Мафуска»), 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Последний дом российского колониста, сохранившийся в Улан-Баторе. 2007 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

«Генеральская сопка» в районе устья р. Харухын-гол, которую занимал Б.П. Резухин. 2008 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

1

2

3

4

Гора Хурум («сопка Торновского»), 2008 г. (фото: С.Л. Кузьмин). *1* — вид сверху на р. Тола в ту сторону, откуда шли гамины (перед гребнем на горизонте — Харухын-гол); *2*, *3* — предположительно укрытия, сложенные белыми из камней; *4* — остатки старого тележного колеса.

1

2

3

Сопка Талын-Улан-хад, сомон Лун, центральная Монголия, 2008 г. (фото: С.Л. Кузьмин). *1* — сопка и степь перед ней, где были перебиты китайцы; *2* — место на ее вершине, откуда вели огонь китайцы; *3* — находки в этом месте.

Памятник на месте расстрела женщин китайскими солдатами в районе Чойр. На гласит: «Посвящается памяти 100 расстрелянных матерей. 30.06.1976» (а Ж. Нэргуя).

Памятник жителям с. Укыр, убитым белыми (Levitt, 2006).

П.Е. Щетинкин. Памятник в Улан-Б торе, просп. ЭнхТайвны, напротив п Сухэ-батора, 2008 г. (фото: С.Л. Кузь мин).

1

2

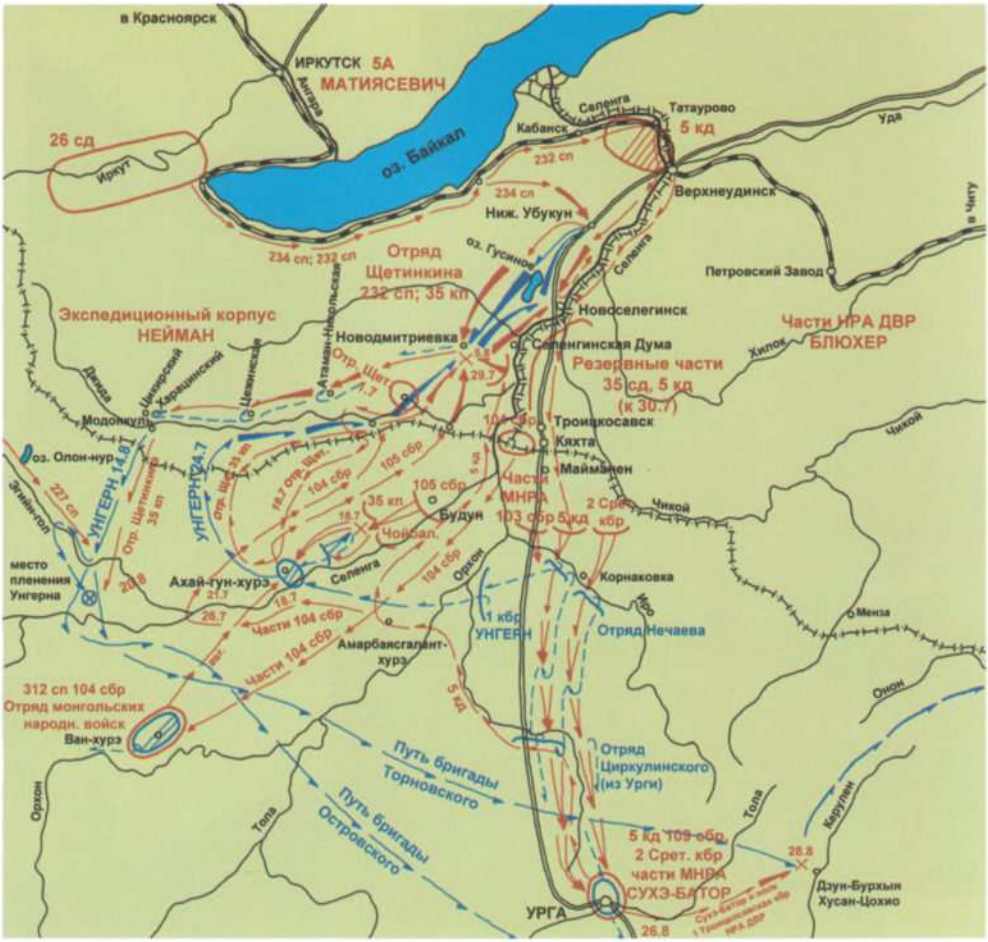

3

Кяхтинский Маймачен. *1* — старая фотография; *2, 3* — в 2008 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Действия бригады Б.П. Резухина в мае–июне 1921 г. (по Фролову, 2001, с изменениями).

Действия Азиатской конной дивизии в июле–августе 1921 г. (по Фролову, 2001, с изменениями).

Место последнего боя бригады Азиатской дивизии, которую вел М.Г. Торновский в Маньчжурию. Центральный аймак, сомон Мунгун-Морьт, местность Дзун-Бурхын Хусан-цохио. На снимке панорамы – памятник с правой стороны в форме белого квадрата (архив Ж. Нэргуя). Памятник с надписью: «Осенью 1921 г. солдаты Сухэ-батора разгромили белых». Барельеф частично разбит ударами или выстрелами (фото: Don Croner).

1

2

3

Сад Сосновка в Новосибирске. *1* — в начале XX в. (из альбома М. Моторина — Е.А. Князева — http://gorod-nsk.narod.ru/list3.html); *2*, *3* — в 2009 г. (фото: С.Е. Чернышев).

Е.М. Ярославский. Карикатура, распространявшаяся после XV съезда ВКП(б) «левой оппозицией» (ru.wikipedia.org).

Распространенная оценка деятельности красных в современной Монголии. Селенгинский аймак (фото: С.Л. Кузьмин).

Е.М. Ярославский. Мемориальная доска (Москва, Романов переулок, д. 3, строение 1; фото: С.Л. Кузьмин).

Р.Ф. Унгерн в возрасте семи лет (Michalowski, 1973).

Р.Ф. Унгерн «лицеист» (возможно в период учебы в Морском кадетском корпусе) (Князев, 1942).

Р.Ф. Унгерн в форме вольноопределяющегося 91-го пехотного Двинского полка, 1905 г. (Michalowski, 1973).

Р.Ф. Унгерн вскоре после производства в хорунжие, 15 июня 1908 г. (? (... фотографии предоставила фирма «М... ты и медали», Москва).

Р.Ф. Унгерн в мундире Нерчинского казачьего полка (Michalowski, 1973).

Р.Ф. Унгерн в Даурии (РГВА, ф. 395[illegible] о. 1, д. 60, л. 3).

Р.Ф. Унгерн (крайний слева) на допросе пленного И. Деткоу 14-й роты 4-го батальона 57-го ландверного полка, 16 февраля 1915 г. (архив О.А. Хорошиловой).

Р.Ф. Унгерн после пленения — возможно, по дороге из Троицкосавска в Иркутск (ГМИСР, колл.: фото, № 1076/13-8-2).

Унгерн во время допроса в штабе 5-й армии в Иркутске (ЦМВС, фотофонд. 3/3Б981).

Унгерн во время допроса в штабе 5-й армии в Иркутске (ГМСИР, колл. фото, № 19086/135б).

Унгерн во время допроса в штабе 5-й армии в Иркутске (ЦМВС, фотофонд, 3Б4489; ГМСИР, колл.: фото, № 1076/109).

Р.Ф. Унгерн во время суда в Новониколаевске (собрание М.Ю. Блинова и Новосибирский областной краеведческий музей).

С.-Ш. Вимпфен, мать Р.Ф. Унгерна (Князев, 1942).

Леония Кайзерлинг (http:/www.keyserlingk.info/images/May2002/imgD5-16-2002T9-00-48AM463.jpg).

Г. Кайзерлинг (http://www.eha.ee/naitused/baltisaksa_vaade.htm).

Уссурийские казаки Отряда особой важности Л.Н. Пунина. В центре — корнет Козубовский (архив О.А. Хорошиловой).

Леонид Николаевич Пунин (архив О.А. Хорошиловой).

Возможно, Б.П. Резухин (УТА: КГДТ).

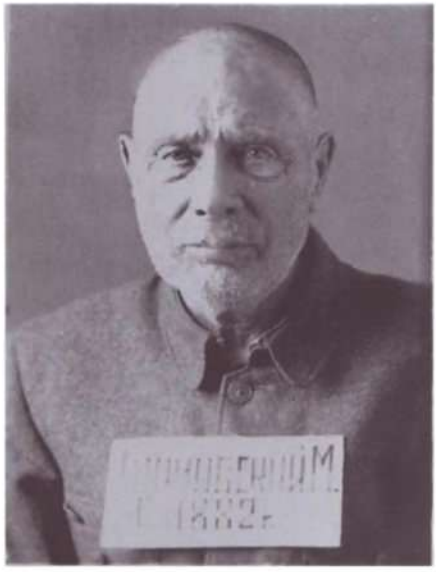
Г.М. Семенов на поезде «Семеновец» в Приморье. (РГВА, ф.40840, оп. 1, д. 28, л. 272).

Группа офицеров и казаков Хамарского полка во главе с полковником Чупровым. Даурия, 1919 г. (собрание М.Ю. Блинова).

Н.Н. Князев (Князев, 1940).

М.Г. Торновский (ГОПАПО, ф. 641-1, оп.1, д. 9027, т. 1, л. 131).

С.Е. Хитун.

С.Д. Россианов (собрание М.Ю. Блинова).

В.К. Рерих (служивший у Р.Ф. Унгерна) с братом и племянником. Слева направо: В.К. Рерих, Ю.Н. Рерих. Н.К. Рерих (МЦР, ф. 1, № 748б (вр.).

В.А. Кислицин (Кислицин, 1941).

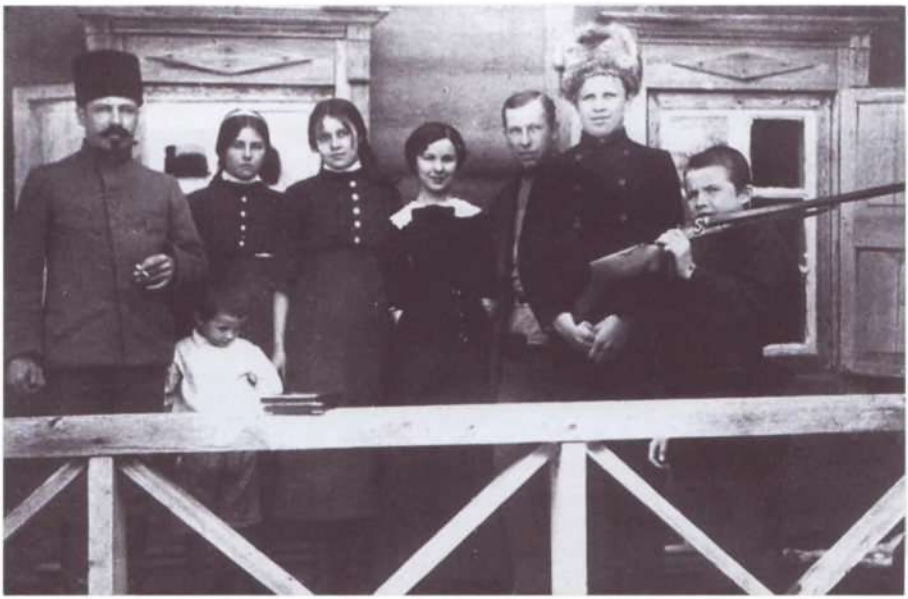
Ж. Жамболон-ван (фото предоставил Ж. Нэргуй).

Е.П. Витте, Б.Н. Волков, В.И. Лисовский (получено от Л.А. Юзефовича).

П.А. Витте (архив В. Хатчер).

Семья Витте, предположительно Нийслэл-хурэ, 1914 г. Слева направо: П.А. Витте, К.П. Витте, Е.П. Витте, неизвестные девушка и юноша, Б.П. Витте, А.П. Витте (с ружьем), рядом с П.А. Витте — младший Володя (архив В. Хатчер).

Н.М. Рибо
(собрание М.Ю. Блинова)

Д.О. Тизенгаузен (Папков и др., 2005).

Н.Н. Казагранди.

Н.Н. Казагранди с группой бойцов Ишимского отряда белых партизан. Ишим, 1919 г. (фото предоставил Е.С. Зашихин).

В.И. Шайдицкий (Шайдицкий. 1963).

В.И. Казачихин (сотник 2-го Аргунского полка: http://www.predistoria.org/index.php?name=Album&file=index&do=showpic&gid=7&pid=399&orderby=ratingD).

Казаки-забайкальцы в Урге. В центре А.И. Шубин (фото предоставил Н.М. Меринов к альманаху «Белая гвардия», № 8: «Казачество России в Белом движении», 2005 – http://a-pesni.golosa.info/grvojna/Foto/belgvard8-dal.htm).

К. Носков, ослепший в результате ранения в бою на перевале Машин-даба (Носков, 1930).

У юрты Г.М. Семенова (ГМСИР, колл.: фото, № 769/333в).

А.С. Бакич в плену у красных (ГМСИР, колл.: фото, № 19082/98).

Солдаты генерала А.С. Бакича после ареста, Кызыл, 1922 (МТМ).

Татары, проживавшие в Нийслэл-хурэ. Фото до 1921 г. (Батсайхан, 2007б).

Белогвардейцы (МТМ).

А.П. Кайгородов (http://irbis.asu.ru/docs/altai/history/rogov/images/images.html).

Богдо-гэгэн VIII в короне и на троне.

Ялгусан-хутухта (YTA: КГДТ).

Монголы с русскими инструкторами под командой А.Ф. Васильева (на коне) (Consten 1920).

Военная школа в Худжир-Булане, Нийслэл-хурэ, 1912 г. (МТМ).

Манлай-батор Дамдинсурэн.

Хатан-батор Максаржав в форме красноармейца (Булган хотын музей).

Баяр-гун.

Дамби-Джанцан (фото: А.В. Бурдуков).

Баяр-гун с охраной, ок. 1913 г. (Consten, 1920).

Чахарский (слева) и хайларский (справа) воины, ок. 1913 г. (Consten, 1920).

Баргутская конница, 1930-е гг. (Bosshard, 1949).

Тогтохо-тайджи (УТА: КГДТ).

Егоцзур-хутухта Галсандаши (фото предоставила Ц.П. Ванчикова).

Манджушри-хутухта С. Цэрэндорж (УТА: КГДТ).

Хухэн-хутухта Джамьян-Данзан-Дамби-Джамцан (слева) и Джамьян-Данзан Саджа-лама (справа) (Институт культуры и образования, монастырь Гандантэгчинлин, Центр буддизма Монголии).

Эрдэнэ-шанцзотба Бадамдорж (YTA: КГДТ).

Джалханцза-хутухта Дамдинбазар.

Дилова-хутухта Джамсаранжав (МТМ).

Г. Лувсанцэвэн-ван (УТА: КГДТ).

Дзаин-гэгэн Лувсантувдэн Чойджинима. Фотография сделана в период репрессий (архив Института истории АН Монголии).

Цэцэн-хан Наваннэрэн (YTA: КГДТ).

Бишерельту-гун Сундуй в возрасте 17 лет. Русская школа в Иркутске, 28 мая 1913 г. (Музей школы в сомоне Хишиг-Ундур, Булганский аймак. Фото предоставил Дашцэвэг).

Дархан-чин-ван Пунцагцэрэн (YTA: КГДТ).

Дугаржав-мэйрэн (слева) и Чойбалсан. С боков стоят телохранители — держатели коня во время боя (морин жолооч) (фото предоставил Ж. Нэргуй).

Сумья-бэйсэ (Сэлэнгэ аймгийн музей).

Б. Цэрэндорж.

А.В. Бурдуков (Бурдуков, 1969).

Б.З. Шумяцкий (МТМ).

К.А. Нейман, начальник 35-й Сибирской стрелковой дивизии, 1919–1920 гг. (ГМСИР, колл.: фото, № ВС4400/4).

К.К. Байкалов (МТМ).

Командный состав 307-го полка, отличившегося при разгроме Р.Ф. Унгерна под Троицкосавском, 1921 г. (ГМСИР, колл.: фото, № 4400/11).

Командный состав Экспедиционного корпуса, действовавшего против Азиатской конной дивизии. Троицкосавск, август 1921 г. (ГМСИР, колл.: фото, № 4400/9).

Отряд красных идет на войну с Унгерном (ГМСИР, колл.: фото, № 4400/2).

Члены суда над Р.Ф. Унгерном в Новониколаевске 15 сентября 1921 г. Выступает Е.М. Ярославский (ГМИСР, коллекция: фото, № 23086/100).

Сюй Шучжэн после отмены автономии Внешней Монголии (МТМ).

Го Сунлин (?) (получено от Л.А. Юзефовича).

Чэнь И (МТМ).

Церемония отмены монгольской автономии Сюй Шучжэном в Нийслэл-хурэ (YTA: КГДТ). Перевод пояснений к фотографии со старомонгольского: «Многими возведенного почитаемым небом 12-го года, 13-й год красного зайца. Место, где дислоцированы маньчжуры. Разъяснение: 1. Шара-хурэ (Желтый монастырь Хурэ). 2. У центральных ворот поставлено знамя Хэ и огонь в виде крестовины. 3. У центральных ворот стоят китайцы, подобно птицам, чтобы поднести портрет китайского президента, дабы он [Богдо-гэгэн] ему поклонился. 4. Впереди стоят шеренгами феодалы, которые отложились к китайцам. 5. С правой стороны стоят шеренгами просто феодалы. 6. Среди желтых храмов монастыря виден высокий дуган Данзан-Ралав. 7. В направлении центральных ворот видно тоно большой юрты — это дом большого бурхана Очирдара. В этой юрте по традиции возводили большой огонь. Внутри Шара-хурэ находится монастырь Дарь-Эхэ, дворец Богдо, дом правительства и много монгольских юрт. 8. Присутствуют китаец Сюй Шучжэн и монгол [неразборчиво] (перевод Ц. Оюу).

Группа китайских военных и монгольских руководителей, подписавших «Коллективную петицию князей и лам Внешней Монголии» (МТМ). Предположительно, в центре Ван Интай, во втором ряду третий слева — Чу Лицзян, в первом ряду второй слева — Б. Цэрэндорж, четвертый — Джалханцза-хутухта.

Бэйянская армия.

Тюрьма в Нийслэл-хурэ (получено от Л.А. Юзефовича).

Форма заключения в империи Цин. Нийслэл-хурэ (получено от Л.А. Юзефовича).

Казнь в империи Цин. Нийслэл-хурэ (получено от Л.А. Юзефовича).

Чжан Цзолинь, слева от него — его сын Чжан Сюэлян, справа — американский советник (ГМСИР, иностр. ф., № 15400/54а).

Шэн Юнь принимает К. Маннергейма и его экспедицию в Ланьчжоу (courtesy of the National Museum of Finland/Finno-Ugrian Society — http://idp.nlc.gov.cn/archives/news30/idpnews_30.a4d).

1

2

3

Поместье Ервакант (http://www.muuseum.harju.ee/Moisad/nim_html). *1* — в 1900 г. (фото: ERM); *2* — после пожара 1905 г. (фото: AM); *3* — современный вид (фото: V. Praust).

Железнодорожная станция Маньчжурия (R.L. Eichelberger Papers, Rare Book, Manuscript, and Special Collections Library, Duke University, с изменениями).

Железнодорожная станция Хайлар (старая открытка).

Взорванная церковь на ст. Даурия (ГМСИР, колл.: фото, № 289а).

Разрушенные казармы на ст. Даурия после отступления семеновцев (ГМСИР, колл.: фото, № 1948/980).

Дом, в котором размещался штаб 5-й армии. Иркутск (открытка 1932 г.).

Разрушение субурганов монастыря Эрдэнэ-Дзу в 1937 г.

Комиссия по конфискации имущества феодалов за работой. Монголия, 1929 г. (МТМ).

Экспроприация имущества феодалов и лам. Монголия, 1920-е гг. (МТМ).

Сфера Евразии

На основе анализа материалов архивов, музеев, литературы и специальных исследований проведена реконструкция истории жизни и деятельности барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга (1885–1921) — белого генерала, одного из самых ярких участников гражданской войне в Забайкалье, Маньчжурии и Монголии, ставшего ключевой фигурой в восстановлении независимости Монгольского государства. В этом контексте обсуждаются установление независимости и автономии Монголии, детство и юность Унгерна, его участие в Русско-японской и Первой мировой войнах, формирование Азиатской конной дивизии, панмонгольское движение, освобождение Внешней Монголии от китайской оккупации, положение Монголии после восстановления государственности, поход Азиатский конной дивизии в Сибирь, революция и гражданская война в Монголии, следствие, суд и расстрел Унгерна, деятельность различных белых отрядов в Монголии, жизнь и деятельность последнего великого хана Монголии — Богдо-гэгэна VIII, а также легенды, связанные с Унгерном, его личные качества, религиозные и общественно-политические взгляды, отношения с Японией и геополитические итоги его деятельности. Прилагаются до сих пор не публиковавшиеся документы и мемуары.

Книга предназначена для историков, политологов, этнографов, востоковедов, студентов вузов и всех, кто интересуется историей России и Монголии.